КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

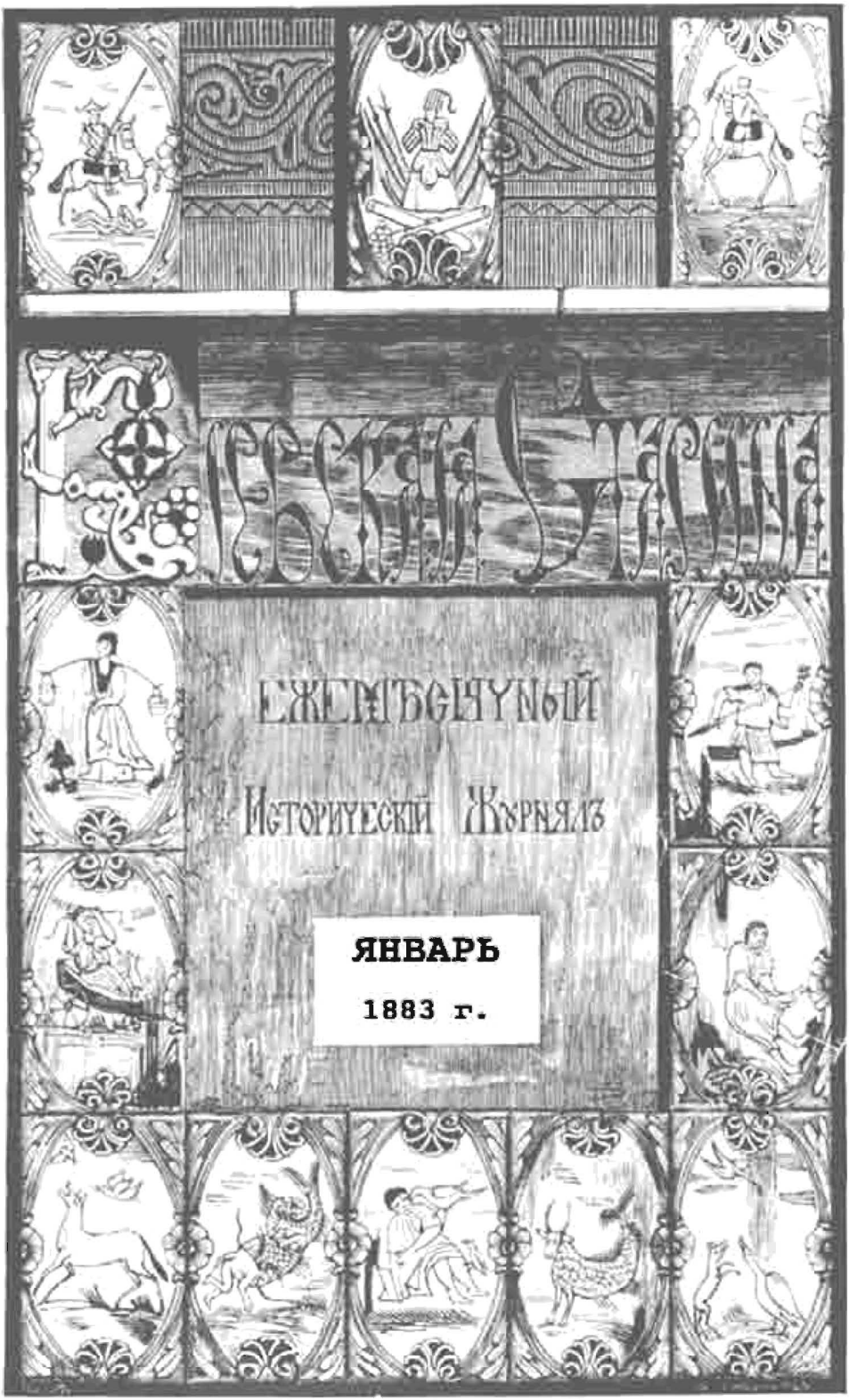
ТОМЪ V.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. дом[illegible]

Библиотека "Руниверс"



Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го марта 1883 года.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ V. 1883 г.

Январь.

стр.

I. ЖИДОТРЕПАНІЕ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА. **И. Н. Костомарова**. . 1

II. ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ). **Ѳ. Кондратовича**. 27

III. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Продолженіе*). **А. Л. Шиманова** 67

IV. ИРИНЕЙ ФАЛЬКОВСКІЙ, коадъюторъ кіевскій. **Г. Булашева** . . . 89

V. ВОЛЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ . . 121

VI. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО (1768—1776 г.). **В. А.** 145

VII. ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА КЪ БР. ЗАЛЕСКОМУ (1853—1857 г.). Сообщилъ **М. Т—овъ** 161

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Isydor Szaranicwicz.—O latopisiach i kronikach ruskich XV i XVI wieku. T. XV. Krakow. 1882.—б) Дренякинъ. — Бѣлгородъ съ уѣздомъ. Историко-статистическій очеркъ. Харьковъ, 1882 г.—в) Сношенія императора Рудольфа съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ угро-турецкой 1594—1592 года. Написалъ Корнило Заклинскій. Львовъ. 1882 г.—г) О Богданѣ Хмельницкомъ, соч. И. П. Буцинскаго. Харьковъ, 1882 г. 8°. 240. 177

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Панъ Янъ Монастырскій.—б) Васильковская таможня и городничіе—монахи.—в) Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Таманн и какія были по сему случаю рѣчи и пѣсни.—г) Городня—мѣсто жидотрепанія XVIII в.—д) Кафельные памятники XVIII вѣка.—е) Сабля Мазепы.—ж) Изгонъ іудеевъ начала XVII вѣка.—з) Украинская злополучница.—и) Украинская гетера.—і) Эпизодъ о памятникѣ Шевченку и его могилѣ—въ полтавскомъ земскомъ собраніи 1882 года 185

При книжкѣ карта Задунайской Сѣчи.

Библиотека "Руниверс"

Февраль.

стр.

I. И. А. КУЛИШЪ И ЕГО ПОСЛѢДНЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. **Н. Костомарова** 221

II. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній). **Ник. Лѣскова** 235

III. ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ). (*Продолженіе*). **Ѳ. Кондратовича** 269

IV. УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ И ЕГО ИЗУЧЕНІЕ. **Дм. Багалѣя** 301

V. ВОЛЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ . . 319

VI. НОВЫЯ СВАДЕБНЫЯ МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія. **Ѳ. Николайчика** 366

VII. ВОСЕМЬ ПИСЕМЪ ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ШЕВЧЕНКА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ. Сообщилъ **С. Пономаревъ** 401

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII вѣкѣ. И. Лучицкаго. (Отечественныя записки. 1882 г. ноябрь).—б) Историческая хронологія харьковской губерніи. Составилъ К. И. Щелковъ. Харьковъ. 1882 г.—в) Буцинскій.—О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882 г. 409

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Второбрачіе южно-русскихъ священниковъ конца XVIII вѣка и его историческіе прецеденты.—б) Двѣ ревизіи (немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ).—в) Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива.—г. Какъ готовили Кремничугъ къ встрѣчѣ имп. Екатерины II.—д) Визитъ Кармелюка.—е) Три псальмы.—ж) Изъ неизданныхъ стихотвореній д-ра Руданскаго. І. Спілка. ІІ. Мазуръ у болоті.—з) Письмо изъ Вѣны о кафельномъ производствѣ въ Галиціи. 429

Мартъ.

I. ЖИДОТРЕПАНІЕ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА. (*Окончаніе*). **Н. Костомарова** 477

II. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ (отрывки изъ юношескихъ воспоминаній). (*Продолженіе*). **Н. Лѣскова** 493

III. СЕМЕНЪ ГАРКУША (1772—1784 г.). **К. Кошовика** 528

IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Продолженіе*). **А. Л. Шиманова** 555

V. ДОПРОСЪ ГРИГОРІЯ ГЕРЦЫКА ОБЪ УЧАСТІИ ЕГО ВЪ ИЗМѢНѢ МАЗЕПЫ 595

VI. ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА КЪ БР. ЗАЛЕСКОМУ (1853—1857 г.) (*Продолженіе*). Сообщилъ **М. Т—овъ**. 611

Библиотека "Руниверс"

стр.

VII. ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ (1833—1834 г.) Сообщилъ **С. Пономаревъ**. 623

VIII. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО (1768—1776 г.). (*Продолженіе*). **В. А**. 630

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Leopold Hauzer.—Monografja miasta Przemyśla. Przemyśl, 1883.—б) Ол. Барвѣньскій. — Исторія Руси. Часть VI. Львовъ, 1882 г.—б) Историческіе, матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Составилъ Ал. Андріевскій. Кіевъ, 1882 г.—г) Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Варшава. 1882 г.—д) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. Черниговъ. 7 ч. 1873 г. 647

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Вертепъ въ Духовщинѣ.—б) Очерки національныхъ типовъ въ украинской народной словесности.—в) Два типа и двѣ сцены изъ минувшей жизни южно-русскихъ монастырей.—г) Лѣтописныя замѣтки. (1651—1749 г).—д) Еще о старинныхъ трактахъ въ южной Россіи.—е) Голосъ запорожскаго депутата во всероссійскомъ собраніи депутатовъ 1768 г.—ж) Новыя извѣстія о старыхъ фигурныхъ изразцахъ.—з) Стихотворный памятникъ нашествія шведовъ на Украйну. 659

Апрѣль.

стр.

I. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ. (*Окончаніе*). **Н. Лѣскова** 691

II. ШПИТАЛИ ВЪ МАЛОРОССІИ. **П. Ефименка**. 709

III. ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ. (*Окончаніе*). **Ѳ. Кондратовича**. 728

IV. ВОЛЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ. . 774

V. ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ. (Письма С. Т. Аксакова и др.). Сооб. **С. Пономаревъ**. 829

VI. ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА КЪ БР. ЗАЛЕСКОМУ (1853—1857 г.) (*Окончаніе*). Сообщилъ **М. Т—овъ**. 853

VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Покажчикъ нової української літератури. Зібравъ М. Комаровъ. Кіевъ 1883 г.—б) Dr. Antoni I.—Niewiasty kresowe. Warszawa 1883. *В. А.*—в) Juljan Zacharjewicz i Isydor Szaraniewicz.—Wycieczka do Załukwi, Halicza i na Krylos. Lwów. 1882. *В. А.*—г) Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Выпускъ I-й. Сост. проф. унив. св. Владим. В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ. 1883 г. 867

III. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Попытка основанія православной архіерейской кафедры въ г. Шемровѣ, въ XVIII столѣтіи. Архим. *Арсеній*.

Библиотека "Руниверс"

стр.

—б) «Отъ чего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ?» —Сооб. *А. Л.*— в) Кіевская пертурбація 1786 г.—г) Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси. *Н. Костомарова.*—д) Письмо Кошевого Осипа Гладкого къ А. А. Скальковскому. Сообщ. *Скальковскій.*—е) Отживающая или начальная форма «Вертепной драмы?» *О. Нч.*—ж) Подлясская злополучница. *N.*—з) Талавиря Сообщ. *И. Машкура.* 883

ПРИЛОЖЕНІЯ: а) Указатель, б) Планъ задун. Сѣчи и в) Видъ Дунавца.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й годъ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться въ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ.**

Библиотека "Руниверс"

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность*, его-же, *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, съ портретомъ живущаго доселѣ запорожца, 120 лѣтъ, и картою Сѣчи, Ѳ. Кондратовича, *Украинскія поселенія въ низовьяхъ Дуная*, его-же. *Анна Алоиза княжна Острожская*, съ ея портретомъ, О. И. Левицкаго, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.*, обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей*, проф. В. Б. Антоновича, *Мнимый бунтъ на Волыни 1789 г.*, его-же, *Изъ бытовой исторіи Малороссіи XVIII в. (по Румянцевской описи)*, Д. И. Багалѣя, *Южно-русскіе архивы*, его-же, *Шпитали въ Малороссіи* П. С. Ефименка, *Очерки изъ жизни Кіева начала XIX ст.*, проф Ф. А. Терновскаго, *Серапіонъ, кіевскій митрополитъ*, его-же, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки*, повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому 1854—1857 г., Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ И. Ханенка, Дневникъ свящ. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Морцѣпанъ и Ганнусковой горѣлки“*, рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.** На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на истекшій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Подписавшимся немедленно высылается полное годичное изданіе—12 книжекъ съ приложеніями.

Библиотека "Руниверс"

Объясненіе виньетки.

Давая книжкамъ нашего изданія въ новомъ году его существованія новую виньетку, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе оной.

Обыкновенно при составленіи виньетокъ для историческихъ и другихъ журналовъ и отдѣльныхъ книгъ прибѣгаютъ къ аллегоріямъ, а самыя аллегоріи или являются плодомъ собственной фантазіи составителя виньетки, или заимствуются изъ древней классической миѳологіи, почему на виньеткахъ фигурируютъ по большей части полуголыя богини, разныя музы, феи, нимфы, для непосвященнаго въ тайну композиціи мало или вовсе не говорящія о томъ, что хотѣлъ выразить художникъ. Мало помогаетъ въ такихъ случаяхъ прибавка къ аллегорическимъ изображеніямъ какого-нибудь памятника изъ области русской исторіи, слабо вяжущеюся съ миѳологіею грековъ.

Ведя наше изданіе въ предѣлахъ мѣстной исторіи, мы предпочли и въ составленіи виньетки придержаться строго исторической почвы и для наглядаго опредѣленія содержанія и задачъ нашего изданія употребить не измышленныя и условныя какія либо изображенія, а историческій памятникъ народнаго художества, представляющій народную жизнь въ томъ видѣ, какъ она воспроизводилась раньше насъ. Такой памятникъ народнаго творчества мы нашли въ случайно сохранившихся старинныхъ малороссійскихъ изразцахъ или кафляхъ. Свѣдѣнія о нихъ помѣщены здѣсь-же въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ“; тамъ любопытствующій и можетъ найти, что означаетъ то или другое изъ помѣщенныхъ на виньеткѣ изображеній. Изъ общаго числа сохранившихся изразцовыхъ фигуръ (56) мы взяли лишь 12-ть, всѣ-же эти фигуры касаются южнорусской жизни средняго періода—между древнимъ княжескимъ и но-

Библиотека "Руниверс"

вымъ послѣ возсоединенія обѣихъ половинъ Россіи, т. е. тотъ періодъ южно-русской исторіи, въ которомъ народная жизнь достигла наибольшаго обособленнаго развитія и изслѣдованіе котораго составляетъ преимущественную задачу нашего изданія. Они охватываютъ собою эту жизнь съ различныхъ сторонъ: со стороны военной и политической, со стороны бытовой и наконецъ съ присущей всегда народной жизни стороны миѳической или легендарной. Такимъ образомъ употребленныя нами для виньетки изображенія даютъ съ перваго взгляда представленіе о томъ, чему посвящено наше изданіе и что въ немъ можно найти. Самыя буквы, употребленныя для заглавія изданія суть памятники также старинной каллиграфіи: начальная *К* взята изъ стариннаго рукописнаго ирмологія, писаннаго въ Каневѣ въ 1635 г. и обязательно сообщеннаго намъ о. Максимомъ Кротевичемъ, всѣ остальныя буквы первой заглавной строки заимствованы изъ древнихъ гродскихъ книгъ Волыни и Подоліи, хранящихся въ центральномъ архивѣ при университетѣ св. Владиміра, а дальнѣйшія мелкія изъ того-же ирмологія.

Заговоривъ о кафляхъ, послужившихъ намъ матеріаломъ для виньетки, въ добавокъ къ краткой посмертной о нихъ замѣткѣ М. И. Александровича, спасшаго отъ окончательной гибели этотъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ самобытнаго южно-русскаго художества, считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ какъ вообще объ этомъ художествѣ, такъ и въ частности о художествѣ кафельномъ.

Наше народное художество въ многоразличныхъ его видахъ извѣстно намъ едва-ли не менѣе всѣхъ другихъ сторонъ нашей исторической жизни. Посчастливилось болѣе другихъ словеснымъ, преимущественно устнымъ памятникамъ народнаго творчества, изъ письменныхъ-же памятниковъ лишь не многіе приведены въ извѣстность и сколько нибудь обслѣдованы. Съ меньшею полнотою собраны и еще менѣе обслѣдованы узоры и вообще южно-русская орнаментика. Произведенія рѣзьбы и ваянія изъ дерева, камня и глины почти вовсе не тронуты, равно какъ и не скудная уцѣлѣвшими еще памятниками мѣстная архитектура. О существованіи такъ называемой лубочной живописи въ первый разъ мы узнали и памятники оной, изготовлявшіяся въ Ворзнѣ, видѣли въ минувшемъ году, благодаря сообщенію уважаемаго Н. М. Бѣлозерскаго, и не сомнѣваемся,

Библиотека "Руниверс"

что самый фактъ ихъ существованія будетъ совершенною новостью даже для записныхъ археологовъ. О произведеніяхъ портретной живописи имѣемъ лишь нѣсколько отрывочныхъ указаній и замѣтокъ, на столько иногда шаткихъ, что даже въ академіи художествъ подъ именемъ портрета Мазепы шло совсѣмъ иное лицо. Мы имѣли лучшихъ граверовъ въ самомъ Кіевѣ, въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., каковы: Щирскій, Тарасѣвичъ и другіе, но знаемъ по этой части слишкомъ не много, чтобы не сказать ничего. Иконописаніе, достигшее къ половинѣ XVIII ст. замѣчательнаго развитія и мягкости кисти, остается въ неизвѣстности и памятники онаго погибаютъ безвозвратно, имена-же художниковъ этого рода и вовсе почти неизвѣстны намъ, если не считать случайныхъ о нихъ свѣдѣній въ польской исторической литературѣ, гдѣ подъ часъ и преп. Алипій иконописецъ, котораго мощи нетлѣнно почиваютъ въ св. кіево-печерской лаврѣ, причисляется къ уніатамъ-базиліанамъ. Церковная стѣнная живопись смѣшаннаго религіозно-бытоваго характера съ ея многочисленными памятниками погибла на нашихъ глазахъ, и спасены лишь не многіе памятники древнѣйшаго ея періода, какъ фрески кіево-софійскіе, кирилловскіе и Спаса на Берестовѣ, а между тѣмъ она имѣла широкое распространеніе и глубокое жизненное значеніе. Благочестивые предки наши, богатые вѣрою и благоговѣйнымъ почитаніемъ святыни, были менѣе щепетильны въ дѣлахъ вѣры, нежели мы ихъ потомки. Еще въ древній кіевскій періодъ великіе князья ставили въ храмахъ свои портреты, развѣшивали одежды и другія приношенія. На стѣнахъ софійскаго собора мы видимъ, кромѣ священныхъ изображеній, и сцены бытовыя и даже миническія, въ соотвѣтствіе такимъ-же изображеніямъ, бывшимъ въ св. Софіи цареградской, рядомъ съ которою стоялъ циркъ. Въ послѣдующія столѣтія наружныя стѣны южно-русскихъ храмовъ расписывались, наравнѣ съ священными изображеніями, сценами изъ боевой козачьей жизни, а на внутреннихъ стѣнахъ красовались портреты великихъ князей, ревнителей православія и народности русской, какъ кн. Олельковичи и Острожскіе, митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, гетмановъ и полковниковъ, преимущественно-же фундаторевъ и ктиторовъ св. храмовъ. Картины страшнаго суда, достигавшія иногда колоссальныхъ размѣровъ, писанныя на холстѣ и на стѣнахъ (картины послѣдняго рода за-

Библиотека "Руниверс"

нимали иногда половину обширнаго притвора), воспроизводили жизнь со всею ея грѣшною обстановкою, отображая собою все нравственное міровоззрѣніе народа въ данную эпоху и преобладавшіе въ немъ пороки. На этихъ картинахъ въ правобережной Украйнѣ даже въ послѣднее время можно было видѣть такія характеристическія особенности, какъ, напримѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдья, подъ охраною чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ ѣдущаго въ наточанкѣ, цугомъ—на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома или поссесора, съ бичемъ у чорта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью: choć do piekła, ale z fajką, или-же на днѣ ада, во образѣ сребролюбца іуды, какого нибудь корчмаря, поссесора и даже столопачальника духовнаго правленія. Всѣ эти и подобныя изображенія поддерживали даже въ неграмотномъ людѣ историческую традицію, возвышали и будили духъ народный, наставляли и поучали, и осмысливали, или-же врѣзывали въ память зрителей, поучительныя сами по себѣ явленія ежедневной жизни.

Къ такимъ изображеніямъ принадлежали и тѣ, что воспроизводились на изразцахъ или кафляхъ. Они имѣли наибольшее разнообразіе, полноту и свободу творчества, нестѣсняемую никакою цензурою, а потому и были наиболѣе распространены, замѣняя собою нашу книгу, театръ и, если хотите, и самую проповѣдь. Представьте себѣ, что въ какой нибудь *свѣтлицѣ* или *горницѣ* давняго времени, которыя равно значущи были нашимъ заламъ и гостинымъ, выступала далеко отъ стѣны огромныхъ размѣровъ печь, а по ней всюду, сверху и до низу, съ фронта и съ боковъ, сцены то близко знакомой боевой жизни и даже недавно оконченной кампаніи, то будничной трудовой, то буколическая картинка желающей схватить гусенка *шулики*, сычащей гусыни, сочувствующей и старающейся помочь ей собаченки, то иронія надъ праздностію городской барышни, или женщины, пускающей птицу изъ рукъ, то тяжелыя сцены мужа цѣпомъ поучающаго свою жену, или борьбы человѣка съ сильными звѣрями и чудовищами, то самое чудовище не виданное и не слыханное, то видѣнныя когда-то въ далекихъ краяхъ птицы и животныя, то легендарная Осавуръ-могила и печальная на ней кончина козака, не достигшаго родины, то забавныя сцены разгульной жизни, то противуположныя имъ сцены изъ св.

Библиотека "Руниверс"

исторіи, и—каждая изъ нихъ наводитъ на ту или иную мысль, пробуждаетъ то или иное воспоминаніе, возвышаетъ и оживляетъ духъ, или вторитъ настроенію данной минуты одиночнаго наблюдателя или цѣлой, весело, либо грустно и набожно настроенной компаніи. Только сообразивъ все указанное, мы поймемъ какое широкое жизненное значеніе имѣла эта кафельная книга, мѣнявшаяся въ своемъ содержаніи, полномъ глубокаго смысла и поученія, какъ много она отъ самихъ авторовъ ея требовала развитія, наблюдательности и сообразительности и какъ не похожа въ этомъ отношеніи минувшая жизнь предковъ на нашу жизнь, привыкшую услаждать зрѣніе и чувство преимущественно изображеніями въ различныхъ видахъ одного лишь голаго женскаго тѣла.

Какъ рано появилось кафельное художество въ смыслѣ воспроизведенія на изразцахъ сценъ изъ окружающей или минувшей жизни, на это мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній, но, судя по сохранившимся образцамъ, начала этого искусства надо искать отнюдь не позже XVII ст., такъ какъ самые образцы, являющіеся въ формѣ разнообразной и не первичной, принадлежатъ несомнѣнно началу XVIII в. На это указываютъ находящееся здѣсь изображеніе шведа, а еще яснѣе записанный въ исторіи Руссовъ Конисскаго оригинальный фактъ желанія какого-то ярыги притянуть и самое кафельное производство къ страшному въ свое время „слову и дѣлу государеву“. Приводимъ по этой исторіи разсказъ объ означенномъ фактѣ, какъ единственное историческое извѣстное свидѣтельство о кафельномъ художествѣ [1]).

„Одинъ знатный помѣщикъ или владѣлецъ мѣстечка Горска претерпѣлъ великія накости и истязанія за одного орла гербоваго, на печатяхъ употребляемаго. Переѣзжавшій чрезъ мѣстечко оное офицеръ армейскій, по имени Якимъ Чекатуновъ, не довольно утрактованный хозяиномъ, увидѣлъ въ домѣ его на одной печи горничной, по кахлямъ или изразцамъ печнымъ, вымалеваннаго мастеромъ орла, тотчасъ арестовалъ командою своею хозяина сего, отослалъ въ министерскую канцелярію съ доносомъ, что онъ жжетъ на печахъ своихъ гербъ государственный, невѣдомо съ какимъ умысломъ. Министерская канцелярія, сочтя доносъ тотъ полусловомъ и

[1]) Исторія Руссовъ, арх. Г. Конисскаго, стр. 239.

Библиотека "Руниверс"

дѣломъ государевымъ, допрашивала помѣщика, съ какимъ намѣреніемъ поставилъ онъ на печи своей гербъ государственный и его прижигаетъ? Помѣщикъ, поставляя въ доказательство свидѣтелей и свою присягу, хотя извинялся, что купилъ онъ печь тую въ свободномъ мѣстечкѣ Городнѣ, у гончара тамошняго Сидора Перепелки, у котораго, между множествомъ фигуръ, на украшеніе печей сдѣланныхъ, были между животными, лица человѣческія, а между птицами и орлы, но чтобы то было священное и запорѣдное, ему о томъ и въ умъ не приходило, и купилъ онъ всѣ печи, а между ими и ту зазорную, съ единственнымъ и общимъ умысломъ, чтобы зимою согрѣвать горницы; однако, не смотря на всѣ извиненія орлы стоили помѣщику хорошаго табуна лошадей и коровъ съ денежнымъ приданнымъ".

Библиотека "Руниверс"

Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка*).

Южная Русь въ своей исторіи представляется до извѣстной степени классическою страною жидотрепанія. Начиная съ давнихъ удѣльныхъ временъ до нашихъ дней много можно указать примѣровъ и мѣстныхъ, спорадическихъ, и такихъ, которые имѣли значеніе всенароднаго возстанія противъ іудеевъ. Это племя, всегда очень даровитое, давно уже лишенное отечества, разсѣянное по всему пространству земнаго шара, живущее посреди разныхъ иноплеменниковъ безъ всякой духовной связи съ ними, съ своими вѣрованіями и національными преданіями, гордое ими даже въ несчастіяхъ, всѣхъ чужихъ внутренно презиравшее, никѣмъ изъ чужихъ нелюбимое, никого не любившее,—это племя поставлено было вездѣ въ такое безъисходное положеніе, что должно было искать такихъ средствъ къ существованію, которыя-бы вели къ пользѣ только его самаго, въ ущербъ туземному населенію. Куда ни являлся на житье іудей, онъ съ чрезвычайною пронырливостію отыскивалъ слабыя стороны общества, хватался за нихъ и успѣвалъ. И въ южную Русь забравшись, іудеи пошли тѣмъ-же путемъ. Въ XI столѣтіи въ Кіевѣ они составляли не малую часть населенія и притомъ, какъ видно, не бѣдствовавшую, но умѣвшую отыскивать пути къ наживѣ. Они пріобрѣли довѣренность князя Святополка-Михаила и взяли въ свои руки управленіе нѣкоторыми княжескими доходами. Тогда они до того отягощали народъ, что по смерти князя въ Кіевѣ произошла самая старая намъ извѣстная жидотрепка,—многихъ пограбили и разорили, иныхъ поколотили, сдва митрополитъ и бояре утишили расходившуюся толпу, призвавъ поскорѣе на княжескій столъ Владиміра Мономаха.

*) Содержаніе заимствовано изъ дѣлъ бывшаго малороссійскаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, книга № 86.

Библиотека "Руниверс"

Многое унеслось потокомъ времени, оставляя по себѣ воспоминанія, становившіяся все болѣе и болѣе тусклыми; смѣнялись этнографическія особи населенія, —іудеи, все такіе-жъ, какъ и ихъ прародители, продолжали являться въ южно-русскомъ краѣ, возбуждая противъ себя то въ одномъ углу, то въ другомъ нерасположеніе. Іудея вообще никогда не любили; въ іудеѣ не нуждался народъ, но іудей съ неподражаемымъ нахальствомъ лѣзъ туда, откуда его прежде протуривали, предлагая свои услуги тамъ, гдѣ безъ него прежде обходились, и своею настойчивостью и пронырствомъ заставлялъ наконецъ принимать его. Когда южная Русь подпала подъ власть Польши, тутъ-то настало счастливое время для происковъ іудейскихъ. Мѣстный земянинъ (вотчинникъ), иначе шляхтичъ, воспринимавшій польскіе нравы, языкъ и мало по-малу передѣлывавшійся въ поляка, сошелся съ іудеемъ до того, что услуги послѣдняго стали необходимы для существованія перваго. Не такъ относился къ іудею народъ, подвластный шляхтичу и особенно козаки, цвѣтъ простого народа, пріобрѣвшій себѣ большую свободу. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVI вѣка встрѣчаемъ извѣстіе, что козаки, находившіеся подъ гетманствомъ Шаха, трепали іудеевъ, занимавшихся винною продажею, за то, что они возвысили цѣну на вино. Это было, такъ сказать, предостереженіе на будущее время, это были, такъ сказать, цвѣтики, изъ которыхъ когда-то родиться должны были ягодки. Народъ смѣтливый, іудеи отлично видѣли всѣ общественныя щели, куда можно будетъ имъ заползти и заложить гнѣздо своихъ выгодъ; русско-польскій шляхтичъ рабовладѣлецъ былъ по преимуществу сельскій хозяинъ-производитель; іудей оставался быть посредникомъ между производителемъ и потребителемъ и сталъ имъ исключительно. Іудей усматривалъ въ достояніи и правахъ владѣльца такіе источники и пути доходовъ, какихъ послѣдній не замѣчалъ, и въ этомъ случаѣ іудей становился наставникомъ владѣльца. Это наставленіе не обходилось владѣльцу даромъ. Іудей нашелъ для себя способъ вознагражденія и такимъ способомъ былъ откупъ. Іудей давалъ владѣльцу впередъ круглую сумму за право распоряжаться и обращать въ свою пользу тотъ или другой владѣльческій доходъ, и владѣльцу показалась такая сдѣлка выгодною; прежде нужно было ему самому прилагать трудъ, надзоръ и бдительность, теперь-же не прилагая ничего такого, онъ могъ получать тоже.

Библиотека "Руниверс"

Іудей показался его истиннымъ благодѣтелемъ. Но тутъ іудей сталъ до крайности невыносимъ подвластнымъ, съ которыхъ получалъ откупленный у владѣльца доходъ. Іудей въ этомъ случаѣ отличался чрезмѣрнымъ безсердечіемъ, рѣдко позволяя себѣ прямо дѣйствовать противъ закона, но умѣя съ искусствомъ разширять или съуживать законныя рамки ему предоставленныя. Кстати, въ Рѣчи Посполитой въ тѣ времена отношенія владѣльцевъ къ подвластнымъ мало опредѣлялись обязательными для первыхъ законоположеніями, да если и были какія, то шляхтичъ, по своей шляхетской вольности, считалъ возможнымъ не исполнять ихъ; такой-же произволъ передавался владѣльцемъ своему откупщику іудею. И мы видимъ, что нелюбовь къ іудеямъ простого русскаго народа скоро достигла крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Съ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка до половины XVII происходили одно за другимъ козацкія возстанія. Простой народъ постоянно принималъ въ нихъ участіе и злоба его къ іудеямъ выражалась рѣзче и свирѣпѣе, чѣмъ къ самымъ владѣльцамъ. Каждое изъ возстаній изобилуетъ одинакими пріемами этой злобы; разоряли синагоги и жилища іудеевъ, предавали поруганію ихъ святыню, при всякой возможности ихъ самихъ топили, вѣшали. Вражда къ іудейскому племени усилилась отъ того, что при фанатическомъ стремленіи поляковъ ввести въ народъ унію, православная церковь, потерявши большую часть своихъ духовныхъ чадъ между шляхетствомъ, становилась какъ бы исключительно мужицкою (хлопскою) вѣрою и владѣльцы, потерявъ къ ней уваженіе какъ къ христіанскому вѣроисповѣданію, стали передавать откупщикамъ іудеямъ въ своихъ маетностяхъ нѣкоторыя свои владѣльческія права, имѣвшія соприкосновеніе съ православною церковью и ея требами, такъ что, при своей обычной пронырливости, іудей арендаторъ очутился хозяиномъ, блюстителемъ, распорядителемъ духовной жизни подвластныхъ. Наступила эпоха Богдана Хмельницкаго. Началось безпощадное истребленіе іудейскаго племени во всей южной Руси, и старыхъ и малыхъ. Эпоха эта оставила на іудеяхъ такое страшное впечатлѣніе, что они въ своихъ племенныхъ воспоминаніяхъ отмѣтили ее, какъ одну изъ эпохъ величайшихъ бѣдствій, постигавшихъ израиля въ теченіи его многовѣковой скорбной жизни. Хмельницкій, какъ только въ періодъ своей борьбы съ Польшею показывалъ малѣйшую наклонность вести толки о воз-

Библиотека "Руниверс"

можности примиренія, всегда выставлялъ однимъ изъ главныхъ требованій, чтобъ іудеи отнюдь не жительствовали въ Украйнѣ. Дѣйствительно при жизни Богдана Хмельницкаго никто изъ нихъ не осмѣливался показать носа въ козацкомъ краѣ. Проѣзжавшій чрезъ Малороссію при Богданѣ Хмельницкомъ вмѣстѣ съ антіохійскимъ патріархомъ арабъ, Павелъ діаконъ, повсюду встрѣчалъ народное ликованіе, довольство и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдъ разрушенія недавняго господства іудейскаго. Православный инокъ, забывая всякія христіанскія правила о прощеніи ѣрагамъ, о предоставленіи Богу отмщенія за неправды человѣческія, расточаетъ похвалы безчеловѣчной свирѣпости, съ какою козаки искореняли іудеевъ и восхищается тѣмъ, что не осталось ни единой души изъ людей этого „гнуснаго народа“. Но проходили годы, десятилѣтія. Не знаемъ подлинно въ какой годъ, но вообще въ концѣ XVII столѣтія іудеи стали снова исподоволь появляться въ козацкой странѣ. Оказалось, что іудей ничѣмъ не изгонимъ, не выкуриваемъ, не выжигаемъ; его бьютъ, трутъ, въ порошокъ мнутъ, а онъ все тутъ какъ тутъ. Что удивительнаго! Вѣдь у подножія Везувія стояли когда-то цвѣтущіе города; они были залиты лавою, засыпаны пепломъ, погреблись подъ землею, а на ихъ мѣсто построились другіе, явились новые обитатели края, долго не зная и не подозрѣвая, что подъ плодородною почвою, которая привлекала новыхъ поселенцевъ, лежатъ посреди развалинъ груды костяковъ, которые когда-то были въ свое время живыми людьми и нежданно погибли отъ того самаго, что и новымъ поселенцамъ угрожаетъ каждый часъ гибелью. Іудеевъ примануло снова въ Украйну то, что тамошніе гетманы, для пополненія войсковаго скарба и для средствъ къ содержанію платнаго войска, установили такъ-называемыя *оранды,* то есть отдавали на откупъ доходы съ торговли виномъ и нѣкоторыми другими предметами, обращенные на войсковыя потребности. Іудеи были падки на всякіе откупá, какъ вороны на трупы. Они мало по-малу стали пробираться въ Украйну царскаго владѣнія, стали тамъ селиться, брать откупá и заводить корчмы. Ихъ было еще не много и они не безъ страха вступали во владѣнія московскаго государства, куда ихъ никогда не пускали. Въ ихъ тогдашнемъ занятіи не представлялось ничего, что могло со временемъ стать исключительно занятіемъ іудейскаго племени. Но они вездѣ и всегда

Библиотека "Руниверс"

вели себя съ кажущеюся скромностію, чтобы впослѣдствіи нахально растолкать всѣхъ вокругъ себя и самимъ занять все мѣсто.

Въ 1703 году, въ черниговскомъ полку, въ селѣ Жуковкѣ или Жуковцахъ была корчма, которую сдавалъ въ аренду дѣвицкій сотникъ Вендюхъ*). Орандаремъ въ этой корчмѣ былъ іудей Шмуль, человѣкъ очень ловкій, умѣвшій вести себя. Онъ пріобрѣлъ расположеніе къ себѣ сотника, у котораго арендовалъ корчму. Шмуль платилъ ему аренду съ наддачею противъ того, сколько она ходила прежде и сверхъ того былъ не скупъ на приносы даровъ сотнику, сотничихѣ и ихъ дѣтямъ въ тотъ день, послѣ каждаго новаго года, когда являлся вносить арендную плату за будущій годъ. Недоимокъ за нимъ не было. Какъ только приходилъ Шмуль, тутъ ему былъ почетъ и угощеніе. Онъ былъ словоохотливъ и такъ много зналъ свѣжихъ новостей всякаго рода, что бесѣда съ нимъ доставляла много пріятнаго. Удивительно казалось, гдѣ этотъ человѣкъ, повидимому весь погруженный въ свою торговлю виномъ да табакомъ и дегтемъ, бывшими на то время въ числѣ регалій, успѣвалъ узнавать обо всемъ; но въ томъ то и было искусство, свойственное одному іудею и часто совсѣмъ непонятное для всякаго крещенаго человѣка! Шмуль любилъ поострить и побалагурить и всегда кстати, выходило все у него и забавно и занимательно, и за такой его веселый нравъ въ домѣ сотника звали его не иначе, какъ *кумедным* Шмулемъ; иногда и надъ самимъ собою потѣшался Шмуль, выдумывая о себѣ разныя небылицы, а если молодые сыновья сотника дозволяли себѣ надъ нимъ насмѣшливыя выходки, Шмуль не оскорблялся. „На то я жидъ“,—говорилъ онъ, пожимая плечами, и самъ-же старался выставить себя въ смѣшномъ видѣ. Но если нужно было, Шмуль умѣлъ держать себя чинно, степенно, такъ что почтенные старики говорили: о! какой поважный человѣкъ этотъ жидъ Шмуль! Такую роль человѣка, имѣющаго права на почетный титулъ „славетнаго“, Шмуль надѣвалъ на себя тамъ, гдѣ нуждались болѣе въ немъ, чѣмъ онъ въ другихъ. Шмуль находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ даже съ духовными лицами и посѣщалъ иногда жуковскаго священника отца Тимоѳея, гдѣ случайно раза два встрѣтилъ другихъ священниковъ, пріѣзжавшихъ въ-гости къ своему собрату, тотъ-же нарочно приглашалъ на этотъ случай

*) Иначе Шендюхъ, какъ значится въ другихъ документахъ—Ред.

Библиотека "Руниверс"

Шмуля. Отецъ Тимоѳей не былъ изъ числа тѣхъ дюжинныхъ поповъ, которыхъ болѣе занимаютъ насущныя нужды, чѣмъ вопросы вѣры. Отецъ Тимоѳей былъ—натура поэтическая, любилъ помышлять и разговаривать о предметахъ, касающихся религіи и вообще міра умственнаго. Онъ обладалъ способностію распространять такое настроеніе и на другихъ своихъ собесѣдниковъ. Онъ какъ-то любилъ Шмуля, потому что хотя Шмуль былъ противной вѣры, но человѣкъ отъ природы способный духомъ возвыситься надъ земною сустою. Всѣ знали, что Шмуль былъ хасидъ, ревностнѣйшій исполнитель всего еврейскаго обрядословія, глубокій знатокъ всего, касающагося еврейскаго закона и талмудическаго вѣроученія. Шмуль охотно бесѣдовалъ съ отцомъ Тимоѳеемъ и духовными, если заставалъ ихъ у него въ гостяхъ, о предметахъ вѣры, излагалъ имъ по ихъ вопросамъ то, что заключалось въ талмудѣ, удивлялъ попові своимъ знаніемъ текстовъ ветхаго завѣта, не разъ замѣчая неправильности славянскаго перевода. Отецъ Тимоѳей по еврейски не зналъ, но Шмуль каждый разъ приводя по еврейски текстъ, тотчасъ сообщалъ его въ объяснительномъ переводѣ. Съ своей стороны Шмуль со вниманіемъ и съ видомъ любознательности слушалъ отца Тимоѳея, когда онъ излагалъ ему христіанское ученіе. Въ такомъ случаѣ Шмуль съ искусствомъ ловкаго опытнаго кормчаго лавировалъ между Сциллою и Харибдою, стараясь отъ своего не отступить и чужаго не задѣть. Шмуль ни разу не подалъ ни малѣйшаго вида противорѣчій и когда, какъ говорится, его припирали къ стѣнкѣ, тогда онъ выражался въ такомъ смыслѣ: „Будемъ оставаться въ такой вѣрѣ, въ какой родились. Богъ на томъ свѣтѣ рѣшитъ, кто правильнѣе вѣровалъ. И ваша вѣра и наша—все отъ Бога. Безъ воли Божіей ни вы, ни мы не жили-бы на свѣтѣ!“ Православнымъ духовнымъ нравилось такое размышленіе, потому что въ немъ не было задирательства.

Въ домѣ отца Тимоѳея Шмуль первый разъ услышалъ о нѣкоемъ Миколѣ Сохнѣ, который въ тѣ дни сдѣлался на время истиннымъ чудомъ среди всего, что интересовалось умственнымъ міромъ въ гетманщинѣ. По разсказу о. Тимоѳея, это былъ молодой человѣкъ козацкаго происхожденія, еще учившійся на ту пору въ кіевской коллегіи и приводившій въ изумленіе всѣхъ своими дарованіями, любознательностію и множествомъ свѣдѣній. Ему не было еще двадцати лѣтъ, а онъ владѣлъ латинскимъ языкомъ не хуже отца

Библиотека "Руниверс"

ректора; но что болѣе всѣхъ поражало кіевскую ученую среду— это его знаніе еврейскаго языка и знакомство съ еврейскими писаніями. Отъ природы у Сохна была такая память, что разъ или два прочитанное навсегда какъ-бы приковывалось къ нему и во всемъ, что касалось древнихъ латинскихъ авторовъ и богословско-философской литературы, онъ былъ первый, а въ еврейской мудрости не было никого въ Кіевѣ, кто-бы хотя на половину могъ съ нимъ сравниваться. Онъ перебралъ и изучилъ всѣ еврейскія рукописи, какія могъ отыскать въ библіотекѣ своей коллегіи и въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, тогда еще богатой рукописными сокровищами, истребленными впослѣдствіи пожаромъ 1719 года. Кромѣ того онъ доставалъ изъ частныхъ рукъ писаные экземпляры талмуда и читалъ ихъ съ жадностію. Всѣ его знанія въ области еврейства пріобрѣтены были въ какіе нибудь два года. Но послѣдствіемъ всѣхъ занятій еврействомъ стало то, что Микола Сохно все болѣе и болѣе становился врагомъ іудейства. Онъ нашелъ въ іудейскихъ талмудическихъ книгахъ явныя свидѣтельства тому, что іудеи всѣ вообще ненавидятъ христіанъ и самъ будучи рьянымъ и сердечно преданнымъ религіи православнымъ, воспитывалъ въ себѣ убѣжденіе, что и христіанамъ, въ возмездіе, слѣдуетъ также оказывать ненависть къ іудеямъ. Онъ повсюду вопіялъ о вредѣ, какой приноситъ и церкви и обществу пребываніе іудеевъ въ христіанскомъ краѣ, о захватѣ ими въ свои руки то тѣхъ, то другихъ путей народнаго богатства, приводилъ примѣры разныхъ злодѣяній, совершавшихся въ различныхъ краяхъ іудеями надъ христіанами, но въ особенности громилъ онъ іудеевъ за существующій у нихъ тайный обрядъ умерщвлять похищенныхъ христіанскихъ дѣтей и источать изъ нихъ кровь. Этого, конечно, не находилъ Сохно ни въ какихъ іудейскихъ писаніяхъ, но за то прочелъ все, что было по этому поводу писано христіанами и при томъ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ существованіи такого обряда, потому что всѣ въ это вѣрили и не мало находилось такихъ, которые могли утверждать это, какъ современники и свидѣтели бывшихъ по такому поводу процессовъ. Не было ничего такого, чѣмъ-бы можно было раздразнить іудея, какъ напоминавши ему объ этомъ таинственномъ страшномъ вопросѣ, который, при множествѣ историческихъ фактовъ, до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ. На это-то больное мѣсто налегалъ Сохно, зная, гдѣ чувствительнѣе почуютъ враги задаваемую имъ боль.

Библиотека "Руниверс"

Объ этомъ Сохнѣ сообщилъ Шмулю отецъ Тимоѳей и сказалъ: „скоро, я надѣюсь, этотъ Микола Сохно быть можетъ будетъ у насъ. Панъ сотникъ напъ „протегуетъ“ его и каждый годъ, когда Сохно ѣдетъ изъ Кіева домой въ Городню, либо изъ дома въ Кіевъ, то заѣзжаетъ до его милости, а то и самъ его милость отвозитъ его съ собою вмѣстѣ. Очень любитъ панъ сотникъ этого Сохна. Да и какъ не любить такого способнаго на всякое ученіе! Вотъ если онъ пріѣдетъ, я сведу тебя съ нимъ. Потолкуйте, поспорьте между собою; вы оба люди ученые. Только я напередъ говорю тебѣ: вѣло онъ васъ жидовъ не долюбливаетъ и бранитъ!“

„Значитъ, не совсѣмъ еще науку прошелъ, когда не долюбливаетъ да еще бранитъ“, сказалъ Шмуль. „Недолюбливаетъ—за то Богъ ему судья. Чтожъ, онъ другой вѣры, чѣмъ мы, и потому не долюбливаетъ. А бранить не слѣдуетъ. Богъ одинъ порѣшитъ на томъ свѣтѣ, кто изъ насъ тутъ былъ правъ, а кто не правъ. Ты говоришь, онъ ученъ; а я такъ думаю: не очень онъ ученъ, когда такой нелѣпости вѣритъ, будто мы жиды дѣтей вашихъ крадемъ и рѣжемъ. Фуй, какой вздоръ! Я, батюпка, признаюсь тебѣ, не очень-то желаю толковать съ такимъ. Впрочемъ коли ему угодно, такъ и поговоримъ. Авось и онъ какъ узнаетъ поболѣе, перестанетъ насъ бѣдныхъ злословить“.

Вѣсть о Миколѣ Сохнѣ распространилась скоро между іудеями, проживавшими въ разныхъ мѣстечкахъ и селахъ черниговскаго полка.

Надобно знать, что Шмуль, если пользовался благосклоннымъ вниманіемъ такихъ христіанъ, какъ отецъ Тимоѳей и сотникъ Вендюхъ, то между своею братіею онъ признавался за свѣтило ума и благочестія. Его корчма была сборнымъ мѣстомъ для іудеевъ во всемъ околодкѣ. Это былъ родъ домашней синагоги, куда въ праздники съѣзжались іудеи, чтобы вмѣстѣ помолиться и послушать мудраго слова Шмуля, благочестиваго хасида въ полномъ смыслѣ. Съ этой цѣлью около двухъ лѣтъ тому назадъ, Шмуль пристроилъ къ своей корчмѣ отдѣльную избу, которая такъ и звалась у него: для гостей; она состояла изъ одной просторной комнаты и одной рядомъ съ нею меньшей, гдѣ у хозяина въ кивотѣ хранился свитокъ Торы, которому онъ приписывалъ чуть не баснословную древность, и кромѣ того на столѣ и на окнѣ лежало нѣсколько книгъ въ ста-

Библиотека "Руниверс"

рыхъ переплетахъ, печатныхъ и рукописныхъ. Въ этой-же комнатѣ находились и богослужебныя одежды, которыя каждый іудей надѣваетъ на себя, приступая къ моленію. Былъ іудейскій праздникъ новаго года. Онъ уже оканчивался; наступилъ послѣдній праздничный день, трубный день, веселый день въ связанной религіозными правилами и обрядами іудейской жизни. У Шмуля въ эти дни перебывали чуть не всѣ іудеи, жившіе въ окрестности и бывшіе большею частію корчмарями. Но къ трубному дню осчастливилъ и обрадовалъ Шмуля и всю его іудейскую братію дорогой посѣтитель, почтенный гость. То былъ Соломонъ Захарьевичъ Грековичоръ, цадикъ изъ Львова, раввинъ, пользовавшійся репутаціею святой жизни и необычайной мудрости. Уваженіе къ нему израильтянъ доходило до поклоненія. Что скажетъ Шлема великій, какъ звали его въ просторѣчіи,—то правда, все равно какъ-бы то въ Торѣ написано! Возникнетъ-ли гдѣ въ кагалѣ затруднительный вопросъ,—посылаютъ къ львовскому цадику и ждутъ его рѣшенія. Семейные и родственные споры и всякія недоразумѣнія, по мѣрѣ ихъ важности, посылались на судъ Соломону Захарьевичу и спорившія стороны покорялись безъапелляціонно его приговору. Угрожала-ли гдѣ іудейскому обществу какая-нибудь бѣда, посылали къ цадику и вѣрили, что его молитва, какъ праведнаго мужа, отвратитъ опасности. Даже случалось, что когда гдѣ-нибудь тяжело заболѣетъ израильтянинъ, посылаютъ къ львовскому цадику просьбу помолиться о болящемъ и вѣрятъ, что молитва его можетъ поднять человѣка съ одра болѣзни. Но цадикъ, для всѣхъ милостивый и внимательный, являлся иногда и грознымъ карателемъ. Цадикъ налагалъ страшный херимъ на непокорныхъ, и горе тому израильтянину, котораго постигнетъ клятва мудраго Соломона. Никто его въ домъ не принимаетъ, никто съ нимъ бесѣдъ не ведетъ, при встрѣчѣ съ нимъ израильтяне отъ него отворачиваются; тутъ бѣдный іудей — хоть христіанство принимай, или спѣши испросить прощеніе и снятіе съ себя клятвы. Произносилъ иногда цадикъ херимъ и надъ христіаниномъ, за крайнюю злобу къ іудейскому племени. Тогда израильтяне отъ него отвращались, чинили ему во всѣхъ его дѣлахъ препятствія и даже тайную бѣду,—такого осужденнаго врага израиля не только дозволительно, но даже одобрительно всячески обманывать въ торговлѣ, дать ему вредное снадобье, если онъ, заболѣвши, позоветъ врача

Библиотека "Руниверс"

изъ іудеевъ, оклеветать его и подвести подъ гоненіе отъ властей, даже поджечь его жилище, а не то даже убить его тайно — все оправдывалось тѣмъ, что этого „гоя“ постигаетъ достойная кара за вражду къ израилю. Примѣръ Юдиѳи изъ ветхозавѣтной исторіи служилъ какъ-бы образцомъ, какъ доблестно употреблять всякаго рода притворство и обманъ для нанесенія вреда врагу. Впрочемъ къ такому ужасному проклятію надъ христіаниномъ можно было прибѣгать уже только въ исключительныхъ случаяхъ. Израильтяне были благоразумны; они понимали, что—разъ живутъ они посреди иноплеменниковъ, собственная выгода побуждаетъ ихъ хранить дружелюбіе съ иноплеменниками, какъ-бы они въ душѣ ихъ ни презирали и ненавидѣли; въ особенности съ тѣми изъ иноплеменниковъ, которые въ своемъ краѣ пользовались знатностію происхожденія и могли по своему положенію оказывать израильтянамъ пользу своимъ покровительствомъ, живущіе въ краѣ іудеи обращались всегда почтительно и униженно, готовы были при случаѣ сносить отъ нихъ презрительное обхожденіе; на такихъ никакой цадикъ не наложилъ-бы херима. Израильтяне только тогда не останавливались передъ наложеніемъ херима на иноплеменника, когда навѣрное знали, что этотъ иноплеменникъ уже не на столько силенъ, чтобъ нужно было спускать ему многое.

Цадикъ Соломонъ-бенъ-Захарія проводитъ много времени въ разъѣздахъ между своею братіею. Волынь, Подоль и Украйна были ему также хорошо знакомы, какъ собственный львовскій край. Въ описываемое время цадикъ ѣздилъ въ лѣвобережной Украйнѣ и къ трубному дню прибылъ къ достопочтенному Шмулю. Тогда у послѣдняго были гости, которые тотчасъ разъѣхавшись, дали знать о пріѣздѣ цадика другимъ изъ своихъ единовѣрцевъ и на другой день дворъ Шмуля наполнился іудеями. Ихъ набралось тогда человѣкъ до сорока обоего пола. Всѣ старались воспользоваться случаемъ и принять благословеніе цадика и услышать отъ него мудрыя наставленія.

Былъ вечеръ предъ солнечнымъ закатомъ. Цадикъ Соломонъ-бенъ-Захарія, мужчина лѣтъ пятидесяти съ лишкомъ, съ большою русою бородою, гдѣ пробивалась кое-гдѣ сѣдина, съ высокимъ лбомъ, большими и на выкатѣ глазами, въ ермолкѣ, изъ подъ которой на обѣихъ сторонахъ лица спадали пряди русыхъ волосъ,

Библиотека "Руниверс"

такъ называемые пейсы, былъ одѣтъ въ суконный кафтанъ; фигура его представляла довольно толстую корпуленцію. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, нарочно для него вынесенномъ на дворъ. Вокругъ него въ въ различныхъ положеніяхъ сидѣли іуден и іудеянки какъ попало. Все это были гости Шмуля, но не стоившіе ему ничего, такъ какъ всякій пріѣзжалъ съ своимъ съѣстнымъ запасомъ, помѣщался въ своей-же повозкѣ, а за кормъ лошадямъ платилъ тому-же Шмулю, который всегда съ своего брата іудея бралъ гораздо дешевле, чѣмъ со всякаго иноплеменника. Всѣ слушали мудреца съ великимъ вниманіемъ.

Цадикъ говорилъ о Толюѣ въ томъ смыслѣ, какой даетъ это хульное наименованіе іудеями Господа нашего Іисуса Христа [1]) Толюй,—объяснялъ цадикъ,—былъ самый грѣшнѣйшій изъ рода человѣческаго, величайшій нарушитель мира и зложелатель израиля, нечестіе его дошло до того, что онъ сталъ называть самъ себя Богомъ и за это былъ осужденъ и казненъ позорною смертію. По своей смерти, за присвоеніе себѣ названія Сына Божія, онъ осужденъ на вѣчное мученіе, но при содѣйствіи діавола онъ дважды въ годъ является среди израиля и пытается искусить и соблазнить вѣрныхъ. Сила Вышняго преслѣдуетъ его и онъ запрятывается въ Библію между строкъ, и тутъ то предстоитъ опасность отъ него. Богъ за грѣхи наши попустилъ Толюю и его ближнимъ слугамъ властвовать надъ міромъ невѣрныхъ языкъ во вредъ сынамъ израиля, но царство его только временное и окончится съ пришествіемъ истиннаго Мессіи, тогда Толюй будетъ ввержонъ въ бездну и не станетъ болѣе тревожить вѣрныхъ, толковалъ цадикъ: „поклонники Толюя прокляты, и нѣтъ и не будетъ имъ пощады и спасенія, но теперь, пока они торжествуютъ и властвуютъ, надобно израилю бороться съ ними мудростію и хитростію. Вѣруемъ, что будетъ побѣда за нами, но и теперь мудрый провидитъ и предвкушаетъ начатки нашего торжества, и теперь мудрый уразумѣваетъ, что рука Бога отцевъ нашихъ не покидаетъ своего избраннаго народа, мы презираемы, мы попираемы и враги наши считаютъ насъ послѣдними изъ рода человѣческаго, а между тѣмъ мы въ свои руки захватываемъ богатства земныя и незамѣтно для враговъ нашихъ дѣлаемся сильнѣе ихъ, когда кажемся слабыми. Они считаютъ себя

[1]) *Толюй* съ еврейскаго значитъ повѣшенный, висѣльникъ.

Библиотека "Руниверс"

нашими господами, а на дѣлѣ выходитъ, что мы становимся господами ихъ самихъ. Приглядитесь, какъ ведутъ себя нечестивцы, какъ у нихъ живется-можется! Одни изъ нихъ въ порабощеніи у другихъ, незнатные у знатныхъ, подлые у благородныхъ, а господа ихъ отдаютъ рабовъ своихъ напимъ израильтянамъ подъ власть, и выходитъ, что когда глупый ихъ мужикъ работаетъ на своего пана, то половина всего, а иногда и большая часть достается—израильтянину. Какъ не возблагодарить Бога, такъ пекущагося о своемъ избранномъ народѣ, такъ устроившаго, что какъ ни вертятся „гои“, а все-таки исполняется пророчество, реченное древле къ израилю: „ты богатство языкъ снѣси“! Иные изъ нашихъ говорятъ: „хорошо, можетъ быть, будетъ впередъ, когда Мессія прійдетъ, а теперь пока многіе изъ нашей братіи въ нищетѣ и скорби. Богъ не спасаетъ ихъ. Несмысленны и слѣпы тѣ, которые говорятъ такъ! Богъ свободной воли у человѣка не отнимаетъ, но милость свою избраннымъ своимъ посылаетъ. Богъ даетъ умъ человѣку: это милость, благодать! Ищи-же, человѣкъ, средствъ при свѣтѣ даннаго тебѣ ума!

Израилю дана отъ Бога особая благодать свыше: въ томъ она, что израиль умнѣе всѣхъ, а умъ — такое сокровище, которому равнаго нѣтъ и быть не можетъ! Умомъ и богатство пріобрѣтается, и сила и власть! Говорю вамъ: израиль умнѣе всѣхъ народовъ въ свѣтѣ. А потому хотя за грѣхи свои несетъ онъ наказаніе отъ Бога и находится въ униженіи и гоненіи отъ гоевъ, но Богъ не лишилъ его ума великаго и этотъ умъ ведетъ его къ тому пути, когда минутъ времена гнѣва Божія и настанутъ времена отрады; въ тотъ часъ узритъ онъ ясно высокую руку Божію и подниметъ своего отрока Господь Вседержитель и вознесетъ его превыше всѣхъ колѣнъ земныхъ и послужатъ ему всѣ языки и будетъ онъ господиномъ надъ ними. Такъ речено Господомъ и слово его неизмѣнно. Надежды гоевъ суетны. Уже и теперь отяжелѣло сердце ихъ, очами смотрятъ и не видятъ, ушами слушаютъ и не слышатъ. Воображаютъ, что властвуютъ надъ нами, а того не уразумѣютъ, какъ мы сами надъ ними власть забираемъ, и вѣрьте, братья, заберемъ совершенно. Въ гордости сердецъ своихъ возлагаютъ они упованіе на своего Толюя и посрамлены будутъ. Безуміе великое уповать на беззаконника, который принялъ казнь за свои преступленія; безуміе великое считать сыномъ Божіимъ казненнаго:

Библиотека "Руниверс"

какъ не понять, что если-бъ его осудили на казнь напрасно, а онъ былъ-бы истиннымъ Мессіею, то Богъ-бы не допустилъ его до позорной смерти, но спасъ-бы его предъ глазами всѣхъ людей во свидѣтельство того, что онъ есть дѣйствительно тотъ избранникъ Божій, за кого выдавалъ себя? Коли себя не могъ спасти, то куда ему другихъ спасать [1])! Не явственна-ли тщета всѣхъ надеждъ и вѣрованій оныхъ гоевъ, когда между собой они вездѣ грызутся, какъ псы нечестивые? Таковы-ли мы, израиль, народъ Божій! Живемъ мы разсѣянно по разнымъ частямъ свѣта и въ жаркихъ и въ холодныхъ странахъ, а единство вѣры нашей чрезъ то не колеблется; израильтянинъ вездѣ узнаетъ своего единовѣрца и по братски обниметъ его. То ли у поклонниковъ Толюя? Изъ одной нечестивой вѣры родились десятки, сотни вѣръ, одна другой гнуснѣе, одна другой безумнѣе и между собой всѣ во враждѣ, а послѣдователи ихъ не только не считаютъ другъ друга за единовѣрцевъ, но одни другихъ рѣзать, топить, жечь на огнѣ готовы. Цари ихъ между собой во враждѣ и ведутъ другъ противъ друга убійственныя войны, высылаютъ тьмы темъ подвластнаго народа на убой, какъ скотъ, и гибнутъ безумцы по волѣ владыкъ своихъ достойно за свое зловѣріе. Если-же ихъ цари постановляютъ между собою мирные и дружественные договоры, то для того, чтобъ ихъ вѣроломно нарушать. Они всѣ коварны, въ государствахъ ихъ нѣтъ правосудія, хищеніе и неправда посреди жилищъ ихъ. Таковы поклонники Толюя, нечестивѣйшіе изъ всѣхъ гоевъ, враги Божіи, которымъ всѣмъ будетъ мука вѣчная, огонь неугасаемый въ отмщеніе за злобу, которую они всѣ одинаково питаютъ къ намъ, израилю, миролюбивому, смиренному народу Божію. О израиль, израиль! Много, по словамъ псалмопѣвца, на хребтѣ твоемъ орали иноплеменники, много испыталъ ты бѣдъ и горестей, святыню земли твоей разрушили, сыны твои и дщери разведены въ неволю, сѣмя Авраама, Исаака и Іакова, которому Богъ даровалъ столько обѣтованій, уже въ теченіи многихъ вѣковъ подвергается униженію и попиранію. Но мужайся, израиль! Все это произошло за тѣмъ, чтобъ возвеличить тебя и наградить за вѣру и терпѣніе. О братія! молю васъ! Пребывайте въ исполненіи закона Божія, не отступайте отъ самомалѣйшихъ его правилъ и Богъ вознаградитъ васъ. Знайте, что каждое

[1]) Буквальное повтореніе говореннаго іудеями-распинателями Іисуса Христа.

Библиотека "Руниверс"

преступленіе, совершенное сыномъ израиля, отдаляетъ отъ всѣхъ насъ день нашего общаго спасенія, а каждый добродѣтельный поступокъ нашего единовѣрца приближаетъ и сокращаетъ тягость ожиданія. Найпаче, братья, устраняйтесь отъ нечестивыхъ гоевъ, поклонниковъ Толюя. Не говорю, чтобъ намъ съ ними не имѣть никакихъ дѣлъ. Это невозможно, потому что мы живемъ въ странѣ ихъ, по неволѣ должны вести съ ними сношенія по торговлѣ и прочее, только не надобно дружить съ ними, ѣсть и пить съ ними, не надобно оказывать имъ услуги и благодѣянія, напротивъ ненавидѣть ихъ, какъ враговъ и сопротивниковъ Божіихъ. Изъ всѣхъ неправыхъ вѣръ нѣтъ нечестивѣе вѣры поклонниковъ Толюя. У другихъ гоевъ были боги сребренные, золотые, каменные, деревянные,.. всѣ эти боги—ничто, мечта, но тѣ назвали себѣ богомъ сына погибельнаго, отъ грѣха рожденнаго, всѣми пороками осквернѣннаго! Поэтому они прямые сопротивники истиннаго Бога, а кто дружитъ съ вѣдомымъ врагомъ Божіимъ, тотъ самъ ему уподобляется. За то насъ Богъ наказываетъ, что иные изъ насъ, слабодушные, съ почитателями Толюя въ дружбу входятъ".

Онъ умолкъ на время. Всѣ сидѣли въ размышленіи, наконецъ одинъ израильтянинъ нарушилъ молчаніе и, поглядывая на небо, спросилъ:

Равви! Что это за звѣзда съ хвостомъ явилась? Вотъ уже третій вечеръ свѣтитъ, и все становится крупнѣе и ярче. Ужъ не пророчитъ-ли она чего?

Цадикъ сталъ внимательно смотрѣть на небо. Дѣйствительно на востокѣ показывалась комета. Ея бѣлесоватый, недвижный блескъ, отличавшійся отъ блеска прочихъ свѣтилъ небесныхъ, уже нѣсколько дней тревожилъ населеніе и крещеное и некрещеное. Безпокоило всѣхъ предвѣстіе чего-то неизвѣстнаго, во всякомъ случаѣ скорѣе недобраго, чѣмъ добраго. Въ то время шла сѣверная война. Между козаками старшинами возникали толки: какъ-бы шведскій король, расправлявшійся тогда въ Цольшѣ, не вздумалъ съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ повернуть въ Украйну и перенести туда театръ войны съ московскимъ царемъ; козаки простые боялись, что царь станетъ требовать бо́льшую, чѣмъ прежде, козацкую силу въ свое войско, а козакамъ до крайности былъ противенъ всякій походъ за предѣлы своей земли; поспольство стра-

Библиотека "Руниверс"

шилось учащенія проходовъ москалей черезъ ихъ села, а такіе гости въ тѣ времена были для народа несноснѣе татаръ. Іудеи втихомолку побаивались: не предвѣщаетъ-ли эта хвостатая звѣзда въ лѣвобережной Украйнѣ повторенія такой-же наливщины, о которой вѣсти сильно напугали ихъ въ предшествовавшемъ году.

Соломонъ Захарьевичъ долго молча смотрѣлъ на комету и во что-то вдумывался. Лице его между тѣмъ принимало все болѣе и болѣе грустное выраженіе. Наконецъ онъ сказалъ:

„Ну, я вамъ, братья, долженъ противъ желанія сообщить непріятность. Звѣзда эта не предвѣщаетъ намъ добра. Это та звѣзда, что когда-то на страхъ израилю являлась передъ тѣмъ давнимъ временемъ, какъ нашихъ предковъ убивали въ нѣмецкой землѣ: эта-же звѣзда являлась у насъ передъ тѣмъ страшнымъ годомъ, какъ нечестивый Хмельницкій поднялъ бунтъ противъ Польши и козаки стали истреблять дѣтей израиля. Ужасное то было время. Я помню его, бывши еще маленькимъ хлопцемъ. Тогда погибли мой дѣдъ, бабушка и двое дядей съ семьями, а мои родители съ двумя дѣтками, въ числѣ которыхъ былъ я, чуть спаслись отъ гибели, убѣжавши за Вислу. О, ужасное было время! Сколько нашихъ единовѣрцевъ обоего пола и всякаго возраста лежало трупами по полямъ, роцамъ, горамъ и болотамъ. Многіе, какъ мы, бѣжали, спасая душу свою, но не могли спастись и погибали отъ козаковъ, которые гнались за ними, а уйти бѣднымъ было трудно, потому что гонители были быстры, какъ орлы небесные. Сколько синагогъ было осквернено и разорено! Выволакивали свитки Торы и положивши на нихъ несчастныхъ израильтянъ, рѣзали и терзали, потѣшаясь криками и воплями страдальцевъ. Сколько рѣкъ и прудовъ закиданы были трупами нашихъ единовѣрцевъ, такъ что даже вода выступала изъ береговъ! Опасно, братья мои, опасно, не повторилось-бы надъ нами что-нибудь подобное и нынѣ. Прошлый годъ на правой сторонѣ Днѣпра, въ Подоліи и Волыни, много пострадало нашихъ отъ безбожныхъ хлоповъ. Поляки усмирили и казнили много мятежниковъ, но нашихъ, погибшихъ тамъ, не воскресимъ. Ихъ воскреситъ только всемогущій Богъ и вселитъ въ лоно Авраама въ послѣдній день. Опасно, чтобъ и здѣсь не нашлось злодѣевъ, которые-бы не затѣяли произвести подобнаго на этой сторонѣ Днѣпра. Они нечестивые повсюду рыскаютъ, какъ

Библиотека "Руниверс"

львы, и ищутъ растерзать смиреннаго безоружнаго израильтянина. Я не скажу навѣрное, чтобъ эта звѣзда могла предвѣщать намъ такое бѣдствіе: можетъ быть она предвѣщаетъ другое, не менѣе страшное — моровую язву, которая, какъ слышно, уже появляется въ Запорожьѣ. Но что дѣлать! Надобно терпѣть, молиться и стращиться... Наложимъ на себя строгій постъ, станемъ молиться, чтобъ Господь отвратилъ отъ насъ свой гнѣвъ. Пусть посылаетъ болѣзни и междоусобныя брани на гоевъ нечестивыхъ, покланяющихся проклятому Толюю, но пусть пощадитъ вѣрныхъ рабовъ своихъ"!

За воротами послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа. Домашніе Шмуля бросились отворять ворота, такъ какъ у него была корчма, заѣздной дворъ, открытый въѣздъ для путешественниковъ. На дворъ въѣхала бричка. Въ ней сидѣло двое господъ: одинъ пожилой лѣтъ сорока съ лишкомъ, другой молодой, у котораго едва пробивались борода и усы. На облучкѣ сидѣлъ и правилъ парою дюжихъ лошадей плечистый козакъ въ поярковой шляпѣ. Господа соскочили съ брички.

Первый изъ пріѣхавшихъ былъ дѣвицкій сотникъ Вендюхъ. Въ чертахъ лица его было замѣтно какое-то смѣшеніе проницательности съ простодушіемъ; волосы на головѣ темнорусые съ просѣдью были острижены въ кружокъ и покрывались черною суконною шапкою съ четырьмя рожками по угламъ. Одѣтъ онъ былъ въ темно-малиновый кунтушъ, подпоясанный блестящимъ проволочнымъ поясомъ съ саблею въ красиво унизанныхъ бляхами кожаныхъ ножнахъ. Это былъ мужчина статный, мускулистый. Товарищъ его былъ не кто иной, какъ тотъ Микола Сохно, о которомъ было говорено выше. Одѣтъ онъ былъ въ простой черный куптушъ, сдѣланный на подобіе одежды монастырскаго послушника, въ какихъ обыкновенно въ то время ходили кіевскіе студенты коллегіи; подпоясанъ былъ онъ простымъ кожанымъ пояскомъ съ серебренною застежкою напереди. Свѣжесть молодости, цвѣтущее здоровье, ничѣмъ не порченое, выражались во всѣхъ чертахъ лица его, въ движеніяхъ и поступи. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ красивъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но въ немъ съ перваго раза было что-то такое, что, увидя его, всякій невольно остановится и подумаетъ: этотъ хлопецъ—Богъ его знаетъ, что оно такое, только не

Библиотека "Руниверс"

такое, какъ всѣ люди. Его голубые глаза свѣтились тѣмъ невыразимымъ блескомъ таланта, который сразу отмѣчаетъ особенно даровитыхъ людей. Мы уже говорили, что онъ, находясь въ кіевской коллегіи, сталъ заниматься еврействомъ и увлекался, какъ увидимъ, себѣ на гибель, страстію обличать и громить іудеевъ. Это было, мы думаемъ, временное направленіе, которое могло измѣниться, когда-бы ненасытная жажда любознательности могла обратиться къ чему-нибудь иному; но въ тѣ времена даровитая натура, получая воспитаніе въ Кіевѣ, скорѣе всего погружалась въ область религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ, съ которыми, при пылкости нрава, не трудно было впасть въ односторонній, нетрезвый фанатизмъ.

„О, у васъ какое-то большое собраніе сегодня!“ сказалъ Вендюхъ, окидывая взоромъ сидѣвшихъ и стоящихъ около цадика іудеевъ.

„Это, вельможный пане, у насъ сегодня большой праздничный день. *Трубки* называется; конецъ праздниковъ новаго года, отвѣчалъ Шмуль. Сегодня у насъ веселый день, на трубахъ играемъ“!

„Что-жъ отыграли уже?“ спрашивалъ Вендюхъ.

„Одинъ разъ поиграли, потомъ помолчимъ, поговоримъ промежъ собою, потомъ опять заиграемъ. Кстати къ намъ сегодня почтенный гость пріѣхалъ—рабинъ изъ Львова, Соломонъ Захарьевичъ“, говорилъ Шмуль и съ почтеніемъ показалъ сотнику на цадика, который, съ своей стороны, почтительно поклонился новому гостю.

„И конечно“, отозвался Сохно, „они поиграютъ себѣ на трубахъ, потомъ поругаютъ Господа нашего Іисуса Христа, пожелаютъ всякаго худа вѣрующимъ въ Господа Христа, и, быть можетъ, тутъ-же составятъ какіе-нибудь умыслы дѣлать имъ вредъ. Это у нихъ, по ихъ жидовскому закону, такъ вездѣ дѣлается въ праздничныхъ собраніяхъ. Тутъ-то у нихъ составляются умыслы—гдѣ-бъ имъ христіанское дитя украсть и кровь изъ него выцѣдить“!

Шмуйло закрылъ себѣ уши въ знакъ негодованія. Другіе іудеи свирѣпо глядѣли на Сохна.

Сохно продолжалъ:

„Что, не бойсь, скажете, что у васъ нѣтъ такого обряда? Вы вѣдь всѣхъ насъ въ томъ увѣряете, и обманываете насъ, злодѣи, кровопійцы“!

Библиотека "Руниверс"

„За что такъ!“ произнесъ одинъ изъ іудеевъ: — „вельможный панъ сотникъ! не прикажите этому господину, его милости говорить такое про бѣдныхъ жидковъ. Это намъ всѣмъ оскорбленіе. Это закону противно. Мы, бѣдные жидки, имѣемъ грамоты отъ многихъ найяснѣйшихъ королей польскихъ, что-бъ никто не смѣлъ намъ задавать такой нелѣпицы. Мало этого, святѣйшіе отцы папы римскіе выдавали намъ свои высокія буллы о томъ-же, чтобъ насъ въ этомъ не обвинялн. И папы и короли не вѣрили вымысламъ глупой черни, которая взводила на бѣдныхъ жидковъ такія клеветы. Они были умнѣе глупой черни. Ваша милость не смѣете повторять этого“. Послѣднія слова были обращены къ Сохну.

„Не дразните этого дурака“, сказалъ іудеямъ цадикъ. „Съ нимъ иначе слѣдуетъ говорить“!

Эти слова были произнесены по-еврейски. Къ удивленію Соломона Захарьевича, Сохно съ своей стороны далъ ему отвѣтъ по-еврейски и притомъ колкаго свойства.

„Въ первый разъ слышу единаго изъ сущихъ въ назорейскомъ законѣ такъ хорошо знающаго еврейскую рѣчь“, сказалъ ему цадикъ по-еврейски. „Жалѣю, что она употребляется на хулу израилю. Тебя, молодаго человѣка, Богъ надѣлилъ большими дарованіями, только по молодости лѣтъ ты еще не дошелъ до мудрости, иначе, ты-бы совсѣмъ не такъ относился къ израильтянамъ и не повторялъ нелѣпыхъ басень“.

Эти слова перевелъ Сохно Вендюху и потомъ заговорилъ уже по-малорусски, переплетая рѣчь свою еврейскими выраженіями. „Вотъ они всегда хотятъ намъ замылить глаза, чтобъ мы не видали мерзостей, что они съ нами вытворяютъ. Они всѣ увѣряютъ, будто все на нихъ выдумали. Но у насъ есть тьма уликъ и свидѣтельствъ... И самъ этотъ старый жидюга вѣрно пріѣхалъ сюда научать свой бѣсовскій кагалъ, какъ отыскивать дѣтей христіанскихъ и мучить ихъ, и кровь изъ нихъ выпускать“.

„Какъ-же?“ говорилъ цадикъ, хохоча во все горло. „Отступникъ рабинъ Серафимовичъ напечаталъ въ своей книжкѣ, какъ онъ самъ дѣтей мучилъ. Ухъ, какъ страшно! Есть у жидовъ такая бочка, что въ серединѣ вся набита острыми гвоздями, положатъ туда мальчика и качаютъ бочку, пока мальчикъ не изойдетъ кровью. Вѣдь такъ у васъ въ книгахъ вашихъ пишется“?

Библиотека "Руниверс"

„Не наши то писали, а вашъ-же рабинъ, что самъ такъ дѣлалъ, и принявши св. крещеніе, оповѣстилъ міру о вашихъ тайныхъ злодѣйствахъ“, сказалъ Сохно. „Впрочемъ у васъ, злодѣевъ, не одинъ такой способъ; есть еще и другіе“.

„А вѣдь ты, легковѣрный молодой человѣкъ, вѣрно и не подозрѣваешь, что никакого рабина Серафимовича такого на свѣтѣ не было и книги онъ такой не писалъ и не печаталъ, а выдумали св. отцы іезуиты, которые въ Польской Коронѣ не мало смуты учинили и много ложнаго измыслили не только на израильтянъ, но и на своихъ назореевъ. Развѣ не эти іезуиты насильно обращали въ унію благочестивыхъ вашихъ, не они развѣ произвели разладъ между поляками и русинами и довели край до страшныхъ козацкихъ бунтовъ? И теперь хотѣли-бы они отъ великой своей злобы и васъ благочестивыхъ и насъ израильтянъ въ ложкѣ воды утопить. Вотъ они и написали много такого, чтобъ поляковъ противъ васъ, а васъ противъ поляковъ раздразнить и про насъ всякія гнусныя клеветы вымыслили, чтобъ вы насъ ненавидѣли. А вы поддаетесь ихъ ловушкамъ и вѣрите ихъ выдумкамъ“.

„Красно вы поете, плуты“!—говорилъ Сохно. „А развѣ все только отъ іезуитовъ началось? Еще на свѣтѣ не было закона іезуитскаго, а уже вашихъ жидовъ въ разныхъ краяхъ во всей вселенной уличали, что вы дѣтей христіанскихъ крадете и кровь ихъ употребляете. Еще при цезарѣ Гонаріи въ сирійской странѣ жиды, укравши христіанское дитя, распяли его на крестѣ и замучили. Такіе случаи потомъ повторялись въ разныхъ странахъ въ теченіи многихъ вѣковъ и осталось о томъ множество историческихъ свидѣтельствъ. Вотъ Одорикъ Райнальдусъ свидѣтельствуетъ, что лѣтъ будетъ пятьсотъ, въ испанскомъ королевствѣ жиды замучили христіанскаго ребенка, пригвоздивши его къ стѣнѣ и кровь изъ него булавками выпускали, а въ англицкой землѣ въ г. Линкольнѣ жиды такого-же христіанскаго мальчика прибили ко кресту, а на голову ему терновый вѣнокъ наложили и копіемъ его прокалывали, изображая на немъ такія муки, какія ихъ предки творили Господу нашему. Богъ объявилъ это злое дѣло міру; сколько разъ ни погребали жиды замученнаго ребенка, земля извергала его тѣло, наконецъ жиды бросили его въ колодезь, а тутъ мать ребенка нашла его и злодѣяніе было открыто; за это однако жида привязали къ

Библиотека "Руниверс"

хвостамъ лошадей и растерзали, а затѣмъ еще казнили смертію девяносто жидовъ за соучастіе. Что-же? Это все, какъ ты говоришь, іезуиты вымыслили? Но, повторяю, тогда іезуитовъ и на свѣтѣ не было. Въ италіанской землѣ, въ городѣ Тридентѣ, у бѣдныхъ христіанскихъ родителей жиды украли ребенка и до смерти замучили въ своей божницѣ, выпуская изъ него кровь двумя иглами въ широкую мису. И тогда еще не было іезуитскаго закона. Такихъ примѣровъ чрезвычайно много происходило въ Швейцаріи и всѣ швейцарскія хроники переполнены извѣстіями этого рода. Тоже происходило въ странахъ венгерской, нѣмецкой и польской, да и близко къ намъ въ странѣ волынской, въ селѣ Возникахъ, въ 1598 г. жиды замучили ребенка и бросили тѣло его между хворостомъ и камышемъ, гдѣ оно было найдено, и тогда, какъ свидѣтельствуетъ историкъ Александръ Гвагнини, трое жидовъ, по именамъ Ааронъ, Марко и Исаакъ, были приговорены люблинскимъ трибуналомъ къ смертной казни. Мало-ли тебѣ этихъ свидѣтельствъ изъ разныхъ временъ и разныхъ странъ! Если хочешь, я ихъ тебѣ откопаю еще втрое столько. Но это все такіе случаи, когда ваши жидовскія злодѣянія становились извѣстными послѣ ихъ совершенія. А сколько такихъ, которыя такъ и не открылись и не могли войти въ историческія описанія! Ваши жиды, по своему тайному закону, обязаны каждый годъ гдѣ-нибудь по очереди замучить христіанское дитя, такъ чтобы мученіе надъ нимъ имѣло подобіе со страданіями Господа нашего Іисуса Христа. Сами жиды сознались въ томъ и показали это подъ пытками въ Тирнавѣ, венгерскомъ городѣ“.

„Все, что ты говорилъ“,—сказалъ цадикъ, „есть вздоръ, и никогда того не бывало. Вольно тебѣ теперь ссылаться на такія свидѣтельства, что за шесть сотъ да за восемь сотъ лѣтъ. Тѣхъ, что могли видѣть и слышать это, давно нѣтъ на свѣтѣ. А что писано кѣмъ-то, такъ что-жъ, бумага все терпитъ! Что ты говоришь: такой-то, другой историкъ такъ написалъ, такъ развѣ ты навѣрное знаешь, что тотъ, кто это историку сообщилъ, говорилъ правду. Говоришь ты, будто жиды наши сами сознавались подъ пытками... Э, да вѣдь подъ пыткой мало-ли чего кто не наговоритъ! Иной, какъ только ему покажутъ орудія, тотчасъ всякій разсудокъ потеряетъ и понесетъ чепуху, самъ на себя станетъ наговаривать, лишь-бы

Библиотека "Руниверс"

его не терзали, а скорѣе-бы ужь вершили. А что, какъ поставятъ на острые гвозди, или начнутъ по спинѣ разожженнымъ желѣзомъ водить“!

Тутъ одинъ іудей сказалъ: „наговоришь на себя не только такое, чего никогда не дѣлалъ, а даже и такое, чего во снѣ не видалъ“!

„Какъ“!—возразилъ Сохно, „во всѣхъ славныхъ европейскихъ государствахъ издавна въ обычаѣ допрашивать преступниковъ подъ пыткою и по ихъ пыточнымъ рѣчамъ дѣла вершать. Еслибъ подъ пытками говорили на себя все только неправду, великіе короли и князья, что поумнѣе насъ, отмѣнили-бы пытку. А то вотъ нѣтъ-же: во всемъ мірѣ ее употребляютъ и по пыточнымъ рѣчамъ правды дознаются“.

„А ты самъ“, сказалъ цадикъ,—читалъ пыточныя рѣчи тѣхъ жидовъ, что сознавались? Ты ихъ не читалъ самъ, а знаешь о нихъ тоже изъ своихъ историковъ, а тѣ тоже не вѣрно передавали, потому что сами не были близки къ дѣлу, а отъ другихъ слыхали. Коли-бъ тѣ пыточныя рѣчи были на лицо, то можетъ быть оказалось-бы, что жидъ не совсѣмъ такъ говорилъ, какъ историкъ по слухамъ записалъ!“

„Ты, проклятый жидъ, нашимъ книгамъ не вѣришь и ни во что ихъ не ставишь“!—сказалъ Сохно.—„Оно и понятно: коли-бъ ты нашимъ книгамъ вѣрилъ, то нашелъ-бы въ нихъ вѣрныя доказательства, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ истинный Мессія и ты-бъ увѣровалъ въ него. А вотъ какъ ты нашихъ книгъ знать не хочешь, такъ какъ-же я тебя обличу въ вашихъ жидовскихъ злодѣйствахъ, когда о нихъ писано въ нашихъ книгахъ? Да и въ вашихъ книгахъ есть про это, только въ тайныхъ“...

„Въ нашихъ книгахъ!“ воскликнулъ цадикъ:—„въ какихъ-же это нашихъ книгахъ? Нашъ талмудъ печатанъ и всякій кто понимаетъ, можетъ читать его. Тамъ не найдешь ничего похожаго“.

„Знаемъ, знаемъ! это мы слыхали!“ Съ живостію прервалъ его Сохно. „Не все напечатано, что у васъ есть въ талмудѣ. Многое еще сберегается у васъ на письмѣ, подъ великимъ секретомъ, а такое дѣло, какъ пролитіе христіанской крови, вы и письму то повѣрять опасаетесь. Впрочемъ и въ вашемъ талмудѣ постановляется не всякія пакости чинить христіанамъ, которыхъ вы наравнѣ со всякими невѣрными именуете гоями.

Библиотека "Руниверс"

„Такъ ты, козаче“, сказалъ цадикъ, „думаешь, что все, гдѣ пишется про гоевъ, разумѣется и про васъ! Гоями называли невѣрныхъ идолопоклонниковъ, какіе безпокоили израильтянъ въ древнія времена, а васъ гоями никогда не называли, а называли назореями; и васъ и караимовъ и магометанъ мы всегда считали вѣрующими въ одного съ нами Бога, хотя по волѣ Божіей они и порознились съ нами. Я покажу въ талмудѣ мѣста, гдѣ самъ увидишь, что васъ такъ не зовутъ—гоями.

„Покажешь-то ты, покажешь!“ сказалъ Сохно,—„только мѣста эти у васъ подмалеваныя, чтобъ намъ глаза отводить, чтобъ мы вашихъ плутней не видали. Въ вашемъ проклятомъ талмудѣ писаны хульныя рѣчи противъ Господа нашего Іисуса Христа. Выдумали, что Онъ рожденъ отъ зазорной женщины, что настоящимъ отцомъ его былъ какой-то римскій воинъ Пантеръ, пресвятую Дѣву Богоматерь вы проклятымъ языкомъ своимъ дерзаете называть негоднымъ именемъ *Соно*, про Господа нашего выдумали, что Онъ творилъ чудеса не силою Божіею, а чрезъ волхвованіе, которому научился во время пребыванія въ Египтѣ, святыхъ апостоловъ называете лжецами. Учители ваши заповѣдали вамъ злобу противъ христіанина, считаемаго вами гоемъ, идолопоклонникомъ. Когда, говорятъ они вамъ, встрѣтишь божницу христіанскую, плюнь и скажи: мерзкая изъ мерзкихъ, нечистѣйшая изъ нечистѣйшихъ, будь проклята! Когда проходишь мимо христіанскаго кладбища, произнеся проклятіе, скажи: отвержена родительница ваша, конецъ христіанскій—червь и тлѣніе! Вашъ рабинъ Моисей въ книгѣ Мадда написалъ: если увидишь исповѣдующаго Іисуса Назорея близко смерти, не спасай его, а убей, и когда онъ впадетъ въ колодезь, ты камнемъ прикрой его и если увидишь вблизи лѣстницу, прими ее прочь; пусть погибаетъ! Если вы, жиды, не убиваете насъ часто, такъ это потому, что вамъ выгоды нѣтъ отъ нашей гибели, а за лучшее считаете насъ обманывать и высасывать. Этому научаетъ васъ вашъ мерзкій талмудъ и намъ слѣдуетъ истреблять ваши богопротивныя книги“.

„Не знаю! ничего такого не слыхалъ, не читалъ и не знаю!“ говорилъ цадикъ, отмахиваясь руками, словно отъ мухъ.

„Вы въ своихъ книгахъ пишете, будто мы кровь съ вашихъ дѣтей точимъ и употребляемъ. А у насъ по закону строго запрещается всякое употребленіе крови, хотя-бы животнаго. Да и для

Библиотека "Руниверс"

чего-бы то намъ нужна ваша кровь? Вы въ своихъ книгахъ сами не можете указать, зачѣмъ нужна жидамъ ваша кровь, и разныя причины выдумываете.

„Это оттого“, сказалъ Сохно, „что вы скрываете отъ насъ свою злодѣйскую тайну. Хоть васъ рѣжь, раскаленнымъ желѣзомъ жги,—вы правды не откроете! Одинъ жидъ, принявши христіанство, повѣдалъ, что тайну эту у васъ знаютъ только немногіе рабины и цадики, простые-же іудеи не знаютъ настоящаго, иные-же вовсе не увѣрены, что есть такая тайна, что сообщаетъ Іовъ Френцель. Вотъ отъ этого-то и разныя толкованія пошли о томъ, для чего нужна вамъ кровь. А что ты говоришь, что по вашему закону употребленіе всякой крови запрещается, такъ ваши цадики толкуютъ такъ: еще до Моисея Богу угодны были человѣческія жертвы. Доказательство—что Богъ приказалъ Аврааму заклать сына своего Исаака. Хотя за послушаніе Богъ и помиловалъ Авраама и вмѣсто сына указалъ ему принесть въ жертву барана, но этого барана надобно понимать иносказательно. Вотъ этого-то барана и находятъ ваши жиды въ христіанскомъ ребенкѣ. Если-бъ Богу непріятна была кровь человѣческая, такъ онъ-бы не повелѣвалъ Аврааму заколоть Исаака—толкуютъ ваши цадики. Что и послѣ Моисея у васъ, жидовъ, были человѣческія жертвы, показываетъ примѣръ судьи Іоая, который обѣщалъ въ жертву Богу принести того, кого первого встрѣтитъ, возвращаясь съ побѣдою, и встрѣтивши дочь свою, выходящую къ нему на встрѣчу, принесъ ее въ жертву Богу. Псалмопѣвецъ не даромъ-же укоряетъ израильтянъ, что они приносили сыновей своихъ и дочерей въ жертву бѣсамъ, проливали кровь невинную сыновей и дочерей своихъ и осквернилась земля кровью“. (Пс. 105).

Цадикъ прервалъ его. „Это“,—сказалъ онъ,—„говорилось къ тѣмъ, которые тогда отступили отъ истиннаго Бога“.

„Ты, жидъ, не заговаривай-то зубы“, сказалъ Сохно. „Я тебѣ вотъ что припомню. У васъ постоянно приносились жертвы, рѣзали козловъ, тельцовъ, воловъ—и воображали, что этого Богъ требуетъ, а боговдохновенные глаголы что возвѣщали? Исаія пророкъ говоритъ: что мнѣ множества жертвъ вашихъ? Исполненъ есмь крови, тельцовъ и юнцовъ вашихъ ненавидитъ душа моя. А псалмопѣвецъ, что говоритъ? – не приму тельца изъ дома твоего, ни козловъ изъ дворовъ

Библиотека "Руниверс"

твоихъ... Развѣ я ѣмъ мясо или пью кровь козловъ? Мои всѣ звѣри въ лѣсу и скотъ на тысячи горахъ... Принеси въ жертву Богу хвалу и призови меня, я избавлю тебя, а ты прославишь меня". Видишь, въ священномъ писаніи Ветхаго Завѣта, которое вы считаете за главное основаніе своей вѣры, прямо говорится, что Богу вовсе не угодны кровавыя жертвы, а ваши предки, зная это, все таки приносили ихъ по обычаю. Точно также и теперь: хоть вы намъ говорите, что законъ вамъ запрещаетъ употребленіе крови, а мы вамъ говоримъ, что если-бы и такъ было, а законъ вашъ воспрещалъ-бы вамъ кровь, вы все таки, по тайному обычаю предковъ, крадете христіанскихъ дѣтей и кровь ихъ невинную проливаете".

„Да на что намъ эта кровь? Скажите по крайней мѣрѣ, чтобъ мы знали", произнесъ цадикъ.

„Вы", сказалъ Сохно, „намазываете ее на полотно и разсылаете своей братіи по разнымъ мѣстамъ, такимъ, которые вѣдаютъ эту вашу тайну. Ее употребляютъ, когда пекутъ мацы, и черезъ это, какъ вы кровь христіанскую отвѣдываете, такъ и во всѣхъ дѣлахъ съ нами крещеными успѣхъ имѣете себѣ, въ свою жидовскую корысть, а намъ христіанамъ въ ущербъ; все это черезъ то ваше кровавое волхвованіе проклятое, вы у насъ и умъ отнимаете и глаза намъ отводите, такъ что мы хоть не хотимъ того, а вамъ поддаемся и ничего противъ васъ не подѣлаемъ. Вы всѣ жиды къ тому идете, чтобъ наше достояніе, которое мы пріобрѣтаемъ своими тяжелыми трудами, доставалось не намъ, а переходило къ вамъ въ руки, чтобъ мы, христіане, рады-не-рады, а дѣлались въ концѣ концовъ отъ васъ зависимыми, становились-бы, сами не дознаваясь отъ чего, у васъ жидовъ въ неволѣ. Этого всего вы достигаете черезъ оное кровавое волхвованіе и надѣетесь еще гораздо большаго достигнуть. Оттого-то вы такъ дорожите этимъ волхвованіемъ и сохраняете его въ непроницаемой тайнѣ. Вы, проклятые, на то на свѣтѣ живете, чтобъ съ насъ кровь и сокъ высасывать. Вы отъ честной работы убѣгаете, однимъ шахеръ-махерствомъ пробавляетесь, умѣете пользоваться нашими грѣхами и неразумiемъ, потому что мы просты и довѣрчивы и противъ васъ слабы. И что-же вы за то съ насъ и выдѣлываете?! Вонъ польскіе паны вамъ, жидамъ, маетки въ аренды отдавали, и вы эти маетки опустошали, а бѣдныхъ панскихъ подданныхъ какъ истомили и измучили. Сей-

Библиотека "Руниверс"

часъ видно, какая мастность побывала у васъ въ жидовской власти. У насъ въ гетманщинѣ, слава Богу, васъ не было съ тѣхъ поръ, какъ при блаженной памяти гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ васъ перебили и прогнали тѣхъ, что успѣли уйти отъ козацкаго оружія. А вотъ теперь вы опять къ намъ заползаете и гнѣзда свои заводите, проклятые клопы! Намъ слѣдуетъ не допускать вамъ расплодаться и размножаться, надобно ваши домы разорять, вашу всю рухлядь порубать, побить, попортить, ваши синагоги развалить до фундамента, всѣ ваши богомерзкія книги и писанія пожечь и всѣхъ васъ съ семьями вашими прогнать вонъ изъ нашего края, чтобъ и духа вашего поганаго жидовскаго не оставалось. Благоразумны были тѣ власти, что васъ кровопійцъ въ подвластный себѣ край не пускали. Такъ всегда поступали цари московскіе, и вы до сихъ поръ въ Московщину не смѣете вашего носа проклятаго сунуть. А мы вотъ хоть и живемъ подъ московскою властію, да свои права и вольности имѣемъ. Пользуясь этимъ, вы и проползаете къ намъ. Если мы не одумаемся, да не искоренимъ васъ, то изъ этого разростется для всего нашего края великое зло“!

Цадикъ пожималъ плечами и разводилъ руками. „Что на все это отвѣчать“?—произнесъ онъ наконецъ. „Вы злобствуете на бѣдныхъ жидковъ ни-за-что, клевещете на насъ, взводите на насъ небылицы! Намъ остается искать прибѣжища и помощи у Бога отцевъ нашихъ! Во всемъ Его воля, и надъ нами, да и надъ вами“!

„Панъ вельможный сотникъ“!—отозвался одинъ изъ жидовъ, „твоя милость есть тутъ власть. Не позволяй этому господину такъ порочить и безчестить наше племя. Вѣдь мы живемъ въ краѣ, гдѣ долженъ соблюдаться порядокъ и никто не смѣетъ безъ всякаго повода оскорблять другихъ“.

Вендюхъ отвѣчалъ:

„Я не дозволю никому дѣломъ васъ оскорблять, а что онъ языкомъ говоритъ, я не могу его взять за горло и языкъ у него вытянуть. Вы, жиды, не какіе-нибудь правящія лица, что про васъ никто не смѣй дерзкаго слова произнести. Онъ такъ думаетъ про васъ, такъ и говоритъ, и вы противъ него говорили. Тутъ мое дѣло сторона. Повторяю, если-бъ кто васъ сталъ оскорблять дѣломъ, я-бы не похвалилъ этого и не дозволилъ“.

Библиотека "Руниверс"

„Дѣломъ нельзя, а словомъ можно! Но отъ слова не такъ-то далеко и до дѣла. Все такъ бываетъ: начинается словомъ, а кончается дѣломъ“,—сказалъ одинъ іудей.

Лошади поѣли. Вендюхъ привѣтливо простился съ хозяиномъ и разомъ съ своимъ спутникомъ сѣлъ въ запряженную бричку. Козакъ, сидѣвшій на козлахъ, сдѣлалъ взмахъ бичемъ. Лошади тронулись.

И. Н. Костомаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Библиотека "Руниверс"

ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ

(по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ).

Въ 1775 году, во время разоренія запорожской Сѣчи драгунами Текелія, былъ одинъ трагическій моментъ, едва отмѣченный исторіей, но не забытый и подробно переданный намъ украинскими народными пѣснями,—моментъ, когда свободолюбные січовики въ отчаяніи просили своего „батька—Кошового“:

„Позволь, батьку—отамане.
Намъ на башті стати:
Москаль стане лаштрями,
А мы курінями,
Москаль стане зъ палицями,
А мы зъ кулакими,
Нехай буде наша слава
Поміжъ козаками“!

—*„Не позволю милє братьтя!“*, отвѣчалъ томившійся потомъ въ застѣнкахъ соловецкаго монастыря Калнишевскій.

—„Не позволю, милє—братьтя,
Вамъ на башті стати:
Однакове христіянство—
Грішно выгублятн“!

И часть козаковъ, какъ извѣстно, покорилась волѣ своего батька—отамана, продиктованной ему тѣмъ безсознательнымъ народно-политическимъ чутьемъ, которое выражаетъ такъ часто въ примитивной, но удобопонятной формѣ самыя сложныя идеи общественности. Другая-же часть—меньшинство сказала отаману:

Библиотека "Руниверс"

„Оставайся-жъ, панъ-отаманъ,
Въ Січі зъ писарями"!..,

(Зап. отъ Тараса Корніенка и др. въ с. Тульчѣ).

понадѣялись на то, „что добре буде запорожцамъ и підъ туркомъ жити", „посідали на лодочки, та й за Дунай махнули"! Оставшаяся большая часть запорожскихъ козаковъ составила собою, какъ извѣстно, черноморское козачье войско, другая-же, сравнительно гораздо меньшая часть успѣла уйти внизъ по Днѣпру въ предѣлы турецкой имперіи и получила позволеніе отъ турецкаго правительства поселиться на устьяхъ Дуная. Этотъ послѣдній фактъ отмѣченъ въ исторіи и составляетъ предметъ многихъ историческихъ пѣсенъ украинскаго народа. Но затѣмъ вся дальнѣйшая судьба этой запорожской эмиграціи остается неизвѣстной вплоть до 1828 года, когда Кошевой атаманъ задунайской Сѣчи Осипъ Гладкій перешелъ во время войны съ Турціей на сторону Россіи и съ частью своихъ запорожцевъ вернулся обратно въ свое прежнее отечество и положилъ основаніе недолго впрочемъ существовавшему азовскому козачьему войску. Всѣ историческія свѣдѣнія о задунайской Сѣчи ограничиваются, сколько намъ извѣстно, только нѣсколькими указаніями на то, что она постоянно служила пріютомъ бѣжавшихъ отъ крѣпостнаго права и рекрутчины украинскихъ крестьянъ и что русское правительство нѣсколько разъ обращалось къ задунайскимъ запорожцамъ съ предложеніями вернуться обратно въ Россію. Что-же касается организаціи, внутренняго быта и исторической жизни задунайскаго украинскаго козачества въ теченіи послѣдней четверти прошлаго и первой четверти нынѣшняго столѣтій, то на все это мы не находимъ почти рѣшительно никакихъ указаній во всей извѣстной намъ исторической литературѣ. Между тѣмъ исторія запорожцевъ за Дунаемъ въ теченіи этого, все-таки довольно значительнаго періода времени не можетъ не быть для насъ интересною; съ одной стороны потому, что задунайская Сѣчь представила собой уцѣлѣвшій почти до нашего времени обломокъ извѣстной народной организаціи, существовавшій вполнѣ самостоятельно и сохранившій до конца свой оригинальный общественный складъ и наконецъ оставившій послѣ себя замѣтный слѣдъ въ видѣ современнаго украинскаго населенія Добруджи и дунайской Дельты—

Библиотека "Руниверс"

и съ другой стороны потому, что мы не можемъ оставить безъ вниманія судьбу этой украинской эмиграціи, рѣшившейся бравировать всѣ тѣ національныя и общественныя неудобства, какія возникали для ня съ переселеніемъ въ Турцію, опасенія которыхъ заставили отступить Калнишевскаго передъ смѣлымъ предложеніемъ послѣднихъ днѣпровскихъ січовиковъ.

Великорусское старообрядческое и раскольничье населеніе Добруджи все-таки привлекало къ себѣ вниманіе или правительственныхъ агентовъ, въ родѣ Надеждина, или хоть такихъ, болѣе случайныхъ и очень односторонникъ, посѣтителей этой страны, какимъ былъ напр. извѣстный Кельсіевъ; но и это вниманіе касалось главнымъ образомъ не столько бытовой жизни и народной организаціи добруджскихъ старовѣровъ, сколько ихъ религіозныхъ воззрѣній и церковнаго устройства, украинское-же населеніе этой страны какъ будто-бы даже вовсе не было ими замѣчено. Единственнымъ посѣтителемъ Добруджи, оставившимъ намъ хоть какія-нибудь замѣтки о задунайской Сѣчи, оказывается бывшій генералъ турецкой службы Садыкъ-Паша (Михаилъ Чайковскій), извѣстный въ литературѣ какъ одинъ изъ писателей польско-украинской школы, и въ политикѣ, какъ авантюристъ, сдѣлавшій между прочимъ неудачную попытку организаціи остатковъ добруджскихъ некрасовцевъ и русняковъ въ иррегулярное турецкое войско, названное имъ „козаками оттоманскими“. Но крайне смутныя и отрывочныя свѣдѣнія этого писателя, изложенныя въ его агитаціонной книгѣ „*Kozaczyzna w Turcyi*“, [1]) до такой степени спутаны и тенденціозно обработаны, что рѣшительно не могутъ имѣть никакого значенія, безъ самой тщательной провѣрки каждаго заключающагося въ нихъ факта. Чайковскій говоритъ, что при немъ, въ 1845 г., въ Добруджѣ было двое старыхъ запорожцевъ: въ Кучукъ-Сейменахъ надъ Дунаемъ возлѣ Гирсовы—Семенъ Безверхій, послѣдній атаманъ платнірівськаго куріня, и въ Кара-Орманѣ—Степанъ Заремба, по прозвищу карагарманецъ, послѣдній осавула задунайской Сѣчи (?). Первый изъ нихъ съ Василіемъ Сѣдлецкимъ, куреннымъ атаманомъ поповичівського куріня,

[1]) *Kozaczyzna w Turcyi*, dzieło w 3-ch częściach, przez X. K. O. Paryż 1857. Инкогнито автора существуетъ только на заглавномъ листкѣ, далѣе-же все изложеніе прямо ведется отъ имени Ч—аго.

Библиотека "Руниверс"

будто-бы предводительствовалъ тѣми козаками, которые были отправлены въ 1828 г. въ Силистрію. Кромѣ того Чайковскій говоритъ еще о своемъ знакомствѣ съ запорожцемъ Завильскимъ, около Дунавца, и Василіемъ Смыкомъ, бывшимъ Кошевымъ въ Каликѣ. На основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему этими лицами, а также служившимъ подъ его начальствомъ козакомъ Иваномъ Щербиною, сыномъ Василя Щербины, будто-бы перенесшаго Сѣчь въ Дунавецъ, Чайковскій дѣлаетъ краткій историческій очеркъ задунайской Сѣчи. Но такъ какъ этотъ очеркъ, къ сожалѣнію, и начинается съ самыхъ явныхъ натяжекъ, въ родѣ желанія во что-бы ни стало вывести происхожденіе задунайской Сѣчи отъ Мазепы и его свиты, и въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи заключаетъ такія явныя несообразности, какъ разсказъ о какой-то шубѣ, бывшей, по его словамъ, знакомъ достоинства Кошеваго, которую кошевые носили запитой на себѣ и никогда не снимали, боясь потерять свое званіе вмѣстѣ съ шубой и т. п., такъ какъ, наконецъ, весь этотъ очеркъ Чайковскаго проникнутъ явной тенденціей доказать важное участіе въ судьбахъ Сѣчи польскаго элемента, который, нужно замѣтить, очень усердно отождествляется у него съ запорожскимъ и составляетъ, въ виду возстановленія польскаго королевства, исходный пунктъ всей оттоманской козачизны, то очевидно самъ по себѣ онъ не даетъ никакого и приблизительнаго даже понятія ни о внутренней жизни задунайской Сѣчи, ни даже объ ея хронологической исторіи. Затѣмъ нѣсколько небольшихъ замѣтокъ, касающихся запорожцевъ за Дунаемъ, помѣщенныхъ въ нашихъ историческихъ журналахъ, да не особенно подробныхъ біографическихъ статей о послѣднемъ Кошевомъ О. Гладкомъ, также не представляютъ собой сколько нибудь обстоятельнаго матеріала для исторіи задунайской Сѣчи, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они заключаютъ въ себѣ множество самыхъ крупныхъ неточностей, не исключая даже и такой статьи, какъ біографія Гладкаго, написанная его роднымъ сыномъ для „Русской Старины“ (Февр. 1881 г.).

Въ виду такого, почти полнаго отсутствія литературныхъ данныхъ относительно задунайской Сѣчи, автору этой статьи, очутившемуся случайно въ Добруджѣ и познакомившемуся съ украинскимъ ея населеніемъ, не оставалось ничего больше, какъ обратиться къ мѣстной народной литературѣ, къ разсказамъ и воспоминаніямъ

Библиотека "Руниверс"

старшковъ, и т. п. Что касается украинскихъ народныхъ пѣсень, сохранившихся, кстати сказать, въ Добруджѣ едва-ли не лучше, чѣмъ въ Украйнѣ, то, судя по тому, что было нами собрано (около 70 однихъ историческихъ, представляющихъ болѣе или менѣе неизвѣстные до сихъ поръ варіанты), слѣдуетъ думать, что за исключеніемъ времени переселенія за Дунай и нѣкоторыхъ обстоятельствъ послѣ этого переселенія, но во всякомъ случаѣ не дольше начала нынѣшняго столѣтія, пѣсенное народное творчество почти совершенно угасло среди добруджскаго украинскаго населенія, не захвативши событій, составляющихъ исторію задунайской Сѣчи. Но крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ, собранныхъ мною, нѣтъ рѣшительно *ни одной*, которая-бы относилась хоть къ главнѣйшимъ изъ этихъ событій. Нѣкоторыя пѣсни, болѣе лирическаго содержанія, выражаютъ тоску по родинѣ, нежеланіе умирать „на чужині“, желаніе и надежду перевести за Дунай свою семью и т. п.—и только. Что касается за тѣмъ устныхъ преданій и разсказовъ, то въ этомъ отношеніи поиски оказались болѣе счастливыми: почти отъ каждаго старика удавалось услышать то или другое, болѣе или менѣе интересное, болѣе или менѣе характеризующее жизнь бывшаго задунайскаго Запорожья. Но истинной находкой въ этомъ отношеніи оказался стодвадцатилѣтній старецъ, самъ бывшій запорожецъ, Апаній Ивановичъ Коломіецъ.

Въ самомъ уголкѣ, образуемомъ впаденіемъ георгіевскаго гирла Дуная въ Черное море, вдоль лѣваго берега этого гирла, пріютилась за обрубленными по малороссійски вербами—малороссійская-же рыбачья деревня *Катирлезъ*. Вотъ въ этой-то деревенькѣ, обозначенной далеко не на каждой картѣ, но игравшей и до сихъ поръ играющей еще очень важную роль въ качествѣ надежнаго пристанища для разнаго рода украинскихъ „забіглихъ душъ“, пришлось мнѣ встрѣтиться съ Коломійцемъ, этимъ, сколько мнѣ извѣстно, единственнымъ уже живымъ представителемъ бывшей задунайской Сѣчи. Разсказы этого послѣдняго задунайскаго „січовика“, по счастью сохранившаго еще удивительную для его лѣтъ память, записанные съ его словъ со всевозможною тщательностію и составятъ главный матеріалъ настоящей статьи, такъ какъ воспоминанія стараго запорожца охватываютъ безъ малаго почти все время существованія задуйнайской Сѣчи и даютъ возможность составить себѣ

Библиотека "Руниверс"

болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о соціальной жизни этой козацкой общины. Вслѣдствіе этого, а также и потому, что личность самого Коломійця представляетъ сама по себѣ чрезвычайно много интереснаго, служа живой иллюстраціей эпохи, намъ кажется вполнѣ умѣстнымъ познакомить сначала читателя съ этимъ самимъ главнымъ и, такъ сказать, живымъ источникомъ настоящей статьи.

Слыша давно уже о Коломійцѣ, какъ о человѣкѣ, который могъ-бы сообщить мнѣ наиболѣе свѣдѣній о дунайскихъ запорожцахъ, я нарочно отправился въ Катирлезъ съ цѣлью познакомиться со старикомъ. Благодаря любезности знакомыхъ рыбалокъ Григорія и Якима Александровичей, давшихъ мнѣ у себя пріютъ, Коломиецъ, почти черезъ часъ послѣ моего пріѣзда былъ уже у насъ въ хатѣ. Степенно войдя, медленно снявши шапку и не обращая вниманія на привѣтствія, онъ нѣсколько разъ перекрестился по направленію къ иконамъ и затѣмъ только отвѣтилъ на наши привѣтствія. Сильно сгорбленный, съ небольшимъ уже количествомъ волосъ на сѣдой головѣ и на пожелтѣвшей уже клинообразной бородѣ, онъ все таки носилъ на себѣ ясные слѣды прежней мужественной красоты и богатырскаго сложенія. Необыкновенно спокойный топъ, неизмѣнная старчески-добродушная улыбка и словоохотливость, съ небольшой подчасъ примѣсью обычнаго малороссійскаго юмора, столь свойственнаго нашимъ „дідамъ“, съ разу-же облегчили начало нашихъ разговоровъ. Вспомнивъ двухъ-трехъ общихъ знакомыхъ, тоже стариковъ изъ Тульчи, ихъ разсказы о старинѣ и пр., я съ разу навелъ старика на біографическія воспоминанія и т. д... Не замедлила явиться разумѣется и „чарочка“:

— „Вина не пью, спасибі вамъ!... Вже годъ десять не пью,— мені одъ єго у грудяхъ якось важко... а отъ ракй (водки) выпью!.. Вона мене тільки й на світі держить!“..., прибавилъ онъ съ добродушной усмѣшкой.

Скоро потомъ, въ очень деликатной формѣ, онъ освѣдомился у меня о цѣли моихъ разспросовъ и при этомъ прибавилъ:

— „Тутъ, бачите, приїздили одни... роспитувались... вони думаютъ, що я знаю, де запорожськи скарби позакопувані... Ге!... якъбы я знавъ!... хиба-бъ я самъ не догадався выкопати, а то отъ бачите!..., указалъ и онъ на свою сильно поношенную, почти нищенскую одежду, состоявшую изъ сѣраго полотнянаго „чекміня“, на-

Библиотека "Руниверс"

дѣтаго сверхъ такого-же синяго, полотняныхъ шароваръ и „сирчуватихъ постолівъ“, родъ башмаковъ, изъ невыдѣланной свиной кожи, шерстью наружу.

Я объяснилъ старику, почему для меня важны его разсказы;—это его повидимому заинтересовало. Онъ сообщилъ мнѣ, что самъ видѣлъ книги, въ которыхъ говорилось о старинномъ днѣпровскомъ Запорожьѣ, и хотя самъ грамоты никогда не зналъ, но слышалъ, какъ читали другіе... Вообще мое любопытство по отношенію къ Запорожью очевидно было понято и принято съ замѣтнымъ удовольствіемъ... Старикъ очень охотно принялся уже было за продолженіе прерваннаго эпизода изъ войны запорожцевъ съ некрасовцами, когда я опять остановилъ его просьбою позволить мнѣ записывать его разсказы.

— „Эге... то коли такъ, що вы оце й писати будете, то нехай я вже вамъ розкажу зъ самого початку, якъ ще воно зъ початку вікá було!“...

Само собой разумѣется, что я поспѣшилъ попросить его объ этомъ и старецъ, принявши какъ будто-бы нѣсколько болѣе торжественный тонъ, началъ:

— „Бувъ, бачте, князь Юрикъ... Духоборці, значить були, чи якъ вамъ сказать... нашого Бога не знали, а ихъ, народу того 13 сортівъ було, а Юрикъ отой бувъ найдужчий... а іздили вони у Київъ... Та може вы сами це знаете, се-жъ у книзі пишется, вы-жъ люди письменні!.. Ну, то ото-жъ іздили вони у Київъ, а Київъ благочестивий бувъ тоді, а вони насміхалися, що тамъ и книги и типографхвіи, и ото усе зъ того Юрика уставало. А у Київі воно отъ якъ повелось: Глібъ и Борисъ—князи тамъ були, то вони просили грецькихъ царівъ за граматныхъ людей,—отъ греческьки цари й послали до ихъ двохъ пресвитерівъ—Кирилія и Мехтодія, а тиі вже усе и устроіли по настоящому—и книги и печаті и типографхвіи, а Юрикъ у те времъя не приіздивъ у Київъ, то й не знавъ... А якъ вони вже ото поробили, тиі пресвитери, та выйшли собі звідти, то Мехтодій пішовъ у римську сторону, а Кирилій пішовъ у святу-гору. Отоді-жъ невірний князь Юрикъ, якъ довідавсь про се, то зібравъ свои 13-ть князівъ та й ставъ говорити: „яке право іміли греческьки цари присилати пресвитерівъ у нашу землю?! а соберемъ мы силу свою усю и підемъ воювать и Царяградъ візьмемо!“ А у

Библиотека "Руниверс"

Царяграді старі люде вже знали се діло, що йде такий-то князь невірний и хоче Царяградъ узять,—то пішли вони у церкву, у Лахерню (тамъ церква така есть—Лахерня) и стали передъ иконою, передъ Матірью Божою и кажуть, що йде сила, невірна Литва и хоче насъ звоювать... А Матірь Божа у те время чудотворна була (то була явленна, а то чудотворна зробилась,—стала говорить зъ ими), то вона имъ каже: „візьмить вы мою ризу и станьте коло моря, бо вони йдуть флотомъ своимъ (тоді парусивъ не було, такъ гребли собі, який тамъ и флотъ бувъ!..), умочить мою ризу у море, та й тікайте, якъ можете сами, бо збунтуеться у морі вода: те що зверху було, те буде на споді, а те, що на споді було, стане зверху и пожре ихъ усіхъ и потопить!“ А князь Юрикъ узнавъ, що буде тая казнь на ихъ, що вытопитъ ихъ усіхъ до ноги—щобъ одна нога не осталась, то самъ не пішовъ, а вернувсь назадъ и була зъ имъ часть воинивъ и пішовъ вінъ у Бранськи лісá, у гору на Дніпрі, у свою землю. Отъ тамъ вінъ осівъ и присягнувсь німцеви: „мы тобі будемо служить, не хочемъ и жалуваньня, тільки дай намъ бумагу—бунчукъ, а мы сами себе будемо годувать (звістно розбійники!), а якъ хто воювати буде, дамо тобі помочи“... Вони й одъ поляка мали таку бумагу—одъ короля польського...

По скончені вікá польського короля, розбито Польщу на чотыри части и зроблено чотыри гетьманы на усю Польщу. То отиі польськи гетьманы набірали козаківъ-охотниківъ, жалуваньня имъ давали, и служили вони коло тихъ гетьманівъ... А у після довідались вони про Юрика, що вінъ на Дніпрі козакувавъ, та й почали до ёго втікати, а вінъ и радъ—приймавъ ихъ—годъ, два, три—вони туди й повтікали одъ папівъ, выйшли усі туды!... Оттамъ вони й жили у Чýті... Чута—се лісъ! Се у вершині Дніпра... то усе ліса такиі були: Чорний Лісъ и Великий-Лугъ и Байракъ и Чута... Чýта—дубина: нема нікого лісу, тільки сама дубина... Оттамъ и Січа була, тамъ вона зачипалася... Тоді ще Киіва мало й було,—Киівъ называвсь *Берестй*, а вже потімъ назвавсь Киівъ черезъ двохъ чоловікъ—одинъ *Кій* бувъ, а другий *Йовъ*... А козаки тиі, якъ ще у Чуті були, не звались ще Січъ, а звались Козары... Тамъ Дáнське озеро есть—нема па ёму ни комышу, ничого—а воно глыбоке—то недалеко одъ ихъ було... Ото-жъ за тую Чýту й пісня есть, якъ вони тамъ жили:

Библиотека "Руниверс"

„У славній Січі, у Чуті,
Тамъ козаки проживали,
Изъ польскої области
Вони собі добичъ мали:
А дерли вони панівъ,
Дерли вони ляхівъ,
А де-жидъ багатый,
До й того не минали“... и т. д. [1]).

Отъ вони чи годъ, чи два, чи три ложили тамъ, та й стали церкву робить. А Юрикъ бувъ идолопоклонецъ:—„на що, каже, тая церква вамъ, то козаки й втекли тоді... на шарахванські поля втекли... оці степи, що теперъ катеринославська, херсонська губернія—то вони звались шарахванські поля. Оттуди козаки й пішли: чотыри годы робили лодки—мостились усе, щобъ пороги перейти, а якъ выйшли, то лодки на собі несли, обносили пороги сухопутьтю. Оттоді вже й назвались вони запорожці... Вони Петрови служили, й Катерині служили... А коли князь Потемкинъ бувъ при Катерині (польскі паны й руські паны усе могли при Потемкині), отъ Потемкинъ и сказавъ, щобъ козаківъ повернути у москали, у салдаты... И що то тревоги було тоді! Калнишъ Грицько тоді Кошовымъ бувъ—а вінъ бувъ швець, то ото й казали: „якъ паномъ швець, то й Січі кінець!“... А після турецької війны запорожцямъ Катерина дарувала земли надъ Дністромъ, у Слободзеі—пониже Тирасполя... Вони тамъ и осіли. Кошовый Антонъ Головатый бувъ, то вінъ ото й вывівъ ихъ зъ Басарабіи зновъ підъ Херсонъ, а тамъ и далі вже... И про се пісня е, отъ нехай може пригадаю:

„Ой, тысяча-сімсотъ да девьяносто якъ и первого года,
Прийшовъ указъ одъ нашои царици—зъ Петербурга города:
Ой щобъ панъ Чепіга, та панъ Головатый зібравъ усіхъ запорожцівъ,
А й зібравши усіхъ запорожцівъ, та йшовъ на кубанськи степи жити!“ и т. д.

Я не прерывалъ этого разсказа, нѣсколько поразившаго меня сначала своей очевидной книжностью, и считаю себя въ правѣ познакомить съ нимъ читателя, думая, что этотъ отрывокъ нельзя не

[1]) Пѣсня эта въ числѣ прочихъ сообщена нами въ ред. «Кіев. Стар.».

Библиотека "Руниверс"

считать весьма характернымъ, дающимъ намъ понятіе не только объ уровнѣ историческихъ свѣдѣній средняго *неграмотнаго* дунайскаго запорожца, какимъ былъ Ананій, но отчасти и о томъ, какимъ путемъ сложились у него эти свѣдѣнія и представленія. Какой-то случайно попавшійся курсъ русской исторіи или книга по исторіи Украйны, отрывки изъ житій святыхъ, наконецъ народная пѣсня и устное преданіе старыхъ запорожцевъ,—все это, будучи прослушано съ очевиднымъ интересомъ и усвоено сообразно со вкусомъ и умственными потребностями слушателя, охотнѣе всего останавливающимися на воинныхъ и религіозныхъ сюжетахъ, все это и составило матеріалъ тѣхъ историческихъ представленій, какія мы видимъ въ только что приведенномъ отрывкѣ. Само собою разумѣется, что это рядъ фактовъ или лучше сказать отдѣльныхъ картинъ, сдѣлавшихъ въ свое время впечатлѣніе на слушателя, рядъ хотя и страшно перепутанный хронологически, заставляющій Рюрика жить въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, отождествляющій его „разбойничью“ дружину то съ духоборцами (по вѣрѣ), то съ „невірною Литвою“ (признаться, нельзя было при этомъ не вспомнить Н. И. Костомарова), то наконецъ съ козачествомъ, но все таки представляющій собой нѣчто цѣльное и въ сущности очень осмысленное. Самый подборъ фактовъ въ этомъ отрывкѣ, происходившій, какъ мы говоримъ, сообразно вкусамъ и умственнымъ требованіямъ неграмотнаго человѣка, чрезвычайно интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ фигурируетъ именно то, что особенно занимало человѣка: племенная организація и федерація славянъ, св. мученики Борисъ и Глѣбъ, вмѣсто св. Владиміра, Кириллъ и Меѳодій, Кіевъ, какъ первый центръ не только христіанства, но и грамотности и вообще культуры, неуваженіе варяга-Юрика къ этой культурѣ и походъ его на греческихъ царей за водвореніе ея въ подвластномъ ему Кіевѣ, Литва, Польша, крѣпостное право и борьба съ панами, полное отсутствіе всякаго упоминанія о гетманствѣ и о Малороссіи, какъ объ извѣстной политической единицѣ, и напротивъ отождествленіе всей политической жизни Украйны съ судьбой Запорожья, точь въ точь какъ и въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ, которыя не пропускаютъ ни одного событія, непосредственно-близкаго народнымъ интересамъ, и совершенно игнорируютъ такіе крупные, повидимому, факты, какъ уничтоженіе гетманщины и т. п.

Библиотека "Руниверс"

Къ этой характеристикѣ Коломійца, которая дается только что приведеннымъ нами началомъ его разсказовъ, прибавится еще довольно многое въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи. Теперь пока мы познакомимся съ его біографіей. Апаній Ивановичъ родился въ с. Велика-Ніщапа, недалеко отъ Балты, „теперъ мабуть камінецькой губерніи, а була винницька". Года своего рожденія онъ точно не указываетъ, но говоритъ, что во время раздѣла Польши, который онъ очень хорошо помнитъ, вслѣдствіе переполоха произведеннаго на его родинѣ замѣною уніатскихъ священниковъ православными, ему было около 7-ми лѣтъ или 10-ти лѣтъ *). На этомъ основаніи онъ считалъ себѣ во время нашего перваго свиданія съ нимъ, т. е. въ ноябрѣ 1881 г., 119 лѣтъ. Впослѣдствіи, когда свободное населеніе Украйны раздарено было вмѣстѣ съ землей разнымъ лицамъ, находившимся „въ случаѣ", Коломіецъ попалъ въ число крѣпостныхъ крестьянъ извѣстнаго Салтыкова: „Катерина подарувала земли й народъ увесь господамъ... Князь Салтыковъ заступивъ оти края... и я бувъ съ салтыковскихъ людей",—эпически повѣствуетъ онъ объ этомъ обстоятельствѣ. „Оттоді-жъ почали й людей у москали брать, разсказываетъ онъ далѣе, съ 500 чоловікъ одного салдата брали попереду, а у після вже й 2-хъ, и 3-хъ и 4-хъ съ пятисотъ душъ, а тамъ якъ стали вже добре брати, то вже не питали, чи є души, чи нема,—абы тулубъ якъ бувъ"!... Эту судьбу пришлось испытать и Коломійцу. За два года до смерти Екатерины II-й, т. е. въ 1794 г., онъ взятъ былъ въ военную службу. Сначала онъ былъ опредѣленъ въ рекрутскую партію, а потомъ въ „вятскій церемонный полкъ", затѣмъ былъ переведенъ въ выборгскій гренадерскій полкъ и наконецъ въ первую армію. Въ теченіи этого времени онъ уже успѣлъ быть произведеннымъ въ унтеръ-офицеры, прослуживъ въ этомъ званіи два года, и наконецъ въ 1802-мъ году „втікъ". „Чутка пішла, говоритъ онъ, що пани за Дунаемъ, у Туреччині, що тамъ добре, та й дядько у мене тамъ бувъ... Отъ я собі думаю: „дай мені Господи тільки туды"!... Съ мѣста стоянки, находившейся около Одессы, Коломіецъ вмѣстѣ

*) Тутъ, какъ видно, Коломійцу измѣнила его память. Вмѣсто послѣдняго раздѣла Польши, надо разумѣть Колиивщину 1768 г., когда также шла усиленная замѣна уніатскихъ священниковъ православными.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

съ 15 товарищами пробрался къ берегу Днѣстра, тамъ добрые люди перевезли ихъ на турецкую сторону и наконецъ, послѣ разныхъ приключеній, онъ попалъ въ рыболовный заводъ въ Мологу, къ какому-то турку, который вѣроятно воспользовался ихъ положеніемъ, какъ военныхъ дезертировъ, и продержалъ ихъ у себя въ теченіи цѣлыхъ 5-ти лѣтъ. Въ 1807 году „прiхавъ Турчинъ та й каже: „прийде московъ... не можна цiмъ людямъ тутъ бути", далъ имъ денегъ и они отправились въ Измаилъ, дошли до Табаки, „а у Табакахъ 14-го февраля москаль перейшовъ, та усе за нами: вiнъ не дожене, а мы не втечемъ"!... Наконецъ они ушли въ Молдавію, гдѣ и „бурлаковали" до 1811 года, когда въ придунайскихъ княжествахъ происходила провѣрка населенія смѣшанными коммисіями изъ депутатовъ русскаго, турецкаго и румынскаго правительствъ. При этой провѣркѣ они объявили себя турецкими подданными, чего оказалось достаточнымъ, чтобы получить отъ турецкихъ коммиссаровъ „бешлягiвъ" по „стопарнику" (50 сант.) и съ напутствіемъ: „запорожанъ—козакъ—гайда"! быть отправленнымъ въ Сеймены, село пониже Силистріи, по ту сторону Дуная, гдѣ находился въ то время запорожскій Копiй. Такимъ образомъ, послѣ девятилѣтнихъ скитаній и бурлачества, Коломийцу удалось наконецъ попасть на Сѣчь. Еще по дорогѣ туда какой-то козакъ Иванъ посовѣтовалъ ему записаться въ платнирiвськiй курень: „йди брате у курiнь платнирiвський- курiнь добрый—зъ насъ и паны, зъ насъ и отаманы"!... „А тамъ тоді за отамана бувъ Малюта, то той мене й прiнявъ... то такъ я й зробивсь запорожцемъ", разсказываетъ онъ. Съ этого времени, т. е. съ 1811 года, Коломiецъ становится уже очевидцемъ и участникомъ запорожской жизни за Дунаемъ и поэтому воспоминанія его пріобрѣтаютъ полный интересъ. Вмѣстѣ съ прочими запорожцами онъ участвовалъ въ походахъ противъ некрасовцевъ, въ переселеніи изъ Сейменовъ на устья Дуная, сначала въ Катирлезъ, а потомъ на постоянное мѣсто Коша на Дунавецъ. Въ дальнѣйшихъ военныхъ экспедиціяхъ запорожцевъ Коломiецъ не участвовалъ, за исключеніемъ одного случая, да и то не имѣвшаго чисто-военнаго характера, когда отрядъ запорожцевъ былъ вытребованъ въ Константинополь для земляныхъ работъ по устройству каузовъ. „На Серба не ходивъ—наймавъ за себе козака", что, какъ увидимъ далѣе, съ грѣхомъ пополамъ

Библиотека "Руниверс"

практиковалось на Сѣчи далеко не рѣдко, особенно людьми располагавшими извѣстными средствами. Судя по разсказамъ Коломійца, онъ принадлежалъ къ числу именно такихъ, болѣе привилегированныхъ членовъ казацкой общины: „у Дунавці було парів (десять) у мене тропки, а тутъ ще дядько бувъ—у ёго карманы були (заводы), то я тутъ у Катирлезі більше й терся... Одинъ заводъ сплативъ ёму, а другий оставсь після ёго смерти". Затѣмъ въ 1821 году Коломіецъ вернулся въ Россію. О причинахъ своего возвращенія онъ самъ говоритъ, что „черезъ те й пішовъ, що греческый розмирь починався: якъ-би не пішовъ, то хто ёго зна, за яку віру й голову-бъ прийшлось нести"!.. Возвращеніе Коломійца въ Россію было фактомъ не единичнымъ, какъ увидимъ далѣе, это было цѣлое движеніе, во главѣ котораго стоялъ одинъ аѳонскій архимандритъ Филаретъ, ставившій главнымъ мотивомъ этого движенія непристойность христіанамъ сражаться вмѣстѣ съ магометанами противъ христіанъ. Разумѣется, кромѣ этого, такъ сказать, высшаго побужденія, на рѣшеніе Коломійца оставить Сѣчь легко могло вліять и просто нежеланіе участвовать въ походѣ, при несогласіи товарищества на замѣну личной службы наймомъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ походѣ противъ Сербіи. Въ Россіи онъ жилъ на Ганьскихъ степяхъ, возлѣ Одессы и тамъ-же, имѣя уже около 60-ти лѣтъ, женился. Надоѣла-ли потомъ привыкшему къ бурлацкой жизни сѣчевику монотонная семейная обстановка, или просто взяла верхъ привычка къ свободнымъ дунайскимъ плаваніямъ, но въ 1828 г. онъ склоняется на приглашеніе козака Губы, эмиссара бывшаго Кошевого Гладкого, и отправляется опять за Дунай, куда въ то время вернулся и Гладкій и собиралъ опять козаковъ на прежнія мѣста, такъ какъ назначеніе козаковъ, передавшихся вмѣстѣ съ Гладкимъ Россіи, не было еще рѣшено въ виду неизвѣстности, кому еще будутъ принадлежать устья Дуная. Съ Гладкимъ однако Коломіецъ не сошелся и послѣ полуторагодичныхъ препирательствъ не послѣдовалъ за нимъ подъ Азовъ, а остался за Дунаемъ, на этотъ разъ уже навсегда. „Тутъ ерикъ бувъ у мене на Горгові, говоритъ онъ объ этомъ періодѣ своей жизни, живъ собі, рыбаливъ, капканами охотничівъ, ...живъ собі... Діти повмирали, усе перемерло—отъ оставсь, якъ бачите!.. що було, то дітямъ та зятямъ порозділявъ... а самъ оттакъ-о!"...

Библиотека "Руниверс"

Но какъ ни слабы повидимому связи старика съ его родиной, столѣтняя, полная приключеній жизнь все таки не изгладила у него глубокой привязанности къ родной сторонѣ. „Отъ бачите, Х—ъ К—чь“, говорилъ онъ мнѣ, разсказавши свою біографію, „мою нужду й горе й літа моі... сто девятнадцять годъ лічу вже... а отъ повірите, якъ-бы можна було, заразъ-бы пішовъ туди, у Россію, на восточну сторону!!. Вы думаете, не найшовъ-бы дороги? э.. э..!!..

Раза два или три я посѣтилъ Коломійца въ его жилищѣ. Въ Катирлезѣ онъ жилъ у своей пріемной дочери, въ маленькой избенкѣ, очень бѣдной и не приглядной. Своего онъ ничего уже не имѣлъ, но это въ значительной степени замѣнялось общей симпатіей и уваженіемъ, какими онъ пользовался среди тамошняго населенія, никогда не забывавшаго по возможности угостить старика и съ большимъ интересомъ слушавшаго его разсказы...

Въ сентябрѣ настоящаго года, благодаря любезному содѣйствію редакціи „Кіевской Старины“, я имѣлъ возможность еще разъ увидѣться съ Коломійцемъ. Но это уже было печальное свиданіе, сдѣлавшее на меня крайне тяжелое впечатлѣніе. Простудившись прошлой зимой, Ананій Ивановичъ заболѣлъ, лишился глаза и рѣшилъ переѣхать на жительство въ с. Нижній-Дунавецъ, въ 2-хъ 3-хъ верстахъ отъ Верхняго-Дунавца, мѣсто бывшей Сѣчи. Пріѣхавши въ Н. Дунавецъ, мы съ моимъ спутникомъ по путешествію разыскали хату его „годованця“ Тимоша Коломійченка и нашли старца во дворѣ, сидящимъ на землѣ, прислонившись спиною къ какой-то бревенчатой клѣткѣ, въ которой заперты были свиньи. Бѣдный старикъ былъ уже на половину слѣпъ (одинъ глазъ совсѣмъ вытекъ), съ отнятыми параличемъ ногами, нижняя челюсть отвисла, лицо приняло совсѣмъ уже безсмысленное выраженіе—словомъ, какъ говорится, на краю могилы. Несмотря на это, старикъ не только узналъ меня, но видимо обрадовавшись моему пріѣзду, даже припомнилъ самъ мое имя и отчество... Но говорить съ нимъ было уже трудно... „Не чуе сіромський дідъ... нічого не чуе!“—объяснялъ намъ едва поднявшійся отъ земли его названный внукъ... Старикъ чрезвычайно быстро утомлялся, начиналъ повторяться, путать событія и т. д... Не помогала уже и „чарочка“... Тѣмъ не менѣе мы все таки, сколько было возможно, бесѣдовали и результатомъ этихъ бесѣдъ были тѣ, во многомъ очень интересныя допол-

Библиотека "Руниверс"

нія къ прежнимъ воспоминаніямъ Коломійца, которыя читатель найдетъ напечатанными здѣсь-же. Исполнить-же желаніе уважаемаго редактора „Кіевской Старины", относительно снятія съ Коломійца фотографическаго портрета, оказалось не только крайне труднымъ, за невозможностью привезти старика въ ближайшій городъ, но и безполезнымъ, такъ какъ сдѣланный мною въ прошломъ году набросокъ карандашемъ дастъ гораздо болѣе понятія о внѣшности послѣдняго задунайскаго сѣчевика, чѣмъ всякая фотографія, которая могла-бы быть снята въ теперешнемъ его положеніи [1])...

Какъ видно изъ сдѣланнаго нами біографическаго очерка, Коломіецъ не игралъ никакой особенно значительной роли въ своей запорожской средѣ и не принималъ никакого, сколько нибудь выдающагося участія въ событіяхъ, составляющихъ исторію задунайской Сѣчи. Благодаря этому, личный элементъ почти совершенно отсутствуетъ въ его воспоминаніяхъ, что придаетъ его разсказамъ чрезвычайно симпатичный оттѣнокъ какого-то эпическаго, почти лѣтописнаго безстрастія и разумѣется много располагаетъ вѣрить въ ихъ полную правдивость. Очень много значило конечно вполнѣ сознательное отношеніе Коломійца къ цѣли записыванія его разсказовъ:—„пишіть, пишіть, Х—ъ К—чъ! не разъ повторялъ онъ мнѣ въ Катирлезѣ. Воно правда... отъ уже молодь оця... нічого вже не знають, якъ що було... а якъ у книзі буде, до й черезъ сто, черезъ двісті годъ хто схоче, той и прочита... хто у цёму силу зна"... Коломіецъ, какъ убѣдится читатель далѣе, далеко не идеализируетъ запорожскую жизнь, но крайней мѣрѣ—за Дунаемъ, напротивъ его отношеніе къ ней скорѣе можно назвать пессимистическимъ... Всѣ эти качества дѣлаютъ разсказы Коломійца матеріаломъ чрезвычайно цѣннымъ, независимо даже отъ того, что они представляютъ собою единственныя пока, сколько нибудь обстоятельныя свѣдѣнія о данномъ предметѣ.

I.

Въ приведенномъ нами выше началѣ своихъ воспоминаній, Коломіецъ оканчиваетъ свой разсказъ упоминаніемъ о томъ, что запорожцы сначала получили землю на Буджакѣ и затѣмъ подъ предводительствомъ Головатого были отправлены за Кубань, для

[1]) Портретъ этотъ будетъ приложенъ къ одной изъ слѣд. книжекъ.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

чего и выступили изъ Слободзеи подъ Херсонъ. „Оттамъ підъ Херсономъ", продолжаетъ онъ свой разсказъ далѣе, „уже й разділение ихъ було. На трое вони розбились: одни прийшли сюди до турчина, друга частина до Малтиза пішла, на Малтизькі острова... Малта—знаете?!, ну а треті то вже підъ Москалемъ остались—тихъ погнали на Кубань, у чорноморці повернули"... Ушедшіе-же „підъ Турка" запорожцы отправились моремъ въ Аккерманъ, находившійся тогда еще въ турецкихъ предѣлахъ.

Такимъ образомъ разсказываетъ Коломиецъ о раздѣленіи запорожцевъ, предшествовавшемъ выселенію части ихъ „підъ Турка". Въ этомъ разсказѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что время отдѣленія и эмиграціи части запорожцевъ за Дунай отодвинуто на цѣлыхъ 16-ть лѣтъ, сравнительно съ указаніями Скальковскаго, и связано не съ фактомъ разоренія Новой Сѣчи, а съ фактомъ переселенія запорожцевъ на Кубань. Кромѣ того въ этомъ разсказѣ фигурируетъ обстоятельство, на которое нѣтъ ни малѣйшаго указанія ни у Скальковскаго, ни гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ—выселеніе части запорожцевъ на островъ Мальту. Если мы сопоставимъ это мѣсто изъ разсказа Коломійца съ прямымъ заявленіемъ Скальковскаго о томъ, что во время разоренія Сѣчи тысячъ около пяти козаковъ успѣло уйти на човнахъ внизъ по Дѣпру въ предѣлы турецкаго владычества и тамъ испросить себѣ позволеніе поселиться за Дунаемъ, а также обратимъ вниманіе на то, что, по разсказу Коломійца, въ Аккерманъ изъ подъ Херсона „ихъ малая часть прийшла—може чоловіка двісті, триста—тільки 10 дубівъ и було!..", то приходится прійти къ заключенію, что кромѣ хронологической путаницы въ разсказѣ Коломійца объ этомъ, заключается еще и смѣшеніе событій. По всей вѣроятности Коломиецъ смѣшиваетъ слышанный имъ гдѣ нибудь разсказъ о можетъ быть дѣйствительно бывшемъ отдѣленіи части черноморцевъ во время передвиженія ихъ изъ Слободзеи на Кубань съ большимъ выселеніемъ, имѣвшимъ мѣсто послѣ разоренія Сѣчи и сопровождавшимся формальнымъ договоромъ запорожцевъ съ турецкимъ правительствомъ объ условіяхъ ихъ поселенія на устьяхъ Дуная. Несомнѣнно, что передвиженіе запорожцевъ за Дунай произошло не сразу, а совершалось въ теченіи многихъ лѣтъ болѣе или менѣе большими партіями, выселеніе одной изъ которыхъ извѣстное Коломійцу и

Библиотека "Руниверс"

могло подать поводъ къ смѣшенію этого эпизода съ первымъ передвиженіемъ „шідъ Турка“. На предполагаемое нами смѣшеніе указываетъ и та пѣсня о выходѣ запорожцевъ за Дунай, которую, по словамъ Коломийца, співали запорожці, якъ втікали:

Ой чого, чого запорожци
Тай смутни, невеселі стали?
Ой що обступили превражі драгуни
Та й усіма сторонами...
Ой обступили превражи драгуні
Усі степи та й усі плавні,
Пішли наши запорожци
Не зъ добра, а зъ печали.
Ой якъ утікали, то усе забірали
И изъ церковъ иконы,
Тільки покидали золотую збрую
Та вороні коні...
Ой пустилися наши запорожци
Черезъ море дубами,
Ой якъ оглянуться до Старои Січи,
Умиваються слізами.
Ой изходились да у кінець Дунаю
Та до купы лиманы,
Бо тамъ нашихъ запорожців
Сорокъ тысячъ проживали...

(Зап. отъ А. Коломійца въ Катирдезѣ).

Пѣсня эта очевидно относится къ выходу запорожцевъ послѣ разоренія Сѣчи, окруженной драгунами Текелія, на которую оглядывались, „умиваючись слёзами“, уходившіе запорожцы. Упоминаемое въ этой пѣснѣ оставленіе запорожцами своихъ коней и оружія и взятіе ими съ собой только иконы мы находимъ также и въ разсказѣ Коломийца. Онъ говоритъ, что запорожцы уходя взяли изъ сѣчевой церкви только одну икону Покрова, бывшую, какъ извѣстно, престольнымъ образомъ Сѣчи... Кромѣ того, по разсказу Коломийца, уходившіе взяли съ собой и запорожскія грамоты: „беріть, говорили остававшіеся, вы йдете у чужу землю, вамъ треба буде, и оддали имъ, и бунчуки оддали, и права таі запорожськи, що вони заслужили“.

Библиотека "Руниверс"

Икону впрочемъ запорожцы на лодки не взяли, а ее положили въ „бисаги“ и понесли съ собою тѣ 40 человѣкъ, которые отправились въ Аккерманъ пѣшкомъ. „Дуже важко було, разсказываетъ Коломиецъ, діды сварились: бачъ, бісивъ сыну, чи ты памъятаешъ, якъ ты бисаги съ иконою на дорогу кинувъ?! важко було икону нести!“ За то другая пѣсня, записанная въ Тульчѣ отъ Сидора Теліги, говоритъ прямо о выходѣ за Дунай *послѣ* перевода запорожцевъ съ Днѣстра на Кубань и мотивируетъ этотъ выходъ именно отнятіемъ у запорожцевъ земель, данныхъ имъ въ Бессарабіи и раздачею этихъ земель помѣщикамъ:

Ой Боже-жъ нашъ милостивый.
Ой Боже милостивый,
Що породились мы
Въ світі нещастливи.
* * *
Ой хотіли-жъ мы
А земли заслужити,
Абы у волности
Хочъ віку дожити.
* * *
Ой служили-жъ мы
На земли, на морі,
Теперъ зосталися
И боги и голи.
* * *
Дарували-жъ намъ землю
Одъ Дністра до Бугу,
А тянницю
По бендерську дорогу.
* * *
Дарували, дарували
Та й назадъ одібрали,
А нашую землю
На вражихъ панівъ роздали.
* * *
Дарували, дарували
Та й назадъ одібрали.

Библиотека "Руниверс"

А насъ козаченькивъ
На Кубань-рѣку заслали.

* * *

А мы-жъ козаченьки
Тамъ не схотѣли жити.
Посѣдали на лодочки
Та за Дунай махнули.

Кромѣ этой, мы имѣемъ еще нѣсколько пѣсень подобнаго-же содержанія. Въ одной изъ нихъ, варіантѣ только что приведенной, говорится, что козаковъ „въ уланы забрали", въ другой (плохой варіантъ которой былъ напечатанъ въ іюньской книгѣ „Кіевской Старины") земли между Днѣстромъ и Бугомъ даетъ уже „турецький царь", но тѣмъ не менѣе вслѣдствіе невозможности жить на этихъ земляхъ „за проклятыми панами", запорожцы все таки рѣшаются уходить за Дунай. Изъ всего этого мы имѣемъ основаніе думать, что дѣйствительно выселеній за Дунай было нѣсколько и одно изъ нихъ, происходившее послѣ выхода на Кубань, было пріурочено Коломійцемъ къ главному переселенію послѣ разоренія Сѣчи, такъ точно какъ пріурочивается очень часто имя Харька (Захарія Чепіги) къ пѣснямъ „про руйнованьня Січи", какъ имена и событія разоренія Новой Сѣчи пріурочиваются къ пѣснямъ о разореніи Старой и т. п. Что касается затѣмъ переселенія части запорожцевъ на островъ Мальту, то это обстоятельство остается для насъ неяснымъ, такъ какъ намъ рѣшительно неизвѣстно никакого указанія на что нибудь подобное въ исторической литературѣ, за исключеніемъ развѣ сообщенія одного изъ спеціалистовъ по исторіи Украйны, которому мы писали объ этомъ, что ему приходилось встрѣчать гдѣ-то упоминаніе о запорожцахъ на Мальтѣ, но онъ, не сдѣлавши во время замѣтки, не можетъ припомнить, гдѣ именно. Что это обстоятельство не есть просто измышленіе или случайная ошибка Коломійца, происходящая отъ какого-нибудь смѣшенія собственныхъ именъ, или чего нибудь въ этомъ родѣ, а нѣчто имѣющее свое основаніе въ прошломъ, за это ручается фактъ существованія слѣдующей пѣсни, записанной нами отъ того-же Коломійца, съ поясненіемъ, что „цю пісню то-жъ запорожці співали, якъ втікали до турчина:

Библиотека "Руниверс"

„Ой повійте вітри та усе низові
Та на наши лодки та усе дубові,
А на наши реи та усе кедрові,
На наши паруса—та усе шовкові!..
Эй зажурився сивый соколочок:
Эй бідна наша, наша головочко.
А що не у купі наши браты сім.
Наши браты сім та й пісні запіли—
Один у москаля, другий у турчина,
Третій у Малтиза служить за одежу.
И той гірко плаче за польскую межу:
„Ой ты москаль, ой єретенный сыну,
Запропастивъ Польщу—ще й нашу Вкраину!“

Эта пѣсня во всякомъ случаѣ показываетъ намъ, что извѣстіе Коломийца о выходѣ части запорожцевъ на островъ Мальту (можетъ быть изъ этой-же пѣсни имъ и почерпнутое) должно имѣть какое-то реальное основаніе. Мы тѣмъ болѣе расположены думать такимъ образомъ, что, какъ увидимъ далѣе, на ряду съ этимъ въ разсказѣ Коломийца есть еще одно, достаточно неожиданное, но вполнѣ вѣрное указаніе на аналогичный и до сихъ поръ очень мало извѣстный фактъ, а именно на пребываніе запорожцевъ въ Банатѣ. Но возвратимся пока къ дальнѣйшему ходу событій по разсказу Коломийца.

Въ Аккерманѣ запорожцы пробыли недѣлю. Немедленно-же по прибытіи они отправили въ Константинополь депутацію изъ 40 человѣкъ, „по чоловіку одъ куріня“, просить разрѣшенія поселиться на устьяхъ Дуная. Интересно, что, по мнѣнію Коломийца, посылкою этого количества депутатовъ запорожцы хотѣли заявить турецкому правительству о переселеніи на берега Дуная чуть-ли не всего войска запорожскаго въ полномъ его составѣ, т. е. по тысячѣ человѣкъ, въ куренѣ. „А ихъ, кажу вамъ, не було стільки, говоритъ Коломиецъ, уніеля бувало може й більше—а тоді не було!“ Трудно разумѣется сказать, дѣйствительно-ли запорожцы хотѣли просто обмануть турокъ на счетъ своей численности, какъ они это дѣлали неоднократно потомъ съ цѣлью полученія большаго количества провіанта и жалованья, или-же они хотѣли заявить только о предполагаемомъ количествѣ своего войска въ будущемъ, но очень вѣ-

Библиотека "Руниверс"

роятно то, что турецкое правительство помимо вопроса о численности запорожцевъ, кажется, не очень торопилось принимать ихъ „подъ свою высокую руку", относясь къ нимъ, какъ къ элементу не особенно постоянному и притомъ очень связанному съ своей родиной и съ сосѣдней Москвой единствомъ религіи. Указаніе на это мы находимъ въ одной пѣснѣ, записанной нами также у Коломийца. Мы рѣшаемся привести эту пѣсню также цѣликомъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ не только замѣчательно серьезное и подробное изложеніе событій, но и объясненіе этихъ событій съ точки зрѣнія самого сложившаго эту пѣсню народа.

Ой москалю, ой москалю,
Ой що такъ худо робишъ?
А що наше славне Запорожьжя
Все у конецъ переводишъ:
Ой не жалуйте запорожци
Вы на московськи генерали,
А жалуйте запорожци
Да на свои вражьи паны.
Бо вони паны-пребісови-сыны,
А уже вони поробили,
Що усі степи, усі плавні
Москалеви уручили!...
А теперъ наши запорожци
У великому жалю—
Що не знали кому поклонаться
Да которому царю!...
Поклонилися-бъ мы восточному,
Тай той насъ не приймае—
Ходимъ служити мы до турчина:
Турчинъ насъ добре знае!
„Ты турецький царю, ты турецький царю,
Змилуйся надъ нами,
Прійми насъ у свою землю куріними!"
—*„Ой радъ-же-жъ я, запорожци,*
Вашу волю вчинити,
Коли-жъ все будете, славны запорожци,
Мені зміну робити!"

Библиотека "Руниверс"

„Мы не будемъ—ты турецькій царь,
Тобі зміны робити,
Во насъ присяже усіхъ сорокъ тысячъ
Тобі вірно служити!“...

(Зап. отъ А. Коломійца въ Катеринѣ).

Приводя эту пѣсню, мы впрочемъ считаемъ необходимымъ замѣтить, что она очень легко можетъ относиться и не къ описываемому нами времени, но къ разоренію Старой Сѣчи въ 1709 г. и тогдашнему выходу запорожцевъ въ турецкіе предѣлы. Поводомъ къ этому сомнѣнію служитъ для насъ то, что по словамъ пѣсни „восточный“, т. е. московскій царь, запорожцевъ не принимаетъ, чего нельзя было сказать послѣ разоренія Новой Сѣчи, но очень возможно было послѣ уничтоженія Старой [1]). Но съ другой стороны соціальное положеніе Украйны и войска запорожскаго, указываемое пѣсней, гораздо больше подходитъ ко времени послѣднихъ дней Запорожья. Какъ-бы то ни было, но переговоры съ турецкимъ правительствомъ все-таки увѣнчались успѣхомъ, депутаты отъ лица своихъ товарищей принесли султану присягу и по возвращеніи ихъ въ Аккерманъ, говоритъ Коломиецъ, запорожцы тронулись въ путь.

Но оказывается, по разсказу Коломійца, что запорожцы отправились вовсе не въ турецкія владѣнія, на устья Дуная, а поднялись по Дунаю вверхъ и, заключивши договоръ съ „нѣмецькимъ царемъ“, т. е. съ австрійскимъ императоромъ, поселились въ „нѣмеччині“. „Коло Сербіи, разсказываетъ Коломиецъ, есть, оттамъ десь, городъ *Панчулова* (Pančova), то отамъ вони й осіли. Тамъ такъ—по одинъ бікъ Сербія, а черезъ Дунай, по другій бікъ—пімещина!“ Какъ фактъ переселенія запорожцевъ въ австрійскія владѣнія, такъ и мѣсто ихъ пребыванія тамъ указываются разсказомъ Коломийца почти совершенно вѣрно, разница съ истиной только хронологическая, зависящая отъ смѣшенія выхода запорожцевъ въ Турцію послѣ перевода ихъ на Кубань съ выходомъ въ 1775 году. Дѣйствительно мы имѣемъ извѣстія, что въ 1785 г. запорожцы вышедшіе въ Турцію обратились черезъ начальника австрійскаго гарнизона въ Яссахъ кап. Будеуса къ австрійскому правительству съ просьбою

[1]) Соловьевъ. XVI, 37.

Библиотека "Руниверс"

объ отведеніи имъ земли для жительства на австрійской границѣ. Предложеніе это было принято и запорожцы по указанному имъ маршруту черезъ Трансильванію и Венгрію переселились на отведенныя имъ мѣста въ Банатѣ, на берегахъ Тиссы и въ бачскомъ комитатѣ, около города Zenta. На основаніи договора заключеннаго съ австрійскимъ правительствомъ запорожцы получали землю на вѣчныя времена, за что обязаны были нести службу въ случаѣ войны. При этомъ запорожцы сохраняли самостоятельность своего внутренняго управленія, съ правомъ самимъ выбирать Кошеваго и куренныхъ атамановъ, распредѣлять между собою отведенныя имъ земли, судиться собственнымъ судомъ и по своимъ войсковымъ обычаямъ. Національныя особенности запорожцевъ также были вполнѣ признаны австрійскимъ правительствомъ, начиная съ одежды и кончая вооруженіемъ. Всѣхъ переселенцевъ по современнымъ извѣстіямъ австрійскихъ газетъ и отдѣльной брошюры, написанной австрійскимъ офицеромъ Гендльовичемъ, оказалось около 8,000 чел. и первое основанное ими центральное поселеніе получило названіе Сѣчи (Setscha) [1]). Дальнѣйшая судьба переселившихся въ Банатъ запорожцевъ на основаніи историческихъ источниковъ остается неизвѣстною. О предположеніяхъ, въ родѣ сдѣланнаго Головацкимъ, что запорожцы постепенно вымерли вслѣдствіе своей безбрачной жизни, нечего и упоминать. Нельзя согласиться также и съ предположеніемъ уважаемаго автора цитируемой нами замѣтки въ „Кіев. Стар.“, что потомство запорожцевъ сохранилось въ Банатѣ и до сихъ поръ, въ видѣ украинскаго населенія села Керештуры въ бачскомъ комитатѣ. Мы удивляемся, какъ г. В. А., принимая этихъ банатскихъ русиновъ за потомковъ запорожцевъ, не обратилъ вниманія на то, что въ той-же самой статьѣ, на которую онъ ссылается [2]), прямо указывается на происхожденіе этихъ русиновъ: „тѣ русины воеводиньски уже передъ стома роками выйшли зъ горъ карпатскихъ и поселились на урожайной низинѣ коло Керестуре... и не покинули анѣ свого родного языка, анѣ письма, анѣ вѣры своей“. Они дѣйствительно не покинули ни своей вѣры, ни своего языка,

[1]) «Кіевская Старина», іюнь, 1882 г., 519—552.

[2]) «Письмо зъ Просвѣты», 1 сѣчня, 1879 г., ч. I, стр. 4.

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ, суди по ихъ письму, напечатанному въ бывшемъ органѣ „Просвіты“, оказывается, что они говорятъ языкомъ карпаторусскимъ, но ничуть не тѣмъ „чистымъ малорусскимъ языкомъ“, на которомъ безъ сомнѣнія говорили запорожцы и который приписывается банатскимъ русинамъ авторомъ замѣтки въ „Кіев. Стар.“, не могущимъ не знать, какъ рѣзко отличаются эти нарѣчія украинскаго языка другъ отъ друга. Допуская разумѣется возможность того, что нѣкоторое количество запорожцевъ и могло остаться въ Банатѣ, смѣшавшись потомъ съ переселившимися туда карпато-руссами, мы находимъ болѣе естественнымъ предположить, что, согласно съ разсказомъ Коломийца, запорожцы вышли изъ Баната и переселились въ Сеймены. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Сеймены дѣйствительно находятся на пути изъ Баната въ Добруджу, куда, какъ мы увидимъ далѣе, запорожцы не могли переселиться съ разу. Нѣтъ разумѣется никакихъ основаній принимать на вѣру ту легендарную причилу, по которой запорожцы принуждены были удалиться изъ Баната, т. е. убійство какимъ-то Ячо „племенниці німецького короля“, но самый фактъ переселенія въ Сеймены по нашему мнѣнію совершенно правдоподобенъ, такъ какъ пребываніе запорожцевъ въ Сейменахъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Во всякомъ случаѣ фактъ пребыванія запорожцевъ въ Банатѣ и дальнѣйшаго передвиженія ихъ въ Сеймены по нашему мнѣнію можно считать установленнымъ. Но спрашивается, гдѣ-же были вышедшіе послѣ разоренія Сѣчи запорожцы до времени ихъ переселенія въ Банатъ, т. е. до 1788 г.? Обыкновенно принято думать, что запорожцы, уйдя изъ Россіи, тогда-же поселились на устьяхъ Дуная и именно на островѣ Поптись-Лети, находящемся между Сулинскимъ и Килійскимъ гирлами, при чемъ указывается даже урочище Гедрилле-Богозы, на берегу Дуная, гдѣ будто-бы было мѣстопребываніе задунайской Сѣчи [1]). Это какъ будто-бы подтверждается до нѣкоторой степени и замѣткой г. Левченка [2]), въ кото-

[1]) Матер. для геогр. и статист. Рос., собр. офиц. ген. шт. Бессарабская область. составл. кап. Зашукомъ, 1862 г., стр. 529, со ссылкой на Хронологич. обозр. исторіи новор. края, II, 116.

[2]) «Кіевск. Стар.», май 344—345.

Библиотека "Руниверс"

рой онъ, со словъ знакомаго ему офицера, бывшаго на Лети во время послѣдней войны, указываетъ на селенія Лети, Сатановъ, Перевозъ и проч., какъ на мѣстожительство запорожцевъ, давшихъ будто-бы свое имя цѣлому острову. Но ни въ воспоминаніяхъ Коломійца, ни въ нашихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ по этому поводу, мы не находимъ никакого подтвержденія этому мнѣнію. Намъ лично не пришлось посѣтить эти указываемыя г. Левченкомъ слободы, но, бывая въ Сулинѣ (верстахъ въ 10-ти отъ Лети) да и во всей Добруджѣ, мы встрѣчались не съ однимъ десяткомъ лицъ или живущихъ на островѣ Лети въ вышеупомянутыхъ слободахъ, или прежде жившихъ тамъ и очень близко знающихъ эти мѣста, и ни отъ одного изъ этихъ лицъ мы не слышали ни малѣйшаго указанія на то, чтобы тамъ жили запорожцы массою, въ видѣ болѣе или менѣе постояннаго населенія, и вообще *во всей дунайской Дельтѣ и Добруджѣ мы не нашли ни одного воспоминанія о пребываніи тамъ запорожской Сѣчи до перенесенія ея изъ Сеймень въ Дунавецъ*, т. е. до 1812—23 г. Если нѣкоторые жители Лети и прочихъ селеній и выдавали себя бывшему тамъ офицеру за потомковъ запорожцевъ, то это могло быть очень естественно, такъ какъ вообще трудно найти въ этихъ мѣстностяхъ хоть одинъ уголокъ, куда-бы не заходили оставшіеся послѣ 1828 г. и разсѣявшіеся по всей дунайской Дельтѣ запорожцы и гдѣ-бы не встрѣчались болѣе или менѣе прямые ихъ потомки, а кромѣ того происхожденіе отъ запорожцевъ считается и до сихъ поръ на устьяхъ Дуная почетнымъ и очень часто приписывается себѣ позднѣйшими переселенцами ради нѣкотораго хвастовства. Такимъ образомъ существованіе запорожской Сѣчи на дунайской Дельтѣ до начала настоящаго столѣтія представляется намъ очень сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что, познакомившись съ географіей и условіями жизни въ низовьяхъ Дуная, трудно даже и допустить, чтобы въ этихъ мѣстахъ, особенно сто лѣтъ тому назадъ было возможно такое во всякомъ случаѣ многолюдное поселеніе, какъ Кошъ. На устьяхъ Дуная и въ настоящее время, за исключеніемъ Вилкова, Килій, Сулины, Катирлеза, Кара-Ормана и Дунавца, всѣ остальныя населенныя мѣста представляютъ собою болѣе или менѣе только рыбачьи стоянки, перечисленныя-же нами мѣста или были заняты некрасовцами, или-же были неудобны для сколько нибудь крупнаго населенія; во

Библиотека "Руниверс"

всякомъ случаѣ въ нихъ не сохранилось ни малѣйшаго слѣда воспоминаній о существованіи тамъ когда нибудь Сѣчи, тогда какъ вообще память о запорожцахъ еще очень жива во всей этой странѣ. Въ виду всего сказаннаго, намъ остается только предполагать, что въ теченіи десятилѣтняго періода, предшествовавшаго выходу запорожцевъ въ Банатъ, т. е. до 1785 г., правильной Сѣчи на устьяхъ Дуная вѣроятно не существовало вовсе, а запорожцы жили отдѣльными небольшими рыбальскими ватагами, разбросанными по всей дунайской Дельтѣ, преимущественно-же около бессарабскихъ лимановъ, Вилкова, Килiи, Лети и можетъ быть съ центромъ въ упомянутомъ выше Гедрилле-Богозы, нами нигдѣ на картахъ не разысканномъ. Свои предположенія о географическомъ расположеніи запорожскихъ ватагъ мы дѣлаемъ на основаніи того, что, по разсказамъ Коломійца, во время пребыванія запорожцевъ въ Сеймепахъ, они выходили съ своими рыбальскими заводами именно въ эти мѣста и имѣли тамъ даже небольшіе рыбачьи поселки. Впослѣдствіи, въ виду трудности пребыванія на устьяхъ Дуная вмѣстѣ съ хорошо организованными и укрѣпившимися уже тамъ некрасовцами, разсѣянные запорожцы принуждены были соединиться для передвиженія въ Австрію. Часть-же запорожцевъ все таки оставалась еще на устьяхъ Дуная, такъ какъ мы имѣемъ указанія, что въ 1806-мъ году, по приглашенію генерала Михельсона, нѣкоторое количество запорожцевъ вернулось въ Россію и вошло въ составъ усть-дунайскихъ полковъ [1]). Что-же касается причины переселенія запорожцевъ въ Австрію, то тѣ войны съ некрасовцами, которыя предшествовали потомъ перенесенію Сѣчи на Дунавецъ и о которыхъ мы будемъ

---

[1]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что употребляемое г. В. А. названіе запорожской Сѣчи за Дунаемъ — *Усть-Дунайскою* — совершенно неправильно и можетъ нести только къ недоразумѣніямъ. Задунайская Сѣчь такимъ образомъ никогда не именовалась, назвали-же они себя просто запорожцами, а Сѣчь свою задунайскою. Эта терминологія употребляется и въ добруджскихъ историч. пѣсняхъ. Казенное-же названіе усть-дунайскихъ козаковъ было дано указомъ 20 февр. 1807 г. козачьему войску, составленному изъ всякаго рода бѣглецовъ: цыганъ, молдаванъ и сербовъ, а отчасти изъ остатковъ запорожцевъ, вернувшихся по приглашенію Михельсона, и существовавшему потомъ подъ именемъ *акманшпских* или по народному «*манпинських*» козаковъ (Мат. для геогр. и ст. Рос. Защукъ, Бессарабская обл., стр. 530).

Библиотека "Руниверс"

говоритъ далѣе, достаточно объясняютъ, по нашему мнѣнію, почему именно запорожцы не могли сначала удержаться въ дунайской Дельтѣ и должны были искать себѣ новаго мѣстопребыванія и „протекціи", которыя опять таки не оказались достаточно продолжительными и прочными.

Возвращаясь опять къ разсказу Коломійца, мы видимъ, что изгнанные изъ Баната запорожцы должны были обратиться опять къ Турціи и основать Кошъ въ Старыхъ-Сейменахъ, между Силистріей и Гирсовой. На этомъ мѣстѣ СѢчь существовала, какъ мы увидимъ далѣе, до 1812 г., но исторія ея въ теченіи почти всего этого періода остается для насъ темною, начинаясь только съ разсказами Коломійца, который попалъ на СѢчь, какъ мы знаемъ, въ 1811 г. Изъ этихъ разсказовъ мы знаемъ только, что въ Сейменахъ правильно устроенной, настоящей СѢчи, въ смыслѣ военно-братскаго общежитія, не было и запорожцы повидимому смотрѣли на эту мѣстность, какъ на свою только временную стоянку. „У Сейменахъ запорожци не у въ одному місті жили—у Сейменахъ були, у Партокалахъ, по подъ Иглицею... Жили у землянкахъ, у бурдіяхъ... настоящої Січи не було... не такъ, якъ тутъ (т. е. въ Дунавцѣ). Главнымъ занятіемъ запорожцевъ и въ Сейменахъ было рыболовство: они имѣли ерики, рыболовные заводы на Дунаѣ и Иглицѣ, а кромѣ того выходили заводами на устья Дуная и къ морю. Изъ событій, предшествовавшихъ появленію Коломійця на СѢчи, мы имѣемъ въ разсказѣ его только свѣдѣнія о русско-турецкой войнѣ 1807—1809 годовъ и о томъ участіи, какое принимали въ этой войнѣ запорожцы въ качествѣ вассаловъ султана. По случаю этой войны запорожцы были пожалованы изъ Сеймень въ крѣпость Рущукъ, куда и явились подъ предводительствомъ своего тогдашняго кошевого Самійла Калниболотского. Комендантомъ Рущука былъ тогда Омеръ-Паша, хорошо знавшій и любившій запорожцевъ. Омеръ, по выраженію Коломійца, „живъ зъ ими добре", и вѣроятно въ силу этихъ хорошихъ отношеній началъ съ того, что показалъ передъ Портою количество прибывшаго къ нему запорожскаго войска гораздо большимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, съ цѣлью доставить своимъ друзьямъ—запорожцамъ побольше жалованья и провіанта (таину), при чемъ по всей вѣроятности не забывалъ и себя. По этому случаю Коломіецъ разсказы-

Библиотека "Руниверс"

ваетъ эпизодъ, которому конечно трудно было-бы повѣрить, если-бы мы не знали множество другихъ разсказовъ, не менѣе характерныхъ для турецкой администраціи. На Омера-пашу, по поводу показаннаго имъ количества запорожцевъ, былъ сдѣланъ допосъ и изъ Стамбула ожидались чиновники для разслѣдованія этого дѣла. Тогда Омеръ позвалъ къ себѣ Самійла Калниболотскаго: „треба, каже, щобъ все більше було!“—„Зробимо, що й більше буде!“—отвѣчалъ на это Кошевой и дѣйствительно устроилъ это, употребивши, какъ разсказываетъ Коломіецъ, тотъ-же пріемъ, какой употребляютъ, показывая войско на театральныхъ сценахъ. Онъ воспользовался будто-бы тѣснотою Рущука, узостью его улицъ и недостаткомъ площадей и проведя передъ ревизорами нѣсколько разъ свое войско, снялъ всякія подозрѣнія съ добраго Омера, чему конечно способствовалъ должно быть и бакшишъ, о которомъ не забываетъ упомянуть въ своемъ разсказѣ и самъ Коломіецъ. Но затѣмъ, когда начались военныя дѣйствія, положеніе запорожцевъ сдѣлалось гораздо болѣе труднымъ. Возведя въ Рущукѣ батареи для обстрѣливанія противоположнаго берега, на которомъ укрѣпились русскіе, турки, судя по разсказу Коломійца, передающаго эти событія изъ третьихъ рукъ, предприняли вылазку за Дунай, чтобы выбить русскихъ изъ ихъ позицій и при этомъ назначили запорожцевъ въ первый огонь. Между тѣмъ начальство русскихъ войскъ, узнавши о присутствіи въ турецкой арміи запорожцевъ, вступило съ ними въ тайные переговоры, желая склонить ихъ на свою сторону. Очутившись въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и видя по положенію дѣлъ, что имъ грозитъ опасность всѣмъ погибнуть,—„що перебьютъ ихъ усіхъ такъ, що й ноги не останеться“, запорожцы избрали, по словамъ Коломійца нейтральный выходъ, условившись съ русскими стрѣлять холостыми зарядами, съ разсчетомъ вѣроятно въ свалкѣ уклониться отъ сраженія: „я-бъ такъ и не знавъ усёго діла, прибавляетъ старикъ, такъ бувъ тутъ козакъ одинъ—стебліівський куріпний Трохимъ Перегудовъ, то вінъ розказувавъ“. Неизвѣстно, наскольско правды въ этомъ разсказѣ, но изъ дальнѣйшаго хода дѣла оказывается, что запорожцы остались съ турками въ прежнихъ отношеніяхъ, часть-же ихъ, около 200—300 человѣкъ, была взята русскими войсками въ плѣнъ и отправлена въ Сибирь (?), что врядъ-ли могло-бы случиться,

Библиотека "Руниверс"

если-бы дѣйствительно состоялось переданное Коломийцу Перегудовымъ соглашеніе между русскими и запорожцами. Отправленные въ Сибирь козаки успѣли дойти только до курской губерніи и оттуда по заключеніи мира были возвращены въ качествѣ военноплѣнныхъ обратно. Проходя на возвратномъ пути черезъ Кіевъ, они пробыли тамъ двѣ недѣли и въ это время нашли тамъ старыхъ запорожцевъ, бѣжавшихъ въ Кіевъ еще послѣ разоренія СѢчи. Двое изъ этихъ запорожцевъ Романъ Вівсяникъ и Данило Хуторный, узнавши отъ плѣнныхъ о судьбѣ своихъ товарищей въ Туреччинѣ, передали имъ „гостинця“ для сѣчевой церкви три вещи: „ризу, хрестъ и евангелію“... Такимъ образомъ еще одинъ разъ завязались непосредственныя сношенія задунайской СѢчи съ Украйной, сношенія, которыя, какъ мы увидимъ далѣе, всегда очень дѣятельно поддерживались.

Между тѣмъ уже послѣ окончательнаго замиренія въ 1811 году, въ Молдавіи и Валахіи начала производиться провѣрка населенія посредствомъ смѣшанныхъ коммисій, состоявшихъ изъ представителей турецкаго правительства—*бинлиявовъ*, румынскихъ *сердарей* и русскихъ *коммисаровъ*. „Прийдуть у селеніе, разсказываетъ объ этомъ Коломиецъ, потребуютъ старосту, скликають народъ и питаються, хто який підданий?“ Объявлявшимъ себя турецкими подданными выдавали проходной билетъ (кичкирь), „пашкрябае на коліні та й дасть!“, говоритъ Коломиецъ, и по „юзлуку“ или „стопарнику“ (тоді тиі парі (деньги) велики були—зъ кінську підкову) и отправляли партіями человѣкъ по 60 по 80 на „Сербську пристань“ противъ Силистріи, молдаванъ и валаховъ оставляли на своихъ мѣстахъ, а русскихъ отправляли въ ихъ отечество—„тамъ вже имъ розборка була, хто одъ пана втікъ, то до пана, кого куди слідувало.“ Очевидно, что провѣрка эта не могла производиться съ достаточной строгостью, такъ какъ мы видимъ, что она дала возможность многимъ „забіглимъ душамъ“, въ томъ числѣ даже и такимъ военнымъ дезертирамъ, какъ Коломиецъ, очень благополучно сойти за турецкихъ подданныхъ и избавиться отъ невольнаго возвращенія на родину для водворенія къ панамъ. Для СѢчи-же эта провѣрка оказалась даже очень полезною, увеличивши вѣроятно довольно значительно контингентъ ея силъ.

Библиотека "Руниверс"

А силы эти были нужны, такъ какъ сейменскимъ запорожцамъ предстояла долгая и кровавая борьба для завоеванія себѣ мѣста на устьяхъ Дуная. Рыболовство и охота всегда были главными занятіями запорожцевъ на Днѣпрѣ и, строго говоря, служили основнымъ источникомъ ихъ существованія, такъ какъ военная добыча была подспорьемъ все таки случайнымъ и рисковашимъ, да и набѣги для полученія ея предпринимались не всей Сѣчью, а частнымъ образомъ, отрядами охотниковъ. Рыбальство-же было общимъ и постояннымъ занятіемъ: днѣпровскіе сѣчевики ежегодно дѣлили между собою лиманы и рыбныя ловли по куренямъ, ловили и солили рыбу, заготовляли звѣриныя шкуры и служили главными поставщиками всего этого на всю Украйну, такъ что, напримѣръ, послѣ разоренія Старой Сѣчи въ 1709 г., въ статьяхъ, поданныхъ гетманомъ Скоропадскимъ для утвержденія царю, поставленъ былъ пунктъ о разрѣшеніи торговыхъ сношеній съ удалившимися въ турецкіе предѣлы запорожцами, для покупки у нихъ рыбы и звѣриныхъ шкуръ. Изъ этого понятно, что очутившись за Дунаемъ, запорожцы должны были искать себѣ мѣстъ, гдѣ-бы они могли заниматься своимъ обычнымъ промысломъ, и поэтому устья Дуная не могли не быть для нихъ предметомъ постоянныхъ стремленій. Но устья эти, какъ мы знаемъ, были уже заняты и заняты народомъ далеко не безразличнымъ, а хорошо умѣвшимъ постоять за свои интересы—некрасовцами. Эти донскіе козаки-раскольники, выведенные Некрасовымъ еще „зъ древности“, какъ говоритъ Коломиецъ, застали дунайскую Дельту еще въ совершенно дикомъ состояніи—не орали и не сѣяли цѣлыхъ три года, ѣли „папору“ и какіе-то „водяные орѣхи“ и когда пришли запорожцы, они были еще полными хозяевами Дельты, въ значительной степени ими самими культивированной, гдѣ это разумѣется было возможно. Понятно, что при появленіи запорожцевъ они не только не обнаруживали ни малѣйшей охоты посторониться на занятыхъ ими удобныхъ мѣстахъ, но и съ большимъ неудовольствіемъ отнеслись къ первымъ попыткамъ запорожскаго рыболовства въ странѣ, въ которой они привыкли считать себя единственными хозяевами. Тѣмъ не менѣе запорожцы, живя въ Сейменахъ, все таки занимались рыболовствомъ на устьяхъ Дуная и каждое лѣто, по словамъ Коломийца, выходили въ Дельту 80-тью, а то и сотней заводовъ, держась впрочемъ, кажется, преимущественно

Библиотека "Руниверс"

окрестностей килійскаго гирла. Понятно, что при этомъ не могло не происходить постоянныхъ столкновеній, постепенно усиливавшихъ взаимное раздраженіе и подготовлявшихъ почву для рѣшительной схватки, которая неизбѣжно должна была послѣдовать и для которой нуженъ былъ только толчекъ. Такой толчекъ не замедлилъ и случиться въ видѣ слѣдующаго, самого по себѣ не особенно важнаго происшествія, о которомъ мы предоставимъ разсказать самому Коломійцю:

.... Бувъ у липованъ[1]) такий не піпъ, а монахъ—безштанько (липованьски, бачте, чепци—то вони безъ штанівъ ходять у довгихъ сорочкахъ...), то оттутъ на сімъ таки (катирлезскомъ) Дунаи на гряді, на Качатині—Качатинъ зветься—тутъ дубъ бувъ высокий, а на дубі три одноги були; отъ вони у тихъ одногахъ дірки подовбали та й позапускали дерево кругомъ, тай зробили ёму гніздо—то вінъ и живъ у тому гнізді. А підъ дубомъ хату ёму поставили и келію зробили. А якъ вінъ умеръ, то тамъ таки, на гнізді тому, поклали ёго и покрыли ёго червонымъ сукномъ—щобъ мощи значить були. А козакъ бувъ *Притыка*, вінъ скрізь ходивъ по плавняхъ, охотничівъ—дикихъ свиней бивъ до що, не боявсь никого и знали ёго усі... То ото вінъ ходивъ тамъ та й побачивъ, що червоніе щось на дубі, излізъ, подивився, що то той липованський святый (бо вінъ вже у ихъ за святого бувъ), скинувъ ёго зъ дуба, та зверху, вибачайте, ще й напаскудивъ, а сукно червоне узявъ та й пішовъ собі. Ну, ото-жъ липоване дознались, та ёго й уптопорили! Баба була у ихъ волшебница, Ковпачиха ii звали, то ото вона, та други липованськи бабы ёго й уптопорили... чи вони ёго заманили, чи якъ піймали,—якъ видно ёму вже срокъ выйшовъ, чи вони таки старши за ёго були волшебниці. Ото-жъ, піймавши, липоване узяли ёго, та повезли ёго у Прислав—оттутъ коло сулинськихъ Чаталъ[2]), то тамъ на дошку розіпъяли та й пустили по воді!... То вже у Сулині греки піймали ёго—коло судна плававъ неживый вже, то поклікали козакивъ, а ти вже ёго пізнали—що нашъ козакъ“...

---

[1]) Т. е. некрасовцевъ. Коломіецъ почти вездѣ называетъ некрасовцевъ липованами, тогда какъ это названіе присвоено главнымъ образомъ позднѣйшимъ великорусскимъ переселенцамъ, также раскольникамъ, хотя не только липованамъ (филипповамъ), но и всѣхъ согласій.

[2]) Мѣсто раздѣленія Дуная на гирлы сулинское и св. Георгія (катирлезское).

Библиотека "Руниверс"

Понятно, что звѣрски жестокое убійство Притыки не могло не взволновать все украинское казачество на Дунаѣ. Сначала впрочемъ дѣло пошло довольно мирнымъ путемъ, далеко не обѣщавшимъ такой кровавой развязки, какая произошла въ дѣйствительности. Объ убійствѣ Притыки дано было знать Кошевому, который поспѣшилъ пріѣхать по этому случаю изъ Сеймень и потребовалъ удовлетворенія со стороны некрасовцевъ. Эти послѣдніе согласились выдать денежное вознагражденіе за убійство Притыки и даже дали обязательство въ этомъ Кошевому на бумагѣ. Но послѣ того, когда Коповый отъ нихъ уѣхалъ, они спохватились и начали выражать сожалѣніе о томъ, что неосторожно выпустили запорожцевъ съ ихъ главнымъ предводителемъ, бывшихъ у нихъ совсѣмъ въ рукахъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ Кошевому и онъ рѣшился дѣйствовать иначе. Такъ передаетъ это Коломиецъ, но по всей вѣроятности на рѣшимость Кошеваго не столько подѣйствовало открывшееся вѣроломство некрасовцевъ, сколько то возбужденіе, которое должно было господствовать между запорожцами, а очень можетъ быть и то, что Кошевый просто нашелъ удобнымъ воспользоваться сложившимся положеніемъ дѣлъ, какъ предлогомъ для давно уже задуманнаго вооруженнаго нападенія на некрасовцевъ и очистки себѣ мѣста на устьяхъ Дуная. Къ послѣднему предположенію насъ приводитъ то обстоятельство, что прежде, чѣмъ начинать какія-нибудь военныя дѣйствія, Кошевый, по разсказу Коломийца, счелъ нужнымъ обратиться къ тремъ пашамъ, управлявшимъ тогда Добруджей: тульчинскому—Абріямъ-пашѣ, сулимскому—Назиръ-пашѣ и бабадагскому—Гиба-пашѣ и говорилъ съ ними, какъ выходитъ по словамъ Коломийца, не столько объ отмщеніи или удовлетвореніи за смерть Притыки, сколько объ изгнаніи некрасовцевъ съ занятой ими территоріи. По разсказу Коломийца, паши отвѣтили Кошевому прямо: „що-жъ, маете силу—то бийте ихъ, выганяйте ихъ къ чорту та й годі!“, по варіанту-же этого разсказа, записанному нами въ Тульчѣ со словъ другаго старика, *Остапа Данчука*, паши выразили только сначала удивленіе къ враждѣ единовѣрцевъ, а затѣмъ полное равнодушіе къ ихъ спорамъ и дальнѣйшей участи, предоставляя имъ драться между собою, сколько угодно, но не становясь на сторону ни тѣхъ, ни другихъ. „Оттуть де Січъ була, разсказываетъ Осталъ, тутъ були засіли липоване—отъ козаки ка-

Библиотека "Руниверс"

жутъ наші, щобъ вінъ позволивъ ихъ звідти выбити, а турчинъ каже: „ода козакъ—ода козакъ (и то козакъ и то козакъ!)—та вони-жъ христіяне таки-жъ, якъ и вы?!—„Такъ що, що христіяне—христіяне да не таки!... Э, рѣкнивъ турокъ—ода гяуръ-ода гяуръ... коли маете силу—бийтесь собі!“... Какъ-бы то ни было, но Самійло Калниболотскій, возвращаясь послѣ переговоровъ съ нашими въ Сеймены, несомнѣнно имѣлъ уже въ виду начать правильныя военныя дѣйствія противъ некрасовцевъ и пріѣхавши сейчасъ-же объявилъ объ этомъ козакамъ. Изъ дальнѣйшихъ событій мы увидимъ, что на устьяхъ Дуная, гдѣ было разсѣяно по заводамъ очень много запорожцевъ, имъ были сдѣланы уже распоряженія въ этомъ смыслѣ. Немедленно-же по прибытіи Кошевого въ Сеймены, оттуда отправились внизъ двѣ партіи козаковъ: одна, состоявшая изъ восьмидесяти человѣкъ, отправилась по лѣвой сторонѣ Дуная, другая-же небольшая партія, но заключавшая въ себѣ такихъ эпическихъ головорѣзовъ, какъ Коваликъ, Лалымъ, Кирюшка и Кирило Маковецькій, пошла по правой сторонѣ Дуная, по слободамъ, „и де які були слободы липованьскі, то заразъ усе й вырізували“. Обѣ партіи сошлись въ Вилковѣ, деревнѣ лежащей на правомъ берегу Килійскаго гирла при впаденіи его въ море. Тамъ уже собралось къ тому времени очень много запорожцевъ и во всѣхъ окружающихъ поселеніяхъ липоване были уже вырѣзаны. Соединивши свои силы, запорожцы сѣли въ лодки и моремъ отправились къ Портицѣ, мелководному проливу, соединяющему заливъ или лиманъ Разинъ съ моремъ. Стратегическій планъ ихъ заключался очевидно въ томъ, чтобы, обойдя непріятеля сзади, напасть на главныя некрасовскія поселенія Сарикіой, Журиловку и проч. находившіяся по берегамъ Разина, и въ случаѣ полнаго успѣха двинуться на главный некрасовскій оплотъ—Дунавецъ. Однако, перетянувшись черезъ Портицу, запорожцы увидѣли, что некрасовцы приготовлялись къ оборонѣ и съ этой стороны и собрали довольно значительныя силы въ Кучукѣ, недалеко отъ Кюстенджи. Такъ какъ численный перевѣсъ оказался на сторонѣ некрасовцевъ, то запорожцы должны были изъ наступательнаго положенія перейти въ оборонительное—сдѣлали наскоро окопы, нарубили „драчівъ“, т. е. колючаго кустарника, обложили имъ свои окопы и укрѣпившись такимъ образомъ, отстрѣливались отъ липованъ, ожидая подкрѣпленій, которыя должны были прійти

Библиотека "Руниверс"

къ нимъ тоже водою изъ Тульчи. Когда-же ожидаемые баркасы, съ подкрѣпленіями и даже съ отрядомъ турокъ, наконецъ, явились, тогда запорожцы начали уже полное истребленіе липованъ: „кого побили, кого повѣязали та на тихъ баркасахъ и привезли у Сирікіой.“ Въ этомъ большомъ некрасовскомъ селеніи запорожцы уже не встрѣтили никакого сопротивленія и безпрепятственно расположились въ немъ, какъ у себя дома. Это объясняется, по нашему мнѣнію, какъ пораженіемъ, понесеннымъ некрасовцами у Портицы, такъ и тѣмъ, что некрасовцы, по всей вѣроятности, должны были сосредоточить всѣ оставшіяся у нихъ силы для защиты Дунавца, куда вѣроятно вслѣдствіе этого запорожцы на этотъ разъ и не рѣшились идти, предпочитая двинуться на Тульчу и оставляя такимъ образомъ главную свою цѣль, т. е. взятіе Дунавца, все таки недостигнутою. Во время пребыванія въ Сарикіойѣ съ запорожцами случилось маленькое происшествіе, чуть было не стоившее жизни двумъ героямъ этой войны, происшествіе, показывающее, до какой степени доходило тогда взаимное раздраженіе между запорожцами и некрасовцами: „Сидять вони (запорожцы), разсказываетъ Коломиецъ, а приходять липованки—тыі самыі волшебниці, що Притыку піймали, три ихъ, та й кажуть: „покажить намъ Лалима й Ковалика—вінъ наши діти поівъ!“ Лалимъ обізвавсь, а вона—баба одна—Ковпачиха отая, пистоль выхопила зъ запазухи, та зъ пистоля у груди Лалимови!... а турокъ изъ заду стоявъ, вынявъ ятаганъ та усімъ тромъ головы й поодрубувавъ...“ Дальнѣйшее движеніе запорожцевъ въ Тульчу было рядомъ болѣе или менѣе кровопролитныхъ стычекъ и наконецъ въ Тульчѣ все это закончилось трехдневной рѣзней, размѣры которой, по сохранившимся до сихъ поръ воспоминаніямъ, были дѣйствительно ужасны: „три дні різали, усіхъ липованъ, геть-чисто, до ноги вырізали... и ноги не осталось!...“ Жутко становилось, слушая старчески монотонное повѣствованіе Коломийца о всѣхъ этихъ ужасахъ, повѣствованіе спокойное и безстрастное, какъ древняя лѣтопись...

Память объ этой рѣзнѣ очень живо сохранилась и до сихъ поръ въ Тульчѣ, а у одного стараго начетчика въ Сарикіойѣ уцѣлѣло, говорятъ, даже описаніе всѣхъ перипетій этой страшной борьбы, но намъ, къ сожалѣнію, не только не удалось добыть это описаніе, но даже и удостовѣриться въ дѣйствительности его существованія.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ тульчинской рѣзни эта борьба между великорусскимъ и украинскимъ элементами, сошедшимися, но не помирившимися и на чужой почвѣ, какъ будто не много притихла, т. е. другими словами прекратилась только правильная война, а продолжались отдѣльныя нападенія другъ на друга небольшими отрядами. Чутьли не съ каждой грядой, съ каждымъ бугоркомъ въ болотахъ и плавняхъ Дельты связаны воспоминанія о стычкахъ запорожцевъ съ некрасовцами и о поголовныхъ истребленіяхъ цѣлыхъ отрядовъ то съ той, то съ другой стороны. Интересно то, что во многихъ изъ этихъ воспоминаній и легендъ играютъ очень важную роль женщины. Онѣ то заводятъ интрижки съ непріятельской стороной и выдаютъ своихъ, то напротивъ, жертвуя собой, завлекаютъ непріятеля въ засаду и такимъ образомъ доставляютъ своимъ возможность легкой побѣды. Одна легенда, очень впрочемъ мало правдоподобная, разсказываетъ, что запорожцамъ удалось какъ-то ночью овладѣть цѣлымъ турецкимъ судномъ и перерѣзавши экипажъ, утопить самое судно, а пушки затащить въ плавни и укрѣпить ими свои позиціи у одного изъ входовъ въ Дунай. Многія легенды имѣютъ чисто фантастическій характеръ, приписывая во всей этой борьбѣ большую роль волшебству, умѣнью заговаривать ружья и т. п. Въ отношеніи ожесточенности борьбы и для характеристики тогдашней жизни въ Дельтѣ интересны свѣдѣнія сообщаемыя Коломійцемъ о двухъ уже упоминавшихся нами герояхъ Коваликѣ и Лалымѣ. Послѣ прибытія запорожцевъ въ Тульчу и истребленія тамошнихъ некрасовцевъ, въ чемъ разумѣется оба они принимали самое дѣятельное участіе, они были потребованы въ Константинополь для представленія султану, „щобъ вінъ побачивъ, які вони запорожци“, какъ разсказываетъ Коломіецъ, или можетъ быть просто на слѣдствіе по поводу происшедшей въ Добруджѣ рѣзни, какъ кажется намъ. Какъ-бы то ни было, а султанъ ихъ помиловалъ и сказалъ будтобы, чтобы они отправлялись обратно на устья Дуная. „А Коваликъ и каже: не піду, эффенди-султанъ, я ще чоловікъ молодый!...“— „боявсь липованівъ!“ прибавляетъ, разсказывая это Коломіецъ. По всей вѣроятности, и было таки чего бояться, такъ какъ Коваликъ дѣйствительно не вернулся уже потомъ на Дунай и поселился въ „Ядерному“, т. е. въ Андріанополѣ, женился тамъ и жилъ спокойно, получая по 50 левъ въ мѣсяцъ отъ турецкаго правительства до са-

Библиотека "Руниверс"

мой смерти, но очень можетъ быть, что Коваликъ остался въ Адріанополѣ не изъ страха передъ липованами, а просто по приказанію турецкаго правительства. Что-же касается Лалыма, то онъ благополучно вернулся на Дунай и поселился на небольшомъ островѣ Курбіи, на лиманѣ Разинѣ, окруживши себя впрочемъ на этомъ островѣ громадиѣйшей стаей собакъ. Объ этихъ собакахъ и до сихъ поръ ходятъ самые удивительнѣйшіе разсказы, благодаря которымъ имя Лалыма не скоро еще будетъ забыто въ Добруджѣ. „Тамъ (на Курбіи), разсказываетъ Коломнецъ, вінъ и собакъ отихъ завівъ, що липованъ рвали... Не було никого съ имъ, тільки собаки... Собаки добрі мавъ!... Выйде було который собака на дорогу, почуе слідъ, що липованъ пішовъ, заразъ на другихъ собакъ брешe и вже бижять, шукають, поки не доженуть и не розірвуть.. Проходу нигде не було липованамъ за тими собаками и у плавні, заразъ найдуть!... а другои породы людей не займали, тільки липованъ!...“ А вотъ и другой варіантъ разсказа о лалымовскихъ собакахъ, слышанный нами отъ *Владиміра Чумака* въ Тульчѣ: „А що липованівъ отихъ, то ихъ не то, що наши били, а й собаки рвали... Тутъ запорожець бувъ, Лавимъ его, бачте, звали, а вінъ *Авимъ* бувъ (Авивъ), то потімъ вже перевернули на *Лавимъ*—турки его такъ звали усе... то у того Лавима були собаки... собакъ изъ 50 було... то такъ вінъ понавчавъ отихъ собакъ, що бігають було вони по плавняхъ, попадуть було де чоловіка, то якъ зачують, що люлькою не смердить—липована значить (а то якъ хто й не курить, то й такъ пізнають свого)—такъ заразъ на шматьтя й роздеруть и кістки порозносять... А своіхъ не займали, таки вже вивчені були... липована заразъ почують и розірвуть, проходу имъ не було у плавняхъ за тими лавимовими собаками“.

Между тѣмъ какъ происходили всѣ эти отдѣльныя стычки и преслѣдованіе другъ друга, некрасовцы оказались уже настолько ослабленными, что запорожцы рѣшились наконецъ передвинуться всѣмъ своимъ Кошемъ на устья Дуная. Въ концѣ 1812 года они вышли изъ Сеймень, но успѣли дойти только до Исакчи, гдѣ захватила ихъ зима, прекратившая очень рано сообщеніе по Дунаю и заставившая ихъ перезимовать въ этомъ городѣ. „Страшна зима була проты 13-го году“, говоритъ Коломнецъ, да если-бы она и не была особенно страшна, то внезапное замерзаніе Дуная и еще

Библиотека "Руниверс"

болѣе внезапное началу ледохода, бывающее всегда далеко не въ одно и то-же время, очень легко могло прекратить всякое сообщеніе и заставить запорожцевъ остановиться. Ранней весной 1813 г. въ великій постъ, вслѣдъ за очисткой Дуная отъ льда, запорожцы двинулись далѣе и прибыли въ Катирлезъ, гдѣ и основали Кошъ. Но не смотря на то, что они очевидно рѣшились сдѣлать Катирлезъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ и начали даже постройку церкви, „по вікна вже її підняли", ихъ все таки тянуло завладѣть Дунавцомъ, предметомъ ихъ постоянныхъ стремленій. Чтобы понять это желаніе, достаточно взглянуть на карту дунайской Дельты. Дѣло въ томъ, что Балканы, оканчиваясь своими отрогами въ Добруджѣ, даютъ отъ себя два послѣднихъ отпрыска, одинъ изъ которыхъ образуетъ порфировую скалу въ Тульчѣ, идущую за Дунай и служащую причиной отдѣленія отъ Дуная килійскаго гирла, другой-же, образуя собой небольшую цѣпь Бешъ-тепé, врѣзывается между Разинымъ и Дунаемъ почти въ самую средину Дельты и спускомъ отъ „пяти холмовъ" Бешъ-Тепе къ Разину, соединяющимся съ возвышенностями, тянущимися вдоль западнаго берега этого лимана, представляетъ единственное достаточно высокое и сухое мѣсто на всемъ болотистомъ пространствѣ Дельты, покрытой сплошнымъ камышемъ и плавнями. Вотъ эта то возвышенность, образуемая Бешъ-Тепé, между Дунаемъ и сѣвернымъ берегомъ Разина, самую восточную, ближайшую къ Черному морю точку которой составляетъ собой Дунавецъ, и была тѣмъ, что такъ нужно было запорожцамъ, какъ людямъ занимавшимся и жившимъ почти исключительно рыболовствомъ, а потому принужденнымъ держаться возможно ближе къ морю, имѣя въ то же время извѣстное количество твердой земли для поселеній и хоть небольшаго земледѣльческаго и скотоводнаго хозяйства. Въ этомъ смыслѣ описываемая нами мѣстность представляетъ собой единственное возможное для обитанія мѣсто на всей Дельтѣ, проѣзжая по которой путешественникъ отъ самой Тульчи, т. е. на разстояніи около 50 километровъ, не видитъ вокругъ себя буквально ничего, кромѣ камышей и воды. Всѣ-же прочія населенныя мѣста—Иванча, Катирлезъ, Горгова и т. д., и даже сама Сулина, могутъ быть только развѣ рыбальскими стоянками или (какъ Катирлезъ и Сулина) мореходными пунктами, но никакъ не мѣстомъ поселенія для общины въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ.

Библиотека "Руниверс"

Этимъ объясняется то, почему запорожцы выбрали для своего жительства именно южную, а не сѣверную, болѣе близкую къ ихъ родинѣ часть Дельты, почему они не могли помириться и такъ отчаянно боролись за этотъ кусочекъ земли съ некрасовцами, почему этотъ кусочекъ былъ занятъ этими послѣдними и былъ такъ дорогъ для нихъ. Это мѣсто было въ экономическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ для запорожцевъ тѣмъ-же, чѣмъ было оно когда-то для генуэзцевъ, развалины крѣпости которыхъ находятся въ $1^1/_2$—2-хъ верстахъ отъ мѣста бывшей Сѣчи. Развалины эти существуютъ и теперь въ видѣ полуразрушившейся цементной кладки на горѣ и очень хорошо сохранившагося квадрата окопа около озера Круглика. Очень можетъ быть, какъ мы увидимъ далѣе, что и самое мѣсто прежней Сѣчи было также въ свое время крѣпостью, если не генуэзской, то какого-нибудь другаго народа, такъ какъ окружающіе это мѣсто со стороны суши валы, по словамъ Коломійца, насыпаны не запорожцами, а некрасовцами, по нашему-же мнѣнію они должны быть гораздо древнѣе... По стратегическому значенію мѣсто Дунавца можно сравнить съ той скалой, которая находится у входа изъ Разина въ багадагскій лиманъ и на которой и до сихъ поръ стоятъ тоже развалины древняго генуэзскаго замка—Ираклiи, или, по липованскому, Раклѣи. Сообразивши все это, дѣлается вполнѣ понятнымъ и стремленіе запорожцевъ оттѣснить некрасовцевъ изъ Дунавца и со склона Бешъ-Тепе къ Бабадагу и предоставить имъ долину р. Славы и западные берега Разина, не имѣвшіе для запорожцевъ особенно важнаго значенія. Позднѣйшая, вполнѣ земледѣльческая украинская эмиграція не имѣла уже стремленія селиться въ этихъ мѣстахъ и концентрировалась въ гораздо болѣе удобной мѣстности къ юго-западу и отчасти къ сѣверо-востоку отъ Тульчи, для запорожцевъ-же вопросъ о Дунавцѣ былъ вопросомъ существованія вообще въ дельтѣ Дуная. „У Катырлезі не схотіли сидіти, объясняетъ Коломіецъ, бо тамъ лучче у Дунавці—степи есть, а тутъ (т. е. въ Катирлезѣ) отъ якъ бачите—тільки вода, та комишъ, та небо зверху та й годі!“... Правда и возлѣ Катирлеза наберется нѣсколько десятковъ десятинъ земли годной подъ посѣвовъ и для сѣнокосовъ, въ особенности-же выгодной по своей солонцоватости для разведенія скота (вслѣдствіе чего она и занята теперь исключительно скотопромышленническими *кашлами*

Библиотека "Руниверс"

(нѣчто въ родѣ африканскихъ кроалей), но для запорожцевъ это количество земли было очень ничтожно, а Катирлезъ, въ которомъ нѣтъ и до сихъ поръ ни одного, кажется, деревца, за исключеніемъ вербъ надъ Дунаемъ, и улицы котораго во время бурь сплошь и рядомъ заливаются морской водой, могъ для нихъ быть исключительно только рыбальскимъ поселкомъ и морской гаванью.

Неудивительно поэтому, что основавшись въ Катирлезѣ, запорожцы тѣмъ не менѣе продолжали употреблять всѣ усилія овладѣть Дунавцомъ и что некрасовцы съ своей стороны дѣлали все, чтобы не дать его, и дѣйствительно не давали въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ еще послѣ перенесенія Коша въ Катирлезъ, не смотря на постоянныя ожесточенныя нападенія запорожцевъ. Неудивительно затѣмъ и то, что когда наконецъ Дунавецъ былъ уже взятъ, то взятіе это послужило съ одной стороны причиной для выселенія некрасовцевъ въ Малую-Азію—въ Майносъ, а съ другой, подало поводъ народной легендѣ дать этому факту и самой борьбѣ фантастическую окраску и примѣшать сюда всякаго рода волшебство съ обѣихъ сторонъ. „Дунавця черезъ те такъ довго не могли узять.“ разсказываетъ даже такой сравнительно развитый и все таки бывалый человѣкъ, какъ Коломіецъ, „що бувъ тамъ липованський піпъ—волшебникъ. Ото-жъ запорожци нияк не могли достушитись до ёго, до хаты, то найшли вони липованку на полі и кажуть: „иди, скажи попови, щобъ иповъ чоловіка сповідать!“ Тільки що вінъ выйповъ, а вони до ёго, затягли у хату—хотіли різать, а ёго ни шабля, ни нижъ не бере... Оттоді вже Кирило Маковецькій догадавсь: „шукайте, каже, оттамъ у ёго якъ не ятаганъ, то шабля підъ головами!“... отъ найшли та тимъ вже ятаганомъ и зарізали... Оттоді-вже й Дунавець узяли... и перейшли туди, й сами переселись и церкву перевезли“... Почти въ томъ-же родѣ исторію разсказываетъ и Остапъ Данчукъ. Но легенда Данчука замѣчательна тѣмъ, что героемъ ея со стороны некрасовцевъ является ни больше, ни меньше, какъ Стенька Разинъ: „Оттутъ-де Січъ була, засіли липоване..., а бувъ у ихъ чоловікъ одинъ Разимъ—одъ ёго й лиманъ назвався, а бувъ той Разимъ такий старый, що ажъ луска вже на ёму поросла; вінъ волшебникъ бувъ и нихто не мігъ ёго испразнить... Коли-жъ бувъ и запорожець такий, що собаками липованъ цькувавъ, то якъ закликали вже ёго, то вінъ вже того липо-

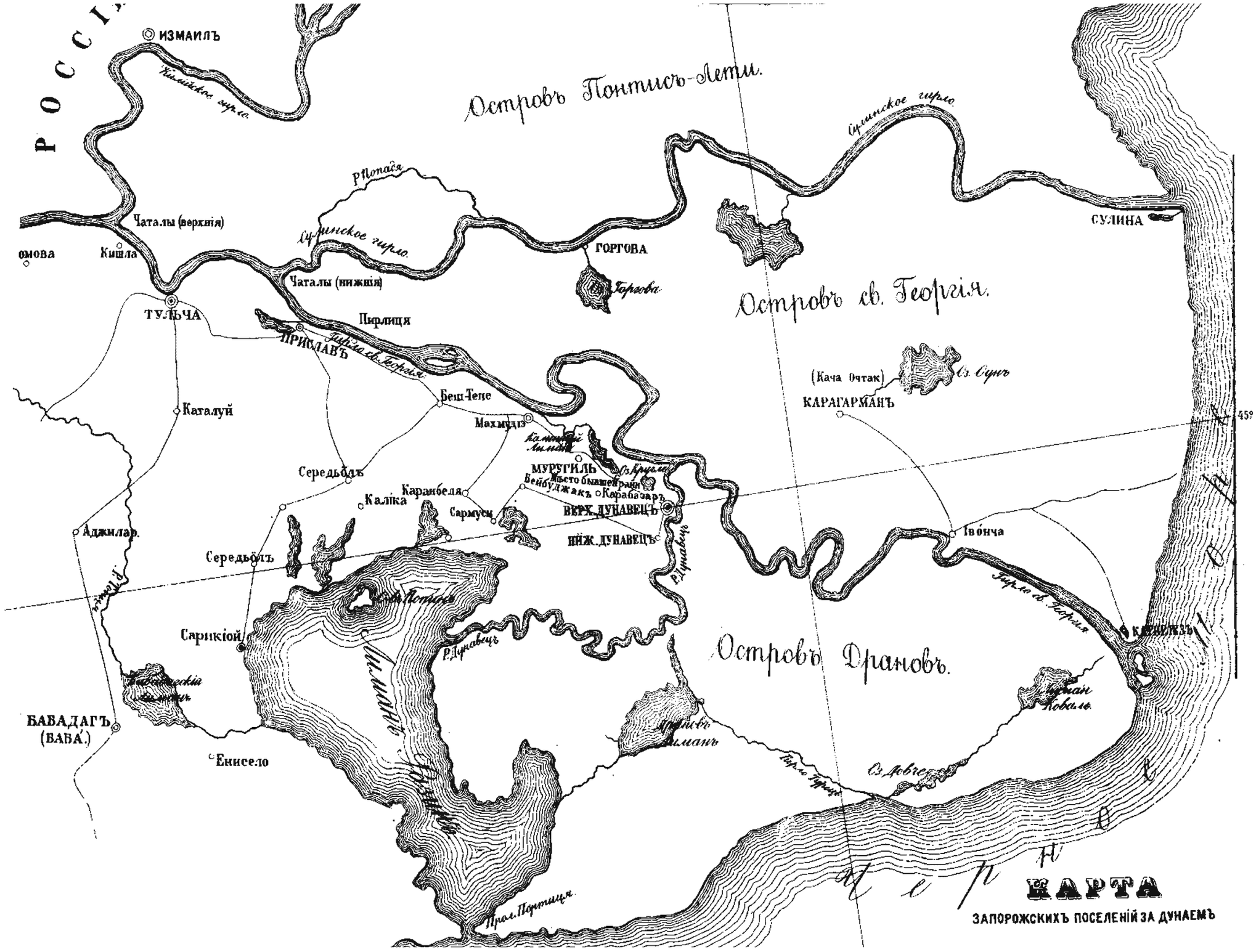
Библиотека "Руниверс"

вана й убивъ... А якъ-же-жъ отой запорожець піймавъ ёго?!.. Ёго не можна було піймати, бо якъ підходить хто, або підплива човномъ, то вінъ здалека почуе й сховается... счезне—звісно волшебникъ. То отой запорожець и догадавсь таки: підійду я до ёго, каже, такъ—и не по воді, и не по сухому—одниею ногою ставъ на човенъ, а другою по березі йшовъ... то такъ до ёго куріня й дойшовъ... а вінъ значить ниякъ не мігъ ёго спобігти, бо вінъ не то по воді, не то по сухому до ёго дойшовъ... То вже якъ дойшовъ, та піймавъ ёго, то обухомъ вбивъ... нічимъ, бачте, не можна було ёго більше вбить..., а обухомъ вбивъ"...

И такъ въ концѣ концовъ Дунавецъ былъ взятъ и запорожцы перенеслись туда всѣмъ Кошемъ, со всѣмъ своимъ войсковымъ имуществомъ и съ недостроенною въ Катирлезѣ церковью. Такимъ образомъ Сѣчь попала наконецъ на свое настоящее мѣсто и получила свою окончательную организацію.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"



Библиотека "Руниверс"

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія, харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе)*).

6) Судьба одной старозаимочной дачи.

Болѣе другихъ мѣстностей нынѣшней харьковской губерніи намъ извѣстна одна поземельная дача ахтырскаго уѣзда, г. Ахтырки, заключающая въ себѣ болѣе 20,000 десятинъ земли, по своему происхожденію и характеру исключительно старозаимочной. Въ этой дачѣ и въ настоящее время во владѣніи государственныхъ крестьянъ (бывшихъ войсковыхъ обывателей) ахтырскаго общества состоитъ болѣе 15,000 десятинъ старозаимочной земли, а остальная часть въ этой дачѣ принадлежитъ другимъ сословіямъ (духовенству, дворянамъ, купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ) и заключается въ огромномъ количествѣ иногда самыхъ мелкихъ черезполосныхъ участковъ. Поземельное владѣніе государственныхъ крестьянъ въ этой дачѣ и до сихъ поръ *личное*, съ переходомъ по наслѣдству къ дѣтямъ и роднымъ вообще. На исторической судьбѣ этой дачи можно послѣдовательно и довольно наглядно прослѣдить всю полную такъ называемыхъ „недоразумѣній“ и многообразныхъ административныхъ опытовъ судьбу народнаго землевладѣнія въ мѣстности слободскихъ полковъ. Сельско-хозяйственная организація этой дачи, какъ сохранилась она за нѣкоторыми исключеніями и до настоя-

---

*) См. ноябрь и декабрь «Кіевской Старины», 1882 г.

Библиотека "Руниверс"

щаго времени, представляетъ приблизительно слѣдующій порядокъ: по всей видимости еще первые поселенцы принесли съ собой систему трехпольнаго хозяйства и поэтому раздѣлили всю дачу на три „руки“, или поля,—озимь, яриву и толоку (паръ), и каждый домохозяинъ (глава семьи, господарь) вѣроятно въ началѣ получилъ въ каждой „рукѣ“ особую нивку, грунтъ или державу, причемъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, позволительно предполагать, что первоначальное количество земли во всѣхъ трехъ „рукахъ“ у каждаго домохозяина было не менѣе 20 — 30 десятинъ. Толочное поле, какъ и всегда при трехпольной системѣ, ежегодно перемѣнное, служило ежегодно и выгоннымъ мѣстомъ для скота бывшихъ козаковъ, потомъ войсковыхъ обывателей и затѣмъ съ 30 годовъ— просто государственныхъ крестьянъ, какъ съ немногими измѣненіями служитъ оно для той-же цѣли и въ настоящее время. Весьма незначительная часть этой дачи, находящаяся на ея окраинѣ и называемая почему-то „государщиной“, считается теперь въ общемъ владѣніи крестьянъ, не входитъ ни въ одну изъ „рукъ“ и есть, можетъ быть, остатокъ прежней „вольницы“.

Мы не имѣемъ теперь никакихъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ возникла въ войсковыхъ старозаимочныхъ дачахъ трехпольная система, съ вѣроятнымъ первоначальнымъ надѣломъ каждаго домохозяина земельнымъ участкомъ въ каждой „рукѣ“, т. е. было-ли это первоначально рѣшеніе цѣлой *громады*, общества, или-же оно совершилось по иниціативѣ и распоряженію еще первыхъ мѣстныхъ полковыхъ властей. Изъ имѣвшихся у насъ подъ руками свѣдѣній и мѣстныхъ преданій мы знаемъ только, что уже съ незапамятныхъ временъ эта дача не дѣлилась между обывателями и установившійся первоначально личный наслѣдственный порядокъ поземельнаго владѣнія бывшихъ ахтырскихъ козаковъ не испытывалъ вновь общаго поземельнаго передѣла. Въ особенности примѣненъ этотъ порядокъ въ лѣсной части дачи, которой большіе или меньшіе участки составляли всегда личную собственность большинства населенія. Собственники такихъ участковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе хорошо помнили свои *лужки* и *ши*, хотя границы ихъ для посторонняго глаза были трудно уловимы, ибо выражались предметами самой природы: отъ такого-то сухаго дуба по такой-то „бридокъ“, или такой-то „саги“ (залива мѣстной рѣчки Ворсклы)

Библиотека "Руниверс"

до такой-то лѣсной дорожки. Совершенно индивидуальный характеръ поземельнаго владѣнія въ этой дачѣ въ общемъ сельско-хозяйственномъ ея устройствѣ не исключалъ, правда, и нѣкоторыхъ элементовъ ассоціаціи, которые можно усматривать отчасти въ самомъ первоначальномъ устройствѣ трехпольной системы, въ общемъ выгонѣ, который ежегодно переходилъ въ новое поле, гдѣ открывалась толока, въ общихъ издержкахъ на присмотръ скота и наконецъ даже въ суровомъ обычаѣ наказанія за кражу копенъ въ полѣ, въ которомъ народная расправа съ виновнымъ мало чѣмъ отличалась по своимъ послѣдствіямъ отъ смертной казни и которому мѣстное населеніе обязано тѣмъ, что и до послѣдняго времени копны въ полѣ, иногда за десятки верстъ отъ поселенія, могли стоять совершенно безопасно даже до Покрова. Такой-же характеръ носитъ и оранка толочнаго поля на озимый хлѣбъ, производившаяся болѣе или менѣе одновременно, дабы крестьяне, не имѣвшіе скота, или-же не нуждавшіеся почему-либо въ выгонѣ, не портили-бы раннимъ пахатіемъ своихъ нивъ въ толочной рукѣ пастбищнаго мѣста для остальнаго скота. За возможной одновременностію этой оранки толочнаго поля даже и въ послѣдніе годы довольно заботливо наблюдало волостное начальство. Трехручное хозяйственное устройство всей ахтырской дачи установилось такъ прочно, что даже лица другихъ сословій, владѣвшія въ ней черезполосными участками, иногда даже въ 30 и болѣе десятинъ въ одномъ кускѣ, должны были подчиняться и подчиняются и въ настоящее время этому порядку, такъ что если ихъ черезполосная пахатная земля лежитъ въ извѣстномъ году въ той „рукѣ“, гдѣ у крестьянъ въ этомъ году ярина, то и у этихъ владѣльцевъ должна быть ярина, иначе почти физически было-бы невозможно преслѣдовать за потравы вообще, а въ годъ толоки въ той „рукѣ“ въ особенности. Зависимость земельныхъ собственниковъ въ ахтырской дачѣ изъ лицъ не крестьянскаго сословія отъ общаго въ крестьянскомъ населеніи этой дачи хозяйственнаго порядка идетъ еще далѣе; она служитъ между прочимъ причиною того общаго здѣсь явленія, что собственная обработка земель такихъ лицъ посредствомъ наемнаго труда просто немыслима; въ ахтырской дачѣ издавна установилась и теперь практикуется ежегодная отдача такъ-называемыхъ господскихъ земель крестьянамъ за извѣстную часть урожая, такъ-назы-

Библиотека "Руниверс"

ваемая въ Малороссіи „скіпщина“, большею частію съ „пятерика“, то есть изъ пяти копъ три крестьянину, а двѣ собственнику земли, а въ послѣднее время уже нерѣдко и съ половины. Самое существованіе въ ахтырской дачѣ черезполосицы и появленіе въ ней иносословныхъ собственниковъ, которые, какъ частыя мелкія пятна на бумагѣ, густо вкраплены въ общую массу крестьянскихъ земель, сохраняющееся нерѣдко въ памяти современниковъ, служитъ подтвержденіемъ какъ принадлежности этого обширнаго пространства земли одному недѣлимому населенію, въ которомъ каждый владѣлъ своею частью на правахъ личной собственности, такъ существовавшаго здѣсь изстари того хозяйственнаго порядка землевладѣнія, который, вытекая изъ общихъ условій и выгодъ пользованія землею, былъ потому необходимостію для всѣхъ собственниковъ, помимо ихъ сословнаго, впослѣдствіи установившагося различія. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что большинство теперешнихъ иносословныхъ собственниковъ въ ахтырской дачѣ или сами потомки бывшихъ козаковъ, или пріобрѣли ихъ земли хотя-бы изъ третьихъ и десятыхъ рукъ. По мѣрѣ расширенія прерогативъ государственной службы, многіе изъ козаковъ, благодаря именно этой службѣ, или-же торговлѣ разновременно выдѣлялись изъ общей народной массы, причемъ ихъ наслѣдственныя старозаимочныя земли, по спеціальнымъ законоположеніямъ для высшаго служилаго сословія, пріобрѣтали уже безспорный характеръ поземельной собственности, что, конечно, практически во многомъ зависѣло и отъ инаго общественнаго положенія и мѣстныхъ вліятельныхъ связей этихъ выходившихъ изъ массы лицъ. Какъ-бы ни было скромно имущественное богатство многихъ изъ этихъ иносословниковъ, но во всякомъ случаѣ это были уже паны, которые или прямо входили въ сферу чиновниковъ, или-же были весьма близки этой сферѣ, чувствовали себя въ ней своими людьми и потому права и преимущества свои въ своемъ поземельномъ владѣніи не всегда имѣли надобность отстаивать длинной дорогой закона, но болѣе кратчайшимъ путемъ личныхъ мѣстныхъ отношеній.

На сколько личное поземельное владѣніе крестьянъ, въ разсматриваемой мѣстности, фактически, почти на условіяхъ полной собственности, срослось со всѣмъ строемъ мѣстной жизни, съ народнымъ характеромъ и его исконными привычками, можно судить

Библиотека "Руниверс"

уже потому, что самый хуторъ Малороссіи—эта, такъ сказать, преобладающая форма разселенія народа и самой его колонизаціи, тѣсно связанъ съ личнымъ поземельнымъ владѣніемъ. Отдѣльныя семейства различныхъ южно-русскихъ поселеній (городовъ, слободъ и селъ) не рѣдко выселялись изъ этихъ поселеній на ближайшіе къ нимъ собственные поземельные участки, грунты, и примѣромъ различныхъ хозяйственныхъ удобствъ (наприм. имѣть всю землю подъ рукой) давали поводъ другимъ селиться съ ними по сосѣдству, также на своихъ собственныхъ грунтахъ; такъ разрослись и еще до сихъ поръ растутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ называемые города, въ сущности болѣе или менѣе обширныя земледѣльческія слободы и села Малороссіи, путемъ образованія цѣлыхъ группъ хуторовъ, мало по малу примыкающихъ, а потомъ и совершенно сливающихся съ тѣми старыми поселеніями, откуда они сами выселялись. Понятно, что при общинномъ характерѣ землевладѣнія хуторъ, какъ форма разселенія и роста первоначальныхъ осѣдлыхъ мѣстъ, по меньшей мѣрѣ неудобна, если не совсѣмъ невозможна. Опять таки мы не оцѣниваемъ ни положительныхъ, ни отрицательныхъ сторонъ такого положенія вещей, а указываемъ на нихъ только какъ на извѣстные факты.

Отъ этихъ общихъ свѣдѣній о порядкѣ землевладѣнія въ ахтырской дачѣ перейдемъ къ историческимъ даннымъ о ея происхожденіи. Уже въ началѣ настоящей статьи мы видѣли, что первоначальное населеніе г. Ахтырки „черкасами“ относится еще до времени присоединенія этой мѣстности къ московскому государству. У насъ подъ руками имѣется рукописная копія акта 7165 г. (1657 г.), мая 7 дня, даннаго отъ царя Алексѣя Михайловича въ Бѣлгородъ окольничему и воеводѣ князю Григорію Ромодановскому „по челобитью ахтырскихъ черкассъ Дмитрія Иванова съ товарищи“. „Ахтырскіе черкассы“ просили отмежевать ихъ земли отъ сосѣднихъ уже бывшихъ въ то время поселеній; почему грамота и повелѣвала князю Ромодановскому послать изъ Бѣлгорода на ахтырское городище товарища своего Ивана Акинѳова „и съ нимъ велѣть съѣхаться изъ городовъ воеводамъ и приказнымъ людямъ—съ Вольнаго, съ Олешина, и съ Колонтаева, и съ Ахтырскова, и черезъ рѣку Ворсклъ лѣсу отдѣлить къ рѣкѣ Ворклу на 500 сажень, а вдоль на 5 верстъ и пашни, и сѣнныхъ покосовъ, и рыбныхъ ловель и всякихъ

Библиотека "Руниверс"

угодій по муромской сакмѣ вверхъ по Ворсклу... на тысячу на триста человѣкъ, чтобъ имъ земли отдѣлить не скудно и ту землю и сѣнные покосы и всякое угодье отмежевать и на межахъ столбы поставить"... Межа земли ахтырскихъ черкасъ опредѣлена между прочимъ до рѣкъ Рабыни (Рябина) и Мерла [1]).

Кромѣ указанной грамоты и описи ахтырскаго полка 1726 г., изъ которой раньше сдѣлано нами довольно подробное извлеченіе данныхъ, имѣвшихъ хотя косвенное отношеніе къ поземельному вопросу, въ нашихъ рукахъ имѣется еще рукописная копія одного акта прошлаго вѣка: въ немъ не обозначенъ годъ его составленія, но видно, что онъ явился еще до времени генеральнаго межеванія земель теперешней харьковской губерніи. Актъ этотъ начинается слѣдующимъ содержаніемъ: „книга именная бѣлогородской губерніи, слободскаго ахтырскаго полку, сотенныхъ мѣстъ козачимъ подмощникамъ свидѣтельства отъ кавалеріи астраханскаго полку подполковника Шамшева, который до сочиненія именныхъ книгъ отправленъ въ полкъ, колико число въ ономъ ахтырскомъ полку въ городѣхъ, селѣхъ и деревняхъ, живущихъ на жалованныхъ полковыхъ земляхъ малороссіянъ явилось и въ которомъ селѣ и деревняхъ состоитъ мужеска полу душъ, которые подмощники платятъ въ ахтырскую полковую канцелярію на довольствіе армейскихъ и одного

---

[1]) Когда впослѣдствіи по ахтырской земельной дачѣ возникъ судебный процессъ съ казной, то, по порученію харьк. каз. палаты, данному губ. землемѣру, относительно этого документа были наведены справки въ дѣлахъ губ. чертежной: по этимъ справкамъ, онъ назвалъ былъ «выпиской изъ писцовой межевой книги XVII вѣка», а количество опредѣленной этимъ документомъ земли, по свидѣтельству этой-же справки, около 55,000 десятинъ. Такъ какъ въ этой выписи говорится объ отводѣ земли черкасамъ «на тысячу на триста человѣкъ... отдѣлить не скудно», и если принять, что эти 1300 человѣкъ были главы семействъ, то въ такомъ случаѣ среднимъ числомъ на каждую семью приходилось-бы свыше 42 десятинъ, что значительно превышало-бы возможность непосредственной обработки земли силами одной семьи; по этому позволительно предположить, что это челобитье атамана ахтырскихъ черкасъ съ товарищами имѣло въ виду опредѣленіе уже существовавшаго поземельнаго владѣнія гораздо большей массы малорусскаго населенія, или-же сами просители имѣли въ виду земельный запасъ для будущаго: можетъ быть часть этого обширнаго пространства составляла въ первое время такъ называемую въ Малороссіи «вольницу», т. е. запасныя земли общаго владѣнія всѣхъ классовъ населенія.

Библиотека "Руниверс"

гарнизонныхъ полковъ на порціоны и раціоны въ годъ по 18 копѣекъ по ³/₄ съ души, значится ниже сего". Далѣе идетъ запись обывателей въ двухъ ахтырскихъ сотняхъ; подворно означены имена, отчества и фамиліи. Въ особой графѣ на первой страницѣ написано: „онаго ахтырскаго полку нижеписанное число 1778 душъ (т. е., нужно думать, въ двухъ сотняхъ), козачи подпомощники, живутъ на пашнѣ, на жалованной малороссійской землѣ своими дворами и платятъ подпомощничій окладъ въ ахтырской полковой канцеляріи". Итакъ земли, въ предѣлахъ которыхъ находилась впослѣдствіи и генерально обмежеванная ахтырская дача, офиціально признавались „жалованной полковой малороссійской землей", а денежныя повинности жителей передъ правительствомъ ограничивались только 18³/₄ коп. съ души, причемъ самая земля, какъ нужно думать, не была обложена еще никакимъ налогомъ.

Изъ имѣющейся у насъ копіи межевой книги дачи г. Ахтырки видно, что она была генерально обмежевана и межевые документы на нее значатся отъ 17 сентября 1769 года. Въ этой межевой книгѣ „учинена межа дачѣ владѣнія живущихъ въ Ахтыркѣ войсковыхъ обывателей съ ея напашенными землями, сѣнными покосы, лѣсными и прочими угодьями отъ всѣхъ смежныхъ посторонихъ земель"... Изъ дальнѣйшаго содержанія этой-же межевой книги видно, что въ дачѣ войсковыхъ обывателей г. Ахтырки отдѣльно вымежеваны земли и пустоши лицъ другихъ сословій, а земля войсковыхъ обывателей показана общей массой въ количествѣ 21,252 десятинъ, а собственно удобной 20,249 десятинъ. „На семъ числѣ, сказано въ концѣ книги, во время межеванія земли внутри окружной межи... живущихъ въ г. Ахтыркѣ войсковыхъ обывателей... по послѣдне поданнымъ къ ревизіи сказкамъ состоитъ положенныхъ въ подушный окладъ мужеска пола 4,986 душъ". И такъ генеральное межеваніе ахтырской, а слѣдовательно и другихъ старозаимочныхъ земель слободской территоріи, уже потому, что оно было только генеральное, не осуществило первоначальнаго благаго пожеланія Екатерины II: „дабы всякій свой удѣлъ, или замку зналъ". Къ старозаимочнымъ землямъ была примѣнена общая межевая инструкція 1766 г., въ которой вся 19 глава была посвящена именно однодворческимъ и другихъ служилыхъ людей помѣстнымъ землямъ, которыя въ это время были уже окончательно признаны ка-

Библиотека "Руниверс"

земными, а въ первомъ пунктѣ этой главы именно и сказано: всѣ состоявшіе за однодворцами и другими служилыми людьми земли „утверждать не каждому порознь, а вообще всему селенію, особо отъ другихъ". По этимъ причинамъ всѣ земли ахтырскихъ войсковыхъ обывателей были просто замежеваны одной окружной межой къ г. Ахтыркѣ. При такихъ отношеніяхъ закона къ личному поземельному владѣнію войсковыхъ обывателей, оно—это личное и наслѣдственное поземельное владѣніе большинства народной массы харьковской губерніи, можно сказать, уже не имѣло себѣ формальной защиты въ законахъ и оберегалось развѣ только обычаемъ, или различными случайными обстоятельствами.

Такое необезпеченное положеніе землевладѣнія въ классѣ бывшихъ войсковыхъ обывателей, переходившихъ теперь въ разрядъ крестьянъ, давало постоянный поводъ къ притязаніямъ другихъ классовъ, при взаимномъ столкновеніи ихъ интересовъ и земельныхъ правъ; отсюда сословный аграрный антагонизмъ между массой войсковыхъ обывателей г. Ахтырки съ одной стороны и купцами, цеховыми и мѣщанами того-же города съ другой. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ о немъ подробнѣе, здѣсь-же замѣтимъ, что если этотъ антагонизмъ примѣчается не раньше конца прошлаго вѣка и не выражается на бумагѣ со стороны духовенства и дворянства, то отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы онъ не проявлялся и раньше сего въ той скрытой формѣ, въ какой сталъ обнаруживаться въ воззрѣніяхъ массы въ послѣднее время. Впрочемъ упомянутые нами выше межевые документы на ахтырскую дачу даютъ намъ по этому предмету нѣкоторые, хотя и скудные факты. Книга генеральнаго межеванія ахтырской дачи отъ 17 сентября 1769 г. упоминаетъ только два элемента населенія г. Ахтырки: это во 1-хъ сплошное населеніе войсковыхъ обывателей, которымъ въ дачѣ принадлежало около $^{5}/_{6}$ всего ея пространства и поземельное владѣніе которыхъ показано въ книгѣ общей цифрой, а на планѣ общей массой за всѣмъ ихъ обществомъ, и во 2-хъ нѣсколько десятковъ лицъ другихъ классовъ, владѣвшихъ на правѣ собственности мелкими, также генерально-обмежеванными пустошами въ нѣсколько десятинъ каждая, среднимъ числомъ 20—30 дес., кромѣ двухъ пустошей отъ 100 до 200 десятинъ. Землевладѣльцы послѣдней категоріи перечислены въ межевой книгѣ поименно: они видимо были люди исклю-

Библиотека "Руниверс"

чительно почти мѣстные, но только выдѣлившіеся изъ массы войсковыхъ обывателей фортуной позднѣйшей канцелярской или военной службы, или лица духовнаго званія. Въ качествѣ земельныхъ собственниковъ тутъ названы: премьеръ-маіоры, подпрапорные, прапорщики, вахмистры, протопопы, священники, канцеляристы, копіисты, бывшіе сотники, бывшіе полковые судьи; было нѣсколько пустошей, показанныхъ за ахтырскимъ троицкимъ монастыремъ. Но ни въ книгѣ генеральнаго межеванія всей ахтырской дачи 1769 г., ни въ межевой книгѣ уѣзднаго города Ахтырки съ выгонной землею 1771 г., нигдѣ ни однимъ словомъ не упомянуты: купцы, мѣщане и цеховые, хотя трудно сомнѣваться въ томъ, что населеніе Ахтырки въ нѣсколько тысячъ человѣкъ не могло существовать безъ всякой торговли и городскихъ ремеслъ. Это обстоятельство даетъ поводъ думать, что за исключеніемъ самаго скромнаго процента населенія, выдѣлившагося изъ массы путемъ канцелярской, полковой или духовной службы, остальное населеніе ахтырскихъ войсковыхъ обывателей во время генеральнаго межеванія представляло еще однородное, безсословное общество.—Было еще незначительное количество одного разряда населенія, которое уже отмѣчено въ межевыхъ актахъ г. Ахтырки прошлаго вѣка: это „подданные черкасы“: въ межевой книгѣ 1769 г. ихъ указано всего лишь нѣсколько человѣкъ, жившихъ въ хуторахъ и отдѣльныхъ пустошахъ вышедшихъ въ чины частныхъ владѣльцевъ, а въ межевой книгѣ городской и выгонной земли (1771 г.) сказано, что въ чертѣ городской земли, въ размѣрѣ около 2,790 десятинъ, находится г. Ахтырка, въ коемъ войсковыхъ обывателей мужскаго пола числится 4,986 душъ, да „за разными помѣщики и владѣльцы подданныхъ черкассъ, живущихъ въ городѣ, 143, всего 5,129 душъ“.

Межа городской земли г. Ахтырки была опредѣлена ранѣе генеральнаго межеванія ахтырской дачи, т. е. до 1769 года, межевая книга на эту дачу составлена въ 1769 г., а на городскую землю, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, только въ 1771 году. Спустя нѣсколько лѣтъ вводилось въ Ахтыркѣ городовое положеніе Екатерины II, которымъ офиціально опредѣлены новые разряды населенія: купцы, мѣщане и цеховые. Въ слѣдъ за этимъ замѣтны уже явные слѣды борьбы изъ-за вопросовъ землевладѣнія между земледѣльческой массой населенія съ одной стороны, купцами, мѣ-

Библиотека "Руниверс"

щанами и цеховыми съ другой. Очень можетъ быть, что при самомъ введеніи городоваго положенія не обошлось безъ какихъ-либо новыхъ нежданныхъ пертурбацій въ существовавшемъ аграрномъ строѣ жизни, ибо возникновеніе регламентированнаго закономъ городскаго сословія, со стороны его писанныхъ правъ и обязанностей, врядъ-ли могло быть предметомъ яснаго сознанія въ глазахъ патріархальной земледѣльческой массы населенія; а впослѣдствіи этотъ антагонизмъ долженъ былъ идти прогрессивно, возбуждаемый и поддерживаемый нѣкоторыми позднѣйшими офиціальными мѣропріятіями, о которыхъ будетъ сказано ниже. Во всякомъ случаѣ только со времени введенія этого городоваго положенія почти безсословное населеніе войсковыхъ обывателей, большею частію земледѣльцевъ, должно было мало-по-малу выработаться въ низшее (сословіе), замкнутое и подчиненное уже своимъ особымъ спеціальнымъ вѣдомствамъ крестьянское сословіе. Можно предположить, что такимъ именно путемъ произошелъ разжалованный изъ обывателей позднѣйшій „мужикъ“ въ земледѣльческихъ городахъ харьковской губерніи. Такое раздѣленіе безсословнаго прежде населенія войсковыхъ обывателей на высшія и низшія городскія сословія въ земледѣльческихъ городахъ Слободской Украйны, въ связи съ болѣе общими и глубокими историческими причинами, соотвѣтственно принизило весь численно преобладавшій классъ войсковыхъ обывателей во всей губерніи, по селамъ и деревнямъ, на степень почти паріевъ позднѣйшей эпохи, съ весьма вѣрнымъ названіемъ „государственныхъ крестьянъ“, т. е. безотвѣтныхъ крѣпостныхъ людей государства. Въ этихъ превращеніяхъ рѣшающее вліяніе врядъ-ли принадлежало тѣмъ или другимъ преднамѣреннымъ дѣйствіямъ правительства; скорѣе здѣсь могла сказываться стихійная сила общаго порядка вещей въ обширномъ государствѣ, гдѣ между правящими и управляемыми элементами не могло уже быть ни взаимнаго пониманія, ни постоянно дѣйствующей органической связи: вольная и невольная нивелировка жизни, до степени повсемѣстно-однообразнаго механическаго порядка, могла вызываться простой необходимостью для бюрократическаго режима хотя какъ-нибудь оріентироваться въ дѣлѣ администраціи, вводя въ посильныя для себя упрощенныя и однообразныя формы необъятное разнообразіе и естественное непрерывное творчество соціальной жизни.

Библиотека "Руниверс"

Какъ можно видѣть по дальнѣйшему ходу различныхъ аграрныхъ мѣропріятій мѣстной администраціи относительно старозаимочныхъ земель теперешней харьковской губерніи, взгляды такихъ осмотрительно дѣйствовавшихъ администраторовъ, какъ Чертковъ, не были, къ сожалѣнію, преобладающими, и повидимому скоро почти совсѣмъ исчезли изъ мѣстныхъ административныхъ традицій и практики. Мы не будемъ здѣсь объяснять причинъ такого явленія, ибо, по всей вѣроятности, онѣ довольно сложны; но врядъ-ли послѣднюю роль игралъ здѣсь пришлый характеръ административнаго персонала, который просто могъ не знать мѣстнаго аграрнаго устройства, а личный ихъ опытъ и общій ходъ аграрнаго законодательства въ примѣненіи къ народной массѣ имѣлъ дѣло только съ великорусскимъ поземельнымъ порядкомъ, общиннымъ характеромъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ ноябрѣ 1814 г. „войсковой голова“ и повѣренные г. Ахтырки, т. е. общества тогдашнихъ войсковыхъ обывателей, жаловались слободско-украинской казенной палатѣ на сильное умаленіе земли войсковыхъ обывателей г. Ахтырки и непомѣрное обремененіе ихъ различными повинностями. Между прочимъ они объясняли, что хотя „по плану, выданному на г. Ахтырку“ числится удобной земли около 15,000 десятинъ (мы округляемъ цифру), но въ числѣ этой земли около 5,000 десятинъ черезполосностей принадлежатъ чиновникамъ, „да купцамъ и мѣщанамъ, вышедшимъ въ сіе званіе изъ войсковыхъ поселянъ“, и потому во владѣніи ихъ, жалобщиковъ, остаются не полныя десять тысячъ десятинъ, а какъ по послѣдней въ то время 6 ревизіи войсковыхъ обывателей г. Ахтырки числилось 4,520 платежныхъ, или ревизскихъ душъ, то слѣдовательно на каждую душу приходилось всего съ небольшимъ двѣ десятины. Просители прибавляли, что кромѣ общаго уменьшенія войсковой земли, вслѣдствіе выхода многихъ обывателей въ другія сословія, по ордеру бывшаго губернатора Теплова, „съ 1798 года поступило въ распоряженіе ахтырской городовой думы 60 десятинъ, сѣнокосной земли для доставленія отъ города пастбищныхъ мѣстъ квартировавшимъ въ Ахтыркѣ гусарскимъ полкамъ и „разнымъ воинскимъ командамъ“; но что уже около десяти лѣтъ никакихъ военныхъ постосвъ въ г. Ахтыркѣ не имѣлось, а дума все таки продолжаетъ владѣть сѣнокосной землей, бывшей собственностію ихъ обывателей, „нанимаетъ ее разнымъ

Библиотека "Руниверс"

купцамъ и мѣщанамъ и арендную плату обращаетъ въ городской доходъ", въ случаяхъ-же прохожденія черезъ городъ „командъ", тѣ команды „всегда довольствуетъ обывательское общество (т. е. войсковые обыватели г. Ахтырки, по городовому положенію Екатерины, не вошедшіе даже въ составъ городскихъ классовъ) приготовляемымъ для себя сѣномъ и овсомъ, съ дворовъ и покупкою за деньги, почему они, обыватели, и пришли къ крайнему малоземелію, въ пропитаніи себя и платежѣ казенныхъ податей въ крайнее изнеможеніе, ибо во многихъ вовсе земли на хлѣбопашество не имѣется", а потому просятъ возвратить имъ землю, неправильно задерживаемую городскою думою еще со времени ордера губернатора Теплова. Изъ указа слободско-украинской казенной палаты по этой жалобѣ видно, кромѣ того, какъ неустойчивъ былъ характеръ и фактъ землевладѣнія въ частности, въ отдѣльныхъ мѣстахъ этой дачи: тутъ въ видѣ справки приведенъ, между прочимъ, такой эпизодъ. Слободско-украинская гражданская палата еще въ 1805 г. постановила свое опредѣленіе по ходатайству какого-то ахтырскаго обывателя Степана Слухая „съ товарищи", касательно предоставленія во владѣніе имъ „яко-бы жалованной ихъ предкамъ пушкарямъ, по выписи 7170 г. (1662 г.), въ ахтырскихъ дачахъ, въ разныхъ урочищахъ земли, находящейся въ завладѣніи у городничаго Мандрыкина и другихъ"... Въ справкахъ значится, что „по разсужденію воеводы маіора Львова изъ той жалованной пушкарской сѣнокосной земли третью часть положено содержать для искошенія на городское общественное обывательское облегченіе и надобности, употребляя искашиваемое сѣно въ продажу и во время проходящихъ полковъ и командъ съ вѣрною запискою, а оставшуюся за тѣмъ землю раздѣлить между пушкарями, какое распредѣленіе ахтырская провинціальная канцелярія въ 1779 г. рѣшеніемъ своимъ подтвердила". Гражданская палата, не отмѣняя онаго, присудила токмо находящуюся изъ числа оной земли у Мандрыки предоставить по прежнему обывательскому обществу, а имъ Слухаю съ товарищи въ просьбѣ отказала. Но прежде того рѣшенія въ 1798 г. бывшій губернаторъ Тепловъ, даннымъ ахтырской городской думѣ предложеніемъ, предписалъ: „упоминаемымъ сѣннымъ покосамъ, которые, какъ изъ рапорта ахтырскаго нижняго земскаго суда явствуетъ, состоятъ за городской чертой и въ вѣ-

Библиотека "Руниверс"

домствѣ онаго суда, находиться въ вѣденіи той думы и получаемые съ нихъ доходы обращать въ городскую сумму, почему съ 1800 г. по 1814 г. показано въ счетахъ ахтырской городской думы собраннаго съ найма тѣхъ сѣнокосовъ дохода 771 р. 30 к."

Уже одинъ этотъ въ сжатой справкѣ приведенный эпизодъ вызываетъ рядъ предположеній: Слухай съ товарищи ищутъ пожалованную ихъ предкамъ пушкарямъ землю въ свое личное или-же общее владѣніе; упоминаніе о пожалованныхъ земляхъ какихъ-то ахтырскихъ пушкаряхъ предполагаетъ земельныя пожалованія не только въ пользу всего ахтырскаго козачьяго сословія, но и отдѣльныхъ его спеціальностей. Воеводское „разсужденіе" постановило: треть этой земли назначить на „городское облегченіе" относительно военныхъ повинностей, а остальныя $^2/_3$ земли раздѣлить между пушкарями. Гражданская палата, съ своей стороны, часть этой земли, бывшую во владѣніи частнаго лица, городничаго Мандрыки, присудила всему обывательскому обществу, а губернаторъ Тепловъ, не ожидая палатскаго рѣшенія, приказалъ всю эту спорную землю отдать во владѣніе ахтырской городской думы. Такимъ образомъ даже въ одномъ этомъ эпизодѣ мы видимъ цѣлую путаницу разнородныхъ претензій и распоряженій: со стороны частныхъ лицъ, отдѣльныхъ сословій и всего ахтырскаго общества. Отсутствіе прочныхъ, опредѣленныхъ правъ личныхъ и имущественныхъ, полная безконтрольность провинціальной администраціи, которая и сама врядъ-ли могла знать, что кому принадлежало вчера и что кому поэтому должно принадлежать сегодня, всѣ эти условія должны были порождать такой порядокъ вещей въ сферѣ мелкаго поземельнаго владѣнія, что, можетъ быть, даже насильственное, но быстрое введеніе общиннаго владѣнія было-бы еще наименьшимъ изъ золъ, сравнительно съ произволомъ частнаго и офиціальнаго характера, упраздняющимъ всякій прочный разсчетъ на завтрешній день.

---

7) Причины и начало уравнительнаго раздѣла старозаимочныхъ земель.

Замѣна прежняго, ископнаго порядка землевладѣнія въ Слобожанщинѣ инымъ, господствовавшимъ въ другой половинѣ Россіи порядкомъ наступила не вдругъ и произошла подъ непосредствен-

Библиотека "Руниверс"

нымъ и неотразимымъ давленіемъ мѣстной и центральной администраціи, долго еще производившихъ свои эксперименты надъ перерождавшимся постепенно козачьимъ населеніемъ Слобожанщины, не справляясь съ его исторіею, вѣковымъ правомъ, привычками и всѣмъ строемъ мѣстной жизни, но лишь по собственному, не рѣдко весьма узкому пониманію нуждъ и пользъ государства. Въ высокой степени интересны и поучительны разсужденія по этому предмету мѣстныхъ и заѣзжихъ администраторовъ, повидимому проникнутыя заботами о благѣ населенія, а въ сущности не восходившія выше желанія отличиться по службѣ исправнымъ взысканіемъ казенныхъ податей и ради этого не церемонившихся съ историческими началами мѣстной жизни. Въ упомянутомъ нами выше дѣлѣ по жалобѣ „войсковаго головы съ товарищи" на умаленіе земли бывшихъ войсковыхъ обывателей и чрезмѣрное обремененіе ихъ казенными налогами, бывшая слободская казенная палата, въ которой производилось это дѣло, въ своемъ рѣшеніи основалась главнымъ образомъ на слѣдующемъ предложеніи тогдашняго харьковскаго вице-губернатора. Такого-то мѣсяца и числа „сего 1814 года, говорится въ указѣ палаты, здѣшній г. вице-губернаторъ и кавалеръ сей палатѣ предложилъ, что, разсматривая онъ получаемые отъ уѣздныхъ казначействъ вѣдомости о приходѣ и расходѣ денежной казны, а равно о недоимкахъ, усматриваетъ, что сіи послѣднія накопляются до знатнаго количества и взысканіе ихъ происходитъ медленно; посему вникая подробно въ причины умноженія оныхъ и трудности, съ каковою казенными поселянами вносятся слѣдующія казнѣ подати, онъ по внимательномъ изслѣдованіи всего относящагося до сего предмета, равномѣрно, какъ и по тщательномъ соображеніи положенія казенныхъ поселянъ находитъ, что главнѣйшею и почти, можно сказать, единственною причиною несостоятельности казенныхъ поселянъ къ заплатѣ податей и другихъ государственныхъ повинностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сопряженныхъ затрудненій въ сборѣ оныхъ и накопленія недоимокъ, есть то, что во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ, обмежеванныя къ оными земли и слѣдовательно вообще всѣмъ казеннымъ поселянамъ принадлежащія, раздѣлены между ними неуравнительно, такъ что нѣкоторые изъ поселянъ владѣютъ весьма знатнымъ количествомъ земель, далеко превосходящимъ ту пропорцію, которая-бы имъ по числу душъ въ ихъ семействахъ

Библиотека "Руниверс"

слѣдовала, другіе-же напротивъ того владѣютъ только самымъ малѣйшимъ участкомъ, или и вовсе ничего не имѣютъ и число сихъ послѣднихъ гораздо превосходитъ первыхъ; неуравнительность-же сія произошла отъ того, что, не взирая на существующія съ давнихъ временъ узаконенія, коими воспрещено казеннымъ поселянамъ продавать, закладывать, или какимъ-либо образомъ переводить свои участки земель въ посторонніе руки, злоупотребленія сіи подъ разными предлогами всегда продолжались, да и нынѣ, не смотря на строгія подтвержденія о пресѣченіи оныхъ, продолжаются, отъ чего съ одной стороны тѣ, кои таковыми непозволительными средствами сбываютъ свои земли, не только повергаютъ сами себя въ бѣдность и несостояніе къ платежу казенныхъ податей, но потомковъ своихъ неповинно оставляютъ въ бѣдственномъ положеніи, а съ другой—заводятъ напрасныя дѣла, обременяющія правительство, почему онъ, г. вице-губернаторъ, и полагаетъ, что какъ для безнедоимочнаго взноса казенныхъ податей, такъ и для приведенія казенныхъ поселянъ въ состояніе пріобрѣтать потребные способы къ прокормленію себя и платежу государственныхъ повинностей, необходимо надлежитъ во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ всѣ имѣющіяся и обмеженныя къ онымъ земли раздѣлить между поселянами уравнительно по числу душъ въ каждомъ семействѣ въ окладѣ состоящихъ, исключая только такихъ участковъ, на которые имѣются у кого-либо законные документы, съ тѣмъ, чтобы казенные поселяне, кромѣ предоставленнаго имъ въ межевой инструкціи права отдавать свои участки по-голно въ наймы, ни какъ не смѣли ни продавать оныхъ и ни закладывать, ниже какимъ-бы-то ни было образомъ переводить въ посторонніе руки".—Въ настоящее время насъ, привыкшихъ къ инымъ порядкамъ, способно озадачить то обстоятельство, что вице-губернаторъ, хотя и кавалеръ, такъ легко справляется съ сложнымъ аграрнымъ и экономическимъ вопросами и однимъ, такъ-сказать, взмахомъ своего пера разрушаетъ вѣковой порядокъ жизни; но тогда ничто подобное не казалось страннымъ и палата, какъ видимъ, приняла предложеніе вице-губернатора къ исполненію. Правда, онъ оставляетъ еще значеніе за документами законными, но какіе документы могли быть у населенія, низведеннаго уже разными мѣропріятіями на степень „мужика" и какіе изъ имѣющихся документовъ, послѣ столькихъ перемѣнъ, могли быть признаны за-

Библиотека "Руниверс"

конными"? Не менѣе интересны нѣкоторыя числовыя данныя, приведенныя въ томъ-же указѣ палаты и подтверждающія, хотя далеко не точно, то умаленіе земли, на которое жалуется „войсковой голова съ товарищи". Изъ этихъ данныхъ отмѣтимъ слѣдующія: 1) что по 5-й ревизіи ревизскихъ душъ войсковыхъ обывателей города Ахтырки числилось 4,582 души (больше чѣмъ по послѣдней 6-й ревизіи), а на каждую душу приходилось по свѣдѣніямъ палаты свыше 4½ десятинъ; 2) что, по тѣмъ-же свѣдѣніямъ палаты, въ видѣ различныхъ вѣдомостей и отчетовъ, выходитъ, что „по 6-й ревизіи причитается на 4,520 душъ... безъ малаго по 5 десятинъ, но „изъ числа означенной земли, замѣчаетъ палата, сколько имѣется во владѣніи тамошнихъ купцовъ и мѣщанъ, вышедшихъ изъ обывательскаго званія, въ палатѣ свѣдѣнія точнаго нѣтъ".

Такъ объяснялъ „вице-губернаторъ и кавалеръ", а за нимъ и палата слободско-украинская причины „крайняго изнеможенія" ахтырскихъ обывателей. Намъ предоставляется это дѣло нѣсколько въ иномъ видѣ. На общество войсковыхъ обывателей г. Ахтырки возложена была не только подушная подать, но и различныя натуральныя повинности, источникомъ которыхъ могла быть для земледѣльческаго населенія только земля. По свѣдѣніямъ палаты, этой земли числилось свыше 20,000 десятинъ, въ дѣйствительности-же во владѣніи податнаго сословія не было уже и половины этого количества. При этомъ условіи „крайнее изнеможеніе обывателей", особенно въ виду другихъ добавочныхъ причинъ, становится совершенно понятно. Внутренняя раскладка всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей главнымъ образомъ подавляла бѣднѣйшую часть населенія; разъ установленный размѣръ этихъ повинностей падалъ не на одинъ и тотъ-же поземельный фондъ, въ чьихъ-бы рукахъ ни находилась земля, но только на классъ войсковыхъ обывателей, которыхъ законъ предполагалъ единственными землевладѣльцами, а мѣщане и цеховые, по закону, предполагались безземельными, хотя по обычному старозаимочному праву движеніе мелкаго поземельнаго владѣнія между этими сословіями происходило постоянно и въ рукахъ богатыхъ людей поземельное владѣніе могло накопляться даже въ относительно большихъ размѣрахъ. Мы не думаемъ ошибиться, если скажемъ, что главная причина этого недуга заключалась въ полномъ несоотвѣтствіи податной системы

Библиотека "Руниверс"

съ порядкомъ личнаго землевладѣнія на правѣ полной собственности и вообще бытовымъ строемъ землевладѣнія. Податная система, предполагая общинное землевладѣніе, а слѣдовательно и неизмѣнный имущественный фондъ, для удобства счета и контроля, устанавливала разъ на многіе годы неизмѣнныя цифры подати и извѣстный объемъ натуральныхъ повинностей съ цѣлаго крестьянскаго или обывательскаго общества, а источникъ этой подати—мелкая обывательская (позже крестьянская) собственность—находилась въ постоянномъ движеніи изъ рукъ въ руки, переходя даже къ другимъ и высшимъ сословіямъ, что по характеру и механизму податной системы оставалось безъ всякаго наблюденія и контроля, или, лучше сказать, совсѣмъ игнорировалось. Поземельный фондъ крестьянъ постоянно измѣнялся и уменьшался вслѣдствіе перехода земли въ другія сословія, а размѣръ этого фонда на бумагѣ оставался одинъ и тотъ-же; а слѣдовательно оставалась одна и таже общая цифра душевой подати и натуральныхъ повинностей.

Никакія подобныя обстоятельства не входили, конечно, въ соображенія палаты. Стремясь выполнить данное ей вице-губернаторомъ и кавалеромъ предложеніе, она подтягиваетъ къ нему всевозможныя справки, подводитъ законы объ однодворцахъ, а также о 15-ти и 8-ми десятинномъ надѣлѣ землею и, наконецъ, приводитъ извлеченіе изъ указа сената по межевому департаменту отъ 12 іюля 1809 г., „по дѣлу объ отдачѣ земли ахтырскаго уѣзда (великорусской) деревни Печинъ однодворческому обществу“, отрѣзанной въ казенное вѣдомство изъ владѣнія князя Кантеміра (около 1,000 десятинъ)... въ которомъ, между прочимъ, было предписано, чтобы казенная палата, до приведенія въ извѣстность всѣхъ земель, принадлежащихъ казеннымъ крестьянамъ, „старалась елико возможно, хотя частно, приступать къ надѣленію тѣхъ крестьянъ, кои крайне малоземельны, дабы они за земли, имъ въ надѣлъ слѣдующія, не обременялись болѣе платежемъ оброчныхъ денегъ и не несли въ платежѣ слѣдующихъ съ нихъ повинностей отягощенія“. Въ заключеніе всѣхъ своихъ справокъ и мотивовъ казенная палата, ссылаясь на предположенія въ высочайшихъ указахъ 1798 г. іюля 21 дня и 1800 г. декабря 17, приходитъ къ заключенію, что „къ надѣленію скудныхъ поселянъ землею надлежитъ всю слѣдуемую обывательскому обществу землю, дабы никто изъ нихъ въ оной не

Библиотека "Руниверс"

нуждался, раздѣлить равномѣрно между тѣми обывателями по числу ревизскихъ душъ. Постановивъ, для увеличенія подлежащей раздѣлу земли, отобрать и отданную прежде ахтырской городской думѣ сѣнокосную землю, съ возложеніемъ на обывателей обязанности довольствовать полки и воинскія команды фуражемъ въ натурѣ, палата рѣшила всю землю, принадлежащую войсковымъ обывателямъ, раздѣлить между ними по числу душъ, „дабы всякъ изъ нихъ, обывателей, получивъ себѣ довлѣемый участокъ, могъ улучшать свое состояніе и быть исправнымъ къ платежу государственныхъ податей и общественныхъ повинностей“, ахтырскому-же нижнему земскому суду предписала, „чтобы означенный раздѣлъ земли съ точностію, уравнительно и безобидно для каждаго произведенъ былъ“, и въ тоже время отнеслась въ слободско-украинское губернское правленіе о немедленномъ отборѣ отъ ахтырской думы земли общества войсковыхъ обывателей, равно и объ откомандированіи „для того раздѣленія земли уѣзднаго землемѣра“.

Такое стремленіе мѣстной администраціи къ равномѣрному раздѣлу земель въ дачахъ „казенныхъ обывателей“, начавшееся еще съ 20 годовъ, имѣло особенно напряженный характеръ въ 30—40 годахъ текущаго столѣтія. Мы имѣемъ въ рукахъ три циркулярные приказа слободско-украинской казенной палаты—въ лебединскій уѣздъ межирицкому волостному правленію (въ 1829 и 1830 годахъ). По историко-статистическому описанію харьковской епархіи слобода Межиричъ въ 1765 г. была сотеннымъ мѣстечкомъ сумскаго полка, а съ этого времени до 1781 г. коммисарскимъ городкомъ. Основаніе этого поселенія малороссійскими козаками относится ко времени не позже 1642 г. Землевладѣніе здѣсь, какъ видно изъ бывшей полковой организаціи, было старозаимочное, т. е. участково-наслѣдственное и, конечно, неравномѣрное. Въ это время, какъ видно изъ приказа палаты, губернію обозрѣвалъ сенаторъ Горголій. Онъ былъ во многихъ волостяхъ, и всюду замѣчалъ „весьма неуравнительное казенными поселянами владѣніе принадлежащими имъ землями, такъ что одни имѣютъ оной весьма много, тогда какъ у другихъ вовсе таковой нѣтъ“; сенаторъ нашелъ также, что „допускается уступка нѣкоторыми казенными поселянами своихъ земель постороннимъ лицамъ, и на время даже неограниченное (тутъ перечислены неизбѣжныя свойства и признаки старозаимочнаго

Библиотека "Руниверс"

владѣнія), и полагая, что все сіе имѣетъ величайшее вліяніе на накопленіе недоимки", строго предписалъ, чтобы палата, „по случаю наступающаго весенняго времени, поспѣшила предписать всѣмъ волостнымъ правленіямъ, чтобы произвели между собой уравненіе землями"... Палата немедленно вмѣнила въ обязанность городничихъ и земскихъ судовъ: „всѣмъ селеніямъ и городамъ изъ владѣемыхъ ими земель, по числу ревизскихъ душъ, по сколько на каждую уравнительно причитаться будетъ, сдѣлать раздѣленіе, кромѣ лѣсовъ и такихъ земель, на которыя имѣются у кого либо изъ поселянъ узаконенныя крѣпости"... Положеніе волостныхъ правленій подъ гнетомъ этихъ высоко авторитетныхъ требованій было, можно сказать, безвыходное: они естественно представляли на видъ начальству, что дѣлить земли безъ землемѣровъ не могутъ, но въ своемъ безсиліи исполнить требованіе начальства особенно упирали на то обстоятельство, что „въ каждой казенной дачѣ имѣются черезполосныя владѣнія". Палата требовала подѣлить между поселянами всю ту землю, которая находится въ безспорномъ ихъ владѣніи и непремѣнно уравнительно, по количеству въ каждомъ семействѣ ревизскихъ душъ; „а какъ отъ неуравнительнаго владѣнія полагается и самое накопленіе время отъ времени недоимки въ государственныхъ податяхъ", то палата постановила войти въ сношеніе съ губернаторомъ относительно предписанія городскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобы онѣ, кромѣ настоянія на раздѣлѣ крестьянскихъ земель, понудили-бы и черезполосныхъ владѣльцевъ другихъ сословій „къ представленію въ узаконенный срокъ документовъ на владѣнія свои и окончили дѣла о новыхъ привладѣніяхъ и разныхъ притѣсненіяхъ казеннымъ обывателямъ". Такимъ образомъ въ дачахъ старозаимочнаго владѣнія не было уже покою не только казеннымъ обывателямъ, но и всѣмъ владѣльцамъ мелкихъ черезполосныхъ дачъ. Повторимъ опять, что всю эту пертурбацію можно объяснять только существовавшей системой податей съ ревизскихъ душъ, вслѣдствіе чего администрація естественно желала обезпечить, такъ сказать, платежный фондъ каждой души „довлѣемымъ участкомъ". При такомъ положеніи вещей состоятельные члены сельскихъ обществъ, которымъ жилось сравнительно легко, были поражены внезапнымъ отборомъ части ихъ земель, за то бѣдные, которымъ особенно чувствительна была

Библиотека "Руниверс"

тяжесть ихъ положенія, должны были всячески стремиться къ равномѣрному передѣлу земель. Это стремленіе ихъ къ имущественному уравненію сельскихъ обществъ могло быть тѣмъ энергичнѣе, что его поддерживала и спѣшно шла ему на встрѣчу административно-фискальная политика. Такъ могла возникать и обостряться глухая борьба между имущими и неимущими классами, переходя изъ крестьянской среды и на другія сословія. Примѣненіе къ дѣлу распоряженія объ уравнительномъ распредѣленіи земель не замедлило вызвать и жалобы на неточное исполненіе онаго. Такая жалоба занесена была, какъ видимъ изъ втораго приказа слободско-украинской казенной палаты, отъ нѣсколькихъ обществъ ахтырскаго и зміевскаго уѣзда. Въ приказѣ дѣлается ссылка на ревизію губерніи, произведенную сенаторомъ Брозинымъ, бывшую какъ видно, также въ связи съ поземельнымъ вопросомъ въ губерніи. Въ третьемъ приказѣ выступаетъ снова сенаторъ Горголій. Его сенаторское око, обращенное „найпаче на благосостояніе казенныхъ поселянъ, въ отношеніи онаго усмотрѣло *важнѣйшій безпорядокъ*“ все въ томъ-же неуравнительномъ распредѣленіи земли по числу душъ, въ семействахъ состоящихъ, и количеству платимой каждымъ обывателемъ подати. „*Зло сіе*, разъяснялъ сенаторъ, проистекаетъ сколько отъ упорства въ раздѣлѣ земель со стороны волостныхъ начальниковъ, и послабленія... мѣстныхъ полицій, столько и отъ долговременнаго неокончанія уѣздными судами находящихся въ нихъ дѣлъ о спорныхъ и черезполосныхъ между казенными поселянами и разными частными владѣльцами земляхъ“... Какъ видно, жизнь крѣпко стояла за свои излюбленныя формы, извѣчныя, наслѣдственно имущественныя права, ей вторили и низшіе органы власти; но благопопечительное начальство давало этой жизни иной поворотъ, по своему высшему разумѣнію. Тамъ и здѣсь преслѣдуются, повидимому, благо населенія и польза государственная, но какъ не одинаково понимаются они одной и другой стороной! Казенная палата и въ этомъ приказѣ строго побуждаетъ всѣ подлежащія власти (исправниковъ, уѣздные суды и въ особенности волости) къ безотлагательному раздѣлу крестьянскихъ земель на ревизскія души, неизмѣнно поучая, что казенные поселяне „отъ неуравнительнаго владѣнія землей доведены до накопленія въ значительномъ количествѣ недоимокъ въ государственныхъ податяхъ“.

Библиотека "Руниверс"

Подъ вліяніемъ такого общаго неотразимаго административнаго давленія, охотно поддерживаемаго бѣднѣйшею частію сельскаго населенія, въ 20—40 годахъ происходило, вѣроятно, повсемѣстное превращеніе въ бывшей Слобожанщинѣ участково-наслѣдственныхъ старозаимочныхъ дачъ въ дачи общиннаго владѣнія. Мы приведемъ здѣсь только не многіе извѣстные намъ факты.

Въ дачѣ бывшей войсковой слободы ахтырскаго полка Хухры совершенъ уравнительный раздѣлъ на души и возникло общинное владѣніе землей, по частнымъ свѣдѣніямъ, еще въ половинѣ 20 годовъ текущаго вѣка.—Въ бывшемъ сотенномъ мѣстечкѣ ахтырскаго полка Колонтаевѣ раздѣлъ земли на души совершился лѣтъ за 15—20 до выдачи владѣльныхъ записей, т. е., вѣроятно, уже въ 50 годахъ. Мѣстное преданіе помнитъ даже, что въ колонтаевскомъ обществѣ былъ какой-то мѣстный крестьянинъ, агитаторъ поземельнаго раздѣла—Собко, который яко-бы исхлопоталъ раздѣлъ земли (*недачій* человѣкъ, по выраженію одного старожила). По сообщеннымъ намъ частнымъ свѣдѣніямъ въ Колонтаевѣ и его дачѣ было и крѣпостное владѣніе какъ крестьянъ, такъ и мѣщанъ, были и крѣпостныя усадьбы. Въ послѣднее время на душу въ колонтаевской дачѣ, по частнымъ свѣдѣніямъ, приходилось около 4½ десятинъ.—Въ селѣ Жигайловкѣ раздѣлъ земли на души произошелъ лѣтъ 40 тому назадъ, еще до крымской войны, хотя населеніе помнитъ, что и лѣсъ и пахоть здѣсь были старозаимочнаго владѣнія. Здѣсь 1160 душъ имѣютъ 5,600 десятинъ. Со времени введенія общиннаго владѣнія было около трехъ передѣловъ земли; послѣдній передѣлъ былъ лѣтъ восемь тому назадъ.—Въ Боромлѣ участко-наслѣдственный старозаимочный порядокъ замѣненъ общиннымъ и земля уравнительно подѣлена на души еще около 30 лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ введеніемъ кадастра. Раздѣлъ былъ произведенъ насильно, по требованію ахтырскаго окружнаго начальника и безземельныхъ крестьянъ. Здѣсь также мѣстная память называетъ одного крестьянина, по фамиліи Хухря, который долго стоялъ за старый участковый порядокъ и вслѣдствіе этого едва самъ не пропалъ. За все это время было, по мѣстной памяти, всего два передѣла земли, ибо, говорятъ, боромлянское общество не любитъ передѣловъ. Поле какъ было, такъ и осталось въ трехъ рукахъ. Душевой надѣлъ въ Боромлѣ: въ одной рукѣ 1 десятина, въ другой рукѣ 2140 кв·

Библиотека "Руниверс"

саж., въ третьей рукѣ 2000 кв. саж. Еще наканунѣ перваго передѣла старозаимочной земли около 1851 года, въ крестьянскомъ обществѣ уже ходили о немъ слухи, вслѣдствіе этого болѣе догадливые люди въ крестьянскомъ мірѣ заблаговременно постарались продать свои грунты или нивки, въ надеждѣ, что при передѣлѣ они опять получатъ землю на свой пай, что и случилось.—Въ слободахъ лебединскаго уѣзда Червленномъ Курганѣ и Азакѣ были также земли старозаимочнаго владѣнія. Здѣсь введено общинное владѣніе (уравнительный раздѣлъ на души) еще въ половинѣ 20 годовъ, и съ этихъ поръ передѣлы идутъ по ревизіямъ. Послѣдній передѣлъ былъ въ 1858 году. Въ слободѣ Олешнѣ (лебединскаго уѣзда) живутъ на смежныхъ земляхъ однодворцы и бывшіе войсковые обыватели: у однодворцевъ прежде была четвертная земля, а послѣ выдачи владѣнной записи (кажется, около 1872 г.) земля уже подѣлена на души. Бывшіе войсковые обыватели Олешни подѣлили свою старозаимочную землю на души послѣ кадастра: около 1853—54 г. лѣса старозаимочнаго и четвертнаго владѣнія береглись еще каждый своимъ хозяиномъ, „а какъ пошло подъ казну, то кто заѣдетъ—тотъ и рубитъ“, говорилъ одинъ олешанскій однодворецъ.—Въ дачѣ г. Харькова, какъ и во всей пересѣчанской дачѣ, тоже харьковскаго уѣзда, еще до сихъ поръ сохраняется старозаимочный порядокъ участково-наслѣдственнаго владѣнія.—Въ дачѣ Лебедина (бывшаго сотеннаго мѣстечка сумскаго полка) владѣніе было прежде старозаимочное, участково наслѣдственное, но въ 30 или 40-хъ годахъ подѣлено уравнительно на души. Сами крестьяне, побуждаемые на мѣстѣ своими безземельными членами, какъ умѣли, просто веревками раздѣлили дачу на души.

Нѣсколько свѣдѣній о позднѣйшемъ раздѣленіи старозаимочныхъ дачъ на души и возникновеніи такимъ путемъ общиннаго владѣнія, замѣнившаго начало личной собственности, мы надѣемся привести еще въ другомъ мѣстѣ.

А. Л. Шимановъ.

(Продолженіе будетъ),

Библиотека "Руниверс"

Ириней Фальковскій,

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

Изъ земли взятъ, въ землю и пойдешь, іерархъ, и если время все уноситъ, то дѣла живутъ вѣчно.

(Изъ эпитафіи пр. Иринею).

Въ екатерининскомъ придѣлѣ главной церкви кіево-златоверхо-михайловскаго монастыря, на одной изъ арокъ, скромно ютится небольшая мѣдная дощечка съ незамысловатою эпитафіею: *„здѣсь погребено тѣло въ Богѣ почившаго епископа Иринея Фальковскаго, бывшаго викаріемъ кіевскимъ, потомъ епархіальнымъ смоленскимъ и снова, по желанію своему, возвратившагося въ эту обитель 1812 г.*[1]) *съ званіемъ коадъютора“*... и т. д. Едва-ли кто изъ посѣщающихъ михайловскую обитель останавливалъ свое вниманіе на этой маленькой дощечкѣ; а иной, быть можетъ, хотя и видѣлъ, но далекъ былъ отъ мысли, что скромная эпитафія говоритъ о человѣкѣ, которымъ вправѣ гордиться время, породившее его, школа, воспитавшая его, учрежденіе, считавшее его своимъ членомъ, общество, послужившее ареною дѣятельности его. Преосвященный Ириней обладалъ замѣчательною, по своему времени, эрудиціею. Это былъ самый многосторонній ученый между русскими пастырями церкви и вообще между русскими учеными конца XVIII и начала XIX вѣка. Какъ питомецъ, наставникъ и, наконецъ, начальникъ кіевской академіи, въ его время отживавшей свой достославный, почти двухсотлѣтній, старый

---

[1]) Дата эта, какъ увидимъ впослѣдствіи, не вѣрна.

Библиотека "Руниверс"

порядокъ, преосв. Ириней является вѣрнѣйшимъ отраженіемъ и выраженіемъ ея тогдашняго отличительнаго научнаго направленія—эклектическаго. За скамьей ученической, на каоедрѣ профессорской имъ все было изучаемо—отъ поэзіи и богословія съ философіею до сферической тригонометріи, астрономіи, механики, гидравлики, пиротехники, архитектуры, экономіи и разныхъ языковъ. Въ періодъ своего двадцатилѣтняго наставническаго служенія при академіи (1783—1804 г.), онъ читалъ лекціи почти во всѣхъ классахъ ея, начиная отъ *ариѳметическаго* и *грамматическаго* до самыхъ высшихъ курсовъ *философіи* и *богословія*. Языки еврейскій и греческій зналъ самымъ точнымъ научнымъ образомъ; по-венгерски, нѣмецки и французски могъ свободно писать; латинскимъ-же языкомъ, разговорнымъ и литературнымъ, владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, что могъ на немъ объясняться и писать, какъ на родномъ русскомъ. Имѣя необыкновенно четкій и въ то-же время весьма красивый, близко подходящій къ печатному шрифту, почеркъ, любя уединеніе и трудъ и соблюдая во всемъ до мельчайшихъ подробностей точность [1]), преосвященный Иринеи столько *собственноручно* написалъ своихъ сочиненій и переписалъ чужихъ, сколько иному, даже призванному, ученому за всю жизнь не удастся перечитать рукописнаго.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разнообразныхъ и обширныхъ ученыхъ занятій преосв. Ирипея было необыкновенное разнообразіе и многочисленность его сочиненій, въ которыхъ онъ началъ пробовать силы свои еще съ *риторическаго* класса. И чего только онъ не сочинялъ, о чемъ только не писалъ! Писалъ и псальмы, и гимны, и элегіи на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; составлялъ стихиры съ тропарями и въ тоже время производилъ самыя сложныя алгебраическія и метеорологическія вычисленія; писалъ богословскіе трактаты и философскія разсужденія—на ряду съ замѣтками по хронологіи, медицинѣ и военной архитектурѣ; излагалъ цѣлыя системы наукъ, редактируя кіевскіе календари съ астрономическими вычисленіями и историческими

[1]) Преосвященный, напр., дѣлалъ такія собственноручныя отмѣтки: 1) кто изъ послушниковъ кіево-михайловскаго монастыря и нѣвчихъ ежедневно ходилъ въ церковь и кто не ходилъ; 2) чѣмъ и въ какое время самъ былъ болѣнъ; 3) записывалъ ежедневно расходы и проч. (См. рукописи кіево-софійскаго собора XIX, 1, №№ 618, 582 и др.).

Библиотека "Руниверс"

статьями; составлялъ толкованіе на слово Божіе и писалъ ноты съ ариометикою для духовныхъ училищъ и каждое богослуженіе предлагалъ пасомымъ проповѣдное слово!...

О преосв. Иринеѣ писали многіе; но все писанное о немъ представляетъ собою только простой пересказъ очень краткой біографіи преосвященнаго, составленной митр. Евгеніемъ *Болховитиновымъ* [1]). Большею самостоятельностію, цѣльностію и полнотою отличается „Хроника“ объ Иринеѣ Фальковскомъ проф. прот. *Скворцова* [2]).

Матеріаломъ для предлагаемой монографіи послужили *исключительно:* 1) рукописи преосв. Иринея Фальковскаго (въ количествѣ 92 томовъ), 2) печатныя его сочиненія [3]), 3) архивныя „дѣла“ кіево-михайловскаго монастыря за 17 лѣтъ (1807—1823 г.), 4) резолюціи преосвященнаго Иринея (за 1813 г.) по дѣламъ смоленской епархіи, 5) его-же резолюціи (за тоже время) по дѣламъ могилевской епархіи, и 6) рукописные „акты кіево-братскаго училищнаго монастыря и академіи, собранные В. Аскоченскимъ (четыре тома).

---

[1]) См. „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви“, т. 1, стр. 208—210; изд. 2, 1827 г.

[2]) См. „Кіевск. Еп. Вѣд.“, 1881 г., стр. 173—187; 244—263; 305—321.

[3]) До настоящаго времени изъ всѣхъ многочисленныхъ сочиненій преосв. Иринея извѣстны въ печати только слѣдующія:

1) „Сокращеніе церковной хронологіи, называемой наукою о Пасхаліи. Москва. 1797 г.

2) „Christianae orthodoxae dogmatico-polemicae Theologiae... Compendium“, въ двухъ томахъ. Москва. 1802 г. 2-е изд. Москва. 1810 г.

3) „Толкованіе на посланіе св. апостола Павла къ римлянамъ“. Кіевъ. 1806 г.

4) „Толкованіе на посланіе св. апостола Павла къ галатамъ“. Кіевъ. 1807 г.

5) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1798 которое есть простое, съ „Историческимъ извѣстіемъ о святѣйшихъ патріархахъ константинопольскихъ, бывшихъ отъ временъ Константина Великаго даже до взятія турками Цареграда въ 1453 году“.

6) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1799, которое есть простое“ (хранится, по указанію Сопикова, въ Императорской публичной Библіотекѣ; въ мѣстныхъ библіотекахъ намъ не удалось разыскать его).

7) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1800, которое есть высокосное“, съ „Кратикмъ историческимъ извѣстіемъ о кіевской академіи“.

8) „Сокращенный прологъ, или краткія жизнеописанія святыхъ“. Кіевъ. 1876 г. Изданіе кіево-печерской лавры.

и 9) „Сокращеніе и толкованіе находящихся во 2-й части кормчей книги церковныхъ правилъ о степеняхъ родства“. Кіевъ. 1876 г. Изд. прот. Н. Оглоблина. См. также „Руков. для сельск. паст.“, 1876 г.

Библиотека "Руниверс"

I.

Свѣдѣнія о родословномъ, такъ сказать, древѣ *Фальковскихъ* или *Фальковскихъ* весьма скудны и ограниченны. Извѣстно только, что дѣдъ преосвященнаго Иринея былъ „преубогой нѣкоторой ремесельной человѣкъ“ [1]), жившій въ началѣ XVIII ст. въ городѣ Лебединѣ (харьковской губ.). и влачившій полную лишеній невзрачную жизнь свою. Бѣдственное положеніе семьи Фальковскихъ еще болѣе ухудшилось по смерти главы ея, дѣда пр. Иринея. Оставленной безъ всякихъ средствъ къ жизни вдовѣ пришлось заняться торговлею овощами, чтобы имѣть хотя какую-либо возможность доставить пропитаніе голодной семьѣ. Мало по-малу дѣти начали пристраиваться по разнымъ мѣстамъ и трудами собственныхъ рукъ добывать себѣ насущный кусокъ хлѣба. Какія именно профессіи избрали *ось* братья, для насъ это не представляетъ интереса. Мы послѣдуемъ только за однимъ изъ нихъ, *Іоакимомъ*, отцемъ пр. Иринея.

Еще въ ранніе дѣтскіе годы выказывая особенную любовь и охоту къ ученію, онъ впослѣдствіи добился наконецъ того, что приготовился къ причетнической должности, которую „нѣгдѣ чрезъ нѣсколько времени и отправлялъ“ [2]). Познакомившись затѣмъ кое съ кѣмъ изъ студентовъ черниговскаго коллегіума и увлекаемый жаждою знанія, онъ отправился въ Черниговъ и здѣсь принялся за изученіе латинскаго языка. Вскорѣ послѣ этого, „по несчастнымъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ“, Іоакимъ Фальковскій вынужденъ былъ оставить Черниговъ, и мы уже встрѣчаемъ его на скамьѣ одного изъ низшихъ классовъ кіевской академіи. Не приглядны были первые годы академической жизни его; пришлось бороться со всевозможными лишеніями и не рѣдко терпѣть всѣ ужасы нищеты. Только сильные характеры въ состояніи выдержать до конца не равную борьбу съ подавляющими непомѣрнымъ гнетомъ своимъ неблагопріятными обстоятельствами и мужественно пролагать себѣ дорогу къ разъ намѣченной цѣли. Къ числу такихъ характеровъ принадлежалъ и Іоакимъ Фальковскій. Лишенія и голодъ были знакомы ему отъ самой колыбели; а потому и теперь они нисколько не помѣшали этому *великовозрастному* ученику быть однимъ изъ

[1]) Рукопись проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 5.
[2]) Тамъ-же.

Библиотека "Руниверс"

лучшихъ по успѣхамъ. Извѣстный арх. Георгій Конисскій, состоявшій въ то время учителемъ поэзіи, назначилъ его цензоромъ *поэтическаго класса* и по окончаніи годичныхъ испытаній далъ ему въ награду книгу „Hugonis Pia Desideria". Кромѣ того, въ послѣдніе годы школьной жизни и матеріальныя средства Іоакима Фальковскаго значительно улучшились. Съ переходомъ въ *философскій классъ* ему удалось пристроиться „на самыхъ знатныхъ кондиціяхъ" (т. е. частныхъ урокахъ въ качествѣ репетитора, или домашняго учителя).

Великовозрастенъ былъ Іоакимъ Фальковскій, ему было уже болѣе 30 лѣтъ, а онъ дослушивалъ еще философію. Разъ какъ-то, побуждаемый, вѣроятно, благочестіемъ, заѣхалъ онъ въ золотоношскій женскій монастырь; тутъ приглянулась ему келейница игуменіи, ея дальняя родственница и онъ рѣшился, женившись на ней, оставить академію и принять священническій санъ. Митрополитъ кіевскій далъ ему приходъ въ с. Смоши (полтавской губ., прилукскаго уѣзда); но въ то время приходскія общины Малороссіи пользовались вполнѣ правомъ выбора священника: помѣщикъ и прихожане протестовали противъ этого назначенія, имъ хотѣлось имѣть священникомъ у себя нѣкоего живописца, хотя не обучавшагося въ училищахъ, но оказавшаго имъ какія-то услуги. Пришлось митрополиту уступить не нарушенному еще общему порядку, а Фальковскому искать прихода этимъ естественнымъ путемъ. Въ с. Бѣлоцерковкѣ (пирят. у.) [1]) сладилъ онъ дѣло съ помѣщикомъ Яковомъ Тарновскимъ и прихожанами. Тѣ представили его митрополиту и митрополитъ назначилъ его, *яко учительнаго и честнаго человѣка*, отрѣшивъ его предмѣстника, конечно, также по желанію прихожанъ.

Семнадцать лѣтъ прожилъ о. Іоакимъ въ Бѣлоцерковкѣ, пока, со смертію жены, не принялъ постриженія въ монашество въ кіевобратскомъ училищномъ монастырѣ. 28 мая 1762 года родился у него сынъ, Іоаннъ [2]), извѣстный впослѣдствіи преосв. Ириней.

О первыхъ дѣтскихъ годахъ Іоанна не сохранилось никакихъ почти свѣдѣній. Съ достовѣрностію извѣстно только, что онъ рано

---

[1]) Ibid., стр. 6—8.

[2]) Всѣхъ дѣтей у о. Іоакима было 9,—шесть сыновей и три дочери. Іоаннъ былъ четвертымъ по времени рожденія. Въ живыхъ остались только онъ, братъ Степанъ и сестра Елена.

Библиотека "Руниверс"

лишился нѣжныхъ материнскихъ ласкъ. Овдовѣвшій о. Іоакимъ всѣ силы свои, всѣ свои заботы и попеченія, всю послѣдующую жизнь свою посвятилъ на воспитаніе сыновей—Іоанна и Степана. Это оказалось тѣмъ болѣе удобнымъ, что въ іюлѣ 1771 г. шестнадцатилѣтняя дочь Елена вышла замужъ за *окончившаго философскій классъ въ кіевской академіи, Симеона Даміановича Яновскаго,* вскорѣ послѣ рукоположеннаго въ санъ священника. Такимъ образомъ Елена Акимовна не нуждалась уже болѣе въ особенныхъ заботахъ о себѣ отца; она была вполнѣ пристроена и матеріально обезпечена. Тогда-то о. Іоакимъ усадилъ дѣтей своихъ за латинскую грамматику и самъ началъ обучать ихъ вмѣстѣ съ другими священническими дѣтьми [1]) книжной премудрости, съ любовію и отеческимъ вниманіемъ слѣдя за успѣхами сыновей. Іоанну легко давался латинскій языкъ. Къ маю 1773 г. онъ зналъ уже не только этимологію его, но довольно основательно прошелъ и всю латинскую грамматику, извѣстную подъ названіемъ „Піарской“ (изданіе кіево-печерской лавры); онъ самъ говоритъ о силѣ познаній своихъ въ латинскомъ языкѣ, „что упражненія латинскія могъ иногда безъ всякой ошибки сочинять“ [2]).

Находя предварительную подготовку дѣтей болѣе или менѣе удовлетворительною, о. Іоакимъ вознамѣрился дать имъ дальнѣйшее образованіе; для этого онъ оставилъ приходъ, отказался отъ сравнительно сносно обезпеченной жизни сельскаго священника и отправился вмѣстѣ съ сыновьями въ Кіевъ. Чтобы возможно ближе быть къ дѣтямъ и лично слѣдить за ихъ успѣхами, онъ въ томъ-же 1773 году принялъ монашество въ кіево-братскомъ монастырѣ съ нареченіемъ имени Іустина и, будучи уже 52-лѣтнимъ старикомъ, самъ принялся за изученіе богословія и греческаго языка въ публичныхъ классахъ.

Въ тоже время 10-лѣтній Іоаннъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Кіевъ (т. е. въ маѣ 1773 года) поступилъ въ *инфиму* и подъ руководствомъ преподавателя этого *низшаго латинскаго класса, іеромонаха Иринарха Базилевича,* обучался въ ней только до вакаціи. До-

[1]) Въ числѣ этихъ соучениковъ просвѣ. Иринея находился и бывшій впослѣдствіи профессоромъ московскаго университета *Павелъ Сохацкій.*

[2]) Рукоп. проф. М. Ѳ. Булашева-Владимірскаго, стр. 9.

Библиотека "Руниверс"

машная подготовка его по латинскому языку оказалась настолько основательною, что академическое начальство нашло вполнѣ возможнымъ и справедливымъ перевести его въ томъ-же году въ слѣдующій *синтаксическій классъ*. Здѣсь Иванъ Фальковскій пробылъ весь 1773—4 учебный годъ и съ значительнымъ успѣхомъ занимался у того-же іеромонаха Иринарха латинскимъ языкомъ, у магистра *Ивана Самойловича* нѣмецкимъ языкомъ и, наконецъ, началамъ географіи, которая преподавалась въ то время учителемъ-иностранцемъ на латинскомъ языкѣ. Съ сентября 1774 года Иванъ Фальковскій обучался уже въ *поэтическомъ классѣ* началамъ латинской риторики (по *Бурію*), латинской поэзіи (по запискамъ *Самойловича*), россійской поэзіи (по печатному руководству *Андрея Байбакова*) и нѣмецкому языку.

Но не суждено было ему не только продолжать дальнѣйшее свое образованіе въ аудиторіяхъ кіевской академіи, а даже прослушать до конца курсъ поэтическаго класса ея. Счастливо, хотя и непредвидѣнно, сложившіяся обстоятельства, разлучивъ его на нѣсколько лѣтъ съ родиною, въ тоже время доставили ему возможность получить въ чужихъ земляхъ болѣе многостороннее, болѣе основательное и разумное образованіе, чѣмъ какое могла дать находившаяся въ тѣ годы въ сильномъ упадкѣ кіевская академія. Въ 1774 г. о. Іустинъ опредѣленъ былъ іеромонахомъ къ домашней церкви при токайской коммисіи [1]), въ Венгріи.

Токайская коммисія учреждена была при имп. Елисаветѣ въ 1745 г. спеціально для заготовленія и доставки ко двору венгерскаго вина, которое почиталось тогда во всей Европѣ лучшимъ и потреблялось всюду въ огромномъ количествѣ, пока не было вытѣснено шампанскимъ. Венгерское вино привозилось къ нашему двору еще съ 1714 г., по почину Петра Великаго, который потреблялъ оное въ гомерическихъ размѣрахъ одновременно съ карлсбадскимъ *шпруделемъ*. Для закупки онаго командировались особыя лица; но вино получалось не всегда хорошее, командировки обходились дорого, вызывали столкновенія по оплатѣ пошлиною и давали поводъ командируемымъ къ провозу за границу русскихъ и оттуда иностранныхъ товаровъ. Рѣшено было учредить въ Токаѣ постоянную коммисію. Коммисія завела своихъ виноградники и ви-

[1]) Рукоп. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 12—13.

Библиотека "Руниверс"

подѣльни, покупала и готовое вино; однихъ высшихъ сортовъ доставлялось иногда въ годъ до 100,000 бутылокъ. Личный составъ коммисіи былъ не малъ. Предсѣдателемъ оной было лице въ чинѣ генералъ-майора и получало огромное по тогдашнему содержаніе, свыше 2000 р. При немъ былъ помощникъ, секретарь, 15 драгунъ и нѣсколько мастеровыхъ для пріученія къ винодѣлію, кромѣ личной прислуги. Для этой-то колоніи, т. е. для совершенія ей требъ и богослуженія состоялъ при коммисіи іеромонахъ, на нищенскомъ впрочемъ содержаніи. Въ инструкціи, данной кіевскимъ митрополитомъ Гавріиломъ Кременецкимъ Іустину Фальковскому, при отправленіи его въ Венгрію, между прочимъ требовалось совершать 21 ноября церковнослуженія за „счасливо совершившійся ея имп. величества и его имп. высочества въ перехожденіи оспы подвигъ“, наблюдать, чтобы члены колоніи соблюдали посты и никто въ церкви не безчинствовалъ и не шумѣлъ, а равно въ перепискѣ съ кіевскими знакомыми не сообщать „въ государственныхъ дѣлахъ тайности“.

Получивъ назначеніе, о. Іустинъ быстро собрался въ путь и 23 февр. 1775 г. былъ уже съ дѣтьми въ Токаѣ. Недружелюбно приняла нашихъ переселенцевъ на первыхъ порахъ чужая сторона: „три или четыре мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Токай“, писалъ о. Іустинъ къ іеромонахамъ кіево-михайловскаго монастыря въ январѣ 1776 года, „такъ для насъ воздухъ здѣшній показался не здоровымъ, что мы всѣ больны были на горячку да на лихорадку, и иные изъ дѣтей моихъ по шесть и по восемь недѣль въ болѣзни оной, безъ надежды почти живота, страдать принуждены были“. Кромѣ того, „...съ здѣшними жителями, яко съ иновѣрными, ужиться никакъ не могу; а жители города сего по большей части суть паписты, лютеране, кальвинисты, кромѣ немногихъ русняковъ уніатовъ, венгерскаго языка употребляющихъ, да малаго числа грековъ, въ купечествѣ упражняющихся[1]). И въ письмѣ отъ 30 декабря 1776 г. къ іеромонаху Иринею говоритъ: „А каково мы съ здѣшними ужились жителями, болѣе нечѣмъ похвалиться, какъ только, что хуже мы отъ пса и гадины имъ кажемся, особливо папистамъ, которые власть и великое надъ лютеранами и кальвинами и над

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 21.

Библиотека "Руниверс"

другими народами имѣютъ преимущество. Они съ жидами и цыганами (которыхъ также здѣсь довольное число имѣется) пріятнѣйше обходятся, нежели съ нами“ [1]). Къ этому присоединилась еще довольно чувствительная скудость матеріальныхъ средствъ. Жалованья о. Іустину отпускалось всего только „съ верхъ квартиры *по сту двадцати рублевъ* въ годъ“, между тѣмъ какъ жизнь въ Токаѣ, въ особенности-же хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, была несравненно дороже кіевской [2]). Нечего послѣ этого удивляться, что о. Іустинъ на все свое жалованье „...въ силу съ дѣтьми пропитаться“ могъ, „а одѣяніемъ по большей части кіевскимъ и понынѣ, хотя и гнусно довольствоваться принужденъ“ [3]). Наконецъ, какъ-бы къ довершенію всѣхъ бѣдствій, между нимъ и новымъ коммисаромъ прапорщикомъ *Саввою Михайловичемъ Горевымъ* [5]) начали возникать почти постоянныя недоразумѣнія и непріятности; а въ іюнѣ 1777 г. о. Іустинъ похоронилъ младшаго сына, Степана. „Ахъ! жестокая то язва была!“, пишетъ по этому поводу Иванъ Акимовичъ: „цвѣтущія его (брата) лѣта не то намъ предсказывали. Среди самой живой надежды, среди чувствительнаго утѣшенія, когда онъ, ходя въ школы, прочихъ всѣхъ превосходилъ; когда крестами, звѣздами и образками за прилежность свою отъ учителей награждаемъ былъ; когда приватныя мои изъясненія скоропостижно понималъ и въ памяти задерживалъ, словомъ, когда найлучше молодые свои лѣта провождалъ, нечаянно насъ и свѣтъ сей оставилъ“ [6]).

Сильно загоревалъ престарѣлый о. Іустинъ о ранней кончинѣ много обѣщавшаго въ будущемъ сына. Правда, и раньше о. Іустинъ не отличался особенною общительностію; но по смерти сына онъ становится какимъ-то суровымъ отшельникомъ, проводящимъ жизнь въ четырехъ стѣнахъ казенной квартиры, почти совершенно

---

[1]) Ibid., стр. 32.

[2]) Ibid., указъ отъ 21 янв. 1775 г.

[3]) Ibid., письмо къ іеромонахамъ Иринею и Фавсту отъ неизвѣстнаго числа января 1776 г.

[4]) Ibid., стр. 23, письмо къ совѣтнику вѣнскаго посольства Григорію Ивановичу Полетикѣ, отъ 17 ноября 1776 г.

[5]) Горевъ опредѣленъ коммисаромъ на мѣсто умершаго, къ большому прискорбію всего персонала миссіи, въ декабрѣ 1776 года премьеръ-маіора Антона Рарога.

[6]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 80.

Библиотека "Руниверс"

прервавшимъ всякія сношенія съ остальнымъ міромъ. Только впослѣдствіи уже, внявши совѣтамъ добрыхъ знакомыхъ, онъ рѣшился предпринять поѣздку въ Вѣну, чтобы хотя сколько-нибудь разъсѣяться, да кстати ужъ за-одно и попытаться опредѣлить оставшагося въ живыхъ сына въ одну изъ высшихъ вѣнскихъ школъ. До этого времени сынъ Иванъ неотлучно находился при отцѣ въ званіи причетника походной успенской церкви съ жалованьемъ по 25 руб. въ годъ и какъ причетническая должность отнимала у него всего лишь нѣсколько часовъ въ недѣлю, то онъ въ тоже время посѣщалъ токайское четырехклассное римско-католическое училище, въ первыхъ двухъ классахъ котораго занимался изученіемъ венгерской и латинской грамматикъ.

28 іюля о. Іустинъ прибылъ съ сыномъ своимъ въ Вѣну; но оказалось, что въ вѣнскій университетъ русскихъ почему-то не принимали. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что на его имя въ Токай присланъ какой-то указъ. Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, кн. Д. М. Голицынъ, узнавъ объ этомъ, поторопилъ о. Іустина для доставки ему копіи съ указа. О. Іустинъ, по пути, опредѣлилъ сына въ пресбургскую гимназію, а самъ поспѣшилъ въ Токай. Оказалось, что въ пакетѣ подъ именемъ указа были частныя письма на имя его знакомыхъ,— обыкновенная въ то время уловка частныхъ лицъ въ пересылкѣ писемъ чрезъ курьеровъ, по государственнымъ дѣламъ отправляемыхъ. Письма о. Іустинъ роздалъ по адресамъ, а посланнику пришлось отправить лишь пустой конвертъ [1]).

Чему и какъ обучали молодаго Фальковскаго въ пресбургской гимназіи, точно показываетъ присланное имъ отцу въ письмѣ отъ 8 декабря 1777 г. подробное недѣльное росписаніе: „въ понедѣльникъ утро (учитель) пропоцуетъ (излагаетъ) намъ исторію римскую или лучше политическую универсальную; на обѣдъ завдастъ намъ вокабула (фразы) изъ Целларія три страницы; по обѣдѣ читаетъ новины [2]) съ полчаса; потомъ рецетуемъ вокабула и исторію политическую сказываемъ наизустъ; въ конецъ Imitationis Versionem (упражненіе въ подражаніи), которую намъ въ субботу на недѣлю (воскресенье) диктовалъ, поправляетъ первѣе; потомъ

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 85—86.

[2]) Т. е. *газеты*, за что полагалась особая плата.

Библиотека "Руниверс"

диктуетъ оную, какъ надобно было. Въ вторникъ утро пропонуется Sacra lectio (чтеніе св. книгъ), а рацы (сербы) тогда ничего не учатъ; до 9-го часа пропонуется Sacra lectio; отъ 9-го до 10-го часа греческая грамматика изъясняется для тѣхъ, которые греческому языку учатся; а которые не учатся, тѣ изъ пропозиціи, данной отъ учителя, дѣлаютъ Variationes (упражненія латинскія); на обѣдъ опять зазначаются вокабула; по обѣдѣ рецетуемъ (повторяемъ) вокабула, посемъ Geographica lectio пропонуется; наконецъ фразесы на четвертокъ изъ Корнелія зазначаются до 30 и больше. Въ среду рекреціалной день. Онымъ днемъ переписуемъ мы начисто въ особливой секстернѣ имитацію, диктованную по-нѣмецку и латинску. Кромѣ того изъ темы диктованныя намъ Variationes дѣлаемъ. Потомъ Корнелія главу одну на нѣмецкой языкъ переводимъ, и ежели гдѣ на латинскомъ языкѣ переложенныя или разбросанныя слова находятся, въ натуральный порядокъ приводимъ, на что особливыя регулы есть. Въ четвертокъ утро рецетуемъ фразесы; потомъ главу оную переведенную показываемъ учителю; наконецъ въ школѣ Корнелія разбираемъ и на нѣмецкой языкъ переводимъ; и учитель диктуетъ Excerpta seu Notationes quasdam ex Cornelio (выдержки), которыя мы въ особливой секстернъ переписуемъ; на обѣдъ завдаетъ регулы (правила) синтаксическія 10 или 12. По обѣдѣ сказываетъ новины; рецетуемъ регулы; посемъ изъясняетъ оныя далѣ; наконецъ диктуетъ Laborem Extemporalem (устныя упражненія) по-нѣмецку, чтобъ мы какъ найскорѣйше на латинскій языкъ перевели, и поправивши, диктуетъ, какъ надобно было, и мы его на-чисто въ той секстернъ, гдѣ имитаціи, переписуемъ. На пятокъ завдаются Carmina (стихи) de Prosodia. Въ пятокъ утро рецетуемъ Carmina; показуемъ Carmina fracta reducta et Operationes (упражненія) ex Arithmetica, которыя онъ намъ тижднемъ (недѣлею) напередъ на сей пятокъ зазначилъ; потомъ изъясняетъ поэтику и ариѳметику и завдаетъ на другій пятокъ Carmina fracta reducenda et Operationes ex Arithmetica. По обѣдѣ орацію, завданную на сей пятокъ тижднемъ напередъ, сказываемъ (peroramus); потомъ диктуется на слѣдующій пятокъ Oratio ex Sallustio, Livio, Curtio et aliis auctoribus. Посемъ поправляются въ секстернахъ погрѣшности ортографическія; одинъ читаетъ, а другіе всѣ поправляютъ. Въ субботу утро Sacra lectio такъ, какъ и во вторникъ, и диктуется

Библиотека "Руниверс"

имитація на недѣлю да фразесы зазначаются съ главою одною изъ Корнелія, которую намъ на нѣмецкой языкъ перевесть должно. По обѣдѣ рекреація“ [1]).

Независимо отъ посѣщенія гимназіи Иванъ Акимовичъ имѣлъ еще и „приватнаго преценторa“, который занимался съ нимъ два раза въ день по латинскому и нѣмецкому языкамъ. Съ 1778 г. онъ началъ слушать еще „въ рекреаціонные дни“ и естественную исторію.

Надобно видѣть, какими неусыпными заботами окружалъ о. Іустинъ своего любимаго единственнаго сына. Живя въ Токаѣ, онъ, можно сказать, духомъ постоянно витalъ то въ убогой горенкѣ „лютеранки“ въ квартирѣ Ивана Акимовича, то въ тѣсныхъ классахъ пресбургской гимназіи. Каждое письмо свое онъ сопровождаетъ самыми подробными совѣтами, касающимися всевозможныхъ случаевъ и отношеній Ивана Акимовича какъ въ школьной, такъ и въ доступной ему общественной жизни. Это, впрочемъ, совершенно понятно. Лишившись младшаго сына и оставшись въ чужихъ краяхъ одинъ-одинешенекъ, о. Іустинъ, естественно, всю свою любовь перенесъ на послѣдняго сына и вправѣ былъ писать ему: „Я ожидаю и хочу, чтобъ ты, судьбою мнѣ въ чужой сей сторонѣ оставленный, язву оную жестокую, которую братъ твой покойникъ мнѣ вѣчнымъ своимъ отъ меня разлученіемъ нанесъ, добропорядочнымъ твоимъ и безпорочнымъ житіемъ, паче-же отмѣннымъ въ ученіи честныхъ наукъ преуспѣваніемъ уврачевалъ и совсѣмъ отъ сердца моего изгладилъ. И далъ-бы Богъ“, продолжаетъ онъ далѣе, „чтобъ я сего отъ тебя дождался, а не противнаго! Ибо ежели противные чаянію своему поступки видитъ въ сынѣ своемъ отецъ; то о таковомъ сказуетъ священное слово, что лучше ему умереть безчадну, нежели имѣти чада нечестива, затѣмъ, что *студъ отцу*

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 105—107. Въ послѣдней части рукописи кіево-софійскаго собора № 379 помѣщены весьма четко и даже изящно переписанныя ученическія упражненія Фальковскаго на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ отъ этого времени. Они представляютъ собою два рода занятій: „Imitatio“ (подражаніе) и „Labor extemparalis“ (изустныя упражненія). Каждое состоитъ изъ нѣмецкаго текста и латинскаго перевода его. Перваго вида трудовъ 44, втораго 23 №№. Съ самаго начала идутъ упражненія, относящіяся къ исторіи Алкивіада (cap. 9—11), затѣмъ Trhasybuli (cap. 1—4), Cononis (cap. 1—5), Pionis (cap. 1—10), Iphicrati (cap. 1—3), Chabriae (cap. 1—4), Timothei (cap. 1—4) и Patamis (cap. 1—7).

Библиотека "Руниверс"

не наказанъ (не наученный) *сынъ*“ [1]). Исходя изъ такового, въ высшей степени здраваго, взгляда на отношенія отца къ сыну въ дѣлѣ воспитанія, о. Іустинъ особенно старается внушить Ивану Акимовичу правила добраго поведенія. „Слыхалъ я“, пишетъ онъ къ сыну отъ 16 октября 1777 г., „и съ радостію моею слыхалъ, что тебе и тамъ такъ, какъ въ Токаю учители за прилежаніе твое къ ученію похваляютъ: но хотѣлъ-бы я, любезной! чтобъ еще и за добронравіе и смиренномудренное житіе твое не только учители, но и домашніе, съ которыми ты проживаешь, хвалили и любили. Вслѣдствіе чего должно тебѣ не только въ школахъ, или гдѣ съ сочениками своими обыкновенно сходишься, отъ всякихъ шалостей беречь себе; но и на квартерѣ, какъ предъ хозяйкою съ крайнею учтивостію и почитаніемъ, такъ и предъ другими домашними съ тихостію и съ снисхожденіемъ, уступая всякому, обращеніе свое продолжать“ [2]). Самъ испытавшій безчисленное множество бѣдствій и горестей въ своей многотрудной жизни и въ одной только религіи находившій подкрѣпленіе и отраду, изъ нея только одной черпавшій силы въ борьбѣ съ невзгодами, престарѣлый служитель алтаря Божія и въ сынѣ своемъ старается особенно вселить вѣру и любовь къ Богу, совѣтуя ему различныя благочестивыя упражненія: „къ молитвѣ будь усерденъ“,—пишетъ онъ отъ 6 сентября 1777 г., „и смотри, чтобъ ни одного въ жизни твоей дня безъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ не пропустилъ еси: но и легая и востая приноси ихъ Господу Богу твоему съ разумомъ, не хватаяся. По недѣлямъ (воскресеньямъ) въ полуставѣ находящееся послѣдованіе вычитывай не лѣностно; а въ Господскіе и Богородичные и другихъ великихъ святыхъ праздники, хотя одни по обыкновенныхъ утреннихъ молитвахъ тропари да кондаки прочитывай; чрезъ что-бъ ты могъ знать, когда и какіе церковь наша православная имѣетъ праздники [3]); и смотри, чтобъ ты зналъ всякаго дня какое число и какого святаго по нашему календарю: а еще и лучше сдѣлаешь

---

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, письмо о. Іустина къ сыну отъ 29 ноября 1777 г.

[2]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 96—97.

[3]) Въ Пресбургѣ не было православной церкви, такъ что Иванъ Акимовичъ и студенты—„расы“ для исповѣди и св. причастія вынуждаемы были ѣздить въ Вѣну.

Библиотека "Руниверс"

ежели всякой день по утреннихъ молитвахъ тропарь и кондакъ дневному святому прочитывать будешь. Въ недѣльные и рекреціалные (свободные отъ занятій) дни по городу напрасно не шатайся и съ рацами (сербами) по ихъ квартерахъ, какъ они обыкли, не броди; но всемѣрно молитвамъ святымъ да означаемымъ урокамъ прилежи въ тые дни“ [1]). Такіе совѣты свои о. Іустинъ считалъ тѣмъ болѣе умѣстными и необходимыми для сына, что этотъ послѣдній, какъ человѣкъ молодой, живя среди людей другихъ вѣроисповѣданій, могъ, пожалуй, сдѣлаться индиферентистомъ, или—что еще хуже—презрѣннымъ ренегатомъ отечественной религіи. Поэтому о. Іустинъ какъ-бы вскользь наказываетъ ему въ письмѣ отъ 20 сентября 1777 г.: „...о наступающемъ по нашему благочестію высокоторжественномъ Рождества Христова праздникѣ тебѣ напоминая, отчески увѣщеваю, чтобъ ты, будучи между инаго исповѣданія людьми, хотя внутренно возбуждалъ себя къ празднованію и прославленію рождшагося Христа Спасителя нашего, и понеже не имѣешь отправы въ книжкахъ твоихъ свѣтлому сему празднику; то хотя тропарь да кондакъ чрезъ всѣ свята съ вниманіемъ и умиленіемъ прочитовать тщися“ [2]). Давая совѣты сыну предъ поѣздкою его въ Вѣну для исповѣди и св. причастія, о. Іустинъ пишетъ: „любезной сынъ! отчески тебя увѣщеваю, чтобъ ты въ поѣздкѣ опой крайне себя благочинно и свято вести старался; ибо я довольно вѣдаю, что въ собраніи молодыхъ да еще *нравовъ развращенныхъ юношъ* [3]), важности дѣла, къ которому готовитись имѣютъ, ни мало не разсуждающихъ, по большой части смѣхи, празднословія, кощунства и другія подобныя богопротивства къ собственному ихъ осужденію происходить будутъ; отъ коихъ ты себя тѣмъ удобнѣе уберечь возможешь, чѣмъ твердѣе и живѣе въ памяти содержать будешь, ради чего путь творишь, и т. д: [4]). Когда-же узналъ, что у сына украденъ „Полуставъ“, уже и нѣсколько прямѣе выражаетъ свои опасенія: „когда получилъ о кражѣ такой книги вѣдомость, вдругъ

---

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 92.

[2]) Тамъ-же, стр. 112—113.

[3]) Непремѣнный, хотя и не лестный эпитетъ студентовъ—„рацовъ“ пресбургской гимназіи того времени.

[4]) Письмо отъ 25 марта 1778 г. (рукоп. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 136—137).

Библиотека "Руниверс"

изъ радостнаго перемѣнился въ смутное и жалостное духа состояніе, представляя себѣ во умѣ, что ежели у тебя книга такая украдена, то какъ-бы и благочестіе отъ тебя унесено и послѣдующее тому будущей жизни наслѣдіе совсѣмъ уворовано... Всегда меня это безпокоить будетъ и жалость сердцу моему поводитеметъ, когда ни подумаю, что человѣкъ въ праздники великіе и недѣльные дни, словословіе хотя малое Господу Богу приносящій, тѣмъ словословіемъ освящается и благодать Божію на себя привлекаетъ; чего ты, лишась книги оной, всегда лишаться принужденъ будешь. Къ большему-же моему оскорбленію и то въ разсужденіе приходитъ, что всякой возрастъ по природѣ къ злу преклоненъ; кольми-жъ паче такой, въ какомъ ты находишься, удобопоползновенъ есть и всякимъ безмѣстіямъ отъ преступленія еще первозданнаго человѣка въ жертву какъ-бы предуготованъ. Чего-жъ отъ такого возраста безъ орудія, освященіе и благодать привлекающаго, надѣятися должно?“ [1])

О. Іустинъ, не смотря на свое ничтожное содержаніе [2]) и дороговизну жизни въ Венгріи, нисколько не жалѣлъ денегъ на образованіе сына. „О присылкѣ денегъ прося помысломъ колеблешься“, пишетъ онъ ему отъ 22 августа 1778 г., „не досадно-ли мнѣ это будетъ. Я тебя увѣряю, любезной сынъ! что хотя-бы у меня одинъ только и былъ червонецъ, я-бы и того, ничего для себя не оставляя [3]), хотя-бы и жебрать довелось, отправилъ къ тебѣ, чтобъ тебѣ въ чужой сторонѣ нужды какой не претерпѣть, которая болѣе чувствительна была-бы мнѣ, нежели самому тебѣ [4])...

И сынъ оказался вполнѣ достойнымъ всѣхъ этихъ заботъ и жертвъ отца. Онъ настолько успѣлъ за послѣднее время въ изученіи латинскаго языка, что уже въ письмѣ отъ 1 января 1778 г. отправилъ къ отцу поздравительные съ праздникомъ Рождества Христова

---

[1]) Письмо отъ 14 янв. 1778 г. (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 117—118).

[2]) Первоначально, какъ мы знаемъ, онъ получалъ всего только 120 руб. въ годъ; но къ этому времени, благодаря ходатайству кн. Дм. Мих. Голицына, ему было прибавлено еще 30 руб. къ прежнему годовому окладу жалованья (см. письмо о. Іустина къ сыну отъ 29 ноября 1777 г.,—ibid., стр. 102.

[3]) Ему и дѣйствительно почти ничего не оставалось. Годъ и 24 дня содержанія сына въ Пресбургѣ обошлись о. Іустину въ 168 флориновъ и 51 крейцеръ, т. е. около 92 руб. на наши деньги (см. Ibid., стр. 159).

[4]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 158.

Библиотека "Руниверс"

и новымъ годомъ стихи, которые привели о. Іустина въ неописанный восторгъ [1]). Въ письмѣ отъ 1 марта 1778 г. изложены были латинскими-же сафическими стихами „Новины“ о происходившихъ въ Европѣ войнахъ [2]). Кромѣ того, въ одной изъ школьныхъ черновыхъ тетрадей Ивана Акимовича сохранился и еще цѣлый рядъ стохотвореній его на латинскомъ языкѣ [3]), ясно свидѣтельствующихъ о довольно близкомъ знакомствѣ автора съ Виргиліемъ и другими латинскими поэтами. Важнѣйшее и лучшее изъ этихъ стихотвореній „Изображеніе четырехъ временъ года“. Оно состоитъ изъ шести частей. Въ первой сравниваются четыре части года съ четырьмя частями дня (32 стиха); вторая часть содержитъ въ себѣ описаніе весны (38 стиховъ); третья—описаніе лѣта (34 стиха); четвертая—описаніе осени (20 стиховъ); пятая—описаніе зимы (28 стиховъ) и шестая—„Epylogus“.

Въ области русской поэзіи этотъ годъ почти ничѣмъ не выдается. Написано всего 14 стиховъ. Они слабы и сочинены, но и эту первую пробу quasi-поэтическаго пера мы приведемъ для характеристики настроенія ихъ автора.

„*Предъ иконою при молитвахъ утреннихъ положенною сіи написаны стихи:*

Се мы, вставъ отъ сна, мольбы Тебѣ приносимъ,
Воскресшій Господи, и отъ Тебя вся просимъ:
Сподоби въ тишинѣ во дни семъ намъ пребыть,
Чтобъ въ оной и Тебѣ, Творцу всѣхъ, угодить,
И—о, Христе! Твои не дремлящія очи
Пусть насъ содѣлаютъ сыновъ дне, а не ночи.

„*А предъ иконою при вечернихъ молитвахъ положенною сіи:*

Умершему за насъ и снятому съ креста
И силой адовы разверзшему уста,
Вечернія молитвы мы нынѣ возсылая,
Смиренно молимся, да отвратитъ вся злая,
Что въ мірѣ семъ нощномъ могли-бъ намъ помѣшать
И сна покойнаго мечтаньми насъ липать.

---

[1]) Ibid., стр. 117—письмо о. Іустина къ сыну отъ 14 янв. 1778 г.
[2]) Ibid., стр. 133—134.
[3]) Рукоп. кіево-софійскаго собора, № 621.

Библиотека "Руниверс"

„*Подъ другою иконою сіи написаны* [1]):

Простерлъ ей, о Спасе, руки,
Ты и меня избавь отъ муки,
Чтобъ грѣшниковъ принять къ Себѣ,
Да славу воздаю Тебѣ“ [2]).

II.

Приближалось время экзаменовъ въ пресбургской гимназіи. По плану о. Іустина дальнѣйшее образованіе сынъ его долженъ былъ получить, начиная съ класса *риторики*, въ пештинской римско-католической гимназіи. Согласно съ этимъ намѣреніемъ отца, Иванъ Акимовичъ, послѣ блистательно выдержанныхъ экзаменовъ, оставилъ Пресбургъ и 4 сентября 1778 г. прибылъ въ Пештъ [3]). Здѣсь онъ сначала было поступилъ въ классъ *поэзіи*, но, по настоянію отца, тотчасъ-же перевелся въ *риторику* и съ прежними усердіемъ и успѣхомъ занимался науками, нисколько не подозрѣвая, что надъ его сиротскою головою давно уже собирается грозная туча, готовая разразиться страшнымъ бѣдствіемъ. Еще въ сентябрѣ 1778 г. о. Іустинъ заболѣлъ лихорадкою, тщательно скрывая отъ Ивана Акимовича свое положеніе. Но къ марту мѣсяцу слѣдующаго года болѣзнь приняла настолько острый характеръ, что онъ рѣшилъ немедленно-же вызвать сына къ своему страдальческому одру [4]). Получивши печальное извѣстіе объ опасномъ положеніи отца, Иванъ Акимовичъ тотчасъ оставилъ гимназію и 8 апрѣля былъ уже у изголовья больнаго. Болѣзнь длилась и послѣ сего еще полгода, а съ 8 октября 1779 г. Иванъ Акимовичъ остался круглымъ сиротою, вдали отъ родины, среди чужихъ для него людей безъ всякихъ средствъ къ жизни. По смерти отца, осталось

---

[1]) Леоническимъ стихомъ; о немъ въ статьѣ проф. Н. И. Петрова: „О слов. наукахъ и литерат. занятіяхъ въ кіев. академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г.“ (Труды кіев. дух. акад., 1866 г., кн. 7, стр. 321 и дал.).

[2]) Рукоп. кіево-соф. собора № 621, въ самомъ началѣ.

[3]) См. письмо его къ отцу отъ 10 сент. того-же года (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 160).

[4]) См. письмо къ сыну отъ 26 марта 1779 г. (см. рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 184—185).

Библиотека "Руниверс"

всего 342 флорина и 20 крейцеровъ, что по тогдашнему счету на наши деньги составляло, какъ отмѣчено на духовномъ завѣщаніи о. Іустина, 186 руб. 72 $^{8}/_{11}$ коп. [5]). Но изъ этой суммы, по завѣщанію отца, Иванъ Акимовичъ долженъ былъ, по возвращеніи въ Россію, дать сестрѣ своей 4 червонца, въ монастырь кіево-братскій на поминъ души четыре-жъ червонца и наконецъ сиротамъ разнымъ также для поминовенія 10 червонцевъ [2]), да кромѣ того уплатить аптекарю за лѣченіе отца, покрыть всѣ расходы по его погребенію, разсчитать прислугу и пр. До какой степени горемычный сирота чтилъ волю отца, видно изъ того, что онъ не только самъ обязался къ исполненію оной особою подписью на завѣщаніи покойнаго, но упросилъ подписаться тутъ-же, въ качествѣ свидѣтеля, и комиссейскаго сержанта *Варѳоломея Милюкова* [3]).

Сильное впечатлѣніе произвела на Ивана Акимовича смерть отца. „Вывезлъ меня изъ отечества моего, Россіи, родитель мой“, пишетъ онъ сербскому архіепископу и митрополиту *Викентію Видоку*, спустя три мѣсяца послѣ этого событія (16 янв. 1780 г.),— „въ самыхъ молодыхъ перваго возраста лѣтахъ въ Венгрію, и проживъ Токаѣ при россійской тамошней коммисіи въ чинѣ капеллана пять лѣтъ, наконецъ увы! лютѣйшими звѣрми—смертными болѣзньми разумѣю—согласующемуся промыслу Божіему, долженъ былъ суровѣйшимъ образомъ растерзанъ быть и отсюда на вѣчность преселиться. Тогда я пораженъ болше, нежели тысячью сердечныхъ болѣзней стрѣлами; не жалостнѣйшимъ крикомъ, но только внутренными частыми воздыханіями удовлетворялъ внезапной своей горести и несчастію. Ежели я, говорю, начну всего себе предавать плачевному воплю; то не счастливѣе со мною поступлено будетъ, какъ съ отрокомъ, который, естли, видя растерзаемую свою мать, закричитъ, зубовъ свирѣпаго волка въ силу избѣжать въ состояніи будетъ“ [4]). Это горе его еще болѣе усилено было тѣмъ обсто-

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 621, т. 2, подъ 7-мъ окт. 1779 г.

[2]) Относительно послѣднихъ денегъ Иванъ Акимовичъ въ концѣ записки дѣлаетъ такое замѣчаніе: „вышеписанные 10 червонцы употребить такъ, чтобы двумъ сиротамъ два, напр. въ 3 рубли и болѣе каждой, кожухи готовые купить, двумъ двѣ свитки пошить, двумъ пару сапоговъ, двумъ пару шапокъ и пр., пока разыдутся всѣ червонцы“ (рукоп. кіево-соф. собора, № 621, т. 2).

[3]) Ibid.

[4]) Рукоп. кіево-с ф. собора, № 621, т. 2.

Библиотека "Руниверс"

ятельствомъ, что „его покойный родитель“, какъ жалуется Иванъ Акимовичъ въ письмѣ къ капеллану вѣнской миссіи іеромонаху Іезекіилю,—„не порядочно и не такъ, какъ онъ г. сержанту (Варооломею Милюкову) завѣщалъ, погребенъ. Ибо унѣятскій парохъ, пришедъ съ своими прихожанами и взявъ насильно тѣло покойнаго, оное безъ звону съ немалымъ безчестіемъ погребъ; хотя между тѣмъ покойникъ многократно г. сержанту сказывалъ, чтобъ его греческій священникъ съ дозволеніемъ плебановымъ погребъ, которое стараніемъ помянутаго г. сержанта и дано было ему, но не можно было по оному ничего (сдѣлать): вышеписанный уніатскій попъ оное совсѣмъ уничтожилъ“ [1]).

Неутѣшное горе и полная нищета не подавили въ безпріютномъ юношѣ-сиротѣ „жажды ученія“: ему предложена была „писарская должность въ Токаѣ“ [2]), но онъ отъ нея отказался. Его задушевнымъ желаніемъ было—поскорѣе отправиться „въ городъ ученіемъ цвѣтущій Пештъ“, чтобы тамъ „ученія совершить“. Чтобы добыть средства для продолженія ученія, онъ рѣшился просить пособія у полномочнаго нашего министра при вѣнскомъ дворѣ, кн. Димитрія Михайловича Голицына, и для этого прибѣгъ къ посредству состоявшихъ при нашей миссіи совѣтника Григорія Ивановича Полетики и капеллана іером. Іезекіиля [3]).

Надежда его не обманула: князь—посолъ назначилъ ему пособіе, и „изъ единаго своего любопытства“, какъ извѣщалъ Полетика, освѣдомился о лѣтахъ просителя. Иванъ Акимовичъ отвѣчаетъ: „...лѣтъ имѣю 17; ученія риторическія прохожу; два языка — латинской, нѣмецкой и отчасти третій венгерскій знаю“. Обрадованный нежданною милостію, онъ, по обычаю того времени, благодарилъ князя въ стихахъ, доставившихъ ему лишній случай піитическаго упражненія. Впрочемъ пособіе, если принять въ разсчетъ положеніе безпріютнаго юноши въ чужихъ краяхъ, едва-ли стоило стиховъ: изъ суммъ, конечно, посольства ему назначено было по 5 гульденовъ въ мѣсяцъ, съ выдачею денегъ впередъ за 4 мѣсяца. Болѣе важно было то, что посолъ вошелъ съ ходатайствомъ къ

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid. Письмо къ Гр. Ив. Полетикѣ; число не обозначено.
[3]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 621.

Библиотека "Руниверс"

гофмаршалу Гр. И. Орлову о назначеніи сиротѣ Фальковскому постоянной субсидіи отъ двора для продолженія образованія.

25 ноября 1779 г. Иванъ Акимовичъ „выѣхалъ изъ Токая, принявъ впредь за четыре мѣсяца денегъ 20 гульденовъ...; декабря 2-го дня пріѣхалъ въ Пешту". Этотъ именно городъ избралъ онъ для продолженія своего образованія „ради того только, что тамъ удобнѣе пропитаться можно (въ Пресбургѣ квартира со столомъ стоила ему 80 гульденовъ, а въ Пештѣ 50). Впрочемъ, писалъ онъ Полетикѣ, въ „Пресбургъ я ради совершеннаго изученія нѣмецкаго языка и другихъ ученій охотнѣе-бы поѣхалъ" [1]). Въ Пештѣ жилъ нѣкто Георгій Ракославъ, вѣроятно сербъ, пріятель отца Ивана Акимовича. Къ этому времени Ракослава не было уже въ живыхъ, но онъ оставилъ распоряженіе о припятіи въ домъ сироты Фальковскаго, когда онъ пребудетъ въ Пештъ для ученія. Сиротствующихъ связывали взаимные интересы: Фальковскій давалъ уроки дѣтямъ Ракословоой, а она сбавила ему плату за содержаніе. Сохранились стихи, написанные признательнымъ Фальковскимъ двумъ его питомцамъ Константину и Петру Ракославовымъ въ видѣ рождественской вирши; стихи леоническіе, писаны силлабомъ.

Немедленно по прибытіи въ Пештъ, Фальковскій ревностно принялся за занятія. Не смотря на то, что въ классѣ *риторики* онъ былъ всего лишь около 5 мѣсяцевъ, теперь, „по удостоенію учителей" его приняли прямо (въ декабрѣ 1779 г.) въ *первый философскій классъ*, гдѣ онъ, какъ писалъ потомъ къ Гр. Ив. Полетикѣ, „знатнѣйшимъ наукамъ обучался: *логикѣ, исторіи* и *математикѣ*. Послѣднюю, прибавлялъ любознательный юноша, которая въ Малой Россіи не преподается, я съ особливымъ вниманіемъ слушалъ и при концѣ ученій публично изъ оной подъ печатными положеніями былъ экзаминованъ" [2]).

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, письмо къ Гр. Ив. Полетикѣ (число не выставлено).

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, т. 2. Одновременно съ логикою слушалъ онъ *исторію философіи* и потомъ *метафизику*, сверхъ того *алгебру* и *геометрію теоретическую* и *практическую*, вмѣстѣ съ *тригонометріею, исторію прикладическую вещерскую* и *всеобщую*, и наконецъ *сельскую экономію*, которую преподавалъ профессоръ физики (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 195).

Библиотека "Руниверс"

Но увлекаясь науками, Фальковскій не могъ забыть того, что даннаго ему пособія хватитъ не на долго. Прошли тѣ четыре мѣсяца, на которые оно выдано было впередъ, прошли и другіе три мѣсяца, а пособія новаго не давали. Фальковскій пришелъ въ тревогу, писалъ къ капеллану Іезекіилю, спрашивалъ преемника своего отца Аарона Пекалицкаго, обращался и къ сержанту Милюкову, наконецъ самъ отправился въ Токай и лишь тамъ, къ неописанной своей радости, прочелъ указъ, которымъ назначена ему ежегодная, такъ сказать, стипендія по 60 руб. до окончанія имъ образованія, съ причисленіемъ его къ токайской коммисіи для письменныхъ дѣлъ. Указъ былъ отъ 24 іюня 1780 г., а стипендія назначалась лишь съ 1 сентября.—Отъ этого времени, быть можетъ, самаго тяжелаго въ жизни Фальковскаго, осталось нѣсколько стихотвореній его на русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, на которыя, конечно, нельзя смотрѣть иначе, какъ на школьныя упражненія, показывающія только, что юный ихъ авторъ, не смотря на увлеченіе свѣтскими науками, оставался всегда въ сферѣ религіозныхъ представленій. На это указываютъ самые сюжеты его стихотвореній, или ихъ названія. „Стихи, отходя ко сну и раздѣваясь читанныя, стихи, изъ тропаровъ мертвенныхъ сложенные“ [1]), „О краткости жизни сей и о искушеніи, бываемомъ отъ бѣсовъ, Къ душѣ увѣщевательные стихи, *Ода двенадесятичленная, двенадесятистрофная*“ и четыре стихотворенія на отдѣльные стихи псалмовъ. Мы не приводимъ самыхъ стиховъ,—отъ нихъ вѣетъ схоластикою и монотонностію, но они правильны, запечатлѣны единствомъ мысли и обнаруживаютъ напряженный и упорный трудъ, или-же оригинальность внѣшней формы. На нѣмецкомъ языкѣ—всего только одно стихотвореніе (на тему: не должно судить недостатковъ другихъ, а всегда обращать вниманіе на свои собственные); на латинскомъ языкѣ четыре, въ томъ числѣ двѣ эпиграммы, представляющія собою довольно замысловатыя шарады, отгадка которыхъ заключается въ имени и фамиліи ихъ автора. Это по преимуществу школьныя упражненія,—образчики преодолѣванія трудностей латинской рѣчи. Упорный трудъ, столь полезный однако при изученіи наукъ, примѣненъ въ особенности еще въ одномъ, къ этому-же времени относящемся произведеніи Фальковскаго. Это такъ-называемая „роспись праздничнымъ праздникамъ и святымъ

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, т. I.

Библиотека "Руниверс"

угодникамъ Божіимъ въ греко-россійскомъ мѣсяцесловѣ", въ которой имена всѣхъ святыхъ расположены въ алфавитномъ порядкѣ, съ обозначеніемъ времени ихъ жизни и времени празднованія.

Дождавшись постоянной правительственной субсидіи, въ количествѣ 60 руб. въ годъ, Фальковскій могъ смѣлѣе смотрѣть въ глаза неприглядной дотолѣ будущности. Предъ нимъ заманчиво рисовалась теперь въ перспективѣ картина высшаго образованія, къ которому онъ стремился, такъ сказать, всѣмъ существомъ своимъ. Пройдя пѣшкомъ изъ Пешта въ Токай за полученіемъ стипендіи, онъ тѣмъ-же способомъ отправляется теперь изъ Токая въ Офенъ, чтобы выслушать въ тамошнемъ университетѣ, кромѣ другихъ наукъ, курсъ экспериментальной физики, которая не читалась тогда въ Пештѣ. Его не смущаетъ ни трудность пути, ни дороговизна содержанія въ будимской крѣпости, ни недостатокъ средствъ: онъ все готовъ перенести, лишь-бы пріобрѣсть „полезныя, какъ выражался онъ, любезному отечеству моему знанія". Его путешествіе, полное всякихъ приключеній, такъ живо рисуетъ намъ бытъ тогдашняго русскаго студента за границей, — его несокрушимую энергію, неутолимую жажду знанія и твердость въ перенесеніи всякихъ нуждъ и лишеній, непонятную уже стипендіатамъ нынѣшняго времени, что описаніе онаго мы приведемъ цѣликомъ, какъ оно изложено въ письмѣ Фальковскаго къ русскому-же студенту Андрею Павловичу Славинскому, который однако не случайно, какъ Иванъ Акимовичъ, попалъ за границу, но сознательно пришелъ сюда искать высшаго образованія, послѣ того какъ исчерпалъ всю россійскую премудрость въ своихъ родныхъ школахъ. „Вышелъ я изъ Токая во вторникъ (15 сентября) по полудни", пишетъ Фальковскій своему пріятелю въ Пресбургъ [1]),

[1]. Письмо отъ 24 декабря 1780 г. *Славинскій*—родимецъ черниговскій, такъ и въ школахъ первоначально учился; потомъ съ *риторики* прослушалъ весь курсъ въ кіевской академіи; отсюда перешелъ въ Умань къ оо. базиліанамъ для нѣмецкаго языка и философіи, которую вторично слушалъ, а затѣмъ отправился въ Саксонію, Силезію и наконецъ въ Пресбургъ, гдѣ снова слушалъ философію, нѣмецкій языкъ и кромѣ того исторію, географію и математику. Въ 1782 г. принялъ монашество съ именемъ *Анатолія*, былъ учителемъ кіевской академіи, префектомъ смоленской семинаріи, снова учителемъ той-же академіи, префектомъ и профессоромъ богословія въ ней и послѣ долгаго странствованія по разнымъ монастырямъ въ санѣ архимандрита, скончался на покоѣ въ новгородскомъ юрьевскомъ монастырѣ (Рукоп. кіево-соф. соб., VIII, 4. «Библіографическія извѣстія...» «Акты кіево-бр. учил. мон. и акад.» и рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 161—162, 204).

Библиотека "Руниверс"

„и минувъ Зомборъ, началъ изнемогать: мнѣ особливо частыя калюжи (лужи) затрудненіе въ пути дѣлали; и ежели-бъ мужикъ съ своимъ возомъ не подъѣхалъ, мнѣ-бы или брести по поясъ, или ночевать предъ калюжею оставалось. Онъ не долго со мною разговаривалъ, и взявъ два *дудки* [1]), за двѣ мили, меня до Луца свезъ, гдѣ я и почевалъ. Въ среду рано я, оттуду вышовъ, продолжалъ путь и въ 2 часа по полудни пришелъ въ корчму, отъ которой до Керестеша двѣ мили было. Здѣсь тоже нашолъ мужика и ему два дудки уплативъ, въ 5 часовъ въ Керестешъ привезенъ былъ. Оттуду ишолъ пѣшки и по маломъ времени опять нашолъ мужика, которой меня въ село, называемое Сигаломъ, за 1 дудокъ свезъ. Здѣсь я ночевалъ. Въ четвертокъ рано, уставъ (вставши), по многихъ заходкахъ, пришолъ въ село Калъ точно въ обѣднее время. Отъ онаго до Ароксаллаша еще двѣ мили было. Я здѣсь радостно и тучно обѣдалъ. И еще не все предложенное мясо поѣлъ, какъ уже подвода, точно какъ-бы для меня наряженная, подъ окошкомъ стояла. Я, вышовъ, весьма удивлялся нечаянному счастію. Подвода сія была коляска съ 6 лошадями, которою господа нѣкоторые въ Пешту ѣхали. Я было почалъ съ фурманомъ еднаться (входить въ соглашеніе); но онъ, повидѣвъ меня и спросивъ, кто я таковъ: бѣдной, говоритъ, студентъ—я тебя даромъ въ Пешту свезу, ежели на заду коляски сидѣть похочешь и вещи тамъ положенныя присматривать будешь. Я думалъ, что онъ шутитъ; но между тѣмъ какъ повидѣлъ, что онъ меня садиться заставляетъ, благодарно сѣлъ. Мы летѣли, а не ѣхали. Я думалъ, что мы тово-жъ еще дня Пешту увидимъ. Уже и казалось, будто верхи пештанскихъ церквей видно: толь крѣпкое воображеніе было. Бѣдной студентъ! Поколь ты будешь такъ благодушествовать? Внезапно, среди утѣхъ, среди отрадъ, всталъ вихорь и шляпу изъ головы силою содралъ. Что дѣлать? Надобно изскочить, ежели шляпы не хочется потерять. Коляска будто-бы вмѣсто 6 лошадей 6 крилъ имѣла. Ужасно быстро бѣжала. Я какъ только выскочилъ и шляпу подхватываю, уже епанчу злый вихрь содралъ; и когда оную подхватилъ, опять шляпу избросилъ и такъ смѣшно со мною боролся, что всѣ-бы предстоящіе думали,

[1]) *Дудокъ* или *грошъ*, серб. *грошић*, венг. *горош*—мелкая серебряная монета, равняющаяся 3 *крейцерамъ*.

Библиотека "Руниверс"

что онъ за свое нѣчто сворованное такъ жестоко меня обижаетъ. Вы и сами можете знать, что уже коляски давно не видно было. Проклятая тварь! сказалъ я ему,—теперь ты меня нѣсколько дудковъ лишилъ. Найгорше то было, что я объѣлся и къ путешествію вовся не способенъ сталъ. Всилу приполз ъ въ корчму, которая недалече оттуду была. Въ ней были мужики съ порожними возами, къ которымъ я тотчасъ пошолъ. Они мое несчастіе сами видѣли и, не ожидая моего вопроса: нѣтъ, сказали, севодни не видать тебѣ той коляски. Однакъ скажи, куда ты такъ быстро летѣлъ?—Я объявилъ. Тогда одинъ изъ нихъ: ежели, говоритъ, хочешь, я тебя ближе Пешта подвезу. Ты севодни еще можешь быть въ томъ селѣ, которое за 4 только мили отъ Пешта отстоитъ; а завтра ты, конечно, въ Пештѣ. За подводу не болѣе какъ два гулдена. Я-бы ему точно далъ оные, будучи въ толикой слабости, ежели-бы онъ однимъ гулденомъ, которой я ему обѣщалъ, не былъ доволенъ. Въ 5 часовъ село тое я увидѣлъ, которое однакъ мужикъ миновалъ, понеже сказывалъ, что оно въ боку, и что онъ меня далѣ еще подвезть хочетъ. Между тѣмъ меня насредъ поля вывезъ: здѣсь, говоритъ, сойди съ воза—и видишь-ли церкви? Этотъ городъ называется Изберинъ, чрезъ которой тебѣ проходить должно, ежели въ Пештѣ быть хочешь. Тутъ я примѣтилъ, что онъ меня обманулъ: ибо я изъ географіи зналъ, какъ далеко отъ сего города до Пешты. Итакъ, проклиная обманчивость мужика, къ вечеру приближился подъ оной и, повстрѣчавъ нѣкотораго старика, спросилъ: Яберинъ-ли этотъ городъ?—Такъ, отвѣтствовалъ онъ. Того ради пошолъ далѣ, какъ внезапно со всѣхъ сторонъ открылось множество болотъ и заливовъ, которые путь пресѣкли. Я, возвратясь къ мужику, спрашивалъ его, какъ этыя воды перейтить? На что онъ мнѣ сказалъ, что понеже оныя не глубоки, перебресть ихъ надобно: другова пути никакова нѣтъ. Я по многихъ думкахъ отважился и, избросивъ сапоги и штаны, болото перебрелъ. Уже темно было, и я не видѣлъ церквей; того ради не зналъ, куда итить. Вѣтеръ ужасно вѣялъ. Я, бродивъ съ два часа, наконецъ хотѣлъ было на полѣ почевать; но собаки, которыя въ близу лаяли, объявляли, что недалеко городъ. Итакъ, понеже ночь весьма темна была, пришовъ па весьма грязное мѣсто, въ которомъ, какъ почалъ погрузать, слышу быстро бѣжащую скотину, на которой нѣкто сидѣлъ и, почувъ мой ходъ, отозвался.

Библиотека "Руниверс"

Чего ради я его обо всемъ разспросилъ и, надеждою подкрѣпленъ, наконецъ пришелъ въ городъ болотами наполненный. Я и здѣсь цѣлой часъ корчмы искалъ, пока нѣкоторому человѣку обѣщавъ *голбу* вина, имъ въ корчму приведенъ былъ. Мнѣ кажется, что уже тогда 11 часовъ было. Я, голодомъ моримъ, требовалъ ѣсть, и дали мнѣ мясо холодное съ капустою, котораго и половины не съѣлъ: ибо оно мнѣ такъ противнымъ показалось, что я все тотчасъ что ѣлъ, выбросалъ. Въ пятокъ (18 сентября) рано отправился я изъ сего города, увѣдомляемъ, что отъ него до Пешта 4 мили, и цѣлой сей день ишолъ пѣшки. Въ вечеру пришелъ въ село Менде, въ которомъ и переночевалъ. Наконецъ въ субботу (19 сентября) по полудни въ два часа пѣшимъ въ любезнѣйшую Пешту пріѣхалъ".

Другая половина этого любопытнаго письма рисуетъ бытъ студента-труженика на мѣстѣ, его поиски за частными уроками й квартирой и неудачи въ томъ и другомъ. Изъ длиннаго, не лишеннаго куріезовъ разсказа Ивана Акимовича, мы передадимъ лишь главное и существенное. Квартира стоила ему 6 гульденовъ въ мѣсяцъ со столомъ, мытьемъ бѣлья и свѣчами; но какъ стипендія его составляла всего 60 руб. въ годъ, то ихъ далеко не хватало на все содержаніе. Надо было искать частныхъ уроковъ; но тутъ новая трудность: или квартира, или уроки были далеко отъ университета, помѣщавшагося въ крѣпости. Какой-то сербъ, Налвановичъ, 11 лѣтъ торговавшій, попросился къ нему латыни учиться. Ради его онъ вышелъ изъ крѣпости, но „великанъ" ученикъ чрезъ полтора мѣсяца возгнушался латынью и повздоривъ съ учителемъ отказался уплатить ему за данные уроки. Иванъ Акимовичъ, по тогдашнему университетскому обычаю, прибѣгъ къ декану и именемъ декана притянулъ обидчика къ суду. Тотъ повинился и слѣдуемое уплатилъ, а Иванъ Акимовичъ „заклялся никакихъ великановъ больше не учить".

Въ такихъ и подобныхъ передрягахъ протекала студенческая жизнь Ивана Акимовича, полная труда и лишеній. Не успѣлъ онъ устроиться на новомъ мѣстѣ ученія, какъ процесся слухъ о перемѣщеніи университета изъ будимской крѣпости (Офена) въ Пешть. Это однако мало смутило привыкшаго къ странствованіямъ студента. Шутливымъ тономъ передаетъ онъ свои впечатлѣнія по этому поводу тому-же пріятелю Ставинскому: „сказываютъ, гово-

Библиотека "Руниверс"

рить, смѣхотворныя люди, что будто по окончаніи школъ будимскіе жители университетъ изъ крѣпости ажъ до самой Пешты пожнутъ и въ шею выженутъ, разгнѣвався на то, что отъ него никакой пользы не имѣютъ, а на мѣсто онаго царскую какую-сь судебную канцелярію пріймутъ. Дураки! Зачѣмъ-же намѣрили было, для лучшей удобности ходить въ школу, отворить съ оной ворота стороны, съ которой мы, знаете, войшовъ въ узки дверцы, наконецъ толь сильно назадъ бѣжали, что всѣ-бы подумали, что за нами вѣдьма гналась. Я, ежели это правда будетъ,не ожидаясь будимскаго учтивства, лучше самъ себя отсюду выжену".

Для характеристики воззрѣній какъ самаго Ивана Акимовича, такъ и окружавшей его внѣ университета среды, сдѣлаемъ еще слѣдующую выдержку изъ письма его къ тому-же лицу: „нѣкогда, пишетъ онъ, сидя мы за столомъ, слышимъ отъ нашего хозяина, что онъ въ прошедшей ночи весьма испужался, повидѣвъ нѣкоторое привидѣніе. Это, говоритъ онъ, другая уже ночь, какъ я отъ страха съ моею женою и дѣтьми чуть не умеръ. Мы другій уже разъ видимъ тяжелый огненный возъ..., который въ ночи въ полдванадцатаго часа какъ-бы съ крѣпости чрезъ нашу улицу внизъ спущается и спустя четверть часа опять возвращается. Проходя поузъ (мимо, подлѣ) нашъ домъ, весьма кровавымъ и страшнымъ огнемъ оной освѣщаетъ. Я съ ученикомъ до сытости смѣялся сей баснѣ; ибо наши горницы за хозяйскою въ дворѣ стояли, и мы сего видѣнія не примѣтили. Итакъ, слѣдующей ночи оба до двападцатаго часа сидимъ. Въ $^1/_2$ 12 часа слышимъ шумъ будто-бы весьма тяжелаго воза, помалу проходящаго. Того ради, пришовъ къ хозяину, нашли всѣхъ въ великомъ страхѣ. Насъ просилъ хозяинъ, чтобъ мы съ четверть часа подождали, пока возвратится. Мы сіе сдѣлали и къ окошкамъ поставовились. И се внезапно съ шумомъ издалека повидѣли кровавой огонь, отъ воза сыплющійся, и такъ убоясь, отступились и отъ страху не смѣли на него глядѣть, хотя онъ и весьма помалу (тихо, медленно) ишовъ. Болѣе трехъ разовъ никто его не видалъ. Нѣкоторые курьезные люди, которые ему присматривались, сказывали, что видѣли на немъ людей безъ головъ. Сіе передъ смертію Терезіиною случилось. И такъ нѣкоторые набожные нѣмецкіе пророки говорили, что это видѣніе смерть императрицы означаетъ".

Библиотека "Руниверс"

Начатыя такъ поздо занятія Ивана Акимовича въ университетѣ были прерваны неожиданно въ началѣ слѣдующаго 1781 года. Въ то время, когда самъ онъ, не тяготясь никакимъ трудомъ и ни какими лишеніями, думалъ только о продолженіи своего образованія, не намѣтивъ для него и въ собственныхъ мысляхъ скораго окончанія, неизвѣстные благодѣтели, которыхъ онъ самъ, кажется, не зналъ и не называетъ, но которыхъ всего ближе можно предполагать въ томъ-же капелланѣ Іезекіилѣ и совѣтникѣ посольства Гр. И. Полетикѣ, въ заботливости своей о скитальцѣ-сиротѣ, задумали иначе устроить его судьбу и хотя благое намѣреніе ихъ не исполнилось, по упорству самаго ихъ кліента, и онъ продолжалъ еще и въ этомъ году слушать физику и философію; но это былъ скорѣе годъ странствованія, нежели годъ ученія. 8 января получено имъ письмо изъ Вѣны съ приказаніемъ кн. Дим. Мих. Голицына поспѣшить въ Вѣну. Здѣсь ему, по предварительномъ испытаніи въ знаніи латинскаго и нѣмецкаго языковъ и письмѣ, предложено было мѣсто при канцеляріи посольства съ заманчивою карьерою въ не такъ далекомъ будущемъ. Его богатыя природныя способности, пріобрѣтенныя разностороннія и основательныя познанія, любовь и привычка къ труду и въ добавокъ превосходный, рѣдкій почеркъ могли давать на то ему и его покровителямъ полную надежду. Но столь лестное предложеніе встрѣтило неожиданный отпоръ въ завѣтныхъ стремленіяхъ выдѣлявшагося изъ ряду другихъ юноши. Убѣждали и склоняли его члены посольства и отказъ его называли просто дурачествомъ; самъ князь—посолъ склонялъ его къ принятію предложенія ласковыми словами и милостивыми обѣщаніями. Упорствовавшему философу дано было три дня на размышленіе; тѣмъ временемъ и квартира ему была дана, и экипировка на счетъ князя обѣщана, и столъ съ офиціантами князя предложенъ, и наставленія отъ дворецкаго даны, какъ ему себя съ ними держать и гдѣ за столомъ сидѣть. Всѣ, и самъ князь, предложенное мѣсто считали и называли счастьемъ юноши; — иначе разсуждалъ самъ онъ. Не теплое мѣстечко съ хорошимъ окладомъ, не блестящая карьера въ послѣдствіи были его завѣтною мечтою. „Я, отвѣчалъ онъ, желалъ-бы еще окончить начатыя ученія"; ему доказывали, что никакія ученія въ его новомъ положеніи вовсе не нужны. Упертый, что называется къ стѣнѣ, фанатикъ ученія—

Библиотека "Руниверс"

юноша отдѣлывался молчаніемъ. Учительское званіе было дальнѣйшею его мечтою, которой онъ однако не рѣшался еще открыть. Вмѣсто 3-хъ дней около 3-хъ недѣль прошло въ самыхъ тяжелыхъ для Ивана Акимовича хожденіяхъ въ канцелярію посольства и неизбѣжныхъ при томъ объясненіяхъ. Какъ-бы на выручку ему получилось письмо къ нему изъ Токая отъ поручика Горева, который звалъ его за полученіемъ оставшихся тамъ его и отцевскихъ вещей. „Куды какъ не спокоенъ я въ сей дорогѣ былъ!—писалъ онъ потомъ пріятелю Ставинскому. „Непрестанное размышленіе и въ ночныхъ снахъ меня смущало, котораго дѣйствіемъ наконецъ то учинилось, что я пріѣхавъ въ Пешть 28 января, вдругъ письменно объявилъ, что въ государеву службу вступить желанія вовсе не имѣю; но напротивъ того всегда приготовлялся къ учительскому званію и потому намѣренъ въ отечество мое, Кіевъ, возвратиться".

Съ дороги-же или изъ Токая въ письмѣ къ Гр. Ив. Полетикѣ онъ выражается еще опредѣленнѣе относительно своихъ намѣреній: „сколь я спокоенъ буду, ежели послышу, что симъ моимъ объявленіемъ (отказомъ отъ предлагаемой должности) великихъ моихъ благодѣтелей не раздражилъ, которые объ томъ старались, дабы меня какимъ-нибудь образомъ отечеству полезнымъ сдѣлать.. Я сіе ихъ намѣреніе совершенно зная и видя, что оно весьма доброе, старался оное исполнить, но въ такомъ состояніи, въ какомъ я отъ юности быть желалъ... Мнѣ ничего, кажется, неизвѣстно, какъ то, что вы учительское состояніе обществу такъ полезнымъ почитаете, какъ и другія; и ежели я въ семъ не обманулся, нижайше прошу ваше выс—діе, дабы вы мнѣ въ оное вступить вспомоществованіе дали".

Отказавшись наотрѣзъ отъ службы при посольствѣ, Иванъ Акимовичъ сильно безпокоился, чтобы эта его „съ вѣнскими поступка" не повлекла за собою дурныхъ послѣдствій: „...кажется, писалъ онъ Ставинскому, что 1-е не только цѣлой вѣнскій дворъ, но и половина токайскаго за сію мою поступку на меня разгнѣвается", „2-е, стараться будутъ доказать, что я по-дурачески сдѣлалъ, т. е. своевольно отъ счастія своего удалился, 3-е, слѣдовательно и жалованья мнѣ опредѣленнаго производить больше не будутъ, и наконецъ 4-е—смѣяться будутъ, зная, что я горестно до оказіи (случая отправленія въ Кіевъ) проживать принужденъ буду".

Библиотека "Руниверс"

21 февраля Иванъ Акимовичъ получилъ отвѣтъ изъ Вѣны, въ которомъ говорилось, чтобы онъ, „въ какое-бы состояніе ни пожелалъ вступить, къ присягѣ приведенъ былъ“. По какимъ дѣламъ, или съ какою цѣлію онъ оставался въ Токаѣ, когда уходило дорогое время ученія, остается неизвѣстнымъ. 9 мая онъ снова отозванъ былъ въ Вѣну, гдѣ занимался при канцеляріи до 21 мая. Въ Токаѣ мы видимъ его еще 29 мая, а за тѣмъ принявши присягу [1]), увлекаемый жаждою знанія, онъ снова отправился въ Пештъ доканчивать свое образованіе и поступилъ въ *первый философскій классъ*.

„Сравняя прежнее мое *пьянствоіе* съ теперешнимъ,—дѣлился онъ съ пріятелемъ своимъ,—о дорогѣ сей можно вообще такъ сказать:

До Кала [2]) грязь вездѣ, и грязь въ пути являлась;
За Каломъ-же пески и суша водворялась.
Предъ Пештой грязь опять заставила бродить,
Чтобъ въ Пештѣ бѣднаго студента посрамить“ [3]).

Въ Пештѣ студентъ нашъ „за обученіе дѣтей у г. Даміановича („нѣкоего ученаго купца“) столъ имѣлъ, а квартеру—у нѣмца, недалеко отъ него живущаго“. И снова всѣ мечты его сводились къ тому, какъ-бы „вѣрную окказію въ Россію“ найдти и поскорѣе увидѣть свою дорогую родину. Съ чувствомъ живѣйшаго восторга сообщаетъ онъ Ставинскому: „я вамъ не могу умолчать, въ какой радости я здѣсь (въ Пештѣ) живу, познакомившись съ тѣмъ господиномъ, которой мнѣ обѣщается всякой почти мѣсяцъ окказію въ Кіевъ найтить, т. е. отсюду непосредственно въ Львовъ, при отправкѣ винъ туда, часто случающейся..., а изъ Львова чрезъ своего брата, тамъ живущаго, въ самой Кіевъ: такъ что я будущаго мая, какъ самого Бога дожидаюсь“.

По окончаніи годичныхъ испытаній (въ 1781 г.), Иванъ Акимовичъ переведенъ былъ во *второй философскій классъ*, въ кото-

---

1) Присягу принималъ онъ собственно для того, чтобы числиться *номинально* при токайской коммиссіи и, такимъ образомъ, имѣть quasi—законное право по прежнему получать 60 руб. годоваго содержанія отъ казны.

2) Городокъ въ Венгріи.

3) Въ томъ-же письмѣ передается, какъ смѣялись надъ нимъ прохожіе при входѣ въ Пештъ, видя его всего въ грязи.

Библиотека "Руниверс"

ромъ продолжалъ слушать экономію, геометрію, механику, архитектуру гражданскую, оптику, гидравлику и экспериментальную физику [1]). Наконецъ, послѣ испытаній 1782 г., „чрезъ три года философскаго моего въ Венгріи ученія“, говоритъ въ одномъ изъ писемъ своихъ, *„по окончаніи коего съ нѣкоторою знаменитостію* и съ выдержанными тремя годишними публичными экзаменами при печатныхъ подъ именемъ моимъ физическихъ, математическихъ и прочихъ философскихъ положеніяхъ, *получилъ я* изъ королевской пештанской отцовъ піаристовъ гимназіи *довольно изрядный аттестатъ, одобряющій превосходнымъ образомъ какъ ученіе, такъ и поведеніе мое“* [2]).

Остальную часть этого года (съ октября мѣсяца) и начало слѣдующаго Иванъ Акимовичъ провелъ въ качествѣ канцеляриста при токайской коммисіи и домашняго учителя двухъ сыновей коммисара Саввы Михайловича Горева.

Отъ студенческаго періода жизни Ивана Акимовича дошло до насъ очень немногое; но и это немногое свидѣтельствуетъ, что ни скудость матеріальныхъ средствъ, ни частые разъѣзды по вызову вѣнской и токайской канцелярій не могли нанести особеннаго уже ущерба его занятіямъ. Такъ, мы имѣли подъ руками относящіяся къ этому періоду *„Additamentum ad Physicam“* и *„Historia Philosophiae“* (та и другая на латинскомъ языкѣ). „Additamentum“ [3]) представляетъ собою записки по физикѣ со словъ профессора [4]); „Historia Philosophiae“ [5]) писана къ публичному экзамену 1780 г. и представляетъ изложеніе вкоротцѣ исторія философіи у евреевъ, персовъ и проч. У грековъ описываются „секты“: италійская, іоническая, киринейская, элейская и др. Послѣ того: о славнѣйшихъ филосо-

---

[1]) Акты кіево-бр. учил. мон. и акад., т. III, № 105.

[2]) Рукоп. проф. М. Ф. Будилова-Владимірскаго, стр. 293 – 294.

[3]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 247.

[4]) Содержаніе «*Additamentum ad Physicam*» слѣдующее: De quantitate ignis in corporibus. 2) De electrophoro. 3) Ad aërem ejusque effecta. 4) Ad globum terraqueum. 5) Ad mundi systema. 6) De solis substantia. 7) Ad reges aequilibrii. 8) De perpetuo mobili. 9) Ad naturam ignis. Но мѣстамъ приводятся математическія фигуры и вычисленія.

[5]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 247.

Библиотека "Руниверс"

фахъ послѣ разрушенія государства греческаго, объ Аполлоніѣ Тіанскомъ, о „сектѣ“ эклектической, о Сенекѣ, Августинѣ, о схоластикахъ. Въ заключеніе—о Галилеѣ и Исаакѣ Ньютонѣ.

Къ 1781 году должно отнести еще и незаконченную статью Ивана Акимовича: „*Краткое географическое описаніе Венгріи*“ [1]), обличающую очень наблюдательный умъ автора „Описанія“. Содержаніе ея слѣдующее: „§ 1. Раздѣленіе Венгріи и вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Первой Округи, по описанію Іоанна Томки Саскія. § 2. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Второй Округи, что по ту сторону Дуная. § 3. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Третьей Округи, что по сю сторону Тисы. § 4. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній въ Четвертой Округѣ, что по ту сторону Тисы [2]). § 5. О правительствахъ сербскихъ. § 6. О родѣ вельможъ венгерскихъ. § 7. О гербѣ и монетѣ венгерской“. Далѣе слѣдуетъ очень интересное „*Прибавленіе о сербахъ особь*“. Содержаніе „Прибавленія“: „§ 1. О природѣ и состояніи сербовъ. § 2. О состояніи (внѣшнемъ) сербскихъ церквей. § 3. О состояніи сербскихъ священниковъ. § 4. О церковномъ правительствѣ у сербовъ. § 5. О уложеніи или регламентѣ сербскомъ“. „Часть вторая. О Венгріи особь“ представляетъ собою только не большое *введеніе* и *семь строкъ первой главы* [3]).

---

[1]) Пріурочивая время написанія этой статьи къ 1781 г., мы основываемся на слѣдующихъ словахъ ея: «По немъ (послѣ митрополита *Іоанна Георгіевича*) *Викентій Видакъ* на престолъ взошелъ и сидѣлъ на ономъ *до 1780 г.; а по смерти его нынѣ недавно выбранъ* въ архіепископы бывшій темишварскій епископъ *Моисей Путникъ, который теперь церкви сербскія пасти начинаетъ*». И точнѣе: «новосадскій (епископъ), въ Новосадѣ резиденцію имѣющій, прежде сего былъ *Арсеній Радивоевичъ*, который за подозрѣніе содомскаго грѣха въ заточеніе *въ началѣ сего 1781 года* въ монастырь Бездинъ съ жалованьемъ 200 фл. посланъ, къ римскому епископу тайно ушолъ и вѣру измѣнилъ». (См. рукоп. кіево-соф. соб. № 580).

[2]) Первыхъ 4 §§ нѣтъ въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора, они находятся только въ рукописи проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго (стр. 294—299).

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 580.—Въ рукописи проф М. Ф. Буданова-Владимірскаго находится замѣтка Ивана Акимовича, что отъ студенческаго періода жизни была еще у него «не малая книга», заключавшая въ себѣ пространныя записки, со словъ профессора, по гражданской архитектурѣ. Но въ настоящее время

Библиотека "Руниверс"

Въ началѣ 1783 года сбылась наконецъ самая задушевная мечта Ивана Акимовича. Въ концѣ февраля отправлялся въ Россію сержантъ *Варооломей Ѳеодоровичъ Милюковъ* съ трапспортомъ сухогрозднихъ винъ для русскаго двора. Иванъ Акимовичъ поспѣшилъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ и въ апрѣлѣ того-же года увидѣлъ, наконецъ, Кіевъ, съ которымъ разстался около 8 лѣтъ тому назадъ.

Г. Булашевъ.

(Продолженіе будетъ).

врядъ-ли гдѣ можно разыскать ее, такъ какъ «бывъ отдана... одному изъ свѣтскихъ... (кіевской) академіи учителей (а именно Никитѣ Соколовскому) для чтенія, у него навсегда и осталась» (см. стр. 282).

Библиотека "Руниверс"

Волынская революція первой четверти XIX столѣтія*)

Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой.

Письмо первое.

1818 года іюля дня изъ Вѣны.

Исполняя порученіе вашего сіятельства, въ проѣздъ мой по волынской губерніи, я нарочно останавливался по нѣсколько дней въ городахъ Бердичевѣ, Житомірѣ, Дубнѣ и Радзивиловѣ, чтобъ, развѣдавъ о бывшей на Волыни въ 1815 и 1816 годахъ революціи, доставить вамъ обстоятельное свѣдѣніе, какимъ образомъ сей моральный переворотъ обратился на пагубу толикаго числа невинныхъ людей, въ томъ числѣ и вашихъ родственниковъ. Вотъ пріобрѣтенныя мною свѣдѣнія:

---

*) Печатаемая рукопись, хранившаяся въ числѣ бумагъ б. секретаря Потемкина, В. С. Попова, была подарена сыномъ его, также Васпліемъ, умершему недавно профессору Ставровскому, съ такою надписью по строкамъ рукописи: «Изъ решетиловскаго архива д. т. с. Василія Степановича Попова. На память любезнѣйшему профессору моему Алексѣю Ивановичу Ставровскому отъ любящаго и уважающаго, бывшаго студента университета св. Владиміра, нынѣ гречкосѣя Василія Попова. 10 декабря 1864 г. Решетиловка». Озаглавливаемъ ее словами самаго автора писемъ, имени котораго, къ сожалѣнію, мы доискаться не могли. Псевдонимы, придуманные имъ для себя, а равно и лица, къ которому онъ писалъ, ясно указываютъ на то, что письма предназначались для негласнаго обращенія въ пріятельскомъ кружкѣ и имѣли, быть можетъ, въ свое время извѣстность. Письма писаны подъ впечатлѣніемъ недавно совершавшихся событій и нѣкоторая ихъ страстность портитъ общее отъ нихъ впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе они содержатъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о времени и лицахъ, совершенно для насъ не извѣстныхъ, о томъ, что творилось въ только что возвращенномъ нами достояніи Игоря

Библиотека "Руниверс"

Волынская губернія издавна славится враждебными для Россіи произшествіями; въ повѣтахъ ея: овручскомъ—убитъ измѣнически великій князь Игорь, въ кременецкомъ—Лжедимитрій разстрига, съ помощію бояръ польскихъ, началъ бунтъ противу нашего отечества, въ Острогѣ до сихъ поръ есть развалины той церкви, гдѣ онъ обвѣнчанъ съ дочерью Мнишка, въ Новоградъ-волынскомъ и староконстантиновскомъ (уѣздахъ) предъ войною гетмана Хмельницкаго помѣщики здѣшніе, къ утѣсненію православія, отдавали на откупъ жидамъ храмы Божіи греко-россійскаго исповѣданія, въ житомірскомъ, подъ предлогомъ гайдаматчины, перекапили безъ всякаго милосердія болѣе десяти тысячь крестьянъ, въ луцкомъ и владимірскомъ, при послѣднемъ издыханіи Польши, свирѣпствовали надъ россійскими подданными нарочито учрежденныя коммисіи, убивая нашихъ разнощиковъ и купцовъ и предавая смертной казни единовѣрныхъ съ нами священниковъ, наконецъ въ Дубнѣ 1794 года съѣхавшіеся на контракты съ Великой Польши, Литвы и со всей Красно-Россіи дворяне положили намѣреніе, кому, гдѣ и какъ дѣйствовать въ краковской и варшавской

и св. Ольги, какъ безнаказанно давила польская шляхта коренное русское населеніе Волыни, какъ сильно она интриговала противъ представителей русской власти, какъ горячо преслѣдовала свѣжую мечту возстановленія Польши, ловко отводя глаза правительству, и какъ мало это послѣднее понимало свои обязанности относительно возвращеннаго края и возвращенія ему его историческихъ правъ и характера. И въ польскихъ источникахъ относительно этого времени мы находимъ много указаній на то, какъ на пропалую веселилась польская шляхта, похоронивъ свое крулевство и вовсе не чувствуя перемѣны режима.

Печатаемыя письма изображаютъ не революцію въ томъ смыслѣ, какъ мы обыкновенно ее понимаемъ, но постоянное революціонное настроеніе волынскихъ пановъ, закончившееся дѣйствительною революціею 1831 г. Дни ихъ, подъ конецъ Рѣчи Посполитой, становились все мрачнѣе и тяжелѣе: напрягая всѣ силы къ спасенію погибающей отчизны, они доходили до совершеннаго разоренія, власть и законъ, гарантировавшіе общественное спокойствіе и безопасность, утратили уже тогда всю свою силу, иноземныя войска входили и выходили, а разъяренный народъ готовъ былъ каждую минуту броситься на своихъ притѣснителей. Теперь все стихло и замолкло; подъ охраною рускаго оружія, подъ эгидой русской власти паны продолжали давить беззащитный народъ и предаваться нескончаемымъ вакханаліямъ: у нихъ пиры и веселіе, а въ народѣ стонъ и плачъ.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

революціи и какимъ-бы болѣе измѣнническимъ образомъ истребить въ одно время всѣхъ россіянъ въ Польшѣ находящихся. По актамъ смоленской слѣдственной коммисіи видно, сколько тамъ сидѣло въ тюремныхъ заклепахъ волынянъ клятвопреступниковъ; а изъ дѣлъ по министерству финансовъ, по министерству полиціи и по министерству иностранному удостовѣриться можно, сколько у волынскихъ измѣнниковъ конфисковано имѣній и какимъ образомъ вели себя дворяне во время военное 1798 и 1799-го, также 1806, 1807 — 1809 и 1812 годовъ. И сколько дѣтей своихъ и другихъ молодыхъ людей выслано здѣшними помѣщиками за границу, единственно для поднятія оружія противу русскихъ. Меня увѣряли, что нѣтъ почти ни одной богатой и знатной фамиліи на Волыни, которая-бы не оплакивала или не носила траура о погибшихъ въ сраженіяхъ противу Россіи дѣтяхъ, братьяхъ и родственникахъ; а сколько и теперь считается такихъ, кои, по заключеніи мира, возвратясь къ своимъ, не краснѣя, хвастаются грабежемъ и убійствами въ Москвѣ и другихъ россійскихъ городахъ. Преступленія ихъ покрыты высочайшими манифестами, для того я перестану открывать ихъ.

Теперь обратимъ, ваше сіятельство, вниманіе свое на тѣ намѣренія волынянъ, кои они съ начала присоединенія сей провинціи къ Имперіи имѣли и имѣютъ. По республиканскому духу и природной къ россіянамъ ненависти, они не могли терпѣть ни Кречетникова, ни Тутолмина. Но смоленская ссылка и конфискація имѣній обуздали ихъ до того, что сіи гордецы изъ высокомѣрія пришли до гнусной подлости: боготворили по наружности и Тутолмина и перваго губернатора Шереметьева, не стыдились во всѣхъ орденахъ своихъ отдавать визиты секретарямъ и писарямъ ихъ, кланялись исправникамъ и цѣловали городничихъ, клялись въ вѣчной дружбѣ всякому русскому чиновнику и ползали у ногъ ихъ, видя нужду или свою пользу; но коль скоро, по кончинѣ Екатерины, узрѣли перемѣну въ правленія, тотчасъ республиканскія страсти пробудились, начали волноваться, заводить интриги и вымышлять клеветы на губернское начальство. На Тутолмина жаловались, что онъ бралъ отъ нихъ взятки и притѣ-

Библиотека "Руниверс"

снялъ ихъ; на Шереметьева жаловались, что онъ самоправно изъ помѣщиковъ, кого хотѣлъ, того бралъ подъ стражу и посылалъ въ Смоленскъ, конфискуя имѣнія; на прочихъ губернскихъ чиновниковъ, что позахватчивали себѣ чужую принадлежность, что поразоряли помѣщичьи имѣнія, бывшія въ казенномъ присмотрѣ и поселили на земляхъ старостинскихъ хутора. Всѣ таковыя и тому подобныя жалобы помѣщикъ волынскій, нынѣшній графъ и сенаторъ Иллинскій, отъ имени дворянства, коего онъ былъ тогда губернскимъ маршаломъ, представилъ лично императору Павлу, а въ слѣдъ за тѣмъ Тутолмина позвали въ столицу, Шереметьевъ остался при полку шефомъ, а губернія волынская, получивъ прежнія польскія права, получила съ тѣмъ вмѣстѣ новаго генералъ-губернатора Беклешова и новаго губернатора Миклашевскаго: сего очень хвалятъ потому, что ничего не дѣлалъ и былъ въ должности только одинъ годъ; но Беклешова не запомнятъ во вѣки, по многимъ знакамъ его къ нимъ дружбы, подобно Федору Федоровичу Эртелю и покойному Шишковскому, имъ оказанной, отъ того не смѣли ни роптать, ни жаловаться, особливо когда на мѣсто Миклашевскаго пріѣхалъ губернаторъ Гревсъ, который на вечеринкахъ у себя заставлялъ ихъ слушать, вмѣсто музыки, бой двадцати четырехъ барабановъ. Жалобы на Тутолмина, Шереметьева и чиновниковъ оказались ложными, а Иллинскій въ публикѣ прослылъ ябедникомъ. При Гревсѣ у волынянъ прилипъ языкъ къ гортани. Скорая отставка, а потомъ и смерть избавила его отъ ихъ преслѣдованія. Наступилъ по немъ Глазенапъ, у котораго жена была полька; при ней все потекло по ихъ мыслямъ, или, лучше сказать, ничего не дѣлалось. Полиція спала и только польскіе суды дѣлали, что хотѣли. Между тѣмъ магнаты душили среднихъ помѣщиковъ, а сіи нападали на мѣлкую шляхту: въ Житомірѣ балы и вечеринки, а по деревнямъ отъ мужиковъ плачъ и вопль. Въ это время богатѣйшій изъ владѣльцевъ хорунжій Стецкій, не давши хлѣба своимъ подданнымъ, уморилъ нѣсколько десятковъ съ голоду; за то, будучи вызванъ въ Житомиръ, принужденъ былъ сдѣлаться данникомъ губернаторши и своимъ карманомъ пятнадцать дней съ ряду веселить по вечерамъ

Библиотека "Руниверс"

сенаторовъ Иллинскаго и Голохвастова, изъ которыхъ первый во всемъ блескѣ графскаго и сенаторскаго достоинства явился въ то время сюда ревизоромъ волынской губерніи. Все преисправно, все прекрасно, все безподобно нашли, отрапортовали и поѣхали съ Глазенапомъ въ Романовъ къ Иллинскому. Тамъ было большое собраніе дворянъ, между коими отличался дерзостію и запальчивостію зять Иллинскаго, удаленный отъ службы за польскій образъ мыслей, генералъ-маіоръ Гижицкій, извѣстный по исторіи тиранскаго обхожденія съ грекo-россійской религіи священниками, коихъ запрягали въ плугъ и мучили разными способами. Какъ скоро разгорячили виномъ головы, тотчасъ, по случаю заграничныхъ дѣлъ, вступили въ мятежническіе разговоры. Старой Голохвастовъ дремалъ, Иллинскій хотя и сенаторъ русскій, но притворялся, что онъ патріотъ, обыватель; одинъ добрый Глазенапъ вступился за честь нашей имперіи, за то посыпались на него со всѣхъ сторонъ насмѣшки и укоризны; а генералъ-маіоръ русской службы Гижицкій, воображая, что онъ воюетъ подъ знаменами Костюшки, за то, чтобъ Глазенапъ не вступался за наше правительство, схватя со стола стаканъ, такъ треснулъ въ лобъ бѣднаго начальника губерніи, что тотъ полетѣлъ со стула и обагрилъ кровію своею весь полъ романовскаго замка, украшеннаго, какъ говорятъ, изъ мраморнаго дворца украденными мебелями. Чрезъ сей случай избавился Глазенапъ дальнѣйшаго оклеветанія, ибо спустя нѣсколько недѣль переведенъ въ Оренбургъ, а оттоль на его мѣсто поступилъ Курисъ. Едва узнали волыняне, что новый губернаторъ былъ правителемъ канцеляріи величайшаго изъ героевъ Суворова, котораго за взятіе Праги и Варшавы терпѣть не могли, то и вооружились противу него свойственнымъ имъ оружіемъ,—ябедою, клеветами и жалобами. Долго ни въ чемъ имъ не вѣрили, ибо пустые доносы Иллинскаго на Тутолмина и Шереметьева, были въ Петербургѣ у всѣхъ въ свѣжей памяти; но интриганты коснулись самой тонкой и деликатной струны правительства,—налгали, что Курисъ равнодушно смотритъ на привозъ контрабандовъ, получая отъ таможень и купечества плату, и Куриса въ 1801 году не стало. Дали опять новаго губернатора Ре-

Библиотека "Руниверс"

шестова, человѣка слабаго, стараго, но честнаго и одного изъ друзей Державина,—у него слово законъ не выходило изъ языка, а обмана такъ не любилъ, что сердился до безконечности, естьли кто, играя въ бостонъ, не хотѣлъ съ тремя тузами помогать другому. Цѣлой годъ волыняне прославляли его прозорливость, хотя онъ за два шага ничего не видѣлъ, хвалили его мудрость, скрывавшуюся въ журналахъ секретаремъ правленія писанныхъ, и величали рѣдкую расторопность, по дѣйствію которой сжегъ онъ генералъ-губернаторскій домъ, стоившій казнѣ болѣе ста тысячь рублей; но на другой годъ называли упрямымъ безумцемъ, нелюдимомъ и человѣкомъ не рожденнымъ для Волыни; на третій годъ стали говорить, что жена и сестра ея выписываютъ изъ Радзивилова и покупаютъ въ Бердичевѣ дешевою цѣною товары и посылаютъ оные безпрестанно по коммисіямъ въ Петербургъ и что покровительствуютъ очень жидовъ, на четвертой годъ вооружили противу его военнаго губернатора Эссена и принудили дряхлаго старика вытти изъ службы. Опредѣлили начальникомъ губерніи князя Волконскаго 1805-го года, въ то самое время, какъ изъ австерлицкой компаніи вся армія наша собравшись, остановилась въ двухъ повѣтахъ волынской губерніи и готовилась къ будущимъ компаніямъ. Волконскій трактовалъ волынянъ хуже всѣхъ губернаторовъ, никто не смѣлъ передъ нимъ разинуть рта: маршалы стояли у порога, но, имѣя въ виду собственную пользу отъ поставокъ для арміи, а къ тому зная за собою хрѣхи, что недавно помогали непріятелямъ капиталами и людьми, волыняне молчали и трепетали. Неизвѣстно, какими извѣтами очернили-бы они Волконскаго, если-бы само правительство не удалило его отъ должности, въ которой былъ восемь мѣсяцей. Во второй половинѣ 1806 года показался Комбурлей. Уже волыняне по письмамъ изъ Петербурга отъ Иллинскаго, Ворцеля и другихъ знали, что онъ довѣренная у государя особа, что министры его друзья, что человѣкъ богатый и любитъ жить хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, какъ заиграла роговая инструментальная музыка, какъ запѣли пѣвчіе, какъ уставили столы серебромъ и фарфоромъ, какъ увидѣли, что на перестройку тѣснаго губернаторскаго дому употребилъ своихъ

Библиотека "Руниверс"

болѣе двадцати тысячъ рублей и не требуетъ изъ казны возврата, что удалилъ самъ собою нѣсколькихъ изъ прежнихъ чиновниковъ и опредѣлилъ по выбору своему новыхъ, что по объѣздѣ губерніи созвалъ дворянство и преподалъ способы къ облегченію тяжестей, лежавшихъ по военнымъ обстоятельствамъ на губерніи, что избавилъ ее отъ перевозки пятидесяти тысячъ четвертей хлѣба, доставленаго сюда изъ другихъ провинцій, что всякаго принималъ ласково и учтиво, что домъ его днемъ и ночью открытъ были для богатыхъ и бѣдныхъ, требующихъ защиты его и покровительства, что казна безбоязненно ввѣряла ему милліоны суммъ на исправленіе разныхъ порученій, что всѣ представленія его были уважаемы, что многіе получили по онымъ награжденія, что данное кому либо слово сдерживалъ въ точности и что напослѣдокъ хотя и доходили къ нему свѣдѣнія о преступническихъ намѣреніяхъ нѣкоторыхъ волынянъ, принявшихъ у непріятеля за границею службу, но онъ безъ воли вышняго начальства, не рѣшался приступить къ крутымъ мѣрамъ; то къ такой всѣ пришли энтузіазмъ, что не знали, какими знаками изъявить ему свою благодарность и признательность: одни предлагали поставить въ дворянской залѣ мраморный бюстъ Комбурлея, другіе сдѣлать съ приличною надписью золотую чашу, иные выстроить домъ и въ честь ему украсить его имянемъ, а наконецъ всѣ согласились поднести ему золотую съ брилліантами табакерку, на что испросивъ высочайшее соизволеніе, поручили сенатору Ворцелю изготовить оную въ Петербургѣ, давъ знать о томъ во всѣ польскія губерніи, и отъ многихъ ученыхъ людей требуя совѣта, какую положить на табакеркѣ надпись. Присланы были разные изъ Варшавы, изъ Кракова и Вильны, отъ Колонтая, отъ Чацкаго, отъ Потоцкаго и отъ другихъ знаменитыхъ ученостію поляковъ; но выборъ палъ на ту, которую доставилъ славный польскій стихотворецъ Трембецкій. Она заключается въ сихъ латинскихъ словахъ: Grata Volynia Michaëli Komburloe, recto custodi Regiminis, то есть: признательная Волынь Михайлѣ Камбурлею, ревностному блюстителю званія (sic). Изобрали февраль мѣсяцъ для торжественнаго табакерки поднесенія. Въ самомъ дѣлѣ всѣ волыняне и даже дво-

Библиотека "Руниверс"

рянство окрестныхъ губерній, окончивъ въ генварѣ контракты въ Кіевѣ, въ началѣ февраля составили многочисленный съѣздъ въ Житомірѣ. Въ назначенный день въ полномъ собраніи губернскаго и повѣтовыхъ маршаловъ составили и подписали актъ, содержащій въ себѣ живѣйшія чувствованія благодарности дворянства къ справедливому и благодѣтельному губерніи начальнику и среди радостныхъ со всѣхъ сторонъ восклицаній, вмѣстѣ съ онымъ, поднесли табакерку Комбурлею. Одинъ только Иллинскій стоялъ задумчивъ и не могъ скрыть скорби грызомаго завистію сердца; но его въ то время не примѣчали, а по прошествіи уже изступленія узнали, что въ самый пріятнѣйшій цвѣтникъ удовольствія можетъ вползти змѣя, пагубный ядъ подъ языкомъ скрывающая. Во все продолженіе веселостей, каждый полякъ казался быть русскому братомъ и на перерывъ спѣшилъ обнимать и цѣловать того изъ чиновниковъ, на кого Комбурлей бидалъ ласковые взоры. Умолкнувшу въ Житомірѣ торжеству благодарности, отозвалось эхо объ немъ въ повѣтахъ и съ тѣхъ самыхъ поръ начались разные толки: одни кричали, что на табакерку собрано десять, пятнадцать и даже двадцать тысячъ червонныхъ, а сенаторъ Ворцель половину оставилъ у себя; другіе нападали на маршаловъ, что они для полученія только себѣ отличій, а не для пользы губерніи, затѣяли праздникъ торжественной признательности; были и такіе, кои въ слухъ говорили, на что мы поднесли Комбурлею табакерку, естьли и поставка артиллерійскихъ лошадей по повѣтамъ не отмѣнена и военные реквизиціи продолжаются, и недоимки взыскиваются, и подводы требуются. Вообще-же большая часть средняго состоянія шляхты воображали себѣ, что послѣ столь знатнаго подарка не Комбурлей губерніею, но дворянство Комбурлеемъ управлять будетъ. Дары нечестивыхъ всегда окаянны! Богъ знаетъ, какой-бы имѣло конецъ пустословіе болтуновъ, когда-бы тильзитскій миръ, а съ нимъ вмѣстѣ учрежденіе варшавскаго герцогства не вскружило вѣтренныя головы. Сотнями явно и тайно полетѣли въ Варшаву; имъ воображалось, что Костюшка, Заіончикъ и Домбровскій, остатки богатырей послѣдней революціи, воздвигли на развалинахъ республики Имперію Польскую и потому вѣрили,

Библиотека "Руниверс"

что всемощная десница Наполеона, изторгнувшая изъ гроба умершаго полика, присоединитъ и ихъ къ воскресшему стаду. Странно, а вмѣстѣ и смѣшно было слушать, какъ многіе изъ шляхты, выѣзжая изъ домовъ своихъ въ дальную дорогу, приказывали беременнымъ женамъ, что ежели въ отсутствіи ихъ родится сынъ, чтобы непремѣнно дано было ему имя Наполеонъ. Такъ и случилось, между прочимъ въ имѣніи Графа Иллинскаго. Экономъ по дѣламъ уѣхалъ въ Гданскъ; жена безъ него въ нѣкоторой ничтожной, для обороны отъ татаръ построенной, ветхой тайкурской крѣпостицѣ родила сына, и такъ громко, звучно извѣстила своего мужа о имяни дитяти: na murach taykurskich powstał Napoleon, то есть на стѣнахъ тайкурскихъ возсталъ Наполеонъ. У Иллинскаго все, чрезвычайно дрянное, небольшое мѣстечко Романовка, отъ дѣда его Романа получившее названіе, онъ именовалъ Новымъ Римомъ, завелъ училище глухо-нѣмыхъ, гдѣ ученики умираютъ съ голоду, построилъ на казенные деньги суконную фабрику, пожравшую всѣ его доходы и самаго его сдѣлавшую банкрутомъ; для пустаго честолюбія удерживаетъ езуитовъ, также немѣцкой и италіанской театры, въ которыхъ лакеи его и экономы занимаютъ первые мѣста, потому, что дорога къ нему заросла крапивой и бурьяномъ; а что и до сихъ поръ не всѣ еще актеры разбѣжались, тому причиною крайность, что за десять лѣтъ не получили своей принадлежности; роговая музыка и балетницы отдаются въ аренду, а палаты замка романовскаго представляютъ разительную смѣсь насмнаго богатства съ блестящею бѣдностію. Когда какой нибудь мимоѣдущій захочетъ разсмотрѣть рѣдкости романовскаго дома, то всякому совѣтуютъ запастись нищею и мѣдными деньгами; первою для того, что въ цѣломъ замкѣ и мѣстечкѣ не найдете и куска хлѣба, а послѣдними потому, что за переходъ изъ комнаты въ комнату надобно всякой разъ платить по нѣсколько грошей голоднымъ и оборваннымъ проводникамъ, которыхъ скорѣе можно счесть за нищихъ, вышедшихъ изъ богадѣльни просить милостины, нежели за оффиціалистовъ превозносимаго въ варшавскихъ газетахъ Романовскаго замка. Но оставимъ, ваше сіятельство, сего Донъ-Кишота, а об-

Библиотека "Руниверс"

ратимся къ Комбурлею. Поднесенная дворянствомъ табакерка и безпрестанныя куренія лести и раболѣпства не встревожили души его до того, чтобъ онъ не видѣлъ настоящаго къ нему расположенія волынянъ; онъ зналъ, что дѣлалось за границею и что происходило въ домахъ здѣшнихъ вельможъ, которые разомъ съ помѣщиками средняго класса, на яву и во снѣ, бредили возстаніемъ республики польской, а жены ихъ и дѣти пѣли хвальныя пѣсни въ честь такъ называемыхъ надвислянскихъ героевъ, подъ штандартами Наполеона подвизавшихся. Зналъ онъ и то, что первѣйшіе изъ патріотовъ варшавскихъ къ здѣшнимъ споборникамъ своимъ писали и просили не жалѣть ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ сбыть съ рукъ Комбурлея, важнѣйшую препону къ достиженію той цѣли своихъ намѣреній, которые мятежниками давно уже направлены ко вреду нашего государства. Зналъ всѣ вражескіе козни и, какъ ревностный сынъ отечества и благоразумный политикъ, прекратилъ зло въ началѣ, изходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о конфискованіи имѣній у тѣхъ, кои безъ вѣдома правительства отлучаются за границу, или, по истеченіи сроковъ въ паспортахъ, сюда не явятся. Между тѣмъ послѣ Иллинскаго, пріѣхалъ изъ Петербурга на Волынь другой сенаторъ Ворцель, которой, по извѣстному въ столицѣ и здѣсь корыстолюбію, заставившему его не одинъ разъ въ самомъ сенатѣ при откупныхъ торгахъ стоять на одной доскѣ съ жидами, думалъ за табакерку выторговать что нибудь у Комбурлея и для того не довольствуясь взятіемъ почтовыхъ станцій во всей губерніи, пригласилъ маршаловъ, презеса Домбровскаго и нѣкоторыхъ дворянъ къ провіантской поставкѣ и заключилъ въ 1808-мъ году болѣе, нежели на милліонъ рублей, съ губернаторомъ контрактъ. Жадность къ прибытку и безпорядочная организація сей компаніи, вмѣсто барышей, привела и Ворцеля и его товарищей къ убыткамъ, а покупка на ихъ счетъ хлѣба произвела въ нихъ ненависть, вовсе не заслуживаемую Комбурлеемъ. Съ тѣхъ поръ Ворцель, Домбровскій и прочіе контрагенты съ ихъ родственниками и друзьями сдѣлались тайными ему врагами. 1809-го года новый губернскій маршалъ Гостинскій, сынъ отцу неблагодарный, мужъ женѣ невѣрный, со-

Библиотека "Руниверс"

сѣдъ сварливый, владѣлецъ для крестьянъ тяжкій, другъ своекорыстный, чиновникъ гордый, несправедливый и человѣкъ въ молодости своей представлявшій образецъ блуднаго сына, а въ преклонномъ вѣкѣ препровождающій жизнь свою въ тяжбахъ и ябедахъ, взялъ также на себя поставку провіанта до 1,000,000 рублей. Губернаторъ Комбурлей, при заключеніи съ нимъ контракта, весьма для казны выгоднаго, чтобъ не упустить изъ рукъ такого контрагента, по неприсылкѣ отъ министерства суммы, далъ ему въ задатокъ собственныхъ шестьдесятъ тысячь рублей; но Гостинскій не умѣлъ пользоватися временемъ, получивъ деньги, поѣхалъ съ ними въ Кіевъ на контракты и расплатился съ старыми кредиторами, а между тѣмъ ассигнаціи упали, хлѣбъ вздорожалъ; комисары и экономы его обманули и поставка остановилась. Цѣлаго имѣнія его не доставало-бы на удовлетвореніе казенныхъ передачъ, естьли-бы Комбурлей не помогъ представленіями и личнымъ 1810 года у министровъ и въ государственномъ совѣтѣ за него ходатайствованіемъ, посредствомъ коего избавленъ Гостинскій отъ всякаго за неустойку по контракту взысканія. Но сей непризнательный и подлый полякъ, вмѣсто благодарности, клеветалъ въ столицѣ на своего благодѣтеля, а на Волынь писалъ къ помѣщикамъ, что Комбурлей есть первый притѣснитель губерніи, что онъ предъ государемъ императоромъ и предъ правительствомъ вообще выставилъ волынскихъ дворянъ за людей подозрительныхъ и опасныхъ и что отъ его величества данный указъ брать въ тюрьму владѣльцевъ, дѣлающихъ наѣзды, исходатайствовалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы имѣть случай и удобность болѣе притѣснять дворянство. Извѣстное всему свѣту здѣшней націи легковѣріе тотчасъ прильнуло къ словамъ Гостинскаго и, какъ электрическая искра, привело въ судорожное движеніе неспокойныя сердца волынскихъ мятежниковъ, которые безъ всякаго разсужденія, изъ крайней степени преданности и наружной къ Комбурлею любви, начали переходить къ сильнымъ ощущеніямъ противу его злобы и могли-бы невинно погубить начальника, когда-бъ Богъ на тотъ разъ не обратилъ всуе начинаній ихъ. Новая французовъ война съ Австріею привлекла въ ту сторону все ихъ вниманіе и естьли-бы

Библиотека "Руниверс"

дѣятельность и прозорливость Комбурлея не положила неистовому ихъ изступленію преграду, то большая половина губерніи старой и молодой шляхты бинулась-бы ордою на ратоборство. Конфискація имущества и нарочно-учрежденные коммисіи для розысканія объ отсутствующихъ отняли у многихъ честь побѣды надъ австрійцами подъ Краковымъ; однако-жъ по возвращеніи въ край всякого изъ нихъ оставили мужество, а страхъ потерять имѣніе такъ былъ великъ, что ни совѣсть, ни стыдъ не могли удержать бродягъ отъ ложной присяги, будто никогда не были за границею. Скрежетали отъ злости зубами волынскіе патріоты, что не весь цвѣтъ своего юношества предали въ когти жаждавшаго нашей крови Корсиканца и мысленно обвиняли въ томъ Комбурлея, губериское начальство и мѣстные полиціи, а потому и обратили сугубо жестокую свою вражду то на того, то на другаго изъ русскихъ чиновниковъ; но коварство и на сей разъ не успѣло затмить славу, пріобрѣтенную достоинствами; на противу того примирило Комбурлея съ знатнѣйшими изъ его непріятелей. Особливо въ 1811-мъ году, когда Ворцель и Иллинскій сенаторы, напавъ на Чацкаго, старались предъ государемъ очернить честь сего заслуженнаго въ ученомъ свѣтѣ мужа, то Комбурлей, предсѣдательствуя въ слѣдственной коммисіи, обнаружилъ невинность Чацкаго, и предъ публикою, съ нетерпѣніемъ ожидавшею его приговора, показалъ, что низкія души клеветниковъ никогда не могутъ помрачить славы высокихъ дарованій. Чацкій, друзья его и гимназія были благодарными, но посрамленные доносители сокрыли жало злобы своей въ утробу, ожидая удобнаго времени укусить самаго Комбурлея. Въ 1811 году выбранъ губернаторскимъ маршаломъ помѣщикъ Ганскій, человѣкъ спокойный и не самолюбивый; товарищи его, уѣздные предводители, тоже были люди нестяжательные пустой славы патріотовъ. Враги Комбурлея умолкли и начальники раздоровъ не могли и не смѣли явно покровительствовать партій. Между тѣмъ война съ турками, прибытіе на Волынь съ многочисленною свитою князя Багратіона, вступленіе въ губернію войскъ, приготовленія къ сильной брани съ французами, умноженіе податей и большой рекрутской наборъ заняли мысли

Библиотека "Руниверс"

дворянъ. Но звукъ непріятельскаго оружія, приближавшагося къ границамъ Имперіи, громко отдавался въ сердцахъ патріотовъ волынскихъ. Они, бывъ готовы противу насъ дѣйствовать, переводили имѣнія свои въ руки родственниковъ, или закладывали ихъ для полученія денегъ; Комбурлей зналъ о томъ и не молчалъ предъ правительствомъ.

Теперь коснусь 1812, кроваваго и для Россіи славнѣйшаго, а для всѣхъ народовъ достопримѣчательнаго года. Въ какомъ состояніи была тогда волынская губернія и въ какомъ положеніи губернское и мѣстное ея начальство, вы узнаете, милостивая государыня, изъ нижеслѣдующихъ словъ одного, разговаривавшаго со мною въ Житомирѣ, не молодыхъ лѣтъ и довольно знающаго исторію прошедшей войны, русскаго чиновника, который повѣствовалъ мнѣ такъ: „Еще въ генварѣ мѣсяцѣ онаго года, схвачено полиціями нѣсколько шпіоновъ, присланныхъ сюда изъ Варшавы, потомъ обнаружилась непозволенная съ здѣшними переписка, наконецъ и самое нѣкоторыхъ участіе въ преднамѣреваемомъ злоумышленіи. Лишь только армія Багратіона двинулась въ Литву на встрѣчу непріятелю, то изъ волынскихъ мятежниковъ, яко уже опытныхъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ, одни тотчасъ бѣжали подъ знамена враговъ нашихъ, а другіе сперва старались вооружить противу насъ крестьянъ и посредствомъ ксендзовъ мѣлкую шляхту, потомъ чрезъ отдатчиковъ уговаривали рекрутъ бѣжать изъ командъ на прежнее жительство, съ обѣщаніемъ денежнаго награжденія и покровительства, напослѣдокъ чрезъ приставовъ возбуждали погонщиковъ, съ транспортами для арміи шедшихъ, чтобъ медлили въ пути или доставляли припасы непріятелямъ. Отъ таковыхъ безбожныхъ убѣжденій платежъ податей совершенно почти пресѣкся, прихожане въ иныхъ мѣстахъ оставляли и церкви православныя и священниковъ своихъ. Рекруты бѣжали сотнями изъ Житомира и Кіева, а погонщики съ транспортами отдавались въ руки непріятелей. Между тѣмъ сильные и слабые, богатые и малопомѣстные, должностные и безчиновные дворяне и мелкая шляхта, старые и молодые, всѣ гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ смотрѣли на насъ русскихъ,

Библиотека "Руниверс"

какъ на рабовъ своихъ; а въ занятыхъ непріятелями повѣтахъ жестокосерднѣйшіе изъ волынянъ поставили эшафотъ и висѣлицы и естьли-бы не австрійцы, то тирански пролита-бъ была кровь русскихъ помѣщиковъ и священниковъ: въ губернскомъ городѣ противъ генералъ-губернаторскаго дому, на большомъ щитѣ, въ вензелевомъ государя имяни и на тріумфальныхъ воротахъ полиція всякое утро должна была смывать обидные для чести и славы русскихъ польскія надписи. На россійскихъ судилищахъ и публичныхъ строеніяхъ сдирали приклеиваемые поносительныя цыдулки, а на площадяхъ собирали подкидываемые пасквили. Въ письмахъ и въ разговорахъ о начальникѣ губерніи и губернскихъ чиновникахъ отзывались самымъ презрительнымъ образомъ, почитая всѣхъ насъ обреченными въ жертву польской лютости. Среди пучины, клокочущей на насъ злобою и мщеніемъ, Комбурлей, а съ нимъ чиновники русскіе, дни и ночи препровождали безъ пищи, безъ сна въ непрестанныхъ трудахъ и въ ежеминутномъ ожиданіи измѣны. По указанію военныхъ начальниковъ четырехъ изъ волынскихъ помѣщиковъ, яко то: Графиню Ропищевскую, Валескаго, Пражмовскаго, Выжгу, да нѣсколько изъ шляхты— не такъ значительныхъ, взято и отправлено во внутренность Россіи, Комбурлей оказывалъ посылаемымъ всевозможныя ласки и благодѣянія: Ропищевскую въ деревняхъ жены своей въ слободской-украинской губерніи велѣлъ угощать, какъ знатную госпожу; она по слабости здоровья прожила тамъ двѣ недѣли, угощаема самымъ лутчимъ образомъ, а потомъ снабдѣна всѣмъ нужнымъ и унапутствованная отправилась на мѣсто своего предназначенія покойна и довольна. Но враги Комбурлея въ послѣдствіи времени, украшая лжесвидѣтельствомъ клевету свою, вымышляли, что онъ самоправно Ропищевскую и другихъ дворянъ посылалъ въ заточеніе подъ ничтожными предлогами сообщенія ихъ съ заграничными мятежниками, чѣмъ-де обидѣлъ цѣлое дворянское сословіе вѣрныхъ и приверженныхъ яко-бы къ высочайшему трону волынянъ!.. Богу и цѣлому свѣту извѣстны расположенія ихъ къ нашему правительству. Какъ-же могъ начальникъ умолчать объ нихъ? Правда, волыняне давали для арміи водку и воловъ, дѣлали также

Библиотека "Руниверс"

и денежныя пожертвованія; но всѣ сіи дары въ совокупности непревосходили двухъ сотъ тысячь рублей ассигнаціями, за то милліоны рублей въ золотѣ и серебрѣ, вмѣстѣ съ душами и сердцами ихъ, высылались тайно за границу и летѣли на помощь къ тѣмъ ихъ братьямъ, которыхъ святотатственныя руки расхищали для добычи гробы царей и предковъ нашихъ, убивали предъ олтарями священниковъ, влекли невинныхъ дѣвъ и женъ на поруганіе, обнажали отъ украшеній святыя иконы и Божіихъ угодниковъ, превращали въ пепелъ храмы и съ варварскимъ остервененіемъ рубили для забавы своей головы мирныхъ гражданъ. Не жалѣли на это дать мятежникамъ наши послѣднюю рубашку, послѣдній грошъ и послѣдній кусокъ хлѣба. Они имѣли и съ Вильною и съ Варшавою безпрестанную корреспонденцію, обо всемъ, что у насъ дѣлалось, ежедневно давали знать непріятелямъ. Таково было внутреннее состояніе губерніи, когда съ запада вошелъ въ пять повѣтовъ съ австрійцами, венгерцами и поляками Шварценбергъ, съ сѣвера угрожалъ съ корпусомъ своимъ Домбровскій и саксонцы, а на югѣ, въ сосѣдственной подольской губерніи, свирѣпствовала моровая язва. Въ сіе критическое для нашей губерніи и отечества время кто не отдастъ Комбурлею справедливости за спасеніе здѣшней провинціи? Но онъ спасъ и оставленные близь границы лазареты военные, въ коихъ лежало болѣе семи тысячь больныхъ, спасъ и вагенбурги цѣлой багратіоновой арміи, брошенные по разнымъ повѣтамъ, спасъ и всю казенную принадлежность, раскиданную по губерніи. А когда двѣ арміи, сперва Тормасова, потомъ Чичагова, входили и выходили отселѣ, то кто далъ имъ пищу и продовольствіе, кто транспортировалъ ихъ тяжести, собиралъ для нихъ реквизиціи облегчалъ во всѣхъ трудностяхъ и пособствовалъ къ быстротѣ ихъ направленія, какъ не Комбурлей, дѣйствовавшій и лично, и съ помощью губернскихъ чиновниковъ, при неусыпности мѣстной полиціи, да еще въ такую пору, когда подъ его-же начальствомъ и главнымъ руководствомъ рекрутскіе наборы, одинъ по другомъ, шли съ самымъ поспѣшнѣйшимъ выполненіемъ и собиралось въ губерніи болѣе семи тысячь лошадей. Осталось-ли сколько нибудь времени ему,

Библиотека "Руниверс"

или градскимъ и земскимъ полиціямъ подумать, что происходитъ по торговлѣ и посмотрѣть за пропускомъ чрезъ границу контрабанды? Но, великій Боже! ябеда и клевета всю свою желчь пролила на то, дабы съ сей стороны замарать честь Комбурлея". При сихъ словахъ у чиновника, со мною разговаривавшаго, показались на глазахъ слезы и бесѣда наша пресѣклась; но я слышалъ отъ другихъ, что какъ у насъ въ Россіи учредилось патріотическое общество дамъ для человѣколюбиваго призрѣнія пострадавшихъ отъ войны, такъ на Волыни и въ другихъ мѣстахъ дамы патріотки завели между собою тайную связь, въ томъ намѣреніи, чтобъ молодыхъ людей убѣждать ко вступленію противу насъ въ непріятельскую службу, давая бѣднымъ изъ нихъ всю аммуницію и на дорогу деньги, а богатыхъ соблазняя приманками любви и роскоши. Неповинующіеся внушеніямъ сихъ прелестныхъ сиренъ были въ крайнемъ презрѣніи у женскаго пола; не смѣли нигдѣ показаться въ собраніяхъ и почитались за трусовъ и измѣнниковъ. Такъ-то любятъ въ польскихъ провинціяхъ русскихъ!...

Не ожидали волыняне, чтобъ взятіе Наполеономъ Москвы сопровождалось столь пагубными для нашихъ враговъ послѣдствіями, и потому не хотѣли вѣрить реляціямъ побѣдоносныхъ армій нашихъ; но когда бѣглецы изъ ихъ собратій, то съ отрубленными носами, то съ отмороженными ушами, безъ ногъ и безъ рукъ, начали появляться въ губернію и возвѣстили о плачевной участи арміи своей подъ командою Понятовскаго, то нѣкоторые изъ здѣшнихъ клятвопреступниковъ съ досады тотчасъ лопнули, другіе перенесли жестокую горячку, а дамы патріотки отъ спазмовъ и конвульсій впали въ неизлѣчимую болѣзнь, отъ ихъ домашнихъ докторовъ французскимъ бредомъ названную. По занятіи русскими героями варшавскаго герцогства, на Волыни изъ деревни въ деревню летали отчаянные ѣздоки; тутъ-то было надо видѣть поляка во всей его формѣ. Сколько въ счастіи гордъ, высокомѣренъ и неприступенъ, столько въ несчастіи низокъ, подлъ и льстивъ. Ни богатство, ни знатной чинъ, ни ленты на плечахъ, ни звѣзды на грудяхъ, не могутъ замѣнить круженья головы и пустоты сердца. Есть ли ему сегодня благопріятствуетъ судьба, онъ встрѣчаясь съ

Библиотека "Руниверс"

генералъ губернаторомъ на улицѣ, въ порывахъ надменности своей, не примѣчаетъ его и не кланяется. Чрезъ недѣлю пріѣзжаетъ къ нему въ деревню засѣдатель и требуетъ недоимки: помѣщикъ пяти деревень, въ орденѣ Станислава, кланяется засѣдателю въ поясъ, хватаетъ его за колѣна, обнимаетъ, цалуетъ въ полу, для чево же? чтобъ избавиться отъ платежа штрафныхъ десяти и пятнадцати рублей ассигнаціями. Мы видѣли своими глазами (сказывали мнѣ въ Житомірѣ) коронныхъ кухмистровъ, литовскихъ подчашихъ, королевскихъ шамбеляновъ, трибунальскихъ президентовъ, старостъ и маршалковъ, кои, имѣя дѣло въ главномъ судѣ, не хотѣли отъ спѣси и высокомѣрія удостоить Комбурлея хотя послѣ обѣденнымъ визитомъ, за то у секретаря главнаго суда Рожанскаго въ какой нибудь корчмѣ цѣлое утро хлопотали, какъ-бы не пятьдесятъ, а только двадцать червонцевъ заплатить ему за декретъ. Зачѣмъ далеко ходить за примѣрами? Сенаторъ Иллинскій, сенаторъ Стройновскій и покойный Ворцель, какъ скоро бывало какое нибудь ихъ дѣло поступитъ въ правленіе, главный судъ или палату, то, оставивъ все въ Петербургѣ, бѣгутъ сюда; для чего? чтобы раза по два и по три въ день побывать съ просьбою у секретарей, разцѣловать въ плечи совѣтниковъ, стиснуть за руку одного и другаго столоначальника, угостить пятью или шестью обѣдами судей и, выигравъ несправедливый процессъ, послѣ того въ заблужденіи высокомѣрія своего не удостоить никого изъ прежнихъ даже ласковымъ словомъ, а губернатору и презусамъ насуливъ тысячи пустыхъ обѣщаній и ходатайствъ, убраться поскорѣе въ столицу, чтобъ дѣлать вновь несправедливости. Вотъ характеръ отъ мала до велика всѣхъ здѣшнихъ стыдопродавцевъ.

Мятежники волынскіе не знали расположеній нашего правительства и потому, снявъ съ себя кожу тигрову, надѣли агничью и съ трепетомъ взирали на мечь правосудія, висѣвшій надъ главою измѣнниковъ. Всемилостивѣйшій манифестъ, въ декабрѣ 1812 г. въ Волыни состоявшійся, оживотворилъ сердца ихъ смертельнымъ ужасомъ пораженныя. Но пока въ 1813 году продолжались большіе ребрутскіе наборы, поставка и перевозка за границу провіанта,

Библиотека "Руниверс"

переходы многочисленныхъ ратныхъ ополченій и конныхъ ремонтовъ, они молчали; однакожъ всѣ случаи, по военнымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ тягостные, тайно между собою относили на счетъ чиновниковъ. Еще никому не было извѣстно, чѣмъ кончится судьба Европы и что послѣдуетъ съ варшавскимъ герцогствомъ. Со времени лейпцигской битвы надежда на Наполеона совершенно оставила мятежниковъ, а смерть князя Понятовскаго уничтожила всѣ ихъ воздушные замки. Должно отдать справедливость усердными чувствованіямъ горести о погибели сего безвременно увядшаго непріятельскаго героя, единоземца ихъ; нетолько друзья, но всѣ мущины и женщины, даже дѣти, по внушенію родителей, плакали при отправленіи погребальныхъ обрядовъ. Перстень съ надписью его имени сдѣлался талисманомъ у поляковъ, а для рускаго новымъ поводомъ къ заключенію: „dopoki swiat stoi swiatem, polak rusinowi nie bedzie bratem, то есть: до скончанія вѣка не будетъ полякъ русскому братомъ.

Прошелъ достославный 1813 годъ. Поляки не были увѣрены, чтобъ за многократные вѣроломства свои, за наглости, за свирѣпыя оскорбленія россіянъ, за убійства, пожары и святотатства, произведенныя ими въ нашемъ отечествѣ, вмѣсто карающей могли цѣловать милующую руку. Волынскіе патріоты, или такъ сказать противуборцы наши, потомки ляха, также недоумѣвали, что воспослѣдуетъ съ ними и потому скрыли жала свои въ утробу. Но лишь только упалъ на нихъ лучь высокомонаршихъ милостей и согрѣлъ ехидинъ запазушныхъ, они тотчасъ зашипѣли и расползлись по цѣлой губерніи, Высочайшій указъ, повсемѣстно разосланный ко всѣмъ губернаторамъ, о ежегодномъ доставленіи свѣденій, во что обошлась дворянству каждая земская повинность, отверзъ онымъ шипящимъ на Волыни гадинамъ тѣсныя норы въ сердца самыхъ спокойныхъ дворянъ—стали толковать его въ худую для губернаторовъ сторону, провозвѣстили, что государево повелѣніе было слѣдствіемъ жалобы кіевскаго губернскаго маршала Потоцкаго, лично великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, на губернское начальство отъ него принесенной. Распустили слухи, что каждому помѣщику возвратятся изъ казны всѣ тѣ издержки, кои

Библиотека "Руниверс"

на исправленіе повинностей употреблены, лишь-бы только претензіи ихъ были о вымогательствахъ и относились къ губернскому или мѣстному начальству. Такимъ образомъ нечувствительно сѣяли раздоръ въ собраніяхъ дворянства и вдали острили оружіе злобной клеветы. Сіи люди, коихъ двадцать лѣтъ вражда держала прикованными къ своей колесницѣ, рядовались, что представилась удобность сдѣлать зло нетерпимымъ отъ нихъ русскимъ чиновникамъ, и потому, бѣгая изъ города въ городъ, кричали вслухъ помѣщикамъ: „теперь то случай показать намъ, какъ обдираетъ насъ русское правительство: не упускайте времени!“ Однакожъ благомыслящіе помѣщики гнушались подлыми наущеніями и только одни недоброжелательствующіе Комбурлею: Иллинскій, Ворцель, Стройновскій, Гостинскій, Павша, Букаръ, съ нѣкоторыми малопомѣстными владѣльцами, отъ нихъ зависящими, или имъ преданными, подали въ маршаламъ регистры о противу законныхъ издержкахъ табихъ, которые или отдатчики рекрутъ, или поставщики въ казну лошадей, или бывшіе при подводахъ съ провіантомъ приставы, всѣ, но вообще ихъ служители показали въ своихъ отчетахъ. Замѣчательно, что изъ двухъ тысячь или болѣе по цѣлой губерніи объявленій не было и пятидесяти, заключающихъ клевету или доносы; замѣчательно и то, что ни одинъ изъ князей Сангушковъ, Любомирскихъ, Яблоновскихъ, Четвертинскихъ и ни одинъ изъ богатыхъ и знатныхъ помѣщиковъ, каковы: Браницкій, Ржевуцкій, Чацкій, Холоневскій, Ганскій, Олизаръ и Корженевскій съ прочими, не слѣдовали примѣру нашихъ сенаторовъ поляковъ, присвоившихъ себѣ графское достоинство, а не слѣдовали потому, что мерзили и мерзятъ зачинщиками раздоровъ; за то въ счетахъ Иллинскаго, Стройновскаго, Ворцеля или Гостинскаго сыщете даже то написаннымъ, что „дано цирюльнику за обритіе 10 рекрутъ десять копѣекъ, дано солдату 5 копѣекъ, дано фактору за приводъ лошадей къ пріему полтину“ и прочее. Коль скоро извѣстно стало начальнику губерніи о показаніи противу законныхъ расходовъ, касающихся частію до ребрутскаго присудствія, а частію до чиновниковъ генералъ-адъютанта графа Комаровскаго, бывшаго у пріема лошадей главнымъ начальникомъ,

Библиотека "Руниверс"

то Комбурлей требовалъ назначить строжайшую коммисію къ открытію истины и къ показанію, точно-ли происходили описанныя въ счотахъ злоупотребленія, или же они нарочно владѣльцами, либо ихъ отдатчиками выдуманы. Требовали чрезъ губернскаго предводителя депутата отъ дворянства; но когда оказалось, что повѣтовые маршалы основали выписки о издержкахъ на показаніяхъ помѣщиковъ, а сіи на вѣдомостяхъ управителей своихъ, а управители на счетахъ отдатчиковъ, а отдатчики на собственномъ произволеніи, не имѣя ни письменныхъ доказательствъ, ни свидѣтелей своимъ расходамъ, а когда съ другой стороны, по увѣренію самихъ уѣздныхъ предводителей, открылось, что почти всѣ вообще дворяне подали объявленія свои о расходахъ не съ тѣми мыслями, чтобъ сдѣлаться противу кого доносщиками, не имѣя доказательствъ, но въ одномъ только томъ намѣреніи, чтобъ исполнить требованіе начальства, не растолковавшаго впрочемъ, какими правилами должно было имъ при дачѣ объявленій руководствоваться, то коммисія осталась безъ дѣйствія, а вѣдомость представлена государю императору согласно желанію дворянства. Враги Комбурлея скрежетали зубами на Ганскаго и на повѣтовыхъ маршаловъ, для чего они исхитили изъ челюстей ихъ столь богатую добычу, и съ тѣхъ поръ положили въ сердцѣ своемъ безбожное, бесовѣстное и варварское намѣреніе—погубить, во чтобы ни стало, и начальника губерніи и подчиненныхъ ему русскихъ чиновниковъ. Уже наступилъ 1814-й годъ, славный завоеваніемъ Франціи и уничтоженіемъ Наполеона. Уже отъ сего любимца фортуны, низверженнаго съ престола и въ заточеніе сосланнаго, ни надвисленскіе легіоны, ни варшавскіе и виленскіе гвардіи, ни измѣнники здѣшнихъ провинцій, не могли ожидать корысти грабежами и разбоями пріобрѣтенной, а потому и должны были покориться необходимости, то-есть обратясь къ сильнѣйшему изъ сильныхъ, пасть къ стопамъ Александра Благословеннаго. Восемьсотълѣтніе враги Россіи преклоняютъ колѣна свои и съ благоговѣніемъ повергаются въ ея объятія. Величественное и вмѣстѣ умилительное зрѣлище! Но послы скиѳскіе говорили Александру Македонскому тако: „между владыкою и рабомъ нѣтъ никакой дружбы; побѣжденные не могутъ

Библиотека "Руниверс"

чувствовать пріязни къ побѣдителямъ; народъ порабощенный не считаетъ за грѣхъ бунтовать и во время мира". Дай Боже намъ не испытывать истины таковыхъ словъ и не пережить подобнаго несчастія!

Едва пронесся слухъ, что воскреснетъ царство польское, какъ наши волынскіе мятежники, въ мечтаніяхъ о возстановленіи прежней республики, возжаждали присоединиться къ ней. Имъ уже грезилось, что Днѣпръ и Двина будутъ отъ Россіи польскими границами и хотя никакихъ слѣдовъ не зрѣли ко внезапному общихъ своихъ желаній выполненію, однакожъ не скрывали горячей готовности присвоить себѣ всю Малороссію. Тѣшились, какъ дѣти, забавными мыслями, говоря: „отъ Балтійскаго до Чернаго и Азовскаго морей все будетъ наше", и въ памятозлобіи своемъ хвастались: сей тѣмъ, что получилъ обратно конфискованное у клятвопреступныхъ его родственниковъ имѣніе, тотъ, что всегдашнюю къ россіянамъ ненависть его, по внушенію которой не хотѣлъ никогда и не платилъ иначе въ казну нашу податей, какъ по экзекуціи, новое польское правительство вознаградитъ пожалованіемъ ему какого нибудь староства, иной—что, получивъ начальственную власть въ Кіевѣ и Черниговѣ, будетъ располагать собственностію прежнихъ великихъ князей и царей нашихъ, а другой, что украинскіе вельможи, славящіеся даже въ чужихъ государствахъ своею силою и могуществомъ, тогда въ своей землѣ принуждены будутъ преклониться предъ гордыми польскими панами. Слыша таковые разсказы, смѣялись заносчивости рабовъ Гедимина и слугъ Казимира; не менѣе того для всякаго русскаго обидно подобное сквернословіе, выходящее изъ устъ такихъ людей, кои гордо хвалятся на пирахъ, а отъ одной козацкой плети малодушно бѣгаютъ до лесу,—до стараго замку.

Парижъ отворилъ врата побѣдителямъ, остатки польскихъ войскъ получили повелѣніе итти въ Варшаву, гдѣ нашего генерала, князя Лобанова-Ростовскаго, пасквилiовали различными способами. Дѣйствующіе противу насъ патріоты имѣли съ варшавскими безпрестанную переписку и наконецъ выдумали планъ, ежели волынская и прочія губерніи не могутъ быть присоединены

Библиотека "Руниверс"

къ царству польскому, то сдѣлать такъ, чтобы ни одинъ русской чиновникъ на всемъ пространствѣ бывшихъ польскихъ провинцій не остался при своемъ мѣстѣ. Труднѣе всего казалось свергнуть Комбурлея, который по заслугамъ и по долговременной службѣ долѣе прочихъ губернаторовъ пользовался высочайшею довѣренностію и по личнымъ достоинствамъ, также богатству и знатности, имѣлъ первѣйшихъ вельможъ своими покровителями. Для того положили совокупно и всѣми силами двинуться на Комбурлея. Еще семь лѣтъ прежде того обѣщана волынянамъ къ удаленію его помощь отъ одного изъ могущественнѣйшихъ польскаго князя, занимавшаго въ имперіи нашей первостепенное мѣсто; но тогда не смѣли, а въ 1814-мъ году оживотворенные высочайшими манифестами, предавшими вѣчному забвенію постыдныя дѣла неблагодарнѣйшихъ измѣнниковъ, приступили къ произведенію волынской революціи, которая кончилась тѣмъ, что выписали сюда сенатора Иллинскаго, не по уму и благотвореніямъ, но по интригамъ, по зависти къ Комбурлею и по надутой мишурнымъ графствомъ спѣси извѣстнаго. На контрактахъ въ Кіевѣ дѣйствовали коварствомъ, а на выборахъ въ Житомірѣ отличались обманами и всякими пропырствами. Истощили всѣ усилія, чтобъ партія недовольныхъ имѣла свой перевѣсъ. Не оставили при должностяхъ ни одного изъ тѣхъ прежнихъ маршаловъ, которые въ смутное для губерніи время руководствовались духомъ кротости— въ бесѣдахъ домашнихъ и во время пиршествъ, одобряли такихъ, коихъ личныя претензіи къ начальнику губерніи были извѣстны. Чѣмъ кто смѣлѣе и велерѣчивѣе, тѣмъ болѣе возбуждалъ къ себѣ уваженія. На мѣсто Ганскаго выбрали губернскимъ маршаломъ Гижицкаго, разбившаго стакаиомъ лобъ губернатору Глазенапу—первый знакъ революціи. Потомъ Иллинскій, шуринъ его, началъ предъ всѣми жаловаться, что ему отъ земскаго исправника Царенка житія нѣтъ, что не даетъ отдыху за казенную недоимку, что безпрестанно посылаются совѣтники къ осмотру его фабрики и рапортуютъ о неисправности, что не взирая на сенаторское достоинство, поставили экзекуцію въ романовскомъ замкѣ и смѣли не послушать графа въ то время, когда онъ одного изъ своихъ актеровъ, окованнаго

Библиотека "Руниверс"

цѣпями, прислалъ въ нижній земскій судъ и велѣлъ судить за то, что соблазнилъ якобы дѣвку (фаворитку мадамъ Кракъ, его любовницы), жаловался и на Комбурлея, за чѣмъ онъ смѣялся, что Аману французу, директору суконной фабрики, пожаловалъ онъ портретъ свой, при письмѣ, начинающемся сими словами „мы Августъ графъ на Романовѣ Иллинскій, князь отерожскаго княжества“ и прочее, и еще за чѣмъ критиковалъ его, что называетъ себя сенаторомъ четвертой части имперіи, и что въ несчастномъ и долгами казенными и партикулярными обремененномъ имѣніи своемъ учредилъ бумажныя деньги для крестьянъ и графскую регенцію для вѣчнаго неплатежа долговъ своихъ кредиторамъ,—вычислялъ предъ дворянствомъ заслуги свои, что умѣлъ императора Павла увѣрить, будто городъ Житоміръ есть его собственность, а послѣ, подъ предлогомъ пожертвованія имъ въ казну, получилъ за Житоміръ улановское староство, въ коемъ до двухъ тысячъ душъ; однако-же не награжденъ отъ дворянства за тѣ свои издержки, кои будто понесъ, выпрашивая для поляковъ прежнія права ихъ и выпускъ клятвопреступниковъ изъ Сибири. Гижицкій, не имѣя подобныхъ Иллинскому заслугъ, кромѣ полученной въ австерлицкомъ сраженіи раны, съ которою отъ самаго мѣста битвы, не оглядываясь, скакалъ до деревни своей Молочекъ и тамъ остался брошеннымъ и заржавѣлымъ генераломъ, выбранъ атаманомъ дѣйствовавшей противу Комбурлея шайки, въ той надеждѣ, что будучи запальчивъ, опрометчивъ, нахаленъ, драчунъ, завистникъ и со всѣми женскими капризами, могъ болѣе другихъ споспѣшествовать адскимъ замысламъ оной шайки. Маршалами въ повѣтахъ сдѣлались тѣ, кои къ Комбурлею или Хрущеку имѣли свои личные неудовольствія; дѣйствовали притомъ и фамильныя связи, но пуще всѣхъ возставали на губернское начальство тѣ, кои 1812 года были вывезены отсель во внутренность Россіи, или у которыхъ за измѣну состояли въ секвестрѣ имѣнія, а Гостинскій, Валескій, Букаръ, Павша, Домбровскій, Телѣжинскій и прочіе явные враги Комбурлея, въ теченіе выборовъ ничѣмъ болѣе не занимались, какъ поджиганіемъ дворянства, къ жалобамъ на губернское и мѣстное начальство. Иначе быть не могло! особливо въ такой, какъ волынская, польской провинціи, гдѣ во многихъ домахъ, подобно прилипчивой заразѣ, никогда не выводится страсть

Библиотека "Руниверс"

къ участію въ конфедераціяхъ, мятежахъ и насильствахъ; а всѣ поименованные выше родоначальники суть изъ числа тѣхъ опустѣлыхъ фамилій, къ коимъ весьма кстати можно приложить русскую пословицу: „голый разбоя не боится“. Князья и лутчіе изъ помѣщиковъ, не знающіе интригъ политическихъ, не ходили на совѣтъ нечестивыхъ, а только старались о томъ, чтобъ подкоморыхъ и судей выбрать изъ дѣтей бывшихъ своихъ коммисаровъ или плениппотентовъ, а подсудковъ, писарей и засѣдателей изъ шляхты, служившей у нихъ камердинерами, бонюшими и ключниками, и имѣть ихъ на тотъ конецъ, чтобъ или отнять у кого деревню, или свое имѣніе такъ отдать подъ разборъ кредиторамъ, дабы за рубль пришлось имъ по десяти копѣекъ. Двѣ недѣли продолжались выборы и двѣ недѣли ѣли и пили у генералъ губернатора. Ни одна дума не жаловалась на градскую и земскую полицію и разъѣхались совершенно по наружности довольными губернскимъ начальствомъ. Только Иллинскій и Гижицкій разстались злобными врагами Комбурлея, будучи-жъ главою крамольной партіи тотчасъ по выборахъ поскакали въ Петербургъ, представляя собою лице депутаціи отъ волынской губерніи уполномоченной, принести побѣдопосному государю императору всеподданнѣйшее поздравленіе о благополучномъ возвращеніи его величества въ столицу. Естьли бы Комбурлей исполнилъ въ то время предположеніе свое въ разсужденіи поѣздки въ Петербургъ, позволенной ему комитетомъ министровъ, и удостоясь представленія государю, лично доложилъ бы его величеству о бывшемъ и настоящемъ состояніи ввѣренной ему губерніи, тобъ и самъ безвинно не страдалъ и его подчиненные не имѣли-бы причины оплакивать тѣхъ незаслуженныхъ бѣдствій, которыя вмѣстѣ съ нимъ и ихъ постигли. Симъ разсужденіемъ оканчиваю первое мое къ вамъ письмо, показавъ отдаленные и ближайшіе начала волынской революціи, но въ будущихъ постараюсь донести вамъ подробно, что я слышалъ, видѣлъ и узналъ документально о продолженіи безначальственныхъ сценъ на Волыни, о свирѣпости враговъ Комбурлеевыхъ, о гоненіи русскихъ чиновниковъ и о сенаторѣ Сиверсѣ, съ пространнымъ описаніемъ дѣйствій махіавелизма, употребленнаго при обревизованіи волынской губерніи. (Съ подлиннымъ вѣрно).

(Продолженіе будетъ),

Библиотека "Руниверс"

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

Записки польскаго дворянина Карла Хоецкаго о Россіи обнимаютъ время съ 1768 по 1776 годъ; онѣ изданы были въ Варшавѣ въ 1789 году въ частной (wolnej) типографіи въ маленькомъ томикѣ (въ 165 +VIII страницъ), въ восьмую долю листа малаго формата. Изданіе это, составляющее въ настоящее время библіографическую рѣдкость, неизвѣстно понынѣ въ русской исторической литературѣ, да и въ польской, кажется, оно было мало замѣчено; по крайней мѣрѣ въ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи Барской конфедераціи, мы не встрѣчали ссылокъ на это сочиненіе.

Между тѣмъ записки Хоецкаго, обнимающія его воспоминанія о восьмилѣтнемъ пребываніи въ плѣну въ Россіи, заключаютъ многочисленныя данныя, относящіяся къ этнографіи, географіи, къ областному и военному управленію страны во второй половинѣ XVIII столѣтія и не лишены историческаго интереса. Вотъ данныя о біографіи автора записокъ, которыя можно извлечь изъ ихъ текста: Карлъ Хоецкій принадлежалъ къ числу дворянъ краковскаго воеводства; онъ принималъ участіе въ барской конфедераціи, находился въ томъ отрядѣ конфедератскаго войска, который осажденъ былъ русскими войсками въ Краковѣ и, послѣ сдачи этого города, попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими своими соучастниками. Въ качествѣ плѣнника Хоецкій препровожденъ былъ изъ Кракова черезъ воеводства белзское и волынское въ Кіевъ, откуда, послѣ довольно продолжительной остановки, отправился въ дальнѣйшій путь черезъ Глуховъ, Тулу, Муромъ, Нижній-Новгородъ — въ Казань. Здѣсь опять онъ остановился болѣе, чѣмъ на полъ-года и затѣмъ былъ отправленъ въ Сибирь, въ г. Тару. Вскорѣ потомъ Хоецкій, вмѣстѣ съ другими конфедератами, былъ вызванъ въ Омскъ, зачисленъ солдатомъ въ сибирскій отдѣльный корпусъ и сталъ принимать участіе въ военныхъ походахъ этого корпуса. Въ 1771 году часть сибирскаго корпуса

Библиотека "Руниверс"

командирована была въ погоню за калмыками, рѣшившимися переселиться въ предѣлы китайской имперіи; преслѣдуя калмыковъ, полкъ, въ который зачисленъ былъ Хоецкій, прошелъ Киргизскія степи, Бухару, Ташкентъ и Хиву до границъ Китая. Затѣмъ Хоецкій принималъ участіе въ походахъ русскихъ войскъ противъ Пугачева, участвовалъ во многихъ стычкахъ и слѣдилъ внимательно за ходомъ и подробностями кампаніи. Наконецъ, онъ участвовалъ въ походѣ противъ ногайскихъ татаръ, и во время этого похода, пользуясь относительною близостью къ польскимъ владѣніямъ, рѣшился бѣжать на родину. Онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе въ то время, когда его полкъ расположился лагеремъ на берегахъ рѣки Калміуса; бѣжавъ въ степь, Хоецкій прошелъ пѣшкомъ весь новороссійскій край, котораго картину и представилъ въ своихъ запискахъ, и, въ исходѣ 1776 года, достигъ Крылова, у котораго тогда начиналась граница Рѣчи Посполитой. О дальнѣйшей судьбѣ Хоецкаго мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но изъ посвященія его книги Яну Потоцкому, крайчію коронному и депутату на сеймѣ (1788 г.), мы видимъ, что Хоецкій нашелъ покровительство и поддержку со стороны этого вельможи; по крайней мѣрѣ, посвящая ему свои записки и прославляя въ панегирическомъ тонѣ его великодушіе, Хоецкій говоритъ: «благодѣянія ты щедро расточаешь землякамъ своимъ, и я, удостоившись получить долю твоихъ панскихъ милостей, желаю заявить публично мою благодарность».

Записки Хоецкаго изданы имъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Воспоминаніе о дѣяніяхъ поляковъ, о ихъ неудачахъ и странствіи, сочиненіе Карла Любичь-Хоецкаго»[1]). Тексту записокъ предпослано витіеватое и напыщенное посвященіе сочиненія Яну Потоцкому, о которомъ мы выше упомянули, а также изображеніе герба Потоцкаго и, сообразно съ нравомъ того времени, стихи въ честь этого герба. Затѣмъ слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ авторъ передаетъ побужденія, заставившія его писать записки, а также общее содержаніе послѣднихъ. Мы приводимъ это предисловіе цѣликомъ, такъ какъ оно характеризуетъ точку зрѣнія и степень развитія автора. Вотъ его текстъ.

«Доволенъ бываетъ морякъ, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мореплаванія, выдержавъ многочисленныя, метавшія имъ бури, онъ наконецъ достигнетъ желанной гавани. Веселъ бываетъ узникъ, когда, послѣ продолжительнаго заточенія, снимутъ съ него оковы и возвратятъ ему свободу. Также доволенъ и я, испытавшій самыя странныя превратности судьбы, бѣдствія и случайности, когда увидѣлъ предѣлъ своего плѣненія,

[1]) Pamięć dzieł polskich, podróż i niepomyślny sukcess polaków przez urodzonego Karola Lubiec Chojeckiego. W Warszawie. 1789 roku. W drukarni wolnej.

Библиотека "Руниверс"

продолжавшагося нѣсколько лѣтъ. Я рѣшился описать всѣ свои похожденія, а также изобразить города и области, которые пришлось мнѣ посѣтить, и разсказать всѣ приключенія, случившіяся не только со мною, но и съ моими товарищами. Такъ какъ я проѣхалъ до самой границы Европы и сланъ былъ въ Азію, болѣе чѣмъ за 500 миль отъ родины, то я рѣшаюсь описать и тѣ невѣдомые народы, которые мнѣ случилось встрѣтить на пути или среди которыхъ я проживалъ нѣкоторое время; я помѣщаю всѣ свѣдѣнія, какія успѣлъ собрать объ ихъ обычаяхъ, бытѣ, нравахъ и религіи. Мнѣ довелось быть на самой границѣ Китая, откуда оставалось въ Пекинъ, столицу этого государства, не болѣе 300 миль; затѣмъ я проходилъ многія татарскія области, лежащія уже за предѣлами Россіи, какъ-то киргизскую страну, Бухару, Хиву и Ташкентъ; я старался и здѣсь наблюдать нравы, бытъ и образъ правленія. Въ теченіи шести лѣтъ я служилъ въ русскомъ войскѣ, въ которое я былъ зачисленъ, находился въ походѣ противъ бунтовщика Пугачева и принималъ участіе въ нѣсколькихъ битвахъ. Притомъ я постараюсь изобразить судьбу моихъ товарищей и соузниковъ, припомнить количество тѣхъ, которые скончались въ плѣну, указать число бѣжавшихъ въ Китай, къ киргизамъ и въ другія татарскія земли, вспомнить тѣхъ, которые были убиты или ранены въ кампаніи противъ Пугачева и тѣхъ, которые остались навсегда въ военной службѣ въ Россіи, а также тѣхъ, которые присоединились къ православной церкви. Я полагаю, что слѣдуетъ обнародовать описаніе всѣхъ этихъ бѣдствій нашего народа для свѣдѣнія современникамъ и для памяти потомству».

Характеръ изложенія записокъ Хоецкаго весьма простой и безхитростный: Хоецкій передаетъ свои личныя впечатлѣнія по мѣрѣ того, какъ онѣ ущѣлѣли въ его памяти; онъ разсказываетъ все случившееся съ нимъ совершенно спокойно и объективно, не увлекаясь ни раздраженіемъ, ни страстью, сужденія его о случавшихся съ нимъ событіяхъ безпристрастны и никогда не носятъ отпечатка личнаго чувства или озлобленія.

Хоецкій человѣкъ получившій, повидимому, весьма скромное образованіе и не отличавшійся большимъ развитіемъ, но за то онъ обладалъ большою долею наблюдательности и любознательности и не смотря на весьма неудобную для наблюденій обстановку, онъ, даже въ проѣздѣ на пути, успѣваетъ подмѣтить болѣе характеристическія черты быта странъ и народовъ, съ которыми судьба его привела въ столкновеніе. Конечно, наблюденія эти поверхностны; но врядъ-ли можно требовать болѣе подробнаго описанія отъ лица, находившагося въ той обстановкѣ, въ которую поставленъ былъ судьбою Хоецкій во время своего путешествія.

Библиотека "Руниверс"

По временамъ въ запискахъ Хоецкаго встрѣчаются географическія ошибки и неточности,—обстоятельство это зависитъ отъ того, что авторъ не имѣлъ возможности дѣлать письменныхъ замѣтокъ и разсказалъ свои воспоминанія по памяти, послѣ возврата на родину; не удивительно потому, что мы встрѣчаемъ ошибки относительно разстояній между видѣнными имъ мѣстностями, относительно послѣдовательнаго географическаго ихъ порядка и т. п. Кромѣ чисто личныхъ воспоминаній Хоецкій сообщаетъ еще и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ успѣлъ получить отъ другихъ лицъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи онъ ограничивается только свѣдѣніями или о болѣе важныхъ событіяхъ, случившихся въ Россіи во время его пребыванія, какъ-то: о чумѣ, о пугачевскомъ бунтѣ и т. п., или извѣстіями о своихъ соотечественникахъ, разсѣянныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ восточной Россіи и Сибири, которыя онъ собиралъ особенно тщательно и аккуратно.

Все сочиненіе Хоецкаго раздѣлено на 10 главъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ отдѣльное заглавіе. Хотя только въ главахъ 1, 2, 3 и 10 авторъ разсказываетъ, какъ онъ, отправляясь въ ссылку и потомъ убѣгая изъ нея, прослѣдовалъ черезъ южную Русь: Волынь, Кіевъ, черниговскую область и новороссійскій край, но мы считаемъ не безполезнымъ предложить вниманію читателей «Кіевской Старины» всѣ главы сочиненія Хоецкаго, такъ какъ онѣ содержатъ историческія, географическія и этнографическія данныя не безъинтересныя для обрисовки нѣкоторыхъ сторонъ быта и внутренняго состоянія восточной Россіи и Сибири. **В. А.**

ГЛАВА I.

Объ отправкѣ въ плѣнъ польскихъ конфедератовъ изъ Кракова въ Россію.

Въ 1768 году вслѣдствіе различныхъ интригъ возникло смятеніе въ нашей Рѣчи Посполитой, результатомъ котораго, какъ мы впослѣдствіи убѣдились, испытавъ тяжелыя неудачи, было неизбѣжное и достойное вѣчнаго сожалѣнія бѣдствіе нашей страны. Въ это время воеводства краковское и сандомирское, а также земля саноцкая (составлявшая часть воеводства червонорусскаго) составили конфедераціи, по примѣру и образцу барской, направленныя противъ войскъ россійскихъ. Слабыя наши силы, состоявшія притомъ изъ людей совершенно не знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, поднявшіяся для борьбы съ могущественнымъ войскомъ,

Библиотека "Руниверс"

искали опоры и защиты въ стѣнахъ города Кракова; но вслѣдствіе этого и самъ городъ испыталъ горькую участь, такъ какъ значительная часть его вмѣстѣ со всѣми предмѣстьями сдѣлалась жертвою пламени, и наше конфедератское войско подверглось не меньшимъ бѣдствіямъ, ибо судьба, благопріятствовавшая россійскому войску, обезпечила его успѣхъ, низвергнувъ многихъ изъ насъ преждевременно въ могилу, другихъ же бросивъ въ продолжительную неволю. Мы выдержали осаду города и приступы къ нему въ теченіи десяти недѣль и, наконецъ, вслѣдствіе дурного устройства нашего войска и господствовавшаго въ немъ безпорядка, а также вслѣдствіе неискренняго поведенія нѣкоторыхъ лицъ, вступившихъ въ сношенія съ непріятелемъ, мы были принуждены сдаться. Мы положили оружіе, выдали всѣ военныя принадлежности и ожидали рѣшенія нашей участи. Предводительствовавшій русскимъ войскомъ генералъ графъ Апраксинъ подалъ намъ надежду, что мы будемъ отпущены на волю, когда подпишемъ отреченіе отъ конфедераціи; мы оставались въ городѣ, окруженные военною стражею, но имѣли право свободно ходить внутри городскихъ стѣнъ.

Послѣ истеченія двухъ недѣль, мы были призваны въ канцелярію краковскаго замка, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы подписать отреченіе; но оказалось, что ворота были отперты только для входа, выходить-же обратно никому не было дозволено. Мы вошли въ канцелярію съ готовностью подписать отреченіе, но не нашли въ ней никакихъ приготовленій для совершенія этого акта. Русскіе офицеры то входили, то уходили, но никто изъ нихъ не предлагалъ намъ писать отреченія; они лишь наблюдали, всѣ-ли мы собрались въ замкѣ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго ожиданія, явился плацъ-маіоръ и приказалъ намъ слѣдовать за нимъ изъ канцеляріи въ замокъ, объявивъ, что тамъ каждый изъ насъ получитъ билетъ для выѣзда изъ города. Мы послѣдовали за комендантомъ смущенные и исполненные сомнѣній. Такъ какъ мы составляли три отдѣльныя конфедераціи: краковскую, сандомирскую и сѣноцкую, то насъ распредѣлили на три группы и каждую изъ нихъ препроводили въ отдѣльную комнату. Лишь только мы вошли, неожиданно появилась вооруженная стража; она заняла двери, стала у оконъ и окружила насъ со всѣхъ сторонъ. Мы до того были поражены этимъ распоряженіемъ, что не осмѣлились вступать другъ съ другомъ въ раз-

Библиотека "Руниверс"

говоръ, спрашивать о причинѣ или сообщать взаимныхъ впечатлѣній, ибо намъ казалось, что жизни нашей угрожаетъ неминуемая опасность; стража, окружавшая насъ, также не смѣла бесѣдовать съ нами; такимъ образомъ мы пребывали въ молчаніи и страхѣ съ 10 часовъ утра до 5 вечера. Плацъ-маіоръ, препроводившій насъ сюда, исчезъ тотчасъ, оставивъ насъ подъ охраною многочисленнаго караула; онъ возвратился лишь въ 5 часовъ, но уже и настроеніе его и инструкціи были измѣнены: онъ приказалъ намъ быть готовыми въ дорогу къ завтрешнему утру и распорядился, чтобы два человѣка изъ каждой группы отправились въ сопровожденіи сильнаго караула по квартирамъ, дабы собрать все нужное намъ для дороги; онъ прибавилъ притомъ, что, въ случаѣ, если что либо необходимое нужно будетъ пріобщить къ нашему багажу, то слуги наши и солдаты (которые не были призваны въ замокъ вмѣстѣ съ нами) должны доставить эти вещи къ городскимъ воротамъ, черезъ которыя намъ опредѣлено было выступить на слѣдующее утро. Все случилось, какъ было приказано комендантомъ: наши посланные отправились на квартиры подъ бдительнымъ карауломъ и возвратились назадъ. Между тѣмъ, такъ какъ приближалась ночь, мы-же въ теченіи цѣлаго дня оставались безъ пищи, то въ каждую комнату для насъ принесли по два десятка хлѣбовъ, испеченныхъ изъ отвратительной муки, пополамъ съ мякиною, такъ что, не смотря на голодъ, никто изъ насъ не пожелалъ воспользоваться этимъ хлѣбомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ намъ доставили болѣе 10 кувшиновъ вина, довольно сноснаго, которымъ мы и подкрѣпили свои силы и, подавленные печалью, улеглись спать, какъ были одѣты, на кирпичномъ полу.

Количество плѣнныхъ, взятыхъ при сдачѣ города состояло болѣе чѣмъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты, гусаръ и другаго наименованія солдатъ; сверхъ того насъ, шляхтичей и офицеровъ, было 260 человѣкъ, въ томъ числѣ и два конфедератскіе маршала: Чарнецкій—краковскій и Потоцкій, воеводичь волынскій—сандомирскій. Мы съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидали слѣдующаго дня: въ пять часовъ утра вошелъ къ намъ тотъ-же плацъ-маіоръ и приказалъ выступать въ походъ, мы вышли толпою изъ замка и, миновавъ ворота, очутились между двумя шеренгами пѣхоты, на флагахъ которой стояли конные драгуны: сопровождаемые этими войсками, мы отправились въ уныніи къ город-

Библиотека "Руниверс"

скимъ воротамъ, по ту сторону которыхъ нашъ конвой смѣненъ былъ новымъ, гораздо болѣе численнымъ, состоявшимъ изъ драгунъ и донскихъ козаковъ; подъ ихъ охраною мы отправились въ путь по отвратительной грязной дорогѣ. Наши паны маршалы ѣхали въ собственныхъ экипажахъ; каждаго изъ нихъ сопровождалъ русскій оффицеръ, не спускавшій съ глазъ плѣнника ни на минуту. Третій маршалъ (саноцкій)—Броницкій, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, успѣлъ бѣжать изъ города послѣ его сдачи.

Въ этотъ день мы прошли пѣшкомъ четыре мили до корчмы прецлавской; хотя повозки были для насъ приготовлены, но онѣ двигались за нами безъ нужды, ибо никому не было дозволено помѣститься на нихъ; вѣроятно до перваго ночлега насъ проводили пѣшкомъ для посрамленія и въ знакъ презрѣнія къ намъ. Достигши ночлега, мы расположились въ огромной конюшнѣ при корчмѣ, гдѣ для насъ была приготовлена въ большомъ количествѣ свѣжая солома; русскіе квартирмейстры позаботились также о нашей пищѣ: разставивъ насъ рядами, они раздали каждому: ложку, хлѣбъ и вареную говядину, такъ что мы могли достаточно утолить голодъ. Переночевавъ въ названной прецлавской корчмѣ, на другой день весьма рано мы поднялись въ дальнѣйшій путь; насъ сразу усадили на приготовленныя повозки, соображаясь съ количествомъ лошадей, запряженныхъ въ каждую, возлѣ повозокъ ѣхали неотступно сопровождавшіе насъ драгуны и донскіе козаки. Наши гусары и другіе солдаты, которыхъ было болѣе 400 человѣкъ, какъ я уже о томъ упомянулъ, были отдѣлены отъ насъ, составили особую партію и препровождались пѣшкомъ также въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя. Проѣхавъ цѣлый день, мы остановились на ночь въ Шкальмирѣ, гдѣ насъ помѣстили болѣе удобно, распредѣливъ въ три дома. Нѣкоторымъ изъ насъ разрѣшили отправиться въ городъ, изъ чего мы заключили, что приближается время облегченія нашей участи. Мы не знали вовсе, куда насъ отправляютъ, и никто не умѣлъ назвать намъ мѣста нашего назначенія; насъ утѣшали ложною надеждою, будто съ одной изъ стоянокъ на пути мы будемъ освобождены, и утѣшенія эти сообщали намъ, пока мы не выѣхали изъ польскихъ предѣловъ. Такимъ образомъ мы двигались день за днемъ, пользуясь постоянно достаточнымъ провіантомъ. Каждое утро, передъ тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

какъ мы садились на возы, насъ поименно повѣряли по списку; не смотря однако на всѣ предосторожности, каждый день оказывался недочетъ въ два или три человѣка, которые находили возможность ускользнуть, не взирая на весьма тщательные и численные караулы. Впрочемъ это удавалось не всѣмъ: двое плѣнныхъ, намѣреваясь бѣжать, спрятались на одномъ ночлегѣ подъ солому, но убѣжище ихъ было открыто и они понесли тяжелое наказаніе за свою попытку: ихъ раздѣли до нага и долго нещадно били палками, такъ что они едва остались живы

Слѣдуя такимъ образомъ изъ Кракова, мы проѣхали слѣдующіе города: Шкальмиръ, Иваниска, Сташевъ, Новое Мѣсто, Опатовъ, Завихостъ, Закликовъ, Розвадовъ, Яновъ, Франкополь, Щебрешинъ, Замость, Варенжъ, Сокаль, Берестечко, Кременецъ и Заславъ, въ которомъ намъ разрѣшили двухдневный отдыхъ. На пути, кромѣ достаточнаго содержанія, получаемаго нами по распоряженію русскихъ начальниковъ, польскіе помѣщики тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя мы проѣзжали, руководимые врожденнымъ человѣколюбіемъ, присылали намъ обильное подаяніе, которое мы постоянно получали отъ неизвѣстныхъ намъ благодѣтелей. Отдыхая два дня въ Заславѣ, мы воспользовались остановкою для того, чтобы изготовить письма къ друзьямъ и родственникамъ, на ходатайство которыхъ о нашемъ освобожденіи мы могли надѣяться. Когда мы принялись за составленіе многочисленныхъ писемъ и стали вести оживленныя бесѣды, отовсюду раздавались горькіе упреки, направленные противъ тѣхъ лицъ, которые измѣною сдали и городъ Краковъ и насъ всѣхъ въ руки непріятелей. Воодушевившись общимъ разговоромъ, одинъ изъ насъ (вѣроятно самъ авторъ) почувствовалъ вдохновеніе и сталъ писать стихи на тему „объ измѣнѣ“; но едва начало стихотворенія было составлено, какъ явился караульный офицеръ; онъ отнялъ у насъ всѣ чернильницы, нѣкоторыя разбилъ, швыряя ими въ насъ, и запретилъ намъ рѣшительно вести переписку. Начатое стихотвореніе состояло въ слѣдующемъ: (въ подлинникѣ слѣдуютъ 24 стиха начатой сатиры, стихи весьма плохіе и напыщенные).

Отдохнувъ два дня въ Заславѣ, мы отправились оттуда въ мѣстечко Судылковъ, лежащее въ двухъ миляхъ отъ Заслава. Хотя повозки были для насъ приготовлены, но количество ихъ оказалось не-

Библиотека "Руниверс"

достаточнымъ, командиръ-же нашъ, не обращая на это вниманія, приказалъ намъ тронуться въ путь; кто успѣлъ захватить мѣсто, тотъ помѣстился на повозкѣ, большинство-же насъ отправилось пѣшкомъ. Такъ какъ дѣло было утромъ, во время подобающее для молитвы, мы стали пѣть часы и окончивши ихъ, затянули молитвенную пѣснь Богородицѣ. Едва мы пропѣли четыре стиха, какъ увидѣли сильно тронувшее зрѣлище: маленькая птичка опустилась и сѣла на остріе копья одного изъ конвойныхъ козаковъ и хотя копье сильно колебалось на ходу, птичка довольно долго держалась на немъ; солдаты спрашивали у насъ названіе этой птички, но мы не знали его, находя однако нѣкоторое сходство съ жаворонкомъ, мы назвали ее этимъ именемъ. Между тѣмъ въ половинѣ перехода насъ нагналъ обозъ новыхъ повозокъ, которые собралъ и отправилъ въ догонку за нами заславскій экономъ; мы воспользовались ими и всѣ разсѣлись на возы, на которыхъ и пріѣхали къ ночи въ Судылковъ. Переночевавъ здѣсь, мы отправились дальше въ Каменку, а оттуда на ночь въ Полонное. На этомъ только ночлегѣ мы узнали достовѣрно, что насъ отправляютъ въ Кіевъ; извѣстіе это однихъ повергло въ отчаяніе, въ другихъ-же породило желаніе насильно освободиться изъ подъ стражи, но желаніе это оказалось тщетнымъ, ибо съ этого времени усилили нашъ караулъ, который постоянно окружалъ насъ столь тщательно, что мы изъ за него почти свѣта не видали. Въ Полонномъ къ нашей партіи присоединили 90 человѣкъ гайдамаковъ изъ запорожья, принимавшихъ участіе въ роковой рѣзнѣ въ Умани и содержавшихся до того времени въ тюрьмѣ въ Полонномъ. Вмѣстѣ съ ними мы отправились въ дальнѣйшій путь къ Кіеву. Мы проѣзжали разныя мѣстечка, въ которыхъ останавливались для ночлега, а именно: Чудновъ, Котельню, Ходорковъ, Хвастовъ, наконецъ Калантырь, расположенный на самой границѣ двухъ государствъ; здѣсь мы видѣли польскихъ солдатъ, составлявшихъ пограничную стражу, но намъ не было дозволено говорить съ ними. Проѣхавъ границу, мы ночевали въ первомъ русскомъ городкѣ, называемомъ Васильковъ; ночлегъ былъ здѣсь крайне мучительный, ибо, по недостатку-ли свободнаго помѣщенія въ этомъ городѣ, или съ тою цѣлью, чтобы выразить къ намъ презрѣніе, насъ заперли въ два хлѣва, устроенные для свиней; мы томились всю ночь, какъ вслѣдствіе досаждавшаго намъ зловонія, такъ и по причинѣ

Библиотека "Руниверс"

страшной тѣсноты, отъ которой мы едва не задохлись. На другое утро послѣ этой злосчастной ночи, мы около 10 часовъ утра прибыли въ Кіевъ.

ГЛАВА II.

Пребываніе плѣнныхъ въ Кіевѣ.

Когда мы въѣхали въ Кіевъ, попадавшійся намъ на встрѣчу народъ разсматривалъ насъ съ любопытствомъ, какъ будто представителей народа неизвѣстнаго и никогда не виданнаго. Мы очень долго ждали у крѣпостныхъ воротъ, пока насъ допустили въ Печерскъ (такъ называется крѣпость); между тѣмъ дождь пополамъ со снѣгомъ обдавалъ насъ и усиливалъ сознаніе нашего горестнаго положенія. Мы пали духомъ и погрузились въ мрачное раздумье: сердце наше было удручено мыслью о томъ, что мы разстались съ отечествомъ, а страхъ и опасеніе за будущее были столь велики, что мы полагали, что нашей злосчастной жизни угрожаетъ опасность.

Наконецъ отворили ворота и мы въѣхали въ крѣпость; повозки остановились только предъ приготовленнымъ для насъ помѣщеніемъ. Это были казармы, построенныя для солдатъ. Когда возы наши остановились, намъ сдѣлали перекличку по списку и распредѣлили насъ въ казармахъ; въ каждой камерѣ помѣстили столько плѣнныхъ, сколько она могла вмѣстить, т. е. 80—90 человѣкъ. Въ тотъ же день прибыли въ Кіевъ и несчастные товарищи наши, числомъ болѣе 400, которые весь путь изъ Кракова въ Кіевъ совершили пѣшкомъ по нашимъ слѣдамъ; они, подобно намъ, были размѣщены въ казармахъ.

Въ теченіи первыхъ двухъ сутокъ нашего заточенія намъ не доставляли вовсе пищи; такъ какъ у насъ отъ дороги не осталось никакихъ припасовъ, то мы претерпѣли сильный голодъ и уже склонялись къ мнѣнію, что насъ намѣрены истребить голодомъ; но третьяго дня намъ роздали хлѣбъ и по 6 грошей каждому на прокормленіе. Эти паи мы получали потомъ изъ рукъ офицера ежедневно; впрочемъ рядовые солдаты наши получали только одинъ хлѣбъ, денегъ-же для прокормленія имъ не отпускалось. Выдаваемый намъ хлѣбъ содержалъ, вслѣдствіе недобросовѣстности провіантскихъ чиновниковъ, огромное количество песку и хотя порціи были большія и по казенной оцѣнкѣ

Библиотека "Руниверс"

каждая дневная порція должна была равняться стоимости 4 грошей, но мы ихъ продавали солдатамъ по одному грошу, ибо ѣсть этого хлѣба никоимъ образомъ невозможно было. Когда начальство наше узнало объ этомъ, къ намъ явился плацъ-маіоръ и предложилъ намъ на выборъ: получать впредь хлѣбъ натурою, или-же вмѣсто хлѣба его стоимость деньгами—по 4 гроша на человѣка; мы всѣ попросили выдавать намъ деньги и съ того дня стали получать каждый по 10 грошей, а рядовые по 4 гроша.

Казармы, въ которыхъ мы помѣщались, были окружены бдительнымъ карауломъ; если кто изъ насъ выходилъ въ сѣни, его сопровождалъ вооруженный солдатъ. Вслѣдствіе скопленія большого количества людей, мы страдали отъ затхлости воздуха и тѣсноты: не каждый успѣвалъ занять мѣсто для ночлега и иные должны были проводить ночь стоя и сильно томясь отъ безсонницы; вслѣдствіе этихъ условій среди насъ развились изнурительныя болѣзни и многіе изъ нашихъ несчастныхъ земляковъ умерли. Къ намъ допускали торговокъ со съѣстными припасами, и мы могли покупать у нихъ пищу за деньги, которыя намъ выдавали. Маршалы наши имѣли помѣщеніе болѣе удобное, ибо имъ отвели для жительства какой-то дворецъ. Мы застали уже въ Кіевѣ 110 человѣкъ плѣнныхъ шляхтичей и кромѣ того конфедератовъ изъ помѣстій ея сіятельства княгини Сангушковой, которыхъ какой-то шляхтичъ, принявъ на себя ложную личину патріотизма, увлекъ въ конфедерацію, принялъ подъ свое начальство, а потомъ измѣнически предалъ русскимъ въ мѣстечкѣ Тоноровѣ. Гайдамаковъ привезенныхъ вмѣстѣ съ нами изъ Полоннаго, помѣстили въ тѣхъ-же казармахъ возлѣ насъ, но въ другихъ камерахъ. Мы ежедневно видѣли, какъ выводили по нѣсколько человѣкъ изъ ихъ числа, наказывали кнутомъ, вырывали имъ ноздри, по существующему въ этой странѣ обычаю, и затѣмъ отправляли въ вѣчную ссылку.

Въ концѣ третьей недѣли нашего заключенія въ Кіевѣ, болѣзни страшно усилились въ занятыхъ нами камерахъ, ежедневно умирало отъ 5 до 8 человѣкъ; мы принуждены были проводить нѣсколько дней и ночей совмѣстно съ трупами, пока успѣвали выпросить, чтобы ихъ прибрали; обстоятельство это было особенно тягостно по причинѣ тѣсноты Я самъ, уже пораженный болѣзнью, долженъ былъ провести три ночи

Библиотека "Руниверс"

рядомъ съ трупомъ лежавшаго возлѣ меня товарища, Яна Кіянскаго; на третью ночь трупный запахъ сильно меня поразилъ и былъ поводомъ того, что болѣзнь моя страшно усилилась и надолго затянулась. Мы обязаны были хоронить мертвыхъ и копать имъ могилы, хотя сами были до того больны, что едва могли двигаться; болѣли-же мы всѣ безъ исключенія.

Въ это время 45 человѣкъ конфедератовъ были выпущены на свободу вслѣдствіе ходатайства о нихъ въ Варшавѣ ихъ друзей. Мы поздравляли ихъ съ неожиданнымъ счастіемъ и умоляли, прощаясь, чтобы они, послѣ возвращенія въ отечество, не забыли похлопотать и о нашемъ избавленіи. Они попрощались съ нами и отправились исполненные радости въ обратный путь, мы-же остались удрученные горемъ и печалью.

Мы прожили въ Кіевѣ 13 недѣль; въ теченіи этого времени изъ числа болѣе 600 человѣкъ почти половина перемерла. Наконецъ мы узнали, что насъ приказано препроводить въ городъ Казань, лежащій въ 170 миляхъ отъ Кіева, уже въ азіятской части Россіи; распоряженіе это послѣдовало вслѣдствіе того, что Турція объявила войну Россіи. Совершенно для насъ неожидавно согнаны были подводы и командированы для экскорта козаки; насъ раздѣлили на партіи; въ той, къ которой я былъ причисленъ, находилось 180 человѣкъ. Затѣмъ явился плацъ-маіоръ и, вызывая насъ по списку, усаживалъ по три человѣка на каждую повозку; поручикъ-же кіевскаго гарнизона, получившій начальство надъ конвойными козаками и притомъ сопровождаемый сержантомъ и десятью солдатами, принималъ насъ подъ свое начальство. Когда такимъ образомъ вся партія въ 180 человѣкъ усѣлась на сани, мы двинулись въ путь изъ Кіева среди страшнаго холода. Точно такимъ-же порядкомъ вслѣдъ за нами отправлены были и другія партіи плѣнныхъ.

ГЛАВА III.

Пересылка плѣнныхъ изъ Кіева въ Казань.

Когда мы отправились въ путь изъ Кіева въ Казань, стояли весьма сильные морозы и лежалъ глубокій снѣгъ. Мы были до того слабы, что едва душа въ насъ сохранялась, притомъ у насъ вовсе не

Библиотека "Руниверс"

было теплой одежды и потому холодъ причинялъ намъ страшныя мученія; мы ѣхали полу-живые. Поручикъ, подъ командою котораго мы состояли, былъ человѣкъ добрый, разсудительный, обращавшій вниманіе на наши нужды, опытный и самъ испытавшій превратность судьбы; онъ обращался съ нами ласково и человѣколюбиво; мы съ благодарностью цѣловали его руки, называли его отцемъ и благодѣтелемъ и умоляли оказывать намъ и впредь милосердіе и участіе. Онъ обѣщалъ, когда выѣдемъ изъ Малороссіи, придумать средства для того, чтобы доставить намъ теплую одежду. Выѣхавъ изъ Кіева, мы ѣхали довольно быстро и остановились на ночь въ маленькомъ мѣстечкѣ Броварахъ, лежащемъ въ трехъ миляхъ [1]) отъ Кіева; здѣсь насъ размѣстили по по квартирамъ—по 10 человѣкъ плѣнныхъ въ каждомъ домѣ и по 5 козаковъ для ихъ охраны. Дома, въ которыхъ насъ помѣстили, были теплы и уютны такъ, что послѣ пути, продрогши на морозѣ, мы могли удобно отдохнуть. Подкрѣпившись пищею по возможности, мы улеглись спать; козаки, опасаясь, чтобы мы не бѣжали, отобрали у насъ для безопасности сапоги и спрятали ихъ, соображая весьма вѣрно, что въ виду страшнаго холода и мороза, никто изъ насъ не отважится бѣжать босикомъ.

Послѣ ночлега въ Броварахъ, мы отправились въ дальнѣйшій путь и, проѣхавъ на хорошихъ лошадяхъ 6 миль, достигли передъ вечеромъ Козельца; въ этотъ день морозъ былъ значительно легче и холодъ насъ угнеталъ гораздо меньше. Въ Козельцѣ намъ позволено было отдохнуть въ теченіе слѣдующаго дня и разрѣшено выходить въ городъ для покупки провизіи въ сопровожденіи конвойнаго козака. Мы нѣсколько отдохнули въ теплыхъ квартирахъ и, пробывъ въ Козельцѣ двѣ ночи и одинъ день, отправились въ дальнѣйшій путь. Слѣдующую ночь мы провели въ селѣ Носовкѣ и затѣмъ отправились въ городъ Нѣжинъ, гдѣ назначенъ былъ слѣдующій ночлегъ. Здѣсь мы провели ночь весьма удобно; городъ этотъ благоустроенъ и многолюденъ; жители оказались очень человѣколюбивы: не только хозяева отведенныхъ намъ квартиръ обращались съ нами ласково и прилично, но и другіе жители,

[1]) Авторъ считаетъ разстоянія, измѣряя ихъ польскими милями—по 7 верстъ въ каждой.

Библиотека "Руниверс"

когда мы уѣзжали, обгоняли насъ на саняхъ, бросая намъ хлѣбъ ржаной и пшеничный и деньги. Мы были глубоко тронуты человѣколюбіемъ этого народа, встрѣчая первый разъ со времени нашего заточенія признаки дружелюбнаго къ намъ отношенія жителей. Городъ Нѣжинъ хорошо обстроенъ; дома по большей части деревянные, но есть нѣсколько и каменныхъ; жители ведутъ обширную торговлю и среди нихъ есть много богатыхъ купцевъ частью грековъ, частью малороссіянъ. Въ Нѣжинѣ находится и католическая церковь, а при ней монастырь отцевъ капуциновъ; послѣдніе хотѣли посѣтить насъ, но это не было имъ дозволено. Слѣдующую ночь мы ночевали въ городѣ Батуринѣ, принадлежащемъ, какъ намъ сказывали князю Трубецкому [1]), красивый дворецъ котораго мы видѣли. Затѣмъ, отправившись въ дальнѣйшій путь, мы проѣзжали многочисленныя мѣстечка, переправились по льду черезъ рѣку Сеймъ [2]) и миновавъ Королевецъ, пріѣхали въ Глуховъ, послѣдній городъ Малороссіи, въ которомъ намъ довелось ночевать. Это городъ довольно значительный, но окружающія оный укрѣпленія: валъ и каменная стѣна, запущены и почти разрушены. Здѣсь мы встрѣтили пана Щенявскаго, старосту Трехтымировскаго, попавшаго еще раньше насъ въ плѣнъ за участіе въ барской конфедераціи и сосланнаго сюда въ заточеніе. Въ трехъ миляхъ отъ Глухова мы пріѣхали въ первое великороссійское село; намъ сказывали, что нѣкогда до этого мѣста простиралась граница кіевскаго воеводства, хотя оно лежитъ въ разстояніи 33 миль отъ Кіева. Мы остановились въ упомянутомъ селѣ на ночь, и встрѣтили совершенно для насъ новое народонаселеніе, рѣзко отличавшееся своими обычаями Это настоящіе россіяне (москали); они, по принятому обычаю, всѣ отпускаютъ бороды, ибо въ Россіи крестьянамъ запрещено бриться и только дворянамъ и мѣщанамъ это разрѣшается; вообще въ Россіи каждый житель одѣвается не по собственному усмотрѣнію, а согласно съ установленными для каждаго сословія предписаніями. Когда мы въѣзжали въ село, все почти его народонаселеніе сбѣжалось смотрѣть на насъ, какъ на зрѣлище; они насмѣхались надъ нами, бросали въ насъ снѣгомъ и комками нечистотъ. Командовавшій конвоемъ

[1]) Очевидно Хоецкому измѣнила память и онъ замѣнилъ имя графа Разумовскаго, которому Батуринъ былъ пожалованъ въ 1764 г., именемъ князя Трубецкого.

[2]) Въ подлинникѣ вмѣсто Сейма по ошибкѣ названа Ока.

Библиотека "Руниверс"

поручикъ, увидавъ это, соскочилъ изъ своего экипажа и, нанося имъ удары палкою по головамъ, разогналъ нхъ. Люди эти обращались съ нами недружелюбно и на квартирахъ: съ трудомъ они соглашались продать намъ что либо, а если и соглашались, то требовали непомѣрныя цѣны. Переночевавши въ этомъ селѣ, мы поѣхали дальше въ городъ Сѣвскъ. На пути насъ настигла и даже опередила другая партія нашихъ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ которою мы ночевали въ Сѣвскѣ. Начальникомъ этой партіи былъ капитанъ кіевскаго гарнизона, человѣкъ строгій и жестокій, поступавшій весьма круто съ плѣнниками, которые страшно жаловались на его обращеніе; онъ постоянно ругалъ ихъ и билъ нагайкою, неразлучно при немъ находившеюся; если кто-либо, по причинѣ болѣзни не могъ скоро взобраться на сани, немедленно получалъ удары нагайкою, капитанъ обзывалъ плѣнныхъ поляковъ данцигскими жидами и придумывалъ другія оскорбительныя ругательства.

Переночевавъ въ Сѣвскѣ, мы на другой день отправились въ дальнѣйшій путь; прежде выступилъ капитанъ съ своею партіею, а вслѣдъ за нимъ и мы. Нашъ командиръ поручикъ объявилъ намъ, что, такъ какъ мы уже вступили въ область великорусскую, то должны запаться пріобрѣтеніемъ полушубковъ; онъ посовѣтовалъ намъ съ этою цѣлью на каждомъ ночлегѣ стараться захватить тайно у хозяевъ три или четыре полушубка и прятать ихъ въ его экипажѣ. На другой день обыкновенно хлопы приносили ему жалобу и сельскій староста (такъ называются въ Россіи войты) отказывалъ въ выдачѣ нашему командиру росписки, или квитанціи въ томъ, что команда его вела себя безобидно по отношенію къ жителямъ; тогда поручикъ отдавалъ намъ всѣмъ приказаніе садиться на сани и мы выѣзжали за селеніе на дорогу. Здѣсь обозъ нашъ останавливался, поручикъ дѣлалъ намъ строгій выговоръ за дурное поведеніе и разрѣшалъ крестьянамъ произвести обыскъ въ нашихъ саняхъ; но когда они не находили въ нихъ похищенныхъ полушубковъ, то онъ изливалъ на нихъ свой гнѣвъ и приказывалъ солдатамъ подать палокъ и кнутовъ, чтобы расправиться за клевету на свою команду; тогда мужики, опасаясь наказанія, не только выдавали ему квитанцію, но и задабривали его довольно значительною суммою денегъ, въ офицерскомъ-же экипажѣ никто никогда не дерзалъ производить обыска; затѣмъ, отъѣхавъ дальше, поручикъ отдавалъ полушубки тѣмъ, кто ихъ

Библиотека "Руниверс"

добылъ. Этимъ промысломъ мы занимались на каждомъ ночлегѣ, такъ, что пока мы пріѣхали въ Казань, большая часть партіи была одѣта въ полушубки.

Слѣдуя по Великой Россіи, мы проѣзжали слѣдующіе города: Тулу, въ которой мы узнали, что въ 10 миляхъ отъ нея въ городѣ Калугѣ содержатся въ заточеніи нѣкогда арестованные на сеймѣ епископы, а также гетманъ польный коронный Ржевускій вмѣстѣ съ сыномъ; всѣ мы были глубоко опечалены, узнавъ о заточеніи этихъ знатныхъ сенаторовъ и патріотовъ нашихъ. Тула городъ довольно большой; всѣ дома въ немъ деревянные; весь городъ населенъ почти исключительно различными ремесленниками, изготовляющими оружіе для всей русской арміи. Намъ разсказывали, что въ Тулѣ живетъ такое количество мастеровыхъ, что они могли-бы въ 3 дня изготовить вооруженіе для 20,000 солдатъ. Переночевавъ въ Тулѣ, мы отправились въ городъ Каширъ, а оттуда въ Муромъ; въ обоихъ городахъ этихъ мы ночевали; затѣмъ изъ Мурома мы ѣхали по льду Оки, рѣки широкой и значительной, въ городъ Нижній, гдѣ ночевали. Нижній лежитъ на берегу Волги и носитъ названіе губернскаго города, ибо въ немъ живетъ губернаторъ; это уже на пути нашемъ была третья губернія—ибо прежде мы слѣдовали по губерніямъ кіевской и московской. Въ Нижнемъ много каменныхъ домовъ, но еще больше деревянныхъ; городъ этотъ славится своею торговлею и судоходствомъ, въ немъ много зажиточныхъ жителей и богатыхъ купцовъ; и вообще мѣстоположеніе города весьма удачно выбрано, благодаря особенно его очень удобной гавани. Переночевавъ въ Нижнемъ, мы проѣхали мѣстечко Чебоксары, нѣсколько селъ и городъ Свіяжскъ, лежащій въ 3 миляхъ отъ Казани, и наконецъ прибыли въ этотъ послѣдній городъ около перваго часу по полудни. **В. А.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Т—овъ.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Предлагая читателямъ «Кіевской Старины» нижеслѣдующія письма Т. Гр. Шевченка, важность которыхъ они сами, надѣемся, оцѣнятъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ о способѣ, которымъ досталась намъ эта драгоцѣнность, прибавивъ къ нимъ также нѣсколько краткихъ замѣчаній по поводу высказанныхъ уже въ печати мнѣній относительно характера сношеній украинскаго поэта съ ссыльными поляками, друзьями Бр. Залескаго.

Еще лѣтъ девять тому назадъ мы прочли въ одной польской газетѣ извѣстіе о существованіи переписки между Шевченкомъ и Бр. Залескимъ, находившимся тогда въ Парижѣ, переписки, какъ говорилось, интересной какъ для личной исторіи Шевченка, такъ и для характеристики его политическихъ мнѣній. Мы стали принимать мѣры для полученія копіи съ этихъ писемъ Шевченка, но это долго намъ не удавалось, такъ какъ, говорили намъ, письма должны были быть напечатаны особой брошюрой въ оригиналѣ (автографически) и польскомъ переводѣ. Два раза появлялось въ печати извѣстіе, что письма Шевченка къ Залескому будутъ напечатаны то польскимъ «Историческимъ Обществомъ» въ Парижѣ, то краковской академіей наукъ, въ руки которой дѣйствительно и переданы были названныя письма. Но проходило время, а письма не являлись въ печати. Въ концѣ 1874 г. намъ посчастливилось услышать о названныхъ письмахъ отъ Вл. Д. Спасовича, лично знакомаго съ Бр. Залескимъ. Г. Спасовичъ взялся быть посредникомъ между нами и Залескимъ съ цѣлью получить отъ послѣдняго копіи съ писемъ Шевченка. Но каково было наше горе, когда мы узнали отъ г. Спасовича черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что самъ Залескій уже не знаетъ, гдѣ теперь на-

Библиотека "Руниверс"

ходятся письма Шевченка, отправленныя имъ въ Краковъ. По счастью почти черезъ годъ мы получили отъ г. Спасовича вѣсть, что письма отыскались у Игнатія Крашевскаго въ Дрезденѣ, и что послѣдній, съ свойственной ему любезностью, принялъ мѣры къ доставленію намъ точной копіи, какъ съ писемъ, такъ и съ примѣчаній къ нимъ Залескаго. Недолго спустя, мы получили эту копію, но тутъ наступили времена, не совсѣмъ благопріятныя всему, что связано съ именемъ Шевченка, и съ письмами послѣдняго пришлось придержаться.

Появленіе книги г. Чалаго: «Жизнь и произведенія Тараса Шевченка», а особенно основаніе «Кіевской Старины», изданія, которое не поскупится на мѣсто для напечатанія цѣликомъ писемъ геніальнаго украинца, обнадежило насъ, и мы сочли себя долѣе не въ правѣ удерживать подъ спудомъ имѣющійся уже у насъ матеріалъ для біографіи Шевченка, каковой и предоставляемъ въ распоряженіе редакціи «Кіевской Старины» въ точной копіи съ копіи, доставленной намъ г. Крашевскимъ. Послѣднему, вмѣстѣ съ г. Спасовичемъ, надлежитъ благодарность отъ всѣхъ почитателей Шевченка за ихъ усилія спасти письма нашего Тараса отъ потери и за хлопоты по доставленію копій съ этихъ писемъ въ руки украинца, который почиталъ своимъ долгомъ свято сохранить эту копію и при первой возможности обнародовать ее. Самъ Залескій не можетъ уже принять на себя этой благодарности, такъ какъ уже около двухъ лѣтъ, какъ онъ умеръ. Что сталось съ оригиналами писемъ къ нему Шевченка, въ настоящую минуту мы сказать не можемъ. Мы наводимъ теперь о томъ справки, но пока не желаемъ замедлять публикаціи имѣющейся у насъ точной съ нихъ копіи.

Прочитавъ и ее, всякій убѣдится въ подлинности заключающихся въ ней писемъ, а также въ важности ихъ для біографіи Тараса Григорьевича. Кромѣ яркаго изображенія его жизни въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, въ письмахъ этихъ содержатся богатыя указанія на литературные интересы и на работы Шевченка, какъ живописца въ 1853—1857 гг. Затѣмъ письма эти проливаютъ окончательно точный свѣтъ на характеръ отношеній украинскаго поэта къ польской ссыльной колоніи въ Прикаспійскомъ краѣ, о которыхъ доселѣ въ публику пускались весьма невѣрныя свѣдѣнія, какъ польскими, такъ и русскими писателями. Такъ еще въ послѣднія минуты жизни и тотчасъ по смерти Шевченка нѣкоторыя польскія газеты дошли до того, что увѣряли, будто Шевченко въ ссылкѣ совершенно отказался отъ своего отрицательнаго взгляда на старую Польшу и даже будто бы перешелъ въ уніаты. Подобное-же повторено было одною познанскою газетою и въ 1866 году, причемъ Шевченко представленъ былъ человѣкомъ, который будто бы послѣ ссылки

Библиотека "Руниверс"

усвоилъ себѣ идеи и стремленія «историческихъ» польскихъ патріотовъ, т. е. сторонниковъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г., если даже не 1648 г. Это измышленіе перенесено было изъ польской познанской газеты на страницы «Московскихъ Вѣдомостей», которымъ оно оказалось пригоднымъ для ихъ борьбы съ т. наз. «украинофильствомъ».

Тенденціозныя невѣрныя свѣдѣнія эти и имъ подобныя, подкрѣпляемыя темными слухами о какихъ-то письмахъ Шевченка къ Залескому, повліяли и на новѣйшаго біографа Шевченка, г. Чалаго, у котораго мы встрѣчаемъ слѣдующія строки «.....поляки обошли Шевченка.... слѣдуя іезуитскому правилу—не пренебрегать никакими средствами, если они ведутъ къ достиженію цѣли, и воспользовавшись довѣрчивостью и простодушіемъ Тараса, Сѣраковскій и Подлевскій задумали изъ малорусскаго народнаго поэта создать украинское знамя и завладѣть этимъ знаменемъ [1]). Изъ яраго врага польской національности они хотѣли сдѣлать его ручнымъ и чуть не обратили въ орудіе польской справы» (стр. 82).

Эти строки уже вызвали замѣчаніе со стороны рецензента въ «Вѣстникѣ Европы», который не нашелъ никакого іезуитства въ отношеніяхъ оренбургскихъ поляковъ къ Шевченку, а видѣлъ въ нихъ только гуманное сочувствіе къ собрату по участи, къ образованному человѣку, заброшенному въ полудикій край, со стороны такихъ-же изгнанниковъ. И вѣрность этого замѣчанія подтверждается и словами самого г. Чалаго на стр. 87 его книги объ «отрадныхъ минутахъ, проведенныхъ Кобзаремъ въ бесѣдѣ съ умными и образованными товарищами по ссылкѣ».

Наглядное знакомство съ письмами Шевченка къ Залескому окончательно показываетъ всю невѣрность заключеній г. Чалаго о характерѣ отношеній между оренбургскими поляками и Шевченкомъ. Эти отношенія были прежде всего отношеніями «умныхъ и образованныхъ товарищей», которые поддерживали другъ въ другѣ нравственную энергію бесѣдою и трудомъ надъ культурными интересами искусства, литературы. Насколько въ этихъ отношеніяхъ не было національной исключительности, видно напр. изъ того, что поляки доставляли Шевченку сочиненія Гоголя и его біографію,—не говоря уже о томъ, что они переписывались съ украинскимъ поэтомъ по русски. Ни одно слово изъ писемъ

[1]) Послѣднюю фразу мы не совсѣмъ понимаемъ: *малорусскій* поэтъ и *украинскій* поэтъ—одно и тоже, даже и по смыслу этихъ словъ, какого держится самъ г. Чалый; *народный*-же поэтъ непремѣнно составляетъ одно изъ украшеній національнаго знамени; изъ Шевченка нечего было дѣлать знамени: онъ былъ уже частью этого знамени. Самъ г. Чалый говоритъ это и всею своею книгой и эпиграфомъ ея, взятымъ у Дизраэли, который говоритъ о связи „памяти о народномъ поэтѣ" съ „національною честью".

Библиотека "Руниверс"

Шевченка не намекаетъ на то, чтобы онъ «изъ ярого врага польской національности» готовъ былъ «обратиться въ орудіе польской справы», если разумѣть подъ этими послѣдними словами возстановленіе стараго польскаго государства въ «историческихъ границахъ».

Прежде всего будетъ невѣрно называть Шевченка «врагомъ польской, да и какой-бы то ни было національности». Въ первыхъ своихъ поэмахъ изъ украинско-козацкой исторіи Шевченко безъ дальнихъ размышленій рисовалъ картины прежней національно-религіозно-сословной борьбы на Украинѣ, но едва только сталъ выходить изъ первоначальнаго, болѣе или менѣе наивнаго періода своего развитія, какъ сейчасъ же сталъ выше страстей и идей XVII в. Уже въ «Гайдамакахъ»,—поэмѣ, которую совершенно напрасно польскіе критики называли «крикомъ вороньяго горла», и въ которой самъ г. Спасовичъ совершенно напрасно видитъ «выданье звѣрства и безчеловѣчности за геройство» (Истор. слав. литер. Пыпина и Спасовича, II), Шевченко оплакиваетъ взаимныя кровопролитія поляковъ и украинцевъ и говоритъ:

Болить серце, якъ згадаешъ:
Старихъ славъянъ діти
Вилились кровью,—а хто виненъ?
Ксёндзы, іезуиты!

Дальнѣйшее усвоеніе Шевченкомъ идей кирилло-меѳодіевскаго братства съ его всеславянскимъ демократическимъ федерализмомъ еще болѣе развили въ украинскомъ поэтѣ этотъ истинно гуманный взглядъ на польско-украинскія отношенія. Какимъ образомъ поэтъ, написавшій въ посланіи къ Шафарику слова:

Щобъ усі славъяне стали
Добрыми братами и т. д.

могъ быть «яримъ врагомъ польской національности?» Объ отношеніи Шевченка къ полякамъ въ ту пору, о которой говоритъ г. Чалый на 83 стр. своей книги, свидѣтельствуетъ стихотвореніе Тараса Григорьевича къ Бр. Залескому: «Ще якъ були мы козаками» (1859 г.) По своей идеѣ оно ничѣмъ не отличается отъ выписанныхъ выше словъ Шевченка въ «Гайдамакахъ» (1841 г.) и «Посланіи» къ Шафарику (1845 г.). Между прочимъ слѣдующія дальше письма служатъ прекраснымъ объясненіемъ къ упомянутому стихотворенію.

М. Т—овъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

КЪ СОСЛАННОМУ ТОЖЕ ВЪ СОЛДАТЫ, ВЪ ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИНЕЙНЫЙ БАТАЛІОНЪ,

Брониславу Залескому,

писанныя изъ ново-петровскаго укрѣпленія, построеннаго на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на полуостровѣ Мангишлакъ [1]).

1.

1853-й годъ.

Извини мнѣ, друже мой добрый, что пишу такъ мало, не имѣя ни времени, ни мѣста. Благодатное лѣто прошло и унесло съ собою и самую тѣнь чего-то похожаго на свободу; до сихъ поръ еще боятся позволить пріютиться мнѣ гдѣ нибудь, кромѣ казармъ. Эгоизмъ и эгоизмъ! больше ничего.

Добрый мой друже! получилъ я съ твоимъ послѣднимъ письмомъ сердцу милыя портреты. Безконечно благодарю тебя; я теперь какъ-бы еще между вами—и слушаю тихіе задумчивые ваши рѣчи. Если-бы мнѣ еще портретъ Карла, и тогда-бы я имѣлъ все, что для меня дорого въ Оренбургѣ.

Съ послѣдней почтой послалъ тебѣ *Байгушей;* пріюти ихъ, если можешь гдѣ нибудь, а передъ тѣмъ, какъ пустишь ты ихъ въ чужіе люди, здѣлай мнѣ, если это не трудно, фотографическія копіи въ величину обыкновеннаго конверта; мнѣ хотѣлось-бы подарить ихъ А., ей они очень нравятся [2]). Я здѣлался настоящій попрошайка, въ каждомъ моемъ письмѣ я чего нибудь прошу у тебя, просто безсовѣстный я! а (кто) совѣстится въ такихъ случаяхъ друга, значитъ не имѣетъ друга: мое такое понятіе о дружбѣ, и это понятіе должно быть общее.

Попробуй, не удастся-ли тебѣ на темномъ фонѣ дѣтскія головки, и чтобъ не искать модели, то посади secondo Цейзика; я такъ люблю дѣтей, что не насмотрѣлся-бы на вѣрный отпечатокъ ангела.

Хорошо-бы было, еслибъ коллекція картинъ Н. Ш. состояла не изъ его собственныхъ произведеній; но на безрыбьи и ракъ рыба:

---

[1]) Напоминаемъ читателю, что онъ имѣетъ передъ собою точную копію съ тетради приготовленной къ печати самимъ Бр. Залескимъ. Примѣчанія, какія дальше найдетъ читатель подъ текстомъ, сдѣланы также Залескимъ, кромѣ нѣкоторыхъ, прибавленныхъ нами, которыя и отмѣчены нашимъ вензелемъ.—*М. Т.*

[2]) Какъ видно изъ дальнѣйшаго,—жена Ускова, коменданта новопетровскаго крѣпленія, которую дальше Шевченко зоветъ—Агата.—*Т. М.*

Библиотека "Руниверс"

можетъ быть въ его копіяхъ есть хоть что нибудь похожее на оригиналъ, а если и этого нѣтъ, то все таки есть человѣкъ любящій прекрасное божественное искусство, а между варварами это даръ Божій.

Если въ Защитѣ у Дмитрьева найдешь хорошіе эстампы новой французской школы, какъ-то Делякрои, Делякроша, Ораса Верне и другихъ, то хорошо скопировать ихъ посредствомъ фотографій, и держи эти копіи у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый часъ: это такъ можетъ научить и образовать вкусъ, какъ никакая многоумная и многорѣчивая эстетика и философія. Великій Брюловъ говаривалъ бывало: „не копируй, а всматривайся“, и я совершенно вѣрю безсмертному Брюлову. Но я кажется взялъ на себя роль профессора, это для тебя только, друже мой милый, потому что въ Оренбургѣ тебѣ и этого нѣкому сказать, а ты такъ любишь прекрасное искусство. Боже мой! когда мы увидимся? когда мы поговоримъ съ тобою, глядя другъ на друга? Неужели все къ лучшему? Нѣтъ, это поговорка близорукихъ.

Я вчера только узналъ отъ Мостовскаго, что Колесинскій въ Оренбургѣ; кланяйся ему отъ меня и отъ Мостовскаго. М. для меня теперь настоящій кладъ; это одинъ единственный человѣкъ, съ которымъ я на распашку, но о поэзіи ни слова. Странно, человѣкъ тихій, добрый благородный, безо всякаго понятія о прекрасномъ! Неужели это доля всего военнаго сословія? Жалкая доля!

Мнѣ давно хочется завести переписку съ Совою [1]), но не знаю, какъ и начать. По польски я писать не умѣю, а по русски какъ-то не ловко, но на всякій случай сообщи мнѣ его подробный адресъ. Будешь писать ему, кланяйся и цѣлуй его за меня.

Что мнѣ еще написать тебѣ на скорую руку? Кажется, ничего больше, какъ только поцѣлуй щиро Михайла [2]) и Карла [3]), когда пріѣдетъ.

---

[1]) Польскій поэтъ Эдуардъ Юліановичъ Желиговскій, пишущій подъ именемъ Антонія Совы, сосланный на жительство въ Петрозаводскъ, а оттуда переведенный въ Оренбургъ.—Прим. Бр. Залескаго.

[2]) Михаилъ Осадѣевичъ Зѣленко, монахъ ордена св. Доминика, въ тридцатыхъ годахъ префектъ гимназіи въ Литвѣ, сосланный въ Оренбургъ въ 1834 году, впослѣдствіи католическій капелланъ оренб. корпуса. Польскіе изгнанники называли его: *ojciec prefekt.*—Пр. Бр. З—аго.

[3]) Карлъ, должно быть, Карлъ Ивановичъ Гернъ. У г. Чалаго онъ зовется генералъ Гернъ; не знаемъ, почему въ письмѣ Ш—ка, напечатанномъ у г. Чалаго (стр. 75) К. В. Г. называется — «его благородіе».—*М. Т.*

Библиотека "Руниверс"

Поцѣлуй руку *ojca prefecta* и если Средницкій въ Оренбургѣ, поцѣлуй его щиро. —Гдѣ Турно и что съ нимъ?.. Прощай, мой единый друже. Будешь писать Аркадію, цѣлуй его отъ меня. Пиши S. и его цѣлуй и всѣхъ, кто помнитъ обо мнѣ, цѣлуй.

2.

20 маія. 1853.

Благодарю тебя, мой друже, за *Мертвыя души* Гоголя, и за лаконическое посланіе, на которое отвѣчаю тебѣ такимъ и по тѣмъ самымъ причинамъ, т. е. по причинѣ сегодня отходящей почты.

Ты вѣроятно не получилъ еще послѣдняго моего письма и двухъ кусковъ шерстяной матеріи [1]), потому что ничего не упоминаешь ни о посылкѣ, ни о письмѣ. Когда получишь, потрудись увѣдомить съ первой-же почтой. Одинъ кусокъ, который ты выберешь, оставь у себя на память обо мнѣ, а другой предложи Бюрно (разумѣется за деньги) [2]). Пріятнѣе какъ-то, когда знаешь, что вещь находится у человѣка, понимающаго вещи. А фотографіи непремѣнно здѣлай. Кстати о фотографіи и просить тебя, когда получитъ Михайло фотографическій приборъ, напиши ему или мнѣ о его свойствахъ и его цѣнѣ, и подробный адресъ, отъ кого его выписать можно, и можно-ли также и отъ кого выписывать химическую бумагу. У насъ, видишь-ли, есть желаніе заняться фотографіей, да не знаю, будетъ-ли толкъ.

Ты мнѣ совѣтуешь не просить миогово. И съ самой малой просьбой я не имѣю къ кому обратиться, да и жалѣю; послѣдняя неудача меня такъ озадачила, что я потерялъ всякую надежду хоть на малѣйшее облегченіе моей отвратительной участи; хоть-бы изъ этого гнѣзда проклятаго меня вытянули. Послѣ этой катастрофы... (для меня она дѣй-

---

[1]) На приговорѣ, осуждающемъ Шевченка въ солдаты, было прибавлено: «запретить ему писать, рисовать и пѣть»; потому Шевченко, присылая рисунки свои и акварели Залѣскому, называлъ ихъ шерстяною матеріею. За эти рисунки артистъ получалъ деньги на чай, табакъ и прочія необходимости.—Пр. Бр. З—аго. Изъ писемъ Ш—ка, напечатанныхъ у г. Чалаго, не видно, чтобъ ему запрещено было пѣть (Ср. въ книгѣ г. Чалаго, стр. 66).

[2]) Бюрно—одинъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ въ краѣ; упоминается далѣе съ очень симпатичной стороны.—*М. Т.*

Библиотека "Руниверс"

ствительно катастрофа); но я послѣ напишу тебѣ, что со мной случилось, а теперь и мѣста и времени мало, и происшествіе слишкомъ свѣжо для повѣствованія. И кстати о повѣствованіи: по извѣстному адресу отошли только *Варнако*,—*Княгинь* оставь у себя, она уже приготовилась. Какъ-бы ты достать карандаши, которые находятся у меня въ пальтѣ въ карманѣ, у Карла. Мягки, которые ты мнѣ прислалъ, или у меня рука очерствѣла. Живъ-ли мой альбомъ чистый у Карла? Возьми его и спрячь у себя.

Прощай, мой искренній друже, кланяйся Совѣ, Михайлу и протчимъ. На Варнакѣ напиши Желиховскому, или оставь такъ. Какъ ты найдешь лучше, такъ и здѣлай.

Цѣлую тебя всѣмъ сердцемъ моимъ.

3.

1854. Генваря.

Радуюсь твоею радостью, друже мой единый! Дай тебѣ Господи увидѣть твою скорбную мать и свою прекрасную родину.

Прости меня, друже мой единый, ежели найдешь письмо мое нескладнымъ и можетъ быть безсмысленнымъ. У насъ сегодня Байрамъ у Ирак. [1]), и я пишу тебѣ далеко за полночь, т. е. часу въ 4-мъ, а въ этомъ часу, я думаю, и у Юнга мысли были-бы не на мѣстѣ. Но это въ сторону, а вотъ въ чемъ дѣло: благодарю тебя сердечно за *Trio* [2]) и проч., благодрю тебя за письма къ Аркадію; благодарю тебя за память о Варварѣ [3]), и ежели ты получишь о ней какое-бы то не было извѣстье и вскорѣ сообщишь мнѣ, то я тебя не благодарить буду, а боготворить.

Еще разъ благодарю тебя за копію Монаха и—я тебѣ какъ Богу вѣрю—ежели Левъ Филиповичъ [4]) такой человѣкъ, какъ ты говоришь, то и ты, и онъ скоро увидите и Акъ Тау и Каро-Тау, ежели не красками, то покрайней мѣрѣ *Cenio*.

Съ того времени, какъ мы разстались съ тобою, я два раза былъ на Ханта-бабѣ, пересмотрѣлъ и перещупалъ всѣ деревья и вѣточки, ко-

[2]) Праклій Усковъ, комендантъ новопетр. укр.—*М. Т.*
[3]) Акварель Шевченки.—Пр. Бр. З--аго.
[4]) Варвара Николаевна Репнина.—*М. Т.*
[4]) Должно быть, Бюрно.—*М. Т.*

Библиотека "Руниверс"

торыми мы съ тобою любовались, и признаюся тебѣ, друже мой, заплакалъ. Не было съ кѣмъ посмотрѣть на твореніе руки Божей.—вотъ причина слезъ моихъ: ты былъ далеко, близкіе куропатокъ и дикихъ голубей искали въ полѣ: мнѣ хотѣлося посѣтить Ханга-бабу съ Д. и Д. тоже хотѣлося, но фонъ-Беръ [1]), такой акуратный нѣмецъ, какого и въ сердцѣ Германіи рѣдко встрѣтить можно; три дня, говоритъ, буду на Мангишлакѣ, т. е. въ Ново-петровскомъ укрѣпленіи: сказалъ какъ отрѣзалъ—просто хуже всякаго нѣмца.

Поцѣлуй Карла за меня и скажи ему, что ежели онъ рѣшился побывать на Сырѣ: то я пойду за нимъ на Куанъ и на Аму, въ Тибетъ и всюду, куда только онъ пойдетъ.

Съ слѣдующею почтою напиши мнѣ о дѣлахъ Карла, или какъ ты говоришь при первомъ добромъ извѣстіи. *Гордаши* [2]) и Сову я знаю, какъ твое сердце и, спасибо тремъ людямъ, теперь уже не въ Петрозаводскѣ, которые знали меня лично и не забыли меня, а потому, что остался одинъ изъ трехъ, посылаю сердечный поцѣлуй, а тѣмъ, которые знаютъ меня не лично и вспоминаютъ обо мнѣ, тысячу кровосердечныхъ поцѣлуевъ и братскую любовь.

Ты говоришь мнѣ о Бѣлозерскомъ и о моей бѣдной *Катеринѣ*, какъ будто ты ихъ лично знаешь; а коли знаешь, то напиши мнѣ о Бѣлозерскомъ и о *Катеринѣ*. Мы съ тобою поговоримъ, когда увидимся, и тогда я тебя съ ею познакомлю, а *Ильяшенка* и Петрова [3]) забудь и ты такъ, какъ я ихъ не помню.

Алексѣю Ивановичу пожелай всѣхъ благъ отъ меня въ его новой жизни: поблагодари его за память обо мнѣ, а ее за копіи съ монаха.

Поцѣлуй Поспѣлова, ежели онъ въ Оренбургѣ (и скажи ему, что г-жа Юрасова дрянь, к..... л..... скажи ему, что все это я ему говорю) [4]).

---

[1]) Должно быть, извѣстный академикъ Беръ, изучавшій тогда рыбъ Каспія. Онъ упоминается, какъ знакомый Шевченка въ письмѣ Писемскаго. Чалый, 93.

[2]) Поэма Желиговскаго. Пр. Бр. 3—аго.

[3]) Петровъ—тотъ студентъ, который донесъ на кирило-меѳодіевское братство. Ильяшенко не есть-ли тотъ прап. И—въ, который донесъ въ Оренбургъ, что Шевченко рисуетъ? (Ср. Чалаго 75).—*М. Т.*

[4]) Слова, взятыя нами въ скобки, въ нашей копіи перечеркнуты; вѣроятно такъ было и въ подлинникѣ. *М. Т.*

Библиотека "Руниверс"

Гороповичу скажи, что въ Бельгіи и прославленнымъ художникамъ дѣлать нѣчего,.. въ прочемъ поклонися ему.

Земляка изъ *Тальнаго* и Михайла земляка С. обними и поцѣлуй такъ, какъ я-бы его поцѣловалъ. Съ Михайловымъ [1]) ты видѣлся мимоходомъ и говорилъ онъ тебѣ *Бынь* съ *Киргизомъ* [2]) и за то благодарю. Дай Богъ ему всего того, чего онъ самъ себѣ желаетъ, а намъ съ тобою дай Боже еще разъ увидѣться въ этой жизни.

Поздравь Ѳому отъ меня и извинись за меня, что я ему не пишу съ этой почтой; завтра ученье и карауль, и Алексѣю скажи тоже.

Изъ приказовъ я вижу, что ты назначенъ въ д. Баталь, а ты пишешь, что вскорѣ отправляешься на Сыръ, и я не знаю, что думать. Напиши мнѣ, ради святого Бронислава, какъ тебѣ адресовать мои грѣшныя посланія.

Цейзика [3]) и Людвига [4]) поцѣлуй отъ щирого сердца.

Цѣлую руки *ojca prefekta*.

Когда увидишь Ѳому Лазаревскаго, отдай ему мою грамотку, и скажи ему, что не было времени больше написать.

Ты мнѣ ничего не пишешь о Аркадіи. Что онъ и что съ нимъ? Пиши ему и цѣлуй его за меня, и скажи ему, чтобы онъ безбоязненно адресовалъ свои письма на имя коменданта новопетровскаго укрѣпленія.

Прощай, не забывай. *Ш.*

4.

6-го Іюня. 1854.

Витаю тебе, друже мій, Богу милый! Витаю тебе на лонѣ дѣвственной, торжественно прекрасной природы [5])! Много-бы и много молитвъ сердечныхъ послалъ бы я ко престолу живого Бога за одинъ часъ, проведенный съ тобою въ дремучемъ сосновомъ лѣсу, подъ темной тѣнью широковѣтвистой, мрачной, какъ дума Оссіяна, ели. Хорошо и,

---

[1]) Извѣстный потомъ писатель, оренбурженъ родомъ, сосланный въ Сибирь. *М. Т.*

[2]) Bas-relief произведеній Шевченки изъ гипса. Пр. Бр. 3—аго.

[3]) Полякъ, антекарь въ Оренбургѣ Пр Бр. 3—аго.

[4]) Людвигъ Сигизмундовичъ Турно, сосланный въ солдаты, сынъ полковника Турно.—Пр. Бр. 3—аго.

[5]) Письмо писанное въ богословскіе заводы, въ сѣверномъ Уралѣ, куда Залескій былъ переведенъ по производствѣ въ офицеры. Пр. Бр. 3—аго.

Библиотека "Руниверс"

Боже милый, какъ хорошо прошолъ-бы этотъ часъ съ тобою вмѣстѣ. Мы-бы выбрали хорошій пункть и освѣщеніе, и напоили-бы, по мѣрѣ силъ, грустную и величественную царицу лѣсовъ туманнаго сѣвера. Но увы! этой великой радости не суждено испытать мнѣ безталанному. Самая горькая отрава нашего морального бытія это безнадежность, и эту жестокую отраву я вполнѣ чувствую.

Прочь! прочь! змія лютая, ненасытная хоть на одинъ часъ, пока бесѣдую съ тобою, друже мой милый! друже мой единый!

Первое твое письмо прочиталъ я и не мало удивился, что ты въ немъ ничего не вспоминаешь о моей просьбѣ, а это вышло потому, что ты не читалъ моего письма отъ 5-го февраля, а я читалъ твое письмо и не посмотрѣлъ, что оно писано 20 февраля. Слона то, какъ говоритъ Крыловъ, я и не замѣтилъ, да сдуру и задаю себѣ вопросъ, чтобы это могло значить. Во второмъ твоемъ письмѣ я прочиталъ, что ты получилъ мое письмо уже на мѣстѣ твоего теперешнего пребыванія: и слава Богу, какъ ты говоришь. Письмо твое къ Сигизмунду вѣроятно не застало уже Карла въ Оренбургѣ, потому что и до сей поры не имѣю отъ него никакого извѣстія. У П... дѣйствительно не оказалось германскихъ книгъ, не оказалось даже денегъ, чтобы купить ихъ: это естественно, человѣкъ передъ походомъ. А ты до глубины обрадовалъ мое сердце обѣщаніемъ прислать *Кернера* и особенно *Богдана Залескаго*. Благодарю тебя, друже мой милостивый! Благодарю я тебя и за прекрасные пѣсни *Совы*: мнѣ особенно понравилось изъ нихъ *„Два слова“* и *„Экспромтъ“*: если ты съ нимъ въ перепискѣ, то въ каждомъ твоемъ (письмѣ) цѣлуй его за меня всею полнотою моего сердца.

Отъ поэзіи перехожу прямо въ прозу. Что дѣлать! такова жизнь наша. Вотъ въ чемъ дѣло: Праклій проситъ тебя, чтобы заказать для него въ Екатеринбургѣ яшмовую или топазовую печатку, для чего и посылается тебѣ это изображеніе, правду сказать, весьма неуклюжее, а потому ты и оставъ его въ сторонѣ, а закажи такой величины и формы, какъ ты свое послѣднее письмо запечаталъ, съ изображеніемъ лука и колчана на щитѣ, а на верху щита, вмѣсто шлема, дворянская корона.

Если просьба эта не будетъ сопряжена съ большими затрудненіями, то, прошу тебя, исполни ее. Есть у меня въ Екатеринбургѣ на гра-

Библиотека "Руниверс"

пильномъ заводѣ товарищъ мой, нѣкто Пономаревъ: обратися къ нему, или какъ найдешь лучше.

Кланяется тебѣ Ираклій и Агата, кланяется тебѣ З. и Н.

Вотъ еще что: если ты не запасься *Кайзомъ*, то совѣтовалъ-бы тебѣ выписать его черезъ Аркадія хоть нѣсколько эпизодовъ: это было-для тебя весьма полезно. Я изъ Одессы не имѣю совершенно никакихъ свѣдѣній, а самъ не пишу туда потому, что не имѣю адреса. Бога-ради, пришли ты мнѣ адресъ Аркадія.

Въ послѣднемъ письмѣ П. писалъ мнѣ, что *ojciec prefect* сильно и опасно захворалъ; правда-ли это?

Добрый Л. Ф. [1]) просилъ В. А. [2]), чтобы позволилъ мнѣ написать образъ для здѣшней церкви и мнѣ отказано!

Грустно! невыносимо грустно! При такихъ неудачахъ, я думаю, и величайшій поэтъ откажется отъ всякой надежды на лучшую долю, а мнѣ бесталанному и давно можно закрыть глаза для будущаго лучшаго.

Прощай, друже мой вѣрный! да благословитъ Господь всѣ дѣла твои и всѣ намѣренія твои! Не забудь выписать Оссіяна, онъ кажется есть въ французскомъ переводѣ. Ты теперь его съ наслажденіемъ прочитаешь. Декорація у тебя для Оссіяна превосходная.

Не имѣю больше тебѣ ничего сообщить, друже мой, ни хорошого, ни худого, окромѣ развѣ, что у меня ни полъ карандаша Фабера не имѣется; а хорошее вотъ что у насъ: прошедшей осенью Ираклій посадилъ на извѣстномъ тебѣ огородѣ нѣсколько вербъ и онѣ теперь зеленѣютъ; лѣтъ черезъ 10 ихъ можно будетъ рисовать, а пока я ограничиваюсь воображеніемъ, тебѣ-же совѣтую, друже мой, какъ можно болѣе дѣлать этюдовъ съ деревьевъ. Не упускай случая, учись, Богъ знаетъ, прійдется-ли другой разъ провести лѣто въ лѣсу.

Какъ-бы я радъ былъ, если-бы хотя къ зимѣ состоялся твой переводъ въ Оренбургъ: я бы себя чувствовалъ меньше сиротою, нежели это я теперь чувствую.

---

[1]) Левъ Филипповичъ.—*М. Т.*

[2]) Василій Алексѣевичъ Перовскій, корпусный командиръ и оренбургскій губернаторъ.—Пр. Бр. З—аго. У г. Чалаго въ письмѣ Бр. Залескаго къ Шевченку (стр. 83) стоитъ почему-то около имени Василій Алексѣевичъ—?—*М. Т.*

Библиотека "Руниверс"

Кланяйся и цѣлуй Аркадія и сына его Бронислава.

Еще разъ прошу тебя на счетъ печатки, а въ отношеніи формы я полагаюсь совершенно на тебя. Еще маленькое условіе, чтобы печатка обошлась не болѣе 10 руб. сер.

Поцѣлуй Ѳ. и извини меня передъ нимъ, что я не пишу ему теперь,—въ караулъ гонятъ.

5.

9 октября. 1854-й годъ.

Вотъ что, мой искренный друже! Мы вообще болѣе или менѣе любимъ извинять свои даже неизвинительные проступки и маскировать ихъ, чѣмъ попало, лишь-бы казалось правдоподобно. Я тоже человѣкъ, только не маскирую передъ тобою моего долгаго, ничѣмъ неизвинительнаго молчанія, а раскажу тебѣ всю правду, какъ было. Почти вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ прибыла къ намъ и экспедиція Бера, а въ этой экспедиціи (какъ я тебѣ и прошлый годъ писалъ) находится и твой знакомый N. Данилевскій (который помнитъ и кланяется тебѣ), а такое явленіе, какъ Д., въ нашей пустынѣ можетъ скружить и не мою голову. Въ продолженіи его пребыванія здѣсь я почти съ нимъ не разлучался. Онъ своимъ присутствіемъ оживилъ во мнѣ одинокомъ давно прожитые прекрасные дни. Теперь, я думаю, ты простишь меня за молчаніе. Вообрази меня нѣсколько дней сряду счастливымъ, и ты, какъ мой самый искренный другъ, простишь меня и въ сердцѣ порадуешся моей мимолетной радости. Д. уѣхалъ теперь на короткое время въ устье Эмбы и я, пользуясь его отсутствіемъ, пишу панегирикъ прекрасному уму и сердцу N. Д., а впрочемъ все, что мнѣ бы хотѣлося написать тебѣ объ немъ, то это не умѣстилось-бы и на двухъ дестяхъ бумаги, а не то, что на одномъ листѣ, а потому и ограничусь, сказавъ тебѣ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ; жаль только, что онъ ученый, а то былъ-бы настоящій поэтъ.

Но довольно пока о Д., поговорю о себѣ: съ наслажденіемъ прочиталъ я твое искренное письмо и душевно порадовался твоей надеждѣ быть переселену въ Оренбургъ, все таки ближе ко мнѣ. С. даже пишетъ мнѣ, что ты оставляешь военное сословіе и дѣлаешся библіотекаремъ оренбургской публичной библіотеки. Далъ-бы Богъ! я впрочемъ повѣрю только тогда, когда ты мнѣ самъ напишешь. Такъ-ли, или иначе, только

Библиотека "Руниверс"

я сердечно желаю, чтобы ты скорѣе переселился въ Оренбургъ. Изъ твоего описанія окрестностей Златоуста я вижу, что тамошніе лѣса совсѣмъ не похожи на оссіановскіе лѣса, а болѣе похожи на полярные, безлюдные пустыни, величавыя только своимъ пространствомъ.

Милого Богдана [1]) я получилъ съ сердечною благодарностію и теперь съ нимъ не разлучаюсь; многіе пьесы наизусть уже читаю, одно иногда сердце тяготитъ — нѣкому слушать, нѣкому передавать той прелести, которую заключаетъ въ себѣ поэзія, а одному тяжело носить этотъ избытокъ возвышенныхъ божественныхъ идей. Во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ необходимъ для человѣка. Нынѣшнее лѣто прибыло сюда нѣсколько человѣкъ конфирмованыхъ; но лучше было-бъ не видать мнѣ ихъ никогда. Пустота страшная! но Богъ съ ними.

Переводы Совы такъ прекрасны, какъ и его оригинальная поэзія, и я не изъ скромности авторской, а говорю, какъ понимаю вещь. *Литерина* моя не такъ хороша, а главное не такъ цѣла, чтобы ее переводить, и переводить Совѣ, а впрочемъ онъ можетъ быть это лучше меня знаетъ. *Два слова* — эта идея такъ возвышенно прекрасна и такъ просто высказана у Совы, что Плещеева переводъ хотя и передаетъ идею вѣрно, но хотѣлось-бы изящнѣе стиха, хотѣлось-бы, чтобы стихъ легче и глубже ложился въ сердцѣ, какъ это дѣлается у Совы.

Ты мнѣ обѣщалъ еще томъ B. Z. [2]); благодарю тебя, друже мой единый! Что-же я тебѣ пошлю? чѣмъ я съ тобою подѣлюся? Я здѣсь, по милости N. читаю постоянно *Новины русской литературы*, и прочиталъ біографію Гоголя, которую ты мнѣ рекомендуешь. Она заинтересовала меня, какъ и тебя, письмами какъ документами, но какъ біографія она не полна [3]). Ты мнѣ въ первый разъ говоришь о Гороновичѣ довольно ясно, и я радъ, что ты его наконецъ увидѣлъ съ настоящаго пункта. Какъ живописца я его не знаю, а какъ человѣкъ онъ дрянь, это я знаю; но Богъ съ нимъ.

---

[1]) Поэзія Богдана Залескаго, на польскомъ языкѣ. — Пр. Бр. З—аго.

[2]) Богдана Залескаго. — Пр. Бр. З—аго.

[3]) Дѣло идетъ, очевидно, объ «Опытѣ біографіи Гоголя» П. М. (т. е. П. А. Кулиша) въ «Современникѣ». — *М. Т.*

Библиотека "Руниверс"

Одескіе событія и на милого нашего Аркадія имѣли вліяніе, а въ томъ числѣ и на меня, разумѣется косвенно; я впротчемъ еще и *цыпана* [1]) не промоталъ, слѣдовательно до нужды еще далеко, а онъ то бѣдный, какъ видно, въ порядочныхъ тискахъ. Когда будешь писать ему, не забудь поцѣловать его за меня.

Я такъ опоздалъ теперь съ своимъ письмомъ, что не знаю куда и адресовать. Теперь уже осень и я тебя воображаю въ Оренбургѣ, а ты можешь быть еще въ богословскомъ заводѣ: что дѣлать, не знаю. Во всякомъ случаѣ я адресую на имя ojca prefecta, и когда ты уже въ Оренбургѣ и Карлъ тоже, то прошу тебя, поторопися выслать то, о чемъ я тебя просилъ, кромѣ платья, поторопися потому, что къ намъ тяжелая почта приходитъ въ послѣдній разъ въ октябрѣ. Если не успѣешь, то отложи до марта. Сигизмундъ [2]) прислалъ мнѣ 6 карандашей Фабера № 2, и они лежатъ у меня безъ употребленія. Не забудь, что карандаши мои въ карманѣ въ пальто, тамъ-же въ карманѣ есть еще двѣ гравировальные иглы и два куска чернаго лаку для натиранія мѣдной доски; ихъ тоже пришли.

Ираклій кланяется тебѣ и проситъ тебя не забыть о печати, и я о томъ-же прошу тебя; ты этимъ меня заставишь долго и искренно благодарить тебя.

Агата тоже тебѣ кланяется: эта прекраснѣйшая женщина для меня есть истинная благодать Божія. Это одно, единственное существо, съ которымъ я увлекаюсь иногда даже до поэзіи. Слѣдовательно я болѣе или менѣе счастливъ; можно сказать, что я совершенно счастливъ; да и можно-ли быть иначе въ присутствіи высоконравственной и физически прекрасной женщины? Она тебя помнитъ и вспоминаетъ о тебѣ часто съ удовольствіемъ.

Что-же мнѣ еще написать тебѣ, друже мой единый? Ничего не напишу, чтобы не испортить письма какою-нибудь грустною мыслію. Неправда-ли, ни одно письмо мое къ тебѣ не оканчивалось такъ отрадно, какъ это? Великая вещь— сочувствіе ко всему благородному и прекрасному въ природѣ, и если это сочувствіе раздѣляется съ кѣмъ-бы то

[1]) Акварель Шевченка.—Пр. Бр. Залѣскаго.
[2]) Сѣраковскій.—Тоже.

Библиотека "Руниверс"

не было, тогда чѣловѣкъ не можетъ быть не счастливъ. Естли будешь писать Совѣ, то поцѣлуй его за меня и пожелай ему много-много возвышенныхъ мыслей и стиховъ.

А если ты теперь въ Оренбургѣ, то поцѣлуй за меня руку ojca profecta и поцѣлуй милого моего и добраго Цейзика. Сигизмунду и пишу теперь-же.

Не забывай меня, друже мой единый.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Izydor Szaraniewicz.—O latopisiach i kronikach ruskich XV i XVI wieku, a zwłaszcza „wielikoho kniażtwa litowskoho i żomoitskoho". Osobne odbicie z rospraw wydziału filozoficznego akademij umiejętności. T. XV. Krakow. 1882.

Исидоръ Шараневичъ.—О русскихъ лѣтописяхъ и хроникахъ XV и XVI ст., въ особенности-же о лѣтописи великаго княжества литовскаго и жомоитскаго.—Оттискъ изъ извѣстій философскаго отдѣла краковской академіи наукъ, томъ XV. Краковъ. 1882 г.

Уважаемый львовскій профессоръ г. Исидоръ Шараневичъ, въ качествѣ члена краковской академіи наукъ, предложилъ этой академіи предпринять изданіе западно-русскихъ лѣтописцевъ XV и XVI столѣтій и составилъ трудъ, заглавіе котораго выписано выше, въ качествѣ предварительнаго разсужденія съ цѣлью обратить вниманіе академіи на предложенные имъ для изданія памятники. Этою цѣлью и объясняется то обстоятельство, что записка много потрудившагося для исторіи галицкой Руси ученаго появилась на польскомъ языкѣ.

Въ изслѣдованіи своемъ г. Шараневичъ подвергаетъ внимательному разбору и сличенію между собою слѣдующія западно-русскія лѣтописи, такъ называемаго литовскаго или средняго цикла, который онъ строго отграничиваетъ какъ отъ цикла древнихъ русскихъ лѣтописей, такъ и отъ цикла лѣтописцевъ позднѣйшихъ, козацкихъ:

1) Лѣтопись великихъ князей литовскихъ (изд. Даниловича и Попова).

2) Русская лѣтопись (изд. Даниловича).

3) Краткая кіевская лѣтопись (изд. кн. Оболенскаго, такъ наз. Супральская).

Библиотека "Руниверс"

4) Хроника литовская (изд. Нарбутта, такъ наз. Быховца).

5) Лѣтописцы Волыни и Украины (рукопись института Оссолинскихъ во Львовѣ).

6) Лѣтописецъ великаго княжества литовскаго и жомоитскаго (рукопись библіотеки Рачинскихъ въ Познани и копія его fac-simile, изготовленная Бѣлёвскимъ для рукописнаго отдѣленія института Оссолинскихъ во Львовѣ).

Первые четыре источника хорошо извѣстны въ русской исторіографіи, потому мы обратимъ вниманіе только на два послѣдніе. *«Лѣтописцы Волыни и Украины»* представляютъ собственно рукописный сборникъ лѣтописей, въ составъ котораго вошли 6—7 отрывковъ мѣстныхъ лѣтописей: кіевскихъ, волынскихъ и смоленскихъ XVI и XVI столѣтій, текстъ которыхъ частью совпадаетъ, частью поясняетъ и дополняетъ извѣстныя понынѣ русскія лѣтописи; нѣкоторые-же отрывки представляютъ совершенно самостоятельные и оригинальные лѣтописные разсказы. *«Лѣтописецъ великаго княжества литовскаго и жомоитскаго»*, разборомъ котораго г. Шараневичъ занялся особенно тщательно и подробно, представляетъ по его мнѣнію совершенно самостоятельную лѣтопись и напрасно по нынѣ почитался варіантомъ лѣтописи Быховца. Мнѣніе это авторъ подтверждаетъ многочисленными сличеніями обоихъ текстовъ; важнѣйшіе его аргументы состоятъ въ слѣдующемъ: составитель «лѣтописца великаго княжества литовскаго» по убѣжденіямъ своимъ преданъ монархической власти великихъ князей и одобряетъ ихъ политическія тенденціи; онъ съ особою любовью повѣствуетъ о дѣяніяхъ великихъ князей Александра и Сигизмунда, не одобряетъ князя Михаила Глинскаго и при каждомъ удобномъ случаѣ заноситъ въ лѣтопись распространяемые его врагами дурные о немъ слухи; составитель этой лѣтописи жилъ правдоподобно при дворѣ Сигизмунда I; ему не только точно и подробно извѣстна политическая дѣятельность этого великаго князя, но онъ заноситъ въ лѣтопись съ мельчайшими подробностями (указывая часы, обстановку, погоду и т. п.) всѣ случаи чисто семейной его жизни и мелкія придворныя происшествія; притомъ составитель лѣтописи пользуется совершенно самостоятельными оффиціальными документами, изъ которыхъ подробно вымѣчаетъ различныя пожалованія, назначенія въ должности и т. д., а также, вѣроятно изъ придворной метрической книги, выписываетъ обстоятельныя свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія князей, о дняхъ рожденія дѣтей въ семьѣ великаго князя и т. п. Источники эти не были извѣстны составителю лѣтописи Быховца, который за то пользовался при разсказѣ событій XIII вѣка Ипатскою лѣтописью, совершенно не извѣстною «Лѣтописцу великаго княжества

Библиотека "Руниверс"

литовскаго и жомоитскаго». Притомъ, по своему субъективному настроенію и по политическимъ симпатіямъ, составитель лѣтописи Быховца стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія; онъ сочувствуетъ группѣ литовско-русскихъ князей, пытавшихся ограничить власть великаго князя и противудѣйствовавшихъ уніи съ Польшею, вслѣдствіе этого отзывы его о князѣ Глинскомъ сочувственны, а дѣйствія вел. кн. Александра подвергаются часто порицанію. Наконецъ обѣ лѣтописи, хотя составлены по одному плану, тѣмъ не менѣе и начинаются не вполнѣ тождественно и прекращаются въ различное время.

Конечно, сколь ни авторитетно имя г. Шараневича, мы полагаемъ, что его выводы могутъ быть окончательно провѣрены историческою критикою только послѣ изданія «Лѣтописца великаго княжества литовскаго и жомоитскаго», но тѣмъ не менѣе мы признаемъ, что его добросовѣстный ученый трудъ въ значительной мѣрѣ подготовляетъ разработку историческаго матеріала для исторіи западной Руси, надъ которымъ понынѣ трудились весьма немногіе ученые. Въ случаѣ-же, если состоится предположенное г. Шараневичемъ изданіе западно-русскихъ лѣтописей, исторія западно-русскаго края будетъ ему вдвойнѣ признательна какъ за иниціативу этого весьма желательнаго научнаго предпріятія, такъ и за солидный трудъ, предпринятый имъ для объясненія и оцѣнки самыхъ существенныхъ памятниковъ западно-русскаго бытописанія. В. А.

Дренякинъ.—Бѣлгородъ съ уѣздомъ. Историко-статистическій очеркъ. Харьковъ, 1882 г.

Книжка г. Дренякина, «члена сотрудника императорскаго русскаго географическаго общества», какъ значится въ его подписи подъ предисловіемъ, привлекла наше вниманіе какъ своимъ заглавіемъ, такъ и квалификаціею автора. При крайней скудости какъ источниковъ, такъ и разработки исторіи слободскихъ полковъ, мы разсчитывали найти въ монографіи г. Дренякина мѣстный матеріалъ для дополненія малочисленныхъ свѣдѣній, приведенныхъ понынѣ въ извѣстность, объ исторической судьбѣ слободской Украйны. Ожиданія наши были естественны, такъ какъ въ теченіи всего XVIII столѣтія Бѣлгородъ былъ центральнымъ мѣстомъ управленія козацкихъ слободскихъ полковъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ бѣлгородскихъ воеводъ.

Къ несчастію, надежды наши не оправдались и изъ брошюры г. Дренякина мы не только не узнали ничего новаго, но нашли въ ней

Библиотека "Руниверс"

менѣе данныхъ, чѣмъ въ двухъ страницахъ географическо-статистическаго словаря Семенова, посвященныхъ Бѣлгороду и его уѣзду, съ которыми авторъ даже не справился, не смотря на свое знаніе «члена сотрудника географическаго общества». Вся тощая, хотя роскошно изданная, брошюра (65+II стр.) раздѣлена, согласно заглавію, на двѣ части: историческую и статистическую. Въ статистической части помѣщены подъ видомъ статистическихъ таблицъ различныя перечневыя вѣдомости, не дающія метеріала ни для сличеній, ни для выводовъ; при чемъ мы замѣтили, что нѣкоторыя таблицы составлены по весьма странному методу: одни и тѣже заглавія надписаны и въ верхнихъ графахъ и въ боковыхъ и имъ конечно отвѣчаетъ одна и таже цыфра. Предоставляя впрочемъ статистикамъ судить о достоинствѣ этой части труда г. Дренякина, мы конечно обратились съ большимъ интересомъ къ исторической части, но здѣсь мы нашли даже не компиляцію, а простыя выписки изъ двухъ сочиненій, которыми, по неизвѣстной причинѣ, авторъ нашелъ возможнымъ исключительно ограничиться,—изъ «Городскихъ поселеній россійской Имперіи» и изъ статьи архимандрита Анатолія: «Бѣлгородъ и его святыня», помѣщенной въ «Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Хотя изъ выписокъ этихъ мы узнаемъ, въ чемъ впрочемъ и раньше мы не сомнѣвались, что Бѣлгорода (курскаго) не слѣдуетъ отождествлять ни съ Бѣлгородомъ кіевскимъ, ни съ Бѣлою Вѣжею хазарскою; но за то ни объ исторіи колонизаціи хотя-бы только бѣлгородскаго уѣзда, ни о значеніи бѣлгородскихъ воеводъ въ XVII ст., ни объ устройствѣ слободскихъ полковъ, мы не находимъ ничего, кромѣ намековъ на общіе, всѣмъ давно извѣстные факты. Воздержаніе свое по этому поводу авторъ объясняетъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, всѣ матеріалы для болѣе обстоятельной мѣстной исторіи «то вывезены, то подверглись тлѣнію, мышеѣду (sic) или пошли на обертку корицы и гвоздики». Изъ такого безнадежнаго и безвыходнаго положенія историкъ Бѣлгорода спасенъ только тѣмъ, что уцѣлѣли «Городскія поселенія россійской имперіи» и статья архимандрита Анатолія.

Прочитавъ книжку г. Дренякина, читатель невольно задаетъ себѣ вопросъ: къ чему и для кого она издана? На вопросѣ этотъ авторъ отвѣчаетъ, что онъ желалъ «распространить по лицу родной мѣстности вѣрныя о ней свѣдѣнія—новизну для большинства». Сомнѣваясь нѣсколько въ «новизнѣ» свѣдѣній, мы полагаемъ, что даже желанію популяризировать эти скудныя свѣдѣнія авторъ самъ положилъ довольно существенную преграду»,—его тощая во всѣхъ отношеніяхъ брошюра стоитъ 1 рубль. **В. А.**

Библиотека "Руниверс"

Сношенія императора Рудольфа II съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ угро-турецкой 1594—1592 года. Написалъ Корнило Закливскій. Львовъ. 1882 г.

Г. Корнило Заклинскій молодой, весьма трудолюбивый и талантливый галицко-русскій ученый, недавно еще выступилъ на литературное поприще. Если не ошибаемся, первый его трудъ появился на страницахъ научно литературнаго львовскаго журнала «Зоря» въ 1880 г., подъ заглавіемъ: «Руски лѣтописи и лѣтописцѣ XVII столѣтія». Въ этомъ трудѣ авторъ представилъ весьма тщательный и дѣльный разборъ т. н. козацкихъ лѣтописей XVII ст. Продолжая заниматься въ избранномъ направленіи, г. Заклинскій помѣстилъ въ годичномъ отчетѣ академической (русской) гимназіи во Львовѣ за 1882 г., въ которой онъ состоитъ учителемъ, монографію, заглавіе которой мы выписали.

Не смотря на скромный размѣръ предположенной задачи, г. Заклинскій познакомился весьма основательно съ многочисленными источниками и пособіями, относящимися къ избранному имъ сюжету и малѣйшую подробность обставилъ ссылками, свидѣтельствующими о крайне добросовѣстномъ отношеніи его къ историческому изученію. Кромѣ сочиненій и документовъ, относящихся непосредственно къ исторіи козачества и южной Руси, онъ изучилъ важнѣйшіе источники для исторіи Германіи, Турціи, Польши, Венгріи и Трансильваніи въ концѣ XVI столѣтія и извлекъ изъ нихъ всѣ указанія и данныя для своего сюжета. Очеркъ отличается живымъ и толковымъ изложеніемъ. Указаны причины борьбы Турціи съ Германіею и, вслѣдствіе завоевательной политики первой, изолированное положеніе императора Рудольфа второго въ то время, когда турки устремились съ усиленною энергіею на завоеваніе Венгріи. Вслѣдствіе малодушной и недальновидной политики Польши, императоръ Рудольфъ долженъ былъ одинъ вынести все бремя борьбы, средства-же его были весьма ограничены; члены германской имперіи не доставляли на военныхъ контингентовъ, ни денегъ, и императоръ принужденъ былъ силы для борьбы извлекать исключительно изъ своихъ родовыхъ владѣній. Между тѣмъ въ 1593 году сильная турецкая армія, подъ начальствомъ Синана-паши, переправилась черезъ Дунай, заняла южную часть Венгріи, вмѣстѣ съ ея столицею Будою, и овладѣла сильною крѣпостью Рабатъ; въ помощь этой арміи вызваны были крымскіе татаре; они цѣлою ордою прорвались черезъ польскія владѣнія, прошли Карпаты и соединились на Дунаѣ съ турецкою арміею. Среди столь трудныхъ обстоятельствъ при дворѣ императора въ Прагѣ появился политическій авантюристъ, нѣкто Станиславъ Хлопицкій, который, выдавая себя за козац-

Библиотека "Руниверс"

каго гетмана, предложилъ императору содѣйствіе козацкаго корпуса, числомъ въ 10,000 человѣкъ, которые будто отправили его въ Прагу, съ порученіемъ заявить свою готовность поступить на императорскую службу. Рудольфъ II не имѣлъ яснаго представленія о томъ, что такое козаки, и потому поручилъ своему послу, отправлявшемуся въ Москву, собрать справки по этому предмету. Посолъ вскорѣ донесъ, что въ Москвѣ совѣтуютъ принять козаковъ на службу, что это народъ воинственный, искони враждебный туркамъ и весьма удобный въ качествѣ наемнаго войска, особенно для партизанской войны. Получивъ это извѣстіе, императоръ рѣшился воспользоваться предложеніемъ Хлопицкаго и отправилъ къ казакамъ посла—Эриха Лясоту съ подарками и съ предложеніемъ явиться къ нему на помощь въ Венгрію и безпокоить турокъ нападеніями на ихъ владѣнія. Исторію этого посольства г. Заклинскій описалъ весьма подробно по извѣстному дневнику самаго Лясоты. Результатомъ договора, заключеннаго послѣднимъ съ козаками въ Сѣчи на Базавлукѣ, были три похода козаковъ противъ турокъ и ихъ союзниковъ, предпринятые въ 1594 и 1595 годахъ подъ начальствомъ Лободы и Наливайка. Первый походъ Наливайка, въ іюлѣ 1594 года, имѣлъ цѣлію произвести диверсію въ тылу турецкой арміи; Наливайко сжегъ города Тягинь, Килію и опустошилъ турецкія и татарскія поселенія по нижнему Дунаю и Пруту. Гораздо болѣе вліянія на общій ходъ войны имѣлъ походъ, предпринятый въ сентябрѣ того-же года на Молдавію; Лобода и Наливайко съ отрядомъ въ 12,000 козаковъ опустошили сѣверную Молдавію, заняли Яссы и разбили у Сучавы молдавскаго господаря Арона, вѣрнаго понынѣ вассала султана; пораженіе это заставило Арона отказаться отъ зависимости отъ Турціи и вступить въ союзъ съ волошскимъ господаремъ Михаиломъ и трансильванскимъ княземъ Сигизмундомъ Батори; союзники рѣшили отложиться отъ Турціи и подчиниться императору, который такимъ образомъ пріобрѣталъ весьма солидную поддержку въ борьбѣ съ турками. Комбинацію эту давно уже предлагалъ Сигизмундъ Батори, но она не могла состояться вслѣдствіе сопротивленія Арона, который принужденъ былъ приступить къ союзу только вслѣдствіе погрома, нанесеннаго ему козаками. Это важное политическое значеніе похода Лободы и Наливайка первый разъ указано г. Заклинскимъ, такъ какъ понынѣ, со словъ польскихъ бытописателей, обыкновенно полагали, что походъ этотъ былъ предпринятъ исключительно съ цѣлью грабежа. Наконецъ третій походъ состоялся въ августѣ 1595 года. Наливайко прорвался черезъ Карпаты въ Венгрію и до поздней осени принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ турокъ имперской арміи, состоявшей подъ начальствомъ эрцгерцога Максимиліяна. Въ 1596 году участіе

Библиотека "Руниверс"

козаковъ въ венгерско-турецкой войнѣ прекратилось, потому что въ это время имъ пришлось бороться съ поляками. Поводомъ этого столкновенія и были главнымъ образомъ походы козаковъ въ Венгрію, такъ какъ польское правительство въ данное время, руководясь взглядами канцлера Яна Замойскаго, старалось не только сохранить строгій нейтралитетъ, но и оказывало косвенно нерасположеніе къ императору и поддержку Турціи,—поляки пропустили черезъ свои владѣнія татаръ, стремившихся въ Венгрію и потомъ способствовали возведенію на престолъ Молдавіи господаря, расторгшаго союзъ христіанскихъ князей въ придунайскихъ земляхъ. Конечно при такомъ настроеніи польское правительство должно было воздержать козаковъ отъ походовъ въ помощь императору и потому приказало гетману Жолкевскому разсѣять ополченія Лободы и Наливайка.

Мы передали въ краткихъ чертахъ содержаніе монографіи г. Заклинскаго; остается намъ пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои изслѣдованія съ такими-же научными пріемами, какіе мы встрѣтили въ его первыхъ двухъ работахъ, и мы не сомнѣваемся, что онъ займетъ весьма почетное мѣсто среди тружениковъ, разрабатывающихъ исторію южной и западной Руси.

В. А.

О Богданѣ Хмельницкомъ, соч. И. П. Бущинскаго. Харьковъ, въ тип. Зильберга. 1882 г. 8°. 240.

Въ весьма недавнее время въ Харьковѣ вышла интересная по сюжету и проводимому въ ней взгляду книжка, заглавіе которой сейчасъ приведено. Авторъ оной, г. Бущинскій, силится, такъ сказать, пролить совершенно новый свѣтъ на личность Богдана Хмельницкаго, на его отношенія къ московскому государству и Украйнѣ, заявивъ, что онъ воспользовался матеріаломъ, который находится въ «польской коронной метрикѣ» и которымъ до сихъ поръ ни одинъ изъ изслѣдователей эпохи Богдана Хмельницкаго не пользовался.

«Польская коронная метрика» составляетъ собственно архивъ королевства польскаго, послѣ взятія Суворовымъ Варшавы, по повелѣнію императрицы Екатерины II, перевезенный въ Петербургъ. Впослѣдствіи часть этого архива перевезена въ Москву и въ настоящее время она составляетъ особый отдѣлъ въ главномъ московскомъ «архивѣ иностранныхъ дѣлъ». «Эти матеріалы, при надлежащемъ сопоставленіи и обсужденіи, говоритъ нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ, должны измѣ-

Библиотека "Руниверс"

нить вообще принятый наукою взглядъ на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многознаменательной эпохи».

Не входя въ разборъ книги Бупицкаго, а только дѣлая библіографическое извѣстіе, прибавимъ слова автора, по поводу смерти Богдана: «онъ (т. е. народъ украинскій) не получилъ отъ Богдана ничего, кромѣ ничтожнаго преемника, въ лицѣ его сына Юрія, которому приличнѣе было-бы «козацкіе куренн подметать, по выраженію народной думы, чѣмъ гетманствовать», ничего, кромѣ смутъ, волненій, междоусобій и тысячи новыхъ бѣдствій».

Эпиграфомъ къ книгѣ взяты слѣдующія слова изъ народной пѣсни:

О бодай Хмеля Хмельницкого
Перва куля не минула...
А друга устрелила,
У серденько уцелила.

Мы указали основную мысль автора; какъ онъ справился съ нею, насколько успѣлъ раскрыть и подтвердить оную положительными историческими данными, съ помощію стараго и новаго матеріала, о томъ будетъ сказано особо. Выдающаяся историческая личность Хмельницкаго и установившіеся въ наукѣ взгляды на него требуютъ, конечно, осторожнаго и крайне серьезнаго обращенія съ ними. Остался-ли авторъ названной книги вѣрнымъ этой мысли, увидимъ впослѣдствіи.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПАНЪ ЯНЪ МОНАСТЫРСКІЙ,

(раціональный хозяинъ-помѣщикъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія).

Обыкновенно разсказываютъ, что помѣщики нашего края во времена крѣпостнаго права заботились о томъ, чтобы привести своихъ крестьянъ въ самое лучшее экономическое положеніе,—что это было прямо въ интересахъ самого помѣщика, что если и жилось тяжело крестьянамъ, если и бывали они поставлены въ безвыходное положеніе, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда село было отдано въ поссесію или вообще на тѣхъ или другихъ условіяхъ находилось во временномъ владѣніи какого-нибудь лица. Далеко не такъ было на самомъ дѣлѣ, далеко не такъ думалъ самъ помѣщикъ, желавшій и умѣвшій, какъ можно больше, извлечь пользы изъ своего имѣнія; онъ, напротивъ того, старался, какъ можно больше, обнищить своихъ крестьянъ, убить ихъ морально, принудить сдѣлаться его должниками и такимъ образомъ превратить въ своихъ вѣчныхъ экономическихъ рабовъ. У насъ подъ рукой нѣсколько уголовныхъ дѣлъ начала двадцатыхъ годовъ этого столѣтія о угнетеніи помѣщиками своихъ крестьянъ, и помѣщики эти, по заявленію современниковъ, сосѣднихъ съ первыми пановъ, хорошіе, разумные хозяева; таковы: въ кіевскомъ уѣздѣ—помѣщикъ Рущицъ, владѣтель с. Рубежевки, въ липовецкомъ уѣздѣ—Ягеловичъ, владѣ-

Библиотека "Руниверс"

тель с. Терлицы, Халандовой, въ звенигородскомъ—Янъ Монастырскій, повѣтовый хорунжій, владѣтель Окниной, Рушковки и Неморожа. Изъ нихъ болѣе характерный послѣдній, и дѣло [1]) его съ неморожскими крестьянами полнѣе дѣлъ первыхъ двухъ, на немъ мы остановимся и покажемъ, въ чемъ заключалась его раціональная система хозяйства.

Въ началѣ 1816 года въ с. Неморожъ пріѣхалъ новый владѣлецъ, Монастырскій, купившій его у помѣщика Чарковскаго; послѣдній, собравъ все неморожское общество въ свой дворъ, представилъ ему новаго повелителя. Не весело встрѣтили неморожане такую перемѣну; они знали, какъ хозяйничалъ Монастырскій въ недалеко лежащемъ отъ Неморожа селеніи Окниной, и громко заявляли опасенія на счетъ ожидающей ихъ участи: „пропали жъ мы теперь", говорили они при представленіи. Чарковскій, хотя владѣлъ Неморожемъ въ пору значительнаго усиленія крѣпостнаго права въ звенигородскомъ уѣздѣ, но опасаясь борьбы съ крестьянами, не измѣнялъ издавна заведеннаго инвентаря, и крестьянамъ жилось болѣе или менѣе сносно, было нѣсколько хозяевъ, которые жили даже богато. Монастырскій, какъ новый владѣлецъ и опытный хозяинъ, ничего не побоялся, ничѣмъ не стѣснялся; онъ тутъ же въ дворѣ предложилъ крестьянамъ новое условіе:

— Вы до сеи поры робили панщины по три дні въ тыждень, відъ кожной хати, говорилъ онъ неморожской громадѣ, а теперь мені робіть по три дні відъ кожной души, а за се я платитиму за васъ всі казенни податки и чиншу не буду требовать въ васъ!

— Добре, пане! коли такъ, то будемо робить по три дні видъ душі, отвѣтили селяне, соглашаясь на предложеніе своего новаго помѣщика; но письменно никакого условія не заключали; „мы думали, говорили они въ послѣдствіи на судѣ, що якъ договорились, то такъ и повинно буть". Монастырскій этого не думалъ, а сдѣлалъ такое предложеніе только для облегченія перехода къ новымъ условіямъ,—онъ заплатилъ подати за первую половину 1816 года, а дальше заставилъ уплачивать самихъ крестьянъ; условленную жъ

[1]) Дѣло изъ звенигородскаго повѣтоваго суда о угнетеніи помѣщикомъ Монастырскимъ крестьянъ с. Неморожи 1823 г., хран. въ кіев. цент. арх.

Библиотека "Руниверс"

работу все-таки требовалъ: всякій крестьянинъ и крестьянка отъ пятнадцати до пятидесяти лѣтъ должны были выходить на барщину по три дня въ недѣлю; при этомъ Монастырскій такъ опредѣлилъ рабочій день, что крестьяне вмѣсто трехъ дней часто должны были работать пять, шесть, а иногда оканчивали и въ седьмой. Въ лѣтнее время онъ положилъ для каждой рабочей души урочной работы—пажать въ три дня пять копъ сноповъ, мѣрою каждый „въ шесть пядей", т. е. полтора аршина,—работа, которую самый лучшій работникъ едва можетъ выполнить въ четыре дня; зимой каждому нужно было вымолотить такую копу въ одинъ день; „такъ що мы молотимъ—молотимъ цілый тиждень, а въ неділю, якъ задзвонять усі дзвоны, и у людей до церкви йдуть Богу молиться, мы стаемъ віяти паньське жито",—объясняли неморожане трудность этой работы.

Жали у Монастырскаго не только рожь да пшеницу, но и овесъ, ячмень, просо, косили только траву, такъ что лѣтомъ почти все время у крестьянъ уходило на экономическія работы; если успѣвали они сдѣлать что нибудь для себя, то пользовались для этого воскресеньями и лунными ночами. Оканчивали неморожане у себя жатву, но барщина еще оставалась за ними, тогда Монастырскій выгонялъ ихъ на работу въ Окнину или Рушковку, при чемъ приказывалъ набирать и харчей своихъ. Впрочемъ, кто не имѣлъ или же по какой либо другой причинѣ не могъ взять съ собой съѣстныхъ припасовъ, тому давали въ Окниной кашу изъ остатковъ отъ всякихъ круповъ и хлѣбъ, черный какъ земля, изъ „посліду" жита, ячменя, гречки, гороху и овса, да и того давалось очень мало. На переходъ туда и обратно въ Неморожъ употребляли обыкновенно два дня, но этого Монастырскій въ счетъ барщины не вносилъ; да и по возвращеніи изъ Окниной не давалъ „отдохнить" (т. е. поработать для себя), а сейчасъ-же гонялъ на экономическія работы.

Наставала уборка хлѣба съ поля на гумно, и крестьяне должны были по цѣлымъ недѣлямъ работать въ пользу помѣщика своимъ скотомъ и возами; а на воскресенье Монастырскій приказывалъ возы ихъ запирать на гумнѣ, чтобы никто изъ крестьянъ не могъ свезти съ поля своего хлѣба раньше помѣщика, такъ что у многихъ крестьянъ если не пропадалъ хлѣбъ на нивѣ, то простоявъ

Библиотека "Руниверс"

сжатый до поздней осени на полѣ отъ частыхъ дождей, бывающихъ въ это время года, проросталъ и сгнивалъ въ копнахъ. Да и на слѣдующій урожай у многихъ крестьянъ не было никакой надежды. Монастырскій распорядился, чтобы сначала были покончены всѣ экономическія полевыя работы, и только по окончаніи таковыхъ позволилъ крестьянамъ пахать для себя; запашка была сдѣлана поздно и наскоро, изъ посѣяннаго что взошло, то вымерзло отъ наступившихъ вскорѣ холодовъ, а что не взошло, то такъ и сгнило зерномъ въ землѣ.

Пришла зима, неморожане оказались безъ хлѣба, а Монастырскій не отпускаетъ никуда на заработки; тогда кто былъ побогаче, продавалъ своему-же помѣщику что нибудь изъ своего имущества—лошадь, вола, корову, конечно, за безцѣнокъ, а тѣ, что были побѣднѣе, должны были обратиться къ Монастырскому съ просьбой дать въ займы. Монастырскій съ удовольствіемъ удовлетворялъ ихъ просьбѣ, но выдавалъ „нечистое зерно“, а на слѣдующій годъ требовалъ чистаго и на бо́льшую мѣру. Конечно, при такихъ условіяхъ крестьяне никогда не могли вполнѣ возвратить занятаго, напротивъ того, все болѣе и болѣе влѣзали въ долги; тогда Монастырскій сталъ переводить долгъ на барщину и вмѣсто занятаго требовалъ извѣстное количество рабочихъ дней.

Прохозяйничавъ такимъ образомъ въ теченіи двухъ лѣтъ, Монастырскій успѣлъ до половины неморожскихъ крестьянъ превратить въ своихъ должниковъ; оставалась другая половина изъ болѣе зажиточныхъ, привести и этихъ въ такое положеніе онъ поручилъ племяннику своему Бардецкому, а самъ переѣхалъ въ Рушковку.

Бардецкій началъ прямо грабить крестьянъ: какъ-то въ экономическій дворъ запла свинья съ поросятами крестьянина Гончара, Бардецкій приказалъ загнать ее въ хлѣвъ и на другой день за обѣдомъ наслаждался жаркимъ изъ Гончаренаго поросенка; вѣроятно, такая-же участь постигла-бы и всѣхъ прочихъ поросятъ и самую свинью, если-бы пастухъ не тронулся просьбами Гончара и ночью не выпустилъ ихъ изъ хлѣва. У Юрія Горбаченка онъ-же Бардецкій „взялъ насильно одного барана и употребилъ въ свою пищу“. У Андрея Кишлыка, скупившаго съ крестьяниномъ Мов-

Библиотека "Руниверс"

чаномъ по разнымъ мѣстамъ „лісокъ для обручей“, тотъ-же племянникъ отнялъ весь матеріалъ, а хозяевъ заковалъ въ желѣзныя пута и закованныхъ употреблялъ въ теченіи недѣли для молотьбы хлѣба. И слуги экономическіе, смотря на своихъ пановъ, поступали точно также; такъ, асаулъ Макогонъ, увидавъ на полѣ подлѣ стоявшихъ въ связкахъ конопель укормленнаго кабана одного крестьянина, убилъ его, осмалилъ и саломъ подѣлился съ Бардецкимъ.

Но больше всѣхъ потерпѣлъ Максимъ Бурсакъ; предки его, какъ разсказывалъ онъ въ своемъ прошеніи, лѣтъ двѣсти тому назадъ поселились около озера, называемаго Неморожъ, и вырубивъ тутъ часть лѣса, стали пахать расчищенную землю; затѣмъ построили мельницу, винокурню и всѣмъ этимъ пользовались, платя помѣщику условленный чиншъ. На такихъ-же основаніяхъ думалъ пользоваться достояніемъ своихъ предковъ и Максимъ съ двумя братьями. Монастырскій стерпѣлъ два года, а на третій подъ разными предлогами приказалъ Бардецкому разобрать винокурню, въ мельницу посадить другого мельника, а Бурсака выселить въ избу перваго. Бурсакъ занесъ жалобу въ судъ, но безуспѣшно; тогда Монастырскій обвинилъ его „въ ослушности помѣщичьей власти“, приказалъ высѣчь, отнять скотъ, заковать въ кандалы и, какъ крѣпостнаго, выгонять на барщину. Еще разъ попробовалъ Бурсакъ жаловаться на Монастырскаго, указывалъ при этомъ на свое шляхетское происхожденіе, на которое, впрочемъ, документовъ не имѣлъ,—указывалъ на затраты, произведенныя его предками и имъ самимъ при постройкѣ мельницы, винокурни; но напрасно, судъ его доводовъ не слушалъ, и Бурсакъ долженъ былъ позабыть о своихъ вольностяхъ и сдѣлаться крѣпостнымъ Монастырскаго.

Такое разореніе понуждало многихъ оставлять свое село и уходить то на заработки, то на поселеніе въ Бессарабію, Херсонщину; этимъ пользовался Монастырскій, какъ нельзя лучше: бѣгство, даже всякая попытка къ бѣгству давала ему поводъ завладѣть всѣмъ имуществомъ бѣглеца и завладѣть безвозвратно; если и возвращался крестьянинъ назадъ въ свое село, имущество его все таки удерживалось въ экономіи, и помѣщикъ объяснялъ, что оно удерживается, или въ предотвращеніе побѣга, или за неотработанную бѣглецомъ барщину и уплоченныя будто-бы за него казенныя

Библиотека "Руниверс"

подати, хотя подати были взысканы Монастырскимъ съ общества, а заведенную барщину отрабатывалъ крестьянинъ по возвращеніи. Впрочемъ, убѣжавшіе рѣдко сами, по своей волѣ возвращались назадъ; ихъ отыскивали и возвращали дворовые люди Монастырскаго,— своего рода ищейки, такъ вышколенные своимъ паномъ, что достаточно было имъ разъ напасть на слѣды бѣглецовъ, и они доходили по нимъ до мѣста укрывательства, призывали на помощь полицію и при ея содѣйствіи доставляли къ своему помѣщику.

Кромѣ того всякая экономія имѣла право остановить проходившихъ черезъ село крестьянъ и потребовать у нихъ паспорта, и если такого не оказывалось, то долженъ былъ представить ихъ или въ полицію, или прямо къ ихъ владѣльцу. Такъ и случилось съ тремя неморожскими крестьянами: Маковѣемъ, Коваленкомъ и Набащенкомъ, которые ушли было безъ вѣдома экономіи на заработки въ Херсонщину; въ селеніи Новой Парасковеи ихъ встрѣтилъ помѣщикъ Ивановъ, потребовалъ билета, и когда не могли его представить, то Ивановъ, отнявъ у нихъ заработанные ими девяносто пять рублей, препроводилъ бѣглецовъ въ Рушковку къ Монастырскому. Тутъ ихъ ожидала панская немилость. Монастырскій приказалъ днемъ заковывать ихъ въ кандалы и въ такомъ видѣ выводить на работу, а на ночь набивать на ноги колодки и запирать въ имѣвшуюся для такихъ цѣлей въ каждомъ имѣніи Монастырскаго „мурованую тюремку“. Такъ они работали въ теченіи семи недѣль; на восьмой помѣщикъ, собравъ все рушковское общество, для отвращенія и другихъ отъ побѣга велѣлъ наказать бродягъ по голому тѣлу въ двѣ розги: съ одной стороны сѣкъ асаулъ Макогонъ, а съ другой дворецкій Монастырскаго, и дали каждому по триста ударовъ. Затѣмъ избитыхъ до крови положили на повозки и отвезли въ Неморожъ; здѣсь по настоянію Монастырскаго они должны были дать клятвенное обѣщаніе въ церкви передъ евангеліемъ въ томъ, что въ другой разъ не уйдутъ изъ села; но и это казалось Монастырскому недостаточнымъ, онъ потребовалъ, чтобы каждый изъ нихъ представилъ по три поручителя изъ надежныхъ крестьянъ, и только когда таковые были представлены, Монастырскій позволилъ снять съ нихъ кандалы. Вскорѣ послѣ этого дворовые привели изъ бѣговъ крестьянина Лобзенка, Монастырскій наказалъ его „немилосерднымъ образомъ розгами“, а потомъ велѣлъ

Библиотека "Руниверс"

мальчику, покоевому козачку, Дарнадѣ поливать окровавленную спину уксусомъ, смѣшаннымъ съ водкой, посыпать солью и растирать по избитымъ мѣстамъ. „Дарнада исполнялъ приказаніе пана, Лобзенко-же производилъ ужасный крикъ и вопль“; затѣмъ панъ обрилъ Лобзенку половину головы, одну щеку, усъ и въ такомъ видѣ отпустилъ его домой.

Въ другой разъ, пересылая изъ Рушковки въ Неморожъ бѣглецовъ, Монастырскій такъ писалъ Бардецкому: „этимъ гунцволамъ,—збѣгамъ выправить кожу въ пятницу подлѣ корчмы или гдѣ найболѣе собирается народа; приказываю непремѣнно дать каждому по сто розокъ; къ исповѣди можно снять кандалы, а какъ отговѣются, сейчасъ-же заковать и посадить въ тюремку, чтобы и другіе, смотря на нихъ, не имѣли повадки къ бѣгству“.

Такое-же наказаніе ожидало всякаго, ослушавшагося приказанія помѣщика или служителей его; крестьянина Левченка за то, что не успѣлъ почистить къ пріѣзду Монастырскаго винокуренныхъ котловъ, Монастырскій велѣлъ Бардецкому бить толстою палкою; за двадцатымъ ударомъ палка переломалась, тогда Монастырскій замѣтилъ Бардецкому: „если такъ погано наказываешь при мнѣ, то безъ меня, вѣроятно, и того не дѣлаешь“, и схвативъ кочергу, билъ Левченка до усталости. Наказаніе было такъ жестоко, что даже такой жестокосердый человѣкъ, какъ асаулъ Макогонъ, не могъ выдержать и ушелъ, чтобы не видѣть этой картины. Левченка подняли едва живаго съ земли.

Не миловали и женщинъ, даже беременныхъ: Ульяну Неговенкову за то, что не вывела съ собой, какъ приказывалъ Бардецкій, своей одиннадцатилѣтней дочери жать экономическую пшеницу, тотъ-же Бардецкій велѣлъ асауламъ повалить на землю и своеручно наказалъ розгой, сложенной изъ трехъ прутьевъ, не смотря на то, что Ульяна замѣтно была беременна, да и сама она заявляла объ этомъ Бардецкому; черезъ четыре дня послѣ этихъ побоевъ Неговенкова родила невременно не живаго ребенка. Такихъ случаевъ заявлено крестьянами до восьми.

Монастырскій достигъ своей цѣли: какъ ни эксплоатировалъ своихъ крестьянъ, сколько ни билъ ихъ, какъ ни издѣвался надъ ними, они все молча сносили. Между тѣмъ почти весь крестьянскій скотъ перешелъ въ его непосредственное владѣніе: „бываю

Библиотека "Руниверс"

за владѣнія помѣщика Чарковскаго, объясняли крестьяне свою бѣдность, собираютъ самыхъ хорошихъ воловъ, и выходитъ на поле двѣнадцать плуговъ шестиволовыхъ, теперь-же собираютъ и негодныхъ къ работѣ бычковъ, и то не выходитъ даже восьми плуговъ". Теперь каждый крестьянинъ по уши въ долгахъ у Монастырскаго, и послѣдній можетъ безвозмездно пользоваться на законномъ основаніи крестьянскимъ трудомъ въ теченіи всего года, а въ случаѣ жалобы со стороны крестьянъ можетъ выставить себя на судѣ, какъ это онъ и сдѣлалъ, даже благодѣтелемъ своихъ подданныхъ, потому что не разъ давалъ хлѣбъ на отработокъ, нѣкоторыхъ на такихъ-же условіяхъ снабжалъ одежей, и, кто знаетъ, до чего довелъбы онъ неморожанъ, если-бы ненаскочилъ на крестьянина Андрея Погорѣлаго, который находился семь лѣтъ въ бѣгахъ и за это время отвыкъ отъ рабской покорности. Погорѣлый былъ когда-то въ Окниной придворнымъ рыбалкой Монастырскаго и обязанъ былъ ежедневно доставлять къ столу помѣщика опредѣленное количество рыбы; случалось, что, не смотря на всѣ его старанія, рыба не шла въ сѣти, и Погорѣлый не могъ доставить требуемаго; тогда Монастырскій строго наказывалъ его. Выдержалъ Погорѣлый три наказанія, за четвертымъ, оставивъ въ селѣ жену и двухъ сыновей", ушелъ въ Бессарабію; устроился тутъ, обзавелся хозяйствомъ и черезъ семь лѣтъ подъѣхалъ къ Окниной, чтобы „подхватить жену, сыновей" и увезти съ собой въ Бессарабію, но былъ пойманъ, ему обрили половину головы, набили на ноги колодки и заставили молотить хлѣбъ; тутъ Погорѣлый сталъ подговаривать крестьянъ подать жалобу на помѣщика въ губернское правленіе, и Монастырскій, опасаясь худыхъ послѣдствій отъ пребыванія Погорѣлаго среди его крестьянъ, отправилъ его, какъ бродягу въ судъ. На судѣ Погорѣлый объяснилъ всѣ причины, побудившія его къ бѣгству, разсказалъ, что и другіе крестьяне претерпѣваютъ отъ его помѣщика. Такъ было поднято дѣло объ угнетеніи Монастырскимъ своихъ подданныхъ;—окончилось оно для крестьянъ почти ничѣмъ, такъ какъ Монастырскій обставилъ себя съ юридической стороны довольно хорошо, да къ тому-же умеръ вскорѣ, а наслѣдники склонили крестьянъ къ медіаторскому суду; послѣдній рѣшилъ крестьянамъ за смертью виновника предать все забвенію, а наслѣдникамъ не требовать на работу по праздникамъ и воскрес-

Библиотека "Руниверс"

нымъ днямъ. Десять лѣтъ тому назадъ намъ случилось провести каникулы въ Неморожи, и тогда еще помнили и разсказывали крестьяне о раціональномъ хозяинѣ; ни время, ни гнетъ офранцуженнаго нѣмца Рота не изгладили памяти о Монастырскомъ.

К—ко.

ВАСИЛЬКОВСКАЯ ТАМОЖНЯ И ГОРОДНИЧІЕ—МОНАХИ *).

Если вамъ, читатель, случалось когда проѣзжать уѣздный городъ кіевской губерніи Васильковъ и направляться отъ него далѣе къ югу,—вы, конечно, не приходили къ мысли, что оставляете Россію и уѣзжаете за границу... Но въ подобномъ положеніи долженъ былъ чувствовать себя до конца почти прошлаго столѣтія всякій русскій и иностранецъ, не исключая даже историческаго графа Фалькенштейна, или императора Іосифа II, ѣхавшаго этимъ-же путемъ для свиданія въ Каневѣ съ императрицею Екатериною II. Со времени андрусовскаго договора между Россіею и Польшею и до конца прошлаго столѣтія Васильковъ, древній Василевъ, городъ Владиміра В., родина препод. Ѳеодосія печерскаго, былъ пограничнымъ городомъ, а отъ него до границъ Запорожья въ исконной землѣ русской была Польша. „Переѣхали границу русскую близъ Василькова", „ушелъ отъ Василькова за границу", „въ Польшу ушелъ",—такъ говорили здѣсь вплоть до 1792 г. Собственно граница проходила въ 6 или 8 верстахъ за Васильковымъ, въ с. Мытницѣ, какъ проходитъ теперь напа съ Австріею граница въ 8 верстахъ отъ г. Томашева люблинской губерніи.

Со временъ Владиміра св. и до нашихъ дней лучшее время для Василькова было именно то, когда онъ состоялъ пограничнымъ городомъ. Тутъ была русская таможня, пограничная таможенная команда, состоявшая частію изъ кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ, частію изъ малороссійскихъ козаковъ, присылавшихся сюда изъ гетманщины на извѣстные сроки, отсюда давались эскорты для

*) Основаніемъ настоящаго разсказа послужило для насъ неполное 1777 г. дѣло архива б. кіево-губернской канцеляріи «о найденныхъ въ печерской крѣпости подметныхъ письмахъ» и другія отрывочныя бумаги того же архива.

Библиотека "Руниверс"

проѣзжавшихъ за границу высокихъ особъ или конвои для разныхъ служащихъ, по дѣламъ въ Польшу, Запорожье и Турцію отправлявшихся; тутъ живали по долгу или съѣзжались пограничные польскіе и русскіе комиссары, разбирая сосѣдственныя тяжбы; тутъ очищались пошлиною товары, сюда съѣзжалось множество купцевъ и другихъ людей, тутъ кипѣла торговля, примѣчалась смѣсь нарѣчій и племенъ. Словомъ: Васильковъ былъ населенъ, оживленъ, какъ никогда во всю свою свыше тысячелѣтнюю исторію.

Кромѣ множества другихъ властей и чиновъ, тутъ жилъ городничій, не тотъ городничій, котораго воспѣлъ Гоголь и который ведетъ свой родъ отъ знаменитаго городоваго положенія Екатерины II. Нѣтъ, этотъ городничій никакого мундира не носилъ, Свистуновыхъ и Держиморд не держалъ, купцовъ и никого не обиралъ, не только базарнаго, но и вообще мяса на пробу даже не бралъ и вовсе не употреблялъ и никакихъ этакихъ заборовъ не ставилъ... Короче сказать: это былъ городничій—монахъ. На немъ часто не было никакого священнаго чина и никакихъ внѣшнихъ отличій: подрясникъ и на головѣ шлычекъ, или „подкапокъ черпечій“—вотъ и весь его костюмъ. Но это была дѣйствительная и значительная власть, съ которою считались другія мѣстныя власти, представитель такъ сказать особаго вѣдомства, начальникъ отдѣльной части, и если-бы въ тѣ поры созывались, какъ теперь, на парадные обѣды представители отдѣльныхъ вѣдомствъ и частей, то городничій—монахъ занималъ-бы на нихъ не послѣднее мѣсто.

Городничими въ прошломъ столѣтіи и раньше того во всей Малороссіи назывались монахи, управлявшіе монастырскими населенными имѣніями, а крѣпостные монастырей назывались ихъ „подданными“. Надъ этими-то подданными они и начальствовали, распоряжаясь ихъ трудомъ, имуществомъ и самою судьбою. *De jure* городничій былъ представитель доминіальной монастырской власти, *de facto*—сама эта власть. Въ отношеніи къ другимъ властямъ тѣмъ большее онъ имѣлъ значеніе, чѣмъ выше было учрежденіе, представителемъ котораго онъ являлся и именемъ котораго дѣйствовалъ. Для „подданныхъ“ онъ былъ ближайшею и единственною видимою ими властію. Хорошъ былъ городничій и „подданнымъ“ жилось хорошо. Онъ управлялъ ими, но онъ-же и отстаивалъ ихъ предъ всѣми, въ случаѣ нужды. Когда примемъ въ разсчетъ, какую нужду въ

Библиотека "Руниверс"

захолустной жизни имѣетъ всякій въ производителѣ и работникѣ—селянинѣ, тогда поймемъ, какое значеніе имѣлъ городничій въ глазахъ лицъ соприкасавшихся съ его „подданными“.

Городничій въ Васильковѣ былъ такъ сказать на особомъ счету. Васильковъ съ 1259 г. и по 1786 г., т. е. до введенія въ Малороссіи монастырскихъ штатовъ, принадлежалъ кіево-печерской лаврѣ; такимъ образомъ васильковскій городничій являлся представителемъ въ извѣстномъ отношеніи этой древнѣйшей и пользовавшейся тогда особымъ почетомъ обители. Столкновенія его съ другими мѣстными властями возникали на почвѣ мелкой будничной жизни и принимали острый характеръ, когда та и другая сторона начинали считаться правами и достоинствомъ. Жалобы восходили къ высшимъ духовнымъ и гражданскимъ властямъ и тогда *писала губернія*... Начиналось напр. съ того, что какая нибудь военная или гражданская власть хотѣла попользоваться подводою или фуражемъ отъ подданныхъ св. обители. Городничій горячо отстаивалъ ихъ „неподлеглость“. Обиженная власть записывала это на счетъ и подловивъ лаврскихъ подданныхъ въ контрабандѣ или какихъ либо спорахъ съ пограничными жителями Польши, привлекала ихъ къ отвѣтственности. Городничій защищалъ; тогда мелкіе случаи ссоръ возводились въ „нарушеніе сосѣдственной съ Польшею пріязни“ и дѣло принимало характеръ политическій, международный. Проигравшая сторона искала новаго случая поддѣть противную ей и бой снова закипалъ. Столкновенія учащались, счеты усложнялись, борьба властей становилась какъ-бы традиціонною. Именно такого рода вражда существовала, кажется, между васильковскими городничими и ихъ „подданными“ съ одной и таможенными властями съ другой стороны. Иногда они обмѣнивались своими естественными ролями, что ясно указывало на искуственность борьбы съ прямымъ намѣреніемъ отстоять т. ск. честь полка. Подобный случай былъ въ 1744 г. На командовавшаго въ ту пору васильковскимъ форпостомъ секундъ-маіора Кульнева нашло вдохновеніе позаботиться о доброй нравственности своихъ солдатъ и васильковскихъ обывателей. Онъ требовалъ отъ городничаго іеромонаха Максима, чтобы тотъ „искоренилъ“ размножившихся въ Васильковѣ женщинъ легкаго поведенія; городничій вдался въ несвойственный его сану и званію либерализмъ, „ничего съ тѣми женщинами не учинилъ,

Библиотека "Руниверс"

кромѣ какъ одобрилъ, и объявилъ, что они де добрые люди". Раздосадованный секундъ-маіоръ подловилъ одну изъ такихъ добрыхъ женщинъ и взялъ ее подъ караулъ, а кіево-губернской канцеляріи обо всемъ написалъ и просилъ указа, что съ нею учинить. Генералъ-губернаторъ не похвалилъ такой ревности секундъ-маіора и, по поводу его репорта, написалъ лишь къ архимандриту кіево-печерской лавры: „понеже м. Васильковъ вѣдомства вашей превелебности зъ братіею, а къ кіево-губернской канцеляріи ничѣмъ не присутствуетъ, и того ради къ надлежащей о вышеписанномъ резолюціи предаю вашей превелебности зъ братіею, а секундъ-маіору Кульневу изъ кіево-губернской канцеляріи предложено, дабы онъ означенную жонку изъ-подъ караулу свободилъ и отдалъ, кому отъ вашей превелебности опредѣлено будетъ, да и впредь-бы до подданныхъ кіево-печерской лавры ничѣмъ не интересовался, но представлялъ-бы о томъ вашей превелебности".

Секундъ-маіору не трудно было, кажется, сообразить, что кто и виною развившейся въ Васильковѣ проституціи, какъ не его-же подчиненные и что слѣдовало ему подтянуть команду прежде, чѣмъ выступать въ роли учителя строгости нравовъ и обличителя распущенности подданныхъ св. лавры; но желая насолить чѣмъ-то задѣвшему его противнику, онъ видимо зарвался и отъ того проигралъ.

Какъ въ данномъ, такъ и въ другихъ случаяхъ столкновеній между названными властями пафзжала, такъ сказать, пограничная команда; городничіе только стояли за интересы и обиды управляемыхъ или подданныхъ. Въ 1761 г. лавра вела дѣло въ кіево-губернской канцеляріи о растлѣніи барабанщикомъ васильковской форпостной команды Казановымъ десятилѣтней дочери васильковскаго жителя Романа Максименка; въ 1776—77 г. велось также другое дѣло объ изнасилованіи дочери одного изъ жителей таможеннымъ копіистомъ Семеномъ Человымъ. Гораздо чаще возникали дѣла по жалобамъ на вымогательства со стороны пограничныхъ властей и кражи совершаемыя солдатами и козаками пограничной стражи, а причиною этихъ послѣднихъ были злоупотребленія въ продовольствіи солдатъ, по которымъ вся команда, какъ позже сознавался самъ начальникъ оной, вовсе не имѣла, „чѣмъ себя пропитать, а козаки питались только милостынею". Сами командиры

Библиотека "Руниверс"

смотрѣли сквозь пальцы на продѣлки своихъ подчиненныхъ, а второстепенные и третьестепенные изъ числа начальствующихъ и сами подражали имъ. Въ особенности отличался по этой части сотникъ Лисянскій. Ходила молва, что онъ состоялъ въ родствѣ съ архимандритомъ кіево-михайловскаго монастыря и по его ходатайству былъ назначенъ въ „васильковскую дистанцію". Ему все сходило съ рукъ, да и по другимъ многочисленнымъ случаямъ, до него возникавшимъ, васильковскіе жители ничего дойти не могли. Много разъ жаловались они самой лаврѣ, не разъ послѣдняя возбуждала иски о кражахъ, но ничего изъ того не выходило. Въ 1771 г. успѣли уличить едва одного козака, а съ 1771 по 1775 г., по свѣдѣніямъ лавры, у васильковскихъ жителей было украдено нижними чинами пограничной команды на огромную по тогдашнимъ цѣнамъ сумму 606 р. 74 к. Крали хлѣбъ, сѣно и овесъ, уводили воловъ и коровъ, телятъ и овецъ, похищали кабановъ, куръ и гусей. Жители Василькова потеряли всякое терпѣніе, а между ними были не просто грамотные, но и начитанные, какъ замѣтить можно по описямъ имуществъ умершихъ изъ нихъ, въ которыхъ между разною рухлядью значились и книги. Придумано было (кѣмъ и при какихъ пособіхъ,—неизвѣстно) крайнее, радикальное средство, чтобы обуздать расходившуюся пограничную команду,—средство на столько неподходящее къ той мѣстности и средѣ, въ которыхъ оно было продѣлано, что оно было-бы совершенно не мыслимо, если-бы не переплелись къ этому времени самымъ страннымъ образомъ отношенія двухъ такъ долго препиравшихся между собой вѣдомствъ—монастырскаго и таможеннаго. Тутъ, по видимому, явились перебѣжчики съ той или другой стороны, и дѣло приняло громкую извѣстность.

10 іюля 1771 г., вечеромъ, когда въ святой печерской обители все отошло уже ко сну, фурьеръ Коноваловъ запиралъ всѣ крѣпостныя ворота. Направляясь съ ключами къ дому оберъ-коменданта, на дорогѣ, близъ осодосіевской церкви, не смотря на наступившій сумракъ, онъ усмотрѣлъ два кѣмъ-то брошенные пакета. Поднявъ и осмотрѣвъ находку, онъ снесъ ее къ плацъ-маіору Ивану Тряскину. Пакеты оказались запечатанными; на одномъ былъ адресъ оберъ-коменданту Ельчанинову, на другомъ—секундъ-маіоръ Куликову. Тряскинъ доставилъ ихъ по принадлежности. Когда оберъ-комендантъ вскрылъ принесенный ему пакетъ, въ немъ оказались стихи съ такимъ заглавіемъ и содержаніемъ:

Библиотека "Руниверс"

1. Вопль пограничныхъ жителей въ васильковской дистанціи

Пронесся вездѣ слухъ, что ѣдетъ на форпости
Лѣсянской сотникъ! тотъ, который былъ не простий,
Который ушъ давно навелъ жителямъ страхъ,
Чтобъ воловъ и коровъ держать имъ на цѣпяхъ;
Барановъ, кабановъ и протчіихъ живностей
Глоталъ онъ хитро все, не оставля и костей.
Но пріѣздѣ-жъ ево въ тотъ городъ Васильковъ,
Трепетали ужъ всѣ, вспомня, что онъ каковъ,
И въ храмѣ Покрова молися всеусердно,
Чтобъ отъ напастей тѣхъ пребывать имъ безъвредно.
По выходѣ-жъ изъ храма кричали всѣ согласно,
Что настало для нихъ время опасно,
И согласясь потомъ, здѣлали совѣтъ таковъ,
„Чтобъ вѣшать на коморѣ по десяти замковъ,
Кошары укрѣплять, спущать съ цѣпей собаки,
Бо пойдутъ отъ нево вездѣ опять козаки
Воловъ, коровъ таскать и все, что попадетъ,
А въ чемъ спомогутся, то онъ въ опыхъ отъберетъ.
Съ ними-жъ дѣлясь мясомъ, а кожи сохранитъ,
А вычиня опять велитъ сапоги шить;
На каждую редуту положитъ онъ налогъ,
Чтобъ черезъ двѣ недѣлѣ здѣлали пять паръ сапогъ.
Лой, сало велитъ красть, стопя вливать въ мазницу,
Вымазавъ сапоги, пошлетъ онъ за границу,
Тайно то учиня, и отъ ближнихъ вреда
Не имѣя, совѣсти, ни малаго стыда.
Въ попа кобылу вкралъ, отвелъ се въ табунъ,
Но вскорѣ попъ позналъ, такъ руками вернулъ.
То што лошадей красть, то всѣ уступятъ воры,
И инструменты въ нево есть, не устоятъ коморы.
Съ кладовой юпку вкралъ и въ старухи сала,
Но та, время сыскавъ, все то отобрала.
Не спущалъ никому, и въ командировъ кралъ,
Привычку такъ сдѣлалъ, будто какъ онъ игралъ,
Съ виду-же посмотрѣть, кажется человѣкъ,
А крадетъ все удачно чрезъ цѣлый свой вѣкъ.

Библиотека "Руниверс"

Ласкается онъ къ тѣмъ, въ коихъ надежду мнитъ,
Въ сто кратъ честняй себя старается въязвить,
И ночи онъ не спитъ, сплетая съ лжи порокъ,
Но кто сему повѣритъ;—развѣ малой отрокъ;
Представь всякъ въ умъ себѣ толко одни вѣсы;
Правды зерна не тягнетъ, тысяча пудъ лжи".

Внизу приписка: „Таковая похвала объ ономъ сотникѣ послана ужъ вездѣ, и въ василковской брамѣ прибитъ сей похвальный листъ", а за тѣмъ слѣдующее обращеніе:

2. „Ваше превосходительство, высокомилостивый государь и отецъ Яковъ Васплѣевичъ!

Помилуй, защити, избавъ насъ отъ сего,
Прійдетъ липиться намъ имѣнія всего:
Давно извѣстенъ намъ Лѣсянской сотникъ сей.
Теперъ двухъ воловъ вкралъ и шестерыхъ гусей.
Естли не защитишь, вконецъ насъ разоритъ,
Что прійдется всѣмъ намъ въ далные мѣста итить.
До пріѣзда его у насъ все было тихо,
А какъ толко онъ прибылъ, то вновъ настало лихо.
Прости насъ, что трудимъ. Отдайте конвертъ сей,
Которой очень нуженъ, чтобъ онъ при васъ прочель".

Что было въ другомъ пакетѣ,—въ дѣлѣ, которое у насъ въ рукахъ, не значится; но понятно, находился такой-же пасквиль, хотя съ измѣненнымъ обращеніемъ.

Въ тотъ же вечеръ способомъ, который изъ дѣла не видѣнъ, архимандриту кіево-михайловскаго монастыря Иліѣ былъ доставленъ пакетъ, въ которомъ, по вскрытіи, оказался тотъ-же „Вопль", но съ такимъ въ концѣ обращеніемъ:

„Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ архимандритъ Иліа!

Прійми похвалной листъ сродинку твоему,
О коемъ ты просилъ, ко вреду своему.
Иль для того толко, чтобъ насъ онъ обокралъ?
Дашь предъ Богомъ отвѣтъ за то, что къ намъ послалъ.
Познай, сколь легокъ намъ господинъ сотникъ сей:
Ужъ вновь воловъ двухъ вкралъ и шестерыхъ гусей.

Библиотека "Руниверс"

Иль въ родцѣ лутше нѣтъ?—Возми-жъ отъ насъ сего,
Пока мы злой смерти не предадимъ сво.
Не винны будемъ въ томъ, ты дашъ отвѣтъ предъ Богомъ,
Бо не можно болше сносить обиды намъ.
Принужденны писать о прошедшемъ о всемъ:
Нѣтъ ушъ средствъ, отъ него не скроемся ни съ чемъ".

А 10 іюля пробудившійся отъ сна мирный Васильковъ былъ взволнованъ и пораженъ молвой, что „на воротахъ городскихъ прибито какоесь то письмо, съ описаніемъ о всѣхъ бывшихъ отъ сотника Лисянскаго поступкахъ", т. е. тотъ-же самый „Вопль", который въ тоже время извѣстенъ сталъ и кіевскимъ властямъ.

Заволновался прежде всѣхъ архимандритъ Исаія и немедленно отправилъ пасквиль оберъ-коменданту. Архимандритъ писалъ, что эта „укоризна, якобы онъ сотникъ мнѣ въ родцѣ и якобы по моему прошенію онъ посланъ въ васильковскую дистанцію, есть ложь". По обычаю того времени пасквили, когда они правительства и царствующаго дома касались, сожигались публично чрезъ палача. О. Исаія былъ такъ полученнымъ пасквилемъ возмущенъ, что требовалъ, чтобы и сему пасквилю чрезъ палача сожженіе было учинено.

Ельчаниновъ полученный имъ пасквиль послалъ прежде всего къ архимандриту лавры Зосимѣ съ просьбой: „по вѣдомству своему обыскать въ Васильковѣ и освидѣтельствовать сходство руки, ктобы оныя письма писать могъ, а не меньше сего навѣдаться и разспросить у тамошнихъ жителей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, когда и что именно у кого украдено, и у кого опознано и найдено, или и понынѣ что въ неотысканіи осталось". Разслѣдованіе поручено было соборному старцу и уставнику лавры іеромонаху Ѳеофилакту. Тотъ разслѣдовалъ и донесъ, что „хотя о написаніи того письма имъ обыскивано и къ характеру знающихъ грамотѣ людей, подсудственныхъ лаврѣ (выключая неподчиненное лаврѣ духовенство) онъ примѣнялся, но такова, которой-бы то письмо писалъ, не сыскалось; происходитъ-же де между обывателми васильковскими слухъ, якобы оное писано таможенными, однако кто оное писалъ, совершенно знать не можно". Архимандритъ Зосима отвѣтилъ Ельчанинову, какъ доносилъ старецъ Ѳеофилактъ, приложивъ къ отвѣту и вѣдомость о кражахъ, совершенныхъ у васильковскихъ жителей

Библиотека "Руниверс"

съ 1771 по 1775 годъ, съ свѣдѣніями, которыя нами приведены выше.

Всю эту переписку оберъ-комендантъ препроводилъ въ васильковскую пограничную таможню, требуя „всѣхъ вѣдомства оной таможни служителей освидѣтельствовать сходство руки, не окажется-ли, кто-бы оные письма писать могъ", а пасквильный листъ отобрать и съ него копіи отнюдь не снимать (онъ не зналъ, конечно, что пасквиль тамъ давно красуется на воротахъ).

Таможенное вѣдомство было какъ-то особенно щепетильно въ оберегапіи своей чести и независимости отъ другихъ властей. Какъ разъ въ это время оно вело борьбу съ кіево-губернскою канцеляріею по поводу дѣлаемыхъ ею проволочекъ въ пріемѣ таможенныхъ сборовъ и требованія ею къ суду таможеннаго служителя Алексѣя Иваповскаго и его жены Наталіи за небытіе ихъ у исповѣди. Требованіе Ельчанинова и добродушное заявленіе старца Ѳеофилакта привели директора таможни Болтина въ великій азартъ. Въ своемъ репортѣ Ельчанинову онъ не только отвергаетъ сходство почерка пасквиля съ почеркомъ кого либо изъ его подчиненныхъ, но не допускаетъ самой возможности высказаннаго на счетъ его подчиненныхъ подозрѣнія и выражаетъ крайнее свое негодованіе противъ сообщившаго столь нелѣпый и бездоказательный слухъ іеромонаха и силится доказать, что „іером. Ѳеофилактъ ни отъ кого о томъ не слыхалъ, а выдумалъ такія слова самъ къ обидѣ таможенниковъ". „И таможнѣ, прибавляетъ онъ, можно тожъ про него Ѳеофилакта сказать, что слухъ носится здѣсь, что сочинилъ пасквиль тотъ онъ, Ѳеофилактъ; да и приличнѣе ему Ѳеофилакту быть того пасквиля сочинителемъ, нежель таможенникамъ, ибо слогъ того пасквиля и почеркъ руки малороссійской, что съ перваго взгляду усмотрѣть можно, а при таможнѣ васильковской ни одного малороссіянина нѣтъ". Въ заключеніе Болтинъ, увѣряя, что изъ подчиненныхъ ему лицъ „ни одинъ въ такое подлое и законопротивное дѣло не войдетъ, ибо хотя таможенные служители и изъ разночинцевъ, но каждой въ своемъ званіи достойнѣе себя ведетъ, нежель помянутой монахъ Ѳеофилактъ", просилъ Ельчанинова, въ случаѣ Ѳеофилактъ не укажетъ, отъ кого именно онъ слышалъ такое указаніе на авторство таможенниковъ, поступить съ нимъ, какъ съ ложнымъ до-

Библиотека "Руниверс"

носчикомъ, „дабы впредь ему и подобнымъ ему не повадно было соплетать таковые коварные въ обиду другихъ клеветы и порицалія".

Ельчаниновъ препроводилъ копію съ этой жалобы Болтина къ архимандриту Зосимѣ, съ просьбою „надлежаще" изслѣдовать, отъ кого именно іером. Ѳеофилактъ слышалъ и не самъ-ли выдумалъ, что пасквиль писанъ таможенниками.

Дѣло разгоралось; предметъ спора—утѣсняемые лаврскіе подные и украденные ихъ волы, коровы, кабаны и проч.—остался въ сторонѣ, самъ городничій ступевался; въ замѣнъ того ставился вопросъ, какой націи „слогъ и почеркъ руки того пасквиля", а къ отвѣту привлекался неповинный старецъ іеромонахъ Ѳеофилактъ, хотя упомянувшій о ходившемъ въ Васильковѣ слухѣ, будто пасквильное письмо писано таможенными, но съ осторожностію прибавлявшій: „однако кто оное писалъ, совершенно знать не можно". И много, конечно, истрачено еще бумаги и пролито чернилъ, но былъ-ли то „слогъ и почеркъ руки малороссійской", такъ и осталось для насъ неизвѣстнымъ, ибо письмомъ Ельчанинова къ арх. Зосимѣ и окапчивается это „дѣло о найденныхъ въ печерской крѣпости подметныхъ письмахъ".

Разыгравшееся столь „пашквильное" дѣло не улучшило, конечно, но напротивъ обострило недружелюбныя издавна отношенія между „таможенниками—разночинцами" и монахами городничими и ихъ патронессою св. лаврою. Въ попадавшихся намъ обрывкахъ дѣлъ бывшей кіево-губернской канцеляріи мы не нашли указаній, какъ тянулись далѣе эти отношенія, но можемъ сказать, что тянулись они уже не долго. 1786 г., памятный въ Малороссіи отборомъ монастырскихъ „подданныхъ" въ казну, отодвинулъ въ область преданія титулъ городничаго монаха, а съ 1792 г. не стало ни таможни въ Васильковѣ, ни границы близъ него, и все слилось въ потокѣ новой жизни, уносящемъ и самое различіе „слога и почерка руки"...

Ал. А—скій.

Библиотека "Руниверс"

КАКЪ СПРАВЛЯЛИ ЧЕРНОМОРЦЫ СВОЕ НОВОСЕЛЬЕ НА ТАМАНИ И КАКІЯ БЫЛИ ПО СЕМУ СЛУЧАЮ РѢЧИ И ПѢСНИ.

(СОВРЕМЕННАЯ РУКОПИСЬ *).

Вѣрное козацкого черноморского Коша войско, получивъ высочайшія ея императорскаго величества милости, содержащіяся въ грамотахъ, привезенныхъ посланнымъ отъ него войсковымъ судьею и кавалѣромъ Головатымъ, принимало оныя и праздновало день новаго бытія своего августа 15-го числа слѣдующимъ порядкомъ:

1-е. Когда посланный прибылъ до рѣки Буга съ высочайшими ея императорскаго величества милостивѣйшими дарами, то далъ знать Кошевому, которой отрядилъ ко-встрѣчи пятисотной конной полкъ съ полковникомъ, старшинами и значкомъ за 30 верстъ въ урочище Кучурганъ, откуль оной препровождалъ его Головатого до селенія Кошеваго, гдѣ въ семь часовъ утра собиралось войско на назначенное мѣсто къ той сторонѣ, отъкуда посланному прибыть надлежало и расположась на двѣ стороны стало на каждой въ двѣ лавы (ряда), простираясь далеко за селеніе Кошевое; лавы сіи оканчивались у войсковой церкви близь предоградія, которой съ западной стороны уготовано было возвышенно нарочитое мѣсто на подобіе амвона, покрытое турецкими коврами; на немъ въ виду всего войска должно было послѣдовать принятію грамотъ и прочихъ монаршихъ даровъ; тамъ-же поставле(нъ) былъ столъ, покрытой матеріею для положенія на немъ тѣхъ монаршихъ даровъ; противу сего амвона стояли полукружіемъ старшины съ булавами, знаменами и значками, а въ вокругъ ихъ множество посторонныхъ зрителей разного званія, возраста и пола, по правую-же онаго сторону духовенство въ облаченіи.

---

*) За сообщеніе копіи съ этой рукописи, подлинникъ которой 8 лѣтъ тому назадъ переданъ редакціи „Русской Старины» и доселѣ остался не напечатаннымъ, приносимъ искреннюю признательность Д. К. Морозу. Въ современности рукописи, судя по ея языку и орѳографіи, сомнѣнія быть не можетъ. Тѣмъ большій она имѣетъ интересъ, какъ и самыя рѣчи и пѣсни, относящіяся къ водворенію черноморцевъ на Таманн. Пѣсни, правда, извѣстны, но рѣчей въ печати мы не встрѣчали.—Р е д.

Библиотека "Руниверс"

2-е. Посланный, извѣщенъ будучи о времени, приближался по малу къ вышеписаннымъ лавамъ, а между тѣмъ Кошевый и писарь стали на возвышенномъ ономъ мѣстѣ; когда выпалено было трижды съ пушки въ знакъ того, что посланный приближился къ устроеннымъ лавамъ, то Кошевый отрядилъ отъ себя на встрѣчу ему первѣйшихъ старшинъ съ хлѣбомъ и сѣлью.

3-е. Войсковый судья, принявъ оныя и поблагодаривъ, устроилъ шествіе свое сквозь войско слѣдующимъ образомъ: четырѣ штабъ-офицера въ переди несли присланный монаршій хлѣбъ на блюдѣ, покритомъ матеріею, за ними судья несъ на пожалованномъ блюдѣ таковую-жъ солонку и грамоты, съ нимъ сыни его малолѣтные несли: Афанасій къ Кошевому писмо, а Юрій всемилостивѣйше пожалованную ему, осыпанную дорогими каменьями, саблю.

4-е. При первомъ вступленіи несущихъ дары въ строй началась пушешная и изъ мѣлкого ружья пальба и продолжалась до самого приближенія судьи къ Кошевому, стоящему на мѣстѣ своемъ.

5-е. Тутъ судья, взошедъ къ Кошевому, отдалъ изъ своихъ рукъ по порядку всѣ высочайшіе дары: хлѣбъ, соль, грамоты, съ краткимъ привѣтствіемъ и препоясавъ Кошеваго саблею.

6 е. Кошевый поцаловалъ хлѣбъ-соль, поставилъ на выше упомянутомъ столѣ, а грамоты отдавалъ войсковому писарю.

7-е. Писаръ принявъ оныя читалъ громкимъ голосомъ предъ всѣмъ войскомъ и паки отдавалъ Кошевому.

8-е. По прочтеніи Кошевый, поклонясь на всѣ четырѣ стороны, поздравилъ войско съ высочайшими монаршими милостьми; тогда со всѣхъ сторонъ вдругъ закричали: „ой! спасибѣ-жъ нашей матери за ея милости“.

9-е. Между тѣмъ вышеписанные четыры штабъ-офицера, взявъ столъ съ положенными на немъ монаршими дарами, несли въ церковъ; предъ ними шло духовенство, а за ними Кошевый съ судьею, писаремъ, старшинами и войскомъ.

10-е. По внесеніи и поставленіи предъ Спасителевою иконою начато служеніе божественыя литургіи, которую совершалъ преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, съ архимандритами и протчимъ духовенствомъ, по окончаніи-же оной, предъ начатіемъ благодарственнаго Господу Богу о монаршемъ долголѣтномъ здравіи молебствія, говорилъ краткое поученіе, которое у сего при-

Библиотека "Руниверс"

лагается [1]); а потомъ совершилъ и самое то молебствіе съ колѣноприклоненіемъ, при чемъ въ обыкновенное время выпалено изо ста одной пушки, а отказано въ трое кратно выстриленно бѣглимъ огнемъ.

11-е. По окончаніи сего тѣже старшины несли на блюдѣ хлѣбъ-соль и грамоты въ домъ Кошеваго, въ препровожденіи булавъ, знаменъ и значковъ, за ними слѣдовалъ Кошевый и судья съ старшинами. Тамъ пожалованный хлѣбъ раздѣленъ на части, одна для вѣчнаго памятствованія положена въ войсковой церквѣ, вторая отправлена на Тамань къ войску во флотиліи служащимъ, третая роздана на полки при Кошѣ, четвертая поставлена была у Кошеваго на столѣ, гдѣ старшины оною послѣ горѣлки закупю(ва)ли, остатокъ доволній отчасти. Сей послѣдній несенъ былъ съ таковимъ-же препровожденіемъ въ домъ войсковаго судьи, гдѣ приготовленъ былъ для почетнѣйшихъ обѣденный столъ, протчіе-же старшины и часть духовенства остались обѣдать въ домѣ Кошеваго, а для полковниковъ и протчихъ козаковъ не далеко отъ церкви приготовлены были пять большихъ столовъ на зеленой травѣ, куда принесши подъ значками данный имъ монаршій хлѣбъ, пили горѣлку и онимъ закушовали и за обѣдомъ тужъ горѣлку повторяючи за здравіе всемилостивѣйшей монархини, палили изъ мѣлкаго ружья.

12-е. Въ домѣ судьи за столомъ при питіи за высочайшее ея императорскаго величества здравіе здѣланъ сто одинъ выстрѣлъ, за его императорское высочиство, съ высокою фамиліею, съ любезнѣйшими дѣтьми, пятдесять одинъ; не забуто притомъ такъ-же пити и палити за сенатъ, за синодъ, за все православное россійское воинство, за Кошевого съ старшинами, за черноморскій Кошъ и все его войско, за гостей и такъ далѣе. При продолженіи стола пѣли пѣсню „Эй, годѣ намъ журитися“, которая при семъ прилагается.

13-е. Такимъ образомъ пообѣдавъ Кошевый съ старшинами и гостьми благодарили Бога и всемилостивѣйшую монархиню, а войско тожъ благодаря отправилось въ домы свои, съ пѣніемъ той-же пѣсни, повторять еще и тамъ горѣлкою желаніе долголѣтнаго здравія всеавгустѣйшей благодѣтелницы своей.

---

[1]) Въ дошедшихъ до насъ листахъ не находится поученія. — *Д. М.*

Библиотека "Руниверс"

РѢЧЬ.

Всеавгустѣйшая монархиня,
Всемилостивѣйшая государыня!

Жизнодательнымъ державнаго велѣнія твоего словомъ прерожденный изъ неплоднаго бытія вѣрный черноморскій Кошъ приемлетъ нынѣ дерзновеніе мною вознести благодарный гласъ свой къ святѣйшему величеству твоему и купно изъглаголати глубочайшую преданность сердецъ его. Пріими оную, яко жертву единой тебѣ отъ насъ сохраненную, пріими и уповающимъ на сѣнь крылу твоею пребуди прибѣжище и покровъ, радованіе, тай годѣ!

Внизу подписано подъ рѣчью: сія рѣчь говоренная Головатымъ ея величеству въ 1-й день апрѣля 1792 года.

ДРУГАЯ РѢЧЬ.

Всеавгустѣйшая монархиня,
Всемилостивѣйшая государыня.

Мы къ тебѣ прибѣгли, къ тебѣ монархинѣ правовѣрной; ты насъ приняла, яко матерь, Тамань, даръ твоего благоволенія о насъ, будетъ вѣчнымъ для обитающихъ въ немъ залогомъ милостей твоихъ. Мы воздвигнемъ грады, населимъ села и сохранимъ безопасность предѣломъ. Наша преданность и усердіе къ тебѣ, монархинѣ, и любовь къ отечеству пребудетъ вѣчно, а сему свидѣтель всемогущій Богъ.

За симъ въ рукописи слѣдуетъ пѣснѣ, о которой упоминается въ описаніи празднества по случаю полученія запорожцами въ даръ Тамани:

ПѢСНЯ.

Эй, годѣ намъ журитися, пора перестати,
Дождалися отъ царицѣ за службу заплати:
Дала хлѣбъ сѣль и грамоты за вѣрные службы,
Отъ теперь мы милiе братье забудемъ всѣ нужды.
Въ Таманѣ жить, вѣрно служить, границю держати,
Рыбу ловить, горѣлку пить, ще й будемъ багати.
Да вже-жъ треба женитися и хлѣба робити,
Хто прийде къ намъ изъ невѣрныхъ, то якъ врага бити.

Библиотека "Руниверс"

Слава Богу и царицѣ, а покой гетману.
Злѣчили намъ въ сердцахъ нашихъ велику рану.
Благодарѣмъ императрицѣ, молѣмося Богу,
Що вона намъ показала на Тамань дорогу.

Конецъ.

На томъ-же листѣ написана пѣсня и подписи:

ПѢСНЯ,

Господиномъ полковникомъ черноморскимъ и кавалеромъ Антономъ Андреевичемъ Головатымъ пѣтая въ Петербургѣ Платону Александровичу Зубову, докладчику императрицы:

Ой, Боже нашъ, Боже, Боже милостивій,
Що мы народилися въ свѣтѣ нещасливи.
Служили вѣрно въ полѣ и на морѣ,
Та остались убоги, боси и голи;
Старались землю заслужити,
Щобъ въ волности намъ вѣку дожити.
Да й далъ-же гетманъ отъ Днѣстра до Богу,
Границя по бендерску дорогу,
Днѣстровій и Днѣпровій обидва лиманы,
Въ нихъ добувати рыбу, справляти каптаны.
Прежнюю взяли да й сю отбирають,
А намъ дати Тамань обѣщають.
Мы-бъ туда пѣшли, абы-бъ намъ сказали,
А бы не загубить козацкои славы.
Устань батьку, великій гетмане!
Будь милостивый, велможный нашъ пане!
Устань, Грицьку, промовъ до насъ слово,
Проси царицѣ, все буде готово:
Дасть грамоту на вѣчность намъ жити,
А мы и ей вѣрнѣйше будемъ служити.

Надпись на блюдѣ такова:

Даръ великія государыни войску вѣрному черноморскому чрезъ войскового судію и кавалера Головатого. 1792 г, іюля 3 дня.

На солонцѣ надпись таковъ:

Пожалована съ хлѣбомъ войску черноморскому 1792 года, 13 дня іюля.

Сообщ. **Д. Морозъ.**

Библиотека "Руниверс"

ГОРОДНЯ—МѢСТО ЖИДОТРЕПАНІЯ XVIII В.

29 генваря 1882 года Городня праздновала столѣтнюю годовщину своего существованія въ качествѣ уѣзднаго города черниговской губерніи. Ни само по себѣ это событіе, ни вся столѣтняя жизнь мелкаго уѣзднаго города не представляютъ другаго интереса, кромѣ чисто мѣстнаго; но ко дню празднества извѣстнымъ знатокомъ мѣстной старины А. И. Ханенкомъ была прислана и на празднествѣ прочитана историческая замѣтка о Городнѣ, могущая имѣть и болѣе широкій интересъ. Мы извлекаемъ изъ нея здѣсь болѣе существенныя свѣдѣнія для ознакомленія нашихъ читателей съ мѣстомъ, въ которомъ происходило воспроизводимое теперь нашимъ маститымъ историкомъ-художникомъ И. П. Костомаровымъ: *Жидотрепаніе начала XVIII в.*

Городня, находящаяся при сліяніи рѣчекъ Чибирижи и Бутовки, образующихъ р. Городню, по справедливому мнѣнію незабвеннаго ученаго богослова и историка нашего Филарета, архіепископа черниговскаго,—поселеніе очень древнее, до татарское. Доказательствомъ тому служитъ находящееся на лѣвомъ берегу рѣки Городни городище, — земляное укрѣпленіе, которое возобновляемо было во время гетманства и срыто по открытіи уѣзда, для постройки на немъ судебныхъ мѣстъ. Шафонскій говоритъ, что этотъ городокъ достопамятенъ и тѣмъ, что „императоръ Петръ 1-й, во время шведской войны, праздновалъ на семъ мѣстѣ день своего тезоименитства, іюня 29 дня". Въ городницкой полиціи до сихъ поръ хранятся три пушки, одна называемая единорогъ, въ 35 пуд. 35 ф., другая длинная въ 19 пуд. 30 фун., а третья кацая въ 17 пуд.

Мнѣніе о древности Городни подтверждается лѣтописнымъ указаніемъ подъ 1158 г. „Княгиня же супруга Изъяслава Давидовича бѣжа... Переславлю, и оттуда ѣха на Городокъ, та на Глѣбль, та на Хоробръ, та на Гондскъ"; а также видно по разряду 1552 г., которымъ назначены на казанскій походъ изъ сѣверскихъ городовъ вмѣстѣ съ стародубцами боярскія дѣти Городни и Мощинцы.

Во время польскаго владычества Городня, съ окружающими ее селами, принадлежала польскому дворянину Фащу; домъ его, винокурня и колодецъ находились надъ р. Чибрижимъ, въ 1786 г. слѣды ихъ были замѣтны и на томъ мѣстѣ жилъ войсковой това-

Библиотека "Руниверс"

КАФЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ XVIII ВѢКА.

(Посмертная замѣтка М. Н. Александровича).

Мнѣ удалось пріобрѣсти въ г. Козельцѣ, черниговской губерніи, изразцы (кафли), снимки съ которыхъ прилагаю *). Изразцы эти представляютъ образецъ давняго малорусскаго *кустарнаго* производства и выдѣлка ихъ должна быть отнесена къ началу прошлаго столѣтія, когда еще не угасла національная украинская жизнь и были живы воспоминанія о борьбѣ съ татарами, козацкихъ усобицахъ и только что оконченной шведской войнѣ. Изображенные на изразцахъ *рисунки* служатъ вѣрнымъ выраженіемъ міровоззрѣнія тогдашняго полуграмотнаго малоросса простолюдина, глубоко проникнутаго религіозными и другими вѣрованіями, къ которымъ теперь скептически относятся его потомки. Постоянная опасность грозила жизни человѣка въ то время не отъ одного непріятельскаго нашествія; въ дремучихъ лѣсахъ десенскаго побережья плодилось множество дикихъ звѣрей, вызывавшихъ человѣка на постоянную борьбу; мысль о ней со всѣми частными ея явленіями и опасностями не покидала малоросса и его воображенію представлялись разные ужасы, часто въ чудовищномъ, фантастическомъ видѣ. Даже водившіяся въ огромномъ числѣ птицы и рыбы представлялись вредными и опасными. Первые уничтожали только что посѣянныя сѣмена и могли выклевать глаза пьяному или больному человѣку (№ 38), а встрѣча съ огромными сомами, жившими въ глубокихъ озерахъ и заливахъ, грозила участью пророка Іоны (№ 34).

Все, чѣмъ была занята мысль и воображеніе гончара-поселянина, онъ изобразилъ на приложенныхъ рисункахъ, которые по этому можно раздѣлить на слѣдующія рубрики:

А. *Относящіяся къ политической и военной жизни.*

1) Гетманъ или войсковой старшина на конѣ съ саблей въ рукѣ, въ костюмѣ того времени.

2) Наѣздникъ верхомъ на лошади, топчущій лежащаго подъ нимъ человѣка.

*) Изъ этихъ снимковъ, принадлежащихъ нынѣ А. М. Лазаревскому, обязательно намъ имъ сообщившему, составлена виньетка для „Кіевской Старины“ на 1883 г., но изъ всей коллекціи ихъ помѣщено лишь 12-ть.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

3) Шведъ верхомъ, съ поднятой шпагою.

4) Татаринъ верхомъ, лѣвой рукой держитъ булаву; правою вынимаетъ изъ-за пояса пистолетъ или кинжалъ.

5) Татаринъ рубитъ голову монаха; вблизи видна церковь.

6) Козацкая арматура.

Б. *Относящіяся къ общественной и домашней жизни.*

7) Малороссійскій панъ въ *жупанѣ* и *кунтушѣ* и *пани въ роброцѣ*.

8) Пани съ платкомъ въ одной и съ цвѣткомъ въ другой рукѣ.

9) Городская барышня въ повозочкѣ съ собачкой, на изразцѣ надпись: „*мѣская пана*“.

10) Встрѣча брата съ сестрой. На израцѣ надпись: „*б(р)атыку, давно ми съ тобою бачились*“.

11) Женщина подходящая къ церкви.

12) То-же, причемъ въ рукахъ держитъ приношеніе.

13) Музыкантъ, наступившій ногой на пьянаго и играющій на скрипкѣ.

14) Мальчикъ съ *млинкомъ* (четырьмя на крестъ сбитыми палочками, насаженными на палку, которыя крутятся отъ вѣтра).

15) Музыкантъ, играющій на инструментѣ, въ родѣ гуслей.

16) Крестьянинъ съ корзинами.

17) Женщина съ птицею въ рукахъ.

18) Женщина съ ведрами.

19) Мущина, прислонившійся къ дереву въ испуганной, или умоляющей позѣ.

20) Мущина и женщина; первый поднялъ камень и хочетъ бросить.

21) Хозяинъ ласкающій борзую собаку.

22) } Прядущія женщины.
23) }

24) Мущина съ трубою.

25) Мужъ бьетъ жену цѣпомъ, приговаривая: „*знай себе* (дальше нельзя разобрать) *дома наказую*.

26) Крестьянинъ сѣетъ; птицы клюютъ.

27) Щеголь съ собакой въ европейскомъ костюмѣ того времени.

28) }
29) } Изображеніе зданій и деревьевъ.
30) }
31) }

Библиотека "Руниверс"

В. *Чудовища, звѣри, рыбы, птицы.*

32) Чудовище съ рогами и рыбьимъ хвостомъ.

33) *Драконъ* хватаетъ человѣка.

34) Сомъ проглатываетъ человѣка.

35) Громадный ракъ схватываетъ человѣка клешнею.

36) Медвѣдь деретъ человѣка; на изразцѣ надпись: *никому сказати, уже мнѣ отъ сего бачу помьрати.*

37) Волкъ схватилъ человѣка за животъ и поднялъ на воздухъ.

38) Птицы клюютъ умирающаго въ степи козака.

39) Волкъ или собака схватила человѣка за руку.

40) Повѣшеннаго волка клюютъ птицы.

41) Медвѣдь съ ульемъ.

42) Олень.

43) Лошадь.

44) Свинья.

45) Птица клюетъ черепаху.

46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55) Изображенія разныхъ птицъ и сценъ изъ ихъ жизни.

Г. 56) Царь Давидъ, играющій на лирѣ.

САБЛЯ МАЗЕПЫ.

Сабля оправлена вызолоченнымъ серебромъ, оброшной работы во вкусѣ renaissance. Рукоять обложена змѣиною шкуркою и вмѣсто ефеса имѣетъ широкую изъ четыреугольныхъ пластинокъ цѣпочку. Ножны изъ черной кожи, съ наконечниками и перехватами для колецъ изъ золоченаго серебра. Длина всей сабли около $1\frac{1}{2}$ арш. Клинокъ имѣетъ слѣдующія надписи: съ одной стороны—*Надежда въ Бозе, а крипость въ руце—правому дилу конець. Мазепа*, на другой—*на гибель супостата въ Сиче держающему смерть 1687 г.* Начертаніе буквъ—рукописное, а форма ихъ—южнорусская, та самая, какую мы видимъ въ письмѣ напр. универсаловъ того самаго Мазепы. Эта сабля была пожертвована въ 1836 году графомъ Батурлинымъ для музея, который предполагалось учредить въ Воронежѣ, въ память Петра Великаго, и хранилась до 1849 г. въ воронежской городской думѣ. Въ этомъ-же году сабля поднесена была министромъ внутреннихъ дѣлъ императору Николаю Павловичу. Въ настоящее время сабля хранится въ царскосельскомъ музеѣ.

А. Л.

Библиотека "Руниверс"

ИЗГОНЪ ІУДЕЕВЪ НАЧАЛА XVII ВѢКА.

Правительство бывшей Рѣчи Посполитой, вообще покровительствовавшее евреямъ и дававшее имъ разныя льготы и привилегіи по селитьбѣ и торговлѣ, выступало иногда противъ нихъ съ строгими ограничительными распоряженіями. Случалось это наибольше тогда, когда усиливалась сторона козаковъ, и тутъ бывшее польское правительство держалось, кажется, той политики, которую на нашихъ глазахъ практиковало правительство Австріи относительно поляковъ и русиновъ въ Галиціи, попеременно поддерживая то ту, то другую сторону, въ данную пору болѣе ему нужную. Къ числу такихъ распоряженій относится универсалъ королевича Владислава отъ 8 февраля 1623 г. о недопущеніи евреевъ къ селитьбѣ, торговлѣ, арендамъ и инымъ занятіямъ въ черниговской и новгородъ-сѣверской областяхъ, данный въ Гроднѣ за 25 лѣтъ до возстанія народа, подъ предводительствомъ Хмельницкаго. Универсалъ данъ въ то время, когда свѣжа еще была въ памяти услуга, оказанная Сагайдачнымъ королевичу Владиславу въ московскомъ походѣ, и данъ несомнѣнно подъ вліяніемъ усилившагося значенія козаковъ. Въ немъ съ высоты королевскаго престола произносится не лестный для іудеевъ приговоръ объ ихъ экономическомъ значеніи не только въ мѣстности, къ которой относится универсалъ, но и вообще въ государствѣ. Такіе приговоры должны были врѣзываться съ особою силою въ память народную и въ случаяхъ крайняго возбужденія народа противъ эксплоатаціи со стороны евреевъ могли служить ему какъ-бы легальнымъ основаніемъ для предпринимавшагося не разъ очищенія страны отъ еврейской примѣси.

Предлагаемый теперь въ точномъ переводѣ съ польскаго языка актъ сохранялся у меня, между прочими, много лѣтъ, а полученъ мною, кажется, изъ черниговскаго архива, а быть можетъ и изъ частныхъ рукъ, —за давностью времени (начала шестидесятыхъ годовъ) не помню. Въ концѣ грамоты на подлинникѣ печать съ изображеніями, которыхъ нельзя разобрать. На оборотѣ надпись: *о жидахъ дана сія грамота*. Вотъ текстъ этой грамоты:

Владиславъ Сигизмундъ Божіею милостію польскій и шведскій наслѣдственный князь, великій князь и правитель княжествъ Московіи, Смоленска, Сѣверіи и Чернигова.

Всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а особливо панамъ старостамъ, урядникамъ замковымъ

Библиотека "Руниверс"

и городскимъ и инымъ старшинамъ, въ волости черниговской и новгородъ-сѣверской находящимся, изъявляемъ наше благоволеніе.

Зная хорошо, какъ много жиды невѣрные въ городахъ и мѣстечкахъ и другихъ поселеніяхъ препятствуютъ жизни христіанскаго населенія какъ въ торговлѣ, такъ и въ поддержаніи хорошаго управленія и процвѣтанія городовъ, заблагоразсудили мы постановить, чтобы они не были терпимы нигдѣ въ области черниговской и новгородъ-сѣверской, и о томъ къ свѣдѣнію каждаго объявляя, выражаемъ нашу непремѣнную волю, чтобы въ указанныхъ мѣстахъ не допускали жидовъ ни селиться, ни проживать, чтобы не осмѣливались принимать ихъ въ города и чтобы они не только не брали никакихъ арендъ, но никакой торговли и продажи не производили, въ тѣхъ видахъ, чтобы они ко вреду подданныхъ не разширялись. Что исполните, желая снискать наше благоволеніе. Данъ въ Гроднѣ дня 8, мѣсяца февраля, лѣта Господня 1623 г.

Владиславъ Сигизмундъ.

Ст. фонъ-Носъ.

УКРАИНСКАЯ ЗЛОПОЛУЧНИЦА.

Въ звенигородскомъ и уманскомъ уѣздахъ мнѣ часто приходилось слышать пѣсню о трехъ „чужоземцахъ“, соблазнившихъ „молоду дівчину“ и потомъ жестоко надъ нею паругавшихся. Она распространена въ означенныхъ уѣздахъ повсемѣстно и составляетъ одну изъ любимѣйшихъ народныхъ пѣсень. Мотивъ ея вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію и необыкновенно грустный и печальный. Яркими красками рисуется въ ней злополучіе „дівчины“ и сердечное ея раскаяніе.

Но кто здѣсь разумѣется подъ „чужоземцями“? Самые пѣвцы и пѣвицы этого не поясняютъ, а если спросишь, то въ отвѣтъ они пересказываютъ своими словами содержаніе пѣсни. Не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, что пѣсня сложена подъ вліяніемъ того ужаснаго случая, который въ ней изображенъ, хотя народная память не сохранила никакихъ указаній на время и мѣсто, къ которымъ самый случай относился, какъ не сохранила даже общаго названія виновниковъ ужасной катастрофы, на что указываютъ постоянно мѣняющіяся въ печатныхъ (Сборникъ Головацкаго и др.)

Библиотека "Руниверс"

и устныхъ варіантахъ этой пѣсни названія: чужоземець, запорожець, донскій козакъ и даже татаринъ. Записанный нами варіантъ представляетъ значительныя отличія отъ извѣстныхъ уже въ печати и потому мы рѣшаемся предложить оный вниманію читателей „Кіевской Старины". Самое начало пѣсни, какъ она у насъ поется, имѣетъ два варіанта.

1.

Ой на горі сосна, а въ долині коршма
Муромъ мурована, дилёмъ дилёвана,—
А въ тій коршомці тамъ три чужоземці (чорноморці)
Все пьють та гуляють, дівча підмовляють:
Одинъ чужоземець (чорноморець) медъ, вино зливае,
Другий чужоземець на скрипочку грае,
Третій чужоземець дівча підмовляе:
«Ходи, дівча, зъ нами, зъ нами козаками,
Луче тобі буде, якъ въ рідної мамы!»
Дівча послухало, сіло—поіхало....

2.

Ой хто въ коршмі е?—
Три козаки пье.
Ой одинъ козакъ пье, гуляе,
А другий козакъ на скрипку грае,
А третій козакъ дівчину підмовляе:
«Ой ідь, дівчино молода, зъ нами,
Луче тобі буде, якъ въ рідної мамы:
Въ мамы ходила въ сірі свитині,
А въ насъ будешъ ходить въ сині кармазині,
Въ мамы ходила въ чорни запасці,
Въ насъ будешъ ходить въ червоні китайці...»
Молода дівчина тай послухала,
Сіла зъ козакомъ тай поіхала.
Привезли дівчину въ чистее поле—
«Вернись, дівчино, бо буде горе!»
— «Ой я не вернусь, бо славы боюсь—
Зъ донськимъ козакомъ въ чужий край забьюсь!»
Привезли дівчину де зелене жито—
«Вернись, дівчино, бо будешъ бита!»
— «Ой я не вернусь—матіньки боюсь,

Библиотека "Руниверс"

Зъ донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь!».
Привезли дівчину до зеленого дуба—
«Вернись, дівчино, бо вже не люба».
—«Ой я не вернусь, бо неньки боюсь,
Зъ донськимъ козакомъ въ чужий край забьюсь!
Привезли дівчину до зеленої сосны—
«Вернись, дівчино, бо буде тошно».
—«Ой я не вернусь—не славы боюсь,
Зъ донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь!»
Ввязали дівчину до сосны косыма,
До сосны косыма, на лісъ очима,
Запалили сосну зверху до-долу;
Сосонка горить, дівчина кричить.
—«Ой хто въ лісі є, нехай сюда йде,
Ой хто въ лісі ночуе, мій голосъ чуе,
Хто дочки мае, нехай научае—
Зъ донськимъ козакомъ гулять не пускае»...
Сосонка палае, дівчина умлівае,
Зъ сосонки тече, дівчину пече...

1882 г. декабря 10.
Г. Умань. **А. Смонтій.**

УКРАИНСКАЯ ГЕТЕРА.

Украинки всегда славились строгостію и чистотою своихъ нравовъ; но и между ними попадались особы *гулящія*, не доходившія до грубаго разврата, но отгуливавшія свою молодость и не щадившія своихъ прелестей, пока эта небезцѣльная гульня не заканчивалась прочно обезпеченною брачною жизнію. Типъ такой свободной женщины-украинки рисуется въ слѣд. пѣснѣ:

Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье—гуля та Галюточка
Усе зъ чумаками.
Ой хочь вона пье, такъ не купуе,
Своимъ личкомъ та білявенькимъ
Все підманюе.
Та прийшовъ къ ii батенько ii—
Ой часъ-пора та Галюточко
Тобі до двора.

Библиотека "Руниверс"

Ой ище не часъ, ище не пора,
Не выграла сто червінцівъ,
Ще й збруя, конл.
Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье, гуля та Галюточка
Усе съ козаками.
Ой хочь вона пье, такъ не купує,
Своимъ личкомъ та білявенькимъ
Та підманює.
Выйшла къ ії матінка ії—
Ой часъ-пора та Галюточко
Тобі до двора.
Ой ище не часъ, ище не пора,
Не выграла сто червінцівъ,
Ще й збруи коня.
Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье—гуля та Галюточка
Усе пзъ панами.
Ой хочь вона пье, такъ не купує,
Своимъ личкомъ білявенькимъ
Все підманює.
Ой прийшовъ къ ії братічокъ ії
Ой часъ—пора та Галюточка
Тобі до двора.
Ой уже часъ, уже и пора
Та выграла сто червінцівъ,
Сама заміжъ пішла.

Слоб. Алексѣевка,
Александров. у., екатер. губ. **Иванъ Манжура.**

ЭПИЗОДЪ О ПАМЯТНИКѢ ШЕВЧЕНКУ И О ЕГО МОГИЛѢ—ВЪ ПОЛТАВСКОМЪ ЗЕМСКОМЪ СОБРАНІИ 1882 ГОДА.

Два слова очевидца объ этомъ эпизодѣ, интересномъ и неожиданномъ, быть можетъ, не будутъ лишними въ мѣстномъ историческомъ журналѣ: это страничка современной исторіи.

Шестого декабря прошлаго года въ полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи шли пренія по докладу управы о дорожныхъ

Библиотека "Руниверс"

сооруженіяхъ. Когда кончено было чтеніе отчета ревизіонной коммисіи и частности доклада предложены были вниманію коммисіи новой, предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства г. Устимовичъ, заявилъ о полученіи имъ съ почты письма и пригласилъ собраніе его выслушать. Въ этомъ письмѣ шла рѣчь о могилѣ Шевченка.

Сообщались факты, оглашенные газетами о томъ состояніи разрушенія, въ которомъ находится эта могила, съ ея осыпавшимся холмомъ, крестомъ, упавшимъ и разбившимся, обломки котораго жгутъ мальчики—пастухи, грѣясь у подошвы холма въ осеннія ночи. Высказывалась увѣренность, что собраніе положитъ конецъ такому печальному акту забвенія памяти поэта, ассигновавъ необходимыя средства на приведеніе могилы въ прежній видъ. Авторъ письма, г. Кулябка, напоминалъ собранію то время, далекую старину, 60-е годы, когда имя великаго народолюбца было въ Полтавѣ священнымъ именемъ. Кулишъ, прежній Кулишъ, писалъ тогда своему другу-поэту о томъ чувствѣ горячей любви къ нему, какое онъ встрѣтилъ у полтавцевъ. Эти давнія слова Кулиша цитировались въ письмѣ.

Письмо произвело впечатлѣніе и вызвало пренія крайне интересныя. Доблестные отпрыски стараго строя, принципіальные противники чествованія памяти „мужицкаго поэта“, хотѣли, очевидно, сказать много, но порывъ ихъ сдерживало это имя... Какъ ни суди, но рѣчь шла о человѣкѣ, который, вмѣстѣ съ Гоголемъ, обозначаетъ двѣ высшія точки проявленія генія своего племени, созданія котораго, со стороны творчества, живѣйшіе образы нашего народа, а со стороны нравственнаго значенія—источникъ великой духовной красоты, благотворное вліяніе котораго не изсякнетъ, пока будетъ на землѣ два человѣка, понимающихъ малорусское слово...

Были пущены, въ видѣ пробныхъ шаровъ, соображенія о необходимости экономіи въ расходахъ, послышались сомнѣнія въ дѣйствительномъ разрушеніи могилы... Свидѣтельство кіевскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Репнина, заставило замолкнуть послѣдніи сомнѣнія, и нѣсколько горячихъ словъ о неприличіи торга надъ могилой того, кто отдалъ родинѣ свою великую душу, прекратили соображенія членовъ собранія, вдругъ оказавшихся столь экономными, въ противность ихъ рѣшеніямъ по другимъ ассигновкамъ сомнительной пользы.

Библиотека "Руниверс"

На предварительный вопросъ о принятіи участія вообще въ этомъ дѣлѣ отвѣтило утвердительно огромное большинство. Кажется, только четверо гласныхъ поспѣшно вскочили съ своихъ мѣстъ, выражая свое несогласіе съ такимъ рѣшеніемъ собранія.

Непродолжительныя совѣщанія привели къ двумъ рѣшеніямъ: 1) ассигнованію 500 рублей изъ земскихъ суммъ на поправку могилы, съ порученіемъ золотоношской земской управѣ, какъ ближайшей къ мѣсту погребенія поэта, принятія на себя заботъ о такой поправкѣ и 2) ходатайствованію о разрѣшеніи открытія въ предѣлахъ полтавской губерніи подписки на сооруженіе памятника Шевченку. Въ виду возможныхъ случайностей, первое рѣшеніе признано было неотложнымъ.

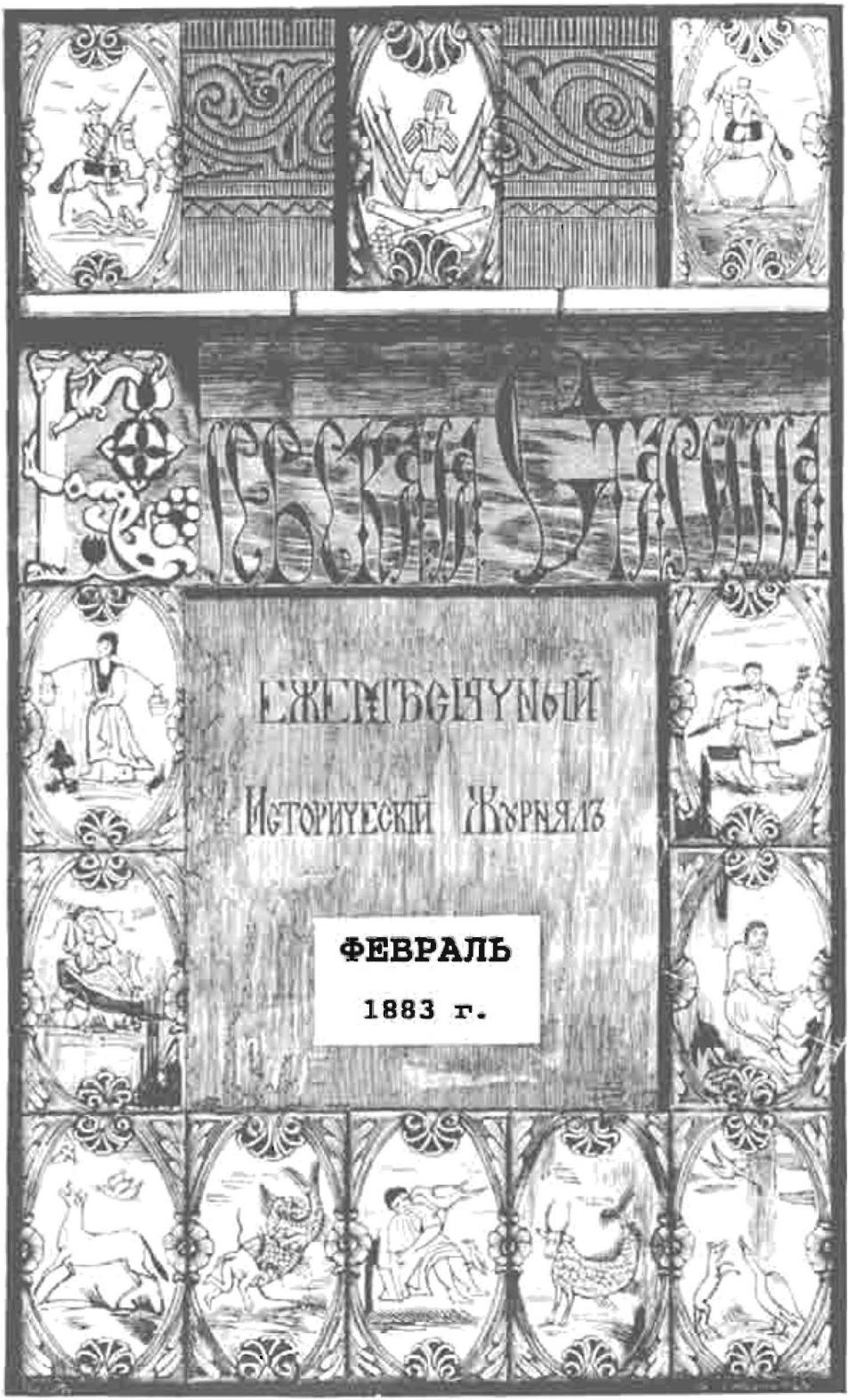
Это замогильное, позднее чествованіе поэта было какъ-бы отвѣтомъ на призывъ, который, при жизни своей, онъ обращалъ не къ людямъ, а къ единственному своему вѣрному другу—музѣ:

А якъ умру, моя святая,
Моя ты мамо! Положи
Свого ты сына въ домовину
И хочъ единую слёзину
Въ очахъ безсмертныхъ покажи!...

Прекрасное рѣшеніе собранія отозвалось въ присутствовавшихъ умиленнымъ и чистымъ чувствомъ, какое является всегда при видѣ торжества правды. И чувство это было также свѣтло и ясно, какъ веселый утренній свѣтъ, заливавшій, чрезъ высокія окна, залу собранія въ тотъ памятный день.

В. Г—ко.

Библиотека "Руниверс"



Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1883 г.

I. П. А. КУЛИШЪ И ЕГО ПОСЛѢДНЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. **Н. Костомарова** 221

II. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній). **Ник. Лѣскова** 235

III. ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ). (*Продолженіе*). **Ѳ. Кондратовича** 269

IV. УДѢЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ И ЕГО ИЗУЧЕНІЕ. **Дм. Багалѣя** 301

V. ВОЛЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ . . 319

VI. НОВЫЯ СВАДЕБНЫЯ МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія. **Ѳ. Николайчика** 366

VII. ВОСЕМЬ ПИСЕМЪ ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ШЕВЧЕНКА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ. Сообщилъ **С. Пономаревъ** 401

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII вѣкѣ. И. Лучицкаго. (Отечественныя записки. 1882 г. ноябрь).—б) Историческая хронологія харьковской губерніи. Составилъ К. П. Щелковъ. Харьковъ. 1882 г.—в) Буцинскій.—О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882 г. 409

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Второбрачіе южно-русскихъ священниковъ конца XVIII вѣка и его историческіе прецеденты.—б) Двѣ ревизіи (немировская гимназія въ концѣ 40-хъ годовъ).—в) Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива.—г. Какъ готовили Кременчугъ къ встрѣчѣ имп. Екатерины II.—д) Визитъ Кармелюка.—е) Три псальмы.—ж) Изъ неизданныхъ стихотвореній д-ра Руданскаго. I. Спілка. II. Мазуръ у болоті.—з) Письмо изъ Вѣны о кафельномъ производствѣ въ Галиціи. 429

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1882 и 1883 гг. Подписавшіеся на 1882 г. получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна за каждый годъ съ приложеніями и пересылкою 10 руб. —Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софіевская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

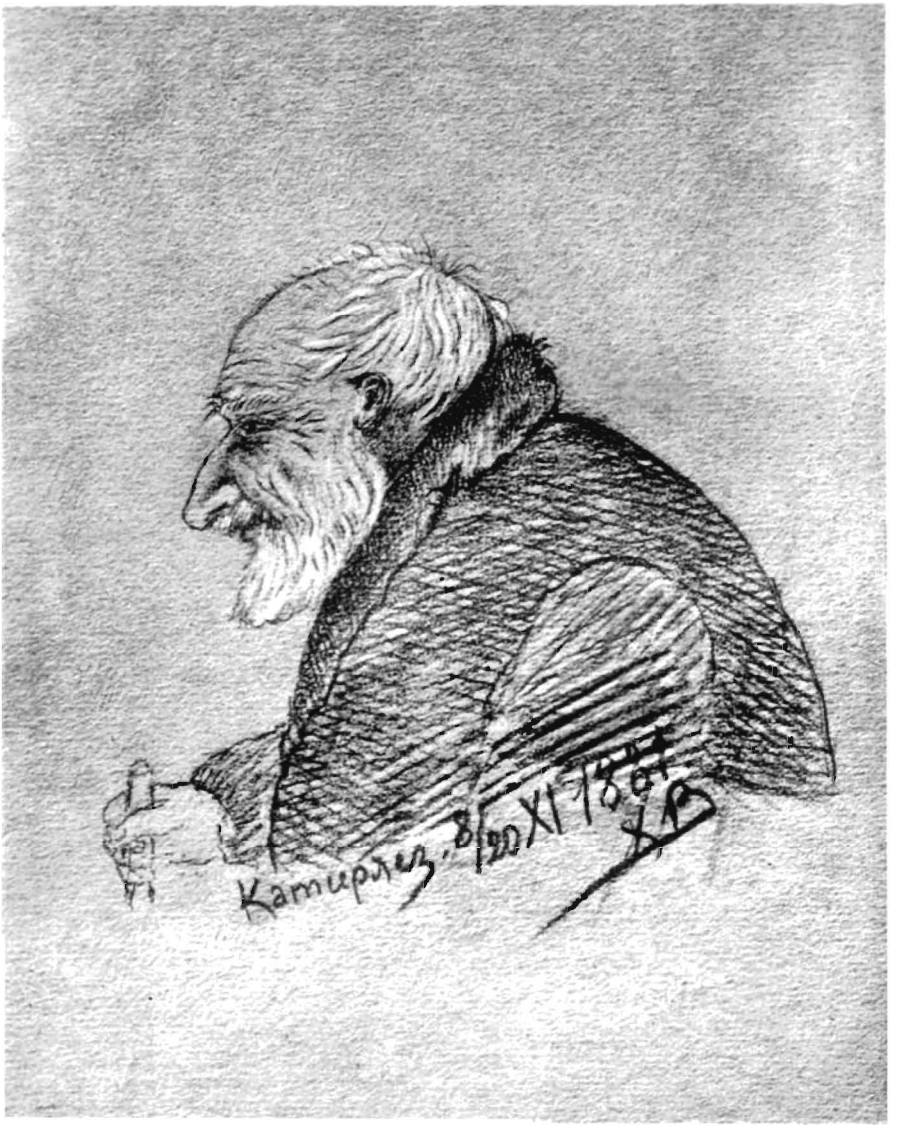
ФЕВРАЛЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"



Отп. Гравюра Шерера, Набгольца и К°въ. Москва.

Ананій Ивановичъ Коломыэцъ.

1762.—1882.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 20 Декабря 1882 г.

Библиотека "Руниверс"

П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность.

П. А. Кулишъ, слишкомъ извѣстное въ нашемъ литературномъ мірѣ лицо своими произведеніями въ области этнографіи, исторіи, языковѣдѣнія и беллетристики южно-русскаго края, въ послѣднее время оставилъ родину и перебрался въ Австро-Венгрію, гдѣ продолжаетъ писать на родномъ южно-русскомъ нарѣчіи. Въ „Вѣстникѣ Европы“ за прошлый годъ мы уже имѣли случай говорить объ одномъ изданномъ имъ тамъ сочиненіи „Крашанка“, гдѣ, между прочимъ, онъ заявляетъ о причинахъ, побудившихъ его къ переселенію изъ отечества. По его словамъ, ему хотѣлось пользоваться большею свободою слова и высшею культурою. На сколько онъ на своемъ новосельѣ достигъ желаемаго, это ближе можетъ быть извѣстно ему самому; мы-же вознамѣрились говорить о его тамошней литературной дѣятельности.

Г. Кулишъ издалъ въ Вѣнѣ сдѣланный имъ вмѣстѣ съ докторомъ Пулюемъ переводъ Новаго Завѣта на южно-русское нарѣчіе. По этому поводу ничего не можемъ сказать, кромѣ благодарности за дѣло, предпринятое съ добрымъ побужденіемъ, и выразить искреннее желаніе возможности пользоваться этимъ переводомъ. Что касается до оцѣнки достоинствъ этого перевода, то желательно было-бы, чтобъ за такую оцѣнку принялись люди, спеціально посвятившіе себя религіознымъ знаніямъ; они указали-бы, на сколько этотъ переводъ достоинъ высокаго предмета и на сколько онъ можетъ быть пригоденъ для употребленія между грамотными простолюдинами южно-русскаго происхожденія.

Кромѣ этого почтеннаго труда, г. Кулишъ является съ переводомъ Шекспира на южно-русское нарѣчіе. На первый разъ онъ издаетъ переводъ трехъ піэсъ Шекспира: „Отелло“, „Троила и Крес-

Библиотека "Руниверс"

сиды" и „Комедіи Ошибокъ". Относительно выбора піэсъ, казалось, было-бы полезнѣе начинать передачу великаго британскаго драматурга съ піэсъ болѣе славныхъ, пріобрѣвшихъ издавна репутацію лучшихъ и безспорно по своимъ эстетическимъ достоинствамъ имѣющихъ право считаться такими; Отелло дѣйствительно и принадлежитъ къ такимъ произведеніямъ, но двѣ остальныя поэмы, переведенныя г. Кулишомъ, не могутъ быть отнесены къ такому разряду и могли-бы появиться послѣ многихъ другихъ. Вѣроятно, г. Кулишъ, надѣется перевести всего Шекспира и заранѣе показываетъ, что не хочетъ ничего опускать изъ его твореній, такъ какъ во всѣхъ его произведеніяхъ, даже слабѣйшихъ, можно найти достоинства. Желаемъ успѣха г. Кулишу, но не можемъ не напомнить ему со вздохомъ старинной избитой поговорки: Ars longa, vita brevis, а г. Кулишу, сколько мы знаемъ, болѣе шестидесяти лѣтъ отъ роду и для тѣхъ, которые могли-бы быть заинтересованы переводомъ Шекспира на южно-русское нарѣчіе, было-бы неутѣшительно по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ лишиться возможности прочитать по южно-русски такія міровыя творенія, какъ Гамлетъ, Макбетъ, Ричарды и другіе. Относительно достоинствъ явившагося перевода мы уклонимся отъ ихъ оцѣнки вотъ по какой причинѣ. Мы уже заявляли въ печати, что настоящее положеніе южно-русскаго нарѣчія таково, что на немъ слѣдуетъ творить, а не переводить, и вообще едвали умѣстны переводы писателей, которыхъ каждый интеллигентный малоруссъ прочтетъ на русскомъ языкѣ, который давно уже сталъ культурнымъ языкомъ всего южно-русскаго края; притомъ этотъ общерусскій языкъ—не чужой, не заимствованный языкъ, а выработанный усиліями всѣхъ русскихъ, не только великороссіянъ, но и малороссовъ. За тѣмъ, не отнимая у народнаго малорусскаго нарѣчія права на саморазвитіе, права, присущаго каждому человѣческому нарѣчію въ мірѣ, мы убѣждены, что всякая литература, чтобы существовать съ пользою, должна удовлетворять потребностямъ того общества, которое говоритъ языкомъ этой литературы. А какъ нѣтъ у насъ иного общества малорусскаго, кромѣ простонароднаго, то и литература малорусская должна быть литературою простонародною, какъ по выбору предметовъ, такъ и по способу выраженія мыслей объ этихъ предметахъ, иными словами, по-малорусски писать можно только то, что попятно и

Библиотека "Руниверс"

нужно для простонародія; языкъ долженъ развиваться разомъ съ развитіемъ народа и если даже писатель станетъ передавать то, что народу было до сихъ поръ чуждо, то долженъ дѣлать такъ, чтобъ народъ понималъ и усвоивалъ то, съ чѣмъ его знакомятъ; иначе писатель можетъ подвергнуться обличенію въ бездарности и неумѣлости. Намъ казалось-бы, нѣтъ надобности переводить на южно-русское нарѣчіе Шекспира, такъ какъ всякій малоруссъ, получившій на столько развитія, чтобъ интересоваться чтеніемъ Шекспира, можетъ прочитать его въ русскомъ переводѣ, да иногда даже съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ южно-русскомъ, потому что рѣдкій сколько-нибудь образованный малоруссъ не знаетъ русскаго книжнаго языка въ равной степени съ своимъ природнымъ нарѣчіемъ, передавать-же по-русски Шекспира въ настоящее время легче, чѣмъ по-малорусски, даже и такому знатоку малорусскаго слова, какъ самъ г. Кулишъ. Но это примѣнительно только къ южно-русскому краю, вошедшему въ предѣлы русской имперіи и притомъ только тамъ, гдѣ общее воспитаніе въ такой степени уже оказало свою силу, что русскій книжный языкъ успѣлъ сдѣлаться какъ-бы природнымъ языкомъ интеллигентнаго класса.

Судьба южно-русскаго нарѣчія совсѣмъ иная въ австрійской монархіи, гдѣ нѣсколько милліоновъ говорятъ этимъ нарѣчіемъ: для нихъ общерусскій книжный языкъ не могъ сдѣлаться языкомъ интеллигентнаго общества, какъ у нашихъ южно-руссовъ. Тамъ интеллигентный человѣкъ долженъ былъ усвоивать себѣ культурный языкъ—чужой, польскій, а въ послѣднее время даже нѣмецкій, или же, желая во что-бы-то ни стало оставаться южно-руссомъ, долженъ былъ пытаться собственное свое простонародное нарѣчіе возводить въ значеніе культурнаго языка; это дѣлалось и дѣлаться должно было неизбѣжно; тутъ дѣйствовало не какое-нибудь патріотическое побужденіе, всегда, впрочемъ, само по себѣ достойное сочувствія, а прямая необходимость. У нихъ не было культурнаго языка, а безъ него невозможно никакое осмысленное положеніе; литературный русскій языкъ, ставшій культурнымъ языкомъ для южно-руссовъ въ русскомъ государствѣ, былъ для обитателей австрійскаго государства болѣе чужимъ, чѣмъ нѣмецкій, который былъ имъ ближе по крайней мѣрѣ потому, что былъ языкомъ правительства, которому они подчинялись. Нѣмецкій языкъ не могъ быть

Библиотека "Руниверс"

легко и скоро ими усвоенъ по корневой отдаленности отъ ихъ родной рѣчи, а языкъ польскій, который силилась постоянно имъ навязывать польская и ополяченная интеллигенція края, напоминалъ имъ слишкомъ много враждебнаго и противнаго, чтобъ замѣнить имъ свое родное нарѣчіе. Такимъ образомъ стеченіе обстоятельствъ приводило къ стремленію развивать родное нарѣчіе и преобразовать его въ культурный языкъ.

И такъ южно-руссы Австро-Венгріи, хотя и принадлежатъ къ одной этнографической вѣтви съ южно-руссами русской имперіи, но очутились въ иномъ положеніи относительно культурнаго языка, чѣмъ послѣдніе. Вотъ почему не приходится примѣнять къ явленіямъ въ галицкой южно-русской литературѣ ту мѣрку, какая пригодна для нашихъ южно-руссовъ. Притомъ въ Галичинѣ, при ея, не схожемъ съ нашимъ, политическомъ строѣ, при конституціонномъ правительствѣ, при отсутствіи всякихъ стѣсненій южно-русскаго слова, народная рѣчь начала развиваться и шагнула уже на болѣе высшую ступень культурности, чѣмъ у насъ; а потому многое въ переводѣ Кулиша для насъ можетъ показаться неестественнымъ, не народнымъ, искусственнымъ, натянутымъ, выкованнымъ произвольно, тогда какъ совсѣмъ иначе тоже самое можетъ представиться галицкому читателю.

Кромѣ этихъ указанныхъ трудовъ г. Кулиша, достойныхъ уваженія и одобренія, г. Кулишъ издалъ книжку подъ названіемъ „Хуторна поэзія“, книжку имѣющую значеніе публицистическое. Книжка эта составлена на половину въ прозѣ, а на половину въ стихахъ; она раздѣляется на три части. Первая часть написанная прозою носитъ названіе: „Историчне оповіданне“. Здѣсь г. Кулишъ вспоминаетъ происходившія у насъ у всѣхъ на памяти событія, въ которыхъ онъ г. Кулишъ самъ pars magna fuit. Онъ сообщаетъ своимъ читателямъ, что въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Кіевѣ украинская народная поэзія вдохновила тамошнюю молодежь мыслію выдвинуть свой народъ изъ мрака, который не давалъ его духовнымъ силамъ подняться и тѣмъ самымъ подрывалъ его благосостояніе. То были, по словамъ г. Кулиша, юноши, глубоко просвѣтленные чистотою христіанскаго ученія, преданные до энтузіазма апостольской любви къ ближнему. Въ кругу образованнаго украинскаго дворянства они стали проповѣдывать освобожденіе

Библиотека "Руниверс"

народа изъ подъ крѣпостной зависимости путемъ христіанскаго и научнаго просвѣщенія. Остерегаясь „современныхъ пилатовъ-игемоновъ и коварныхъ злостныхъ книжниковъ и фарисеевъ“, они избѣгали облеченія своего дѣла въ какую-либо формальность, не составляли ни статутовъ, ни договоровъ, ни конспектовъ своего дѣла, не установляли изъ среды себя начальства и старѣйшинства, всѣ были равны между собою и развѣ только тотъ между нихъ могъ считаться старшимъ, кто былъ прочимъ всѣмъ слугою. Единственное лицо, на которое они взирали какъ на небесный свѣтильникъ, былъ Шевченко, который съ своею поэзіею являлся какъ-бы оправданіемъ ихъ общаго вдохновенія.

Осенью 1845 года г. Кулишъ разстался съ своими кіевскими друзьями и единомышленниками и перебрался въ Петербургъ, гдѣ сошелся съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ, котораго образъ г. Кулишъ передаетъ въ чрезвычайно увлекательныхъ и, что всего лучше, въ вѣрныхъ чертахъ; при его содѣйствіи, академія наукъ, по случаю кончины профессора Прейса, предположила отправить г. Кулиша за границу для изученія славянскихъ языковъ съ цѣлію, по возвращеніи, сдѣлать его адъюнктомъ академіи и профессоромъ въ университетѣ. Въ концѣ 1846 года Кулишъ отправился въ путь за границу черезъ Кіевъ, гдѣ, какъ узналъ, во время его пребыванія въ Петербургѣ, его кіевскіе друзья составили общество, которому дали названіе общества св. Кирилла и Меѳодія, написали уставъ и вымыслили даже знакъ или символъ общества, перстень изъ литого желѣза съ вырѣзанными на немъ начальными буквами именъ Кирилла и Меѳодія. Въ Кіевѣ, собираясь ѣхать за границу въ славянскія земли съ однимъ молодымъ человѣкомъ, бывшимъ въ числѣ основателей этого общества, г. Кулишъ, какъ самъ сообщаетъ, спрашивалъ этого молодого человѣка объ обществѣ, а тотъ отвѣчалъ, что то была ребяческая забава, что сами основатели одумались, уничтожили написанный уставъ и побросали въ воду перстни. Но г. Кулишъ при этомъ догадывался, что отъ него, какъ и отъ Шевченка, таятся, а впослѣдствіи узналъ, что основатели не хотѣли принимать въ число членовъ Кулиша и Шевченка, не потому, чтобъ не довѣряли имъ, а потому что слишкомъ дорожили ими и опасались подвергать ихъ могущимъ постигнуть ихъ непріятностямъ, будучи увѣрены, что, и не вступая въ общество, они по своей дѣятельности всегда будутъ ему полезны.

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ объ этомъ обществѣ Кирилла и Меѳодія уже появлялись въ разныхъ печатныхъ органахъ неясные и невѣрные намеки, то не лишнимъ будетъ, по случаю сообщенія г. Кулиша, сказать объ этомъ обществѣ правдивое слово. Г. Кулишъ и теперь заявляетъ и прежде пытался заявлять, что не былъ членомъ этого общества и даже не зналъ о немъ. Мы прошлымъ лѣтомъ случайно наткнулись на такое заявленіе г. Кулиша въ газетѣ „Новости". Г. Кулишъ правъ, утверждая, что онъ не былъ ни членомъ, ни основателемъ такого общества; но мы прибавимъ, что собственно и самаго общества не существовало, такъ какъ нельзя считать организованнымъ обществомъ разговоры частныхъ лицъ, случайно сошедшихся для бесѣды безъ всякой предвзятой цѣли. Дѣло происходило такъ: въ генварѣ 1846 года пишущій эти строки вмѣстѣ съ пріятелями своими Никол. Ив. Гулакомъ, Вас. Мих. Бѣлозерскимъ и Александр. Александров. Навроцкимъ толковали о томъ, какъ-бы слѣдовало путемъ воспитанія юношества, изданія сочиненій, относящихся къ славяновѣдѣнію и при всякомъ случаѣ частными бесѣдами стараться знакомить русское общество съ славянскимъ міромъ. При этомъ мы составили для себя desiderata, въ которыхъ выражалось то, что, по нашимъ убѣжденіямъ, должно было лечь въ основу будущей славянской взаимности. Первое желаніе касалось способовъ дѣятельности тѣхъ лицъ, которые-бы нашли въ себѣ силу быть апостолами славянскаго возрожденія. Это желаніе состояло въ томъ, чтобъ соблюдалась искренность и правдивость и отвергалось іезуитское правило объ освященіи средствъ цѣлями, за тѣмъ слѣдовали желанія касавшіяся славянъ. Онѣ были немногочисленны и несложны, и состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноплеменниковъ, 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою; установленіе точныхъ правилъ разграниченія народностей и устройства ихъ взаимной связи предоставлялось времени и дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса исторіей и наукою, 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ-бы видомъ оно ни скрывалось, 4) Упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются, 5) религіозная свобода и вѣротерпимость, 6) при полной свободѣ всякаго вѣро-

Библиотека "Руниверс"

ученія употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей, 7) полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова и 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей. Этимъ собственно и ограничились тогдашнія наши desiderata. Нѣкоторыя изъ нихъ были приведены въ исполненіе, другія—намѣчены и частію совершены императоромъ Александромъ II. Въ оное время мы очень желали, чтобъ могло образоваться общество на вышеозначенныхъ принципахъ, но мы не задавали себѣ вопроса: можетъ-ли такое общество, хотя-бы съ чисто ученымъ характеромъ, быть одобрено тогдашнимъ правительствомъ, хотя отрицательный отвѣтъ на такой вопросъ заранѣе указывался здравымъ разсудкомъ, даже при поверхностномъ знакомствѣ съ окружающимъ насъ міромъ. Но мы были въ этомъ отношеніи дѣти и привыкли жить болѣе въ книгахъ и въ собственныхъ идеалахъ, чѣмъ въ мірѣ дѣйствительности, и оттого, быть можетъ, Бѣлозерскій (а это его разумѣетъ г. Кулишъ, вспоминая о молодомъ человѣкѣ, собиравшемся съ Кулишомъ ѣхать за границу) былъ отчасти правъ, называя все это „ребяческою забавою“. Но тѣмъ не менѣе тайнаго общества со всѣми неизбѣжными аттрибутами: выборами, предсѣдателями, секретарями, собраніями, членскими взносами, отчетами, у насъ организовано не было, также точно какъ не было „перстня изъ литого желѣза“ въ качествѣ символа общества. Былъ у меня перстень не желѣзный, а золотой съ вырѣзанными внутри его именами св. славянскихъ апостоловъ. Я сдѣлалъ его себѣ гораздо ранѣе и мысль къ тому подали мнѣ продававшіяся въ михайловскомъ золотоверхомъ монастырѣ кольца съ именемъ Варвары великомученицы, освященныя на мощахъ этой святой. Увидя такое кольцо у меня, кто-то изъ знакомыхъ сдѣлалъ себѣ такое кольцо, хотя съ иными акцессуарами, потомъ, какъ мнѣ говорено было, и еще кто-то... Но символами общества эти кольца не были.

Когда я былъ арестованъ и доставленъ въ III-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, я былъ въ крайне затруднительномъ положеніи. Мнѣ-бы слѣдовало сразу сказать всю правду, тѣмъ болѣе, что собственно преступленія противъ законовъ за мною не было; но сказать правду, то есть что велись разговоры о сла-

Библиотека "Руниверс"

вянскомъ единеніи и хотя общество не организовалось, но существованіе его было желательнымъ—было невозможно; меня-бы допрашивали, съ кѣмъ велись подобныя бесѣды и я долженъ былъ-бы указать на другихъ, я-же, находясь въ III-мъ отдѣленіи, не зналъ, кто еще кромѣ меня арестованъ. Я по неволѣ сталъ увертываться, а моя увертливость возбуждала противъ меня подозрѣніе: думали такъ, что вѣрно у насъ было и есть что-то важное, когда мы стараемся его скрыть. Изъ Кіева то и дѣло присылались новые доводы существованія тайнаго зловреднаго общества, доводы неосновательные и нелѣпые, но тѣмъ не менѣе наводившіе подозрѣніе. Такъ, между прочимъ, открыто было, будто у членовъ славянскаго общества есть на тѣлѣ какіе-то вытравленные знаки. Насъ раздѣвали, а таврà ни на комъ не нашли. Признали печатью общества мою именную печать, употреблявшуюся уже болѣе десяти лѣтъ, съ вырѣзанными на ней словами: Іоанна гл. VIII, ст. 32, и не обратили вниманія на мою просьбу убѣдиться, что этою печатью я давно печаталъ письма и никто другой, кромѣ меня, не употреблялъ ее. Наконецъ изъ моихъ лекцій и рукописныхъ сочиненій вырѣзывались мѣста безотносительно къ предыдущей рѣчи и къ послѣдующей и имъ придавался смыслъ, обличающій существованіе тайнаго вреднаго общества. Двое кіевскихъ студентовъ Петровъ и Андрусскій въ III-мъ отдѣленіи показывали на меня ужаснѣйшія вещи и хотя первый, по смыслу заключавшагося въ его показаніяхъ, былъ самымъ графомъ Орловымъ обиченъ во лжи, а второй, написавши про меня множество клеветъ, поставленный на очную ставку со мною, объявилъ, что все написанное имъ обо мнѣ ложь, тѣмъ не менѣе ихъ показанія оставляли вліяніе на генерала Дубельта, который, подозрѣвая, что я умышленно утаиваю вины свои, сердился, ругалъ меня самыми площадными словами и угрожалъ даже употребить жестокія мѣры съ цѣлію заставить меня говорить искренно. Наконецъ дѣлопроизводитель секретной экспедиціи прочелъ мнѣ показаніе Бѣлозерскаго, сообщивши при томъ, что оно, по своей искренности и по духу смиренія и покорности, понравилось государю императору. Онъ совѣтовалъ и мнѣ измѣнить свои прежнія показанія и подать новое, подобное по смыслу и по духу показанію Бѣлозерскаго. Тогда я увидалъ, что всѣ, кого могли привлечь и наказать по поводу основанія общества, уже

Библиотека "Руниверс"

находятся въ III-мъ отдѣленіи и что я не въ состояніи болѣе своею откровенностію притянуть кого нибудь вновь въ III-е отдѣленіе; я послѣдовалъ предложенному мнѣ совѣту и написалъ показаніе, подобное показанію Бѣлозерскаго. Послѣдній сознавался, что общество дѣйствительно возникло, но оно имѣло въ виду только тѣхъ славянъ, которые не состоятъ подъ русскою державою и при томъ въ видахъ подчинить ихъ всѣхъ россійскому скипетру и распространить между ними православіе. За тѣмъ и Николай Ивановичъ Гулакъ, до сихъ поръ упорно не хотѣвшій давать никакого показанія и тѣмъ усиливавшій на всѣхъ насъ подозрѣніе, подалъ такое-же показаніе, какъ Бѣлозерскій. Насъ наказали различно. Бѣлозерскаго государь императоръ за искренность и смиреніе простилъ, приказавъ избавить его отъ всякаго заключенія и отправить въ Петрозаводскъ на гражданскую службу, внушивъ тамошнимъ властямъ самое лестное о немъ мнѣніе. Этотъ молодой человѣкъ не только не проигралъ, но въ служебномъ отношеніи выигралъ: его, не смотря на очень молодые лѣта, сдѣлали совѣтникомъ губернскаго правленія, что̀ въ оное время казалось блестящею карьерою въ началѣ служебнаго поприща. Меня осудили на годичное заключеніе въ Петропавловской крѣпости, а потомъ отправили въ Саратовъ на гражданскую службу съ воспрещеніемъ на всегда печатать и преподавать. Гулака за упорство наказали строже: посадили въ шлиссельбургскую крѣпость на три года съ половиною, а по окончаніи этого срока отправили въ Пермь съ такими-же ограниченіями, какъ и меня въ Саратовъ; Навроцкаго—въ вятскую губернію съ выдержкою на мѣстѣ подъ арестомъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Кулиша и Шевченка наказали не зависимо отъ насъ: участія въ составленіи славянскаго общества за ними не признали, но поставили имъ въ вину ихъ малорусскія сочиненія. Кулишъ, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ крѣпости, былъ отправленъ въ Тулу съ такими-же ограниченіями, какія постигли меня и Гулака, а Шевченко былъ наказанъ, какъ всѣмъ извѣстно, гораздо суровѣе за то, что въ его стихахъ были оскорбительные отзывы объ отжившихъ и живущихъ высочайшихъ особахъ. Кромѣ тяжелой солдатской службы, онъ осужденъ былъ на запрещеніе писать и рисовать и долженъ былъ постоянно тяготиться присутствіемъ ефрейторовъ, наблюдавшихъ, чтобъ онъ не дѣлалъ противнаго

Библиотека "Руниверс"

высочайшему запрещенію. Такъ окончилось дѣло о славянскомъ обществѣ Кирилла и Меѳодія. Вотъ уже прошло съ тѣхъ поръ тридцать пять лѣтъ, воды много утекло и тѣ, которые тогда поступали на службу, теперь уже получаютъ полную пенсію, слѣдовательно самое это событіе отошло уже въ міръ исторіи русской протекшей жизни: пора сказать о немъ сущую правду, а правда о немъ будетъ такова, что общества Кирилла и Меѳодія не существовало; происходили только разговоры о немъ, безъ всякаго намѣренія основывать его. Дѣйствительно, Кулишъ и Шевченко не были участниками разговоровъ, происходившихъ въ генварѣ 1846 года; Кулишъ находился тогда въ Петербургѣ, а съ Шевченкомъ я еще не былъ лично знакомъ; но я слишкомъ хорошо помню, что ни отъ того, ни отъ другого мы съ нашими славянскими симпатіями не таились, напротивъ, Шевченко, познакомившись со мною, относился къ идеѣ о славянской взаимности съ поэтическимъ восторгомъ, а Кулишу не могли онѣ оставаться въ неизвѣстности, потому что впослѣдствіи, бывши съ нимъ не только близокъ, но друженъ, много разъ я вспоминалъ съ нимъ о прошедшемъ.

За „Историчнымъ оповіданнемъ“ въ книгѣ „Хуторна поэзія“ слѣдуютъ стихотворенія въ числѣ двадцати четырехъ: всѣ почти въ публицистическомъ тонѣ. Всѣ онѣ богаты мыслями, но тяжелы и вообще возбуждаютъ желаніе, чтобъ г. Кулишъ оставилъ стихотворное поле и ограничился прозаическою формою, которая у него выходитъ удачнѣе стиховъ. Два стихотворенія г. Кулиша невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе: это прославленіе двухъ царственныхъ особъ; одно стихотвореніе называется „Гимнъ единому царю“, а другое—„Гимнъ единой царицѣ“. Подъ царемъ разумѣется Петръ Великій, подъ царицею—императрица Екатерина Вторая. Петръ по истинѣ такъ великъ, что никакой дифирамбъ ему не будетъ совершенно не вѣренъ и если намъ придется отозваться безъ особыхъ похвалъ о стихотвореніи Кулиша въ честь Петра, то потому только, что въ самомъ этомъ стихотвореніи не видно присутствія дарованія. Мысль о похвалѣ Екатеринѣ II-й заключаетъ въ себѣ столько-же ложнаго, сколько было неправды въ представленіяхъ, усвоенныхъ нами всѣми издавна о царствованіи этой государыни, царствованіи мудромъ и блестящемъ, но не всегда и не вездѣ благотворномъ для народной жизни, какъ современниковъ, такъ и

Библиотека "Руниверс"

потомковъ. Авторъ негодуетъ на враговъ ея, которые называли ее „голодною волчицею". „Ты была—говоритъ Кулишъ, обращаясь къ личности государыни—волчицею для проклятыхъ людоѣдовъ, ты была врагомъ кровопійцъ людскихъ, и это будетъ помнить культурный міръ. Ты убила за порогами змѣю несытую разбоями и разореніями; ты раздавила ядовитую голову схидны. Хвала тебѣ, царица, за зло, учиненное злымъ, и за добро, оказанное добродѣтельнымъ. Хвала тебѣ, любомудрая жрица, прорицательница благословенныхъ временъ!"

Змѣя, раздавленная за порогами, есть Запорожская Сѣчь, уничтоженная Екатериною II-ою.

Г. Кулишъ написалъ эти стихи подъ увлеченіемъ негодованія противъ запорожцевъ, нерѣдко совершавшихъ разбои и злодѣянія. Мы далеки отъ того, чтобъ скорбѣть объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи и готовы признать это уничтоженіе дѣломъ мудрой государственной политики. Но иное дѣло цѣль, а иное—способы къ достиженію этой цѣли. Вспомнимъ участь Калнишевскаго и Глобы! Ужасъ овладѣваетъ воображеніемъ, когда представишь себѣ несчастнаго Кошеваго, глубокаго старика, ничего иного не показавшаго русскому престолу, кромѣ вѣрности и послушанія: теперь въ воздаяніе за долгую преданность его, бросили его въ сырую и мрачную темницу соловецкаго монастыря и томили тамъ въ одиночкомъ заключеніи болѣе тридцати лѣтъ. А что сдѣлали съ запорожскимъ краемъ послѣ уничтоженія Сѣчи? Выгнали паплывшее туда уже издавна вольное населеніе и отдали превращенныя въ пустыни поля и угодья въ добычу вельможамъ, любимцамъ счастія и временщикамъ! Это-ли прославляемая Кулишомъ культура? Уничтоженіе гетманщины въ Малороссіи хотя и могло оправдываться теченіемъ историческихъ судебъ всего русскаго міра, но совершенно съ такими послѣдствіями, которыя не послужили къ пользѣ, благосостоянію и духовному развитію народа. Чтобы сплотить тѣснѣе малорусскій край съ другими областями русскаго государства и истребить въ немъ могущія ожить уже примершія завѣтныя историческія побужденія, сочли лучшимъ и простѣйшимъ средствомъ разрознить сословія: козацкимъ старшинамъ даровать наравнѣ съ русскими служащими въ офицерскихъ чинахъ дворянское достоинство и право владѣть крестьянами, а простой народъ, такъ называемое

Библиотека "Руниверс"

въ Малороссіи поспольство, отдать въ порабощеніе новоиспеченному дворянству. Что-жъ, и это—культура!, Тридцать лѣтъ спустя, малороссійскій дворянинъ графъ Безбородко восхищался этою мѣрою и совѣтовалъ примѣнять ее къ новоприсоединенному западному краю отъ Польши, совѣтовалъ ласкать тамошнихъ дворянъ, покровительствуя ихъ власти надъ простымъ народомъ, но такъ думать могъ баринъ въ тотъ вѣкъ, когда люди главнымъ образомъ цѣнились по ихъ благородному происхожденію, а о такъ-называемомъ подломъ народѣ думали, что его и Богъ на то создалъ, чтобъ онъ повиновался дворянству. Но, конечно, такая общественная мудрость въ нашъ вѣкъ не годится, и не выйдетъ-ли, что „мужицкія, полупьяныя, какъ ихъ честитъ г. Кулишъ, воззрѣнія Шевченка на царствованіе Екатерины II-й сообразнѣе съ исторической правдою, чѣмъ высокомудрыя воззрѣнія г. Кулиша? Многія историческія эпохи представляются въ одобрительномъ свѣтѣ, когда ихъ будемъ разсматривать съ точки зрѣнія всемірно-исторической, но если ихъ распластать и заглянуть поглубже въ мелочи и подробности протекшей жизни, то откроются возмутительныя картины страданій и насилій, которыя стушевывались во время обзора эпохи въ цѣломъ. Нерѣдко положительныя стороны въ прошедшихъ эпохахъ, возбуждающія наши симпатіи и похвалы, слѣдуетъ приписывать вѣку, географическимъ и этнографическимъ условіямъ и закону сцѣпленія событій между собою въ ихъ поступательномъ движеніи, а вовсе не побужденіямъ тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей.

Послѣ ряда стиховъ, не отличающихся даровитостію, слѣдуетъ у г. Кулиша составленное прозою призывное посланіе къ украинской интеллигенціи. Онъ бѣгло проходитъ соціальную исторію южной Руси, вспоминаетъ, какъ южно-русскій высшій классъ усвоилъ польскую національность, увлекшись превосходствомъ культуры, какъ южно-русская національность низошла исключительно въ сферу простонародія, вспоминаетъ эпоху разцвѣта простонародной изустной литературы, и новую измѣну своей національности высшаго класса, устремившагося не къ выработкѣ своенародной культуры, а къ усвоенію языка и нравовъ великорусской аристократіи, и повторившаго въ другомъ видѣ то, что прежде совершено имъ въ отношеніи къ польской національности. Потомки стали обращаться въ великороссійскихъ дворянъ, подобно тому, какъ предки ихъ когда-

Библиотека "Руниверс"

то дѣлались польскимъ шляхетствомъ. Простонародный украинскій языкъ осужденъ былъ пребывать въ летаргіи и только въ текущемъ столѣтіи стали извлекать его изъ этой летаргіи. Починъ принадлежитъ Котляревскому, которому г. Кулишъ даетъ большую заслугу. По его словамъ, это былъ соціальный реформаторъ: „онъ стащилъ съ олимпійскихъ высотъ боговъ и богинь съ полубогами; онъ спустилъ съ высокихъ постаментовъ на землю широко славныхъ героевъ, которыхъ сильные міра брали себѣ за образецъ, и все это олимпійское и обоготворенное барство обратилъ въ мужицкую простоту. Съ его почину возникла литература, которая по ходу вещей должна была носить демократическій характеръ, потому что она возникла не въ угоду панамъ, а въ угоду тѣмъ, которые не желаютъ, чтобъ темный братъ былъ ихъ слугою, а хотятъ сами послужить темнымъ братьямъ". Такъ-ли все это на самомъ дѣлѣ? Смыслъ, какой даетъ Кулишъ Котляревскому, былъ-бы умѣстенъ, если-бъ это происходило въ странѣ, гдѣ классическое воспитаніе доходило уже до крайности; но этого нельзя сказать о южной Руси: число учившихся и проникнутыхъ классицизмомъ было слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ безграмотною массою, которая никогда не слыхала ни о какихъ олимпійскихъ богахъ и обоготворенныхъ герояхъ древности. Какое такое барство въ Малороссіи, которое ставило себѣ за образецъ этихъ героевъ? Дѣйствительно, заслуга Котляревскаго велика, но она состоитъ не въ томъ, въ чемъ находитъ Кулишъ. Котляревскій взялъ Энеиду, перенесъ ея остовъ въ малороссійскій мужичій міръ и изобразилъ этотъ міръ чрезвычайно вѣрно и талантливо. Тутъ не главное дѣло въ богахъ древняго міра и его герояхъ. Еслибъ Котляревскій взялъ что-нибудь иное, откуда-бы то ни было, хотя-бы изъ освобожденнаго Іерусалима Тасса или изъ Жильблаза, да одѣлъ взятое такъ искусно въ малорусскую плоть и одежду, какъ онъ сдѣлалъ это съ Энеидою, то результатъ вышелъ-бы все тотъ-же. Демократичность, какъ выражается самъ Кулишъ, явилась отъ того, что иного народа, говорящаго по-малорусски, кромѣ простонародія, почти не было. Понятно, что и въ литературѣ нельзя было выводить никого, кромѣ малорусскаго простолюдина.

Далѣе г. Кулишъ вспоминаетъ, какъ люди съ превратными этнографическими понятіями стали проводить мысль, что развитіе простонароднаго украинскаго нарѣчія вредно съ государственной

Библиотека "Руниверс"

точки зрѣнія; они-то настроили правительство смотрѣть неблагосклонно на всякое проявленіе народнаго духа въ украинской литературѣ и запрещать на южно-русскомъ нарѣчіи издавать то, что дозволялось другимъ народностямъ, вошедшимъ въ предѣлы русскаго государства—жмудинамъ, самоѣдамъ, тунгузамъ и проч. По поводу такого стѣсненія г. Кулишъ находитъ, что, не сопротивляясь волѣ власти, остается послѣдовать наставленію великаго Учителя человѣчества, который повелѣваетъ намъ, если гонятъ насъ въ одномъ мѣстѣ, уходить въ другое. Исполняя это наставленіе Спасителя, Кулишъ уходитъ въ культурный свѣтъ и посылаетъ во всю русскую землю вѣщаніе на пробужденіе сонныхъ и воскресеніе мертвыхъ. Онъ призываетъ всѣхъ въ кругъ, и великихъ и малыхъ, и господскихъ и мужичьихъ дѣтей—спасать свое родное слово! Онъ поднимаетъ національное знамя и надѣется собрать подъ него разточенныхъ чадъ Украйны! По нѣкоторымъ отношеніямъ, въ какія въ послѣднія времена стали между собою г. Кулишъ съ одной стороны и немногочисленная, разсѣянная въ разныхъ краяхъ малорусская интеллигенція съ другой, мы опасаемся, какъ-бы изъ этого призыва г. Кулиша подъ распускаемое имъ за границею національное знамя не вышло fiasco! Мы опасаемся, что г. Кулишъ уже не имѣетъ за собою того обаянія, какое окружало его долго въ глазахъ земляковъ.

Если писатель, пріобрѣвъ довѣріе къ себѣ своихъ читателей, вздумаетъ испытывать степень этого довѣрія — станетъ возвѣщать имъ совершенно противное тому, что они прежде привыкли слышать отъ него, и все это дѣлаться будетъ съ гордымъ самомнѣніемъ, что читатели его глупцы, которымъ можно, что угодно, выставить за правду и они по прежней привычкѣ станутъ и этому вѣрить, то онъ можетъ быть жестоко наказанъ за свою гордыню: исчезнетъ прежнее къ нему довѣріе, испарится любовь къ нему и вмѣсто прежнихъ похвалъ и восторговъ посыплется на него рядъ упрековъ и презрительныхъ насмѣшекъ, а то еще и хуже — его забудутъ, на него не станутъ обращать никакого вниманія. Кулишъ, по нашимъ соображеніямъ, именно стоитъ на такомъ пути, который можетъ довести его до этого не привлекательнаго положенія. Не желаемъ ему такой судьбы!

Н. Костомаровъ.

Библиотека "Руниверс"

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).

Старинный характеръ и бибиковскія преобразованія.—Нѣчто о Карасинѣ и Пиднебесной и объ акафистѣ „матери Кукурузѣ".—Печерскій Кесарь и его импровизаціи.—Стремленіе войска уйти въ походъ противъ Вылезарія.—Легенда о бибиковской тещѣ и о всепомогающемъ докторѣ. Способъ обращать верхніе зубы въ нижніе.—Квартальный антикварій. Наѣздъ Виньёля.—Старецъ Малафей Пимычъ и отрокъ Гезій.—Порча отрока человѣчиной.—Открытіе моста.—Аскоченскій въ поэтическомъ восторгѣ.—Альфредъ фонъ-Юнгъ—его опечатки и его поэзія.—Анекдоты съ коннымъ нѣмцомъ и съ отцомъ Строфокамиломъ.—Малафеево стояніе.—Неисполнившееся откровеніе.—Старцева смерть — отрокова женидьба.—Миръ въ тропарѣ.—Два дворянина.—Исключительный священникъ.—Тайна троицкой церкви.—Нѣчто о „Запечатлѣнномъ Ангелѣ".

> «Мнѣ убо, возлюбленніи, желательно есть вспомянути доброе житіе крѣпкихъ мужей и предложити вашей любви слово нехитрорѣчивое, но истинною украшенное. Вамъ-же любезно да будетъ слышати добрыя повѣсти о мужахъ благостныхъ».
>
> *Изъ предисловія къ повѣсти «объ отцахъ и страдальцахъ»*.

I.

При большомъ моемъ сочувствіи „Кіевской Старинѣ", я лишенъ возможности сдѣлать, какой-бы то ни было, настоящій историческій вкладъ въ это почтенное изданіе. Причины тому двѣ: во первыхъ, я не имѣю въ рукахъ ни какихъ интересныхъ бумагъ, касающихся кіевской Руси, а во вторыхъ, я вообще и не знатокъ исторіи. Я высоко цѣню и люблю эту науку, но служить ей могу

Библиотека "Руниверс"

только съ одной стороны, обозначенной гдѣ-то покойнымъ Сергѣемъ Михайловичемъ Соловьевымъ т. е. со стороны самой легкой и поверхностной, со стороны изображенія какихъ нибудь не важныхъ людей, которые однако самою своею жизнію, до извѣстной степени, выражаютъ исторію своего времени.

Разскажу нѣчто про кіевскихъ оригиналовъ, которыхъ я зналъ въ дни моей ранней юности, и которые, мнѣ кажется, стоятъ вниманія, какъ личности очень характерныя и любопытныя.

Вначалѣ, да позволено мнѣ будетъ, сказать два слова о себѣ. Онѣ необходимы для того, чтобы показать, гдѣ и какъ я познакомился съ „печерскимъ Кесаремъ“, съ котораго я долженъ начать мою кіевскую галлерею антиковъ.

II.

Меня въ литературѣ считаютъ „орловцемъ“, но въ Орлѣ я только родился и провелъ мои дѣтскіе годы, а затѣмъ въ 1849 г. переѣхалъ въ Кіевъ.

Кіевъ тогда сильно отличался отъ нынѣшняго, и разница эта заключалась не въ одной внѣшности города, но и въ нравахъ его обитателей. Внѣшность измѣнилась къ лучшему, т. е. городъ наполнился хорошими зданіями и такъ сказать *освропеился*, но мнѣ лично жаль многаго изъ стараго, изъ того, что сглажено и уничтожено, можетъ быть, нѣсколько торопливою и во всякомъ случаѣ слишкомъ безцеремонною рукою Бибикова. Мнѣ жаль, напримѣръ, лишеннаго жизни Печерска и облегавшихъ его урочищъ, которые были застроены какъ попало, но очень живописно. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣли также замѣчательно своеобразное и характерное населеніе, жившее неодобрительною и даже буйною жизнью въ стародавнемъ запорожскомъ духѣ. Таковы, были напримѣръ, удалыя Кресты и Ямки, гдѣ „мѣшкали безсоромнія дівчата“, составлявшія любопытное видоизмѣненіе городской, культурной проституціи съ козацкимъ простоплетствомъ и хлѣбосольствомъ. Къ этимъ дамамъ, носившимъ не европейскіе, а національные малороссійскіе уборы, или такъ называемое „просте платье“, добрые люди хаживали въ гости съ своею „горілкою, съ ковбасами, съ саломъ и рыбицею“, и тѣ изъ всей этой приносной провизіи готовили снѣди и проводили съ своими посѣтителями часы удовольствій „по фамильному“.

Библиотека "Руниверс"

Были изъ нихъ даже по своему благочестивыя: эти открывали свои радушныя хаты для пировъ только до „благодатной“, т. е. до втораго утренняго звона въ лаврѣ. А какъ только раздавался этотъ звонъ, козачка крестилась, громко произносила: „радуйся благодатная, Господь съ тобою“, и сейчасъ-же всѣхъ гостей выгоняла, а огни гасила.

Это называлося „досидѣть до благодатной“.

И гости,—трезвые и пьяные этому подчинялися.

Теперь этого оригинальнаго типа непосредственной старожилой кіевской культуры съ запорожской заправкой уже нѣтъ и слѣда. Онъ исчезъ, какъ въ Парижѣ исчезъ типъ мюзаревской гризеты, съ которою впрочемъ „крестовыхъ дівчатъ“ сравнивать нѣтъ никакой надобности.

Жаль мнѣ тоже живописныхъ надбережныхъ хатокъ, которыя лѣпились по обрывамъ надъ днѣпровской кручей: онѣ придавали прекрасному кіевскому пейзажу теплый, жилой характеръ и служили жилищемъ для большаго числа бѣдняковъ, которые хотя и получили какое-то вознагражденіе, но не могли за него построить себѣ лучшихъ домовъ и сдѣлались бездомовниками. А между тѣмъ эти живописныя хаточки никому и ничему не мѣшали. Ихъ разбросала и разметала властная личность, какъ мнѣ кажется, лишенная вкуса, а можетъ быть даже лишенная и состраданія. Жаль превосходнѣйшей аллеи рослыхъ и стройныхъ тополей, которая вырубана уже при Аниенковѣ для устройства на ея мѣстѣ нынѣшняго дряннаго увеселительнаго балагана, съ дряннными-же развлеченіями. Но всего болѣе жаль тихихъ куртинъ верхняго сада, гдѣ у насъ былъ свой лицей. Тутъ мы, молодыми ребятами, бывало проводили цѣлыя ночи до бѣла свѣта, слушая того, кто намъ казался умнѣе,—кто обладалъ большими противъ другихъ свѣденіями и могъ разсказать намъ о Кантѣ, о Гегелѣ, о „чувствахъ высокаго и прекраснаго“, и о многомъ другомъ, о чемъ теперь совсѣмъ и не слыхать рѣчей въ садахъ нынѣшняго Кіева. Теперь, когда доводится бывать тамъ, все слышишь нѣчто о банкахъ и о томъ, кого во сколько надо цѣнить на деньги. Любопытно подумать, какъ это настроеніе отразится на нравахъ подростающаго поколѣнія, когда настанетъ его время произнести оцѣнку доблестямъ отцовъ...

Библиотека "Руниверс"

Нравы, собственно говоря, измѣнились еще болѣе, чѣмъ зданія, и тоже можетъ быть не во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему. Перебирать и критиковать этого не будемъ, ибо „всякой вещи свое время подъ солнцемъ“, но пожалѣть о томъ, что было мило намъ въ нашей юности, надѣюсь, простительно, и кто, подобно мнѣ, уже пережилъ лучшіе годы жизни, тотъ вѣроятно не осудитъ меня за маленькое пристрастіе къ тому старенькому, сѣрому Кіеву, въ которомъ было еще очень много простоты, нынѣ совершенно исчезнувшей.

Я зазналъ этотъ милый городъ въ его дореформенномъ видѣ съ изобиліемъ деревянныхъ домиковъ, на углахъ которыхъ тогда впрочемъ были уже вывѣшены такъ называвшіяся „бибиковскія доски“. На каждой такой доскѣ была суровая надпись: „сломать въ такомъ-то году“.

Этихъ несчастныхъ, обреченныхъ на сломку домиковъ было чрезвычайно много. Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ и пошелъ его осматривать, то „бибиковскія доски“ навели на меня невыразимую грусть и уныніе. Смотришь—чистенькіе окошечки, на нихъ горшочки съ краснымъ перцемъ и бальзаминами, по сторонамъ пришпилены бѣлыя „фиранки“, на крышахъ воркуютъ голуби, и въ глубинѣ двориковъ хлопотливо кудахчутъ куры, и вдругъ почему-то и зачѣмъ-то придутъ сюда какіе-то сторонніе люди и все это разломаютъ... Для чего это? И куда дѣнутся, куда тогда пойдутъ эти люди, которымъ повидимому довольно удобно и хорошо живется за ихъ бѣлыми „фиранками“? Можетъ статься, что все это было необходимо, но тѣмъ не менѣе отдавало какимъ-то непріятно безцеремоннымъ и грубымъ самовластіемъ.

Бибиковъ конечно, былъ человѣкъ твердаго характера и настоящаго государственнаго ума, но, я думаю, если-бы ему было дано при этомъ немножко по-больше сердца,—это-бы не помѣшало ему войти въ исторію съ болѣе пріятнымъ аттестатомъ.

Старый городъ и Печерскъ особенно щедро были изукрашены „бибиковскими досками“, такъ какъ здѣсь должно было совершиться и въ весьма значительной степени и совершилось помѣченное Бибиковымъ капитальное „преобразованіе“. А на Печерскѣ жилъ самый непосредственнѣйшій изъ кіевлянъ, про которыхъ я попробую здѣсь для начала разсказать, что удержала моя память.

Библиотека "Руниверс"

III.

Я съ пріѣзда поселился на Житомірской улицѣ въ домѣ бывшаго секретаря коммисаріатской коммисіи Запорожскаго (тоже въ своемъ родѣ антика), но совершенно одинокій и предоставленный самому себѣ, я постоянно тяготѣлъ къ Печерску, куда меня влекли лавра и пещеры, а такъ-же и нѣкоторое еще въ Орлѣ образовавшееся знакомство.

Печерскіе знакомцы мои были молодые родственники нѣкогда чѣмъ-то знаменитаго въ Кіевѣ Николая Семеновича Шіянова.

Къ тому времени, когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, старикъ Шіяновъ уже не жилъ на свѣтѣ, и даже о быломъ его значеніи ничего обстоятельнаго не говорили, такъ я собственно и до сихъ поръ не знаю, чѣмъ и въ какомъ родѣ былъ знаменитъ Шіяновъ; но что онъ былъ все-таки знаменитъ, — этому я всегда вѣрилъ такъ-же православно, какъ пріялъ это въ Орлѣ отъ его родственниковъ, увлекшихъ меня обольстительными разсказами о красотѣ Кіева и поэтическихъ прелестяхъ малороссійской жизни.

Я остаюсь имъ за это всегда благодарнымъ *).

Наслѣдники Шіянова были тогда уже въ разбродѣ и въ захудалости. Когда-то значительные капиталы старика были ими торопливо прожиты или расхищены, о чемъ ходили интересныя сказанія въ духѣ французской исторіи наслѣдства Ренюпоновъ. Отъ всего богатства остались только дома.

Это были престранные дома,—большіе и малые, всѣ деревянные; они выстроились тутъ въ такомъ множествѣ, что образовывали собою двѣ улицы: Большую Шіяновскую и Малую Шіяновскую.

---

*) Со временемъ потомство, можетъ статься, не въ силахъ будетъ составить себѣ ясное понятіе даже и о такихъ достопримѣчательныхъ личностяхъ Кіева, какъ напр. Карасивна и Піднебесная, за знаменитыми булками которыхъ бѣгалъ на Подолъ весь городъ. Все это происходитъ отъ аристократизма нашихъ хроникеровъ и лѣтописцевъ. Впрочемъ эти полезныя дѣятельницы, помнятся, названы въ одномъ изъ варіантовъ «акафиста матери Кукурузѣ», который былъ сложенъ студентами кіевской духовной академіи, какъ протестъ противъ дурнаго стола и ежедневнаго почти появленія на немъ кукурузы въ пору ея созрѣванія. Акафистъ «Кукурузѣ» начинался такъ: «Бысть посланъ коммисаръ (помощникъ эконома) на базаръ рыбы купити, узрѣвъ-же тя кукурузу сущу, возопи гласомъ великимъ и рече: «Радуйся кукурузо, пище презѣльная и пресладкая, радуйся кукурузо, пище ядомая и николяже изъядаемая, радуйся кукурузо, отцемъ ректоромъ николи-же зримая, радуйся и инспекторомъ николи-же ядомая» и т. д. Тамъ гдѣ-то было и о Карасивнѣ съ Піднебесною, послѣ которыхъ уже нѣтъ такихъ пекарокъ въ Кіевѣ.—*И. Л.*

Библиотека "Руниверс"

Обѣ Шіяновскія улицы находились тамъ-же, гдѣ вѣроятно, находятся и теперь, т. е. за печерскимъ базаромъ, и по всей справедливости имѣли право считаться самыми скверными улицами въ городѣ. Обѣ онѣ были немощеныя,—каковыми, кажется, остаются и до настоящаго времени, но вѣроятно теперь онѣ немножко выровнены и поправлены. Въ то-же время, къ которому относятся мои воспоминанія, они находились въ привилегированномъ положеніи, которое дѣлало ихъ во все влажное время года непроѣзжими. По какимъ-то геологическимъ причинамъ, онѣ были низменнѣе уровня базарной площади и служили просторнымъ вмѣстилищемъ для стока жидкой черноземной грязи, которая образовывала здѣсь сплошное болото съ вонючими озерами. Въ этихъ озерахъ плавали „шіяновскіе“ гуси и утки, которымъ было здѣсь очень привольно, хотя впрочемъ, они часто сильно страдали отъ вползавшихъ имъ въ носъ дряныхъ, зеленоватыхъ піявокъ. Что-бы защитить птицъ отъ этого бѣдствія, имъ смазывали клювы „свяченой оливой“, но и это вѣрное средство не всегда и не всѣмъ помогало. Утята и гусята отъ піявокъ дохли.

По вечерамъ здѣсь, выставивъ наружу голову, пѣли свои антифоны очень крупныя и замѣчательно баснстыя лягушки, а звонкоголосые молодячки канонархали. Иногда онѣ всѣ — молодые и старые всѣмъ соборомъ выходили на бережки и прыгали по бугорочкамъ. Это замѣняло барометрическое указаніе, ибо предвѣщало ясную погоду.

Словомъ, картина была самая буколическая, а между тѣмъ, въ двухъ шагахъ отсюда былъ базаръ и при томъ базаръ очень завозный и дешевый. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, здѣшняя мѣстность представляла своего рода удобства особенно для людей не богатыхъ и не прихотливыхъ.

Впрочемъ она такъ-же имѣла свои особенныя удобства для домохозяевъ еще въ отношеніи полицейскомъ, которое въ Кіевѣ тогда смѣшивали съ политическимъ.

IV.

Большіе и малые дома Шіянова, со множествомъ надворныхъ флигельковъ и хаточекъ, приспособленныхъ кое-какъ къ житью изъ старинныхъ служебныхъ построекъ, давно уже сдавались въ наймы, и не смотря на свою ветхость всѣ были обитаемы.

Библиотека "Руниверс"

Постройки всѣ подъ рядъ были очень ветхи и стояли повидимому аридовы вѣки. Доски съ надписями, которыми „строго воспрещалось“ чинить эти дома и были указаны сроки ихъ сломкѣ, красовались на ихъ углахъ, но дома упорно избѣгали опредѣленной имъ злой участи, и нѣкоторые изъ нихъ едва-ли не уцѣлѣли до настоящаго времени.

Во мнѣніи жителей Шіяновскіе дома охраняла отъ „бибиковскаго разоренія“ одна необычайная личность, создавшая себѣ въ то время героическую репутацію, которая, казалось-бы, непремѣнно должна перейдти въ легенду. Быстрое забвеніе подобныхъ вещей заставляетъ только поникнуть головою передъ непрочностію всякаго земнаго величія.

Легендарная личность былъ артиллеріи полковникъ Кесарь Степановичъ Берлинскій, на сестрѣ котораго, кажется, Клавдіи Степановнѣ, былъ женатъ покойный Шіяновъ.

Такихъ людей, какъ Кесарь Степановичъ, нѣтъ уже болѣе не только въ Кіевѣ, но, можетъ быть, и во всей Россіи. Пусть въ ней никогда не переводятся и вѣроятно впередъ не переведутся антики, но „печерскій Кесарь“ дважды повторенъ быть не можетъ.

Сказать, что Берлинскій „управлялъ“ домами Шіянова было-бы кажется не точно, потому что управлялъ ими, по выраженію Берлинскаго, „самъ Господь Богъ и Николай угодникъ“; а деньги съ квартирантовъ собирала какая-то дама, въ конторскую часть которой не вмѣшивались ни Господь Богъ, ни его угодникъ и даже ни самъ Кесарь Степановичъ. Этотъ герой Печерска, какъ настоящій „Кесарь“, только господствовалъ надъ мѣстностью и надъ всѣми, кто живучи здѣсь обязанъ былъ его знать. Кесарь Степановичъ нравственно командовалъ жильцами обѣихъ Шіяновскихъ улицъ и вообще всею прилегающею областію за базаромъ. Всѣхъ онъ содержалъ въ респектѣ и всѣмъ умѣлъ давать чувствовать свое авторитетное военное значеніе. Слово „*моментъ*“, впослѣдствіи основательно истасканное нашими военными ораторами, кажется впервые было пущено Берлинскимъ, и съ его легкой руки сдѣлались необходимымъ подспорьемъ русскаго военнаго краснорѣчія.

При случаѣ, Берлинскій готовъ былъ оказать и иногда дѣйствительно оказывалъ нуждающимся свое милостивое отеческое заступленіе. Если за кого нужно было идти попросить какое либо

Библиотека "Руниверс"

начальство, печерскій Кесарь надѣвалъ свой военный сюртукъ безъ эполетъ, бралъ въ руки толстую трость, которую носилъ на правахъ ранепнаго, и шелъ „хлопотать“. Нерѣдко онъ что нибудь и выпрашивалъ для своихъ protégé, дѣйствуя въ сихъ случаяхъ на однихъ ласкою, а на другихъ угрозою. Существовало убѣжденіе, что онъ можетъ всегда „писать къ Государю“, и этого многіе очень боялись. Младшихъ-же „чиновалов“, говорили, будто онъ иногда убѣждалъ даже при содѣйствіи своей трости, per argumentum baculinum. Послѣднее онъ допускалъ впрочемъ не по свирѣпости права, а „по долгу вѣрноподданничества“, единственно для того, чтобы не часто безпокоить Государя письмами.

На базарѣ Берлинскаго всѣ знали и всѣ ему повиновались, не только за страхъ, но и за совѣсть, потому что молва громко прославляла „печерскаго Кесаря“, и при томъ рисовала его въ весьма привлекательномъ народно-героическомъ жанрѣ

Такъ какъ легенда о Берлинскомъ составляетъ несомнѣнное достояніе кіевской старины, ибо она сложена въ Кіевѣ, и такъ какъ она долго внушала соотвѣтственныя чувства кіевлянамъ пятидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, то я думаю, что ее и надлежитъ занести на страницы мѣстнаго журнала. Это очень любопытно, какъ образецъ эпическаго творчества въ новѣйшее время. Легенда о Берлинскомъ сложилась частію изъ чрезвычайно смѣлыхъ и бойкихъ импровизацій самаго героя,—частію-же изъ домысловъ и фантазій простодушныхъ людей, которымъ хотѣлось видѣть въ немъ богатыря въ ихъ собственномъ вкусѣ. А потому тутъ не разберешь, что сочинено молвою и что вылилось непосредственно изъ головы „печерскаго Кесаря“, которому въ искусствѣ убѣжденнаго мечтательства я во всю мою дальнѣйшую жизнь не встрѣчалъ никого равнаго.

Объяснясь на счетъ происхожденія легенды, теперь, кажется, можно представить и самаго „Кесаря.

V.

Берлинскій съ молоду былъ молодецъ и писаный красавецъ въ тогдашнемъ гвардейскомъ родѣ; такимъ-же онъ остался до старости, а можетъ быть и до самой кончины, которая послѣдовала, если не ошибаюсь, въ 1864 или 1865 году. Въ жизнь свою онъ видѣлъ не одни красные дни, а перенесъ не мало нужды, горя

Библиотека "Руниверс"

и несправедливостей, но обладая удивительною упругостью души, никогда не унывалъ и выворачивался изъ положеній самыхъ трудныхъ средствами самыми смѣлыми, и подъ часъ даже невѣроятными и отчаянными.

Сердца Кесарь Степановичъ былъ кажется добраго и въ свою мѣру благороднаго, а также онъ былъ несомнѣнно чувствителенъ къ чужому горю и даже нѣженъ къ несчастнымъ. Онъ не могъ видѣть равнодушно ни чьего страданія, чтобъ тотчасъ-же не возмущаться духомъ и не обнаруживать самыхъ горячихъ и искреннихъ порывовъ помочь страдающему. По мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія онъ это и дѣлалъ. Характеръ Берлинскій имѣлъ очень смѣлый, рѣшительный и откровенный, но нѣсколько съ хитринкой. Знавшіе его смолоду увѣряли, что ранѣе хитрости въ немъ будто не было, но потомъ впослѣдствіи несправедливость и разныя суровыя обстоятельства заставили его понемножечку лукавить. Впрочемъ въ его устахъ и во лбу свѣтило нѣкоторое природное лукавство. Берлинскій былъ самый большой фантазеръ, какого мнѣ удавалось видѣть, но фантазировалъ онъ тоже не безъ разсчета, иногда очень наивнаго и почти всегда безвреднаго для другихъ. Соображалъ онъ быстро и сочинялъ такія пестрыя фабулы, что если-бы онъ захотѣлъ заняться сочинительствомъ литературнымъ, то изъ него конечно вышелъ-бы сочинитель, какихъ мало. Въ добавокъ къ этому, все что Кесарь разъ о себѣ сочинилъ, это становилось для самого его истиною, въ которую онъ глубоко и убѣжденно вѣрилъ. Вѣроятно оттого анекдотическія импровизаціи „печерскаго Кесаря“ производили на слушателей неотразимо сильное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго тѣ досочиняли еще большее. Кесарь Степановичъ умѣлъ вдохновлять и умѣлъ поставить себя такъ, что во всѣхъ отношеніяхъ,—и чиномъ, и значеніемъ стоялъ во мнѣніи Печерска несравненно выше настоящаго.

По моему мнѣнію онъ былъ только храбрый и вѣроятно въ свое время очень способный артиллеріи полковникъ въ отставкѣ. По крайней мѣрѣ, такимъ я его засталъ въ Орлѣ, черезъ который онъ „везъ къ государю“ восемь или десять (а можетъ быть и болѣе) сыновей. Тогда онъ былъ во всей красѣ мужественнаго воина, съ георгіевскимъ крестомъ, и поразилъ меня смѣлостію своихъ намѣреній. Онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы „выставить“ гдѣ то всѣхъ сво-

Библиотека "Руниверс"

ихъ ребятъ государю и сказать: „Если хочешь, чтобы изъ нихъ тебѣ вѣрные слуги вышли, то бери ихъ и воспитай, а мнѣ ихъ кормить не чѣмъ“.

Мы всѣ, т. е. я и его орловскіе племянники (сыновья его сестры Юліи Степановны) недоумѣнно спрашивали:

— Неужели вы такъ и скажете: *ты государь?*

А онъ отвѣчалъ:

— Разумѣется, такъ и скажу,—и потомъ прибавилъ, будто это непремѣнно такъ даже и слѣдуетъ говорить, и будто государь Николай Павловичъ „такъ любитъ“.

Насъ это просто поражало.

Кормить дѣтей Берлинскому дѣйствительно было не чѣмъ. Онъ очень нуждался, какъ говорили, будто-бы по причинѣ его какой-то отмѣнной честности, за которую онъ, по его собственнымъ разсказамъ, имѣлъ „кучу враговъ около государя“. Но онъ не унывалъ, ибо онъ очень ужь смѣло разсчитывалъ на самого императора Николая Павловича. Смѣлость эта его и не постыдила: съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, Кесарь Степановичъ опять прослѣдовалъ изъ Петербурга въ Кіевъ черезъ Орелъ уже совсѣмъ одинъ. Государь велѣлъ принять въ учебныя заведенія на казенный счетъ „всю шеренгу“, и увеличилъ будто-бы пенсію самого Берлинскаго, а также велѣлъ дать ему не взачетъ какое-то очень значительное пособіе. Кромѣ принятія дѣтей, все остальное было какъ-то въ туманѣ.

Въ разсказѣ объ упомянутомъ сейчасъ событіи я и познакомился впервые съ импровизаторствомъ этого необыкновеннаго человѣка, которое потомъ мнѣ доставляло много интереснѣйшихъ минутъ въ Кіевѣ.

Многое множество изъ его грандіозныхъ разсказовъ я позабылъ, но кое что помню, хотя теперь къ сожалѣнію никакъ не могу разсортировать, что слышалъ непосредственно отъ него самаго, и что отъ людей ему близкихъ и имъ вдохновенныхъ.

VI.

По словамъ Кесаря Степановича, которымъ я впрочемъ не смѣю никого обязывать вѣрить безъ критики, онъ встрѣтилъ государя гдѣ-то на почтовой станціи.

Библиотека "Руниверс"

— Сейчасъ-же, говоритъ, я упросилъ графа Орлова дозволить мнѣ стоять съ дѣтьми на крылечкѣ, и стэлъ. Ребятъ построилъ въ шеренгу малъ-мала меньше, а самъ сталъ на концѣ въ правомъ флангѣ.

Государь какъ вышелъ изъ коляски на крыльцо, замѣтилъ мой взводъ и говоритъ:

— Это что за ребята?

А я ему отвѣчаю:

— Это мои дѣти, а твои будущіе слуги, Государь.

Тогда Николай Павловичъ взглянулъ будто на Берлинскаго и сейчасъ-же его узналъ.

— А-а! говоритъ, это ты братецъ, Берлинскій! Ну, что какъ поживаешь?

— Точно такъ, говорю, ваше величество; это я, а поживаніе мое очень плохо, если не будетъ ко мнѣ твоей милости.

Государь спросилъ: отъ чего тебѣ плохо? Ты мнѣ хорошо служилъ.

— Овдовѣлъ, отвѣчалъ Берлинскій, и вотъ дѣтей у меня цѣлая куча; прикажи, государь, ихъ вскормить и выучить, а то мнѣ нечѣмъ, я бѣденъ, въ чужомъ домѣ живу и изъ того Бибиковъ выгоняетъ.

Государь, говоритъ, сверкнулъ глазами и крикнулъ:

— Орловъ! опредѣлить всѣхъ дѣтей Берлинскаго на мой счетъ. Я его знаю: онъ храбрый офицеръ и честный.

А потомъ будто опять оборотился къ Кесарю Степановичу и добавилъ:

— За что тебя Бибиковъ выгоняетъ?

— Домъ, говорю, гдѣ я живу, подъ крѣпость разломать хочетъ.

Государь будто отвѣтилъ:

— Вздоръ; домъ, гдѣ живетъ такой мой слуга, какъ ты, долженъ быть сохраненъ въ крѣпости, а не разломанъ. Я тебя хорошо знаю и у меня, кромѣ тебя и Орлова, нѣтъ такихъ людей. А Бибикову скажи отъ моего имени, что-бы онъ тебя ничѣмъ не смѣлъ безпокоить. Если-же онъ тебя не послушается, то напиши мнѣ страховое письмо,—я за тебя заступлюсь, потому что я тебя съ дѣтства знаю.

Почему государь Николай Павловичъ могъ знать Берлинскаго „съ дѣтства“, этого я никогда не могъ дознаться; но выходило это

Библиотека "Руниверс"

у Кесаря Степановича какъ-то складно и статочно, а при томъ и имѣло любопытное продолженіе.

Когда государь будто самъ напомнилъ о столь давнемъ знакомствѣ „съ дѣтства“, то Берлинскій этимъ сейчасъ-же воспользовался и сказалъ:

— Да, ваше величество, это справедливо: вмѣстѣ съ вами играли, а съ тѣхъ поръ какая разница: вы вотъ какую отмѣнную карьеру изволили совершить, что теперь всѣмъ міромъ повелѣваете и всѣ васъ трепещатъ, а я во всемъ нуждаюсь.

А государь ему на это будто отвѣтилъ:

— Всякому, братецъ, свое назначеніе: мой перелетъ соколиный, а ты воробей не робѣй—приди ко мнѣ въ Петербургъ во дворецъ, я тебя хорошимъ пайкомъ устрою.

Берлинскій будто-бы ходилъ во дворецъ и результатомъ этого былъ тотъ паекъ или „прибавокъ“ къ пенсіи, которымъ „печерскій Кесарь“ всѣхъ сосѣдей обрадовалъ и самъ очень гордился. Однако и съ прибавкою Берлинскій часто не могъ покрывать многихъ, самыхъ вопіющихъ нуждъ своей крайне скромной жизни на Печерскѣ. Но такъ какъ всѣ знали, что онъ „имѣетъ пенсію съ прибавкомъ“, то „Кесарь“ не только никогда не жаловался на свои недостатки, а напротивъ скрывалъ ихъ съ большою трогательностію.

Порою, сказывали, дѣло доходило до того, что у него не бывало зимою дровъ и онъ буквально стылъ въ своей холодной квартирѣ, но увѣрялъ, что это онъ „такъ любитъ для свѣжести головы“.

Цифры своей пенсіи Берлинскій какъ-то ни за что не объявлялъ, а говорилъ, что получаетъ „много“, но можетъ получать и еще больше.

— Стоитъ мнѣ написать страховое письмо государю,—говорилъ онъ, и государь сейчасъ-же прикажетъ давать мнѣ, сколько я захочу, но я не прошу болѣе того, что пожаловано, потому что у государя другія надобности есть.

VII.

Если вѣрить сказаніямъ, то государь Николай Павловичъ будто очень грустилъ по разлукѣ съ Берлинскимъ и даже неутѣшно жалѣлъ, что не можетъ оставить его при себѣ въ Петербургѣ. Но, по разсказамъ судя, пребываніе Берлинскаго въ столицѣ и дѣйстви-

Библиотека "Руниверс"

тельно было совершенно неудобно: этому мѣшала слишкомъ большая и страстная привязанность, которую питали къ печерскому Кесарю „всѣ солдаты“.

— Они такъ его любили, что ему нигдѣ будто нельзя было показаться: какъ солдаты его увидятъ, сейчасъ всѣ перестаютъ слушать команду и бѣгутъ за нимъ и кричатъ:

— Пусть насъ ведетъ отецъ нашъ полковникъ Берлинскій,—мы съ нимъ и Константинополь возьмемъ, и самаго побѣдоноснаго полководца Вылезарія на царскій смотръ въ цѣпяхъ приведемъ.

Доходило это, по разсказамъ, до такихъ ужасныхъ безпорядковъ, что нѣсколько человѣкъ за это были даже будто разстрѣляны, какъ нарушители дисциплины, и тогда Берлинскому самому уже не захотѣлось въ Петербургѣ оставаться, да и графъ Чернышевъ прямо будто сказалъ государю:

— Какъ вашему величеству угодно, а это невозможно есть: или пусть Берлинскій въ Петербургѣ не живетъ, или надо отсюда всѣ войска вывесть.

Государь будто призвалъ Кесаря Степановича и сказалъ:

— Такъ и такъ, братецъ, мнѣ съ тобою очень жаль разстаться, но ты самъ видишь, что въ такомъ случаѣ можно сдѣлать. Я тобою очень дорожу, но безъ войскъ столицу тоже оставить нельзя, а потому тебѣ жить здѣсь невозможно. Ступай въ Кіевъ и сиди тамъ до военныхъ обстоятельствъ. Въ то время я про тебя непремѣнно вспомню и пошлю за тобой.

А „лысый Чернышевъ“ такъ его торопилъ выѣздомъ, что только нѣсколько дней дозволилъ ему пробыть въ Петербургѣ, но и тутъ не обошлось безъ большихъ затрудненій, имѣвшихъ при томъ роковыя послѣдствія.

Это было будто, по разсказамъ, именно въ тотъ годъ, когда въ Петербургѣ на Адмиралтейской площади сгорѣлъ съ народомъ извѣстный балаганъ Лемана.

Балаганъ сгорѣлъ съ народомъ, стало быть, во время представленія, но по винѣ самого импровизатора или благовѣстниковъ его славы на сей разъ выходило что-то немножко нескладно: дѣло будто происходило *ночью*.

Берлинскій будто тогда стоялъ на квартирѣ въ Гороховой улицѣ, у одной нѣмочки, и дожидался бритвеннаго прибора, который

Библиотека "Руниверс"

заказалъ по своему рисунку одному англичанину. У нихъ въ родствѣ было много лицъ, отличавшихся необыкновеннымъ умомъ и изобрѣтательностію, и одинъ племянникъ Берлинскаго будто такія бритвы выдумалъ, что онѣ могли брить превосходно, а обрѣзаться ими никакъ нельзя.

Англичанинъ взялся эти бритвы исполнить, да не хорошо по рисунку сдѣлалъ и опять сталъ передѣлывать. А лысый графъ Чернышевъ, которому непріятно было, что Берлинскій все еще въ Петербургѣ живетъ, ничего этого въ разсчетъ взять не хочетъ. Онъ уже нѣсколько разъ присылалъ дежурнаго офицера узнать, скоро-ли онъ выѣдетъ.

Берлинскій, разумѣется, дежурнаго не боялся и отвѣчалъ: „пусть вашъ лысый графъ не безпокоится и пусть, если умѣетъ, самъ Вылезарія въ плѣнъ беретъ, а я только моего особеннаго бритвеннаго прибора дожидаюсь, и какъ англичанинъ мнѣ приборъ сдѣлаетъ, такъ я сейчасъ-же выѣду, и буду, гдѣ государю угодно, вѣкъ доживать, да печерскихъ чудотворцевъ за него молить, чтобы ему ничего непріятнаго не было. А пока мои бритвы не готовы, я не поѣду. Такъ лысому отъ меня и скажите“.

Чернышевъ его насильно выслать не смѣлъ, но опять прислалъ дежурнаго сказать, чтобы Берлинскій днемъ не могъ на улицѣ показываться и солдатъ будоражить, а выходилъ-бы для прогулки на свѣжемъ воздухѣ послѣ зари, когда изъ пушки выпалятъ и всѣхъ солдатъ въ казармахъ запрутъ.

Берлинскій отвѣчалъ:

— Я службу такъ уважаю, что и лысому повинуюсь.

Послѣ этого онъ будто жилъ еще въ Петербургѣ нѣсколько дней, выходя подышать воздухомъ только ночью, когда войска были въ казармахъ и ни одинъ солдатъ не могъ его увидѣть и за нимъ бѣгать. Все шло прекрасно, но тутъ вдругъ неожиданно и подвернулся роковой случай, послѣ котораго дальнѣйшее пребываніе Кесаря въ столицѣ сдѣлалось уже рѣшительно невозможнымъ.

VIII.

Идетъ одинъ разъ Кесарь Степановичъ, закрывъ лицо шинелью, отъ Краснаго моста къ адмиралтейству, какъ другъ видитъ впереди себя на Адмиралтейской площади „огненное пламя“. Берлинскій

Библиотека "Руниверс"

подумалъ: не зимній-ли дворецъ это горитъ и не угрожаетъ-ли государю какая опасность... И тутъ, по весьма понятному чувству, забывъ все на свѣтѣ, Берлинскій бросился къ пожару.

Прибѣгаетъ онъ и видитъ, что до дворца, слава Богу, далеко, а горитъ Лемановъ балаганъ и внутри его страшный вопль, а снаружи никого нѣтъ. Не было будто ни пожарныхъ, ни полиціи и ни одного человѣка. Словомъ снаружи пустота, а внутри стоны и гибель, и только отъ дворца кто-то одинъ, видный, рослый человѣкъ, бѣжитъ и съ одышкою спотыкается.

Берлинскій возрился въ бѣгущаго и узналъ, что это никто иной, какъ самъ государь Николай Павловичъ.

Скрываться было некогда и Кесарь Степановичъ сталъ ему во фронтъ, какъ слѣдуетъ.

Государь ему будто закричалъ:

— Ахъ, Берлинскій! тебя-то мнѣ и надобно. Полно вытягиваться, видишь никого нѣтъ, бѣги за пожарными.

А Кесарь Степановичъ будто отвѣтилъ:

— Пожарные тутъ, ваше императорское величество, никуда не годятся, а дозвольте, ваше величество, призвать артиллерію.

Государь изволилъ его спросить:

— Зачѣмъ артиллерію?

А онъ будто отвѣтилъ:

— Затѣмъ, что тутъ *надо схватить моментъ*. Деревяннаго балагана залить трубами нельзя, а надо артиллеріей *въ одинъ моментъ* стѣну развалить, и тогда сто или двѣсти человѣкъ убьемъ, а за то остальной весь народъ сразу высыпется (вотъ еще когда и при какомъ случаѣ, значитъ, говорено военнымъ человѣкомъ о значеніи *момента*).

Но государь его не послушался,—ужасно ему показалось сто человѣкъ убить; а потомъ, когда балаганъ сгорѣлъ, тогда изволилъ будто съ сожалѣніемъ сказать:

— А Берлинскій мнѣ однако правду говорилъ: все дѣло было въ моментѣ, и надо было его послушаться и артиллерію пустить. Но только все таки лучше велѣть ему сейчасъ-же выѣхать, а бритвенный приборъ ему въ Кіевъ по почтѣ выслать.

Сдѣлано это послѣднее распоряженіе было въ такомъ разсчетѣ, что если-бы при Берлинскомъ случился въ Петербургѣ другой по-

Библиотека "Руниверс"

добный острый моментъ, то все равно нельзя было-бы артиллерію вывесть потому, что всѣ солдаты и съ пушками за нимъ-бы бросились-бы, чтобы онъ велъ ее плѣнять Вылезарія.

Такъ этимъ и заключилась блестящая пора служебной карьеры Кесаря Степановича въ столицѣ, и онъ не видѣлъ государя до той поры, когда послѣ выставилъ передъ его величествомъ „свою теренгу“, а потомъ вернулся въ Кіевъ съ пособіемъ и усиленною пенсіею,—настоящую цифру которой, какъ выше сказано, онъ постоянно скрывалъ отъ непосвященныхъ и говорилъ коротко, „что и беретъ много“, а можетъ взять еще больше.

— Стоитъ только государю страховое письмо написать.

Мнѣ кажется, что онъ искренно вѣрилъ, что имѣетъ дозволеніе вести съ государемъ переписку, и, Богъ его знаетъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ—ему что нибудь въ этомъ родѣ сказано, если не лично государемъ, то кѣмъ нибудь изъ лицъ, черезъ которыхъ Кесарь Степановичъ устроилъ дѣтей и получилъ свою прибавку.

Во всякомъ случаѣ это куражило старика и давало ему силу переносить весьма тяжелыя лишенія съ непоколебимымъ мужествомъ и внушающимъ достоинствомъ.

IX.

Такъ Берлинскій и старѣлся, отмѣнно преданный государю и вѣрный самому себѣ во всемъ и особенно въ импровизаторствѣ. А когда онъ сталъ очень старъ и во всѣхъ отношеніяхъ такъ поотсталъ отъ современности, что ему нечего было сочинять о себѣ, то онъ перенесъ задачи своей импровизаціи на своего племянника (моего школьнаго товарища) доктора, имя котораго было Николай, но такъ какъ онъ былъ очень знаменитъ, то этого имени ему было мало, и онъ назывался *„Николавра“*. Здѣсь значеніе усиливалось звукомъ *лавра*. Николай это было простое имя, какъ бываетъ простой монастырь, а Нико*лавра*—это то-же самое, что лавра среди простыхъ монастырей.

Кесарь Степановичъ разсказывалъ удивительнѣйшія вещи о необычайныхъ медицинскихъ знаніяхъ и талантахъ этого очень много учившагося, но замѣчательно несчастливаго врача, и человѣка съ отмѣнно добрымъ и благороднымъ сердцемъ, но тоже большаго чудака.

Библиотека "Руниверс"

Опять и тутъ я не помню многаго, и можетъ быть самаго замѣчательнаго, но однако могу записать одинъ анекдотъ, который объясняетъ, въ какомъ духѣ и родѣ были другіе, пущенные въ обращеніе для прославленія Николавры.

Шелъ одинъ разъ разговоръ о зубныхъ боляхъ,—объ ихъ жестокой неутолимости и о неизвѣстности такихъ медицинскихъ средствъ, которыя дѣйствовали-бы въ этихъ боляхъ такъ-же вѣрно, какъ напр. хининъ въ лихорадкахъ или касторовое масло въ засореніяхъ желудка и кишекъ.

Въ обществѣ было нѣсколько молодыхъ, въ тогдашнее время, врачей и всѣ согласно утверждали, что такихъ универсальныхъ средствъ дѣйствительно нѣтъ,—что на одного больнаго дѣйствуетъ одно лекарство, на другого другое, а есть такіе несчастные, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, „пока само пройдетъ“.

Вопросъ очень спеціальный и не интересный для бесѣды людей не посвященныхъ, но чуть къ нему коснулся художественный геній Берлинскаго,—произошло чудо, напоминающее въ малѣ источеніе воды изъ камня въ пустынѣ. Крылатый Пегасъ импровизаторъ ударилъ звонкимъ копытомъ и изъ сухой скучной матеріи полилась сага,—живая, сочная и полная преинтересныхъ положеній, надъ которыми люди въ свое время задумывались, улыбались, и даже можетъ быть плакали, а во всякомъ случаѣ тѣхъ, кого это сказаніе касается, прославили.

Кесарь Степановичъ опротестовалъ медицинское мнѣніе и сказалъ будто, что универсальное средство противъ зубной боли есть и что оно изобрѣтено именно его племянникомъ, докторомъ Николаврою и одному ему Николаврѣ только и извѣстно. Но средство это было такое капризное, что, не смотря на всю его полезность, оно могло быть употребляемо не всякимъ и не во всѣхъ случаяхъ. Медикаментъ этотъ, утоляющій будто всякую боль, можно было употреблять только въ размѣрѣ одной капли, которую нужно было очень осторожно капнуть на больной зубъ. Если-же эта капля хоть кропечку стечетъ съ зуба и коснется щеки или десенъ, то въ тоже самое время человѣкъ мгновенно умираетъ. Словомъ опасность страшная! И выходило такъ, что нижніе зубы этимъ лѣкарствомъ можно было лѣчить, потому что на нижніе можно осторожно кап-

Библиотека "Руниверс"

нуть, но если заболѣли верхніе, на которые капнуть нельзя, то тогда уже это лѣкарство безполезно.

Было ужасно слушать, что есть такое спасительное изобрѣтеніе и оно въ значительной долѣ случаевъ должно оставаться неприложимымъ. Но Кесарь Степановичъ, владѣя острымъ умомъ и рѣшительностью, нашелъ однако средство, какъ преодолѣть это затрудненіе, и усвоилъ для медицинской науки „перевертошный способъ", которымъ до тѣхъ поръ зубоврачебная практика не пользовалась. Этотъ этюдъ былъ извѣстенъ между нами подъ названіемъ „Берлинскаго анекдота о Бибиковской тещѣ".

X.

Жила-была будто „Бибиковская теща", дама „полнищая и преогромная", и пріѣхала она будто на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ-то неподалеку отъ Кіева. Въ Кіевъ сй Бибиковъ въѣзжать не позволялъ „по своему характеру", потому что онъ „на счетъ женскаго сословія заблуждался, и съ тещею не хотѣлъ объ этомъ разговаривать, чтобы она его не стала стыдить лѣтами, чиномъ и убожествомъ" (такъ какъ у него одна рука была отнята).

Несчастная „полная дама" такъ и жила будто въ деревнѣ и пошла будто она одинъ разъ съ внучками въ лѣсъ гулять и нашла на кустѣ орѣшника два орѣха,—сорвала ихъ и захотѣла раскусить. Внучки говорятъ ей:

— Не кусай, бабушка, не раскусишь, у тебя зубки стары.

А Бибиковская теща отвѣчаетъ:

— Нѣтъ раскушу.

Орѣхи были крѣпковаты, но и „старушенція была крѣпкая—орѣхи разгрызла". Но только послѣ этого у нее сейчасъ-же зубы заныли, и ныли, ныли и до того ее доняли, что она стала кричать: „лучше убейте меня, потому что это невозможно вытерпѣть". А у нее былъ управитель, и онъ ей говоритъ: „чѣмъ если убивать—за что отвѣчать придется, то лучше дозвольте я вамъ изъ Кіева всепомогающаго лѣкаря привезу: онъ изъ извѣстной Шіяновской родни—и всякую зубную боль въ одну минуту унять можетъ".

Бибиковская теща про Шіяновыхъ много хорошаго слыхала и отвѣчаетъ: „сдѣлай одолженіе, привези его, и не возможно-ли это скорѣй".

Библиотека "Руниверс"

Управитель, чтобы не произошло какой медленности, сейчасъ-же собрался и самъ поѣхалъ.

Вечеромъ онъ изъ имѣнія выѣхалъ, а рано на зарѣ сталъ уже на дымящихся и вспѣненныхъ коняхъ посреди печерскаго базара; сталъ, а дальше не зналъ куда ѣхать: по Большой или по Малой Шіяновской, и закричалъ во все горло:

— Гдѣ тутъ всепомогающій лѣкарь Николавра, который во всякой зубной боли вылѣчиваетъ?

(По причинѣ большой извѣстности этого доктора, фамилія его никогда не произносилась, а довольно было одного его имени „Николавра", которое было такъ-же славно, какъ напр. имя Абеляръ).

Чумаки, которые стали тутъ съ вечера и спали на своихъ возахъ съ пшеномъ, и саломъ, и съ сухою таранью, сейчасъ отъ этого крика проснулись и показали управителю:

— Годи тебѣ кричать, говорятъ, вотъ туточка сей лѣкарь живетъ, тільки що вінъ теперь, якъ и усе христіянство, спочивае.

Управитель побѣжалъ по указанію и заколотилъ о запертыя ставни.

Оттуда ему кричатъ:

— Кто се такий и чого вамъ треба?

А онъ отвѣчаетъ:

— Отчиняйте скорѣй, або я всѣ окна побью,—мнѣ надо всепомогающаго лѣкаря Николавру, который всякую боль излѣчиваетъ. Здѣсь онъ, или нѣтъ, а то я долженъ дальше скакать его розыскивать.

Управителю говорятъ:

— Никуда вамъ скакать дальше не нужно, потому что всепомогающій докторъ Николавра здѣсь живетъ, но онъ теперь, якъ и усе христіанство, спитъ. А вы майте собі трохи совісти и если въ Господа Бога вѣруете, то не колотайте такъ крѣпко, бо нашъ домъ старенькій, еще не за сихъ временъ, и шибки изъ оконъ повыскакуютъ, а тутъ близко ни якого стекольщика нѣтъ, а теперь зима лютая и съ малыми дѣтьми смерзти можно.

Разсказывалось именно такъ, что при этомъ переговорѣ было упоминаемо про „зиму" и про „холодъ", и читатель не долженъ смущаться, что дѣло происходило во время лѣтняго наѣзда Бибиковской тещи въ свое имѣніе. Вскорѣ мы опять увидимъ, вмѣсто скучной и лютой зимы, веселое знойное лѣто.

Библиотека "Руниверс"

XI.

Управитель Бибиковской тещи былъ человѣкъ горделивый, потому что по необразованности своей считалъ, какъ и другіе многіе, будто государь Бибикову Кіевъ все равно какъ въ подарокъ подарилъ, и что потому всѣ, кто тутъ живетъ, ему будто принадлежатъ въ родѣ крѣпостныхъ и должны все дѣлать.

— Велика важность, говоритъ, ваши окна! Я отъ Бибиковской тещи пріѣхалъ за лѣкаремъ и подавай мнѣ лѣкаря.

Ему отворили двери и привели его къ самому Николаврѣ.

Тотъ—лихой молодчина былъ и хотя такой ученый, что страшно все понималъ, но церемониться ни съ кѣмъ не любилъ.

Какъ ему сказали, что отъ Бибиковской тещи управитель пришелъ, онъ говоритъ:

— Приведите его ко мнѣ въ спальню. Если онъ во мнѣ надобность имѣетъ, то можетъ меня и безъ пантолонъ во всякомъ видѣ разсматривать.

Управитель пришелъ и разсказываетъ, а лѣкарь Николавра на него и вниманія не обращаетъ: лежитъ подъ одѣяломъ да колѣнки себѣ чешетъ. А когда тотъ кончилъ, лѣкарь только спросилъ:

— А въ какомъ строю у нее зубъ болитъ, въ верхнемъ или въ нижнемъ?

Управитель отвѣчаетъ:

— Я ей въ зубы не глядѣлъ, а полагаю, что должно быть болитъ въ строю *въ верхнемъ*, потому что у нее опухоль подъ самымъ глазомъ.

Тогда Николавра завернулся къ стѣнѣ и говоритъ:

— Прощай и ступай вонъ. Если боль въ верхнемъ строю, то мнѣ тамъ дѣлать нечего: я верхнихъ зубовъ лѣчить не могу.

Управитель говоритъ:

— Да вамъ-то не все-ли равно лѣчить, что верхній зубъ, что нижній? Все равно, говоритъ, кость окостенѣлая, что тотъ, что этотъ, одно въ нихъ естество, одно поврежденіе и одно лѣкарство.

Но лѣкарь на него посмотрѣлъ и говорить не сталъ.

Тотъ спрашиваетъ:

— Что-же, отвѣчайте что-нибудь.

Тогда лѣкарь далъ ему такой отвѣтъ:

Библиотека "Руниверс"

— Я, говоритъ, могу разговаривать съ равнымъ себѣ по наукѣ, а это не твоего дѣло ума, что-бы я съ тобою сталъ разговаривать. Ты управитель, и довольно съ тебя—имѣніемъ и управляй, а не въ свое дѣло не суйся. Людей лѣчить это не то, что навозъ запахивать. Медицинѣ учатся. А тебѣ сказано, что я въ нижнемъ строю все могу вылѣчить, а до верха моимъ спасительнымъ лѣкарствомъ дотронуться нельзя.

— Но черезъ что-же такое?—вопитъ управитель.

— А черезъ то, что она въ ту-же минуту „окачурится“ и мнѣ за нее отвѣчать придется; а я моей репутаціей дорожу, потому что я очень много учился.

Управитель какъ услыхалъ, что она можетъ „окачуриться“, еще больше сталъ просить лѣкаря, что-бъ непремѣнно ѣхалъ, а тотъ разсердился, вскочилъ, вытолкалъ его въ шею и опять легъ почь досыпать.

Тутъ въ это дѣло и вступился вездѣ находчивый Кесарь Степановичъ.

XII.

Увидалъ онъ, что племянникъ хотя, по его словамъ, и умѣетъ и въ своемъ медицинскомъ дѣлѣ очень свѣдущъ, а не достаетъ ему еще настоящей тактики и практики и молодой его разсудокъ еще не очень находчивъ, какъ себѣ большую славу сдѣлать.

Кесарь Степановичъ, прослушавъ весь ихъ разговоръ изъ своей комнаты, сейчасъ всталъ съ постели, надѣлъ туфли и тулупчикъ и съ трубкой вышелъ въ залу, по которой проходилъ изгнанный лѣкаремъ управитель. Увидалъ онъ его и остановилъ,—говоритъ:

— Остановись, прохожій, никуда не гожій, и объясни мнѣ своей рожей, не выходивши изъ прихожей: на чемъ ты сюда пріѣхалъ, и есть-ли тамъ третье сидѣніе, что-бы еще одного человѣка посадить.

Управляющій очень радъ, что съ нимъ такой извѣстный человѣкъ заговорилъ и отвѣчаетъ, что у него есть четверомѣстная коляска, и онъ можетъ не одного, а даже двухъ людей помѣстить.

Кесарь Степановичъ далъ ему щелчка въ лобъ и говоритъ:

— Ты спасенъ и твое дѣло сдѣлано: я сейчасъ къ племяннику взойду и совѣтъ ему дамъ. Николаврa меня послушается и мы переговоримъ и, можетъ быть, всѣ вмѣстѣ поѣдемъ. Я ему одинъ

Библиотека "Руниверс"

способъ покажу, какъ можно верхніе зубы въ нижній рядъ поставить и тогда на нихъ чортъ знаетъ чѣмъ можно накапать.

— А ты, прибавляетъ, только скажи мнѣ: очень-ли она мучится?

Управитель отвѣчаетъ:

— Ужъ совсѣмъ замучилась и на весь домъ визжитъ.

— То-то, говоритъ Кесарь Степановичъ, — мнѣ это знать надо, потому что моимъ способомъ съ ней круто придется обращаться— по военному.

Управитель отвѣчаетъ:

— Она военныхъ даже очень уважаетъ и на все согласится, потому что у нее очень болитъ.

— Хорошо, сказалъ Кесарь Степановичъ и пошелъ къ племяннику. Тамъ у нихъ вышелъ споръ, но Кесарь Степановичъ все кричалъ: „не твое дѣло, за всю опасность я отвѣчаю“, и переспорилъ.

— Ты, говоритъ, бери только свое спасительное лѣкарство и употребляй его по своей наукѣ, какъ слѣдуетъ, а остальное, что-бы верхніе зубы снизу стали—это мое дѣло.

Лѣкарь говоритъ: вы забываете, какого она званія,—она обидится.

А Кесарь Степановичъ отвѣчаетъ:

— Ты молодъ, а я знаю, какъ съ дамами по военному обращаться. Вѣрь мнѣ, мы ей на верхній зубъ капнимъ, и она намъ еще книксенъ присядетъ. Ѣдемъ скорѣе,—она мучится.

Лѣкарь было сталъ еще представлять, что капнуть на верхній зубъ нельзя, а она можетъ послѣ Бибикову жаловаться, но тутъ Кесарь Степановичъ его даже постыдилъ.

— Ты вѣдь, говоритъ, кажется не простой докторъ, а училъ двѣ науки по физикѣ и понять не можешь, что тутъ надо только *схватить моментъ*, и тогда все можно. Не безпокойся. Это не твое дѣло: ты до нее не будешь притрогиваться, а мнѣ Бибиковъ ничего сдѣлать не смѣетъ. Ты, кажется, мнѣ можешь вѣрить.

Племянникъ повѣрилъ дядѣ и говоритъ:

— Въ самомъ дѣлѣ при васъ я не боюсь, а между прочимъ мнѣ это впередъ для таковыхъ-же случаевъ можетъ пригодиться.

Одѣлся, положилъ пузыречекъ со своими лѣкарствами въ жилетный карманъ и безъ дальнихъ разсужденій всѣ они втроемъ покатили на верхній зубъ капать.

Управитель все ѣхалъ и думалъ: непремѣнно она у нихъ окачурится!

Библиотека "Руниверс"

XII.

Скакали путники безъ отдыха цѣлый день, и за то вечеромъ, въ самое то время, когда стадо гонятъ, пріѣхали на господскій дворъ, а зубы если когда разболятся, то къ вечеру еще хуже болятъ.

Бибиковская теща ходитъ по комнатамъ, и сама преогромная, а плачетъ какъ маленькая.

— Мнѣ очень стыдно, говоритъ, этакъ плакать, но не могу удержаться, потому что очень черезъ силу болитъ.

Кесарь Степановичъ сейчасъ-же съ ней заговорилъ по военному, но ласково.

— Это, говоритъ, даже къ лучшему, что вамъ такъ больно болитъ, потому что вы должны скорѣе на все рѣшиться.

А она отвѣчаетъ:

— Ахъ, Боже мой, я уже и рѣшилась. Что вы хотите, то и дѣлайте, только-бы мнѣ выздоровѣть и въ Парижъ для развлеченія уѣхать.

— Въ такомъ разѣ, говоритъ Берлинскій, мы должны сдѣлать „повертонъ“ и вы спасены и даже черезъ пять минутъ можете въ Парижъ ѣхать.

— Она удивилась и вскричала:

— Неужели черезъ пять минутъ!?

Берлинскій говоритъ: что мною сказано, то вѣрно.

— Въ такомъ разѣ, хоть что хотите.—Я на все согласна.

— Хорошо, говоритъ Берлинскій: велите-же мнѣ поскорѣе подать два чистые носовые платка и хорошую, крѣпкую пробку изъ сотерной бутылки.

Та приказала.

— И еще, говоритъ Кесарь Степановичъ, одно условіе: прикажите сейчасъ, чтобы всѣ, кто тутъ есть, ваши родные и слуги ваши, ни во что не смѣли вступаться, пока мы свое дѣло кончимъ.

— Все, говоритъ, приказываю: мнѣ лучше умереть, чѣмъ такъ мучиться.

Словомъ, больная безусловно предалась въ ихъ энергическія руки, а тѣмъ временемъ Кесарю и Николаврѣ подали потребованные платки и пробку изъ сотерной бутылки.

Библиотека "Руниверс"

XVI.

Кесарь Степановичъ пробку осмотрѣлъ, погнулъ, подавилъ и сказалъ: „это хорошо, а платки надо перемѣнить: батистовые, говоритъ, не годятся, а подать самые плотные полотняные".

Ему такіе и подали. Онъ сложилъ ихъ оба съ угла на уголъ, какъ складываютъ, чтобы зубы подвязывать, и положилъ на столикъ, а Бибиковской тещѣ говоритъ:

— Ну-те-ка, что нибудь заговорите.

Она спрашиваетъ:

— Для чего это нужно?

— Для того, отвѣчаетъ, чтобы *схватить моментъ*.

Бибиковская теща стала это исполнять и только открыла ротъ, чтобы по французски говорить, а Берлинскій въ эту самую секунду сотерную пробку ей въ ротъ и вставилъ. Такъ ловко вставилъ ее между зубами, что Бибиковской тещѣ ни кричать и ни одного слова выговорить нельзя, при такой распоркѣ.

Удивилась она и испугалась и глазами хлопаетъ, а чѣмъ больше старается что-то спросить, тѣмъ только крѣпче зубами пробку напираетъ. А Кесарь Степановичъ, въ это-же острое мгновеніе, однимъ платкомъ ей руки назади связалъ, а другимъ внизу платье вокругъ ногъ обвязалъ, какъ дѣлаютъ простонародныя дѣвушки, когда садятся на качели качаться. А потомъ крикнулъ племяннику:

— Теперь лови моментъ!

И сейчасъ-же ловко, по военному, перевернулъ ее внизъ головою и поставилъ въ уголъ на подушку теменемъ. И вышло такъ, что у нее верхніе зубы стали нижними, а нижніе верхними. Непріятно, разумѣется, но всего на одну секунду, а лѣкарь, какъ одной породы съ дядею — также ловкій и понятливый, схватилъ моментъ,—каплю ей на верхній зубъ капнулъ, и опять даму перевернули, и она стала на ногахъ такая здоровая, что сотерную пробку перекусила и говоритъ:

— Ахъ, мерси,—и какое блаженство! чѣмъ я могу васъ отблагодарить?

Кесарь Степановичъ отвѣчалъ:

— Я не врачъ, а военный, а военные во всѣхъ несчастіяхъ дамамъ такъ помогаютъ, а денегъ не берутъ.

Библиотека "Руниверс"

Бибикова тещa распросила о Кесарѣ Степановичѣ: кто онъ такой и въ какомъ положеніи у государя, и когда узнала, что онъ при военныхъ дѣлахъ будетъ опять призванъ, подарила ему верхового коня совершенно необыкновеннаго. Конь былъ что-то въ родѣ Самсона: необычайная сила и удаль заключалась у него въ необычайныхъ волосахъ, и для того онъ былъ съ удивительнымъ хвостомъ. Такой былъ огромный хвостъ, что если конь скакалъ, то онъ сзади растилался, какъ облако, а если шагомъ пойдетъ, то концы его на двухъ маленькихъ колесцахъ укладывали и они ѣхали за конемъ, какъ шлейфъ за дамой.

Только удивительнаго коня этого нельзя было ввести въ Кіевъ, а надо было его гдѣ-то скрывать, потому что онъ былъ самый лучшій на всемъ орловскомъ заводѣ и Бибикову очень хотѣлось его имѣть, но благодарная тещa сказала: „на что онъ ему? Какой онъ воинъ!“ и подарила коня Берлинскому, съ однимъ честнымъ словомъ, чтобы въ „Бибиковское царство“ не вводить, а содержать „на чужой сторонѣ“.

Кесарь Степановичъ ногою шаркнулъ, „въ ручку поцаловалъ“, и коня принялъ, и честное слово свое сдержалъ.

Объ этомъ конѣ, въ свое время, было много протолковано на печерскомъ базарѣ. Собственными глазами никто это прекрасное животное никогда не видалъ, но всѣ знали, что онъ вороной безъ отмѣтинъ, а ноздри огненныя, и можетъ скакать черезъ самыя широкія рѣки.

Теперь когда пересказываешь это, такъ все кажется такимъ вздоромъ, какъ сказка, которой ни минуты нельзя вѣрить, а тогда какъ-то одни смѣялись, другіе вѣрили, и все было складно.

Печерскія перекупки готовы были клясться, что этотъ конь жилъ въ таинственной глубокой пещерѣ въ броварскомъ бору, который тогда былъ до того густъ, что въ немъ еще водились дикіе кабаны. А стерегъ коня тамъ старый москаль, „хромой на одно око“. Въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что москаль приходилъ иногда на базаръ и продавалъ въ горшкѣ табакъ „прочухрай“, отъ котораго, какъ понюхаешь, такъ и зачихаешь. Ввести-же коня въ Кіевъ нельзя было „по причинѣ Бибика“.

Изцѣленіе тещи имѣло однако и свои невыгодныя послѣдствія, если не для Кесаря Степановича, то для всепомогающаго врача, и

Библиотека "Руниверс"

виною тому была малообразованность публики. Какъ дамы узнали объ этомъ изцѣленіи способомъ „перевертона“, такъ начали осаждать доктора, чтобы и надъ ними былъ сдѣланъ „перевертонъ“. И злоупотребляли этимъ до чрезвычайности. Николавра имъ внушалъ, что это дѣло серьезное и научное, а не игрушка и не шутка, но онѣ съ чисто женскимъ легкомыслiемъ все отъ него не отставали. Происходило это болѣе оттого, что онъ дамамъ сталъ очень нравиться и онѣ въ него влюблялись въ это время безъ памяти. А онъ, будучи очень честенъ, не хотѣлъ разстраивать семейную жизнь во всемъ городѣ, и предпочелъ совсѣмъ оставить и Кіевъ, и медицинскую практику.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

XV.

Разумѣется, вся „причина Бибика“, о которой выше сказано, была чистѣйшій плодъ быстрой и сложной фантазіи самаго печерскаго импровизатора или его восторженныхъ почитателей. На самомъ-же дѣлѣ Бибиковъ не только не гналъ и ни за что не преслѣдовалъ занимательнаго полковника, но даже едва-ли не благодѣтельствовалъ ему, на сколько къ тому была склонна его жесткая и мало податливая на добро натура. Кажется, Бибиковъ былъ даже чѣмъ-то полезенъ Берлинскому въ устройствѣ его дѣтей и вообще никогда на него не нападалъ, хотя по весьма странной любви къ сплетнямъ и паутинчеству онъ зналъ очень многое о томъ, что импровизовалъ на его счетъ Берлинскій. Вполнѣ возможно, что иногда скучавшій Бибиковъ имъ даже немножко интересовался, конечно, только ради смѣха и потѣхи.

Въ Кіевѣ въ то время проживалъ академикъ с.-петербургской академіи художествъ, акварелистъ Михаилъ Макаровичъ Сажинъ. Онъ составлялъ для Дмитрія Гавриловича акварельный альбомъ открытыхъ при немъ кіевскихъ древностей, и не разъ бывало сказывалъ, что Бибиковъ шутилъ надъ своею зависимостью отъ Берлинскаго. Особенно его забавляло, какъ Берлинскій увѣрялъ, что „безрукій“ мимо его домовъ даже *ѣздить боится*.

Бибиковъ и въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, никогда не проѣзжалъ по Шіяновскимъ улицамъ, но разумѣется, не потому, чтобы ему былъ страшенъ Берлинскій, а потому, что тутъ невозможно было

Библиотека "Руниверс"

проѣхать, не затонувъ или, по крайней мѣрѣ, не измаравшись. Кесарь Степановичъ или вдохновенные имъ почитатели давали этому свое толкованіе, которое имъ гораздо болѣе нравилось, а для Кесаря имѣло притомъ и свои выгоды. Всѣ эти легенды и басни значительно возвышали авторитетъ „галицкаго воина", который никого не боится, между тѣмъ какъ его всѣ боятся и „даже самъ Бибикъ".

Такъ какъ смѣлые люди всегда рѣдки и всякому интересны, то Кесарь Степановичъ пользовался у многихъ особенною любовью, и это выражалось своеобразнымъ къ нему поклоненіемъ. Думали, что онъ очень много можетъ защитить; а это въ свою очередь благопріятно отражалось на дѣлахъ шіяновскихъ развалинъ, которыя Бибиковъ, по словамъ Сажина, называлъ „шіяновскими нужниками", но за то ихъ не трогалъ,—можетъ въ самомъ дѣлѣ изъ какого нибудь добраго чувства къ Берлинскому. Людямъ робкимъ, равно какъ и людямъ оппозиціоннаго образа мыслей было лестно жить въ этихъ „нужникахъ" вмѣстѣ, или „въ одномъ кольцѣ" съ такимъ вдохновительнымъ героемъ, какъ Кесарь Степановичъ. А какъ при томъ къ чистотѣ и благоустройству обиталищъ у насъ относятся еще довольно нетребовательно, то эти дрянныя развалины были постоянно обитаемы. Между невзыскательными жильцами здѣшнихъ мѣстъ встрѣчалось не мало тогдашнихъ „нелегальныхъ", т. е. такихъ, у которыхъ были плохи паспортишки. Они были увѣрены, что будто имѣютъ въ лицѣ Кесаря Степановича могущественнаго защитника. Думали, чуть, храни Богъ, встрѣтится какое нибудь несчастіе или притѣсненіе отъ полиціи, то Кесарь Степановичъ заступится. А главное, что полиція сюда почему-то и дѣйствительно съ полицейскими цѣлями не ходила.

Вѣроятно не хотѣла, чтобы про нее было что нибудь написано государю. Это обыкновенно имѣлось въ виду при наймѣ квартиръ, и нетребовательный жилецъ переѣзжалъ въ шіяновскія развалины съ пріятнымъ убѣжденіемъ, что здѣсь хоть и „худовато да спокойности много".

XVI.

Дорожа „спокойностью", въ Шіяновскіе закутки набиралась всякая пищета и мелкота, иногда очень характерная и интересная.

Аристократію составляли захудалое армейское офицерство и студенты медики пятаго курса, которымъ надо было ходить въ

Библиотека "Руниверс"

клиники военнаго госпиталя. Эти были менѣе всѣхъ искательны на счетъ покровительства и протекціи, но Кесарь Степановичъ впрочемъ и имъ иногда сулилъ свои услуги.

— Люблю молодежь, говорилъ онъ, и сейчасъ-же вздохнувъ прибавлялъ: но за то, спасибо имъ, и они меня любятъ. Бѣдные ребятки, понимаютъ, что безрукій совсѣмъ готовъ-бы ихъ затѣснить, да не смѣетъ,—боится...

Боялся онъ, разумѣется, страховаго письма.

Студенты впрочемъ къ полковнику за содѣйствіемъ не обращались и даже слегка надъ нимъ подтрунивали, или просто его избѣгали.

Иногда встрѣчались такіе, которымъ и самъ Кесарь Степановичъ, и его защитительная предупредительность казались очень подозрительными. Думали, будто онъ можетъ служить Богови и мамону... Но „сѣрый жилецъ“, т. е. публика изъ простолюдиновъ, и особенно старовѣры, которымъ въ тогдашнее сердитое время приходилось очень жутко, питали къ нему безграничное довѣріе.

Эти отношенія мнѣ представлялись тогда очень странными, и я никакъ не могъ понять, происходило-ли это довѣріе къ Кесарю отъ большаго практическаго ума, или отъ неразумѣнія. Но такъ или иначе, а репутація дома все-таки на этомъ выигрывала, и теперь это воспоминается мило и живо, какъ веселая старая сказка, подъ которую сквозь какую-то теплую дрёму свѣжо и ласково улыбалося сердце...

Люди банковаго періода должны намъ простить романтическую чепуху нашего молодаго времени.

Явнымъ противорѣчіемъ между словомъ и поступками Берлинскаго было то, что безпредѣльно храбрый въ своихъ импровизаціяхъ, онъ въ практическихъ дѣлахъ съ властями былъ очень предусмотрителенъ и можетъ быть даже искателенъ. Такъ напримѣръ, считая Бибикова не только не выше себя, но даже нѣсколько ниже, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что онъ могъ писать о немъ что угодно государю, Кесарь Степановичъ иногда надѣвалъ мундиръ и являлся „въ Липки“ къ Бибикову. Политиканы, склонные къ обобщеніямъ, придавали этому большое значеніе и подозрительно истолковывали такіе визиты въ неблагопріятномъ смыслѣ; но всего вѣроятнѣе полковника заводила къ генералъ-губернатору просто

Библиотека "Руниверс"

нужда, въ которой Бибиковъ ему, можетъ быть, помогалъ изъ обширныхъ средствъ, находившихся въ его безъотчетномъ распоряженіи. Простолюдины-же толковали это совсѣмъ иначе и получали выводы прекрасные, говорили:

— Напъ-то, батюшка, воинъ-то напъ галицкій, Кесарій Степановичъ, опять пополозъ ругать Бибика. Пущай его проберетъ недобраго.

Сажинъ сказывалъ, что Бибиковъ даже и это зналъ, и очень надъ этимъ смѣялся, а отношеній своихъ къ Берлинскому все-таки ни мало не измѣнялъ и не отказывался быть ему полезнымъ.

Такимъ образомъ Берлинскій, позабытый или незамѣчаемый въ высшихъ сферахъ кіевскаго общества, въ которомъ не было и нѣтъ родовой знати, въ среднемъ слоѣ слылъ чудакомъ, котораго потихоньку вышучивали, но за то въ низшихъ слояхъ былъ героемъ, съ феноменальною и грандіозною репутаціею, которая держалась чрезвычайно крѣпко, и привлекла подъ шіяновскія текучія крыши два безподобнѣйшіе экземпляра самаго заматорѣлаго во тьмѣ „древляго благочестія“, изъ разряда „опасныхъ немоляковъ“.

Впрочемъ, пока до нихъ, посмотримъ еще одно вводное лице,— это квартальный—классикъ.

XVII.

Была одна статья, которая, кажется, непремѣнно должна-бы бросить тѣнь на независимость и отвагу Кесаря,—это операціи, имѣвшія цѣлію поддержаніе „шіяновскихъ нужниковъ“.

Всѣ набитые сбродомъ домы и домишки, хлѣвушки и закуточки шіяновскихъ улицъ давно валились, а починять ихъ строго запрещалось суровымъ Бибиковскимъ эдиктомъ о „преобразованіи“. Но о Берлинскомъ говорили такъ, что онъ этихъ эдиктовъ не признаетъ, и что Бибиковъ не смѣетъ ему воспретить дѣлать необходимыя починки, ибо самъ государь желалъ, что-бы домъ, гдѣ живетъ Кесарь Степановичъ, былъ сохраненъ въ крѣпости. Между тѣмъ, какъ думалъ объ этомъ Бибиковъ, было неизвѣстно, а починки были крайне нужны, особенно въ крышахъ, которыя прогнили, проросли и текли по всѣмъ швамъ. И что-же? на перекоръ всѣмъ Бибиковскимъ запрещеніямъ, крыши эти чинились, но какъ? Этотъ способъ достоинъ занесенія его въ кіевскую хронику.

Библиотека "Руниверс"

Къ Кесарю Степановичу былъ вхожъ и почему-то пользовался его расположеніемъ мѣстный квартальный, котораго, помнится, какъ будто звали Діонисій Ивановичъ или Иванъ Діонисовичъ. Онъ былъ полу-хохолъ, полу-полякъ, а по религіи „изъ тунеядскаго исповѣданія". Это былъ человѣкъ пожилой и очень неопрятный, а подъ часъ и зашибавшійся хмѣлемъ, но службистъ, законовѣдъ и разнаго мастерства художникъ. При томъ, какъ человѣкъ, получившій воспитаніе въ какихъ-то іезуитскихъ школахъ, онъ зналъ отлично по латыни и говорилъ на этомъ языкѣ съ какимъ-то престарѣлымъ уніатскимъ попомъ, который проживалъ гдѣ-то на Рыбальской улицѣ за лужею. Латынь служила имъ для объясненій на базарѣ по преимуществу о дороговизнѣ продуктовъ и о другихъ предметахъ, о которыхъ они, какъ чистые аристократы ума, не хотѣли разговаривать на низкомъ нарѣчіи плебея.

Въ служебномъ отношеніи, по части самовознагражденія классикъ придерживался старой доброй системы—натуральной повинности. Денежныхъ взятокъ классикъ не вымогалъ, а взималъ съ прибывающихъ на печерскій базаръ возовъ „что кто привезъ съ того и по штучкѣ,—щобъ никому не було обиды". Если на возу дрова, то дровъ по полѣну, капуста—то по кочану капусты, зерна по пригоршнѣ и такъ все до мелочи, со всѣхъ поровну, „якъ отъ Бога показано".

Гдѣ именно все это „было показано отъ Бога"—это зналъ одинъ классикъ, въ памяти котораго жила огромная, но престранная текстуализація изъ „Божого писанія" и особенно изъ апостола Павла.

— Ось у писаніи правда сказано, що „хлопъ якъ бувъ собі дурень, такъ вінъ дурнемъ и подохне".

Мужикъ слушалъ и можетъ быть вѣрилъ, что это о немъ писано. А въ другой разъ классикъ приводилъ уже другой текстъ:

— Тоже, видать, правда, що каже апостолъ Павелъ: „бій хлопа по потылицѣ", и такъ какъ за этимъ слѣдовала сама потылица, то вѣры тому было еще болѣе.

Натуральную подать принималъ ходившій за классикомъ нарочито учрежденный custos. Онъ все бралъ и сносилъ на піяновскій дворъ, гдѣ у квартальнаго въ какомъ-то закоулочкѣ была ветхая, но помѣстительная амбарушка. Тутъ все получаемое склады-

Библиотека "Руниверс"

вали и отходили за дальнѣйшимъ сборомъ, а потомъ въ свободное время все это сортировали и нѣчто пригодное для домашняго обихода брали домой, а другое пріуготовляли къ промѣну на вещи болѣе подходящія. Словомъ тутъ былъ свой маленькій мѣновой дворъ, или караванъ-сарай взяточныхъ продуктовъ, полученныхъ отъ хлоповъ, которыхъ апостолъ Павелъ „казавъ бить по потылицѣ".

Платилъ-ли что Иванъ Діонисовичъ за этотъ караванъ-сарай— не знаю, но за то онъ дѣлалъ дому всякія льготы, значительно возвышавшія репутацію „покойности" здѣшнихъ, крайне плохихъ на взглядъ, но весьма богохранимыхъ жилищъ.

Тутъ не бывало никакихъ обысковъ, тутъ, по разсказамъ, жило не мало людей съ плохими паспортами кромскаго, нѣжинскаго и мѣстнаго кіевскаго приготовленія. Обыкновенные сорта фальшивыхъ паспортовъ приготовлялись тогда по всему главному пути отъ Орла до Кіева, но самыми лучшими слыли тѣ, которые дѣлали въ Кромахъ и въ Дмитріевѣ на Свапѣ. Въ шіяновскихъ домахъ впрочемъ можно было обходиться и вовсе безъ всякихъ паспортовъ, но главное, что тутъ можно было дѣлать на полной свободѣ,—это *молиться Богу, какъ хочешь*, т. е. какимъ хочешь обычаемъ.

Послѣднее обстоятельство и было причиною, что на этотъ дворъ, подъ команду полковника Берлинскаго, приснастился оригинальнѣйшій богомолецъ. Сей бѣ именемъ Малахія, старецъ прибывшій въ Кіевъ для совершенія тайныхъ требъ у старовѣровъ, которые пришли строить каменный мостъ съ англичаниномъ Виньёлемъ. Старецъ Малахія, въ просторѣчіи Малафей Пимычъ, былъ привезенъ своими единовѣрцами „изъ невѣдомаго ключа" и „сокрытъ" въ шіяновскихъ закоулкахъ „подъ тайностію". Все это въ надеждѣ на Кесаря—ибо имя его громко звучало по простолюдью дальше Орла и Калуги.

При старцѣ былъ отрокъ лѣтъ двадцати трехъ, котораго звали Гіезій.

Было-ли это его настоящее имя, или только шуточная кличка— теперь не знаю, а тогда не интересовался это разслѣдовать.

Имени Гіезій въ православныхъ мѣсяцесловахъ нѣтъ, былъ такой отрокъ при пророкѣ Елисеѣ. Можетъ быть, это оттуда и взято.

Какъ старецъ Малафей, такъ и его отрокъ были чудаки первой степени и поселены они были въ шіяновской слободѣ въ разсчетахъ

Библиотека "Руниверс"

на защиту „печерскаго Кесаря“. Но прежде, чѣмъ говорить о старцѣ и его мужественномъ отрокѣ, окончу объ Иванѣ Діонисовичѣ и о его художествахъ.

XVIII.

У латыниста квартальнаго было два искусства, изъ коихъ однимъ онъ хвастался, а о другомъ умалчивалъ, хотя собственно второе въ общественномъ смыслѣ имѣло гораздо большее значеніе.

Иванъ Діонисовичъ хвалился тѣмъ, что онъ „самъ себя стригъ“. Это, можетъ быть, покажется кому нибудь пустяками, но пусть кто угодно на себѣ это попробуетъ, и тогда всякъ легко убѣдится, что стричь самому себя очень трудно и требуетъ большой ловкости и таланта. Второе-же дѣло, которое еще болѣе артистически исполнялъ, но о которомъ умалчивалъ квартальный, относилось къ антикварному роду: онъ зналъ секретъ, какъ „старить“ новыя доски для того, чтобы ими „подшивать“ ночью протнившія крыши. И дѣлалъ онъ это такъ, что никакой глазъ не могъ отличить отъ стараго новыхъ заплатъ его мастерскаго приготовленія.

Въ томъ самомъ караванъ-сараѣ, гдѣ складывались натуральныя подати съ базарныхъ торговцевъ и производилась мѣновая торговля, тутъ-же у Ивана Діонисовича была и антикварная мастерская. Здѣсь находились дрань, лубья и деготь или колесная смола, по-малороссійски „коломазь“. Все это было набрано на базарѣ съ торговцевъ безданно, безпошлинно, и назначалось въ дѣло, которое, при тогдашнихъ строгостяхъ, заключало въ себѣ много тайности и не мало выгодъ. Химія производилась въ огромномъ старомъ корытѣ съ разведеннымъ въ немъ коровьимъ пометомъ и другими соединеніями. Элементы все были простые: навозъ, песокъ, смола и зерна овса „для проросли“. Въ этомъ корытѣ лежали пріуготовляемыя для антикварныхъ работъ лубы и драницы. Они подвергались довольно сложному процессу, за которымъ классикъ наблюдалъ не хуже любого техника, и новому матеріалу придавался видъ древности изумительно хорошо и скоро. Квартальный самъ дошелъ до того, какъ составлять этотъ античный колоритъ и пускать по нему эту веселую зелененькую проросль отъ разпѣженныхъ овсяныхъ зеренъ. Стоило приготовленную такимъ способомъ доску приколотить на мѣсто и какъ „Бибикъ“ около нее ни разъѣзжай, ничего онъ не отличитъ.

Библиотека "Руниверс"

Дошелъ до этого производства Иванъ Діонисовичъ „вѣроятно изъ тѣхъ побужденій", что-бы у него не пропадали такіе продукты, какъ лубья и коломазь, для которыхъ нельзя было найти особенно хорошаго сбыта въ ихъ простомъ видѣ.

Кажется, квартальный иногда самъ и приколачивалъ приготовленныя имъ заплатки, а впрочемъ я достовѣрно этого не знаю. Знаю только, что онъ ихъ приготовлялъ и притомъ приготовлялъ въ совершенствѣ.

Способъ нанесенія этого матеріала на ветхія постройки былъ простъ: избиралась ночь потемнѣе и къ утру дѣло было готово. На слѣдующій день Кесарь Степановичъ ходилъ, гулялъ, поглядывалъ и говорилъ, улыбаясь:

— Что?—много взялъ, безрукій!

А ему отвѣчали:

— Что онъ противъ тебя можетъ!

Такъ и это все шло въ подтвержденіе, что Бибиковъ ничего будто противъ „кесаря" сдѣлать не можетъ, а тѣмъ временемъ пришла постройка моста и къ Виньёлю притекла масса людей, изъ которыхъ много было раскольниковъ. Эти привезли съ собою свои образа и своихъ „молитвенниковъ", между которыми всѣхъ большей тайности и охранѣ подлежалъ уже разъ упомянутый „старецъ Малафей". Онъ былъ „пилипонъ" (т. е. филиповецъ) и „немолякъ", т. е. такой сектантъ, который ни въ домашней, ни за общественной молитвой о царѣ не молился. Такіе сектанты, при тогдашнемъ маломъ знаніи и пониманіи духа русскаго раскола, почитались „опасными и особенно вредными".

Большинство людей, даже очень умныхъ, смотрѣли на этихъ наивныхъ буквоѣдовъ, какъ на политическихъ злоумышленниковъ и во всякомъ случаѣ „недруговъ царскихъ".

Этого не избѣгали наши старинные законовѣды и новѣйшіе тенденціозные фантазеры въ родѣ Щапова, который принесъ своими мечтательными изъясненіями существенный вредъ нѣжно любимому имъ расколу.

Куда было дѣть въ Кіевѣ такого опаснаго старца, какъ Малахія? гдѣ его помѣстить такъ удобно, чтобы онъ самъ былъ цѣлъ, и чтобы можно было у него „поначалиться" и вкусить съ нимъ

Библиотека "Руниверс"

сладость молитвеннаго общенія? Христолюбцамъ предлежала серьезная забота, „гдѣ сохранить старичка отъ Бибика“.

Но гдѣ-же лучше можно было устроить такого особливаго богослова, какъ не въ „шіяновскихъ нужникахъ“. Сюда его и привела подъ крыло печерскаго „Кесаря“ громкая слава дѣлъ этого независимаго и безстрашнаго человѣка.

XIX.

Старца Малафея съ его губатымъ отрокомъ въ шіяновскихъ палестинахъ водворили два какіе-то каменьщика. Эти люди приходили осматривать помѣщеніе, съ большими предосторожностями. О цѣнѣ помѣщенія для старца они говорили съ барышней, которая вѣдала домовые счеты, а потомъ бесѣдовали съ Кесаремъ Степановичемъ о чемъ-то гораздо болѣе важномъ.

Это тогда заинтересовало всѣхъ близкихъ людей.

Каменьщики были люди вида очень степеннаго и внушительнаго, притомъ со всѣми признаками самаго высокопробнаго русскаго благочестія: чолочки на лобикахъ у нихъ были подстрижены, а на маковкахъ въ честь Господню гуменца пробриты; говоръ тихій, а взглядъ умѣренный и „поникновенный“.

О деньгахъ за квартиру для старца и его отрока раскольники не спорили. Очевидно, это было для нихъ послѣднимъ дѣломъ, а главное было то, о чемъ говорено съ Кесаремъ Степановичемъ.

Онъ ихъ „исповѣдывалъ во всѣхъ догматахъ“ ихъ вѣры, и—надо ему отдать честь—пришелъ къ заключеніямъ весьма правильнымъ и для этихъ добрыхъ людей благопріятнымъ.

На наши распросы: что это за необыкновенные люди, онъ намъ съ чисто военною краткостію отвѣчалъ:

— Люди прекрасные и дураки.

Результатомъ такого быстраго, но правильнаго опредѣленія было то, что злостные раскольники получили разрѣшеніе устраиваться въ подлежащемъ отдѣленіи „шіяновскихъ нужниковъ“, а квартальный—классикъ въ слѣдующую-же ночь произвелъ надъ крышею отданнаго имъ помѣщенія надлежащія антикварныя поправки.

Ник. Лѣсковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ

(по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ).

(Продолженіе) *).

Разсказъ Коломійца объ основаніи задунайской Сѣчи на Дунавцѣ такъ обстоятеленъ и такъ точно совпадаетъ со всѣми извѣстными намъ событіями, къ тому времени и мѣсту относящимися, что врядъ-ли есть надобность заниматься серьезнымъ опроверженіемъ того, что говорится объ этомъ предметѣ въ книгѣ Чайковскаго. Этотъ авторъ, какъ мы уже упоминали, по не совсѣмъ понятнымъ для насъ причинамъ, желаетъ непремѣнно выводить начало дунайскаго Запорожья со временъ Мазепы, отъ тѣхъ запорожцевъ, которые ушли вмѣстѣ съ нимъ въ Бендеры. По его разсказу, Сѣчь была перенесена на Дунавецъ въ 1800 году Кошевымъ Василіемъ Щербиною, сыномъ Демьяна Щербины, бывшаго Кошевымъ (гдѣ?) въ 1785 г. Этотъ-же Василь Щербина былъ будто-бы и основателемъ селъ Райя, Бешъ-Тепе, Сарны и Вилки... Послѣ смерти Щербины, разсказываетъ далѣе Чайковскій, въ 1806 году, Кошевымъ былъ избранъ какой-то польскій шляхтичъ, котораго называли Ляхомъ... Знакомъ достоинства Кошеваго была будто красная шуба, подбитая черными медвѣдями, которая была дана султаномъ Ахметомъ III Константину Городискому, бывшему Кошевымъ при Мазепѣ въ 1710 году. Къ этой шубѣ запорожцы питали будто-бы какое-то суевѣрное уваженіе и Кошовый будто-бы дотолѣ только былъ признаваемъ въ своемъ званіи, пока былъ одѣтъ въ эту шубу, вслѣдствіе чего будто-бы Ляхъ носилъ эту шубу запи-

*) См. «Кіев. Стар.», январь 1883 г.

Библиотека "Руниверс"

тою на себѣ и никогда не снималъ ее и такъ и умеръ, будучи запитымъ въ этой шубѣ, въ 1821 году... О войнахъ съ некрасовцами Чайковскій упоминаетъ только вскользь, при чемъ время ихъ относитъ къ 1821-му и слѣдующимъ годамъ, а причиною этихъ войнъ оказывается у него вражда, возбужденная между некрасовцами и запорожцами интригами русскаго правительства... Почему бывшему „attamanu kozaków ottomańskich“ понадобилось искать именно такого рода объясненія, объ этомъ конечно можно только догадываться и, разумѣется, естественнѣе всего думать, что автору „Kozaczyzny“, мечтавшему о слитіи липованскаго и украинскаго населенія Добруджи въ „kozaków ottomańskich“, просто нужно было придумать какую-нибудь внѣшнюю причину для объясненія старинной вражды между этими двумя элементами и притомъ такую причину, которая, примиряя враждующія стороны, возстановляла-бы ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Россіи...

Между тѣмъ, какъ мы видимъ, все это происходило совершенно иначе. Перенесеніе Сѣчи въ Дунавецъ совершилось еще при томъ-же Самійлѣ Калниболотскомъ, который былъ Кошевымъ во время русско-турецкой войны 1809 г., во время войнъ съ некрасовцами и перенесенія Сѣчи въ Катирлезъ. И только около 1814 г. Самійло Калниболотскій уступилъ наконецъ свое мѣсто старому *Рогозяному-Дідови,* давнему запорожцу, пришедшему еще изъ приднѣпровской Сѣчи, выбранному впрочемъ, какъ говоритъ Коломіецъ, только на время. Затѣмъ послѣ него только является въ качествѣ Кошевого *Ляхъ,* бывшій въ этомъ званіи не до 1821 г., а только въ теченіи 3-хъ лѣтъ, и не только не предводительствовавшій козаками во время похода на Сербію, но даже и не бывшій въ то время Кошевымъ. Послѣ Ляха былъ Кошевымъ *Литвинъ,* о которомъ Чайковскій разсказываетъ очень скандалёзную исторію, состоящую въ томъ, что будто-бы этотъ Кошевой, будучи любителемъ прекраснаго пола, имѣлъ обыкновеніе по ночамъ отправляться въ Райю для ухаживанія за тамошними женщинами и переодѣваться для этого въ костюмъ шинкаря Мошка, надѣвавшаго на это время пресловутую красную шубу, и однажды былъ пойманъ запорожцами во время одного изъ такихъ похожденій, былъ судимъ, лишенъ своего званія и избитъ кіями, повѣшенный-же за профанацію священной шубы Мошко былъ замѣненъ сейчасъ-же явившимся изъ

Библиотека "Руниверс"

Килій Лейбою. Нѣчто подобное, по разсказу Коломійца, случилось дѣйствительно, но не съ Литвиномъ, а съ *Олексою Ряснымъ* [1]), который за секретное посѣщеніе Райи съ эротическими цѣлями былъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ самомъ дѣлѣ отставленъ отъ своего уряда и наказанъ по приговору вѣчевой рады бичами; что-же касается Литвина, то онъ, по воспоминаніямъ Коломійца, былъ очень серьезнымъ и богобоязненнымъ человѣкомъ и окончилъ дни свои въ монастырѣ, по совѣту своего духовника о. Лукьяна, священника сѣчевой церкви, о которомъ мы еще будемъ говорить далѣе. Вѣроятно около того-же времени былъ Кошевымъ и *Василь Смыкъ*, но только не послѣ Литвина, какъ говоритъ Чайковскій, а можетъ быть послѣ Олексы Ряспого, послѣ-же Литвина, по перечисленію Коломійца, былъ *Блюга*, потомъ *Гордина*. Вообще въ промежуткѣ между началомъ 1816 и 1817 г. Сѣчь, очевидно, испытывала періодъ какихъ-то большихъ внутреннихъ волненій, о чемъ мы можемъ судить по тому, что въ теченіи этого короткаго времени Кошевые смѣняются съ замѣчательной быстротой другъ послѣ друга, и самъ Коломіецъ оказался не въ силахъ припомнить точно послѣдовательность смѣны тогдашней войсковой старшины. Въ 1817 г., а можетъ быть и въ концѣ 1818 г. Кошевымъ былъ Олександръ *Сухина*. Время его „старшинованья“ обозначается для насъ приблизительно точно, такъ какъ оно отмѣчено въ исторіи задунайской Сѣчи походомъ, совершеннымъ запорожцами, подъ предводительствомъ наказнаго отамана *Ивана*, поповичевского курінного, противъ сербовъ. Объ этомъ походѣ Коломіецъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ почти ничего, за исключеніемъ не особенно правдоподобнаго разсказа о печальной судьбѣ наказнаго—пана, умершаго во время похода будто-бы отъ голода, такъ какъ, будучи совершенно лишенъ зубовъ, онъ не могъ ѣсть сухарей, для размачиванія которыхъ въ теченіи нѣсколькихъ дней пути будто-бы не было воды. Затѣмъ въ 1817—1818 г. Кошевымъ былъ *Морозъ*, какъ говоритъ Чайковскій, кіевскій уроженецъ. Во время его управленія турец-

[1]) Въ воспоминаніяхъ Коломійца, записанныхъ нами въ 1881 г., этотъ Рясный названъ Грицькомъ, во время-же послѣдняго нашего свиданія Коломіецъ объяснилъ, что Кошевымъ былъ Олекса Рясный, а Грицько Рясный совсѣмъ другая личность, о которой будетъ упомянуто ниже.—*К.*

Библиотека "Руниверс"

кимъ правительствомъ былъ потребованъ въ Константинополь отрядъ запорожцевъ изъ 600 человѣкъ для работъ „на кавузахъ“. Въ этой мирной экспедиціи принималъ участіе и Коломіецъ, который разсказываетъ, что козаки были употребляемы при этихъ постройкахъ на земляныя работы, взрывали порохомъ скалы, дѣлали „муругілі или заставки“, т. е. шлюзы,—„у шести містахъ воду закладали“. Турки, по его разсказу, относились къ нимъ чрезвычайно добродушно, давали очень хорошее содержаніе („три хлібы на день давали“) и хорошо платили за работу: „паша було приіде, то безъ бокшиша не выідс: три разы на тиждень іздивъ и на баркасі було везе повні мішки сребра да золота“. Другихъ особенно выдающихся событій въ бытность Мороза Кошевымъ не было, а самъ онъ, сложивши съ себя приблизительно въ 1818—1819 г. это званіе, подобно многимъ сѣчевикамъ удалился на „Святу Гору“, т. е. на Аѳонъ, и тамъ постригся и даже сдѣлался архимандритомъ въ одномъ изъ греческихъ монастырей. Но, какъ случалось тоже со многими принимавшими монашество запорожцами, Морозъ удалился отъ міра сего, сохранивши въ себѣ еще очень большой запасъ боевой энергіи и какъ только въ воздухѣ пронесся запахъ пороха, мы видимъ его уже опять на Сѣчи превратившимся изъ смиреннаго архимандрита въ наказнаго отамана войска запорожскаго, да еще вдобавокъ—отамана, ведущаго это войско для усмиренія христіанъ, возставшихъ противъ мусульманскаго владычества, для усмиренія греческаго возстанія за независимость. .

Это была фатальная черта въ жизни задунайскаго Запорожья, прямо вытекавшая изъ того cercle vicieux, изъ котораго оно не могло выйти, вслѣдствіе политическаго своего положенія. Сначала война противъ русскихъ, затѣмъ противъ тоже единовѣрныхъ и единоплеменныхъ сербовъ, бившихся вдобавокъ за свою политическую свободу, наконецъ противъ грековъ, отстаивавшихъ тоже и свою вѣру и свою независимость. Все это, разумѣется, могло кое-какъ улаживаться въ силу врожденнаго авантюризма или личныхъ соображеній и темперамента въ головахъ такихъ людей, какъ архимандритъ—отаманъ Морозъ, но въ общемъ сознаніи задунайскаго козачества оно не могло не вызывать разъѣдающаго чувства, которое было роковымъ для существованія задунайской Сѣчи и которое выражается въ словахъ народной исторической пѣсни:

Библиотека "Руниверс"

„Ой крикнула лебедочка изъ степу летючи,
Запликавъ нашъ Кошовый одъ царицi йдучи:
„Великiй свiтъ, миле—братiя,—нема де прожити;
Заприсягнiмъ турчинови на сто-тридцять годъ жити.
За все добре, миле—братiя, пiдъ туркомъ жити,
Тiлько одно непрiятно, що на вiру бити!...

(Зап. въ Тульчѣ отъ М. Михайленка).

или:

„Ой наробили та славнi запорожци
Та великого жалю:
Що не знали, кому поклонитися,
Та которому царю...
Ой поклонилися турецькому;
Пiдъ нимъ добре жити.
А за все добре, за одно не добре,
Що братъ на брата бити“!

(Ост. Данчукъ. Тульча).

Сознаніе фальшивости своего положенія относительно единовѣрцевъ—грековъ было на столько сильно, что небольшая сравнительно часть запорожцевъ не могла все таки устоять противъ доводовъ другаго, тоже святогорскаго архимандрита, Филарета и по его настоянiямъ рѣшилась отправиться въ Россію. Въ числѣ этихъ вернувшихся, какъ мы знаемъ, былъ и нашъ Коломиецъ, прямо мотивирующій свое возвращеніе въ отечество тѣмъ, „що якъ-бы не пiшовъ, то хто єго зна, за яку вiру й голову-бъ прийшлося нести“.

Филаретъ былъ аѳонскимъ архимандритомъ, зашедшимъ въ Сѣчь передъ войною, можетъ быть съ прямой даже цѣлью помѣшать какъ нибудь участію запорожцевъ въ усмиреніи готовившагося возстанія. „Чого мы, говорилъ онъ, будемо воювать зъ христiянами? Лучче я васъ выведу въ Россію“... На этотъ призывъ откликнулось около 800 запорожцевъ; на 28 лодкахъ они выѣхали изъ Сѣчи и отправились въ Одессу. Тамъ они, по разсказу Коломийца, были приняты очень радушно: Филаретъ получилъ золотой наперсный крестъ, а козакамъ было отведено помѣщеніе, въ которомъ они могли жить, пока долженъ былъ рѣшиться вопросъ о надѣлѣ ихъ землею. Многіе изъ нихъ, какъ мы знаемъ, разбрелись по хуторамъ и проживали такимъ образомъ до времени окончательнаго раззоренія за-

Библиотека "Руниверс"

дунайской Сѣчи въ 1828 г. Архимандритъ-же, бывшій, суди по разсказу Коломійца, особой не вполнѣ свободной отъ мірскихъ увлеченій, вернулся въ Измаилъ и разбилъ свою побывавшую во многихъ приключеніяхъ голову во время какого-то кутежа въ Браилѣ. Само собою разумѣется, что главными мотивами этого выхода запорожцевъ было, какъ мы сказали, сознаніе фальшивости своего положенія въ готовившейся войнѣ съ христіанами, но кромѣ этого несомнѣнно слѣдуетъ признать существованіе и другихъ мотивовъ, болѣе прозаическаго свойства, которые могли вліять на людей болѣе или менѣе состоятельныхъ и неособенно расположенныхъ къ воснымъ похожденіямъ, какимъ былъ напримѣръ Коломіецъ. Для настоящихъ-же сѣчевиковъ стараго закала запорожская свобода была все таки дороже всего,—ради нея они покинули свое горячо ими любимое отечество, ради нея они готовы были пойти и на такую трагическую уступку, какъ война противъ единовѣрцевъ и людей искавшихъ тоже независимости.

Конечно, строгая исторія сниметъ въ будущемъ этотъ тяжелый упрекъ съ памяти послѣднихъ сѣчевиковъ, указавши прямо на ту силу и тѣ обстоятельства, благодаря которымъ запорожцамъ приходилось жаловаться на то, что „великий свѣтъ, миле-братья, а нігде прожити“, но тѣмъ не менѣе глубоко правъ „січовый папотець“ *Лукіянъ Кулішъ*, говорившій задунайскимъ сѣчевикамъ, что „іхъ церква уся у золоті, а по вікна у крови христіянські“, и запорожцы не могли этого не чувствовать, а поэтому врядъ-ли безпристрастный историкъ рѣшится упрекнуть ихъ за то, что они два раза пожертвовали своей козацкой свободой и своимъ политическимъ существованіемъ, лишь-бы избавиться отъ такого невыносимаго фальшиваго положенія.

Но такъ или иначе, а въ 1821 году, когда европейская цивилизація, въ лицѣ Байрона, спѣшила въ Миссолонги на помощь задавленной Греціи, наши несчастные земляки на 40 турецкихъ судахъ плыли туда-же помогать давить ее. По разсказу Коломийца, запорожцы ходили только въ „Біле-море“, т. е. въ сѣверную часть Архипелага, но изъ біографіи Гладкаго, написанной его сыномъ, видно, что запорожцы участвовали и въ осадѣ Миссолонги. Какъ-бы то ни было, но несомнѣнно то, что походъ этотъ былъ крайне неудачнымъ для запорожцевъ, такъ какъ греки „таки добре поклии-

Библиотека "Руниверс"

цювали“ тотъ турецкій флотъ, на которомъ возвращалась часть козаковъ послѣ этой войны. Корабль, на которомъ былъ Морозъ съ 600 козаковъ, былъ взорванъ греческой миной и всѣ они погибли. По разсказу Коломійца, турецкая флотилія, выпедши съ острова „Новорени“ (Наваринъ?), была взорвана греками посредствомъ такъ называемыхъ „мистиковъ“, небольшихъ лодочекъ, наполненныхъ взрывчатымъ веществомъ, которыя подводились подъ непріятельскій корабль съ баркаса и взрывались черезъ небольшое отверстіе—„ласбортъ“, находившееся на кормѣ этихъ лодочекъ. Въ менѣе правдоподобномъ, но за то гораздо болѣе эффектномъ видѣ изображаетъ это событіе Чайковскій, будто-бы со словъ запорожца Завильскаго, найденнаго имъ въ какомъ-то киргапѣ [1]) надъ Дунавцемъ. По его разсказу, Морозъ въ моментъ приближенія греческой эскадры былъ на кораблѣ Капуданъ-паши и завидя непріятеля, сейчасъ-же бросился на тотъ корабль, на которомъ были его запорожцы, но, пересѣвши на тотъ корабль, онъ нашелъ руль сломаннымъ, а всѣхъ своихъ козаковъ до безчувствія пьяными. Между тѣмъ греческій флотъ подходилъ и черезъ нѣсколько минутъ долженъ былъ начаться абордажъ; тогда Морозъ въ отчаяніи бросился въ трюмъ и самъ взорвалъ корабль находившимся тамъ запасомъ пороха. Разумѣется, мы расположены болѣе вѣрить разсказу Коломійца, тѣмъ болѣе, что онъ передастъ объ этомъ происшествіи со словъ одного изъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ отъ смерти запорожцевъ, козака *Устина*, который вмѣстѣ съ своимъ дядькомъ *Грицькомъ Ряснымъ* былъ вытащенъ греками изъ воды и отданъ потомъ въ заточеніе въ какой-то греческій монастырь, изъ котораго они были выпущены черезъ нѣсколько лѣтъ, только вслѣдствіе своего ходатайства передъ константинопольскимъ патріархомъ. По разсказу Чайковскаго, это пораженіе запорожцевъ произошло тогда, когда они возвращались уже послѣ осады Миссолонги, Коломнецъ-же въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ не говоритъ ничего, но слѣдуетъ думать, что несчастіе это постигло запорожцевъ дѣйствительно на обратномъ пути, такъ какъ участіе запорожцевъ въ осадѣ Миссолонги, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кромѣ упомя-

[1]) *Киргань*—плетеный изъ хвороста или камышевой шалашъ, въ которомъ рѣжутъ и солятъ рыбу на заводахъ.

Библиотека "Руниверс"

путой нами біографіи Гладкаго, который тоже принималъ участіе въ этой войнѣ, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о подвигахъ запорожцевъ въ Греціи при осадѣ какого-то города еще отъ одного 80 лѣтняго старика, *Марка Глухого*, доживающаго свой вѣкъ въ Тульчѣ и слышавшаго объ этихъ подвигахъ отъ самихъ запорожцевъ, участвовавшихъ въ походѣ. Названія города Марко Глухій, къ сожалѣнію, не могъ припомнить, въ событіяхъ-же греческаго похода, по его разсказу, особенно выдается личность *Ивана Півтораки*, прозваннаго такъ за свой необыкновенно высокій ростъ и необычайную силу („півтора чоловіка"). Этотъ Півторака, какъ и многіе изъ козацкихъ героевъ, обладалъ, по разсказамъ Марка, всѣми качествами настоящаго запорожца-характерника, его не брали ни пуля, ни желѣзо... Греки, увидя, что имѣютъ дѣло съ такими опасными противниками, разумѣется, разбѣжались и оставили городъ въ рукахъ запорожцевъ, не дѣлая даже дальнѣйшихъ попытокъ къ сопротивленію...

Запорожцы принимали участіе въ усмиреніи греческаго возстанія не только въ Греціи, но также и „на Молдаві", гдѣ дѣйствовали греческіе отряды подъ предводительствомъ знаменитаго Ипсиланти, нашедшаго себѣ потомъ могилу въ Кіевѣ [1]). У Коломійца впрочемъ изъ событій войны въ Молдавіи удержались главнымъ образомъ воспоминанія о грабежахъ, совершавшихся какъ греками, такъ и запорожцами. Такъ онъ разсказываетъ объ одномъ греческомъ суднѣ, задержанномъ русскими въ Сулинѣ, которое было наполненно вещами, награбленными въ Галацѣ, а говоря о сѣчевой церкви, онъ упоминаетъ о томъ, что многія церковныя вещи для нея и даже колокола были также награблены во время войны въ Молдавіи.

А между тѣмъ существованію задунайской Сѣчи начиналъ уже приближаться конецъ. Послѣ Губы, во время греческаго возстанія, тянувшагося нѣсколько лѣтъ, былъ Кошевымъ какой-то стебліевскій куріянный, имени котораго Коломіецъ не могъ припомнить, а послѣ него выбранъ былъ Василь Незамаівський, во время „старшинуванья" котораго появились въ Сѣчи уже первые

[1]) Могила эта находится въ георгіевской церкви (около софійской ограды) подъ художественнымъ памятникомъ работы Кановы.

Библиотека "Руниверс"

признаки и серьезнаго внутренняго разложенія и грозы, приближавшейся извнѣ. Пока на Сѣчи держались еще старые наддпѣпровскіе запорожцы, пока составъ ея пополнялся выходцами изъ Черноморья и тому подобными людьми, достаточно испытанными, коихъ не очень-то тянуло на родину, до тѣхъ поръ на Сѣчи крѣпко держались старыя традиціи свободнаго козачества и задунайскіе запорожцы, какъ намъ извѣстно, неоднократно отказывались отъ предложеній русскаго правительства возвратиться въ предѣлы своего отечества:

Ой пише москаль та й до Кошового:
„А йдіте до мене жити,
Ой я дамъ землю та по прежнёму
А по Дністеръ—границю“.
—„Ой брешешъ, брешешъ ты, вражій москалю,
А ты хочешъ обманити:
Ой якъ підемъ мы у твою землю—
Ты будешъ лобы голити!“...

(Зап. Метлинскій въ гадяч. уѣздѣ, полт. губ.).

Такія и тому подобныя соображенія заставляли запорожцевъ остаться вдали отъ своей родины, какъ ни тяжело это было и какъ ни наводили ихъ на раздумье русскія предложенія, судя по слѣдующей пѣснѣ, записанной нами у Коломийца: [1])

Закричала ластівонька,
Зо дна моря выринаючи,
Говорили запорожци,
Тай по Січі похожаючи:
„А що будемъ, браты, робити
А що будемъ мы починати?
А чи будемо на Русь ити,
Чи будемо у турчина проживати?“
—„А чимъ-же намъ на Русь ити?
Вже-жъ намъ братыся, зъ родиною
Та й до віку не видатися!“

[1]) Вообще отъ Коломийца намъ удалось записать наиболѣе старинныя и лучше сохранившіяся пѣсни, которыми онъ, такъ сказать, иллюстрировалъ свои разсказы. Понятно, эти пѣсни были не спѣты, а только „проказаны“.—*К.*

Библиотека "Руниверс"

Такъ рѣшали до тѣхъ поръ запорожцы подобные вопросы, не смотря ни на горькое сознаніе того, что „зъ родиною вже до віку не видатися“, ни на постоянно мучившую ихъ идею о необходимости „братъ на брата бити“. Но въ позднѣйшее время, какъ мы говорили, начинаютъ замѣчаться уже и признаки разложенія старыхъ сѣчевыхъ традицій и признаки опять приближавшагося сильнаго давленія извнѣ, того давленія, которому всегда было такъ трудно сопротивляться запорожцамъ. Признаки внутренняго разложенія мы видимъ въ тѣхъ фактахъ, которые сопровождали потомъ избраніе Гладкаго въ Кошевые и заключались въ усиленіи значенія райи, т. е. женатыхъ козаковъ, жившихъ не въ Сѣчи, а въ принадлежавшихъ къ ней слободахъ, и разумѣется представлявшихъ собою элементъ болѣе мирный и склонный пойти на разныя уступки, лишь-бы обезпечить свое спокойствіе. Признаки-же приближавшейся грозы заключались въ письмѣ, полученномъ черезъ австрійскаго консула въ Галацѣ отъ русскаго генерала Тучкова, бывшаго въ то время градоначальникомъ въ Измаилѣ. Письмо это заключало въ себѣ извѣстіе объ имѣющей начаться войнѣ и совѣтъ заблаговременно „тікать“, какъ говоритъ Коломіецъ, т. е. косвенное, а можетъ быть и прямое предложеніе передаться на сторону Россіи, скорѣе впрочемъ косвенное, такъ какъ прямые переговоры, какъ мы увидимъ далѣе, велись секретно съ отдѣльными лицами и главнымъ образомъ съ Гладкимъ. Когда писарь прочиталъ это письмо въ Паланкѣ, въ присутствіи куренныхъ отамановъ и всѣхъ вообще должностныхъ лицъ Сѣчи, старшина задумалась. „Тікать?! якъ ёго тікать!...“, говорилъ Кошевый Василь Низамаівський, „багато народу запропастимо,—турчинъ выріже!“... „Ні, рѣшилъ онъ, нехай хто заводивъ, той и выводить, а я не буду выводить!“... Но тѣмъ не менѣе Кошеваго, видѣвшаго Сѣчь между двумя огнями, повидимому, брало все-таки раздумье, такъ какъ старые отаманы начали совѣтовать ему: „підожди до Покрова, а тамъ якъ выберуть другого, то той нехай й робить се діло!“,—совѣтъ ясно выражавшій большую нерѣшительность въ виду опасной альтернативы со стороны не только того, кому давался, но и тѣхъ, кто давалъ его. Василь дѣйствительно послѣдовалъ этому совѣту, тѣмъ болѣе, что, кажется, это и было незадолго до Покровы. На Покрову 1827 г. Василь Незамаівський рѣшительно отказался отъ новаго избранія

Библиотека "Руниверс"

и товариству пришлось выбирать другаго Кошеваго. Тутъ происходитъ явленіе, на которое обращаетъ вниманіе самъ Коломіецъ, какъ на фактъ небывалый прежде: возвышаетъ голосъ какой-то Уласъ изъ Райи и прямо заявляетъ, что „багато вже ставили запорожцы Коповыхъ,—нехай и мы *мужики* постановимо!...“ и предложилъ избрать своего кума, платнирівського курінного Йосипа Гладкого. Очевидно, что сущность этого предложенія заключалась вовсе не въ желаніи упомянутаго Уласа видѣть въ качествѣ Кошеваго своего кума, а въ томъ, что въ виду нерѣшительности запорожцевъ, происходившей вслѣдствіе сознанія важности разрѣшенія предстоявшаго вопроса, рѣшилась принять активное участіе въ дѣлахъ Сѣчи райя, которая до тѣхъ поръ только просто состояла при ней и для которой готовившаяся война представляла наиболѣе опасности. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о численности райи въ это время, но можно предполагать, что она была достаточно велика, даже сравнительно съ Сѣчью, такъ какъ Сѣчь въ это время уже почти не заключала въ себѣ старыхъ запорожцевъ съ Днѣпра и была наполнена позднѣйшими эмигрантами, изъ которыхъ большая часть могли быть семейными. Какъ-бы-то ни было, но мы видимъ, что не имѣвшая уже прежнихъ запорожскихъ традицій райя взяла перевѣсъ и Кошевымъ былъ выбранъ бывшій бондарь, а въ то время платнирівський курінний Осипъ Гладкій. Гладкій былъ уже очевидно представителемъ извѣстной партіи, такъ какъ мы видимъ, что очень скоро послѣ своего вступленія во власть онъ прежде всего позаботился „поодказувать“ прежнимъ курінным изъ старыхъ козаковъ и „понастановлявъ своихъ молодихъ“, потому что „боявсь стариківъ“,—фактъ опять таки указывающій на то значеніе, какое пріобрѣлъ въ Сѣчи и самъ Кошевый и новый пришлый элементъ, воспитавшійся уже въ крѣпостномъ правѣ, болѣе связанный съ родиной и, разумѣется, болѣе расположенный пойти на разныя обѣщанія русскихъ властей, чѣмъ старые сѣчевики. Очевидно, что усиленіе власти Кошеваго не обходилось безъ оппозиціи со стороны стараго козачества, но оппозиція эта терялась среди партіи взявшей перевѣсъ, а можетъ быть и не была особенно рѣшительна, не имѣя яснаго представленія о степени грозившей бѣды. Между тѣмъ Василь Незамаівський, по

Библиотека "Руниверс"

порученію своихъ товарищей Олійника и Коломийца [1]), тайно отправился въ Измаилъ къ Тучкову разузнать подробнѣе, въ чемъ дѣло, и получилъ отъ него только совѣтъ идти „на потайну“ опять въ Сѣчь и уговаривать Гладкаго передаться Россіи. Но врядъ-ли была и надобность: какъ видно изъ біографіи Гладкаго, написанной его роднымъ сыномъ [2]), онъ былъ уже раньше въ тайныхъ сношеніяхъ съ Тучковымъ и велъ съ нимъ секретную переписку относительно перехода на сторону Россіи, въ которой перепискѣ оговорены были и всемилостивѣйшее прощеніе и разныя милости для всѣхъ, кто вернется въ Россію. „Въ величайшей тайнѣ, говоритъ сынъ—біографъ Гладкаго, отецъ мой началъ склонять къ побѣгу въ Россію сначала куренныхъ отамановъ, а посредствомъ ихъ и всю Сѣчь, *распустивъ предварительно вымышленные слухи о томъ, что, по случаю предстоящей войны съ Россіей, султанъ намѣренъ переселить запорожскую Сѣчь въ Египетъ,* потому что земля, занимаемая Сѣчью, долженствовала сдѣлаться первымъ мѣстомъ дѣйствія наступающей войны“. Распуская изъ подъ руки подобные „вымышленные“ слухи, Гладкій самъ передъ своими товарищами, по всей вѣроятности, держался строго лойальнаго положенія по отношенію къ Турціи. Въ цитируемой нами біографіи его говорится, что онъ будто-бы открылся запорожцамъ въ своемъ намѣреніи передаться Россіи, но изъ хода дальнѣйшихъ событій мы увидимъ, что до самой послѣдней минуты это было рѣшительно невозможно, такъ какъ въ пользу Россіи было далеко не большинство запорожцевъ. По всей вѣроятности въ тайныя комбинаціи Гладкаго были посвящены только очень немногіе даже и изъ его партіи, желавшей выхода въ Россію. Достаточно сомнительной представляется намъ въ это время дѣятельность бывшаго Кошевого Василя Незамаівського. По воспоминаніямъ Коломийца, онъ является противникомъ перехода на сторону Россіи и дѣлаетъ экскурсіи въ Измаилъ къ Тучъ-

---

[1]) Въ участіи Коломийца въ отправкѣ Василя въ Измаилъ есть какое-то недоразумѣніе, къ сожалѣнію, нами не выясненное: судя по его автобіографическимъ воспоминаніямъ, онъ былъ въ это время въ Россіи, а между тѣмъ выходитъ, что онъ былъ на Сѣчи. Можетъ быть это было какое-нибудь временное посѣщеніе имъ Сѣчи.

[2]) „Русская Старина“, февр., 1881 г., стр 383 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

кову только какъ будто-бы для провѣрки слуховъ, возбужденныхъ письмомъ этого генерала и распускавшихся, какъ мы теперь знаемъ, Гладкимъ. Между тѣмъ одно изъ записанныхъ нами въ Тульчѣ воспоминаній (Сидора шинкаря), передаваемое правда изъ вторыхъ рукъ, говоритъ совсѣмъ другое. „Передъ Бондаремъ, разсказываетъ Сидоръ, ще бувъ Кошовый; то вінъ поки самъ бувъ, то нічого не казавъ, а якъ ставъ Бондарь, то вінъ и почавъ ходить то на руську сторону, то на Січу... усе, значить, договорювались, щобъ передаться... Бондарь сидить собі у Січі, а той усе ходить та лагодить... отъ и налагодили!"—прибавляетъ онъ.

А между тѣмъ, пока они „лагодили", начало уже приготовляться къ войнѣ и турецкое правительство. Великій визирь уже два раза присылалъ въ Палапку приказанія о томъ, чтобы 13,000 козаковъ были высланы подъ Силистрію; наконецъ на страстной недѣлѣ въ 1828 г. было получено отъ визиря третье и рѣшительное приказаніе, не исполнить котораго уже нельзя было, такъ какъ это значило-бъ прямо уже показать свои карты, что разумѣется повело-бы за собою страшныя для Сѣчи послѣдствія. Гладкому впрочемъ и не было никакой надобности совершенно отказываться отъ посылки козаковъ, такъ какъ онъ имѣлъ при этомъ свои разсчеты. Съ одной стороны, пославши козаковъ, онъ успокоивалъ турецкое правительство, съ другой-же это давало ему возможность отдѣлаться отъ безпокойныхъ элементовъ, которые могли помѣшать его планамъ. Поэтому Гладкій, по полученіи третьяго приказанія изъ Силистріи, рѣшился съ выгодой для себя вывернуться довольно ловко изъ своего двусмысленнаго положенія. Онъ немедленно-же послалъ куренныхъ отамановъ по плавнямъ разыскивать и собирать козаковъ и снарядивши двухтысячный отрядъ, въ который разумѣется вошли если не всѣ, то большая часть тѣхъ, „кого вінъ боявсь, що не схотять передаваться" Россіи, и самъ повелъ этотъ отрядъ въ Силистрію, желая такимъ образомъ увѣрить и козаковъ, что онъ не замышляетъ ничего дурнаго. Что такое намѣреніе дѣйствительно было у Гладкаго и что онъ скрывалъ отъ козаковъ свои планы относительно Россіи, не рѣшаясь открыть ихъ въ виду настроенія большинства, это показываетъ намъ самый фактъ отправки двухъ тысячъ козаковъ въ Силистрію. Если-бы намѣреніе Гладкаго передаться Россіи было извѣстно шедшимъ въ походъ козакамъ и раз-

Библиотека "Руниверс"

дѣлалось кѣмъ нибудь изъ нихъ, то само собою разумѣется, что врядъ-ли они рѣшились-бы отправиться въ Силистрію, очень хорошо зная, что гнѣвъ и подозрительность турокъ обрушатся непремѣнно на нихъ, что, какъ увидимъ далѣе, дѣйствительно и случилось; кромѣ того, если-бы между козаками преобладало стремленіе въ пользу Россіи, то гораздо проще было-бы, не отправляя никого въ Силистрію, уходить всѣмъ вмѣстѣ на русскую сторону Дуная. Но мы знаемъ изъ разсказа Коломийца, что въ Силистрію было отправлено двѣ тысячи человѣкъ, изъ упоминаемой-же нами біографіи Гладкаго видно, что перешедшихъ съ нимъ въ Россію козаковъ было не болѣе 500 чел., такъ какъ въ біографіи прямо говорится, что изъ нихъ былъ сформированъ пятисотенный запорожскій полкъ, слѣдовательно ясно, что число соумышленниковъ Гладкаго было настолько не велико, что до отправки $^4/_5$ всего наличнаго количества козаковъ, онъ не могъ и думать открывать свои планы и могъ приступить къ ихъ выполненію, только удаливши огромное большинство товарищества. Такимъ образомъ мы видимъ, что далеко не большая часть запорожцевъ высказывала желаніе бѣжать въ Россію, какъ говоритъ г. В. Гладкій, а напротивъ часть сравнительно ничтожная; кромѣ того нельзя согласиться съ мнѣніемъ этого автора и о томъ, что желавшіе оставаться или бѣжать, куда угодно, только не въ Россію, были главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, военныхъ поселянъ и людей вообще совершившихъ въ Россіи какое нибудь преступленіе. Сколько мы можемъ видѣть изъ воспоминаній Коломийца и другихъ, противъ перехода на сторону Россіи были именно старые козаки, хранившіе свои историческія традиціи и, совершенно наоборотъ, въ пользу перехода были именно люди новѣйшаго времени, разнаго рода уголовные и другіе бѣглецы, къ числу которыхъ принадлежалъ впрочемъ и самъ Гладкій [1]). Это

[1]) Какъ видно изъ цитируемой нами біографіи Гладкаго, онъ былъ родомъ изъ селенія Мельниковъ, золотонош. уѣзда, полт. губ., козакъ по происхожденію. Около 1820 г., оставивши семью, онъ отправился въ Одессу на заработки и «сдѣлавши у своего хозяина какую-то шалость», ушелъ за Дунай къ запорожцамъ, гдѣ, скрывши свое семейное состояніе, поступилъ въ платнирівський курінь. Вмѣстѣ съ прочими онъ принималъ участіе въ походѣ на грековъ и осадѣ Миссолонги, а по возвращеніи оттуда былъ избранъ отаманомъ платнирівського куриня. («Рус. Ст.», I. c.).

Библиотека "Руниверс"

и совершенно естественно, такъ какъ эти послѣдніе имѣли во всякомъ случаѣ несравненно болѣе связей съ Россіей, и разъ имъ было обѣщано прощеніе лежавшихъ на нихъ винъ, то ихъ, какъ людей болѣе свободныхъ отъ всякихъ козацкихъ традицій, ничто не могло болѣе удерживать въ Турціи. Приведя козаковъ въ Силистрію какъ разъ на первый день свѣтлаго праздника, Гладкій явился къ визирю и заявилъ ему, что „отъ я привівъ дві тысячи козаківъ, а тамъ ще позбірать треба по плавняхъ..: та й Січи вже тамъ оставатись не можна, то поіду я, козаківъ зберу, а райю заберу й церкву и одвезу у Ядерне!" Ничего не могло быть естественнѣе этого заявленія,—визирь не могъ не знать, что козаковъ въ Сѣчи никогда много не бывало, что всѣ они, особенно въ это время, находятся въ плавняхъ и на кармалныхъ заводахъ по взморью и т. п., а съ другой стороны онъ также не могъ видѣть ничего подозрительнаго и въ томъ, что Гладкій хотѣлъ убрать Сѣчь и райю изъ Дунавца, такъ какъ въ случаѣ вторженія русскихъ они, конечно, должны были (особенно по мнѣнію турокъ) подвергнуться большимъ опасностямъ и непріятностямъ. Между тѣмъ заявленіе о переѣздѣ въ Адріанополь было придумано очень находчиво, такъ какъ оно давало возможность произвести всѣ приготовленія для переправы черезъ Дунай не спѣша, въ надлежащей аккуратности и главное—не возбуждая раньше времени вниманія и подозрѣній со стороны турокъ. Впрочемъ этотъ послѣдній разсчетъ Гладкаго, очевидно, совсѣмъ не удался, такъ какъ мы видимъ, что по возвращеніи Гладкаго на Сѣчь тамъ началась страшная суматоха, представлявшая собой настоящее бѣгство. По всей вѣроятности намѣренія Гладкаго все таки стали болѣе или менѣе извѣстны туркамъ и ему съ его соумышленниками пришлось думать только о спасеніи своихъ собственныхъ головъ, не заботясь больше ни объ остальныхъ козакахъ, бывшихъ на заводахъ и въ плавняхъ, ни о райѣ, т. е. главнымъ образомъ о женщинахъ и дѣтяхъ, бросаемыхъ безъ всякой защиты на произволъ разъяренныхъ турокъ, моканъ, молдаванъ, липованъ и прочаго полудикаго и разбойничьяго населенія Дельты и Добруджи. Изъ Сѣчи, какъ разсказываетъ Коломіецъ, отправилось всего 4 лодки съ церковью, сѣчевымъ имуществомъ и самими бѣжавшими. Очень можетъ быть, что или Коломіецъ сильно уменьшаетъ количество ушедшихъ лодокъ, или, что гораздо вѣроятнѣе,

Библиотека "Руниверс"

лодки съ прочими бѣжавшими присоединились къ вышедшимъ изъ Дунавца по пути, такъ какъ союзникамъ Гладкаго не было разсчета оставаться въ это время въ Сѣчи, гдѣ они по неволѣ могли попасть въ число отправлявшихся въ Силистрію. Какъ-бы то ни было, но число ушедшихъ въ первый разъ съ Гладкимъ въ Измаилъ козаковъ, какъ мы говорили уже, ни въ какомъ случаѣ не превышало 500 человѣкъ, изъ которыхъ тогда-же былъ сформированъ пятисотенный полкъ подъ начальствомъ Гладкаго. По полученіи извѣстія о выходѣ Гладкаго изъ Дунавца, во всѣхъ остальныхъ запорожскихъ поселеніяхъ—въ Кара-Орманѣ, Катирлезѣ и проч., оставленныхъ на волю судьбы, произошла полная паника: топили „посуду“ въ морѣ и Дунаѣ, бросали все, кто могъ, уходилъ въ Базарджикъ, остальные-же разбѣгались по плавнямъ, гдѣ и дѣлались жертвами полудикихъ моканъ. „Багато народу пропало тоді, говоритъ Коломіецъ, ховались люде по плавняхъ, по комышахъ... а молдаване которыхъ піймають, головы й поодрубують..., до тысячи душъ пропало тоді“... Пятеро старыхъ запорожцевъ, не отправленныхъ вѣроятно за дряхлостью въ Силистрію, но и не захотѣвшихъ слѣдовать за Гладкимъ и оставшихся на Сѣчи, были безжалостно убиты турками, благодаря впрочемъ, можетъ быть, и собственной безпечности: „Келеповський, Рогозяний-дідъ, Люлька Яківъ, Дурный Хведіръ и Мамалига Тимішъ (пъятеро ихъ було, старыхъ козаківъ), якъ Гладкий пішовъ, то вони зостались у платпирівському куріні... а тамъ бочка зъ горілкою була,—покинули, якъ ишли,—то вони понапивались та й поспули, тамъ таки у куріні, а турки якъ набігли, то голови имъ й поодрубували!“... Райю чуть не постигло то-же, если даже еще не худшее: узнавши о выходѣ козаковъ, молдаване—жители селенія Бешъ-Тепе хотѣли просто вырѣзать оставшихся безъ всякой защиты женщинъ и дѣтей, разумѣется, только для того, чтобы воспользоваться ихъ имуществомъ, и были удержаны только своимъ священникомъ Іоанномъ Карупамындра, который прямо объявилъ имъ, какъ говоритъ Коломіецъ: „и на васъ и на вашихъ дітей проклятіе положу!“ Это спасло райю отъ вѣрной гибели и дало возможность нѣсколько дней спустя убраться болѣе или менѣе благополучно тоже за Дунай, гдѣ стояли уже въ это время русскія войска.

Библиотека "Руниверс"

Гладкій-же со своими сторонниками вышелъ гирломъ св. Георгія мимо Катырлеза въ море и затѣмъ по Килійскому гирлу достигъ Измаила. Здѣсь, разсказываетъ сынъ Гладкаго, запорожцы выдержали сокращенный карантинъ и Кошевой вмѣстѣ съ куренными отаманами былъ представленъ императору, который уже находился въ то время въ Измаилѣ. Запорожцы повергались къ стопамъ его величества и искренно просили прощенія и помилованія. Государь принялъ отъ Кошевого грамоты и регаліи, жалованныя Сѣчи турецкими султанами, и произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: „Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ и я прощаю!“ Слова эти онъ повторилъ потомъ и всему составу Сѣчи, присовокупивъ: „я знаю, что вы за люди!“ Изъ мѣстныхъ воспоминаній у насъ есть два разсказа объ этомъ событіи. Одинъ изъ нихъ (Игната Васильківського) говоритъ приблизительно то-же, что и біографія напечатанная въ „Русской Старинѣ“, смѣшивая только фактъ пожалованія Гладкому ордена съ временемъ перваго представленія его государю. „Зъ Січи якъ тікали у 28-му годі, то поіхали на Катырлезъ, а тамъ моремъ та у килійське гирло, та вже тимъ Дунаемъ та у великий Дунай да й у Змаіловъ. А тамъ вже руське войсько було— и царь тамъ бувъ Миколай. Ну, приіхали вони, поставали рядами, якъ слідъ... царь выйшовъ, питается: хто отаманъ? Гладкій выйшовъ у передъ, а царь каже, що „спасибі й тобі и вамъ запорожці, що підъ мою руку передались!“ а потімъ знявъ зъ себе хрестъ, та й почепивъ Гладкому. А тутъ Дибичъ стоявъ—генералъ, то вінъ показуе цареві, що на Гладкому не хворменна одежа, а вінъ у питаняхъ широкихъ, у пащці смушевій, капаранъ на ёму зъ чотирма рукавами, а царь каже: „нічого, каже, що не хворменна одежа, схочу, каже, до й до сорочки причеплю!“ Другой разсказъ Сидора шинкаря—гораздо болѣе легендарный, но и болѣе характерный, очевидно, старается представить запорожцевъ и въ этомъ случаѣ какими-то богатырями: „(запорожці) позбірали де були, які лодки, да на Дунай, такъ увесь Дунай и вкрыли, якъ отъ качки табуномъ плывуть, то й вони такъ... такъ усі й приіхали. А царь давъ Бондареві генеральску одежу и апалеты, генераломъ ёго зробивъ!.. А тоді приказъ бувъ, щобъ козаки и—хто приіхавъ зъ того боку, то щобъ у карантині скільки день були, а запорожці не хотіли, бунтуваться почали. Отъ царь изъ Гладкимъ выйшли до ихъ, а вони

Библиотека "Руниверс"

побачили Гладкого та й кажуть: „эге!.. оце ты, сучій сыну, генераломъ убрався, то що ты собі думаешъ?! така да така твоя матіръ!“... А царь Миколай почувъ та й каже: „якъ-се вони такъ кажуть? якъ вони сміють?—„Гє! якъ?!.. та вы ще не знаете, ваше царське величество, що се за люде?!.. ихъ не вдержишъ—біда буде!.. Вы имъ и не кажіть нічого, бо . . . . Зъ ими нічого не зробишъ... ихъ ни куля, ни залізо не бере!“... Отъ царъ бачить, що такъ не можна, що зъ ими нічого не вдіешъ, та й питаеть, якъ-же-жъ ёму до ихъ говорити? Той и сказавъ, навчивъ ёго, якъ зъ ими говорити и сказавъ, щобъ заразъ пустити ихъ, щобъ карантину имъ не було. Тоді царь выйшовъ до ихъ та й каже: „здраствуйте, каже, добрі молодці, славне військо запорожське! будьте здорови зъ празникомъ и зъ приіздомъ, а карантину вамъ не буде й одного дня, йдіть собі, пийте, гуляйте... тільки щобъ розбою не було!.. „То пили вони ажъ три дні: по усіхъ шинькахъ безъ грошей имъ вина й горілки давали!“...

Между тѣмъ въ это самое время русскія войска готовились къ переправѣ черезъ Дунай, но мѣсто для переправы не было еще избрано, было-же извѣстно, что весь турецькій берегъ Дуная сильно укрѣпленъ и хорошо оберегается турецкими войсками. „А Гладкій велику силу при царі мавъ тоді, разсказываетъ Игнатъ, було скрізь у трохъ іздять—де було не выіде царь, то зъ имъ Дибичъ и Гладкий, бо вінъ Дунай знавъ... усякий камінь, усяку гряду знавъ, а вони тоді переправы шукали... То Гладкий показавъ коло Шакши (Исакчи); „оттутъ, каже, більше й не шукайте!“ То тамъ и була переправа. Дѣйствительно, Гладкій, знавшій въ качествѣ бывшаго рыбалки, всѣ плавни и гряды по Дунаю, указалъ на неизвѣстный туркамъ земляной валъ, который велъ отъ Дуная черезъ плавни къ берегу, возлѣ Исакчи, и могъ быть прекраснымъ мѣстомъ для переправы, такъ какъ турки, считая это мѣсто неприступнымъ, оставили его безъ всякой охраны. Послѣ переправы въ этомъ мѣстѣ, Гладкій удостоился чести собственноручно перевезть государя на своей лодкѣ черезъ Дунай.

За всѣ эти несовсѣмъ рыцарскіе по отношенію къ туркамъ подвиги Гладкій, какъ извѣстно, получилъ чинъ сначала полковника, а потомъ генералъ-маіора, георгіевскій крестъ 4-й степени, былъ

Библиотека "Руниверс"

удостоенъ приглашенія къ высочайшему столу въ Одессѣ, и назначенъ сначала командиромъ пятисотеннаго пѣшаго запорожскаго полка, сформированнаго изъ переходившихъ съ нимъ козаковъ, а потомъ наказнымъ атаманомъ азовскаго козачьяго войска, составленнаго изъ тѣхъ-же выведенныхъ имъ козаковъ и изъ присоединившихся къ нимъ потомъ, вслѣдствіе объявленной амнистіи, всевозможныхъ бѣглецовъ, жившихъ въ Бессарабіи и Новороссіи. Переселясь на Кальчикъ, мѣсто выбранное имъ для новаго козачьяго поселенія, Гладкій вызвалъ къ себѣ изъ полтавской губерніи оставленное имъ тамъ семейство, существованіе котораго онъ долженъ былъ скрывать до того времени передъ козаками, которые очень удивились потомъ, узнавши, что ихъ прежній Кошевый оказался женатымъ: „якъ попріздили жінки й діти у Змаіловъ (разсказъ Сидора, очевидно, ошибоченъ здѣсь относительно мѣста соединенія Гладкаго съ его семействомъ), то й Бондарева жінка пріхала,—то запорожци оттоді тільки й взнали, що вінъ жонатый, то й казали ёму: „ну, добре-жъ, що не знали мы, а то-бъ мы тобі дали!“... А не можна було Кошовому, що бувъ жонатый, бо казали, що якъ жонатый, то вінъ за жінку та за дітей дбатиме, а не за насъ, не за товариство!“ Въ званіи наказнаго атамана Гладкій пробылъ довольно долго, выпедши-же въ отставку, кажется въ 1849 г., поселился въ одной изъ станицъ своего бывшаго войска, откуда черезъ три года „принужденъ былъ удалиться по причинѣ часто слышанныхъ нареканій отъ запорожцевъ за то, что оставилъ ихъ“. Проживши затѣмъ еще 14 лѣтъ въ своемъ хуторѣ въ екатеринославской губ., онъ умеръ въ 1866 г. отъ холеры.

Не знаемъ, до какой степени объективны взгляды автора біографіи, изъ которой мы беремъ всѣ эти подробности, на отношенія, существовавшія между его отцемъ и запорожцами во время пребыванія ихъ на Азовскомъ морѣ, но за Дунаемъ всѣ воспоминанія о Гладкомъ лишены всякаго слѣда даже малѣйшей симпатіи. Остатки задунайскаго козачества да и все украинское населеніе Добруджи сохранило, что и очень естественно, далеко не добрую память о послѣднемъ Кошевомъ, и не столько впрочемъ по политическимъ мотивамъ, сколько за множество жертвъ, погибшихъ вслѣдствіе его выхода въ Россію. „Гладкий не своєю смертью вмеръ“, говоритъ Коломиецъ, выходящій при разсказѣ объ этомъ даже изъ своего

Библиотека "Руниверс"

обычнаго эпическаго спокойствія, „его затовкло!... Его било усе... злый духъ бивъ... Ему й баба Передядчиха казала: „не будешъ ты, Йосипъ Михайловичъ, довго панувать!... Запакувавъ ты яку тысячу душъ, Йосипъ Михайловичъ, пропадешъ ты, якъ собака!“... Оттакъ ему баба Передядчиха казала... Вона увійшла разъ (въ присутствіи самаго Гладкаго и гостей) у хату, почала дитину качать та й каже (обращаясь къ дитяти): „и батько твій с..... с..., людоідъ, поівъ, каже, народъ, то й ты таке будешъ?!.“ А вінъ каже: „Бабо, каже, нехай ты мене лаешъ, ну, вже с за що, а за що-жъ вже дитину?!“. А жінка его каже: „не наводь ты мені, каже, гостей, ни у неділю, ни у будень, щобъ хочъ дітей при людяхъ не лаяли!“ Се вже тамъ, на Кальчику було... розказували тиі, що повернались“... Такимъ образомъ, если вѣрить Коломійцу, то и въ самой семьѣ своей Гладкому приходилось выслушивать страшные упреки, а каковы-же были эти упреки среди козачества, если Гладкаго и до сихъ поръ никто не поминаетъ добромъ во всѣхъ украинскихъ поселеніяхъ за Дунаемъ, гдѣ намъ только приходилось бывать. Въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ, сохранившихся въ Добруджѣ и дунайской Дельтѣ, какъ было уже сказало выше, мы не нашли никакихъ указаній на мѣстныя событія запорожской жизни вообще, отсутствуютъ въ нихъ и какія-бы то нибыло воспоминанія о Гладкомъ, за исключеніемъ одного варіанта пѣсни „про руйнуваньня Січи“, въ которомъ послѣднія строки пріурочены къ Гладкому и заключаютъ въ себѣ по отношенію къ нему очень горькую иронію:

„Ой летіла бомба—середъ Січи впала,
Пропало військо запорожське—не пропала слава.
А насъ Гладкій—отаманъ пополивъ ще й пополить,
А все-жъ намъ козацькую славу зробить.“...

(Зап. отъ Маріи Михайлихи въ Тульчѣ).

Другую подобную-же передѣлку и почти въ тѣхъ-же словахъ пріуроченную къ памяти Гладкаго встрѣтили мы уже не въ пѣснѣ, а въ юмористической „приказкѣ“:

„Лежитъ запорожецъ у своимъ куріні—підъ возомъ, и не може головою знести, якъ изъ річки, изъ ковбані воды принести: „відра не було, бакла не случилося... Пішла жінка у сиричуватихъ постолахъ воды принести, та й спіткнулась, підковзнулась, та й упала,

Библиотека "Руниверс"

та й прийшла, та й плаче: „лучче-бъ менi було пащицину робити, якъ на волi жити!“ „Не журись, жоно, объ тiмъ, есть у мене голова Антiнъ—нашъ Гладкiй, вiнъ голивъ и поголитъ, та все-жъ намъ козацькую славу зробитъ!“... (Зап. отъ нея-же).

Упоминаніе о рѣчкѣ Ковбанi, т. е. Кубани, и то обстоятельство что Гладкій названъ Антономъ (тогда какъ Гладкій былъ Осипъ), Антономъ-же звали Головатого, показываютъ ясно, что приказка эта была сложена по поводу незавидной жизни запорожцевъ, переведенныхъ на Кубань, т. е. черноморцевъ, и затѣмъ примѣнена уже и къ жизни азовскихъ козаковъ, которыхъ потомъ „поголили“, т. е. превратили въ солдатъ и которыхъ атаманомъ былъ генералъ Гладкій.

Исторія уничтоженія задунайской Сѣчи въ Kozaczyźn'ѣ Чайковскаго отличается тѣми-же недостатками, какъ и все прочее въ этомъ сочиненіи, о чемъ мы уже говорили, съ той только развѣ разницей, что эта часть исторіи дунайскаго Коша подверглась у него еще болѣе основательной и тенденціозной передѣлкѣ, сообразно требованіямъ книги. По разсказу Чайковскаго, Гладкій затѣялъ переходъ на сторону Россіи чуть-ли не единолично, не только безъ согласія, но и безъ вѣдома хотя-бы даже самаго небольшого количества козаковъ, ушедшіе съ Гладкимъ козаки будто-бы и слышать не хотѣли о переговорахъ съ русскими и Гладкій едва успокоилъ ихъ обѣщаніемъ вести ихъ немедленно-же для нападенія на Измаилъ, Кошъ не былъ переведенъ Гладкимъ за Дунай, а напротивъ Гладкій указалъ только дорогу на Сѣчь русскимъ войскамъ, бывшимъ подъ начальствомъ генерала Бринкена, и помогъ взять ее, напоивши всѣхъ козаковъ до безчувствія пьяными, во избѣжаніе сопротивленія съ ихъ стороны, райя-же не была оставлена и не уходила, но была взята русскими приступомъ, при чемъ оказала самое геройское сопротивленіе и истребила чуть-ли не $^{2}/_{3}$ посланнаго противъ нее отряда, но за то была перебита и сама, такъ какъ на полѣ сраженія было найдено 185 труповъ однихъ женщинъ, живьемъ-же было взято только 36 старыхъ бабъ и 20 грудныхъ дѣтей, и наконецъ самъ Гладкій впослѣдствіи отъ угрызеній совѣсти запилъ и умеръ въ отставкѣ отъ пьянства. Ко всему этому, разумѣется, врядъ-ли нужны еще какія нибудь пояненія съ нашей стороны...

Библиотека "Руниверс"

Тяжело и крайне двусмысленно по отношенію къ туркамъ было положеніе запорожцевъ оставшихся въ Туреччинѣ послѣ измѣны Гладкаго. Двѣ тысячи козаковъ, находившихся въ Силистріи, были немедленно обезоружены и отправлены сначала въ Адріанополь, а потомъ въ Константинополь и тамъ заключены въ тюрьму. „Попереду ихъ вырізати хотіли, разсказываетъ Коломіецъ,... у Ядерному вышовъ приказъ ихъ вырізати усіхъ“, но ихъ спасло вмѣшательство тамошняго „німецького“, т. е. вѣроятно австрійскаго консула: „німецький консулъ Баронъ заступивсь: „за що ты, каже, ихъ выріжешъ? за одного чоловіка да тысячу різать?! хиба-жъ се по правді?!“ То папа вже тамъ написавъ султанові, чи що, то ихъ и не порізали... Держали у острозі, по 15 паръ на день давали жалуванья, по три хлібы на день, чечевицю, уксусъ, деревъяне масло... и що дня по 300 чоловікъ на роботу йдуть—дерево носили, перетягали колоды, землю копали... Не дуже заставляли робить: такъ, абы день до вечора. А упіля вже у Царяградъ перевезли“... Во время пребыванія въ Константинополѣ они также были употребляемы на крѣпостныя работы и утѣшали себя только надеждою на близкое освобожденіе, признаки котораго видѣли въ томъ, что взятая ими съ собою икона-складень оказалась чудотворною и предсказывала имъ свободу тѣмъ, что, будучи аккуратно закрыта съ вечера, утромъ раскрывалась сама собою. „Було священникъ (о. Устинъ) вечерню одправить, візьме икону, зачинить и клямочку засуне, а у ранці прийдуть, а вона розчинена... У тарсані (тюрьмѣ) бувъ *Баланъ Иванъ*, иванівського куріня, за пана наказного (вони й у тюрмі були, то усе свои січови козацьки порядки держали), то ніпъ побачивъ, що икона одчиняется, та й каже ёму: „папе́ вельможный, будемо на волі, бо вже икона два разы сама одчинялася! „Та може ты ii не такъ защипаешъ? недовѣрчиво спрашивалъ отаманъ: „Та ні, защипаю добре и защіночка хороша! Ото-жъ вони по тому й знали, що будуть на волі!“—добавляетъ отъ себя Коломіецъ...

Предсказанія иконы сбылись и козаки дѣйствительно были выпущены наконецъ на волю. Тогда явился вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи Сѣчи. Турецкое правительство, убѣдившись поступкомъ Гладкаго въ ненадежности запорожцевъ въ качествѣ охранителей дунайской границы, не хотѣло допустить болѣе существованія запорожской Сѣчи въ дунайской Дельтѣ, въ такомъ непосредствен-

Библиотека "Руниверс"

номъ сосѣдствѣ съ Россіей, и поэтому предложило запорожцамъ поселиться подальше отъ Россіи „на Білому морі“, за Соляникомъ-городомъ“ (Салоники). Четыреста человѣкъ запорожцевъ отправились изъ Константинополя для осмотра отведенной имъ земли и даже для поселенія тамъ, въ случаѣ если мѣсто окажется удобнымъ, такъ какъ, по свидѣтельству Коломійца, они взяли съ собою и свой скарбъ и походную церковь. Мѣсто оказалось дѣйствительно очень хорошимъ, обильнымъ водою и рыболовными лиманами, изъ которыхъ, говоритъ Коломіецъ, и теперь возятъ рыбу на „Святу Гору“; земля оказалась тоже хорошей и запорожцы даже уже нашли ее отмежованною для нихъ закопанными въ землю столбами. Но тѣмъ не менѣе запорожцы все таки не рѣшились поселиться тамъ и вернулись обратно. Чайковскій говоритъ, что козаки сдѣлали это вслѣдствіе какихъ-то наговоровъ аѳонскихъ монаховъ, но разсказу-же Коломійца это объясняется гораздо болѣе понятными мотивами: „невыгодно, далеко, народу немае... а що-жъ мы безъ народу?!. Усі до одного чоловіка переведемось!“... „Місто хороше було, говоритъ Коломіецъ, знавшій о немъ изъ разсказа Клима Тимошівського, та що далеко дуже!.. народъ туди не піде!.. насъ тутъ тілько й держало ото, що народъ изъ Россіи йшовъ: одъ панщины тікали, зъ москалівъ,... не далеко було, а туди хто піде?!.. Було-бъ пійти на Ядерне, або хочъ на Анадольску сторону, и тамъ не далеко... Ишовъ-же народъ зъ Чорноморья ажъ сюди... та ще й малою лодочкою рыбальскою“... Какъ мы видимъ изъ этихъ словъ Коломійца, запорожцы совершенно ясно понимали возможность своего существованія только на Черномъ морѣ, вблизи Украйны, для которой Сѣчь была мѣстомъ, куда по старинной исторической традиціи уходило все принужденное искать свободы внѣ своего отечества. А разъ это оказалось невозможнымъ, то немыслимо было и дальнѣйшее существованіе Сѣчи, она теряла свой raison d'être. Мы не знаемъ, почему въ самомъ дѣлѣ козаки не пристроились около Адріанополя или, еще лучше, на малоазіатскомъ берегу; по всей вѣроятности они не могли получить на это разрѣшенія турецкаго правительства, но во всякомъ случаѣ, увидѣвши, что Сѣчь далѣе существовать не можетъ, они вернулись на привычную дунайскую Дельту и разбрелись по ней, доживая свой вѣкъ безъ всякой уже прежней организаціи, просто въ качествѣ обыкновенныхъ рыбалокъ...

Библиотека "Руниверс"

Скоро къ нимъ начали мало по-малу присоединяться и многіе изъ тѣхъ ихъ товарищей, которые вышли съ Гладкимъ. Еще въ 1828 г., какъ говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ разсказовъ (Игната Васильківського), „царь сказавъ Гладкому, що яки, каже, е тутъ бродяги, хто одъ пана втікъ, або що, нехай до тебе йдуть, бери ихъ у козаки: хто піде,—тому вже усе дарую!“ То якъ объявили тоді, то заразъ зъ усіхъ боківъ люде туди й подались, хто де бувъ—усі до Гладкого, у козаки... Записували усіхъ, хто одъ якого пана, й бумагу давали, що вже вільный буде, абы у козаки йшли“. Затѣмъ, когда Гладкій, послѣ занятія Дельты русскими войсками, вернулся обратно на Сѣчь („Гладкий ото выйновъ у Россію у апрілі..., а у августі вернувсь“, — разсказываетъ Коломиецъ), онъ разослалъ по всѣмъ придунайскимъ мѣстностямъ своихъ посланцовъ собирать козаковъ опять на прежнее мѣсто, такъ какъ по всей вѣроятности въ то время надѣялись, что дунайская Дельта можетъ быть останется за Россіей. Изъ автобіографіи Коломийца мы знаемъ, что между прочимъ онъ былъ изъ числа такихъ призванныхъ опять на старое мѣсто козаковъ, хотя онъ и жилъ въ то время на „Ганськихъ степахъ“, подъ Одессою. Черезъ два года однако, т. е. въ 1830 г., козаки Гладкаго вышли окончательно уже изъ-за Дуная и были переведены подъ Азовъ, вызовъ-же желающихъ записываться въ козаки къ Гладкому не прекращался и эмиссары его разъѣзжали по всей Бессарабіи и Новороссіи; очень многіе шли къ нему, но очень скоро потомъ то поодиночкѣ, то небольшими партіями азовскіе козаки начали уходить обратно за Дунай, въ особенности послѣ того, когда ихъ начали „голить“, т. е. превращать въ регулярное войско, въ солдатъ. „Втікъ я одъ пана, разсказывалъ намъ *Кортій Білый* въ Тульчѣ, молодымъ ще хлопцемъ у Бесарабію..., а тоді саме приздивъ одъ Гладкого людей набірать у азовські козаки якій-сь панъ Рачковський... такъ ото й мы пішли, — молоди ще хлопці були!... А якъ прийшли туди, та якъ побачили, що тамъ робиться, такъ и знову таки сюди повтікали... А тамъ, питаєте, що?... звістно що: на москалівъ поперевертали!... Ну, то мы й втекли“... Судя по добруджскимъ разсказамъ, неудовольствія азовскихъ козаковъ противъ Гладкаго и жалобы ихъ на свою судьбу не прекращались почти до самаго конца существованія этого войска. Бывавшій въ азовскихъ козачьихъ поселеніяхъ Игнатъ разсказываетъ,

Библиотека "Руниверс"

что козаки, съ которыми ему пришлось видѣться тамъ, были очень недовольны своимъ положеніемъ: „не добре, говорили ему, тутъ жить... теперь, кажуть, царь нашъ уже у мужики повернувъ,— „не треба, каже, менi вашого козацтва, робить землю, якъ и робили, а хто хоче козакувать, то щобъ на линію йшли, не знаю де вже вона тая линія... Туди-жъ й чорноморцiвъ, кажуть, посылають, не знаю... А въ iхъ зъ азовськихъ багато сюди повернулось... Гладкого и тамъ лають и досi: „занапастивъ, кажуть, козацтво, одуривъ насъ"! Неудивительно послѣ этого, что побѣги были очень часты, особенно со стороны людей болѣе или менѣе успѣвшихъ пожить сѣчевою жизнью. „Багато зъ тiеi выходноi народу повернулось", говоритъ Коломiецъ, и не знаемъ, случайное ли это совпаденіе въ разсказѣ его, или онъ съ умысломъ подчеркиваетъ несчастную судьбу этихъ вышедшихъ, а потомъ вернувшихся козаковъ, но со всѣми лицами, которыхъ вспоминаетъ по этому поводу Коломiецъ, случилось какое-нибудь несчастіе: Яківъ Мошенець бувъ—осiшъ, Микола Бруховецький—и той осiнъ, Павло Божокъ присягавъ и той—письменний бувъ—помiшавсь розумомъ и дiти усi помiшались... Печально и по большей части въ одиночествѣ доживали свой вѣкъ старые запорожцы за Дунаемъ, то ловя рыбу, то охотясь, часто въ большой бѣдности и стараясь утопить въ винѣ тоску по минувшемъ козацкомъ житьѣ, но все-таки гордясь своимъ запорожскимъ званіемъ. Многіе изъ нихъ дожили до очень недавняго еще времени. Чайковскій говоритъ, что въ 1849 г. онъ нашелъ въ Добруджѣ двухъ старыхъ запорожцевъ — Семена Безверхаго въ Кучукъ-Сейменахъ, около Гирсовы, и Степана Зарембу въ Кара-Орманѣ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, znalazłem, говоритъ онъ, w Kyderlezie tych sławnych rybałków, mołdawianów, bołgarów, moskali, rusinów, było tego z trzystu najwięcej—miedzy nimi pięciu zaporożców: dwoch jednookich, a trzech kulawych—szwanki te poniesli nie na wojnach, ale po karczmach... Żydzi wódką szynkowali, lipowani zabierali ryby, rybałkom dawali żydowskie rachunki, a żydom pieniędze... Что вѣрно въ этой замѣткѣ—что нѣтъ, объ этомъ мы будемъ имѣть случай сказать въ другомъ мѣстѣ; но запорожцы въ это время въ Катирлезѣ дѣйствительно были и бывали до самаго послѣдняго времени. Въ 1857 г. Чайковскій нашелъ въ кирганѣ надъ Дунавцомъ запорожца Завильскаго и упоминаетъ о

Библиотека "Руниверс"

живтемъ еще въ то время Костогризѣ—въ Катирлезѣ и Смыкѣ—бывшемъ Кошевомъ—въ Коликѣ. Объ этомъ послѣднемъ онъ говоритъ, что видѣлъ его перепившимся до потери всякаго смысла, воображавшимъ, что онъ поставленъ запорожцами „на варту" въ этомъ мѣстѣ и поэтому выходившимъ ежедневно на курганъ, осматривавшимся и объявлявшимъ, что все благополучно. Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ разсказамъ автора Kozaczyzny нельзя не относиться *cum magno grano salis*, какъ и ко всему изложенному въ его книгѣ. Много легендарныхъ разсказовъ ходитъ о личности и подвигахъ знаменитаго *Ивана Шворани*, о которомъ мы упоминали уже и еще будемъ имѣть случай упомянуть. Не менѣе легендарны разсказы и о запоромцѣ *Петрѣ Мокромъ*, который умѣлъ „замовлять" ружья враговъ, такъ что они переставали стрѣлять, и приводилъ этимъ въ отчаяніе русскую пограничную стражу. Игнатъ Васильковскій разсказываетъ, что при немъ въ Катирлезѣ жили запорожцы: *Кирило, Климъ, Яківча, Кишъ Демко*... „той ще й не дуже старый чоловікъ бувъ, а здоровый, здоровый—біда який!.. багато ихъ було, повмірали усі... отъ Коломиецъ тільки- та й годі... одинъ ще держиться"... Недавно еще жилъ въ Катирлезѣ и Кара-Орманѣ старикъ — запорожецъ *Баранъ*, прозванный такъ за привычку, разбушевавшись въ пьяномъ видѣ, не отворять иначе дверей въ кабакахъ, какъ вышибая ихъ головою. Въ Катирлезѣ намъ разсказывали о немъ, что онъ велъ очень оригинальный, но по всей вѣроятности въ прежнія времена Сѣчи довольно обыкновенный, образъ жизни. Онъ появлялся въ жилыхъ мѣстахъ очень рѣдко, для того только, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ и непремѣнно каждый разъ основательно погулять. Сдѣлавши все это, онъ навьючивалъ на себя затѣмъ мѣшокъ муки, казанокъ, запасъ соли, крупъ, сала, сокиру, ружье и проч.,—окъ до 60 (180 фун.), говорятъ, на себя навѣситъ и идетъ въ плавни, гдѣ и пребываетъ иногда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вовсе не показываясь въ населенныя людьми мѣста, стрѣляя утокъ, дикихъ гусей, кабановъ и т. п. дичь, водящуюся еще въ баснословномъ изобиліи на дунайской Дельтѣ. Лѣтъ шесть еще тому назадъ живъ былъ знаменитый *Кирило Маковецкій*, герой войны съ некрасовцами. Онъ доживалъ свой вѣкъ въ Тульчѣ, въ качествѣ сторожа при одной изъ двухъ существующихъ тамъ русскихъ церквей, изъ которыхъ

Библиотека "Руниверс"

одна—старая, построенная изъ чамура и обшитая деревомъ, сооружена, какъ говорятъ, еще запорожцами. Свѣжа, совсѣмъ свѣжа еще память о запорожцахъ въ Добруджѣ, но живымъ намъ удалось застать, и то благодаря только рѣдкой долговѣчности, одного Ананія Коломійца, настоящаго автора почти всего того, что узнаетъ читатель изъ нашей статьи, послѣдняго запорожца, точно нарочно оставленнаго судьбою для того, чтобы исторія задунайской Сѣчи не была потеряна навсегда для будущаго.

Мы сдѣлали, какъ видитъ читатель, возможно полный очеркъ главнѣйшихъ событій, относящихся къ пребыванію запорожцевъ за Дунаемъ, начиная съ выселенія ихъ изъ Россіи и кончая уничтоженіемъ задунайской Сѣчи. Само собою разумѣется, что полнота этого очерка находится въ прямой зависимости отъ количества добытаго нами матеріала и поэтому очеркъ этотъ можно считать полнымъ только по отношенію къ имѣющимся у насъ даннымъ, вообще-же онъ чрезвычайно еще не полонъ и заключаетъ въ себѣ очень много замѣтныхъ и для читателя пробѣловъ. Въ матеріалахъ для исторіи турецкой войны 1828 г. и въ сѣчевыхъ документахъ, переданныхъ русскому правительству Гладкимъ, несомнѣнно найдется очень многое, что дастъ возможность возстановить эту главу исторіи украинскаго козачества съ надлежащей полнотой и критикой. Но мы не знаемъ, дадутъ-ли и эти матеріалы возможность пополнить съ достаточной достовѣрностью одинъ изъ самыхъ главныхъ пробѣловъ, а именно недостающую у насъ хронологію Кошевыхъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ періодъ 1816—1817 годовъ и затѣмъ передъ греческимъ возстаніемъ и послѣ него, въ Сѣчи происходили постоянныя смѣны Кошевыхъ, очень часто не управлявшихъ и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Коломіецъ въ своихъ воспоминаніяхъ прямо говоритъ, что онъ рѣшительно отказывается припомнить хронологическую послѣдовательность ихъ управленія: „якъ ихъ пригадаешъ? при мені ихъ. Кошевыхъ отихъ, може дуплъ 50 перевернулось... де тамъ пригадать усіхъ... инший по 3 по 4 разы бувавъ за Кошевого: отъ Смыкъ—разівъ три чи чотырі бувъ... и другі!.. Оце прійде Покрова, то й каже: „господа козацтво, шукайте собі пана,— я більше не хочу!... то й выберутъ другого,

Библиотека "Руниверс"

а тамъ дивись—того скинули, а цѣто-жъ знову выбіраютъ, черезъ якій часъ... багато ихъ було". Если мы сдѣлаемъ тѣмъ не менѣе попытку возстановить все таки эту хронологію, хоть по возможности, то, собравши все, что можно извлечь изъ воспоминаній Коломійца, получимъ слѣдующую *приблизительную* таблицу:

1811	Самійло Калниболотський.	1817	Олекса Рясний, Ол. Сухина	1823	? Стеблівський куріпний, и др.
1812		1818	Морозъ	1824	
1813	Рогозяный Дідъ	1819	Грицько Головатый и др.	1825	Василь Чернѣга
1814		1820		1826	Василь Незамаівський
1815	Ляхъ	1821	Губа Грицько и др.	1827	
1816	Литвинъ, Білюга Гордина, Смыкъ,	1822		1828	Іосипъ Гладкій (бондарь).

Понятно, повторяемъ еще разъ, что эта таблица чрезвычайно приблизительна и заключаетъ въ себѣ пробѣлы; такъ мы знаемъ уже, что Смыкъ былъ Кошевымъ нѣсколько разъ, но всей вѣроятности, нѣсколько-же разъ былъ и Губа, наконецъ имена, можетъ быть, большинства Кошевыхъ, особенно бывшихъ въ этомъ званіи непродолжительное время, остаются намъ и вовсе неизвѣстными. Трудно также выяснить въ настоящее время и всѣ причины такихъ частыхъ перемѣнъ войсковой старшины. Изъ всего, что передастъ намъ Коломиецъ, можно усмотрѣть только самыя ближайшія причины: нежеланіе самыхъ Кошевыхъ оставаться въ должности, удаленіе ихъ за разные неблаговидные поступки, всего одинъ случай добровольнаго удаленія Кошевого (Василя Незамаівського) по причинамъ чисто политическимъ и т. п., но причинъ болѣе глубокихъ и органическихъ въ воспоминаніяхъ Коломійца мы не находимъ. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи намъ остаются только предположенія. До извѣстной степени можно думать, что одною изъ важныхъ причинъ частой смѣны Кошевыхъ было начало раздѣленія товарищества на людей болѣе состоятельныхъ и „голоту" или „сіромашню", составлявшую въ Сѣчи большинство, бывшее въ состояніи производить coups d'état, но не имѣвшее достаточной организаціи, чтобы удержать поставленное имъ начальство болѣе или менѣе долго. Указаніе на существованіе такого раздѣленія мы имѣемъ въ упоминаніи Коломійца о „безштанькахъ" и „голоколінчикахъ", оказывавшихъ давленіе даже на судебные приговоры, постановлявшіеся старшиной, а происхожденіе этого раздѣленія само собой ясно изъ того экономическаго неравенства, которое, какъ мы увидимъ

Библиотека "Руниверс"

впослѣдствіи, появилось съ выдѣленіемъ женатыхъ козаковъ изъ общиннаго куреннаго хозяйства и съ возникновеніемъ частныхъ рыболовныхъ заводовъ помимо общинно-куренныхъ и особенно съ наплывомъ въ Сѣчь разнаго рода бродягъ, не расположенныхъ къ трудовой жизни и привыкшихъ еще въ отечествѣ къ добыванію себѣ средствъ разными темными, но легкими путями. Женатое козачество, составлявшее райю, вмѣстѣ съ новообразовавшеюся сѣчевою денежною аристократіей, представляло собою, разумѣется, котерію болѣе стремившуюся къ поддержанію порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе расположенную къ урѣзыванію козацкой свободы и равноправности, не особенно дорожившую старыми запорожскими традиціями и наиболѣе тяготившуюся фальшивымъ положеніемъ Сѣчи относительно Турціи. Старое-же козачество вмѣстѣ съ обдѣленною экономически голотою, принужденною работать съ пая и даже искать помѣщенія своего труда внѣ Сѣчи, составляло, конечно, котерію менѣе спокойную, строго хранившую и готовую защищать всегда свободныя запорожскія традиціи и изъ-за нихъ мирившуюся даже и съ своимъ положеніемъ въ Турціи. Наконецъ, между этими котеріями была группа, можетъ быть, и не особенно многочисленная, но бывшая въ состояніи давать собою перевѣсъ то той, то другой изъ котерій и состоявшая изъ бѣглыхъ авантюристовъ, разнаго рода бродягъ и т. п. уголовныхъ эмигрантовъ изъ Россіи. Этой послѣдней группѣ, разумѣется, не было уже никакого дѣла ни до какихъ традицій или принциповъ и она готова была всегда поддерживать или сторону вступавшуюся за сѣчевую свободу, чтобы злоупотреблять этою свободою для своихъ цѣлей, или-же другую сторону—изъ корыстныхъ разсчетовъ и въ виду возможности безнаказанно вернуться въ Россію, какъ это было при Гладкомъ. Понятное дѣло, что при существованіи такихъ различныхъ и прямо между собою противоположныхъ теченій, положеніе Кошевыхъ не могло не быть чрезвычайно труднымъ. Охраняя порядокъ и дѣйствуя рѣшительно противъ всякихъ увлеченій по части „добычи“ и т. п., Кошевый всегда рисковалъ быть обвиненнымъ въ желаніи расширить свою власть въ ущербъ козацкой свободѣ, смотря-же сквозь пальцы на разныя безобразія, онъ навлекалъ на себя упреки со стороны болѣе порядочнаго козачества и со стороны денежной аристократіи и ставилъ себя въ неловкое положеніе относительно турецкаго пра-

Библиотека "Руниверс"

вительства, поручавшаго надзоръ за поведеніемъ козаковъ ихъ собственной старшинѣ. Отсюда ясно, что при отсутствіи особенно большаго такта и при нѣкоторой безхарактерности Кошевому не оставалось ничего больше, какъ или уходить, или быть прогнаннымъ, или-же—еще хуже, идти на всевозможныя, часто совсѣмъ безчестныя сдѣлки и компромиссы. А все это не могло не дѣйствовать разлагающимъ образомъ и на весь складъ сѣчевой жизни. „Жили вони добре, запорожци, разсказывалъ намъ Игнатъ Васильковскій,... якъ-бы вони не такъ пили, свого-бъ короля мали!.. а то де-жъ тамъ!.. Ну, отъ хочъ-бы й паны тиі, ну вже вы знаете—звістно панъ... Кошевый!—вже выберуть ёго, то треба слухати!.. Приведуть було козаківъ хто на добычъ ходивъ, та піймався, або вкравъ що—ну що-жъ ёго робить? задеруть було ноги до горы, та бичами по пъятахъ, а то й повісять... То ото-жъ було дивляться, дивляться козаки, а далі й почнуть говорити: „що се вінъ собі дума? усіхъ хоче вывішати, чи що? Зберуться отаманы, закличуть Кошевого та й кажуть: „а скільки ты оце вже козаківъ перевішавъ? чи не годі вже оце тобі самому панувати? Одберуть у ёго бунчуки тиі, шаблю тую здиймуть, усе, выведуть передъ Паланку, повалять, ноги до горы задеруть, та бичівъ 200 й дадуть... оттакъ було! А у після поскликають козаківъ, отаманівъ, та другого выберуть... Турокъ було дивуеться тільки: разъ було отакъ—що султанъ питается у паши: „якъ-же вони сміють? я, каже, награду тому Кошевому давъ, а вони ёго скинули!? А паша каже: „що-жъ, у ихъ уже законъ, *адатъ* такій: кого схочуть, того й выбіраютъ!“...

Нельзя, разумѣется, не признать эту тираду значительно односторонней, но во всякомъ случаѣ картина ею рисуемая даетъ намъ достаточно ясное представленіе и о положеніи Кошевого и о томъ, что въ Сѣчи не обходилось и безъ довольно печальныхъ явленій, которыя не могли не вліять на нравственную сторону сѣчевой старшины. Одинъ изъ разсказовъ Коломійця можетъ служить намъ въ этомъ отношеніи не менѣе хорошей иллюстраціей. Въ бытность Кошевымъ Гордины, нѣсколько козаковъ—Макуха, Яківча и другіе „затягли затягъ“, т. е. образовали разбойничью шайку, съ которой и отправились „на добычъ“ въ окрестности города Кирклиссей. Когда молва о ихъ подвигахъ достигла до турецкаго правительства, оно потребовало отъ Кошевого поимки и наказанія виновныхъ. Ко-

Библиотека "Руниверс"

шевой послалъ за ними козаковъ съ строгимъ приказаніемъ немедленно вернуться въ Сѣчь; они дѣйствительно и вернулись, ведя съ собой, по словамъ Коломійця, каждый „по двое коней,—на одному іде, а на другому добычъ везе", но пріѣхавши въ Сѣчь, они не отправились въ Паланку, „А бувъ чоловікъ одинъ—Тихономъ звався,—живъ у Райі—разсказываетъ далѣе Коломіецъ, отъ вони заіхали до того Тихона, пьютъ тамъ день, другій, третій, а далі й кажутъ: „чи не можешъ ты, Тихоне, зъ своимъ кумомъ поговорити, зъ Коповымъ?" (а Коповый бувъ кумъ того Тихона)... „Добре!" каже. Отъ приходитъ до Копового: „а що-бъ имъ було, каже, отимъ розбійникамъ, якъ-бы вони вернулися?—А що-жъ, каже, якъ-бы гроши оддали, то й пустивъ-бы!"—„А чи такъ-же буде?" „Буде!"—каже Коповый. То ото-жъ вони ёму по два оки золота й дали, то вінъ за ихъ и заступився"... Характеръ этого заступничества показываетъ впрочемъ, что Коповый далеко не могъ распоряжаться въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ самостоятельно. Для освобожденія этихъ разбойниковъ Гордина долженъ былъ ждать до Покрова и затѣмъ, уходя по своему желанію съ уряда, выговорилъ имъ свободу взамѣнъ обычнаго въ такихъ случаяхъ подарка отъ товарищества. Не менѣе характерно въ этомъ отношеніи и восклицаніе Коломийца по поводу нашего вопроса о контролѣ подъ дѣйствіями Коповыхъ въ сферѣ финансоваго управленія: „Повірять!?.. хто ихъ тамъ повірявъ?!.. Дичь, якъ ті кури, якъ ті гуси у плавні... а вы кажете: повірять!... Де тамъ! не дурно-жъ іхъ и били, Коповыхъ отихъ, якъ коли допече вже! Якъ ще черево невеличке, то й нічого було, а якъ черево розросталось, отъ и пішло!.. Було якъ и замітять яке мошенство, то иноді й скажуть, а той и питає: „а чи багато ты козакувавъ? тобі яке діло?!.. А якъ схотівъ поспориться у Паланці, то й горло часомъ укоротять!"...

Всѣ эти сѣчевые безпорядки, разбойничество, раздѣленіе на партіи и деморализація управленія, неизбѣжныя во всякомъ обществѣ, въ которомъ начинается или происходитъ уже извѣстная соціальная борьба, разумѣется, не могутъ ни удивлять насъ, ни считаться сами по себѣ причинами паденія Сѣчи, такъ какъ мы встрѣчаемъ эти явленія и въ обществахъ современныхъ, гораздо болѣе цивилизованныхъ и не смотря на всѣ эти явленія благополучно процвѣтающихъ. Но въ Сѣчи, въ присутствіи извѣстнаго уже

Библиотека "Руниверс"

намъ фатальнаго обстоятельства, заключавшагося въ ненормальности отношеній къ Турціи, эти явленія имѣли характеръ въ высшей степени общественно-разлагающій и рѣшительно пагубный. Каждая изъ сторонъ, боровшихся между собою въ Сѣчи, была не только съ своей точки зрѣнія, но и въ дѣйствительности права во многомъ, настаивая на своемъ, соглашеніе-же между ними врядъ-ли было возможно, такъ какъ не было возможности измѣнить отношенія къ Турціи, не удаливши, при тогдашнихъ по крайней мѣрѣ обстоятельствахъ, отъ русской границы, что, по вполнѣ справедливому мнѣнію самихъ запорожцевъ, было-бы уничтоженіемъ Сѣчи. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ въ Сѣчи представляло собою настоящій cercle vicieux, изъ котораго дѣйствительно не было никакого выхода и который такъ или иначе, а долженъ былъ кончиться болѣе или менѣе полнымъ распаденіемъ козацкой общины, по крайней мѣрѣ какъ военной организаціи. Можетъ быть, и даже очень вѣроятно, что если-бы это распаденіе произошло естественнымъ путемъ, то результаты его были-бы совсѣмъ иными... но объ этомъ мы не будемъ пока говорить, не разсмотрѣвши предварительно экономическую и культурную стороны запорожской жизни за Дунаемъ.

Для Коломійца-же, понятно, паденіе задунайской Сѣчи представлялось въ значительной степени фатальнымъ послѣдствіемъ войсковыхъ неурядицъ, разбойничества и проч. Подъ вліяніемъ почти религіознаго благоговѣнія къ минувшей славѣ днѣпровскаго Запорожья, всѣ подобныя явленія, существованія въ неменьшихъ размѣрахъ и въ приднѣпровской Сѣчи, окружаются въ его глазахъ ореоломъ рыцарской доблести, борьбы за вѣру и т. п., въ задунайской-же Сѣчи онъ не можетъ уже находить для нихъ оправданія и поэтому сравненіе приднѣпровскаго Запорожья съ дунайскимъ у него выходитъ далеко не въ пользу послѣдняго: „э!.. про тутешніхъ нічого й зачіпать и занімать—тутъ мало що було!.. Оті були козаки—на Дніпрі, а тутъ що? на що воно перевелось?! Доказакувались до краю, дозапорожили?!“...

Ѳ. Кондратовичъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

Удѣльный періодъ и его изученіе[1]).

Въ современной русской исторической литературѣ нужно отмѣтить два теченія. Съ одной стороны идетъ только изданіе памятниковъ, и такимъ документальнымъ направленіемъ характеризуются преимущественно семидесятые годы. Количество вновь изданныхъ матеріаловъ для новой русской исторіи XVIII вѣка таково, что приводитъ въ трепетъ изслѣдователя. Вспомнимъ только, какая масса документовъ издана нашими учеными обществами (Русскимъ Историческимъ, Московскимъ—Исторіи и Древн. Рос. и пр.) и спеціальными историческими журналами (Русскою Старипою, Русскимъ Архивомъ и др.). Независимо отъ чисто историческихъ документовъ было собрано и издано множество матеріаловъ по русской народной словесности (Рыбниковымъ, Безсоновымъ, Шейнымъ, Далемъ, Головацкимъ, Антоновичемъ, Чубинскимъ) и археологіи (въ трудахъ археологическихъ съѣздовъ, спеціальныхъ археологическихъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ).

Но рядомъ съ этимъ шла и разработка политической и бытовой исторіи какъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ, такъ и въ общихъ сочиненіяхъ. Являлись попытки общихъ взглядовъ на ту или иную эпоху и даже на весь ходъ русской жизни.

Уже Соловьевъ въ основаніе своей „Исторіи Россіи“ положилъ опредѣленную идею народнаго самосознанія; личности являются для него только представителями этого самосознанія; развитіе же общества идетъ органически, а не случайно. Поэтому-то „Исторія Россіи“ стоитъ несравненно выше „Исторіи государства рос-

[1]) Пробная лекція, читанная въ имп. харьковскомъ университетѣ 17 декабря 1882 года магистромъ русской исторіи Д. И. Багалѣемъ.

Библиотека "Руниверс"

сійскаго". Можно не соглашаться съ опредѣленіемъ тѣхъ ступеней, которыя прошло русское общество отъ колыбели своей до нынѣшняго зрѣлаго возраста; но нельзя спорить противъ основной мысли автора—постепеннаго развитія идеи самосознанія.

Естественно, что чѣмъ больше разработана извѣстная эпоха, тѣмъ болѣе возможности уловить ея общій духъ. Неудивительно поэтому, что въ древне-русской исторіи, гдѣ фактическая разработка значительно подвинута впередъ, гдѣ количество матеріала замѣтно не увеличивалось, разница-же была только въ группировкѣ и освѣщеніи его, мы видимъ больше философскихъ обобщеній, чѣмъ въ средней и особенно новой. Тоже самое приложимо въ частности и къ удѣльному періоду.

Является такимъ образомъ необходимость разобраться въ мнѣніяхъ и взглядахъ, стоящихъ часто въ противорѣчіи другъ съ другомъ.

Конечно, затронутый нами вопросъ слишкомъ обширенъ для того, чтобы его можно было исчерпать въ теченіе одной лекціи; но мы и не претендуемъ на это, а дадимъ только краткій конспектъ того, что явилось результатомъ нашего изученія удѣльнаго періода.

Разработка удѣльно-вѣчеваго періода началась еще съ прошлаго вѣка, но въ ней не было еще той исторической критики въ широкомъ смыслѣ этого слова, которая была создана Шлецеромъ.

„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ" Татищева, не смотря на многія свои достоинства, представляетъ изъ себя сводную лѣтопись до смерти Ѳеодора Іоанновича, при чемъ нѣкоторыя извѣстія почерпнуты изъ недошедшихъ до насъ источниковъ.

Почти тоже самое можно сказать и о книгѣ Арцыбашева „Повѣствованіе о Россіи". Хотя Арцыбашевъ издалъ свое сочиненіе послѣ кн. Щербатова и даже Карамзина, но оно прямо примыкаетъ къ сводамъ лѣтописныхъ извѣстій въ родѣ „Исторіи" Татищева. Самъ Арцыбашевъ сознается, что онъ сличалъ слово въ слово, а иногда буква въ букву всѣ лѣтописи, какія могъ имѣть. Впрочемъ книга Арцыбашева имѣетъ значеніе по тѣмъ примѣчаніямъ, которыя заключаютъ въ себѣ опредѣленіе древнихъ географическихъ названій или-же критическій разборъ извѣстій иностранцевъ.

Сюда-же до нѣкоторой степени примыкаютъ труды еще одного историка, хотя дѣятельность его относится ко второй четверти

Библиотека "Руниверс"

нынѣшняго столѣтія и прекратилась всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ—я говорю о Погодинѣ. Онъ у насъ былъ творцомъ такъ-называемаго математическаго метода, результатомъ котораго было 7 томовъ „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій“ и 3 тома „Древней русской исторіи до-монгольскаго ига“. Пріемы историческаго изслѣдованія у Погодина очень просты: лѣтописный матеріалъ онъ распредѣляетъ по извѣстнымъ формальнымъ рубрикамъ, не допуская себѣ ни малѣйшаго отступленія въ область общихъ взглядовъ и теорій; далѣе буквальнаго пониманія лѣтописнаго текста онъ не идетъ; смыслъ фактовъ онъ измѣряетъ ихъ количествомъ, обращая факты въ цифровую величину. Такимъ образомъ „Древняя русская исторія“ Погодина имѣетъ нѣкоторое значеніе по группировкѣ, хотя чисто механической, однородныхъ фактовъ. Но и въ этомъ отношеніи несравненно выше нужно поставить его „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи“, которыя послужили основою его „Исторіи“. Въ нихъ мы имѣемъ прекрасныя справочныя книжки, а въ нѣкоторыхъ томахъ и основательныя изслѣдованія (о древней русской лѣтописи, о норманскомъ вопросѣ). Самостоятельнаго взгляда на удѣльно-вѣчевую эпоху у Погодина нѣтъ: онъ стоитъ на перепутьи между Карамзинымъ и Соловьевымъ.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на нѣкоторыхъ другихъ менѣе важныхъ попыткахъ изложенія древне-русской исторіи—„Запискахъ касательно русской исторіи“ Екатерины II [1]) и „Россійской исторіи“ Штриттера [2]). Гораздо выше нужно поставить кн. Щербатова и его противника Болтина.

„Исторія Россіи“ Щербатова представляетъ первую попытку прагматической русской исторіи. Въ основаніе своего труда онъ кладетъ теорію Юма о причинахъ и слѣдствіяхъ; но новость труда, отсутствіе достаточнаго количества данныхъ не позволили ему хотя сколько-нибудь совладать со своей задачей; желая для всякаго событія найти ближайшую причину, онъ часто дѣлаетъ странныя, неестественныя объясненія.

Рядомъ съ Щербатовымъ нужно поставить Болтина, написавшаго критическія примѣчанія на Исторію Щербатова: у него уже

---

[1]) Онѣ доведены до 1276 года и составляютъ простой пересказъ лѣтописи.
[2]) Доведена до 1462 года; сухая и скучная компиляція.

Библиотека "Руниверс"

больше критическаго таланта, умѣнья различать важное отъ неважнаго.

Несравненно большею опредѣленностью отличается взглядъ Карамзина на удѣльный періодъ. Карамзинъ явился выразителемъ и послѣдователемъ такъ-называемой *государственной теоріи*. Первые кіевскіе князья были, по его мнѣнію, самодержцами: „славяне, говоритъ онъ, добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе и требуютъ государей отъ варяговъ, которые были ихъ непріятелями". Съ Рюрика уже устанавливается монархія и продолжаетъ свое существованіе до Ярослава Мудраго. „Но съ Ярославомъ, говоритъ далѣе Карамзинъ, древняя Россія погребла свое могущество и благоденствіе; наслѣдники не умѣли соединить частей въ цѣлое, и государство, шагнувъ такъ-сказать отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ". Но признавая, что раздробленіе Россіи на множество областей разрушало монархію первыхъ кіевскихъ князей, Карамзинъ тѣмъ не менѣе и въ удѣльный періодъ хочетъ видѣть государство, только со многими государями. Сначала Кіевъ, потомъ Владиміръ являются для него государственными центрами и къ нимъ онъ пріурочиваетъ всю исторію удѣльно-вѣчеваго періода, строго слѣдя за преемственностью великокняжеской власти.

Въ послѣднее время государственную теорію снова выдвинулъ пр. Самоквасовъ [1]).

Но трудно доказать то, что стоитъ въ противорѣчіи съ фактическими данными. Не возможно игнорировать власти вѣча, которое придавало князю, какъ своему вождю, большую политическую силу и могущество. Съ другой стороны нельзя видѣть ни у древнихъ князей, ни у древнихъ областей сознательной государственной идеи; власть древне-русскаго князя основывалась не на принципѣ, а на фактѣ. Византійскія государственныя идеи проникли и получили значеніе при посредствѣ церкви гораздо позже; не мало способствовало этому также и татарское иго, которое усилило великокняжескую власть, сдѣлавъ ее органомъ и орудіемъ ханской воли. Капитальная ошибка Карамзина состояла въ томъ, что современныя понятія о государствѣ онъ переносилъ въ сѣдую древность и порицалъ

[1]) Зам. по ист. рус. гос. устройства и управленія («Журн. мин. нар. пр.», 1869 г.; 11 и 12-я кн.

Библиотека "Руниверс"

у древне-русскихъ князей всякое уклоненіе отъ его собственной излюбленной мысли, забывая совершенно объ условіяхъ тогдашней жизни.

Государственная теорія Карамзина слѣдила за преемственностью великокняжеской власти въ удѣльный періодъ, но не выставила основнаго принципа, руководившаго взаимными отношеніями князей. Эту задачу приняла на себя *теорія родоваго быта*, впервые научно обоснованная Эверсомъ. Послѣдователи этого направленія подмѣтили тотъ вѣрный фактъ, что въ княжескихъ отношеніяхъ играютъ значительную роль родовые счеты. Заслуга Эверса и его послѣдователей заключается въ томъ, что они открыли первичную общественную клѣточку, изъ которой потомъ органически развивались всѣ дальнѣйшія ступени жизни русскаго народа. Этой клѣточкой, по ихъ словамъ, является родъ, родовой бытъ народа, который впослѣдствіи переносится на княжескую семью. Вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ князей преимущественно разработанъ Соловьевымъ. Всѣ отношенія, устанавливающіяся между князьями, опредѣляются, по его мнѣнію, идеею родоваго старшинства: дяди въ этомъ случаѣ старше племянниковъ; великому князю наслѣдуетъ не сынъ его, а слѣдующій за нимъ братъ. Всякій разъ со смертью великаго князя остальные перемѣщаются на слѣдующую ступень; въ доказательство этого приводятся между прочимъ слова Ярослава Всеволодовича Черниговскаго: „яко-же отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхожданіе на великое княженіе кіевское, сице и намъ, и вамъ лѣствичнымъ восхожденіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ взыти [1])“. Сыновья князей, не достигшихъ великокняжескаго стола, являются героями; они не имѣютъ участія въ общемъ наслѣдіи князей русской земли или въ лучшемъ случаѣ получаютъ отдѣльныя волости, въ родѣ Полоцка или Галича. Между тѣмъ въ сѣверо-восточной Руси появляется и растетъ новое начало территоріальное, послужившее переходомъ къ государственному. Начало это Соловьевъ ставитъ въ связь съ новыми городами въ Ростово-Суздальской землѣ. Княжеская власть усилилась тамъ, потому что въ происшедшей борьбѣ верхъ взяли новые города, обязанные своимъ происхожде-

[1]) Ипк. лѣт., II, 265 стр. Сергѣевичъ справедливо говоритъ, что это мѣсто сомнительно, ибо въ Ип. лѣт. сказано: «при вашемъ животѣ не ищемъ, а по васъ кому Богъ дастъ».

Библиотека "Руниверс"

ніемъ княжеской колонизаціи; это вмѣстѣ съ тѣмъ была побѣда княжеской власти. Съ возникновеніемъ и расширеніемъ территоріальнаго начала начинается борьба внутри его самого, въ которой одерживаютъ верхъ московскіе князья; тогда получаетъ господство идея государственности. Такъ представляетъ себѣ Соловьевъ послѣдовательный ходъ древне-русской исторіи. На первый планъ онъ выдвигаетъ, какъ мы видимъ, родовыя отношенія. „Владѣнія, города, области, по выраженію Соловьева, имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиняется интересу родича". Въ связи съ этимъ Соловьевъ отрицаетъ обособленное существованіе такихъ напримѣръ земель, какъ Сѣверская или Суздальская. Святославичи Черниговскіе являются у него князьями, ратующими за единство всего потомства Ярославова, за общность владѣнія всею русскою землею [1]).

Оставляя въ сторонѣ соображенія Соловьева о родовомъ бытѣ народа, противъ которыхъ выставлены сильныя возраженія славянофилами и вообще приверженцами общиннаго быта, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о родовыхъ отношеніяхъ князей въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Нельзя всѣ событія удѣльно-вѣчевой эпохи объяснять родовыми счетами князей; были и другіе элементы, игравшіе важную роль въ тогдашней жизни, напримѣръ, географическое положеніе земель, симпатіи или антипатіи вѣча, ряды или договоры и т. д. Отрицать ихъ мы не имѣемъ никакой возможности, потому что они существуютъ на самомъ дѣлѣ и оказываютъ чрезвычайно сильное вліяніе на ходъ событій. Можно, конечно, спорить о степени компетентности вѣча въ томъ или иномъ княжествѣ, можно не придавать ему такого значенія, какое придаютъ ему славянофилы; но отрицать сильное вліяніе вѣчеваго элемента на ходъ древне-русской жизни вообще мы не имѣемъ никакой возможности.

[1]) «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» и «Исторія Россіи» Соловьева.

Библиотека "Руниверс"

Г. Сергѣевичъ на основаніи всей совокупности фактовъ древнерусской жизни даетъ довольно полную характеристику вѣчевыхъ порядковъ (опредѣляетъ пространство и время, въ которыя дѣйствовалъ вѣчевой бытъ, устройство вѣчевыхъ собраній, предметы вѣдомства вѣча). Народъ и князь, по его словамъ, суть два одинаково существенные элемента древне-русскаго общественнаго быта: съ одной стороны народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ-же народъ. Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою вѣча. Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Конечно, предѣлы вѣдомства вѣча не были вполнѣ точно обозначены: иногда власть вѣча и князя находились въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, иногда-же вмѣсто его былъ антагонизмъ и борьба, въ которой родовое старшинство должно было смиряться передъ симпатіями вѣча; такихъ случаевъ было очень много.

Вообще можно сказать, что родовое старѣйшинство рѣдко когда соблюдалось: столы большею частью переходили или по завѣщанію, или по призванію.

Что касается теоріи новыхъ городовъ и территоріальнаго начала, то она очень неясна и не вполнѣ убѣдительна; почему, напримѣръ, новые города по Роси, Стугнѣ и въ землѣ Рязанской не повели къ подобнымъ же результатамъ? Самъ Соловьевъ, какъ-бы понимая это, указываетъ еще на природу сѣверо-восточной Руси и видитъ въ ней причину развитія тамъ государственной идеи.

Такимъ образомъ, родовая школа, выдвигая одно начало, умаляетъ и даже вовсе игнорируетъ значеніе остальныхъ; держась искусственно созданной руководящей нити—великокняжеской власти, она путается во взаимныхъ столкновеніяхъ князей и совершенно упускаетъ изъ виду особенности жизни областной.

Въ противоположность родовой теоріи выдвинута была *личная*, придающая громадное значеніе „произволу личности во всей ея случайности, свободѣ во всей ея необузданности“. Подобныя возрѣнія господствовали въ западной Европѣ въ XVII и XVIII вв. вплоть до XIX вѣка, когда эти механическія теоріи замѣнились органическими; тогда-то и возникли ученія о естественномъ состояніи и общественномъ договорѣ. Въ естественномъ состояніи мы видимъ механическое, а не органическое соединеніе отдѣльныхъ

Библиотека "Руниверс"

лицъ съ полнымъ индивидуальнымъ произволомъ; въ общественномъ договорѣ мы открываемъ также присутствіе личнаго начала. У насъ это ученіе въ приложеніи къ древне-русской исторіи проповѣдуется гг. Чичеринымъ и Сергѣевичемъ; первый преимущественно развилъ начало частноправной собственности (вотчинное), а другой—договорное, т. е. такое-же частноправное начало. Князья удѣльнаго періода, осѣвшіе по разнымъ областямъ, представляются г. Чичерину просто хозяевами—помѣщиками. „Впослѣдствіи времени, говоритъ онъ, князья сдѣлались осѣдлыми въ своихъ областяхъ; изъ начальниковъ дружины они превратились въ вотчинниковъ, но характеръ управленія остался тотъ-же: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами... Самое управленіе носило тотъ-же частный характеръ; доходы жаловались въ кормленіе княжескимъ слугамъ, отдавались на откупъ или собирались хозяйственнымъ образомъ княжескими прикащиками... Община въ вотчинной Руси, лишенная собственнаго суда, имѣла одно значеніе: уплату податей и отправленіе повинностей въ пользу землевладѣльца“ [1]).

Вообще вотчины являются для князей частною собственностью, которую они дѣлятъ между дѣтьми, продаютъ, покупаютъ, мѣняютъ; даже Новгородъ г. Чичерину представляется до нѣкоторой степени „большимъ вотчинникомъ“. У г. Кавелина ученіе о вотчинѣ не доведено до такой крайности.

Теорія г. Чичерина имѣетъ за собой реальную основу: вотчина дѣйствительно является основнымъ элементомъ древне-русскаго политическаго быта. Только не за чѣмъ признавать эту вотчину исключительно частноправнымъ явленіемъ, особенно въ удѣльный періодъ. Если князья и осѣли по областямъ, то это не значитъ, что они обратились въ простыхъ собственниковъ—помѣщиковъ. Ученіе г. Чичерина основано главнымъ образомъ на изслѣдованіи княжескихъ грамотъ татарскаго періода, гдѣ будто-бы не дѣлается различія между правами князя на волость и на частную собственность. Но противъ этого представили серьезныя возраженія гг. Градовскій и

[1]) Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. Чичерина, стр. 2—3.

Библиотека "Руниверс"

Бестужевъ-Рюминъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что князья въ силу практическихъ соображеній въ свои духовныя вносили частныя, хозяйственныя распоряженія наравнѣ съ общими, Бестужевъ-Рюминъ тѣмъ не менѣе указываетъ на разницу между частною собственностью и волостью, являющуюся въ этихъ-же грамотахъ и свидѣтельствующую о томъ, что государственныя понятія не совсѣмъ сливались съ понятіями гражданскаго права: селомъ князь владѣлъ вполнѣ; съ волостей только пользовался доходами и данями—былъ государемъ. Но и тѣ фактическія данныя, которыя г. Чичеринъ приводитъ въ пользу своего мнѣнія, относятся ко второй половинѣ удѣльнаго періода—послѣтатарской; до татарскаго-же нашествія не можетъ быть и рѣчи о такихъ вотчинникахъ, о какихъ говоритъ г. Чичеринъ.

Г. Сергѣевичъ, какъ мы уже сказали, всѣ явленія общественной жизни древней Руси объясняетъ договорами. „Взаимныя отношенія князей, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, опредѣляются договорами. Исторія княжескихъ отношеній есть ничто иное, какъ исторія договоровъ,.. Право вступать въ договоры принадлежитъ каждому князю, не смотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости“. Обыкновеннымъ средствомъ для заключенія договоровъ служили княжескіе съѣзды, не имѣвшіе впрочемъ обязательнаго характера. Здѣсь, какъ и вообще въ княжескихъ отношеніяхъ, основаніемъ всего является свободная воля участниковъ. Въ отношеніяхъ князя къ народу г. Сергѣевичъ видитъ тоже договорное начало: въ моментъ призванія князь и народъ заключаютъ между собою *ряды;* „въ теченіе самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія“; являлись снова ряды. „Такимъ образомъ, князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе“. Вѣче тоже носитъ на себѣ характеръ личный, индивидуальный. „Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому „мужу“ права устраивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ

Библиотека "Руниверс"

нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ не чрезъ представителей, а поголовно; а съ другой стороны онъ не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говоритъ только во имя своихъ личныхъ интересовъ, составляетъ *цѣлое* только въ случаяхъ согласія *всѣхъ*. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгорается война. Такимъ образомъ характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: *слабостью* княжеской власти и всемогуществомъ личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ".

И такъ главнѣйшіе элементы древне-русскаго общества— власть князя и вѣча г. Сергѣевичъ выводитъ изъ договорнаго начала. Какъ Соловьевъ всѣ взаимныя отношенія князей сводилъ къ родовому принципу, такъ г. Сергѣевичъ сводитъ ихъ къ договорному. Признавая иногда фактъ добыванія волостей путемъ захвата, г. Сергѣевичъ и въ этомъ случаѣ считаетъ необходимымъ договоръ, который одинъ только въ состояніи закрѣпить за тѣмъ или инымъ лицомъ ту или иную волость [1]).

Такова сущность теоріи Сергѣевича. Нужно сознаться, что и она выходитъ изъ реальнаго факта: *рядъ* дѣйствительно существовалъ въ удѣльный періодъ; но имѣлъ-ли онъ такой смыслъ, какой придаетъ ему г. Сергѣевичъ? Врядъ-ли.

Скорѣе можно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, которое даетъ ряду г. Леонтовичъ. По его мнѣнію, рядъ по первоначальному его смыслу, означалъ вообще *законъ, поконъ* или *уставъ*, т. е. обычай, норму или правило обычнаго права, державшагося въ народномъ сознаніи или изложеннаго письменно „въ рядахъ и докончаньяхъ". Случайность, фактическій характеръ отношеній едва-ли имѣли здѣсь мѣсто. Таковы договоры всѣхъ общинъ, а въ особенности Новгорода, съ князьями XIII-го и слѣдующихъ столѣтій. Ихъ нельзя считать чѣмъ-то новымъ, что измѣняло бытъ Новгорода и отношенія его къ князьямъ, вносило въ нихъ новыя начала, неиз-

[1]) «Вѣче и Князь», пер. соч. В. И. Сергѣевичъ.

Библиотека "Руниверс"

вѣстныя прежнему времени. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Леонтовичъ, все говоритъ въ пользу того, что общественный бытъ древней Руси не слагался изъ какихъ-то безсвязныхъ, случайныхъ, литенныхъ всякаго органическаго характера отношеній между различными общественными силами и элементами. Въ основѣ всего быта лежали народные обычаи, обычное право служило, если можно такъ выразиться, общею канвой, на которой развились „ряды и докончанья" князей и общинъ. Ряды и докончанья, въ существѣ дѣла, не имѣли самостоятельнаго и произвольнаго характера, были выраженіемъ не столько субъективной воли рядившихся сторонъ, сколько общей правды и пошлинъ, регулировавшихъ весь народный бытъ" [1]). Личность въ этомъ случаѣ не только не царила надъ общимъ, а скорѣе тонула въ немъ, потому то не всегда и проводится разница между частнымъ и общественнымъ.

Со времени татарскаго нашествія, договорный элементъ дѣйствительно усиливается и получаетъ въ большей степени формальный характеръ. Въ грамотахъ сильные князья формальнымъ договоромъ упрочиваютъ свою власть, слабые такимъ-же путемъ желаютъ себя оградить отъ притязаній сильныхъ. Отецъ умирая оставляетъ своимъ сыновьямъ духовное завѣщаніе, гдѣ опредѣляетъ точно волость каждаго, регулируетъ ихъ взаимныя отношенія и предусматриваетъ малѣйшія случайности. Такъ мало по-малу московскіе удѣльные князья обращаются въ московскихъ государей.

Но въ дотатарскій періодъ все это не имѣло такого характера: тамъ царила народная правда, пошлина, которая съ одной стороны уничтожала случайный характеръ отношеній, а съ другой—не допускала тѣхъ формальныхъ рядовъ, которые мы видимъ въ началѣ государственнаго періода.

Главная ошибка г. Сергѣевича заключается въ томъ, что онъ излагаетъ вопросъ догматически, а не исторически и потому смѣшиваетъ эпохи. Между тѣмъ количество и достоинство собраннаго имъ матеріала дали-бы ему возможность прійти къ болѣе правдоподобнымъ заключеніямъ, если-бы онъ разграничилъ эпохи и обратилъ вниманіе и на другія основы тогдашняго быта. И такъ, личная

[1]) Задружно-общинный характеръ быта древней Россіи въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1874 г., августъ, стр. 220—222.

Библиотека "Руниверс"

школа принесла свою пользу, указавъ на значеніе личнаго начала въ удѣльный періодъ; но выводы ея слишкомъ односторонни; въ нихъ хорошо разработанъ юридическій характеръ отношеній, но мало обращено вниманія на бытовой.

Крайности родовой и отчасти личной школы вызвали возраженія со стороны *общинной*, главнымъ образомъ со стороны славянофиловъ, подвергнувшихъ самой строгой критикѣ теорію родовыхъ отношеній. Но славянофилы не привели своего ученія въ стройную систему и тѣмъ менѣе выяснили вопросъ о роли общины въ удѣльный періодъ, такъ какъ излагали свое ученіе, подобно г. Сергѣевичу, догматически, а не исторически.

Гораздо болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлалъ г. Кавелинъ. Г. Кавелинъ собственно говоря является эклектикомъ: въ древне-русской жизни, по его мнѣнію, оба элемента—родовой и общинный—семейный дѣйствовали совмѣстно. Вся исторія удѣльно-вѣчеваго періода „есть исторія родоваго начала, предоставленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка“. Ярославъ первый задумалъ установить государственный порядокъ на родовомъ началѣ. Вся Русь должна была находиться въ общемъ владѣніи всего рода Ярославова. Но едва только стали обозначаться линіи, какъ уже онѣ начали забывать свое общее происхожденіе, стали преслѣдовать свои частныя особенныя цѣли; частный, болѣе кровный, семейственный союзъ исключалъ болѣе общій родовой; между ними идетъ борьба, которая заканчивается побѣдою семейнаго, вотчиннаго начала. Сначала князья—полуправители, полувотчинники живутъ между собою согласно, но потомъ (очень скоро) происходитъ борьба дядей съ племянниками—родоваго начала съ семейственнымъ; начинаются вообще безпрерывныя войны изъ-за удѣловъ. Устраиваются княжескіе съѣзды, но и они не въ состояніи поддержать падающаго родоваго начала. Во время и подъ вліяніемъ этихъ княжескихъ распрей развивается политическое значеніе общинъ, выражающееся въ расширеніи власти вѣча. Особенно усилилась новгородская община, такъ что она является типическимъ образцомъ русско-славянской общины съ ясно обозначенными формами быта.

Съ разграбленіемъ Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, падаетъ прежній центръ Руси и вмѣстѣ съ нимъ и всякій признакъ политическаго единства. Потомство Ярослава распадается на нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

вѣтвей, которыя теряютъ всякое сознаніе родоваго единства. Выступаетъ на первый планъ вотчинное начало: чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ желаютъ владѣть и ихъ потомки; княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ осѣдлость; семья одержала верхъ надъ родомъ. Но и родовое начало сохранилось, только подъ другою формою: его нужно искать не въ цѣлой Руси, а въ отдѣльныхъ земляхъ, княжествахъ; въ каждомъ изъ нихъ повторяется то, что прежде можно было наблюдать въ цѣлой Руси; отдѣльныя вѣтви въ свою очередь размножаются; между ихъ членами господствуетъ принципъ родоваго старѣйшинства: является много великихъ князей. Далѣе князья уже получаютъ новый характеръ: они дѣлаются просто вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Вѣче теперь мало по-малу теряетъ свое государственное значеніе; прежде вольные дружинники дѣлаются великокняжескими слугами. Самое управленіе областей получаетъ другой характеръ—дѣлается болѣе домашнимъ, вотчиннымъ: прежде областями управляли дѣти княжескіе, теперь—воеводы, получающіе ихъ въ кормленіе.

Окончательное господство новыхъ понятій ускорило монгольское иго. Для хановъ, которые утверждали князей на ихъ столахъ, родовое старѣйшинство уже не имѣло никакого значенія. Кромѣ того монгольское иго усилило великокняжеское достоинство, которое обратилось было уже въ пустой титулъ, а теперь сдѣлалось орудіемъ, выраженіемъ всемогущей ханской власти. Такимъ образомъ отрицательнымъ путемъ татарскіе ханы способствовали окончательному паденію у насъ удѣльной системы. Но положительнымъ путемъ дѣйствовали московскіе князя—собиратели, которыхъ и нужно признать создателями новаго государственнаго порядка. Для достиженія своей цѣли они не пренебрегали никакими средствами; родовое начало пало; нужно было еще ослабить и уничтожить начало семейственное въ собственной-же своей семьѣ—и это было сдѣлано: чтобы отвратить соперничество въ собственной семьѣ, великіе князья московскіе мало по-малу уменьшаютъ области младшихъ сыновей, пока наконецъ Иванъ Грозный не дѣлается единственнымъ владѣльцемъ всего московскаго государства [1]).

[1]) Взглядъ на юрид. бытъ др. Россіи (соч. К. Кавелина, ч. I-я).

Библиотека "Руниверс"

Нельзя не признать за взглядомъ г. Кавелина серьезнаго научнаго значенія. Несомнѣнно, что процессъ разложенія родоваго начала подъ вліяніемъ семейственнаго обрисованъ имъ съ чрезвычайною простотою, ясностью и убѣдительностью. Только врядъ-ли можно согласиться съ той характеристикой, которая придана вотчинному началу. Фактъ „осѣданія" князей по волостямъ совершенно точный и реальный. Но на сколько это вотчинное начало отличалось частнымъ характеромъ, въ какой степени князья являются помѣщиками, управлявшими своими волостями также, какъ и помѣстьями, это еще вопросъ спорный.

Скорѣе всего отчина есть просто столъ отца и можетъ обозначать собою всякую волость по отношенію къ дѣтямъ владѣвшаго ею князя, даже въ томъ случаѣ, если имъ не удалось овладѣть ею по смерти отца. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что вотчинное начало, осѣданіе князей по областямъ развилось у насъ со времени Андрея Боголюбскаго. Обособленіе областей произошло раньше, хотя и не одновременно. Вотчинный принципъ былъ уже поставленъ и принятъ на Любецкомъ съѣздѣ 1097 года. Тогда-же въ нѣкоторыхъ областяхъ „осѣдаютъ" отдѣльныя княжескія семьи: Святославичи въ землѣ Сѣверской, Ростиславичи въ землѣ Галицкой. Другія земли обособляются, получая себѣ отдѣльныя княжескія вѣтви, нѣсколько позже (Волынская, Ростово-Суздальская). Такой характеръ носило вотчинное начало до второй половины XIII вѣка и измѣнилось только подъ вліяніемъ татарскаго нашествія. Съ раздробленіемъ земель и княжествъ, съ размноженіемъ княжескихъ вѣтвей и обращеніемъ ихъ въ многовѣтвистые роды, владѣнія получаютъ до нѣкоторой степени частный характеръ. Таковы напримѣръ владѣнія князей Новосильскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Мезецкихъ, Мосальскихъ—потомковъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго, владѣнія, образовавшіяся на территоріи прежней земли вятичей. Княжества эти до такой степени измельчали, что обратились просто въ крупныя имѣнія и, конечно, не играли уже почти никакой политической роли.

Но г. Кавелинъ обратилъ вниманіе, какъ мы видимъ, преимущественно, если не исключительно, на юридическую сторону быта. Оставался все таки мало выясненнымъ вопросъ объ этнографическихъ особенностяхъ племенъ.

Библиотека "Руниверс"

Постановка и разработка этого вопроса принадлежитъ *федеративно-областной школѣ.*

И прямыя свидѣтельства исторіи, и этнографическое изученіе современныхъ племенъ и народностей привели къ мысли, что въ древней Руси единство и цѣлость земли сочетались съ раздѣльностью и своеобразностью частей. Вотъ основная мысль школы. Мысль эта впервые была высказана кн. Щербатовымъ, а за тѣмъ Полевымъ, авторомъ „Исторіи русскаго народа". Полевой уже высказалъ то положеніе, которое въ наши дни было подробно развито Н. И. Костомаровымъ—что отдѣльныя славяно-русскія вѣтви были основаніемъ обособившихся потомъ княжествъ. Н. И. Костомаровъ изъ этнографическихъ особенностей племенъ создалъ цѣлое ученіе о федеративномъ строѣ древней Руси. Это федеративное начало вело, по словамъ Н. И. Костомарова, „къ образованію политическихъ обществъ, которыя сохраняя каждое свою самобытность, не теряли-бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью". Еще лѣтописецъ подмѣтилъ, что славяно-русскія племена „имяху обычаи и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ". Это извѣстіе лѣтописи подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ и соображеній. И географическія условія мѣстностей, и историческія обстоятельства вели къ различію, особности племенъ. Не нужно также забывать, что чѣмъ неразвитѣе народная масса, тѣмъ уже ея понятіе о своенародности: все, сколько нибудь не похожее на свое, кажется чужимъ. Такимъ образомъ каждое племя представляло изъ себя этнографическую единицу; всѣ они находились другъ съ другомъ въ федеративной связи. Такова была до-княжеская Русь.

Но вотъ на сцену является семья Рюриковичей и вытѣсняетъ мѣстныхъ князьковъ. Во внутренней жизни народа отъ этого собственно ничто не перемѣнилось, хотя все таки племена должны были чувствовать нѣкоторый гнетъ чуждой власти. Но и онъ совершенно исчезъ, когда въ областяхъ утвердились отдѣльныя княжескія линіи.

„Народные интересы, говоритъ Н. И. Костомаровъ, сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній совершенно сообразовались съ ними. Правда

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитныя изъ меньшихъ".

Такихъ народностей Н. И. Костомаровъ насчитываетъ 6: 1) южно-русская, 2) сѣверская, 3) велико-русская, 4) бѣлорусская, 5) псковская, 6) новгородская. Прежде всего обособляется земля Новгородская: развивается понятіе о волости новгородской отдѣльно отъ прочихъ русскихъ волостей; выдвигаются на первый планъ мѣстные новгородскіе интересы. Вслѣдъ за тѣмъ обособляются Кривичи и образуютъ два княжества—Полоцкое и Смоленское, которыя въ свою очередь распадаются на массу мелкихъ; но эти послѣднія сохраняютъ все таки постоянное тяготѣніе другъ къ другу. Точно также выдѣляются Псковская, Волынская и др. земли.

Русь удѣльно-вѣчеваго періода представляла изъ себя такимъ образомъ рядъ областей, дробившихся на множество мелкихъ княжествъ, находившихся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи; дѣленіе могло продолжаться постоянно, но въ предѣлахъ данной этнографической группы: количество княжествъ въ Полоцкой землѣ могло увеличиваться до безконечности, но единица Полоцкой земли оставалась постоянно та-же. Каждая народность образуетъ землю съ стольнымъ городомъ во главѣ; къ этому главному городу тянутъ пригороды, къ пригородамъ—волости. Это-то сознаніе земельнаго единства и выражается словами: „Новгородская земля, Сѣверская земля". Всѣ эти земли тянули другъ къ другу и образовали вмѣстѣ Русскую землю. Единство ихъ основывалось на общности происхожденія, быта, языка, княжескаго дома и христіанской православной вѣры. Особенно сильнымъ объединяющимъ началомъ служили единый княжескій родъ и единая православная вѣра съ ея книжнымъ языкомъ, іерархіей и церковными законами. „Такъ Русь, говоритъ Н. И. Костомаровъ, стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться [1]).

Несомнѣнно, что основная мысль федеративной школы о сочетаніи въ древней Руси единства и цѣлостности земли съ своеобразностью частей,—мысль вѣрная и плодотворная. Вѣрно также

---

[1]) Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси (Ист. мон. и изслѣдованія Ник. Костомарова, ч. I).

Библиотека "Руниверс"

указаны условія, которыя вели къ единству и разнообразію частей. Не совсѣмъ удачнымъ только представляется намъ терминъ „федеративный“ для обозначенія тогдашняго политическаго строя Россіи. Подъ федераціей обыкновенно разумѣютъ такой порядокъ вещей, при которомъ отдѣльныя единицы, составляющія федерацію, сознательно переуступаютъ часть своей власти въ пользу какого-нибудь центральнаго правительственнаго учрежденія (конгресса или сейма). Ничего подобнаго мы не можемъ отыскать въ древне-русской жизни. Да и тѣ условія федеративной связи (общность происхожденія, быта, языка, православной вѣры), на которыя ссылается Н. И. Костомаровъ, относятся къ области этнографіи, между тѣмъ какъ федерація—принципъ преимущественно, если не исключительно, политическій. Если уже опредѣлять какимъ-нибудь терминомъ начала древне-русской жизни, то мы бы предпочли терминъ „областность“, „областной“, хотя онъ нѣсколько шире и, пожалуй, неопредѣленнѣе, чѣмъ первый. Онъ только указываетъ намъ на автономію земель, степень которой не всегда будетъ одинакова. Вопросъ этотъ самъ по себѣ заслуживалъ-бы вниманія, но мы не можемъ на немъ останавливаться, а отсылаемъ интересующихся къ существующимъ областнымъ монографіямъ. Намъ кажется, что терминъ „областной“ болѣе удаченъ, чѣмъ принятый досель „удѣльный“, и потому періодъ съ половины XI вѣка до половины XIV скорѣе можетъ быть обозначенъ какъ „областно-вѣчевой“, чѣмъ „удѣльно-вѣчевой“.

Идея областности, будучи примѣнена къ разработкѣ русской исторіи, оказала ей существенную пользу, значительно подвинула ее впередъ. Прежній способъ изученія и изложенія событій областно-вѣчеваго періода (Карамзина и Соловьева) оказался неудобнымъ ни для изслѣдователя, ни для читателя: попытка прилѣпить всѣ событія къ государственной идеѣ или идеѣ родоваго старѣйшинства оказалась неудачной. Исходя изъ того положенія, что каждое древне-русское княжество представляло извѣстныя особенности, нѣкоторые изслѣдователи занялись изученіемъ исторіи каждаго княжества отдѣльно. И этотъ новый способъ изслѣдованія принесъ блестящіе результаты: явился цѣлый рядъ областныхъ монографій, которыя значительно разсѣяли тотъ мракъ, которымъ была опутана наша древняя исторія. Тутъ, стоя въ зависимости отъ фактовъ, можно было избѣжать крайностей общихъ взглядовъ и теорій и,

Библиотека "Руниверс"

наоборотъ, придать имъ ихъ надлежащее значеніе и смыслъ. Такъ явилась исторія Новгорода и Пскова Н. И. Костомарова, Бѣляева, Никитскаго, исторія галицко-володимірскаго княжества—Зубрицкаго, Шаранѣвича, исторія ростовскаго княжества—Корсакова, рязанскаго—Иловайскаго, болоховской земли—Дашкевича и мн. др. Въ связи съ этимъ тоже областное этнографическое начало дало полезные результаты въ приложеніи къ русской археологіи. Благодаря ему, сдѣлались возможны такіе капитальные труды, какъ гр. Уварова „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ" и г. Самоквасова „Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи". Если-бы вообще археологическій матеріалъ удалось распредѣлить этнографически, т. е. пріурочить, какъ это сдѣлано гг. Уваровымъ и Самоквасовымъ, къ тѣмъ или инымъ славяно-русскимъ вѣтвямъ, то мы-бы пріобрѣли цѣлую массу новыхъ данныхъ, которыя дополнили-бы прямое, но общее указаніе лѣтописи, что всякое племя имѣло свои отличительныя черты—„кождо свой правъ". Для дальнѣйшаго политическаго существованія древне-русскихъ народностей мы имѣемъ уже несомнѣнные историческіе источники, въ видѣ лѣтописей и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ.

Наше высшее ученое учрежденіе—императорская академія наукъ признаетъ вполнѣ цѣлесообразной областную разработку древне-русской исторіи, ставя темами сочиненій для соисканія Уваровскихъ премій изслѣдованіе отдѣльныхъ областей древней Руси.

Такой-же способъ изложенія событій удѣльнаго періода принятъ и во многихъ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи. Даже Погодинъ излагалъ событія удѣльно-вѣчевой эпохи по княжествамъ; также поступилъ и пр. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ послѣднее время явилось два общихъ сочиненія по русской исторіи—замѣчательный трудъ г. Иловайскаго: „Исторія Россіи" и „Русская исторія въ памятникахъ быта" Полеваго. Въ обоихъ исторія каждаго княжества разсматривается отдѣльно.

Во всѣхъ этихъ фактахъ мы находимъ, что разработка идетъ по правильному пути и много еще плодотворныхъ результатовъ мы увидимъ въ будущемъ.

Дм. Багалѣй.

Библиотека "Руниверс"

Волынская революція первой четверти XIX столѣтія.

Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой.

Письмо второе*).

Изъ Вѣны, августа дня, 1818 года.

Гдѣ старцы отрокамъ, наставники юношамъ, а матери младенцамъ съ молокомъ своимъ вливаютъ въ сердца непримиримую къ россіянамъ ненависть и гдѣ алчность мщенія непрестанно грызетъ утробу древнихъ и самыхъ жесточайшихъ враговъ нашихъ, тамъ начальникъ волынской губерніи Комбурлей, посвятившій всего себя на службу отечеству, бодрствовавшій день и ночь о пользѣ государственной, сквозь тысячу измѣнъ безчестныхъ людей и сквозь всѣ бури тайныхъ мятежей, ведшій порученную ему провинцію къ миру и тишинѣ и, въ самое критическое время, дѣятельнѣйшею заботливостію своею подкрѣпившій колеблющееся ея состояніе, занимая напослѣдокъ степень генералъ-губернатора, имѣющую вездѣ право на уваженіе каждаго чина людей, сталъ оклеветанъ самимъ опаснѣйшимъ обвиненіемъ и отъ ухищренныхъ враговъ своихъ невинно обезчещенъ оскорбительнымъ поруганіемъ, вопіющимъ объ отмщеніи, но еще доселѣ ненаказаннымъ. Въ первомъ письмѣ моемъ изобразилъ я предъ вами, милостивая государыня, ходъ произшествій, покрытыхъ чертою махіавелизма, а теперь долженъ поднять завѣсу и показать невѣрныя донесенія, ложныя описанія, гнусные доносы, громкія слова, шарлатанскую

*) См. январь «Кіевской Старины», 1883 г.

Библиотека "Руниверс"

выставку республиканскихъ правилъ, заманчивыя обѣщанія, хитрые обманы,—словомъ, все, что не было упущено, дабы вкоренить въ душу дворянъ вражду къ Комбурлею, недовѣрчивость къ чиновникамъ и жаркую привязанность къ своимъ демагогамъ. Долженъ говорить откровенно, какимъ образомъ сенаторъ-ревизоръ, опираясь на личную къ нему милость государя, на многочисленность волынскихъ своихъ поборниковъ, на успѣхи ихъ гоненія русскихъ чиновниковъ и на нѣкоторыя дѣла, кажущія видъ справедливости, но совершенныя безъ всякаго человѣколюбія, истины и законнаго порядка, устоялъ на степени высочайшей довѣренности. Наконецъ, по принятой мною на себя обязанности, долженъ сказать о такихъ злодѣяхъ, которыхъ содержитъ природа для того единственно, чтобъ ощутительно удостовѣрить въ заблужденіи людей, сомнѣвающихся о бытіи ада. Почерпнутыя мною свѣдѣнія изъ судебныхъ актовъ въ Петербургѣ, собранныя извѣстія въ бытность мою на Волыни, въ Бродахъ и во Львовѣ, записки и достовѣрныя свидѣтельства очевидцевъ будутъ служить основаніемъ чистосердечнаго повѣствованія и безпристрастнаго объявленія исторической истины о волынской революціи, а совѣты благодѣтеля моего и начальника, съ коимъ нынѣ путешествую, удержатъ отъ того, чтобъ я, бывъ въ странѣ вымысловъ, не заимствовалъ языка ея; но прежде нежели приступлю къ продолженію той матеріи, на которой въ первомъ письмѣ остановился, имѣю вамъ разсказать любопытный анекдотъ, касающійся описываемаго мною предмета.

По пріѣздѣ нашемъ въ Львовъ, его превосходительство, несравненный мой благотворитель, посѣтилъ тамошняго областнаго начальника, барона Гауера, и меня взялъ съ собою. Я при семъ случаѣ познакомился съ польскимъ секретаремъ его, по фамиліи Досвятчинскимъ, молодымъ, любезнымъ и умнымъ человѣкомъ. Онъ уроженецъ города Кременца, гдѣ славная гимназія, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Житомірѣ, знаетъ лично всѣхъ прежнихъ членовъ присутственныхъ мѣстъ, знакомъ со многими тамошними помѣщиками, но о перемѣнахъ, случившихся на Волыни, несовершенно извѣстенъ; въ одно время, когда зашла объ нихъ рѣчь, онъ спросилъ меня:

Библиотека "Руниверс"

— Знаете-ли, кто главою переворота?
— Ильинскій, отвѣчалъ я.
— А видѣли-ли вы его?
— Нѣтъ.
— Хотите посмотрѣть на портретъ?
— Охотно.
— Только не масляными, а сухими красками писанный?
— Нѣтъ нужды.

Онъ взялъ французскую книгу и началъ читать:

„Имѣетъ счастливую физіогномію, которую, по видимому, чистосердечіе назначило своимъ жилищемъ. Чувствительность и ласковый его пріемъ требовали искренности и внушали довѣренность, а отъ немощи, коею онъ одержимъ, природныя дарованія сдѣлались еще трогательнѣе, но вся сія наружная привлекательность есть и была ничто иное, какъ льстивое очарованіе опредѣленной къ сокрытію, жесточайшей и совершенно развращенной души, какою никогда еще не осквернялось человѣчество. Подъ умильными чертами, подъ обверткою полуразвалившагося и лишеннаго жизни тѣла, носитъ онъ сердце, чуждое всякой чувствительности, пожираемое любочестіемъ самымъ необузданнымъ, способное ко всякимъ подлостямъ, чтобы возвыситься, и ко всякимъ злодѣяніямъ, чтобы утвердить власть свою“. Это сказано (продолжалъ Досвядчинскій) о Кутонѣ, одномъ изъ друзей Робеспіеровыхъ, тиранствовавшемъ вмѣстѣ съ нимъ во Франціи и разомъ съ нимъ же погибшемъ на эшафотѣ. Апостолы революціи и начинщики партій во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ имѣютъ себѣ подобныхъ. Общее презрѣніе сопровождаетъ ихъ въ жизни, а по смерти въ самомъ гробѣ проклятіе тревожитъ ихъ кости. Потомъ спросилъ меня: неужели Бомбурлей, къ которому государь вашъ императоръ имѣлъ великую довѣренность, котораго уважали министры, котораго всѣдѣ хвалили отличные генералы, десять лѣтъ управлявшій славно губерніею, удаленъ теперь отъ мѣста, считается подъ слѣдствіемъ и судится, яко нарушитель государственныхъ законовъ? У насъ говорятъ, что клеветники его обжаловали, а

Библиотека "Руниверс"

ревизоръ-сенаторъ, имѣя личность къ нему, ни о чемъ столько не старался на Волыни, какъ помрачить его славу и замарать честь пустыми разглашеніями о небывалыхъ преступленіяхъ, имъ самимъ вымышленныхъ и на Комбурлея возведенныхъ. Я не пресловилъ, а онъ подхватилъ: вы не знаете Волыни! тамъ въ обыкновенное время клевета имѣетъ сто голосовъ; то не надобно удивляться, если во дни самовластной инквизиціи Сиверса обманъ имѣлъ на своей сторонѣ тысячу, и опять спросилъ: что сдѣлалось съ вице-губернаторомъ Хрущовымъ, съ прокуроромъ Курутомъ, съ полковникомъ Зелепугомъ и съ прочими губернскими чиновниками? Удовлетворяя любопытство, я отвѣчалъ: Хрущовъ оклеветанъ, отрѣшенъ отъ должности и судится въ сенатѣ. Курута, племянникъ славнаго Куруты, что въ Варшавѣ, покровительствуемый его высочествомъ, цесаревичемъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, былъ подверженъ тому-же несчастію. Сиверсъ, по пустымъ доносамъ, и сего чиновника отрѣшилъ отъ мѣста, но, заглянувши въ дѣло, самъ потомъ оправдалъ его. Сенатъ, найдя доносчиковъ виновными, освободилъ Куруту отъ дальнѣйшаго слѣдствія, а извѣтчиковъ предалъ суду. Государь императоръ простилъ ихъ. Полковникъ Зелепуга, угощавшій маршаловъ волынскихъ, принимавшій въ своемъ домѣ Багратіона и Тормасова, Сакена и Раевскаго, уважаемый начальникомъ своимъ, графомъ Комаровскимъ, оклеветанъ ненавидящими насъ дворянами, очерненъ ревизоромъ, лишенъ мѣста и нынѣ томится въ Кіевѣ подъ военнымъ судомъ. Большая часть прежнихъ губернскихъ чиновниковъ, служившихъ по 30 и болѣе лѣтъ со славою и честію, покрытыхъ ранами, полученными въ сраженіяхъ за отечество, и украшенныхъ знаками отличія за ревность къ службѣ, подверглись той же плачевной участи. Зависть и самая мрачная клевета испустила на нихъ ядъ свой. По пустымъ доносамъ, безъ слѣдствія и оправданія, отрѣшены Сиверсомъ отъ мѣстъ, поруганы, судимы, пресмыкаются во прахѣ. Я самъ видѣлъ, какъ они ѣдятъ черствый хлѣбъ съ горестью и пьютъ воду съ желчью, и самъ слышалъ, какъ жены и дѣти наполняютъ уши ихъ воплемъ и стенаніями. При сихъ словахъ вошелъ къ намъ нечаянно баронъ Гауеръ,

Библиотека "Руниверс"

львовскій губернаторъ, и сказалъ: я весь вашъ разговоръ знаю; прибавьте къ нему слова одного славнаго греческаго мудреца, слѣдующія: *разгнѣванный государь подобенъ раздраженному божеству, предъ коимъ надобно „только смириться“.*

Обратимся теперь къ настоящему содержанію моего письма. Дворянскіе выборы на Волыни кончились въ августѣ мѣсяцѣ 1814-го года. Мирные обыватели, коихъ было три части, выполнивши свои обязанности, спокойно и безъ всякаго, по видимому, неудовольствія къ начальству разъѣхались по деревнямъ, но партія крамольниковъ, составлявшая четвертую часть, занималась нѣсколько дней данными графу Ильинскому и генералъ-маіору Гижицкому тайными инструкціями, какимъ образомъ дѣйствовать въ Петербургѣ. И какъ складка неважной суммы, для того собранной, недостаточна была къ выполненію обширныхъ ихъ замысловъ, то мятеже-начальники воспользовались добросердечіемъ и богатствомъ князя Максимиліана Яблоновскаго, котораго душа, обворожденная прелестями милой и прекрасной его супруги, не имѣла на тотъ разъ проницательности видѣть, подъ личиною мнимыхъ друзей своихъ, зависть, подлость и коварство, у ногъ его пресмыкавшіяся. Итакъ уговорили князя оставить домашнюю праздность и показаться на театрѣ свѣта. Кто безъ денегъ, безъ кредита и безъ душевнаго спокойствія, того ничто въ пути не останавливаетъ. Наши депутаты и легко и скоро пріѣхали въ столицу; горячія головы ихъ, устремившись разрушить прежній образъ вещей на Волыни, той-же ночи посѣтили сенаторовъ Ворцеля, Стройновскаго и Огинскаго. На другой день сіи господа, отдавши визиты пріѣзжимъ, уговорились составить собраніе;—въ самой столицѣ не было имъ недостатка въ поборникахъ, безмолвныхъ, когда царствуетъ порядокъ, и видимыхъ только въ минуту бури, подобныхъ тѣмъ насѣкомымъ, кои прилѣпляются ко всѣмъ тѣламъ въ разрушеніи. Едва образовался сей польско-сенаторскій конгрессъ, какъ уже и явилъ въ себѣ грозное лицо и голосъ. Какъ нѣкогда на революціонномъ сеймѣ въ Варшавѣ разсвирѣпѣвшіе поляки ежедневно изрыгали желчь свою и язвительнѣйшими словами поносили Россію, такъ въ семъ новосоставленномъ сборищѣ со всѣхъ сторонъ сыпались

Библиотека "Руниверс"

на волынское начальство стрѣлы злобы и клеветы. Новоприбывшіе же депутаты наши, наэлектризованные сообщительнымъ энтузіазмомъ варшавскихъ патріотовъ, забывъ, что интрига въ колыбели должна расти съ осторожностію, возжелали дѣйствовать отдѣльно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ имъ только самимъ воспользоваться славою низверженія столь сильнаго начальника, какъ Конбурлей. И тотчасъ родились личности: Стройновскій не хотѣлъ уступить первенства Ильинскому, Ворцель пререкословилъ Гижицкому, и пришло до явной ссоры, безъ каковой ни одного собранія не бываетъ въ Польшѣ. Ильинскій, возвыся голосъ, говорилъ Стройновскому: «Вы со мною никакъ равняться не можете: я графъ настоящій и даже князь по владѣнію Острогскимъ княжествомъ, а вы простой шляхтичъ: у меня отецъ былъ староста, братъ генераломъ и я самъ до сего званія проходилъ всѣ военные чины; вашъ же родитель былъ экономъ или конюшій, братья попами, а вы сами цѣлой вѣкъ свой подьячимъ. Я и въ республикѣ имѣлъ и въ имперіи имѣю свое значеніе. Обвѣшанъ орденами, осыпанъ государевыми милостями, я вольможа въ полномъ смыслѣ;—я удѣльный владѣлецъ, королямъ—другъ, министрамъ первокласнымъ—братъ, второкласнымъ—покровитель, славенъ, знатенъ, богатъ, а вы, добившись званія бугскаго подкоморего, значившаго не болѣе восьмаго класса, злоухищреннымъ образомъ достали себѣ переименованіе въ тайные совѣтники; вы служили стряпчимъ у одной богатой, но пожилой вдовы, которая, взявъ васъ за мужа, исходатайствовала чины и купила ордена; значеніемъ вашимъ въ республикѣ обязаны вы мѣсту посла въ революціонномъ сеймѣ, который по безразсудной вольности въ сужденіяхъ, по анархизму и по раздору своихъ членовъ, поглотилъ наконецъ существованіе нашего отечества. Но не думаете ли вы славиться напечатанною вами въ Вильнѣ 1809 года книгою подъ заглавіемъ: *О условіяхъ между помѣщиками съ крестьянами*, въ которой съ крайнимъ заблужденіемъ нападаете на русское дворянство, порицая лживыми нареканіями цѣлый классъ государственный въ отношеніи слова: рабство крестьянъ? развѣ не видите и не примѣчаете, что во всемъ новоприсоединенномъ краѣ нѣтъ бѣднѣе,

Библиотека "Руниверс"

нѣтъ несчастнѣе, нѣтъ утѣсненнѣе крестьянъ, какъ ваши подданные въ Гороховскомъ ключѣ? Характеръ вашъ, г. сенаторъ, также не заслуживаетъ подражанія: вы за одного казначея дали поручительство, а потомъ подъ присягою отперлись отъ руки своей, вы съ жидомъ факторомъ своимъ Ицекъ-Зономъ посылали тайно за границу серебряную монету въ Броды и, когда поймали её, вы не стыдились признаться, что деньги ваши посланы были въ Радзивиловъ, и допустили, что дѣло о семъ разсматривалось въ Сенатѣ. Вы, разбогатѣвши по милости жены своей, бросили ее и жили явно и ненаказанно съ женою роднаго брата своего, шамбелина Стройновскаго. Отдавая справедливость талантамъ вашимъ и искуству законовѣденія, нельзя умолчать, что вы многихъ сиротъ и вдовъ лишили наслѣдства, а отъ того, увеличивъ омоченное ихъ слезами достояніе свое, прослыли первѣйшимъ на Волыни ябедникомъ: вспомните процессъ съ Маевскимъ и тяжбу съ Балтазаромъ Комаровскимъ. Наконецъ вы, милостивый государь, графъ, отреклись отъ родной своей дочери, чтобъ не выдѣлить ей части имѣнія и, публикуя въ судебныхъ актахъ, якобы она у васъ незаконнорожденная, старались и стараетесь укрѣпить все нажитое—кому-жъ?—дѣтямъ брата своего, вами съ женою его беззаконно прижитымъ... Скромность запрещаетъ раскрыть другія дѣянія ваши, но знайте, г. сенаторъ, что, рано или поздно, сильная Немезида блестящимъ мечемъ мщенія сокрушитъ всѣ вредныя предначинанія и злобныя надежды ваши, а публика вновь удостовѣрится, что возвышеніе низкаго породою и душою человѣка есть сущая его пагуба».—Ильинскій замолчалъ, а Стройновскій началъ говорить такъ: «Слушая васъ, графъ, никто не станетъ сомнѣваться, чтобъ вы не принадлежали къ той націи, которая болѣе всѣхъ прочихъ отличается своимъ легковѣріемъ и легкомысліемъ, непостоянствомъ характера и безпокойною возмутительностію: въ рѣчи своей противу меня вы употребили прекрасныя фразы и о своихъ личныхъ достоинствахъ; позвольте же и мнѣ, оставя подлость и лесть, говорить съ вами языкомъ чистосердечія. Много ли у насъ въ Польшѣ было графовъ? и кто вамъ, или мнѣ, или г. Ворцелю, или множеству другихъ помѣ-

Библиотека "Руниверс"

щиковъ, пріѣзжающихъ сюда изъ нашихъ провинцій, далъ право величаться сіятельнымъ? Въ россійской и нѣмецкой имперіяхъ титулами сими жалуютъ отличнѣйшихъ государственныхъ чиновниковъ и за императорскимъ подписомъ выдаются дипломы, а вы, я и подобные намъ, имѣемъ ли ихъ на наше „сіятельство“? Знаете ли, отъ чего родилось сіе злоупотребительное присвоеніе не заслуженныхъ отличій? Отъ польскаго себялюбія и гордости, а какимъ образомъ?—то стыдно сказать. Первый узналъ сію тайну фельдмаршалъ графъ Гудовичъ и вывелъ ее наружу. Будучи подольскимъ военнымъ губернаторомъ, когда въ одинъ изъ торжественныхъ дней принималъ поздравленія отъ чиновниковъ и дворянства, вдругъ отворяются двери, входитъ въ гостиную страшнаго роста сарматская фигура съ выбритою головою, въ кунтушѣ, подпоясанная золотымъ поясомъ, а при боку дюжій бавалъ желѣза,—подступаетъ къ хозяину и рекомендуется, что онъ графъ Прездѣцкій. „Графъ Прездѣцкій?“—повторилъ Гудовичъ и три шага сдѣлалъ назадъ.—„Послушайте, чѣмъ-же это кончится! Боже мой! (были собственныя слова фельдмаршала) я графъ за то, что взялъ Анапу, Суворовъ графъ за то, что поразилъ визири турецкаго подъ Рымникомъ, Ферзенъ графъ за то, что разбилъ и полонилъ Костюшку, а вамъ кто сказалъ, что вы графъ? Знаете-ли вы цѣну сего достоинства? Понимаете ли, что титулъ графскій пріобрѣтается великими пожертвованіями и трудными для общаго блага подвигами; а вы что достохвальнаго сдѣлали? Развѣ то, что республику свою погребли въ развалинахъ анархіи, а въ новомъ отечествѣ обезславились измѣною и клятвопреступленіями? Ваши голые уши, привыкнувъ въ столицахъ нашихъ слушать, что содержатели постоялыхъ домовъ и трактировъ, разнощики, мясники и извощики, всѣхъ изъ польскихъ губерній новопріѣзжихъ пановъ величаютъ: Ваше сіятельство!—дали вамъ поводъ мечтать, будто вы и въ самомъ дѣлѣ графы. Нѣтъ, господа, прошу васъ симъ титломъ не величаться, а иначе будете сидѣть на гауптвахтѣ».—Признаюсь, я самъ при полученіи подорожной нѣсколько разъ платилъ писарю по червонцу, продолжалъ Стройновскій, чтобъ онъ, записывая мою фамилію, къ слову помѣщика

Библиотека "Руниверс"

прибавлялъ: „графу Стройновскому“, и знаю, что сему примѣру многіе изъ нашихъ собратій слѣдовали, отъ того меньше татарскихъ и грузинскихъ князей, нежели польскихъ графовъ. Скоро вашъ кучеръ Бичохлопскій, мой камердиперъ Бутохандожевскій и козакъ г. Ворцеля Сидоръ Муха станутъ, по примѣру господъ своихъ, называться графами. Слѣдовательно, г. Ильинскій, вы не извольте много хвастать графскимъ достоинствомъ; въ разсужденіи же княжества Острогскаго, то вамъ нельзя говорить о немъ не краснѣясь. Вспомните, какъ вы его пріобрѣли? Можно ли безъ нарушенія совѣсти и добраго имени купить на вѣчность за семдесятъ пять тысячь рублей такое имѣніе, которое приноситъ годоваго доходу до двухъ сотъ тысячъ рублей? Можно полагать, что съ помощію добрыхъ негоціантовъ своихъ, пользуясь неопытностію и разсѣянностію молодаго графа Ферзена, вы не купили у него Острогскій ключь, а какъ бы въ карты выиграли, да и условленную сумму заплатили не чистыми деньгами, но разнообразно скупленными за безцѣнокъ у честныхъ трактирщиковъ и безкорыстныхъ заимодавцевъ графскими векселями. Теперь позвольте сказать нѣчто о рожденіи, воспитаніи и службѣ вашей. Правда, отецъ вашъ былъ староста, но такой же шляхтичъ, какъ и мой: республика не имѣла отъ него пользы ни на грошъ; ибо онъ цѣлой вѣкъ свой или угнеталъ житомірскихъ мѣщанъ, или съ ними процессовался, а блаженныя памяти мать ваша въ молодыхъ лѣтахъ весьма славилась красотою въ Варшавѣ, открытымъ знакомствомъ съ министрами и благоснисходительною ко всѣмъ молодымъ людямъ привѣтливостію, на старость же, ради отпущенія грѣховъ и спасенія души своей, строила кляшторы. Братъ вашъ былъ храбръ; но, за всѣмъ тѣмъ, не принеся отечеству пользы, палъ жертвою своей безразсудности, на глупой брани за вольность скончавъ животъ свой, подъ плетьми донскихъ козаковъ. По милости его вы вылѣзли изъ грязи ничтожества. Онъ вамъ купилъ чины до полковника, а симъ поздравила васъ революція; но генеральскій мундиръ присвоили вы себѣ безстыдно, во время гродненскаго сейма. Если у васъ есть память, то попщите въ ней того случая, когда блаженныя памяти славный Анквичъ (кото-

Библиотека "Руниверс"

раго вскорѣ потомъ за преданность къ Россіи наши собратія повѣсили), примѣтивъ на васъ не принадлежащіе вамъ знаки генеральскаго достоинства, приказалъ ваше сіятельство вывесть съ безчестіемъ изъ залы собранія, чему и теперь есть очевидный свидѣтель въ Житомірѣ, такой же масти генералъ Рачинскій. Скажу вамъ и объ орденахъ вашихъ. Неправда ли, что, выключая одного или двухъ всемилостивѣйше пожалованныхъ, прочіе всѣ далъ вамъ невидимою рукою Богъ, да каинами по вашему велѣнію украсилъ ихъ ювелиръ?—Три губерніи, волынская, подольская и кіевская, да половина Галиціи и даже въ Царствѣ Польскомъ знаютъ и смѣются высокомѣрію и тщеславію вашему, что во всѣхъ лентахъ своихъ и въ полномъ блескѣ свѣтящихся на васъ звѣздъ, въ костелѣ стоите вы на колѣнахъ передъ образами, въ залѣ своей на торжественной аудіенціи предъ своими заимодавцами, а въ театрѣ Романовскаго замка предъ актрисами, актерами и музыкантами, позволяя имъ цѣловать у себя руку. Знаютъ и смѣются тому, что вы въ мундирѣ и въ орденахъ со звѣздами прохаживаетесь отъ скуки въ полѣ, чтобы великолѣпнѣе утѣшаться потомъ и работою своихъ крестьянъ; ѣздите съ заставными своими поссесорами и кредиторами на гумно, чтобъ дорже продать имъ хлѣбъ, въ скирдахъ еще стоящій; бываете иногда на фабрикахъ, чтобъ работники, пораженные вашимъ сіяніемъ, не смѣли отворить рота и жаловаться на нужду и скудость въ пропитаніи, посѣщаете смиренныхъ патеровъ іезуитовъ, чтобы слаще насытиться духовною ихъ бесѣдою; знаютъ и болѣе всего смѣются тому, что вы даже спите въ орденахъ, забывъ сіи прекрасные стихи Державина:

„Оселъ останется осломъ,
„Хотя осыпь его звѣздами;
„Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
„Онъ только хлопаетъ ушами.

Что касается вашего значенія въ республикѣ и въ имперіи, позвольте вамъ въ откровенности изъяснить мои мысли. Я сидѣлъ на сеймѣ посломъ и былъ государственнымъ человѣкомъ,

Библиотека "Руниверс"

до самаго издыханія нашей вольности, но объ Ильинскомъ и слуху тогда не было. За то во время варшавской революціи, когда всѣ наши сотоварищи патріоты, подвизались на ратномъ полѣ, вы, милостивый государь, сидя дома, тихонько разсѣвали въ здѣшнемъ краѣ правила варшавскаго безначалія и, бывъ съ измѣнникомъ Дзялынскимъ и съ другими клятвопреступниками, производившими неосторожно мятежъ въ нашихъ мѣстахъ и за то сосланными въ Сибирь, въ тѣсной дружеской связи, обманули и ихъ и правительство; никогда бы не видѣть вамъ своего и отцовскаго имѣнія, если бы не висѣли вы безпрестанно на шеи у Шереметьева, не играли въ цвикъ съ его женою и сестрою, не ѣздили нѣсколько разъ въ Нѣсвижъ къ Тутолмину и не принуждали жену свою на балахъ у того и другаго прыгать козачка и забавлять ихъ старость лѣтъ разными манерами. За то не конфисковано у отца вашего житомірское староство, которымъ владѣли вы по ложной записи; за то выбрали васъ въ 1796 году губернскимъ предводителемъ, за то, по представленію Тутолмина, сдѣлали васъ камергеромъ. Вспомните, что часъ смертный Екатерины былъ зарею вашего счастія и славы *), вспомните, сколько вы тогда, подъ предлогомъ ходатайствованія о низверженіи Тутолмина и россійскаго здѣсь правленія, получили изъ губерніи червонцевъ, вспомните, чего стоятъ волынянамъ ваши жалобы на Шереметьева и чиновниковъ и сколько выманили вы отъ насъ денегъ, подъ видомъ искательства свободы сосланнымъ въ Сибирь полякамъ. Я сенаторскимъ своимъ достоинствомъ обязанъ моему уму и талантамъ, а вы интригѣ, случаю и женщинамъ; мои знанія въ юристовской наукѣ, или, по вашему, въ ябедничествѣ, столь велики, что никто не смѣетъ разинуть противу меня рта, ибо всякаго изъ моихъ противниковъ задавлю и задушу въ самомъ Сенатѣ; а васъ оберъ-прокуроры не уважаютъ, сенаторы оставляютъ безъ вниманія, а министры презираютъ, даже самые

*) Когда съ ней послѣдовалъ ударъ, то Ильинскій бросился на конѣ верхомъ въ Гатчино къ Павлу и первый извѣстилъ его, что императрица умираетъ. Павелъ, одѣваясь въ шпоры, сказалъ: не забуду.—Прим. А. И. Ставровскаго.

Библиотека "Руниверс"

челобитчики встрѣчаютъ и провожаютъ васъ съ насмѣшливою улыбкою. Вы дѣлаете мнѣ упрекъ, что я бросилъ свою жену, что прелюбодѣйствовалъ съ снохою и что отвергнулъ родную дочь свою; а вы сами развѣ лучше сдѣлали, промѣнявъ супругу свою на модную торговку, которой угождая всѣмъ прихотямъ и капризамъ, скоро не оставите дѣтямъ вашимъ и куска хлѣба? — Богатство ваше намъ извѣстно, а о Романовскомъ Замкѣ, въ иностранныхъ газетахъ, по вашему тщеславію, опубликованномъ, можно сказать пословицу: »Славны бубны за горами«. Въ заключеніе моихъ словъ противу васъ, графъ, выучите наизустъ Оду безсмертнаго пѣвца Фелицы: „Вельможа“, или вытвердите изъ нея хотя сію строфу:

„Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ супостатовъ,
Всякъ думаетъ, что ты Чупятовъ,
Въ мороккскихъ лентахъ и звѣздахъ“.

Тутъ, вставъ съ мѣста, сенаторъ Ворцель подошелъ къ Стройновскому и шепнулъ емо на ухо: вы забыли, графъ, спросить у г. Ильинскаго, какимъ образомъ онъ получилъ староство улановское, лучшее изъ числа всѣхъ казенныхъ имѣній и въ коемъ болѣе двухъ тысячъ душъ. Гижицкій, услышавъ то, подхватилъ съ гнѣвомъ: — „До васъ не касается воспрещать память такихъ событій, о коихъ двадцать лѣтъ молчитъ правительство, а частнымъ лицамъ говорить и вовсе не слѣдуетъ: всѣми дѣлами въ мірѣ управляютъ люди; а сіи люди всегда бываютъ подвержены вліянію страстей. Понимаете ли меня?“ — „Понимаю“, возразилъ Ворцель; — „но не хочу скрывать моего заключенія, что шуринъ вашъ, г. Ильинскій, пользуясь въ 1797 году высочайшею милостію, очень не деликатно поступилъ съ казною, или, лучше сказать, обманулъ государя, употребивъ императорскую къ себѣ

Библиотека "Руниверс"

довѣренность во зло. Цѣлому краю нашему извѣстно, какъ утѣснялъ и отецъ и сынъ, оба гг. Ильинскіе, городъ Житоміръ; но и затѣмъ доходы его были гораздо меньше собираемыхъ съ деревень староства житомірскаго. Покойной государынѣ Екатеринѣ угодно было въ старостинскихъ мѣстечкахъ устроить города и дать имъ привилегіи по городовому положенію, а дожизненнымъ ихъ владѣльцамъ платить изъ казны тотъ доходъ, котораго, за обращеніемъ мѣстечекъ въ города, лишились съ оныхъ. За Житоміръ никакого вознагражденія Ильинскому не слѣдовало, для того, что по разсчету такое количество денегъ выключено изъ числа кварты за селенія, слѣдовательно никакого убытку ему не было, однако-жъ, улучивъ благопріятное время, жаловался императору Павлу, что у него отняли собственное его имѣніе городъ Житоміръ, которымъ-де казна съ обидою его пользуется. Можетъ ли на свѣтѣ быть жалоба сей несправедливѣе? Но проситель столь былъ наглъ и предпріимчивъ, что государь приказалъ возвратить Житоміръ Ильинскому, яко его собственность и за все прошедшее время заплатить съ него доходы. Страхъ будущаго наказанія за обманъ, который рано или поздно долженъ былъ открыться, подружился съ вѣроломнымъ коварствомъ и корыстолюбіемъ, и Ильинскій, подъ видомъ избавленія имперіи отъ убытковъ, неразлучныхъ съ устроеніемъ новыхъ зданій для губернскихъ судилищъ, вновь обезпечилъ себя презрительнѣйшимъ лукавствомъ, принося въ даръ императору тотъ самый городъ, на притязаніе котораго не имѣлъ онъ ни малѣйшаго права. Государь, не предувѣдомленный о подлогѣ, благодаритъ льстеца и, обративъ Житоміръ въ губернскій городъ по прежнему, за учиненное пожертвованіе награждаетъ Ильинскаго улановскимъ староствомъ. Вотъ дерзость, самое воровство превосходящая! Чѣмъ сильнѣе ниспадаютъ таковые примѣры, тѣмъ глубочайшее дѣлаютъ они впечатлѣніе. Есть-ли подобное развращеніе дерзнетъ овладѣть сенаторами, въ коихъ предержащая власть видитъ себѣ помощниковъ, то отъ нихъ оно низвергаться должно гораздо съ большею силою, нежели сами законы дѣйствуютъ".—Встревоженный Гижицкій поблѣднѣлъ и прерывающимся голосомъ сказалъ Ворцелю: „Гораздо удобнѣе раз-

Библиотека "Руниверс"

множать изображенія чужихъ поступковъ, нежели замѣчать свои пороки. Теперь я вижу, что сенаторы разненствуютъ отъ насъ одною только мѣрою власти и возможностію творить зло и слабостями всѣхъ меньшихъ судей превысить могутъ. На что вамъ, графъ, поносить моего шурина, когда вы сами кругомъ пахнете человѣческою слабостію? Вашими устами говорила зависть, а сію возбудило въ васъ возвышеніе моего родственника. Купеческая, или, какъ говорятъ непріятели ваши, продажная душа удобнѣе можетъ найти себѣ пищу въ с.-петербургскомъ, рижскомъ и одесскомъ портахъ, нежели въ сенатѣ, гдѣ бываетъ она въ величайшей дѣятельности тогда только, когда производятся торги на винные откупы и казенные подряды. Вспомните, что вы и сами оставили богатую и достойную жену, для того, чтобы жить явно съ распутною молдаванскою дѣвкою; вы хвалились духовною, заключающею въ себѣ видимые знаки нечистоты вашихъ правовъ; смотрите, чтобъ ею еще больше не помрачился конецъ вашей жизни, проведенной въ распутствѣ и мздоимствѣ. Незаконорожденный сынъ вашъ, для котораго лишаете вы знатной части наслѣдія дочерей своихъ, не дастъ вамъ покоя ни во гробѣ, ни во глубинѣ самаго ада“. —Гижицкій еще хотѣлъ было продолжать матерію своего слова, но Ворцель началъ говорить съ жаромъ:—„Признаюсь вашему превосходительству, что, хотя вы не имѣете такихъ злоѣдкихъ достоинствъ и столь обширнаго и превысшаго ума, какимъ блистаетъ шуринъ вашъ, но есть и вамъ чѣмъ похвалиться. Вы рождены отъ шляхтича, а не отъ магната, слѣдовательно, по натурѣ вещей, вамъ бы должно было или гонять воловъ отца своего на продажу въ Шліонскъ, или, въ званіи диспозитора, побуждать плетью къ работѣ лѣнивыхъ крестьянъ, либо у котораго нибудь изъ нашихъ богатыхъ князей быть берейторомъ и хлопать для его забавы арапникомъ, однако-жъ вы теперь генералъ и генералъ съ именемъ: причиною такового измѣненія уставовъ природы есть, конечно, не что иное, какъ искусство ваше жить въ свѣтѣ. Мнѣ разсказывали, что когда вы еще воспитывались на королевскомъ коштѣ въ корпусѣ кадетовъ, то и тогда всѣ называли васъ смѣлымъ, ибо иному изъ своихъ товарищей откусили

Библиотека "Руниверс"

вы ухо, другому отгрызли кусокъ носа, многимъ въ дракѣ выцарапали глаза, а нѣкоторымъ выщипали на головѣ волосы; по выпускѣ же изъ корпуса, хотя и пресмыкались въ нижнихъ чинахъ, но недолго. Благодаря просвѣщенію, ловкости и отличной любезности польскихъ дамъ пожилыхъ, но богатыхъ, вы черезъ два года въ состояніи были купить себѣ ротмистрство, и, кажется, Вонсовичъ вамъ продалъ его, вмѣстѣ съ орденомъ св. Станислава. Вы, не видя никогда въ глаза непріятеля, служили прежнему отечеству своему весьма храбро; но когда наступилъ второй раздѣлъ Польши и когда вынудили у васъ присягу на вѣрность россійскому подданству, тогда слава объ васъ гремѣла повсюду. Распространенію ея обязаны вы тѣмъ, что умѣли болтать отъ утра до вечера безъ умолку, что передразнивали каждаго искуснѣйшимъ образомъ, что владѣли чуднымъ даромъ кривляться, что всякъ, завидуя вашимъ талантамъ, называлъ васъ мастерскимъ плясуномъ, неподражаемымъ скоморохомъ и безподобнымъ шутомъ. Извѣстясь о таковыхъ отличіяхъ вашихъ, графъ Зубовъ взялъ васъ въ свое покровительство, познакомилъ съ Петербургомъ, возилъ въ Персію и доставилъ мѣсто и чинъ полковничій. Жалѣю сердечно, что русскіе офицеры и начальники ихъ не любили васъ, и какъ, по интригамъ своимъ, не могли вы не выказать своего характера, то даже многіе васъ возненавидѣли и какъ бы выгнали изъ полку. Тогда то вашъ геній воспарилъ подъ облака! О, какъ вы были счастливы, когда васъ, по особенной склонности къ забавамъ, въ часы веселія, зимою, въ трескучіе морозы, возили въ одномъ мундирѣ отъ Дубно до Петербурга и какъ вы охотно, по первому данному вамъ знаку, пѣвали въ нѣкоторыхъ корчмахъ жидовскій »маюфисъ«. Различными способами искушали ваше терпѣніе, но вы всегда были тверды въ своемъ навыкѣ, и какъ дубъ выше мелкихъ кустовъ, такъ вы стояли выше всѣхъ насмѣшекъ и ругательствъ. За то схватили два чина, за то его высокографское сіятельство, сенаторъ, Августъ Ивановичъ графъ на Романовѣ Ильинскій удостоилъ васъ чести быть его сестры мужемъ, за то въ лучшихъ домахъ въ Петербургѣ и на провинціяхъ знали васъ за... За то, сдѣлавшись ше-

Библиотека "Руниверс"

фомъ на счетъ продовольствія безсловесныхъ тварей, нетрепетною рукою набивали себѣ карманы; за то во время похода въ Италію пожалѣли васъ, и когда другіе шефы выставляли чело и грудь свою противу бомбъ, ядеръ и картечь, вы, подобно римскому диктатору Цинцинату, сидѣли подъ отеческимъ кровомъ и спокойно ходили за плугомъ, возсылая смиренныя молитвы къ Богу о дарованіи тишины и мира. Былъ, однакожъ, и вамъ случай отличиться подъ Австерлицомъ, но проклятая пуля сорвала съ головы вашей лавры и, говорятъ, такъ сильно уязвила (только ни вы сами, и никто не помнитъ въ которое мѣсто), что, безъ всякихъ чувствъ стыда и совѣсти, вы очутились въ своей деревнѣ, разсуждая по дорогѣ, какая кому въ томъ нужда, не я первый, не я и послѣдній. При всей однакожъ готовности вашей по службѣ, многіе считали и считаютъ васъ трусомъ и великіе вами совершенные рыцарскіе подвиги толкуютъ превратно. Напримѣръ: рѣшимость вашу, по стремленію коей запрягали вы нѣкогда русскихъ священниковъ, называютъ безразсудностію, а смѣлость и отважность, съ которыми въ пьянствѣ разбили вы бутылкою голову одному русскому губернатору, за то, чтобъ не вступался за честь своей оскорбленной вами націи, поставляютъ выше дерзости и сумашествія; но вы, однакожъ, равнодушно всѣхъ увѣряете, что тотъ и другой поступокъ ничего не заключаютъ въ себѣ противузаконнаго, для того, что остались безъ вниманія и наказанія«.

Гижицкій, пожимая плечами, прервавъ рѣчь Ворцеля, воскликнулъ: »Боже милосердый! какихъ мы имѣемъ сенаторовъ«! а Стройновскій отозвался: »прибавьте къ тому еще и какого губернскаго маршала«!

Казалось, что та и другая сторона, послѣ толикихъ другъ другу нанесенныхъ ругательствъ и колкостей, не иначе вражду свою окончатъ, какъ потушивъ ее въ крови слабѣйшаго; однакожъ гг. польскіе паши сенаторы сравнялись въ семъ случаѣ съ польскими юристами и адвокатами, кои во время опроверженія или защищенія тяжбъ, естьли въ виду патроновъ говорятъ судныя рѣчи, то, кажется, готовы рѣзаться другъ съ другомъ, а вышедъ изъ судовой залы, сами смѣются съ наемнаго своего краснорѣчія.—Огинскій дотолѣ молчавшій, обратясь

Библиотека "Руниверс"

къ спорящимся, спрашивалъ ихъ: »можетъ ли быть въ толь различныхъ умахъ, каковы польскіе, согласіе въ столь пристрастныхъ желаніяхъ, какъ у нашего дворянства? умѣренность—въ столь не постоянныхъ, какъ у васъ, гг. депутаты, взялъ? твердость и единство въ дѣйствіяхъ толико робкихъ? Положитесь лучше всего на фортуну, предметъ нашего поклоненія; но только не забывайте, что для неосторожности она вѣтрена, а для благоразумія постоянна«.—По семъ замолкло все собраніе, и какъ скоро ненависть, незаслуженная Комбурлеемъ, погасила всѣ другія страсти, то Ильинскій паки говорить началъ такъ: »когда всемилостивѣйшій императоръ, по безпримѣрному великодушію и человѣколюбію, простилъ всѣхъ клятвопреступниковъ изъ нашей націи, отпустилъ вины грабителямъ смоленскимъ, возвратилъ достояніе кровопійцамъ московскимъ, принялъ въ свое покровительство Варшаву, бывшую всегдашнимъ гнѣздомъ и скопищемъ мятежниковъ польскихъ, да и память о всѣхъ прошедшихъ нашихъ злодѣяніяхъ предалъ вѣчному забвенію, то не всякаго ли патріота первѣйшій есть и будетъ долгъ принять оружіе и щитъ противу русскихъ начальниковъ и губернскихъ чиновниковъ и противу градской и земской ихъ полиціи?—Начнемъ съ гордаго Комбурлея и докажемъ, что, хотя мы по вѣтренности своей не имѣемъ никакого характера, однакожъ въ злобѣ и мщеніи не уступимъ ни гишпанцамъ, ни жителямъ Корсики, а въ интригѣ превзойдемъ всѣхъ патеровъ езуитовъ и самихъ великихъ инквизиторовъ. Мы тѣмъ обратимъ на себя вниманіе цѣлой Россіи, а единоземцевъ нашихъ въ Польшѣ и Литвѣ увѣримъ, что ежели чудовище варшавской революціи потеряло голову, то на Волыни еще двигается увитый скорпіонами хвостъ его«. Потомъ отозвался Гижицкій: »Комбурлей ничѣмъ меня не обидѣлъ, да и никому въ цѣлой губерніи не причинилъ зла, кромѣ того, что, по излишней ревности къ соблюденію казеннаго интереса, не щадитъ неплательщиковъ податей, взыскиваетъ экзекуціею недоимки, строго удерживаетъ отъ самовластія надъ крестьянами, не смотритъ ни на сенаторскія званія, ни на чины генеральскіе, при понужденіи къ платежу банковыхъ и другихъ казенныхъ долговъ,—убѣждаетъ без-

Библиотека "Руниверс"

престанно дворянъ ко внесенію патріотическихъ пожертвованій и неприступенъ къ тѣмъ, которые для собственной своей пользы хотѣли бы ему оказывать свои услуги. Подчиненные Комбурлея также всѣ добрые люди. Но для чего же намъ, рожденнымъ въ вольности и воспитаннымъ въ свободѣ, еще двигать ярмъ русскаго чиноначалія? Неужели у насъ не можетъ быть губернаторомъ польскій вельможа или генералъ, совѣтникомъ—польскій шляхтичъ, городничимъ—польскихъ легіоновъ офицеръ, а исправникомъ—польскій обыватель? Развѣ золотой вѣкъ нашихъ пястовъ и сасовъ никогда не посѣтитъ сію землю? Потребна только рѣшимость. Уже положено прекрасное основаніе переворота. Уже при нынѣшнихъ выборахъ много трактовано о тайныхъ мѣрахъ и пособіяхъ къ сооруженію зданія, долженствующаго вмѣщать въ себѣ будущее наше счастіе. Я самъ избранъ губернскимъ маршаломъ не для чего инаго, какъ только для того, чтобы дѣйствовать при помощи вашей, почтеннѣйшіе сенаторы, къ низверженію Комбурлея и подчиненныхъ ему русскихъ чиновниковъ. Тутъ раздались въ залѣ ихъ собранія голоса: »*Комбурлея низложить трудно*«, »*Комбурлей въ милости у двора*«, »*Комбурлей богатъ и славенъ*«; но Гижицкій продолжалъ: »въ междоусобныхъ бранях счастіе всегда склоняется къ тому, кто разитъ, мимо того, кто разсуждаетъ. Всякъ изъ насъ долженъ почитать себя защитникомъ общаго дѣла, а потому, видя въ врагѣ злодѣя, вправѣ позволять себѣ всѣ средства, самыя незаконныя, для достиженія своей цѣли. Когда предстанемъ предъ лице государя, принесемъ высочайшему его престолу на все губернское и мѣстное начальство жалобы, а естьли крайность заставитъ, то для чего-жъ нельзя чести, жизни и имущества обжалованныхъ обрещи въ жертву общему единоземцовъ своихъ благоденствію? *Audaces fortuna juvat* (за смѣлымъ Богъ)! Велятъ произвести слѣдствіе? Ручаюсь, что оно будетъ намъ въ пользу, есть-ли только не пожалѣемъ времени, трудовъ и кошельковъ нашихъ. Потребуютъ доказательствъ? Тогда мы выпустимъ ехиднъ съ навѣтами, аспидовъ съ ябедами и убійственныхъ василисковъ съ доносами... Не всегда должно сообразоваться съ строгими законами совѣсти.

Библиотека "Руниверс"

Разсѣемъ повсюду ложь, неправду и лесть, потомъ, съ глубокообдуманною злобою, разстелемъ сѣти ухищренія и коварства. Когда же вся губернія, въ лицѣ тайныхъ поборниковъ нашихъ, роптать и на Комбурлея вопіять станетъ, тогда верховное правительство, сколь бы оно твердо, безпристрастно и справедливо ни было, прійметь нашу сторону. Гласъ народа—гласъ Божій. У насъ есть агенты во всѣхъ повѣтахъ. Почтенные фамиліи: Ворцелей, Стройновскихъ, Ржищевскихъ, Гостынскихъ, Стецкихъ, Яловицкихъ, Домбровскихъ, Павшовъ, Залесскихъ, Плятеровъ, Пражмовскихъ, Букарей, Охоцкихъ, Древецкихъ, Лѣдуховскихъ, Юновскихъ, Буковецкихъ, Валѣвскихъ, Ропикеровъ, Выжговъ, Кашевскихъ, Грохольскихъ, Прушинскихъ, Тарновскихъ, Хоткевичей, Потоцкихъ, Бензымовъ, Залынскихъ и прочихъ, недовольныхъ правленіемъ Комбурлея и Хрущова, поклялись жертвовать собою и имуществами своими, къ пагубѣ русскихъ и къ возстановленію польскихъ чиновниковъ. Средній классъ обывателей и вся шляхта, коль скоро увидятъ успѣхи въ нашихъ предпріятіяхъ, тотчасъ обратятся къ намъ и будутъ готовы ко всякимъ услугамъ. Это, можно сказать, простой народъ, мало чѣмъ различествующій отъ черни; а чернь есть такая скотина, на которой всякъ можетъ ѣздить по очереди«. При семъ разсужденіи князь Яблоновскій обратилъ на себя вниманіе, сказавъ: »а мнѣ кажется, что шляхта наша есть оружіе въ ядъ омоченное и кто владѣетъ имъ счастливо, тотъ погибаетъ наконецъ ихъ жертвою«.

Говорили многіе, шумѣли, спорили, а напослѣдокъ положили: сенатору Ильинскому, во время представленія депутатовъ, поднести государю громкую на волынское начальство жалобу и таковую же доставить предсѣдателю совѣта, князю Салтыкову; генералъ-маіору Гижицкому тотчасъ затѣмъ скакать на Волынь и, прежде вступленія въ должность губернскаго маршала, стараться подъ рукою черезъ своихъ агентовъ распалять умы и поджигать волынянъ ко всѣмъ дерзкимъ предначинаніямъ противу Комбурлея и его подчиненныхъ, Яблоновскому склонять на ихъ сторону князей и богачей, не изъявившихъ при выборахъ охоты къ мятежническимъ предпріятіямъ, Огинскому писать къ своимъ друзьямъ въ

Библиотека "Руниверс"

Вильно и Варшаву о напряженіи общихъ силъ къ тому, чтобъ, съ низверженіемъ Комбурлея, по всѣмъ провинціямъ, отъ Польши присоединеннымъ, губернаторы и другіе чиновники могли быть поляки, а не русскіе, Стройновскому и Ворцелю по всѣхъ юрисдикціяхъ въ столицѣ и въ кабинетахъ министерствъ, пріобрѣсть себѣ друзей, а чрезъ нихъ дѣйствовать по корреспонденціи Волыни, всѣмъ же вообще, какъ самимъ собою, такъ и чрезъ своихъ соучастниковъ и тайныхъ шпіоновъ, гдѣ бы кому ни случилось—при дворѣ-ль, въ сенатѣ-ль, въ министерствахъ, въ домахъ вельможъ и знатнѣйшихъ особъ, въ клубахъ, въ собраніяхъ и на бесѣдахъ, разсѣвать слухи и съ божбою увѣрять, что въ волынской губерніи происходятъ отъ начальниковъ и русскихъ чиновниковъ страшныя злоупотребленія, что самыя жестокія претерпѣваютъ отъ нихъ насилія всѣ вообще состоянія, а въ особенности дворянство, что грабительства и утѣсненія, по части мѣстныхъ полицій, умножились до невѣроятной степени, а наипаче кричать со всей мочи, что у бѣднаго народа безчисленное множество оборовъ вымучено ими въ свою пользу. При всемъ томъ ничего не должно говорить языкомъ холоднаго разсудка, а употреблять только краснорѣчіе страстей и наружность патріотизма, всякую же умѣренность почитать за вѣроломство. Напрасно Огинскій и Яблоновскій представляли собранію, что первые шаги на пути беззаконія возведутъ всѣхъ ихъ къ величайшимъ пропастямъ тѣхъ ужаснѣйшихъ преступленій, кои до самаго гроба не перестанутъ терзать ихъ совѣсть. Гижицкій, возвысивъ голосъ, подобно Стентору, закричалъ: »клянитесь ненарушимо исполнять наши постановленія«! Всѣ, кромѣ двухъ, въ одинъ голосъ закричали: клянемся! Тогда Ильинскій, ставъ на колѣни, воздѣлъ руки къ небу и такъ молился: »Господи, верховный Царю народовъ, укрѣпи незлолюбивые наши сердца и сотвори, да не внидемъ въ сѣти милосердаго снисхожденія къ слабостямъ русскихъ чиновниковъ, но да возрадуемся о погибели ихъ«! Симъ актомъ безбожія зачинщики волынской революціи запечатлѣли союзъ свой. И во время торжественной аудіенціи, данной всемилостивѣйшимъ государемъ депутатамъ, сенаторъ Ильинскій дерзнулъ поднесть императору

Библиотека "Руниверс"

записку въ сихъ словахъ: »яко бы, при взысканіи на Волыни установленныхъ повинностей, происходятъ разныя и раззорительныя притѣсненія обывателямъ, что мѣстное начальство крайне оскорбляетъ ихъ и, вопреки совѣсти, вымучиваетъ отъ нихъ почти въ-двое противъ назначеннаго правительствомъ, употребляя притомъ разныя средства, дабы таковыя злоупотребленія, съ крайнимъ отягощеніемъ народа сопряженныя, не дошли до высочайшаго свѣденія, и что обыватели угрозами и примѣрами мщенія запуганы до того, что не смѣютъ приносить жалобъ«. Подобная записка доставлена князю Салтыкову, генералъ-фельдмаршалу, и господину министру финансовъ отъ его же, сенатора Ильинскаго, представленъ доносъ на казенную палату о неправильномъ, яко бы, исключеніи изъ ревизіи душъ. Гижицкій скоро потомъ получилъ орденъ св. Анны перваго класса, а польскій за заслуги самъ далъ себѣ. Ему приказано состоять по арміи, что и помѣшало вступить въ должность губернскаго маршала. На другой день послѣ аудіенціи, князь Яблоновскій, усмотрѣвъ выставленную бурю злобы, несомую на крыльяхъ интриги отъ сѣвера къ западу, притворно занемогъ и подъ видомъ болѣзни никуда не показывался. Сенаторъ Огинскій, искусившійся опытомъ не вѣрить ложному патріотизму разгорячennыхъ головъ, не хотѣлъ, подобно своимъ товарищамъ, заслужить народное удивленіе отъ обольщенной Волыни, зная, что сей жертвы удостоиваютъ иногда и самыхъ величайшихъ злодѣевъ; за то другіе, чуждые добродѣтели, чуждые патріотическихъ чувствованій и истинной славы, мечтали, подстрекаемые только единою злобою и честолюбіемъ; видя, что поднесенная Ильинскимъ записка не отвергнута, возмнили цѣлой Петербургъ наполнить бракомъ и воспользоваться благопріятною минутою для удовлетворенія страстей своихъ. Они бѣгали вездѣ по домамъ искать слушателей, дѣлали у себя пиры и вечеринки и, назвавъ гостей, большею частію разказщиковъ новостей и проповѣдниковъ о пожарахъ, смертоубійствахъ и о другихъ несчастныхъ приключеніяхъ, съ жадностію ловили всѣ случаи разглашать, что волынская провинція есть кусокъ земли одинъ на цѣломъ земномъ шарѣ Богомъ отверженный, что Комбурлей

Библиотека "Руниверс"

управляетъ оною жезломъ желѣзнымъ, что подчиненные ему начальники градской и земской полиціи всѣхъ угнетаютъ, раззоряютъ и, подобно варварамъ, опустошаютъ ихъ города и села, что помощники правителя, руководимые духомъ наживы, проводятъ время въ пирахъ и празднествахъ, что въ мѣстахъ засѣданія совѣтниковъ нѣтъ ни правосудія, ни кротости, а царствуетъ ужасъ и страхъ, что сонмъ приказныхъ служителей, какъ стадо голодныхъ волковъ, день и ночь рыщетъ за добычею, что у помѣщиковъ въ деревняхъ и мѣстечкахъ домы разрушены военными постоями и помѣщеніемъ лазаретовъ, а фавориты Комбурлея построили себѣ палаты, украсили ихъ бронзою съ дорогими картинами и наполнили блестящими мебелями, что дворяне, чрезъ здирство и поборы обнищавшіе, едва имѣютъ кусокъ насущнаго хлѣба, а губернскіе чиновники и секретари бросаютъ тысячи на угощеніе генераловъ и на пріемы Комбурлеевой фамиліи, что губернскіе маршалы Верцель и Гостынскій, предсѣдатели главнаго суда Бачинскій и Четвертинскій, также и другіе знатнѣйшіе изъ дворянства помѣщики чрезъ Комбурлея обанкрутились и отдали имѣнія свои подъ разборъ, а исправники, повятовые казначеи и прочіе русскіе чиновники сотни тысячъ рублей отдаютъ на проценты, что даже ключвойты, самый нижній классъ полиціи, служащій безъ жалованья, разъѣзжаютъ въ каретахъ, словомъ: готты и вандалы, татары и монголы впаденіями своими и набѣгами менѣе злодѣйствовали и чинили опустошеній, нежели сколько, по ихъ словамъ, чиновники русскіе подъ начальствомъ Комбурлея произвели на Волыни насилій, грабительствъ и всякаго рода преступленій, достойныхъ казни. Такимъ-то языкомъ зачинщики революціи волынской въ самой столицѣ выражали черты души своей, вселяя подозрѣнія о постыднѣйшихъ и оскорбительнѣйшихъ намѣреніяхъ своихъ. Хладнокровные и безпристрастные слушатели, коихъ однакожъ немного, почитали сіи сказки за ужасную смѣсь подлостей, свирѣпости и посмѣянія, но жадные охотники до новостей и тѣ, коимъ неизвѣстны были пружины, направленныя разскащиками къ пагубѣ Комбурлея, распустили сами отъ себя еще больше басень и тѣмъ дали видъ правдоподобія всѣмъ

Библиотека "Руниверс"

гнуснымъ и нелѣпымъ слухамъ, ненависти, завистію и злобою разглашаемымъ.

Государь императоръ изволилъ отправиться въ началѣ сентября въ Вѣну на конгресъ; записка, препровожденная въ комитетъ, пошла въ дѣло. Ильинскій торжествовалъ и отъ избытка удовольствія, что успѣваетъ въ мщеніи Комбурлею, встрѣчаясь съ министрами, ни одному уже изъ нихъ не кланялся. Стройновскій и Ворцель, уступивъ ему первую ролю, довольствовались второю степенью лицедѣевъ. Прочіе изъ ихъ труппы статисты, хотя съ боязнію взирали на скопляющуюся грозную тучу, но намѣревались воспользоваться раззореніями, въ случаѣ обрушенія оной. Гижицкій, сломя голову, поскакалъ на Волынь и во все продолженіе пути предъ знакомыми и незнакомыми жаловался, что ему очень жарко, скидалъ безпрестанно шинель, подъ которою на военномъ мундирѣ видны были двѣ звѣзды, и разсказывалъ всякому, кто и какимъ образомъ всунулъ ему въ петлицу польскій орденъ за заслуги. Природа въ законахъ своихъ не измѣнила: она зоветъ волка въ лѣсъ, а поляка тянетъ къ хвастовству.

Между тѣмъ какъ адъ зависти раскрылъ зѣвъ свой, чтобы поглотить Комбурлея, онъ въ кругу своего семейства наслаждался душевнымъ спокойствіемъ и за спасеніе волынской провинціи въ опасное время жесточайшихъ браней ожидалъ награды; а когда приближенные къ нему доносили о злоухищреніяхъ тайно вооружающейся противу него партіи и совѣтывали принять благовременныя мѣры къ истребленію крамолы въ самомъ ея началѣ, то онъ въ незлобіи сердца своего отвѣчалъ имъ: „Я не хочу для пресѣченія временныхъ замѣшательствъ воздвигать неукротимую бурю. Насиліе есть удѣлъ только нѣкоторыхъ, а законъ есть защита всѣхъ; крамолы губятъ почти всегда тѣхъ, которые ихъ основали, и предразсудки уступятъ мѣсто истинѣ. Для пылкихъ честолюбцевъ не всегда бываютъ открыты пути къ славѣ. Вражда безъ мѣры, презрѣніе безъ причины и надежность безъ основанія сами по себѣ приближатъ враждующую мнѣ партію на край бездны. Будьте спокойны, кто въ совѣсти чистъ и въ дѣлахъ своихъ непороченъ, тотъ не боится клеветниковъ, отъ малодушія

Библиотека "Руниверс"

и страха всегда почти преступающихъ за границы благоразумія". — Нѣкто въ семъ случаѣ припомнилъ слова славнаго философа, что великодушныя жертвы „власти и силы, въ угожденіе мнѣнію, возбуждаютъ восторгъ и благодарность, но невольныя жертвы слабости, изъ одной боязни и робости, умножаютъ недовѣрчивость „и лишаютъ уваженія", а Комбурлей, вздохнувъ, сказалъ на то: „для чего же умалчиваете, что всякая умалительная жертва политики оплакиваема будетъ добрыми сердцами и найдетъ мстителя въ другомъ мірѣ". Тутъ прекрасная и предобродѣтельная супруга Комбурлея, вмѣстѣ съ почтеннѣйшею матерію своею, генералъ-поручицею Рахмановою, приступили къ нему съ повтореніемъ неоднократныхъ просьбъ своихъ оставить службу и удалиться въ деревню, гдѣ ожидаютъ его семейственныя утѣхи, дружба и блаженство. Слезы ихъ были выразительнѣе самихъ рѣчей; горестное предзнаменованіе незаслуженныхъ несчастій! Всего же чувствительнѣе для сердца было видѣть, какъ миленькія ихъ дѣточки, внимая словамъ бабки и матери, безмолвно смотрѣли отцу въ глаза и осыпали поцѣлуями своими его руки; но высокій духъ выступилъ противу нѣжности и благородное честолюбіе вступило въ права свои. Онъ изрекъ: «Естьли должно заплатить дань роковому стеченію обстоятельствъ, то лучше пасть съ мечемъ въ рукѣ, нежели безъ обороны протягивать мечь предъ коварными врагами. Есть ли интрига возьметъ перевѣсъ и я удалюсь, что будетъ тогда съ моими подчиненными? Кто защититъ ихъ? Вы знаете, что средній классъ здѣшняго дворянства и огрубѣлая шляхта, нищетою ожесточенная, суть такія существа, кои слѣпо готовы слѣдовать за всѣми крамолами и творить всякія неистовства. Не время помышлять объ отставкѣ; отсутствіе можетъ поглотить и достоинства и всю пріобрѣтенную мною славу. Надѣюсь на правосудіе и любовь мою къ отечеству, могущество истины непобѣдимо. При всемъ томъ не могу скрыть предъ вами опасенія, чтобъ коварные мои враги не увлекли за собою общественнаго мнѣнія, которое хотя по виду есть оружіе слабое, но мочное по дѣйствію. Это пружина тѣмъ страшнѣйшая, что сила ея неизчислима. — Комбурлей умолкъ; нѣкоторое горестное предчув-

Библиотека "Руниверс"

ствіе покрыло свѣтлое лицо его туманомъ печали. Ему мечтались тѣ времена ужасовъ, раздоровъ и варварства, которые долго покрывали Польшу глубокимъ мракомъ, освѣщеннымъ только факелами злодѣйства.

Волынь, выславшая депутатовъ въ столицу, не подозрѣвая никого изъ нихъ въ черноду шіи, наглости и подлости, съ нетерпѣніемъ ожидала ихъ возвращенія, а тайные друзья начавшейся революціи, будучи природными врагами всему тому, что хочетъ выйти изъ безпорядка, выглядали своихъ сообщниковъ съ непрестаннымъ желаніемъ распространить кругъ своей ненависти къ Комбурлею. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ были нижеслѣдующіе: Залескій, въ отсутствіи губернскаго маршала*), исправлявшій его должность, о которомъ вездѣ носится такая молва, что онъ породою грубый шляхтичъ, званіемъ житомірскій маршалъ, фигурою запорожскій козакъ, умомъ деревенскій мужикъ, обращеніемъ изъ-за стойки цѣловальникъ; простъ, какъ ворона, но хитръ, какъ бѣсъ. Сей маршалъ, кромѣ безмѣрной склонности къ горячимъ напиткамъ, кромѣ буянства и сваръ съ своими родственниками, кромѣ признанія, подобно герцогу Орлеанскому, проименованному Равенствомъ, что онъ сынъ кучера, обезчестилъ себя предводительствованіемъ шайкою, которая въ 1808 году, напавъ ночью на бывшаго здѣсь прокурора Руссова, среди улицы высѣкла его плетьми за одно сочиненіе подъ именемъ: «Волынскія записки», изданное по высочайшему повелѣнію. Какъ злодѣи были въ маскахъ и скрылись отъ очей полиціи, то и преступленіе ихъ осталось безъ наказанія; а нынѣ, подъ покровомъ десятилѣтней давности, панъ указываетъ пальцемъ на оныхъ санъ-кюлотовъ. Сосѣди Залѣскаго, помѣщикъ Букаръ и Охоцкій, были ему друзьями, Ильинскому рабами, Гижицкому братьями, а Комбурлею злѣйшими непріятелями не потому, чтобъ онъ ихъ обидѣлъ, ибо, напротивъ, тотъ и другой пользовались всегдашнимъ въ домѣ его гостепріимствомъ; но для того, чтобъ угодить Ильинскому и насы-

*) Гижицкаго.

Библиотека "Руниверс"

тить національную свою ненависть къ русскимъ. Первый изъ нихъ Букаръ хвастался родовою непреклонностію и отвращеніемъ ко всему русскому, говоря, что еще дѣдъ и отецъ его питали къ нимъ непримиримую злобу, а онъ самъ лишился даже имущества своего, гоняясь за славою патріота; другой же, Охоцкій, взросшій въ домѣ дяди своего, аббата сего имени, во время варшавской революціи подвизавшагося въ овруцкомъ повѣтѣ за вольность и съ пастырскимъ смиреніемъ проповѣдывавшаго тамошней шляхтѣ о всеобщемъ возстаніи и о убійствѣ русскихъ, былъ разомъ съ тѣмъ же дядею въ смоленской секретной коммиссіи и, за правила безбожія и клятвопреступство, получилъ тамъ должное возмездіе, о которомъ не говоритъ для того, что далъ подписку въ молчаніи. Весь родъ Охоцкихъ и Букарей не терпитъ ни одного изъ русскихъ чиновниковъ. Вележинскій, зять Букаревъ, напыщенный ученостію студентъ, теперешній маршалъ, начитавшись книгъ о революціяхъ, наслышавшись отъ тестя о патріотизмѣ и будучи къ тому жены своей униженный слуга, также не возлюбилъ Комбурлея; а помѣщикъ Валевскій, горячій любовникъ Вележинской, думающей о себѣ, что она патріотка, сдѣлался также горячимъ недругомъ начальника губерніи. Всѣ сіи пять человѣкъ принимали волю Ильинскаго за законъ, и въ двухъ повѣтахъ, житомирскомъ и новоградволынскомъ, стояли въ передникъ шеренгахъ конфедераціи противу Комбурлея. Помѣщикъ Буковецкій, старокостантиновскій въ то время маршалъ, и видомъ и душею страшный сарматъ, со злости чуть было не повѣсившійся за то, что дочь его тайно выпла замужъ за русскаго офицера, рыкаетъ на русскихъ, какъ левъ; онъ въ своемъ повѣтѣ взялся быть главою противудѣйствующей Комбурлею партіи. Павша, овруцкій маршалъ, одинъ изъ четырехъ братьевъ, обличенныхъ въ клятвопреступленіи и измѣнѣ и за то лишенныхъ достоянія своего, взросшій между звѣрей, среди болотъ и лѣсовъ непроходимыхъ, рано и вечеръ изрыгающій хулу проклятія на тѣхъ россійскихъ владѣльцевъ, коимъ досталось конфискованное у братьевъ его имѣніе, съ превеликою радостію взялъ себѣ ролю гонителя всѣхъ русскихъ чиновниковъ. Графъ Тарновскій, кременецкаго повѣта мар-

Библиотека "Руниверс"

шалъ, молодой, неопытный помѣщикъ, привязанный болѣе къ картамъ, нежели къ своей должности, обнищавшій чрезъ мотовство своего брата, бывшаго также въ Кременцѣ маршаломъ и бѣжавшаго за границу, не имѣлъ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ на Комбурлея, но захотѣлъ быть врагомъ его только потому, что бродяги и бѣглецы изъ легіоновъ польскихъ натрубили ему въ уши, будто предокъ его, славный гетманъ Тарновскій, оставилъ завѣщаніе потомству своему мстить всякому россіянину за его пораженіе. Въ томъ же повѣтѣ два брата Древецкихъ и вся фамилія Ржищевскихъ, за то, что Комбурлей въ 1812 году исполнилъ повелѣніе главнокомандовавшаго войсками и выслалъ Ржищевскую и Древецкаго внутрь Россіи, кипѣли противу его злобою; маршалъ ровенскаго повѣта Линьковичъ, ни добра, ни зла творить неумѣющій, по одному только наущенію матери, отправившей трехъ сыновей, кромѣ его, на службу противу Россіи, что и было причиною секвестра ихъ имѣнія, а ея ненависти къ Комбурлею, вызвался угождать Ильинскому. Маршалъ заславскаго повѣта Бензымъ, внукъ конюшаго, а сынъ стряпчаго князей Сангушковъ, самъ плотникъ, каретникъ, подрядчикъ, купецъ, факторъ и почтъ содержатель, болѣе всѣхъ, подъ маскою преданности къ Комбурлею и пріязни къ губернскимъ чиновникамъ, умѣлъ питать въ душѣ своей склонность къ предательству, объявляя причиною того нежеланіе Комбурлея доставить ему орденъ св. Анны 2-го класса. Малынскій и Липскій, первый маршалъ острогскаго, а послѣдній луцкаго повѣтовъ, оба промотавшіеся помѣщики и оба облагодѣтельствованные Комбурлеемъ, вмѣсто признательности заплатили ему самою жестокою неблагодарностію изъ угожденія Ильинскому и Гижицкому. О характерѣ и поведеніи ихъ говорятъ такъ, что они изъ числа тѣхъ людей, у коихъ на челѣ, какъ на дверяхъ дома, написаны большими буквами сіи слова: „Отдается въ наймы или продается". Маршалъ дубенскаго повѣта Молодецкій, скупѣйшаго отца прескупой сынъ, примѣръ тщеславія и гордости, полюбилъ Ильинскаго за его высокомѣріе и безъ всякой другой причины сдѣлался врагомъ Комбурлея. Одинъ только владимірскій маршалъ, Холоневскій, оказалъ

Библиотека "Руниверс"

благородство души своей, пренебрегая увѣщаніями, просьбами и угрозами Ильинскаго соединиться съ нимъ на пагубу Комбурлея, и когда уже не могъ отвратить зла, то согласился, взявъ паспортъ, лучше выѣхать за границу, чѣмъ дышать однимъ воздухомъ съ клеветниками. Друзья сенаторовъ Стройновскаго и Ворцеля, разсыпанные по разнымъ повѣтамъ, также арендаторы и ихъ заставники, кои никакой обиды не понесли отъ губернскихъ начальниковъ, вписали имена свои въ списокъ конфедератовъ противу Комбурлея для того, чтобъ показать польскую фантазію, питающуюся пустыми звуками, и чтобы сказали объ нихъ сіи слова:

„Ай, моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона“....

Но всѣ сіи мнимые поборники вольности и патріотизма, чудаки и принужденные наемники, чрезъ коихъ, какъ чрезъ морскую трубу, начальники раздоровъ хотѣли говорить съ дворянствомъ, до возвращенія депутаціи, сидѣли въ домахъ, какъ вѣтры въ ущелинахъ. Говорятъ, что великая тишина въ морѣ предзнаменуетъ наступающую бурю. Кажется, что такъ случилось и въ волынской губерніи. Шляхта во время выборовъ, подобно стаѣ воронъ, каркала, каркала и разлетѣлась въ свои гнѣзда; Ильинскій и губернскій маршалъ Гижицкій, какъ два коршуна, пустились въ столицу искать пищи своему самолюбію, а ихъ агенты, подражая ястребамъ, разгоняющимъ стада невинныхъ голубей, дожидались случая, съ какой стороны лучше ударить на русскихъ чиновниковъ. Комбурлей, ненавидя тщеславныхъ, сожалѣя о глупыхъ, гнушаясь подлыми и имѣя отвращеніе отъ обманщиковъ и лжецовъ, видѣлъ всю интригу, неизбѣжное дѣйствіе пороковъ человѣческихъ, и думалъ, поелику клевета, съ давняго времени устремившаяся на него, была и есть составомъ противныхъ стихій, то безъ всякой постороннѣй помощи надлежитъ ей скоро разрушиться. Ильинскаго, Гижицкаго и другихъ враговъ своихъ онъ уподоблялъ тѣламъ поверженнымъ на землю громовымъ ударомъ, кои хотя бы и сохранили одинъ, болѣе или менѣе блестящій, составъ, но отъ легкаго прикосновенія и самой

Библиотека "Руниверс"

слабой руки, должны тотчасъ разсыпаться въ прахъ. Забылъ Комбурлей, что польскія провинціи всегда были театромъ кровопролитія, разбоя и безначалія и что нѣтъ предѣловъ для честолюбія. Само губернское начальство держало возжи правленія какъ будто въ сонныхъ рукахъ. Никому не приходило въ голову, что и робость есть также страсть, которой льстецы угождать умѣютъ, окружая ее туманами и питая мечтами, и что поляки не даютъ мира врагамъ своимъ и въ могилѣ. Но поспѣшимъ слѣдовать за нитью произшествій, коихъ простое повѣствованіе, какъ они одни за другими слѣдовали, откроетъ начало и причины волненій по повѣтамъ и покажетъ употребленные средства къ произведенію начертаннаго плана.

Гижицкій изъ столицы прискакалъ въ половинѣ сентября ночью прямо въ Андрушевку, деревню маршала Залескаго. Тутъ явились Букаръ, Охоцкій и сосѣдъ ихъ, главнаго суда перваго департамента предсѣдатель Домбровскій, о котораго характерѣ разскажу я вамъ подробно въ свое время, а теперь упомяну только объ одной отличной чертѣ его злобы противу русскихъ.—Въ 1804 году никакъ онъ не могъ добиться предсѣдательства въ уголовномъ департаментѣ, а потому чрезъ всѣ подлости старался посадить туда депутатомъ или засѣдателемъ зятя своего, однофамильца же, Домбровскаго. Вотъ что писалъ онъ ему въ наставленіе: «Коль скоро придетъ къ тебѣ на столъ дѣло о чиновникѣ «или обывателѣ русскомъ, берегись оправдать и самую невин«ность: мечи на нее перуны, не внемли ни воплю, ни моленіямъ. Правосудіе должно быть для нихъ чуждо. Они покорители «наши, слѣдовательно виновны. Пусть гремитъ цѣпями тиран«ство, а ты наслаждайся удовольствіемъ мщенія. Проклятъ, ежели «преступишь мою заповѣдь»!—Перо, начертавшее таковыя строки, окованное хладнокровіемъ ко всему священному и омоченное ядомъ злости, чего не могло написать и подписать при сужденіи отрѣшенныхъ сенаторомъ Сиверсомъ и подъ топоръ польскихъ палачей отданныхъ русскихъ чиновниковъ?! Залескій о пріѣздѣ желаннаго гостя далъ знать во всей околицѣ. Вызвана Букаремъ дочь его, житомірская Аспазія, г. Вележинская съ толпою своихъ

Библиотека "Руниверс"

обожателей, между коими отличались Валевскій въ ролѣ Сократа, а молодой Карвицкій—Алкивіада. Мужъ пріѣхалъ безъ просьбы. Уже зала наполнилась всякаго помета шляхтою: ордеровыми въ бунтушахъ, недорослями въ мундирахъ съ круглыми шляпами и съ саблями въ рукахъ, бывшими подкоморами, судьями, подсудками и засѣдателями. Гижицкій спитъ.—Уже одиннадцать часовъ; жидъ, по повелѣнію хозяина, принесъ изъ корчмы алембиковой водки; поставлено на столъ завтракъ: колбаса съ часнокомъ, гультайскій бигосъ, руляда изъ поросенка, повидло изъ сливъ и донская селедка съ лукомъ. Гижицкій спитъ.—Уже кучера начинаютъ хлопать бичами,—знакъ, что просятъ водки, и тогда камердинеръ Гижицкаго, съ растрепанными волосами, въ рейтузахъ входитъ къ залу. Со всѣхъ сторонъ голоса: „панѣ Томашу, панѣ Томашу! витамы, витамы!“—оглушаютъ его. Потомъ начинаются вопросы: здоровъ ли генералъ? видѣлъ ли государя, былъ ли въ католицкомъ костіолѣ? скоро ли имѣетъ командовать арміею? какова была его квартира въ мраморномъ дворцѣ?—Звонитъ колокольчикъ, камердинеръ уходитъ; хозяинъ Залескій беретъ въ одну руку съ широкимъ плюмажемъ шляпу, а въ другую рапортъ и всѣ приступаютъ къ спальнѣ. Дверь отворяется, Гижицкій лежитъ небрежно на софѣ, въ сѣрой военной шинелѣ, и держитъ въ зубахъ трубку; передъ нимъ на маленькомъ столѣ положены ордена: Анны 1-го класса, Станислава и учрежденный во время революціи крестъ за заслуги; близъ ихъ двѣ звѣзды. «Виншуемъ мы, пану генералови, виншуемъ мы!»—кричатъ со всѣхъ сторонъ и приближаются къ софѣ, а онъ, поднявши голову, дѣлаетъ на воздухъ поцѣлуи и пожимая у каждаго гостя руку, говоритъ всякому: «якъ сѣ машъ, якъ сѣ машъ»? прибавляя къ друзьямъ: «панѣ Бухаруню, панѣ Добросю, панѣ Вележинею, панѣ Охосю!» и такъ далѣе.—Уменьшеніемъ фамиліи и перемѣною на окончательныя слоги *нь* и *сю* поляки изъявляютъ къ подчиненнымъ особенный знакъ ласковости безъ душевнаго и сердечнаго въ томъ участія.—Начали опять отзываться къ нему: „цожъ тамъ? якъ тамъ?“ Отвѣтъ былъ: „все хорошо, все благополучно. Вотъ орденъ, а вотъ генеральскій мундиръ съ шитьемъ“.—Хвали-

Библиотека "Руниверс"

те Бога, мы счастливы! Всемилостивѣйшій Государь съ неизреченною благостію принялъ желаніе сердецъ вашихъ и сколько къ намъ былъ добръ и благосклоненъ, столько воспалился гнѣвомъ на Комбурлея и подчиненныхъ ему чиновниковъ, снисходя на всеподданнѣйшіе жалобы ваши". При сихъ словахъ предстоящіе взглядывали одинъ на другаго. Легко можно было признать мятежниковъ изъ той вѣроломной радости, которая ихъ ожидала, а Гижицкій продолжалъ: „худо, очень худо будетъ Комбурлею, если я не подамъ ему помощи. Защитникъ правъ и свободы нашей графъ Ильинскій еще въ столицѣ: я поѣду въ армію; избирайте для себя другаго губернскаго маршала; а естьли хотите, чтобы я остался, нужно пожертвованіе: Петербургъ любитъ деньги". Собраніе было многочисленное и неодномыслящее, для того Гижицкій не распространялъ далѣе сей матеріи. Во время обѣда превозносимы были похвалами Ильинскій, Стройновскій и Верцель, а о запискѣ, поданной Государю, ни слова. Выпивши по нѣсколько бокаловъ „душкемъ", пили „о книжкахъ": виватъ депутація волыньска! виватъ Гижицкій! виватъ ягода! Кохаймы сѣ! Гости встали изъ за стола, какъ обыкновенно здѣсь водится, съ шумнымъ весельемъ. Тогда Гижицкій, отозвавши на сторону Залѣскаго, Букаря и Домбровскаго, удалились въ особенную комнату и тамъ началъ говорить такъ: „Друзья и братья! совершилось мое и ваше желаніе. Комбурлей, столь страшный для шляхты своимъ колоссальнымъ могуществомъ, падетъ и не возстанетъ. Вотъ записка, поданная Государю и его величествомъ не отвергнутая: съ сей минуты повинны мы разорвать всѣ связи съ русскими чиновниками и почитать ихъ своими врагами. Разсудку должно умолкнуть. Пусть говорятъ страсти. Одна только медленная осторожность можетъ раскрыть свободное поле для исполненія нашихъ желаній. Въ Житомірѣ мы будемъ обѣщаніями усыплять Комбурлея, а по повѣтамъ пусть имя его служитъ предлогомъ ко всѣмъ безпокойствамъ и сигналомъ къ нападенію на его подчиненныхъ. Графъ Ильинскій возвратится чрезъ три недѣли; въ сему времени всѣ наши друзья могутъ собраться въ Романовъ, но должно имѣть тайныхъ своихъ разсыльщиковъ, чтобъ разго-

Библиотека "Руниверс"

рячить вездѣ головы, а если нужно, то привести и въ бѣшенство. Уже цѣлой Петербургъ на нашей сторонѣ. Графъ Стройновскій и графъ Варцель восхищаютъ всѣхъ искуснымъ расположеніемъ скрытыхъ мѣръ для достиженія нашей цѣли. Намъ предлежитъ дѣлать такъ, чтобъ быть въ одно время и повелителями, и свидѣтелями, и доносчиками, и обвинителями, и судьями; но до времени скрывать все сіе въ глубокой тайнѣ; берегитесь, да не проникнутъ въ оную губернскіе или мѣстные чиновники; лучше всего сдѣлаемъ, когда засыплемъ цвѣтами сѣть, разставленную для ихъ пагубы. Вамъ еще неизвѣстна тактика собраній. Романовскій замокъ покажетъ оную и будетъ средоточіемъ всѣхъ совѣщаній. Дерзайте! все прочее потечетъ само собою за вихремъ переворота". Потомъ, обратясь къ Залѣскому, продолжалъ: „На васъ, маршалъ житомірскій, лежитъ теперь вся обязанность споспѣшествовать общей волѣ дворянства, но не забывайте, что его привычка къ узамъ, къ страху и предразсудкамъ, долго—долго не можетъ изчезнуть".—Гижицкій умолкъ, а Залѣскій, Букаръ и Домбровскій, преклонивъ головы къ землѣ, цѣловали его колѣна. Черезъ часъ обо всемъ происходившемъ дано знать съ нарочными козаками Павшѣ въ Озручь, Гостынскому въ Дубно, Бензыму въ Заславль, Стецкому въ Мензиричь и Плятеру въ Кременецъ. Строптивый сонмъ, поднявъ разъяренную десницу свою на все русское чиноначаліе, воздыхалъ по той минутѣ, въ которую бы начать смятеніе. Она приближалась. Сенаторъ Ильинскій, подхвативъ изъ министерства финансовъ болѣе тридцати тысячъ рублей, Богъ знаетъ по какому расчету, будто за городъ Житоміръ ему недоплаченные, оставивши дѣтей своихъ босыхъ и голыхъ въ Петербургѣ и, чтобъ ни съ кѣмъ не расплатиться, въ полночь оттоль поскакалъ на Волынь и дѣйствительно въ назначенный Гижицкимъ срокъ прибылъ въ Романовъ.—Ударили по губерніи тревогу честолюбія, и всѣ маршалы, выключая Холонѣвскаго, явились къ нему въ Романовскій замокъ. При нихъ были съ каждаго повѣта въ видѣ делегатовъ по нѣскольку помѣщиковъ готовыхъ на всякую подлость и на всякое поползновеніе, взводить затѣйныя на честность преступленія.—Гижицкій, За-

Библиотека "Руниверс"

лѣсвій, Гостынскій, Букаръ, Домбровскій, Павша, Балтазаръ, Комаровскій и Прушинскій, подкоморій острогскій, составили изъ себя буйственную спиру обмана, рѣшившуюся возжигать ложною молвою дворянъ противу начальства, и приведя умы ихъ въ изступленіе, враждебно преслѣдовать истину.

Какъ мы уже приблизились къ той пороховой минѣ, которую предводители партій направили для взорванія Комбурлсевой славы и высочайшей къ нему довѣренности, то и хочу представить вамъ, милостивая государыня, ни лестію не украшенное, ни злобою не обезображенное описаніе случившихся притомъ произшествій, въ конхъ человѣческая слабость является во всей наготѣ своей.—Графъ Ильинскій въ палатахъ романовскаго замка дастъ маршаламъ, повѣтовымъ делегатамъ и съ ними собравшемуся дворянству торжественную аудіенцію, плодъ постыднаго лицемѣрія; но, всегда любезный тщеславію, онъ, имѣя передъ собою пятьдесятъ или болѣе слушателей, въ томъ числѣ бывшаго губернскаго маршала Ганскаго, князя Максимиліана Яблоновскаго и другихъ не терпящихъ клеветы помѣщиковъ, начинаетъ къ нимъ говорить такъ: „Государи мои! Природа и судьба условились наконецъ свергнуть мою рукою съ высоты могущества того, кто желѣзнымъ жезломъ суровости управлялъ нашею провинціею. Жребій Комбурлея рѣшился. Опасность грозы миновалась. У престола всемилостивѣйшаго государя услышанъ вопль, стонъ и жалобы ваши. Отъ нашего единодушія и отъ сліянія волей въ одну зависитъ счастливый конецъ благополучнаго начала. Уповайте на силу и власть мою! Что былъ полякъ въ царствованіе Екатерины? Измѣнникъ и клятвопреступникъ. Я исхитилъ жертву у неправды и защитилъ его отъ стрѣлъ клеветы. Безъ меня права польскія, хранившіяся въ архивахъ, истлѣли бы въ прахѣ. Кому весь край, присоединенный къ имперіи, естьли не мнѣ, обязанъ благодарностію за возстановленіе прежнихъ законоположеній и за введеніе въ судилища языка польскаго? Кто, естьли не я, Тутолмина сверг съ высоты славы и надменнаго величія,—Беклешову преградилъ пути самовластія и насилія, Гудовичу стеръ рогъ гордости, Шереметева принудилъ выйти въ отставку, Куриса на-

Библиотека "Руниверс"

понялъ уничиженіемъ и лишилъ губернаторскаго мѣста, князя Волконскаго выгналъ изъ губерніи и изъ службы? Не меня ли трепетали военные губернаторы Розенбергъ и Эссенъ? Самъ великій Суворовъ не боялся ли вліянія моего при дворѣ? А Комбурлей вздумалъ отвѣдать силы съ сенаторомъ четвертой части имперіи! пигмей и атлантъ—вотъ сравненіе между нами. Неужели духъ вашъ не плаваетъ въ удовольствіи, когда вообразите себѣ о возвращеніи изъ ссылки томимыхъ тысячъ нашихъ собратій? Кто же, естьли не я, ходатайствовалъ у государя Павла, да согрѣются сердца сихъ несчастныхъ высочайшею милостію? Когда бѣшеное изступленіе русскихъ патріотовъ и нашихъ губернаторовъ вездѣ, въ столицѣ и на провинціи, преслѣдовало остатки народа польскаго униженіемъ своимъ славнѣйшаго паче другихъ славящихся величіемъ своимъ,—кто-жъ, естьли не я, двадцать лѣтъ сряду глубокимъ, добродѣтельнымъ чувствомъ моимъ противустоялъ порывамъ жестокихъ дѣйствій, самовольства и насилія? Правда, мы, восхотя проложить дорогу къ славѣ, блуждались иногда въ узкой и извилистой дорогѣ ложной политики; но забудемъ прошедшее, не воспомянемъ о своемъ безуміи. Теперь для всѣхъ, а особенно для насъ, отверзто святилище, куда до того никто не заглядывалъ, кромѣ любимцевъ счастія. Будьте великосердны и мужественны! Чувствованіе своей слабости приводитъ человѣка въ отчаяніе, а чувствованіе силы умножаетъ его совершенно.—Прочтите поднесенную мною Государю Императору записку и дайте свое мнѣніе". Пересталъ говорить Ильинскій. Глаза его были сухи, подобно трупу, а сердце наполнялось только удовольствіемъ мщенія.—Читаютъ записку. Какъ скоро дошло въ ней до сихъ словъ: „При взысканіи установленныхъ повинностей происходятъ разныя и разорительныя притѣсненія обывателямъ",—поднялся шумъ въ собраніи. Иной изъ маршаловъ говорилъ: „Это противно моимъ представленіямъ начальству," другой, что въ его повѣтѣ подобныхъ притѣсненій не было, тотъ, что таковой пунктъ жалобы будетъ причиною различнаго объ немъ сужденія обывателей, а сей отзывался, что не надобно ни въ чемъ щадить Комбурлея и его подчиненныхъ.—Утихли споры, продолжаютъ чи-

Библиотека "Руниверс"

тать: „Мѣстное начальство крайне оскорбляетъ дворянъ и, вопреки совѣсти, вымучиваетъ отъ нихъ почти въ двое противу назначеннаго правительствомъ, употребляя разныя средства, дабы таковыя злоупотребленія, съ крайнимъ отягощеніемъ народа сопряженныя, не дошли до высочайшаго свѣдѣнія, и что обыватели угрозами и примѣрами мщенія запуганы до того, что не смѣютъ приносить жалобъ". „Какъ?—возразилъ Ганскій; я въ самое критическое и бѣдственное отъ войны время былъ губернскимъ маршаломъ, при мнѣ происходили два года безпрерывно наборы рекрутъ, при мнѣ генералъ-адьютантъ графъ Комаровскій и началъ и кончилъ пріемъ лошадей, при мнѣ продолжалась поставка ихъ для артиллеріи въ Полоцкое и въ Кіевъ, при мнѣ давали обыватели волокъ, водку и хлѣбъ для арміи, при мнѣ брали погонщиковъ и всѣ многочисленныя и важнѣйшія повинности при мнѣ отбывало дворянство; однакожъ никто изъ нихъ, ни великопомѣстный, ни малопомѣстный, ни сами чрезъ себя, ни чрезъ отдатчиковъ, ни къ повѣтовымъ маршаламъ, ни къ губернскому, ни просьбы на словахъ, ни жалобы на бумагѣ не подавали, не присылали и не пересказывали. Я вамъ доложу, государи мои, что проэкты жалобъ, помѣщенные въ запискѣ, суть выдумка и пустыя умозрѣнія, или праздныхъ и слабыхъ головъ, или хитрыхъ и мстительныхъ лицемѣровъ".—Потомъ говорилъ князь Яблоновскій: „дворянство, въ лицѣ маршаловъ, должно почитать представителей и ходатаевъ о ихъ нуждахъ; для чего-жъ бы имъ три года молчать объ оскорбленіяхъ, насиліяхъ и вымучиваніи въ двое наборовъ, естьли бы таковыя злоупотребленія происходили дѣйствительно. Могу васъ увѣрить, почтеннѣйшіе мои собратіи, что затѣянная въ досадахъ клевета сколько вредна и пагубна для невинности, столько мерзка предъ очами Государя, съ коимъ сидитъ на престолѣ человѣколюбіе и милосердіе". Гижицкій, Гостынскій, Букаръ, Домбровскій и Охоцкій кричали: „прочь Комбурлейчиковъ! прочь друзей рабства! Можно ли сомнѣваться въ справедливости записки и подозрѣвать въ пристрастіи того, котораго руку водила сама истина?—Послушайте! послушайте! Когда мы доставляли рекрутъ, громады сельскія и экономы наши признавали ихъ год-

Библиотека "Руниверс"

ными, цирюльники осматривали и увѣряли, что они здоровы, мы сами даже глядѣли на нихъ издали и видѣли, что люди плотные и высокаго росту; но лишь только приведутъ въ рекрутское присутствіе, кругомъ освидѣтельствуютъ, то и кричитъ Комбурлей или Хрущовъ: *затылокъ*! Для чегожъ? для того, что у одного нѣтъ переднихъ двухъ зубовъ сряду, у другаго ковтунъ на головѣ, третій на пальцъ въ мѣру не доходитъ, у четвертаго бѣлое пятнушко въ правомъ глазѣ на зрачкѣ, у пятаго одна нога немножко другой короче, шестой, явившійся изъ бѣглецовъ, по ревизіи не записанъ, у седьмаго маленькій наростъ на кости, тотъ чахотный для того, что очень худъ, а у того раздувшіеся на ногахъ жилы и ходить долго не можетъ. Всѣ сіи капризы не сущее ли притѣсненіе для обывателей, а между тѣмъ посылай въ деревню за другими людьми и тѣхъ съ такими малыми недостатками не принимаютъ. Посылай за третьими. Наконецъ сбыли съ рукъ рекрутъ. Даютъ мундиръ и обувь,—не берутъ.—По какой же причинѣ?—Не въ указанную-де доброту.—Великая бѣда, что сукно пополамъ съ коровьею шерстью, а обувь немного поношена! Это новыя затѣи военнаго пріемщика. Сладятъ съ мундиромъ и обувью, идетъ отдатчикъ за квитанціею,—не даютъ, говорятъ—заплати за провіянтъ и за соль; и такъ водятъ его нѣсколько дней, а онъ, между тѣмъ, издерживается за квартиру, кормитъ и поитъ погонщиковъ и стражей, кормится въ трактирѣ, да еще и не дешево, а иногда заѣстся или проиграется въ карты и, возвратясь къ помѣщику, долженъ, бѣдной, выдумать, какъ лучше размѣстить взятые на расходъ деньги; а тутъ ужъ и не безъ грѣха:—пишетъ, что ему угодно, далъ за объявленіе, за квитанцію пріемщикамъ, докторамъ, попамъ за присягу, цырюльникамъ, солдатамъ; а кто всему этому виноватъ? Комбурлей, зачѣмъ приказываетъ браковать... Вотъ и правда, что вымучиваютъ въ двое противу назначеннаго правительствомъ.—Теперь обратимся къ поставкѣ лошадей. Ведутся въ Житоміръ пять, десять или двадцать ихъ. Самъ хозяинъ выбралъ, коновалъ осмотрѣлъ, а другихъ и берейторъ свидѣтельствовалъ: прекрасныя, полнотѣлыя, круглыя, рослыя, здоровыя. Десять дней откармливаютъ, ведутъ наконецъ

Библиотека "Руниверс"

къ пріему. Любо смотрѣть: всѣ жиды на рынкѣ и всѣ мимоидущіе хвалятъ. Приведутъ, поставятъ въ мѣру,—полъ-вершка не доходитъ, и кричатъ, что не годится въ кирасирскіе и драгунскіе, а выйдетъ въ мѣру, такъ стара—за тѣмъ, что ей за восемь лѣтъ; естьли жъ молода, такъ голова у ней не хороша, потому что вислоуха, и уже не годится, не годится и веди домой. Чтожъ дѣлать отдатчику?—Ѣхать прочь? но домой далеко, триста верстъ, да тамъ же стоитъ и экзекуція; принужденъ купить въ Житомірѣ или Бердичевѣ. Даетъ двѣсти, а покажетъ триста рублей, да прибавитъ расходовъ на пріемщика, на факторовъ, на коноваловъ, на берейторовъ рублей на сто. Помѣщикъ бѣдный и терпитъ противу положенія въ двое; а кто этому виноватъ? Генералъ графъ Комаровскій и Комбурлей,—за чѣмъ приказывали браковать полковнику Макарову? Точно такое угнетеніе терпѣли помѣщики при отдачѣ воловъ и артиллерійскихъ повозокъ въ Полонномъ, гдѣ пріемщикъ не хотѣлъ нарушить даннаго повелѣнія и браковалъ колеса, что онѣ не кованы, а оси, что безъ подъосокъ. Ну, посудите жъ, не притѣсненіе ль это обывателямъ?—Теперь посмотримъ въ казначейства.—Приноситъ отдатчикъ подати; чѣмъ бы казначею взять на настоящій годъ, а недоборъ бы пусть оставался,—нѣтъ, онъ засчитаетъ въ недоимку, а сколько пени, штрафовъ, за все бѣдный помѣщикъ отвѣчаетъ.—Не будемъ говорить о пріемщикахъ водки и погонщиковъ, то наши; но зачѣмъ же браковали провіантъ? Хотя одна четверть изъ цѣлаго транспорта окажется съ затхлою мукою, или крупою, а овесъ съ пылью, тотчасъ не годится и перемѣнивай другимъ хлѣбомъ, а это значитъ насиліе и прижимки; а кто виноватъ? Все Комбурлей, для чего не распорядился иначе?—Заглянемъ въ градскія и земскія полиціи.—Тамъ по большой дорогѣ идутъ войска и слѣдуютъ ихъ тяжести. Ключвойты, засѣдатели и исправники бѣгаютъ, суетятся, кричатъ: давай подводы! Помѣщики отбираютъ билеты, даютъ лошадей, а, пока ихъ найдутъ, солдаты не выходятъ съ квартиръ, крестьяне ихъ безплатно кормятъ, безплатно везутъ и хотя комиссары и экономы наши, получивъ отъ начальниковъ командъ за то удовлетвореніе, даютъ имъ квитанціи, удерживая

Библиотека "Руниверс"

деньги въ своемъ карманѣ, однакожъ помѣщики и крестьяне, ихъ не получая, раззоряются; а кто виноватъ? Русскій исправникъ и Комбурлей,—зачѣмъ не вступятся за дворянъ, зачѣмъ такъ не дѣлаютъ, чтобъ переходовъ войскъ и во все не было?—Дороги испортились, артиллерійскія орудія остановились въ пути и не могутъ слѣдовать по худобѣ мостовъ и гатей. Исправники и засѣдатели въ рабочій часъ собираютъ съ полей крестьянъ нашихъ и заставляютъ чинить дороги; уборка хлѣба останавливается, помѣщикъ бѣдный терпитъ отъ того голодъ, и повинность починки дорогъ дѣлается для него въ двое тяжелѣе противу установленной. Ктожъ виноватъ? Комбурлей,—для чего онъ не снесся съ артиллерійскимъ департаментомъ, чтобы обождалъ съ перевозкою пушекъ, пока жатва кончится и дорога въ удобное время исправится?—Даютъ курьерскія тройки помѣщики: лошади хоть куда, однакожъ въ пути захромаютъ или отъ неумѣнія погонщиковъ, во время разгона, ослабѣютъ, либо отъ скудости корма падутъ. Давай помѣщикъ другихъ, а не пришлетъ на перемѣну, договариваютъ подрядчиковъ на его счетъ, со взысканіемъ по 50 рублей, какъ положено въ сутки. Бѣдный дворянинъ терпитъ и страшно разоряется, а кто сему вымучиванію лошадей виноватъ? Комбурлей, для того, что не приказалъ исправникамъ и городничимъ дѣлать —для насъ снисхожденія.—Евреи въ нашихъ мѣстечкахъ, не записанные въ гильдіи, производятъ купеческій торгъ или въ селеніяхъ шинкуютъ вином горячимъ: что-жъ, это мѣшаетъ благосостоянію государства? Нѣтъ—исправникъ или городничій запрещаетъ мѣщанамъ торговлю, купечеству присвоенную, и не даютъ продавать водки; жидки банкрутуютъ, не платятъ ни аренды ни чиншу владѣльцамъ; бѣдный помѣщикъ терпитъ въ доходахъ ущербъ и разоряется; а кто виноватъ? Комбурлей,—зачѣмъ допускаетъ исправникамъ и городничимъ такъ утѣснять насъ?—Захочется иногда дворянину, въ своемъ городѣ, запретить жителямъ онаго, евреямъ, нигдѣ не покупать съѣстныхъ припасовъ, а только у его арендарей, для чего вздумается ему возвысить и цѣны. Тотъ-часъ жиды съ просьбами въ полицію, та съ рапортомъ въ правленіе; оттоль строжайшее предписаніе запретить установленіе

Библиотека "Руниверс"

новыхъ податей. Несчастный помѣщикъ, по таковому губернскихъ и полицейскихъ чиновниковъ корыстолюбію, лишается знатной отрасли своихъ доходовъ, черезъ то не платитъ долговъ своимъ кредиторамъ, отдаетъ имѣніе въ разборъ, угнѣтается и разоряется; а кто виноватъ? Комбурлей,—для чего онъ велитъ покровительствовать евреямъ?—Вспомните еще и то, милостивые государи, что эти проклятые ключвойты, эти русскіе засѣдатели и исправники намъ дѣлали. Напримѣръ: во время прошедшихъ браней съ Наполеономъ, помѣщикъ нѣсколькихъ деревень, человѣкъ въ обществѣ почтенный и наполненный вѣрностію и приверженностію къ высочайшему престолу, только, бывало, что снарядитъ сына своего или двухъ, да съ ними человѣкъ десять бѣдной шляхты и хочетъ секретно отправить за границу, въ польскіе войска на службу противу Россіи,—ключвойтъ ужъ и тутъ, распрашиваетъ у людей, для чего такія приготовленія и куда, развѣдываетъ у крестьянъ, узнаетъ и доноситъ въ судъ, а оттоль рапортуетъ далѣе. Вѣрноподданнѣйшій помѣщикъ радъ, не радъ, оставляетъ сыновъ дома, а они безъ службы балуются, таскаются по непотребнымъ домамъ, распиваются и, среди цвѣтущей молодости, сходятъ во гробъ, сопровождаемые отъ крестьянъ своихъ проклятіями. О, Польша, любезное отечество наше! сколько ты, чрезъ этихъ мерзкихъ полицейскихъ шпіоновъ, въ сынахъ и родственникахъ нашихъ лишилась храбрыхъ поборниковъ? А кто всему этому несчастію причиною? Комбурлей,—для чего онъ учредилъ ключвойтовъ?—Теперь скажемъ о другихъ случаяхъ. Прошелъ, напримѣръ, срокъ платежа податей; помянутая сія экономія господская всѣ слѣдующіе съ деревень подушныя деньги ассигнаціями собрали съ крестьянъ рубль за рубль серебряною монетою, но не успѣли еще размѣнять: ключвойтъ уже узналъ о томъ, бѣжитъ въ село съ экзекуціею, за нимъ засѣдатель, а за тѣмъ исправникъ, истяжая все разомъ о скорѣйшемъ взносѣ, не даютъ бѣдному помѣщику времени послать въ городъ нарочнаго и размѣнять по выгодному курсу серебро; онъ беретъ ассигнаціи у жида по три, а не по четыре, за одинъ серебряной, рубли и платитъ; между тѣмъ карманъ его лишается знатнаго

Библиотека "Руниверс"

отъ своихъ крестьянъ пріобрѣтенія; онъ черезъ то останавливается въ исполненіи обѣщанія выписать для жены изъ Варшавы модныхъ бездѣлокъ;—жена капризничаетъ, грозитъ разводомъ, а, между тѣмъ идетъ въ сепарацію. Мужъ возвращаетъ ей посагъ или приданное, чрезъ то входитъ въ долги, разоряется и погибаетъ. Кто-жъ виноватъ? Комбурлей,—зачѣмъ не запрещаетъ взыскивать подати чрезъ экзекуцію? О, эта экзекуція много дворянству причинила бѣдствій! Представьте, что непотребная нога ея осмѣлилась даже топтать сей прекрасный полъ и видѣть себя въ сихъ удивительныхъ зеркалахъ величественнаго Романовскаго замка. И когда отъ регенціи его высокографскаго сіятельства, графа Августа Ивановича Ильинскаго, посланъ былъ приказъ исправнику Царенкѣ воздержать свое неистовство, въ не-до-пмо-взы-скапіи, то сей служитель тиранства гордо и смѣло отвѣчалъ, что не онъ экономіи, а экономія его должна слушать. Вы не повѣрите, почтеннѣйшіе господа обыватели и шляхта, сколько сей Царенко, съ вѣдома Комбурлея, причинилъ печали, досады и болѣзней его рейсъ-графскому сіятельству нашему Августу. Когда любимая актриса графская съ однимъ вольнымъ человѣкомъ изъ лучшихъ виртузовъ сіятельной капеліи ушла и, противъ высокаго его желанія, потомъ обвѣнчана, и когда сію чету схватили и, по повелѣнію его сіятельства, сковали ей руки и ноги, пославши отъ регенціи въ новоградъ-волынскій нижній земскій судъ, съ предписаніемъ отправить преступниковъ по повелѣнію сенатора, владѣльца Романовскаго, въ Сибирь на работу, то Царенко (О! неслыханное преступленіе!) презрѣлъ волю сенатора и нашего графа не послушалъ. Потомъ отрапортовалъ Комбурлею, а сей завелъ съ его сіятельствомъ, начальникомъ своимъ, безполезную и тщетную переписку, стараясь нашего графа увѣрить, что безъ суда никто не наказывается, чѣмъ Комбурлей и погубилъ самъ себя. Сколько-жъ еще Фаеріусъ, сколько Смирницкій, сколько и другіе исправники причинили подобныхъ обидъ инымъ обывателямъ! Хроники соблазновъ могутъ упрекнуть ихъ не въ одномъ противу скромности и патріотическаго нашего духа преступленіи. Оставимъ дѣйствовать времени! мы только указали вамъ мате-

Библиотека "Руниверс"

ріалы, служащіе для рамъ большой картины, которую, со включеніемъ всѣхъ дѣяній Комбурлея и его подчиненныхъ, мы напишемъ сами. Какой сердцевѣдецъ не подпишетъ имени своего подъ тѣми истинами, о коихъ столь убѣдительно мы васъ увѣряли"! Тутъ отозвался Ильинскій и пресѣкъ продолжавшіеся въ собраніи споры семь часовъ сими словами: „Противящіеся стремленію общественнаго мнѣнія рѣдко исходятъ изъ одной пропасти, чтобы паки не упасть въ другую. Будьте единодушны и важностію числа своего и множества подкрѣпите принесенныя мною жалобы. Начальство, не могущее защищать собственной своей чести, есть отголосокъ слабой власти, которой лишась Комбурлей, Хрущовъ и всѣ ихъ подчиненные исчезнутъ отъ насъ, какъ исчезаетъ прахъ предъ лицемъ вѣтра. Тогда-то начнемъ господствовать на развалинахъ благосостоянія русскихъ чиновниковъ и память дѣлъ нашихъ въ самой безднѣ вѣковъ не истребится".—Собраніе умолкло и послѣ обѣда разъѣхалось. Когда, послѣ другихъ звѣрообразныхъ мятежначинщиковъ, сѣлъ въ свою коляску Гижицкій, то князь Яблоновскій, взглянувъ на него и на Ильинскаго, провожавшаго его до дверей, сказалъ почти въ слухъ: „Это лисица волынскаго переворота; она переживетъ львовъ и тигровъ и похоронитъ вашу революцію".

Отвратите, ваше сіятельство, взоры свои отъ порожденія ехидны и посмотрите на Комбурлея, котораго мы оставили погруженнымъ въ глубокую задумчивость, со встревоженною душею и съ колеблемымъ непріятными предчувствіями сердцемъ. Еще не извѣстно было въ Житомірѣ о пріѣздѣ Гижицкаго и о возвращеніи Ильинскаго, какъ ужъ молва на пестрыхъ крыльяхъ своихъ, нарисовавъ исторію возставшей противу Комбурлея крамолы, летала изъ города въ городъ и сѣяла правду и ложь. Въ одно время онъ сидѣлъ въ кругу своихъ приближенныхъ,—приносятъ петербургскую почту, онъ распечатываетъ письма и казенныя бумаги, читаетъ и поспѣшно удаляется въ кабинетъ, опять перечитываетъ и предается величайшему унынію. Никто не смѣлъ спросить о перемѣнѣ, только нѣкоторые изъ другой комнаты слышали произнесенныя имъ громко и съ великимъ вздохомъ сіи слова: „Святая

Библиотека "Руниверс"

истина, ты будь мнѣ покровительница и, когда ѣдкая ненависть, злобная зависть и жестокость неправосудія, отрыгнутъ противъ меня свои козни, ты пріосѣни посѣдѣвшую въ трудахъ главу мою непроницаемымъ щитомъ своимъ; не попусти адской клеветѣ терзать память заслугъ моихъ! Сердце мое любитъ благо сограждан и славу отечества". Потомъ десять дней, подъ видомъ болѣзни, Комбурлей и самъ не выходилъ и къ себѣ не пущалъ никого. Наконецъ показался въ кругу чиновниковъ и нѣкоторымъ изъ нихъ сказалъ: „возстали на насъ ябедники и лжесвидѣтели; а чтобъ дать силу ядовитѣйшимъ ударамъ гнусной клеветы, то подана правительству никѣмъ не подписанная записка, заключающая въ себѣ мерзость вымышляемыхъ злодѣями доносовъ. Вотъ письма о томъ и вотъ повелѣніе комитета господъ министровъ! Въ письмахъ своихъ важнѣйшія въ государствѣ особы увѣряли, что все то, что только влилось въ перо безъименнаго доносщика изъ какой-либо страсти или заблужденія, уничтожится само собою, что завѣса спадетъ съ глазъ и обнаружитъ зачинщиковъ волненій въ настоящемъ ихъ видѣ, а записка была та самая, о которой упомянулъ я прежде". Комбурлей замолчалъ, но молчаніе его выражало больше, нежели всѣ разговоры. Тутъ пошли разные толки, и отъ чиновника къ чиновнику разливалось недоумѣніе. Сердце человѣческое всегда одинаково и тоже нынѣ, каково было отъ самаго вѣковъ начала. Многіе при семъ случаѣ отдавали справедливость закону римскихъ кесарей, который, какъ со святотатцами, поступалъ съ тѣми, кои сомнѣвались о достоинствахъ и заслугахъ людей избранныхъ имъ къ званію подобному, какъ имѣлъ Комбурлей. Черезъ нѣсколько времени является къ нему Гижицкій. Лесть и лицепріимство, исчадія страха и награды, обнажаютъ его сердце и характеръ; обладая искусствомъ много говорить, а мало вразумлять его слушающихъ, Гижицкій распространялся въ рѣчахъ о подвигахъ депутаціи, о полученномъ имъ отъ государя награжденіи, о милостивомъ принятіи его у двора, о повелѣніи числить его по арміи, а мелькомъ сказалъ, что кѣмъ-то доведено до свѣдѣнія его величества, яко-бы дворянство волынской губерніи мѣстнымъ начальствомъ жестоко угнѣтается и претерпѣваетъ страшныя

Библиотека "Руниверс"

насилія и озлобленія, но прибавилъ: „это пустые наговоры, не могущіе имѣть никакихъ дурныхъ слѣдствій. Здѣлайте только, чтобъ я остался губернскимъ маршаломъ, то увидите, какой ябедѣ будетъ конецъ“. Комбурлей обѣщался послать о томъ представленіе и сдержалъ слово, а Гижицкій, умильно, лукаво взглянувъ на него, такъ началъ говорить: „Михайло Ивановичъ, ваше превосходительство восемь лѣтъ здѣсь начальникомъ губерніи и нисколько насъ не знаете. Польскій народъ, перейдя изъ дикаго состоянія въ теперешнее, сохранилъ еще у себя большую часть прежняго своего качества. Онъ не навидитъ трудовъ, склоненъ къ битвѣ и распрямъ, удивляется запальчивости мятежниковъ своихъ, любитъ конфедераціи, больше трусъ, а нежели храбръ; однако-жъ радъ скорѣе пролить кровь свою, нежели опрокинуть рюмку съ венгерскимъ. Ежели-бы иногда изъ нѣдръ отчаянія и тоски по отчизнѣ возникло скопище недовольныхъ вами, то большая часть приверженныхъ къ нему владѣльцовъ были-бы изъ того сволскаго рода, которымъ одинъ обычай управляетъ, а обычай заключается въ полномъ кругѣ пьянства. Когда слухъ о жалобахъ нашего дворянства коснется вашего уха, дѣлайте такъ, какъ будто вы ничего не знаете; неспокойные останутся въ надеждѣ, а вы знаете, что надежда есть сонъ человѣка неспящаго. Между тѣмъ я получу дозволеніе вступить въ должность губернскаго предводителя; поѣдемъ по повѣтамъ, всякій изъ маршаловъ дастъ намъ обѣдъ и два, позовутъ лучшихъ обывателей, запѣнятся бакалы съ венгерскимъ. Выпьемъ, вы ихъ обласкаете, они разцѣлуютъ ваши ноги и всемогущее вино зальетъ самый сильный огонь вражды и несогласія“. Комбурлей, зная лукавое помышленіе Гижицкаго, притворился, будто повинуется его совѣту, и оба разстались, повидимому, друзьями. Между тѣмъ, 6 ноября 1814 года всѣмъ повѣтовымъ маршаламъ дано отъ него предписаніе о увѣдомленіи его, буде, при взысканіи установленныхъ повинностей, были злоупотребленія и притѣсненія обывателямъ; то кѣмъ именно произведены они, отъ кого, что и когда излишне противу назначенія вытребовано, по какому случаю ни отъ кого и ни какихъ не имѣлъ онъ о томъ представленій, кто потерпѣлъ за жалобы,

Библиотека "Руниверс"

мщеніе и, наконецъ, какіе кто на существованіе оныхъ злоупотребленій и притѣсненій имѣетъ законные доказательства и не подозрительныхъ свидѣтелей. При чемъ давалось знать маршаламъ, что какъ таковыя обстоятельства должны быть болѣе всѣхъ имъ извѣстны, для того естьли они оставляли тѣ злоупотребленія безъ вниманія, то отвѣтственность за сіе на нихъ падать должна.

Коль скоро урядовымъ порядкомъ извѣстно стало по повѣтамъ о принесеніи государю жалобы, вся губернія пришла въ изумленіе. Маршалы, приверженные къ враждебной системѣ Ильинскаго и Гижицкаго, не знали, съ какой стороны начать тревогу, а дворянство вообще, выключая нѣкоторыхъ, не будучи еще взволновано бурею интриги, казалось равнодушнымъ и взирало на поджигателей къ жалобамъ, какъ на орудіе мщенія и на послѣдствія небесной казни. Отъ того 8-го числа ноября, въ Михайловъ день, на имянины къ Комбурлею собралось со всѣхъ мѣстъ столько помѣщиковъ, что въ городѣ квартиръ, а въ домѣ генералъ-губернаторскомъ мѣста для гостей не доставало. Отъ того всѣ почти въ губерніи живущіе князья, вельможи, первостепенные изъ богатѣйшихъ дворянъ, бывшіе и настоящіе маршалы, презесы, подкоморіе и хорунжіе спѣшили одинъ передъ другимъ лично привести Комбурлею поздравленіе. Отъ того на балѣ, когда отъ танцовъ и вина въ кругахъ бѣсѣдующихъ умножалась веселость, простодушные и неподозрительные громко выражали свое огорченіе на счетъ жалобы, принесенной Ильинскимъ. Только Гижицкій, Гостынскій, Букаръ, Домбровскій и наемная челядь ябеднической ремесла ихъ ходили въ молчаніи, съ поникшими головами, и, когда встрѣчались съ русскими чиновниками, то цѣловали и обнимали, чтобъ лучше задушить ихъ. Еще мрачная завѣса простерта была надъ всѣми надеждами, коими они себя питали; но можно ль возстановить тишину и порядокъ тамъ, гдѣ сіи чада развратности, съ крайнимъ напряженіемъ развузданныхъ страстей своихъ, старались только о томъ, чтобъ ядъ зависти, злобы и клеветы распространялся, подобно моровому повѣтрію, въ палатахъ вельможъ и въ хижинахъ убогой шляхты. Чѣмъ-бы маршаламъ, получивши отъ Комбурлея сказанное выше повелѣніе, разослать свои курсоріи по

Библиотека "Руниверс"

повѣтамъ, съ объявленіемъ помѣщикамъ подать лично, или прислать черезъ почту, свѣдѣніе о притѣсненіяхъ, къ мѣстному начальству, съ доказательствами, и назначить къ тому срокъ, они, дѣйствуя по тактикѣ мятежеводителей, сдѣлали представленіе къ Комбурлею, чтобъ позволилъ для того быть собранію дворянства, по повѣтамъ. Губернское начальство, не препятствуя исполненію ихъ замысловъ и черныхъ плановъ, изъявило на то свое согласіе, а таковымъ поступкомъ и дало воспылать злобѣ. Слабость обыкновенно беретъ охотнѣе средніе мѣры, которыя однакожъ бываютъ самыя опасныя. Какъ только начались собранія, такъ бурливая безразсудность здѣшней націи и открылась во всей наготѣ своей. Тутъ-то ораторы противной Комбурлею партіи отличались звукомъ пустыхъ словъ о патріотизмѣ, о желѣзномъ управленіи Комбурлеемъ губерніею, о тиранствахъ подчиненныхъ ему чиновниковъ, о преступленіяхъ ключвойтовъ и земскихъ исправниковъ. Тутъ-то требовали съ наглостію, или просили съ подлостію, чтобъ въ подкрѣпленіе Ильинскаго жалобъ представили владѣльцы, сколько можно, пространнѣйшіе списки о излишнихъ поборахъ, о взяткахъ, о вымагательствахъ, о насиліяхъ и о всякихъ злоупотребленіяхъ, чиновныхъ, якобы, со стороны мѣстнаго начальства, тутъ-то проповѣдывали о чести и о твердости національнаго характера, и что ежели воспослѣдуетъ здѣсь перемѣна русскихъ на польскихъ чиновниковъ, то волынская будетъ служить примѣромъ для прочихъ польскихъ губерній. А между тѣмъ по особенному распоряженію взяты настоящія мѣры къ открытію тѣхъ, кто потерпѣлъ насилія и озлобленія и посланы повѣстки чрезъ нижніе земскіе суды, дабы каждый обиженный объявилъ отдѣльно о своихъ претензіяхъ. Какъ увидѣлъ Ильинскій и его прислужники, что сотнями идутъ изъ повѣтовъ къ управляющему губерніею благопріятные для Комбурлея отзывы и что многіе изъ помѣщиковъ въ адресахъ своихъ даже благодарятъ его за полученіе защиты и за справедливое удовлетвореніе просьбъ своихъ, то ни о чемъ столько не старались, какъ о томъ, чтобъ употребляемыя благоразуміемъ усилія доставить вниманіе языку истины безпрестанно уничтожать своими проныствами. На сей конецъ для безпрерывнаго между собою

Библиотека "Руниверс"

сообщенія учредили свою почту: выбрали для себя молодыхъ и способныхъ къ шпіонству крамольниковъ, употребляя ихъ въ разъѣзды по домамъ дворянскимъ, сыпали щедро душегубное золото, лгали на всякаго исправника, безчестили каждаго русскаго чиновника и прервали повсюду дворянскія собранія. Явные примѣры возмутительнаго духа оказались въ Дубно и въ домѣ графа Ильинскаго. Тамъ Гостынскій, собравъ изъ разныхъ мѣстъ болѣе ста пятидесяти человѣкъ шляхты и, упоивъ ихъ за обѣдомъ, заставилъ подписать безразсудную жалобу на Комбурлея и отправилъ ее къ сенатору Стройновскому въ Петербургъ, а тутъ самъ Ильинскій, сочинивъ таковую-же, послалъ въ комитетъ господъ министровъ, выражая въ оной, что Комбурлей насильно вынуждаетъ отъ дворянъ каждаго, въ особенности черезъ земскія полиціи, квитанціи и употребляетъ къ той-же самой цѣли маршала Холонѣвскаго, а когда имъ показалось мало таковой новой клеветы, то всѣми ухищренными способами довели даже генерала графа Ланжерона, что онъ донесъ главному начальству, якобы никогда и нигдѣ, какъ на Волыни, не видалъ подобной цѣпи мошенниковъ, кои всѣ за одно согласились грабить и обманывать императора, что отъ Комбурлея не ждетъ онъ никакого поправленія, ибо чиновники его ужасные люди. Жаль, однакожъ, что на столь славнаго и безкорыстнаго генерала, по выходѣ его съ корпусомъ во Францію, говорили очевидцы, что онъ дѣлился контрабандами пополамъ съ полковникомъ Турскимъ и взялъ въ Дубно отъ главнаго таможеннаго чиновника, помѣщика Корсака, самъ четыре тысячи червонныхъ, да адъютанты его тысячу, въ чемъ и Корсакъ не запирается, ибо получилъ отъ его сіятельства открытый листъ для поимки товаровъ. Всѣ таковые слухи на счетъ Комбурлея, доведенные комитету господъ министровъ до свѣдѣнія Ильинскимъ, Стройновскимъ и Ланжерономъ, побудили правительство послать въ волынскую губернію ревизора. Какъ только жребій палъ на сенатора Сиверса, то всѣ мятежники на Волыни всплескали руками и по всей губерніи наступила тишина. Чудо, уставы естества побѣждающее!

Библиотека "Руниверс"

Естьли, ваше сіятельство, прочитавъ письма сего строки, скажете или подумаете, что нѣтъ на свѣтѣ правды и что истина лежитъ сокрыта въ глубочайшей ямѣ, то и прибавилъ-бы къ вашему мнѣнію, что хотя-бы ее и выпустили на свѣтъ, то никогда нога ея не станетъ на земляхъ волынскихъ помѣщиковъ.

Теперь я съ моимъ благодѣтелемъ отправляюсь въ Италію. Краткость времени и важность предметовъ принуждаютъ меня описаніе ревизіи сенатора Сиверса, со всѣми многочисленными ея послѣдствіями, помѣстить въ третьемъ письмѣ, которое получите отъ меня ваше сіятельство изъ Рима. Но гдѣ-бы я ни былъ, всегда сохраню къ вамъ чувствованіе сердечной моей преданности и неограниченнаго высокопочитанія.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Новыя свадебныя малорусскія пѣсни

въ овщемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія.

Въ 4-мъ томѣ „Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной императорскимъ географическимъ обществомъ", собранъ и приведенъ въ порядокъ, подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова, весь накопившійся къ тому времени (1877 г.) матеріалъ, относящійся къ обрядовой сторонѣ народной малорусской свадьбы. Кромѣ пѣсенъ и обрядовъ, записанныхъ членами самой экспедиціи, сюда вошли всѣ свадебныя пѣсни изъ сборниковъ: Терещенка, Маркевича, Метлинскаго, Кулиша, Новицкаго, Lozinskiego, Żegoty Pauli, Steckiego, Nowosielskiego, изъ журнала „Основа", изъ „Сборн. стат. свѣд. о кіев. губ.", изъ „Этнограф. свѣд. о подол. губ." Данильченка и проч. Не смотря на обиліе матеріала, находящагося въ этомъ томѣ „Трудовъ" (1943 пѣсни, не считая варіантовъ, и 13 типовъ свадьбъ изъ разныхъ мѣстностей изслѣдуемаго района), репертуаръ народной свадебной поэзіи далеко, конечно, не исчерпанъ. Не говоря уже о громадномъ количествѣ варіантовъ разныхъ пѣсенъ, которые такъ-же многочисленны въ области народной поэзіи, какъ индивиды въ органическомъ мірѣ, самые, такъ сказать, виды пѣсенъ попали въ печать сравнительно въ очень ограниченномъ количествѣ. Вышедшая въ прошломъ году въ Краковѣ книжечка г-жи Мошинской (.,Kurajło etc...", см. въ библ. отд. іюньской книги „Кіев. Стар.", и ея-же: „Zwyczaje, obrzędy i pieśni weselne ludu ukraińskiego z okolic Białej-Cerkwi") показываетъ, что даже въ мѣстахъ, наиболѣе подвергавшихся научному наблюденію, каковы окрестности Бѣлой-Церкви, можно безъ особенныхъ усилій набрать массу матеріала,—и не безъ новыхъ данныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Намъ доставлено обширное описаніе свадьбы, сдѣланное въ чигиринскомъ уѣздѣ, кіев. губ. Молодой авторъ этого описанія, обнаруживший въ своемъ нелегкомъ трудѣ большую наблюдательность и точность, силился проникнуть во внутреннее значеніе свадебныхъ обрядовъ и пѣсень, уловить связующую ихъ нить и лежащее въ основѣ ихъ народное представленіе объ этомъ важнѣйшемъ жизненномъ актѣ, имѣющее столь сложную и разнообразную внѣшнюю форму и представляющее такъ много историческихъ измѣненій и наростовъ; эта задача была, очевидно, выше силъ его, да едва-ли была-бы по силамъ и записнаго ученаго, при настоящемъ состояніи южно-русской исторіи и этнографіи. По этому, оставляя въ сторонѣ такую попытку, достойную вниманія по ея основной мысли, а равно большую часть обрядоваго и пѣсеннаго матеріала, какъ уже извѣстнаго, мы извлекаемъ изъ всего описанія только или совершенно неизвѣстные обряды и пѣсни, или тѣ изъ варіантовъ къ напечатаннымъ уже, на которые по ихъ особенностямъ стоитъ обратить вниманіе.

Чтобы однако читатель съ большимъ удобствомъ могъ разобраться въ предлагаемомъ неизвѣстномъ новомъ матеріалѣ, мы распредѣляемъ оный по тѣмъ отдѣльнымъ свадебнымъ дѣйствіямъ, къ которымъ онъ относится, а для этого оставляемъ самый, такъ сказать, остовъ описанія малорусской свадьбы отъ перваго ея начала до послѣдняго заключительнаго акта.

Малорусская народная свадьба, гдѣ бы она ни происходила, сохраняетъ строго одну и туже, весьма сложную, обрядность. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ, предшествующихъ, сопровождающихъ и заканчивающихъ, дѣйствій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою вѣками установленную форму и обряды, а большинство сопровождается пѣснями. Начинается она съ рѣшенія вопроса о женитьбѣ парня въ подходящее время года.

Самымъ удобнымъ временемъ для свадьбы считается, вообще въ деревняхъ и въ частности въ описываемой мѣстности, промежутокъ времени отъ 1 октября до 14 ноября и рождественскій мясоѣдъ, т. е. части года, въ которыя поселянинъ свободенъ отъ полевыхъ работъ и найболѣе обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи. Вопросъ о женитьбѣ „парубка“ рѣшается цѣлой семьей, при чемъ первенствующее значеніе

Библиотека "Руниверс"

имѣетъ отецъ. Когда дѣло его въ семьѣ жениха рѣшено, происходитъ «сватання».

„Сватання". Женихъ приглашаетъ „въ старосты" одного или чаще двухъ родственниковъ, людей пожилыхъ и „балакучихъ", т. е. рѣчистыхъ. Подъ вечеръ они съ женихомъ идутъ къ родителямъ невѣсты съ хлѣбомъ, „позиченымъ" у кого-нибудь изъ сосѣдей [1]). Если при этомъ не удастся занять хлѣбъ у перваго, къ кому обращаются, это считается признакомъ неудачи при сватаньи. Обычай этотъ, впрочемъ, по отзыву мѣстныхъ жителей, выходитъ уже изъ употребленія.

Большею частію невѣста намѣчается на семейномъ совѣтѣ у жениха; но бываетъ и такъ, что „сваты" или старосты съ женихомъ отправляются въ другое село и, не имѣя въ виду той или другой „дівчины", просто ходятъ изъ двора въ дворъ и выбираютъ невѣсту. Для такихъ случаевъ въ нѣкоторыхъ селахъ чигиринскаго уѣзда дѣлается примѣта на хатахъ, гдѣ есть взрослая дѣвушка: красится въ красный цвѣтъ часть задней стѣны въ хатѣ.

При сватаньи женихъ входитъ въ хату послѣ старостъ и садится у „помийниці", т. е. у порога, опустивъ глаза. Въ случаѣ благопріятнаго исхода сватанья, что выражается подачею старостамъ „рушникивъ", устраивается пирушка, для которой за водкой въ шинокъ должны идти непремѣнно „молодый зъ молодою" [2]).

„Розглядины". Если по какой-бы то ни было причинѣ родители невѣсты не могутъ окончательно рѣшиться на бракъ дочери при посѣщеніи „сватовъ", то старостамъ рушниковъ не даютъ, а оставляютъ у себя ихъ хлѣбъ и обѣщаютъ явиться „на розглядины".

Дня черезъ три или четыре послѣ посѣщенія сватовъ, родня невѣсты—отецъ, мать и кто-либо изъ ближайшихъ родственниковъ—и она сама идутъ къ жениху ознакомиться съ его семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ. Въ домѣ жениха для такого случая заранѣе все приводится въ порядокъ, болѣе цѣнное имущество выставляется на показъ. Иногда даже родители жениха занимаютъ только на розгля-

---

[1]) Тотъ-же обычай см. у Мошинской («Zwyczaje etc...», стр. 3).

[2]) О подробностяхъ «сватанья» см. 4-й т. «Трудовъ»—свадьбы, записанныя въ м. Гостомлѣ, кіев. уѣзда, и въ м. Борисполѣ, переяслав. у.

Библиотека "Руниверс"

дины у сосѣдей хорошую одежду и проч. Гостей принимаютъ очень радушно, съ выпивкой и закуской. Собственно изслѣдованіемъ положенія жениха занимается женскій персоналъ, мущины-же проводятъ время въ пріятныхъ разговорахъ и выпивкѣ. Женщины стараются возможно внимательнѣе разсмотрѣть одежду жениха, узнать, сколько у него семьи, домашняго скота, птицы, утвари. Иногда украдкой отлучаются изъ хаты и разспрашиваютъ у сосѣдей о нравственности жениха, его трудолюбіи, о нравѣ будущей свекрови и проч. Родители жениха во все время пребыванія гостей обходятся съ ними какъ можно предупредительнѣе и деликатнѣе. Самъ женихъ съ низкими поклонами усердно „частуе“ родителей невѣсты, а его родственники безпрестанно повторяютъ: „та вашій (имя невѣсты) буде добре жить у насъ“!

Характеристика „выгодной партіи“ выражается въ слѣдующемъ: „парубокъ гарный (безъ физическихъ недостатковъ), одежу мае хорошу, сімья маленька и скотина водиця“. Если розглядины приводятъ родителей къ такому именно заключенію о женихѣ, то они просятъ присылать за рушниками, и невѣста оставляетъ у жениха свой хлѣбъ. Если результатъ розглядинъ неблагопріятенъ, то, напротивъ, жениху возвращается невѣстой хлѣбъ, оставленный у нея „старостами“ [1]).

„Сговорины“. Сватаньемъ собственно называется посѣщеніе „сватовъ“, а самый уговоръ о днѣ свадьбы, подаркахъ и проч. „сговоринами“, которыя сопровождаются пирушкой, что называется „питъ сватання“. „Пьютъ сватання“ сперва у родителей невѣсты. Сюда собираются родственники жениха и невѣсты и приходитъ самъ женихъ. Въ особенномъ почетѣ при этомъ крестные отцы и матери „молодыхъ“. Пирушка начинается утромъ и кончается поздно вечеромъ. Во все это время будущая свекровь сурово обращается съ своей будущей невѣсткой, грубо высказываетъ сомнѣніе въ ея способностяхъ и не удостоиваетъ ни однимъ ласковымъ словомъ. Дня черезъ три „пьютъ сватання“ у жениха, гдѣ собираются всѣ бывшіе на сговоринахъ у невѣсты, кромѣ ея самой.

Какъ на пирушкѣ у жениха, такъ и у невѣсты происходятъ „сговорины“: условливаются, какіе подарки должна будетъ давать въ

[1]) О «разглядинахъ» см. также 4-й т. «Трудовъ», стр. 95.

Библиотека "Руниверс"

разное время на свадьбѣ каждая сторона. Здѣсь нужно отмѣтить слѣдующую черту: *на долю жениха приходится мало давать подарковъ и много получать, на долю-же невѣсты—наоборотъ.*

Со времени сговоринъ у „молодой", женихъ до самой свадьбы ночуетъ въ домѣ невѣсты, съ разрѣшенія ея родителей—вмѣстѣ съ ней. Въ эти ночи „молодые" близко знакомятся другъ съ другомъ. Не рѣдко можно слышать передъ свадьбой такого рода отзывы о невѣстѣ: „брава дівчина и богата; та й парубокъ казавъ, що *все гарно,* якъ ходивъ ночувать". Выраженія „все гарно" нельзя, однако, понимать въ смыслѣ фактическаго освѣдомленія жениха о цѣломудріи невѣсты. Обычай такъ называемой „коморы" на столько строгъ, что служитъ достаточной гарантіей противъ преждевременнаго увлеченія молодой четы. „Все гарно" надо понимать въ смыслѣ отсутствія у невѣсты физическихъ недостатковъ.

„Коровай". Послѣ сговоринъ свадьба откладывается большею частію на недѣлю или двѣ, чтобы стороны успѣли приготовиться. За день до вѣнчанія, происходящаго обыкновенно въ воскресенье, стало быть въ пятницу, въ домахъ жениха и невѣсты пекутъ „коровай". Еще въ четвергъ вечеромъ дѣлаетъ закару для коровая „молодица", имѣющая непремѣнно перваго мужа. Въ пятницу утромъ отъ жениха и невѣсты посылаютъ звать „дівитъ коровай". Приглашаются „молодиці" и „дівчата". Обязанность первыхъ состоитъ въ приготовленіи самаго коровая, вторыхъ—разныхъ аттрибутовъ къ нему: „лежня, дивпя, бороны и шишокъ". Дивень—большой, толстый бубликъ, съ пасѣчкой на поверхности—приготовляется только у невѣсты; борона—подобіе земледѣльческаго орудія того-же имени—только у жениха. „Молода" самолично приглашаетъ для этого случая наиболѣе любимую подругу или дѣвушку-родственницу, которая съ этихъ поръ становится „старшей дружкой". Приготовленіе коровая происходитъ обыкновеннымъ способомъ [1]). „Дівчата" все время поютъ пѣсни или спеціально относящіяся къ дѣланію коровая (варіанты къ №№ 491, 487, 501, 520, 6, 546, 555, 4-го т. „Трудовъ"), или навѣянныя печальнымъ видомъ

[1]) См. «Труды и проч.», т. 4, стр. 214—248. Moszyńska («Zwyczaje etc...»), стр. 5—7.

Библиотека "Руниверс"

невѣсты,—болѣе или менѣ сообщаго содержанія. Изъ послѣднихъ въ чигиринскомъ уѣздѣ поютъ слѣдующія:

1. *Ой чому, чому въ сёму дому*
Такъ рано засвітилося?
Тамъ молода білі руки мыла,
Зъ молодымъ говорила:
—Поідь ты убій куночку
Мині на шубочку,
А зъ лапочки—шапочку.
Та ще молодый не доіжжае,
А куночка промовляе:
—Зъ мене куночки
Не буде шубочки,
А зъ лапочки—шапочки.

---

2. *„Ты молода, ты не вінчана!*
За що тебе мати пірчила?“
—Била рублемъ та качалкою,
Що-бъ я були хазяйкою.
То було-бъ, мати,
Вперёдъ научати,
Якъ була я не заручена.
А теперь я заручена,
Отъ челяди [1]) та й одлучена.

---

3. *Выйшла мати дочку часъ товати*
Та на вечерниці посылати.
„Та пора тобі, дочко, на вечерниці
Погулять межъ дівиці!“
—Було-бъ, мати, впередъ посылати,
Поки була не заручена,
А теперь я заручена,
Одъ челяди та й одлучена.
Чомъ мині давно не казали,
Поки мене попы не звінчали,
Поки мині руки не вязали.

[1]) Отъ подругъ.

Библиотека "Руниверс"

Теперъ попы вѣнчали,
Руки мині звязали.

(Кромѣ того—варіанты къ №№ 39, D; 343; 29-му 4-го т. „Трудовъ“ и вар. къ № 20 кн. Мошинской: „Zwyczaje etc...“).

Вѣнчаніе. Вѣнчаются или въ день свадьбы, или недѣлею-двумя раньше ея, но всегда въ воскресенье. Сопровождая „молоду“ къ вѣнцу, хоръ дѣвушекъ поетъ:

4. *„Ой, попе, батьку нашъ,*
Одчиняй церковцю за-для насъ,
Ти вінчай дітокъ—однолітокъ
Въ добрый часъ.“
Нема попа
Поіхавъ до Кіева
Ключи забирати,
Тоді молодыхъ вінчати [1])

Надъ женихомъ держитъ вѣнецъ „старшій бояринъ“, надъ невѣстой—„старша дружка“. Возвращаясь отъ вѣнца, дружки поютъ: „Січена калина, січена“... (вар. къ № 720-му 4-го т. „Трудовъ“). Подходя къ дому родителей невѣсты, поютъ: „Выйди, матінко, зъ калачемъ“ и проч. (ibidem, вар. къ № 742), и „Ой дяковать попонькові“ (ibid., вар. къ № 696). Послѣ вѣнца молодые вмѣстѣ обѣдаютъ въ домѣ невѣсты.

„Дівичъ-вечіръ“ [2]). Наканунѣ дня свадьбы, въ субботу, съ самаго утра, женихъ и невѣста, каждый отдѣльно, заняты приглашеніями гостей на свадьбу. Женихъ съ „старшимъ боляриномъ“, котораго онъ избралъ раньше, какъ невѣста „старшу дружку“, запасшись „пинками“ для болѣе уважаемыхъ лицъ въ селѣ, обходятъ съ приглашеніемъ всѣхъ,

---

[1]) Хотя эта пѣсня—варіантъ къ № 683 т. 4-го «Трудовъ», но здѣсь мы помѣщаемъ ее ради характерной приставки, заключающейся въ послѣднихъ 4 стихахъ. Изъ всѣхъ варіантовъ (числомъ 7) только въ одномъ,—въ свадьбѣ, записанной въ кобринскомъ у., гродненск. губ., есть такая приставка. Вмѣсто слова *до Кіева*, тамъ—*до Львова*.

[2]) Въ 4 т. «Трудовъ» — не дівитъ-вечіръ, дівичъ вечіръ, въ книгѣ-же г-жи Мошинской («Zwyczaje etc...») странное слово dewicz-weczir.

Библиотека "Руниверс"

кого надо пригласить „на весілля“. Въ маленькихъ селахъ просто не оставляютъ ни одного двора безъ приглашенія. Приглашаютъ обыкновенною фразою: „просить батько й мати, и я прошу“ и проч. Если въ домѣ есть парубокъ, то бояринъ вымогаетъ у него деньги, говоря: „підкуй молодого!“ Дошедши до хаты родителей невѣсты, приглашающіе заходятъ туда и закусываютъ.

Гораздо интереснѣе процессъ приглашенія со стороны невѣсты. Свита ея состоитъ при выходѣ изъ дому изъ „старшей и підстаршей“ дружекъ и одной изъ сосѣдокъ-дівчатъ. Но по мѣрѣ того, какъ невѣста обходитъ село, свита ея увеличивается все болѣе и болѣе „дівчатами“, изъ которыхъ каждая, получивъ приглашеніе отъ невѣсты, тотчасъ, съ разрѣшенія родителей, присоединяется къ ея свитѣ. Сопровождающія невѣсту дѣвушки-дружки все время поютъ пѣсни, въ которыхъ или обращается вниманіе на красоту молодой, на ея нарядъ и проч., или на сопровождающія актъ приглашенія обстоятельства.

Какъ только „молода“ начнетъ прощаться съ матерью при выходѣ изъ хаты, дружки поютъ:

5 *Не спи, матінко, у ночі,*
Печи, матінко, калачи!
Печи на меду:
Я тобі дружокъ наведу.
Печи, матінко, на яйцяхъ —
Я тобі наведу въ сапьянцяхъ.

По выходѣ со двора:

6. *Уже сонечко въ гору йде,*
Уже наша молода зъ двору йде,—
По-підъ вишневымъ садочкомъ;
За нею дружечки рядочкомъ.
„Ламайте калиноньку червоненьку,
Квічайте Марусеньку молоденьку.

На дорогѣ поютъ слѣдующія пѣсни, относящіяся къ самому обряду:

7. *Де наша княжна ходила,*
Тимъ калина уродила;
А де дружечки,—
Вродили ягідки.
По дорозі барвинокъ,
Нашій молоді на вінокъ.

Библиотека "Руниверс"

8. *„Низомъ, дружечки, низомъ*
Закидана доріженька хмизомъ.“
—Та у молодою кінь вороненькій
Перескочить хмизъ зелененькій;
А въ молодої ще й воронішій,
Перескочить ще й зеленішій.

9. *Ой мы йдемо, йдемъ,*
Та все однимъ слідомъ,
Зъ червоною горошою,
Зъ молодою хорошою.

И варіанты къ №№ 143, 664, 713, 200, 172 („Труды“, т. 1).

Когда „молода“ съ дружками проходитъ мимо шинка, туда заходятъ выпить водки на деньги, собранныя старшей дружкой „на підковы молодій“. Послѣ такого угощенія поютъ:

10. *Якъ були мы въ пана,*
То була намъ шана [1]):
Пили медъ, горілку
За Марусю діоку.

Поровнявшись съ домомъ жениха, невѣста со свитой заходитъ въ хату, какъ дѣлаетъ это и женихъ, дошедши до дома невѣсты. Интересно сопоставить пѣсни, которыя поются дружками при посѣщеніи матери жениха, съ пѣснями, сопровождающими возвращеніе невѣсты домой и встрѣчу съ родной матерью.

Подходя къ дому жениха, дружки обращаются къ свекрови:

11. *Не сама я йду:*
Сімсотъ ще й пятнадцять,
Та всі въ сапьянцяхъ;
Сімсотъ ще й чотирі,
Та всі чорнобриві.
Одна молода чорнобрива,
И всіхъ покрасила.

[1]) Шана (отъ шановать) — почетъ, хорошее угощеніе.

Библиотека "Руниверс"

У самыхъ воротъ поютъ: „Замітайте двіръ“ и т. д. (вар. къ № 217. „Труды“, т. 4). Дружки во дворѣ, но встрѣчать никто не выходитъ. Проходя мимо оконъ, поютъ: „Не пізнала мати и проч.“ (Вар. къ № 219 и еще болѣе близкій къ № 749. „Труды, т. 4). Наконецъ выходитъ на встрѣчу свекровь. „Молода“ низко кланяется ей, а дружки поютъ:

12. *Падала листівкою*
Передъ матінкою
Передъ дверечками,
Передъ своими дружечками.
Це й не рідная мати,
Щобъ не выгнала зъ хаты.

Вошедши въ домъ, поютъ: „Добривечіръ тому, хто въ цёму дому“ и пр.“ (вар. къ № 233. „Труды“, т. 4).

Совсѣмъ иной пріемъ у родной матери. Обходивъ все село, невѣста къ вечеру возвращается домой. Подходя къ хатѣ родителей невѣсты, дружки поютъ:

Ой матінко, утко!
Умывайся хутко и проч. [1])

И далѣе:

Утка йде,
Утенята веде и проч. [2])

Въ самомъ дворѣ поютъ:

Ріжь, мати, китайку и проч. [3])

Мать спѣшитъ на встрѣчу и принимаетъ радушно, что и выражается въ пѣснѣ:

13. „*Не гнівайся, моя ненько,*
Що я веду до тебе челяденьку!“
—Я-жъ тебе, моя дочко, не маю,
Я-жъ твою челядоньку уощаю.

---

[1]) Вар. къ № 231 («Труды», т. 4).
[2]) Вар. къ № 187 (ibidem).
[3]) Вар. къ № 231 (ibidem).

Библиотека "Руниверс"

Дружки усаживаются ужинать и поютъ:

Брязнули ложечками и пр. [1])

Если женихъ и невѣста въ одномъ домѣ,—у жениха (бываетъ такъ въ томъ случаѣ, когда они изъ разныхъ селъ; тогда женихъ забираетъ къ себѣ невѣсту до свадьбы, и свадьба цѣликомъ происходитъ въ его домѣ), то во время ужина поютъ:

14. *По за ярами пшениця ланами.*
Просили Андрійка: вечеряй зъ нами!
Ой по-за ярами пшениця ланами.
—Спасибі, сестрички, вечеряйте сами!

Отмѣтимъ слѣдующія подробности хожденія невѣсты съ приглашеніями. Она начинаетъ ходить непремѣнно по солнцу, хотя далѣе можетъ и измѣнить направленіе. Если на улицѣ невѣста и ея свита встрѣтятся съ женихомъ, то шаги съ обѣихъ сторонъ замедляются, „молода й молодый“ выдвигаются впередъ, клапяются другъ другу и цѣлуются. Если женихъ при этомъ стѣсняется, то дружки поютъ:

15. *„Тобі, дружко, не дружковати;*
Тобі, князю, не князювати;
Тобі, дружко, свині пасти!
Тобі, князю, завертати!
Бо не вміли цілувати“.

Если въ одномъ селѣ нѣсколько свадьбъ въ одинъ день, то, при встрѣчѣ невѣстъ, онѣ тоже другъ другу кланяются и цѣлуются. Цѣлуются даже женихъ и невѣста разныхъ паръ; но послѣднее уже выходитъ изъ употребленія.

Кромѣ приведенныхъ выше пѣсень, дружки поютъ еще и другія, не относящіяся прямо къ обстоятельствамъ приглашенія, а рисующія положеніе женщины въ замужествѣ вообще. Къ такого рода пѣснямъ относятся слѣдующія:

16. *„Та чи макъ, чи рожа*
На дворі процвітає?“
—А ни макъ, ни роженочка,
Дочко моя,

[1]) Вар. къ №№ 421 и 771 («Труды», т. 4).

Библиотека "Руниверс"

А то-жъ твоя челядь гуля.
„Ой пусти-жъ, мій батеньку,
Межъ ту челядь гуляти!“
— Донейко моя,
Не воля моя;
Питайся у матінки.
„Чи макъ, чи рожа, моя матінко,
На дворі процвітае?“
— Ой не макъ, ни рожа,
Донейко моя,
А то-жъ твоя челядь гуля.
„Ой пусти-жъ, моя матічко,
Межъ ту челядь гуляти!“
— Ой, дочко-жъ моя,
Не воля моя;
Питайся у брата!
„Чи макъ, чи рожа, братіку мій,
На дворі працвітае?“
— Ой не макъ, ни рожа,
Сестрице моя,
То-жъ твоя челядь гуля.
„Ой пусти-жъ, мій братічку,
Межъ тую челядь гуляти!“
— Сестрице, не воля моя!
Питайся у сестры.
„Чи макъ, чи рожа, сестричко моя,
На дворі процвітае?“
— Ой не макъ, ни рожа,
Сестрице моя,
А то-жъ твоя челядь гуля.
„Пусти-жъ мене, моя сестро,
Межъ тую челядь гуляти!“
— Ой сестрице моя,
Не воля моя —
Питайся дружины.
„Ой чи макъ, чи рожа, дружино моя,
На дворі процвітае?“
— Не макъ, ни рожа,
Дружино моя,
А то-жъ наша челядь гуля.

Библиотека "Руниверс"

„Ой пусти-жь, дружино моя,
Межь ту челядь гуляти!“
—Я и самъ не піду
И тебе не пущу:
Привыкаймо доми жити!

---

17. *Ой уставай, ненько моя,*
Уже годі спати.
Уже-жь мині съ тобою не вікъ вікувати:
Одну ніч суботнюю переночувати,
Одинъ день-неділеньку переднювати.

---

18. *Уже лужки-бережки вода й обняла,*
Уже на нашу молоду журба налягла,
Що її молодою ти дома неми:
У чиночку, на рыночку музыкъ найма.
Зирайте, музыченьки: „изъ села до села“ [1])
Щобъ моя молода була весела.
Зирайте ще й різніще,
Щобъ моій молоді було ще й веселіще!

---

19. *Назбираю я калочокъ*
Та полечу въ садочокъ,
Сяду на черешеньці,
Та на выщій.
Батенько выйде
Галочекъ зганяти,—
Я буду обзываця:
„Я цей садъ садила,
Я цей садъ поливала,
Я цю черешеньку й общипала.“
Батенько стане,
На калочку гляне,
Та й мене згадае:
„Якъ оцій калоцці,
Такъ моій дочці
На чужій сторонці!“

---

[1]) Эта пѣсня есть у Шевченка въ «Гайдамакахъ».

Библиотека "Руниверс"

29. *Тихо, тихо Дунай воду колыше,*
А ще й тихіш Маруся косу чеше,
А що начеше,
То на Дунай однесе;
А що надрыве,
То й на Дунай пускае.
„Ой плыви, косо,
Та й до свекорки въ двір просто[1]*);*
Та й слухай, косо,
Що свекорко говорить.
Свекорко каже: „добрая година,
Прійде до нас чужая дитина:
Не зобували, не зодягали,
Та й будемь посылати;
Не годували,
Та й будемь замышляти“ [2]*).*
Ой тихо, тихо Дунай воду колыше,
А ще й тихіш Маруся косу чеше;
А що начеше,
То на Дунай однесе;
А що й надрыве,
То й на Дунай пускае.
„Ой плыви, косонько,
До батенька въ двір просто,
Та й слухай, косо,
Що батенько говорить!“
Батенько говорить:
„Не добрая година:
Піде одъ нас рідная дитина.
Нікому буде по дворочку походити,
Нікому буде батенька звеселити,
Нікому буде постілоньку постелити,
Нікому буде головоньки поскати“ [3]*).*
И батько сіночки вымітае,
Що нахилиця,
То слізонькамі вмыеця.

---

[1]) Прямо.

[2]) Управлять по произволу.

[3]) Поскать — поискать. Специальное слово для выраженія *искать вшей въ головѣ*.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ того сюда относятся варіанты къ №№ 138, 955, т. 4-го „Грудовъ".

Вечеромъ, когда приглашенія окончены, къ жениху и невѣстѣ сходятся родственники и сосѣди. Во дворѣ жениха играютъ „музыки" и танцуютъ „дівчата". Родители „молодого" выходятъ во дворъ и приглашаютъ въ хату стоящихъ въ публикѣ пожилыхъ людей. Согласившійся войти съ этихъ поръ считается членомъ свадьбы и обязанъ участвовать во всѣхъ ея частяхъ; это сопряжено съ расходами (на подарки, на угощеніе и проч.), а потому въ хату идутъ не всѣ охотно. Изъ приглашенныхъ въ хату семейнымъ совѣтомъ выбирается „дружко". Обязанность дружка—распоряжаться на свадьбѣ; въ помощники къ нему выбирается „піддружій". Обязанность дружка на столько почетна, что каждый изъ гостей съ большимъ удовольствіемъ принялъ-бы ее на себя. „Въ дружкі" выбирается человѣкъ солидный, опытный въ дѣлѣ обрядовъ, разсудительный, „балакучій". Дружка всегда легко узнать въ толпѣ: онъ ходитъ съ палкой, поступь медленная, постоянно распоряжается. „Піддружій" только исполняетъ нѣкоторыя распоряженія дружка.

Прежде всего дружко приказываетъ старшему боярину набрать бояръ. Тотъ приглашаетъ изъ публики парубковъ, отъ 7 до 12 душъ. Кромѣ бояръ выбираются у жениха: „свашки"—большею частію жены братьевъ жениха, или ближайшія родственницы, и „світилка"—незамужняя сестра „молодого". Когда выборъ конченъ, дружко собираетъ вокругъ себя выбранныхъ, подходитъ къ дверямъ хаты и говоритъ: „Стàроста, пані [1]) стàроста!"

— А мы рады слухать, отвѣчаютъ старосты (они—непремѣнные члены свадьбы и давно уже сидятъ въ хатѣ).

— Благословіть молодого въ хату ввести!

Другій и третій разъ!

— Богъ благословитъ всі три разы!

Тогда всѣ входятъ въ хату, садятся въ извѣстномъ порядкѣ за столъ, ужинаютъ съ выпивкой и отправляются съ музыкой къ невѣстѣ,

---

[1]) Именно *пані*, а не *пане*. Дружко во всѣхъ дальнѣйшихъ случаяхъ благословляется непремѣнно вышеприведенной формулой.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ и проводятъ вечеръ въ танцахъ, угощеніи и проч. [1]). У невѣсты тоже бываетъ ужинъ, при чемъ молодые съ старшими бояриномъ и дружкою ужинаютъ отдѣльно, въ коморѣ.

У жениха, въ то время, когда даютъ выбраннымъ членамъ свадьбы „по чарці", стоящая въ хатѣ у дверей женская публика поетъ:

21. *Въ суботу за сонця* [2])
Сидить Андрійко у віконця,
Та й радиця батенька свого:
„Скільки мині старостівъ брати?"
—Та бери, сыночку,
Скілько силочка зможе,
Скілько Богъ поможе.—
Та й радиця батька свого:
„Скілько мині бояръ брати?"
—Та й бери, сыночку, челядиночку,
Всю свою родиночку:
Бери старшого на коні,
А підстаршого въ жупані.—
Та й радиця батенька свого:
„Скілько мині світилокъ брати?"
—Бери світильки краснихъ,
А свашки пышнихъ [3]).

Когда родители благословляютъ жениха „у Божу путь" выйти (къ невѣстѣ), поютъ:

Ой приступи, Петрусю, та близенько и проч.

Когда „молода" даетъ „молодому" „хустку", дружки поютъ:

22. *Плавала уточка підъ мостомъ,*
Давали молода рученьку двомъ;
Хоть двомъ, хоть не двомъ, та одному:
„Ни-жъ тобі, молодый, самому".

Кромѣ того въ соотвѣтственныхъ случаяхъ поются варіанты къ №№ 239, 39 или 70 („Труды", т. 4).

[1]) См. «Труды», т. 4, стр. 99—212.
[2]) Отдаленный варіантъ къ № 823 («Труды», т. 4).
[3]) Пышно одѣтыхъ, разряженныхъ

Библиотека "Руниверс"

„Гильце“. Въ воскресенье утромъ, если вѣнчаніе отбылось раньше, женихъ и невѣста, каждый изъ своего дома, идутъ въ церковь. Послѣ обѣдни женихъ подходитъ къ невѣстѣ и приглашаетъ ее вмѣстѣ съ дружками къ себѣ на обѣдъ. Обѣдаютъ безъ пѣсенъ. Послѣ обѣда „молода“ съ дружками уходитъ домой приготовляться къ пріѣзду „молодого“, а „у молодого квічають гильце“. Только въ немногихъ селахъ чигиринскаго уѣзда „гильце“ бываетъ у жениха и невѣсты; большею частію оно бываетъ только у жениха. „Гильце“ есть верхушка сосенки, вырубленная утромъ въ субботу самимъ женихомъ съ старшимъ боярином. Теперь его вносятъ въ хату и убираютъ колосьями ржи, ячменя, пучками калины, барвінкомъ. Самъ женихъ привязываетъ квітку большую, чѣмъ другіе, и изъ лучшаго матеріала.

При убираніи „гильця“ женская публика поетъ:

23. *Летівъ горностай черезъ садъ* [1]),
Розпустивъ пірьячко на весь садъ.
„Збірайте, бояре, пірьячко,
Звийте молодому гільячко“.
—Якъ мы молодому гильце зведемъ,
То щирі [2]*) бори вырубаімъ,*
Ти въ лузі калину выломаімъ,
Сто возівъ овесъ высмикаімъ,
Та въ саду барвінокъ выщипаімъ,
Та молодому гильце зведемъ.

Кромѣ того поются варіанты къ №№ 96, 145, 141, 94 („Труды“, т. 4).

Поѣздка за невѣстой. Когда „гильце“ готово, дружко собираетъ всѣхъ „весільныхъ“, становится передъ дверью, бьетъ палкой въ косякъ и говоритъ:

— Старòста, пані старòста!

— А мы рады слухать!

— Благословить молодому князеві въ Божу путь выйти!—Другій и третій разъ!

— Богъ благословить всі три разы!

---

[1]) Отдаленный варіантъ къ № 99 («Труды», т. 4).
[2]) Густые.

Библиотека "Руниверс"

Отправляются къ молодой. Отъ имени матери хоръ напутствуетъ молодого:

24. *„Долонь, долонь*
Иди, сыну, зъ Богомъ!
Дай тобі, Боже, добрую годиноньку
Привезти чужую дитиноньку“.
— Ой не так, мати,
Чуже дитя взяти.
Ой треба, мати,
Въ порогахъ постояти.

Идутъ съ музыкой. Во время шествія старшій бояринъ, попеременно съ „підстаршимъ“, держитъ „гильце“ наклонно надъ головой жениха. Передъ воротами у невѣсты весь поѣздъ останавливается. Только дружко съ „піддружимъ“ или старостою отправляются къ дверямъ хаты невѣсты и, послѣ обычнаго благословенія, входятъ въ нее. Ихъ привѣтствуютъ пѣсней:

25. *Прилетіло ажъ два голубочки*
Изъ чужої стороночки.
Ой дайте имъ пити
Водиці зъ криниці,
Ой дайте имъ їсти
Солодкого меду.

Въ хатѣ дружка съ товарищемъ угощаютъ и даютъ ему сосудъ съ водкой и хлѣбъ. Взявъ водку и хлѣбъ, дружко съ піддружимъ выходятъ къ стоящимъ за воротами поѣзжанамъ и подчуютъ ихъ. Дѣло происходитъ такъ. Дружко сначала выпиваетъ самъ и при этомъ отступаетъ назадъ, какъ пьяный. Его поддерживаютъ и спрашиваютъ:

— А що, крепке!

— Крымське, гарне вино! отвѣчаетъ дружко.

Каждый выпивший дѣлаетъ то-же. Дружко уходитъ въ хату три раза и каждый разъ при выходѣ „частуе весільныхъ“ вынесенной водкою. Въ послѣднее посѣщеніе дружка и піддружаго въ хатѣ перевязываютъ рушниками. При выходѣ дружка изъ хаты въ третій разъ, стоящая во дворѣ невѣсты публика бросается къ воротамъ, запираетъ и налегаетъ на нихъ. Бояре стараются отворить. Происходитъ маленькая

Библиотека "Руниверс"

драка, при чемъ иногда стрѣляютъ изъ холостыхъ ружей. Если бояре не въ состояніи открыть ворота силою, дѣло рѣшается подкупомъ: за кварту водки ворота отворяютъ. Поѣздъ входитъ во дворъ и останавливается у дверей хаты. Изъ хаты выходятъ родители невѣсты съ подарками, состоящими изъ платковъ—жениху, боярамъ и „свѣтилці", „очіпковъ"—свашкамъ, и опять рушниковъ—дружку съ піддружимъ (теперь они перевязаны накрестъ). При раздачѣ подарковъ поютъ:

26. *Не тівайтесь вы, боярочки,*
Що коротенькі подарочки:
Конопельки не вродили,
Подарочки вкоротили.

Послѣ раздачи подарковъ входитъ въ хату, при чемъ мать невѣсты, въ вывороченномъ кожухѣ, сыплетъ жениху въ лицо ячмень.

При встрѣчѣ поѣзда молодато еще поются варіанты къ №№ 834, 1003, 883 и 355, 886.

Въ то время, какъ женихъ собирается и ѣдетъ или идетъ къ невѣстѣ, эта послѣдняя сидитъ дома за убраннымъ столомъ, окруженная дружками, и „частуе" родню. При поднесеніи рюмки родителямъ невѣсты дружки поютъ:

27. *Ой роступися, чужина,*
Нехай приступить родина,
Нехай батенько частуе,
Щастямъ, здоровьямъ дарує.

Каждый изъ родственниковъ, выпивая рюмку, кладетъ копѣйку, которую въ нѣкоторыхъ селахъ старшая дружка беретъ и бросаетъ невѣстѣ „за коміръ". Если молода—сирота, ей поютъ:

28. *Зеленая пшениченька*
Та все й полягла.
Десь у тебе, Марусенько,
Та батька нема.
Та не хайдеця гори зъ горою,
Та не пойдуця щука-рыба зъ водою.
„Та пливи, щука-рыба, тихо по водѣ,
Та прибудь, прибудь, мій батеньку,
Тепера къ мині,

Библиотека "Руниверс"

Та дай порадоньку мині,
Бідній сиротині!“
—Та кланяйся, доненько, чужій чужині,
Нехай дає порадоньку бідній сироті.
Ой кланялась не разъ, не два,
Та не дає порадоньки чужа чужина;
Ой кланялась разівъ три,
Не дає порадоньки, якъ ты“.

И вар. къ № 161 („Труды“, т. 4). Если-же родители живы, то дружки поютъ вар. къ №№ 416 и 18 (ibid.). Когда поѣздъ жениха уже приближается ко двору, поется слѣдующая пѣсня:

29. *Гусли гудуть,*
До двору йдуть:
Та нарядайся [1]), *Марусю,*
Бо возьмуть тебе.
Хоть я нарядюся,
А я васъ не боюся,—
Есть у мене
Рідный батенько,
Той не дасть мене.
Та й гусли гудуть,
У двірь идуть;
Нарядайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
—Хоть я нарядюся,
Та васъ не боюся:
Ой есть у мене
Рідна ненька,
Та не дасть мене.
Та гусли гудуть,
До порога йдуть;
Наряжайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
—Я хоть нарядюся,
Та васъ не боюся:

[1]) Приготовляйся.

Библиотека "Руниверс"

Ой есть у мене
Рідный братичокъ—
Той не дасть мене.
Ти гусли гудуть,
У хату йдуть.
Ти наряжайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
—Я хоть нарядюся,
Ти вись не боюся:
Ой есть у мене рідна сестриця,
Ти не дасть мене.
Гусли гудуть,
До столу йдуть.
Ти наряжайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.

Когда женихъ уже въ хатѣ, дружки поютъ:

Заховай мене, мій батеньку,
За садъ вишневый и проч [1]).

Далѣе слѣдуетъ выкупъ невѣсты у ея брата, при чемъ свашки поютъ:

30. *Ой не будемъ, ой не будемъ*
Ні дня, ні годины,
Тики скупимъ, тики скупимъ
Отецького сына.

Женихъ усаживается около невѣсты [2]). Еще разъ родителями невѣсты раздаются подарки, а со стороны жениха свашки раздаютъ родственникамъ невѣсты „шишки“. При этомъ дружки поютъ:

31. *Свашечки,*
Наши голубочки,
Сыпте шишки,
Якъ горішки!
Дівіть дружокъ,
Хоть по-трішки:
Отъ старшої
До найменшої
Дружки.

[1]) Вар. къ № 865 («Труды, т. 4).
[2]) Объ этомъ и о выкупѣ см. «Труды», т. 4, стр. 342—364

Библиотека "Руниверс"

Свашки отвѣчаютъ имъ:

32. Мы їхали шляшкомъ,
Загубили шишки въ мішкомъ.
А вы, дружечки, не гуляйте:
Ідіть, шишки позбірайте.

Черезъ нѣсколько времени дружко дѣлитъ „коровай“ [1]). При пріемѣ жениха въ разное время еще поются нар. къ №№ 1003, 883, 355, 886. 161, 416, 18, 940, 935, 936, 979, 115, 1148 и 345, 263, 74, 1068 и 1069, 1063 и 1064, 451, 453, 1138.

Затѣмъ братъ невѣсты вплетаетъ изъ косы сестры ленту, называемую „кісникомъ“. По мѣрѣ приближенія момента, когда невѣстѣ придется покинуть домъ родителей, настроеніе присутствующихъ, при видѣ печали невѣсты, становится все смутнѣе. Это отражается и на пѣсняхъ, которыя тогда поются. При вплетаніи „кісника“ дружки поютъ:

33. Молодої неньки до дружокъ приступили,
Все дружокъ питали:
„Вы дружечки, вы голубочки!
Роспитайтесь моєї дочки:
Кого її найжалькіше,
Чи кісоньки, чи своєї неньки?“
—Не жаль мині русої коси,
А жаль мині своєї неньки,
Що не буде въ неї служебоньки
Ні великої, ні маленької,
Ні мене молоденької:
Що нікому воды принести,
Що нікому світлоньки зжести.

Дружки, какъ помощницы и подруги невѣсты въ ея дѣвичьей жизни, становятся теперь болѣе не нужны. Онѣ собираются уходить и поютъ:

34. Сидить соловейко на ліщу.
Часъ мині, бояре, до дому:
У мене неньки старенька,
У мене сестриця маненька;

[1]) Объ этомъ см. «Труды», т. 4, стр. 375—384.

Библиотека "Руниверс"

Ніколу водиці принести:
Часъ мене, бояре, одвести!

35. *Прощай, прощай, сестро наша!*
Теперь мы не твои, ты не наша...

Наконецъ молода прощается съ родителями; сначала съ отцомъ. Тревожное состояніе ея въ этотъ моментъ выражается въ пѣснѣ:

36 *„Ой, батенько, мій рідненькій!*
Снився мині сонъ дивнесенькій".
— Сами ты, доненько, знаешь —
Сама отгадаешь:
Що чарный шовкъ,—
То кісонька твоя;
Що золото,—
То слізонька твоя,
Та чорнымъ шовкомъ заплетена,
Та золотомъ переведена [1])

Тогда-же поется и слѣдующая пѣсня:

37. *Заграли коники на подолі,*
Та брязнули музыченьки въ батенька во дворі.
„Наіхали, мій батеньку, гостеньки до насъ".
— Ой я цімъ гостенькамъ радъ, не радъ:
Возьмуть та й одъ мене тебе, якъ винарадъ.

Когда невѣста прощается съ матерью, поютъ:

38. *„Ты отдаешь мене, моя ненько, одъ себе,*
Та остаеця все зілья мое въ тебе:
И рутонька, и мятонька зелененьки,
Ще-жъ я, ненько моя, въ тебе молоденька!
Вставай, моя ненько, раненько,
Та поливай зілья мое частенько:
Ранніми и пізніми зірочками,
Ще й дрібними слізонъками".
— Та уставала, доненько моя, раніш тебе,
Та поливала зілья частіш тебе,
И ранніми и пізніми зіронъками,
Ще й своими дрібненькими слізонъками.

[1]) Интересно, что самый сонъ не приводится.

Библиотека "Руниверс"

Печальную сцену прощанья сокращаютъ слѣдующей грубой пѣсней, которую поютъ свашки:

39. *Чого сидишь, дурепо?*
Повезуть тебе далеко,
Дрѣнными саньми,
Зъ дурными людьми,
По-пiдъ горою,
Сторчъ головою,
Скиженою кобылою.

Въ то время, какъ укладываютъ на повозки пожитки невѣсты, поются пѣсни:

40. *Чи не жаль тобi, Марусенько,*
Матiнки покидати?
У тебе матiнка стареньки,
Сестриця маненька, сама молоденька.
Що матiнка по воду йде - спотыкаецл,
А зъ водою йде -- слiзонькими умываецл.

41. *Молодої сестра зъ боярами говорила:*
„Грайте-жъ вы, бояре, грайте,—
Кiньками двору не зколупайте!
Бо якъ вы двiръ зколупаете,
То вы батенька та рознiвaете;
То вы жъ его та й не впросите
И Марусеньки не возьмете“.
—Ой мы жъ его упросимо,
Медомъ-виномъ упоимо,
Таки молоду возьмемо!

Выѣздъ происходитъ съ обыкновенными обрядами [1].

На пути къ дому жениха свашки поютъ:

42. *Кучерявый хвоздиче!*
Поганяй волы швидче.
Не будешь поганяти,—
Будемъ тутъ ночувати.

[1]) См. кн. г-жи Мошинской: «Zwyczaje etc...», стр. 18—19.

Библиотека "Руниверс"

Въ домѣ невѣсты остаются только родственники ея. Оставшіяся женщины поютъ къ матери невѣсты:

43. *Закувала зозуленька въ зеленімъ вівсі,*
Оплділась (имя матери), *що дочки не всі.*
—Чи сорока, чи ворона ухватила,
Чи я її добрим людямъ наділила?
—Ни сорока, ни ворона не ухватила,
А я її добрим людямъ наділила.

При выплетеніи „кісника“ и прощаніи „молодої“ съ родителями поются еще вар. къ №№ 1014, 1122, 1040, 1128, 1111, 1145, 1142 („Труды“, т. 4) и вар. № 6 dodatka къ кн. Мошинской: „Kirajło etc.“.

Во все время пребыванія жениха у невѣсты въ этотъ разъ, происходитъ очень характерная пѣсенная перебранка свашекъ съ дружками; первыя представляютъ сторону жениха и защищаютъ всѣхъ членовъ его свиты: бояръ, світилку и проч., вторыя—невѣсты и защищаютъ ея свиту. Пѣсни въ большинствѣ случаевъ пересыпаны бранными словами, часто даже непріличными. Иногда стороны увлекаются до того, что начинаютъ импровизировать,—не всегда, разумѣется, удачно, но всегда полновѣсно; когда-же и это становится недостаточнымъ, побѣжденные переходятъ къ словесную площадную брань.

Не отклоняясь отъ задачи—представить здѣсь только сырой матеріалъ, мы не можемъ не указать въ данномъ случаѣ на дисгармонію обряда съ основнымъ характеромъ малорося,—мягкимъ, чуткимъ въ отношеніи нравственности. Упомянутый обрядъ есть, очевидно, остатокъ сѣдой старины, когда стороны во время брака были враждебны другъ другу. На это обстоятельство очень прозрачно указываютъ и взятіе съ боя воротъ невѣсты, и вывороченный вверхъ шерстью кожухъ тещи, и другіе обряды.

Обрядъ перебранки теперь начинаетъ выходить изъ употребленія. Часто стороны уговариваются раньше или пропѣть опредѣленное число пѣсенъ, или не пѣть ихъ вовсе. Вотъ пѣсни подобнаго рода, записанныя въ чигиринскомъ уѣздѣ (въ 4-мъ т. „Трудовъ“ и въ другихъ мѣстахъ записано много такихъ-же пѣсенъ).

Библиотека "Руниверс"

Когда женихъ со свитою входитъ въ хату невѣсты, дружки поютъ:

44. *Роскотився горохъ по долині.*
Вашь бояре, якъ свині,
Въ хату понилазили;
Щобъ имъ очи повылазили!

Свашки отвѣчаютъ:

45. *Пекли дружки раки,*
Брешете, якъ собаки!—
За столъ позалазили,—
Очи вамъ повылазили!

Дружки:

46. *Бодай тебе, князю,*
Зъ твоими боярами:
Старі та вусаті,
Якъ мыши хвостаті.

Свашки:

47. *Бодай тебе, княжна,*
Зъ твоими дружками;
Сидять по-за столью,
Якъ жабы по за тыною!

Дружки:

48. *Якъ у саду соловейко гніздо вье;*
Чи всімъ свашкамъ місце є?
А котрій не має,
Нехай на помыйниці сідає,
Помыи нехай висёрбає,
Зо дна гущи достане!

Свашки отвѣчаютъ:

49. *Якъ у саду соловейко гніздо вье:*
Чи всімъ дружкамъ місце є?
А который не має,
Нехай на припічку сідає!

Дружки:

50. *Якъ у саду соловейко гніздо вье:*
Чи всімъ боярамъ місце є?
А которому немає,
Нехай на припічку сідає!

Библиотека "Руниверс"

И дальше: „здвинулися стіны, якъ свашки сіли“ и проч. (см. Труды, т. 4, № 336).

Дружки обращаются къ старостамъ и боярамъ:

51. *Ой старосты вы, старецькіі* [1]):
Вы, бояре, сыны отецькіі!
Десь вы, старосты, коникіовъ добували,
Вы, бояре, жупанівъ позичали,
Що вы до насъ не рано поназіжджали?

Свашки защищаютъ старостъ и бояръ:

52. *Десь вы, дружечки, звычаю не знаете,*
Що въ нашихъ старостъ кониківъ питаете,
У бояръ жупанівъ.
Наши коникі по станяхъ стояли,
Наши жупаны по скриняхъ лежали!

Дружки къ боярамъ:

53. *Де вы, бояре, волочилися,*
Що до насъ опізнилися?
Чи сіно косили,
Чи хліба просили,
Чи въ соломі спали,
Що мыши уха пообідали!

Свашки защищаютъ:

54 *У молодою ласкава нелька,*
Забарила насъ ласковими словами,
Годувала насъ білыми калачами,
Напувала насъ солодкими медами,
Выряжала насъ съ скрипками, съ цымбалами!

Чрезъ нѣсколько времени сами свашки начинаютъ:

55. *Въ нашого свата*
Изъ вербы-лозы хата,
А сволокъ изъ осыки.
Дружки безъязыки

---

[1]) Чисто народное, буквальное употребленіе слова *старостa*, въ смыслѣ *старый человѣкъ*.

Библиотека "Руниверс"

Дружки отвѣчаютъ:

56. *А велики голови*
У сома,
А ще й більши у щуки.
Брешете свашки, якъ суки!

Свашки:

57. *Була сучка промъ,*
А дружки за нею рядомъ.
Вони думали, що ихъ мати,
Зачали сучку ссати!

Дружки:

58. *Підъ поломъ пляшки стояла*
Туди кішка на . . . яла.
Будемъ пити-гуляти,
Свашокъ частувати.

Свашки:

59. *Підъ припічкомъ стружки,*
По....ся дружки.
Дайте черепушку
Підъ старшу дружку!

Дружки отвѣчаютъ,—и на этотъ разъ, кажется, не совсѣмъ удачно:

60. *Якъ були мы коло ставу,*
Іли мы рыбу та тарань.
Брешете, свашки,
Чортова дрянь!

Свашки:

61. *Въ старшої дружки рясный жупанъ;*
Поміжъ тими рясницями
Сидять вши копицями.
А вы, дружки, не гуляйте:
Беріть вши оббирайте!

Дружки:

62. *Старшу свашку [illegible] порося вбили,*
На череві осмалили,
На [illegible] попарили
И на стіль поставили!

Библиотека "Руниверс"

Свашки:

63. Старша дружка ...ха,
Друга черевата,
А третя на днях ходить.
По семеро водить.

Или:

Шелестять дружки по дубині—
Найшли собі по дитині
А старша пищить,—
Семеро тащить!

Неугомонныя дружки обращаются къ дружку:

Чи бачишь ты, дружкд,
Що бояре коровай крадуть и проч.
(„Труды", т. 4, № 1068).

Свашки накидываются на зачинщицу:

64. Зась тобі, початухо, зась!
Твій батько[illegible]вась.
Годі тобі починати,—
Иди батька прибирати!

Пріѣздъ молодыхъ въ домъ жениха.

Еще дорогою свашки поютъ:

65. „Куда вы мене везете, люде?
Ой що мині одъ васъ буде?"
— Положимъ на току, на току,
Та постелимъ осоку, осоку.
Положимъ тебе зъ хлопцемъ,
Зъ добрымъ молодцемъ!

Подъѣзжая ко двору жениха, свашки поютъ:

66. Топи, мати, грубу:
Везуть невістку любу.
Хоть люба, хоть не люби,
Абы тепла груба!

При этомъ поются еще и вар. къ №№ 78 (въ приложеніи), 1242 4 т. Трудовъ).

Библиотека "Руниверс"

Въ нѣкоторыхъ селахъ черкасскаго уѣзда практикуется слѣдующій обычай: проѣзжая мимо церкви, женихъ соскакиваетъ съ повозки, подбѣгаетъ къ церкви и ищетъ щели, въ которую бросаетъ нѣсколько копѣекъ, послѣ чего опять продолжаетъ путь.

По пріѣздѣ къ жениху, всѣ входятъ въ хату, кромѣ молодыхъ, которые на дворѣ ждутъ, пока дружко приготовитъ имъ въ „коморѣ“ постель, и за тѣмъ, не заходя въ хату, слѣдуютъ за дружкомъ въ комору. *Дружко* раздѣваетъ молоду и проч.

Въ случаѣ, когда невѣста не потеряла невинности до „коморы“, съ ея рубахой продѣлываютъ то-же, что и въ другихъ мѣстахъ [1]). Въ то время, когда молодые въ коморѣ, родители и родственники невѣсты приходятъ къ дому жениха и стоятъ за воротами, ожидая исхода перваго сожительства новобрачныхъ. Если результатъ благопріятенъ, ихъ приглашаютъ въ хату и окружаютъ всевозможнымъ почетомъ; въ противномъ-же случаѣ они убѣгаютъ домой и на другой день подвергаются унизительнымъ выходкамъ „весільныхъ“: имъ надѣваютъ на голову горшки, верши [2]), хомуты и водятъ въ такомъ видѣ по селу.

По выходѣ молодыхъ изъ коморы служба бояръ оканчивается и нѣкоторые изъ нихъ уходятъ домой, другіе остаются принимать участіе, когда будутъ „смалить молоду“. Этотъ обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ: выпивъ изрядно въ хатѣ послѣ демонстраціи надъ рубахой невѣсты, мущины и замужнія женщины выходятъ за дворъ и гдѣ нибудь въ оврагѣ раскладываютъ костеръ. Пьяныя бабы, обнажившись до пояса, прыгаютъ черезъ костеръ, при чемъ мущины бросаютъ въ нихъ куски горящей соломы. Наиболѣе усердныхъ дружко угощаетъ водкой. Пьяная оргія продолжается до тѣхъ поръ, пока сожгутъ около воза соломы. Иногда прыгающія такъ усердствуютъ, что получаютъ серьезные обжоги. Послѣ этого попойка продолжается далеко за полночь.

Послѣдніе дни свадьбы. Въ понедѣльникъ бываетъ дѣлежъ коровая у молодаго, при чемъ гости дарятъ новобрачныхъ деньгами и натурою, для обзаведенія хозяйства; подарковъ собирается иногда руб-

---

[1]) См. въ 4-мъ т. «Трудовъ» всѣ типы свадебъ.

[2]) Верша—рыболовный снарядъ; дѣлается изъ прутьевъ лозы.

Библиотека "Руниверс"

лей на сто. Въ этотъ-же день утромъ, въ качествѣ первой закуски послѣ опохмѣленія, ѣдятъ „лежень“ (продолговатый пшеничный хлѣбъ) [1]), получившій и названіе отъ этого обстоятельства (ѣдятъ, полежавъ). Въ понедѣльникъ-же вводятъ невѣсту къ священнику для покрытія и пекутъ пироги, съ которыми ходятъ къ родителямъ невѣсты. Во вторникъ опохмѣляются, разными штуками добываютъ водку и кутятъ до вечера, послѣ чего свадьба большею частью оканчивается.

Уже было окончено это *изслѣдованіе*, когда мы получили отъ г. Ба—скаго краткое описаніе малорусской свадьбы въ посадѣ Вилковѣ, бессарабской губ. Посадъ Вилковъ (близъ Килія, въ устьяхъ Дуная) имѣетъ смѣшанное населеніе: малороссовъ, потомковъ запорожскихъ выходцевъ, и великороссовъ-старообрядцевъ [2]). Оба племени, не смотря на долгое и близкое сосѣдство, смѣшиваются крайне туго. Свадебныя пѣсни и обряды *малорусскаго* населенія посада Вилкова, присланные г. Ба—скимъ, носятъ на себѣ очень незначительные слѣды великорусскаго сосѣдства; слѣды эти заключаются въ едва замѣтномъ измѣненіи языка и допущеніи въ свадебный репертуаръ 2—3 великорусскихъ пѣсенъ, при чемъ сразу бросается въ глаза слѣдующая характерная вещь: заимствованныя пѣсни ни на іоту не ассимилировались со стороны языка, а введены въ кругъ свадебныхъ пѣсенъ такъ, какъ это сдѣлалъ-бы культурный человѣкъ, знакомый съ обоими нарѣчіями. Пѣсни эти и поются на „дѣвичникѣ“, тоже *заимствованномъ* свадебномъ актѣ [3]), такъ что вилковцы-малороссы тутъ очевидно руководятся такимъ соображеніемъ: лишняго случая повеселиться упускать не слѣдуетъ; но для чужой формы—чужое и содержаніе, свои-же собственныя пѣсни и обряды такъ прекрасно скомпонованы, что ни прибавлять, ни убавлять не приходится. Лучшимъ доказательствомъ того, что вилковцы-мало-

---

[1]) См. выше, стр. 9.

[2]) См. въ библіогр. отд. «Кіев. Стар.» (августъ 1882 г.) рецензію на брошюру: «Посадъ Вилковъ и проч.» Бахталовскаго.

[3]) «Дѣвичнику» соотвѣтствуетъ въ малорусской свадьбѣ «дівич-вечіръ». Если-бы въ Вилковѣ былъ только одинъ «дѣвичникъ», можно было-бы думать, что измѣнено только названіе; но тутъ за «дѣвичникомъ» слѣдуетъ «головиця», которая, какъ увидитъ читатель, есть тотъ-же «дівич-вечіръ».

Библиотека "Руниверс"

россы дѣйствительно свято соблюдаютъ свадебныя пѣсни и обряды своей покинутой родины, служитъ то обстоятельство, что въ обрядахъ единственное нововведеніе—„дѣвичникъ“ [1]), а изъ 35 пѣсенъ, доставленныхъ намъ г. Ба—скимъ, нѣтъ ни одной, неизвѣстной до сихъ поръ въ печати, и только приводимыя ниже 5 пѣсенъ представляютъ изъ себя отдаленные варіанты; всѣ остальныя—близкіе варіанты къ напечатаннымъ въ 4-мъ томѣ „Трудовъ“.

Малороссійская свадьба въ Вилковѣ состоитъ изъ сватанья, „дѣвичника“, „головиці“ и собственно свадьбы.

Сватанье ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго (см. выше „сватання“ въ нашемъ извлеченіи и также „Труды“ т. 4, стр. 56—66).

На другой день послѣ сватанья бываетъ „дѣвичникъ“. Женихъ созываетъ парней, а невѣста дѣвушекъ. Вся компанія собирается вечеромъ въ домѣ невѣсты; гости садятся за столъ; невѣста угощаетъ ихъ виноградным виномъ, а женихъ—орѣхами, изюмомъ, конфектами и пряниками. Дѣвушки, выпивъ по стаканчику вина и закусивъ пряникомъ, поютъ:

1 *Да не милостивъ, сударь батюшка, на меня:*
Отдаешь меня молодешеньку отъ себя!
Остается моя сирота—мята вся у тебя...
Уставай-ка ты, родная матушка, рапенько,
Поливай-ка ты сироту-мяту частенько!
Какъ наѣхалъ свѣтъ Петръ Ивановичъ,
Какъ увидѣли его свѣтъ Маринушка—смолчала,
Какъ увидѣли его матушка—вскричала.
Да какъ вырвала она чернобыль-травку,
Такъ и ударила воронова коня по ребрамъ,
Да ударила Петръ Иваныча по кудрямъ.
Какъ и съ тѣхъ-то поръ мои кудерьки не вьются,
Какъ изъ тѣхъ-то поръ мои русые сѣкутся.

2. *Бѣлый заюшка-горностаюшка,*
Вернись, заюшка, куда идешь?
Куда бѣжишь, не оглянешься назадъ?
Аль у тебя гдѣ прикадушка есть?
Прикада моя—камышъ да трава.

[1]) Конецъ свадьбы, начиная отъ привоза невѣсты, у г. Ба—скаго не записанъ.

Библиотека "Руниверс"

Принада моя—шестевой терем.
А въ терем томъ Маринушка сидитъ,
Она-то меня все принадила къ себѣ:
Лицемъ бѣлая, бровью черная,
Заставила часто въ гости ходить,
Въ гости ходить, изюмъ-ягоды носить.

3. *Вострубили трубушки рано на зарѣ,*
Восплакнула Маринушка по русой косѣ:
О, свѣтъ моя русая коса, дѣвичья краса!
По-утру ранешенько матушка косыньку плела,
Шелковую ленточку она не вплела;
Поутру ранешенько дѣвушки плели,
И они шелковую ленточку вплели.

Послѣ каждой пѣсни, для освѣженія горла, дѣвушки отпиваютъ изъ стаканчика по немногу вина. По окончаніи всѣхъ приведенныхъ пѣсенъ, компанія поднимается изъ-за стола, благодаритъ жениха и невѣсту за угощеніе и расходится по домамъ.

На канунѣ дня вѣнчанія, которое бываетъ всегда въ воскресенье, вечеромъ бываетъ „головиця“—то-же, что „дівичъ-вечіръ“. Также невѣста ходитъ по посаду и сзываетъ подругъ. Женихъ является съ четырмя боярами. У невѣсты жениху и боярамъ пришиваютъ къ шапкамъ цвѣтки изъ ленточекъ. Когда берутъ шапку у жениха, дружки поютъ:

4. *Я-жъ тебе, зятечку, попрошу*
За твою шапочку хорошу,
Пришити віночокъ—
Зеленый барвіночокъ.

Женихъ кидаетъ на тарелку нѣсколько мѣдныхъ, или серебряныхъ монетъ. При этомъ поютъ:

5. *Не труси тарілкою,*
Не мани горілкою,
Выкинь мині біленького,
Як голуба сивенького.

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ слѣдуетъ ужинъ и танцы на дворѣ подъ звуки *гармоники*. На „головиці"-же вьютъ „гильце", которое составляетъ вѣтка калины.

Послѣ вѣнчанія новобрачныхъ у воротъ церковной ограды встрѣчаютъ посадскіе парни. Они ко времени выхода изъ церкви ставятъ здѣсь столъ, покрытый бѣлой скатертью, на немъ ведро воды, называемой въ этомъ случаѣ *дунайскимъ виномъ*, и требуютъ у жениха выкупа.

Давъ въ видѣ выкупа рубль, новобрачные проходятъ. Роль „дружка" раздѣляется для двухъ человѣкъ: для старосты со стороны жениха и для старшаго свата со стороны невѣсты.

Когда „поіздъ" жениха является за невѣстой, онъ тоже долго стоитъ у воротъ, пока староста не побываетъ 3 раза въ хатѣ невѣсты.

Коровай дѣлитъ старшій бояринъ; второй бояринъ разламываетъ на части гильце. Къ нимъ подходитъ сватъ съ двумя тарелками; на одну старшій бояринъ кладетъ кусокъ коровая, на другую второй бояринъ кладетъ кусокъ „гильця". Сватъ все это разноситъ гостямъ. Въ числѣ другихъ пѣсенъ при этомъ поютъ:

6. *Ой вы, славни запорожці,*
Не лякайтеся!
За пороги, за высокіи,
Не ховайтеся!
Просимо васъ до хаты,
Короваемъ дарувати.

При разставаніи съ молодой старшая дружка поетъ:

7. *Не того я прійшла,*
Щобъ сама я выйшла!
Дайте мині хозяина —
Старшого боярина;
Дайте коновочку пива,
Що-бъ мене ненька не била;
Дайте и калачівъ пару, —
Понесу неньці на славу!..
Ой крикнула уточка на лугу,
Пора мині, дружки, до дому:

Библиотека "Руниверс"

У мене ненька старенька,
У мене сестра маленька;
Нікому затопити,
Вечеряти наварити.

Идутъ къ старшей дружкѣ (боярс и дружки), при чемъ старшую дружку ведутъ два боярина подъ руки. Въ домѣ старшей дружки ихъ угощаютъ. При этомъ поютъ:

8. *Широкая кладка на воду,*
Хорошая дружка на вроду,
Хорошого батька мае,
Хорошенько насъ пріймае.
Ой, казали: дружка не богата!
А вона таки богата:
Рушникъ на кілочку,
Въ хаті, якъ въ садочку,
Брови на шнурочку!

Старшая дружка даритъ старшему боярину платокъ, тотъ благодаритъ деньгами. Затѣмъ гости благодарятъ за угощеніе и расходятся.

Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ поются кромѣ того варіанты къ слѣдующимъ №№ пѣсенъ 4-го тома „Трудовъ“: 233, 101, 981, 694, 742, 664, 1120, 451, 141, 609, 882, 928, 886, 1003, 29, 1050, 1068, 693, 1029, 1045, 1040, 694, 1128, 1113 и другіе.

Ѳ. Николайчикъ.

Библиотека "Руниверс"

Восемь писемъ Тараса Григорьевича Шевченка къ разнымъ лицамъ.

„Разъ добромъ налите серце
„Ввѣкъ не прохолоне".

Подлинники предлагаемыхъ писемъ тщательно сохраняются у В. В. Тарновскаго, въ его усадьбѣ Качановкѣ (борзенскаго уѣзда, черниг. губерніи); мы представляемъ здѣсь точную копію ихъ, въ хронологическомъ порядкѣ, съ нѣкоторыми поясненіями. О значеніи писемъ, какъ матеріала для біографіи, распространяться не станемъ: читатели его сами увидятъ. Пожелаемъ при этомъ, чтобы всѣ письма Шевченка, равно и „Дневникъ" его, печатавшійся въ „Основѣ" 1861—1862 г., вошли въ предполагаемое полное изданіе его „Кобзаря", съ необходимыми поясненіями.

I.

Къ Гр. Ст. Тарновскому [1]).

С.-Пб. 1842 г., марта 26.

„Я думаю, вы меня хорошенько побранили за „Гайдамаки". Было мнѣ съ ними горя! На силу выпустилъ цензурный комитетъ:

---

[1]) Это—тогдашній владѣлецъ Качановки и 9,000 душъ, камеръ-юнкеръ, бывшій въ ту пору 50-ти лѣтъ слишкомъ. Бездѣтный, онъ воспитывалъ племянницъ, любилъ принимать гостей, литераторовъ, артистовъ и весьма радушно развлекалъ ихъ оркестромъ, родными пѣснями, танцами, деревенскими играми, иллюминаціями, поѣздками. Такъ, лѣтомъ 1838 года у него гостили—М. И. Глинка (выбиравшій тогда въ Малороссіи пѣвчихъ для придворной капеллы), историкъ Н. А. Маркевичъ, художникъ В. П. Штернбергъ, поэтъ В. Н. Забѣла. Нѣкоторыя мѣста изъ оперы Глинки „Руслан и Людмила" были написаны и исполнены въ первый разъ въ Качановкѣ; и до нынѣ здѣсь существуетъ обширная бесѣдка, каменная, на холмѣ, средя роскошнаго сада, гдѣ Глинка писалъ своего „Руслана". Шевченко сблизился съ Тарновскимъ въ Петербургѣ, куда послѣдній часто пріѣзжалъ на зиму; потомъ съ лѣта 1844 г. Шевченко неразъ бывалъ въ Качановкѣ и гостилъ въ ней по мѣсяцамъ. Г. С. Тарновскій умеръ 1853 г. декабря 9 и погребенъ въ склепу мѣстной церкви. Дружескія отношенія Шевченка ко всему семейству Тарновскихъ не прекращались до самой смерти его.

Библиотека "Руниверс"

„*возмутительно!*“ да и кончено! На силу кое-какъ я ихъ увѣрилъ, что я не бунтовщикъ. Теперь спѣшу разослать, чтобы не спохватились. Посылаю вамъ три экземпляра; одинъ возьмить соби, другій отдайте Ник. Андреевичу Maestro Маркевичу, третій Виктору Забѣлѣ, на заочное знакомство. По нашему реестру, я поручилъ И. М. Корбѣ роздать экземпляры. Прощайте. Желаю вамъ встрѣтить весну весело, а у насъ еще зима.

Вашъ покорный слуга Т. Шевченко.

P. S. Трохи, трохи не забувъ. Я чувъ, що въ васъ е молоденьки дивчата. Не давайте имъ, будьте ласкави, и не показуйте мои „Гайдамаки“, бо тамъ е багато такого, що ажъ самому соромъ. Нехай трошки пидождуть,—я имъ пришлю „Черницю Марьяну“; къ Великодню думаю надрюковать. Це вже буде *не возмутительна*.

Ще разъ P. S. Поправляйте, будьте ласкави, сами граматику, бо такъ погано выдержана корректура, що цуръ ёму!

Намѣреніе Шевченка издать „Черницю Марьяну“ не удалось; едва-ли онъ ее и кончилъ, отрывокъ изъ нея въ первый разъ появился въ „Основѣ“ 1861 г., № 9, потомъ былъ напечатанъ въ изданіи „Кобзаря“ 1867 года, на стр. 266—277.

II.

Тому-же лицу.

С.-Пб. 25 января 1843 г.

„Спасыби вамъ, Григорій Степановичъ, що вы мене таки не забуваете, ще разъ спасыби! А я вже думавъ, що мене всѣ одцуралысь, ажъ бачу ни; есть ще на свити хочъ одинъ щирый человикъ. Чувъ я, що вы нездужалы, але думавъ, що такъ тилько, звычайне—по панському. Ажъ якъ росказавъ мени Дараганъ, то я ажъ злякався. Слава Господови, що минуло! Цуръ ёму, шобъ и не згадувать! А ось що ищодэ: що вы сю зиму не пріѣхалы! У насъ була выставка въ академіи и дуже добра; а теперь черезъ день дають „Руслана и Людмилу“. Та що то за опера, такъ ну! А надто, якъ Артемовскій спѣва Руслана, то такъ, що ажъ потылицю почухаешъ, далеби правда! Добрый спивака, ничого сказать. Отъ вамъ и все, що тутъ робыться. Василій Ивановичъ[1])

---

[1]) Григоровичъ, конференцъ секретарь академіи художествъ, нѣкогда издатель „Журнала изящныхъ искусствъ“, умеръ 1865 г. марта 15.

Библиотека "Руниверс"

вернувся изъ Италіи ще товщій якъ бувъ, и розумнишій, и добрийшій; дякуе вамъ и кланяется. Карлъ Павловичъ [1]) байдыки бье соби на здоровье, а „Осада Пскова“ ждe лѣта. Михайловъ кончилъ вашу картину добре. Штернбергъ [2]) пише мени, шо винъ вездужавъ, але теперъ вычунявъ, и вамъ кланяется, бо винъ дума, шо вы въ Петербургѣ. А я... чортъ зна що! ни то роблю що, ни то гуляю, сповыгаю по оцёму чортовому болотови, та згадую нашу Украину. Охъ, якъ-бы то мени можно було пріѣхать до соловья, весело-бъ було! Та не знаю; спиткалы мене прокляты кацапы такъ, шо не знаю, якъ и выпручатыця. Та вжежъ, якъ небудь вырвусь, хочъ писля Великодня, и прямисинько до васъ, а потимъ уже дальше. Ще ось що: намалювавъ я се лѣто двѣ картины и сховавъ, думавъ, шо вы пріѣдете: бо картины, бачьте, наши, то я ихъ кацапамъ и не показувавъ; але Скобелевъ [3]) таки пронышпорывъ и одну выманчивъ, а друга ще въ мене; а щобъ и ця не помандрувала за якимъ небудь москалемъ (бо це, бачьте, моя „Катерина“), то я думаю послать ii до васъ. А шо вона буде коштувать, то це вже ваше дѣло; хочъ кусокъ сала, то и це добре на чужини. Я намалѣвавъ „Катерину“ той часъ, якъ вона попрощалася съ своимъ москалыкомъ и вертается въ село; у царины пидъ курнемъ дидусь сидыть, ложечки соби струже и сумно дывитця на Катерину; а вона сердешна тильки не плаче, та пидiймае передню червону запашчину, бо вже, знаете, тропки тее... А москаль дере соби за своими, тильки курява ляга; собачка ще поганенька доганя его, та пибы то гавкае. По однимъ боци могила, на могили витрякъ, а тамъ уже степъ, тильки мрie. Отака моя картина [4]).

---

[1]) Брюлловъ, род. 1799, ум. 1852 г. іюня 11. Его картина „Осада Пскова“ осталась неоконченной. См. о немъ статьи В. В. Стасова въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1861 г., №№ 9 и 10. Михайловъ—ученикъ Брюллова, равно какъ и Шевченко.

[2]) Василій Ивановичъ, талантливый художникъ, *„кроткое, благороднѣйшее созданіе“*, какъ отзывается о немъ Шевченко въ своей повѣсти „Музыкантъ“. Ему посвятилъ Шевченко своего „Ивана Подкову“. О немъ съ любовію отзывались М. И. Глинка и Даль. Штернбергъ написалъ нѣсколько эскизовъ изъ малороссійской жизни; особенно извѣстна его картина „Освященіе пасокъ“; потомъ „Видъ Кіева изъ-за Днѣпра“, „Крещатикъ“, „Игра въ кошку и мышку“, родился въ 1816, умеръ въ 1845 г.

[3]) Извѣстный „Инвалидъ“, командиръ Петропавловской цитадели, дѣдъ героя М. Д. Скобелева.

[4]) Это—совершенно вѣрное описаніе картины, подлинникъ которой хранится и доселѣ, въ золоченой рамѣ, въ кабинетѣ В. В. Тарновскаго. Картина писана масляными красками. Лицо „Катерины“ очень ужъ идеализировано; станъ, поступь, самый

Библиотека "Руниверс"

Коли вподобаете—добре; а нѣ, то на горище, поки я пріѣду. А вже колы пріѣду, то не выганяйте мѣсяць або другій, бо въ мене и на Украйни, окроме васъ, нема пристанища; а я вамъ що небудь намалюю.

Спасыби вамъ и за ласкове слово про дѣтей моихъ—„Гайдамакивъ". Пустивъ я ихъ у люде, а до ціи поры ще нихто и спасыби не сказавъ. Може й тамъ надъ ними смѣются, такъ якъ тутъ москали [1]). Зовуть мене интузіастомъ, сиричъ дурнемъ. Богъ имъ звидыть! Нехай я буду мужицькій поэтъ, абы тилько поэтъ, то мени бильше ничого и не треба. Нехай собака лае, вѣтеръ розпесе. Вы, спасыби вамъ, боитеся мени росказувать про людей,—цуръ имъ! Покоштувавъ уже я цего меду, щобъ вінъ скисъ!

„Бачивъ я вчора вашого хлопця рисунки: добре, дуже добре! Тилько треба ему другого майстра, бо винъ тилько яблука, та огирки и малюе; а це така рѣчь, що сердце не нагодуешь. А въ его бувъ-бы добрый маляръ, бо воно хлопьа до всего беруче.

Обицянку пришлю вашимъ дивчаатмъ къ Великодню, а може и раньше, колы впораюсь. Тилько не ту, що я вамъ писавъ, а иншу, по московському скомпонованну, щобъ не казалы москали, що я ихъ языка не знаю. Бувайте здоровы! Нехай зъ вами дѣтця все добре и не забувайте щирого вашого Т. Шевченка".

III.

Къ артисту С. С. Артемовскому.

(Безъ означенія даты).

„Благороднѣйшій ты изъ людей, брате—друже мій единый, Семене! Не треба було-бъ тее... та знать у тебе стала потылиця

костюмъ, тонкій и ловко сшитый, скорѣе напоминаютъ городскую барышню, нарядившуюся по малороссійски, чѣмъ истую хохлушку. Величина картины—аршина два въ длину, и аршинъ слишкомъ въ ширину. Въ письмѣ сдѣланъ и набросокъ ея черниломъ и карандашомъ.

[1]) Шевченко, вѣроятно, разумѣетъ устные отзывы и бѣглыя замѣтки „Отечественныхъ записокъ"; но въ печати мы знаемъ и сочувственный отзывъ о немъ Плетнева. Еще въ 1840 г. Плетневъ говорилъ о его „Кобзарѣ": „Въ немъ собрано нѣсколько простонародныхъ лирическихъ изліяній души, живыхъ и счастливо переданныхъ авторомъ". Позднѣе, въ 1844 г. по поводу „Тризны" Шевченка, Плетневъ писалъ: „г. Шевченко пользуется у всѣхъ, знающихъ малороссійское нарѣчіе, необыкновенною славою. Его стихи знаетъ вся Украйна и наслаждается ихъ чтеніемъ точно такъ-же, какъ Великороссія стихами Пушкина". Но въ „Тризнѣ" Плетневъ не находитъ признака

Библиотека "Руниверс"

глубока, бо брешешъ соби ниврoку, та й не схаменесся. Ну, кажи по правди, чи есть та великая душа на свѣтѣ,—кромѣ твоей благородной души,—щобъ згадала про мене въ далекій неволи, та ще й 15 карбованцивъ дала? Нема теперъ такихъ великихъ душъ на свѣтѣ! Може и булы колы небудь, та въ ирій полѣтелы. Одна твоя осталася межъ нами зимовать, та тулячись самотня на морози, и сочинила соби поэму, да такую сердечную, задушевную поэму, що я и доси читаю да плачу. Великій ты поэтъ, друже мій Семене! Благодарю тебе всимъ серцемъ и всимъ помышленіемъ моимъ. Чимъ, якъ, и колы заплачу́ я тоби за твое истинно христіянськее дѣло? Теперъ, кромѣ слезъ благодарныхъ, ничого въ мене нема. Я—нищій въ полномъ смыслѣ этого слова, и не только матеріально,—душею, сердцемъ обнищалъ. Отъ що зробила зъ мене проклятая неволя, трохи-трохи не ідіота! *Десятый* годъ [1]) не пишу, не рисую и не читаю навіть ничого. А якъ-бы ты побачивъ, межъ якимъ людомъ верчуся я оци десять лѣтъ! Та не дай, Господи, щобъ и приснылыся тоби колы небудь таки недолюдки! А я у ихъ въ кулакѣ сижу: давять, безъ всякого милосердія давять; а я повиненъ ще и кланяться, а то возьме разомъ та и роздавить якъ ту вошу межъ ногтями. До тяжкого горя прививъ мене Господь на старість, а за чіи грѣхи? ей-же Богу—не знаю!

Два, чи вже и три годы тому буде, якъ писавъ я до тебе, друже мій единый, и до Іохима, але одвіту не получивъ; думавъ, що письма мои пропалы де небудь, або... прости мене, друже мій единый... була и така думка, що може вы мене занехаяли. Ажъ бачу, що Богъ мене ще не покида.

Якъ побачишь Іохима, то поклонися ему гарненько одъ мене и попроси его, нехай вынъ мени, ради святого Аполлона,

---

таланта и весьма справедливо прибавляетъ: „это заставляетъ насъ думать, что одна часть поэтическихъ концепцій лежитъ во глубинѣ души автора, *а другая—въ языкѣ, на которомъ онъ пишетъ*".

[1]) Письмо это, какъ выше сказано, безъ всякой даты; но слова „*десятый годъ*" даютъ ясное указаніе на время письма—*1856 годъ*. Отсутствіе даты объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что лежащее предъ нами письмо (единственное изъ всѣхъ) не подлинникъ, а копія, снятая П. А. Кулишомъ. Изъ письма Шевченка къ М. М. Лазаревскому отъ 8 октября 1856 г. (напечатаннаго въ мартовской книжкѣ „Основы" 1862 г., стр. 3) убѣждаемся несомнѣнно, что письмо къ Артемовскому писано *осенью 1856 года*. Артемовскій Сем. Степ. былъ взятъ М. Глинкою изъ Кіева въ 1838 году въ придворный хоръ, а въ 1839 г. онъ уѣхалъ за границу для образованія себя, потомъ около 20 лѣтъ пѣлъ партіи баритономъ; скончался или здравствуетъ—не знаемъ.

Библиотека "Руниверс"

пришле хоть малесенькій болванчикъ (статуэтку), або барельефикъ якій небудь изъ купидонівъ своеи фабрики гальванопластическои; ему воно недорого куштуватиме, а мени буде великій подарокъ. Ще позаторикъ заходився я бувъ липить изъ воску, и ничого не вдіявъ, тимъ шо передъ очима нема ничого доброго скульптурного; а якъ-бы Іохимъ приславъ мени що небудь, то я-бъ знову заходився коло воску. Нудьга, крый Мати Божа, яка нудьга—сидѣть склавши руки, и такъ сидѣть дни, мисяци и годы! О, Господи! сохрани всякого чоловіка одъ такои живои смерти.

Кланяюсь твоій добрій жиночци, цѣлую твое единее дитя и плачу разомъ зъ вами о погребеніи вашои Александры. Прощай, друже мій единый, не забувай безталанного, сердцемъ преданнаго тоби земляка твого Т. Шевченка".

Адресъ: Оренбургской губерніи, въ Новопетровское Укрѣпленіе, его в.-благ. Ираклію Александровичу Ускову.

IV.

Къ Вас. Вас. Тарновскому (старшему) [1]).

Любый мій Василь Васильевичъ!

„Якъ-бы не трапилыся вы, або я до васъ не заѣхавъ, то довелося-бъ мени и въ Москвѣ захряснуть на безгришьи. А теперъ, спасибі вамъ и моій не ледачій доли, теперъ я въ Петербургѣ ниначе въ своій господѣ. Вчора бачився я зъ вашимъ батькомъ и матерью и зъ моею кумасею. Вы ихъ ще не швидко побачите дома. Посылаю вамъ зъ братомъ вашимъ письмо оце и по четыре экземпляра моеи роботы, а одинъ любому невеличкому Горленяткови. Перешлить ему, будте ласкови. Та напишить, шобъ воно не забувало обицянки. Якъ побачите Иванишева и Селина, то поцѣлуйте ихъ за мене [2]).

Нехай вамъ Богъ помога на все добре!

1859 г. сент. 28. Спб. Щирый вашъ Т. Шевченко.

---

[1]) В. В. Тарновскій, воспитанникъ нѣжинскаго лицея, 1-го выпуска (1826 г.), товарищъ П. Г. Рѣдкина, другъ Гоголя, учитель исторіи въ житомирской гимназіи, членъ коммисіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа, извѣстный своими сочиненіями „Юридическій бытъ Малороссіи" (1842 г.), „О дѣлимости семействъ въ Малороссіи" (1853 г.) и преимущественно своимъ участіемъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Скончался въ Качановкѣ 1866 г. декабря 4, погребенъ въ церковномъ склепу. Надъ могилой его возвышается великолѣпный мраморный саркофагъ.

[2]) Профессора кіев. университета: † 1874 г. октября 14, † 1876 г. марта 17.

Библиотека "Руниверс"

V.

Надежде Вас. Тарновской.

Кумасю, серце мое!

„У вечерѣ я буду у Карташевскихъ. Що на тимъ тыжни обицяно. Якъ матиму часъ, то прійду обѣдать, и поговоримо. А поки що, прійимить, мое серденько, моя единая кумасю, оцей никчемный рисунокъ, на згадування 8 октября 1859 року.

Оставайтеся здорови!

И кумъ, и другъ, и братъ вашъ щирый Т. Шевченко.

22 окт. 1859 г. Спб.

VI.

Вас. Вас. Тарновскому (младшему).

Милостивый государь

Василій Васильевичъ!

100 экземпляровъ „Кобзаря", взятые вами у Д. С. Каменецкаго [1]) для передачи Михаилу Корнѣевичу Чалому, инспектору 2-й кіевской гимназіи, и эти сто экз. „Кобзаря" подарилъ моей невѣстѣ, и она покорнѣйше васъ проситъ, и я тоже, 50 экз. переслать въ Черниговъ, въ пользу воскресныхъ школъ, на имя Романа Дмитріевича Тризны, а 50 экз. въ пользу тѣхъ-же школъ въ Кіевѣ, на имя М. К. Чалаго. И будущая жена моя, и я, будемъ вамъ благодарны, если вы исполните нашу просьбу.

1860 г. 7 авг. Спб. Готовъ къ услугамъ Т. Шевченко.

VII.

Якову Вас. Тарновскому [2]).

1860 г. дек. 23. С.-Пб.

„Давно, дуже давно мы съ вами не бачились, щиро шануемый Яковъ Васильевичъ! И такъ якъ вы чоловикъ щирый и

---

[1]) Каменецкій Дан. Сем., издатель портретовъ украинскихъ писателей, завѣдывалъ нѣкогда типографіей Кулиша, скончался 1880 г., октября 15.

[2]) Братъ Вас. Вас. старшаго, жившій тогда въ селѣ Потокахъ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи. Князь Лопухинъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, скончался въ 1873 г.; некрологъ его см. въ „Кіевлянинѣ" 1873 г., № 25.

Библиотека "Руниверс"

розумный, а я тожъ трошки похожій на такихъ людей, якъ вы, то мы безплодно и написали одинъ другому измятое слово „*Милостивый государь!* Лучше любить и робить, а нижъ писать и говорить.

Двоюродный братъ мій Варфоломей Григорьевичъ Шевченко—почти управляющій корсунскимъ имѣніемъ князя Лопухина, чоловикъ розумный, щирый и, какъ говорятъ, мастеръ своего дѣла; это вы лучше меня можете узнать отъ вашихъ сосѣдей, нежели отъ меня. Братъ мой тяготится нѣмцами и ляхами и въ особенности его свѣтлѣйшествомъ; прочувши, що вамъ треба замѣстить чимъ-небудь лучшимъ вашего теперешняго управителя, хочетъ, и я прошу васъ, пріймить его до себе, та й більшъ ничого!

Лѣтомъ, якъ Богъ поможе, я буду въ Потокахъ и щиро, щиро васъ поцѣлую, а поки що, бувайте здоровы.

Искренній вашъ Т. Шевченко.

„Кума моя Над. Вас. занедужала и осталася въ Петербургѣ. Вас. Вас. и Людмила Владиміровна поѣхали въ Качановку.

VIII.

В. В. Тарновскому (младшему).

16 февраля, 1861 г., С.-Пб.

Милостивый государь
Василій Васильевичъ.

Сегодня получилъ я письмо изъ Чернигова отъ Романа Дмитріевича Тризны, на имя котораго въ прошломъ году просилъ я васъ переслать 50 экз. „Кобзаря“ въ пользу черниговской воскресной школы. Тризна пишетъ мнѣ, что онъ и до сего дня не получилъ вашей посылки. Во имя Божіе увѣдомьте меня, на чье имя и когда послали вы въ Черниговъ помянутые экземпляры, чѣмъ много обяжете готоваго къ услугамъ Т. Шевченка.

Желаніе поэта было исполнено, но отвѣтъ на письмо это едвали засталъ уже поэта въ живыхъ: настоящее письмо его было писано имъ за десять дней до смерти...

Сообщилъ **С. Пономаревъ.**

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ. И. Лучицкаго (Отечественныя записки. 1882 г. Ноябрь).

Статья профессора кіев. университета И. В. Лучицкаго принадлежитъ къ числу тѣхъ, мимо которыхъ не можетъ пройти ни ученый спеціалистъ, ни обыкновенный читатель. Она выдвигаетъ цѣлый рядъ новыхъ, неизвѣстныхъ фактовъ и на нихъ старается построить свою теорію землевладѣнія въ южной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, а эта теорія идетъ въ разрѣзъ съ господствовавшими доселѣ мнѣніями.

Статья состоитъ изъ краткаго введенія и трехъ небольшихъ главъ.

Въ введеніи авторъ указываетъ на тѣ факты современнаго землевладѣнія, которые навел. его на мысль, что мнѣніе о малороссахъ, какъ о народѣ — индивидуалистѣ par excellence, несостоятельно, что формы общиннаго землевладѣнія существовали въ Малороссіи еще не такъ давно. Но нужно было документальными данными подтвердить это априористическое соображеніе. Такія-то документальныя данныя и отыскались въ такъ называемой Румянцевской описи Малороссіи, часть которой, хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета и обнимающая кіевскій и переяславскій полки, и была въ рукахъ автора.

«На основаніи какъ самой описи, такъ и документовъ, приложенныхъ къ ней, говоритъ Лучицкій, я попытаюсь представить читателю общую картину поземельныхъ порядковъ въ Малороссіи XVIII вѣка, картину далеко не полную, не всегда и не вездѣ достаточно освѣщенную. Я не претендую на окончательное разрѣшеніе вопроса, на выясненіе всѣхъ сторонъ общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи. На многіе вопросы опись не даетъ отвѣтовъ, и мнѣ придется вовсе не касаться ихъ. Ихъ разъясненіе будетъ возможно лишь послѣ изслѣдованія бумагъ, сохранившихся въ сельскихъ архивахъ».

Библиотека "Руниверс"

Въ первой главѣ г. Лучицкій говоритъ о тѣхъ экономическихъ результатахъ, которыя имѣло возстаніе Богдана Хмельницкаго для всей лѣвобережной Украины и въ частности ея южной части, т. е. нынѣшней полтавской губерніи. Всѣ тѣ экономическія отношенія, которыя установились было при польскомъ владычествѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ и «послушенствомъ» населенія, были теперь скасованы козацкой саблей. Въ южной Украинѣ возстаніе привело еще къ болѣе радикальнымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ, чѣмъ въ сѣверной. Здѣсь непосредственно послѣ возстанія не существовало ни малѣйшихъ препятствій для вполнѣ свободнаго и спокойнаго развитія. «Пустопорожнихъ вольныхъ земель было вдоволь, всѣ онѣ были объявлены собственностью войска и сюда устремились, главнымъ образомъ, переселенцы. Въ теченіе полустолѣтія, послѣдовавшаго за возстаніемъ, значительная часть этой мѣстности была засслена».

Во второй главѣ г. Лучицкій говоритъ о характерѣ заселенія края. Казалось-бы, нужно было ожидать установленія въ этомъ случаѣ личнаго подворнаго землевладѣнія. «Но въ томъ-то и дѣло, что этого не было и что при заселеніяхъ мы встрѣчаемся съ явленіемъ совершенно противоположнаго характера. Данныя Румянцевской описи не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Всѣ новыя поселенія, извѣстныя намъ по описи, возникаютъ на началахъ *общиннаго владѣнія*. Характерною, выдающеюся ихъ чертою является *полное* отсутствіе личной собственности. Община, завладѣвая землею, пользуется сообща. Не только выгоны и лѣса, но и дворовыя мѣста, пахоть, сѣнокосы, луга, рыбныя ловли составляютъ предметъ общаго владѣнія, общаго пользованія». За тѣмъ г. Лучицкій приводитъ нѣсколько доказательствъ этого положенія изъ Румянцевской описи для селеній поздняго происхожденія (Богодуховка и Чернобай). «Но что именно такимъ образомъ и на такихъ основаніяхъ совершалось заселеніе, доказательство тому представляютъ села древняго происхожденія, гдѣ общинное владѣніе сохранилось еще и во время составленія описи. Буромка—одинъ изъ такихъ поселковъ... Въ деревнѣ Мутихи, существовавшей еще при польскомъ владычествѣ, владѣніе и пользованіе землей происходили на началахъ общинныхъ. Мутошинскіе козаки сѣяли хлѣбъ на «обще владѣемой козачьей землѣ» и только два домохозяина имѣли сверхъ того личную собственность (пахоть), но въ ничтожномъ количествѣ... Тоже и въ весьма древнемъ поселеніи, селѣ Котловѣ. Здѣсь всѣ домохозяева (за исключеніемъ одного, живущаго съ заработковъ) сѣютъ хлѣбъ также «на обще владѣемой, обще обывательской землѣ», хотя нѣкоторые успѣли пріобрѣсти уже и личную собственность. Что такой способъ, чисто общинный, владѣнія зем-

Библиотека "Руниверс"

лою существовалъ прежде повсюду, во всѣхъ селеніяхъ, видно изъ тѣхъ данныхъ, которыя относятся до деревень, перешедшихъ уже въ XVIII в. къ подворному владѣнію, выдѣленному изъ общиннаго. Указанія на это особенно часты въ Румянцевской описи».

Доказательства свои г. Лучицкій сводитъ къ тремъ положеніямъ: во-первыхъ, никто изъ козаковъ не могъ представить документовъ на тѣ земли, которыя онъ называлъ «наслѣдными, предковскими» — очевидно, что эти «наслѣдныя земли» выдѣлены изъ общинныхъ, а общинное происхожденіе ихъ забывалось уже во второмъ поколѣніи; во-вторыхъ, указанія на такое выдѣленіе встрѣчаются въ Румянцевской описи: мы имѣемъ въ ней нѣсколько актовъ раздѣла общинныхъ земель; въ третьихъ, наконецъ, во многихъ селеніяхъ мы находимъ въ половинѣ XVIII в. остатки не только общинныхъ угодій, но и общинной пахоти; такими общинными землями пользуется извѣстное количество дворовъ, не имѣющихъ «никакихъ принадлежностей и угодій». Словомъ, какъ говоритъ г. Лучицкій, «не только козаки, но и посполитые и даже начинавшая выдѣляться изъ козачьей среды войсковая старшина входили въ составъ общины и, какъ члены ея, члены товарищества, пользовались и общею собственностью, общинною пахотью и общинными угодьями».

Въ третьей главѣ г. Лучицкій старается опредѣлить характеръ малороссійской общины. Община малороссійская, первобытнаго типа, безъ передѣловъ, безъ ограниченія времени держанія земли, безъ равномѣрныхъ надѣловъ, совершенно подходитъ къ общинѣ индійской; въ основѣ ея лежало фактическое завладѣніе, санкціонируемое, вѣроятно, товариществомъ. Законодательство взяло подъ свою защиту общинные порядки — защищало обиженныхъ сябровъ (соучастниковъ), регулировало общинные раздѣлы.

Вотъ содержаніе интереснаго изслѣдованія г. Лучицкаго.

Основная мысль его та, что въ южной части Малороссіи (нынѣшней полтавской губ.) первоначальною и единственною формою землевладѣнія, установившагося при колонизаціи края во второй половинѣ XVII вѣка, была община, но община своеобразная — безъ передѣловъ, безъ равномѣрности участковъ, безъ ограниченія времени держанія земли.

Мы вполнѣ признаемъ важное значеніе за тѣми фактами, которые приводятся И. В. Лучицкимъ, потому что они въ значительной степени освѣщаютъ характеръ землевладѣнія въ Малороссіи въ XVII и XVIII в.; въ общемъ мы совершенно согласны и съ самою характеристикою землевладѣнія; только врядъ-ли можно назвать подобные порядки общинными.

Библиотека "Руниверс"

При общинномъ землевладѣніи владѣльцемъ земли является не отдѣльное лицо, а юридическая единица — община, которая уже распоряжается ею по своему усмотрѣнію. Но этого основнаго, необходимаго признака мы не можемъ констатировать въ земельныхъ распорядкахъ, господствовавшихъ въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII в. Самъ И. В. Лучицкій принужденъ здѣсь обращаться къ предположеніямъ. Характеризуя малороссійскую общину, онъ говоритъ, что это было землевладѣніе, въ основѣ котораго лежало фактическое завладѣніе, *по всѣмъ видимостямъ*, санкціонируемое товариществомъ, дозволявшимъ при раздѣлахъ брать нужное количество земли»*). Эту санкцію товарищества И. В. Лучицкій усматриваетъ изъ того обстоятельства, что «опчество» само устанавливало порядокъ сѣвооборота, дѣлило общественныя земли и распоряжалось селищами, оставшимися впустѣ. Но данныхъ этихъ слишкомъ недостаточно; при томъ они указываютъ на такія функціи малороссійской громады, которыя остались и доселѣ и въ которыхъ никто никогда не сомнѣвался. Громадскія общинныя склонности у малорусскаго народа всегда были: онѣ проявились и въ запорожскомъ товариществѣ, и въ копныхъ судахъ, и въ разнаго рода братствахъ, и въ современныхъ артеляхъ — «спілкахъ» и наконецъ въ устройствѣ нынѣшней громады. Отождествлять ихъ съ общинными порядками нѣтъ никакой возможности. Нужно фактически доказать роль громады въ распредѣленіи общинныхъ земель. Между тѣмъ ни спеціальные малороссійскіе законы, ни данныя Румянцевской описи не говоритъ о земельной общинѣ въ Малороссіи. «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ», знаютъ дѣйствительно «сябринное владѣніе», но какъ совладѣніе частныхъ собственниковъ. Если кто захочетъ прочистить лѣсъ, то долженъ будетъ «другимъ участникамъ своимъ такъ много и въ толикой добротѣ лѣсу и степу оставить, *какъ много на части ихъ противъ его займа принадлежитъ*»**). Въ Румянцевской описи, какъ говоритъ самъ И. В. Лучицкій, способъ владѣнія постоянно опредѣляется словами: «одинъ передъ другимъ, гдѣ кто пожелалъ», «гдѣ кто себѣ застигнетъ, тамо оретъ либо коситъ».

При чемъ-же тутъ компетенція общины?

Мы уже не говоримъ о томъ, что о передѣлахъ и срокѣ владѣнія здѣсь не можетъ быть и рѣчи — это подтверждаетъ и самъ И. В. Лучицкій.

Мы не хотимъ сказать, чтобы тотъ способъ землевладѣнія, который очерченъ И. В. Лучицкимъ, можно было назвать личнымъ, участ-

*) Слѣды общ. земл., стр. 115.

**) Изданіе А. Ѳ. Кистяковскаго. Кіевъ. 1879 г., стр. 515.

Библиотека "Руниверс"

ковымъ. Мы думаемъ, что онъ не былъ ни личнымъ, ни общиннымъ, хотя изъ него долженъ былъ выработаться тотъ или другой. Это было дѣйствительно первобытное отношеніе человѣка къ землѣ, неопредѣленное и неупорядоченное, но имъ всегда начинается исторія естественнаго заселенія страны, когда земли еще слишкомъ много сравнительно съ населеніемъ, и она не имѣетъ почти никакой цѣны. Община—это дальнѣйшая ступень въ развитіи поземельныхъ отношеній.

Между тѣмъ И. В. Лучицкій считаетъ ее въ данномъ случаѣ первымъ шагомъ, основою, которая впрочемъ не доразвилась въ строгую опредѣленную систему и преждевременно разложилась. Мы находимъ такое быстрое разложеніе очень страннымъ. Начавъ устанавливаться въ южной Малороссіи, по словамъ И. В. Лучицкаго, со второй половины XVII вѣка, ко второй половинѣ XVIII в., она уже почти совершенно исчезла, будучи вытѣснена подворно-участковымъ владѣніемъ

Но и въ началѣ XVIII в. мы наталкиваемся на факты, которые не совмѣщаются съ понятіемъ общины. Въ козацкихъ компутахъ и ревизіяхъ первой половины XVIII в., относящихся къ южной Малороссіи, мы находимъ массу малоземельныхъ и безземельныхъ, количество коихъ превосходитъ всѣ остальные классы, взятые вмѣстѣ.

Возьмите, напримѣръ, компутъ Гадяцкаго полка 1723 года *). Козаки распадаются тамъ на слѣдующія категоріи: 1) можніе кгрунтовніе, 2) средніе кгрунтовніе, 3) полусредніе пѣшіе по малой частицѣ грунту маючіе, 4) убогіе безгрунтовніе пѣшіе, 5) крайне убогіе, весма нѣчого неимущіе. Процентное отношеніе этихъ классовъ на весь гадяцкій полкъ таково: 1) грунтовихъ можнихъ козаковъ, якіе могутъ конно служити—1306, 2) грунтовихъ среднихъ козаковъ, якіе такожъ могутъ конно служити—2119, 3) полсреднихъ по малой части грунту маючихъ козаковъ, якіе могутъ пѣшо служити—1276, 4) убогихъ безгрунтовихъ козаковъ, якіе такожъ могутъ пѣшо служити—2000, 5) крайне убогихъ козаковъ, весма нѣчего не маючихъ, якіе, ни конно, ни пѣшо не могутъ служити—970; итого, малогрунтовыхъ и безгрунтовыхъ 4246 на 7671, т. е. болѣе половины общаго числа.

Въ компутѣ гадяцкаго полка 1735 года **) мы находимъ болѣе ясное опредѣленіе исчисленныхъ категорій. Тамъ мы находимъ слѣдующія группы: 1) грунтовіе, 2) малогрунтовіе, 3) весма нищетніе и убогіе при огородахъ живучіе, воли и конѣ робочіе въ себе имеючіе, 4) при огородахъ живучіе, ни вола, ни коня въ себе не имѣючіе, въ зажону и иной

*) Рукоп. отдѣл. библіотеки кіевской арх. ком. за № 388.
**) Ibidem, за № 384.

Библиотека "Руниверс"

роботизны себе кормятъ, 5) подсусѣдки козачіе всѣма нищетніе, которіе въ себе коней и воловъ не имеютъ, зъ зажону и иной роботизни кормятся. Общій итогъ таковъ: 1) можнимъ промисломъ бавячихся—6, 2) среднимъ промисломъ бавячихся—24, 3) грунтовыхъ козаковъ и вдовъ—1251, 4) малогрунтовыхъ—2555, 5) убогихъ и весьма нищетныхъ—4515, 6) подсусѣдковъ козачихъ—752; всего 8863. Приблизительно такія же данныя мы находимъ и въ компутахъ полковъ прилуцкаго *) и полтавскаго **) за 1735 г. Вотъ, напримѣръ, цифры одной изъ южныхъ сотенъ, кобелицкой: 1) грунтовыхъ козаковъ — 42, малогрунтовыхъ—131, 3) нищетныхъ, крайне убогихъ, которые живутъ въ одной хатѣ при ого родахъ—374, 4) подсусѣдковъ, живущихъ съ зажону и другихъ работъ—13. Тоже самое мы видимъ и среди посполитыхъ.

Всѣ приведенные примѣры указываютъ на значительное развитіе среди козаковъ класса мало и безземельныхъ; для насъ особенно характерна группа безгрунтовыхъ, имѣющихъ воловъ и коней; очевидно, они должны были нанимать землю для обработки, отличаясь этимъ отъ слѣдующей группы безгрунтовыхъ, не имѣвшихъ скота и живщихъ съ зажона.

Рядомъ съ этимъ мы можемъ привести рядъ фактовъ, доказывающихъ существованіе личной собственности въ южной Малороссіи еще въ XVII в.; нѣкоторые изъ нихъ непосредственно относятся къ той мѣстности, которую разсматриваетъ И. В. Лучицкій — золотоношскому уѣзду, полт. губ.

Въ 1700 году Палажка Литовчиха продала свой *дѣдовскій грунтъ* жителю сел. Бузки; въ одной купчей 1719 года мы встрѣчаемъ указаніе на купчую 1699 года, по которой житель сел. Васютинецъ Супрукъ купилъ у Савки Атамосенка его тестевскій грунтъ, состоявшій изъ гая, сада и лозы; ирклѣевскій мѣщанинъ Николай Сергіевичъ покупаетъ у товарища ирклѣевской сотни его «луку дѣдизную» въ 1713 году. И. В. Лучицкій отсутствіе купчихъ на «предковскія, наслѣдныя» земли считаетъ доказательствомъ общиннаго землевладѣнія. «При составленіи описи, говоритъ онъ, никто изъ козаковъ не могъ представить документовъ на право владѣнія тѣми землями, которыя они называли «наслѣдными, предковскими». Крѣпости, между тѣмъ, были ими предъявлены во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда земля была пріобрѣтена ими или ихъ предками въ личную собственность путемъ либо купли, либо замѣны, либо по закладу ***). Но утвержденіе, что купчія всегда представлялись на

*) Рукоп. отд. библ. кіев. арх. ком. за № 385.
**) Ibidem, за № 386.
***) Слѣды общ. земл., стр. 102.

Библиотека "Руниверс"

купленныя земли, не вѣрно: въ той-же Румянцевской описи намъ приходилось встрѣчать примѣры противоположные. Въ миргородскомъ полку козакъ Лукьянъ Марченко заявилъ, что онъ вымѣнялъ у миргородскаго козака Алексѣя Скоробогатенка вербовый лѣсокъ за плугъ «безъ жадныхъ крѣпостей» *); посполитый подданный Лукьянъ Вовченко заявилъ, что ему лѣсокъ на томъ-же островѣ достался по наслѣдству отъ отца и дѣда; другой же смежный онъ прикупилъ, но крѣпостей на него не имѣетъ **). Отсутствіе-же крѣпостей на отеческія и дѣдовскія земли можетъ быть объяснено во многихъ случаяхъ фактическимъ, личнымъ завладѣніемъ того или иного участка; часто на такія личныя займища брались подтвердительныя грамоты, но часто ихъ и не бывало.

Здѣсь мы должны указать еще на другой видъ займанщины, который совершенно игнорируется и даже отрицается И. В. Лучицкимъ; я говорю о займищахъ, которыя производились не отдѣльными сотнями, не отдѣльными даже селеніями, а отдѣльными лицами. Довольно многочисленныя указанія на подобные факты можно найти въ Румянцевской описи, главнымъ образомъ въ той части ея, которая издана въ извлеченіи гг. Лазаревскимъ и Константиновичемъ.

Въ настоящей краткой замѣткѣ мы не имѣемъ возможности останавливаться на этихъ фактахъ, а позволимъ себѣ поговорить о нихъ въ статьѣ: «О займанщинѣ въ лѣвобережной Украйнѣ», которая появится въ слѣдующей книжкѣ «Кіевской Старины».

Такимъ образомъ и ту общину, которую пропагандируетъ И. В. Лучицкій, и то первоначальное личное завладѣніе, которое мы также открываемъ въ очень давнее время, можно свести къ *займанщинѣ*, которая была, по нашему мнѣнію, основнымъ, первичнымъ явленіемъ въ исторіи малороссійскаго землевладѣнія на лѣвомъ берегу Днѣпра въ XVII и XVIII в. Изъ него уже могла выработаться или община, или подворно-участковое владѣніе; факты показываютъ, что выработалось послѣднее, хотя кое-гдѣ, напримѣръ, на полтавскомъ побережьи (въ нынѣшнемъ золотоношскомъ уѣздѣ) и по Орели развилась и община, которая сохранилась до настоящаго времени.

Дм. Багалѣй.

---

*) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку мирг.

**) Ibidem.

Библиотека "Руниверс"

Историческая хронологія харьковской губерніи. Составилъ К. Н. Щелковъ. Харьковъ. 1882 г., VI + 365.

Всякая новая книга, касающаяся исторіи Слободской Украйны, невольно возбуждаетъ къ себѣ интересъ; объясняется это тѣмъ, что Харьковщина и доселѣ представляетъ еще terram incognitam. И доселѣ книга пр. Филарета: «Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи» остается единственнымъ капитальнымъ сочиненіемъ. Г. Щелкову принадлежитъ уже одно сочиненіе по исторіи харьковской губ.— «Харьковъ, историко-статистическій опытъ». Теперь, годъ спустя, является уже другой его трудъ, заглавіе котораго мы привели выше. Къ сожалѣнію онъ уже и послѣдній: прочитавши окончательную корректуру предпослѣдняго листа, К. Н. Щелковъ умеръ. Покойный былъ харьковскій уроженецъ, воспитывался въ харьковскомъ университетѣ и въ послѣдніе годы ревностно занимался мѣстной стариной. Выпустилъ въ свѣтъ книгу прот. І. Чижевскій, редакторъ Харьковскихъ Епарх. Вѣдомостей.

Въ трудѣ Щелкова мы имѣемъ краткую лѣтопись событій харьковской губерніи, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ съ XII по XIX вѣкъ включительно, при чемъ на долю XIX вѣка приходится ровно половина книги, а на долю XII—XVI в.—четыре страницы. Главнымъ содержаніемъ событій является древняя географія и церковныя древности; исторія политическая затронута слегка и то въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для топографіи; въ XIX в. событій уже больше, но они представляютъ какую-то пеструю и случайную смѣсь. Впрочемъ на книгу г. Щелкова нельзя иначе и смотрѣть, какъ на справочную,— и съ этой точки зрѣнія она довольно удовлетворительна. Очень полезны будутъ географическія и топографическія данныя, особенно въ виду того, что въ концѣ книги приложенъ азбучный указатель именъ и мѣстностей, упоминаемыхъ въ текстѣ; очень хорошо также, что при всякомъ событіи выставляется источникъ, откуда свѣдѣніе о немъ заимствовано. Всѣ историческія и географическія извѣстія почерпнуты изъ труда пр. Филарета; можно сказать, что г. Щелковъ разбилъ книгу пр. Филарета на рядъ отдѣльныхъ фактовъ и распредѣлилъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Другими пособіями послужили автору клировыя вѣдомости харьковскихъ церквей и нѣсколько другихъ мѣстныхъ изданій.

Изъ этого видно, что новыхъ фактовъ мы не найдемъ въ книгѣ г. Щелкова, потому что онъ не пользовался архивными матеріалами. Нельзя поэтому согласиться съ почтеннымъ издателемъ этой книги, о. Чижевскимъ, который говоритъ, что, на основаніи сочиненія г. Щелкова, можно будетъ составить, и исторію отдѣльнаго поселенія, и исторію го-

Библиотека "Руниверс"

рода, уѣзда, епархіи, губерніи. Пр. Филаретъ много трудился, но не напрасно, ибо онъ разъискивалъ новые факты; книга-же г. Щелкова группируетъ только матеріалы извѣстные.

Во всякомъ случаѣ помянемъ добромъ покойнаго К. П. Щелкова, который принялъ на себя такой кропотливый, неблагодарный, но не безполезный трудъ, какъ «Историческая хронологія».

Дм. Багалѣй.

Бущинскій.—О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882 г.

Передъ нами новая монографія, посвященная Богдану Хмельницкому, принадлежащая перу писателя, имя котораго первый разъ мы встрѣчаемъ въ печати. Мы съ удвоеннымъ вниманіемъ принялись за чтеніе книги, какъ вслѣдствіе избраннаго авторомъ сюжета, такъ и потому, что намъ было въ высокой степени интересно познакомиться съ сочиненіемъ новымъ намъ неизвѣстнаго ученаго, посвятившаго первый свой трудъ изслѣдованію самаго крупнаго историческаго момента въ исторіи южной Руси.

Дѣятельность Хмельницкаго и изложеніе событій, происходившихъ въ его время въ Украйнѣ, давно уже обращали на себя вниманіе бытописателей; не говоря о многочисленныхъ историческихъ трудахъ, вызванныхъ этими событіями въ XVII ст. въ польской литературѣ, несомнѣнно эпоха Хмельницкаго пробудила къ дѣятельности изъ зачаточнаго состоянія лѣтописаніе въ Малороссіи: многочисленныя козацкія лѣтописи второй половины XVII и XVIII в. имѣютъ исходною точкою войны Богдана Хмельницкаго и ничего или почти ничего сколько-нибудь точнаго и достовѣрнаго не сообщаютъ объ исторіи козачества до 1648 г. Въ современной исторической литературѣ многочисленные писатели сосредоточивали также свое вниманіе на данной эпохѣ; часто разноглася между собою какъ въ частностяхъ, такъ и въ освѣщеніи событій и дѣйствующихъ лицъ, а также въ общихъ выводахъ, они, тѣмъ не менѣе, въ весьма значительной мѣрѣ разработали историческій матеріалъ и способствовали къ уясненію эпохи. Не говоря о многочисленныхъ статьяхъ, монографіяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ этому вопросу, довольно указать на капитальныя труды Максимовича и Н. И. Костомарова въ русской исторической литературѣ и г. Кубали въ польской, чтобы убѣдиться, что сюжетъ этотъ не принадлежитъ къ числу неразработанныхъ и оставленныхъ въ наукѣ безъ вниманія.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, не смотря на все понынѣ сдѣланное, для новаго изслѣдователя остается еще широкое поле; каждому писателю, посвящающему свой трудъ разработкѣ эпохи Богдана Хмельницкаго, мы въ правѣ поставить два требованія, при выполненіи которыхъ литература вопроса будетъ дѣйствительно обогащена новымъ вкладомъ; полагаемъ, что каждая новая монографія должна сообщить намъ или новыя, дотолѣ невѣдомыя, открытыя авторомъ, историческія данныя, или-же авторъ ея долженъ намъ сообщить новые выводы изъ матеріала уже извѣстнаго, добытые имъ внимательнымъ изученіемъ и критическимъ анализомъ этого матеріала, при чемъ, конечно, авторъ провѣритъ выводы и освѣщеніе своихъ предшественниковъ, замѣтитъ многое, ускользнувшее отъ ихъ вниманія, и многое представитъ въ новомъ освѣщеніи, добытомъ усиліями своей критической работы.

Эту двойную цѣль своей монографіи г. Буцинскій понялъ прекрасно и заявилъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что «составляя настоящую книгу, онъ имѣлъ въ виду: во-первыхъ, дополнить прежнія изслѣдованія о знаменательной эпохѣ Б. Хмельницкаго, а, во-вторыхъ, сообразно новому матеріалу, представить нѣкоторые новые выводы относительно занимающаго насъ предмета».

Первую изъ намѣченныхъ задачъ г. Буцинскій выполнилъ на столько, на сколько дозволилъ ему тотъ историческій матеріалъ, которымъ онъ пользовался; г. Буцинскій просмотрѣлъ дипломатическій отдѣлъ «польской коронной метрики» и извлекъ изъ него документы, доселѣ невзвѣстные, которые и доставили ему сюжетъ для нѣсколькихъ послѣднихъ главъ его сочиненія; въ главахъ этихъ мы находимъ новыя или мало понынѣ извѣстныя данныя о сношеніяхъ Хмельницкаго съ Турціею, Крымомъ, Швеціею и семиградскимъ княземъ Ракочи; къ этому-же отдѣлу принадлежитъ и лучшая, по нашему мнѣнію, глава сочиненія г. Буцинскаго (8-я), въ которой онъ старается весьма удачно, путемъ строго критическимъ, возстановить утерянный текстъ статей, постановленныхъ въ Москвѣ и обусловливавшихъ отношенія Малороссіи къ русскому государству. Впрочемъ, вслѣдствіе односторонности матеріала, которымъ пользовался г. Буцинскій, всѣ новыя, сообщаемыя имъ данныя относятся исключительно къ исторіи дипломатическихъ сношеній Хмельницкаго; конечно, онѣ представляютъ важный интересъ, но невольно возбуждаютъ въ читателѣ сожалѣніе о томъ, что автору не удалось извлечь равно важныхъ новыхъ указаній, относящихся къ другимъ, болѣе существеннымъ сторонамъ дѣятельности Хмельницкаго.

Во взглядахъ на внутреннюю дѣятельность Богдана, на его отношенія къ польскому государству, къ козачеству, къ народу, г. Буцинскій

Библиотека "Руниверс"

долженъ былъ ограничиться матеріаломъ уже извѣстнымъ и на немъ исключительно основывать свои выводы. Эта часть труда г. Буцинскаго, по нашему мнѣнію, выполнена гораздо менѣе удовлетворительно и представляетъ нѣкоторые весьма существенные недостатки.

Первый упрекъ, какой мы можемъ сдѣлать автору, состоитъ въ томъ, что, составляя монографію, по сюжету, для изученія котораго существуетъ весьма обширная литература, онъ познакомился только съ извѣстною долею этой литературы, оставивъ безъ вниманія многія сочиненія, весьма существенныя и исключительно посвященныя предмету его изслѣдованія; такъ, изъ польскихъ писателей XVII столѣтія г. Буцинскій пользуется только Гровдскимъ и записками анонима, изданными Войцицкимъ *), но, по неизвѣстной причинѣ, совершенно игнорируетъ сочиненія, спеціально посвященныя описанію столкновенія Польши съ Хмельницкимъ и содержащія безчисленныя историческія и бытовыя подробности, какъ напр.: «Климактеры» Каховскаго, «Война домова» Самуила Твардовскаго, «Исторія Польши» Лаврентія Рудовскаго **), «Bellum scythico-cosacicum» и т. п. Записки современныхъ мемуаристовъ почему-то также не пользуются вниманіемъ г. Буцинскаго, не смотря на то, что многія изъ нихъ содержатъ существенныя черты какъ для характеристики Хмельницкаго, такъ и для обрисовки положенія страны и состоянія въ ней общества; достаточно, я думаю, въ этомъ отношеніи указать на Ерлича, Павла, діакона Алепскаго, на записки еврейскаго раввина (Егошія-бенъ-Давидъ), Перетятковича, Освѣцима (переводъ коего печатался раньше выхода книги г. Буцинскаго), чтобы констатировать нерасположеніе автора къ этого рода историческимъ свидѣтельствамъ. Г. Буцинскій весьма справедливо отдаетъ предпочтеніе матеріалу археографическому, но матеріалъ этотъ не можетъ доставить сколько-нибудь цѣльной картины; онъ уже по своему существу отрывоченъ и не полонъ; онъ не можетъ служить для точнаго констатированія фактовъ, но не возможно, желая изображать цѣльную картину жизни и дѣлать о ней выводы, ограничиваться исключительно архивнымъ матеріаломъ. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи у г. Буцинскаго есть существенные пропуски: минуя болѣе мелкіе сборники, мы не можемъ не удивляться, что, составляя спеціальную монографію, авторъ ея не ознакомился съ такимъ сборникомъ, какъ записная книга Якова Михаловскаго ***), заключающая въ себѣ 351 документовъ за время 1647—1655 г.; всѣ эти документы,

*) Pamiętniki do panowania Zygmunta III, etc.

**) Historiarum Poloniae ab excessu Wladislai IV, etc, libri IX.

***) Jakuba Michałowskiego—Xięga pamiętnicza. Krakow, 1864.

Библиотека "Руниверс"

за незначительнымъ исключеніемъ, относится къ исторіи козачества и хотя нѣкоторые изъ нихъ и повторяются въ другихъ сборникахъ, но большинство совершенно самостоятельно и встрѣчается только въ книгѣ Михаловскаго.

Относительно новѣйшей литературы предмета, мы не можемъ себѣ объяснить причины молчанія г. Буцинскаго о сочиненіяхъ Кубали *). Безотносительно ко взглядамъ автора, монографіи Кубали составляютъ трудъ самостоятельный, основанный, въ значительной части, на рукописномъ архивномъ матеріалѣ; соглашаться съ его взглядами или оспаривать ихъ конечно можетъ каждый новый изслѣдователь, но сомнѣваемся, возможно-ли автору монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ игнорировать это сочиненіе. Другой современный намъ писатель, не пользующійся должнымъ, по нашему мнѣнію, вниманіемъ г. Буцинскаго — это покойный М. А. Максимовичъ; имя его едва упоминается вскользь 2—3 раза въ книгѣ г. Буцинскаго, справокъ-же на положенія разработанныя Максимовичемъ и ссылокъ на его сочиненія мы вовсе не находимъ, а между тѣмъ покойный историкъ посвятилъ весьма точной и кропотливой разработкѣ времени Хмельницкаго множество весьма дѣльныхъ и глубоко ученыхъ статей, какъ о томъ можно убѣдиться при разсмотрѣніи 1-го тома собранія его сочиненій.

Помимо неполнаго знакомства съ литературою предмета, намъ кажется, что г. Буцинскій пользуется тѣми источниками, которые онъ взъучалъ, не вполнѣ критически. Дѣлая многочисленные ссылки и цитаты, авторъ не обращаетъ вовсе вниманія на степень достовѣрности цитируемаго имъ источника; въ сочиненіи г. Буцинскаго мы встрѣчаемъ сличенія между несопоставимыми текстами; подъ рядъ другъ друга опровергаютъ или подтверждаютъ ссылки на документы и на «Исторію Руссовъ», на Самовидца и Грабянку и на «Запорожскую старину», на современные мемуары и на «Запорожскую рукопись» Сементовскаго и т. п.

Насъ неномѣрно удивило присутствіе въ солидномъ историческомъ трудѣ многочисленныхъ ссылокъ на свидѣтельства такихъ источниковъ о времени Хмельницкаго, какъ Исторія Руссовъ и Запорожская Старина. Г. Буцинскій держится мнѣнія ни на чемъ не основаннаго и давно уже опровергнутаго Максимовичемъ,— по которому составленіе Исторіи Руссовъ приписывалось Георгію Конисскому; но, допустивъ даже эту гипотезу, нельзя не признать, что Исторія Руссовъ, кѣмъ-бы она составлена ни была, есть весьма талантливый памфлетъ, апологія или что угодно другое, но не лѣтопись и не серьезный историческій источникъ: мы удивляемся,

*) Kubala - Szkice historyczne, т. 1—2. Львовъ, 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

какъ солидный авторъ въ наше время можетъ дѣлать изъ этого источника цитаты и помѣщать ихъ, даже не повѣривъ несообразности передаваемыхъ этимъ мнимымъ источникомъ фактовъ. Возьмемъ для примѣра образецъ такой странной цитаты изъ книги г. Буцинскаго. На стран. 18 сказано: «въ 1623 году, когда князь Острожскій, воевода кіевскій, принесъ самыя убѣдительнѣйшія жалобы королю и сенату о горестномъ состояніи народа русскаго» и т. д. Неужели, дѣлая эту цитату, г. Буцинскій не замѣтилъ, что источникъ, которымъ онъ пользуется, слѣдуетъ устранить. Автору вѣдь несомнѣнно должно быть извѣстно, что кіевскій воевода, князь Константинъ Острожскій, скончался въ 1608 году и что въ 1623 г. должность кіевскаго воеводы занималъ Ѳома Замойскій, не дѣлавшій никогда представленій о нуждахъ русскаго народа; очевидно, что вся цитируемая тирада есть не болѣе, какъ вымыселъ Исторіи Руссовъ. Точно такую-же историческую сусту представляютъ росказни Исторіи Руссовъ о мнимомъ секретарствѣ Хмельницкаго (стр. 9), о томъ, что воспріемникомъ его былъ какой-то князь Сангушко, неизвѣстно по какому случаю очутившійся на крестинахъ въ Чигринѣ (стр. 7) и т. п.; а между тѣмъ авторъ цитируетъ всѣ эти извѣстія будто факты сообщаемые если не современнымъ, то во всякомъ случаѣ достовѣрнымъ источникомъ.

Такую-же точно роль, какъ Исторія Руссовъ, хотя еще съ меньшимъ правомъ, играетъ въ сочиненіи г. Буцинскаго «Запорожская Старина». Пожалуй, можно еще спорить о достоинствѣ этнографическаго матеріала, собраннаго въ этомъ изданіи, хотя большинство думъ и легендъ, помѣщенныхъ въ немъ, ясно составлены по той-же Исторіи Руссовъ или по лѣтописи Рубана и, подъ видомъ народныхъ, сообщены (Квецкимъ и друг.) покойному И. И. Срезневскому. Не вполнѣ еще тогда опытный ученый былъ введенъ въ обманъ ловкими и дѣйствительно талантливыми фальсификаторами; какъ результатъ этихъ продѣлокъ и вышла «Запорожская Старина». Но, представивъ этнографамъ разчистить этотъ сомнительный матеріалъ яко-бы народнаго творчества, мы полагаемъ, что во всякомъ случаѣ смотрѣть на этотъ сборникъ, какъ на историческій источникъ, невозможно, если только авторъ желаетъ сохранить за своимъ сочиненіемъ значеніе сколько нибудь серьезнаго труда. Если даже допустимъ, что думы и легенды «Запорожской Старины» не поддѣльны, то въ крайнемъ случаѣ онѣ могутъ служить лишь для общей характеристики эпохи, но ни въ какомъ случаѣ не для установленія фактическихъ данныхъ, а между тѣмъ г. Буцинскій передаетъ, со словъ «Запорожской Старины», цѣлые разсказы о небывалыхъ историческихъ событіяхъ: о возстаніи Липчая (стр. 38—39), о столкновеніяхъ Хмельницкаго съ мнимымъ полковникомъ Сулимою (стр. 102, 104, 145) и съ фантастическимъ дру-

Библиотека "Руниверс"

гомъ своимъ Тухою (стр. 175, 183). Мы удивляемся, какъ г. Буцинскій, отводя этимъ разсказамъ почетное мѣсто въ своей книгѣ и скрѣпляя ими свои выводы, не обратилъ вниманія на то, что ни одинъ серьезный источникъ—ни лѣтописи, ни документы, ни записки современниковъ не упоминаютъ ни единымъ словомъ о столь важныхъ событіяхъ,—что въ числѣ сподвижниковъ Хмельницкаго положительно не было никакого полковника Сулимы, какъ равно не существовали ни Линчай, ни Туха.

Вообще относительно ссылокъ и цитатъ г. Буцинскаго мы должны замѣтить, что многія изъ нихъ сдѣланы не то небрежно, не то нѣсколько тенденціозно; вотъ нѣсколько тому примѣровъ:

Текстъ книги:	Ссылки:
Въ лѣтописи Грабянки говорится: «Богданъ Хмельницкій пришелъ отъ короля въ свои помѣстья, началъ населять ихъ людьми, надѣясь на свои великія заслуги у Рѣчи Посполитой». (Буц., стр. 10).	*Лѣтопись Грабянки* (*loco citato, стр. 33*) за пришествіемъ его отъ двору королевского на свою отчизную землю, завистуючи якожъ и слободѣ населенной, подстаростій Чаплинскій за неслушность разумѣлъ Хмельницкому быти богатымъ.
Одинъ польскій писатель по поводу этого письма (отъ Кромвеля къ Хмѣльницкому) замѣчаетъ, что бунтовщикъ писалъ къ бунтовщику... (ссылка: pamiętniki do panow, ч. II, стр. 235). Буц., стр. 91.	Pamiętniki do panowania (loco citato). Перехвачено письмо отъ начальника англичанъ, Оливьера Кромвеля, называющаго себя протекторомъ Британіи, писанное къ Хмельницкому, начинающееся со словъ: и т. д.

Не будемъ продолжать этихъ выписокъ; ихъ можно привести очень много. Чтобы покончить съ мелочами, замѣтимъ только, что такую-же небрежность, какую мы замѣтили въ ссылкахъ, мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ; географическія данныя иногда приведены наугадъ въ весьма странномъ видѣ: такъ, напримѣръ, разсказывая походъ поляковъ на Брацлавщину 1654 года (въ томъ числѣ и истребленіе Буши), авторъ утверждаетъ, что опустошеніе это относится къ *Червоной Руси* и Подоліи (стр. 195); описывая дѣйствія Ивана Нечая въ Бѣлой Руси, онъ почему-то относитъ къ этому походу и взятіе Люблина (стр. 202); наконецъ, разсказывая условія договора, заключеннаго относительно предположеннаго раздѣла Польши между Швеціей, Трансильваніей и Хмельницкимъ, г. Буцинскій утверждаетъ, что «шведскій король долженъ былъ получить: Прусь, Курляндію, Гданскъ и Данцигъ» (стр. 211); но вѣдь Гданскъ и Данцигъ это два варіанта одного и того-же имени.

Библиотека "Руниверс"

Иногда мы встрѣчаемъ у г. Буцинскаго совершенно неправильныя или анахронистическія названія общественныхъ явленій; такъ, напримѣръ, онъ почему-то называетъ «гайдамаками» и «гайдамацкими загонами» отряды народнаго ополченія, сформировавшіеся при Хмельницкомъ (стр. 57, 91); между тѣмъ какъ гайдамачество—это явленіе возникшее только въ началѣ XVIII столѣтія; отыскивая нѣкогда документы, относящіеся къ исторіи гайдамачества и собравъ ихъ болѣе 350, мы, послѣ тщательной повѣрки, убѣдились, что терминъ «гайдамаки» первый разъ входитъ въ употребленіе только въ первой четверти XVIII столѣтія (мы его не нашли раньше 1717 года) *), въ XVII-же вѣкѣ и само гайдамачество не существовало и терминъ былъ неизвѣстенъ.

Впрочемъ не будемъ далѣе останавливаться на недостаткахъ болѣе или менѣе мелочныхъ, такъ сказать техническихъ, зависящихъ вѣроятно отъ непривычки къ отдѣлкѣ подробностей; мы увѣрены, что въ дальнѣйшихъ трудахъ самъ авторъ обратитъ болѣе вниманія на внѣшнюю сторону своихъ работъ и изгладитъ подобные указаннымъ неточности, которыя несомнѣнно могутъ значительно умалить значеніе почтеннаго, въ другихъ отношеніяхъ, труда и подорвать, можетъ быть излишне, довѣріе къ прочности данныхъ, на которыхъ основаны выводы автора

Обратимся къ предмету болѣе важному и серьезному—къ выводамъ г. Буцинскаго о личности и дѣятельности Хмельницкаго. Личность Богдана вышла изъ подъ пера г. Буцинскаго въ крайне не привлекательномъ видѣ: по его мнѣнію, 1) Хмельницкій по воспитанію, связямъ, имущественному положенію, воззрѣнію на народъ и по сложившимся идеаламъ общественнаго устройства былъ такой-же полякъ—«панъ» и крѣпостникъ, какъ и тѣ шляхтичи, съ которыми онъ велъ борьбу. 2) Мотивы, побудившіе Хмельницкаго на брань, лежали исключительно въ чувствѣ личной мести и личномъ интересѣ. 3) Характеръ Богдана сверхъ того дополняется, съ одной стороны, трусостью, съ другой—вѣроломствомъ, хитростью и ложью въ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Посмотрѣвъ безпристрастно на эти положенія, мы готовы признать за ними нѣкоторую долю справедливости, но еще большую долю утрировки и произвола. Дѣйствительно, Хмельницкій не понималъ другого общественнаго устройства, какъ то, среди котораго онъ выросъ, и которое исключительно было ему знакомо; дѣйствительно онъ стремился къ такому порядку вещей, въ которомъ, отдѣлавшись отъ ополяченной шляхты, отъ гнета религіознаго, сохранивъ лишь зависимость отъ короля, можно было-бы создать изъ козачества, особенно-же изъ старшины, нѣчто въ видѣ своего, новаго, туземнаго шляхетства; все это вѣрно, но я думаю,

*) См. Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. III, стр. 23.

Библиотека "Руниверс"

что черты эти нисколько не зависятъ отъ личнаго характера и личнаго интереса Богдана, а онѣ служатъ лишь указателемъ той слабой степени умственнаго и гражданскаго развитія, которая, къ несчастью, была достоянiемъ всего южно-русскаго народа въ данное время. При Хмельницкомъ всѣ сколько-нибудь выдававшіяся образованіемъ лица, стремясь къ самобытности, подразумѣвали подъ нею польскія формы государственнаго устройства, только съ своенародными элементами; стремленіе это не зависѣло отъ того, чтобы устройство польское было хорошо и пригодно для южно-русскаго народа, а оттого, что образцы лучшаго устройства были неизвѣстны южноруссамъ ни у себя, ни кругомъ себя,—народъ-же южно-русскій не стоялъ на такой степени развитія, при которой путемъ критики и умственной работы отбрасываются выработанныя исторіею формы быта и создаются новыя, лучшія. Правда, можно указать на то обстоятельство, что въ народныхъ массахъ выдѣляется инстинктъ, неясное стремленіе къ болѣе прогрессивнымъ, демократическимъ формамъ быта; но вѣдь исключительно на инстинктѣ, не просвѣщенномъ культурою, не умѣющемъ ни уложиться въ опредѣленную гражданскую норму, ни даже формировать своихъ пожеланій, не можетъ вырости никакая политическая форма общественнаго быта. Среди сподвижниковъ Хмельницкаго, равно какъ и во время, непосредственно за нимъ слѣдовавшее, было среди козацкой старшины много лицъ, пытавшихся стать на демократической, народной точкѣ зрѣнія, но всѣ они сокрушены были вслѣдствіе недостаточной гражданской подготовки самаго народа, не нашли ни опредѣленной формулы своихъ стремленій, ни умѣнія въ массѣ сгруппироваться для ихъ поддержки; они или погибли въ хаотической, безплодной борьбѣ, какъ Мартынъ Пушкарь и Иванъ Поповичъ, или превратились въ демагоговъ, эксплоатировавшихъ народъ для личной пользы, какъ Брюховецкій, или, подержавшись нѣкоторое время, благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ, должны были, подобно Дорошенку, признать свое стремленіе неосуществимымъ. При невозможности опереться на некультурную массу, неудивительно, что большинство козацкихъ предводителей идетъ по торной, по крайней мѣрѣ, ясной для нихъ дорогѣ добиться автономіи и усвоить себѣ, съ большими или меньшими поправками, единственный извѣстный имъ строй гражданскаго быта, а такимъ былъ въ то время строй польскій. Въ этомъ отношеніи Хмельницкій былъ лишь однимъ изъ многихъ сыновъ своего времени и своего общества, и мы полагаемъ, что невозможно ему ставить въ личную вину того, что было результатомъ культурнаго неразвитія массы, въ главу которой судьба его выдвинула. Если-бы мы могли допустить въ немъ какія нибудь сверхъ-естественныя дарованія, въ силу которыхъ онъ могъ-бы ура-

Библиотека "Руниверс"

зумѣть или придумать такіе политическіе идеалы, которые и не грезились въ его время окружавшимъ его людямъ, то тогда онъ все равно не совершилъ-бы ничего существеннаго въ ихъ пользу, остался-бы одинокимъ и непонятнымъ и, правдоподобно, не всплылъ-бы въ роли начальника движенія. Мы полагаемъ, что предводитель каждаго народнаго движенія есть только выразитель тѣхъ убѣжденій, того нравственнаго капитала, которымъ обладаетъ масса, и шире ея подготовки онъ ни самъ пойти, ни тѣмъ болѣе повести ее не можетъ.

И такъ намъ кажется, что неудачи, неясность идеаловъ, готовность уложиться въ польскіе порядки не были результатомъ личнаго характера Хмельницкаго, а зависѣли отъ той степени культуры, на которой стоялъ въ его время весь народъ. Г. Буцинскій полагаетъ, напротивъ того, что въ личномъ характерѣ Хмельницкаго слѣдуетъ искать причины неудачнаго и непрочнаго хода поднятаго подъ его предводительствомъ возстанія. Посмотримъ, на сколько вѣрны доказательства, приводимые почтеннымъ авторомъ.

Г. Буцинскій утверждаетъ, что имущественное и экономическое положеніе Хмельницкаго было таково, что интересы его совпадали съ интересами польскихъ пановъ. Поставивъ это положеніе a priori, авторъ, незамѣтно для самаго себя, далъ ему неправдивое, но далеко не реальное, историческое развитіе. Въ книгѣ имущественное положеніе Хмельницкаго опредѣляется, впрочемъ, совершенно голословно, слѣдующимъ образомъ: «онъ владѣлъ на Украйнѣ, подобно польскимъ панамъ, хорошо устроеннымъ имѣніемъ и крестьянами» (стр. 1), «Хмельницкій обладалъ громадными помѣстьями, густо населенными крестьянами, такъ, что ему завидовали даже польскіе паны» (стр. 4); «онъ, благодаря польскимъ порядкамъ, имѣлъ много земли и крестьянъ» (стр. 5); «онъ стоялъ на сторонѣ порядковъ, которые освящали крѣпостничество и облегчали возможность эксплоатаціи черни» (стр. 12); «живя въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ по-пански, въ знакомствѣ съ польскою шляхтою и т. д.» (стр. 13), «Хмельницкій остается тѣмъ-же польскимъ паномъ, который богатство и личный произволъ ставилъ выше и т. д.» (стр. 75); для Хмельницкаго, какъ и для пановъ, было невыгодно лишиться такой массы «быдла», какъ назывался тогда простой народъ» (стр. 107) и т. д. до безконечности. Прочитавъ всѣ эти цитаты, можно подумать, что Хмельницкій владѣлъ имуществомъ громаднымъ, подобно какому-нибудь Конецпольскому или Острожскому, что его богатству завидовалъ Іеремія Вишневецкій, что сотни и тысячи крестьянъ стонали подъ его ярмомъ и т. п.— и все это не болѣе, какъ миражъ, созданный въ фантазіи г. Буцинскаго и не опирающійся ни на какія свидѣтельства, хотя-бы даже не точно цитируемыя.

Библиотека "Руниверс"

Все то, что мы знаемъ о земельномъ владѣніи Хмельницкаго, ограничивается слѣдующимъ: чигринскій староста Даниловичъ далъ въ пользованіе отцу Богдана хуторъ Субботовъ, принадлежавшій къ чигринскому старостству. Хмельницкій развелъ на немъ хозяйство, которое и оставилъ сыну; о размѣрахъ этого хозяйства можно судить до нѣкоторой степени потому, что когда Чаплинскій присвоилъ себѣ его гумно, то нашелъ въ немъ 400 копъ хлѣба; указаній на то, чтобы Хмельницкій владѣлъ крѣпостными, нѣтъ никакихъ; если даже принять во вниманіе намеки о томъ, что онъ насаждалъ слободу, то это указываетъ только на возможность существованія въ Субботовѣ нѣсколькихъ дворовъ подсусѣдковъ или «коморниковъ», и только. Земля, бывшая въ пользованіи Хмельницкаго, не была даже его собственностью—она принадлежала старостству и была дана только въ пользованіе «do dalszej woli mojej», какъ гласила формула, обыкновенно въ такихъ случаяхъ употреблявшаяся старостами при подобнаго рода временныхъ уступкахъ. Не мудрено, что Хмельницкій не могъ юридически доказать своего права на землю, потому что староста легально имѣлъ право передать ее въ другія руки; юридически онъ могъ лишь доказать обиду, происшедшую вслѣдствіе грабежа его движимаго имущества, побоевъ, нанесенныхъ сыну и т. п. А между тѣмъ, увлекшись собственною постановкою вопроса, г. Буцинскій превратилъ Субботовскій хуторъ въ «громадное помѣстіе, густо населенное крестьянами», заставилъ Хмельницкаго эксплоатировать воображаемыхъ крестьянъ, какъ «быдло», вселилъ зависть къ его богатству въ сердца польскихъ пановъ и т. д. Всѣ эти чудеса онъ совершилъ лишь для того, чтобы объяснить и безъ того понятный фактъ, что Хмельницкій не былъ на столько развитъ, чтобы могъ придумать другое общественное устройство, помимо того, которое онъ видѣлъ въ Рѣчи-Посполитой.

Другое положеніе, которое г. Буцинскій отстаиваетъ весьма усердно, состоитъ въ томъ, что Хмельницкій не могъ участвовать и не участвовалъ въ козацкихъ возстаніяхъ противъ Польши, поднимавшихся раньше 1648 г., подъ предводительствомъ Тараса, Остряницы и Гуни (стр. 3, 4, 9) *). Дѣйствительно мы не имѣемъ никакихъ указаній ни положительныхъ, ни отрицательныхъ въ этомъ отношеніи, но за то мы имѣемъ документъ, сохранившійся въ дневникѣ Окольскаго объ участіи Хмельницкаго въ возстаніи Павлюка **). Документъ этотъ заключаетъ въ себѣ условія, на

*) Замѣтимъ, что о возстаніяхъ этихъ г. Буцинскій имѣетъ нѣсколько не точныя свѣдѣнія; такъ онъ полагаетъ, что битва подъ Кумейками происходила въ 1638 году во время возстанія Остряницы, между тѣмъ какъ она происходила въ 1637 году подъ предводительствомъ Павлюка (стр. 39).

**) Okolski. Djarjusz tranzakcji wojennej etc. стр. 66–68.

Библиотека "Руниверс"

которыхъ побѣжденные козаки сдаются подъ Боровицею польскому войску, и подъ нимъ подписанъ «Богданъ Хмельницкій, именемъ всего войска Е. К. М., писарь войсковой». Въ немъ Хмельницкій разсказываетъ вкратцѣ весь ходъ компаніи и, между прочимъ, говоритъ: «Всѣ мы, находившіеся въ осадѣ въ Боровицѣ» и т. д. Можетъ быть, при извѣстномъ толкованіи, и можно до нѣкоторой степени ослабить силу этого прямого указанія; но, полагаю, что во всякомъ случаѣ, желая доказать непричастность Хмельницкаго къ козацкимъ возстаніямъ, слѣдовало-бы по меньшей мѣрѣ комментировать указанный документъ, а не умалчивать о немъ.

Немногіе приведенные примѣры достаточны для того, чтобы убѣдиться, что характеристика Хмельницкаго составлена г. Буцинскимъ нѣсколько произвольно, по предвзятому шаблону и не безъ извѣстной доли утрировки. Слѣдить за дальнѣйшимъ ея ходомъ шагъ за шагомъ мы не станемъ, такъ какъ нашъ отчетъ и безъ того уже принялъ слишкомъ обширные размѣры, а между тѣмъ положеній, подобныхъ предъидущимъ, съ которыми намъ трудно было-бы согласиться, наберется не мало. Ограничимся потому еще 2—3 бѣглыми замѣчаніями о мѣстахъ книги, слишкомъ, по нашему мнѣнію, несправедливыхъ и рѣзкихъ.

На стр. 53 авторъ, желая указать, насколько Хмельницкій мирволилъ шляхтѣ и угнеталъ собственный народъ, авторъ приводитъ, со словъ письма Киселя, слухъ, дошедшій до послѣдняго *), будто Хмельницкій приказалъ освободить всѣхъ плѣнныхъ шляхтичей, казнилъ 100 человѣкъ козаковъ и приковалъ къ пушкѣ «одного изъ храбрѣйшихъ полковниковъ» — Кривоноса. Г. Буцинскій, нисколько не сомнѣваясь въ истинѣ этихъ фактовъ, конечно, весьма справедливо негодуетъ на Хмельницкаго; но если-бы почтенный авторъ заглянулъ въ записную книгу Михаловскаго, то онъ-бы убѣдился, что Кисель сообщилъ ложный слухъ, и только. У Михаловскаго помѣщено это письмо Киселя, а непосредственно передъ нимъ находится письмо Осинскаго, писанное изъ совершенно другой мѣстности днемъ только раньше Киселя, и въ немъ Осинскій повѣствуетъ очень подробно о стычкѣ, въ которой ему довелось сражаться съ Кривоносомъ **).

Описывая битву у Берестечка, г. Буцинскій старается доказать, что Хмельницкій не былъ насильно захваченъ ханомъ, но будто добровольно бѣжалъ съ поля битвы потому, что имъ «овладѣла трусость» (стр. 95—96); заключеніе свое авторъ основываетъ на разговорѣ полковника Савича, разсказывавшаго ходъ берестечской битвы московскимъ боярамъ. Хотя

*) Кисель пишетъ: „mam tę wiadomość“...
**) Michałowski. Xięga pamiętnicza, №№ 55 и 56.

Библиотека "Руниверс"

Савичъ и не сопровождалъ Хмельницкаго въ бѣгствѣ, но г. Буцинскій полагаетъ, что ему это обстоятельство «должно было быть хорошо извѣстно». Насколько лично былъ храбръ Хмельницкій, мы не знаемъ, да и вопросъ о доли храбрости считаемъ болѣе физіологическимъ, чѣмъ историческимъ; знаемъ однако, что Хмельницкій лично принималъ участіе во многихъ битвахъ и никогда не уклонялся отъ опасности, если присутствіе его въ битвѣ было необходимо для ея успѣшнаго исхода; относительно-же плѣненія гетмана ханомъ подъ Берестечкомъ можемъ указать нѣсколько свидѣтельствъ очевидцевъ: такъ шляхтичъ, писавшій на пути письмо къ королю подъ диктовку хана, прибавляетъ отъ себя извѣстіе, что Хмельницкій находится въ цѣпяхъ. Кубала приводитъ допросы, снятые въ польскомъ лагерѣ съ какой-то шляхтянки, которая показала подъ присягою, что 1-го іюля она видѣла въ Константиновѣ, какъ татаре привязывали Хмельницкаго къ лошади, наконецъ о плѣнѣ Хмельницкаго свидѣтельствуетъ Московскій въ письмѣ къ королю *).

Особенно глубоко возмущается г. Буцинскій коварствомъ, неискренностью и хитростью Хмельницкаго въ его дипломатическихъ сношеніяхъ (мы полагаемъ, что вообще всякія дипломатическія сношенія не отличаются искренностью и прямотою) и, особенно усердно оттѣняя эти дурныя качества его характера, ставитъ ему по временамъ въ вину, такія дѣйствія, которыя для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя свидѣтельствуютъ о гораздо большихъ способностяхъ и тактѣ Богдана, чѣмъ можно было ожидать отъ его времени и степени его развитія. Между прочимъ г. Буцинскій сообщаетъ (стр. 121) весьма интересный фактъ, свидѣтельствующій, по его мнѣнію, о неискренности Хмельницкаго: во время дружелюбныхъ сношеній съ московскимъ дворомъ (еще до 1654 года) Алексѣй Михайловичъ потребовалъ выдачи какого-то самозванца, называвшагося Иваномъ Шуйскимъ и укрывшагося въ Украйнѣ; но Хмельницкій отказался выдать его, утверждая, что, по козацкимъ обычаямъ, выдавать лице, ищущее убѣжища, невозможно; но что онъ готовъ будетъ самъ судить его и казнить, буде перебѣжчикъ захочетъ продолжать играть самозванную роль. Намъ кажется, что изъ даннаго факта слѣдуетъ не заключеніе о неискренности, а скорѣе указаніе на то, что Хмельницкому не были чужды общія понятія о международномъ правѣ.

Всѣ эти замѣчанія на характеристику Богдана Хмельницкаго мы привели не потому, чтобы желали во чтобы то ни стало возвеличить его личность, а потому только, что утрировка и предвзятая оцѣнка, какъ въ панегирическомъ, такъ и въ отрицательномъ тонѣ, кажется намъ равно неумѣстна въ серьезномъ историческомъ трудѣ.

Впрочемъ давно уже пора окончить нашъ отчетъ о книгѣ г. Буцинскаго, на которой мы остановились слишкомъ долго, благодаря интересу ея сюжета и содержанія. **В. Антоновичъ.**

*) Дневникъ Освѣцима, „Кіевская Старина“ 1882 г., т. IV. стр. 331; Kubala — szkice historyczne, т. I, стр. 288. Памятники, т. II, отд. 3, стр. 87.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ВТОРОБРАЧІЕ ЮЖНО-РУССКИХЪ СВЯЩЕННИКОВЪ КОНЦА XVIII ВѢКА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКІЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ.

(по поводу протопопа комара) *).

Протопопъ Комаръ былъ не единственнымъ двоебрачнымъ лицомъ духовнаго сана на югѣ Россіи въ прошломъ столѣтіи. Въ концѣ этого столѣтія, при возсоединеніи уніатовъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ кіевской, волынской и подольской губерній, наступившемъ послѣ 2-го раздѣла Польши, между возсоединенными священниками оказалось нѣсколько такихъ, которые состояли во второмъ бракѣ. Изъ нихъ состоявшіе въ нынѣшней кіевской епархіи священники: м. Бородянки (кіев. уѣзда) Петръ *Тарюній*, с. Веприна (радомысл уѣзда) Иванъ *Тарюній*, с. Ситникъ (канев. уѣзда) Василій *Завадскій* и Теодоръ *Истровскій*, прошеніемъ отъ 10 сентября 1796 г., просили св. синодъ разрѣшить имъ священнодѣйствіе. Съ такимъ-же прошеніемъ къ св. синоду, отъ 16 мая 1797 г., обратились и священники: Яковъ *Багриновскій*, Теодоръ *Романовскій*, Симеонъ *Карновичъ* и Петръ *Тарковскій*, состоявшіе также во второмъ бракѣ. Первые въ своемъ прошеніи прописывали, что, бывъ возсоединены съ православною церковью, вмѣстѣ съ своими паствами, преосвященнымъ епископомъ минскимъ Викторомъ, они священнодѣйствовали въ своихъ приходахъ въ теченіи цѣлаго года, но по

*) См. «Кіев. Стар.» 1882 г., декаб. кн., стр. 607.

Библиотека "Руниверс"

причисленіи ихъ приходовъ къ кіевской епархіи, запрещены въ священнодѣйствіи преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Самуиломъ, и преосвященный митрополитъ кіевскій Іероѳей, преемникъ Самуила, на ихъ мѣста опредѣлилъ уже другихъ священниковъ. Положеніе ихъ было крайнее: „принявъ православіе, писали они, мы остались на поруганіе народа, который, видя, что мы отъ западной церкви отстали, а восточною православною церковью въ санѣ священниковъ не признаны, считаетъ насъ послѣдними людьми и дѣлаетъ намъ разныя съ поводу сего укоризны, найпаче-же терпимъ мы поруганія отъ поляковъ".

Еще раньше сего Викторъ Садковскій, архіепископъ минскій, коадъюторъ кіевской митрополіи, репортомъ отъ 7 іюля 1795 г., за № 386-мъ, доносилъ св. синоду, что между присоединившимися изъ уніи къ православію священниками есть такіе, которыхъ брачное положеніе, несогласное съ правилами нашей церкви, ставитъ его въ затрудненіе относительно оставленія ихъ на приходахъ и разрѣшенія имъ священнодѣйствовать. „Одни изъ нихъ, писалъ онъ въ этомъ репортѣ, сочетавшись бракомъ съ бывшими во вдовствѣ священническими и свѣтской статьи женами, другіе, сами бывъ во вдовствѣ и потомъ оженившись, получили отъ уніатскихъ своихъ бискуповъ священство съ опредѣленіемъ на приходы и съ позволеніемъ вся священническая дѣйствовать. Вѣдалъ я и прежде начатія дѣла о благочестіи (т. е. о возсоединеніи уніатовъ), что уніатская церковь и таковыхъ во священство пріемлетъ, почему въ инструкціи благочинным (командированнымъ преимущественно изъ кіев. епархіи на Волынь и Подолье) хотя позволилъ и оныхъ по желанію опредѣлять, но токмо при случаѣ самаго крѣпчайшаго въ правильномъ благочестивомъ священствѣ недостатка и *буде народъ безъ всякаго о ихъ священникъ соблазна согласится;* единственно-же рѣшился на таковое позволеніе съ тѣмъ предметомъ, дабы отказъ онымъ не сдѣлалъ какого въ успѣхѣ дѣла помѣшательства. А понеже, по преданіямъ нашей церкви, не могутъ они священнодѣйствовать и за удовольствіемъ церквей правильными священниками нѣкоторые остаются уже безъ мѣстъ и какъ сами о себѣ испрашиваютъ резолюціи, такъ и духовныя правленія о томъ репортуютъ; для того о показанныхъ чрезъ бракъ сомнительныхъ священникахъ, и буди еще по изяславской (нынѣшней волынской) и минской губерніямъ

Библиотека "Руниверс"

пожелаютъ быть благочестивыми, присоединять-ли ихъ и на какой конецъ, о томъ нижайше прошу снабдить меня синодскимъ указомъ".

Св. синодъ разсудилъ такъ: „какъ означенные священники вступили въ показанные браки, будучи еще въ уніи, по дозволенію на сіе отъ уніатскихъ епископовъ, которые первою причиною тому состоятъ, и если симъ священникамъ, по присоединенію ихъ къ нашей церкви, запретить священнодѣйствіе и отрѣшить отъ приходовъ, то чрезъ сіе можетъ послѣдовать въ присоединеніи прочихъ помѣшательство и остановка; почему за лучшее признается оставить ихъ въ священствѣ при церквахъ по прежнему, не входя ни въ какое о семъ производство. Въ слѣдствіе сего, не посылая о семъ изъ св. синода указа, предоставить синодальному члену, преосвященному Гавріилу, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, послать отъ себя къ архіепископу минскому письмо съ предписаніемъ *на таковый случай* наставленія въ пристойныхъ выраженіяхъ, сообразуясь сему св. синода разсужденію; по изготовленіи же онаго, предложить оное во первыхъ для свѣдѣнія и общаго положенія св. синоду".

Такимъ образомъ св. синодъ уклонился отъ принципіальнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса, его *разсужденіе* лишь *приспособительное* къ данному случаю. Въ такомъ-же смыслѣ писалъ, съ одобренія св. синода, митрополитъ Гавріилъ къ преосвященному Виктору въ сентябрѣ 1795 года: „на сіе (о второбрачныхъ священникахъ) представленіе ваше поручено мнѣ отписать къ вашему преосвященству, чтобъ вы въ сіе, на первый случай, не входили, для того: 1) чтобъ не остановить обращенія къ церкви; 2) ежели что они (двоебрачные іереи) и дѣлали, дѣлали не упорствуя православной церкви, но слѣдуя положенію упитовъ; 3) они нынѣ, прибѣгая, яко блудные сыны, къ матери съ раскаяніемъ, требуя млека, а не твердыя пищи, заслуживаютъ снисхожденіе къ бывшимъ ихъ заблужденіямъ; дозволять сего имъ не должно, но что происходило отъ ухищренія папистовъ, сіе лежитъ на ихъ отвѣтѣ. И такъ рекомендую и въ изысканіе таковыхъ обстоятельствъ не входить, а наблюдать, чтобъ обратившіеся жили согласно ученію и преданію православной церкви" [1]).

---

[1]) Архивъ св. синода, дѣло 1794 г. №№ 143—265.

Библиотека "Руниверс"

Такого-же содержанія письмо было послано въ послѣдствіи времени и преосвященному митрополиту кіевскому Іерофею, въ разрѣшеніе просьбы 8-ми вышеупомянутыхъ второбрачныхъ священниковъ, по случаю передѣла епархій юго-западнаго края и перечисленія нѣкоторыхъ мѣстностей онаго изъ бывшихъ минской и изяславской въ кіевскую епархію.

Нужно замѣтить, что Викторъ Садковскій, до посвященія своего въ санъ епископа, былъ капелланомъ православной церкви въ Варшавѣ при нашемъ посольствѣ, а послѣ, въ званіи коадьютора кіевскаго митрополита, завѣдывалъ всѣми православными церквами въ б. польскомъ королевствѣ, заключавшемъ тогда въ себѣ и весь юго-западный край Россіи, за исключеніемъ Кіева съ окрестностями по р. Стугну,—слѣдовательно онъ могъ хорошо знать и зналъ порядки, бывшіе въ уніатскомъ духовенствѣ. Потому особеннаго вниманія заслуживаетъ свидѣтельство его о томъ, что уніатскіе священники женились на священническихъ и иныхъ вдовахъ и вступали сами во второй бракъ, что такое отступленіе отъ каноническихъ правилъ допускалось ими не самовольно, а съ разрѣшенія уніатскихъ епископовъ, и что прихожане не видѣли въ томъ никакого соблазна; потому онъ, не колеблясь, разрѣшилъ благочиннымъ не устранять таковыхъ священниковъ отъ приходовъ и священнодѣйствія. Изъ этого-же періода временъ уніи намъ извѣстенъ даже случай производства въ санъ священника изъ двоебрачныхъ. Въ троицкой церкви м. Бѣлой-Церкви въ теченіи всего XVIII вѣка священствовали Артасѣвичи, преемствуя сынъ отцу; въ концѣ XVIII вѣка послѣдній Артасѣвичъ, получившій презентъ помѣщика и одобреніе прихожанъ на занятіе священническаго мѣста при той-же церкви послѣ своего отца, вступивши для сего въ первый бракъ, отправился въ г. Радомысль, резиденцію уніатскаго митрополита Ѳеодосія Ростоцкаго, для рукоположенія во іереи, но почти наканунѣ своего посвященія получаетъ извѣстіе о смерти своей жены. Отдавши ей послѣдній долгъ прибытіемъ на ея погребеніе, онъ, по совѣщаніи съ прихожанами, вступаетъ во второй бракъ съ одной изъ крестьянскихъ дѣвицъ своего будущаго прихода; съѣздивши затѣмъ вновь въ Радомысль, удостоивается рукоположенія въ санъ священника и священствуетъ на этомъ мѣстѣ какъ въ послѣдніе годы уніи, такъ и по возстановленіи православія, уступивъ

Библиотека "Руниверс"

свой приходъ уже около 1816 г. зятю своему Іакову Кондрацкому, умершему тамъ-же въ м. Бѣлой-Церкви, въ 1877 году, на 90 году жизни.

Какъ могли уніатскіе епископы и митрополиты допускать такія ненормальности, когда римская церковь, которой они подчинились, абсолютно воспрещаетъ бракъ своимъ священникамъ и діаконамъ, а низшихъ клириковъ, которымъ не возбранено вступать въ браки, вовсе не числитъ въ составѣ церковнаго клира? Дѣло въ томъ, что въ римской церкви, при всей строгости церковной дисциплины, почти нѣтъ правила безъ исключенія. Считая себя выше соборовъ, папы всегда давали и даютъ на частные случаи индульты или временныя разрѣшенія отступать отъ общихъ церковныхъ правилъ приспособительно къ обстоятельствамъ мѣста, времени и лицъ. Съ тою-же приспособительностью отнеслись папы къ русскимъ священникамъ, состоявшимъ въ бракѣ, по принятіи ими уніи; папы не только дали имъ дозволеніе сохранять супружество вопреки своему правилу о безбрачіи священства, обязательному въ римской церкви со временъ папы Григорія Гильдебранда, но и не воспрещали нѣкоторымъ изъ нихъ по овдовѣніи вступать во 2-й бракъ съ сохраненіемъ священства. Намъ самимъ случилось, лѣтъ двадцать тому назадъ, видѣть папскій индультъ или буллу половины прошлаго столѣтія на пергаментѣ, которою уже не епископъ или митрополитъ, а самъ папа разрѣшилъ вдовому уніатскому священнику Лужинскому вступить во 2-й бракъ съ сохраненіемъ права священнодѣйствовать.

Не трудно отгадать, почему эти индульты можно было допустить въ видахъ римской куріи именно въ Польшѣ? У папъ память хороша: они еще помнили тогда, что первоначальною церковью въ Польшѣ была церковь славянская, съ обрядами восточной церкви и съ священствомъ, имѣвшимъ законныхъ супругъ, а не сожительницъ подъ именемъ господынь, ключницъ и кузинъ, что хотя христіанство введено въ Польшѣ еще въ IX вѣкѣ, но воспрещеніе польскому бѣлому духовенству брачной жизни послѣдовало только въ 1197 году на краковскомъ соборѣ, въ правленіе Лешка, и хотя оно повторено въ 1215 году на провинціальномъ соборѣ польскаго духовенства, но не могло быть достигнуто вполнѣ даже въ 15 вѣкѣ. Такъ, по свидѣтельствамъ польскихъ-же историковъ,

Библиотека "Руниверс"

споръ о безженствѣ польскихъ священниковъ былъ еще въ 1550 году, на Петроковскомъ сеймѣ, и шесть лѣтъ спустя король Сигизмундъ Августъ, отправляя пословъ на тридентскій соборъ, отъ своего имени и отъ всего польскаго королевства просилъ папу Павла IV, чтобы онъ не воспрещалъ браковъ римско-католическимъ священникамъ въ Польшѣ [1]). Насколько тяготилось безбрачіемъ само польское духовенство, доказательствомъ служитъ то, что въ 16 вѣкѣ каноникъ польскій Оржеховскій, состоя въ семъ санѣ, равномъ протоіерейскому, вступилъ въ супружество. Хотя за это онъ былъ судимъ мѣстнымъ епископомъ, но на слезное моленіе къ папѣ, подкрѣпленное примѣрами древней церкви, получилъ разрѣшеніе оставаться въ священномъ санѣ и въ супружествѣ, не въ примѣръ прочимъ: *tibi soli* —сказано въ резолюціи папы на это письмо [2]). Этотъ-же индультъ могъ служить прецедентомъ для папскихъ разрѣшеній второбрачія уніатскимъ священникамъ въ Польшѣ въ 17 и 18 в.

Тѣмъ съ большею справедливостію св. синодъ могъ, не въ примѣръ другимъ, оказать снисхожденіе нѣсколькимъ возсоединеннымъ священникамъ, вступившимъ во второй бракъ съ разрѣшенія прежняго ихъ духовнаго начальства. Такое снисхожденіе вполнѣ оправдывается и чрезвычайными обстоятельствами современной русской церкви, воспринимавшей тогда въ свое лоно 3 милліона отпавшихъ отъ нея въ 17 вѣкѣ по насилію и обману.

Кто осмѣлился-бы сказать слово укоризны тогдашнему составу св. синода, тотъ пусть вспомнитъ, подъ вліяніемъ какихъ особенныхъ обстоятельствъ состоялось въ православной церкви воспрещеніе брака епископамъ и второбрачія священникамъ, и какъ снисходительно церковь первыхъ вѣковъ христіанства относилась къ отдѣльнымъ случаямъ нарушенія этого запрещенія, помня, что *изначала не бысть тако.* Правда, ветхозавѣтный іудейскій первосвященникъ по закону не могъ имѣть въ супружествѣ вдовы; но ветхозавѣтный іудейскій священникъ могъ вступить въ супружество со вдовой священника (Левит.. 21, 7; Іезек., 44, 22). Вступленіе-же

---

[1]) Rys hist. polsk. Miklaszewskiego p. 60; Bandtke tom. 11. p. 154. Petri Poluni hist. conc. Trid. lib. v. p. 409.

[2]) Bandtke, tom. 11. p. 154.

Библиотека "Руниверс"

во второй бракъ не воспрещалось въ ветхомъ завѣтѣ ни священникамъ, ни первосвященнику.

Іисусъ Христосъ не требовалъ безбрачія отъ своихъ послѣдователей и не далъ никакихъ особыхъ правилъ относительно брака священнослужителей новозавѣтной церкви. Извѣстно, что въ числѣ его апостоловъ были женатые и сожительство съ женами своими продолжали и во время исполненія апостольскаго служенія, какъ видно изъ словъ апостола Павла: *еда не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи апостоли* (1. Кор. 9, 5)? Тотъ-же первоверховный апостолъ въ посланіи къ коринѳянамъ заявилъ, что ему неизвѣстна заповѣдь Господня относительно дѣвства или безбрачія (1. Коринѳ. 7, 25), и рекомендовалъ коринѳянамъ безбрачіе только какъ временную мѣру, полезную при тѣсныхъ обстоятельствахъ ихъ церкви (1. Коринѳ. 7, 26); людей-же, проповѣдующихъ абсолютное безбрачіе, называлъ онъ *сожженными въ своей совѣсти* (1. Тимоѳ. 4, 1—3), предостерегая христіанъ отъ таковыхъ лжеучителей. Молодымъ изъ христіанъ, чувствующимъ себя слабыми въ воздержаніи, апостолъ совѣтовалъ вступать въ браки даже и при тогдашнихъ бѣдственныхъ временахъ, признавая, что лучше жениться, нежели разжигаться (1. Коринѳ. 7, 9). Апостолъ Павелъ признавалъ также благоприличнымъ, чтобы діаконы и епископы, подъ именемъ коихъ разумѣлись тогда и пресвитеры, состояли въ бракѣ и имѣли благочестивыхъ чадъ: *подобаетъ епископу быти единыя жены мужу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою; діакони да бываютъ единыя жены мужи, чада добрѣ правяще и своя домы* (1. Тимоѳ. 3, 3. 4. 12). Хотя здѣсь предъявляется требованіе, чтобы епископы и діаконы были мужьями *одной* жены; но по изъясненію древнѣйшихъ учителей церкви—св. Іоанна Златоуста, который считается лучшимъ толкователемъ писаній св. апостола Павла, и Ѳеодорита Кирскаго, сочиненія котораго пользовались большимъ уваженіемъ въ древней церкви, апостолъ воспрещаетъ здѣсь допущеніе къ степенямъ священства только тѣхъ, которые имѣли двухъ женъ единовременно по языческому обычаю, или, оставляя однихъ женъ, при ихъ жизни вступали въ бракъ съ другими по іудейскому и языческому обычаямъ. Правильность этого изъясненія видна въ особенности изъ того, что иначе требованіе единобрачія отъ современныхъ апостолу Павлу діаконовъ было-бы вовсе излишне и неумѣстно, такъ

Библиотека "Руниверс"

какъ 17 правиломъ 6-го вселенс. собора, на основаніи мнѣнія св. Іоанна Златоуста, признано, что первые діаконы, поставленные апостолами, не были служителями при совершеніи таинствъ или, что тоже, священнослужителями, а были только служителями при трапезахъ—вечеряхъ любви и завѣдывали церковнымъ хозяйствомъ, слѣдовательно, не принадлежали ни къ высшему клиру, ни къ низшему, которому никогда не воспрещалось второбрачіе. Это изъясненіе словъ апост. Павла о единоженствѣ епископовъ и діаконовъ стоитъ въ полномъ согласіи и съ 19-мъ апостольскимъ правиломъ, воспрещающимъ священство только тѣмъ, кто въ супружествѣ имѣлъ двухъ сестеръ или племянницу.

И церковь первыхъ двухъ вѣковъ христіанства точно слѣдовала мудрымъ совѣтамъ апостола, не налагая ни на кого изъ клира ига безбрачія и не дѣлая ни для кого изъ своихъ членовъ особыхъ ограниченій относительно вступленія въ супружество. Кромѣ историческихъ свидѣтельствъ, это подтверждается 5 и 51-мъ апостольскими правилами, изъ коихъ первое гласитъ: „епископъ или пресвитеръ или діаконъ да не изгонитъ своей жены подъ видомъ благочестія“, а послѣднее правило угрожаетъ изверженіемъ изъ священнаго чина и отлученіемъ отъ церкви епископу, пресвитеру и діакону или вообще изъ священнаго чина лицу, удаляющемуся брака, мясъ и вина. Правда, 26-е апостольское правило повелѣваетъ, да изъ вступившихъ въ клиръ безбрачными желающіе вступаютъ въ бракъ одни токмо чтецы и пѣвцы“; но такъ какъ извѣстно, что особыхъ чтецовъ и пѣвцовъ не было еще въ церковномъ клирѣ во времена апостоловъ, а появились они только въ III вѣкѣ, то нужно принять во вниманіе и мнѣніе тѣхъ, которые не признаютъ этого правила апостольскимъ [1]). Слѣдовательно, особое ограниченіе брачныхъ правъ для лицъ церковнаго клира появилось не ранѣе начала III в. Соборныя ограниченія относительно брака лицъ св. сана являются въ первый разъ въ постановленіи анкирскаго собора, бывшаго въ 314—315 г. Соборъ этотъ, обративъ вниманіе на то, что одни изъ діаконовъ его области вступили въ бракъ до своего рукоположенія, а другіе по рукоположеніи въ санъ

[1]) Сборникъ правилъ, извѣстныхъ подъ именемъ Апостольскихъ, появился въ VI вѣкѣ.

Библиотека "Руниверс"

діакона, опредѣлилъ, что принимающіе діаконскій санъ должны заявлять епископу о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ и, согласно сему постановленію, заявившимъ о таковомъ намѣреніи предъ рукоположеніемъ дозволилъ священнодѣйствовать, а умолчавшимъ о семъ воспретилъ священнодѣйствіе (правило 10-е).

Чрезъ 10 лѣтъ послѣ сего, на 1-мъ вселенскомъ соборѣ (325 г.) сдѣлана нѣкоторыми ревнителями благочестія не по разуму попытка наложить безбрачіе на всѣхъ священнослужителей церкви отъ епископа до клирика, но предложеніе это не одобрено большинствомъ св. отецъ, собравшихся въ числѣ 318, и оставлено безъ послѣдствій. Потому не только діаконы и пресвитеры, но даже многіе епископы безпрепятственно оставались въ супружествѣ до конца VII вѣка. Къ числу таковыхъ епископовъ принадлежали изъ IV вѣка отецъ св. Григорія Богослова, бывшій епископомъ въ г. Назіанзѣ, и св. Григорій Нисскій, братъ св. Василія Великаго. Изъ писемъ-же папъ Сириція и Иннокентія (402 —416 г.) видно, что современные имъ епископы Греціи и Испаніи не имѣли сомнѣнія при рукоположеніи двубрачныхъ въ средѣ своего клира (Bingham, кн. VI, гл. 5, отд. 4), епископы Понта и Галатіи поступали также, а блаженный Ѳеодоритъ (422—457 г.) рукоположилъ двубрачнаго Иринея даже въ санъ епископа и свой поступокъ оправдывалъ практикой другихъ церквей и примѣромъ своихъ предшественниковъ на кирской епископской каѳедрѣ (Ep. 110 ad Dominum). Не сдѣлали никакихъ по сему предмету воспрещеній 2, 3, 4, 5 и 6-й вселенскіе соборы, изъ коихъ послѣдній собирался въ Константинополѣ въ 680 году. Но императоръ Юстиніанъ Ринотменъ (безносый), ревнуя о возвышеніи достоинства духовнаго чина, императорскою своею новеллою или приказомъ (Novella 123, п. 14) воспретилъ священнослужителямъ церкви вступать въ бракъ по рукоположеніи. Право свое давать подобные приказы, вѣроятно, онъ основывалъ на примѣрѣ недавнихъ своихъ предшественниковъ, издававшихъ приказы даже по предметамъ вѣры подъ названіемъ энотиковъ, *типосъ вѣры* и *изложеній вѣры*. За тѣмъ онъ предложилъ и трульскому собору, собравшемуся въ его дворцѣ въ 692 году, „считающихся въ клирѣ и другимъ преподающихъ божественная представити *чистыми* и непорочными служителями и очистити отъ скверны, прильнувшія къ нимъ отъ незаконныхъ браковъ“. Но

Библиотека "Руниверс"

справкѣ оказалось дѣйствительно не малое число пресвитеровъ и діаконовъ, живших тогда во 2-мъ бракѣ, а также вступившихъ въ бракъ съ вдовами и оженившихся по рукоположеніи (прав. 3). Соборъ нашелъ также, что въ Африкѣ, Ливіи и иныхъ мѣстахъ нѣкоторые изъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ не оставляютъ купно жити съ своими супругами и по совершившемся надъ ними рукоположеніи. Въ отмѣну казавшихся неправильностей, отцы собора опредѣлили возобновить древнее правило (*17-е апостольское*), гласившее, что „не можетъ быть ни епископомъ, ни пресвитеромъ, ни діакономъ, ниже вообще въ спискѣ священнаго чина, кто по крещеніи двумя браками обязанъ былъ или наложницу имѣлъ", и за тѣмъ, сославшись на 26-е апостольское правило, постановили: „да *отнынѣ* ни иподіаконъ, ни пресвитеръ не имѣетъ позволенія, по совершеніи надъ нимъ рукоположенія, вступати въ брачное сожительство". Состоявшихъ во второмъ бракѣ и вступившихъ въ бракъ по рукоположеніи соборъ разлучилъ съ женами, но священнодѣйствія имъ не воспретилъ подъ условіемъ разлученія съ женами (прав. 3-е л. 6). „Сверхъ сего, прилагая попеченіе о преуспѣяніи людей на лучшее", соборъ воспретилъ дальнѣйшее сожительство епископовъ съ ихъ женами, дозволенное апостольскими правилами 5 и 51-мъ, установивъ, чтобы жена производимаго въ епископское достоинство, разлучась предварительно съ своимъ мужемъ по общему согласію, вступила въ отдаленный отъ его пребыванія монастырь съ содержаніемъ отъ своего мужа (прав. 13 и 48). Впрочемъ, отцы собора изрекли тогда осужденіе и на требованіе, принятое въ римской церкви, чтобы пресвитеры и діаконы разлучались съ своими женами, съ которыми состояли въ бракѣ до рукоположенія. Соборомъ постановлено: не считать сожительство съ законною женою препятствіемъ къ возведенію въ санъ иподіакона, діакона и пресвитера, при чемъ соборъ сослался на слова Евангелія: *яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Матѳ. 19, 6) и слова апостола: *бракъ честенъ и ложе нескверно* (Евр. 13, 4); *привязался еси къ женѣ, не ищи разрѣшенія* (1. Кор. 7, 27). Неизвѣстно, однако, почему эти слова св. писанія не примѣнены тогда къ бракамъ епископовъ.

Указанныя сейчасъ постановленія трульскаго собора получили общеобязательную силу для всей церкви чрезъ 90 лѣтъ, по утвержденіи ихъ 7-мъ вселенскимъ соборомъ (778 г.), ко времени котораго

Библиотека "Руниверс"

большинство епископскихъ каѳедръ замѣщено было уже монахами по распоряженію императрицы Ирины.

Впрочемъ и послѣ 7-го вселенскаго собора держался еще нѣкоторое время въ византійской имперіи обычай, по которому духовныя лица вступали въ супружество, спустя два года по своемъ рукоположеніи; окончательно прекращено это уже въ половинѣ IX вѣка новеллою императора Льва Философа (novella, 3).

Что-же побуждало церковь стѣснять свободу первыхъ вѣковъ христіанства и издавать постановленія относительно брака священнослужителей вообще и брака епископовъ въ частности, хотя подъ видомъ „прехожденія на лучшее“, но, тѣмъ не менѣе, въ отмѣну нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ апостольскихъ правилъ? Конечно могло здѣсь имѣть силу и предположеніе о недостаткѣ нравственной воздержности, требуемой отъ совершителей таинствъ, а женитьба на вдовѣ могла казаться обстоятельствомъ иногда не вполнѣ благопріятнымъ для гармоніи семейной жизни священнослужителя церкви; но какъ нерѣдко второбрачный могъ быть нравственно выше и чище первобрачнаго, а бракъ со вдовою могъ также иногда удовлетворять нравственнымъ требованіямъ не менѣе брака съ дѣвой, то источникомъ запрещеній, положенныхъ въ соборныхъ правилахъ о бракахъ священнослужителей церкви, не могло быть одно обезпеченіе нравственныхъ требованій отъ клира. Главное значеніе здѣсь имѣли внѣшнія, случайныя обстоятельства, съ которыми правители вселенской церкви не могли не считаться. Такими обстоятельствами были съ одной стороны подмѣсь къ христіанскому ученію антихристіанскихъ элементовъ еллинской философіи и восточной ѳеософіи, проявившаяся въ *гностицизмѣ* и *манихействѣ*, съ другой стороны — реакція въ самой церкви христіанской, сказавшаяся стремленіемъ замѣнить нравственность аскетизмомъ и ввести въ жизнь строжайшій ригоризмъ, поставляя задачей христіанства не очищеніе, а умерщвленіе плоти.

Обстоятельства эти таковы. *Гностицизмъ* съ своимъ дуалистическимъ ученіемъ о противоположности духа и матеріи, какъ началахъ добра и зла, и съ требованіемъ строжайшаго аскетизма для освобожденія духа отъ матеріи или, что тоже, для спасенія, проникъ весьма рано въ христіанскую церковь. Зародыши его уже видѣлъ апостолъ Павелъ (Дѣян. 20, 29, 30). Не замедлили явиться

Библиотека "Руниверс"

и предсказанные имъ *лжесловесники*, запрещавшіе вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ (1 Тим. IV, 3). Поставляя искупленіе въ порабощеніи матеріи и освобожденіи отъ нея, *Василидъ* въ Александріи и его соученикъ *Сатурнинъ* въ Антіохіи, для достиженія этого спасенія, какъ побѣды духа надъ матеріею, рекомендовали уже избѣгать не только употребленія мяса, но въ особенности брака, какъ дѣла сатаны. Тоже проповѣдывали основатель секты Енкратитовъ (воздержныхъ) *Татіанъ*, б. ученикъ Іустина мученика, впавшій въ гностицизмъ по смерти своего учителя, и *Маркіонъ*, учившій сначала въ Римѣ, а потомъ въ Антіохіи въ началѣ II вѣка. Еще дальше пошли въ семъ направленіи *манихеи*, появившіеся первоначально въ Персіи и распространившіеся въ въ III вѣкѣ главнымъ образомъ въ римской имперіи, и преимущественно въ Африкѣ, Сициліи и Италіи, гдѣ имѣли много приверженцевъ до VI вѣка: задавшись мыслію соединить христіанство съ парсизмомъ и эту смѣсь сдѣлать всемірною религіею, они подвергли воспрещенію не только бракъ и мясо, но также употребленіе вина и даже молока, требуя строжайшаго аскетизма отъ своихъ послѣдователей, чтобы доставить свѣтлой душѣ господство надъ душею злою чрезъ усвоеніе элементовъ свѣта, разсѣянныхъ въ природѣ и преимущественно въ растеніяхъ.

Еще болѣе благопріятный пріемъ нашли себѣ ригористическія крайности въ ученіи о церковной дисциплинѣ новообращеннаго въ христіанство фригійца *Монтана*, появившіяся въ половинѣ II вѣка. Дозволяя женщинамъ только траурную одежду вмѣсто всякихъ украшеній и нарядовъ и воспретивъ мущинамъ науки и искусства, военную и государственную службу, Монтанъ сдѣлалъ обязательными для всѣхъ посты, которые до того времени предоставлялись волѣ каждаго, и училъ, что брака должны, по возможности, избѣгать всѣ, по крайней мѣрѣ, жениться только одинъ разъ въ жизни; второй бракъ—грѣхъ. Ученіе это, оправдывавшее себя стремленіемъ къ возвышенію нравственной чистоты, считалось въ началѣ безвреднымъ и у такихъ учителей, каковъ былъ Иринеи Ліонскій, а другіе готовы были признать это ученіе даже спасительною *солію* церкви. *Тертулліанъ*-же прямо защищалъ его въ своихъ сочиненіяхъ о единобрачіи, постахъ и друг., написанныхъ по вступленіи въ секту монтанистовъ; въ особенности много послѣдователей нашли

Библиотека "Руниверс"

себѣ монтанисты въ Римѣ, который и безъ того былъ уже склоненъ къ ригоризму.

Церковь не могла признать аскетизмъ общимъ требованіемъ; но подъ вліяніемъ идей монтанизма, подкрѣпленныхъ не менѣе ригористическимъ ученіемъ отдѣлившагося отъ римской церкви пресвитера Новата о покаяніи и чистотѣ христіанъ, не трудно было многимъ дойти до осужденія втораго брака, а въ безбрачіи видѣть характеристическое отличіе христіанской нравственности отъ ветхозавѣтной. Еще легче было дойти до мысли о несовмѣстимости супружества съ достоинствомъ священнаго сана. Естественнымъ послѣдствіемъ сего была возможность выступить на 1-мъ вселенскомъ соборѣ съ требованіемъ сдѣлать безбрачіе обязательнымъ для всѣхъ священнослужителей церкви. Вселенскій соборъ не возложилъ на всѣхъ посвященныхъ мужей этого неудобоносимаго ига, но тѣмъ не менѣе мысль о безбрачіи священства не оставлена и, не долго спустя послѣ сего, Евстаѳій севастійскій (355 г.), ученикъ Арія, дошелъ до безусловнаго отверженія брака, такъ что его приверженцы не хотѣли признавать ни одного женатаго священника, а, по свидѣтельству Григорія Богослова, и въ его время (381 г.) многіе желали принимать таинства отъ епископовъ и пресвитеровъ только неженатыхъ (orat. 40 de baptism).

Противудѣйствуя такому ученію лжесловесниковъ, сожженныхъ своею совѣстію, осуждавшихъ *бракъ честенъ и ложе нескверно* (Евр. 13, 4) и возбранявшихъ жениться, церковь то произносила клятву на порицавшихъ бракъ съ вѣрною и благочестивою женою и превозносившихся дѣвствомъ надъ бракосочетавшимися, а также на уклонявшихся причащенія отъ женатаго пресвитера (Гангр. прав. 1, 10, 4-е), то ограждала брачное право церковнаго клира постановленіями, направленными противъ гностическаго и ригористическаго ученія о пищѣ, винѣ и бракѣ. Постановленія эти выражены въ слѣдующихъ правилахъ апостольскихъ: 5, 51, 53: „Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ да не изгонитъ жены своея подъ видомъ благочестія. Аще-же изгонитъ, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго, и, оставаясь непреклоннымъ, да будетъ изверженъ отъ священнаго чина"; „Аще епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или вообще изъ священнаго чина, удаляется отъ брака, и мяса, и вина, не ради подвига воздержанія, но по причинѣ гну-

Библиотека "Руниверс"

шенія, забывъ, что вся добра зѣло, и что Богъ, созидая человѣка, мужа и жену сотворилъ ихъ, и такимъ образомъ клевещетъ на созданіе: или да исправится, или да будетъ изверженъ изъ священнаго чина и отверженъ отъ церкви, такожде и мірянинъ"; „Аще кто, епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ во дни праздниковъ не вкушаетъ мясъ и вина, гнушаяся, а не ради подвига воздержанія: да будетъ изверженъ, яко сожженный въ собственной совѣсти и бывающій виною соблазна многихъ". Но уступая обстоятельствамъ, чтобы не подавать соблазна немощнымъ, увлекавшимся внѣшнею чистотою послѣдователей Монтана, церковь должна была по временамъ допускать и нѣкоторыя ограниченія относительно брака лицъ церковнаго клира, воспрещая имъ то, чѣмъ соблазнялись немощные въ вѣрѣ, напримѣръ: запрещая священнослужителямъ вступленіе въ бракъ съ вдовою, чѣмъ не только епископы, но и пресвитеры и діаконы приравнивались въ семъ отношеніи къ ветхозавѣтнымъ первосвященникамъ, то не дозволяя состоящимъ въ клирѣ ни второбрачія, ни вступленія въ бракъ по рукоположеніи, то допуская къ епископству преимущественно лицъ безбрачныхъ. Впрочемъ, церковь дѣлала иногда и послабленія въ томъ или другомъ отношеніи, какъ это видно изъ 10-го правила анкир. собора, которымъ діаконамъ предоставлялось вступать въ бракъ и по рукоположеніи, и изъ 3-го правила трульскаго собора, которымъ разрѣшалось священнодѣйствіе не только діаконамъ, но и пресвитерамъ, до 5-го генваря 692 года вступившимъ въ бракъ съ вдовою или въ первый бракъ по рукоположеніи.

И такъ историческія указанія приводятъ къ тому заключенію, что воспрещеніе втораго брака пресвитеровъ и діаконовъ, а также безбрачіе епископовъ явились въ опредѣленной формѣ соборнаго правила въ слѣдствіе охужденія брака вообще и брака священнослужителей въ частности со стороны лжеучителей и ревнителей не по разуму Христову; что оно вызвано особенными, временными обстоятельствами церкви и было уступкою давленію этихъ обстоятельствъ, давно уже миновавшихъ.

Помѣстный соборъ какой либо частной церкви не можетъ своею властію отмѣнить того, что одобрено вселенскимъ соборомъ. Но если принять во вниманіе во 1-хъ то, что 17-е апостольское правило, на основаніи котораго трульскій соборъ воспретилъ священ-

Библиотека "Руниверс"

нослужителямъ вступленіе во второй бракъ, имѣетъ основаніе только въ словахъ апостола Павла: *подобаетъ епископу быти единыя жены мужу* (1. Тимоѳ. 3, 2), а по изъясненію св. Іоанна Златоуста и Ѳеодорита, жившихъ 3-мя вѣками раньше трульскаго собора, словами этими воспрещается рукополагать только тѣхъ, которые, по принятіи христіанства, имѣли двухъ женъ одновременно, или, оставляя однихъ женъ безъ причины, при ихъ жизни вступали въ бракъ съ другими, т. е. воспрещается рукополагать *многоженцевъ*; во 2-хъ, что 17-е апостольское правило, понимаемое въ смыслѣ воспрещенія 2-го правильнаго брака, стояло-бы въ противорѣчіи съ 19-мъ апостольскимъ правиломъ, которымъ воспрещается священство только имѣвшимъ въ супружествѣ двухъ сестеръ, а не вообще безбрачнымъ, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ, что теперь, когда не существуютъ поводы, вызывавшіе ограниченіе брака священно-служителей церкви, церковь могла-бы въ особыхъ случаяхъ дозволять нѣкоторое отступленіе отъ правила трульскаго собора, которымъ воспрещенъ вторый бракъ священниковъ и діаконовъ, тѣмъ болѣе, что и самъ трульскій соборъ сдѣлалъ изъятіе изъ этого правила для священнослужителей, оказавшихся тогда во второмъ бракѣ. И намъ кажется, что правительственная власть церкви могла-бы допускать это даже съ большимъ правомъ, чѣмъ съ какимъ допускается широко практикуемое нынѣ сложеніе св. сана овдовѣвшими священниками и діаконами, не дозволявшееся прежде у насъ и не дозволяемое въ римской церкви. Во всякомъ случаѣ, по нашему убѣжденію, соблазна отъ второбрачія священника или діакона, въ особенности съ перемѣщеніемъ таковаго въ другую епархію и даже въ другой уѣздъ той-же епархіи, будетъ меньше, чѣмъ сколько случается нынѣ отъ умноженія чиновниковъ изъ бывшихъ духовниковъ, которымъ ввѣрялись тайны вѣрующихъ душъ.

Безъ сомнѣнія такими-же соображеніями руководился и нашъ св. синодъ, оказавъ отеческое снисхожденіе двоеженцамъ изъ воссоединенныхъ отъ уніи священниковъ, принявъ при семъ въ уваженіе въ особенности то, что прихожане нисколько не соблазнялись ихъ двоебрачіемъ и не считали его препятствіемъ къ прохожденію священнической должности.

Библиотека "Руниверс"

Помянемъ-же благодарнымъ словомъ мудрыхъ и благосердныхъ членовъ святѣйшаго правительствующаго синода, правившихъ тогда россійскою церковію. А судящій строго о сдѣланномъ допущеніи второбрачныхъ пресвитеровъ къ продолженію священнослуженія пусть вспомнитъ, что въ евангельскомъ родословіи Іисуса Христа есть второбрачные праотцы и праматери и что второбрачныхъ можно найти также въ числѣ святыхъ мужей и св. женъ христіанской церкви.

С. Ц.

ДВѢ РЕВИЗІИ.

(НЕМИРОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ ВЪ КОНЦѢ 40-ХЪ ГОДОВЪ).

Однажды утромъ, пришедши въ гимназію, мы узнали отъ всевѣдущаго директорскаго мажордома, надзирателя Е. И. Корсуна, что въ первомъ часу ночи пріѣхалъ ревизоръ, Матвѣй Матвѣевичъ, и остановился не у директора, какъ это дѣлалось прежде, а въ домѣ, занимаемомъ больницей. „Представленіе“ назначено въ 9 часовъ, въ полной парадной формѣ. Разошлась наша ученая братія по квартирамъ, пріодѣлась въ мундиры и собралась въ залу ожидать прибытія г. ревизора.

— Идетъ! идетъ! возгласилъ Ефимъ Ивановичъ, показавшись въ дверяхъ и махая рукой, чтобъ не шумѣли.

Директоръ, не смѣшиваясь съ толпой, выжидалъ незваннаго гостя гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и, какъ только изъ своей засады замѣтилъ, что Матвѣй Матвѣевичъ шествуетъ въ гимназію *даже* не въ вицмундирѣ, а просто въ черномъ сюртукѣ,—ту-жъ минуту задними воротами прошмыгнулъ домой, сбросилъ мундиръ и явился въ залу въ вицмундирѣ. Его оскорбило такое пренебреженіе ревизора къ цѣлой корпораціи наставниковъ, а еще болѣе къ нему—извѣстному въ цѣломъ округѣ Зимовскому, облачившемуся было въ полную парадную форму для какого нибудь инспектора казенныхъ училищъ.

Представлены мы были ревизору по одиночкѣ, при чемъ онъ держалъ себя съ величайшимъ достоинствомъ, удостоивая разговора только нѣкоторыхъ, лично ему извѣстныхъ учителей, и наставляя правое ухо къ самому рту говорившаго. Должно быть ревизоръ

Библиотека "Руниверс"

не пользовался хорошимъ слухомъ, а можетъ онъ дѣлалъ это для большей важности.

И откуда, подумаешь, берется эта важность у людей, облеченныхъ властію и полномочіемъ контролировать дѣйствія другихъ? И что такое былъ ревизоръ? Просто Матвѣй Матвѣевичъ, слоняющійся до полученія должности инспектора, т. е. до 1843 года, впродолженіи 15 лѣтъ, то по канцеляріямъ разныхъ министерствъ, то по типографіямъ. Хотя въ книгѣ „Лицей кн. Безбородка“ образованіе его названо „многосторонним“, на томъ-де основаніи, что онъ получилъ его не тамъ, гдѣ получаютъ обыкновенные смертные, а за границей, въ страсбургскомъ университетѣ; но, во-первыхъ, если его образованіе и было многосторонним, то оно давно испарилось и выдохлось вмѣстѣ съ французскими духами, вывезенными изъ Парижа, а, во-вторыхъ, мы позволимъ себѣ сильно усомниться не только въ многосторонности его образованія, но даже и въ основательномъ знаніи когда нибудь и какой нибудь науки. О разнообразіи его познаній, вѣроятно, наши педагоги заключили изъ того, что онъ во время ревизій „мѣшался во всѣ предметы“; но вѣдь гимназическій курсъ не Богъ знаетъ какая мудрость, да онъ и того не зналъ. Отправляясь на ревизію, Матвѣй Матвѣевичъ бралъ съ собой всѣ учебники и, идучи въ гимназію, вызубривалъ какую нибудь теорему по геометріи, прочитывалъ страницъ пять изъ исторіи, замѣчалъ годы важнѣйшихъ событій и изумлялъ недальновидное учительство своею „многосторонностію“. Я вполнѣ убѣжденъ, что онъ, кромѣ французскаго языка, ничего не зналъ основательно, кромѣ скандалезныхъ романовъ французской стряпни, ничего не читалъ, кромѣ официальныхъ бумагъ за такимъ-то номеромъ и нѣжныхъ billet doux къ кокоткамъ, безъ всякаго нумера, никогда ничего не писалъ и вынесъ изъ заграницы только искусство одѣваться по послѣдней модѣ, шнуроваться, какъ старая дѣва, въ корсеты, чернить волосы, бѣлиться и румяниться, да самый утонченный развратъ, какимъ только славятся чистокровные парижане.

По окончаніи комедіи „представленія“ намъ предложено разойтись по классамъ. Ревизоръ и директоръ остались въ залѣ одни. Между ними было что-то не ладно. Матвѣй Матвѣевичъ видимо придирался къ директору, между тѣмъ какъ за годъ предъ тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

нашелъ все въ кемировской гимназіи въ примѣрномъ порядкѣ. Дѣло разъяснилось послѣ: въ первую ревизію онъ занялъ у директора деньги, въ которыхъ постоянно нуждался; но Егоръ Яковлевичъ не промахъ: онъ взялъ вексель на имя своей супруги, которая, по пріѣздѣ своего мнимаго кредитора, немедленно, черезъ Корсуна, напомнила ему о долгѣ—inde ira.....

Не приступая въ первый день къ осмотру учебной части, визитаторъ принялся за хозяйственную. Общія ученическія квартиры у насъ содержались въ образцовомъ порядкѣ; стало быть, по этой статьѣ не предвидѣлось никакихъ дефектовъ. Но Матвѣй Матвѣевичъ съумѣлъ и тутъ найти недостатки. Осматривая дортуары и переворачивая вверхъ дномъ каждую постель, онъ отыскалъ гдѣ-то клопа.

— Однако-жъ, у васъ въ спальняхъ довольно таки и гадости, обратился онъ къ директору. Смотритъ Егоръ Яковлевичъ, и глазамъ своимъ не вѣритъ: клопъ, дѣйствительно клопъ, живехонькій, откормленный ученическимъ тѣломъ!... Какой для гордости ударъ! Онъ, который не допускаетъ въ „своемъ заведеніи“ ни одного посторонняго атома, онъ, который искалъ пыли на печкахъ и подъ ножками табуретовъ и кроватей, уличенъ въ недосмотрѣ и небрежности по службѣ! Нѣтъ, я отказываюсь вѣрить тому, что-бы ревизоръ нашелъ клопа въ кровати: онъ вѣрно его принесъ съ собой, чтобы досадить Егору Яковлевичу. Чего не сдѣлаетъ человѣкъ, коли захочетъ нагадить своему ближнему?

Ну, да и досталось-же этому несчастному клопу, за одно съ надзирателемъ Мальцовымъ, въ отдѣленіи коего найдено это противное животное!

Едва только вышелъ Матвѣй Матвѣевичъ къ себѣ на квартиру пить кофе, какъ директоръ предался неистовымъ порывамъ бѣшенства. Прежде всего онъ казнилъ клопа: схвативъ большой поварской ножъ, принесенный наверхъ въ числѣ другихъ кухонныхъ принадлежностей для осмотра, онъ пронзилъ его навылетъ и, держа на остріѣ ножа, поднесъ подъ самый носъ штабсъ-капитану Мальцову.

— Василій Ивановичъ, что это? Смотрите, смотрите! понюхайте! приговаривалъ директоръ, тыкая ножомъ подъ самый носъ Мальцову: что это? смотрите!

Библиотека "Руниверс"

— Клопъ-съ! отвѣчаетъ Василій Ивановичъ, откидывая назадъ голову, чтобъ уклониться отъ ножа.

— Да вы хорошенько присмотритесь: что это? а?

— Да я вижу, Егоръ Яковлевичъ, клопъ-съ, настоящій, какъ есть, клопъ...

— Понюхайте-же, понюхайте, понюхайте! продолжаетъ наступать на пятившагося къ печкѣ надзирателя, съ тѣмъ-же самымъ отвѣтомъ: клопъ-съ, я вижу, клопъ...

Но какъ ни бѣсновался директоръ, ураганомъ носясь съ клопомъ по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ общей квартиры, въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ; а потому, не желая получить замѣчанія отъ попечителя за какое-нибудь ничтожное насѣкомое, онъ перемѣнилъ тактику въ отношеніи ревизора, отсрочивъ уплату по векселю на неопредѣленное время. Иначе, чѣмъ объяснить случившуюся на другой день перемѣну въ обхожденіи визитатора, какъ съ самимъ начальникомъ, такъ и со всѣми прочими чиновниками? Даже все то, что вчера было дурно, на другой день стало хорошо.

Ревизія части учебной состояла въ хожденіи по классамъ на уроки преподавателей, въ слушаніи учительскихъ объясненій и спрашиваніи учениковъ. Мнѣніе г. ревизора о достоинствахъ и недостаткахъ каждаго учителя всегда почти при визитаціяхъ согласовалось съ мнѣніемъ начальника гимназіи: какія очки надѣнетъ онъ визитатору, черезъ такія тотъ и смотритъ на преподавателя. Правъ или неправъ директоръ въ своихъ рѣшительныхъ приговорахъ о способностяхъ учителя, этого ревизоры не старались доискиваться. Дѣйствуя по принципу поддержанія авторитета начальника заведенія всѣми правдами и неправдами, тѣмъ они ставили несчастныхъ тружениковъ внѣ покровительства законовъ. Не разсуждать, а безпрекословно исполнять волю начальства—вотъ все, что требовалось отъ чиновника, желавшаго заслужить хорошее о себѣ мнѣніе высшаго начальства.

У меня ревизоръ былъ въ V классѣ, гдѣ преподавалась тогда пресловутая риторика Кошанскаго, которую я, по возможности, замѣнялъ собственными записками. Въ присутствіи именитаго гостя, мнѣ пришлось читать о судебномъ краснорѣчіи въ Римѣ. Для образца этого рода ораторскихъ рѣчей я избралъ рѣчь Цицерона

Библиотека "Руниверс"

pro Milone. Желая познакомить своихъ слушателей съ обстоятельствами дѣла, вызвавшими этотъ замѣчательный уголовный процессъ, я коснулся, на сколько было нужно, республиканскаго образа правленія въ Римѣ, стараясь нагляднѣе представить жизнь древняго римлянина; затѣмъ приступилъ къ изложенію содержанія самой рѣчи и прочелъ изъ нея, по переводу Гриневича, лучшіе отрывки.

По моему крайнему разумѣнію, лишняго я ничего не сказалъ, какъ говорится, не проговорился; между тѣмъ, г. ревизоръ сдѣлалъ мнѣ конфиденціальное замѣчаніе, якобы за высказанное мною сочувствіе къ республикѣ, чего никоимъ образомъ нельзя допускать въ русскомъ учебномъ заведеніи, и въ особенности такомъ, гдѣ большинство учащихся состоитъ изъ поляковъ, которымъ слѣдуетъ внушать мысли въ духѣ православія, самодержавія и народности.

— Это, милостивый государь, основы нашего могущества и благосостоянія, да-съ!—заключилъ ревизоръ свое наставленіе и зачавкалъ губами, для большаго апломбу.

На другой день послѣ этого Матвѣй Матвѣевичъ уѣхалъ. До первой станціи, т. е. до города Липовца, отстоящаго отъ Немирова на 35 верстъ, г. ревизора, неизвѣстно для чего, сопровождалъ надзиратель Корсунъ, помѣстившись на запяткахъ вмѣсто лакея, въ форменномъ вицмундирѣ.

Бывшая при мнѣ въ немировской гимназіи другая ревизія немножко покурьезнѣе. Къ намъ прибылъ, скоро послѣ своего назначенія, попечитель округа, генералъ-маіоръ Траскинъ.

Первый дебютъ его на совершенно незнакомомъ ему поприщѣ —пріемка построеннаго гр. Браницкимъ для гимназіи зданія въ м. Бѣлой-Церкви. Сначала, говорятъ, генералъ, по своему обыкновенію, сильно раскричался, найдя капитальные недостатки въ постройкахъ; но потомъ, когда главноуправляющій графскими имѣніями Пржемыцкій, подвезши его къ зданію на лихой четверкѣ заводскихъ лошадей, которыя его превосходительству очень приглянулись, предложилъ вопросъ: какъ вы полагаете, генералъ, вывезетъ-ли эта четверка бѣлоцерковскую гимназію, или нѣтъ?

Библиотека "Руниверс"

— Пожалуй, что вывезетъ, отвѣчалъ генералъ и расхохотался остроумной выходкѣ Пржесмыцкаго.

Зданіе найдено во всѣхъ частяхъ удовлетворительнымъ, хотя многаго-бы еще можно было пожелать для приведенія его въ надлежащій видъ; но за то Траскинъ уѣхалъ въ Кіевъ на собственной четверкѣ.

Занимая, до своего назначенія попечителемъ, должность начальника штаба на Кавказѣ и совершенно незнакомый съ устройствомъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства, генералъ Траскинъ, приступивъ къ осмотру гимназій ввѣреннаго ему округа, вообразилъ, что онъ дѣлаетъ смотръ войскамъ. Мужчина чудовищно-тучный, съ рыканіемъ льва вмѣсто обыкновеннаго человѣческаго голоса, онъ могъ-бы навести страхъ на самыхъ неустрашимыхъ воиновъ, а не то что на насъ, смиренныхъ педагоговъ, у которыхъ и душа въ пятки ушла, какъ только послышался на гимназическомъ дворѣ зычный голосъ его п-ва.

— Я всю подноготную узнаю! Нѣтъ, братъ, меня не проведешь— дудки! да! я всю подноготную узнаю!

Такъ оралъ генералъ, идя по двору въ классы, въ сопровожденіи директора, разумѣется, въ полной парадной формѣ.

— Не прикажете-ли, в. п-во, представить вамъ чиновниковъ ввѣреннаго мнѣ заведенія? смиренно спрашивалъ директоръ.

— Не нужно мнѣ вашего представленія. Маршъ по своимъ мѣстамъ! Я ихъ тамъ ужо! Я всю подноготную узнаю!

Всѣ имѣвшіе уроки учителя въ припрыжку поспѣшили каждый вскочить въ свой классъ, и тамъ ожидали рѣшенія своей участи.

— Съ какого класса, ваше п-во, угодно будетъ вамъ начать ревизію: съ перваго или съ седмаго? спросилъ директоръ.

— Разумѣется, съ перваго; нечего и спрашивать.

Вошли въ первый классъ. Генералъ прямо полѣзъ на каѳедру и, охая, сѣлъ на учительскій стулъ, сильно подъ нимъ затрещавшій: онъ уже утомился, не приступая къ ревизіи, и едва доползъ до стула.

— Что у васъ тутъ? обратился ревизоръ къ учителю Казиміру Петровичу Чарнецкому (это былъ послѣдній изъ могиканъ прежнихъ польскихъ школъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій).

— Латинскій языкъ, ваше п-во, отвѣчалъ тотъ, кланяясь въ поясъ.

Библиотека "Руниверс"

— Подавай сюда латинскій языкъ! рявкнулъ сердито генералъ.

— Вашему п-ву угодно будетъ самимъ вызвать ученика? спрашиваетъ директоръ.

— Вотъ еще что выдумали! вызывайте сами! обратился онъ къ учителю, не поворачивая головы къ директору.

Чарнецкій вызвалъ что ни на есть лучшаго мальчугана, который, не робѣя, могъ отвѣчать на какіе угодно вопросы.

— Угодно вашему п-ву предложить вопросъ? опять спрашиваетъ директоръ.

— Да что вы ко мнѣ пристаете? Неужели я самъ долженъ экзаменовать ученика, когда учитель на лицо? Ну, спросите этого пузыря! обратился генералъ къ Казиміру Петровичу.

— Проскланяй намъ mensa, вопрошаетъ учитель.

— Nom. mensa, gen. mensae, dat. mensae, accus. mensam, abl. mensa, отбарабанилъ, не переводя духу мальчуганъ.

— Да ты, братецъ, лучше меня по латыни знаешь! похвалилъ его генералъ.

Поощренный такой похвалой Казиміръ нашъ, искрививъ нижнюю губу во что-то похожее на улыбку и держа весь корпусъ на перевѣсъ, обратился къ генералу:

— Ваше п-во! Онъ и множественное число умѣетъ — прикажете просклонять?

— Довольно, довольно! застоналъ генералъ: уморили вы меня совсѣмъ!...

Вслѣдъ затѣмъ затрещалъ учительскій стулъ. Генералъ съ усиліемъ приподнялся и вышелъ изъ класса, въ сопровожденіи директора.

Въ томъ-же родѣ производились испытанія и въ другихъ классахъ. Значитъ, сдержалъ свое генеральское слово: узналъ всю подноготную!

— У васъ что такое? обратился генералъ ко мнѣ, ввалившись въ VI классъ и занявши мое мѣсто на каоедрѣ.

— Логика, ваше п-во! отвѣчалъ я, придерживая шпагу.

— Лоика, лоика! передразнилъ меня генералъ: а подавайте сюда лоику!

— Сегодня, ваше пр-во, мы занимаемся силлогизмами.

Библиотека "Руниверс"

— Силлогизмы, силлогизмы! опять передразнилъ меня: а ну-ка, силлогизма!

Замѣтивъ, что г. визитаторъ не изъ серьёзныхъ людей, а любитъ больше курьёзы, я, потѣхи ради, заставилъ одного ученика составить *рогатый* силлогизмъ, другаго—*плѣшивый*, третьяго—*кучу*, такъ что мой генералъ животикъ надорвалъ, пока не переслушалъ всѣхъ этихъ софистическихъ фокусовъ.

— Довольно! Уморилъ меня совсѣмъ! завопилъ генералъ и двинулся по корридору, едва передвигая ноги, въ VII классъ.

Окончивъ такимъ манеромъ ревизію учебной части и узнавъ всю ея подноготную, генералъ велѣлъ распустить учениковъ по домамъ. Во время выхода учениковъ изъ классовъ, онъ обратился къ директору съ вопросомъ: скоро-ли подадутъ въ общихъ квартирахъ обѣдъ? Директоръ отвѣчалъ: какъ прикажете—хоть сейчасъ.

— Но не угодно-ли вашему пр-ву, пока подадутъ обѣдъ, осмотрѣть нашу библіотеку и физическій кабинетъ?

— А гдѣ у васъ физическій кабинетъ?

— Въ зданіи общихъ квартиръ, на второмъ этажѣ.

— Ахъ, зачѣмъ вы туда его запровадили? скорчивъ кислую мину, упрекнулъ генералъ директора.

— Учитель, ваше п-во, нашелъ, что тамъ кабинету удобнѣе, такъ какъ при немъ устроенъ классъ для физическихъ опытовъ, пояснилъ директоръ.

— Учитель? учитель? крикнулъ во все горло генералъ, уставляясь на меня своими буркалами: учитель долженъ логику позабыть, коли начальникъ приказываетъ.

Вѣроятно, смѣшавъ физику съ логикой, генералъ накинулся на меня, принявъ меня за того вольнодумца, который позволилъ себѣ разсуждать, что физику необходимо читать въ самомъ кабинетѣ. Я промолчалъ, считая безполезнымъ разъяснять генералу такое уморительное qui pro quo. Это-бы, конечно, долженъ былъ сдѣлать г. директоръ, но онъ до того восхищенъ былъ генеральскимъ афоризмомъ, что даже въ его присутствіи не удержался прогуляться на мой счетъ: подавшись корпусомъ въ мою сторону, онъ сказалъ съ ѣдкою улыбкой: „слышите, слышите М. К., что говоритъ г. попечитель? Учитель долженъ логику позабыть, коли начальникъ приказываетъ. Примите это къ свѣдѣнію“!

Библиотека "Руниверс"

— Обѣдъ готовъ, что-ли? зарычалъ генералъ, держась обѣими руками за животикъ.

— Если, ваше п-во, прикажете, я велю позвонить.

— Да я-же вамъ говорилъ уже, что пора.

Раздался звонокъ, и генералъ, кряхтя, отправился на 2-й этажъ. Началъ онъ съ перваго отдѣленія, гдѣ обѣдъ былъ попроще; съѣлъ тамъ всѣ три блюда пробной порціи, крякнулъ и перешелъ во 2-е отдѣленіе, гдѣ тоже скушалъ пробную порцію съ аппетитомъ; а когда пришелъ въ 3-е отдѣленіе, гдѣ обѣдъ былъ сравнительно превосходнѣе, то пробной порціи оказалось ему мало, и онъ потребовалъ къ послѣднему блюду прибавки.

Уписавши съ Божіей помощью три обѣда, генералъ до того отяжелѣлъ, что уже не могъ произнести ни одного слова, съ великимъ трудомъ сошелъ съ лѣстницы, сѣлъ въ коляску и отправился въ палацъ, гдѣ, по приглашенію гр. Браницкаго, онъ имѣлъ квартиру на время ревизіи. Тамъ, спустя часъ съ небольшимъ, ему предложили завтракъ и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, кушалъ преисправно. Наконецъ многотрудный для его пр-ва день закончился въ 6 часовъ отличнымъ обѣдомъ, котораго menu согласовалось съ гастрономическимъ вкусомъ такого небывалаго гостя, на котораго паны, страдающіе вѣчнымъ катаромъ желудка, смотрѣли съ завистью, удивляясь невиданному ими аппетиту русскаго генерала.

Въ день отъѣзда попечителя, директоръ отправился въ палацъ прощаться. Съ увѣренностью человѣка, у котораго все идетъ отлично, Егоръ Яковлевичъ обратился къ его п-ву съ покорнѣйшею просьбою высказать ему свое мнѣніе о результатахъ ревизіи, чтобы, воспользовавшись замѣченными недостатками, на будущее время еще больше усовершенствовать „свое заведеніе“. Генералъ, вообще не любившій, когда тревожили его умственный покой и требовали отъ его мозговъ какихъ-нибудь соображеній, смотрѣлъ осовѣлыми глазами на директора, стараясь хоть что-нибудь припомнить изъ того, что онъ видѣлъ въ гимназіи, и первое, что ему взбрело на мысль, онъ и поставилъ на видъ назойливому проходу.

— У васъ въ больницѣ часы стоятъ, а вѣдь этого, батенька, допустить нельзя: больные по часамъ лѣкарства принимаютъ-съ. Вотъ вамъ и все, что я замѣтилъ, больше не спрашивайте.

Библиотека "Руниверс"

Да, все! какъ-бы не такъ! О, если-бы вы, ваше пр-во, дѣйствительно узнали всю подноготную не на словахъ, а на дѣлѣ, еслибы вы соблаговолили покопаться въ закулисномъ мірѣ, прикрытомъ снаружи красивыми декораціями: вы бы нашли тамъ всѣ тѣ машины, колеса, веревки и другія орудія, которыми нашъ ловкій фокусникъ незримо приводитъ въ дѣйствіе свой кукольный театръ, исполняя во время самаго дѣйствія то шутовскую роль полишинеля, то самаго дьявола, исконнаго врага всего, что носитъ названіе правды, добра и справедливости. Полюбовавшись красивыми декораціями „его заведенія“, вы только замѣтили остановившіеся часы и то только потому, что они замедлили время насыщенія вашей неизмѣримой утробы, а еслибы вы заглянули за кулисы, вы-бы спросили: куда дѣваются экономическія суммы, скопленныя всѣми правдами и неправдами? Куда дѣвались серебряныя, 84 пробы, ложки, внесенныя втеченіе 10 лѣтъ воспитанниками, при поступленіи въ общую квартиру? Вы-бы узнали, что они хранятся въ директорскихъ сундукахъ и еще недавно, во время всеобщей паники, наведенной на мѣстечко разбойничьей шайкой Рахальскаго, два сундука съ ложками были спрятаны церковнымъ старостой Корсуномъ въ гимназической церкви въ алтарѣ, подъ престоломъ. Вы-бы наконецъ узнали, сколько пущено по міру подрядчиковъ общей квартиры, гдѣ обѣды вамъ такъ понравились. Вы-бы узнали, какую пытку претерпѣваютъ служащіе подъ начальствомъ этого проходимца, въ какомъ состояніи находится нравственность учащихся, какъ плохо идетъ учебная часть, благодаря тому обстоятельству, что г. директоръ боится бриться острыми бритвами, а пользуется тупыми, старыми и зазубренными. М. К. Чалый.

ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА.

Помѣщаемые здѣсь три документа присланы намъ при слѣдующемъ письмѣ:

„М. Г. Въ разбросанныхъ грудахъ старыхъ рукописей бывшаго холмскаго архива есть множество документовъ латино-польскаго и русскаго письма, между которыми многіе имѣютъ важное значеніе и непосредственное отношеніе къ политической и церковной исторіи

Библиотека "Руниверс"

западныхъ областей нынѣшней Россіи. Хорошо сохранившіеся и полные манускрипты будутъ, по всей вѣроятности, приведены въ порядокъ и составятъ доступную для науки часть открываемаго въ скоромъ времени въ г. Холмѣ историко-археологическаго музея, отрывки-же и поврежденныя или разрозненныя неполныя рукописи, не имѣя особой цѣнности для музея и оставшись, такимъ образомъ, внѣ его стѣнъ, могутъ представлять, тѣмъ не менѣе, интересъ и, изданные въ печати, послужатъ при случаѣ путеводной нитью и указаніями при разныхъ археологическихъ и историческихъ разысканіяхъ. Это послѣднее обстоятельство и побудило меня препроводить къ вамъ, м. г., прилагаемые при семъ 3 перевода съ латинскаго и польскаго языка, подлинники которыхъ находятся у меня на разсмотрѣніи.

Рѣчь митрополита и письмо протоархимандрита имѣютъ между собою непосредственную связь и относятся, очевидно, къ тому времени и обстоятельствамъ, когда императоръ Павелъ I, какъ мальтійскій рыцарь, отмѣнилъ всѣ общегосударственныя учрежденія Екатерины II въ только что присоединенномъ отъ Польши западномъ краѣ и возстановилъ въ немъ господство статутовъ литовскихъ, сеймовъ и сеймиковъ польскихъ, надѣливъ при этомъ привиллегіями и римско-католическое духовенство. „Pro memoria“ составляетъ копію (безъ конца) съ официальной записки о дѣлахъ русиноуніатскихъ въ нынѣшней Галиціи, по присоединеніи ея къ австрійской монархіи“.

Къ этимъ словамъ уважаемаго В. М—ча мы прибавимъ, что въ помѣщенномъ въ настоящей книжкѣ 2-мъ письмѣ о Волынской революціи находятся нѣкоторыя указанія на то, какими путями добыто возвращеніе при имп. Павлѣ ново-присоединенному русскому краю стараго польско-католическаго строя и какія оно имѣло послѣдствія для жившаго въ немъ православнаго крестьянства и духовенства. Не одинъ Гижицкій запрягалъ православныхъ священниковъ въ плугъ и не однимъ запряганіемъ въ плугъ вымещали польскіе паны свою злобу за потерю политическаго существованія Польши. Тутъ дѣйствовалъ всякій, даже мелкій шляхтичъ по своей собственной фантазіи. Именно къ 1800-мъ годамъ относится слышанный нами еще въ дѣтствѣ разсказъ очевидцевъ о томъ, какъ священникъ с. Зеленой Дубравы (кіев. губ., звенигор. у.) Михаилъ Иль-

Библиотека "Руниверс"

яшевичъ за неплатежъ чинша за землю, которая дана была ему въ безплатное владѣніе кн. Любомірскимъ, по приказанію мѣстнаго экономa, брошенъ былъ въ яму, прикрытую зажженнымъ навозомъ, въ которой едва до смерти не задохся; и какъ потомъ панскій асаулъ, надѣвъ на него узду и хомутъ, ѣздилъ на немъ по селу, пока не вымучилъ безправно наложеннаго чинша. Такіе и подобные имъ факты надо всегда имѣть въ памяти, читая столь хвалебные гимны, какъ помѣщенная вслѣдъ за симъ рѣчь митрополита.

I.

Рѣчь, произнесенная въ Петербургѣ его высокопреосвященствомъ, митрополитомъ при вступленіи на престолъ императора Николая Петровича [1]).

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

Beata terra, cujus Rex Nobilis est (Счастлива земля, гдѣ государь добродѣтельный). Эти слова св. Павла лучше всего могутъ относиться къ тебѣ, всемилостивѣйшій государь! Какъ только ты унаслѣдовалъ скипетръ твоихъ предковъ, тотчасъ-же показалъ своимъ подданнымъ, какого кроткаго правленія (отъ тебя) они должны ожидать. Качества хорошаго монарха: снисхожденіе, доступное всякому, милосердіе, справедливость—это твои качества. Я съ своею паствою, къ которой ты, всемилостивѣйшій государь, изволилъ возвратить меня—служу лучшимъ свидѣтелемъ твоего милосердія. Вопль преслѣдованныхъ и угнетенныхъ твоихъ подданныхъ донесся до твоего царственнаго престола и услышанъ тобою. Ты возвращаешь свободу и счастіе народу, который за то только былъ притѣсняемъ, что воздавалъ честь Богу по обычаю своихъ предковъ. Въ то время какъ одни изъ пастырей церкви, угнетенные силою религіозной нетерпимости, уступили,—другіе, подвергнутые насилію, удаленные отъ алтарей и лишенные имущества и крова, стонали въ молчаніи, потому что жаловаться было невозможно. Христіанинъ безсовѣстно угнеталъ христіанина. Ты, государь, это замѣтилъ, и все измѣнилось къ лучшему. Народъ, оставленный при своей

[1]) Рѣчь принадлежитъ, по всей вѣроятности, архіепископу могилевскому Сестренцевичу (1782—1826), носившему титулъ католическаго митрополита.

Библиотека "Руниверс"

вѣрѣ, уже утираетъ слезы и, радостно возведши очи къ небу, благодаритъ его за то, что оно даровало ему столь мудраго и справедливаго монарха. Счастье этого народа—дѣло твоихъ рукъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твоя награда. Прими, всемилостивѣйшій государь, слова глубокой благодарности, которыя отъ себя и своей паствы я повергаю къ подножію твоего престола. Каждый изъ насъ въ моленіяхъ при алтарѣ, къ которому возвращаетъ насъ твое милосердіе, будетъ просить Бога о счастливомъ правленіи добраго государя.

Царю царей, милосердный Боже! Ты, видѣвшій несчастье наше, узри и наше блаженство, которое даровалъ намъ добрый государь. Данный намъ тобою Павелъ есть дѣло Твоего милосердія надъ нами. Услышь моленія наши, возносимыя къ Тебѣ за него, и даруй ему счастливое царствованіе въ теченіи многихъ лѣтъ. Да почіетъ благословеніе Твое на потомкахъ его, да обрѣтетъ народъ благоденствіе въ счастливомъ ихъ правленіи и да крѣпнетъ престолъ ихъ изъ вѣка въ вѣкъ!

(Приписка): *Надпись на гробъ Петра III и Екатерины II.*

Два сердца и два тѣла, судьбою разлученныя,
Соединилъ примѣрный сынъ . . . . . .
. . . . . и исполнилъ сыновній долгъ въ отношеніи къ отцу
и матери.
Россія чтитъ въ немъ примѣръ любви столь рѣдкій.
Въ столь нѣжномъ сынѣ видишь . . . . . .
Видишь милостиваго царя и отца отечества.
Что народъ теряетъ въ Петрѣ и Екатеринѣ,
То небеса возвращаютъ ему въ Павлѣ I.

II.

Копія съ письма, составленнаго 14 мая 1801 г. высокопреподобнымъ отцемъ протоархимандритомъ ордена св. Василія Великаго, къ генеральному прокуратору, проживающему въ Римѣ.

(переводъ съ латинскаго).

Высокопреподобный отецъ и высокопочтеннѣйшій патронъ!

Когда въ 1799 г. 1-го мая преосвященный епископъ брестскій вступилъ во владѣніе и управленіе своею епархіею, а я оставилъ свою

Библиотека "Руниверс"

должность (до того времени изрядно мною исправляемую), не по причинѣ добровольной уступки, или же опредѣленнаго указа, а вслѣдствіе моей безполезности и непригодности, такъ какъ все уже было въ зависимомъ положеніи и подъ властью епископовъ, то я не писалъ къ вамъ, вѣроятно, цѣлый годъ, потому что лишенъ былъ всякой должности и не имѣлъ никакого интереса вести какія либо сношенія съ Римомъ, вы же, высокопреподобный отецъ, обращаясь письменно ко мнѣ, сообщали мнѣ разныя вѣсти, или докладывали о своихъ личныхъ нуждахъ, взглядахъ и интересахъ, исполненіе которыхъ тогда не зависѣло отъ меня.

Вслѣдствіе этой переписки, я сдѣлался подозрительнымъ лицомъ безъ всякой вины съ моей стороны. Затѣмъ уже, по моему собственному желанію и прошенію, отставленъ отъ должности въ Іорданахъ. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я вновь получилъ мѣсто игумена въ Жировицахъ и все таки не имѣлъ никакого повода къ перепискѣ съ вами.

Теперь, во исполненіе условій, касающихся духовнаго управленія въ Россіи, составленныхъ на основаніи Тридентскаго собора и скрѣпленныхъ его императорскимъ величествомъ Павломъ I-мъ отъ 11 декабря прошлаго года, и во исполненіе указа императорской государственной коллегіи вѣдомства римско-католическаго отъ 1 марта, даннаго исключительно мнѣ, введенному снова въ должность и управленіе монашескими орденами, съ болѣе обширной дѣятельностью чѣмъ прежде, такъ какъ моему вѣдѣнію подлежитъ и область бѣлорусская, я обращаюсь къ вамъ, высокопреподобный отецъ, не съ цѣлью, конечно, имѣть въ настоящее или будущее время къ вамъ какое либо дѣло (просьбу) — этого быть не можетъ, исключая какихъ-нибудь непредвидимыхъ обстоятельствъ—но съ цѣлью утѣшить васъ неожиданнымъ улучшеніемъ нашей судьбы и вторичнымъ предоставленіемъ вольностей сословію римско-католическихъ монаховъ. Высокопреподобный отецъ Рымашевскій, главный консультантъ (consultor generalis), не смотря на дряхлую старость свою, навѣстилъ меня. Высокопреподобный отецъ Тарнавскій скончался, желая соединиться съ своими товарищами. Эта потеря вознаградится слѣдующимимъ образомъ: въ губерніяхъ соберутся губернскія собранія; послѣдуетъ перемѣна начальниковъ монашескаго чина (игуменовъ); затѣмъ состоится общее собраніе, въ которомъ, кромѣ вы-

Библиотека "Руниверс"

бора необходимыхъ чиновниковъ, будетъ избранъ и главный прокуроръ съ мѣстопребываніемъ въ Петербургѣ. Во время нашего несчастія никто о насъ не заботился и даже высокопреподобный отецъ Литта, назначая игуменовъ, не оказалъ намъ никакой помощи. Теперь возлагаемъ всю надежду на Бога. Все идетъ къ лучшему. Высказавъ все это въ короткихъ словахъ, желаю знать, какъ идутъ ваши дѣла, и остаюсь съ искреннымъ почтеніемъ и должнымъ уваженіемъ.

N. N. (Подписи нѣтъ).

III.

Для памяти

(pro memoria).

Прежде чѣмъ священное общество распространенія христіанской вѣры вышлетъ вашему превосходительству въ городъ Вѣну оффиціальную записку о іерархіи русиновъ-уніатовъ въ областяхъ Польши, только что присоединенныхъ къ имперскимъ владѣніямъ, и прежде чѣмъ изъ этихъ областей, нынѣ называемыхъ Галиціею восточною и западною, русинскіе епископы, а также мѣстные начальники базиліанскихъ монаховъ заявятъ свои желанія, ниже подписавшійся генеральный попечитель русиновъ, проживающій въ Римѣ, со всевозможнымъ смиреніемъ вашему превосходительству честь имѣетъ почтительнѣйше представить слѣдующую вѣдомость объ упомянутой русинской іерархіи.

Во первыхъ, іерархія русиновъ, соединенныхъ со святою римскою церковью, при существованіи королевства польскаго, состояла приблизительно изъ 13,000 приходовъ и приблизительно изъ 200 базиліанскихъ монастырей; по раздѣленіи-же этого королевства между государствами: Россіею, Пруссіею и Австріею неизвѣстно какое количество населенія осталось въ государствахъ Россіи и Пруссіи, въ государствѣ-же священнаго вашего императорскаго и королевскаго величества осталось въ настоящее время только три епископіи, а именно: львовская, перемышльская и холмская, а въ этихъ трехъ епископіяхъ осталось 26 базиліанскихъ монастырей, изъ которыхъ нѣкоторые имперскими указами утверждены и на будущее время, другіе-же подлежатъ упраздненію.

Библиотека "Руниверс"

Во вторыхъ, вышесказанные три епископа, будучи отдѣленными отъ своего митрополита, оставшагося во владѣніяхъ Россіи и до сихъ поръ живущаго въ Московіи, не имѣя сообщенія съ нимъ, какъ съ своимъ главою, обращаются при посредничествѣ священной вѣнской нунціатуры къ императору съ просьбою, чтобы, соединившись съ другими епископами того-же отряда и исповѣданія, живущими въ Венгріи и Семиградіи, могли избрать изъ среды своей особаго митрополита, отдѣльнаго отъ Россіи. Это желаніе свое епископы, при посредничествѣ нижеподписавшагося попечителя, довели до свѣдѣнія святаго общества распространенія христіанской вѣры, но такъ какъ святое общество, по важнымъ причинамъ, касающимся отношеній имперій россійской и австрійской, при жизни настоящаго русскаго митрополита не сочло возможнымъ осуществить желаніе избранія новаго митрополита во владѣніяхъ Австріи, то вышеупомянутые три епископа, такимъ образомъ, должны остаться акефальными (безначальными), чему хотя мѣшаетъ законъ императора Іосифа II-го, препятствующій общенію съ властями заграничными, но такъ какъ этотъ законъ болѣе относится къ латинянамъ, имѣющимъ законченную іерархію во владѣніяхъ императорскихъ, чѣмъ къ русинамъ, отдѣленнымъ отъ своего митрополита, то, по постановленію священной нунціатуры, они должны обращаться во всякой нуждѣ къ римскому первосвященнику, согласно ихъ обѣщанію.

Въ третьихъ, ежели въ іерархіи русиновъ существуетъ только единственный орденъ монаховъ базиліанъ, который приноситъ столько пользы церкви католической, сколько и бѣлое духовенство, и если базиліанскій монастырь, на основаніи имперскихъ законовъ, не можетъ въ теченіи года принимать къ себѣ болѣе четырехъ послушниковъ и, затѣмъ, принятыхъ послушниковъ долженъ содержать въ продолженіе семи лѣтъ въ существующихъ университетахъ съ гражданскими профессорами на монастырскомъ иждивеніи, а, по окончаніи ученія, допускать ихъ къ религіозно-клятвенному обѣщанію не иначе, какъ по достиженіи ими 24-хъ-лѣтняго возраста, то его императорскому величеству слѣдуетъ всеподданнѣйше представить, чтобы для упроченія соединенія со святою римскою церковью базиліанскому ордену были, во-первыхъ, возвращены отнятые у него монастыри и, во вторыхъ, чтобы было дозволено ежегодно принимать болѣе чѣмъ четырехъ послушниковъ, дабы

Библиотека "Руниверс"

они, обучившись въ самомъ монастырѣ при учителяхъ своего исповѣданія, здѣсь-же могли быть допускаемы къ произнесенію религіозно-клятвеннаго обѣщанія въ 16, 18 и, въ крайнемъ только случаѣ, въ 20 лѣтъ, потому что эти малочисленные послушники, проникшись мыслями гражданскихъ профессоровъ, весьма часто не выдерживаютъ въ послушаніи до 24 года, или-же, оставаясь въ вѣдѣніи и на иждивеніи монастырскомъ и давъ клятвенное обѣщаніе, но будучи воспитанными въ дурныхъ правилахъ (въ университетахъ дѣлаются негодными для религіозныхъ обществъ, отчего . . . . . (окончанія не достаетъ).

Сообщ. **В. М—чъ.**

КАКЪ ГОТОВИЛИ КРЕМЕНЧУГЪ КЪ ВСТРѢЧѢ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II.

Императрица Екатерина II, предпринявъ въ 1787 году извѣстное путешествіе въ Новороссію и Крымъ, въ январѣ этого года выѣхала изъ Петербурга черезъ Смоленскъ, проѣхала въ Кіевъ и здѣсь ожидала вскрытія Днѣпра, чтобы на судахъ спуститься къ порогамъ и дальше. Въ Каневѣ встрѣтилъ царицу король Станиславъ Августъ и присоединился затѣмъ къ ея огромной свитѣ. Въ числѣ городовъ, ожидавшихъ увидѣть у себя государыню, былъ и Кременчугъ. Какъ онъ понравился Екатеринѣ, видно изъ слѣдующаго отрывка ея письма къ московскому главнокомандующему, генералу Еропкину: „Здѣсь теперь теплѣе, нежели въ Москвѣ въ началѣ мая мѣсяца (письмо отъ 30 апрѣля 1787 г.). Городъ несравненно веселѣе Кіева. Домъ военнаго губернатора, въ которомъ живу, построенъ близъ прекрасной дубовой рощи и пріятнаго плодовитаго сада. Домъ сей очень хорошо расположенъ и имѣетъ огромную залу. Множество поляковъ слѣдовало за нами сюда. Впрочемъ здѣсь и безъ того великое стеченіе народа. Въ семъ намѣстничествѣ вездѣ видна дѣятельность, которая меня увеселяетъ премного“ [1])... Въ архивѣ кременчугской городской думы мы нашли

---

[1]) Скальковскій. Хронологич. обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края. Одесса, 1836 г., т. I, стр. 189.

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько бумагъ, которыя показываютъ, какой видъ долженъ былъ принять городъ, чтобы заслужить столь лестный о себѣ отзывъ государыни. О приготовленіи города начальство начало заботиться почти за годъ до пріѣзда императрицы. Вотъ-что писалъ еще 13 іюня 1786 г. тогдашній губернаторъ екатеринославскаго намѣстничества, генералъ-маіоръ Иванъ Синельниковъ градскому главѣ Милькову [1]):

„Его свѣтлость, высокоповелительный господинъ генералъ-фельдмаршалъ, государственной военной коллегіи президентъ, сенаторъ, екатеринославскій и таврическій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, изображая въ послѣдовавшемъ ко мнѣ ордерѣ, дабы всѣ состоящіе въ здѣшнемъ городѣ Кременчугѣ деревянныя домы были обмазаны и выравнены кривизны въ фасадахъ, предписывать изволитъ побудить жителей къ скорому сего исполненію, въ чемъ и сдѣлать имъ нѣкоторую помощь, лавки-же всѣ чтобъ были выкрашены.

Я поруча исправленіе сего въ точное наблюденіе здѣшнего городничаго, секундъ-маіора Чичерова, предписалъ обьявить немедленно всѣмъ жителямъ города Кременчуга, чтобъ непремѣнно всѣ домы были обмазаны и выбѣлены мѣломъ, или самою лутчею бѣлою глиною, а такъ-же стараться выравнять вездѣ въ фасадахъ кривизны, и улицы привесть въ самое лутчее состояніе, засыпавъ и уравнявъ повсюду низменныя мѣста, а по необходимости, гдѣ нужно, сдѣлать каналы, жителямъ-же внушить притомъ, что для вспомоществованія ихъ въ семъ исправленіи отпускаться будутъ колодники по требованію каждого изъ управы благочинія безпрепятственно, кому будетъ надобность въ работникахъ, съ заплатою въ день по три копѣйки за работу одного колодника, коихъ и велѣлъ я отпустить здѣшнимъ жителямъ за означенную цѣну невозбранно, наблюдая притомъ, дабы и деньги, колодниками выработанные, вѣрно были плачены, и работа-бъ была порядочно исправляема. для лутчаго-жъ въ семъ успѣха и чтобъ все повелѣнное произведено было въ точности, раздѣля каждому квартальному улицы, велѣть еженедѣльно о успѣхахъ порученного дѣла рапортовать, напротивъ-же того, дабы и

[1]) Дѣло № 12.

Библиотека "Руниверс"

жителямъ не было иногда причиняемо излишнихъ и безвременныхъ настояній, то предписываю вамъ надзирать за симъ прилѣжно, наблюдая притомъ, дабы каждой исправлялъ сіе дѣло безъ отягощенія одного предъ другимъ и безъ потерянія времени, а равномѣрно и о побужденіи купечества къ выкрашенію здѣшнихъ лавокъ рекомендую вамъ употребить надлежащее попеченіе, чтобъ оныя сходно съ предписаніемъ его свѣтлости непремѣнно были окрашены по сдѣланному г. купцомъ ..... образцу, коему чрезъ васъ за успѣшность отдаю справедливо заслуживаемую похвалу, яко человѣку, пекущемуся о украшеніи города и о славѣ купеческого общества, къ чему не оставте побудить и всѣхъ образомъ благовиднымъ, а также и всѣхъ тѣхъ, которые содержутъ трактиры, о самобѣднѣйшихъ-же и изнемогающихъ по какимъ либо нещастіямъ въ капиталахъ особливо мнѣ объясните".

Нѣсколько позже, именно отъ 20 авг. 1786 года, бригадиръ екатеринославскаго намѣстничества, вице-губернаторъ и кавалеръ Андрей Войновъ въ ордерѣ тому-же городовому кременчугскому главѣ Милькову давалъ и болѣе подробныя, на тотъ-же случай, предписанія: „1-е, во всѣхъ здѣшняго города улицахъ мокрыя и весной водою попижающія мѣста приказать жителямъ, до кого принадлежитъ, въ совершеномъ порядкѣ замостить мостами, а гдѣ можно обойтится безъ мостовъ, тамъ выкласть фашинникомъ и сверху усыпать землею съ пескомъ, а гдѣ-жъ необходимо потребно, тамъ провесть канавы; 2-е, чтобъ ни у кого никакое строеніе подъ соломой или очеретомъ отнюдъ не оставалось, а вездѣ покрыто было тёсомъ или дранью; 3-е гдѣ есть ветхія строенія, которыя безобразятъ городъ, таковые велѣть немедленно переправить и перекрыть по плану; стѣны мазанныя, буде обвалились, приказать порядочно выбѣлить, такъ какъ и выведенные сверхъ кровель трубы во всѣхъ домахъ отбѣлить; 4-е, при всякомъ домѣ у воротъ приказать поставить по два столба одинакого образца для фонарей, не ниже четырехъ аршинъ столярной работы, и выкрасить порядочно темновишневою и бѣлою красками и, наконецъ, 5-е, каждому обывателю со внушеніемъ подтвердить, чтобы предъ домомъ на улицѣ ничѣмъ завалено не было, а наблюдалась совершенная во всемъ чистота, и чтобы по вышеписанному непремѣнно исполнено было всѣми, до наступленія глубокой осени, а дороги исправить въ нынѣшнемъ-же мѣсяцѣ".

Библиотека "Руниверс"

На постройку мостовъ и гатей было рѣшено думою взыскать съ жителей 1333 р. 80 к., разложивъ эти деньги такъ, чтобы болѣе состоятельные и платили болѣе: купцы отъ 1 до 30 руб. каждый, мѣщане отъ 10 к до 10 р., цеховые по 20 к. съ души и бездворные по 20 к. съ семьи, греки 2—30 р., нѣмцы 1—10 р. и наконецъ живущіе въ Кременчугѣ „разныхъ городовъ породы россійской"—отъ 50 к. до 50 р. каждый. Плотники и другіе рабочіе получали за работу отъ 25 до 42 к. въ день.

Поставка лошадей подъ императорскій поѣздъ возлагалась также на счетъ городскаго общества и лошадей требовалось заготовить къ 15 ноября 1786 г., а слѣд. и содержать въ готовности до пріѣзда государыни, срокъ котораго въ слѣдующемъ году не могъ быть въ точности извѣстенъ. Распорядительное начальство допустило однако въ этомъ пунктѣ небольшую оплошность, которую потомъ пришлось поправлять, именно: не опредѣлило числа потребныхъ лошадей и ямщиковъ, а потребовало вообще заготовить въ такомъ количествѣ, „сколько почтенное общество потщится". Предоставленное самому себѣ „почтенное общество потщилось только приуготовить лошадей двадцать годныхъ съ надлежащею упряжью и ко онымъ восемъ человѣкъ погонщиковъ, одѣтыхъ въ мундиры по штату екатеринославского намѣстнического правленія", между тѣмъ, по росписанію того-же правленія, кременчугскому купечеству, мѣщанству и цеховымъ, по числу двухъ тысячъ ста сорока четырехъ душъ, требовалось поставить лошадей сто сорокъ три и погонщиковъ семдесятъ одинъ. Оплошность во время замѣчена была кременчугскимъ магистратомъ, и онъ, извѣщая объ этомъ городскаго голову, требовалъ, для учиненія въ томъ надлежащаго распоряженія, собрать жителей въ магистратъ на 26 октября 1786 года [1]). Городской сходъ, безъ сомнѣнія, состоялся и надлежащее распоряженіе, какъ по этому, такъ и по всѣмъ пунктамъ „штата екатеринославскаго намѣстничества", учинено, и ничтожный, сравнительно съ Кіевомъ, Кременчугъ удостоился предпочтительнаго отзыва великой путешественницы.

Приведенныя нами свѣдѣнія составляютъ, конечно, милліонную долю въ массѣ тѣхъ мелочей, изъ которыхъ слагалась закулисная

[1]) Дѣло № 9.

Библиотека "Руниверс"

сторона устроеннаго великолѣпнымъ княземъ Тавриды тріумфальнаго шествія повелительницы Сѣвера. Въ свое время писали и вѣрили, что всемогущій Потемкинъ волшебнымъ своимъ жезломъ превратилъ дикія, предъ тѣмъ, пустыни въ страну кипѣвшую медомъ и млекомъ, покрытую цвѣтущими городами и богатыми селеніями и что жители послѣднихъ въ такой степени благоденствовали, что, заходя въ ихъ жилища, высокіе путешественники видѣли столы покрытые яствами, а въ числѣ этихъ послѣднихъ жареныхъ поросятъ. Впрочемъ уже тогда для ближайшихъ участниковъ шествія была видима таинственная рука, производившая изумлявшія всѣхъ чудеса. Извѣстенъ разсказъ, что когда бывшій въ свитѣ Екатерины графъ Сегюръ, замѣтивъ большое сходство видѣнныхъ имъ въ разныхъ хатахъ поросятъ, попробовалъ въ одной хатѣ, не замѣтно для другихъ, оторвать хвостъ у красовавшагося на столѣ поросенка, то въ слѣдующей хатѣ онъ пришелся какъ разъ къ оказавшемуся тутъ безъ хвоста поросенку. Попавшіяся намъ случайно свѣдѣнія дають большое вѣроятіе такимъ, перешедшимъ уже въ исторію, разсказамъ, и, въ связи съ другими, въ значительной степени могутъ иллюстрировать художество знаменитаго любимца фортуны.

Ѳ. Ни—къ.

СТАРИННЫЯ ПОЗДРАВЛЕНІЯ И ВЫБОРЫ.

Ниже вливаютъ вино ново въ мѣхи ветхи.

То уже извѣстная истина, что какъ-бы совершенны ни были новыя установленія, но если выполнители ихъ съ прежнимъ духомъ, никакого обновленія въ жизни не прибудетъ и обычаи старые долго будутъ процвѣтать. Вотъ нѣсколько изъ множества такихъ примѣровъ.

Къ числу реформъ Великой Екатерины принадлежитъ знаменитое ея *городовое положеніе*. Учреждены шестигласныя думы. Сколько надеждъ на нихъ возлагалось! Сколько похвалъ коллегіальному порядку писалось еще раньше, въ знаменитомъ регламентѣ Петра Великаго! Но *нравы обычаи злы нравы блаи*, портятъ они и самыя учрежденія...

Учреждена была шестигласная дума и въ г. Кременчугѣ; но былъ тамъ, какъ и вездѣ тогда, обычай поздравлять начальство не

Библиотека "Руниверс"

съ пустыми руками. Начальствомъ былъ тамъ городничій. Пришелъ какъ-то праздникъ Рождества Христова. Сошлись гласные, конечно, съ головою, посовѣтовались и поздравили начальство, а послѣдствіемъ того былъ такой рапортъ старосты Захара Ложешникова [1]):

„По словесному оной думы приказу употреблено на покупку для поздравленія здѣшнего градоначальника, г. секундъ-маіора Федора Федоровича Адлерштраля праздникомъ, двадцать фунтовъ сахару, по сороку пяти копѣекъ, девять рублей пять копѣекъ [2]), десять фунтовъ кофею, пять рублей пятдесятъ копѣекъ; три ведра вина, десять рублей пятдесятъ копѣекъ, всего на двадцать пять рублей, пять копѣекъ. Прошу о записке оныхъ въ расходъ дать мнѣ повелѣніе". 1790 г. И шестигласный ареопагъ не отрекся отъ своего словеснаго приказа и призналъ произведенный расходъ.

Случилось потомъ выбирать судей, и тотъ-же староста представилъ потомъ въ ту-же думу „регистръ, сколько при балтированіи судей и на что именно денегъ":

3 фарты запѣканой водки по 60 коп.	1 р.	80 к.
Квасу на	—	60 к.
Водки сладкой штофъ	1 р.	40 к.
Водки крѣпкой	—	80 к.
Водки запѣканой 4 кварты по 60 к.	2 р.	40 к.
Вина полиннаго двѣ кварты по 40 к.	—	80 к.
Вина бѣлого четыре кварты по 40 к.	1 р.	60 к.
Булокъ на	—	56 к.
Икры 6 фунтовъ по 15 к.	—	90 к.
Икры малосольной по 25 к.	—	75 к.
Сторожамъ на водку и булки	—	95 к.
Галанскихъ селдей бочонокъ	1 р.	20 к.
Масла барванскаго (sic) бутилку	—	50 к.
Соку лимонного чверку	—	25 к.
2 рюмки разбили	—	30 к.

[1]) Архивъ кременчугской городской думы, дѣло №70.

[2]) Почтенный староста ошибся на 5 коп.

Библиотека "Руниверс"

Одинъ стаканъ - - - - - - - -	—	10 к.
Двѣ тарѣлки - - - - - - - -	—	50 к.
Попамъ за молебенъ - - - - - -	8 р.	— к.
Итого - -	23 р.	41 к.

А потомъ опять кого-то надо было поздравлять, можетъ быть, того-же градоначальника, а можетъ быть и кого нибудь повыше, и опять расходъ, какъ гласитъ слѣдующее „прошеніе въ кременчугскую градскую шестигласную думу кременчугскаго купца Федора Привалова прикащика кременчугскаго-жъ купца Ивана Калашникова".

„На щотъ общественной куплено въ меня изъ лавки хозяйской шубу ведмежью, ценою за восемдесятъ пять рублей, портретъ за шесть рублей, денегъ-же еще не уплачено, для того оной думы покорно прошу за вышеписанную покупку принадлѣжащие деньги, кому слѣдуетъ, повелѣть выдать" 1790 г.

И этотъ расходъ, какъ и предъидущій были, какъ видно изъ дѣлъ, признаны новою шестигласною думою, *тлять бо обычаи злы нравы благи*...

Ѳ. Ни—къ.

ВИЗИТЪ КАРМЕЛЮКА.

(ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ).

Г. Редакторъ! Прочитавъ въ вашемъ уважаемомъ журналѣ народныя преданія о Кармелюкѣ, я вспомнилъ одинъ разсказъ, переданный мнѣ моею матерью, уроженкою Подоліи. Вотъ онъ:

„Я сама бачила Кармалюка[1]), говоритъ моя мать, вінъ бувъ у насъ (т. е. у ея отца—священника). Якъ теперъ памятаю, було це на святый вечіръ. Мы зъ мамою щось порались коло печи, а татунё (т. е. ея отецъ) були въ церкві; коли дивимось въ вікно, хтось въізжае до насъ на подвірье поодинокими салочками, сірою конячкою. Мама й кажуть: „що це за гість у таку пору?" та все дивимось въ вікно. Гість ставъ, выпрігъ коняку, давъ ій істи тай иде прямо до покоівъ. Прийшовъ тай каже: „Помагайбі вамъ!"

---

[1]) На Подоліи не говорятъ Кармелюкъ.

Библиотека "Руниверс"

ну, мы ёму отказуемо: „доброго здоровья“. „А чи е батюшка дома?“ пытае вінъ далі. Мы ще гірше здивувались: що це за віра, що не знае, що у таку пору попы не сидять дома; тай мама кажуть ёму: „батюшка въ церкві“. „То я ихъ почекаю“, отказавъ вінъ тай сівъ. Сидить, не каже намъ нічого, а мы ёго й не питаемо, хто вінъ, бо полякались, Боже мій, якъ, а про себе думаемо: чи не Кармалюкъ? бо скрізь пішла поголоска, що Кармалюкъ ходитъ. Ото прийшли татунё изъ церкви, сіли вечеряти, попросили й ёго, сівъ и вінъ. Якъ повечеряли, вінъ й проситься у татуня на нічъ. Татунё казали взяти ёго коняку до стані (въ конюшню), бо тежъ перелякалися, тежъ думаютъ, чи не Кармалюкъ це часомъ? Лишився вінъ ночувати. Мама почали готувати мясо на другий день, та треба було ёго порубати; покликали парубка; ударивъ вінъ разъ, другий, а далі третій, ніякъ не розрубае: то не попаде по кістці, то кістка выскочить изъ-підъ сокири. Бувъ тутъ и гість, дивився вінъ, дивився, тай далі каже до наймита: „тай парубокъ-же съ тебе, небоже! а дай лишень мені сокиру“. Плюнувъ вінъ въ праву руку, а ліву заклавъ за поясъ; ядъ ударивъ, до разу якъ не було кістки, въ дрібні кусочки розскочилась. Мы всі такъ и похолонули на місці, а на думці у всіхъ „Кармалюкъ!!“... Ни живі, ни мертві поросходилися мы спати. „Я цілу нічъ не спала, кажу я вранці моі сестрі: такъ боялася Кармалюка, бо я чула, що вінъ здіймае рукавички съ рукъ: отакъ обріже кругомъ коло кісточокъ, тай здирае съ живого шкуру“. Тільки що я це промовила, коли це відчиняються двері въ нашу хату, а Кармалюкъ й каже: „даремпісенько вы, панночко, боялися;—Кармалюкъ добрыхъ людей не зачіпае.—Сівъ на свої саночки, тільки мы ёго й бачили“.

А. В.

Харьковъ 1882 г. Декабря 31.

ТРИ ПСАЛЬМЫ.

Стихи религіозно-нравственнаго содержанія, псальмы или „божественні пісні“ привлекали меньше вниманіе собирателей произведеній малорусской народной поэзіи, чѣмъ всѣ другіе ея виды. Въ погонѣ за лучшими созданіями народной музы эти скромныя ея дѣти оставлялись въ сторонѣ. Между тѣмъ онѣ представляютъ

Библиотека "Руниверс"

не малый интересъ въ вопросѣ взаимодѣйствія старой школьной церковной науки и народнаго творчества. Тутъ-же и значеніе ихъ для исторіи языка. Но, кромѣ чисто религіозныхъ, есть еще другая разновидность псальмъ, псальмы морально-нравоучительныя, важныя, между прочимъ, въ дѣлѣ изученія формъ народной поэзіи. Складъ ихъ близокъ къ складу такъ называемыхъ „семейныхъ“ думъ, т. е. не историческихъ, а бытовыхъ и морализирующихъ. Образчикомъ произведеній этого рода изъ напечатанныхъ ниже можетъ служить № 2. Ихъ нѣтъ совсѣмъ въ сборникахъ украинскихъ этнографовъ и если встрѣчаются они, то только въ сборникахъ галицкомъ Головацкаго и великорусскомъ Безсонова. Печатая, на первый разъ, три псальмы неизвѣстные по сборникамъ, мы желали-бы побудить гг. собирателей къ обнародованію и другихъ неизвѣстныхъ произведеній этого рода и къ записыванію ихъ отъ лириковъ,— благо такое записываніе еще возможно.

I.

Ох, зийшли мои лiта, як вихорь зъ круга свiта,
Якъ во снi менi здалося, що на свiтi прожилося.
Вже и смерть предо мною; страшна вельми собою,
Лютымъ огнемъ наполненна, изъ лица престришена!...
Ой и що-жъ то за дорога? То на той свiтъ до Бога,
А по тiй-же дорозi треба йти душi небозi!
Ой, тамъ стражи и зиська, злимъ дiламъ переписка!
Вiнъ словами промовляе, на смерть вину покладае:
«На сотню лiтъ закладавъ я,
И о смерти своей не здавъ я,
Ще й старости не дождався,
И на той свiтъ не прибрався!
То такъ мене смерть израдкула,—
Як косою осiкнула.
То теперъ на свiтi стало новое
Житiя наше малое;
Що теперъ треба помирати,
Передъ Божимъ судомъ стати.
Чимъ я Богу изънявюся,
Съ чимъ я Богу поклонюся?
Ни свiтила, ни кадила—
Ступай, душе, съ чимъ спостила!

Библиотека "Руниверс"

А Ты, Тройце пресвятая,
Покрый наши діла злая!
Сохрань, Боже, вічної муки,
Не подай нашої душі злому въ руки
На віки!»

(Зап. отъ лирника Порфирія, въ хуторѣ Довжикъ, прилуцк. уѣзда).

II.

Ой горе, горе на сімъ світі жити,
Боронь, Боже смерті — буде Богъ судити!

Що якъ здоровъ чоловікъ — то всякъ ёго кохае,
А при лихій годині и рідъ ёго цурае.

Що якъ прийде той часъ-уремя помирати,
Хоть яке багатство, — то й треба покидати.

Якъ прийде той часъ и тая година,
То не поможеть хворобі ніяка родина!

А мати старая изъ жалю помирала:
«Діти-жъ мої діти! Я васъ годувала!»

Ой якъ-же то й трудно той камінь глодати,
А ище трудніше дітей годувати.

А діти на тее и мало не дбають,
Отця свого й матіръ словами огорчають.

Якъ-бы-жъ то мы хотили у небі прежити, —
Було-бъ намъ отця й матері по вікъ не гнівити.

А якъ-бы мы хотіли у небі царствовати, —
Було-бъ намъ отця и матері словами не огорчати!

Ой Ісусе, Ісусе, Ісусе назорянський,
Прощай и помилуй весь родъ христіянський!

Ой Ісусе, Ісусе, Ісусе крижуваний,
Прощай и помилуй весь миръ православный!...

Кого Господь любить, — того й напаждае,
А за отця за матіръ Сынъ Божий карае!

(Отъ кобзаря Крюковскаго, въ Лохвицѣ).

Библиотека "Руниверс"

III.

Ой хто въ мирі являетця,
Той беззконешно
Всякъ чоловікъ завдже грішить—
Тай безстатечно.
А, грішачи, змысливъ собі:
«Що ще я младъ;
Покаюся прежде смерти,—
Не пійду и въ адъ».
Воскресный день барзе рано
Не пиймо вина,
Есть у вину блуду много,
Изведеть зъ ума.
Ступивъ соборъ въ харчевный домъ,—
Хмелемъ закусивъ,
Закусивши ума загубивъ,—
Грішитель усімъ!
За нимъ идеть злая віра,
Зъ ума изводить,
На гріхъ, на блудъ чоловіка
Завдже людей призводить.
По правый бокъ ангелъ грядеть,
На гріхъ, на блудъ
Людей не допущаеть...
Прибуде блудящему
Отець и мати,
На добрый умъ наущати
Своєі дитяти:
«Покайсь, дитя, зле творити.
Бо ще ты младъ,
На сімъ світі грішить мыслишь,
Такъ не будешъ радъ».
А вінъ одъ ихъ якъ звірь біжить,—
Слова не злюбивъ!..
Біжить грішникъ онемъ-пекломъ,
Просить смутку,
Просе свого отця-неньку:
«Ратуй, ратуй, отець-ненько,
*Я чадо ваше!»

Библиотека "Руниверс"

— «*Потопай, дитя, въ огнѣ, въ пеклѣ*
Такъ ты заробивъ,
На добрый умъ приводили,—
Ты не возлюбивъ!»

(Въ с. Щербанякъ, близъ Полтавы, отъ лирника Игн. Шхиголя).

В. Г—ко.

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ Д-РА РУДАНСКАГО *).

I.

СПІЛКА.

Сидитъ Мошко на корчомцѣ,
Шинькуе горілку;
Не разъ бідный ажъ жижнеця,
Якъ згадае спілку...
А спілка та така була:
Разъ середь болота
Найшовъ мужикъ табакирку
Изъ самого злота.
Найшовъ мужикъ, подивився—
Штука не погана:
Куды зъ нею повернуцъ?
Иде вінъ до пана.
Идс собі край корчомки,
А Мошко: «куда ты?»
Той каже: иду до пана
Знайду продавати.
«*Що за знайда? Покажи-но!*»
Протирае очи,
А той ёму вытягас—
«*Дивись, коли хочешъ!*»
Отто Мошко якъ поглянувъ
Тай приставъ смолою:
«*Панчику, голубчику!*
Я піду зъ тобою».

---

*) См. іюньскую книжку «Кіев. Старины» на 1882 г. стр. 556.

Библиотека "Руниверс"

Далі зачавъ підмовляти,
Щобъ на половину...
Той и каже: «та ходи вже
Въ лихую годину».
Отъ приходять, показали;
Дідичъ оглядае.
Подобалась табакирка—
«Czyjaż to?» питае.
«Моя, пане! мужикъ каже,
Але за горілку
Причепився оце Мошко
До мене на спілку!»
«Coż to za tę tabakierkę?
Powiedź, каже, chłopie!»
А той каже: «та що-жъ, пане?
Напоівъ дві копы!
Одну копу ёму, пане,
А мені другую,
А зъ рештою, пане,
Я и ту дарую».
Догадався собі дідичъ,
Які то штуки,
Та півсотни карбованцівъ
Мужикови въ руки;
А спілника ёго Мошка
Заразъ протянули
Та дві копы прегарячихъ
Напоівъ креснули.
И сівъ Мошко на корчомці,
Шинькуе горілку;
Не разъ бідный ажъ жахнеця,
Якъ згадае спілку.

II.

МАЗУРЪ У БОЛОТІ.

Застрявъ Мазуръ у болоті,
Хуру підпирае,
Тай до помочи Дороту
Сяту упрошае:

Библиотека "Руниверс"

«Свята панно, каже, панно!
Святая Дорота!
Будь ласкова надо мною,—
Выратуй зъ болота».
І на зъ місця його кони!
Нічого робити.
Давай тоді Antoniego
На поміч просити.
Підперъ хуру, та якъ крикне:
«Swięty мій Antoni!
Выратуй хочь ты зъ болота
Мои бідни кони!»
То відъ крику кони раптомъ
Рушили зъ болота,
А той каже: «отъ що хлопець,—
Не панна Дорота!»

ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ О КАФЕЛЬНОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Высокоповажный г. Редакторъ! *)

Прочитавъ въ январьской книжкѣ „Кіевской Старины“ о гончарскихъ и кафельныхъ издѣліяхъ въ Украйнѣ, подаю нѣкоторыя извѣстія о такихъ-же издѣліяхъ украинскаго люду въ Галичинѣ, въ надеждѣ, что они будутъ не безъ интересны для читателей „Кіевской Старины“.

Теперь издѣлія малорусскихъ гончаровъ изъ Коссова и Коломыи получаютъ первыя награды на хозяйственно-промышленной выставкѣ во Львовѣ и этнографической въ Коломыи. Они были выставлены въ Österreichisches Museum für Kunst und Industrie и удостоены одной изъ высшихъ наградъ. Рядомъ съ печью тироль-

*) Письмо это прислано въ редакцію на галицко-русскомъ нарѣчіи, но для удобства читателей мы помѣщаемъ оное въ переложеніи на русскій литературный языкъ, удержавъ подлинникъ одного лишь обращенія. За сообщеніе изложенныхъ въ письмѣ свѣдѣній приносимъ искреннюю признательность уважаемому автору онаго г. Окуневскому.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

скаго и другими изразцовыми издѣліями тамъ стояла украинская изразцовая печь и украинскія миски и подсвѣчники, съ рисунками и узорами украинскими. Нѣмецкіе критики высказались съ большою похвалою о подборѣ красокъ и изяществѣ поливы, а также въ особенности о правильности и оригинальности узоровъ. Въ послѣднее время, когда гончарское училище въ Коломыѣ, подъ руководствомъ свѣдущихъ (фаховыхъ) людей, производитъ всякія гончарскія вещи и, украшая ихъ украинскимъ орнаментомъ, разсылаетъ по всему краю, — уже не рѣдкость видѣть украинскія издѣлія. Тамъ, гдѣ прежде кафли выписывались издалека за большія деньги, теперь стоятъ печи изъ кафель мѣстной выдѣлки. Красота и прочность работъ, равно какъ подборъ красокъ и узоровъ, доставили украинскимъ произведеніямъ извѣстность и вытѣснили заграничныя издѣлія въ этой отрасли промышленности.

Можетъ быть читателямъ небезъинтересно будетъ узнать о началѣ этого, нынѣ столь распространеннаго, производства.

Въ восточной части Карпатъ лежитъ мѣстечко Коссовъ. Полотна и горшки коссовскіе славятся на всѣхъ рынкахъ. Коссовскіе ткачи производили найлучшіе „перемитки и опонки“, а съ гончарами никто не могъ сравниться во всемъ округѣ. Первымъ между ними былъ Иванъ Бахминскій, человѣчекъ маленькій, неказистый... Никто-бы не подумалъ, что этотъ индивидуумъ въ мѣщанскомъ капотѣ тотъ самый гончаръ, произведенія котораго получили преміи на всѣхъ выставкахъ въ краѣ и на вѣнской выставкѣ. Но въ гончарскомъ цехѣ онъ пользовался великимъ уваженіемъ и уже издавна была главою гончарнаго товарищества. Выдѣлывалъ онъ миски, подсвѣчники, а что касается печи, то никто не поставитъ такъ искусно, какъ панъ Бахминскій. Нѣсколько такихъ печей я самъ осматривалъ; одну изъ нихъ и сію минуту припоминаю, такъ она поразила меня оригинальностью замысла, чистотою и правильностью работы.

По срединѣ печи изображенъ былъ большой двуглавый орелъ; надъ нимъ св. Георгій пронзаетъ копьемъ змія. Эти два изображенія были довольно большихъ размѣровъ; вокругъ нихъ, въ маленькихъ рисункахъ, были все сцены изъ военной жизни: здѣсь солдаты выстроены въ рядъ, тамъ стрѣляютъ въ цѣль, тутъ опять наказываютъ провинившагося розгами и т. д. Съ одной стороны печ-

Библиотека "Руниверс"

ки—карета, запряженная четверней, а на другой—женщина прядетъ, а мужчина стрѣляетъ зайца. Всѣ рисунки переплетены цвѣтами и иными узорами. Эта печь поразила меня своей оригинальностью и я спросилъ объ ней у хозяина. — „Это, говоритъ, Бахминскій сдѣлалъ для моего отца; они долго служили вмѣстѣ въ военной службѣ, такъ это потому такъ Бахминскій для него придумалъ“.

Не берусь судить, дѣйствительно-ли „отецъ“ имѣлъ намѣреніе чрезъ эту пластику передать своимъ сыновьямъ свѣдѣнія о своихъ геройскихъ подвигахъ и своей дальнѣйшей жизни человѣка женатаго и охотника, или это произошло чисто случайно, потому что мнѣ часто приходилось видѣть работы этого мастера, въ которыхъ онъ бралъ для изображеній сцены изъ военной жизни. Тѣмъ не менѣе нравильность въ расположеніи рисунковъ, мимо воли, наводитъ на мысль: „а можетъ быть это и въ самомъ дѣлѣ своего рода біографія“. Можетъ еще вѣрнѣе—это pendant къ украинскимъ пѣснямъ, въ которыхъ такъ печально и незавидно рисуются жизнь рекрута, загнаннаго въ чужіе края, плачъ старой матери, прощанье съ любимой дѣвушкой, нѣмецкая *муштра*; то опять противупоставляется (надпись): „а вы браты товарищи мете-жъ газдувати, а я иду цісареви службу відбувати“... Другую печь видѣлъ я у одного жида; тутъ изображены были преимущественно фигуры геометрическія и цвѣты; бытовыхъ сценъ не было никакихъ. Но вся орнаментика, въ отношеніи фигуръ и расположенія ихъ, всецѣло отвѣчала узорамъ на вышивкахъ тамошняго украинскаго народа *).

Долгое время жилъ такъ Бахминскій, никѣмъ не примѣченный и неизвѣстный свѣту, и выдѣлывалъ свои подсвѣчники для церквей,

*) Прекрасная коллекція образчиковъ орнаментики того уголка Украйны находятся у г-жи Е. Озаркевичъ и вскорѣ будетъ выпущена отдѣльнымъ изданіемъ. Пока вышли три тома подъ заглавіемъ: «Орнаментика українського люду въ Галичинѣ», изданные промышленнымъ товариществомъ во Львовѣ. Первыхъ два тома содержатъ въ себѣ образцы вышивокъ и тканей, а третій, особенно хорошо составленный, содержитъ въ себѣ снимки съ работъ крестьянина—рѣзбаря Юрія Шкриблака, изъ Яворова,—между которыми особенно хороши его мозаичныя работы (или, какъ онъ выражается, «жыровані» работы). Изъ щепочекъ, блёстокъ и косточекъ выкладываетъ онъ, въ своихъ произведеніяхъ, самыя изящныя и въ высшей степени правильныя фигуры.

Библиотека "Руниверс"

печи изъ кафель для сосѣдей и миски на ярмарокъ. Продавалъ всё это и жилъ себѣ спокойно, не подозрѣвая даже, какой у него кроется талантъ. Уже когда въ Коломыѣ въ 1877 г. была основана школа для поддержанія и дальнѣйшаго развитія гончарнаго производства, просвѣщенный учитель этой школы обратилъ вниманіе на коссовскаго мастера. Пригласили его быть учителемъ, но старый Бахминскій не желалъ разстаться со своею мастерскою въ Коссовѣ, гдѣ онъ столько лѣтъ трудился, и согласился лишь на то, что принялъ къ себѣ въ науку нѣсколькихъ учениковъ коломыйской школы. Наибольшій почетъ выпалъ на долю Бахминскаго на этнографической выставкѣ въ Коломыѣ, въ 1880 году, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ токаремъ Шкриблакомъ, выставлялъ свои произведенія и получилъ главную медаль. Тогда-же онъ былъ представленъ и австрійскому императору, который, во время своего переѣзда черезъ Галичину, посѣтилъ выставку.

Теперь еще нѣсколько словъ о способѣ выполненія Бахминскимъ своихъ работъ. Для поливы онъ употреблялъ самые простые составы, а рисовалъ простымъ гвоздемъ.

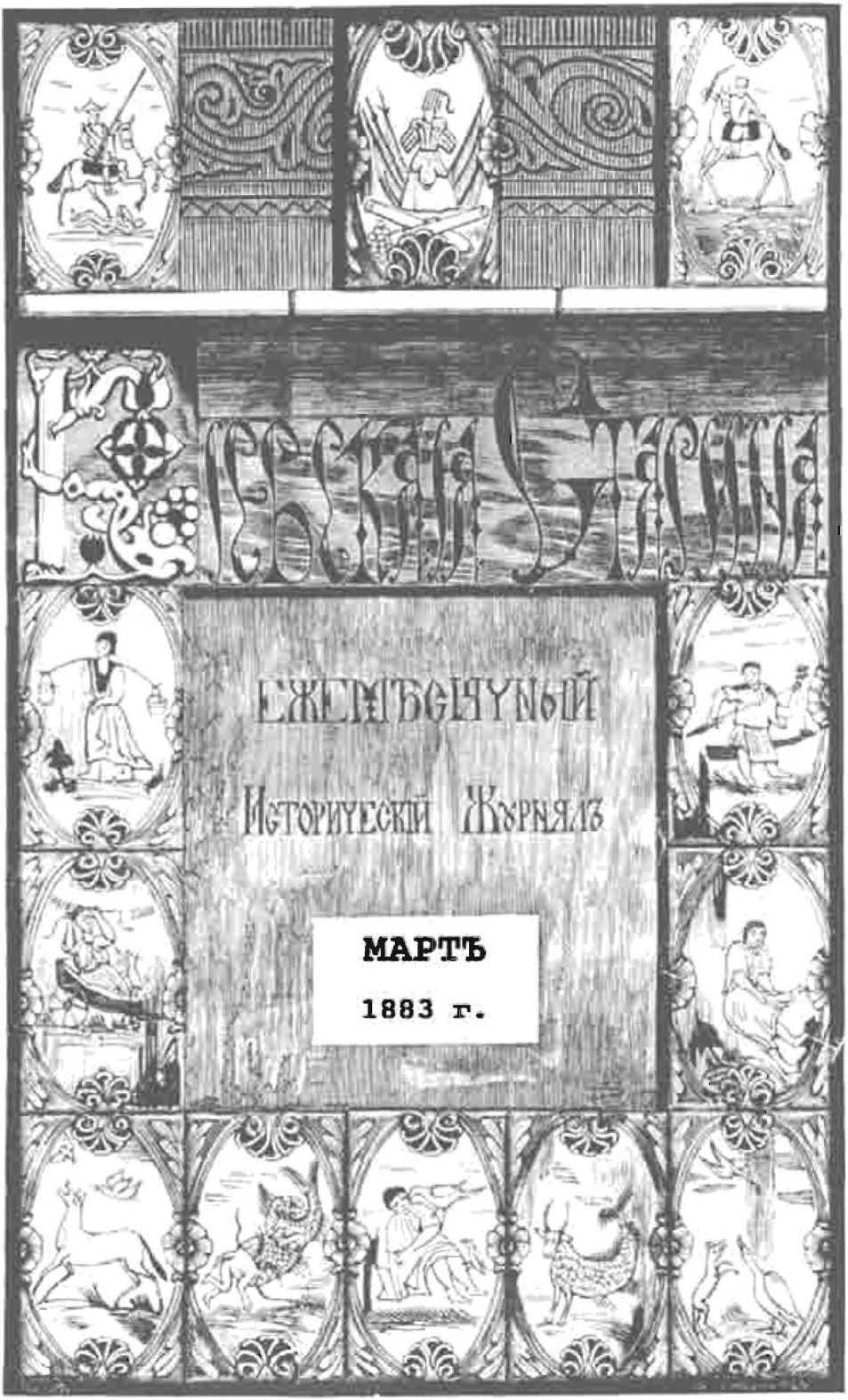
— „А що зъ того буде, пане майстеръ?“—спрашиваю я старика Бахминскаго, который задумчиво выдавливалъ своимъ импровизированнымъ снарядомъ на глинѣ плоды своей фантазіи.

— „Або я знаю? може заяць, може квітка, а може які узоры, отвѣтилъ онъ. Одна секунда, и рисунокъ былъ уже готовъ для *поливы*.

Въ прошломъ году пріѣзжаю я домой и спрашиваю про Бахминскаго. Заболѣлъ, говорятъ, весною и умеръ. Послѣ я прочелъ его біографію въ галицкихъ и нѣмецкихъ газетахъ.

І. О—скій.

Библиотека "Руниверс"



Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1883 г.

I. ЖИДОТРЕПАНІЕ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА. (*Окончаніе*). **Н. Костомарова** 477

II. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ (отрывки изъ юношескихъ воспоминаній). (*Продолженіе*). **Н. Лѣскова** 493

III. СЕМЕНЪ ГАРКУША (1772—1784 г.). **К. Кошовика** 528

IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Продолженіе*). **А. Л. Шиманова** 555

V. ДОПРОСЪ ГРИГОРІЯ ГЕРЦЫКА ОБЪ УЧАСТІИ ЕГО ВЪ ИЗМѢНѢ МАЗЕПЫ 595

VI. ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА КЪ БР. ЗАЛЕСКОМУ (1853—1857 г.) (*Продолженіе*). Сообщилъ **М. Т—овъ**. 611

VII. ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ (1833—1834 г.). Сообщилъ **С. Пономаревъ**. 623

VIII. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО (1768—1776 г.). (*Продолженіе*). **В. А** 630

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Leopold Hauzer.—Monografja miasta Przemyśla. Przemyśl, 1883.—б) Ол. Барвѣньскій. — Исторія Руси. Часть VI. Львовъ, 1882 г.—б) Историческіе, матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Составилъ Ал. Андріевскій. Кіевъ, 1882 г.—г) Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Варшава. 1882 г.—д) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. Черниговъ. 7 ч. 1873 г. 647

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Вертепъ въ Духовщинѣ.—б) Очерки національныхъ типовъ въ украинской народной словесности.—в) Два типа южно-русскихъ монастырей.—г) Лѣтописныя замѣтки. (1651—1749 г.).—Еще о старинныхъ трактахъ въ южной Россіи.—е) Голосъ запорожскаго депутата во всероссійскомъ собраніи депутатовъ 1768 г.—ж) Новыя извѣстія о старыхъ фигурныхъ изразцахъ.—з) Стихотворный памятникъ нашествія шведовъ на Украйну 659

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1883 г. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

МАРТЪ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1-го марта 1883 года.

Библиотека "Руниверс"

Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка.

(Окончаніе*).

Когда путники скрылись за воротами, цадикъ обвелъ суровымъ взглядомъ все іудейское сонмище и молча, но многозначительно указывалъ рукою на востокъ, гдѣ комета при стухавшей на западѣ вечерней зарѣ становилась ярче и почему-то казалась какъ будто грознѣе. Ядро ея находилось вблизи горизонта, ея хвостъ поднимался вверхъ и достигалъ половины небеснаго свода.

Эта звѣзда хвостатая, произнесъ наконецъ цадикъ,—это предвѣстіе бѣды іудейской общинѣ въ гетманщинѣ. А бѣда—вонъ она, выѣхала изъ этого двора! Да, израильтяне! Этотъ молодой крикунъ—это бѣда наша. Это змѣя угрожающая уязвить пяту израиля. Скорѣе, скорѣе растоптать эту злую гадину. Сами слыхали, съ какою злобою шипѣла она противъ израиля. Это не простой, обыкновенный врагъ, какихъ много между поклонниками проклятаго Толюя. Онъ—книги наши читалъ, выучился нашему языку священному, а все за тѣмъ, чтобъ намъ чинить вредъ. Что онъ говоритъ намъ въ глаза, а того хуже говоритъ онъ про насъ съ своими гоями. Ужасно! Они ему вѣрятъ. Онъ можетъ поднять на насъ глупую толпу почитателей Толюя и тогда можетъ произойти такое, что и вообразить страшно. Израильтяне, внимайте! по примѣру предковъ нашихъ, великихъ учителей, произношу надъ нимъ великое проклятіе; беззаконія отцовъ его да падутъ на него и онъ не достигнетъ преполовенія дней своихъ. Болѣзни адовы да поразятъ его. Пусть червь источитъ его. Пусть страдаетъ такъ, чтобъ не могъ ни ѣсть, ни пить, ни сидѣть,

---

*) См. январьскую книжку «Кіевской Старины» за 1883 г., стр. 1—26.

Библиотека "Руниверс"

ни стоять, ни лежать, пусть вопитъ и кричитъ отъ страшной боли день и ночь, пусть смрадъ нестерпимый исходитъ отъ него и родители его не въ силахъ будутъ подойти къ нему. Пусть конецъ его будетъ темепъ и скользокъ, пусть ангелъ Господень преслѣдуетъ его, пусть все достояніе его расхитятъ чужіе и никто не пожалѣетъ о немъ, и память его изгладится изъ земли живущихъ, и діаволъ во вѣки не отходитъ отъ десной страны его! Не любилъ онъ благословенія, а возлюбилъ зло и проклятіе на бѣдныхъ сыновъ израиля; пусть-же проклятіе наше, какъ одежда, обовьетъ всѣ члены его, пусть какъ елей всосется въ тѣло его и проникнетъ въ кости его! Готовилъ онъ сѣть израилю—пусть самъ завязнетъ въ нее; рылъ онъ ровъ смертный израилю—пусть впадетъ въ него; пусть всѣ злые замыслы развѣются какъ пыль въ вихрѣ, какъ солома предъ вѣтромъ! Таково воздаяніе отъ Бога на замышляющихъ зло и неправду на израиль! Отселѣ никто изъ васъ, братья, да не дерзаетъ не только что пріятельствовать съ нимъ, но даже говорить съ нимъ, ниже отвѣчать ему, если онъ къ кому обратится; пусть каждый при встрѣчѣ съ нимъ отвратится отъ него и трижды произнесетъ: буди проклятъ! Тотъ-же, кто не соблюдетъ сего и войдетъ съ нимъ въ какое-либо сношеніе, да изгонится самъ отъ сонмища благочестивыхъ! Если-же кто подниметъ на себя трудъ удалить этого злодѣя изъ числа живущихъ, тотъ получитъ милость и награду отъ Бога вышняго, ибо тотъ свершитъ благое дѣло предъ Нимъ, избавивъ народъ вѣрный Богу отъ врага, клеветника и губителя. Гдѣ живетъ этотъ злодѣй?

— Въ Городнѣ—былъ отвѣтъ отъ Шмуля! Только онъ тамъ рѣдко бываетъ; учится въ Кіевѣ и теперь поѣхалъ въ Кіевъ съ домашней побывки. Теперь должно быть пріѣдетъ знмой къ своему празднику.

— Такъ пусть-же, пріѣхавши къ роднымъ своимъ, онъ уже не ѣдетъ болѣе въ Кіевъ! Кто живетъ въ Городнѣ!?

— Я, отвѣчалъ Давидъ, — держу тамъ корчму, да мой свояк Яковъ служитъ у пана Дубовика, тамошняго сотника.

— Пусть-же они примутъ на себя святой долгъ избавить своихъ единовѣрцевъ отъ опаснаго врага, сказалъ цадикъ.—Велико утѣшеніе будетъ всему израилю, когда услышится, что его нѣтъ болѣе на свѣтѣ.

Библиотека "Руниверс"

Приближался праздникъ Рождества Христова. Тѣ студенты кіевской коллегіи, которыхъ родные жили недалеко отъ Кіева, пользуясь наступавшимъ свободнымъ отъ ученія временемъ, спѣшили провѣдать своихъ кровныхъ, чтобъ на досугѣ вмѣстѣ съ ними поѣсть колбасъ, послушать колядокъ и самимъ, при возможности, пощеголять декламаціею виршъ и вертепныхъ дѣйствъ. Каждому хотѣлось пріѣхать домой, по крайней мѣрѣ, дня за три или за два до праздника, чтобы принять участіе и въ домашнихъ приготовленіяхъ къ праздничному торжеству, которыя въ Малороссіи заключаютъ въ себѣ что-то веселое. Отправился изъ Кіева и Микола Сохно въ свою родную Городню, гдѣ у него проживали постоянно козакъ отецъ съ матерью, двѣ сестры и меньшій братъ. Микола на перепутьи заѣхалъ къ Вендюху, котораго считалъ и называлъ своимъ протекторомъ, пробылъ у него въ усадьбѣ цѣлый день, а потомъ Вендюхъ отправилъ его на своихъ лошадяхъ въ Городню. Сохно пріѣхалъ въ родительскій домъ 23 декабря уже передъ вечеромъ. Послѣ первыхъ выраженій радости свиданія и веселаго домашняго, хотя и скромнаго, какъ надлежало, во время поста, ужина, родители отвели сыну отдѣльную избу и помѣстили его тамъ съ меньшимъ братомъ.

Утромъ на другой день меньшой братъ ушелъ изъ избы, домашніе были заняты приготовленіями къ празднику, а Микола, повидавшись съ ними, сѣлъ одинъ въ избѣ и сталъ читать какую-то книгу привезенную съ собою. Вдругъ къ нему кто-то постучался и Микола удивился, когда къ нему вошелъ іудей, городнепскій корчмарь Давидъ.

— Что тебѣ надобно, жидъ? спросилъ его отрывисто Микола.

Былъ прежде жидъ—сказалъ Давидка: а теперь такой, что ужь не хочетъ быть жидомъ!

— Что ты хочешь сказать? съ удивленіемъ спросилъ его Микола.

— То, что хочу креститься, сказалъ іудей.

— Богъ тебя благословитъ на доброе дѣло, если истинно желаешь совершить его. Какъ-же это пришла тебѣ такая благая мысль? — спрашивалъ Сохно.

— Самъ не знаю, отвѣчалъ Давидъ.—Видно благодать послана отъ Бога. Вотъ, сижу себѣ и думаю, и вдругъ какъ будто мнѣ что-то ясно стало, что въ нашемъ жидовскомъ законѣ что-то не-

Библиотека "Руниверс"

правильно; ждемъ ны пришествія Мессіи напрасно! Мессія уже приходилъ: это былъ вашъ Іисусъ Христосъ; какъ обѣщалъ Богъ черезъ пророковъ, такъ оно и совершилось; онъ есть царь неба и земли. И отъ того вѣрующіе въ него всю власть получили, а бѣдные глупые жидки, что не хотѣли одни изъ всѣхъ народовъ признать его, терпятъ наказаніе отъ Бога и у всѣхъ пребываютъ въ пренебреженіи и униженіи; прежде были первый народъ на землѣ, а теперь стали самый послѣдній. Хотѣлось мнѣ вчитаться въ ваши книги. Я бралъ читать вашъ Новый Завѣтъ, чтобы познакомиться съ закономъ христіанскимъ, да многаго не понимаю. Я прихожу къ твоей милости; окажи мнѣ помощь и содѣйствіе. Хочу поговорить съ тобою!

Молодой студентъ съ живостію, свойственною его пылкому характеру, принялъ близко къ сердцу слова іудея и пришелъ въ восторгъ. Онъ съ увлеченіемъ началъ излагать основныя начала христіанскаго вѣроученія, стараясь свидѣтельствами Ветхаго Завѣта доказывать іудею, что Христосъ есть именно тотъ обѣтованный Мессія, котораго предвозвѣстили пророки. Іудей слушалъ его, по видимому, съ напряженнымъ вниманіемъ и съ чувствомъ, которое выражалось по временамъ вздохами. За тѣмъ іудей сталъ дѣлать нѣкоторые вопросы, касавшіеся обрядовой стороны религіи. Миколѣ не приходило въ голову, что іудей говоритъ неискренно, хотя другой, болѣе Миколы опытный, замѣтилъ-бы это, такъ какъ іудей, начавши съ заявленія желанія уразумѣть Новый Завѣтъ, сошелъ вдругъ на второстепенные предметы, напримѣръ: сколько постовъ уставлено въ православной церкви и какъ ихъ соблюдать, какіе праздники надобно особенно почитать, что значитъ освященіе воды на іордани? Опытнаго остановило-бы то, что это все вопросы, которые всякому иновѣрцу могли придти въ голову изъ простаго любопытства, какъ неизвѣстные пріемы въ чужой для него религіи, и не показывали еще желанія узнать сущность вѣроученія, чтобы самому усвоить его. Микола простодушно удовлетворилъ іудея отвѣтами, а Давидко сказалъ, что готовъ креститься хоть тотчасъ, только вотъ жена его немного колеблется. Іудей просилъ Миколу идти съ нимъ и убѣждать жену его и дѣтей не противиться горячему желанію хозяина и вмѣстѣ съ нимъ принять крещеніе. Не долго размышляя, Микола увлекся представлявшеюся ему апостольскою дѣя-

Библиотека "Руниверс"

тельностью и согласился. Домашніе, въ другой избѣ занятые хлопотами по хозяйству, не видали проходившаго къ Миколѣ жида и онъ, не сказавши ничего родителямъ, вышелъ съ нимъ изъ дома, надѣясь скоро воротиться. Микола уже не возвратился.

Сначала родители, замѣтивъ, что сына нѣтъ дома, думали, что онъ отправился къ обѣднѣ и, устроивши домашнія свои хлопоты, сами пошли въ церковь. Сына своего они тамъ не видали. Окончилась навечерняя обѣдня. Уже смеркалось. Собралась вся семья на кутью. Микола не приходилъ. Отецъ былъ недоволенъ, ворчалъ и грозилъ дать ему нагоняя за то, что онъ невѣсть-куда запропастился изъ дома въ такой торжественный день. Вотъ уже наступила ночь. Никто не могъ уснуть, безпрестанно прислушивались къ каждому шороху внѣ дома, ожидая возвращенія Миколы. Но его не было. Дочери въ безпокойствѣ бросились по сосѣдямъ спрашивать о братѣ. Никто его не видалъ, ни къ кому не заходилъ онъ. Мать стала плакать и вопить, да и у самаго отца негодованіе уступило мѣсто страху. Такъ проходила эта безпокойная зловѣщая ночь. Зазвонили къ заутрени. Всѣ пошли въ церковь. Миколы тамъ не было. Спрашивали священника, не видалъ-ли онъ его; спрашивали церковнослужителей; никто не сообщилъ о немъ чаемаго извѣстія. Началась литургія. И ее отстояла семья Сохны съ тревогою, Микола не показывался. Воротились домой. Сѣли по обычаю разговляться, но вмѣсто того, чтобъ ѣсть и пить—всѣ плакали. „Праздника люди дождались, сказалъ отецъ, а мы—великаго горя! Микола пропалъ!“—„Его нѣтъ болѣе въ живыхъ, мой Микола пропалъ!“ кричала мать и какъ безумная, металась изъ угла въ уголъ.

Быстро разнеслась по Городнѣ вѣсть объ исчезновеніи неизвѣстно куда кіевскаго студента, пріѣхавшаго къ родителямъ на праздники. На второй день праздника является къ Сохнамъ посполитый обыватель Лавринъ Хорогвиненко и объявляетъ, что въ навечеріе праздника онъ случайно видѣлъ, какъ Микола Сохно шелъ вмѣстѣ съ жидомъ Давидкомъ въ корчму послѣдняго.

— Я, говорилъ Хорогвиненко, ходилъ въ шинковный домъ купить вина къ празднику. Выходя изъ корчмы съ виномъ, я на порогѣ корчмы повстрѣчался съ Сохномъ, когда онъ вмѣстѣ съ корчмаремъ туда входилъ. Мы поздоровались, а Микола, указавши на жида, сказалъ, что этотъ почтенный израильтянинъ хочетъ къ Хри-

Библиотека "Руниверс"

сту обратиться. А жидъ Давидко махнулъ рукою и проговорилъ: „это еще не рѣшенное дѣло“. Я ушелъ съ виномъ къ себѣ домой, а ихъ въ корчмѣ оставилъ. Съ той поры я Миколы Сохна не видалъ.

Свидѣтельство Хоругвиненка въ данную минуту было очень важно. Слѣдъ пропавшаго безъ вѣсти начиналъ отыскиваться. Родители пошли къ городненскому сотнику Дубовику и просили, на основаніи свѣдѣнія, доставленнаго Хоругвиненкомъ, сдѣлать допросъ жиду Давиду.

Сотникъ немедленно приказалъ позвать корчмаря. Онъ прежде того находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и называлъ добрымъ человѣкомъ, а потому принялъ его ласково и спрашивалъ: знаетъ-ли онъ кіевскаго студента Миколу Сохна и не видалъ-ли его послѣ его пріѣзда къ родителямъ къ празднику? Жидъ отвѣчалъ, что онъ Сохна не знаетъ и никогда его въ глаза не видывалъ. Дубовикъ, не сказавши жиду ни слова, приказалъ позвать Хоругвиненка. Послѣдній сталъ уличать жида, что на канунѣ праздника онъ ходилъ къ нему въ корчму за виномъ и на порогѣ встрѣтилъ Сохна, шедшаго въ корчму вмѣстѣ съ ея хозяиномъ. Давидка, увидя Хоругвиненка, сначала смутился и поблѣднѣлъ, но скоро оправился и сказалъ, что не видалъ ни того, ни другого, а потомъ подался и говорилъ Дубовику: „вельможный панъ, ко мнѣ въ этотъ день предъ праздникомъ много народа приходило. Можетъ быть и онъ приходилъ, я его хорошо не замѣтилъ“.

— Странное дѣло!—сказалъ Хоругвиненко—какъ это меня ты могъ не узнать! Вѣдь мы очень давно одинъ другого знаемъ. Мы съ тобой сосѣди. Наши дворы заборами сошлись. И Сохна ты знаешь, когда съ нимъ рядышкомъ шелъ въ свою корчму, а Сохно при тебѣ сказалъ мнѣ, что ты хочешь креститься, ты-же махнулъ рукою и проговорилъ: это дѣло еще не рѣшенное. Это дѣлалось всего только позавчера.

— Ничего такого не было! говорилъ Давидко. Этотъ мужикъ простѣ выдумалъ. Я никакого Сохна не видалъ и въ лицо не знаю!

— Ну, это уже черезъ чуръ, сказалъ сотникъ. Съ чего таки этому человѣку на тебя выдумывать? Я понимаю: ты Давидка, человѣкъ хорошій, ни въ чемъ судомъ не объявлялся. Но ты просто трусъ, какъ вся ваша братія жиды. Ты боишься, самъ не зная, чего. А это напрасно. Ну, что изъ того, если къ тебѣ приходилъ

Библиотека "Руниверс"

этотъ Сохно? Мало-ли кто къ тебѣ приходитъ? У тебя корчма. Входъ никому не закрытъ.

Это ободрило Давидка. Помявшись еще не много, онъ сказалъ, что хорошо не помнитъ, можетъ быть и этотъ Сохно приходилъ. Много народа входило и выходило. Тѣ пили, другіе покупали вино и съ собой уносили. Кажется точно съ этимъ Хоругвиненкомъ входилъ какой-то молодой, но Сохно-ли онъ, или иначе прозывается, онъ, Давидъ, не знаетъ.

Хоругвиненко еще разъ заявлялъ, что съ нимъ никто не приходилъ, напротивъ онъ встрѣтилъ въ дверяхъ корчмы Сохна, шедшаго туда вмѣстѣ съ корчмаремъ.

— Вонъ, сказалъ сотникъ, говорятъ про тебя, что ты обѣщалъ Сохну креститься и это про тебя Сохно Хоругвиненку сказалъ. Что ты на это намъ скажешь?

— Неправда, отвѣчалъ Давидко; у меня и на умъ это никогда не приходило.

— Говорятъ, ты ходилъ къ Сохну въ тотъ день и родители Сохна сказывали, что приходилъ къ ихъ сыну какой-то жидъ, но они его не видали?—продолжалъ сотникъ.

— Не ходилъ я къ Сохну, сказалъ Давидко; можетъ быть какой-то тамъ жидъ и ходилъ, да не я!

— Эхъ Давидко, Давидко! говорилъ сотникъ:—самъ на себя ты наводишь подозрѣніе, я увѣренъ, что напрасное. А все изъ своей трусости, боишься правду сказать.

— Вельможный панъ сотникъ! произнесъ немного помолчавши Давидко: прости меня глупаго. Я точно испужался. Правду я скажу. Былъ у меня молодой человѣкъ: Сохно-ли онъ или другой кто—не знаю. Онъ приходилъ вмѣстѣ съ нимъ, купили вина и вмѣстѣ ушли, выпивши по чаркѣ.

— Ни я, ни Сохно у тебя вина не пили, сказалъ Хоругвиненко: купилъ вино у тебя я, а ты пришелъ вмѣстѣ съ Сохномъ откуда-то и остался съ нимъ въ корчмѣ.

— Вотъ таки ты, Давидко, начинаешь подаваться. Подайся-жъ до конца!—говорилъ сотникъ: лучше будетъ и для насъ и для тебя самаго. Видно изъ всего, что Хоругвиненко говоритъ правду, а ты отъ страха путаешься. Ты самъ пришелъ съ Сохномъ въ свою корчму, а не съ Хоругвиненкомъ Сохно приходилъ, какъ ты по-

Библиотека "Руниверс"

казываешь. Сознайся-ка. Скажи откровенно, куда ты ходилъ съ Сохномъ, или гдѣ его встрѣтилъ? Говори правду. Ничего не бойся.

— Я, твердилъ Давидко, съ Сохномъ никуда не ходилъ и не зналъ его. А что, быть можетъ онъ у меня въ корчмѣ былъ, такъ у меня много людей перебывало въ этотъ день. Всѣхъ не узнаешь!"

— Такъ ты съ Сохномъ никуда не ходилъ и съ нимъ въ корчму не входилъ? спрашивалъ сотникъ. Это твое послѣднее слово?

— Да, вельможный панъ!— сказалъ жидъ.

— Ну, смотри-же, сказалъ сотникъ; если что-нибудь откроется, какъ-бы ты не запутался чрезъ свое упрямство.

Жида отпустили. Родители Сохна были этимъ недовольны, но сотникъ сказалъ имъ: „я по праву не могъ задержать его. Сами слышали, какъ онъ запирался. Никакихъ уликъ противъ него не имѣется".

Послѣ новаго года наступила продолжительная оттепель. Въ теченіи трехъ недѣль она дошла до того, что походила уже на весеннюю распутицу. Дворъ Хоругвиненка прилегалъ къ двору корчмаря. За садомъ у него было гумно, а за нимъ ограда, за которою начиналась ограда корчмаря. Между двумя оградами было пустое мѣсто шириною сажня въ два и тамъ навалена была большая куча перетлѣлой соломы, выброшенной изъ гумна Хоругвиненка. Однажды Хоругвиненко обходилъ свое гумно и, приблизившись къ оградѣ, за которою лежала солома, почуялъ трупный запахъ; онъ перелѣзъ черезъ невысокую ограду и, пригнувшись къ соломѣ, удостовѣрился, что запахъ исходитъ оттуда. Хоругвиненко пригласилъ въ свидѣтели двухъ сосѣдей и при нихъ сталъ разрывать солому. Наткнулись на человѣчій трупъ, который началъ уже разлагаться. Тѣмъ не менѣе на немъ можно было замѣтить слѣды порѣзовъ, а на рукахъ были веревки, которыми трупъ, какъ видно, былъ къ чему-то привязанъ.

— Это Сохно! сказалъ Хоругвиненко;—тотъ самый, что на кутью пропалъ не вѣсть куда. Это онъ!

Тотчасъ дали знать сотнику. Дубовикъ приказалъ принести трупъ въ сотенный дворъ и помѣстить въ пустую холодную клѣть (хижу). Одного изъ служителей послалъ онъ за родителями Сохна, а сотенному хорунжему Ничипоренку поручилъ съ понятыми произвести обыскъ во дворѣ жида корчмаря и самаго корчмаря доставить

Библиотека "Руниверс"

въ сотенную избу. Ничипоренко во дворѣ корчмаря въ пустой клѣти нашелъ висящіе на перекладинѣ остатки веревки и когда приложили ихъ къ тѣмъ веревкамъ, которые находились на рукахъ трупа, оказалось, что онѣ были отрѣзками однѣ отъ другихъ.

Въ то время, когда въ холодной хижѣ, гдѣ положенъ былъ трупъ, посреди набившагося туда народа, родители разливались въ слезахъ и воплѣхъ, въ сотенной избѣ Дубовикъ дѣлалъ допросъ Давидкѣ.

— Ну, жидъ, говорилъ сотникъ, что теперь ты скажешъ? Тутъ ужъ не подозрѣніе, а прямыя улики. Это твое дѣло съ Сохномъ.

— Отчего мое? крикливымъ голосомъ заговорилъ жидъ. — Я тутъ причемъ? Мало кто ко мнѣ въ корчму ходитъ вино пить и покупать! За всѣхъ развѣ я отвѣчать долженъ, если какой гдѣ пропадетъ! Что? развѣ онъ у меня въ дворѣ найденъ? Пусть отвѣчаетъ тотъ, у кого въ соломѣ нашли его.

— Отчего-же, говорилъ сотникъ, такъ случилось, что веревки, висѣвшія на перекладинѣ въ твоей клѣти, оказались отрѣзками тѣхъ, что найдены у трупа на рукахъ?

— Не знаю, говорилъ жидъ, почему-же тѣ? Веревка всякая похожа на другую веревку.

— А что ты вѣшалъ на перекладинѣ въ своей клѣти подъ овиномъ?—допрашивался сотникъ.

— Это ужъ давно было, милостивый панъ, отвѣчалъ іудей. Когда-то рѣзали барана, такъ тамъ висѣла тушка. Такъ и оставались съ той поры отрѣзки веревокъ.

— Это ты врешь! сказалъ сотникъ; отрѣзокъ, висѣвшій у тебя въ клѣти, ясно показываетъ, что онъ отъ той самой веревки, что была на рукахъ у мертвеца. Это твое дѣло! Сознавайся! Не то я тебя прикажу заковать, а потомъ велю вести на „тортуры“, чтобъ добыть отъ тебя правду.

— За что такъ, вельможный, милостивый панъ? говорилъ жидъ; развѣ только за то, что я бѣдный жидъ и насъ горемыкъ всѣмъ обижать можно? Гдѣ-же тутъ правда? У кого нашли мертвое тѣло, того и ведите въ тортуры и допытывайтесь, а не меня; я къ этому дѣлу ничѣмъ не приличенъ, мое дѣло совсѣмъ сторона.

— Ты, говорилъ сотникъ, съ покойникомъ входилъ откуда-то въ свою корчму и не хотѣлъ въ томъ сознаться, когда тебя въ томъ уличали, а теперь у тебя въ хижѣ нашли отрѣзокъ той са-

Библиотека "Руниверс"

мой веревки, которою былъ привязанъ мертвецъ. Это прямыя улики. И когда ты запираешься, по праву тебя слѣдуетъ вести въ тортуры и допытываться правды муками.

Сколько ни кричалъ жидъ, его заковали, и потомъ сотникъ еще разъ предложилъ ему сознаться безъ мукъ добровольно, а жидъ твердилъ одно и тоже: „допытывайтесь правды у того, въ чьей соломѣ нашли мертвое тѣло, а я тутъ ни при чемъ". Его повели къ пыткѣ, въ другую комнату, приспособленную къ такимъ цѣлямъ.

Едва жидъ увидалъ дыбу, кнуты и желѣзо, положенное на горячіе уголья, какъ упалъ на колѣни и закричалъ, что безъ мукъ всю правду объявитъ. Его не стали пытать и привели снова въ сотенную избу.

— Я пропалъ! кричалъ жидъ, пропалъ на вѣки! Пропащій я теперь человѣкъ! Сознаюсь во всемъ: мы убили Сохна—я вмѣстѣ съ Хоругвиненкомъ.

— Ты брешешь, какъ песъ!—воскликнулъ Хоругвиненко.

— Молчи! грозно крикнулъ на Хоругвиненка сотникъ и приказалъ надѣть на него цѣпь. Потомъ, обратившись къ жиду, онъ сказалъ:

— По праву слѣдуетъ тебя вести въ пытку, чтобъ ты на тортурахъ подтвердилъ то, что сказалъ.

Напрасно жидъ кричалъ въ совершенномъ умозступленіи. Его быстро потащили въ пыточную, подняли на дыбу, но едва дали одинъ ударъ, какъ онъ закричалъ, что сказалъ неправду. Его стащили и привели въ сотенную избу.

Скрежеща зубами и трепеща всѣмъ тѣломъ, жидъ, прерывая рѣчь всхлипываніями, сказалъ:

— Я напрасно показалъ на Хоругвиненка. Я сдѣлалъ такъ изъ злобы за то, что Хоругвиненко донесъ на меня.

Снимите цѣпь съ Хоругвиненка, проговорилъ сотникъ и, обратившись снова къ жиду, говорилъ:

— Кто былъ съ тобою, когда ты мучилъ Сохна?

— Мой свояк Яковъ, проговорилъ Давидко.

— Тотъ, что у меня служитъ? спросилъ сотникъ.

— Тотъ самый, отвѣчалъ Давидко.—Болѣе никого не было.

— Мы васъ не станемъ болѣе допрашивать и мучить. Убійство найдено, одинъ убійца сознался. Препроводимъ его вмѣстѣ съ его

Библиотека "Руниверс"

товарищемъ и Хоргвиненкомъ въ Черниговъ. Пусть тамъ полковыя власти ихъ судятъ. А ты, писарь, напиши отъ меня донесеніе,— сказалъ сотникъ.

Писарь написалъ донесеніе черниговскому полковнику Евфиму Лизогубу: въ этомъ донесеніи было выражено, что „сотни городницкой одинъ жидъ, по имени Давидко, прибравши въ товарищи другого жида, свояка своего Якова, ночью, въ навечеріе праздника Рождества Христова, одного христіанина Миколу Сохна изъ шинковнаго дома запровадили на особое мѣсто и тамъ онаго безбожно замучили, и рѣзали его, и кровь точили. И хотя жидъ Давидко обвинилъ въ участіи съ нимъ еще одного христіанина, но на первой пыткѣ его оправилъ". Вмѣстѣ съ рапортомъ посылалось подробное описаніе признаковъ убійства, найденныхъ на трупѣ Сохна.

Тѣло убитаго было отдано родителямъ на погребеніе, которое и совершилось обычнымъ порядкомъ.

Въ городѣ Черниговѣ на ратушѣ, по приказу черниговскаго полковника Евфима Лизогуба, засѣдали: полковой судья Затиркевичъ, въ качествѣ его товарищей или подсудковъ Ялинскій и Свободецкій, черниговскій войтъ Іосифъ Евлевичъ, бурмистръ годовой Ѳедоръ Якимовичъ, двое сотниковъ приглашенныхъ къ суду—Стефановичъ и Молявка, двое райцевъ черниговскихъ и мѣйскій писарь Емельянъ Якимовичъ. Судья провозгласилъ, что будетъ разбираться „дѣло по донесенію сотника городненскаго Дубовика о мученіи Сохны, жителя городненскаго, отъ жидовъ учиненномъ".

— Говори, подсудимый, да только всю правду говори, сказалъ судья введенному на судъ Давидку корчмарю, иначе знай, что если правды не скажешь добровольно, то поведутъ тебя на тортуры.

Жидъ Давидко объявилъ, что въ селѣ „Жуковцахъ, въ корчмѣ сотника дѣвицкаго Вендюха, у жида арендаря Шмуйла, собирались жиды на свой жидовскій праздникъ Трубки, и пришелъ къ нимъ христіанинъ Микола Сохно и сталъ ругать и поносить всѣхъ жидовъ, и жиды, которыхъ тамъ было болѣе сорока человѣкъ, и они всѣ озлобились и по отъѣздѣ того христіанина Сохна, жителя городненскаго, приговорили его убить за то, что онъ жидовъ и ихъ жидовскую вѣру поносилъ. И онъ Давидко съ своякомъ своимъ Яковомъ, живучи въ Городнѣ, подялись на то дѣло".

Библиотека "Руниверс"

— Неправда, сказалъ судья. Ты не сказалъ настоящей причины. Вамъ, жидамъ, потребно было крови христіанской. Вы обыкли красть христіанскихъ дѣтей и мучить ихъ, кровь изъ нихъ выточивать для употребленія въ свои жидовскіе мацы. Въ вашемъ проклятомъ законѣ такъ постановлено, только вы сохраняете это отъ насъ втайнѣ и никто изъ васъ не долженъ того открывать, если-бъ даже его стали рѣзать и жечь. Намъ-же теперь именно о томъ власно идетъ, чтобъ васъ въ томъ обличить, да не то, что тебя или другую такую какъ ты шельму, а все ваше жидовство, дабы допытаться до вашей тайной науки и ее всему міру объявить и искоренить навсегда, хоть-бы и со всею вашею богопротивною злодѣйскою жидовскою породою. Теперь вотъ ты вѣдомый преступникъ, и въ преступствѣ своемъ сознаешься, а причины преступства своего добровольно ни за что не откроешь. Такъ мы намѣрены тебя заставить повѣдать намъ всю правду. Мы тебя такъ припаримъ, что ты у насъ заговоришь и скажешь намъ такъ, какъ мы захотимъ. Говори, собачій сынъ, ты замучилъ христіанина затѣмъ, чтобъ изъ него крови христіанской наточить. Сознавайся!

Жидъ трясся всѣмъ тѣломъ, не удержался на ногахъ и повалившись ничкомъ, вопилъ въ отчаяніи: „пропалъ я! пропалъ я! милостивые паны! я виноватъ, казните меня, вершите меня, только не мучьте меня!“

— Говори, проклятый! закричалъ судья; говори то, о чемъ тебя спрашиваютъ. Добромъ говори, коли не хочешь отвѣдать нашей припарки.

— Ай вей миръ! вей миръ! вопилъ жидъ. Я ничего такого не знаю. Далибугъ не знаю! чтобы мнѣ сейчасъ провалиться сквозь землю, если я знаю что нибудь объ этой крови, что вы спрашиваете.

— Ведите его въ баню, заревѣлъ судья; положить ему на спину и на животъ припарку, такъ заговоритъ иное.

Козаки потащили жида, который продолжалъ кричать и падалъ на землю... Пыточная здѣсь, какъ и въ сотенномъ домѣ въ Городнѣ, была рядомъ съ судовою избою, гдѣ производился судъ. Съ преступникомъ пошли туда Ялинскій и Свободецкій. Сняли съ Давидка одежду и стали водить по спинѣ раскаленнымъ желѣзомъ. Его пронзительные крики разносились въ судейской комнатѣ и слышны

Библиотека "Руниверс"

были на дворѣ. Между тѣмъ въ судейской комнатѣ происходило такое совѣщаніе.

Войтъ сказалъ:

— Городненскій обыватель Хорогвиненко объявлялъ, что покойный Сохно, встрѣтившись съ нимъ въ день своей плача достойной смерти, говорилъ, что этотъ жидъ приходилъ къ нему Сохну и заявлялъ желаніе креститься. Мнѣ кажется, теперь-бы этому жиду сказать, что если онъ окрестится и откроетъ всю ихъ жидовскую тайну, то ему будетъ помилованіе: онъ трусъ, на все согласится, и изложитъ подробно на письмѣ о всемъ, что по ихъ закону дѣлается.

— Безполезно — сказалъ судья; жиды изведутъ его, какъ измѣнника имъ, и будутъ твердить, что онъ отъ трусости крестился и клевещетъ, чтобъ намъ угодить.

Въ эту минуту вошли бывшіе при пыткѣ и объявили, что преступникъ согласенъ показать, какъ велятъ.

Ввели истерзаннаго, обожженаго жида. Онъ отъ боли не могъ пошевелиться. Его поддерживали.

Судья ласковымъ голосомъ сказалъ ему:

Присядь, Давидъ, и переведи духъ, а потомъ повѣдай намъ все, что знаешь. Говори смѣло. Не бойся!

Жидъ попросилъ воды, ему подали. Онъ выпилъ, и хотѣлъ было подняться, но закричалъ отъ боли и упалъ на скамью.

— Сиди, сиди! сказалъ судья. Не бойся! Говори сидя, только прошу тебя честью, говори правду, иначе уже не на насъ пеняй, а на самого себя.

Жидъ прерывистымъ голосомъ говорилъ такое показаніе:

— Какъ собрались жиды въ селѣ Жуковцахъ въ корчмѣ сотника Дѣвицкаго, у корчмаря Шмуля, на свой праздникъ Трубки, и было насъ тамъ человѣкъ сорокъ, и стали всѣ просить меня достать крови христіанской на праздникъ жидовскій пейсахъ, на которое дѣло поднялся я съ своякомъ своимъ Яковомъ. И какъ воротились мы съ Яковомъ въ Городню и черезъ нѣсколько недѣль, въ навечеріе христіанскаго рождественскаго праздника, пришелъ ко мнѣ въ корчму Хорогвиненко съ Сохномъ и купилъ вина, а какъ пошли домой, я догналъ Сохна, взялъ его и повелъ на гумно, и тотчасъ своякъ мой Яковъ, бывшій на то время у меня въ поварнѣ, при-

Библиотека "Руниверс"

шелъ, и мы съ нимъ Сохна связали и у сохи за руки и за шею повѣсили на перекладинѣ и привязавъ къ сохѣ, языкъ у него мотузкомъ вытянули и отрѣзали, потомъ уши понарѣзовали и въ платокъ завертѣли, а на позѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мякишъ, жилу вытянули для крови, и я ту кровь платкомъ обтеръ, а его умучивъ, съ перекладу снявъ и на овинъ тѣло встянувъ, съ своякомъ своимъ Яковомъ въ солому схоронилъ, которое двумя днями оттуду вывезъ ночью передъ свѣтомъ за гумно христіанина Лаврентія Хоротвиненка. А что перво на него Хоротвиненка я говорилъ, будто онъ мнѣ къ тому мученію былъ доточенъ, противъ того нынѣ его совершенно свобождаю, онъ не зналъ о томъ, а я для того Хоротвиненка былъ опорочилъ, что онъ въ корчмѣ былъ, когда Сохно приходилъ. И съ тѣхъ составовъ куски ушей посрѣзанныхъ я сѣдневскому жиду Шмулю отослалъ, а тупичевскому жиду Юдцѣ отвезъ языкъ и въ Сѣдневѣ на торгу подлѣ воза съ нимъ снявся далъ.

— А платокъ съ кровью куда дѣлъ? спрашивали судьи.

Жидъ отвѣчалъ, что отослалъ въ Жуковцы жиду Шмулю для раздачи жидамъ по кусочкамъ.

Допросили жида Якова. Онъ сказалъ:

— Заѣхалъ было я въ Жуковку, гдѣ многіе жиды на свой праздникъ собрались, и какъ туды и своякъ мой Давидко изъ Городни пріѣхалъ, и учалъ меня наговаривать, чтобъ я на житье въ Городню ѣхалъ, обѣщая мнѣ мѣсто тамъ возлѣ себя въ Городнѣ сыскать. А какъ перешелъ я въ Городню на житье, нашелъ мнѣ своякъ Давидъ мѣсто у господина Дубовика. А что Давидъ своякъ на меня говорилъ, будто я былъ доточенъ до мученія христіанина, и о томъ онъ лжетъ и клевещетъ на меня напрасно.

Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ гетмана Мазепы царю говорится, что послѣ этого показанія жида Якова велѣно было „съ суда голову и бороду обрить“, а потомъ позвавши его въ судовую избу, допрашивали ласково безъ пытки. Вѣроятно, ему обрили голову и бороду съ намѣреніемъ дѣлать какую нибудь пытку, но потомъ замѣтивши, что и безъ пытки можно допроситься отъ него правды, пріостановились.

Жидъ Яковъ еще нѣкоторое время путался и запирался, наконецъ сказалъ:

— Что Давидъ въ своихъ рѣчахъ говорилъ, и то мученіе такъ велось. Я-же съ поварни какъ пришелъ, засталъ уже Сохна не-

Библиотека "Руниверс"

живого. При мнѣ Давидъ у Сохна отрѣзалъ часть языка и у одной ноги, кожу разрѣзавъ, вытянулъ жилу. А христіанинъ Хоругвиненко съ нами въ томъ дѣлѣ не былъ.

Обоихъ преступниковъ отвели въ тюрьму скованными. По оговору Давида потребовали сѣдневскаго жида Шмуля и тупичевскаго Юдку. Но то были не изъ того трусливаго десятка, какъ жидъ Давидко. Они во всемъ заперлись; ихъ подвергли жестокимъ пыткамъ; два раза палачъ водилъ имъ по спинамъ раскаленнымъ желѣзомъ, но отъ этихъ жидовъ не могли добиться никакого сознанія.

Хотя въ тѣ времена не существовало ни электрическихъ телеграфовъ, ни телефоновъ, но вѣсть о томъ, что жиды замучили въ Городнѣ христіанина съ цѣлію добыть изъ него христіанской крови, распространилась съ непонятною быстротою. Даже подробности суда надъ двумя обвиненными стали повсемѣстно извѣстны.

Не происходило нигдѣ стачекъ и заговоровъ, а въ селахъ черниговскаго полка поднялся народъ, какъ одинъ человѣкъ. Толпы бросались на жидовскіе дворы и оранды. Началось всеобщее жидотрепаніе. Несчастный Шмуль въ Жуковцахъ поплатился жизнію со всѣмъ своимъ семействомъ. Его самаго убили дубьемъ, какъ бѣшеную собаку, по выраженію его убійцъ. Жену его и дѣтей заперли въ избѣ и зажгли избу со всѣхъ сторонъ, подобно тому побили до смерти нѣсколькихъ другихъ жидовъ въ ихъ орандахъ: эта жестокая судьба постигала тѣхъ, которыхъ народъ, зная ихъ ненависть къ христіанству, считалъ способными принимать участіе въ убійствѣ христіанина и вытачиваніи изъ него крови. Гдѣ только была іудейская синагога—народъ превращалъ ее въ груду развалинъ, извлекалъ свитки Торы и сожигалъ, предавая прежде всяческимъ поруганіямъ іудейскую святыню. Въ большей части орандъ поступили, однако, съ жидами милостивѣе: ихъ ограбили до ниточки, забрали у нихъ деньги и отдавали на церковь, истребляли ихъ движимое имущество, выпустили изъ бочекъ ихъ вино и черпали съ земли кто успѣлъ зачерпнуть и напиться, порвали и пометали въ огонь жидовскіе наряды, порубали въ домахъ мебель и утварь, перебили посуду, въ добавокъ самихъ поколотили и пустили чуть не нагишомъ на всѣ четыре стороны. Изгнанники безъ оглядки бѣжали, стараясь добраться до Днѣпра и перебраться въ польскія владѣнія. Но многимъ это не удалось и они погибли отъ голода и стужи, въ особенности такая участь постигла бѣдныхъ израильскихъ дѣтей, но о нихъ никто не жалѣлъ: у всякого въ воображеніи были живы образы тѣхъ христіанскихъ дѣтей, которыхъ жиды, по общей увѣренности.

Библиотека "Руниверс"

страшно мучили, вытачивая изъ нихъ кровь. Гетманъ, узнавши о волненіи, издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ народу оставить самоуправство, обѣщая правомъ преслѣдовать и карать тѣхъ, которые окажутся виновными. Но не столько этотъ универсалъ, сколько утомленіе, скоро наступившее послѣ первыхъ порывовъ, остановило народное волненіе, хотя не угасило его вовсе и оно при первомъ случаѣ готово было возобновиться. На этотъ разъ жидотрепаніе ограничилось черниговскимъ полкомъ и только отчасти захватывало поселенія кіевскаго и нѣжинскаго.

Въ числѣ жертвъ народной расправы были и главные дѣятели этой трагедіи, съ которыхъ она и началась. Гетманъ, получивъ отъ черниговскаго полковника донесеніе о судѣ надъ двумя жидами, обвиненными въ убійствѣ христіанина, приказалъ препроводить ихъ къ нему въ Батуринъ, намѣревая „держать ихъ въ крѣпкомъ связаньѣ“, чтобъ какъ нибудь добраться до полнаго открытія злодѣйской жидовской тайны. Но чуть только изъ Чернигова отправлены были арестанты, за конвоемъ козаковъ, городненскіе обыватели, узнавши объ этомъ, напали на дорогѣ на козаковъ, разогнали ихъ и, схвативши обоихъ преступниковъ, растерзали ихъ въ клочки въ буквальномъ смыслѣ слова. Гетманъ, получивши объ этомъ извѣстіе, произнесъ въ кругу приближенныхъ: „темна вода во облацѣхъ! Темное дѣло было, темнымъ и остается эта христіанская кровь у жидовъ! А мнѣ сдается, чуть-ли не правое было первое показаніе жида, что убили они студента за то, что ругалъ ихъ жидовскую вѣру и можетъ быть еще грозилъ. А потомъ какъ въ Черниговѣ на судѣ его приперли, домогаясь, чтобъ сознавался, что ради доставленія христіанской крови совершилъ убійство, онъ и сталъ имъ говорить, что тѣмъ угодно было. Если-бъ жиды были живы, я-бы можетъ вывелъ дѣло на чистую воду, а теперь—кто ихъ разберетъ!“—Гетманъ сообщилъ обо всемъ царю, и Петръ, какъ говорятъ, по этому поводу сказалъ: мудро поступали наши прародители, что не допускали въ подвластный имъ край этихъ жидовъ. Отъ нихъ только смута, понеже они нашу вѣру и нашъ народъ ненавидятъ, а нашъ народъ ненавидитъ родъ жидовскій и его вѣру. Притомъ и въ коммерціи и въ промыслахъ они нашимъ людямъ дѣлали-бы помѣху. Вреда отъ нихъ не мало, а полезности никакой нѣтъ! Лучше, когда ихъ у насъ нѣтъ; желательно, чтобъ и впередъ не было!

Іюль 1882 года. **Н. Костомаровъ.**

Библиотека "Руниверс"

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).

(*Продолженіе*) *).

XX.

Подъ старца была занята довольно обширная, но весьма убогая хибара,—впрочемъ въ самомъ излюбленномъ раскольничьемъ вкусѣ. Это была низенькая, полудеревянная, полумазанная, совершенно отдѣльная хибара. Она стояла гдѣ-то на задворкѣ и была ни откуда невидима. Точно она здѣсь нарочно построена въ такомъ сокрытіи, чтобы править въ ней нелегальныя богомольства.

Чтобы добраться до этого, буквально сказать, молитвеннаго хлѣва, надо было пройти одинъ дворъ, потомъ другой, потомъ завернуть еще во дворикъ, потомъ пролѣзть въ закоулочекъ и оттуда пройти черезъ дверь съ блочкомъ въ дровяную закуточку. Въ этой закуточкѣ былъ сквозной ходъ еще на особый маленькій дворишко, весь закрытый цупомъ поднявшеюся высокою навозною кучею, за которою по сторонамъ ничего не видно. Куча была такъ высока, что закрывала торчавшую изъ ея средины высокую шелковицу почти по самыя вѣтви.

Хатина имѣла три окна и всѣ они врядъ выходили на упомянутую навозную кучу, или, лучше сказать, навозный холмъ. При хатѣ имѣлись досчатыя сѣни, надъ дверями которыхъ новые наемщики тотчасъ-же по водвореніи водрузили небольшой мѣдный литой крестъ изъ тѣхъ, что называютъ „корсунчиками“.

Съ другой стороны на кучу выходило еще одно маленькое окно. Это принадлежало другому, тоже секретному помѣщенію, въ

*) См. февр. кн. «Кіевской Старины», за 1883 г., стр. 235—268.

Библиотека "Руниверс"

которое входили со втораго двора. Тутъ жили двѣ или три „старицы“, къ которымъ ходили молиться раскольники иного согласія—„тропарники“, т. е. пѣвшіе тропарь: „Спаси, Господи, люди твоя“. Я въ тогдашнее время плохо понималъ о расколѣ и не интересовался имъ, но какъ теперь соображаю, то это должно быть были поморцы, которые издавна уже „къ тропарю склонились“.

Молитвенная хата, занятая подъ старца Малафея, до настоящаго найма имѣла другія назначенія: она была когда-то банею, потомъ птичною, „индѣечной разводкою“, т. е. въ ней сиживали на гнѣздахъ индѣйки насѣдки, а теперь, наконецъ, въ ней поселился святой мужъ и учредилась „моленна“, въ знакъ чего надъ притолками ея досчатыхъ сѣней и утвержденъ былъ мѣдный „корсунчикъ“.

Въ противоположность большинству всѣхъ помѣщеній шіяновскаго подворья эта хата была необыкновенно теплая.

XXI.

Старца Малахію каменьщики привезли поздпимъ вечеромъ на парныхъ деревенскихъ саняхъ и прямо привели его во храмину и заключили тамъ на безъисходное житье.

Убранства хатѣ никакого не полагалось, а что было необходимо, то сами-же прихожане устроили безъ всякой посторонней помощи.

Мы ее однажды осматривали черезъ окно, при посредствѣ отрока Гіезія, въ тѣ часы, когда Малафей Пимычъ, утомясь въ жаркій день, „держалъ опочивъ“ въ сѣничкахъ. По одной стѣнѣ горенки тянулись въ два тябла старинныя иконы, передъ которыми стоялъ аналой съ поклонною „рогозинкою“, въ углѣ простой деревянный столъ и предъ нимъ скамья, а въ другомъ углѣ двѣ скамьи, поставленныя рядомъ. Въ одномъ концѣ этихъ скамеекъ былъ положенъ толстый березовый обрубокъ, покрытый обрывками старой крестьянской свиты.

Это была постель старца, который почивалъ по правиламъ добляго жйтія, „не имѣя возглавицы мягкія“.

Для отрока Гіезія совсѣмъ не полагалось никакой ни утвари, ни омеблировки. Онъ велъ житіе не только иноческое, но прямо

Библиотека "Руниверс"

спартанское: пилъ онъ изъ берестяного сверточка, а спалъ лѣто и зиму на печкѣ.

Старецъ „попилъ“, т. е. полагалъ „началъ“ чтенію и пѣнію, исповѣдалъ и крестилъ у своихъ раскольниковъ, а Гіезій состоялъ при немъ частію въ качествѣ дьячка, т. е. „аминилъ“ и читалъ, а частію въ родѣ слуги и послушника. Послушаніе его было самое тяжкое, но онъ несъ его безропотно и съ терпѣніемъ неимовѣрнымъ. Старецъ его никуда почти не выпускалъ, „кромѣ торговой нужды“, то есть хожденія за покупками; томилъ его самымъ суровымъ постомъ и при томъ еще часто „началилъ“. За малыя прегрѣшенія „началенье“ производилось ременною лѣстовицею, а за болѣе крупныя грѣхи—концомъ веревки, на которой бѣдный Гіезій самъ-же таскалъ для старца воду изъ колодца. Если-же вина была „особливая“, тогда веревка еще нарочно смачивалась и оттого удары ею наносимые спинѣ отрока были больнѣе.

Старца Малахію мы никогда вблизи не видали, кромѣ того единственнаго случая, о которомъ наступитъ разсказъ. Извѣстно было только одно общее очертаніе его облика, схваченное при одномъ рѣдкомъ случаѣ, когда онъ появился какой-то нужды ради передъ окномъ. Онъ былъ роста огромнаго, сѣдъ и бѣлобородъ и даже съ прозеленью: очи имѣлъ понурыя и почти совсѣмъ невидныя за густыми, длинными и тяжело нависшими бровями. Лѣтъ старцу, по наружности судя, было близко къ восьмидесяти; онъ былъ сильно сутулъ и даже согбенъ, но плотенъ и несомнѣнно еще очень силенъ. Волосы на его головѣ были острижены не въ русскій кружокъ, а какими-то клоками; можетъ быть „постризало“ на нихъ уже и „не восходило“, а они сами не росли отъ старости. Одѣтъ онъ былъ всегда въ черный мухояръ и черезъ плечи его на грудь висѣла длинная связка какихъ-то шаровъ, похожихъ на толстые баранки. Связка эта спускалась до самаго пупа и на пупѣ приходился крестъ, вершка въ три величиною. Это были чотки.

Голосъ старца былъ яко кимвалъ бряцаяй, хотя мы сподоблены были слышать въ его произношеніи только одно слово: „паренъ“. Это случалось, когда старецъ кликалъ изъ двери Гіезія, выходившаго иногда посидѣть на гноищѣ у корня рябины.

Библиотека "Руниверс"

Болѣе старецъ былъ не видимъ и не слышанъ, и судить о немъ было чрезвычайно трудно; но Кесарь Степановичъ и его характеризовалъ краткимъ опредѣленіемъ:

— Дуракъ присноблаженный.

XXII.

Гіезія мы знали несравненно ближе, потому что этотъ, по молодости своей, самъ къ намъ бился, и не смотря на то, что „дѣдушка" содержалъ его въ безмѣрной строгости и часто „началилъ" то лѣстовицей, то мокрой веревкой, отрокъ все таки находилъ возможность убѣгать къ намъ, и велъ себя въ нашемъ растлѣнномъ кругѣ не совсѣмъ одобрительно. За то, какъ ниже увидитъ читатель, съ нимъ однажды и воспослѣдовало такое бѣдствіе, какое навѣрное ни съ кѣмъ другимъ не случалось: онъ былъ окормленъ *человѣчьимъ мясомъ*... Или, точнѣе сказать, онъ имѣлъ несчастіе думать, будто надъ нимъ было совершено такое коварство „учоными", въ которыхъ онъ видѣлъ прирожденныхъ враговъ душевнаго спасенія.

Впередъ объ этомъ ужасномъ случаѣ будетъ разсказано обстоятельно.

Отроку, какъ я выше сказалъ, было двадцать два года. „Отрокъ", по примѣненію къ нему, не выражало поры его возраста, а это было его званіе, или лучше сказать его санъ духовный. Онъ былъ широкорожаго великорусскаго обличья, мордатъ и губастъ, съ русыми волосами и голубыми глазами, имѣвшими странное, пытливое и въ то-же время совершенно глупое выраженіе. Румянецъ бился на его лицѣ, гдѣ только могъ, но нигдѣ просторно не распространялся и отъ того молодое, едва опушавшееся мягкою бородкою, лицо отрока имѣло видъ и здоровый и въ то-же время нездоровый. Бываютъ такія собаки, которыя „въ щенкахъ заморены". Видно, что породиста, да отъ заморы во всю свою природу не достигаетъ.

По уму и многимъ свойствамъ своего характера, Гіезій былъ найсовершеннѣйшимъ выразителемъ того русскаго типа, который мѣтко и сильно рисуетъ въ своей превосходнѣйшей книгѣ профес. Ключевскій, т. е. „заматорѣлость въ преданіяхъ и никакой идеи". Сдѣлать что нибудь иначе, какъ это заведено и какъ дѣлается,

Библиотека "Руниверс"

Гіезію никогда не приходило въ голову: это помогало ему и въ его отроческомъ служеніи, въ которое онъ, по его собственнымъ словамъ, „вданъ былъ родительницею до рожденія по оброку“.

Это разъяснялось такъ, что у его матери была несносная болѣзнь, которую она, со словъ какихъ-то врачей, называла „азіятикъ“; болѣзнь эта происходила отъ какихъ-то происковъ злаго духа. Бѣдная женщина долго мучилась и долго лѣчилась, но „азіятикъ“ не проходилъ. Тогда она дала обѣтъ балыкинской Божіей Матери (въ Орлѣ), что если только „азіятикъ“ пройдетъ и послѣ исцѣленія родится дитя мужеска пола, то „вдастъ его въ услуженіе святому мужу, въ мѣру возраста Христова“, т. е. до тридцати трехъ лѣтъ.

Послѣ такого обѣта больная, заступленіемъ балыкинской Божіей Матери, выздоровѣла и имѣла вторую радость—родила Гіезія, который съ восьми лѣтъ и началъ исполнять материнъ обѣтъ, проходя „отроческое послушаніе“. А до 33 лѣтъ ему еще было далеко.

Старецъ на долю отрока Гіезія выпалъ, можетъ быть и весьма святой и благочестивый, но очень суровый и, по словамъ Гіезія, „столько объ него мокрыхъ веревокъ обначалилъ, что можно-бы по нимъ уже десяти человѣкамъ до неба взыйдти“.

Но ученіе правиламъ благочестія Гіезію давалось плохо и не памятливо. Не смотря на свое рожденіе по священному обѣту, онъ, по собственному сознанію, былъ „отъ природы блудливъ“. То онъ сны нехорошіе видѣлъ, то кошкамъ хвосты щемилъ, то мирщилъ съ никоніанами, или „со иновѣрными спорился“. А бѣсъ, всегда неравнодушный ко спасенію людей, стремительно восходящихъ на небо, безпрестанно подставлялъ Гіезію искушенія и тѣмъ опять подводилъ его подъ мокрую веревку.

На шіяновскомъ дворѣ, который былъ удаленъ отъ всякаго шума, Гіезій прежде всего впалъ въ распри съ тѣми поморами, окно которыхъ выходило на ихъ совмѣстную навозную кучу, раздѣлявшую „ихъ согласія“.

Какъ поморы бывало начнутъ пѣть и молиться, Гіезій залѣзаетъ на рябину и дразнитъ ихъ оттуда, крича:

— Тропари—мытари.

А тѣ не выдержатъ и отвѣчаютъ:

Библиотека "Руниверс"

— Немоляки—раскоряки.

Такъ обѣ вѣры были взаимно порицаемы, а послѣдствіемъ этого выходили стычки и „камнеметаніе“, заканчивавшіяся иногда разбитіемъ оконъ съ обѣихъ сторонъ. Въ заключеніе-же всей этой духовной распри Гіезій, какъ непосредственный виновникъ столкновеній, былъ „началенъ“ веревкою и иногда ходилъ дня по три, согнувшись.

Затѣмъ, разумѣется, и Богъ и старецъ его прощали, но онъ скоро впадалъ еще въ большія искушенія. Одно изъ таковыхъ ему едва не стоило потери разсудка и даже самой жизни.

XXIII.

При полномъ типическомъ отсутствіи идей, у Гіезія была пытливость и при томъ самая странная. Онъ любилъ задавать такіе неожиданные вопросы, которые въ общемъ напоминали вопросы дѣтей.

Прибѣжитъ бывало подъ окно и спрашиваетъ.

— Отчего у льва грива растетъ?

Ему отвѣчаютъ:

— Пошелъ ты прочь—почему я знаю, отчего у льва грива растетъ?

— А какъ-же, говорятъ, въ чемъ составляется наука свѣтская?

Его прогонятъ, а онъ при случаѣ опять пристаетъ съ чѣмъ нибудь подобнымъ, и это безъ всякой задней мысли или ироніи,— а такъ какой-то рефлексъ его толкнетъ, онъ и спрашиваетъ:

— Отчего рябина супротивъ крыжовника горче?

Но больше всего его занимали вещи таинственныя, для которыхъ онъ искалъ разъясненія въ природѣ. Напримѣръ ему хотѣлось знать: „какое бываетъ сердце у грѣшника“, и вотъ это-то любопытство его чутъ не погубило.

Такъ какъ въ домѣ жило нѣсколько медицинскихъ студентовъ, между которыми бывали ребята веселые и шаловливые, то одинъ изъ нихъ пообѣщалъ разъ Гіезію „показать сердце грѣшника“.

Для этого требовалось придти въ анатомическій театръ, который тогда былъ во временномъ помѣщеніи, на нынѣшней Владимірской улицѣ, въ домѣ Беретти.

Библиотека "Руниверс"

Гіезій долго не рѣшался на такой рискованый шагъ, но страстное желаніе посмотрѣть сердце грѣшника его преодолѣло, онъ пришелъ разъ къ студентамъ и говоритъ:

— Есть теперь у васъ мертвый грѣшникъ?

— Есть, говорятъ, да еще самый залихватскій.

— А что онъ сдѣлалъ?

— Отца продалъ, мать заложилъ и въ томъ руку приложилъ, а потомъ галку съѣлъ и зарѣзался.

Гіезій заинтересовался.

— Меня завтра дѣдушка къ Батухину въ лавку за оливой къ лампадамъ пошлетъ, а я къ вамъ въ анатомію прибѣгу, покажите мнѣ сердце грѣшниче.

— Приходи, отвѣчаютъ,—покажемъ.

Онъ сдержалъ свое слово и явился, весь дрожа отъ любопытства, но въ страхѣ несказанномъ.

Ему дали выпить мензулку препаровочного спирта для храбрости, подъ видомъ „осмѣлительныхъ капель“, сказавъ при томъ, что безъ этого нельзя видѣть сердце.

Онъ выпилъ и осатанѣлъ, сердце онъ нашелъ совсѣмъ неудовлетворительнымъ и вовсе не похожимъ на то, какъ его себѣ представлялъ, суди по извѣстному лубочному листу: „сердце грѣшника—жилище сатаны“. Чтобы увидѣть сатану въ сердцѣ, его уговорили выпить еще вторую мензулку, и онъ выпилъ и потомъ что-то ѣлъ. А когда съѣлъ, то студенты ему сказали:

— Знаешь-ли, что ты съѣлъ?

Онъ отвѣчалъ: „не знаю“.

— А это ты, братецъ, съѣлъ котлету изъ человѣческаго мяса.

Гіезій поблѣднѣлъ, зашатался и тутъ-же упалъ.

Его насилу привели въ себя и ободрили, увѣряя, что котлета сжарена изъ мяса человѣка зарѣзавшагося, но отъ этого съ Гіезіемъ сдѣлался второй обморокъ и потомъ рвоты, такъ что его насилу привели въ себя, и на этотъ разъ уже стали разувѣрять, что это было сказано въ шутку и что онъ ѣлъ мясо говяжье; но никакія слова на него уже не дѣйствовали. Онъ бѣгомъ побѣжалъ на Печерскъ къ своему старцу и самъ просилъ „сильно его поначалить“, какъ слѣдуетъ отъ страшнаго прегрѣшенія.

Библиотека "Руниверс"

Старецъ исполнилъ просьбу отрока.

И дорого это обошлось здоровью бѣднаго парня: дней десять послѣ этого происшествія мы его вовсе не видали, а потомъ, когда онъ показался съ ведромъ за плечами, то имѣлъ видъ человѣка перенесшаго страшныя муки. Онъ былъ худъ, блѣденъ и самъ на себя не похожъ, а вдобавокъ долго ни за что ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить и не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ.

Послѣ, по особому къ одному изъ насъ довѣрію, онъ открылъ, что дѣдушка его „вдвойнѣ началилъ“, т. е. призвалъ къ сему дѣланію еще другаго случившагося тутъ благовѣрнаго христіанина, и оба они имѣли въ рукахъ концы веревки „свитые во двое и держали „ихъ оборучь“. И началили Гіезія въ углѣ въ сѣняхъ, уложивъ „мордою въ войлокъ, даже до той совершенной степени, что у него отъ визгу ротъ трубкой закостенѣлъ, и онъ всей памяти лишился“.

Но на дѣдушку отрокъ все таки ни мало не роптalъ, ибо сознавалъ, что „битъ былъ во славу Божію“, и надѣялся черезъ это болѣе „съ мірскими не суетить и исправиться“.

XXIV.

Кажется, это и въ самомъ дѣлѣ произвело въ немъ такой сильный перломъ, къ какому только была способна его живая и увлекающаяся натура. Онъ рѣже показывался и вообще уже не заводилъ ни разговоровъ съ нами, ни пререканій съ благоневѣрными поморами, которые „на тропарѣ повисли“.

Къ тому-же обстоятельства поизмѣнились и поразмели нашу компанію въ разныя стороны, и старецъ съ отрокомъ на время вышли изъ вида.

Между тѣмъ мостъ былъ оконченъ и къ открытію его въ Кіевъ ожидали государя Николая Павловича. Наконецъ и государь прибылъ и на другой день было назначено открытіе моста.

Теперь ничего такъ не торжествуютъ, какъ тогда торжествовали. Вечеръ наканунѣ былъ оживленный и веселый: всѣ ходили, гуляли, толковали, но были люди, которые проводили эти часы и иначе.

На темномъ задворкѣ шіяновскихъ закутокъ и поморы и филипоны молились, одни съ тропаремъ, другіе безъ тропаря. Тѣ и

Библиотека "Руниверс"

другіе ждали необычайной для себя радости, которая ихъ благочестію была „возвѣщена духомъ“.

Около полуночи мнѣ довелось проводить одну дѣвицу, которая жила далеко за шіяповскимъ домомъ, а на возвратномъ пути у калитки я увидѣлъ темную фигуру, въ которой узналъ Гіезія.

— Что это, говорю, вы въ такую позднюю пору на улицѣ?

— Такъ, отвѣчаетъ, все равно, нонче надо не спать.

— Отчего надо не спать?

Гіезій промолчалъ.

— А какъ это васъ дѣдушка такъ поздно отпустилъ на улицу?

— Дѣдушка самъ выслалъ. Мы вѣдь до самаго сего часа молитвовали,—почитай сію минуту только заамиинли. Дѣдушка говоритъ: „новыдь посмотри“.

— Чего-же смотрѣть?

— Како, говоритъ, „суетятъ никоніаны и чего для себя ожидаютъ“.

— Да что такое, спрашиваю, случилось и чего особеннаго ожидаете?

Гіезій опять замялся, а я снова повторилъ мой вопросъ.

— Дѣдушка, говоритъ, много ждутъ. Имъ, дѣдушкѣ, вѣдь видѣніе было.

— Какое видѣніе?

— Съ завтрешняго числа одна вѣра будетъ.

— Ну-у!

— Увидите сами,—до завтра это въ тайнѣ, а завтра всѣмъ царь объявитъ. И упротивные (т. е. поморы) тоже ждутъ.

— То-же объединенія вѣры?

— Да-съ; должно быть того-же самаго. У насъ съ ними нынче, когда наши на сѣдальняхъ на дворикъ вышли, межъ окно опять легкая война произошла.

— Изъ за чего?

— Опять о тропарѣ заспорили. Наши имъ правильно говорили: „подождать-бы вамъ тропарь-то голосить въ особину; завтра разомъ всѣ вообче запоемъ; столномъ воздыземъ до самаго до неба“. А тѣ несогласны и отвѣчаютъ: „мы давно на тропарѣ основались и съ своего не снидемъ“. Слово по слову и было плеваться стали.

— Я полюбопытствовалъ, какъ именно это было.

Библиотека "Руниверс"

— Очень просто, говоритъ Гіезій: паши имъ въ окно кукиши казать стали, а тѣ оттуда плюнули, и наши не уступили,—имъ то самое, па оборотъ. Хотѣли войну сдѣлать, да полковникъ закричалъ. А теперь дѣдушка одинъ остался и страсть какъ впѣ себя ходитъ. Онъ вѣдь завтра выходъ сдѣлаетъ.

— Какъ-же-съ,—дѣдушка вѣдь завтра на улицу пойдетъ, на государя смотрѣть. Скоро сорокъ лѣтъ, говорятъ, будетъ, какъ онъ по улицамъ не ходилъ, а завтра пойдетъ. Ему ужъ наши и шляпу принесли, въ шляпѣ идти будетъ. Я поведу.

— Вотъ какъ! воскликнулъ я и простился съ Гіезіемъ, совсѣмъ не понявъ тѣхъ многозначительнѣйшихъ намековъ, которые заключались въ его малосвязномъ, но таинственномъ разсказѣ.

XXV.

День открытія „новаго моста“, который нынче называютъ уже и „старымъ“, былъ ясный, погожій и превосходный по впечатлѣніямъ.

Всѣ мы тогда чувствовали себя необыкновенно веселыми и счастливыми, Богъ вѣсть, отчего и почему. Никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ силѣ и могуществѣ родины, историческій горизонтъ которой казался чистъ и ясенъ, какъ покрывавшее насъ безоблачное небо съ ярко горящимъ солнцемъ. Всѣ какъ-то смахивали тогда на воробьевъ послѣдняго тургеневскаго разсказа: прыгали, чиликали, паскакивали, и ни кому въ голову не приходило посмотрѣть, не рѣетъ-ли гдѣ по верху ястребъ, а только бойчились и чирикали:

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Воевать тогда ужасно хотѣлось, и военные люди были въ большой модѣ и пользовались этимъ не всегда великодушно. Но главное—тогда мы были очень молоды и каждый изъ насъ провожалъ кого нибудь изъ существъ, заставлявшихъ скорѣе биться его сердце. Волокитство и ухаживанья тогда входили въ „росписаніе часовъ дня“ благопристойнаго кіевлянина, чему и можетъ служить найлучшимъ выраженіемъ „дневникъ Виктора Аскоченскаго“, напечатанный въ 1882 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. И самъ авторъ этого „дневника“, тогда еще молодцоватый и задорный, былъ среди насъ и даже, можетъ быть, служилъ для многихъ образ-

Библиотека "Руниверс"

цомъ въ тонкой наукѣ волокитства, которую онъ практиковалъ впрочемъ преимущественно „по купечеству“. У женщинъ настоящаго свѣтскаго воспитанія онъ никогда успѣха не имѣлъ и даже не получалъ къ нимъ доступа. Аскоченскій одѣвался щеголемъ, но безъ вкуса, и не имѣлъ ни мягкости, ни воспитанности въ разговорѣ и въ манерахъ.

По словамъ одного изъ его кіевскихъ современниковъ А. О. Яновича, онъ всегда напоминалъ „переодѣвшагося архіерея“. Въ сіяющій день открытія моста Аскоченскій ходилъ въ пантолонахъ рококо и въ свѣтлой пилянѣ на своей крутой головѣ, а на каждой изъ его двухъ рукъ висѣло по одной подольской барышнѣ. Онъ велъ дѣвицъ и металъ встрѣчнымъ знакомымъ свои тупыя семинарскія остроты. Въ этотъ-же день онъ, останавливаясь надъ кручею, декламировалъ:

... Вотъ—онъ Днѣпръ
Тотъ самый Днѣпръ, гдѣ вся Русь крестилась
И, по милости судебъ, гдѣ она омылась.

За этими стихами слѣдовало его командирское слово:

На молитву-же, друзья:
Кіевъ передъ вами!

Послѣ все это вошло въ какое-то большое его призывное стихотвореніе, по обыкновенію, съ тяжелою версификаціею и съ массою неглагольныхъ риомъ. Его муза, подъ пару ему самому, была своеправна и очень неуклюжа.

Объ немъ хочется сказать еще два слова: „*дневникъ*“ этого довольно любопытнаго человѣка напечатанъ, но, по моему, онъ не только не выяснилъ, но даже точно закуталъ эту личность. По моему, дневникъ этотъ, который я прочелъ *весь* въ подлинникѣ, имѣетъ характеръ сочиненности. Тамъ даже есть *пятна слезъ*, оросившія страницы, гдѣ говорится о подольскихъ купеческихъ барышняхъ. Или есть такія замѣтки: „я пьянъ и не могу держать пера въ рукахъ“, а между тѣмъ это написано совершенно трезвою и твердою рукою...

Вообще надо жалѣть, что никто изъ знавшихъ Аскоченскаго кіевлянъ не напишетъ хорошей безпристрастной замѣтки о тре-

Библиотека "Руниверс"

волненной жизни и трудахъ этого человѣка съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва-ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ-бы ему выбрать его злѣйшій врагъ. Праху его миръ и покой, но его жизненныя невзгоды и карьерная игра характерны и поучительны. Кромѣ Виктора Ипатьича тогда въ Кіевѣ водились еще и другіе поэты, въ плоской части доживалъ свой маститый вѣкъ Подолинскій, а по городу ходили одна молодая дѣвица и одинъ молодой кавалеръ. Дѣвица, подражая польской импровизаторшѣ Деотымѣ, написала много маленькихъ и очень плохихъ стихотвореній, которые были ею изданы въ одной книжечкѣ подъ заглавіемъ: „Чувства патріотки". Складъ изданія находился въ „аптекѣ для души", т. е. въ подольской библіотекѣ Павла Петровича Должикова. Стихотворенія совсѣмъ не шли и Должиковъ иногда очень грубо издѣвался надъ этою книгою, предлагая всѣмъ „вмѣсто хлѣба и водки—чувства патріотки". Въ день открытія моста стихотворенія эти раздавались безденежно. На чей счетъ было такое угощеніе—не знаю. Подолинскій, кажется, еще жилъ, но не написалъ ничего, да про него тогда и позабыли, а Альфредъ фонъ-Юнгъ что-то пустилъ съ своего Олимпа, но что именно такое—не помню. Невозможно тоже не вспомнить объ этомъ добрѣйшемъ парнѣ, совершенно безграмотномъ и лишенномъ малѣйшей тѣни дарованія, но имѣвшемъ неодолимую и весьма разорительную страсть къ литературѣ. И онъ, мнѣ кажется, достоинъ благодарнаго воспоминанія отъ кіевлянъ, если не какъ поэтъ, то какъ самоотверженнѣйшій піонеръ—періодическаго издательства въ Кіевѣ. До Юнга въ Кіевѣ не было газеты, и предпринять ее тогда значило навѣрное разориться. Юнга это не остановило: онъ завелъ газету и вмѣсто благодарности встрѣчалъ отовсюду страшныя насмѣшки. По правдѣ сказать, „Телеграфъ" юнговскаго изданія, представлялъ собою не мало смѣшнаго, но все таки онъ есть *дѣдушка* кіевскихъ газетъ. Денегъ у Юнга на изданіе долго не было и чтобы начать газету, онъ прежде пошелъ (во время крымской войны) „командывать волами", т. е. погонщикомъ. Тутъ онъ сдѣлалъ какія-то сбереженія и потомъ все это самоотверженно повергъ и сожегъ на олтарѣ литературы. Это былъ настоящій литературный маньякъ, котораго не могло остановить ничто, онъ все издавалъ, пока совсѣмъ не на что стало издавать. Литературная неспособность его была образцовая,

Библиотека "Руниверс"

но кромѣ того его и преслѣдовала какая-то злая судьба. Такъ напримѣръ съ „Телеграфомъ“ на первыхъ порахъ случались такіе анекдоты, которымъ пожалуй трудно и повѣрить; напримѣръ газету эту цензоръ Лазовъ считалъ полезнымъ запретить „за невозможныя опечатки“. Поправки-же Юнгу иногда стоили дороже самыхъ ошибокъ: разъ напримѣръ у него появилась поправка, въ которой значилось дословно слѣдующее: „во вчерашнемъ № на столбцѣ такомъ-то у насъ напечатано „*пуповица*“, читай: *Богородица*“. Юнгъ былъ въ ужасѣ больше отъ того, что цензоръ ему выговаривалъ: „зачѣмъ-де поправлялся!“

— Какъ-же не поправиться? вопрошалъ Юнгъ, и въ самомъ дѣлѣ надо было поправиться.

Но едва это сошло съ рукъ, какъ Юнгъ опять ходилъ по городу въ еще большемъ горѣ: онъ останавливалъ знакомыхъ и, вынимая изъ жилетнаго кармана маленькую бумажку, говорилъ:

— Посмотрите, пожалуста,—хорошъ цензоръ! Что онъ со мною дѣлаетъ!—онъ мнѣ не разрѣшаетъ поправить вчерашнюю ошибку.

Поправка гласила слѣдующее: „вчера у насъ напечатано: кіевляне преимущественно всѣ *онанисты*,—читай *оптимисты*“.

— Каково положеніе! восклицалъ Юнгъ.

Черезъ нѣкоторое время Алексѣй Алексѣевичъ Лазовъ однако, кажется, разрѣшилъ эту въ самомъ дѣлѣ необходимую поправку. Но былъ и такой случай цензорскаго произвола, когда поправка не была дозволена. Случилось разъ, что въ статьѣ было сказано: „неудивительно, что при такомъ воспитаніи выростаютъ *недоблуды*“. Лазовъ удивился, что это за слово? Ему объяснили, что хотѣли сказать „лизоблюды“; но когда вечеромъ принесли сводку номера, то тамъ стояло: „по ошибкѣ напечатано: *недоблуды*,—должно читать *переблуды*“. Цензоръ пришелъ въ отчаяніе и совсѣмъ вычеркнулъ поправку, опасаясь, что-бы не напечатали чего еще худшаго.

Пора однако возвратиться отъ литераторовъ къ старцу Малахіи, который украсилъ этотъ торжественный день своимъ появленіемъ въ поднесенной ему необыкновенной шляпѣ.

XXVI.

Густыя толпы людей покрывали все огромное пространство городскаго берега, откуда былъ видѣнъ мостъ, соединившій Кіевъ

Библиотека "Руниверс"

съ черниговскою стороною Днѣпра. Только болѣе страстные до зрѣлищъ или особенно патронируемые кѣмъ нибудь изъ властныхъ нашли возможность протѣсниться „за войска“, расположенныя внизу у въѣзда на мостъ и наконецъ шпалерами вдоль самаго моста. Но такихъ счастливцевъ было не много, сравнительно съ огромными массами, покрывшими надбережные холмы, начиная отъ выдубицкаго монастыря и Аскольдовой могилы до террасъ прилегающихъ къ монастырю Михайловскому. Кажется, безъ ошибки можно сказать, что въ этотъ день вышло изъ домовъ все кіевское населеніе, чѣмъ и объясняли множество благоуспѣшно сдѣланныхъ въ этотъ день кражъ. И не смотря на всю длину этой страшно растянутой береговой линіи, трудно было найти удобное мѣсто. Были люди, которые пришли сюда спозаранка съ провизіей въ карманахъ и крѣпко заняли всѣ найлучшія позиціи. Оттого зрителямъ, которые пришли позже, нужно было перемѣнять множество мѣстъ, пока удавалось стать такъ, что было видно.

Были люди, которые взлѣзли на деревья, были и такіе смѣльчаки, которые прилѣпились къ песчанымъ выступцамъ обрывовъ, и иногда скатывались внизъ вмѣстѣ съ своимъ утлымъ подножьемъ. Случайности въ подобномъ родѣ вызывали веселый хохотъ и шутливыя замѣчанія. Было довольно неудовольствій по поводу обиднаго обращенія господъ военныхъ съ цивическимъ элементомъ, но все это до судовъ не доходило, военные люди тогда свободно угнетали „аршинниковъ, хамовъ и штафирокъ“. Духовенство тоже претерпѣвало отъ этого заурядъ съ мірянами и тоже не жаловалось. Это было въ порядкѣ вещей. Военные, повторяю, чувствовали себя тогда въ большомъ авантажѣ и, по современному выраженію, „сильно форсили“. Они имѣли странный успѣхъ въ кіевскомъ обществѣ, и часто позволяли себѣ много совершенно неприличнаго. Особенно одно время (именно то, котораго я касаюсь) среди офицеровъ ожесточенно свирѣпствовало поголовное притворство въ остроуміи. Они осчастливили своимъ знакомствомъ и купеческіе дома и здѣсь вели себя такъ развязно, что передъ ними спасовалъ даже самъ Аскоченскій.

Изъ военныхъ шутокъ при открытіи моста я помню двѣ: у самой ограды бывшаго зданія минеральныхъ водъ появился какой-то нѣмецъ верхомъ на рыжей лошади, которая безпрестанно ма-

Библиотека "Руниверс"

хала хвостомъ. Его просили отъѣхать, но онъ не соглашался и отвѣчалъ: „не понимаю“. Тогда какой-то рослый офицеръ сдернулъ его за ногу на землю, а лошадь его убѣжала. Нѣмецъ былъ въ отчаяніи и побѣжалъ за конемъ, а публика смѣялась и кричала вслѣдъ:

— Что, братъ, понялъ, какъ по военному!

Офицеръ прослушалъ это нѣсколько разъ и потомъ крикнулъ:

— Перестать, дураки!

Они и перестали.

Должно быть не любилъ лести.

Это впрочемъ была болѣе отвага, чѣмъ остроуміе; настоящее же остроуміе случалось въ мѣстѣ болѣе скрытомъ и тихомъ, именно за оградою монастыря Малаго Николая.

На непирокой, но сорной и сильно вытоптанной площадкѣ здѣсь мѣстилось всякое печерское разночинство и нѣсколько человѣкъ монашествующей братіи.

Были маститые иноки съ внушительными сѣдинами и легкомысленные слимаки съ ихъ дѣвственными гривами вразметъ на какую угодно сторону.

Одинъ изъ иноковъ, повидимому, изъ почетныхъ, сидѣлъ въ креслѣ, обитомъ присаленною черною кожею и похожемъ по фасону своему не на обыкновенное кресло, а на госпитальное судно.

Къ этому иноку подходили простолюдины: онъ всѣхъ ихъ благословлялъ и каждаго спрашивалъ буквально одно и то-же:

— Чьи вы и изъ какой губерніи?

Получивъ отвѣтъ, инокъ поднималъ руку и говорилъ: „Богу въ прісмъ“, а потомъ, какъ-бы чувствуя нѣкую силу изъ себя изшедшую, зѣвалъ, жмурилъ глаза и преклонялъ главу. Замѣтно было, что вообще оживленіе его какъ будто совсѣмъ не захватывало и ему, можетъ быть, лучше было-бы идти спать.

На него долго любовались и пересмѣивались два молодые офицеры, а потомъ они оба вдругъ снялись съ мѣста, подошли къ иноку и довольно низко ему поклонились.

Онъ поднялъ голову и сейчасъ-же спросилъ ихъ:

— Чьи вы и какой губерніи?

— Изъ Чревоматерняго, отвѣчали офицеры.

— Богу въ прісмъ, произнесъ инокъ и преподавъ благословеніе, снова зажмурился. Но офицеры его не хотѣли такъ скоро оставить.

Библиотека "Руниверс"

— Позвольте, батюшка, побезпокоить васъ однимъ вопросомъ,—заговорили они.

— А что такое? какой будетъ вашъ вопросъ?

— Намъ очень хотѣлось-бы отыскать здѣсь одного нашего земляка іеромонаха.

— А какой онъ такой и какъ его звать?

— Отецъ Строфокамилъ.

— Строфокамилъ? не знаю. У насъ кажется такого нѣтъ. А впрочемъ спросите братію.

Нѣсколько человѣкъ подвинулись къ офицерамъ, которые, не теряя ни малѣйшей тѣни серьезности, повторили свой вопросъ братіи, но никто изъ иноковъ тоже не зналъ „отца Строфокамила“. Одинъ только сообразилъ, что онъ вѣрно грекъ, и посовѣтывалъ разыскивать его въ греческомъ монастырѣ на Подолѣ.

Кадетскіе корпуса тогда въ изобиліи пекли и выпускали въ свѣтъ такихъ и симъ подобнымъ остроумцовъ, изъ которыхъ потомъ однако выходили „севастопольскіе герои“ и не менѣе знаменитые и воспрославленные „крымскіе воры“, и „полковые морельщики“.

До чего заносчиво тогда, передъ крымскою войною, было офицерство и какія они себѣ позволяли иногда выходки, достойно вспомнить. Вскорѣ этому вѣроятно уже не будутъ вѣрить.

Разъ пріѣхалъ напримѣръ въ Кіевъ офицеръ Р. (впослѣдствіи весьма извѣстный человѣкъ) и вдругъ сдѣлалъ себѣ блестящую репутацію тѣмъ, что „умѣлъ говорить дерзости“. Это многихъ очень интересовало и офицера на расхватъ зазывали на всѣ балики и вечеринки. Онъ ошалѣлъ отъ успѣховъ и дошелъ до наглости невѣроятной. Одинъ разъ въ домѣ нѣкоего г. Г—ва онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ обругалъ цѣлое сборище. Г. собралъ къ себѣ на вечеринку друзей и пригласилъ Р. Тотъ осчастливилъ, пріѣхалъ, но поздно и не входя въ гостиную, остановился въ дверяхъ, оглянулъ всѣхъ въ лорнетъ, произнесъ: „какая, однако, сволочь!“ и уѣхалъ... никѣмъ не побитый! Послѣднимъ финаломъ его подлыхъ наглостей было то, что однажды въ Кинь-грусти, стоя въ парѣ въ горѣлкахъ съ извѣстною въ свое время г-жею П., онъ не тронулся съ мѣста, когда его дама побѣжала; ту это смутило и она спросила его: „почему-же вы не бѣжите?“ Р. отвѣчалъ: „потому, что я не привыкъ падать, какъ вы“. Тогда его выпро-

Библиотека "Руниверс"

водили, но только по особому вниманію Бибикова къ этой дамѣ. Другой бѣдовый воитель былъ артиллеристъ К—аль. Этотъ больше всего поражалъ тѣмъ, что являлся на балы пьяный, хотя, впрочемъ, онъ и трезвый стоилъ пьянаго. До чего онъ могъ довести свою безцеремонность, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: разъ, танцуя въ домѣ Я. И. П—на, К—аль полетѣлъ вмѣстѣ съ своею дамою подъ столъ. Его оттуда достали и начали оправлять. Хозяинъ былъ смущенъ и, кажется, замѣтилъ офицеру, что онъ уже слишкомъ веселъ, но тотъ не сконфузился.—„Да, отвѣчалъ К—ль, я веселъ. Это моя природа. Впрочемъ, здѣсь мнѣ особенно весело“,— и сію-же минуту, не ожидая возраженія, онъ добавилъ:

— Скажите, пожалуста, мнѣ говорили, будто тутъ есть какой-то г. Б.—онъ, будто, ужасный дуракъ, но отлично, каналья, кормитъ. Вотъ я очень хотѣлъ-бы сдѣлать ему честь у него поужинать.

Хозяинъ смѣшался, потому что Б. стоялъ тутъ-же возлѣ, но самъ Б. сейчасъ-же пригласилъ этого шалуна на свои вечера, и это служило къ ихъ оживленію.—Третій припоминается мнѣ офицеръ разформированнаго нынче жандармскаго полка, К—ій, котораго одна, очень юная и милая, подольская барышня имѣла неосторожность полюбить, а полюбя поцѣловала и при какомъ-то случаѣ подарила ему свой бѣлокурый локонъ. Офицеръ сохранилъ эту галантерейщину и не отказывался отъ поцѣлуевъ, но съ предложеніемъ женитьбы медлилъ. Родители-же дѣвушки находили это несоотвѣтственнымъ, и дѣвушка была помолвлена за другаго. Ни барышня, ни женихъ ни въ чемъ не были виноваты, но г. К—ій пришелъ къ нимъ въ домъ на именинное собраніе и съ грубымъ ругательствомъ бросилъ *невѣстѣ въ лицо* ея локонъ, а жениха ударилъ. Многимъ и этотъ надѣлавшій шуму поступокъ казался своего рода развеселымъ, но довольно позволительнымъ фарсомъ, и когда покойный чиновникъ генералъ-губернатора Друкартъ, производя объ этомъ слѣдствіе, не поблажалъ К—му, то Друкарта осуждали за „грубость“ къ интересному герою.

Впрочемъ подобное ожесточенное свирѣпство милитеровъ тогда было повсемѣстно въ Россіи, а не въ одномъ Кіевѣ. Въ Орлѣ бывшій елисаветградскій гусарскій полкъ развѣшивалъ на окнахъ вмѣсто шторъ похабныя картины; въ Пензѣ, въ городскомъ скверѣ, взрослымъ барышнямъ завязывали надъ головами низы платьевъ, а

Библиотека "Руниверс"

въ самомъ Петербургѣ рвали съ низу до верха шинели несчастныхъ „штафирокъ“. Успокоила этихъ сорванцовъ одна изланка крымской войны. Но оставимъ ихъ будущему историку культуры русскаго общества и поспѣшимъ къ тѣмъ, непосредственность которыхъ гораздо интереснѣе.

Въ ту-же минуту, какъ изъ глазъ моихъ скрылись офицеры, распрашивавшіе монаховъ объ отцѣ Строфокамилѣ, я замѣтилъ невдалекѣ одного моего товарища, который такъ-же, какъ я, зналъ Берлинскаго, Малахію и Гіезія.

Пріятель меня спрашиваетъ:

— Видѣлъ-ли ты морское чучело?

— Какое? говорю.

— А старца Малахая (онъ имѣлъ привычку звать его Малахаемъ).

— А гдѣ онъ?

— Да вотъ сейчасъ, говоритъ, недалеко здѣсь налѣво, за инженернымъ домомъ на кирпичахъ стоитъ. Иди, смотри его, восхитителенъ!

— Неужели, говорю, въ самомъ дѣлѣ хорошъ?

— Описать нельзя, и самъ хорошъ, и притомъ обставленъ удивительно! Вокругъ него всѣ столпы древняго благочестія „вообче“ и нашъ губошленый Гіезька, весь, подлецъ, деревяннымъ масломъ промасленъ... А на самаго Малахая, увидишь, какую шляпу наложили.

— А что въ ней такого замѣчательнаго?

— Антикъ,—другой такой нѣтъ. Говорятъ, изъ Москвы, изъ грановитой палаты выписали на подержаніе,—еще самъ царь Горохъ носилъ.

Я не заставлялъ себя болѣе убѣждать и поспѣшилъ розыскивать старца.

XXVII.

Надо вспомнить, что между монастыремъ Малаго Николая и крѣпостною башнею, подъ которой нынѣ проходятъ никольскія ворота, былъ только одинъ старый, но преудобный домъ съ дворомъ, окруженнымъ тополями. Въ этомъ домѣ съ нѣкоторыхъ поръ жили кто-то изъ начальствующихъ инженеровъ. За это его, кажется, и не разломали. Стоило обойти усадьбу этого очень просторно рас-

Библиотека "Руниверс"

положившагося дома, и сейчасъ-же надо было упереться въ отгороженный временнымъ заборчикомъ задворочекъ, который пріютился между башнею и садомъ инженернаго дома. На этомъ задворочкѣ были свалены разные строительные остатки—доски, бревна, нѣсколько кулей съ известкой и нѣсколько кладокъ бѣлаго кіевскаго кирпича. Тутъ-же стояла и маленькая, тоже временная, хатка, въ которой жилъ сторожъ. У воротъ этого загражденія была и надпись, объявлявшая, что „постороннимъ лицамъ сюда входить строго воспрещается". Въ день открытія моста запрещеніе слабо дѣйствовало и дало сторожу возможность открыть сюда входъ за деньги. Сторожъ, рыжій унтеръ, съ серьгою въ ухѣ и вишневымъ пятномъ на щекѣ, стоялъ у этой двери и самъ приглашалъ благонадежныхъ лицъ изъ публики вступить въ запрещенное мѣсто. По его словамъ, оттуда было „все видно", а плату за входъ онъ бралъ умѣренную, по „злотувкѣ", т. е. по 15 коп. съ персоны.

Взнеся входную цѣну и переступивъ за досчатую фортку, я увидалъ передъ собою такой „пейзажъ природы", который нельзя было принять иначе, какъ за символическое видѣніе.

Мусоръ всѣхъ сортовъ и названій, обломки всего, что можетъ значиться въ смѣтѣ матеріаловъ, нужныхъ для возведенія зданія съ подземнаго бута до кровли: доски, бревна, известковыя носилки и тачки, согнутые и проржавленные листы стараго кровельнаго желѣза, цѣлый ворохъ обломковъ водосточныхъ трубъ, а посреди всего этого хлама, надъ самымъ берегомъ шесть или семь штабелей запаснаго кирпича. Сложены они были столбиками не равной высоты, одни—пониже, другіе немного повыше, и наконецъ на самомъ высокомъ зрѣлося человѣчище прекрупное, вельми древнее и дебелое. Это стоялъ Малахія. Одѣянъ онъ былъ благочестивымъ предковскимъ обычаемъ, въ синей, широкой, суконной чуйкѣ, спитой совсѣмъ, какъ старинный охабень, и оторочепной по рукавамъ, по вороту и по правой полѣ какимъ-то дряннымъ подлѣзлымъ мѣхомъ. Одеждѣ отвѣчала и обувь: на ногахъ у старца были сапоги рыжіе съ мягкою козловою холявою, а въ рукахъ долгій крашеный костыль; но что у него было на головѣ посажено, тому дѣйствительно и описанія не сдѣлаешь. Это была шляпа, но кто ее дѣлалъ и откуда она могла быть въ нашъ вѣкъ добыта, того никакой многобывалый человѣкъ опредѣлить-бы не могъ. Историческая полнота

Библиотека "Руниверс"

свѣдѣній требуетъ однако сказать, что штука эта была добыта почитателями старца Малахіи въ Кіевѣ, а до того содержалась въ тайникахъ магазина Козловскаго, гдѣ и обрѣтена была случайно приказчикомъ его Скрипчикомъ при перевозѣ рѣдкостей моды съ Печерска на Крещатикъ.

Шляпа представляла собою превысокій плюшевый цилиндръ, съ самымъ смѣлымъ перехватомъ на серединѣ и съ широкими, совершенно ровными полями, безъ малѣйшаго загиба ни на бокахъ, ни сзади, ни спереди. Сидѣла она на головѣ словно рожонъ, точно какъ будто она не хотѣла имѣть ни съ чѣмъ ничего общаго.

Величественная фигура Малафея Пимыча утвердилась здѣсь вѣроятно раньше всѣхъ, потому что позиція его была всѣхъ выгоднѣе: занимая самую высокую кладку кирпича, старецъ могъ видѣть дальше всѣхъ и самъ былъ всѣмъ видѣнъ.

Рядомъ съ Пимычемъ на кладкѣ, которая была немножко пониже, помѣщался Гіезій. Онъ былъ въ бутылочномъ азямчикѣ съ тремя христіанскими сборами на кострецахъ и въ суконномъ шлычкѣ безъ козырька. Онъ безпрестанно перемѣнялъ ноги и въ его покосившейся на одно плечо фигурѣ чуялась несносная скука, лѣнь и томительное желаніе шевельнуть затекшими ногами и брызнуть въ ходъ.

Вокругъ нихъ было еще немало людей, пропущенныхъ крѣпостнымъ заказникомъ, но эти, по своей безцвѣтности, не останавливали на себѣ особеннаго вниманія.

XXVIII.

Часто вращавшійся по сторонамъ Гіезій замѣтилъ мое желаніе поближе полюбоваться его дѣдушкой и показалъ глазами, что можетъ потѣсниться и дать мнѣ мѣсто возлѣ себя.

У питабеля стоялъ опрокинутый известковый ящикъ, по которому я могъ подняться на такую высоту, что Гіезій подалъ мнѣ свою руку и поставилъ меня съ собою рядомъ.

Малафей Пимычъ не обратилъ на наше размѣщеніе никакого вниманія: онъ былъ похожъ на матераго волка, который на утрѣ вышелъ походить по насту; сѣрые глаза его горѣли дикимъ, фанатическимъ огнемъ, но самъ онъ не шевелился. Онъ устремилъ взоры на мостъ, который отсюда видѣнъ былъ, какъ на ладони, и

Библиотека "Руниверс"

не смаргивалъ оттуда ни на мгновеніе. Но я забылъ и мостъ и Днѣпръ, „гдѣ *вся Русь* крестилась“, и даже всю церемонію, которая должна сейчасъ начаться: всѣмъ моимъ чувствомъ овладѣлъ одинъ Пимычъ. Не смотря на свой чудной уборъ, онъ былъ не только поразительно и вдохновительно красивъ, но, если только простительно немного святотатственное слово, онъ былъ въ своемъ родѣ божественъ и при томъ характерно божественъ. Это не Юпитеръ и не Лаокоонъ, не Улиссъ и не Вейнемяйненъ, вообще не герой какой-бы то ни было саги, а это стоялъ олицетворенный *символъ древляго благочестія*.

Если я долженъ его съ кѣмъ-нибудь сравнить, что всегда имѣетъ своего рода удобство для читателя, то я предпочелъ-бы всему другому указать на извѣстную картину, изображающую урокъ стрѣльбы изъ орудія, даваемый Петру Лефортомъ. Отрокъ Петръ, горя восторгомъ, наводитъ пушечный прицѣлъ... Вся его огневая фигура выражаетъ страстное уносящее стремленіе. Лефортъ въ своемъ огромномъ парикѣ тихо любуется царственнымъ ученикомъ. Нѣсколько молодыхъ русскихъ лицъ смотрятъ съ сочувствіемъ, но вмѣстѣ и съ недоумѣніемъ. На нихъ однако видно, что они желаютъ царю „попасть въ цѣль“. Но тутъ есть фигура, которая въ своемъ родѣ не менѣе образна, типична и характерна. Это сѣдой старикъ въ старорусскомъ охабнѣ съ высокимъ воротомъ и въ высокой собольей шапкѣ. Онъ одинъ изъ всѣхъ не на ногахъ, а *сидитъ* и сидитъ крѣпко; въ правой рукѣ онъ держитъ костыль, а лѣвою оперся въ ногу и смотритъ на упражненія царя вкось, черезъ свой локоть. Въ его глазахъ нѣтъ ненависти къ Петру, но чѣмъ удачнѣе дѣлаетъ юноша то, за что взялся, тѣмъ рѣшительнѣе символическій старецъ не встанетъ съ мѣста. За то, если Петръ не попадетъ и отвернется отъ Лефорта, тогда... старичокъ встанетъ, скажетъ: „плюнь на нихъ, батюшка: они всѣ дураки“, и, опираясь на свой старый костыль, уведетъ его, „своего прирожоннаго“ *домой*—мыться въ банѣ и молиться московскимъ угодникамъ, „одолѣвшимъ и новгородскихъ и владимірскихъ“.

Этотъ старикъ, по мысли художника, представляетъ собою на картинѣ *старую Русь*, и Малафей Пимычъ теперь на живой картинѣ кіевскаго торжества изображалъ тоже самое. Моментъ, когда передъ нами является Пимычъ, въ его сознаніи имѣлъ тоже исто-

Библиотека "Руниверс"

рическое значеніе. Старикъ, Богъ вѣсть почему, ждалъ въ этотъ день какого-то великаго событія, которое сдѣлаетъ поворотъ во всемъ.

Такія торжественныя настроенія, безъ удобопонятныхъ причинъ, нерѣдко являются у аскетовъ, подобныхъ Пимычу, когда они, сидя въ спертой задухѣ своихъ промзглыхъ закутъ, начинаютъ считать себя центромъ вниманія Творца вселенной.

XXIX.

Могучая мысль, вызвавшая Малахію, побудила его явиться суетному міру во всеоружіи всей его изувѣрной святости и глупости. Сообразно обстоятельствамъ, онъ такъ пріубрался, что отъ него даже на всемъ просторѣ открытаго нагорнаго воздуха струился запахъ ладана и кипариса, а когда вѣтерокъ раскрывалъ его законный охабень съ звѣриной опушью, то внизу видѣнъ былъ новый мухояровый „рабскій азямчикъ“ и во всю грудь черезъ шею висѣвшая нить крупныхъ деревянныхъ шаровъ. Связка, по обыкновенію, кончалась у пупа большимъ восьмиконечнымъ крестомъ изъ красноватаго рога.

Стоялъ онъ, какъ сказано, точно изваяніе—совершенно неподвижно и такъ-же неподвиженъ былъ его взглядъ, устремленный на мостъ, только жолтобѣлые усы его изрѣдка шевелились; очевидно, отъ истомы и жажды онъ овлажалъ свои засохшія уста.

— Съ шестаго часа тутъ стоимъ, шепнулъ мнѣ Гіезій.

— Зачѣмъ такъ рано?

— Дѣдушка еще раньше хотѣлъ, никакъ стерпѣти не могли до утра. Все говорилъ, опоздаемъ, пропустимъ—царь раньше выѣдетъ на мостъ, потому этакое дѣло надо на тщо сдѣлать.

— Да какое такое дѣло? О чемъ вы это толкуете?

Гіезій промолчалъ и покосилъ въ сторону дѣдушки глазами: дескать, нельзя говорить.

Вмѣсто отвѣта онъ, воздохнувъ, молвилъ:

— Булычку-бы надо сбѣгать купить.

— Зачѣмъ-же дѣло стало? сбѣгайте.

— Разсердится. Три дня уже такъ говѣйно живемъ. Самъ-то даже и капли всѣ дни не принималъ. Тоже вѣдь и государю это не

Библиотека "Руниверс"

легко будетъ. За то какъ нонѣ при всѣхъ едиными устнами тропарь за царя запоемъ, тогда и ѣсть будемъ.

— Отчего-же нынѣ едиными „устнами“ запоете?

Гіезій скосилъ глаза на старца и, закрывъ ладонью ротъ, сталъ шептать мнѣ на ухо:

— Государь черезъ мостъ пѣшо пойдетъ...

— Ну!

— Только вѣдь до середины рѣки идти будетъ прямо.

— Ну, и что-же такое? Что-же дальше?

— А тутъ, гдѣ крещебная струя отъ Владиміра князя пошла, онъ тутъ станетъ.

— Такъ что-же изъ этого?

— Тутъ онъ свое исповѣданіе объявитъ.

— Какое исповѣданіе? Развѣ неизвѣстно его исповѣданіе?

— Да, то извѣстное-то извѣстно, а намъ онъ покажетъ истинное.

Я и теперь еще ничего въявь не понялъ, но чувствовалъ уже, что въ нихъ дѣдушкою внушены какія-то чрезвычайныя надежды, которымъ очевидно никакъ невозможно сбыться. И все это сейчасъ-же, или даже сію минуту придетъ къ концу, потому что въ это самое мгновеніе открытіе началось.

XXX.

По мосту между шпалерами пѣхоты тронулась артиллерія. Пушки, отчищенныя со всякою тщательностію, которою отличалось тогдашнее время, ярко блестѣли на солнцѣ и производили большой эффектъ; потомъ двигалось еще что-то (теперь хорошенько не помню), и наконецъ вдругъ выдался просторный интервалъ, и въ немъ на свободномъ просвѣтѣ показалась довольно большая и блестящая группа. Здѣсь все были лица, украшенныя мундирами и лентами, и впереди всѣхъ ихъ шелъ самъ государь Николай Павловичъ. По его спеціально военной походкѣ его можно было узнать очень издали: голова прямо, грудь впередъ, шагъ маршевой, крупный и съ наддачею, лѣвая рука приднута и держитъ пальцемъ за пуговицей мундира, а правая или указываетъ что нибудь повелительнымъ жестомъ, или тихо, мѣрнымъ движеніемъ обозначаетъ тактъ, соотвѣтственно шагу ноги.

Библиотека "Руниверс"

И теперь государь шелъ этою-же самою своею отчетистою военною походкою, мѣрно, но такъ скоро подаваясь впередъ, что многіе изъ слѣдовавшихъ за нимъ въ свитѣ едва поспѣвали за нимъ въ притруску. Когда старенькій генералъ съ опереніемъ на головѣ бѣжитъ, и опереніе это прыгаетъ, выходитъ забавно: точно какъ будто его кто встряхиваетъ и изъ него что-то сыпется.

Шествіе направлялось отъ городскаго гористаго берега кіевскаго къ пологому черниговскому, гдѣ тогда тотчасъ-же у окончанія моста были „виньелевскія постройки“: дома, службы и проч. Гораздо далѣе была слободка, а потомъ извѣстный „броварской лѣсъ“, который тогда еще не былъ вырубленъ.

Въ свитѣ государя издали можно было узнать только старика Виньеля и одного его, необыкновенно красиваго, сына, и то потому, что оба они были въ своихъ яркихъ англійскихъ мундирахъ.

Разумѣется, взоры всѣхъ устремились на эту группу: всѣ слѣдили за государемъ, какъ онъ перейдетъ мостъ и куда потомъ направится. Думали: „не зайдетъ-ли къ англичанамъ *спасибо* сказать“, но вышло не такъ, какъ думали и гадали всѣ, а такъ, какъ открыто было благочестивому старцу Малахіи.

Да, какъ разъ на самой серединѣ моста государь вдругъ остановился, и это моментально отозвалось въ нашемъ пунктѣ разнообразными, но сильными отраженіями: во первыхъ, Гіезій, совсѣмъ позабывъ себя, громко воскликнулъ: „сбывается!“ а, во вторыхъ— всѣхъ насъ всколебало чѣмъ-то въ родѣ землетрясенія; такъ сильно встряхнуло кирпичи, на которыхъ мы стояли, что мы по неволѣ схватились другъ за друга. По малодушію своему я захотѣлъ найти этому объясненіе и увидалъ, что это палъ на колѣни старецъ Малафей Пимычъ...

Съ этой поры я уже не зналъ, куда глядѣть, гдѣ ловить болѣе замѣчательное—тамъ-ли на обширномъ мосту, или тутъ у насъ на сорномъ задворкѣ. Взоръ и вниманіе по неволѣ рвались туда и сюда.

Между тѣмъ государь, остановясь „противъ крещебной струи“, которую старецъ проводилъ по самой серединѣ Днѣпра, повернулся на минуту лицомъ къ городу, а потомъ взялъ правое плечо впередъ и пошелъ съ средины моста къ перилламъ верхней стороны. Тутъ у насъ опять произошло свое дѣйство; Малахія крикнулъ:

— Гляди!

Библиотека "Руниверс"

А Гіезій подхватилъ:

— Видимъ, дѣдушка, видимъ!

Государь пошелъ съ середины влѣво, то есть къ той сторонѣ, откуда идетъ Днѣпръ и гдѣ волны его встрѣчаютъ упоръ ледорѣзовъ, т. е. со стороны Подола. Вѣроятно, онъ захотѣлъ здѣсь взглянуть на то, какъ выведены эти ледорѣзы и въ какомъ отношеніи находятся они къ главному теченію воды.

Государя, въ этомъ отклоненіи отъ прямаго хода къ периламъ моста, сопровождалъ Виньель и еще кто-то, одинъ или два человѣка, изъ свиты. Теперь я этого въ точности вспомнить не могу и о сю пору изумляюсь, какъ я еще могъ тогда наблюдать, что происходило и тутъ и тамъ. Впрочемъ, съ того мгновенія, какъ государь остановился на серединѣ моста „противъ крепчебной струи“— тамъ я видѣлъ очень мало. Помню только одинъ моментъ, какъ публика, стоявшая за войсками у перилъ, увидя подходившаго государя, смѣшалась и жалась вмѣсто того, чтобы разступиться и открыть видъ на воду. Государь подошелъ и самъ собственною рукою раздвинулъ двухъ человѣкъ какъ бы приклеившихся къ периламъ.

Эти два человѣка по случаю были мнѣ знакомы, и съ этого событія они на нѣкоторое время получили особый интересъ для многихъ, такъ какъ пролетѣла вѣсть, что государь ихъ не только тронулъ рукою, но и что-то сказалъ имъ. Объ этомъ будетъ ниже. Съ того мгновенія, какъ государь отстранилъ двухъ оторопѣвшихъ дворянъ и сталъ лицомъ къ открытой рѣкѣ, вниманіе мое уже не разрывалось на двое, а все было охвачено Пимычемъ.

Первое, что отвлекло меня отъ торжественной сцены на мосту— было паденіе внизъ какого-то чернаго предмета. Точно черный фаустовъ пудель будто вырвался изъ подъ кирпичей, на которыхъ мы стояли, и быстро запрыгалъ огромными скачками къ низу.

Если это былъ звѣрь, то онъ очевидно кого-то преслѣдовалъ или отъ кого-то удиралъ. Разобрать этого я не могъ, какъ черный предметъ скатился внизъ и совершенно неожиданно нырнулъ и исчезъ гдѣ-то подъ берегомъ. Но отрокъ Гіезій, былъ глазастѣе меня и воскликнулъ:

— Ай, пропала теперь дѣдушкина шляпа!

Библиотека "Руниверс"

Я посмотрѣлъ на Пимыча и увидѣлъ, что онъ стоитъ на колѣняхъ и съ непокрытою головою. Онъ буквально былъ внѣ себя: „огонь горѣлъ въ его очахъ и шерсть на немъ щетиной зрилась“. Правая рука его съ крѣпко стиснутымъ двуперстнымъ крестомъ была прямо поднята вверхъ надъ головою, и онъ кричалъ (да, не говорилъ, а во всю мочь, громко *кричалъ*):

— Такъ, батюшка, такъ! Вотъ этакъ-вотъ, родненькій, вотъ какъ! Сложи, какъ надо, два пальчика! Дай всей землѣ одно небесное исповѣданіе.

И въ это время, какъ онъ кричалъ, горячія слезы обильными ручьями лились по его покрытымъ сѣдымъ мохомъ щекамъ и прятались въ бороду... Волненіе старца было такъ сильно, что онъ не выстоялъ на ногахъ, голосъ его оборвался, онъ зашатался и рухнулъ на лицо свое и замеръ... Можно-бы подумать, что онъ даже умеръ, но тому мѣшала его правая рука, которую онъ все таки выправилъ, поднялъ къ верху и все махалъ ею государю двуперстнымъ сложеніемъ... Опасался, бѣднякъ, чтобы государь не ошибся, какое надо дать „небесное исповѣданіе“.

Я не могу передать, какъ это выходило трогательно!.. Во всю мою жизнь послѣ этого я не видалъ серьезнаго и сильнаго духомъ человѣка въ положеніи болѣе трагическомъ, восторженномъ и въ то-же время жалкомъ.

Я былъ до глубины души потрясенъ душевнымъ напряженіемъ этого алкателя единыя вѣры, и не могъ себѣ представить, какъ онъ изъ этого выйдетъ. Одно спасеніе, думалось: государь отъ насъ такъ далеко, что нѣтъ возможности увидать двумя или тремя перстами онъ перекрестится, и стало быть дѣдушку Пимыча можно будетъ обмануть, можно будетъ пустить ему „ложь во спасеніе“. Но я мелко и недостойно понималъ о высокомъ старцѣ: онъ такъ окинулъ прозорливымъ окомъ ума своего всю вселенную, что не могло быть никого, кто-бы могъ обмануть его на этотъ счетъ.

И вотъ наступилъ наконецъ мигъ, рѣшительный, жесточайшій мигъ.

Шествіе на мосту вѣроятно кончилось, вокругъ насъ почувствовалось какое-то нервное движеніе, люди какъ-бы хотѣли перемѣнять мѣста и наконецъ запумѣли: значитъ, кончено. Стали расходиться.

Библиотека "Руниверс"

Гіезій позвалъ два раза: дѣдушка! дѣдушка!

У Нимыча шевельнулась спина и онъ сталъ приподниматься. Гіезій подхватилъ его подъ руки.

XXXI.

Старецъ поднимался медленно и тяжело, какъ поднимается осенью коченѣющій шмель съ тѣмъ, чтобы перетянуть немножко и околѣть.

Гіезій изнемогалъ, вспирая старика вверхъ за оба локтя.

Я захотѣлъ ему помочь, и мы взялись одинъ за одну руку, а другой за другую и поставили старца на колеблющіяся ноги.

Онъ дрожалъ и имѣлъ видъ человѣка смертельно раненаго въ самое сердце. Ротъ у него былъ широко открытъ, глаза въ остолбенеиіи и съ тусклымъ остекленіемъ.

Столь недавній живой фанатическій блескъ ихъ исчезъ безъ слѣда.

Гіезій если не понялъ, то почувствовалъ положеніе старца и съ робкимъ участіемъ сказалъ:

— Пойдемъ домой, дѣдушка!

Малахія не отвѣчалъ. Медленно, тяжелымъ сердитымъ взглядомъ повелъ онъ по небу, вздохнулъ, словно послѣ сна, и остановилъ взоръ на Гіезіѣ.

Тотъ еще съ большимъ участіемъ произнесъ:

— Довольно, дѣдушка; нечего ждать, пойдемъ; государь уже перекрестился.

Но при этомъ словѣ старика всего словно прожгло, и онъ вдругъ отвердѣлъ и закричалъ:

— Врешь, анаѳема! Врешь, не крестился государь двумя персты. Вижу я, еще не въ постыженіи отступники никоніаны. И за то, что ты солгалъ, Господь будетъ бить тебя по устамъ.

Съ этимъ онъ замахнулся и наотмашъ такъ сильно ударилъ Гіезія по лицу, что уста отрока въ то-же мгновеніе оросились кровью.

Кто-то вздумалъ было за него заступиться и заговорилъ: „какъ это можно?“—но Гіезій попросилъ участливаго человѣка ихъ оставить.

— Мы свои, сказалъ онъ,—это мой дѣдушка, и началъ бережно сводить перестоявшагося старца съ кирпича подъ руки.

Библиотека "Руниверс"

XXXII.

Малахіи было видѣніе, мечта, фантазія, назовите какъ хотите, что государь станетъ среди моста „лицомъ противъ крещебной струи“ и передъ всѣми людьми перекрестится древлимъ двуперстіемъ.

А тогда, разумѣется, настанетъ для Малахіи и иже съ нимъ торжество, а митрополитомъ и епископомъ и всему чину церковному со всѣми нечестивыми никоніанами—посрамленіе до черноты лицъ ихъ. А тѣ, кои не покорятся, ихъ „Господь рукою вѣрныхъ своихъ будетъ бить по устамъ“, и всѣ они окровянятся, какъ Гіезій. „Старая вѣра побьетъ новую“. Вотъ чего желалъ и о чемъ, можетъ быть, всю жизнь свою молился доброчестный старецъ.

Но не сбылося по его вѣрѣ и упованію и погибли въ мигъ всѣ его радости. Старецъ былъ посрамленъ.

Я помню и никогда не забуду, какъ онъ шелъ. Это была грустная картина: тяжело и медленно передвигалъ онъ какъ будто не свои остарѣлыя ноги по мягкой пыли Никольской улицы. Руки его были опущены и растопырены; смотрѣлъ онъ безпомощно и даже повиновался Гіезію, который одною рукою обтиралъ кровь на своемъ лицѣ, а другою подвигалъ старца ладонью въ спину и, плача о немъ, умолялъ:

— Иди-же мой, дѣдушка, Христа ради, иди... Ты безъ шляпы... на тебя всѣ смѣяться будутъ.

Старецъ понялъ это слово и прохрипѣлъ:

— Пусть смѣются.

Это было послѣдній разъ, что я видѣлъ Малахію, но за то онъ удостоилъ меня вспомнить. На другой день по отъѣздѣ государя изъ Кіева старецъ присылалъ ко мнѣ своего отрока съ просьбою сходить „къ боярамъ“ и узнать: „что царь двумъ господіямъ на мосту молвилъ, коихъ своими руками развелъ“.

— Дѣдушка, говорилъ Гіезій, сомнѣваются на счетъ того: кія словеса рекъ государь. Нѣтъ-ли чего отъ насъ утаеннаго?

Я могъ послать старцу отвѣтъ самый полный, безъ всякаго утаенія. Два господина, остолбенѣвшіе у перилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ захотѣлъ взглянуть на Днѣпръ императоръ Николай Павловичъ, къ счастью были мнѣ извѣстны. Это были звенигородскіе помѣщики, братья Протопоповы. Они мнѣ даже приходились въ отдаленномъ

Библиотека "Руниверс"

свойствѣ по теткѣ Натальѣ Ивановнѣ Алферьевой, которая была замужемъ за Михаиломъ Протопоповымъ. А потому мы въ тотъ-же день узнали, что такое сказалъ имъ государь. Онъ отстранилъ ихъ рукою и проговорилъ только три слова:

— Пошли прочь отсюда!

Въ кружкѣ знакомыхъ это составляло такой интересъ, что вечеромъ въ этотъ-же день въ квартирѣ Протопоповыхъ на Бульварѣ перебывало множество знакомыхъ, и всѣ приступали къ виновнику событія съ распросами:

— Правда-ли, что съ вами государь разговаривалъ?

— Да-съ, разговаривалъ, отвѣчалъ Протопоповъ.

— А о чемъ разговоръ былъ?

Протопоповъ съ удивительною терпѣливостію и точностію начиналъ излагать все по-порядку: гдѣ они стояли, и какъ государь къ нимъ подошелъ, „раздвинулъ“ ихъ и сказалъ: „пошли прочь отсюда“.

— Ну, и вы отошли?

— Какъ-же, нельзя-же,—сію-же минуту отошли.

Всѣ находили, что братья поступили именно такъ, какъ слѣдовало, и съ этимъ, кажется, всякій долженъ согласиться. Ни къ старой и новой вѣрѣ это нимало не относилось и что-бы не дать повода къ какимъ-нибудь толкованіямъ, я просто сказалъ Гіезію, что государь съ „господіями“ ничего не говорилъ.

Гіезій вздохнулъ и молвилъ: плохо наше дѣло.

— Чѣмъ и отчего плохо?—полюбопытствовалъ я.

— Да, дѣдушкѣ ужъ очень хочется тропарь пѣть, а невозможно!...

Среди безчисленныхъ нападокъ и клеветъ, которымъ я долговременно подвергался въ литературѣ за мою неспособность и нехотѣніе рабствовать отвратительному и пошлому деспотизму направленій, меня сурово укоряли также за то, что я не раздѣлялъ пустыхъ и вредныхъ мнѣній Аф. Прокофьев. Щапова, который о ту пору прослылъ въ Петербургѣ умникомъ и вращаясь среди неповинныхъ въ знаніяхъ литераторовъ, вѣщалъ о *политическихъ* задачахъ, которыя скрытно содержитъ будто нашъ русскій расколъ. Щаповъ стоялъ за это горой и увѣрилъ въ томъ даже Герцена, который потомъ уже не умѣлъ разобрать ни Ив. Ив. Шебаева, ни архіерея Пафнутія. Я тогда напечаталъ письмо о „людяхъ древ-

Библиотека "Руниверс"

няго благочестія", гдѣ старался снять съ несчастныхъ старовѣровъ вредный и глупый поклепъ ихъ въ революціонерствѣ. Меня пошли казнить. Писали, что меня растлило въ этомъ отношеніи вредное вліяніе Павла Ив. Мельникова (Печерскаго), а петербургскому профессору Ив. Ѳ. Нильскому даже печатно поставили въ непростительную вину, что этотъ почтенный ученый гдѣ-то ссылался на мои наблюденія надъ нравами раскола и давалъ имъ вѣру, какъ будто даже не замѣчал того, что хотѣли навязать расколу представители „крайней лѣвой фракціи". Г-нъ Нильскій давалъ писателямъ „лѣвой фракціи" отповѣдь, гдѣ говорилъ что-то въ пользу моихъ наблюденій. Въ самомъ-же дѣлѣ, хороши они или дурны, но они есть *наблюденія* того, что существовало и было, а не выдумка, не тенденціозное фантазерство фракціонистовъ, которымъ чуть не удалось оклеветать добрыхъ и спокойныхъ людей. Твердое и неизмѣнное убѣжденіе, что русскій расколъ не имѣетъ противуправительственныхъ „политическихъ" идей, получено мною не изъ книгъ и даже не отъ Павла Ив. Мельникова (знанія котораго я конечно высоко цѣню), а я пришелъ къ этому убѣжденію прямо путемъ личныхъ наблюденій, которымъ вѣрю болѣе, чѣмъ забавнымъ для меня натяжкамъ Щапова и всякимъ инымъ ухищреніямъ тенденціозныхъ теоретиковъ. То, что я разсказалъ здѣсь о старцѣ Малахіи, было для меня едва-ли не первымъ урокомъ въ изученіи природы не дѣланнаго, а живаго раскольника. Я не могу, да и не обязанъ забыть, какъ этому суровому „немоляку за имя царево" хотѣлось „попѣть тропаря", и вся остановка была только за тѣмъ, что-бы государь „двумя персты" перекрестился. А тогда-бы они позапечатлѣли *не* раскольниковъ, какъ старецъ запечатлѣлъ Гіезьку, и горячѣе всѣхъ, пожалуй, приложили-бы руки къ „крайней лѣвой фракціи".

Вотъ и вся ихъ политика. А между тѣмъ было время, когда требовалось имѣть отвагу, что-бы рѣшиться дать пріютъ въ домѣ такому опасному сектанту, какъ старецъ Малахія... И это смѣшное и слѣпое время было не очень давно, а уже такъ хорошо позабыто, что „крайняя правая фракція" пружится, что-бы Волга-матушка вспять побѣжала, а они-бы могли начать лгать сначала. Раки, которые „перешепчутся", приходятъ въ „пустотѣлъ", а люди, которые хотятъ пятиться, какъ раки, придутъ къ пустомыслію.

Библиотека "Руниверс"

XXXIII.

Отрока Гіезія я видѣлъ еще одинъ разъ въ жизни. Это было много лѣтъ спустя въ Курскѣ, вскорѣ послѣ постройки кіевской желѣзной дороги.

Я ѣхалъ въ Кіевъ повидаться съ родными. Поѣзда ходили тогда еще не совсѣмъ аккуратно, и въ Курскѣ приходилась остановка довольно долгая. Я когда-то ѣзжалъ изъ Орла въ Курскъ, и теперь мнѣ хотѣлось посмотрѣть на этотъ городъ, гдѣ сидятъ „мои-то-те куряне, вѣдомые кмети", которые до того доцивилизовались, что потеряли цѣлую рощу.

Я прошелъ черезъ вокзалъ, чтобы съ задняго крыльца посмотрѣть на соборъ и на прочее, что можно разглядѣть отсюда.

Дѣло было утромъ, погода прекрасная. Курскъ въ такомъ раннемъ освѣщеніи очень весело смотритъ съ своихъ горокъ, изъ за своей сонной Тускари. Онъ напоминаетъ собою Кіевъ, разумѣется, въ миніатюрѣ и en laid. Но только теперь, въ ту минуту, когда я хотѣлъ любоваться, весь видъ или, лучше сказать, все поле зрѣнія застилалось какими-то, во множествѣ летающими и безъ толку мечущимися въ воздухѣ безголовыми птичками... Престранное видѣніе въ іезекіилевскомъ жанрѣ: на одной какой-то точкѣ бьютъ фонтаномъ и носятся какими-то незаконченными, трепетными взмахами въ воздухѣ однѣ крылья; они описываютъ какіе-то незаконченные круги и зигзаги, и вдругъ пада[illegible] упадутъ, встрепенутся, и опять взлетятъ снова, и опять посерединѣ подъема ослабѣютъ и снова упадутъ въ пыль...

Это что-то какъ будто апокалипсическое.

Въ довершеніе сходства характера — тутъ были и „[illegible]"; онѣ подбираютъ обезглавленныхъ пташекъ и суютъ ихъ себѣ куда-то въ нѣдра или, по просту говоря, за пазухи. Тамъ тепло.

Заинтересовало меня: что это такое!

Вотъ съ одной, пронесшейся надъ моею головою безголовой пташки что-то капнуло... Тяжелое... точно она на меня зерно гороху уронила, и при томъ попало это мнѣ прямо на руку...

Это была кровь и при томъ совершенно свѣжая, даже теплая.

Что за исторія?

Библиотека "Руниверс"

Оглядываюсь—на противуположной сторонѣ площадки, такъ же какъ и я, глазѣютъ на безголовыхъ летуновъ человѣкъ шесть городскихъ извощиковъ и нѣсколько ребятишекъ...

Вотъ одна безголовая пташка со всего розмаха шлепнулась о желѣзную крышу какой-то надворной постройки.

Летѣла—казалась птичка, а упала—словно стаяла.

Осталось только самое маленькое пятнышко, которое надо было съ усиліемъ не потерять изъ глазъ,—до того стало оно ничтожно.

За то теперь можно было разсмотрѣть, что это такое.

Я опустилъ руку въ дорожную сумку, гдѣ у меня былъ маленькій бинокль, и только что сталъ наводить его на крышу, какъ кто-то сѣрымъ рукавомъ закрылъ мнѣ „поле зрѣнія“.

У меня въ Курскѣ не могло быть знакомыхъ, которые-бы имѣли право допустить такую короткую фамиліарность, но прежде чѣмъ я успѣлъ отнять отъ глазъ бинокль, сѣрая завѣса уже снялась и я увидалъ ворону, которая уносила въ клювѣ обезглавленную пташку.

Послышался хохотъ, свистъ; въ ворону съ добычею, безвредно для нея, полетѣли щепы и палки, и потомъ опять пошелъ фонтаномъ взлетъ обезглавленныхъ пташекъ.

Я захотѣлъ видѣть источникъ этого необычайнаго явленія и оно объяснилось: тутъ-же за угломъ стояла низкая крестьянская телѣга, [redacted]женная замореннною крестьянскою лошадкою. Лошадь ѣла сѣнцо, которое было привязано къ запрягу ея оглобли; а на телѣгѣ стоялъ большой лубочный коробъ, по верху котораго затянута [redacted]итяная сѣтка. Надъ коробомъ, окорячивъ его ногами, упер[redacted] въ телѣжныя грядки, сидѣлъ рослый поваръ въ бѣлыхъ панталонахъ, въ бѣлой курткѣ и въ бѣломъ колпакѣ, а передъ нимъ на землѣ стоялъ, среднихъ лѣтъ, торговый крестьянинъ и держалъ въ рукахъ большое рѣшето, въ которое поваръ что-то сбрасывалъ, точно какъ будто орѣшки.

Прежде опустить руку въ коробъ, потомъ вынетъ ее точно чѣмъ-то обросшую, встряхнетъ ею и сей-же моментъ всюду по воздуху полетятъ безголовыя птички, а онъ сброситъ въ рѣшето горсточку орѣшковъ. И все такъ далѣе.

Библиотека "Руниверс"

Спросилъ, что это дѣлаютъ? и получилъ короткое объясненіе:

— Перепелокъ рвутъ.

— Какъ, говорю, странно?

— Отчего странно? отвѣчаетъ продавецъ,—это у насъ завсегда такъ. Они теперь жирные; какъ заберешь ихъ въ руку, между пальчиками по головешкѣ, и встряхнешь, у нихъ сейчасъ всѣ шейки милымъ дѣломъ и оборвутся. Полетаетъ безъ головки—изъ нее кровочка скапитъ, и скусъ тоньше. А по головешкамъ, кои въ рѣшетѣ сбросаны, считать очень способно. Сколько головешекъ, за столько штукъ и плата.

— Ахъ, вы, думаю, „вѣдомые кмети"! Съ этакимъ-ли способнымъ народомъ не убрать безъ слѣдовъ монастырскую рощу!

Но мнѣ интереснѣе всего былъ самъ продавецъ, ибо—коротко сказать—это былъ никто иной, какъ оный, давній отрокъ Гіезій. Онъ обородатѣлъ и постарѣлъ, но видъ имѣлъ очень болѣзненный.

XXXIV.

Какъ только я назвалъ себя, Гіезій узналъ меня сразу и подалъ свою увалепную птичьимъ пухомъ руку. А между тѣмъ и перепелиная казнь была кончена; поваръ соскочилъ на землю и пошелъ къ бочкѣ съ водою мыть руки, а мы съ старымъ знакомцемъ отправились пить чай. Сѣли уютненько, рѣшето съ птичьими головками подъ столъ спрятали и разговорились.

Гіезій сообщилъ мнѣ, что онъ давно отбылъ годы [illegible]ованнаго отрочества и уже женатъ на второй женѣ, имѣетъ дѣтей, а живетъ промысломъ—торгуетъ то косами и серпами, то пенькою и пшеномъ, иногда-же, между дѣломъ, и живностію.

Спрашиваю: счастливо-ли живете?

— Ничего-бы, отвѣчаетъ, если-бы не ракъ.

— Какой ракъ?

— А какъ-же, говоритъ, вѣдь у меня ракъ въ желудкѣ; я скоро умру.

— Да почему вы знаете, что у васъ ракъ?

— Много докторовъ видѣли, всѣ одно сказали: ракъ. Да я и самъ вижу. Никакой пищи принять не могу, отъ всего тошнитъ.

— Чѣмъ-же вы лѣчитесь?

Библиотека "Руниверс"

— Прежде лѣчился, а нынѣ бросилъ, одинъ морковный сокъ на тощакъ пью. Все равно, пользы никакой быть не можетъ.

— Отчего вы такъ печально думаете?

— Помилуйте, развѣ я дитя, что не понимаю. Тридцать вѣдь, сударь, лѣтъ и три года этакое тиранство я соблюдалъ при дѣдушкѣ Малахіи! Вѣдь это вспомянуть страшно становится. Онъ говѣлъ въ лѣтѣхъ своихъ заматорѣлыхъ, а я одно и такое-же мученіе съ нимъ претерпѣвалъ въ цвѣтущей моей младости.

— И потомъ онъ васъ тоже билъ.

— Да, разумѣется, „начальникъ“, да это ничего, безъ того и невозможно. А вотъ голодъ—это ужасно. Бывало въ госпожинъ постъ и оскребки изъ деревянной чашки всѣ со щепой переѣшь и, что въ землѣ случаемъ ногами втоптано, вездѣ выкорыряешь да проглотишь, а теперь вотъ черезъ это старовѣрское злое безуміе и умирай безъ времени, а дѣтей пусти по міру.

— Вы, говорю, постъ называете безуміемъ?

— Да-съ. А что такое? Впрочемъ, не осудите, съ досады иной разъ, какъ о ребятишкахъ вздумаешь, очень что-нибудь скажешь. Дѣтей жалко.

— А какъ теперь ваши религіозныя убѣжденія?

Онъ махнулъ рукою.

— Тропарь по старому не поете?

Гіезій улыбнулся и отвѣчалъ: „что вспомнили!—пѣлъ да уже и позабылъ“.

— Какъ позабыли?

— Ну, Господи мой, вѣдь я-же вамъ говорю, какая у меня страшная боль въ животѣ. Ракъ! Я теперь даже не токмо, что среду и пятокъ, а даже и великій постъ не могу никакой говѣйности соблюдать, потому меня отъ всего постнаго сейчасъ вытошнитъ. Сплошь теперь, какъ молоканъ, мясное и зачищаю, точно баринъ. При вѣрной церкви уже это нельзя, я и примазался...

— Къ единовѣрческой?

— Нѣтъ, чего! Тамъ тоже еще есть жизни правила, я къ простой, къ греко-россійской.

— Значитъ, даже тремя перстами креститесь.

— Все равно. Да и какое уже мое крещеніе. Почитай и о молитвѣ забылъ. Только-бы пожить для ребятъ хочется. Для того и пристадъ къ церковной вѣрѣ, что слабже.

Библиотека "Руниверс"

— А прочіе ваши собратія?

— Они тогда, какъ въ Кіевѣ дѣдушку схоронили, сейчасъ съ сосѣдями тропарь пѣть замоталися, да такъ на тропарѣ и повисли. Нравится имъ это, да оно и отчего-же?— заключилъ онъ:—если у кого силы живота постоянныя, то вѣдь можно какъ угодно вѣрить; но съ такимъ желудкомъ, какъ мой, какая ужъ тутъ вѣра! Боль одна!

Съ тѣмъ мы и разстались.

Обѣтованный отрокъ, не читая энциклопедистовъ и другихъ проклятыхъ писателей, самъ приблизился къ теоріи Дидро и поставилъ вѣру въ зависимость отъ физіологіи.

Епископъ Амвросій Ключаревъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Москвѣ, напрасно порѣшилъ, что намъ грѣшнымъ „лучше-бы не родиться“. Тотъ, кто призвалъ насъ къ жизни, конечно, лучше почтеннаго архипастыря зналъ, кому лучше родиться, а кому не родиться, а отъ вѣры-то удаляемъ народъ не мы, писатели, которыхъ простой народъ еще не знаетъ и не читаетъ, а тѣ, кто „возлагаетъ на человѣки бремена тяжкія и неудобоносимыя“. Но мы покорно вѣримъ, что въ большомъ хозяйствѣ Владыки вселенной даже и этотъ ассортиментъ людей пока еще на что-то нуженъ.

Н. Лѣсковъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

СЕМЕНЪ ГАРКУША.

(1772—1784 г.).

Зовуть мене розбійникомъ, кажуть—розбиваю;
Я-жъ никого не вбивъ, бо й самъ душу маю.
Возьму гроши съ богатого, убогому даю,
А такъ гроши подѣливши, самъ гріха не маю.
(С. Максимовъ. „Сибирь и Каторга", ч. I, стр. 416)

Вторая половина прошлаго столѣтія—самое тяжелое время въ жизни крестьянства лѣвобережной Украйны. Проведеніе линіи форпостовъ на границѣ теперешней полтавской губерніи и екатеринославскихъ степей, постепенное стѣсненіе запорожцевъ и наконецъ совершенное уничтоженіе существованія послѣднихъ,—все это обстоятельства, значительно повліявшія на ухудшеніе положенія крестьянъ черниговской и полтавской губерній. Запорожье уже не могло своимъ вліяніемъ поддерживать протестующіе элементы родственной ему гетманщины, а линія форпостовъ значительно препятствовала осуществленію единственнаго возможнаго тогда протеста—побѣга съ мѣста жительства къ берегамъ Чернаго моря,—на Донъ, или-же на Кубань.

Всѣмъ этимъ пользовалась все выдѣлявшаяся изъ среды козачества войсковая старшина, нароставшее украинское дворянство, и съ успѣхомъ работала надъ достиженіемъ своихъ цѣлей: ограбленія, а затѣмъ и закрѣпощенія своихъ собратій, простыхъ козаковъ, не обладавшихъ такой житейской мудростью и безсстѣнчивостью въ выборѣ средствъ къ наживѣ, какими отличалась старшина.

Въ это время слышатся частыя жалобы со стороны крестьянъ и простаго козачества на притѣсненія старшины; жалуются на того

Библиотека "Руниверс"

или другаго сотника, обвиняютъ его въ захватѣ общественныхъ земель, или-же въ отнятіи у козака его участка и затѣмъ присвоеніи прежняго владѣльца себѣ въ крестьянство. Но жалобы эти поступали на разсмотрѣніе высшей мѣстной администраціи, хотя назначенной контролировать дѣйствія козацкой старшины, но отличавшейся взяточничествомъ, и вслѣдствіе этого жаловавшіеся бѣдняки никогда не были удовлетворяемы.

Съ другой стороны старшина жалуется на постоянные разбои и грабежи, производимые простымъ людомъ. Послѣдняго рода жалобы къ концу семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія особенно усиливаются; въ это время входитъ въ среду протестующихъ элементовъ бывшій запорожецъ-купецъ Семенъ Гаркуша, подъ руководствомъ котораго грабительства учащаются и отличаются замѣчательнымъ успѣхомъ. Его значительная энергія, большая разборчивость въ выборѣ предмета нападенія, именно самаго непопулярнаго пана, помощь угнетеннымъ — все это привлекаетъ къ нему расположеніе крестьянства, чѣмъ значительно облегчается успѣхъ его предпріятій. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, во время значительнаго перелома въ жизни непривиллегированныхъ классовъ Украины, грабежи его наводятъ ужасъ на becъ, имя его дѣлается пугаломъ для капризныхъ барчатъ, и если грабежи его съ компаніей не переходятъ въ открытое заявленіе протеста противъ окончательно устанавливавшагося тогда общественнаго строя и экономическаго гнета, то только благодаря чисто географическимъ условіямъ мѣстности, не позволявшимъ правильно организоваться всѣмъ недовольнымъ.

Семенъ Гаркуша [1]), сынъ крестьянина пана Старинскаго, Ивана Николаенка, родился около 1739 года въ небольшомъ полѣсскомъ селеніи Березани, теперешнемъ Березовѣ, мозырскаго уѣзда. До девяти лѣтъ онъ жилъ при родителяхъ, посѣщалъ между прочимъ приходскую школу, находившуюся въ томъ-же селѣ, но недолго: съ масляной недѣли началъ, а въ петровъ постъ прекратилъ. Вѣроятно, тогдашняя школьная наука и система обученія пришлись

[1]) Дѣло о разбойникахъ Семенѣ Гаркушѣ, Романѣ Босенку и Петрѣ Тарасенку-Дроботу, ихъ передержателяхъ и участникахъ, 1783 г., хранится въ библіотекѣ кіевской временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ.

Библиотека "Руниверс"

не по сердцу молодому школяру, и онъ такъ скоро безъ согласія отца прекратилъ ученье въ ней. Этому весьма много помогли проходившіе тогда черезъ Березань купцы - запорожцы, которые своими разсказами о житьѣ на Запорожьи и другими приманками увлекли за собой Семена. Девяти лѣтъ отъ роду оставляетъ онъ отца, мать, родное село, оставляетъ и школу съ ея непривѣтливымъ дьячкомъ учителемъ съ тѣмъ, чтобы уйти на житье въ далекій, ему невѣдомый, но какъ-то фантастически-привлекательно рисующійся въ его воображеніи край.

Случаи сманиванія и даже увода силой чужихъ дѣтей довольно часты въ жизни запорожцевъ. Иной холостой козакъ сидитъ въ лугу зимовникомъ, занимается хозяйствомъ, наживаетъ значительное состояніе, и всего у него вдоволь, а все таки живется ему какъ-то тяжело, чувствуется, какъ будто ему еще чего-то не достаетъ, такъ трудно ему разстаться съ унаслѣдованной вѣками привычкой; не разъ задастъ онъ себѣ вопросъ: „хто-жъ поживе після мене все мое добро? для кого се я робію?“ И вотъ онъ рѣшается найти себѣ наслѣдника; если онъ имѣетъ родственниковъ, то у нихъ выпрашиваетъ себѣ въ сыновья мальчика, а по большей части уводитъ лаской или силой чужаго. Приводитъ къ себѣ въ зимовникъ, селитъ въ немъ, если еврейское дитя, то предварительно креститъ, усыновляетъ и воспитываетъ, какъ своего роднаго. Такъ поступилъ и Яковъ Легкоступъ, сманившій Гаркушу.

— „Доглядай, сынку, хозяйства; умру, все тобі-жъ зостанеться, не кому иншому“, не разъ говорилъ старый Легкоступъ Семену; а Семенъ и безъ того не нарадуется своему новому житью: лѣтомъ онъ пасетъ лошадей, сопровождаетъ отца на охотѣ; настанетъ осень, снаряжаетъ съ отцомъ возы въ Крымъ, набираетъ тамъ соли и везетъ продавать на Украйну. Правда, случается иной разъ и поголодать въ дорогѣ, и промокнуть на дождѣ, но все это не такъ тяжело чувствуется, какъ чувствовалось, когда пасъ панскихъ лошадей.

Такъ текла жизнь Семена въ теченіи восьми лѣтъ. Между тѣмъ старый Легкоступъ еще болѣе постарѣлъ, сталъ чувствовать, что не долго уже ему оставаться на этомъ свѣтѣ; поэтому передалъ все свое хозяйство Семену, распорядился похоронами, да вскорѣ и умеръ. Остался Гаркуша полнымъ хозяиномъ всего имущества

Библиотека "Руниверс"

Легкоступа: у него теперь — табунъ лошадей, стадо рогатаго скота, отара овецъ; но продолжать хозяйничать, какъ хозяйничалъ Легкоступъ, онъ не думаетъ: ему хочется пожить въ Сѣчи, а главное—вести хозяйство въ такихъ размѣрахъ, какъ прежде, теперь нельзя. Тогда на сѣверѣ запорожскихъ степей селились выходцы изъ Австріи, сербы, и годъ за годомъ подвигались къ югу, оттѣсняя запорожцевъ все болѣе и болѣе во внутрь ихъ степей. Приходилось живущимъ тамъ запорожцамъ или сокращать свое хозяйство за недостаткомъ нужнаго количества пастбищъ, или совсѣмъ оставлять его. Многіе избирали послѣднее; это-же выбралъ и Гаркуша; онъ продалъ отцовскихъ лошадей, воловъ, овецъ, выручилъ за нихъ до полуторы тысячи рублей и съ вырученными деньгами явился въ Сѣчь, гдѣ былъ принятъ и записанъ въ число козаковъ шкуринскаго куреня. Тутъ братчики, всегда цѣнившіе человѣка по его личнымъ достоинствамъ или недостаткамъ, а не по заслугамъ отца его, окрестили новичка по своему обычаю, давъ ему прозвище Гаркуши, „по причинѣ гаркавости его въ произношеніи рѣчей“: Гаркуша сильно картавилъ. Это прозвище носилъ онъ въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, подъ нимъ извѣстенъ онъ и потомству.

Жизнь на Запорожьи, какъ разсказываютъ, проходила или за чаркой, или въ походахъ на турокъ да татаръ, по пословицѣ: „козакъ або пье, або турка бье, а все не гуляе“. Не такъ повелъ свою жизнь Гаркуша; онъ, на принесенныя съ собой въ Сѣчь деньги, купилъ шесть пароконныхъ возовъ и ходилъ вмѣстѣ съ другими запорожцами въ Перекопъ, на Прогной, набиралъ здѣсь соли, а на Запорожьи рыбы и возилъ продавать въ Нѣжинъ, Конотопъ, Глуховъ и другіе украинскіе города; а отсюда набиралъ хлѣба, веревокъ, килимовъ и другихъ товаровъ и возилъ ихъ сбывать на Запорожье. Такъ занимался онъ торговлей въ продолженіи четырнадцати лѣтъ; на пятнадцатомъ долженъ былъ на нѣкоторое время прекратить свои торговыя дѣла и заняться военными.

Тогда Россія вела войну съ Турціей, и запорожцы лѣтомъ 1770 года были посланы на лодкахъ подъ Очаковъ; въ этой флотиліи въ продолженіе всего лѣта находился и Гаркуша. Былъ онъ еще и другой разъ въ походѣ на турокъ,—это походъ подъ Хаджибей подъ начальствомъ войсковаго старшины Андрея Носача. Тутъ были они не долго: „три дня простояли мы подъ Гаджибеемъ,

Библиотека "Руниверс"

разсказывалъ Гаркуша, были перестрѣлки съ турками, много турокъ побили и ранили; съ нашей стороны ранили только двухъ: меня да товарища моего. На четвертый день повернули назадъ въ Сѣчь, при чемъ дорогой отбили у татаръ нѣсколько табуновъ лошадей и подуванили ихъ въ степи".

Вернулся Гаркуша на Запорожье, залѣчилъ рану, да и занялся по прежнему торговлей; но въ этотъ разъ не надолго: скоро онъ лишился всего своего состоянія. Случилось это около Межигорья, въ тогдашнихъ польскихъ владѣніяхъ. Предъ этимъ онъ ѣздилъ въ Харьковъ, накупилъ тамъ килимовъ, сала, вернулся назадъ въ Запорожье; отсюда взялъ еще два воза рыбы и думалъ все это везти на продажу въ Мозырь. Нужно было пробраться черезъ польскую границу, которая тогда со стороны запорожскихъ степей тщательно оберегалась, и, такъ какъ побаивались повторенія уманской рѣзни, то пропускъ запорожцевъ въ польскія владѣнія былъ строжайше воспрещенъ; но Гаркуша съ двѣнадцатью другими козаками ухитрился перейти границу, минуя кордонную стражу; перешелъ и, отъѣхавъ на нѣсколько верстъ отъ кордону, остановился въ лѣсу на ночлегъ. Тутъ наѣхалъ на нихъ кордонный объѣздъ, и Гаркуша, зная, какая участь постигаетъ въ Польшѣ всякаго заподозрѣннаго въ гайдамачествѣ, счелъ за лучшее оставить весь свой товаръ на десяти повозкахъ и сорокъ лошадей при нихъ и уйти, чѣмъ защищаться съ малой надеждой на успѣхъ и въ послѣдствіи быть посажену на колъ или повѣшену на висѣлицѣ.

Ушелъ Гаркуша, но не въ Сѣчь: не хотѣлось ему теперь показываться между своими товарищами козаками, прежде знавшими его, какъ весьма состоятельнаго человѣка; пошелъ онъ въ Черниговщину, гдѣ думалъ подыскать себѣ бѣглаго солдата или крестьянина и вмѣстѣ съ нимъ раздобыть средства къ жизни такимъ-же образомъ, какимъ лишился бывшихъ у него, а затѣмъ зажить по прежнему. Остановился онъ въ ново-млинскихъ лѣсахъ, что подлѣ Борзны, и въ теченіи трехъ недѣль высматривалъ товарища, по временамъ оставляя лѣсъ, чтобы сходить въ Борзну или Новые-Млины и купить тамъ хлѣба на деньги, унесенныя имъ въ карманѣ во время побѣга отъ польской стражи. Скоро всѣ деньги издержалъ, а товарища все нѣтъ. Тутъ случайно встрѣтился онъ съ прежнимъ хорошимъ знакомымъ, значковымъ товарищемъ Ефимомъ Бѣлявскимъ, который и пригласилъ его къ себѣ на житье.

Библиотека "Руниверс"

Было утро праздничнаго дня; въ Борзнѣ собирался базаръ, и уже много проѣхало и прошло козаковъ и крестьянъ, поспѣшая въ городъ на торгъ. Вышелъ Гаркуша, чтобы послѣдній разъ сходить въ городъ и купить тамъ хлѣба на оставшіяся еще въ карманѣ двѣ копѣйки. Неопредѣленность положенія, недостатокъ въ пищѣ замѣтно изнурили его; онъ плелся по дорогѣ, опустивъ голову внизъ и едва передвигая нога за ногою. Шелъ онъ и раздумывалъ, что дальше будетъ, когда издержитъ эти двѣ копѣйки. Въ это время сзади его показалась повозка, запряженная въ три лошади, на ней человѣкъ, подлѣ него мальчикъ. Это ѣхалъ Ефимъ Бѣлявскій, нѣжинскій козакъ, не такъ еще давно первый дука въ Нѣжинѣ, теперь почти такой-же бѣднякъ, какъ и Гаркуша. Да, было время, когда Бѣлявскій былъ богатъ, велъ значительную торговлю хлѣбомъ, всякое лѣто высылалъ нѣсколько десятковъ воловыхъ возовъ въ Крымъ съ пшеницей; тогда и Гаркуша не разъ заѣзжалъ къ нему съ солью, а у него набиралъ хлѣба; тогда они и свели знакомство между собою. Но къ богатству захотѣлось Бѣлявскому и вліянія; тутъ нужно было посчитаться силами съ нѣжинскимъ сотникомъ, и Бѣлявскій остался въ проигрышѣ; сотникъ пообѣщалъ оставить его безъ рубахи и сдержалъ свое слово: въ недавно бывшую войну съ турками потребовалъ отъ Бѣлявскаго нѣсколько разъ не въ очередь подводъ; волы въ дорогѣ пали, фуражъ пропалъ, сотникъ обвинилъ его въ растратѣ, и пришлось Бѣлявскому продать домъ, лавки въ Нѣжинѣ и выбраться на хуторъ, лишь-бы задобрить старшину и избавиться отъ суда. Вчера отвезъ онъ въ Глуховъ послѣдніе сто рублей, сегодня, возвращаясь домой, раздумывалъ, кончится-ли этимъ дѣло, или нужно будетъ липпиться и хутора. И такъ ему хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить, пожаловаться на свою недолю, поругать старшину. Поровнявшись съ Гаркушей, онъ нѣсколько пріостановилъ лошадей, пустилъ ихъ шагомъ и вступилъ въ разговоръ съ путникомъ.

— Здоровъ, козаче, а куды такъ Богъ несе?

— Та йду въ Борзну, на базаръ—отвѣтилъ Гаркуша, не подымая глазъ на спрашивавшаго; но кто разъ слыхалъ голосъ Гаркуши, тому трудно было не узнать его; узналъ и Бѣлявскій.

— Се ты, Семене? Звідкіля и якъ се ты тутъ? Сідай-же сюды до мене, та роскажи!

Библиотека "Руниверс"

Присѣлъ Гаркуша на повозку и началъ разсказывать, какъ попалъ онъ въ Черниговщину; разсказалъ и Бѣлявскій о своемъ горѣ, и въ концѣ оба сошлись въ планахъ дальнѣйшей жизни. И вотъ они, подыскавъ еще двухъ товарищей, нѣсколько разъ, переправясь черезъ Днѣпръ, грабятъ тамошнихъ пановъ. На одномъ изъ грабежей ихъ поймали, выдали русскому правительству, а это осудило на поселеніе въ застраивавшемся тогда Таганрогѣ. Здѣсь Гаркуша прожилъ годъ, а на другой ушелъ, сманивъ съ собой и солдата, который караулилъ его.

Въ это время у Гаркуша является желаніе устроиться такъ, чтобы его никто не тревожилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ можно было-бы искупить свои прегрѣшенія: онъ пробуетъ въ нѣсколькихъ монастыряхъ опредѣлиться послушникомъ, но вездѣ получаетъ отказъ, такъ какъ не можетъ представить паспорта. Эта неудача и невозможность устроиться иначе снова наталкиваютъ его на прежнее занятіе. Товарищей подыскивать теперь онъ умѣетъ, да это и не такъ трудно: то было время, когда по Полтавщинѣ и Черниговщинѣ скиталось много разнаго люда, готоваго всякую минуту на протестъ противъ установлявшагося тогда экономическаго порядка; были то или крестьяне, ушедшіе отъ невыносимыхъ притѣсненій своихъ помѣщиковъ, или козаки, обезземеленные и обнищенные всесильной войсковой старшиной, или люди литовской породы, вынужденные частыми голодовками покинуть свой родной край и искать въ другомъ мѣстѣ лучшаго.

Въ этотъ періодъ мѣстомъ жительства Гаркуша избираетъ хуторъ козака Палюхи, что подлѣ селенія Терновъ, лебединскаго уѣзда; здѣсь онъ свелъ знакомство съ терновскимъ жителемъ Романомъ Босенкомъ, который почти во всю жизнь не разставался со своимъ атаманомъ. Босенко лишился отца, когда ему было только два года отъ роду, и до восемнадцати лѣтъ проживалъ при матери. На девятнадцатомъ ушелъ на заработки на донскіе рыбные заводы и работалъ здѣсь въ теченіе шести лѣтъ, стараясь скопить копѣйку и обзавестись своимъ хозяйствомъ. Сберегъ онъ кое-какъ двадцать рублей, купилъ на нихъ лошадь и повозку, положилъ заработанную рыбу и вернулся въ Терны къ матери. Не ласково встрѣтилъ его помѣщикъ послѣ шестилѣтней самовольной отлучки, и Романъ, прослышавъ, что поблизу проживаетъ Гаркуша, пристадъ къ нему.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Палюхинаго хутора ѣздили они на гребежъ въ селеніе Крыгу [1]); тамъ жила мѣщанка Дѣвичка, у которой разсчитывали найти большія богатства, но ошиблись: Дѣвичка обыкновенно закапывала деньги въ землю, а на верху держала только самое необходимое для мелкихъ расходовъ, и какъ ни старались выпытать, гдѣ хранятся ея деньги, Дѣвичка все-таки не сказала. Взяли только тѣхъ двадцать съ лишнимъ рублей, что не были закопаны въ землю, да нѣсколько сувоевъ полотна, нѣсколько дорогихъ платковъ, съ тѣмъ и ушли домой.

Болѣе удачна была поѣздка въ Новгородъ-Сѣверскъ къ тамошнему бургомистру Ивану Зимаку или Зименку; у него нашли до пяти-сотъ рублей, нѣсколько „цѣновыхъ тарелокъ“ и серебряныхъ рюмокъ. Вернулись на хуторъ, подѣлились добычей и прожили здѣсь до мая мѣсяца. Въ маѣ пріѣхали къ Палюхѣ Василь Подолянка, Микита Дурный, Якимъ Шугайло, Кирило Стягайло и Степанъ Барабашъ—бывшіе запорожцы, все товарищи Гаркуши, и стали приглашать его съ компаніей на грабежъ въ польскія владѣнія, въ Каневъ. Гаркуша согласился, и черезъ два дня вся компанія двинулась въ путь. Подойдя къ Днѣпру подлѣ Кіева, они остановились въ лозахъ и стояли здѣсь до пяти дней, пока не удалось въ одну ночь уворовать дубъ и перетащить его въ лозы. Въ слѣдующую ночь всѣ они съ лошадьми и повозками переправились на ту сторону Днѣпра и, оставляя въ сторонѣ села, деревни и кордонную стражу, полемъ да лѣсами подошли къ Каневу и остановились въ ближайшемъ лѣсу.

Отсюда Гаркуша съ двумя запорожцами пошелъ осматривать расположеніе тѣхъ дворовъ, на которые расчитывали сдѣлать нападеніе; послѣ осмотра онъ рѣшилъ, что имѣющихся силъ достаточно и, переждавъ въ лѣсу до наступленія ночи, повелъ своихъ двѣнадцать товарищей глухими улицами въ дворъ каневскаго жида Лейбы Боруховича. Тутъ нашли до десяти человѣкъ, всѣхъ ихъ перевязали и бросили въ погребъ, а Лейбу водили по комнатамъ, требуя отъ него денегъ. Не выдержалъ Лейба, указалъ, гдѣ хранятся его семь тысячъ, да золотая и серебряная посуда, и Гаркуша, очистивъ поскорѣе сундуки, снесъ все къ повозкамъ въ лѣсъ,

[1]) Народное названіе Бѣлополья, заштатн. г., сумскаго уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

и въ ту-же ночь полетъ обратно въ Каневъ къ другому мѣстному богачу, польскому пану Левойтовичу. Долго Левойтовичъ не хотѣлъ выдавать денегъ, но удары „барбарой“ заставили и его отсчитать три тысячи червонцевъ и вынести всю дорогую посуду. Тогда пана связали и заперли въ погребъ, а сами пошли въ лѣсъ къ повозкамъ и, отъѣхавъ верстъ пятнадцать отъ Канева, подѣлились добычей, послѣ чего запорожцы отдѣлились и пошли своей дорогой, а Гаркуша съ компаніей воротился къ Палюхѣ.

Это былъ послѣдній грабежъ Гаркушинъ послѣ побѣга изъ Таганрога; черезъ нѣсколько дней, когда онъ вмѣстѣ съ Босенкомъ зашелъ въ Ромны, чтобы купить харчей, онъ былъ опознанъ сидѣвшимъ въ роменскомъ острогѣ козакомъ Осадчимъ и, по его указанію, схваченъ и преданъ суду. Судъ осудилъ его съ Босенкомъ на ссылку въ вѣчную каторгу. По дорогѣ въ Казань, куда въ то время ссылали каторжниковъ, въ Москвѣ дали Гаркушѣ двадцать пять ударовъ кнутомъ, вырвали ноздри и поставили три указныхъ знака: на лбу и обѣихъ щекахъ.

Живетъ Гаркуша въ Казани, работаетъ исправно, все начальство довольно имъ; а между тѣмъ никакъ не можетъ позабыть жизни на Украйнѣ; иной разъ вспомнится ему его зимовникъ, Запорожье; тогда и безъ того тяжелое положеніе дѣлается еще болѣе тяжелымъ. Прожилъ онъ такъ годъ, на другой не выдержалъ, ушелъ; не остановилъ его и страхъ передъ кобылой, заплечнымъ мастеромъ и его кнутомъ.

Какъ-то ему позволено было пойти на базаръ для исцрошенія милостыни; тутъ онъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, купилъ долото и тайнымъ образомъ пронесъ его въ казармы. Наступила ночь, всѣ уснули, а Гаркуша съ Босенкомъ, Зміенкомъ, да тремя „русской породы колодниками“ принялись разбирать стѣну; быстро пошла работа, скоро достаточная дыра была готова, и шесть арестантовъ еще за долго до разсвѣта стали разбивать въ лѣсу на свободѣ кандалы. Гаркушѣ это было не въ первые, и онъ быстро разбивалъ цѣпи на своихъ товарищахъ, приставляя долото къ спайкѣ кольца, а тѣ, наученные Гаркушею, разбили и ему.

Два дня шли они лѣсами безъ всякой пищи; на третій набрели на избенку, въ которой жилъ чувашъ; онъ далъ имъ полухлѣба, но такое количество могло только возбудить ихъ аппетитъ,

Библиотека "Руниверс"

но не утолить его; и сколько они ни просили чуваша дать имъ еще хоть два хлѣба, тотъ не умилостивлялся никакими просьбами; тогда компанія рѣшила силой взять пять хлѣбовъ, ружье, пороху, дроби и идти дальше. Черезъ два дня они подошли къ большой рѣкѣ; на песчаномъ берегу ея въ челнокахъ сидѣло нѣсколько рыбаковъ черемисовъ. Это была Волга, черезъ которую имъ необходимо было переправиться. Встрѣченные черемисы оказались весьма гостепріимнымъ народомъ, подѣлились съ бѣглецами пищей, какая была у нихъ и перевезли на ту сторону. Теперь они были на обыкновенной дорогѣ бѣглыхъ арестантовъ, и заботиться о пищѣ уже не приходилось: жители селеній, лежавшихъ по этой дорогѣ, чтобы избавиться отъ нападеній бѣглыхъ арестантовъ, выставляли на ночь въ баняхъ или другихъ стоящихъ на отшибѣ строеніяхъ хлѣбъ, молоко и другую пищу; арестанты заходили, поѣдали выставленное и шли дальше, не трогая хозяевъ. Въ Казани наши бѣглецы слыхали объ этомъ самымъ собою установившемся договорѣ и пользовались имъ до самой Москвы. Не доходя до Москвы, русскіе отдѣлились и пошли въ свой край, а Гаркуша съ Босенкомъ на Украйну, потому что Зміенко также отдѣлился отъ нихъ.

Опять Гаркуша на Украйнѣ, опять своими смѣлыми грабежами наводитъ страхъ на панову и возбуждаетъ массу толковъ о своемъ характерствѣ въ простомъ народѣ. Разсказывали тогда, что его и пуля не беретъ; что будто-бы во время побѣга изъ тюрьмы въ него нѣсколько разъ стрѣляли, но пули, заговоренныя Гаркушей, летѣли мимо него или возвращались назадъ. Разсказывали, что у него „есть злодійське зіллья—розрывъ трава“, которая всякое желѣзо разрываетъ, и стоитъ его лишь приложить къ кандаламъ или замку, какъ они разорвутся и спадутъ. И много, много разсказывали тогда о его характерствѣ. Проживалъ онъ послѣ побѣга изъ Казани то подъ м. Смѣломъ, на хуторѣ козака Кондрата Бардака, то въ самомъ Смѣломъ (мѣстечко роменскаго уѣзда) у смѣлянскаго сотника Тарана [1]). Здѣсь Гаркуша организовалъ нѣсколько партій

[1]) О Таранѣ производившіе слѣдствіе не упомянули ни въ показаніяхъ Гаркуши, ни въ показаніяхъ Босенка. Суділовскій указываетъ только на его участіе, да несомнѣнный свидѣтель факта—народная пѣсня; по ней выходитъ, что потерпѣлъ наказаніе Бардакъ, какъ простой козакъ, Таранъ-же, какъ войсковая старшина, остался безнаказаннымъ. Вотъ эта пѣсня:

Библиотека "Руниверс"

и однихъ пускалъ на гребежи, съ другими дѣйствовалъ подъ своимъ личнымъ предводительствомъ. Завелъ артельную кассу, изъ которой выдавалъ деньги на покупку предметовъ, нужныхъ для общаго употребленія: саней, повозокъ, лошадей, на съѣстные припасы, на уплату за предостереженія и т. д.

Послѣ праздника Покрова пресвятой Богородицы 1782 года Гаркуша отправилъ одну партію въ семь человѣкъ на грабежъ въ екатеринославскія степи, а съ другой задумывалъ самъ пойти въ Воронежъ (мѣстечко глуховскаго уѣзда) къ тамошнему помѣщику, бунчуковому товарищу Матвѣю Холодовичу. Богатъ былъ Холодовичъ, всю жизнь копилъ онъ деньгу, собирая правымъ и неправымъ образомъ; накопилъ три сундука серебра да золота. Для кого-жъ обижалъ онъ крестьянъ и простыхъ козаковъ, чтобы положить лишній рубль въ свой карманъ: природа его обидѣла, уже онъ и постарѣлъ, а дѣтей не далъ Богъ; были, правда, внуки, сы-

---

Да хотівъ Бардакъ, да хотівъ Кіндратъ
Зъ Тараномъ зрівняться;
Дала-жъ ёму вража мати
Зъ Гаркушею зізнаться...
Що у Бардака, у Кіндрата
Весь двіръ на помості,
Наіхали до Бардака
Не весели гости.
—Здоровъ, Бардакъ, здоровъ Кіндратъ!
Якъ ты поживаешъ?
Зъ далекою краю гости маешъ,
Чимъ ты ихъ привитаешъ?
Ой чи медомъ, чи виномъ, чи горілкою?
Попрощайся, Бардакъ Кіндратъ,
Зъ дітками та зъ жінкою!
—Отъ вамъ, братця запорожці,
Грошей по коробці,
Та не ведіть вы мене, Бардака,
Въ Конотопъ въ колодці.
Ой въ неділю рано пораненьку,
Въ Конотопі усі дзвони дзвонять,
На рыночку за Бардакомъ
Жінка, діти голосять...

С. Поповка, конотоп. у. Сообщ. П. А. Терентьевъ.

Библиотека "Руниверс"

ловья братовой дочери Массалитиновой, но къ нимъ онъ почему-то не благоволилъ; и вотъ Холодовичъ началъ строить, украшать церкви, заводить богадѣльни. Прослышали объ этомъ внуки и рѣшили напомнить дѣдушкѣ о своемъ существованіи; какъ-то осенью послали они въ подарокъ Холодовичу коня. Холодовичъ коня принялъ и съ своей стороны поблагодарилъ внуковъ свѣжей рыбой. Въ Филиповъ постъ Массалитиновы опять послали дѣдушкѣ коня. Холодовичъ разсердился:

— Що се вони менi шлють, да шлють коней, хиба у мене своихъ нема?—и велѣлъ своему господарю Гладкому отвесть втораго коня назадъ.

Поняли внуки, что наслѣдство уходитъ отъ нихъ, и рѣшили взять силой, если старый хрычъ не хочетъ дать по доброй волѣ.

— Коли такъ, то наведемъ мы на его Гаркушу, сказалъ старшій Массалитиновъ Гладкому (когда тотъ разсказывалъ, какъ разсердился Холодовичъ, получивъ второй подарокъ), вынулъ изъ кармана два рубля, подалъ господарю и спросилъ, гдѣ живетъ Гаркуша.

Гаркуша принялъ предложеніе Массалитиновыхъ: съѣздилъ съ товарищами нѣсколько разъ въ Воронежъ, чтобы высмотрѣть, какъ удобнѣе забраться во дворъ къ Холодовичу, познакомился съ господаремъ Холодовича, Петромъ Гладкимъ, и склонилъ его руководить предпріятіемъ.

Настали рождественскіе праздники; первые два дня Гаркуша прогуллялъ въ Смѣломъ у Тарана, на третій пустился въ путь, взявъ съ собой тринадцать товарищей. Подъѣхавъ къ избѣ Гладкаго, онъ постучалъ въ окно и вызвалъ хозяина на дворъ.

— Сёгодні не можна: багато людей почуе у дворі; ідьте за містечко и тамъ пробудьте до завтра, а на ту нічъ я оставлю въ дворі тільки тихъ, що завше ночують; ну, ихъ не багато, зъ ними легко справитесь.

Такъ и сдѣлали. На слѣдующую ночь попали прямо во дворъ Холодовича. Въ винницѣ нашли нѣсколькихъ рабочихъ и самаго господаря; всѣхъ ихъ перевязали и рабочихъ бросили въ погребъ, а господаря водили за собою, показывая видъ, что бьютъ его и этимъ вынуждаютъ указывать, гдѣ кто почуетъ. Въ кухнѣ спало трое мущинъ, да двѣ женщины; ихъ также связали и отправили къ первымъ въ погребъ, подлѣ котораго поставили на сторожѣ

Библиотека "Руниверс"

Босенка съ пикой въ рукахъ. Предупредивъ такимъ образомъ все, что могло помѣшать имъ распоряжаться имуществомъ Холодовича, они всей компаніей пошли къ самому пану въ комнаты. Холодовичъ уже собирался улечься спать, и на „сонъ грядущій“ читалъ стоя какую-то книгу.

— Добрывечіръ, пане!

— Здравствуйте! отвѣчалъ Холодовичъ.

— Чи ради гостямъ?

— Та вже чи радъ, чи не радъ, а приймать мушу.

— Ото мы, пане, прочули, шо вы багато грошей назбірали; дітей вамъ не далъ Богъ, сами вже стари, скоро на той світъ підете, такъ съ собою не заберете-жъ ихъ; такъ отсе мы прийшли до васъ, чи не оддасте вы ихъ намъ?

— Отутъ всі мои гроши, отвѣтилъ Холодовичъ, указывая на стоявшіе на полу сундуки,—а то висить ключъ до нихъ, и указалъ на стѣну; сѣлъ на кровать, закрылъ лице руками и проговорилъ: „такъ-то на світі Божімъ водиться: не той поживае, хто нажпвае, а той, кому Богъ судить“...

— Такъ, такъ, дідусю!—замѣтилъ стоявшій позади всѣхъ парень съ надвинутой до носа шапкой; то былъ внукъ Холодовича, Иванъ Масалитиновъ, но старикъ не узналъ его.

Открыли сундуки; въ нихъ все мѣшки съ червонцами да карбованцами; было много и разной посуды, золотой, серебряной съ позолотою и просто серебряной. Набрали каждый по-столько, по-скольку снести могли, и для этого очистили два сундука, третьяго-же не тронули, оставили для Холодовича.

— Спасибі, пане, шо надбали. А чи нема у васъ чого поісти?

Холодовичъ указалъ на переднюю; тамъ въ шкафу стояли колбасы, хлѣбъ и водка. Взялъ Гаркуша нѣсколько колбасъ, три хлѣба, да „барыльце горілки“, прихватилъ съ собой свѣчу и все это отнесъ тѣмъ, что сидѣли въ погребѣ.

— Нате, іжте, пийте, та сидіть тихо, не кричить!—а самъ воротился въ комнаты, взялъ два мѣшечка съ червонцами и понесъ въ погребъ.

— Осе вамъ, шобъ малисьте за шо одправить праздники; та дякуйте панови, шо надбавъ стільки.

Не позабылъ наградить и гэсподаря.

Библиотека "Руниверс"

— Отсе тобі, Петре! сказалъ Гаркуша, подавая Гладкому мѣшечекъ, въ которомъ значилось по надписи Холодовича четыреста рублей; тотъ былъ связанъ и попросилъ бросить въ стоявшій въ коморѣ кадовбъ съ просомъ и зарыть тамъ. Досталъ Босенко мѣшечекъ и, протоптавъ на снѣгу дорожку до воротъ, зарылъ его тамъ въ снѣгу.

— Візьмешь собі ихъ завтра, сказалъ онъ Гладкому.

Затѣмъ отвели и господаря къ прочимъ въ погребъ, заперли всѣ выходы изъ комнатъ, сѣли на поджидавшія ихъ у воротъ сани и ускакали на хуторъ къ Бардаку. У Бардака стали дѣлиться награбленнымъ; оказалось, что на каждаго изъ четырнадцати участниковъ приходится по тысячѣ семисотъ рублей, да Тарану съ Бардакомъ по такой-же части; отсчитали и въ общую кассу до трехъ тысячъ.

Цѣлыхъ двѣ недѣли угощали поперемѣнно то Бардакъ, то Тарапъ дорогихъ гостей. На третьей Гаркуша съ Босенкомъ сталъ приготовляться къ поѣздкѣ на самарскія степи. Нужно было перепрятать деньги, и Гаркуша, какъ разсказывалъ на допросѣ поступившій около этого времени въ его компанію Иванъ Звѣревъ-Судиловскій, „схоронилъ въ двухъ сторонахъ двора Таранового: въ первой на городинѣ, подъ хатою, въ покутнемъ углѣ живущаго вблизу съ Тарановымъ дворомъ мужика, по прозванію Короля, серебряныхъ денегъ чугунный котельчикъ, величиною какъ-бы съ водопосное ведро, и въ другой, въ конюшнѣ Тарана, подъ помостомъ, съ входу въ нее на правую руку, подъ угломъ, въ четырехъ полотняныхъ мѣшкахъ, въ двухъ серебрянные, а въ другихъ двухъ золотые империалы, да червонцы. Въ лежащемъ недалеко мѣстечка Смѣлаго окопѣ козака Гусака Гаркуша тогда-жъ спряталъ съ Петромъ Гусаченкомъ въ яловичей нечиненной шкурѣ разныхъ денегъ: мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ какъ-бы мѣрокъ четыре казенныхъ. Да въ третьемъ мѣстѣ, въ лѣсу, около монастыря Петро-Павловскаго, состоящемъ надъ рѣкою Клевенью, вблизи гумна монастырскаго, по лѣвую сторону въ яру, въ примѣтѣ: недалеко двухъ большихъ дубовъ, отъ поля тѣмъ яромъ состоящихъ, изъ которыхъ на одномъ и борть имѣется, зарылъ Гаркуша въ полотняныхъ мѣшкахъ до двухъ тысячъ рублей мѣдной монеты“.

Передъ праздникомъ трехъ святителей гости распрощались съ Бардакомъ и поѣхали ромодановскимъ трактомъ черезъ Константиновъ,

Библиотека "Руниверс"

мимо с. Бобрика. Ѣхали они къ Самарѣ, гдѣ въ зимовнику одного бывшаго запорожца проживалъ тогда бѣжавшій изъ ссылки Филиппъ Каневецъ. Еще въ Таганрогѣ слыхалъ Гаркуша о немъ, какъ о весьма искусномъ дѣлателѣ фальшивыхъ паспортовъ; теперь онъ думалъ раздобыть у Каневца для себя видъ и по дорогѣ развѣдать, гдѣ удобнѣе устроиться на своемъ хозяйствѣ.

Первую ночь провели въ Водаквѣ у Ивана Козачка; здѣсь послѣ ужина Гаркуша, снявъ съ ногъ хозяина постолы, порѣзалъ ихъ на мелкіе куски и выбросилъ, затѣмъ вынулъ изъ кармана нѣсколько рублей и подалъ хозяину.

— На, да поший собі чоботы, а въ постолахъ не ходи!

На другой день подъѣхали къ шинку генерала Шамшева, что подлѣ слободы Бригадировки (хорольскаго уѣзда). Въ шинкѣ объявили себя роменскими чумаками и что ѣдутъ они на кобеляцкія степи, гдѣ зимуютъ ихъ волы.

За чаркой, когда разговорились съ шинкаремъ, объявили ему, что ищутъ мѣста, гдѣ-бы поселиться; шинкарь сказалъ, что его господинъ заводитъ въ разныхъ мѣстахъ слободы и въ близь-лежащую Бригадировку уже четыре года вызываетъ переселенцевъ, и совѣтовалъ имъ поѣхать и осмотрѣть мѣстность. Поѣхали, осмотрѣли; Босенку понравилось мѣсто, и условія, предлагаемыя помѣщикомъ, онъ нашелъ выгодными, поэтому, купивъ у одного крестьянина избу съ огородомъ за сорокъ рублей, началъ торопить Гаркушу съ поѣздкой въ Самару за паспортомъ. Пріѣхали къ Самарѣ, нашли козака, у котораго проживалъ Каневецъ, но паспортовъ не получили: фабрикатора не было дома. Тутъ случайно встрѣтились съ другимъ дѣлателемъ фальшивыхъ видовъ, старымъ знакомымъ Гаркуши, Воровченкомъ.

Фабриковать паспорта было постояннымъ занятіемъ Воровченка; за двадцать копѣекъ всякій могъ, въ любое время, получить у него видъ на жительство; для такихъ случаевъ онъ постоянно носилъ при себѣ бумагу, перо, чернильницу, сургучъ и печать, купленную имъ когда-то въ Азовѣ, на рынкѣ, за два рубля.

Далъ онъ имъ паспортъ, одинъ на двоихъ; Гаркушѣ сказалъ называться азовскимъ купцемъ Иваномъ Ивановымъ, а Босенку—его работникомъ Петромъ.

Библиотека "Руниверс"

— Но теперь уже не безпешно іздить зъ моими пашпортами; начальство довідалось про нихъ, и дуже додивлюется до всіхъ азовцівъ,—добавилъ онъ и пообѣщалъ свезти ихъ къ своему знакомому Пикинеру, который могъ снабжать всякаго рода видами, такъ какъ умѣлъ вырѣзать какую угодно печать на камнѣ, стоило лишь хоть разъ взглянуть ему на нее.

Познакомились съ Пикинеромъ, Гаркуша и Босенко разсказали ему, кто они таковы и зачѣмъ пріѣхали. Удовлетворилъ ихъ просьбу Пикинеръ, да и самъ вмѣстѣ съ Воровченкомъ пристали въ компанію къ Гаркушѣ. Послѣ этого Босенко, имѣя въ рукахъ паспортъ на имя кременчугскаго мѣщанина Романа Коломійца, отдѣлился отъ Гаркуши и поселился въ Бригадировкѣ, а Гаркуша съ двумя новыми товарищами воротился въ Смѣлое къ Тарану.

Къ этому времени возвратились и тѣ, что ходили на грабежъ въ екатеринославскія степи. Не съ пустыми руками возвратились они.

— Коло Таганрогу зустріли мы валку чумаківъ,—разсказывали они,—везли вони рыбу; обступили мы ихъ, потребували грошей; вони зняли зъ возівъ пять мішківъ мідяківъ и віддали намъ. Звідсіль мы перебрались за Дніпро и підъ Херсономъ зустріли калмиківъ, гнали вони стадо коней, въ котрімъ було штукъ зо сто; половили мы стадниківъ и перевязали, а коней заняли и роспродали въ разныхъ містахъ, и отсе гроши, шо взяли за нихъ!

Не похвалилъ ихъ Гаркуша за такую неразборчивость.

— Не варто трогать того, хто може стать намъ инколи въ пригоді, сказалъ онъ, слушая разсказъ объ ограбленіи чумаковъ; взялъ деньги, отсчиталъ четвертую часть въ общую кассу, а остальное подѣлилъ поровну между участниками.

Въ это время Гаркуша замышлялъ повести компанію на новый грабежъ въ Конотопъ.

Въ Конотопѣ въ то время славилась своими богатствами Степанида Парпуриха, бывшая теперь уже второй разъ въ замужествѣ за конотопскимъ городничимъ Петромъ Базилевичемъ.

Первый ея мужъ Осипъ Парпура когда-то былъ первымъ купцемъ въ Конотопѣ; обозы его съ хлѣбомъ, крупой ходили въ Азовъ, на Запорожье; въ ту пору и Гаркуша не разъ заѣзжалъ къ Парпурѣ съ рыбой, солью и мѣнялся съ нимъ на хлѣбъ; тогда они были пріятелями, и Парпура часто удерживалъ Гаркушу по нѣ-

Библиотека "Руниверс"

скольку дней въ своемъ домѣ, угощая его, какъ своего друга. Это было девять лѣтъ тому назадъ, и многое измѣнилось съ того времени.

Парпура умеръ; жена его вышла замужъ за другаго, и Гаркуша уже не купецъ-запорожецъ, а каторжникъ, съ рваными ноздрями и клеймами на лицѣ. Одна Степанида не измѣнилась; какъ прежде она управляла Парпурой, такъ теперь помыкала конотопскимъ городничимъ Петромъ Базилевичемъ.

Городничій того времени отправлялъ полицейскую должность въ полковомъ городѣ и сотенномъ мѣстечкѣ, а также въ его вѣдѣніи находились колодники. При немъ всегда стояло на дежурствѣ нѣсколько асаульцевъ или стойчиковъ, козаковъ назначавшихся городничему для посылки по различнымъ казеннымъ надобностямъ.

Были постоянно такіе стойчики и при Базилевичѣ; было много и работниковъ въ дворѣ Парпурихи, и никто прежде не допустилъ-бы той мысли, что найдутся такіе смѣльчаки, что отважатся напасть и ограбить домъ конотопскаго охранителя общественнаго порядка и безопасности. Зналъ Гаркуша и о постоянныхъ стойчикахъ, и о большомъ числѣ прислуги, зналъ, какъ и управиться съ ними.

Мѣсяца за два до этого онъ отправилъ въ Конотопъ двухъ товарищей съ тѣмъ, чтобы они нанялись на работу къ Парпурихѣ и основательно развѣдали все, что дѣлается въ ея дворѣ; теперь они доставляли всѣ свѣдѣнія, нужныя для Гаркуши. За недѣлю до праздника Петра и Павла передавали они, что всѣ работники отправляются на хуторъ для уборки хлѣба, даже четырехъ асаульцевъ выслала туда Парпуриха.

Не теряя удобнаго случая, Гаркуша собралъ пятнадцать душъ, самъ шестнадцатый, и пустился съ ними въ путь. Подъѣхавъ къ Конотопу, они оставили лошадей при греблѣ Луганкѣ, а сами пѣшкомъ пошли по болоту къ Кандибиной греблѣ, близъ которой находился дворъ Парпурихи. Ночь была темная; и какъ съ этой стороны никто изъ нихъ прежде не подходилъ къ городу, то они, боясь сбиться съ пути и попасть въ чужой огородъ, поворотили назадъ и рѣшили переждать въ ближайшемъ лѣсу до болѣе удобнаго времени. Въ слѣдующій разъ они подъѣхали къ Конотопу съ другой стороны и, оставивъ лошадей съ повозкой въ житахъ, пошли въ городъ, пробираясь подъ заборами, бросавшими тѣнь отъ захо-

Библиотека "Руниверс"

дящей луны. Подойдя къ двору Парпурихи, они перелѣзли черезъ заборъ и пошли прежде всего къ кухнѣ; тамъ спало нѣсколько человѣкъ прислуги; ихъ перевязали и, оставивъ при нихъ сторожу, пошли въ конюшню; тутъ такъ-же связали четырехъ работниковъ и отвели на кухню. У покосовъ, на крыльцѣ, спало три козака, поставивъ у изголовья оружіе. Гаркуша съ Пикинеромъ тихонько подкрались и унесли ружья, сабли и пики; прочіе кинулись вязать козаковъ ихъ-же поясами. Тогда пошли въ комнаты. Въ первой спала дочь Парпурихи, падчерица городничаго, и при ней двѣ служанки; ихъ разбудили и не связанныхъ отвели въ кухню. Слѣдующая комната была спальня городничаго; онъ только что улегся, не успѣлъ еще и свѣчи потушить.

— Здоровъ, пане!

— Здраствуйте! отвѣчалъ городничій и началъ было вставать. Его связали его-же галстухомъ и положили на кровать.

— Лежи, пане, не до тебе маемъ діло, а до пані; де-жъ се вона?

Городничій кивнулъ головой на слѣдующую комнату. Парпуриха ложилась рано и теперь спала первымъ крѣпкимъ сномъ; ее разбудили, позволили одѣться, затѣмъ повели въ комнату мужа и приступили съ допросомъ, гдѣ ея деньги, гдѣ хранятся ея сорокъ тысячъ. Парпуриха повела ихъ въ комору къ своимъ сундукамъ. Открыли: тамъ было много серебряной посуды: чарокъ, тарелокъ, кувшиновъ, нѣсколько мѣшковъ съ червонцами да рублями, мѣшечекъ жемчугу, перстень золотой съ дорогими камнями и много дорогихъ тканей; все это забралъ Гаркуша съ товарищами, да еще у самаго городничаго взяли саблю, кирею и изъ его собственнаго сундучка семь рублей серебромъ: только и нашли у него.

Покончивъ съ имуществомъ Парпурихи, принялись за самую хозяйку.

— Ты постовъ не шануешъ; навить и въ великій пістъ іси скоромно, обратился къ ней Ѳедоръ Пикинеръ, поднявъ нагайку надъ ея спиной.

— Такъ осе тобі, шо-бъ по постамъ мяса не іла, продолжалъ онъ, хлеставя по спинѣ Парпуриху.

— Ты и чоловіка (мужа) зневажаешъ! замѣтилъ съ своей стороны Микита Пикинеръ.

Библиотека "Руниверс"

— Осе тобі, вража бабо, шобъ не понижала свого чоловіка, а шановала ёго.

Взялъ и Гаркуша нагайку.

— А се одъ мене, шобъ не згнущалась надъ дівчатами, кісъ имъ не різала.

Сдѣлавъ такимъ образомъ наставленіе Парпурихѣ и строго приказавъ городничему не извѣщать никого объ нихъ до утра, гости заперли на замокъ двери, взяли изъ конюшни трехъ лошадей и пошли къ житамъ, гдѣ оставили повозку; но ни повозки, ни лошадей на томъ мѣстѣ уже не было.

— Се поганый знакъ: хтось насъ підстерігъ, замѣтилъ Гаркуша: треба намъ, хлопці, поспішать.

Идутъ дальше и встрѣчаютъ на дорогѣ чумаковъ съ водкой; подошли къ нимъ и стали просить свезти ихъ въ ближайшій хуторъ; тѣ не согласились, отговариваясь тѣмъ, что ихъ панъ завтра утромъ будетъ ѣхать въ слѣдъ за ними и если узнаетъ, то будетъ плохо, но угостили ихъ водкой. Гаркуша вынулъ „пригорщей съ три червонцевъ“ и подалъ ихъ чумакамъ.

— Нате вамъ трохи зъ добутку Гаркуши, та якъ хто буде догонять насъ, то зведить ёго на мильну дорогу.

Дальше въ лѣсу опять встрѣчаютъ обозъ съ водкой, везли се литвины. Гаркуша подошелъ къ нимъ, высыпалъ изъ капшука червонцевъ и сталъ упрашивать свезти ихъ вещи къ ближайшему лѣсу, гдѣ они оставили своихъ лошадей. Литвины согласились; скатили съ одного воза бочку, положили на него награбленныя вещи и пустились въ путь.

Ночь была темная, тихая; все спало; улегся вѣтерокъ; казалось, утихъ даже и постоянно дрожащій осиновый листъ; умолкли и усталые гайдамаки...

Но вотъ донесся до нихъ одинъ ударъ колокола, за нимъ другой, третій, чаще и чаще, и вся окрестность огласилась колокольнымъ звономъ.

— Се такъ насъ провожають, замѣтилъ какъ-то не весело Гаркуша и не ошибся.

Въ эту ночь не спали не только въ домѣ городничаго, не спалъ также и своякъ его Лука Парпура. Днемъ онъ замѣтилъ, что кто-то ночью пасетъ лошадей въ его житахъ, и теперь,

Библиотека "Руниверс"

дождавшись захода луны, вышелъ въ поле съ козакомъ и какъ разъ напалъ на лошадей, оставленныхъ Гаркушей. На возвратномъ пути, проѣзжая мимо дома Парпурихи, увидѣлъ въ окнахъ свѣтъ: „чи не заболівъ се хто, шо такъ рано засвітили“—подумалъ онъ и заѣхалъ въ дворъ. Тутъ онъ узнаетъ, что не задолго передъ его пріѣздомъ вышелъ изъ дома Гаркуша съ компаніей, и спѣшитъ къ отцу Петру, священнику Варваринской церкви, и, заявивъ ему о случившемся грабежѣ у городничаго въ эту ночь, проситъ донести объ этомъ кому слѣдуетъ, а самъ съ козакомъ пустился въ погоню.

Отецъ Петръ, перепуганный такимъ извѣстіемъ, приказалъ церковному сторожу ударить въ набатъ и побѣжалъ къ сотнику. Жители Конотопа, привыкшіе съ такимъ колокольнымъ звономъ соединять извѣстіе о пожарахъ, столь часто случавшихся въ городѣ, выбѣжали въ испугѣ на улицы, но пожара нигдѣ не было видно, и еще больше испугались, когда узнали, что вся эта тревога поднята изъ-за Гаркуши.

Сотникъ велѣлъ собрать пятьдесятъ козаковъ и подъ начальствомъ значковаго товарища Похлыста послалъ преслѣдовать Гаркушу; къ нимъ присоединился отецъ Петръ, а также нѣкоторые изъ жившихъ въ Конотопѣ цыганъ.

Въ это время Парпура нагналъ грабителей и потребовалъ выдачи всего награбленнаго. Въ отвѣтъ на такое требованіе Гаркуша съ товарищами пустился ловить его; Парпура поворотилъ назадъ, но, будучи сброшенъ испугавшейся лошадью, былъ пойманъ; его связали и, положивъ на повозку, повезли съ собой. Еще прибавилось тяжести для тощихъ лошадокъ литвина; до этого они шли почти шагомъ, съ Парпурой пошли еще медленнѣе, нужно было перемѣнить ихъ свѣжими, поэтому заѣхали на стоявшій невдалекѣ отъ ихъ пути хуторъ Лободы.

Въ дворѣ они встрѣтили хозяйку и потребовали у нея лошадей, на что та отвѣтила бранью. Это взорвало опьянѣвшаго Пикинера, и онъ уже навелъ на хозяйку ружье, намѣреваясь застрѣлить ее, но Гаркуша не допустилъ до этого: быстро подскочивъ, онъ выхватилъ ружье изъ рукъ Пикинера.

— Осе, дурный: баба языкомъ меле, а вінъ готовый и душу зъ світа звести! А шо, молодице, хозяинъ дома?—обратился онъ къ

Библиотека "Руниверс"

хозяйкѣ, и узнавъ, что дома, но еще спитъ, пошелъ въ хату. Разбудили хозяина и потребовали лошадей, заявивъ ему напередъ, что они гайдамаки, были ночью на грабежѣ у Парпурихи, дорогой взяли „въ ясырь“ Луку Парпуру и теперь поспѣшаютъ домой. Далъ имъ хозяинъ лошадей, просилъ только возвратить ему, для чего и послалъ съ ними паробка.

Не успѣли отъѣхать и трехъ верстъ отъ хутора Лободы, какъ сзади ихъ послышался конскій топотъ, который чѣмъ далѣе, тѣмъ явственнѣе и явственнѣе становился; то гналась конотопская козацкая команда. Нагнавъ Гаркушу съ товарищами, значковый товарищъ Похлыстъ приказалъ стрѣлять по нимъ. Козаки выстрѣлили, и Кравченко, раненный въ лѣвый бокъ, свалился съ лошади; всѣ прочіе, оставивъ добычу преслѣдовавшимъ, бросились въ лѣсъ.

Но уйти имъ не удалось; ихъ нагнали во второй разъ и всѣхъ переловили; спасся только Гаркуша: онъ скрылся на болотѣ, куда никто изъ козаковъ не рѣшился идти, и, переждавъ здѣсь до слѣдующаго вечера, ночью лѣсами пробрался на хуторъ къ Бардаку, разсказалъ ему, какая участь постигла товарищей, совѣтовалъ принять всякія предосторожности, потому что и къ нему могутъ явиться, затѣмъ, взявъ хранившіяся у Бардака полторы тысячи рублей, попрощался съ нимъ и пустился на екатеринославскія степи, разсчитывая купить тамъ овецъ и заняться хозяйствомъ.

За рѣчкой Самарой, въ зимовникѣ козака Чорного, купилъ онъ двѣстѣ съ лишнимъ овецъ и перегналъ ихъ къ знакомому козаку Крамеру, оставилъ у послѣдняго и овецъ, и до тысячи денегъ, а самъ поѣхалъ въ Кременчугъ, чтобы купить себѣ одежу и раздобыть паспортъ. Тутъ встрѣтился Гаркуша съ своимъ старымъ знакомымъ Щербатымъ, который, узнавъ, что онъ хлопочетъ о паспортѣ, обѣщался раздобыть таковой въ мѣстномъ магистратѣ; на другой день повелъ его въ магистратъ, объявилъ тамъ, что это его братъ, Иванъ Щербатый,—до сихъ поръ проживалъ у моря, на рыбныхъ ловляхъ, а теперь хочетъ записаться въ кременчугскіе мѣщане. Видно, тогда очень легко было въ Кременчугѣ приписаться въ мѣщане, потому что черезъ нѣсколько дней былъ уже у Гаркуши „печатный паспортъ во всѣ города срокомъ на годъ“.

Воротился Гаркуша къ Крамеру въ Очереватое, но ни овецъ, ни денегъ, ни самого Крамера не засталъ тамъ: во время его от-

Библиотека "Руниверс"

лучки все его имущество вмѣстѣ съ Крамеромъ было арестовано по распоряженію начальства, какимъ-то образомъ напавшаго на слѣды Гаркуши. Опять остался онъ безо всего; опять судьба толкаетъ на прежнее занятіе.

Съ этого времени Гаркуша проживалъ въ Бригадировкѣ и отсюда также совершилъ нѣсколько грабежей. Бригадировка тогда только что заселялась. Генералъ Шамшевъ, которому позволено было завести на этомъ мѣстѣ слободу, уже пятый годъ какъ поставилъ столбъ, съ просверленными въ немъ двѣнадцатью дырочками, что означало двѣнадцать льготныхъ лѣтъ для поселенцевъ, и каждый годъ забивалъ колкомъ въ присутствіи слобожанъ одну изъ такихъ дырочекъ; теперь уже было вбито пять колковъ. Со всѣхъ сторонъ переселялись къ генералу Шамшеву козаки, мѣщане, крестьяне и всѣ, кого „недоля“ заставляла покидать свой домъ и „садокъ“. Поселилось здѣсь и нѣсколько знакомыхъ Гаркуши, между ними и Босенко; теперь онъ хозяинъ: у него нѣсколько паръ воловъ, нѣсколько лошадей, которые, какъ и самъ хозяинъ, не гуляютъ: лѣтомъ онъ ѣздитъ на Донъ, въ Азовъ, покупаетъ тамъ рыбу, соль и везетъ домой, а настанетъ осень, скупаетъ по окреснымъ селамъ табакъ, овесъ и сбываетъ его на Самарѣ козакамъ.

Поразвѣдавъ обстоятельно, можно-ли поселиться въ Бригадировкѣ, Гаркуша купилъ себѣ хатку за пятнадцать рублей и поселился въ ней [1]).. Слава о Гаркушиныхъ подвигахъ, молва о томъ, что онъ отплачиваетъ панамъ за угнетеніе ими своихъ подданныхъ, распространились уже далеко, и многіе крестьяне искали случая встрѣтиться съ Гаркушей и навести его на своего пана. Черезъ нѣсколько времени въ Бригадировку пришли убѣжавшіе изъ мѣс-

---

[1]) Раньше, въ одно изъ посѣщеній Бригадировки, Гаркуша рѣшилъ устроить капличку надъ колодцемъ. Случилось это такъ: Гаркуша, однажды вечеромъ, повелъ поить лошадей, но нигдѣ не нашелъ воды,—Бригадировка построена на равнинѣ, и вода добывается изъ глубокихъ колодцевъ. Тогда Гаркуша воротился назадъ и на другой день заявилъ жителямъ Бригадировки о своемъ намѣреніи выкопать колодецъ и поставить надъ нимъ капличку, чтобы всякій зналъ, гдѣ можно достать воды; просилъ ихъ выхлопотать ему разрѣшеніе на это у помѣщика. Генералъ Шамшевъ согласился; тогда Гаркуша нанялъ пятнадцать человѣкъ за сто рублей для устройства колодца.

Библиотека "Руниверс"

течка Лѣплявого отъ сотника Левицкаго, разсказывали, что послѣдній заставляетъ ихъ воровать воловъ, лошадей у сосѣднихъ помѣщиковъ, забираетъ ворованое у нихъ, продаетъ, а выручкой не дѣлится, и предлагали Гаркушѣ свои услуги въ качествѣ проводниковъ для грабежа своего сотника.

Фамилія Левицкихъ не такъ давно выбилась въ войсковую старшину и еще не успѣла разбогатѣть; поэтому Иванъ Левицкій, добившись сотничества въ мѣстечкѣ Лѣплявомъ, пускался на всѣ средства, лишь-бы разбогатѣть. О немъ одинъ изъ участниковъ Гаркуши Щербань, сидя въ тюрьмѣ, показывалъ, что „когда онъ ушелъ отъ своего владѣльца и пришелъ къ Левицкимъ, то послѣдніе припяли его безъ всякаго паспорта и поселили на своей землѣ; затѣмъ, выдавъ билетъ, послали его уворовать гдѣ либо лошадей и привести къ нимъ, объясняя при томъ, что они легко могутъ сбыть ворованное, за что обѣщали выдать ему половину выручки. Щербань пошелъ, но въ этотъ разъ ничего нигдѣ не удалось уворовать.

Въ другой разъ онъ совмѣстно со Стягайломъ, бѣжавшимъ изъ ссылки, ходилъ, также по порученію Левицкихъ, воровать лошадей и черезъ нѣсколько дней привелъ пару вороныхъ коней, и какъ Левицкіе думали взять этихъ лошадей безъ ничего, то Щербань не отдалъ ихъ, а рѣшился самъ продать. Тогда сотникъ съ подданнымъ своимъ, Хижнякомъ, ночью уворовали у него и перевели на лугъ подъ Лѣплявое; къ этимъ лошадямъ Хижнякъ уворовалъ еще гдѣ-то четыре, и вмѣстѣ съ сотникомъ водили ихъ въ Литву, чтобы тамъ продать. Воротившись домой, Хижнякъ потребовалъ отъ Левицкаго обѣщанной части, но послѣдній отказался выдать; тогда Хижнякъ сталъ грозить расправиться съ нимъ.

Опасаясь угрозъ, Левицкій задумалъ покончить съ Хижнякомъ и велѣлъ другому своему подданному Степаненку убить Хижняка. Тотъ исполнилъ приказаніе; затѣмъ, получивъ отъ Левицкаго паспортъ, ушелъ къ морю и тамъ поселился. У Стягайла, показывалъ тотъ-же Щербань, сотникъ Левицкій взялъ двѣ уворованныхъ лошади и продалъ ихъ. Стягайло потребовалъ себѣ части, но Левицкій не далъ и еще угрожалъ застрѣлить его; тогда Стягайло ушелъ къ Гаркушѣ. Много находилось такихъ, которые желали свести счеты съ Левицкимъ; они то и уговорили Гаркушу ограбить лѣплявскаго сотника.

Библиотека "Руниверс"

Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ шинокъ Алексѣя Дранки, находившійся подлѣ с. Чернухъ. Сюда собралось семь человѣкъ и на четырехъ повозкахъ поѣхали по направленію къ Лѣплявому; подъ мѣстечкомъ, въ березняку оставили они лошадей и, вооружившись двумя пистолетами, ратищемъ да топоромъ, пошли къ двору сотника; въ дворѣ продѣлали тоже, что и вездѣ: всѣхъ, кого только нашли тамъ, перевязали и бросили въ погребъ.

Въ комнатахъ спалъ старикъ Левицкій, судья лѣплявскій, жена и дочь его; ихъ связали и пошли къ сыну, сотнику.

— Добрывечіръ, пане сотнику,—заговорилъ Щербань, войдя въ комнату, гдѣ спалъ Левицкій:—се мы прийшли до тебе за росчотомъ. Пізнаешъ насъ?

Левицкій схватился съ кровати и думалъ было защищаться; но, увидавъ передъ собой пять дюжихъ мужиковъ и между ними два знакомыхъ лица: Щербаня и Стягайла, опустился на кровать и предался въ руки грабителей; его связали и стали пытать, гдѣ хранятся его деньги. Разсказываютъ, что Левицкаго ставили на горячія уголья, стараясь узнать, гдѣ его деньги. Но сотникъ перенесъ всѣ мученья, не выдалъ своей казны, указалъ только на сундучекъ, тамъ было до полутораста рублей; деньги разобрали по карманамъ, взяли еще двѣ сабли, жупанъ, пару пистолетовъ, нѣсколько свертковъ холста. Потомъ разложили сотника и, припомнивъ ему смерть Хижняка, угрозы Стягайлѣ, высѣкли „немилосердымъ образомъ“. Не пожалѣли и старика судью.

— А ты якъ-бы бувъ правдивый судія, то сына твого давно вже тутъ не було-бъ,—обратился Гаркуша къ Василію Левицкому и собственноручно далъ ему до пятнадцати плетей.

Воротились домой въ Бригадировку, пожили здѣсь нѣкоторое время и, по чьему-то предложенію, отправились въ Бѣлоруссію. По дорогѣ, въ Мглинѣ Гаркуша, встрѣтивъ среди бѣла дня на улицѣ мглинскаго сотника, велѣлъ своимъ товарищамъ разложить его и высѣчь.

— Осе тобі за те, шо неправедно судишъ, прибавилъ онъ;—затѣмъ сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ другими ускакалъ изъ города.

Опасаясь преслѣдованія, они поворотили назадъ и подъѣхали къ Роиску, имѣнію графа Разумовскаго; такъ какъ у нихъ не было съѣстныхъ припасовъ, то Гаркуша, оставивъ другихъ това-

Библиотека "Руниверс"

рищей подъ мѣстечкомъ, поѣхалъ съ Щербатымъ въ Ропскъ, чтобы купить хлѣба. На базарѣ увидѣлъ Гаркушу одинъ изъ жителей ропскихъ, сидѣвшій когда-то вмѣстѣ съ Гаркушей въ глуховскомъ острогѣ, и донесъ о немъ управляющему имѣніемъ. Управляющій распорядился арестовать и отвести его въ волостную канцелярію. Окружили Гаркушу пять десятскихъ и повели въ волость; сзади ихъ шелъ управляющій.

На пути, подлѣ графскаго двора стоялъ Щербатый, держа въ рукахъ двухъ лошадей. Увидавъ его, Гаркуша объявилъ управляющему, что это его слуга, и просилъ позволенія подойти къ нему и сказать, чтобы ѣхалъ за мѣстечко, запрегъ лошадей въ оставленный ими тамъ возъ и ѣхалъ къ нему въ Ропскъ. Управляющій позволилъ. Но у Гаркуши другой умыселъ былъ: не успѣли десятскіе опомниться, какъ онъ сидѣлъ уже на лошади.

— Бувай здоровъ, пане! Не такому дурню, якъ ты, ловить мене, Гаркушу! закричалъ онъ управляющему, хлеснулъ нагайкой лошадь и помчался съ Щербатымъ изъ мѣстечка. Посылалъ-ли управляющій кого въ погоню за ними, или нѣтъ, но они уходили, нигдѣ не останавливаясь на долго, до самой Бригадировки.

Это происходило осенью, не задолго до праздника Арх. Михаила, какъ опредѣляетъ Гаркуша, а подъ заговѣны Филипповаго поста задумалъ онъ жениться. Уже два мѣсяца тому назадъ сошелся онъ очень близко съ дочерью одной бригадировской вдовы Меланьею Чвыркой, и теперь родственники послѣдней настаивали, чтобы онъ обвѣнчался съ ней. Гаркуша не противился и, съ позволенія прикащика генерала Шамшева, капрала Алексѣя Тумасова, вступилъ съ ней въ законный бракъ. Но не долго пожили они вмѣстѣ; черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы наѣхала въ Бригадировку козачья команда, гнавшаяся по слѣдамъ за ограбившими въ с. Клепарахъ домъ козака Демуры, и произвела обыскъ у всѣхъ бригадировскихъ жителей. Гаркуша скрылся, а жена со всѣмъ имуществомъ была взята въ Лубны, гдѣ и умерла въ острогѣ.

Пять дней бродилъ Гаркуша по полямъ, пока не добрался до шинка Алексѣя Дранки; у него засталъ Стягайла и Воровченка, также убѣжавшихъ изъ Бригадировки.

— А шо теперъ будемъ робить? Я втікъ и ничого не взявъ съ собою; не маю за шо и хліба купить, заговорилъ Гаркуша.

Библиотека "Руниверс"

— Та и мы втекли безъ ничого. Ходімъ до Оникія въ Ельковку (село хорольск. у.), еднакъ вінъ давно вже закликавъ до полковниці Войнихи.

На другой день вечеромъ Оникій повезъ въ Хороль къ своей госпожѣ гостей. Въ дворѣ Войновой всѣ спали, только полусонный сторожъ, постукивая по временамъ въ клепало, заявлялъ о своемъ бодрствованіи. Къ нему незамѣтно подкрались и, зажавъ ротъ, связали и приказали молчать, угрожая въ противномъ случаѣ застрѣлить изъ пистолета, затѣмъ отбили замокъ у амбара, гдѣ хранилось все имущество полковницы Войновой. Взяли изъ сундуковъ до двухъ тысячъ рублей, шубу, нѣсколько кусковъ дорогихъ тканей и, зарывъ въ снѣгу нѣсколько десятковъ червонцевъ на глазахъ сторожа, чтобы онъ впослѣдствіи взялъ ихъ себѣ, пошли вмѣстѣ съ послѣднимъ къ санкамъ. Въ концѣ сада посадили сторожа и привязали его къ дереву, обложивъ со всѣхъ сторонъ сѣномъ, чтобы онъ не замерзъ, такъ какъ былъ декабрь и на дворѣ стояли большіе морозы.

Это былъ послѣдній грабежъ Гаркуши: столь частыя и отважныя нападенія на дома пановъ подняли на ноги администрацію. По всѣмъ дорогамъ въ черниговской и полтавской губерніи учреждена была стража, которой приказано было останавливать проѣзжающихъ и осматривать ихъ паспорты и вещи.

Не проходило той ярмарки, на которой не читали-бы публикаціи о Гаркушѣ и его товарищахъ. Если и прожилъ онъ на свободѣ около двухъ мѣсяцевъ послѣ ограбленія Войновой, то только благодаря сочувствію, которое питало къ нему угнетенное населеніе и постоянно предупреждало его о грозившей опасности. Послѣдніе два мѣсяца онъ метался изъ стороны въ сторону, уходя отъ преслѣдованія. Сначала думалъ было пробраться въ Бѣлоруссію, но на дорогѣ чуть не попался въ руки начальства, что измѣнило его намѣреніе.

Это было въ февралѣ 1784 года. Гаркуша съ Босенкомъ и Дроботомъ заѣхалъ къ одному изъ бѣловѣжскихъ крестьянъ и заказалъ ему изготовить для нихъ сухарей; пока изготовлялись сухари, они ходили въ ближайшій шинокъ и тамъ проводили время; сюда заѣхали солдаты, ведшіе лошадей въ Черниговъ. Гаркуша сейчасъ-же началъ прятать свой носъ въ рукавъ; это показалось

Библиотека "Руниверс"

вахмистру страннымъ, и онъ потребовалъ у него паспортъ. Приходилось жутко, но Гаркуша нашелся, какъ выйти изъ такого положенія: онъ отвѣтилъ, что паспортъ его въ санкахъ и что онъ сейчасъ-же принесетъ его. Вахмистръ позволилъ пойти на дворъ и послалъ за нимъ нѣсколькихъ солдатъ. Подойдя къ санкамъ, Гаркуша и другіе товарищи вскочили на лошадей и пустились со двора; солдаты на своихъ лошадяхъ погнались за ними, но туманная погода вскорѣ скрыла уходившихъ, и солдаты воротились ни съ чѣмъ. Санки и все, что было на нихъ, кромѣ куньей шубы Войновой, представилъ вахмистръ въ судъ; шубу-жъ доставилъ своему капитану Деденову, и въ послѣдствіи очень много было истрачено бумаги на переписку съ капитаномъ: онъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ столь дорогимъ подаркомъ своего вахмистра; наконецъ, уступая крайнимъ угрозамъ, возвратилъ, но все-таки снялъ золотыя сѣтчатыя обкладки на рукавахъ и воротникѣ.

Опять полетѣли въ земскіе суды, магистраты и къ городничимъ указы и извѣщенія, гдѣ въ послѣдній разъ напали на слѣдъ Гаркуши. Нужно было поскорѣе пробираться далѣе; онъ разсчитывалъ еще на знакомства въ Полтавщинѣ и думалъ при ихъ помощи пробраться въ Новороссію, а оттуда въ Молдавію. Но не удалось: въ Ромнахъ, по доносу одного калачника, его схватила полиція. Посадили Гаркушу въ тюрьму, заковали руки и ноги въ кандалы, а „крѣпкимъ цѣпомъ приковали за шею къ стѣнѣ такъ, что и двинуться на мѣстѣ онъ не можетъ“, доносилъ роменскій городничій Сегуновъ въ намѣстническое правленіе.

Въ теченіе одинадцати дней допрашивали Гаркушу, стараясь узнать всѣхъ участниковъ его грабежей; но напрасно: ни пытки, ни увѣщанія не помогли; онъ указывалъ только тѣхъ, которые были уже пойманы и сидѣли въ острогѣ. Начался судъ, улики ясны, и судьи положили такой приговоръ: вырѣзать до костей ноздри, поновить указные знаки на лбу и щекахъ и дать 280 ударовъ кнутомъ, по семидесяти въ четырехъ мѣстахъ преступленія, затѣмъ сослать въ вѣчную каторжную работу, въ г. Херсонъ.

Дальнѣйшая судьба Гаркуши изъ дѣла о немъ не видна. Извѣстно только, что онъ перенесъ наказаніе и доставленъ по этапу въ Херсонъ; тамъ, вѣроятно, и окончилъ онъ свою жизнь...

К. Кошовикъ.

Библиотека "Руниверс"

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе)[*]**.**

8) Полюбовное размежеваніе старозаимочныхъ дачъ.

Исторія ахтырской дачи показываетъ, что какъ эта типичная старозаимочная дача, съ давняго времени составлявшая цѣлую массу личнаго и наслѣдственнаго мелкаго поземельнаго владѣнія, такъ и вообще старозаимочное землевладѣніе б. Слобожанщины, съ конца прошлаго столѣтія, офиціально разсматривались уже не какъ особый аграрный порядокъ бывшей слободской козачьей жизни, а какъ результатъ какихъ-то злоупотребленій и обхода закона, и что въ судьбѣ старозаимочныхъ дачъ боролись два противуположныя направленія: сверху положительное стремленіе обращать эти дачи въ общинное владѣніе, а снизу пассивное сопротивленіе личнаго начала собственности, которое однако скоро нашло себѣ новаго энергичнаго противника въ безземельной части населенія старозаимочныхъ дачъ.

Во всѣхъ офиціальныхъ мѣропріятіяхъ конца прошлаго и почти всей первой половины текущаго столѣтія, въ примѣненіи къ крестьянскому землевладѣнію, мы видимъ съ одной стороны стремленіе власти обратить личное участковое владѣніе въ общинное, съ другой глухую оппозицію и зараждающіяся въ крестьянской массѣ странныя аграрныя воззрѣнія и толки, переходящія потомъ въ упорную вѣру

---

[*]) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 67—88.

Библиотека "Руниверс"

въ имѣющій наступить нѣкогда общій передѣлъ земель, и всѣ они находятся въ тѣсной преемственной связи съ печальными недоразумѣніями въ бывшей практикѣ нашей администраціи. Простой и ясный по первоначальному происхожденію вопросъ не разрѣшается, но все болѣе осложняется и запутывается и вмѣсто личнаго наслѣдственнаго историческаго землевладѣнія выступаетъ и всею силою власти поддерживается государственный соціализмъ, самымъ дружескимъ образомъ уживающійся съ массой громадныхъ пожалованій обширныхъ населенныхъ имѣній, не исключая порой и цѣлыхъ городовъ. Основная его цѣль заключается въ томъ, дабы въ старозаимочныхъ дачахъ, по мѣткому выраженію харьковскаго вицегубернатора, каждый обыватель, а послѣ крестьянинъ, получилъ себѣ „довлѣемый участокъ", для неукоснительнаго выполненія своей земной миссіи—„быть исправнымъ къ платежу государственныхъ податей и общественныхъ повинностей". Цѣль эта могла быть достигнута двумя способами: или принятіемъ какихъ-либо особенно быстрыхъ и чрезвычайныхъ мѣръ межеванія, при чрезвычайно усиленномъ составѣ межевыхъ чиновъ и на основаніи спеціально соображенныхъ со всѣми мѣстными условіями инструкцій, или-же предоставленіемъ дѣла на произволъ грубаго насилія дѣйствительнаго или мнимаго большинства самыхъ крестьянъ того или другаго сельскаго общества. Это дѣйствительное или мнимое большинство могло уже само совершить простое насиліе надъ всякимъ мелкимъ личнымъ владѣніемъ, не стѣсняя себя, конечно, ни въ чемъ—ни исторіей, ни документами. Многія мелкія, разбросанныя данныя изъ смутной судьбы старозаимочныхъ земель харьковской губерніи приводятъ насъ къ мысли, что въ дѣлѣ снабженія каждаго изъ крестьянъ „довлѣемымъ участкомъ", или обращенія личнаго старозаимочнаго владѣнія въ общинное, имѣли мѣсто оба указанные способа. Правда, межевыя средства наши всегда были скудны; особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ для распредѣленія земель въ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи долгое время не предпринималось, а переходъ личнаго владѣнія въ общинное путемъ только однихъ канцелярскихъ предписаній начальства имѣлъ на своемъ пути тѣ почти неодолимыя преграды, которыя представляло внутреннее положеніе старозаимочныхъ дачъ. На примѣрѣ ахтырской дачи мы видѣли, какая чрезвычайная чересполосица земельныхъ владѣній лицъ различныхъ сословій, одного

Библиотека "Руниверс"

и того-же класса и даже однихъ и тѣхъ-же лицъ. Между тѣмъ по господствовавшимъ административнымъ воззрѣніямъ, особенно со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, крестьянскія земли считались казенно-общественною землею и правовое положеніе крестьянскаго землевладѣнія было совершенно иное, чѣмъ положеніе почти такого-же мелкаго землевладѣнія лицъ другихъ сословій. Участки этихъ послѣднихъ все таки считались за ними, по крайней мѣрѣ *de jure*, на правѣ полной собственности; но на дѣлѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе не рѣдкой бездокументальности или неопредѣленности самыхъ этихъ участковъ, происходило частое взаимное нарушеніе границъ, дѣйствительное внутреннее положеніе дачи, можетъ быть, никогда не было извѣстно начальству, и владѣніе другихъ сословій не рѣдко раздѣляло судьбу крестьянскаго землевладѣнія: особенно земли злополучныхъ мѣщанъ и цеховыхъ подвергаемы были въ позднѣйшее время со стороны вѣдомства государственныхъ крестьянъ почти сплошной, такъ сказать, конфискаціи все въ пользу земельнаго фонда одного только крестьянскаго сословія, который въ свою очередь не оставался неприкосновеннымъ, но путемъ захвата со стороны лицъ другихъ сословій также уменьшался въ своихъ размѣрахъ, какъ увеличивался произвольными прирѣзками со стороны власти административной. Словомъ: въ фактическомъ землевладѣніи б. Слобожанщины водворился такой-же хаосъ, какъ и въ пониманіи правоваго положенія онаго. Это обстоятельство, въ связи съ невыгодами для всѣхъ сословій господствовавшей черезполосности землевладѣнія, и возникавшія частыя тяжбы и споры изъ-за нарушенія земельныхъ границъ привели наконецъ къ такъ называемому *полюбовному размежеванію*, которое, казалось, путемъ личныхъ разъясненій, соглашеній и уступокъ одно въ силахъ было упорядочить потрясенное различными мѣропріятіями землевладѣніе. На самомъ дѣлѣ оно внесло лишь новую путаницу въ мѣстный аграрный вопросъ, произвело новыя правонарушенія и представляетъ собою новый шагъ къ превращенію личнаго участково-наслѣдственнаго землевладѣнія въ общинное. Мы не коснемся исторіи и вообще подробностей этого размежеванія, но предложимъ лишь общую характеристику онаго, насколько то нужно для подтвержденія высказанной нами сейчасъ мысли.

Библиотека "Руниверс"

Возникло оно въ 40-хъ годахъ, было примѣнено къ ахтырской дачѣ, практиковалось во многихъ другихъ уѣздахъ. Въ основѣ его лежало неправильно понятое подлежащей властію юридическое основаніе крестьянскаго землевладѣнія. Въ ахтырской дачѣ вся крестьянская земля была показана на планшетахъ одной общей массой сѣрой краски, какъ общинное владѣніе, и на огромномъ планѣ ахтырской дачи нестрѣли особыми пятнами только черезполосности лицъ другихъ, главнымъ образомъ, высшихъ сословій. Такимъ образомъ официально была установлена основная юридическая рознь землевладѣнія низшаго класса, собственно крестьянъ-землевладѣльцевъ, и остальныхъ сословій: личное, участково-наслѣдственное крестьянское землевладѣніе было совершенно игнорировано. Но что легко было начертить на межевомъ планѣ, то не легко было измѣнить на дѣлѣ, фактическое положеніе котораго противупоставляло неодолимыя преграды хитро придуманной теоріи. Сельско-хозяйственные интересы классовъ привиллегированныхъ и крестьянства были существенно различны между собой. Самое дѣло такъ называемаго *спеціальнаго полюбовнаго размежеванія* дачи было не только безразлично для крестьянскихъ интересовъ, но даже скорѣе было для нихъ вредно. Объ этомъ размежеваніи главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ всегда хлопотали землевладѣльцы высшихъ сословій и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые, скопивъ въ своихъ рукахъ нѣсколько десятковъ десятинъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ обширной дачи, имѣли естественный интересъ соединить всѣ эти мелкія черезполосности въ одинъ общій кусокъ, который далъ-бы имъ возможность хоть сколько нибудь установить самостоятельное хозяйство, а не принудительную почти сдачу земли крестьянамъ на условіяхъ такъ называемой *скіпщины*. Крестьянамъ-же это полюбовное размежеваніе уже потому не могло быть полезнымъ, что оно, во 1-хъ, лишало ихъ цѣлой массы земель, которыя изъ году въ годъ состояли въ ихъ пользованіи изъ-за скіпщины, такъ какъ съ уничтоженіемъ черезполосностей землевладѣльцы другихъ сословій сами могли завести свои хуторскія хозяйства, или-же отдавали-бы свои земли уже въ денежную аренду болѣе крупнымъ предпринимателямъ, и, во 2-хъ, образованіе самостоятельныхъ хозяйствъ лицами другихъ сословій неизбѣжно умалило-бы пространство крестьянскихъ выгоновъ, ибо

Библиотека "Руниверс"

толока во всѣхъ трехъ „рукахъ“ уменьшилась-бы, можетъ быть, на нѣсколько тысячъ десятинъ земли. Наконецъ дѣло полюбовнаго размежеванія въ томъ видѣ, какъ оно было начато и ведено, никогда и не могло придти къ благополучному исходу безъ предварительнаго, хотя-бы насильственнаго, но фактическаго обращенія всего мелкаго участково-наслѣдственнаго крестьянскаго владѣнія въ общинное пользованіе всего общества. Сущность этого заколдованнаго круга, въ который попало полюбовное размежеваніе старозаимочныхъ дачъ, фактически сохранившихъ участково-наслѣдственное землевладѣніе, заключалась въ слѣдующемъ. Въ ахтырской, напримѣръ, дачѣ, сколько помнится, и теперь находится до 5,000 десятинъ черезполосностей другихъ сословій, главнымъ образомъ купцовъ, дворянъ и духовенства. Эти 5,000 десятинъ, находясь въ настоящее время, можетъ быть, въ нѣсколькихъ стахъ и даже тысячахъ участковъ, разбросанныхъ по всей дачѣ, по проэкту полюбовнаго размежеванія должны были слиться въ нѣсколько десятковъ участковъ, уже только по числу самихъ владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый обыкновенно выбиралъ найбольшій участокъ своихъ черезполосностей и къ нему старался прирѣзать такое количество смежной крестьянской земли, которое равнялось-бы остальнымъ его черезполоснымъ нивкамъ. Но на этой, проэктированной къ прирѣзкѣ, крестьянской землѣ жили нѣсколько десятковъ крестьянскихъ семействъ, которые владѣли отрѣзываемыми участками по праву наслѣдственному и въ нихъ имѣли единственный источникъ пропитанія. Спрашивается: кого-же именно изъ крестьянъ должна согнать съ наслѣдственныхъ мѣстъ эта прирѣзка и гдѣ согнанные крестьяне должны въ обмѣнъ за свои теряемые участки получить соотвѣтствующія части земли? Ничего этого не разъясняло дѣло о полюбовномъ размежеваніи и никакихъ для этого данныхъ не было ни въ планшетахъ, ни въ проэктѣ полюбовной сказки, такъ какъ самый проэктъ былъ построенъ на признаніи всего землевладѣнія крестьянъ общиннымъ, а земель ихъ казенно-общественными. Такимъ образомъ въ основѣ самаго проэкта лежала глубокая фальшь, непримиримое противорѣчіе, полная несостоятельность, и никогда задуманное размежеваніе не могло быть полюбовнымъ; но если-бы хотя принудительно довести оное до конца, то, съ одной стороны, явились-бы внушительныя массы насильственно обезземеленныхъ

Библиотека "Руниверс"

крестьянъ, съ другой—отрѣзываемая въ общій фондъ крестьянскихъ земель масса черезполосностей другихъ сословій, хотя-бы и соотвѣтствовала общему количеству отходившихъ отъ крестьянъ земель, въ дѣйствительности-же какъ-бы выбрасывалась на дорогу, безъ малѣйшаго распорядка, кому изъ обезземеленныхъ крестьянъ, гдѣ и сколько можно получить себѣ земли изъ этихъ поступившихъ въ пользу ихъ сословія черезполосностей. Понятно, что такое полюбовное размежеваніе оставило-бы безъ куска хлѣба можетъ быть цѣлую четверть населенія ахтырскаго крестьянскаго общества и могло-бы, подъ вліяніемъ голода и нужды, вызвать самыя серьезныя замѣшательства... А между тѣмъ такія безнадежныя межевыя дѣла велись по разнымъ старозаимочнымъ дачамъ харьковской губерніи многіе, многіе годы... И все это должна была глубокомысленно вѣдать посредническая коммисія, а оплачивать самое межеваніе деньгами и натурой должны были тѣ, кому вообще оплачивать надлежитъ... Неудивительно, что эти гордіевы узлы разрубливались иногда уже не закономъ, а просто руками крестьянъ, которые подъ гнетомъ давившихъ ихъ недоразумѣній сами обращали свои участковыя дачи въ общинныя [1]).

Но и это еще не все. Злополучный проэктъ полюбовнаго размежеванія касался тѣхъ изъ мѣщанъ и цеховыхъ, за которыми остались ихъ земли. Нерѣдко они не могли уже доказать своихъ наслѣдственныхъ правъ на владѣемую ими землю, но и въ общинномъ крестьянскомъ пользованіи принять участія не могли, не теряя своего званія; званіе же ихъ было таково, что лѣтомъ они были

---

[1]) Такъ, намъ извѣстна одна старозаимочная дача слободы Котельвы, которая, не смотря на всѣ фискально-административныя мѣропріятія, сохранила свое участково-наслѣдственное устройство почти до 70 годовъ, а лѣтъ семь тому назадъ, именно подъ вліяніемъ принудительныхъ мѣръ якобы полюбовнаго размежеванія, по-неволѣ должна была обратиться къ общинному владѣнію и раздѣлиться на души, при чемъ дѣлежъ былъ произведенъ на «живыя души». Такое вліяніе полюбовнаго размежеванія объясняется давленіемъ солидарнаго интереса высшихъ сословій и значительныхъ личныхъ собственниковъ—размежеваться во что-бы-то ни стало, а отрѣзъ у крестьянъ земли къ частнымъ владѣльцамъ, при условіяхъ, объясненныхъ нами выше, порождалъ въ крестьянскомъ обществѣ новую массу безземельныхъ членовъ, которая, вмѣстѣ съ прежними безземельными, уже составляла подавляющее большинство, потребовавшее уравнительнаго раздѣла земли.

Библиотека "Руниверс"

земледѣльцы, а зимой городскіе ремесленники, и въ дѣйствительности трудно было причислить ихъ къ тому или другому сословію. Самыя средства обыкновеннаго межеванія были таковы, что объ нихъ разбивались всѣ усилія сторонниковъ этого quasi полюбовнаго размежеванія. Представьте себѣ, что въ дачу такого сложнаго юридическаго характера и сельско-хозяйственнаго порядка, какъ ахтырская, являлся одинъ землемѣръ на лѣтнее время; этому землемѣру обыкновенно не доставало пустяка: сколько-нибудь удовлетворительнаго знакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла въ этой дачѣ, съ розпію юридическихъ основъ и противорѣчіемъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ различныхъ сословій и при всемъ этомъ онъ долженъ непремѣнно соблюсти 551 ст. X т., ч. I, ст. 802 и прим. 778 ст. X т., ч. III, т. е. достигнуть общаго соглашенія всѣхъ совладѣльцевъ межуемой дачи. Понятно, что его дѣло само по себѣ, въ большинствѣ случаевъ, должно было сказаться крайней иллюзіей (см. еще 774 ст. X т., ч. III).

Наконецъ, и это едвали не самое главное, въ проэктѣ полюбовнаго размежеванія совершенно упускался изъ виду промежутокъ времени, въ теченіи котораго долженъ былъ совершиться такой радикальный переворотъ, какъ переходъ индивидуальнаго владѣнія въ общинное въ такой напримѣръ дачѣ, какъ ахтырская, имѣвшая почти 25 тысячъ десятинъ. Вѣдь почти все крестьянское населеніе изъ году въ годъ жило въ этой дачѣ исключительно земледѣльческимъ промысломъ; этотъ-же промыселъ, какъ извѣстно, почти не допускаетъ никакихъ перерывовъ, а тѣмъ болѣе при трехпольной системѣ хозяйства. Только толочная рука (клинъ, т. е. $^1/_3$ всего количества земли) ежегодно бываетъ свободна нѣсколько мѣсяцевъ, но и въ это время она идетъ подъ выпасъ скота, а съ половины лѣта уже обыкновенно распахивается подъ озимый хлѣбъ; поэтому дѣлежъ дачи на „довлѣемые участки“, если бы онъ оказался невозможенъ въ одну осень (по обширности дачи и массѣ крестьянскаго населенія, можетъ, никогда не знавшаго пріемовъ и техники мірскаго дѣлежа), долженъ бы былъ распредѣлиться на три года, для ежегоднаго дѣлежа осенью толочнаго поля, и такимъ образомъ всѣ три „руки“ пошли-бы въ подѣлъ.

Мы уже совершенно обходимъ другія, не менѣе темныя стороны этого вопроса, напр. что, по мѣстнымъ условіямъ, пришлось-

Библиотека "Руниверс"

бы признать за единицу дѣлителя: число-ли ревизскихъ, или живыхъ душъ, дворовъ или рабочихъ рукъ? Всѣ эти вопросы и ихъ подраздѣленія врядъ-ли практически знакомы населенію, привыкшему къ старозаимочному участковому владѣнію землей, со всѣми выгодами и невыгодами этого владѣнія, а умозрительное канцелярское рѣшеніе этихъ вопросовъ „въ одну весну" могло-бы вызвать такой катаклизмъ въ матеріальномъ существованіи цѣлой массы земледѣльческаго населенія, предъ которымъ отступили-бы и самые смѣлые сторонники идеала „довлѣемаго участка", при остальномъ statu quo нашего положенія.—Таковы въ общихъ чертахъ были сложныя причины, благодаря которымъ ахтырская старозаимочная дача, не смотря на весь гнетъ офиціальнаго давленія и даже страдая почти полной неопредѣленностію игнорируемыхъ закономъ внутреннихъ отношеній, была и осталась волей-неволей дачей участково-наслѣдственнаго владѣнія.

Вообще можно сказать, что начавшееся, спеціальное полюбовное размежеваніе во многихъ уѣздахъ харьковской губерніи вносило только новую безплодную путаницу и трату силъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно имѣло дѣло съ старозаимочными дачами, еще не обращенными въ общинное владѣніе.

---

9) Сословные споры за земли и эпоха усиленнаго отыскиванія казенныхъ земель.

Путаница въ аграрныхъ отношеніяхъ и понятіяхъ въ населеніи б. Слобожанщины началась, конечно, гораздо раньше опытовъ полюбовнаго размежеванія,—послѣднее только усилило ее,—была-же она, какъ мы уже видѣли, непосредственнымъ послѣдствіемъ примѣненія къ мѣстности слободскихъ полковъ общинныхъ земельныхъ порядковъ путемъ нѣкоторыхъ общихъ законодательныхъ мѣръ прошлаго столѣтія и еще болѣе мѣстныхъ административныхъ мѣропріятій, устанавливавшихъ новые общественные порядки и частнѣе порядокъ землевладѣнія. Ближайшимъ, наглядным представителемъ порядка общиннаго была великорусская, вольная и правительственная, колонизація въ сѣверной части бывшей слободской-украинской

Библиотека "Руниверс"

губерніи. Многія изъ великорусскихъ колоній явились уже въ царствованіе Екатерины II, поселяемы были, быть можетъ, не безъ задней мысли обрусѣнія края, нерѣдко въ сосѣдствѣ съ украинскими или малорусскими поселеніями и получали даже ихъ имя, откуда такіе двойники, какъ Русская Лозовая и Черкасская-Лозовая, Русскіе Тишки и Черкасскіе Тишки, Русская Лопань и Черкасская или Козачья Лопань и другія. Этотъ живой, столь близкій примѣръ, не примѣтно для сознанія мѣстнаго кореннаго населенія, какъ-бы помогалъ ему свыкаться съ новымъ положеніемъ дѣла и все болѣе и болѣе затемнять въ себѣ понятіе о правѣ вообще и самостоятельномъ характерѣ личнаго поземельнаго владѣнія въ частности. Помимо этого, обывательское сословіе, переименованное послѣ въ крестьянъ, все болѣе и болѣе было замыкаемо въ какую-то невѣдомую остальному міру касту людей, подъ исключительной административной опекой: въ касту имѣлъ право входа только одинъ чиновникъ, и сама каста также никого, кромѣ чиновника, не знала и поэтому издавна привыкала считать закономъ только слово чиновника, своего то милостиваго, то грознаго опекуна. Такова была въ общихъ чертахъ нравственная почва, на которой уже издавна сталъ развиваться глухой аграрный антагонизмъ крестьянъ противъ другихъ сословій вообще и въ своей собственной средѣ въ частности. Дальнѣйшія событія только еще болѣе усилили эту взаимную рознь и взаимное озлобленіе. Многими замѣчаемое въ наше время острое положеніе аграрнаго вопроса въ умахъ крестьянъ имѣетъ свое объясненіе не въ одномъ только бѣдственномъ матеріальномъ ихъ положеніи, но и въ той нравственной школѣ, которую они прошли и въ которой они могли видѣть только хаосъ, насиліе и крайнюю нецеремонность обращенія даже съ самыми несомнѣнными исконными правами поземельной собственности. Еще будущее рѣшитъ, когда именно болѣе всего разшатывались такъ называемыя въ позднѣйшее время „основы“: тогда-ли, какъ еще самое это слово никому не было вѣдомо и никому ни о чемъ и знать не полагалось, или-же, когда это слово стало появляться въ книгахъ, которыя были и остались невѣдомы массамъ темнаго крестьянства.

Любопытнымъ и поучительнымъ проявленіемъ зародившагося на почвѣ аграрной сословнаго антагонизма въ населеніи б. Слобо-

Библиотека "Руниверс"

жащины служатъ такъ называемыя „вотчинныя дѣла“. Съ начала 30-хъ годовъ возникаетъ такое дѣло по ахтырской дачѣ на цѣлые десятки лѣтъ. Споръ идетъ почти о 3000 десятинъ земли, „оспариваемыхъ ахтырскимъ обществомъ государственныхъ крестьянъ изъ владѣнія ахтырскихъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ“. Подобныя-же „дѣла“ возникли почти одновременно, и также на десятки лѣтъ, во всѣхъ уѣздахъ слободско-украинской губерніи. Разрастанію этихъ дѣлъ значительно благопріятствовало возникшее съ 1837 года вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ; это „попечительное учрежденіе“ надъ государственными крестьянами, безъ всякаго различія ихъ происхожденія по тѣмъ или другимъ областнымъ особенностямъ, уже самымъ фактомъ принятія въ свое вѣдѣніе всѣхъ крестьянскихъ старозаимочныхъ земель харьковской губерніи прямо выразило ту мысль, что земли эти въ глазахъ его входятъ всецѣло въ общую массу земель казенныхъ или, употребляя болѣе обычный терминъ, земель казенно-общественныхъ. „Вотчинныя“ дѣла на заголовкахъ своихъ имѣли обыкновенно истцами крестьянскія общества, но для всѣхъ сколько-нибудь знакомыхъ съ особенностями составленія приговоровъ сельскихъ сходовъ понятно, что тутъ не маловажную роль играли окружные начальники, бывшіе, какъ извѣстно, уѣздными органами министерства государств. имуществъ. Только благодаря поддержкѣ органовъ новоявленнаго министерства и могли тянуться десятки лѣтъ дѣла, которыя заключали въ себѣ несомнѣнное внутреннее противорѣчіе: ибо если старозаимочныя земли принадлежали въ собственность ихъ владѣльцамъ, то переходъ этихъ владѣльцевъ въ другія сословія никоимъ образомъ не могъ вліять на ихъ поземельныя права и въ такомъ случаѣ „обществу казенныхъ кростьянъ“ не было ни малѣйшаго основанія тягаться съ лицами, вышедшими изъ ихъ среды въ другія сословія, за владѣніе этими землями, вслѣдствіе покупки или наслѣдства отъ предковъ; если-же эти земли считать „казенными“, то государственные крестьяне всѣхъ старозаимочныхъ дачъ не имѣли никакого права считать эти земли своею собственностію и противиться равномѣрному раздѣлу ихъ на души, что однако-же по ахтырской и нѣкоторымъ другимъ старозаимочнымъ дачамъ имѣло мѣсто и до послѣдняго времени. Выходитъ, что это логическое противорѣчіе развѣ только въ извѣстной степени могло быть постав-

Библиотека "Руниверс"

лено на счетъ самыхъ „обществъ“, и что дѣйствія въ семъ случаѣ окружныхъ начальниковъ отъ имени и именемъ „крестьянскихъ обществъ“ были сами по себѣ, а воззрѣнія и интересы этихъ обществъ также сами по себѣ.

Фактическая сторона „вотчиннаго дѣла“ въ ахтырской дачѣ была слѣдующая: еще въ 1830 году нѣсколько мѣщанъ и цеховыхъ г. Ахтырки (около 20 человѣкъ) въ прошеніи своемъ, поданномъ слободско-украинскому гражданскому губернатору, а отъ него препровожденномъ въ мѣстную казенную палату, жаловались, что, владѣя своими землями безпрепятственно до 1830 года, „съ отбытіемъ всѣхъ повинностей“, они, просители, и послѣ причисленія своего въ общество мѣщанъ и цеховыхъ, имѣли тѣ земли (покупкою, или по наслѣдству) въ безспорномъ своемъ владѣніи; но въ послѣднее время ахтырское обывательское общество, при раздѣлѣ между собою земли подушно (раздѣла на самомъ дѣлѣ не было, но было, значитъ, настойчивое требованіе начальства) включаетъ въ раздѣлъ принадлежащую имъ, просителямъ, землю, всю безъ остатка, какъ ихъ, просителей, такъ и другихъ мѣщанъ и цеховыхъ города Ахтырки. Къ этому ходатайству первыхъ просителей примкнули черезъ два года еще около 60 мѣщанъ и цеховыхъ и совмѣстно просили подлежащія власти „воспретить ахтырскому обывательскому обществу отбирать у нихъ земли“ для душеваго раздѣла. Но пока подосп ѣло ходатайство остальныхъ мѣщанъ и цеховыхъ, въ отвѣтъ на прошеніе первыхъ просителей уже состоялась скорая резолюція мѣстной казенной палаты; резолюціей этой предписывалось ахтырскому уѣздному суду и волостному правленію: „какъ мѣщане и цеховые на владѣніе землями никакихъ документовъ не представили и вѣроятно находящаяся во владѣніи ихъ земля, прежде доставшаяся предкамъ просителей на души въ быту поселянскомъ, при переводѣ ихъ въ званіе мѣщанъ и цеховыхъ ими удержана въ своемъ владѣніи, то всю сію землю отъ нихъ, мѣщанъ и цеховыхъ, отобравъ, предоставить въ раздѣлъ на души ахтырскому обывательскому обществу“. Палата, какъ видно, была увѣрена, что подѣлъ на душу существовалъ, такъ сказать, испоконъ вѣка; она не предполагала другаго порядка землевладѣнія, кромѣ существовавшаго на ея глазахъ и показываемаго ближайшими справками, а потому постановила, такъ сказать, принципіально „поворотить земли

Библиотека "Руниверс"

просителей въ общій раздѣлъ между ахтырскими обывателями, предоставляя, буде изъ нихъ кто либо пожелаетъ поступить по прежнему въ званіе обывателей, просить о томъ оную палату установленнымъ порядкомъ, съ тѣмъ, что таковой можетъ быть соразмѣрно его душамъ надѣленъ землею изъ означенной дачи; а безъ того помянутые просители, по присвоенному имъ званію, должны довольствоваться не отъ пашни, а отъ торговли и промысловъ",—точь-въ-точь какъ слѣдовало по 19 главѣ межевой инструкціи 1766 г., гдѣ прямо сказано, что „перешедшимъ въ мѣщанство и купечество земель въ однодворческой дачѣ не нарѣзывать". Тогда просители, видя, что старозаимочнымъ землямъ не сказывается уже никакого уваженія, рѣшились, какъ видно, сбить палату съ ея позиціи: заявивъ, что земля ихъ не „есть старозаимочная, а пріобрѣтена покупками предками ихъ и собственно ими у разныхъ лицъ и владѣльцевъ въ разныя времена, на что имѣются акты", просили разсмотрѣть бумаги судебнымъ порядкомъ. Казенная палата передала все дѣло съ различными справками на разрѣшеніе въ ахтырскій уѣздный судъ. Это было въ 1832 году. Мѣстная полиція доставила всѣ формальные и партикулярные акты просителей на владѣніе ихъ землями: тутъ была и масса купчихъ крѣпостей и партикулярныхъ „уступныхъ писемъ", и даже просто замѣтокъ изъ вѣдомостей о владѣемыхъ изъдавна земляхъ. Дѣло однако не двигалось. Въ 1834 г., спустя около двухъ лѣтъ, въ дополненіе къ прежнимъ документамъ ахтырскій городничій прислалъ въ ахтырскій уѣздный судъ рапо́ртъ ахтырскаго „городскаго старосты", а въ рапортѣ этомъ было объяснено, что „болѣе выписанныхъ (т. е. сверхъ представленныхъ) документовъ у мѣщанъ и цеховыхъ г. Ахтырки не имѣется, а хотя-бы и были таковые, то во время бывшаго въ 1790 г. въ г. Ахтыркѣ пожара погорѣли; земли-же у мѣщанъ и цеховыхъ во владѣніи находящіяся, которые, ему, старостѣ, отозвались, что та земля есть старозаимочная, досталась предкамъ ихъ до запретительныхъ указовъ и сіи предки происходили изъ козачьяго званія, на занятіе земель имѣли право, и оная земля досталась нынѣшнимъ владѣльцамъ ея по наслѣдству, переходомъ изъ рода въ родъ; владѣютъ-же они сею землею нѣсколько десятковъ лѣтъ". Городничій съ своей стороны добавилъ, что „по произведенному имъ розысканію все изложенное въ рапортѣ городскаго старосты ока-

Библиотека "Руниверс"

залось справедливо. Послѣ многолѣтней переписки и всяческихъ справокъ, въ 1838 г. состоялось наконецъ рѣшеніе уѣзднаго суда, но только въ пользу тѣхъ мѣщанъ, которые имѣли формальные акты. Дѣло пошло на ревизію въ гражданскую палату, но откуда, по несоблюденію разныхъ формальностей, опять возвращено въ уѣздный судъ. На этотъ разъ со стороны „казенныхъ крестьянъ“ принялъ энергическое участіе ихъ окружной начальникъ; должность эта часто занималась отставными военными, нерѣдко людьми пришлыми издалека. Второе рѣшеніе уѣзднаго суда состоялось спустя пять лѣтъ, именно въ 1843 г.; земли были признаны собственностію тѣхъ просителей, у которыхъ были не только формальные, но даже партикулярные документы. Достоинъ особаго вниманія тотъ изъ мотивовъ рѣшенія уѣзднаго суда, что и „со стороны крестьянскаго общества (вѣрнѣе со стороны тогдашняго окружнаго управленія государственныхъ имуществъ) никакихъ доказательствъ не предъявлено, а спорные земли оспариваются лишь по одному состоянію въ генеральномъ планѣ, опредѣляющемъ границы всей земельной дачи сего города (Ахтырки)“. Судъ смутно догадывался, а попечительное надъ „казенными крестьянами“ вѣдомство и совсѣмъ изъ виду упустило, что этотъ генеральный планъ именно и опредѣлилъ внѣшнія границы земель бывшихъ войсковыхъ обывателей, въ послѣднее время „казенныхъ крестьянъ“, т. е. опредѣлилъ границы старозаимочной, а отнюдь не казенной земли.

Но хроническая пертурбація мѣстнаго поземельнаго владѣнія не остановилась на этомъ моментѣ: дѣло, какъ водится, опять перешло въ гражданскую палату и опять начались различныя тяжебныя мытарства: несправедливыя притязанія однихъ, житье вѣрой и и надеждой для другихъ, проѣсти, волокиты и т. д. Ревностный по долгу службы окружной начальникъ еще разъ объяснилъ, что „онъ доказательствъ въ зищиту казны, кромѣ плана и межевыхъ книгъ, не имѣетъ“, а этотъ генеральный планъ и межевыя книги 1769 г. именно и выданы были на старозаимочную дачу войсковыхъ обывателей г. Ахтырки; состоявшееся въ 1859 г. важное по своему содержанію, но не по практическимъ результатамъ, мнѣніе государственнаго совѣта о старозаимочныхъ земляхъ не повліяло на ходъ ахтырской тяжбы. Дѣло о ней было опять передано въ уѣздный судъ и опять перешло въ гражданскую палату, и разрѣшилось

Библиотека "Руниверс"

здѣсь уже почти на канунѣ введенія судебной реформы въ 1866 г. Рѣшеніе состоялось весьма близкое къ первому рѣшенію уѣзднаго суда; но опять таки и это было еще не послѣднее слово хронической тяжбы. До времени этого рѣшенія протекло 36 лѣтъ, и теперь, конечно, уже не учесть, сколько это административное недоразумѣніе повлекло за собой траты времени, силъ и всяческихъ средствъ для управлявшихъ и особенно для управляемыхъ, и на сколько попятно пошла матеріальная и нравственная сторона жизни мѣстнаго населенія, для котораго не могло не быть очевиднымъ, въ какомъ непримиримомъ антагонизмѣ были между собою съ одной стороны писаный законъ, а еще, можетъ быть, болѣе его произвольное толкованіе и примѣненіе, съ другой — исконный, традиціонный правовой бытъ.—Совершенно однородныя тяжбы начались и длились многіе десятки лѣтъ по всѣмъ уѣздамъ харьковской губерніи и, можно полагать, съ такими-же результатами, какъ и въ дачѣ ахтырской.

Авторъ одной, неизвѣстной публикѣ, книги, вышедшей, кажется, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, безъ означенія года и мѣста изданія, подъ заглавіемъ: „Судебно-статистическія свѣдѣнія по харьковской губерніи", даетъ намъ крайне любопытныя и чрезвычайно важныя свѣдѣнія относительно юридическаго положенія и вообще офиціальной судьбы старозаимочнаго землевладѣнія въ харьковской губерніи. Онъ имѣлъ, какъ видно, офиціальное порученіе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ харьковской губерніи наканунѣ судебной реформы и, при разсмотрѣніи старыхъ нерѣшенныхъ дѣлъ въ изюмскомъ уѣздномъ судѣ, наткнулся на производящееся съ 1838 года дѣло о казенныхъ земляхъ харьковской губерніи, находящихся во владѣніи частныхъ лицъ. Справки показали, что подобное дѣло производится съ 1838 г. во всѣхъ уѣздныхъ судахъ харьковской губерніи. Поводомъ къ возбужденію этихъ дѣлъ, по собраннымъ авторомъ свѣдѣніямъ, было слѣдующее обстоятельство:

Ревизовавшій въ 1831 г. харьковскую губернію сенаторъ (Мечниковъ), въ отношеніи своемъ къ министру финансовъ, замѣтилъ, что нѣкоторые изъ казенныхъ поселянъ, записавшись въ купцы, мѣщане и цеховые, продали свои участки разнымъ людямъ и эти проданныя ими земли стали переходить въ дальнѣйшія руки. Вслѣдствіе этого правительствующій сенатъ, указомъ своимъ 1835 г.,

Библиотека "Руниверс"

5 марта, предписалъ харьковскому губернскому правленію поручить, кому слѣдуетъ, произвесть „тончайшія о семъ изслѣдованія“ и результаты предоставить разсмотрѣнію подлежащаго суда. Въ силу этого указа мѣстное губернское правленіе поручило губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему произвести „тончайшія изслѣдованія по каждому городу харьковской губерніи съ уѣздомъ отдѣльно“ и о результатахъ донести губернскому правленію.

Такъ началось повсемѣстное въ губерніи „розысканіе“ казенныхъ земель, причемъ главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ и основаніемъ для этихъ розысканій служили объясненія и отвѣты волостныхъ правленій. Получивши наконецъ эти „розысканія“, губернское правленіе при своихъ указахъ въ 1838 г. разослало ихъ почти во всѣ уѣздные суды харьковской губерніи, для разсмотрѣнія ихъ съ магистратомъ и ратушей и для „постановленія по нимъ законнаго опредѣленія“.

Авторъ „Судебно-статистическихъ свѣдѣній по харьковской губерніи“, составляя, повидимому, свою книгу наканунѣ судебной реформы, т. е. въ половинѣ 60-хъ годовъ, говоритъ, между прочимъ, что „дѣло“ это, т. е. о розысканіяхъ, „возникшее назадъ тому 33 года и переданное еще въ 36—38 году на обсужденіе всѣхъ уѣздныхъ судовъ харьковской губерніи, до сихъ поръ ни по одному еще уѣзду не рѣшено окончательно“, но тѣмъ не менѣе приводимая авторомъ судьба этого „дѣла“, по каждому уѣзду отдѣльно, не лишена своего печальнаго интереса. Мы приведемъ почти дословныя извлеченія изъ названной нами книги только по двумъ-тремъ уѣздамъ харьковской губерніи.

1) По изюмскому уѣздному суду: „дѣло это было рѣшено въ 1840 г. тѣмъ, чтобы по непредставленію со стороны казны доказательствъ на спорныя земли оставить ихъ во владѣніи частныхъ лицъ; но харьковская гражданская палата, признавая приведенныя уѣзднымъ судомъ основанія „пустымъ размышленіемъ“ и находя, что самъ уѣздный судъ обязанъ отыскивать доказательства правъ казны на спорныя земли, возвратила дѣло въ уѣздный судъ для новаго рѣшенія. Съ того времени дѣло это остается въ уѣздномъ судѣ не рѣшеннымъ. Производство по этому дѣлу заключаетъ въ себѣ до 2000 листовъ. Примѣчаніе: справка эта показываетъ затруднительное и, можно сказать, даже безвыходное положеніе уѣзд-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ судовъ по этому дѣлу: гражданская палата требуетъ, чтобы судъ отыскивалъ по гражданскому дѣлу доказательства, которыхъ самъ истецъ не могъ представить; въ исполненіе этого требованія судъ по гражданскому дѣлу назначаетъ слѣдствіе, которое состоитъ только въ томъ, что отъ частныхъ лицъ отбираются документы на принадлежащія имъ земли и такимъ образомъ по производству дѣла въ судахъ права частныхъ лицъ усиливаются, а права казны ослабляются, а между тѣмъ судъ знаетъ, что если дѣло будетъ рѣшено въ пользу частныхъ лицъ, то палата непремѣнно возвратитъ его въ судъ для новаго рѣшенія". Это по истинѣ безвыходное положеніе!

2) „Справка по сумскому уѣздному суду... показываетъ, во 1-хъ, что сумскій уѣздный судъ, признавая невозможность исполненія задачи, данной губернскимъ правленіемъ, возложилъ исполненіе ея на земскій судъ, отчего исполненіе ея конечно не облегчилось, и, во 2-хъ, что наблюденія за этимъ дѣломъ со стороны харьковской палаты государственныхъ имуществъ не было, такъ какъ дѣло это сгорѣло 25 лѣтъ тому назадъ, 23 августа 1839 года, и никто о немъ не вспомнилъ".

3) „Справка по лебединскому уѣзду. Къ этому дѣлу, въ коемъ участвуетъ 913 человѣкъ, истребовано много документовъ прошедшихъ столѣтій, произведено разслѣдованіе о правахъ владѣнія, но все это смѣшано по разнымъ дачамъ, такъ что безъ особаго формальнаго производства по каждой дачѣ отдѣльно о правахъ владѣнія каждаго лица невозможно приступить къ рѣшенію онаго... Подлинное дѣло заключало въ себѣ 2850 листовъ. Примѣчаніе: изъ справокъ видно, что дѣло это состоитъ въ тѣсной связи съ производствомъ спеціальнаго межеванія по харьковской губерніи, что оно составляетъ одно изъ препятствій къ исполненію этого важнаго предпріятія, что дѣло не можетъ быть разрѣшено безъ участія землемѣра, а землемѣръ весьма справедливо отказался отъ этого участія, такъ какъ дачи, гдѣ обрѣтаются искомыя земли, уже измѣрены межевыми чиновниками по распоряженію харьковской палаты государственныхъ имуществъ и составлены планы съ показаніемъ всѣхъ существующихъ въ дѣйствительномъ владѣніи у частныхъ лицъ земель, и что судъ весьма справедливо полагаетъ прекратить это дѣло, а палата также не безъ основанія предпису-

Библиотека "Руниверс"

ваетъ ему продолжать это производство, вредное для казны и пагубное для частныхъ лицъ.

Сопоставляя время начавшихся „тончайшихъ розысканій“ казенныхъ земель по харьковской губерніи съ временемъ начавшихся жалобъ городскихъ сословій на повсемѣстное посягательство на ихъ поземельную собственность со стороны „казенныхъ крестьянъ“, руководимыхъ своими попечительными учрежденіями, не трудно понять истинный источникъ этой поземельной „исторіи“, которая въ свою очередь составляетъ только одинъ изъ частныхъ эпизодовъ болѣе общей „исторіи“ въ томъ-же родѣ — трагической исторіи поземельнаго вопроса въ харьковской губерніи.

Въ заключеніе своего богатаго важнымъ содержаніемъ труда, цитируемый нами авторъ приводитъ слѣдующіе итоги собранному имъ матеріалу:

„Дѣло это (т. е. все таки о „розысканіяхъ“), по разнообразнымъ своимъ особенностямъ, очевидно, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Изслѣдованія, названныя въ указѣ сената 1835 г. „тончайшими“, превратились въ толстѣйшія производства. 33 года они обременяютъ правительство и судебныя мѣста харьковской губерніи, служатъ страшилищемъ для нѣсколькихъ тысячъ частныхъ лицъ, нарушаютъ спокойствіе множества семействъ, поддерживаютъ и усиливаютъ неопредѣленность владѣнія поземельной собственности въ цѣлой губерніи, и хотя самое дѣло называется „сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ“, но въ сущности составляетъ бездонный колодезь казенныхъ расходовъ и слѣдовательно по справедливости можетъ быть названо дѣломъ сопряженнымъ съ казеннымъ ущербомъ. Стоитъ только привести въ извѣстность, сколько было употреблено денегъ на неисчислимыя командировки по этому дѣлу, начиная отъ сенатора Мечникова и губернскаго стряпчаго Броховича до тѣхъ исправниковъ, у которыхъ оно находится теперь въ рукахъ въ худшемъ еще положеніи, чѣмъ было у Броховича въ 1838 году“.

„Для большей ясности надо разсмотрѣть вкратцѣ судьбу этого дѣла во всѣхъ уѣздахъ. Въ изюмскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено еще въ 1840 году, но возвращено изъ харьк. гражданской палаты для новаго рѣшенія“.

Библиотека "Руниверс"

„Въ сумскомъ уѣздномъ судѣ оно сгорѣло въ 1839 г. и никто объ немъ не вспомнилъ".

„Въ лебединскомъ оно было прекращено по связи своей съ полюбовнымъ размежеваніемъ, но, по предписанію палаты, вновь возобновлено и ожидаетъ рѣшенія".

„Богодуховскій уѣздный судъ только приступилъ къ разсмотрѣнію этого дѣла и присоединилъ къ нему нѣсколько другихъ дѣлъ".

„Въ волчанскомъ уѣздномъ судѣ оно было прекращено, но возвращено изъ палаты для разсмотрѣнія и рѣшенія; не смотря на это, оно вновь прекращено уѣзднымъ судомъ на основаніи указа прав. сената 21 января 1849 года".

„Въ купянскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено, но возвращено изъ палаты для новаго рѣшенія".

„Въ ахтырскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено три раза; два раза возвращалось изъ палаты и теперь ожидаетъ той-же участи".

„Въ старобѣльскомъ уѣздномъ судѣ оно рѣшено въ 1848 г., возвращено изъ палаты по поводу несоблюденія одной формальности, а черезъ 14 лѣтъ вновь представлено въ палату, гдѣ быть можетъ его ожидаетъ таже участь."

„Наконецъ харьковскій уѣздный судъ 4 года тому назадъ приступилъ къ составленію выписки изъ того дѣла, но до сихъ поръ ее не составилъ. Производство по валковскому и зміевскому уѣздамъ просоединено къ производству харьк. уѣзднаго суда".

„Сколько участвующихъ въ этомъ дѣлѣ частныхъ лицъ, это неизвѣстно въ точности. Изъ данныхъ мнѣ справокъ видно только, что по лебединскому уѣзду участвующихъ 913 человѣкъ, а по старобѣльскому 29; изъ этихъ лицъ съ 1838 г. въ теченіи 26 лѣтъ многіе уже умерли, имѣнія ихъ раздробились на болѣе мелкіе участки, множество участковъ перешло по наслѣдству или по продажѣ въ другія и даже въ третьи и десятыя руки; между тѣмъ документы отобраны еще отъ прежнихъ владѣльцевъ, такъ что настоящіе едва-ли знаютъ о существованіи этихъ документовъ и слѣдовательно лишены всякой возможности доказать передъ судомъ свои права на землю, принадлежащую имъ безспорно въ силу за-

Библиотека "Руниверс"

кона о давности, если они не принадлежатъ къ сословію государственныхъ крестьянъ".

„Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ судахъ есть документы прошедшихъ столѣтій, писанные на столбцахъ; прочитать ихъ и понять, конечно, могутъ только лица, занимавшіяся изданіемъ нашихъ юридическихъ древностей".

„При внимательномъ обсужденіи этого дѣла нельзя, кажется, не придти къ убѣжденію, что оно должно быть рѣшено во всѣхъ уѣздахъ въ пользу частныхъ лицъ; поэтому и всѣ рѣшенія, которыя уѣздные суды пытались постановить по этому дѣлу, состоялись въ этомъ смыслѣ; если-же рѣшенія эти и возвращались въ суды палатою, то не по разсмотрѣнію существа дѣла, а по поводу несоблюденія той или другой формальности. Юридическихъ основаній для разрѣшенія этого дѣла въ пользу частныхъ лицъ или для совершеннаго его прекращенія представляется очень много".

Но кромѣ этихъ общихъ процессовъ о „розысканіяхъ", колоссальныхъ какъ по числу привлеченныхъ и претерпѣвшихъ лицъ, такъ и по времени ихъ продолженія, одновременно съ этими процессами возникла цѣлая масса мелкихъ тяжбъ, имѣвшихъ тѣ-же причины и тоже содержаніе. Одинъ современный практическій юристъ такъ объясняетъ причины и содержаніе массами возникавшихъ дѣлъ по старозаимочнымъ землямъ.

Обычное здѣсь (въ одномъ изъ уѣздовъ харьковской губерніи) начало этихъ дѣлъ таково: уполномоченный-ли отъ казны, посредникъ-ли по размежеванію земель, или кто нибудь изъ государственныхъ крестьянъ представляетъ по какому нибудь случаю въ палату государственныхъ имуществъ документъ, или документы семисотыхъ годовъ, по крайней мѣрѣ, такіе документы всегда были по купянскому уѣзду и документы почти всѣ одинаковые: купчія или закладныя письма, данныя частнымъ лицомъ другому на продажу, или залогъ участковъ съ правомъ вѣчнаго владѣнія; въ послѣднемъ случаѣ при неуплатѣ денегъ, или-же при представленіи свидѣтельства отъ общества, что такой-то и его предки съ незапамятныхъ временъ владѣли такимъ-то участкомъ угодьевъ и что общество никогда въ этотъ участокъ не вмѣшивалось, палата задаетъ вопросы: что это за документы? Имѣютъ-ли они силу

Библиотека "Руниверс"

крѣпостныхъ актовъ? Имѣлъ-ли право такой-то, положимъ въ 1739 г., продавать, закладывать клочекъ земли, или общество свидѣтельствовать о принадлежности того клочка земли частному лицу и можно-ли этотъ клочекъ земли теперь назвать частною собственностію? Разрѣшая эти вопросы всегда отрицательно, палата передаетъ документы въ уѣздные суды для производства дѣла слѣдственнымъ порядкомъ, какъ о казенномъ интересѣ. Суды не смѣютъ, прежде собранія всѣхъ справокъ, прежде произведенія мѣстнаго изслѣдованія, и разсуждать, что земля, о которой идетъ рѣчь, больше 100 л. въ частномъ владѣніи, какъ видно изъ самаго документа и что общество нисколько не претендуетъ на это владѣніе. Такимъ образомъ дѣла эти производятся десятки лѣтъ безъ всякой надобности,—дѣла, которыхъ не слѣдовало-бы и начинать, такъ какъ оканчиваются они всегда утвержденіемъ того, что и безъ этого утверждено силою давности, силою исторіи, силою законовъ; еще имѣлъ-бы смыслъ споръ общества, какъ владѣльца казенной земли, противъ какого нибудь неправаго, по его мнѣнію, частнаго владѣнія. Кому-же въ самомъ дѣлѣ знать лучше: обществу или палатѣ, правильно или неправильно извѣстное владѣніе? Начинать-же палатѣ дѣло только потому, что прежніе документы не такъ написаны, какъ теперешніе, не спросясь даже ни о чемъ у общества, сколько я ни размышлялъ объ этомъ, не нахожу логичнаго основанія.

Такимъ образомъ это повсемѣстное, можно сказать, осадное положеніе поземельнаго владѣнія губерніи изъ-за однихъ только „розысканій“ продлилось почти вплоть до судебной реформы и окончательная судьба всего этого недоразумѣнія, въ примѣненіи къ большинству старозаимочныхъ земель губерніи, автору настоящей статьи неизвѣстна.

---

10. Кадастръ крестьянскихъ земель, съ цѣлями переложенія податей съ душъ на доходы.

Еще въ самомъ разгарѣ „розысканій“ казенныхъ земель въ харьковской губерніи недавно возникшее тогда министерство государственныхъ имуществъ выступило съ новыми опытами благихъ на-

Библиотека "Руниверс"

чинаній и однимъ изъ первыхъ мѣстъ для своихъ экспериментовъ избрало харьковскую губернію [1]).

Такимъ опытомъ явилось сложное дѣло, извѣстное подъ краткимъ именемъ кадастра. Трудно понять, почему именно харьковская губернія была наиболѣе обычнымъ мѣстомъ непрерывныхъ „опытовъ“; своеобразный строй землевладѣнія этой губерніи, повидимому, долженъ былъ-бы скорѣе всего освободить ее отъ разныхъ примѣрныхъ опытовъ, а бывшія въ самомъ разгарѣ „розысканія“ должны были остановить реформаторовъ на той мысли, что только тѣ или другіе результаты производившихся „розысканій“ уяснятъ дѣйствительную почву для будущихъ правильныхъ мѣропріятій; но этихъ результатовъ не хотѣло, видно, ждать энергичное и богатое идеями новое министерство.

Во второй половинѣ 40-хъ годовъ въ немъ возникла заманчивая идея объ уравненіи денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ харьковской губерніи, для чего и предположено было ни болѣе, ни менѣе, какъ „оцѣнить доходы казенныхъ селеній“, въ видахъ переложенія податей съ душъ на доходы. Самая эта мысль уравненія сборовъ по харьковской губерніи прямо обусловливалась убѣжденіемъ въ повсюдной наличности въ ней общиннаго владѣнія, хотя старозаимочныя дачи составляли и тогда еще крупный процентъ крестьянскаго землевладѣнія въ губерніи; имѣлось въ виду опредѣлять доходъ не каждаго малоземельнаго крестьянина до какой нибудь четверти десятины включительно, а всей земли, числящейся за тѣмъ или другимъ крестьянскимъ обществомъ и владѣемой, по предположенію министерскаго проэкта, общинно. И вотъ началась на многіе годы бумажная работа „центральной коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ“.

Но прежде, чѣмъ излагать ходъ этой работы, представимъ, хотя въ общихъ чертахъ, существенное содержаніе кадастровой инструкціи.

Основная ея идея возникла еще въ 1848 году, но окончательно разработана въ утвержденномъ министромъ государственныхъ

---

[1]) Тотъ-же «опытъ» предстоялъ и екатеринославской губерніи, но эта послѣдняя была освобождена отъ него вслѣдствіе неурожая, цынготной болѣзни и падежа скота.

Библиотека "Руниверс"

имуществъ журналѣ центральной коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ отъ 13 ноября 1831 года, на основаніи котораго составлена и самая инструкція. Эта инструкція заключаетъ въ себѣ 444 §§ и теперь представляетъ собою весьма рѣдкую книгу. Она, по самому происхожденію своему, не представляетъ закона въ техническомъ смыслѣ этого слова, а только административное положеніе, почему вѣроятно и не могла войти въ полное собраніе законовъ. Ея исключительная цѣль—фискальная, по возможности облегчить отбываніе всяческихъ повинностей и для этого уяснить все могущее подлежать налогу въ матеріальныхъ средствахъ крестьянъ, посредствомъ „уравненія ихъ въ денежныхъ сборахъ". Въ ней заключалась весьма смѣлая идея—установить изъ далекаго центра какой-то правильный подоходный налогъ съ вѣчно волнующагося моря мелкихъ крестьянскихъ достатковъ, хотя-бы и въ общинномъ владѣніи, ибо налогу этому должны были подлежать не только земли, предметъ, какъ извѣстно, при общинномъ владѣніи, довольно устойчивый, по крайней мѣрѣ для разсчета налога, но даже и всяческіе крестьянскіе промыслы: 388 § инструкціи указываетъ цѣль кадастра: „подоходную систему податей въ губерніи". Инструкція возлагаетъ всѣ приготовительныя работы и подготовку надлежащихъ матеріаловъ и свѣдѣній на палаты государственныхъ имуществъ и ихъ уѣздные органы (окружныхъ начальниковъ), съ подвѣдомственными имъ волостными правленіями. Палаты составляютъ „соображенія объ относительной степени благосостоянія государственныхъ крестьянъ по разнымъ мѣстностямъ губерніи" и указаніе способовъ крестьянскаго владѣнія землями („душеваго, четвертнаго, захватнаго и тому подобное", о старозаимочныхъ земляхъ нѣтъ даже и помину), а за тѣмъ передаютъ эти свѣдѣнія начальнику коммисіи, или ея „отряда", по прибытіи этого начальника въ данную губернію.

Самая „оцѣнка доходовъ казенныхъ селеній и переложеніе податей въ губерніи производятся или коммисіей уравненія денежныхъ сборовъ, или отрядомъ". Въ руки этого новаго пріѣзжаго начальства волостныя правленія доставляютъ всяческія свѣдѣнія и, между прочимъ, „подворные списки", а также свѣдѣнія о земляхъ, различныхъ оброчныхъ статьяхъ, недоимкахъ, торговыхъ свидѣтельствахъ, количествѣ отпускаемыхъ каждому селенію лѣсныхъ матеріаловъ и т. п. Кромѣ того, „по всякому селенію выбираются,

Библиотека "Руниверс"

примѣрно на каждыя сто душъ, два добросовѣстныхъ, одинъ мѣрщикъ и одинъ писарь". „Въ званіе добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ избираются смышленнѣйшіе и лучшей нравственности крестьяне, въ числѣ которыхъ должны быть въ особенности знакомые съ мѣстными обстоятельствами, крестьянскимъ хозяйствомъ и главными промыслами".

Всестороннее хозяйственное изученіе губерніи предположено было такъ широко и глубоко, что „начальникъ коммисіи или отряда" получаетъ отъ губернскаго начальства свѣдѣнія „о всѣхъ, какъ внѣшнихъ въ отношеніи губерніи, такъ и внутреннихъ пунктахъ сбыта земледѣльческихъ произведеній", и, кромѣ того, не довольствуясь губернскимъ начальствомъ, вообще входитъ въ сношеніе съ гражданскимъ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства о приглашеніи помѣщиковъ, именитыхъ купцовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ сообщать свѣдѣнія о качествахъ и урожаѣ разныхъ почвъ, о торговлѣ и разныхъ промыслахъ и всѣ эти свѣдѣнія собираетъ „не столько офиціальными требованіями, сколько сближеніемъ съ дворянами и торговцами". Работы кадастровой коммисіи должны были начинаться одновременно по всей губерніи и закончиться въ три года, при чемъ инструкція подробно регламентируетъ будущее и опредѣляетъ работы эти на каждый годъ. Такъ въ первомъ-же году членъ коммисіи или отряда (каждый въ своемъ участкѣ) собираетъ предварительныя свѣдѣнія о благосостояніи крестьянъ „посредствомъ личныхъ объясненій съ окружнымъ начальникомъ"; для той-же цѣли собираются „старожилы селеній", на сходахъ членъ коммисіи объясняетъ крестьянамъ цѣль предстоящихъ занятій и изслѣдованій; избраннымъ добросовѣстнымъ, мѣрщикамъ и писарямъ внушаетъ, съ одной стороны, „всю важность довѣрія, которое имъ дѣлается", а съ другой—ихъ серьезную отвѣтственность за невѣрныя показанія... Въ числѣ самыхъ разносторонникъ свѣдѣній о матеріальныхъ средствахъ и хозяйствѣ крестьянъ собираются также весьма любопытныя свѣдѣнія, „по какому способу крестьяне каждаго селенія владѣютъ землей въ каждой дачѣ и въ какомъ угодьи и какимъ образомъ раздѣляется угодье по каждому хозяйству"... сортируется почва по своимъ сельско-хозяйственнымъ качествамъ, дѣлаются даже пробные умолоты хлѣбовъ и пробные укосы травъ. На основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній составляется

Библиотека "Руниверс"

„хозяйственное описаніе селеній“, при чемъ даже составляются „таблицы среднихъ цѣнъ на земледѣльческія произведенія и таблицы стоимости рабочаго дня“, а результаты всего этого изученія въ опредѣленные сроки доносятся департаменту сельскаго хозяйства.

Опуская всѣ дальнѣйшія подробности этой инструкціи, мы скажемъ только, что въ заключеніе третьяго года предписывалась „дѣйствительная раскладка податей и введеніе новой податной системы“. Одновременно съ этимъ, т. е. къ концу 3-го года, составляется „хозяйственное описаніе цѣлой губерніи“, а также и статистическое описаніе ея вообще. На основаніи всего этого матеріала, какъ вѣнецъ изслѣдованія, составляются губернскія книги: оцѣночная и окладная... и изготовляются окладные листы по обществамъ и селеніямъ, и такимъ образомъ происходитъ „переложеніе податей съ душъ на доходы“, хотя собственно подушная подать оставляется неприкосновенно въ прежнемъ положеніи.

По главному вопросу настоящей статьи—о старозаимочномъ владѣніи—въ этой инструкціи единственное упоминаніе дѣлается въ примѣчаніи къ § 53. По силѣ этого примѣчанія „старозаимочныя земли, состоящія во владѣніи войсковыхъ обывателей, перешедшихъ въ городское сословіе и вообще постороннихъ лицъ, не подвергаются ни оцѣнкѣ, ни измѣренію“; но въ § 48 той-же инструкціи сказано: „всѣ удобныя земли, предоставленныя отъ казны въ пользованіе государственныхъ крестьянъ, изъ коихъ они извлекаютъ непосредственную выгоду, подлежатъ оцѣнкѣ“. Сопоставляя эти два мѣста инструкціи, нельзя не видѣть, что новое министерство не приняло въ соображеніе историческаго происхожденія и дѣйствительнаго юридическаго характера старозаимочнаго владѣнія, а потому отнеслось къ нему, какъ къ землѣ, будто-бы „предоставленной отъ казны въ пользованіе государственныхъ крестьянъ“, результатомъ-же этого воззрѣнія было, сколько намъ извѣстно, примѣненіе кадастра къ землямъ государственныхъ крестьянъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ему не могло быть мѣста по огромной массѣ старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія. Эта основная, обусловленная, конечно, прежними еще мѣропріятіями, ошибка со стороны министерства государственныхъ имуществъ, особенно наглядно выражается въ § 62 инструкціи, который говоритъ: „къ собственнымъ землямъ государственныхъ крестьянъ, на основаніи суще-

Библиотека "Руниверс"

ствующихъ постановленій, принадлежатъ: а) земли, жалованныя предкамъ однодворцевъ до 1724 г. въ отчину высочайшими грамотами; б) земли, купленныя и другимъ образомъ пріобрѣтенныя однодворцами у лицъ другихъ состояній до времени запрещенія; в) земли первыхъ двухъ родовъ, пріобрѣтенныя однодворцами отъ лицъ равнаго сословія и прежде и послѣ изданія межевой инструкціи; г) земли, пріобрѣтенныя вообще государственными крестьянами послѣ указа 12 декабря 1801 г.; д) земли, купленныя государственными крестьянами отъ казны съ аукціоннаго торга; ж) земли, присужденныя въ личную собственность рѣшеніями правительствующаго сената и з) земли, купленныя цѣлыми обществами государственныхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, или отъ казны". Приведенными пунктами захватывалась и вся область старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія, по допущенному гораздо раньше, какъ мы видѣли, смѣшенію земель старозаимочныхъ съ однодворческими; кадастръ, какъ видимъ, совершенно игнорировалъ всю массу старозаимочнаго крестьянскаго владѣнія и всецѣло примѣнялъ къ нему спеціальные законы и распоряженія о земляхъ однодворцевъ. Это недоразумѣніе министерства государственныхъ имуществъ усилило только извѣстныя уже намъ „розысканія казенныхъ земель"; онѣ предписывались нѣсколькими §§ инструкціи и теперь должны были принять характеръ повсемѣстности по всей губерніи. По 67 § инструкціи палата, по мѣрѣ хода работъ кадастровой коммисіи, отправляла на разсмотрѣніе уѣздныхъ судовъ дѣла о такихъ даже земляхъ крестьянъ, которыя, по ея собственному мнѣнію, можно было признать ихъ собственностію даже „съ большою вѣроятностію".

Кромѣ примѣчанія къ 53 § инструкція нигдѣ болѣе и не упоминаетъ о старозаимочныхъ земляхъ, хотя нѣсколько разъ останавливается на четвертномъ владѣніи, которое по индивидуальному своему характеру значительно подходитъ къ старозаимочному. Вотъ одинъ изъ параграфовъ кадастровой инструкціи (§ 77, пунктъ 2-й), способный показать, какъ легко было выполнителямъ кадастра правила, касавшіяся четвертныхъ земель, примѣнить къ старозаимочному владѣнію: „если крестьяне владѣютъ четвертными землями совершенно неуравнительно, не только въ отношеніе цѣлаго селенія, но и каждой фамиліи въ особенности, то измѣряются земли

Библиотека "Руниверс"

каждаго домохозяина отдѣльно; но и здѣсь должно наблюдать: нѣтъ-ли такихъ домохозяевъ, которые, происходя отъ одного родоначальника, получили свои дачи на основаніи правильнаго наслѣдственнаго раздѣла; и если при этомъ они явственно показываютъ, на сколько и на какія части дѣлилось владѣніе ихъ родоначальника, низводя сіи раздѣлы до настоящаго времени, то удобнѣе и вѣрнѣе измѣрять земли такихъ домохозяевъ совокупно и впослѣдствіи въ составленныхъ реестрахъ разсчитывать владѣніе каждаго домохозяина по той пропорціи, какая опредѣляется ему правомъ наслѣдства. Для сего (примѣчаніе къ §) въ четвертныхъ селеніяхъ собираются у каждаго домохозяина свѣдѣнія о числѣ четвертей или той части владѣнія, которою онъ, по наслѣдственному раздѣлу, пользуется изъ земель, принадлежащихъ его фамиліи. На основаніи сихъ свѣдѣній составляются реестры четвертнымъ владѣльцамъ, въ коихъ показывается также по сдѣланному разсчету мѣра владѣнія каждаго домохозяина въ десятинахъ и сажняхъ и число душъ числящихся въ его семействѣ". Что это правило инструкціи было примѣняемо дѣятелями кадастра и къ наслѣдственно-участковымъ старозаимочнымъ дачамъ, можно заключать изъ дошедшихъ до насъ такъ называемыхъ измѣрительныхъ таблицъ. Таблицы эти были теперь составлены по всякому крестьянскому обществу наслѣдственно-участковаго владѣнія, между тѣмъ до времени кадастра въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ старозаимочныхъ крестьянскихъ дачахъ совершенно не было никакихъ записей мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, которое существовало до этого времени только какъ фактъ, никакой бумагѣ невѣдомый: только въ измѣрительныя таблицы кадастра была впервые занесена эта мелкая, въ тысячахъ участковъ состоявшая старозаимочная крестьянская собственность [1]).

[1]) Изъ одной бумаги въ дѣлѣ кадастра по ахтырской дачѣ видно, что случайныя и отрывочныя записи крестьянскаго владѣнія до кадастра обозначали размѣръ мелкихъ крестьянскихъ участковъ самою неопредѣленною мѣрою: у такого—земли «на три дня оранки», у другаго «на одинъ день оранки»; только изрѣдка показывалась длина и ширина участка. Часто употребляется выраженіе: земли «одинъ загонъ», «одинъ загонъ—оранки на три дня и сѣнокосу на 20 копицъ»; «одинъ загонъ на два дня оранки»; «одинъ загонъ на три дня оранки», «два загона поля на два дни оранки», отсюда видно, что и загонъ величина не постоянная. Еще встрѣчаются такія выраженія: «земли оранки на 8 дней, поля—

Библиотека "Руниверс"

О захватныхъ земляхъ взглядъ кадастра выраженъ въ 78 §: „...дознается также, не находятся-ли общественныя земли въ захватномъ пользованіи государственныхъ крестьянъ, на основаніи котораго всякій изъ нихъ пользуется для посѣва и сѣнокоса такимъ пространствомъ земли, какое успѣетъ захватить прежде другихъ. Въ такомъ случаѣ вмѣняется въ обязанность мѣстному управленію государственными имуществами, до начала оцѣнки земель, побуждать крестьянъ къ уравнительному раздѣлу предоставленныхъ имъ земель, коими они пользуются на захватъ; а чиновникамъ уравненія денежныхъ сборовъ содѣйствовать крестьянамъ и руководить ихъ въ семъ дѣлѣ".

Изъ послѣдующаго хода этого дѣла въ харьковской губерніи есть основаніе заключить, что кадастровая практика, подъ вліяніемъ уже извѣстнаго намъ основнаго административнаго недоразумѣнія, повидимому, смѣшала старозаимку съ „захватомъ" въ смыслѣ, какой придалъ этому термину самой „инструкціей", и примѣнила къ первой всѣ послѣдствія, установленныя для послѣдняго.

Не касаясь другихъ многочисленныхъ параграфовъ обширной кадастровой инструкціи, не имѣющихъ прямаго отношенія къ изслѣдуемому нами вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи, отмѣ-

---

одна гона, опругъ, півупруга». Эта неопредѣленная мѣра земли (загонъ, столько-то дней оранки и т. д.) нерѣдко означалась и въ такъ-называемыхъ уступныхъ письмахъ, въ которыхъ обыкновенно писалось, что занимается такая-то сумма денегъ, а кредитору вмѣсто процентовъ дается во владѣніе земля до уплаты долга. Это такъ-называемая застава. Эта уступныя письма иногда свидѣтельствовались въ полиціи. Одно извѣстное намъ уступное письмо написано въ 1833 г. въ ахтырскомъ словесномъ судѣ, при свидѣтеляхъ. Въ одномъ уступномъ письмѣ уже въ 1846 г. говорится, что уступленъ одинъ загонъ поля на 6 дней оранки за 100 рублей впредь до возврата занятыхъ денегъ. Въ этихъ-же актахъ мы нашли упоминаніе одного загона, въ коемъ оранки на четыре дня, другой загонъ—оранки на два дня; одно закладное письмо 1788 г., написанное въ ахтырской приказной избѣ—здѣсь заложена была сѣнокосная лука, въ 2,000 кв. сажень за 12 рублей на 5-тилѣтній терминъ. Еще мѣра земли: «оранки на два опруга». При обмѣнѣ участковъ составлялись частныя полюбовныя сказки при свидѣтеляхъ, иногда на 30 копѣечной бумагѣ. У насъ въ рукахъ была опись болѣе сотни различныхъ поземельныхъ актовъ крестьянъ; между этими актами многочисленнѣе всѣхъ другихъ были закладныя письма и закладныя росписки 1780—1850 годовъ; особенно-же часты были эти акты въ 20—30 годахъ.

Библиотека "Руниверс"

тимъ въ заключеніе, что по 250 и 251 §§ „переложенію съ душъ на доходы казенныхъ селеній подлежали сборы: 1) общественный, 2) на капиталъ продовольствія, 3) земскіе сборы: а) общій земскій сборъ, б) на содержаніе земской полиціи, в) на вспомогательный капиталъ (гдѣ сей сборъ существуетъ), г) на устройство присутственныхъ мѣстъ и 4) оброчная подать. Подушная-же подать, какъ личный налогъ, общій для всѣхъ податныхъ сословій, и мірскіе сборы, установляемые для удовлетворенія нуждъ одного общества, оставались „при прежней подушной раскладкѣ", при чемъ также оставалась, повидимому, неизмѣнной и общая сумма налога на губерніи, ибо въ 260 и 251 §§ говорится, что при исчисленіи извѣстныхъ категорій налоговъ должна приниматься въ основаніе послѣдняя высочайше утвержденная смѣта. Всѣ остальные параграфы разсматриваемой инструкціи приводятъ насъ къ мысли, что главной заботой составителей оной было всяческое облегченіе обложенія, учета и взысканія подлежащихъ налоговъ. Подъ вліяніемъ этой господствующей заботы, не смотря на всю распространенность личнаго крестьянскаго землевладѣнія въ харьковской губерніи (по старозаимочному праву и обычаю), податной единицей принято не лицо, а „селеніе", т. е. извѣстная группа фактическихъ поземельныхъ собственниковъ, которымъ за то въ дѣлахъ, такъ сказать, внутренняго самоуправленія sui generis дана свобода до степени laissez faire etc., т. е. полный произволъ большинства, вѣрнѣе произволъ малочисленнаго грамотнаго персонала сельскаго правленія, или-же волости. Фискальный интересъ гарантировалъ себя репрессіей круговой поруки, которая, если и можетъ быть признаваема за органическую часть общиннаго устройства, то относительно личнаго владѣнія является прямымъ его отрицаніемъ: къ личному землевладѣнію круговая порука могла быть примѣнена только чисто внѣшнимъ, механическимъ образомъ, внося, вмѣстѣ съ другими условіями, постепенное затемнѣніе понятія о моемъ и твоемъ и привычку возлагать надежды на разныя внѣшнія случайности помимо условій личнаго труда и самостоятельной личной заботы. Созданіе на почвѣ личнаго поземельнаго владѣнія групповыхъ платежныхъ единицъ съ круговой порукой и вообще цѣлой системой условій, взятыхъ прямо изъ общиннаго порядка, должно было внести и, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно внесло такую неопредѣ-

Библиотека "Руниверс"

ленность въ поземельный бытъ крестьянъ, въ которой врядъ-ли можно было разобраться одинокой личной энергіи не только неграмотнаго участника въ жизни деревни, но даже и посторонняго наблюдателя, культурнаго человѣка.

---

11) Подробности примѣненія кадастровой операціи къ одной старозаимочной дачѣ.

Ознакомившись съ содержаніемъ и характеромъ кадастровой инструкціи, посмотримъ теперь, какъ она была примѣнена въ разсматриваемой нами мѣстности и какими сопровождалась послѣдствіями для мѣстнаго крестьянскаго населенія и его землевладѣнія. Правда, мы не имѣемъ данныхъ относительно примѣненія этой инструкціи на пространствѣ всей харьковской губерніи, но какъ кадастръ являлся мѣрою общею, то по даннымъ, какія имѣются у насъ относительно уѣзда ахтырскаго, частнѣе-же ахтырской старозаимочной дачи, можно съ достовѣрностію заключать о томъ, что происходило въ этомъ отношеніи и въ другихъ пунктахъ губерніи.

Опытамъ кадастра и кадастровой инструкціи предшествовало учрежденіе „коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ". По требованію ея, еще въ 1847 году окружными правленіями государственныхъ имуществъ харьковской губерніи предписано было всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ волостнымъ правленіямъ „приготовить немедленно" для коммисіи цѣлыя массы различныхъ юридическихъ, статистическихъ, хозяйственныхъ и другихъ свѣдѣній. Волостныя правленія такимъ образомъ были prima fonte всѣхъ данныхъ, по которымъ строилась *a priori* задуманная или заимствованная система, основной и самой кипучей лабораторіей для всяческихъ въ крестьянскомъ мірѣ мѣропріятій. Въ числѣ разныхъ справокъ, потребовавшихся отъ этихъ замѣчательныхъ, по своему обязательному всевѣдѣнію, учрежденій, требовались, кромѣ неизбѣжныхъ справокъ въ родѣ количества недоимокъ, мірскихъ и оброчныхъ статей, количества душъ по каждому селенію, и свѣдѣнія о раздѣленіи этихъ душъ на разряды относительно способовъ владѣнія землями, „какъ напримѣръ душеваго, четвертнаго и захватнаго". Послѣдній терминъ, при отсутствіи упоминанія о старозаимочномъ владѣніи, получаетъ

Библиотека "Руниверс"

для насъ особое значеніе: онъ неизбѣжно предполагаетъ или совершенное невѣдѣніе наличности старозаимочнаго владѣнія во всей губерніи, или-же усмотрѣніе въ немъ одного только самоуправства и безпорядка. Такъ какъ одновременно съ этимъ министерство государственныхъ имуществъ, съ почина той-же коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ, озабочиваясь устройствомъ государственныхъ крестьянъ, „не пользующихся никакимъ надѣломъ казенной земли въ губерніяхъ, въ коихъ подати уже переложены съ душъ на доходы", собирало „свѣдѣнія о томъ, сколько подобныхъ безземельныхъ крестьянъ по всѣмъ великороссійскимъ губерніямъ и не можно-ли надѣлить ихъ землей изъ оброчныхъ статей въ тѣхъ-же губерніяхъ", то таже забота, вмѣстѣ съ сопровождавшими ее мѣропріятіями и заборомъ всевозможныхъ справокъ изъ извѣстнаго уже намъ источника, была всецѣло примѣнена и къ харьковской губерніи, хотя эта послѣдняя ни въ этнографическомъ отношеніи, ни по господствующему характеру своего землевладѣнія не могла быть приравнена къ губерніямъ великорусскимъ. Поступавшія по запросамъ, вслѣдствіе этой новой мѣры, донесенія, которыя мы имѣли случай разсматривать, показываютъ съ одной стороны, какое смутное представленіе начальствующія лица имѣли о порядкѣ землевладѣнія въ харьковской губерніи, а съ другой какъ нерѣдко органы крестьянскаго управленія становились въ тупикъ предъ запросами и, отвѣчая на нихъ, старались попасть въ тонъ запроса и давали данныя, по которымъ всего менѣе можно было построить вѣрное заключеніе.

Такъ слѣдовалъ, наприм., ахтырскому волостному правленію запросъ, сколько въ ахтырскомъ обществѣ оброчныхъ статей, какія и гдѣ именно, сколько безземельныхъ крестьянъ и пр. Тутъ понятія не имѣли объ оброчныхъ статьяхъ: въ ахтырской, какъ почти и во всякой старозаимочной дачѣ, все принадлежало отдѣльнымъ лицамъ, а не міру. Волостное правленіе указало число безземельныхъ крестьянъ,—ихъ въ это время въ ахтырской волости было 336 душъ, но прибавило, что они не могутъ быть надѣлены землей „до уравнительнаго раздѣла земли на ревизскія души",—точно оно само желало этого раздѣленія, или было убѣждено въ необходимости онаго.

Пертурбація въ крестьянскомъ населеніи харьковской губерніи усилилась и недоумѣнія вопрошающихъ и отвѣчающихъ увеличились

Библиотека "Руниверс"

съ тѣхъ поръ, какъ министерство государственныхъ имуществъ, отмѣнивъ, какъ прежде было нами упомянуто, опытъ уравненія денежныхъ сборовъ по екатеринославской губерніи, двинуло оттуда „часть чиновъ коммисіи“ въ харьковскую губернію для предварительныхъ изслѣдованій, въ видахъ переложенія податей съ душъ на землю и содѣйствія палатѣ государственныхъ имуществъ къ размѣну черезполосностей. Лѣтомъ 1849 г. ахтырское окружное управленіе циркулярно предписало волостнымъ правленіямъ „немедленно“ составить подворные списки и выбрать изъ среды крестьянъ присяжныхъ добросовѣстныхъ, причемъ самый этотъ выборъ „необходимо“ долженъ былъ окончиться ко времени прибытія въ Ахтырку „чиновъ отряда“.

Самая форма этого подвориаго списка домохозяевамъ деревни N N и т. д. показывала какъ будто, что для составленія проэкта „уравненія“ ни въ чемъ не представлялось затрудненій и что статистика видимо тогда процвѣтала: въ различныхъ рубрикахъ этого списка должны были вмѣститься такія напр. свѣдѣнія, какъ фамилія домохозяина, число душъ въ семьѣ и число работниковъ во дворѣ (хотя въ данной мѣстности, кромѣ самихъ домохозяевъ и членовъ ихъ семьи, работниковъ обыкновенно не бываетъ), число скота, чѣмъ кто занимается въ разное время года, какія у кого промышленныя заведенія, сколько недоимки и проч.; не забыты даже пчелы, и тѣхъ требовалось показать, „сколько именно“.

Одновременно съ предписаніемъ составить подворные списки ахтырскій окружный начальникъ предписалъ волостямъ о выборѣ мѣрщиковъ, добросовѣстныхъ и писарей, а также о высылкѣ плановъ на дачи и пустоши, при чемъ требовалось, чтобы „въ званіе добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ избирались смышленнѣйшіе и лучшей нравственности крестьяне, въ числѣ которыхъ должны быть въ особенности знакомые съ мѣстными обстоятельствами, крестьянскимъ хозяйствомъ и главными промыслами“, а въ числѣ мѣрщиковъ былъ, по крайней мѣрѣ, одинъ грамотный.

Всѣ эти сельскіе чины, призывавшіеся для осуществленія блестящаго проэкта, избирались на три года и при всемъ томъ никому изъ нихъ, кромѣ писарей, вознагражденія не полагалось: писаря оплачивались изъ суммъ мірскаго сбора, т. е. на счетъ тѣхъ-же крестьянъ, что-жъ касается добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ, то начальство раз-

Библиотека "Руниверс"

судило экономично, что работы ихъ по измѣренію и оцѣнкѣ земель могутъ быть вмѣнены имъ въ общественную службу, или натуральную повинность. Положеніе выборныхъ и ихъ избирателей по истинѣ разорительное, если принять во вниманіе, что въ числѣ ревизскихъ душъ были умершіе и малолѣтніе, или неспособные къ работамъ, и что отъ каждыхъ 100 ревизскихъ душъ бралось „примѣрно“ по четыре человѣка, да еще въ самую горячую пору и три года подъ рядъ, и бралось въ губерніи, гдѣ нѣтъ многочисленнаго по количеству людей, великорусскаго „двора“, а есть только отдѣльныя малочисленныя семейства [1]), въ которыхъ на рукахъ отца лежало все бремя содержанія семьи съ малолѣтними дѣтьми. И это при недоимкѣ въ 163,111 руб. на 8036 душъ населенія ахтырской волости, т. е. по 20 р. на валовую ревизскую душу, въ памятный 1849 годъ, которому предшествовалъ годъ неурожая хлѣбовъ и травъ, смертность на людяхъ, падежъ скота и частые пожары, какъ свидѣтельствовало мѣстное волостное правленіе,—при годичномъ размѣрѣ натуральныхъ повинностей въ суммѣ свыше 5000 р. на то-же общее число ревизскихъ душъ [2]) и при душевомъ податномъ (не считая винной подати) окладѣ въ 4 р. 87 ½ к.

---

[1]) Для опредѣленія средняго числа членовъ въ семьѣ въ ахтырской волости интересны слѣдующія данныя изъ того-же дѣла о кадастрѣ: въ ахтырскомъ обществѣ (т. е. собственно у государственныхъ крестьянъ г. Ахтырки) находятся 2,011 дворовъ, ревизскихъ душъ мужескаго пола 4,669, женскаго пола 4,743; въ хухрянскомъ сельскомъ обществѣ 503 двора, ревизскихъ душъ, т. е. мужескихъ 1,192 чел., женскаго пола 1,200; кириковскаго сельскаго общества 458 дворовъ, мужескаго пола 1,464, женскаго пола 1,261; въ Бакировкѣ 95 дворовъ, мужескаго пола 247, женскаго пола 298; въ деревнѣ Литовкѣ 109 дворовъ, мужескаго пола 292, женскаго пола 346. Отсюда средній размѣръ населенія двора или семьи 4,8 человѣка.

[2]) Размѣръ натуральныхъ повинностей, выпадавшихъ на одну ахтырскую волость, какъ видно изъ дѣла о кадастрѣ, былъ слѣдующій:

Подводъ:

1) Для разъѣздовъ по службѣ: 565 подводъ на 169 р. 50 к. (т. е. всего по 30 коп. подвода).

2) Для войскъ и рекрутовъ (?) 720 подводъ, на 216 р.

3) Для арестантовъ по этапамъ, 52 подводы, на 15 р. 60 к.

4) Для исправленія мостовъ, дорогъ и гатей: а) конныхъ—280, б) пѣшихъ—500, на 159 р.

Здѣсь пѣшій рабочій день принятъ всего въ 15 коп.

Библиотека "Руниверс"

Въ августѣ 1849 г. „завѣдывающимъ отрядомъ коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ", чрезъ мѣстнаго окружнаго начальника были затребованы „въ самоскорѣйшемъ времени", въ числѣ другихъ, свѣдѣнія о количествѣ земли по способу владѣнія; при этомъ требованіи была приложена и форма всего только на двѣ рубрики для крестьянъ собственниковъ: 1) земли заимочной, владѣемой по документамъ прежнихъ лѣтъ (?) и 2) земли, принадлежащей въ личную собственность по §§ 60, 62, 63 и 67 „инструкціи". Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, подъ вліяніемъ прежнихъ и позднѣйшихъ разъясненій начальства, ахтырское волостное правленіе въ первой рубрикѣ не проставило земли ни одной десятины, а „принадлежавшей въ собственность" по вышеприведеннымъ параграфамъ обозначило всего только 113 дес. (это изъ 15—20 тысячъ десятинъ старозаимочной крестьянской земли!)

Въ отвѣтахъ различныхъ сельскихъ обществъ ахтырской волости относительно различныхъ, свыше опредѣленныхъ категорій земли весьма часто фигурируетъ 18 декабря 1801 г. (земли, пріобрѣтенныя до этого времени и послѣ), что только лишній разъ указываетъ, что старозаимочныя земли въ глазахъ подлежащаго вѣдомства были совершенно смѣшаны съ четвертнымъ и другихъ категорій поземельнымъ владѣніемъ однодворцевъ. Произведенный во время кадастра отборъ у крестьянъ документовъ на собственныя ихъ различныхъ категорій земли произвелъ такую путаницу

---

5) Для обработыванія общественной залашки: а) конныхъ—525, б) пѣшихъ—723, на 265 р. 95 к.

6) Для скопки и разсадки лѣсовъ: пѣшихъ 325 чел., на 48 р.

7) Для разсылки пакетовъ: а) конныхъ—250, б) пѣшихъ—150, на 97 р. 50 коп.

Исключительно пѣшихъ рабочихъ:

8) Для препровожденія арестантовъ—280 чел., на 42 р.

9) Для караула къ церквямъ—832 чел. на 124 р. 80 к.

10) Присмотръ хлѣбныхъ магазиновъ—280 чел. на 31 р. 20 к.

11) Сторожа сельскихъ правленій—520 чел. на 78 р.

12) Отведено квартиръ на 1500 р.

Всего даже по этой изумительно дешевой оцѣнкѣ труда, подводъ и квартиръ на 2,748 р. 30 коп., что по самому скромному переводу на дѣйствительныя современныя цѣны требуетъ, по крайней мѣрѣ, удвоенія, т. е. около 5,496 руб.

Библиотека "Руниверс"

въ земельныхъ правахъ, которой не распутать уже и нашему времени. Хотя начальство требовало тогда только копій крестьянскихъ документовъ, но такъ какъ значительная часть этихъ актовъ была писана почеркомъ прошлаго вѣка, а палеографія была рѣшительно неизвѣстна писарямъ волостныхъ правленій, то во исполненіе требованія начальства у крестьянъ отбирались большею частію подлинные документы и таковые цѣлыми тюками препровождались въ Харьковъ, въ палату государственныхъ имуществъ. Что здѣсь съ ними сталось, намъ неизвѣстно, но о судьбѣ ихъ догадываться отчасти можно потому, что въ Харьковѣ и теперь еще живетъ память объ одномъ, давно уже покойномъ, отставномъ чиновникѣ, по фамиліи Наливайко, въ домѣ котораго весь чердакъ былъ заваленъ документами и другими старыми актами крестьянскаго землевладѣнія.

Отборъ земельныхъ документовъ и увеличившіяся тягости отбыванія повинностей и оплаты налоговъ усилили эмиграцію крестьянъ, начавшуюся еще раньше, а это въ свою очередь отражалось на судьбѣ мѣстнаго земельнаго владѣнія. Оно видимо уже давно разлагалось, и однородный прежде участково-наслѣдственный старозаимочный порядокъ землевладѣнія съ теченіемъ времени принималъ все болѣе и болѣе смѣшанный характеръ. Такъ еще въ 1837, 1839 и въ 1848 г., т. е. въ годъ начала кадастра, изъ ахтырской и другихъ волостей ахтырскаго уѣзда переселилось въ черноморскіе и линейные козаки, а также въ екатеринославскую и саратовскую губерніи 734 ревизскихъ души [1]).

Такъ какъ на переселенцахъ оказывалась нерѣдко недоимка, то она оплачиваема была оставленіемъ принадлежавшихъ имъ земель за обществами, а эти оставшіяся земли и положили начало тѣмъ общественнымъ землямъ, которыя съ этого преимущественно времени мы встрѣчаемъ среди личнаго крестьянскаго владѣнія. Впрочемъ нѣкоторые изъ переселенцевъ поступили съ своими землями совершенно согласно старозаимочному праву и обычаю: одни изъ нихъ предъ выселеніемъ продали свои земли, а другіе оставили ихъ въ рукахъ родственниковъ, отъ которыхъ, вѣроятно, получили какое-нибудь

[1]) Наибольшее было переселеніе въ саратовскую губернію въ 1837 и 1839 годахъ: 443 ревизскихъ души.

Библиотека "Руниверс"

вспомоществованіе на дорогу. Почти въ то-же время лица, переходившія изъ крестьянскаго сословія въ городское (мѣщане, цеховые), должны были подъ вліяніемъ принятыхъ начальствомъ мѣръ, оставлять свои старозаимочныя земли въ крестьянскомъ обществѣ, хотя и здѣсь имѣли мѣсто и случай и исключенія изъ общаго правила.

Представленіе документовъ, у кого они сохранились, на владѣемую тѣмъ или инымъ крестьяниномъ землю рѣдко гарантировало владѣльца въ признаніи за нимъ права собственности. Такое признаніе требовало длинной процедуры разсмотрѣнія ихъ въ судѣ и утвержденія въ гражданскомъ порядкѣ, а между тѣмъ самъ чиновникъ „уравненія“ производилъ юридическую оцѣнку документамъ и только новѣйшіе крѣпостные акты признавалъ въ силѣ, все-же остальное, даже документальное владѣніе крестьянъ по актамъ прежняго времени было подчинено всѣмъ операціямъ кадастра. Въ способѣ дѣйствительной раскладки податей въ натурѣ, а не на бумагѣ, примѣчалось изрядное замѣшательство; выселенія продолжались, и иначе и быть не могло. Въ ахтырскомъ обществѣ, имѣвшемъ тогда по послѣдней ревизіи 4798 душъ мужскаго пола, совсѣмъ оставило хлѣбопашество 672 двора (=1895 ревизскимъ душамъ = 953 работникамъ), а по занятію другими промыслами оставило хлѣбопашество 166 дворовъ (=ревизскимъ душамъ 384 = работникамъ 160, т. е. всего по одному работнику на дворъ).

Недоимка росла, ея приходилось по 40 р. на душу, если считать только половину работниковъ въ общемъ числѣ ревизскихъ душъ. Появлялись уже и способы „принудительнаго взысканія“ оной. Изъ числа ихъ, правда, гораздо позже, получилъ извѣстность одинъ, называвшійся въ народѣ „штурмою“. Появлялась цѣлая компанія волостныхъ и полицейскихъ чиновъ въ періодѣ сбора податей, разѣзжала по недоимщикамъ и забирала у нихъ для продажи съ аукціона въ волостное правленіе всякую домашнюю движимость и утварь.

Въ какія тонкости и детали вникали „чины отряда уравненія“ и, между прочимъ, какъ мало стѣснялись волостныя правленія отвѣтами на всяческіе вопросы, видно, между прочимъ, уже изъ того, что былъ опредѣленъ, напримѣръ, чистый годовой доходъ плотниковъ хухрянскаго сельскаго общества (отъ 3 до 5 р. въ годъ), когда не только въ то время, но и въ гораздо позднѣйшіе годы,

Библиотека "Руниверс"

врядъ-ли на 10 помѣщиковъ хоть одинъ зналъ приблизительно свой чистый доходъ, а кольми паче не было матеріаловъ для вывода этого дохода по средней сложности за нѣсколько лѣтъ. Кромѣ плотниковъ въ той-же слободѣ Хухрѣ былъ опредѣленъ чистый годовой доходъ портныхъ, чумаковъ, миропниковъ, колесниковъ, сапожниковъ и вообще ремесленниковъ. Судя по этимъ свѣдѣніямъ о Хухрѣ, нужно думать, что „чины отряда“ успѣли добыть эти высоко интересныя цифры для всѣхъ мѣстностей государственныхъ крестьянъ ахтырскаго уѣзда и вообще всей харьковской губерніи. Вообще все имущество крестьянъ было такъ тщательно проревизовано, что не осталось, кажется, статьи дохода, подлежавшей обложенію. Какъ мы раньше замѣтили, не упущены были изъ виду даже пчелы, бывшія у крестьянъ во время этой ревизіи: въ ахтырскомъ обществѣ оказалось 27 человѣкъ, у которыхъ нашлось отъ двухъ до двадцати колодокъ пчелъ, хотя при мѣстной системѣ пчеловодства эта статья хозяйства наиболѣе случайна и скоро преходяща и свѣдущимъ по этому предмету людямъ хорошо извѣстно, что не только двѣ колодки, но десятки колодокъ нерѣдко погибаютъ за зиму сполна и послѣ этого пчелы обыкновенно заводятся снова, если только не истощается терпѣніе и любовь къ этому дѣлу того или другаго мелкаго пчеловода.

Какъ энергично обращался „отрядъ уравненія“ не только съ крестьянами, но, при случаѣ и съ лицами другихъ сословій, видно изъ одного требованія счетнаго чиновника „отряда“ въ формѣ предписанія волостному правленію: „также выслать ко мнѣ немедленно наслѣдниковъ, или тѣхъ лицъ, кто пользуется землей умершаго прапорщика Михаила Переходы“. Любознательные и строгіе чины „отряда“ задавали иногда волостнымъ чисто Суворовскіе вопросы: такъ, между прочимъ, потребованы были „въ найскорѣйшемъ времени свѣдѣнія о цѣнахъ на рожь, овесъ и сѣно за 14 лѣтъ, и непремѣнно за каждый мѣсяцъ всякаго года“. Это еще въ 1850 г. Волостныя правленія, конечно, также по-Суворовски и отвѣчали [1]).

[1]) Въ дѣлѣ о кадастрѣ по ахтырской волости имѣются слѣдующія числовыя данныя о промыслахъ и мастерствахъ крестьянъ по ахтырскому сельскому обществу, а такъ какъ ахтырское сельское общество составляло и составляетъ земледѣльческій городъ Ахтырку, то нижеслѣдующія цифры относятся собственно къ городу.

Библиотека "Руниверс"

Нѣкоторые изъ запросовъ и отвѣтовъ довольно загадочны и не лишены нѣкоторой доли комизма.

Въ 1851 году, т. е. уже на 3-й годъ кадастра, когда, какъ полагать надо, всѣ свѣдѣнія о земляхъ были собраны и упорядочены, ахтырское окружное правленіе шлетъ запросъ ахтырскому волостному правленію: „имѣется-ли у государственныхъ крестьянъ г. Ахтырки приговоръ о раздѣлѣ земель на души, а ежели таковые имѣются, то были-ли утверждены палатою и когда отъ оной возвращены"? Волостное правленіе отвѣчаетъ, что такой приговоръ былъ составленъ еще въ 1846 году, т. е. болѣе, чѣмъ за два года до начала кадастра (видно, сильное было административное давленіе на ахтырское общество въ смыслѣ всяческихъ „уравненій") и представленъ самому-же ахтырскому окружному начальнику для отсылки (въ палату) на утвержденіе, но приговоръ возвращаемъ обратно не былъ..., а получено только предписаніе начальства (какого, неизвѣстно), которымъ велѣно произвести въ ахтырскомъ обществѣ уравнительный раздѣлъ земли; но таковаго раздѣла до вывода чрезполосностей и до настоящаго времени не учинено". Отъ того-же ахтырскаго волостнаго правленія требовалась „вѣдомость о земляхъ, отведенныхъ нижнимъ чинамъ въ казенныхъ селеніяхъ". Отвѣтъ, какъ и слѣдовало ждать, былъ такой, что „нижніе чины не имѣютъ надѣльной отъ общества земли (и откуда было ее взять?), а владѣютъ, у кого есть, *родонаслѣдственной*".

Занимающихся мелочной торговлей — 25 душъ, живописнымъ мастерствомъ (маляровъ) — 7 душъ, столярнымъ — 8 душъ, серебряннымъ — 8 душъ, каретницкимъ — 2 души, кузнечнымъ — 7 душъ, кушнярскимъ (выдѣлкою кожъ) — 13 душъ, портняжнымъ (кравці) — 28 душъ, сапожнымъ (шевці) — 76 душъ, ткацкимъ — 6 душъ, шапошниковъ — 4 души, гончаровъ — 11 душъ, кирпичнымъ — 8 душъ, плотническимъ — 25 душъ, бондарствомъ — 23 души; хухранскаго сельскаго общества слободы Хухры: занимающихся чумачествомъ — 20 душъ, бондарнымъ ремесломъ — 3 души, сапожничествомъ — 2 души, кузнечною работою — 2 души; кириковскаго сельскаго общества: столярной работой — 3 души, плотничной — 1, кузнечной — 1, портняжной — 3 души, чумачествомъ — 16 душъ. Такимъ образомъ въ средѣ самаго крестьянскаго общества уже давно возникали разные ремесла и промыслы, хотя всѣ эти ремесленники по прежнему уже оставались въ крестьянскомъ обществѣ и не переходили въ городскія сословія мѣщанъ и цеховыхъ, можетъ быть, главнымъ образомъ, изъ-за боязни потерять свои земли.

Библиотека "Руниверс"

Но всего куріезнѣе слѣдующій приказъ чиновника отряда ахтырскому волостному правленію: „собрать сходъ изъ тѣхъ многоземельныхъ крестьянъ, которые объявили, что они не въ состояніи оплачивать поземельную подать, и поэтому уступаютъ часть своей земли въ пользу общества, а равно собрать и тѣхъ, которые изъявили желаніе принять отъ нихъ землю, дабы одни уступку, а другіе пріемъ земли подтвердили приговоромъ". И приговоръ былъ составленъ и представленъ; но „на рапортъ волостнаго правленія отъ 19 іюня 1852 г., ахтырскій окружной начальникъ 11 іюля 1852 г., возвращая въ ахтырское волостное правленіе неутвержденный имъ приговоръ о надѣленіи безземельныхъ крестьянъ 708 душъ землею, далъ знать для объявленія обществу, что безземельныхъ крестьянъ надѣлять землею нельзя, потому что коммисія не нашла у нихъ таковой (?!), и въ настоящее время кто имѣетъ землю, тотъ и долженъ такимъ количествомъ владѣть, не имѣющій-же земли и остается безземельнымъ; а чиновникъ отряда Черновъ хотя и надѣлялъ крестьянъ тѣхъ землею, но онъ дѣлалъ это самоуправно".

Тотъ-же ахтырскій окружной начальникъ объявилъ ахтырскому обществу statum quo ante bellum относительно платежныхъ обязанностей безземельныхъ крестьянъ, разъяснивъ, что по этому предмету все остается по прежнему, а именно прежній душевой окладъ въ 5 р. 8½ коп., къ которому, вѣроятно, присчитана теперь такъ называемая винная подать, не объяснилъ только, остался-ли этотъ окладъ въ 5 рублей 8½ копѣекъ на душу и для тѣхъ ремесленниковъ изъ крестьянъ, годовой чистый доходъ которыхъ кадастровый „отрядъ" опредѣлилъ отъ 3 до 5 рублей...

Только въ первой половинѣ 1852 года, какъ можно судить по дѣлу, окончились труды кадастра въ ахтырской волости, а слѣдовательно, нужно думать, и во всемъ уѣздѣ, если не по всей губерніи. Въ маѣ этого года членъ „отряда", въ присутствіи мѣстнаго окружнаго начальника, предъявилъ крестьянамъ оцѣнки и налоги на землю, промыслы, мірскія оброчныя статьи и лѣсной матеріалъ. Какъ и нужно было ожидать, „со стороны крестьянъ никакихъ возраженій не было".—Такъ послѣдовало переложеніе сборовъ съ душъ на земли и объявлено было государственнымъ крестьянамъ харьковской губерніи введеніе съ 1853 года „поземельной,

Библиотека "Руниверс"

лѣсной и промышленной подати, которую они будутъ платить взамѣнъ прежняго душеваго оклада". Остается прибавить: но не подушнаго, который остался въ своей прежней силѣ.

Послѣдовало-ли отъ того облегченіе крестьянамъ въ отбываніи повинностей и платежѣ налоговъ, или кадастръ только облегчилъ и обезпечилъ дѣйствія фиска,—это вопросъ для насъ второстепенный, такъ какъ мы коснулись кадастра лишь по связи его съ судьбою поземельнаго владѣнія въ харьковской губерніи. Прикрѣпилъ-ли кадастръ доходъ къ землѣ вмѣсто души, и на это отвѣчать затрудняемся, не имѣя существенныхъ матеріаловъ для отвѣта на вопросъ, какъ именно въ дѣйствительности разлагалась подать всѣхъ категорій внутри крестьянскихъ обществъ на отдѣльныхъ ихъ членовъ—до кадастра и послѣ его введенія? Относительно ахтырскаго крестьянскаго общества, въ которомъ земля была и осталась при прежнемъ участково-наслѣдственномъ порядкѣ во владѣніи огромнаго большинства крестьянъ, врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что кадастръ не внесъ ничего существенно новаго въ способъ внутренней раскладки налоговъ въ средѣ самаго общества. Въ другой старозаимочной дачѣ ахтырскаго уѣзда, слободы Котельвы, налоги съ крестьянскаго общества до времени кадастра платились съ душъ: всѣхъ денежныхъ сборовъ на душу выпадало безъ малаго около 6 рублей; при этомъ за абсолютно-бѣдныхъ, въ силу круговой поруки, платила остальная масса, но не по наличному количеству земли, или другаго имущества у каждаго домохозяина, а по равномѣрной раскладкѣ всего дефицита за бѣдныхъ на всѣхъ остальныхъ плательщиковъ; со времени-же кадастра, когда составлены были измѣрительныя таблицы, налогъ былъ перенесенъ съ души на землю, въ размѣрѣ приблизительно около рубля на десятину, и эта часть налога взыскивалась уже соразмѣрно землевладѣнію каждаго домохозяина, а остальная сумма налога по прежнему разлагалась на ревизскія души.

Въ заключеніе нашего изложенія о кадастрѣ замѣтимъ еще, что ко времени введенія его въ ахтырскомъ уѣздѣ прежде господствовавшій участково-наслѣдственный строй старозаимочнаго владѣнія удержался главнымъ образомъ только въ большихъ земельныхъ дачахъ, гдѣ была особенно сильна чрезполосица съ другими

Библиотека "Руниверс"

сословіями, напримѣръ въ дачахъ г. Ахтырки, слободы Котельвы, и, если вѣрны наши частныя свѣдѣнія, еще въ Боромлѣ и Краснополькѣ, большинство-же менѣе значительныхъ дачъ, также старозаимочнаго происхожденія, имѣли уже землю, подѣленную на души.

А. Л. Шимановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Допросъ Григорія Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы *).

Сынъ полтавскаго полковника, Григорій Павловичъ Герцыкъ, разсказавшій въ общихъ чертахъ свою біографію въ прилагаемомъ допросѣ, принадлежалъ къ числу самыхъ преданныхъ сторонниковъ Мазепы и Орлика; съ послѣднимъ при томъ его связывали родственныя отношенія, такъ какъ Орликъ женатъ былъ на его сестрѣ Аннѣ. Послѣ полтавской битвы, Герцыкъ находился въ числѣ той козацкой старшины, которая бѣжала вмѣстѣ съ Карломъ XII и Мазепою въ Бендеры. „По издохновеніи Мазепы“ (какъ выражаются допросные пункты), Герцыку поручено было сопровождать его тѣло для погребенія и, затѣмъ, послѣ избранія въ гетманы Орлика, онъ получилъ отъ послѣдняго титулъ генеральнаго ассаула. Послѣ заключенія прутскаго договора и удаленія Карла XII изъ турецкихъ предѣловъ, дѣло его сторонниковъ оказалось безвозвратно проигранымъ; вслѣдствіе этого козацкая старшина, находившаяся въ Бендерахъ, рѣшилась просить прощенія у русскаго правительства и возвратиться на родину. При посредничествѣ русскаго посланника въ Константинополѣ Шафирова, имъ разрѣшено было возвратиться; разрѣшеніемъ этимъ воспользовались въ 1715 году: бывшій прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко, генеральный писарь Иванъ Максимовичъ, генеральный обозный Ломиковскій и нѣкоторые другіе. Между тѣмъ Орликъ рѣшился отстаивать дальше

*) Списанъ съ подлинника, хранящагося въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. За сообщеніе этого столько-же любопытнаго, сколько и важнаго для исторіи документа, приносимъ глубокую благодарность многоуважаемому А. И. Барсукову, такъ много потрудившемуся въ разработкѣ отечественной исторіи и еще недавно подарившему публику капитальнымъ и роскошно изданнымъ трудомъ: «Родъ Шереметьевыхъ». — Ред.

Библиотека "Руниверс"

свою роль гетмана, покровительствуемаго Швеціею; въ томъ-же 1715 году онъ съ семействомъ и немногими, послѣдовавшими за нимъ малороссіянами, въ числѣ которыхъ находился и Герцыкъ, отправился въ Штокгольмъ. Исторію жалкаго пребыванія въ этомъ городѣ изгнанниковъ и безуспѣшныхъ ихъ происковъ передаетъ намъ въ отвѣтахъ на допросные пункты Григорій Герцыкъ. Очевидно изъ нихъ, что въ данный періодъ времени (1715—1720 г.) Орликъ самъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ своего дѣла и поддерживалъ сношенія съ запорожцами, ханомъ, польскими вельможами и т. п. для того только, чтобы не потерять въ глазахъ шведскаго правительства значенія важнаго политическаго дѣятеля и не лишиться пенсіи, которую бѣглецамъ выдавали весьма не охотно послѣ смерти Карла XII. Въ этомъ отношеніи очень характерно показаніе Герцыка о томъ, что Орликъ поручилъ ему, въ случаѣ отсутствія настоящей отвѣтной грамоты отъ запорожцевъ, доставить ему хотя-бы подложную; такую грамоту про всякій случай Орликъ самъ сочинилъ и поручилъ Герцыку, переписавъ и снабдивъ ее войсковою печатью, которую вручилъ ему съ этою цѣлью, выслать ему по почтѣ изъ Бреславля въ Штокгольмъ.

Въ исходѣ 1719 года, Герцыкъ отправленъ былъ Орликомъ въ Польшу съ порученіемъ передать отъ его имени корреспонденцію разнымъ польскимъ сенаторамъ, и затѣмъ попытаться войти въ сношенія съ запорожцами и ханомъ крымскимъ, къ которымъ грамоты онъ и вручилъ посланному. Но въ Варшавѣ Герцыкъ отказался отъ путешествія въ Запорожье, подъ предлогомъ болѣзни, и туда посланъ былъ съ грамотою Орлика бывшій слуга Мазепы, Ѳедоръ Нахимовскій. Грамота къ запорожцамъ (отъ 8 декабря 1719 года) дошла до насъ — она напечатана въ приложеніяхъ къ „Исторіи Малороссіи“, Маркевича [1]); въ ней Орликъ побуждаетъ запорожцевъ къ войнѣ съ Россіею и обнадеживаетъ ихъ помощью Швеціи, заключившей будто-бы союзъ противъ Россіи со всѣми европейскими державами. Увѣряя запорожцевъ въ своей преданности родинѣ, Орликъ заключаетъ посланіе слѣдующими словами: „посылаю передъ собою передомъ пвагра моего, асаула генеральнаго, пана Григорія Герцыка съ симъ моимъ листомъ, и изустно

[1]) См. томъ IV, стр. 350—354.

Библиотека "Руниверс"

обширнѣйшимъ предложеніемъ и донесеніемъ, черезъ котораго такожъ пишу до хана его милости листъ".

Пока Нахимовскій везъ это письмо въ Алешки, надъ Герцыкомъ въ Варшавѣ разразилась бѣда: по требованію русскаго посланника, князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, онъ былъ арестованъ и выданъ русскимъ властямъ; его препроводили въ Петербургъ и заточили въ крѣпость, гдѣ и снятъ былъ прилагаемый допросъ. Въ послѣдствіи Герцыкъ переведенъ былъ въ тюрьму въ адмиралтейство и только въ 1728 году его съ женою и дѣтьми отпустили на жительство въ Москву; послѣднее извѣстіе о его участи, извлеченное Бантышъ-Каменскимъ изъ архива коллегіи малороссійскихъ дѣлъ, относится къ 1732 году; онъ жилъ тогда въ Москвѣ въ крайней нищетѣ и хлопоталъ о выдачѣ ему средствъ для погребенія жены [1]).

Отвѣты на допросные пункты составлены Герцыкомъ очень сдержанно; разсказывая весьма подробно о жизни малороссійскихъ бѣглецовъ за границею, онъ старается смягчить по мѣрѣ возможности все то, что относится къ его личной отвѣтственности и при томъ избѣгаетъ весьма тщательно какихъ либо указаній на сношенія съ лицами, жившими въ Малороссіи.

Въ числѣ его показаній есть одна подробность, противурѣчащая мнѣнію установившемуся попынѣ. Въ 5-мъ пунктѣ отвѣтовъ онъ говоритъ, что посланъ былъ Орликомъ „въ волоскую землю въ мѣстечко Галицію (очевидно Галацъ) къ митрополиту тамошнему съ Мазепинымъ трупомъ, которымъ митрополитомъ тотъ трупъ тамъ похороненъ". Между тѣмъ Бантышъ-Каменскій описалъ весьма подробно смерть и похороны Мазепы, заимствовавъ это описаніе изъ исторіи Энгеля и изъ записокъ Ник. Ник. Бантышъ-Каменскаго [2]). Въ описаніи этомъ онъ категорически утверждаетъ, что „тѣло Мазепы предано землѣ въ Варницѣ близъ Бендеръ". Этотъ разсказъ Бантыша находитъ подтвержденіе и въ мѣстномъ преданіи; понынѣ проводники указываютъ путешественникамъ въ Варницѣ полуосыпавшійся курганъ на возвышенномъ берегу Днѣстра, какъ мѣсто погребенія Мазепы [3]). Мнѣніе это на столько общепринято, что

[1]) Бантышъ-Каменскій. «Исторія Малой Россіи», томъ III, примѣчаніе 187.
[2]) «Исторія Малой Россіи», т. III, стр. 124.
[3]) Аоанасьевъ-Чужбинскій. «Поѣздка въ южную Русь», томъ II, стр. 388.

Библиотека "Руниверс"

только свидѣтельство лица, провожавшаго тѣло покойника, въ состояніи поколебать его; впрочемъ окончательно недоумѣніе это можетъ быть рѣшено съ одной стороны открытіемъ надгробной надписи или метрической записи о похоронахъ Мазепы въ одной изъ галацкихъ церквей, а съ другой—раскопкою указываемаго у Варницы кургана.

1721 года марта 15 въ день въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ рѣшено привезеннаго изъ Польши измѣнника Герцика распросить по нижеписаннымъ пунктамъ: и въ публичномъ апартаментѣ передъ полковникомъ и отъ гвардіи капитаномъ Петромъ Ивановичемъ Вельяминовымъ-Зерновымъ и передъ ассесоры тотъ привезенной изъ Польши измѣнникъ Герцикъ противъ пунктовъ распрашиванъ,

А въ распросѣ сказалъ:

1.

Какой онъ націи, и гдѣ родился, и въ которой вѣрѣ?

Григорьемъ зовутъ, Павловъ сынъ, прозваніемъ Герцикъ, вѣры благочестивой, дѣдъ его Семенъ, какъ онъ слыхалъ, пришолъ на Украйну изъ Литвы; а отецъ ево Павелъ и онъ Григорей родились въ Малой Россіи въ Полтавѣ, и былъ отецъ ево полтавскимъ полковникомъ передъ полковникомъ Искрою, и тому лѣтъ съ двадцать отецъ его умеръ; а послѣ отца ево осталось дѣтей: онъ Григорей да еще два брата Иванъ да Афонасей, да двѣ сестры Марья да Анна, и Марья выдана въ Переяславлѣ за попова сына Владиміра Максимовича, а Анна за измѣнникомъ Орликомъ. Онъ, Григорей, съ братьями своими по смерти отца жили всѣ въ маетностяхъ своихъ и уряду никакова не имѣли, въ наукѣ латинской онъ Григорей былъ въ Кіевѣ только одинъ годъ, и мало что того языка изучился.

2.

О Мазепиной измѣнѣ прежде его преступленія къ королю шведскому свѣдомъ-ли онъ былъ, ибо, чаятъ, ему, отъ Орлика яко отъ зятя, о томъ сказывано?

О Мазепиной измѣнѣ прежде его преступленія къ королю шведскому онъ не вѣдалъ, и отъ зятя своего Орлика и ни отъ кого о томъ

Библиотека "Руниверс"

никогда не слыхалъ, и въ томъ походѣ съ Мазепою, когда онъ измѣна перешолъ къ шведскому королю, онъ Герцикъ не былъ, а былъ въ Полтавѣ въ домѣ своемъ.

3.

Какъ онъ и для чего за Мазепою пошелъ и его царскому величеству измѣнилъ?

За Мазепою онъ пошелъ и его царскому величеству измѣнилъ такимъ случаемъ: какъ пріѣхалъ отъ Мазепы изъ Батурина въ Полтаву полковникъ ихъ Левенецъ и ничего онъ о Мазепиной измѣнѣ не объявилъ; но послѣ того, спустя съ недѣлю, пріѣхалъ полковой сотникъ Василій Зеленейскій и, ѣдучи дорогою и пріѣхавъ въ Полтаву, объявлялъ всѣмъ, что Мазепа измѣня пошелъ къ шведу, и по такой вѣдомости собирались мужики въ городъ и старшину били и грабили, и отъ того купцы и знатные люди выбѣгали изъ города вонъ въ иные мѣста. въ то время и онъ Григорій, оставя жену и дѣтей своихъ съ братомъ своимъ Иваномъ, поѣхали за Днѣпръ, въ Корсунь, гдѣ они имѣли дворъ свой и маетности; а третій меньшой ихъ братъ былъ тогда при Орликѣ для науки, и какъ они пріѣхали въ Чигиринъ, и стоявшей тамо съ войски генеральной есаулъ Гамалей, и корсунской полковникъ Кандыба, которые въ томъ городѣ, по опредѣленію отъ Мазепы, держали насъ, ихъ Герцика съ братомъ одержали и въ Корсунь ѣхать не допустили и иныхъ малороссійскихъ жителей, которые изъ-за Днѣпра поуходили и тамо задерживали-жъ, и въ тотъ-же день пріѣхалъ туда и чигиринской полковникъ Мокѣевскій, и на другой день его Григорья и брата его Ивана и другихъ, кто въ то время съ сей стороны Днѣпра уходили и тамо одержаны, взяли и отвезли паки на сю сторону, и незнатныхъ роспустили, кто куда хотѣлъ, только-бъ за Днѣпръ не переходили, а ево Григорья съ братомъ и прилукскаго полковника Горленка дѣтей и иныхъ знатныхъ козаковъ привезли въ Лубны, а изъ Лубенъ въ Роменъ, гдѣ тогда Мазепа уже былъ.

Библиотека "Руниверс"

4.

Въ бытность при Мазепѣ въ какихъ дѣлехъ онъ употребленъ былъ, и не вѣдаетъ-ли онъ, не имѣлъ-ли съ кѣмъ на Украйнѣ Мазепа корреспонденцію?

Какъ онъ въ Ромнахъ передъ Мазепу былъ представленъ и онъ спрашивалъ на немъ денегъ 400 руб., которые падлежали ему платить за аренду, и платить было ему нечемъ, и сталъ быть при обозѣ его, у присяги и у дѣлъ тогда, при животѣ Мазепы, онъ Герцикъ не былъ: а ѣздилъ при обозѣ безъ караулу и покупля вино, велѣлъ людемъ своимъ шинковать и тѣмъ кормился, и къ зятю своему Орлику и къ сестрѣ онъ хаживалъ, а имѣлъ-ли тогда Мазепа на Украйнѣ съ кѣмъ корреспонденцію, того онъ Герцикъ не вѣдаетъ, а когда король шведской посылалъ изъ Ромна обрѣтающагося при немъ резидента отъ Сапеги, Лимента къ Станиславу Лещинскому въ Польшу съ листами, съ которымъ Лиментомъ и Мазепа къ нему Лещинскому писалъ; а что король швецкой и Мазепа въ листахъ своихъ писали, того онъ не вѣдаетъ, и тотъ Лиментъ, не доѣхавъ до Днѣпра, паки возвратился къ королю шведскому, имѣя опасность отъ россійскихъ пословъ, а отъ Мазепы до полтавской баталіи и по баталіи уйтить и въ сторону царскаго величества придти онъ Герцикъ не смѣлъ, а держался при немъ, смотря на другихъ измѣнниковъ.

5.

По издохновеніи Мазепиномъ все-ль онъ былъ при Орлику и былъ-ли при королѣ шведскомъ, и не посыланъ-ли ко двору турскому или къ Хану для побужденія противъ его царскаго величества?

По издохновеніи Мазепиномъ жилъ онъ Герцикъ у Войнеровскаго за слугу, а не при Орликѣ, и живучи при Войнеровскомъ посыланъ былъ отъ него съ двѣмя ево челядниками и съ однимъ волохомъ въ волоскую землю, въ мѣстечко Галицію, къ митрополиту тамошнему съ Мазепинымъ трупомъ, которымъ митрополитомъ тотъ трупъ тамо похраненъ, а какъ оттуды возвратился, и Орлика нарѣкли они, измѣнники, своимъ гетманомъ, и послѣ того нѣсколько времени спустя призывалъ его Орликъ къ себѣ, говоря, что ему то непріятно, что онъ, яко его

Библиотека "Руниверс"

свойственникъ, у Войнеровскаго служитъ, а Войнеровской ево отъ себя не опускалъ, и по прошенію Орликову шведской король присылалъ къ нему Войнеровскому комисара своего Золтана и ево Герцика у Войнеровскаго взявъ отдали Орлику, и былъ онъ при немъ Орликѣ, и отъ него Орлика посланъ полтавскаго полку съ обознымъ Дорошемъ на Кубань къ измѣннику Некрасову съ листомъ объявительнымъ, что онъ Орликъ учиненъ гетманомъ, а иного никакого письменнаго и словеснаго съ ними дѣла не было, и Некрасовъ съ ними отправилъ къ Бендерю, кубанскому султану Бахты-Гирею, сына своего и Бахты-Гирей присылалъ къ Орлику того Некрасова сына съ словеснымъ на гетманствѣ поздравленіемъ. Потомъ по акціи при Прутѣ посланъ онъ былъ къ запорожцамъ и отвозилъ къ нимъ отъ короля шведскаго денегъ девять кесъ, всякой кесъ сочиняетъ 500 левковъ, а письма къ нимъ запорожцамъ были отъ Орлика; а прибывъ туда, посланъ былъ полковникъ Горленко, судья генеральный Долгополой, писарь Максимовичъ, и онъ Герцикъ съ листами отъ Орлика къ везирю, и тогда написалъ его Герцика Орликъ асауломъ генеральнымъ. Прося порты Орликъ себѣ и войску протекціи, такожъ и денегъ и провіанта, о которой посылкѣ говорилъ Орлику крымской ханъ, что надобно ему къ Портѣ своихъ нарочныхъ; а посылая ихъ Орликъ, далъ три инструкціи: одну показавъ королю шведскому, похлебствуя ему, другую публичную, въ которой было написано, что просить у Порты протекціи, денегъ и провіанта, и домогаться во владѣніе себѣ той бочной стороны Днѣпра, притомъ хотя онъ аккуратно сказать не упомнитъ, однакожъ помнится ему, что было такожде приказано отъ стороны Орликовой обѣщанія чинить, показывать свои Портѣ службы и быть въ вѣрности, когда они тотъ край отдадутъ; а третья инструкція, о которой онъ Герцикъ и полковникъ Горленко не вѣдали, дана была тайно одному писарю Максимовичу, а что въ ней написано, не знаетъ, а признали они Герцикъ и Горленко о той тайной инструкціи по возвращеніи изъ Царяграда, что стало у Орлика съ нимъ, писаремъ Максимовичемъ, несогласіе въ томъ, что Максимовичъ, уединяся отъ нихъ Герцика и Горленка и Долгополова, ходилъ къ резиденту шведскому Фуку, и знатно о той тайной инструкціи ему объявилъ, въ которой писано было въ противность шведскому королю, о чемъ король отъ резидента своего чрезъ письма увѣ-

Библиотека "Руниверс"

домясь, былъ на Орлика сердитъ и за то обѣщанныхъ ему 20000 ефимковъ не далъ, а будучи они у Порты въ Константинополѣ, получили Орлику 3 кесы; на войско 8 кесъ, которые деньги посланы были отъ визиря не съ ними, но съ Агою, да имъ-же велѣно дать нѣсколько провіанта, собравъ съ волоховъ и съ татаръ, и съ тѣмъ Агою къ Орлику посланъ былъ листъ, съ котораго листа Горленко и Максимовичъ получили копію, еще будучи при дворѣ Порты, и переводилъ имъ тотъ листъ одинъ грекъ на латинской языкъ; а ему Герцику о томъ тайно было не сказано, знатно, что они ево опасались, чтобъ по свойству къ Орлику не писалъ, и сами боялись, чтобъ ихъ тамо не задержали, и какъ Ага съ тѣмъ листомъ пріѣхалъ къ Орлику и о томъ листу онъ Герцикъ увѣдомился, что въ ономъ было написано, что Порта опредѣлила ему Орлику быть подъ протекціею и подъ правленіемъ хана крымскаго, и для увѣренія-бъ онъ Орликъ далъ къ нему хану сына своего въ аманаты, и онъ Орликъ выразумѣвъ отъ Порты такое опредѣленіе, учинить того не похотѣлъ, однако-жъ деньги и провіантъ онъ Орликъ получилъ, а такого имъ полковнику Горленку съ товарищи отъ Орлика приказу, чтобъ Порту побуждать противъ царскаго величества, не было и въ инструкціи ихъ не написано, а въ той инструкціи Максимовичу что было писано, про то онъ не вѣдаетъ; а къ хану крымскому онъ никогда не посылалъ, а братъ ево Иванъ жилъ при немъ, Григорьѣ Герцикѣ, безъ всякаго уряду и кормился работою своею, дѣлалъ шоры и лядунки, а меньшаго брата Афонасья онъ Орликъ изъ службы своей отпустилъ и служитъ онъ въ Швеціи у полковника, родомъ поляка, Росохацкаго.

6.

Съ Орликомъ не корреспондовалъ-ли кто изъ малороссійскаго народу?

Съ Орликомъ изъ малороссійскаго народа кто корреспондовалъ ли или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ, только онъ вѣдаетъ, что передъ полтавскою баталіею въ Будищахъ писаны были универсалы въ миргородскій полкъ къ сотникамъ, чтобъ они полковника своего Даніла Апостола скинули съ полковничества, и слышалъ онъ, что съ тѣми листами никто въ тотъ полкъ ѣхать не отважился.

Библиотека "Руниверс"

7.

Какъ онъ въ Швецію за королемъ поѣхалъ, и кто (sic) *съ ними осѣхъ малороссіянъ туды въ Швецію переѣхало?*

Какъ король шведской изъ турецкой области поѣхалъ въ Швецію и за нимъ королемъ переѣхало туды-жъ малороссіянъ: Орликъ съ женою и съ тремя сыновьями: Григорей, которой нынѣ 24 лѣтъ, Михайло нынѣ 10 лѣтъ, Яковъ, рожденный въ Бендерѣ, у котораго воспріемникомъ былъ король, дочери: Настасья нынѣ 25 лѣтъ, Марфа рожденная въ Бендере-жъ, да судья Долгополой, которой умеръ въ Стокгольмѣ, Ѳедоръ Третьякъ, дозорца переволочинской, Ѳедоръ Мировичъ, переяславскаго полковника сынъ, Ѳедоръ Нахимовскій, Мазепинской слуга, да онъ Герцикъ съ двумя братьями. Ѣхали они чрезъ венгерскую землю на Вѣну, а съ Вѣны въ Стралзунтъ, и передъ взятіемъ Стралзунта жили въ немъ и на Ругенѣ лѣто, гдѣ у Орлика еще родилась дочь Марья, а оттуда переѣхали въ Сканію и дана имъ была квартира въ Христіянштатѣ, потомъ онъ Герцикъ взятъ на работу въ Кроль-скронъ, а Войнеровской изъ турецкой области выѣхалъ тогда-жъ и и остался въ Вѣнѣ, и онъ ево послѣ того не видалъ.

8.

Изъ Швеціи къ кому Орликъ писывалъ, и не имѣлъ-ли съ кѣмъ онъ Орликъ, тако-жъ и онъ Герцикъ и другіе корреспонденціи съ малороссіянами?

Орликъ еще изъ Бендеря посылалъ къ гетману Синявскому и отъ него Синявскаго письма получалъ, онъ-же тогда посылалъ къ гетману Ревутскому да къ Конецпольскому, а въ чемъ та корреспонденція ихъ состояла, того онъ не вѣдалъ, а вѣдалъ про тое ихъ корреспонденцію писарь Максимовичъ; изъ Стралзунта писалъ онъ Орликъ къ Ревуцкому-жъ, а Ревуцкой къ нему писалъ уже въ Швецію, какъ онъ Орликъ былъ въ Христіянштатѣ, которое письмо онъ Герцикъ у Орлика при отъѣздѣ изъ Стокгольма видѣлъ, въ которомъ написано, чтобъ Орликъ ево Ревуцкаго увѣдомилъ, гдѣ онъ живетъ; а къ малороссіянамъ онъ Орликъ изъ Швеціи и малороссіяне къ нему, тако-жъ и онъ Герцикъ и другіе измѣнники оттуды съ малороссіяны корреспонденціи не имѣли.

Библиотека "Руниверс"

9.

Какъ онъ отправленъ, и къ кому изъ Швеціи, и что отъ короля было наказано, или отъ Орлика и къ кому какія съ нимъ письма были?

По смерти короля шведскаго, изъ Карлсъ-Крона пріѣхалъ онъ въ Стокгольмъ ради требованія задѣльныхъ своихъ изъ адмиралтейства денегъ и по нѣскольку времени пріѣхалъ изъ Христіянштата въ Стокгольмъ и Орликъ, и онъ Герцикъ съ нимъ тутъ видѣлся, и Орликъ изъ Стокгольма отъѣзжалъ паки въ Христіянштатъ, и по нѣскольку времени пріѣхалъ въ Стокгольмъ, а именно въ осень 1719 года, и въ то время позванъ онъ Герцикъ къ герцогу Гессенъ-Касельскому, чрезъ оберъ-коммисара Залтана, и говорилъ ему онъ, герцогъ Гессенъ-Кассельскій, чрезъ того оберъ-коммисара, что какъ умершій король шведской взялъ Орлика и ихъ подъ свою протекцію и обѣщалъ при миротвореніи съ царскимъ величествомъ старатися у его царскаго величества о отпущеніи ихъ вины, въ томъ и онъ ихъ обнадеживаетъ; а понеже Орликъ имѣетъ и показывалъ ему листы изъ Дрездена, писанные отъ бискупа Куявскаго и отъ Ревуцкаго и отъ канцлера князя Вишневецкаго, которые писали указомъ короля польскаго, обѣщая ему Орлику протекцію королевскую, и что дано будетъ ему мѣсто для его прокормленія и чтобъ Орликъ пріѣхалъ въ Бреславль, а оттуды писалъ-бы къ нимъ въ Дрезденъ, объявя о своемъ пріѣздѣ, и дабы для увѣренія того ѣхалъ напередъ въ Польшу, онъ Герцикъ, взявъ къ польскимъ сенаторамъ отъ Орлика письма и пріѣхавъ въ Польшу, отдалъ тѣ письма генералу Понятовскому, которой имѣетъ сенаторамъ отдать; а ему Понятовскому отъ него, герцога Гессенъ-Кассельскаго, приказано о томъ стараться; а онъ Понятовской, бывъ въ Стокгольмѣ и отъѣхавъ въ Польшу передъ его отъѣздомъ мѣсяца за два, взялъ съ собою малороссіянъ Нахимовскаго и Мировича, и былъ-бы онъ Герцикъ въ Польшѣ и навѣдався о томъ, писалъ къ Орлику, какая ему въ той протекціи надежда будетъ, и что ему Орлику и всѣмъ ихъ измѣнникамъ лутчее будетъ, когда объ нихъ отъ двухъ коронъ, шведской и польской, къ царскому величеству стараніе будетъ, и съ тѣмъ-же оберъ-коммисаромъ Зултаномъ послалъ ево къ Орлику, и Орликъ писалъ письма къ бн-

Библиотека "Руниверс"

скому Куявскому, къ гетману Ревуцкому, къ Вишневецкому да еще къ генералу Флемингу, къ Конецпольскому, Клямеру, къ Понятовскому, которые всѣ, запечатавъ въ одинъ пакетъ, надписалъ на имя Понятовскаго, а онъ Герцикъ ходилъ на свою квартиру для убиранія въ дорогу, и того-жъ дня паки къ Орлику онъ пришолъ съ полякомъ Рубановичемъ, съ которымъ онъ имѣлъ въ Польшу ѣхать, и Орликъ при томъ Рубановичѣ читалъ имъ листы, присланные изъ Дрездена отъ Куявскаго, Вишневецкаго и Ревуцкаго, писанные о вышеписанной матеріи, и при томъ Орликъ говорилъ, что понеже онъ, не имѣя въ Швеціи никакова довольства, оскудалъ и обнищалъ, а изъ Польши сенаторы обѣщаютъ ему протекцію и мѣсто дать къ пропитанію, и можетъ быть что ему, Орлику, въ Польшѣ лучше будетъ, того-бъ ради ѣхалъ онъ Герцикъ съ письмами ево туда и навѣдався тамъ увѣдомилъ ево вѣрно, что ему Понятовскій на письма ево скажетъ; а писемъ, которые онъ писалъ ему, не читалъ, а сказывалъ на словахъ, что писалъ къ оныхъ, прося сенаторей о рекомендаціи ево Орлика къ королю, а на словахъ ему Герцику приказывалъ Орликъ Лямеру напомнить прежнее ево Орликово желаніе, когда еще онъ, Орликъ, будучи при Бендерѣ, видѣлся съ нимъ, Лямеромъ (когда онъ былъ при ханѣ крымскомъ посланцомъ), что ежели король польской приметъ ево Орлика подъ свою протекцію и дастъ ему гдѣ мѣсто, чтобъ быть ему подъ одною ево королевскою протекціею, а не у Рѣчи Посполитой, при томъ-же далъ ему Герцику Орликъ печать запорожскую и письмо написанное ево Орликовою рукою, будто отъ запорожцовъ къ нему, что они ево Орлика зовутъ къ себѣ въ войско, и приказывалъ ему, Герцику, сыскать въ Бреславлѣ нѣкотораго малороссіянина Костю, которой у Войнеровскаго живалъ и велѣть ему то письмо переписать и данною печатью запечатавъ, къ себѣ чрезъ почту прислать для показанія въ Швеціи въ королевской канцеляріи, чтобъ ему чрезъ то къ полученію себѣ изъ казны королевской денегъ и къ отправленію ево оттуда лучшей способъ получить. Да съ нимъ-же Герцикомъ послалъ онъ Орликъ письмо къ хану крымскому благодарственное за содержаніе запорожцевъ, другое письмо къ запорожцамъ, съ котораго въ письмахъ ево есть копія, и съ тѣмъ ево и отправилъ, и выѣхалъ онъ Герцикъ изъ Стокгольма съ Рубановичемъ, не взявъ никакова проѣзжева листа; и отъ Стокгольма поѣхали до Малмы сухимъ

Библиотека "Руниверс"

путемъ, а отъ Малмы до Копенгагена моремъ и въ Копенгагенъ прибыли прошлаго 1720 году на Богоявленьевъ день; изъ Копенгагена ѣхали черезъ Гамбургъ, Берлинъ, Бреславль въ Варшаву, а на дорогу отъ герцога Гессенъ-Касельскаго и Орлика ничего ему не дано, а везъ ево Рубановичъ на своемъ коштѣ.

10.

Что имъ въ Швеціи давалось жалованья, какъ Орлику, такъ и имъ?

Въ Швеціи давано жалованья при умершемъ королѣ Орлику и всѣмъ при немъ будучимъ измѣнникахъ по тринадцати тысячей курантъ талярей шведской монеты на годъ, и давано по четвертямъ года; изъ того давалъ онъ, Орликъ, имъ неравно по своему усмотрѣнію, а ему, Герцику, давано изъ тѣхъ денегъ по 24 талера тамошнихъ, а по смерти короля до отъѣзду его Герцикова ему Орлику и другимъ ничего не дано.

11.

Будучи въ Польшѣ, что дѣлалъ и къ кому имѣлъ листы, и отдалъ-ли оныя и не побуждалъ-ли изъ поляковъ кого къ противности его царскому величеству, и что отъ поляковъ кого слышалъ и писалъ до Орлика, и кто тутъ Орлику и ему Герцику былъ пріятелемъ и съ нимъ корреспондовалъ, и у кого онъ имѣлъ протекцію и вспоможенія, такожъ изъ саксонцовъ министровъ съ кѣмъ знаемости не имѣлъ-ли, и чрезъ нихъ и чрезъ другаго кого къ королю какихъ предложеній не чинилъ-ли, и отъ оного въ отвѣтъ что получилъ-ли, или какого съ королевской стороны ему предложенія не было?

Пріѣхавъ въ Варшаву стали на дворъ генерала Понятовскаго, и явясь ему, отдали пакетъ съ письмами, посланный отъ Орлика, и притомъ Рубановичъ его, Понятовскаго, спрашивалъ, что учинилъ-ли онъ что для Орлика, и Понятовскій отвѣтствовалъ, что еще ничего не сдѣлано, и всѣ письма, кромѣ двухъ—Лямера и Конецпольскаго, они, Понятовскій и Рубановичъ, сенаторамъ роздали, понеже въ то время король и они, сенаторы, при немъ были въ Варшавѣ; а Лямера въ Варшавѣ въ то время не было, а Конецпольскій по пріѣзду ихъ умеръ, и приказали ему писать при себѣ къ Орлику отвѣтъ, диктуя тако, что при принятіи тѣхъ писемъ Орликовыхъ всѣ тѣ сенаторы сожалѣли Орлика, что онъ при дворѣ короля шведскаго съ женою и дѣтьми пропадаетъ, а можетъ такой умной человѣкъ у всякаго монарха при дворѣ годиться и имѣть мѣсто, при шведѣ-же и другіе, которые были,

Библиотека "Руниверс"

поляки Лещинскій, Сапѣга и иные пропали, и обѣщаются они, сенаторы, за него Орлика просить, чтобъ ево принялъ въ свою протекцію и мѣсто для пропитанія далъ, и когда-бы ево Орлика изъ Швеціи выслали, чтобъ онъ ѣхалъ въ Польшу въ мѣстечко Вилюнъ, которое отъ Штетина миль въ двѣнадцати принадлежитъ Сапегѣ, старостѣ бобруйскому, и жилъ-бы тамъ, покамѣсть король ему мѣсто назначитъ, подъ такою кондиціею, что не имѣть ему никакого характера, но яко простой шляхтичъ; о чемъ-де они сенаторы и Сапегу просили, чтобъ ево въ ту свою маетность принялъ, и когда онъ такое письмо написалъ и запечатавъ отдалъ Понятовскому для отсылки къ Орлику, и онъ то письмо къ Орлику послалъ чрезъ почту, и отъ себя о томъ-же они, Понятовской и Рубановичъ, писали; потомъ Понятовскій и Рубановичъ взяли у него Орликовъ листъ къ хану крымскому, который писанъ былъ по-польски и за отворчатою печатью, и казали Флемингу, спрашивали, какъ тотъ листъ отправить, и Флемингъ сперва того листа посылать не велѣлъ, потомъ, спустя недѣли четыре, онъ Флемингъ самъ тотъ листъ спросилъ и велѣлъ перевесть по латинѣ и, выразумѣвъ изъ онаго, велѣлъ тотъ къ хану листъ и другой къ запорожцомъ послать съ нимъ Герцикомъ, что ему Понятовскій объявилъ, и на дорогу давалъ сорокъ червонныхъ, но онъ не поѣхалъ, а отговорился своею болѣзнію, что онъ верхомъ ѣздить не можетъ; для того сысканъ въ Польшѣ вышереченной Нахимовскій, которой изъ Швеціи выѣхалъ съ Понятовскимъ и жилъ въ Лещинѣ, и посланъ съ оными листами, а окромѣ тѣхъ листовъ къ хану и къ запорожцамъ ни отъ Флеминга, ни отъ другихъ польскихъ сенаторей, ни отъ него Герцика, ни отъ другихъ изъ Варшавы не послано, только Мировичъ въ дорогѣ изъ мѣстечка Вишневецъ князя Вишневецкаго, въ которомъ онъ Мировичъ жилъ, писалъ съ нимъ Нахимовскимъ къ Кошевому о выѣздѣ своемъ въ Польшу, и когда ему случится, то онъ и къ нимъ (какъ ему о семъ Нахимовскій сказывалъ) на Запорожье будетъ, и послѣ того получилъ онъ отъ Орлика на свое письмо отвѣтъ, въ которомъ онъ ему благодарствовалъ за увѣдомленіе, и чтобъ онъ и впредь ево, когда получитъ еще о дѣлѣ ево подлинное извѣстіе, писалъ, и тожъ другое отъ него Орлика письмо получилъ, въ которомъ онъ къ нему писалъ, что когда онъ самъ въ Польшу прибудетъ, то лучше дѣло свое испра-

Библиотека "Руниверс"

витъ, и къ нему Орлику на первое письмо отвѣтствовалъ онъ Герцикъ, и при томъ объявилъ, что къ хану и запорожцамъ письма отправлены съ Нахимовскимъ, а онъ, Герцикъ, не поѣхалъ за болѣзнію; а, по принятіи другова письма, къ нему Орлику писалъ только, что онъ имѣлъ ѣхать съ Рубановичемъ въ Литву, и когда король хотѣлъ выѣзжать изъ Польши въ Саксонію и Понятовскій за нимъ-же, а Рубановичъ до отъѣзду ихъ поѣхалъ въ свою маетность въ Литву, а ему, Герцику, въ Варшавѣ остаться было не при комъ, то онъ Герцикъ отъѣхалъ съ Рубановичемъ въ маетность его Холуецъ, недалеко отъ Свисловичъ, и былъ тамо и въ Вильнѣ недѣль съ десять, и въ Вильнѣ получили Рубановичъ и онъ отъ Орлика письма, и въ томъ письмѣ Орликъ нарекалъ на него, Герцика, что онъ съ письмами самъ къ хану и къ запорожцамъ не поѣхалъ; и потомъ пріѣхали они оба паки въ Варшаву, и стали съ Рубановичемъ на одномъ дворѣ, гдѣ еще отъ Орлика получилъ четвертое письмо, въ которомъ написано, что онъ имѣетъ выправить отъ себя съ письмами къ сераскеру хотинскому брата ево Ивана и заѣхать къ нему приказалъ, и чтобъ онъ самъ съ нимъ съ тѣми письмами ево въ Хотинъ поѣхалъ; при томъ-же объявилъ, что король шведской и сенатъ отправляетъ на бранивицкой конгрессъ министровъ для трактованія о мирѣ и наказано имъ министрамъ за нихъ старатся, чтобъ въ трактатѣхъ было включено о ихъ прощеніи, и о томъ-же писалъ онъ Орликъ къ Понятовскому и къ Рубановичу, и на тѣ письма отвѣтствовали они всѣ трое къ нему Орлику, чтобъ онъ, оставя Швецію, ѣхалъ къ королю англійскому, для того, что есть у двора польскаго вѣдомость, что король англійской имѣетъ намѣреніе, оставя ихъ шведовъ, искать прежней дружбы съ царскимъ величествомъ, и тако тотъ монархъ лутче можетъ ему Орлику прощеніе у царскаго величества исходатайствовать, и чтобъ онъ Орликъ не имѣлъ болѣе кореспонденцій ни съ турки, ни съ татары, и къ запорожцамъ не писалъ, для того, что и король польской тако-жъ-де хочетъ къ нему таковую милость показать, что объ немъ прощеніе у царскаго величества испросить, а о дѣлехъ ево и о корреспонденціяхъ вѣдать не желаетъ; по семъ писалъ Орликъ къ Рубановичу и къ Нахимовскому, объявляя, чтобъ тотъ Нахимовской ожидалъ въ Варшавѣ ево экспедиціи, съ которою онъ имѣетъ паки поѣхать до Сѣчи запорожской; и вычитавъ то

Библиотека "Руниверс"

письмо, Рубановичъ и Понятовской велѣли ему съ сочиненнаго ими письма въ отвѣтъ къ Орлику писать, что они Нахимовскаго до присылки ево экспедиціи въ Варшавѣ удержатъ. А въ Польшѣ сейму не было, а была только сессія. Мировичъ просилъ министровъ польскихъ, чтобъ за него заступали у посла царскаго величества, и испросили ему прощеніе, но министры польскіе до того ево не допустили, и давъ ему Понятовской листъ, отправилъ въ Крымъ и писалъ, чтобъ ему дано было тамо пропитаніе; при томъ-же написалъ онъ Герцикъ отъ воеводы кіевскаго Потоцкаго ему Орлику комплементъ, и чтобъ писалъ онъ Орликъ объ немъ Герцикѣ до Рубановича, чтобъ ево Герцика болѣе у себя не держалъ и отпустилъ-бы къ нему, воеводѣ кіевскому, для работы въ маетностяхъ ево, и того письма отослать онъ не успѣлъ; будучи онъ въ Варшавѣ и въ другихъ польскихъ мѣстахъ, ни у кого изъ сенаторей польскихъ (кромѣ одного воеводы кіевскаго), также и у саксонскихъ министровъ самъ не бывалъ и знаемости не имѣлъ и ничего съ ними, къ противности его царскаго величества, не говаривалъ, и письменно не корреспондовалъ, и никакой отъ поляковъ и саксонцовъ противности не слыхалъ, и кто изъ тѣхъ вышеписанныхъ министровъ, къ которымъ отъ Орлика письма были, къ нему Орлику пріятнѣе, то-жъ онъ не вѣдаетъ, и самъ онъ никого изъ поляковъ къ противности царскаго величества не возбуждалъ и королю никакихъ предложеній не чинилъ, и отъ короля ему такожъ никакихъ указовъ не было, только коммисію свою отправилъ чрезъ Понятовскаго и Рубановича, и отъ нихъ что слышалъ и что ему приказали, о томъ, какъ выше показано, къ Орлику писалъ; что-же Орликъ приказалъ сыскать въ Бреславлѣ Войнеровского слугу Костю и написать отъ запорожцовъ къ себѣ листъ, и того Кости въ Бреславлѣ они не нашли, и для того въ Варшавѣ Понятовской и Рубановичъ приказали ему, Герцику, при себѣ сдѣлать пакетъ, вложить въ оной проѣзжей листъ и запечатать данною ему отъ Орлика запорожскою печатью и, сдѣлавъ то, послали къ Орлику по почтѣ, и отъ него получили отвѣтъ, что тотъ пакетъ онъ принялъ и на томъ проѣзжемъ листу написалъ Орликъ самъ отъ запорожцовъ такое письмо, какое онъ самъ хотѣлъ, отписываяся отъ своей руки, и объявилъ то письмо въ королевской канцеляріи, что ему Орляку при дворѣ шведскомъ послужило къ ево пользѣ.

Библиотека "Руниверс"

12.

Орликъ въ Швеціи намѣренъ быть, или куды ѣхать, и каковъ нынѣшней король къ нему и сенатъ, и какую имъ надежду подаютъ и что имъ обѣщаютъ?

Орликъ въ Швеціи быть не хотѣлъ, а желалъ лучше выѣхать въ Польшу, а каковъ къ нему нынѣшней король, того онъ не вѣдаетъ, для того, что при немъ еще нынѣшней король не былъ, а о сенатѣ слышалъ онъ отъ выше объявленнаго шведскаго оберъ-коммисара Зултана, что когда онъ Орликъ по смерти королевской пріѣхалъ въ Стокгольмъ, былъ у одного изъ сенаторей, Тоубе, прося о квартирѣ, и онъ ему съ крикомъ отвѣтствовалъ, что ему нынѣ не будетъ того, какъ при прежнемъ королѣ, квартиру-бы онъ нанималъ и кормился самъ собою, чего онъ Орликъ самъ знатно стыдился имъ сказать, а какъ онъ Герцикъ былъ въ другой разъ въ Варшавѣ и предъ самою поимкою ево, писалъ изъ Стокгольма полковникъ польской націи Росохатскій къ Рубановичу, что онъ Орликъ изъ Швеціи выѣхалъ, а куда и одинъ-ли или съ фамиліею, о томъ имянно не написалъ.

13

О бывшемъ прилуцкомъ полковникѣ, о Максимовичѣ и о Войнеровскомъ: знали-ль они про Мазепину измѣну, и въ какомъ кредитѣ у короля были?

Бывшей прилуцкой полковникъ Горленко, Максимовичъ и Войнеровской про измѣну Мазепину напередъ знали-ль, того онъ не вѣдаетъ, а какъ онъ отъ нихъ слыхалъ, сказывали, что не знали, а у короля умершаго ни въ какомъ кредитѣ они не были.

14.

Не имѣютъ-ли нынѣ съ кѣмъ корреспонденцію на Украйнѣ, и не писалъ-ли чего онъ къ кому, будучи въ Польшѣ?

Будучи онъ нынѣ въ Польшѣ, корреспонденцій на Украйнѣ ни съ кѣмъ не имѣлъ и ни къ кому ни о чемъ не писывалъ.

Въ семъ распросѣ сказалъ онъ Герцикъ сущую правду, и ничего не затаялъ, и не утаилъ, и никого не прикрылъ; а ежели что сказалъ неправду или что утаилъ, и за то-бъ указалъ царское величество учинить ему смертную казнь безо всякаго милосердія.

Подлинный распросъ по листамъ скрѣпленъ рукою Герцика тако: къ сему распросу Григорій Павловъ сынъ Герцикъ руку приложилъ.

Библиотека "Руниверс"

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Т—овъ.

(Продолженіе)*).

6.

8-го ноября 1854 г.

Каждое письмо твое, друже мой добрый, приноситъ мнѣ тихую, чистую, сердечную радость; но послѣднее твое короткое посланіе меня изъ мертваго сдѣлало, по крайней мѣрѣ, полуживымъ. Писалъ тебѣ о Данилевскомъ, что онъ прогостилъ у насъ около двухъ мѣсяцевъ; въ продолженіи этого времени я съ нимъ сблизился до самой искренней дружбы. Онъ недавно уѣхалъ въ Астрахань, и я, проводивши его, чуть не одурѣлъ. Въ первый разъ въ жизни моей я испытую такое страшное чувство. Никогда одиночество не казалося мнѣ такимъ мрачнымъ, какъ теперь, и письмо твое такъ кстати пришлось ко мнѣ, что я не знаю, какъ тебя и благодарить за его, друже мой единый! Съ полученіемъ твоего письма я началъ приходить въ себя, началъ чувствовать и думать; правда, что думы мои по прежнему не радужные, но все-таки думы. Ты говоришь, что ты сродился въ своемъ углу съ безотраднымъ одиночествомъ; я самъ тоже думалъ, пока не показался въ моей тюрьмѣ широкой человѣкъ! Человѣкъ умный и благородный, въ широкомъ смыслѣ этого слова: и показался для того только, чтобы

---

*) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 161—176.

Библиотека "Руниверс"

встревожить мою дремавшую бѣдную душу; все-же я ему благодаренъ, и благодаренъ глубоко.

Сердечно благодарю тебя за извѣстіе о Варварѣ: цѣлую трижды добраго Аркадія. На счетъ монаха напиши ему, чтобы онъ не безпокоился: деньги у меня пока еще имѣются. Я тебя давно уже воображаю въ Оренбургѣ, и уже другое письмо адресую по прежнему адресу. Когда ты пріѣдешь въ Оренбургъ, то напиши мнѣ и сообщи свой настоящій адресъ.

Агата тебѣ кланяется, а Ираклій пишетъ тебѣ письмо и адресуетъ въ Богословскъ. Зелинскій посылаетъ тебѣ поклонъ. Почтарь стоитъ надъ головою и не даетъ писать. Извини меня, друже мой, за мое короткое письмо и не разлюби искренного твоего—*Т.*

Данилевскій тебѣ кланяется.

7.

10 февраля 1855 г.

Сердечно радуюсь твоему возвращенію, мой милый, мой сердечный, мой единый друже! Мнѣ легко и весело на сердцѣ стало, когда я прочелъ твое милое письмо, писанное уже въ Оренбургѣ. Мнѣ отрадно думать, что ты ко мнѣ хоть не совсѣмъ близко, а все таки приблизился на нѣсколько десятковъ миль, и теперь (завидую тебѣ, друже мой единый) любуешься добрыми и сердцу милыми лицами Карла и Михайла, и мнѣ самому грустно думать, что для полной твоей радости не достаетъ тебѣ вдохновеннаго Совы; завидую и радуюсь твоею радостью, друже мой Богу милый!

Ты просишь Бога—увидѣться теперь со мною. О, какъ я прошу Его объ этомъ! Но молитвы, знать, наши до него не скоро доходятъ. Вѣришь-ли, мнѣ иногда кажется, что я и кости свои здѣсь положу, иногда просто и одурь на меня находитъ, такая жгучая, ядовитая сердечная боль, что я себѣ нигдѣ мѣста не нахожу, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе эта отвратительная болѣзнь усиливается. И то сказать: видѣть передъ собою постоянно эти тупыя и въ добавокъ пьяныя головы—человѣку и болѣе меня хладнокровному немудрено съ ума сойти; и я въ самомъ дѣлѣ отчаиваюся видѣть когда либо конецъ моимъ жестокимъ испытаніямъ.

Библиотека "Руниверс"

Какое чудное, дивное созданіе непорочная женщина! Это самый блестящій перлъ въ вѣнцѣ созданій. Если-бы не это одно единственное, родственное моему сердцу, я не зналъ-бы, что съ собою дѣлать. Я полюбилъ ее возвышенно, чисто, всѣмъ сердцемъ и всей благодарной моею душою. Не допускай, друже мой, и тѣни чего либо порочнаго въ непорочной любви моей.

Она благодаритъ тебѣ сердечно за твое милое, искренное (письмо) привѣтствіе, а я и благодарить тебя не умѣю.

Ты спрашиваешь меня, можно-ли тебѣ взять кисть и палитуру; на это мнѣ отвѣчать тебѣ и совѣтовать довольно трудно, потому что я давно не видѣлъ твоихъ рисунковъ и теперь я могу тебѣ сказать только, что говаривалъ когда-то ученикамъ своимъ старикъ Рустемъ, профессоръ рисованія при бывшемъ виленскомъ университетѣ: *„шесть лѣтъ рисуй и шесть мѣсяцевъ малюй и будешь мастеромъ“*. И я нахожу совѣтъ его основательнымъ; вообще, не хорошо прежде времени приниматься за краски. Первое условіе живописи рисунокъ и круглота, второе колоритъ. Не утвердившись въ рисункѣ, браться за краски—это все равно, что отыскивать почью дорогу.

Если можно достать въ Оренбургѣ хорошій пейзажъ, масляными красками написанный, то попробуй его скопировать; но безъ хорошаго оригинала я тебѣ совѣтую кистей въ руки не брать.

Пеняешь ты, почему я тебѣ не прислалъ *Тріо* или *Христа;* эти вещи черезъ почту посылать неудобно, а случаи здѣсь такъ рѣдки, или, лучше сказать, ихъ вовсе не бываетъ. Я началъ еще лѣпить, въ пандан Христу, *Ивана Крестителя,* на текстъ *„Гласъ вопіющаго въ пустынѣ“*, и мнѣ-бы ужасно хотѣлося весной-же переслать тебѣ хоть форму, но не предвижу никакой возможности.

Кланяйся Карлу и скажи ему, что для смазыванія формы употребляется деревянное масло, смѣшанное съ свѣчнымъ саломъ по полямъ, алебастръ или гипсъ розводится въ густоту обыкновенной сметаны, и, заливши форму, нужно дать трое сутокъ сохнуть въ сухомъ и тепломъ мѣстѣ, или на солнцѣ; потомъ немного погрѣть передъ огнемъ и сейчасъ-же тоненькимъ ножомъ отдѣлить осторожно предметъ отъ формы; но и въ этомъ, какъ и во всемъ, важную роль играетъ опытъ.

Библиотека "Руниверс"

Я чрезвычайно радъ, что тебѣ поручена новая библіотека; лучше для тебя занятія и не могъ-бы придумать.

Какъ-бы я радъ былъ, чтобы ты сблизился съ В. А.

Посылки, о которой ты мнѣ пишешь, я еще не получилъ: она вѣрно зазимовала въ Гурьевѣ.

Что мнѣ Сигизмондъ [1]) ничего не пишетъ? Что онъ и гдѣ онъ? Напиши хоть ты объ немъ пару словъ. Что дѣлается съ Людвигомъ? и не имѣешь-ли какихъ извѣстій о А. П. и Ѳомѣ? Сообщи мнѣ.

А если увидишь Сову, или будешь писать ему, то разцѣлуй его за меня, за его прекрасные сердечные стихи. Мнѣ грустно, что я ему не могу ничего прислать своего произведенія. Онъ долженъ быть въ высшей степени симпатическій человѣкъ. Какъ-бы я былъ счастливъ, если-бы мнѣ удалося когда нибудь обнять и поцѣловать его!

Будешь писать къ Аркадію, кланяйся ему отъ меня. Кланяйся и Михайлу и всѣмъ, кто не забылъ меня.

Если увидишь Михайлова, скажи ему отъ меня, пускай онъ мнѣ напишетъ хоть что нибудь. Прощай, не забывай меня!

О чемъ такъ долго и такъ постоянно думаю, о томъ чуть было не забылъ просить тебя. Увѣдоми меня, принялъ-ли В. А. [2]) представленіе Фреймана обо мнѣ и пошло-ли оно дальше? Если ты знакомъ съ Фрейманомъ, то попроси его, пускай онъ тебѣ покажетъ мою *Ночь* акварелью.

Мы здѣсь о зимѣ и понятія не имѣемъ: въ продолженіи генваря мѣсяца съ 5° тепло не сходитъ, а я въ продолженіи всей зимы не снимаю кителя.

Кланяются тебѣ *Z.* и Ираклій.

Прощай еще разъ, мой незабвенный друже!

8.

25 сентября, 1855 г.

Вчера былъ я на Хапта-Бабѣ, обошелъ всѣ овраги, поклонился, какъ старымъ друзьямъ, деревьямъ, съ которыхъ мы когда-то рисовали, и въ самомъ дальнемъ оврагѣ—помнишь, гдѣ огромное дерево у са-

---

[1]) Сѣраковскій.—Пр. Бр. З—аго.
[2]) Василій Алексѣевичъ Перовскій.—Пр. Б—аго.

Библиотека "Руниверс"

маго колодца обнажило свои огромные старые корни?—подъ этимъ деревомъ я долго сидѣлъ. Шелъ дождикъ, пересталъ; опять пошелъ, я все не трогался съ мѣста; мнѣ такъ сладко, такъ пріятно было подъ вѣтвями этого стараго великана, что я просидѣлъ-бы до самой ночи, если-бы не охотники (чтобъ имъ ни одного воробья не застрѣлить) меня потревожили. О, какія прекрасныя, свѣтлыя отрадныя воспоминанія въ это время пролетѣли надъ моей головою! Я вспоминалъ нашъ каратовскій походъ со всѣми его подробностями, тебя, Турно и кой-гдѣ изрѣдка Антонова; и онъ, хоть это весьма рѣдко бывало, иногда похожъ на человѣка. Когда-же воспоминанія мои перенеслись на Ханга-Бабу, я такъ живо представилъ себѣ это время, что мнѣ показалось, будтобы ты сидишь здѣсь за деревомъ и рисуешь; я тогда только опомнился, когда позвалъ тебя, и ты не отозвался; а тутъ и охотники пришли. Походъ въ Каратау на долго у меня останется въ памяти, навсегда.

Я уже двѣ почты пропустилъ, не писалъ тебѣ; чуть было и третьей не перепустилъ; а возвратясь изъ Ханга-Бабы, выдержалъ порядочный пароксизмъ лихорадки; боялся, чтобы не продлилась, но теперь, слава Богу, ничего: какъ съ гуся вода. Я извиняю себя еще и тѣмъ, что письмо мое все равно дожидало-бы тебя на почтѣ, пока ты возвратился изъ Уфы. Напиши мнѣ подробнѣе, добрый мой друже, о бѣдномъ нашемъ Совѣ: какъ и чѣмъ онъ живетъ и что онъ дѣлаетъ? Напиши все: меня глубоко трогаетъ этотъ страдалецъ.—Что дѣлаетъ Турно и гдѣ онъ? Письмо вдохновеннаго Сигизмунда [1]) я съ наслажденіемъ прочиталъ. Настоящій поэтъ! Не отвѣчаю ему теперь, потому что надѣюсь вскорѣ съ нимъ увидѣться въ Акъ-Мечети; а надѣюсь я потому, что ты мнѣ пишешь, не хочу-ли я туда? Хочу, куда угодно хочу! потому что я начинаю одурѣвать въ этомъ безотрадно-однообразномъ прозябаніи. Прошу тебя, Карла и всѣхъ добрыхъ людей, кто можетъ помочь мнѣ хотя единымъ словомъ. Въ Акъ-Мечети хотя я не предвижу для себя слишкомъ отрадной перспективы, но по крайней мѣрѣ не буду видѣть этихъ голыхъ сѣрыхъ скалъ, которыя мнѣ

[1]) Сигизмундъ Игнатовичъ Сѣраковскій, тогда солдатъ, впослѣдствіи подполковникъ генеральнаго штаба, повѣшенный въ Вильнѣ въ 1863 г., во время послѣдняго польскаго возстанія.—Пр. Бр. З—скаго.

Библиотека "Руниверс"

до того опротивѣли, что я радъ спрятаться отъ нихъ, но увы! куда спрятаться?

Послалъ я тебѣ съ Зелинскимъ экземпляръ *Tpio,* а съ Фрейманомъ экземпляръ Спасителя; сходи ты на квартиру Фреймана и у слуги его Матвѣя спроси ящикъ на твое имя; кромѣ медальона, найдешь ты въ ящикѣ книги, которыя прошу тебя отдать переплести въ два или въ три волюма, какъ ты найдешь лучше, и оставь ихъ у себя до весны, а весною, если я останусь здѣсь, то перешли мнѣ ихъ. Я посылалъ эти книги въ Астрахань, и, вообрази себѣ, губернскій и еще портовый городъ переплетчика не имѣетъ! Настоящіе скифы!!

Если ты можешь какъ нибудь узнать о судьбѣ *княгини,* то сообщи мнѣ: меня она очень безпокоитъ. Узнай, Бога ради, цѣлъ-ли у Карла мой тюкъ съ платьемъ; тамъ есть въ карманѣ, въ пальто, дюжины двѣ карандашей Фаберъ № 3; возьми ихъ себѣ, а платье прибереги. Я не знаю, на чемъ я основываю надежду, а мнѣ кажется, что я это пальто носить еще буду, если его моль не съѣла. Нельзя-ли тебѣ будетъ достать, хоть у топографовъ, пару акварельныхъ кистей: у меня одна единственная осталась, да и та испуплена.

Я тебѣ надоѣдаю своими просьбами; но что-же дѣлать мнѣ? кромѣ тебя обратиться не къ кому, а въ тебѣ я совершенно увѣренъ, что ты не назовешь меня надоѣдалой, попрошайкою.

Вчера не дали мнѣ кончить письмо, а сегодня, вопреки ожиданію, пришла почта и привезла твое второе письмо съ драгоцѣннымъ для меня подаркомъ, съ портретомъ Совы. Я не знаю, какъ тебя и благодарить, друже мой, за этотъ подарокъ. Что-то близкое, родное я вижу въ этомъ добромъ, задумчивомъ лицѣ; мнѣ такъ любо, такъ отрадно смотрѣть на это изображеніе, что я нахожу въ немъ самаго искренняго, самаго задушевнаго собесѣдника! О, съ какимъ-бы наслажденіемъ я прочиталъ-бы теперь его *Іордана!* Но это желаніе несбыточное. Благодарю тебя, тысячу разъ благодарю за этотъ сердечный подарокъ.

Ты пишешь, что желалъ-бы сблизить меня съ нимъ покороче. Дай Богъ, чтобы всѣ люди были такъ коротко близки между собою, какъ мы съ нимъ; тогда-бы на землѣ было счастье! Пиши ему и цѣлуй его за меня, какъ моего роднаго брата. Если ты хочешь, чтобы моя радость была полная, то въ первое твое письмо, которое ты мнѣ на-

Библиотека "Руниверс"

пишешь, вложи свой портретъ и портретъ Михайла, а если можно, то и Карла,—ты меня этимъ подымешь на седьмое небо.

Боже мой! Когда я увижу тебя? Когда я увижу доброе лицо Михайла и Карла? Грустно! Невыразимо грустно это безконечное ожиданіе.

Ты пишешь, что къ вамъ пріѣхали два просвѣщенныхъ любителя прекраснаго искусства; сердечно радуюсь такому рѣдкому явленію и душевно желаю, чтобы ты съ ними скорѣе познакомился; быть можетъ въ самомъ дѣлѣ ты встрѣтишь въ ихъ коллекціяхъ что нибудь замѣчательное, а это для тебя необходимо. Истинно изящное произведеніе на художника и вообще на человѣка сильнѣе дѣйствуетъ, нежели самая природа. Говоришь, что будто бы въ коллекціи начальника штаба есть оригиналы голландскихъ мастеровъ. Дай Богъ, чтобы это была правда! Я вотъ почему сомнѣваюсь: всѣ произведенія голландскихъ артистовъ XVII вѣка на перечетѣ, а въ послѣдующемъ столѣтіи Голландія была бѣдна замѣчательными мастерами. Но все таки лучше увидѣть что нибудь, нежели не видѣть ничего.

Прощай, мой единый друже! Кланяйся Средницкому и *ojcu prefektu* и не забудь мнѣ написать объ Аркадіѣ.

Не знаю, имѣлъ-ли какое вліяніе на судьбу мою всемилостивѣйшій манифестъ.

Съ послѣдней морской почтою пошлю тебѣ что нибудь въ родѣ Монаха, а теперь ничего не имѣю конченнаго, да правда и кончить порядочно нечѣмъ.

9.

21 апрѣля.

Христосъ Воскресе!

Я такъ давно не писалъ тебѣ, искренній мой друже, что теперь не знаю, съ чего и начать? Начну съ сердечной моей благодарности за твою пересылку, которую получилъ я отъ И., и за будущіе твои пересылки, о которыхъ ты мнѣ пишешь; еще разъ благодарю. Что-же я тебѣ пошлю? Ропотъ на судьбу, ничего больше; а впрочемъ, кромѣ этой грустной посылки, посылаю тебѣ два куска шерстяной матеріи;

Библиотека "Руниверс"

любой изъ нихъ выбери себѣ на память обо мнѣ, а другой продай и пришли фотографіи. Еще посылаю тебѣ *Варнака* и *Княгиню;* прочитай ихъ и поправь, гдѣ нужно, отдай переписать и пошли по слѣдующему адресу: „въ С.-Петербургъ, въ академію художествъ, художнику Николаю Осиповичу Осипову [1]), на квартирѣ графа Толстаго,—а если имѣешь тамъ добраго и надежнаго человѣка, то пошли на его имя для извѣстнаго употребленія. Еще посылаю тебѣ случайно мнѣ попавшееся въ руки объявленіе о изданіи *„Monumenta Regum Poloniae Cracovientia"*. Мнѣ кажется, что это хорошее изданіе, то не вздумаешъ-ли ты его выписать.

Ты такъ прекрасно говоришь мнѣ о генералѣ Бюрно, что и я полюбилъ его такъ, какъ ты его любишь; это явленіе весьма рѣдко между господами генералами. Жаль, что онъ скоро, какъ ты говоришь, оставляетъ Оренбургъ. Онъ, говорятъ, пользуется хорошимъ вниманіемъ графа В. А. [2]). Попроси его, не можетъ-ли онъ для меня сдѣлать что нибудь, хоть вырвать меня изъ этого проклятаго гнѣзда. Я не знаю, что думать о моемъ упорномъ несчастіи. Львовъ-ли причиною его, или кто нибудь выше его? Во всякомъ случаѣ безъ В. А. [3]) для меня никто ничего добраго сдѣлать не можетъ, окромѣ государя. Напиши ты Аркадію и проси его отъ меня, чтобы онъ повидался, или написалъ Варварѣ на счетъ прошенія на высочайшее имя; она не должна отказать во имя нашей дружбы и христіанскаго милосердія.

Теперь долженъ быть въ Оренбургѣ А. И. Бутаковъ [4]); кланяйся ему отъ меня и проси его, не можетъ-ли онъ ходатайствовать обо мнѣ у В. А., проси его, проси всѣхъ, мой нелицемѣрный друже! Тебѣ болѣе, нежели кому нибудь, извѣстно мое горькое положеніе. Такое продолжительное испытаніе, какъ я терплю, извиняетъ меня передъ тобою въ моей назойливости. Постоянное несчастіе и твердѣйшіе характеры разрушаетъ, а мой и въ лучшее время принадлежитъ къ числу непрочныхъ.

---

[1]) О немъ см. въ книгѣ г. Чалаго, стр. 89 и далѣе.
[2]) Василія Алексѣевича Перовскаго.—Бр. З.
[3]) Тоже.
[4]) Объ отношеніяхъ его къ Ш—ку см. у г. Чалаго, стр. 74.

Библиотека "Руниверс"

Съ слѣдующей почтой, если буду въ силахъ, напишу Совѣ, а въ настоящее время я такъ встревоженъ, такъ нравственно убитъ, что не могу простой мысли связать въ головѣ моей бѣдной, а не то, чтобы написать что нибудь похожее на дѣло. Пиши ему, цѣлуй его отъ меня, желай ему, какъ и я желаю, полнаго здоровья и всякаго счастія.

Кланяйся отъ меня Карлу, и не забудь прислать мнѣ фотографическое поличіе.

Цѣлую Михайла, Людвига, Евстафія, Сигизмунда и всѣхъ меня помнящихъ. Прощай, мой единый друже! Не забывай меня.

Я пишу тебѣ такъ рѣдко и такъ мало, что мнѣ совѣстно передъ тобою; но что дѣлать? Самъ знаешъ, о чемъ я здѣсь могу писать пространно, или хоть даже кратко, но о чемъ? однообразіе и тоска!

Чуть было не забылъ. Бюрно совѣтуетъ тебѣ оставить службу и посвятить себя искусству. Онъ имѣетъ основаніе такъ тебѣ совѣтовать: у тебя есть любовь къ искусству, а это вѣрное ручательство за успѣхъ. Однако съ оговоркою: къ любви нужно прибавить хоть самое умѣренное обезпеченіе, по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять, чтобы прежде времени не начать работать изъ-за насущнаго хлѣба. Нужда охолодитъ любовь и тогда все пропало. Я больше ничего не могу сказать, искренный друже!

10.

10 іюня 1856 г.

Сегодня я получилъ твое во всѣхъ отношеніяхъ для меня дорогое письмо. Сегодня-же и отвѣчаю, сегодня вечеромъ и почта отходитъ и если мало напишу тебѣ, то это извини мнѣ, друже мой единый.

Я началъ уже было на тебя сердиться за твое долгое молчаніе, забывши мудрое правило: „Когда нечего сказать добраго, то лучше молчать“. Ты мнѣ напомнилъ это правило и я тебѣ благодаренъ. Все посланное тобою я получилъ съ благодарностью. Карандаши еще не пробовалъ, да не на чемъ, правду сказать, и пробовать; мнѣ здѣсь все, начиная съ людей, такъ омерзѣло, что я и не смотрѣлъ-бы на ничто. Пишешь ты, что Карлъ не нашелъ моихъ карандашей; онъ вѣроятно забылъ или совсѣмъ не знаетъ, гдѣ онѣ хранятся. У него оставилъ я небольшой тюкъ съ платьемъ; тамъ, между прочимъ, есть пальто,

Библиотека "Руниверс"

а въ томъ пальто въ карманѣ двѣ дюжины карандашей Фабера № 3. Если найдешъ ихъ, то возьми себѣ, а для меня и присланныхъ тобою на долго станетъ, потому что терминъ моего заключенія безконеченъ, а здѣсь совершенно дѣлать нечего. Пріѣхалъ сюда старикъ Козловъ Штейгеръ,—помнишь, что съ Антоновымъ ходилъ въ Кара-Тау. Онъ тоже теперь отправляется тамъ для собранія коллекцій окаменѣлостей. Думалъ было и я съ нимъ проситься, да раздумалъ. Хорошо, весело было тогда намъ съ тобою; одному было-бы мнѣ точно также скучно, какъ и въ укрѣпленіи, съ тою развѣ разницею, что я долженъ былъ подчиняться пьяному козачьему офицеру; и это то больше и было причиною моего раздумья.

Я очень радъ, что ты оставилъ масляныя краски, и очень не радъ, что ты занимаешься теперь фотографіею. Она у тебя много времени отнимаетъ теперь, а послѣ, я боюся, ты увлечешься ею, когда покажутся удовлетворительные результаты. Это дѣло химіи и физики; пускай Михайло и занимается ими, а тебѣ это, какъ художнику, повредитъ. Фотографія какъ ни обольстительна, а все таки она не заключаетъ возвышеннаго прекраснаго искусства. А между прочимъ если ты не читалъ, то прочитай прекрасную статью Хотинскаго и Писаревскаго о фотографіи въ Современникѣ за 1852 г., не помню какой №.

Сигизмунду и Алексѣю я писалъ, будучи совершенно увѣренъ, что они въ Оренбургѣ; но это все равно: благодарю тебя, что отослалъ имъ письмо. Я писалъ Алексѣю, чтобы онъ справился черезъ своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ о рукописи *К. Дармограя*; но такъ какъ ему теперь почти невозможно, то прошу тебя, если ты имѣешъ знакомаго въ столицѣ, то чтобы онъ зашелъ въ контору „Отечественныхъ Записокъ“ и взялъ (если она только не напечатана) рукопись подъ названіемъ: *Княгиня*, *К. Дармограя*, и прислалъ-бы ее тебѣ, или передалъ въ другой журналъ; если-же напечатана, то что-бы сдѣлалъ условіе съ редакторомъ, на какихъ условіяхъ можетъ К. Дармограй доставлять въ редакцію свои рукописи. У Карла есть братъ въ Петербургѣ, попроси его,—у меня тамъ знакомыхъ не осталось.

А между прочимъ скажи ты мнѣ ради всѣхъ святыхъ, откуда ты взялъ эти вялые, лишенные всякаго аромата, *кіевскіе ландыши?* Бѣдные земляки мои думаютъ, что на своемъ чудномъ нарѣчіи они

Библиотека "Руниверс"

имѣютъ полное право не только что писать всякую чепуху, но даже и печатать! Бѣдные! и больше ничего. Мнѣ даже совѣстно и благодарить тебя за эту, во всѣхъ отношеніяхъ тощую, книжонку.

Trio пришлю тебѣ съ Зелинскимъ. Вѣроятно вамъ опыты не удались по моимъ наставленіямъ; хотѣлъ я и книги твои переслать тебѣ съ нимъ, но онъ не беретъ. Перешлю осенью съ Штейгеромъ.

Много еще кое-чего нашлося-бы передать тебѣ, друже мой; но почта на носу виситъ, а потому и кончаю. Бывай здоровъ и счастливъ, мой друже единый. Пиши и цѣлуй отъ меня Сову. Кланяйся Карлу и Михайлу и Станкевичу. Прощай.

Повидайся съ Лазаревскимъ и попроси его, чтобы онъ сообщилъ тебѣ адресъ своего старшаго брата, а ты сообщи его мнѣ.

Узнай, пожалуста, у Карла, цѣлъ-ли мой альбомъ?

11.

10 апрѣля.

Я ничего не пишу тебѣ съ этою почтою, мой друже единый, потому что добраго написать нечего, а о скверномъ, то узнаешь изъ письма А. П. Прошу тебя только, если ты можешь, объясни мнѣ, что все это значитъ. Какимъ родомъ могло быть предпочтено представленіе генерала представленію маіора? Это для меня вопросъ темнѣе безлунной ночи. Напиши мнѣ, кто такой Станкевичъ? Я знаю, что это добрый человѣкъ, и больше ничего не знаю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я забылъ тебѣ сказать, чтобы ты ходилъ въ свободное время за Уралъ въ паркъ или рощу и дѣлалъ этюды; тамъ есть образцы живописныхъ деревьевъ. И еще разъ скажу тебѣ: съ масляными красками будь остороженъ, пока не утвердишься въ карандашѣ. Ничего больше теперь не имѣю сказать тебѣ. Прощай! Не забывай меня, мой единый друже! Цѣлуй *ojca prefekta*, Карла, Цейзика и всѣхъ, кто вспомнитъ обо мнѣ.

Въ продолженіи восьми лѣтъ, кажется, можно-бы было пріучить себя ко всѣмъ неудачамъ и несчастіямъ, — ничего не бывало... Настоящее горе такъ страшно потрясло меня, что я едва владѣлъ собою. Я до сихъ поръ еще не могу прійти въ себя; въ такихъ случаяхъ ну-

Библиотека "Руниверс"

женъ сердцу самый искренный, самый безкорыстный другъ. Полуучастью тутъ не мѣсто; оно хуже холоднаго эгоизма.

Счастливы тѣ, для которыхъ слово: «участье» больше ничего, какъ пустое слово! Когда я доживу до этого счастія?

А моя нравственная, моя единственная опора, и та въ настоящее время пошатнулась, и вдругъ сдѣлалась пустой и безжизненной: картежница, ничего больше! или это мнѣ кажется такъ, или оно въ самомъ дѣлѣ такъ есть. Я такъ ошеломленъ этою неудачею, что едва различаю черное отъ бѣлаго.

Когда будешь писать Совѣ, кланяйся ему, а мнѣ объ немъ напиши подробнѣе, потому что я знаю его, какъ поэта, и ничего больше.

Прощай, мой друже! Кернера и прочее я получилъ исправно. Теперь ожидаю карандашей и, если можешь, то пришли 1 и 2 томы B. Zalieskiego.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Письма Гоголя къ В. В. Тарновскому.

(1833—1834 г.).

Письма Гоголя, предлагаемыя нынѣ вниманію читателей, относятся къ лучшей порѣ жизни и таланта великаго писателя и дополняютъ прежній матеріалъ для объясненія его внутренней жизни и характера въ ту пору. Они дышатъ юношескою свѣжестію, говорливостію на распашку, желаніемъ развеселить любимаго товарища. Въ нихъ подтверждаются вновь тѣ черты, которыя мы уже знаемъ въ Гоголѣ,—его сердечная память о товарищахъ, его прямое участіе въ судьбѣ ихъ, заботливость объ ихъ лучшей участи, желаніе помочь имъ словомъ и дѣломъ, его живые разсказы и распросы объ нихъ,—черты, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ однокашникахъ, особенно нынѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь дорожитъ полнотою писемъ товарища и даетъ ему обильный матеріалъ для отвѣта, предлагая множество самыхъ разнородныхъ вопросовъ.

Подлинники писемъ написаны на листахъ въ осьмушку, съ немногими помарками и поправками, съ обычными Гоголю орфографическими ошибками и описками, которыхъ мы не сочли нужнымъ воспроизводить здѣсь. Первое изъ этихъ писемъ написано старательно, тонкимъ, какъ-бы женскимъ, почеркомъ; другія два съ большею свободою, бѣглымъ, крупнымъ почеркомъ. Личность В. В. Тарновскаго, корреспондента Гоголя, товарища его по нѣжинской гимназіи, уже извѣстна читателямъ «Кіевской Старины» изъ писемъ къ нему Шевченка. Подлинники писемъ хранятся у сына его, В. В., и сберегаются съ любовію, достойною великаго писателя. Къ печатаемымъ письмамъ мы прилагаемъ нѣсколько необходимыхъ поясненій.

Библиотека "Руниверс"

I.

1833 г., октября 2, Спб.

«Фу ты пропасть, какая скорая почта! Письмо твое, писанное въ апрѣлѣ, я получилъ въ октябрѣ. Рудановскій [1]) весною не нашелъ меня, въ продолженіи-же лѣта не могъ найти, потому что я лѣто и часть весны живу на дачѣ, весьма не близко отъ города. Какъ-бы то ни было, только я обрадовался письму, чертовски запоздалому. Я былъ очень сердитъ на тебя, что ты вдругъ заглохъ и не далъ никакой объ себѣ вѣсти. Потомъ сердце мое прошло. Я хотѣлъ писать къ тебѣ, не смотря на два года антракта [2]). Освѣдомлялся о твоемъ жительствѣ у дядюшки твоего, «что съ сладкою миною» (и) у *настоящаго* [3]); но ни одинъ изъ нихъ не далъ мнѣ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Дядюшка объявилъ, что «совершилъ-де какой-то странной карьеръ и находится, не смотря на древность фамиліи, учителемъ въ волынской, или литовской, или гродненской губерніи». Я, зная самъ, что русское землеописаніе есть самая неблагопристойная вещь, не утруждалъ его вопросомъ, что́ значитъ именно волынская, и что́ литовская, и что́ гродненская, и въ которой изъ нихъ долженъ обрѣтаться ты, и рѣшился было писать къ твоей маменькѣ въ славную губернію Антоновку [4]) Но Рудановскій съ письмомъ твоимъ весьма во время упредилъ меня. И такъ, ты находишься въ Житомірѣ... Житоміръ! Клянусь Іисусомъ, если мнѣ не во второй разъ только приходится произносить это имя. Одинъ разъ, когда Мойсеевъ [5]) спрашивалъ урокъ, а другой нынѣ. Житоміръ!... у тебя должно быть много слушателей жидовъ. Тебѣ

---

[1]) Товарищъ по нѣжинской гимназіи, выпуска 1832 г., впослѣдствіи кавказскій генералъ.

[2]) Значитъ, были письма Гоголя къ Тарновскому и въ 1831 году, но они не сохранились.

[3]) Подъ дядюшкой «съ *сладкой миной*» Гоголь разумѣлъ Григ. Ст. Тарновскаго, бывшаго владѣльца Качановки, сконч. 1853 г., дек. 9. Въ то-же время былъ въ Петербургѣ и другой дядя Тарновскаго.

[4]) Антоновка — село пирятинскаго уѣзда, полт. губ., принадлежитъ нынѣ брату Вас. Вас., Владиміру Вас.

[5]) Мойсеевъ — профессоръ русской исторіи и статистики въ нѣжинской гимназіи (1820—1837 г.).

Библиотека "Руниверс"

должно удовлетворить меня подробнымъ описаніемъ этого города въ отношеніи къ тебѣ, только чтобъ это описаніе не пахло каѳедрой. Какъ у тебя бѣжитъ день твой? Домосѣдъ-ли ты или гость? Какова твоя даже квартира, и проч., и проч ?—О себѣ совершенно не имѣю ничего сказать: я давно не видался съ тобою; должно думать, что все таковъ, какъ прежде, хотя лѣнивъ, нестерпимо лѣнивъ.

Наши одноборщники [1]) всѣ, слава Богу, здоровы. Прокоповичъ Николай женился на молоденькой, едва только выпущенной актрисѣ. Прокоповичъ Василій получилъ х ..... [2]). Кукольникъ навалялъ дюжину трагедій. Романовичъ не добылъ ума ни на копѣйку послѣ того, и часто, идя на должность изъ Литейной на Гагаринскую, забѣгаетъ по дорогѣ ко мнѣ въ Малую Морскую. Данилевскій опять здѣсь, только служитъ не въ военной, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. *Благопристойный,* иначе Николай Бороздинъ, кланяется тебѣ (его костыль получилъ такую гибкость, что онъ отваживается съ нимъ даже плясать мазурку). Кобеляцкій такъ-же мастерски умѣетъ плясать, какъ и прежде. Прочія лица такъ-же безцвѣтны, какъ и прежде. Не видалъ-ли ты, или не слыхалъ-ли чего-нибудь о Лукашевичѣ, особенно о Высоцкомъ, и что Редкинъ?

Прощай! Если ты мнѣ напишешь поподробнѣе, то, можетъ быть, и я роспишусь.

Твой Гоголь.

Адресъ мой: въ Малой Морской, въ домѣ подъ № 97, артиста Лепена, прямо Гоголю, Яновскаго не называть.

---

[1]) Гоголь составляетъ свое слово (вмѣсто однокашники), которымъ хочетъ обозначить не однихъ товарищей по выпуску, но вообще земляковъ, полтавцевъ. Лица, о которыхъ онъ говоритъ далѣе, студенты *разныхъ* выпусковъ, а Кобеляцкій и Лукашевичъ вовсе не были товарищами по гимназіи; только Данилевскій одного выпуска съ Гоголемъ (1828 г.).

[2]) Крѣпкое словечко, одно изъ тѣхъ, которыя Гоголь позволялъ себѣ въ письмахъ къ короткимъ пріятелямъ.

Библиотека "Руниверс"

II.

Спб., 1834 г. августа 7.

Извини меня, любезный Василь [„э, Василь! а що, якъ-бы гимназія сгоріла?“] [1]), извияи, что долго не писалъ къ тебѣ. Я немного обчелся въ обстоятельствахъ своихъ. Думалъ было на каникулахъ быть въ Малороссіи и лично видѣться съ тобою, откладывалъ нарочно для того писать къ тебѣ; но ничего этого не случилось. Я по прежнему пребываю въ Питерѣ. Посылаю тебѣ Нибура столько книгъ, сколько до сихъ поръ переведено на французскомъ.

Что, видѣлъ-ли ты Редкина? Онъ поѣхалъ на мѣсяцъ полобызаться съ батюшкою и потомъ долженъ опять возвратиться сюда. Онъ говорилъ, что если ты будешь дома, то заѣдетъ къ тебѣ въ Антоновку; если-же ты будешь въ Житомірѣ, то по краткости времени не можетъ заглянуть къ тебѣ туда. Ну, каково живутъ дѣла твои? Какъ ты проводишь дома время каникулъ? Что болящій? что дядюшка Гриша Степановичъ? Что попъ, который говоритъ: *„и чого-бъ таки сидить такъ? вы-бъ таки або жалы, або танцювалы и такъ и такъ!“* Бываешь-ли ты часто въ Кіевѣ? Вѣдь тебѣ, кажется, чрезъ него лежитъ дорога домой. Я слышалъ, что Бѣлоусова дѣла [2]) довольно поправились, я этому очень радъ. Да, пожалуста, скажи, если будешь въ Кіевѣ, Максимовичу, который тамъ профессоръ словесности, скажи, что я просто пріѣду и поколочу его на всѣ боки. Что въ самомъ дѣлѣ за дрянь такая! Вотъ ровно мѣсяцъ, если не больше, какъ я отъ него ни строки

---

[1]) Гоголь очевидно вспоминаетъ ту фразу, которою часто обмѣнивались школьники-товарищи въ низшихъ классахъ (а, пожалуй, обмѣниваются и нынѣ) о своемъ учебномъ заведеніи: «какъ было-бы хорошо, еслибы гимназія сгорѣла! Насъ-бы роспустили!» ... и проч.

[2]) Бѣлоусовъ—профессоръ и инспекторъ нѣжинской гимназіи во время Гоголя; въ 1830 г. онъ былъ удаленъ со службы по интригамъ своихъ товарищей, и только въ 1834 г. онъ пріобрѣлъ себѣ покровительство графа Левашева, кіевскаго генер.-губерн., и ему дозволено было поступить на службу въ Кіевѣ по гражданской части; умеръ въ 1854 г. «Нѣжинскіе профессора—большіе бестіи», писалъ по этому поводу Гоголь.

Библиотека "Руниверс"

не получаю. По крайней мѣрѣ изъ Кіева онъ мнѣ ни двухъ запятыхъ [1]) до сихъ поръ не написалъ, и я не знаю, что съ нимъ, мерзавцемъ, дѣлается. Ты скажи ему, что я велѣлъ ему—особенно полюбить тебя и стараться перевести тебя въ Кіевъ, хотя адъюнктомъ, потому что киснуть тебѣ въ литовскомъ городѣ не годится. Что, какъ твое здоровье? Какъ с..... ты, въ крутѣ или въ смятку? и регулярно, или нерегулярно? Также на счетъ поясницы и прочихъ почечуйностей. Каково идетъ ваша житомірская гимназія? Часто-ли посѣщаетъ васъ пресловутый Б...? [2]). Ну, какой сволочи набрали въ вашъ кіевскій университетъ! Мнѣ даже жаль бѣднаго Максимовича, что онъ попалъ между нихъ. Можно-ли это? Новый университетъ! тутъ-бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новыхъ профессоровъ, а вмѣсто этого набрали старой плѣсени изъ глупаго кременецкаго лицея. Я самъ было думалъ въ кіевскій университетъ, да къ счастію не сошелся съ вашимъ Б., остался въ здѣшнемъ, и лучше, потому что черезъ четыре мѣсяца получаю здѣсь экстраординарнаго профессора.

Не слышалъ-ли чего нибудь о нашихъ, особенно о Лукашевичѣ старшемъ [3]), или о Высоцкомъ? Видаешь-ли Маркова? Кажется, мнѣ кто-то говорилъ, что онъ намѣревался сюда ѣхать. Имѣешь-ли хорошій аппетитъ и чѣмъ именно болѣе всего обжираешься—арбузами, или дынями, или грушами? Много-ли ходишь, прогуливаешься и вообще дѣлаешь муціону (sic!), и есть-ли у васъ гдѣ нибудь такія мѣста, гдѣ можно прогуляться? Чѣмъ изобилуетъ въ это время Житоміръ? И какой у..... [4]) обыкновенно употребляешь—фаянсовый, или мѣдный?

Впрочемъ, да хранятъ тебя вышнія власти!

Будь здоровъ, пиши и не забывай твоего Гог... [5]).

---

[1]) Вмѣсто *«ни двухъ запятыхъ»* прежде было написано *«ни строчки»*; но Гоголь, какъ видно, перечитывалъ это письмо и замѣтилъ повтореніе одного и того-же слова. Въ это время Гоголь по-два и по-три письма въ мѣсяцъ писалъ Максимовичу, интересуясь Кіевомъ.

[2]) Брадке, бывшій тогда попечителемъ въ Кіевѣ. Гоголь его крѣпко не взлюбилъ за то, что Брадке предпочелъ ему проф. Цыха на каѳедру всеобщей исторіи въ кіевскомъ университетѣ.

[3]) Во второй разъ уже Гоголь вспоминаетъ о Лукашевичѣ, но въ спискѣ его товарищей мы не находимъ этого имени. Марковъ—товарищъ Гоголя, одного съ нимъ выпуска.

[4]) Опять крѣпкое словечко.

[5]) Въ подписи можно разобрать только «Гог.», а все остальное слилось въ самыя проказливыя завитушки, словно у Гоголя перо закружилось.

Библиотека "Руниверс"

III [1]).

Письмо твое получилъ тоже не слишкомъ по скорой почтѣ. Хорошъ, братецъ, ты! Пишешь съ 1 сентября, а я получаю 20. Между тѣмъ какъ письмо изъ Житомира идетъ никогда не больше 10 дней. Ты, вѣрно, поступаешь со мною такъ-же, какъ я съ почтенными родителями своими, т. е. выставляешь заднимъ числомъ. Что я не пишу аккуратно къ тебѣ, это извинительно, потому что я лѣнивъ; но что ты не пишешь, то это вовсе непростительно тебѣ, потому что ты былъ всегда трудящимся человѣкомъ... Ну, какъ поживаешь? Да: что тебѣ за охота думать о перемѣщеніи въ Нѣжинъ? Охота-же возиться съ этою дрянью, каковы напримѣръ Мазепичъ-Самойленко, Лопушевскій, Урсо и прочіе [2]). Мнѣ кажется, нѣтъ лучше тебѣ мѣста, какъ въ Кіевѣ. Если хочешь, я напишу объ тебѣ Максимовичу; но если до того времени увидишься съ нимъ, то скажи ему только, что ты мой товарищъ. Мы съ нимъ большіе друзья, и онъ для тебя, вѣрно, съ большою готовностію будетъ стараться. Имѣешь-ли ты нужныя пособія для твоихъ лекцій? Какими ты курсами руководствуешься? Есть-ли у тебя Исторія Мишеленовая, или средняя Демишеля, и если неполныя, то, по крайней мѣрѣ, Précis? Если нѣтъ, то увѣдоми меня: я тебѣ постараюсь ихъ выслать.

А что, какъ твоя женитьба? А я собираюсь крестить маленькаго крикуна-козленка, который имѣетъ отъ тебя быть. Пожалуста, увѣдоми меня, когда будутъ крестины. Какъ идетъ ваша административная, ученая часть? Что говорятъ объ университетѣ, о профессорахъ, о попечителѣ и о прочемъ? Я познакомился здѣсь съ твоимъ дядюшкой. Видѣлъ дорогого нашего Булыча [3]). Впрочемъ, да хранитъ тебя Богъ отъ всего злаго и поведетъ тебя тою дорогою, по которой желаетъ душа твоя!

Весь твой Гоголь.

---

[1]) Третье письмо не имѣетъ на себѣ никакой даты, но мы относимъ его къ осени 1834 года и ставимъ непосредственно за предыдущими, какъ по связи содержанія и хронологическому намеку, такъ и по сходству почерка съ предыдущимъ.

[2]) Все это—тогдашніе учителя нѣжинской гимназіи: Самойленко—учитель географіи, Лопушевскій—ариѳметики, Урсо—фехтованія.

[3]) Въ спискѣ нѣжинскихъ воспитанниковъ его нѣтъ; вѣроятно, это одинъ изъ близкихъ земляковъ Гоголя и Тарновскаго.

Библиотека "Руниверс"

Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе согласія Тарновскаго на ходатайство о переводѣ его въ Кіевъ, Гоголь въ 1835 году два раза писалъ о немъ Максимовичу; отъ 22 января:

„Есть нѣкто, мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: захотѣлъ быть учителемъ въ житомірской гимназіи, изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя-ли его какъ-нибудь перетащить въ университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомірѣ. Онъ былъ послѣ и въ московскомъ университетѣ и тамъ получилъ кандидата. Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволенъ".

Максимовичъ изъявилъ полное согласіе и просилъ Тарновскаго къ себѣ въ адъюнкты по русской словесности. Гоголь на это отвѣчалъ отъ 22 марта:

„Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится-ли онъ перемѣнить предметъ. А что касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на-подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ, и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принесть слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ-ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни чиновъ, ни повышеній; ни честолюбія. Если-бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я-бы совѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ; ибо я знаю по опыту, что значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка" [1]).

Изъ дальнѣйшаго хода дѣла оказывается, что Тарновскій соглашался поступить адъюнктомъ къ Максимовичу, и Максимовичъ ходатайствовалъ о немъ предъ попечителемъ; но Брадке не внялъ его представленію, не принялъ ни Тарновскаго, ни М. Г. Чистякова [2]).

Сообщилъ **С. Пономаревъ.**

---

[1]) Сочин. и письма Гоголя, изд. 1857 г., т. V, стр. 231 и 237.

[2]) Письма о Кіевѣ, М. Максимовича, Спб. 1871 г., стр. 59.

Библиотека "Руниверс"

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

(Продолженіе)*).

ГЛАВА IV.

Пребываніе плѣнныхъ въ Казани и дальнѣйшая ихъ судьба.

Мы прибыли въ Казань удрученные горемъ и печалью вслѣдствіе столь значительнаго удаленія отъ родины; ибо чѣмъ дальше насъ препровождали въ глубь Россіи, тѣмъ болѣе усиливались наши сомнѣнія относительно возможности возврата на родину, притомъ, никто изъ насъ не могъ предъугадать, какая участь ожидаетъ насъ впереди, но ежедневный опытъ удостовѣрялъ насъ въ томъ, что мы не должны надѣяться на благополучіе въ будущемъ.

Пріѣхавъ въ Казань, мы застали здѣсь своихъ земляковъ изъ той партіи, которая подъ начальствомъ капитана, о которомъ я выше упомянулъ, опередила насъ въ Сѣвскѣ. Мы встрѣтили ихъ съ радостью, и, замѣтивъ, что имъ предоставлено свободно ходить по городу безъ стражи, обрадовались тому, что, хотя пребывая въ болѣе отдаленной мѣстности, не будемъ подвергаться столь тяжелому заточенію, какъ въ Кіевѣ. Мы долго ожидали, пока насъ препроводили въ то мѣсто, гдѣ новый начальникъ, назначенный генералъ-губернаторомъ, долженъ былъ насъ принять отъ препровождавшаго насъ коменданта; стоя здѣсь на площади, мы ожидали до вечера сдачи; наконецъ оба начальника наши явились; насъ поставили въ два ряда и старый начальникъ, вызывая

*) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 145—160.

Библиотека "Руниверс"

каждаго по списку, передавалъ насъ новому. Послѣдній, принявъ надъ нами начальство, приказалъ сержанту развести насъ на квартиры, которыя были намъ назначены заблаговременно, такъ какъ пріѣзда нашего ожидали. Провожая насъ, сержантъ объявилъ, что намъ разрѣшено занимать квартиры не держась порядка, въ которомъ мы были внесены въ списокъ, но избирая сожителей по взаимному соглашенію. Обрадовавъ насъ этимъ распоряженіемъ, онъ тотчасъ распредѣлилъ намъ квартиры, помѣщая въ каждой, смотря по ея объему, двоихъ или троихъ, а въ небольшихъ домахъ помѣщая по одному. Мы находились подъ надзоромъ солдатъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ десятью плѣнными; они ежедневно утромъ и вечеромъ посѣщали насъ и потомъ являлись къ своему начальству съ рапортомъ. Намъ дозволено было свободно ходить по городу, подъ условіемъ являться каждое утро ко времени составленія рапорта и проводить ночь въ своей квартирѣ. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда доставлена была изъ Кіева третья партія плѣнныхъ и, подобно намъ, размѣщена въ городѣ.

Мы оставались въ Казани довольно долго, пользуясь и лучшими условіями жизни, и большею дешевизною, чѣмъ въ Кіевѣ. Казань городъ значительный, больше Кіева, расположенъ у рѣчки Казанки; нѣкогда былъ столицею и резиденціею хановъ казанскихъ татаръ; московскій царь, Иванъ Васильевичъ, взялъ приступомъ Казань, устроивши подкопъ подъ Казанкою и взорвавъ укрѣпленія порохомъ; понынѣ видны развалины и углубленія въ почвѣ, происшедшія отъ взрыва. Съ того времени Казань вошла въ составъ наслѣдственныхъ владѣній русскихъ царей. Городъ, или, лучше сказать, его цитадель окружена толстыми стѣнами, построенными изъ каменныхъ плитъ. Внутри этихъ стѣнъ построены каменные дома, отличающіеся вирочемъ архитектурою отъ европейскихъ построекъ; домовъ этихъ не много, ибо крѣпость занимаетъ незначительное пространство; сверхъ того въ цитадели помѣщается нѣсколько церквей—нѣкогда это были мечети, нынѣ онѣ передѣланы и внутри и снаружи и обращены въ церкви, но, не смотря на это, ихъ азіятская архитектура весьма явственна. По обѣ стороны крѣпости на значительномъ пространствѣ расположенъ городъ, состоящій изъ каменныхъ и деревянныхъ построекъ; онъ окруженъ другою стѣною и въ немъ живутъ исключительно россіяне; для поселенія татаръ отведена

Библиотека "Руниверс"

только одна улица, расположенная за городомъ. Хотя городъ нѣкогда и принадлежалъ казанскимъ татарамъ, но теперь въ Казани ихъ осталось весьма незначительное количество, ибо россіяне заняли весь городъ; впрочемъ татаре имѣютъ на своей улицѣ довольно красивую мечеть. За то въ окрестности Казани всѣ села безъ исключенія заселены татарами и среди нихъ нѣтъ вовсе русскихъ деревень; татарское населеніе занимаетъ край на 40 миль, за ними-же начинаются поселенія какого-то иного народа.

Среди россіянъ, живущихъ въ Казани, мы встрѣтили много знатныхъ, великодушныхъ и человѣколюбивыхъ лицъ, которыя помѣстили у себя болѣе знатныхъ нашихъ офицеровъ и позаботились объ ихъ содержаніи помимо продовольствія, выдаваемаго имъ изъ императорской казны; великодушіе и гуманность возбудили въ сердцахъ нашихъ чувства истинной благодарности къ этимъ благодѣтелямъ.

Въ теченіи зимы три партіи плѣнныхъ препровождены были изъ Кіева въ Казань, два-же маршала наши, арестованные вмѣстѣ съ нами въ Краковѣ, оставлены были въ Кіевѣ впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Мы проводили въ Казани праздникъ св. Пасхи (праздники-же Рождества Христова мы провели еще въ Кіевѣ); послѣ свѣтлаго праздника въ Казань препровождена была новая партія конфедератовъ, состоявшая изъ 160 человѣкъ, взятая въ плѣнъ у Сороки въ Молдавіи. Они были размѣщены, подобно намъ, на квартирахъ; отъ нихъ мы получили свѣдѣнія о ходѣ войны Россіи съ Портою.

Во время пребыванія нашего въ Казани, мы могли удовлетворительно продовольствоваться на получаемые 10 грошей въ сутки, но наши рядовые, получавшіе только по 4 гроша, страдали отъ голода и нищеты; они пытались искать работы, но не всѣ были въ состояніи найти занятіе: многіе изъ нихъ по пятницамъ, а также во время татарскаго байрама отправлялись къ мечети и тамъ получали обильную милостыню отъ татаръ; другіе выдавали себя за медиковъ, пользуясь тѣмъ, что въ Россіи немного лицъ, знающихъ медицину; они почти явно обманывали русское простонародіе, слѣпымъ смазывали глаза медвѣжьимъ жиромъ, утверждая, что средство это можетъ возвратить зрѣніе и т. п.

Библиотека "Руниверс"

Три недѣли спустя послѣ прихода партіи конфедератовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Молдавіи, прибылъ въ Казань новый отрядъ плѣнныхъ поляковъ; въ немъ находился капитанъ Беньовскій, который въ Польшѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гадика и получилъ чинъ полковника; онъ испыталъ большія бѣдствія, ибо солдаты, взявшіе его въ плѣнъ, ограбили его почти до нага; но въ Казани онъ поправилъ свои обстоятельства: выдавая себя за протестанта, онъ получилъ значительное пособіе отъ протестантовъ, и, при томъ, пользуясь тѣмъ, что хорошо зналъ химію, онъ свелъ дружбу съ мѣстнымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и, сообщивъ ему свои познанія, вошелъ въ сдѣлку, благодаря которой вскорѣ пріобрѣлъ значительныя деньги и весьма порядочный гардеробъ. Вообще Беньовскій былъ человѣкъ, получившій прекрасное образованіе; онъ зналъ много языковъ и обладалъ умомъ весьма сообразительнымъ и изворотливымъ. Казанскій генералъ-губернаторъ любилъ проводить время въ его обществѣ и часто приглашалъ его къ обѣду.

По истеченіи недѣли пришла еще одна довольно многочисленная партія конфедератовъ, въ числѣ которыхъ находился панъ Пулавскій, староста черешинскій и много другихъ знатныхъ лицъ; ихъ размѣстили по квартирамъ; пану Пулавскому отвели дворецъ и другимъ знатнымъ лицамъ предоставили хорошія и удобныя помѣщенія; такимъ образомъ въ Казани собралось довольно значительное количество плѣнныхъ; всѣ мы пользовались правомъ свободно ходить по городу и жили пока безъ всякаго стѣсненія. Казанскій генералъ-губернаторъ, Андрей Самаринъ, былъ сановникъ человѣколюбивый и великодушный; о немъ сказывали, что онъ нѣкогда былъ посланникомъ въ Польшѣ; жена его, дама очень умная, получила воспитаніе при императорскомъ дворѣ; они приглашали къ себѣ ежедневно пана Пулавскаго, старосту черешинскаго, и принимали его весьма гостепріимно; благодаря ихъ великодушію, онъ не только самъ устроился очень удобно, но былъ въ состояніи весьма щедро помогать другимъ конфедератамъ, находившимся въ крайней нуждѣ. Вниманіе, оказываемое въ домѣ генералъ-губернатора пану Пулавскому, отразилось улучшеніемъ положенія всѣхъ насъ вообще, ибо жители Казани, взирая на примѣръ начальника, стали оказывать намъ болѣе расположенія; въ лучшія общества насъ приглашали на вечера и развлеченія и обращались какъ съ почетными гостьми. Простонародіе также

Библиотека "Руниверс"

смотрѣло снисходительно на продѣлки нашихъ солдатъ, а начальство, подъ властью котораго мы находились, обращалось съ нами мягко и не взыскивало за проступки противъ объявленныхъ намъ правилъ.

Опять прибыла изъ Кіева новая партія конфедератовъ, взятая въ плѣнъ въ послѣднее время; въ составѣ ея находились и наши маршалы: Петръ Потоцкій, воеводичъ волынскій, и панъ Чарнецкій; мы почти всѣ вышли имъ на встрѣчу, желая привѣтствовать своихъ вождей и командировъ. Генералъ-губернаторъ, узнавъ о прибытіи ихъ въ городъ, прислалъ свою карету къ пану Потоцкому, приглашая къ себѣ обоихъ маршаловъ; но панъ Потоцкій, чувствуя большую усталость отъ дороги, извинился въ невозможности явиться немедленно и заявилъ, что онъ исполнитъ приказаніе губернатора нѣсколько предварительно отдохнувши. Карета была прислана въ другой и въ третій разъ, но онъ повторилъ свои извиненія и завѣрилъ, что явится на слѣдующій день. Между тѣмъ маіоръ, князь Голицынъ, посѣтилъ маршаловъ, и, подружившись съ паномъ Потоцкимъ, пригласилъ обоихъ къ себѣ ужинать; сопровождая маршаловъ, всѣ мы присутствовали на этомъ вечерѣ. На слѣдующее утро оба маршала отправились пѣшкомъ во дворецъ губернатора; нѣсколько сотъ конфедератовъ собралось, чтобы сопровождать ихъ, ибо мы хотѣли заявить, что не только на родинѣ обязаны были повиноваться вождямъ своимъ, но даже и въ неволѣ считаемъ долгомъ своимъ оказывать имъ почтеніе и возможныя заявленія почета; толпа наша не могла помѣститься не только въ пріемной, но и во дворѣ дома, и привела генералъ-губернатора въ нѣкоторое удивленіе; проводивъ такимъ образомъ маршаловъ, мы разошлись по домамъ.

Нѣсколько недѣль спустя доставлена была изъ Кіева въ Казань еще одна партія плѣнныхъ; эти разсказывали намъ, что въ Кіевѣ они оставили еще значительное количество плѣнныхъ, какъ поляковъ, такъ и турокъ, которыхъ уже достаточное количество находится въ плѣну; ихъ препровождаютъ изъ Кіева въ Ригу, Владиміръ и Петербургъ. Такъ какъ Казань оказалась переполнена конфедератами, то начальство стало заботиться о томъ, чтобы часть ихъ препроводить на жительство въ другіе города, часть-же включить въ составъ своей арміи. Съ этою цѣлью всѣхъ насъ, за исключеніемъ болѣе знатныхъ лицъ, призывали въ канцелярію, мѣряли ростъ каждаго и записывали возрастъ. Правда,

Библиотека "Руниверс"

при этомъ губернаторъ освѣдомлялся, кто изъ насъ по происхожденію дворянинъ, слѣдовательно свободенъ отъ солдатской службы, но среди насъ-же оказалась нѣкая презрѣнная личность, которая стала убѣждать губернатора не обращать на это вниманія и всѣхъ шляхтичей безъ разбору зачислять въ солдаты. Дѣло клонилось уже къ такому исходу; но, узнавъ объ угрожавшей опасности, мы отправились всѣ во дворецъ и подали записку вмѣстѣ со спискомъ всѣхъ конфедератовъ, въ которомъ противъ каждой фамиліи находилось обстоятельное поясненіе сословія, званія и военнаго чина, принадлежавшихъ каждому изъ насъ. Генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на эту записку и уважилъ наше заявленіе, но солдаты наши были раздѣлены на два отряда и отправлены: одинъ въ числѣ 270 человѣкъ въ Оренбургъ, городъ отстоящій отъ Казани на 170 миль, другой изъ 200 человѣкъ—въ Тобольскъ, лежащій въ 200 миляхъ отъ Казани; оба отряда были зачислены въ мѣстные гарнизоны. Мы были сильно опечалены, разставаясь съ ними въ виду столь отдаленнаго похода, въ который они отправлялись пѣшкомъ; мы предчувствовали, что подобная-же участь вскорѣ и насъ постигнетъ и дѣйствительно послѣдовавшія распоряженія оправдали наше грустное предчувствіе. Они выступили въ походъ и со слезами прощались съ нами; мы также плакали разставаясь, проводили ихъ за городъ и, попрощавшись по братски, возвратились удрученные печалью въ свои квартиры.

Вскорѣ, вслѣдствіе излишняго скопленія плѣнныхъ въ Казани, рѣшено было до наступленія зимы препроводить нѣкоторыхъ изъ насъ на жительство въ другіе города. Составлена была партія въ 170 человѣкъ и приказано было препроводить ее въ городъ Кунчуръ, находящійся въ 70 миляхъ отъ Казани. Для насъ приготовили повозки, и, усадивъ по три человѣка на каждую, отправили въ путь, въ сопровожденіи 10 конвойныхъ солдатъ и подъ начальствомъ капитана.

Выѣхавъ изъ Казани, мы ѣхали среди сплошнаго татарскаго населенія, на ночь останавливались въ татарскихъ селахъ, гдѣ хозяева принимали насъ весьма радушно. Ко мнѣ впрочемъ татаре относились съ омерзѣніемъ, потому что я купилъ на дорогу цѣлую свинную тушу и варилъ ее-себѣ въ пищу на ночлегахъ. Это вселяло въ нихъ отвращеніе, ибо свинное мясо по корану считается нечистымъ. Въ татарскихъ

Библиотека "Руниверс"

селахъ вовсе нѣтъ помѣщиковъ и села эти не подчиняются и не принадлежатъ ханамъ; всѣ жители зажиточные и бѣдные свободны. Въ каждомъ селѣ есть начальникъ, назначенный изъ татаръ, который разбираетъ ихъ тяжбы и ссоры; въ каждомъ селѣ есть также мечеть, куда они собираются для молитвы. Татарскія села встрѣчались намъ на протяженіи болѣе 30 миль; миновавъ ихъ, мы въѣхали въ страну, заселенную другимъ народомъ,—вотяками. Народъ этотъ отличается отъ татаръ обычаями и костюмомъ и исповѣдуетъ особую религію. Письменъ и литературы они вовсе не знаютъ и никогда не имѣли. Женщины ихъ поражали насъ странною одеждою, особенно-же головнымъ уборомъ, почти въ аршинъ вышиною; входя въ избу, они принуждены въ дверяхъ наклонять очень низко голову изъ опасенія задѣть и испортить постройку, возвышающуюся на ихъ головѣ; остальная одежда ихъ сдѣлана изъ холста и разшита цвѣтною шерстью, притомъ каждая носитъ поверхъ одежды небольшой мѣшечокъ, укрѣпленный на узкомъ ременномъ пояскѣ. Мужчины носятъ костюмъ, ничѣмъ не отличающійся отъ костюма великороссіянъ, и отпускаютъ бороды. Мы видѣли ихъ молящихся—совершать молитву они отправляются въ лѣсъ и творятъ ее у избранной высокой и гладкой березы. Они также приносятъ жертвы: быковъ и барановъ, которыхъ сожигаютъ и остатки бросаютъ на съѣдніе собакамъ. Среди этого населенія мы ѣхали около 20 миль, затѣмъ уже встрѣтили села великорусскія. Останавливаясь на ночлеги, мы продовольствовались на собственный счетъ, ибо на пути мы продолжали получать опредѣленныя на наше содержаніе деньги; проѣхавъ болѣе 10 миль отъ границъ вотяковъ, мы наконецъ достигли города Кунгура. На другой день послѣ нашего пріѣзда, насъ настигла здѣсь другая партія плѣнныхъ поляковъ, отправленная изъ Казани; вмѣстѣ съ ними прислано было распоряженіе о томъ, чтобы эту партію поселить въ Кунгурѣ, а насъ отправить на зиму еще дальше за 80 миль въ городъ Соликамскъ. Отдохнувъ еще два дня въ Кунгурѣ и запасшись въ виду наступающей зимы необходимымъ, мы отправились на повозкахъ въ дальнѣйшій путь. По дорогѣ въ Соликамскъ мы встрѣчали села татарскія, черемискія и великорусскія; впрочемъ по ту сторону Кунгура татаре поселились въ незначительномъ количествѣ; намъ однако довелось еще нѣсколько разъ ночевать въ ихъ селахъ и мы покупали

Библиотека "Руниверс"

у татаръ по довольно сходной цѣнѣ войлоки и бурки, въ которыхъ чувствовалась необходимость, ибо вдругъ наступили сильные морозы и намъ пришлось оставить повозки и продолжать путь на саняхъ. Вскорѣ мы въѣхали въ страну населенную черемисами. Народъ этотъ показался намъ менѣе культурнымъ, чѣмъ тѣ народы, которые мы понынѣ видѣли; онъ отличался также особеннымъ костюмомъ и своеобразными обычаями. Одежда женщинъ весьма оригинальна: она состоитъ изъ холщевой рубахи, расшитой разноцвѣтною шерстью и обхваченной поясомъ; поверхъ рубахи черемиски надѣваютъ одежду также холщевую, совершенно похожую на кармелитскій нагрудникъ (scapularium), также расшитую цвѣтною шерстью и украшенную многочисленными бляшками оловянными и бронзовыми; внизу, спереди и сзади, эта одежда обшита длинною бахромою изъ цвѣтной шерсти. Дѣвушки носятъ на головѣ шапочки, совершенно похожія на ермолки, которыя надѣваютъ наши евреи; на шапочкахъ этихъ также нашиты многочисленныя круглыя бляшки оловяныя и бронзовыя, сдѣланныя на подобіе монетъ; впрочемъ болѣе богатыя нашиваютъ настоящія серебряныя монеты. Шапочки эти шьются изъ шелковой китайской матеріи различнаго цвѣта; онѣ бываютъ черныя, красныя, зеленыя и т. п. Замужнія женщины носятъ головной уборъ еще болѣе странный, напоминающій покроемъ капюшонъ бернардинской рясы: онъ очень длиненъ и свѣшивается сзади почти до пояса; каждая женщина носитъ притомъ небольшой мѣшечокъ, привѣшенный на узкомъ ремешкѣ; какъ кажется, мѣшечокъ этотъ онѣ обязаны надѣвать по предписаніямъ своей вѣры. Костюмъ мужчинъ не отличается нисколько отъ одежды великоруссовъ. Религія этого народа совсѣмъ отлична отъ религіи другихъ языческихъ племенъ, но мнѣ не удалось собрать о ней свѣдѣній, ибо черемисы говорятъ совершенно непонятнымъ, самостоятельнымъ языкомъ; я замѣтилъ только, что въ селахъ ихъ нѣтъ вовсе ни мечетей, ни другихъ молитвенныхъ домовъ; не случилось также видѣть ихъ совершающими молитву; говорятъ, что они приносятъ жертвы посредствомъ сожиганія; вообще это народъ грубый, деревенскій, не имѣетъ ни письменности, ни грамоты. Проѣхавъ около 20 миль по странѣ черемисской, мы вновь встрѣтили села великорусскія и, постоянно пользуясь санною дорогою, достигли города Соликамска среди сильныхъ морозовъ. Пріѣхавъ въ городъ, мы остановились на

Библиотека "Руниверс"

рынкѣ; здѣсь на встрѣчу къ намъ вышелъ капитанъ Вольскій, также изъ числа плѣнныхъ конфедератовъ; его взялъ къ себѣ въ домъ изъ Казани соликамскій воевода и поручилъ ему преподавать своимъ дѣтямъ французскій языкъ; онъ былъ одѣтъ весьма прилично, между тѣмъ какъ наша одежда была очень невзрачна и изорвана. Вольскій привѣтствовалъ насъ весьма любезно, обнималъ и многимъ окоченѣвшимъ отъ холода помогалъ выходить изъ саней. Насъ, по приказанію начальства, поспѣшно размѣстили въ теплыя квартиры и только на слѣдующій день комендантъ, сопровождавшій насъ, передавалъ насъ по списку мѣстному начальству.

Соликамская провинція принадлежитъ къ казанской губерніи, не смотря на то, что лежитъ въ значительномъ разстояніи отъ Казани; она состоитъ подъ управленіемъ особаго воеводы (такой титулъ въ Россіи носятъ начальники провинцій). Названіе города произошло отъ солеваренныхъ заводовъ, находящихся въ его окрестности и отъ имени большой рѣки Камы, протекающей вблизи города. Городъ окруженъ весьма обширными и густыми лѣсами, въ которыхъ мы видѣли неимовѣрное количество тетеревей; мѣстные крестьяне ловятъ ихъ весьма легко и доставляютъ въ городъ цѣлыя повозки нагруженныя этою дичью; пара тетеревей обыкновенно стоитъ не дороже трехъ грошей; за то хлѣбъ въ Соликамскѣ былъ очень дорогъ, такъ что денегъ, выдаваемыхъ намъ, не хватало на прокормленіе, тѣмъ болѣе что мы должны были часть ихъ употреблять на пріобрѣтеніе одежды; конечно, положеніе тѣхъ, которые получали только по 4 гроша въ сутки, было безвыходно. Намъ разрѣшено было совершенно свободно ходить по городу и за городъ въ близъ лежащія села; излишне было опасаться побѣга кого-либо изъ насъ; мы находились на разстояніи болѣе 300 миль отъ границъ Польши, и очевидно никто изъ насъ не дерзнулъ-бы и подумать о столь отдаленномъ и опасномъ пути; даже мѣстные уроженцы не отваживаются удаляться болѣе чѣмъ за три мили безъ паспорта, ибо, въ противномъ случаѣ, они подвергаются аресту и большимъ взысканіямъ.

Въ Россіи вообще наказанія, положенныя за различныя преступленія, очень строги и суровы; странно однако то обстоятельство, что страхъ наказанія нисколько не удерживаетъ отъ преступленій и не

Библиотека "Руниверс"

ослабляетъ дурныхъ наклонностей; такъ лицъ, занимающихся воровствомъ и разбоемъ, очень много въ томъ краѣ; разбойники промышляютъ и на сушѣ и на водѣ; они разъѣзжаютъ въ суднахъ по Волгѣ и Камѣ, производятъ грабежи и затѣмъ укрываются въ дремучихъ лѣсахъ на берегахъ этихъ рѣкъ. Мы видѣли многихъ разбойниковъ, попавшихся въ руки правосудія; между ними были молодые и старики, сознававшіеся въ томъ, что съ ранней молодости, въ теченіи 40 лѣтъ и болѣе, они исключительно жили разбоемъ. Наказаніе, которому они обыкновенно подвергались, состояло въ томъ, что ихъ били кнутомъ, вырывали ноздри, выжигали на лицахъ позорныя надписи и затѣмъ ссылали въ ссылку, опредѣляя ихъ до конца жизни на работу въ серебрянныхъ рудникахъ или въ крѣпостяхъ. Такихъ преступниковъ во всей Россіи насчитываютъ до 200,000, а сосредоточены они главнымъ образомъ въ Сибири; имъ выдаютъ ежегодно одежду, для прокормленія же они получаютъ натурою муку и по четыре гроша въ мѣсяцъ для покупки соли.

Городъ Соликамскъ застроенъ довольно порядочными деревянными домами; въ немъ находится нѣсколько каменныхъ церквей. По ту сторону города лежатъ громадные дремучіе лѣса, совершенно пустынные и необитаемые, которые простираются, какъ намъ сказывали, на разстояніи 200 миль до береговъ Ледовитаго океана; къ востоку-же предѣлы лѣса невѣдомы и для россіянъ. Находясь въ этомъ городѣ зимою, мы были удивлены продолжительностью ночи: до 12 часовъ дня господствуетъ такой мракъ, что, идя по улицѣ, не видишь мимо проходящихъ людей; только послѣ полудня восходитъ солнце и можно пользоваться нѣкоторое время дневнымъ свѣтомъ. За то лѣтомъ нельзя отличить ночи отъ дня и даже послѣ заката солнца можно свободно читать и писать безъ освѣщенія. Пребываніе наше въ Соликамскѣ было для насъ очень тягостно по причинѣ непомѣрной дороговизны съѣстныхъ припасовъ, случившейся вслѣдствіе плохаго урожая; конфедераты должны были искать возможности трудиться и предлагали свои услуги для всякой работы. Въ городѣ жилъ въ то время знатный вельможа, по имени Турчаниновъ; онъ намъ щедро отпускалъ подаяніе и часто приглашалъ къ себѣ обѣдать; послѣ обѣда онъ никого не отпускалъ безъ того, чтобы не надѣлить гостя подаркомъ. Ежедневно на дворъ его дома при-

Библиотека "Руниверс"

ходило до 150 человѣкъ изъ мѣстныхъ неимущихъ жителей и о ъ всѣхъ снабжалъ милостынею. Вельможа этотъ былъ очень богатъ, но его добродѣтель и великодушіе превосходили его богатство. Мѣстные жители его очень любили и уважали, мы-же осыпали его искренними похвалами и чувствовали къ нему глубокое почтеніе и благодарность. Въ Соликамскѣ мы получали часто извѣстія отъ своихъ земляковъ изъ Казани, которыя сообщали намъ проѣзжавшіе купцы. Они извѣщали насъ какъ о ходѣ войны, такъ и о судьбѣ плѣнныхъ поляковъ; количество послѣднихъ постоянно увеличивалось и безпрестанно присылались новыя партіи изъ Кіева въ Казань, отсюда-же ихъ распредѣляли въ другія города и водворяли тамъ на жительство. Въ Соликамскѣ мы праздновали и Рождество Христово и св. Пасху; здѣсь мы встрѣтили 1770-й годъ, въ теченіи котораго отправились въ дальнѣйшій путь, какъ о томъ ниже будетъ сказано. Во время пребыванія нашего въ этомъ городѣ, семь изъ числа нашихъ товарищей умерли; мы ихъ похоронили въ отдѣльномъ мѣстѣ, далеко за городомъ. Соликамскій воевода былъ человѣкъ строгій и ненавидѣвшій поляковъ, но онъ не могъ насъ притѣснять излишне, такъ какъ долженъ былъ подчиняться инструкціямъ, заключавшимся въ указахъ, присланныхъ ему вмѣстѣ съ нами.

Въ этомъ году стали насъ называть оффиціально и обозначать въ спискахъ конфедератами, до того-же времени насъ именовали бунтовщиками и мятежниками; перемѣна эта случилась вслѣдствіе спеціальнаго указа, присланнаго изъ военной коллегіи. Въ исходѣ года пребыванія нашего въ Соликамскѣ, мы получили извѣстіе о томъ, что партія въ 200 человѣкъ плѣнныхъ поляковъ отправлена изъ Казани въ Сибирь, въ городъ Тобольскъ, что она должна слѣдовать черезъ Соликамскъ и что полученъ указъ изъ военной коллегіи, чтобы всѣхъ насъ туда-же препроводить. Дѣйствительно вскорѣ мы дождались прихода этой партіи; она оставалась въ Соликамскѣ въ теченіи двухъ дней и запасалась провіантомъ для дальнѣйшаго пути, который пролегалъ на протяженіи 30 миль по лѣсной пустынѣ; хотя въ лѣсу у дороги и построены кое-гдѣ деревушки и дома для стоянокъ, но въ нихъ невозможно достать съѣстныхъ припасовъ, особенно для столь многочисленнаго отряда. Отдохнувъ два дня въ Соликамскѣ и скупивъ достаточное количество провіанта, партія плѣнныхъ отправилась на

Библиотека "Руниверс"

повозкахъ въ дальнѣйшій путь. Двѣ недѣли спустя послѣ ея выхода, приказано было и намъ, жившимъ въ Соликамскѣ, собираться въ дорогу и запасаться провіантомъ. Когда нужные запасы были приготовлены, отправили насъ въ путь по слѣдамъ проходившей партіи.

ГЛАВА V.

Препровожденіе пльнныхъ въ Сибирь.

Понынѣ мы погружены были въ печаль вслѣдствіе удаленія изъ отечества и ссылки въ отдаленную страну и претерпѣвали большую нужду и голодъ; но отчаяніе наше еще болѣе усилилось при извѣстіи, что насъ предназначено услать еще дальше; все то, что мы претерпѣли понынѣ, служило намъ несомнѣннымъ указаніемъ на то, что угрожало намъ въ будущемъ. Изъ Соликамска насъ отправили въ путь на повозкахъ. Проѣхавъ милю отъ города, обозъ нашъ вступилъ въ огромный, густой лѣсъ, по которому мы ѣхали въ продолженіи цѣлаго дня; къ ночи мы достигли поселенія, гдѣ назначенъ былъ нашъ ночлегъ. Это была маленькая деревушка, состоящая изъ десятка дворовъ; она расположена у подножія каменистыхъ горъ, на берегу рѣки и совершенно окружена лѣсомъ; жители не пользуются вовсе полями и охота составляетъ единственный источникъ ихъ пропитанія. Въ лѣсахъ водится большое количество лосей, которыхъ они ловятъ во множествѣ, загоняя въ приспособленныя для этой цѣли ямы. Деревушку посѣщаютъ купцы, которые въ обмѣнъ за лосьи кожи доставляютъ жителямъ хлѣбъ и другіе съѣстные припасы; мы нашли здѣсь въ изобиліи мясо лосей и покупали его не дороже двухъ грошей за фунтъ. Переночевавъ въ этой деревушкѣ, тронулись въ дальнѣйшій путь. Мы спрашивали жителей деревни, какъ далеко простираются окружающіе ихъ лѣса; они отвѣчали намъ, что никто изъ нихъ этого не знаетъ, ибо если-бы кому-нибудь пришла мысль изслѣдовать ихъ пространство, то онъ навѣрно потерялся-бы въ пустынѣ, умеръ-бы отъ голода и не былъ-бы въ состояніи возвратиться обратно. Въ теченіи пяти дней мы ѣхали среди лѣса, останавливаясь въ деревушкахъ, подобныхъ описанной; наконецъ мы встрѣтили пахатное поле, принадлежащее городу Верхотурью,

Библиотека "Руниверс"

который принадлежитъ уже къ Сибири; въ полумили отъ лѣса мы достигли этого города около двѣнадцати часовъ дня. Здѣсь тотчасъ узнали, что мѣстный воевода получилъ приказъ задержать насъ на зиму въ этомъ городѣ. Конвой, провожавшій насъ, возвратился въ Соликамскъ, сдавъ насъ мѣстнымъ властямъ, и намъ отвели довольно удобныя квартиры. Въ городѣ этомъ припасы были дешевле, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, и потому мы обрадовались возможности устроиться болѣе удобно, чѣмъ въ Соликамскѣ. Верхотурье главный городъ провинціи того-же имени, входящей въ составъ тобольской губерніи; воевода, управлявшій провинціею, оказался человѣкомъ весьма образованнымъ и учтивымъ; онъ былъ къ намъ милостивъ и снисходителенъ, приглашалъ насъ часто къ себѣ и обращался вѣжливо во время нашихъ посѣщеній; мы всѣ полюбили его искренно и были глубоко благодарны за его великодушіе и человѣколюбіе.

Въ Верхотурьи мы прожили два мѣсяца; вдругъ присланъ былъ неожиданно приказъ о томъ, чтобы насъ препроводить еще за 15 миль дальше, въ городъ Тюмень, такъ какъ новая партія плѣнныхъ поляковъ назначена была въ Верхотурье, и мы должны очистить для нея мѣсто. Немедленно приготовлены были повозки, и мы, собравшись поспѣшно, отправились въ дальнѣйшій путь. Дорога наша пролегала по обширной равнинѣ, на которой часто встрѣчались селенія. Вообще понятія наши о Сибири оказались совершенно ошибочными; мы полагали, что страна эта представляетъ пустыню, весьма слабо населенную, а между тѣмъ на пути мы встрѣчали многочисленныя, богатыя и многолюдныя села, изобиловавшія всѣмъ необходимымъ для жизни; народонаселеніе было гораздо привѣтливѣе, чѣмъ въ европейской Россіи. Путь нашъ пролегалъ черезъ богатыя слободы, и вскорѣ мы достигли города Тюменя, въ который прибыли около 4 часовъ дня. По обыкновенію начальникъ нашего конвоя передалъ насъ по списку мѣстнымъ властямъ, и мы были размѣщены на довольно удобныхъ квартирахъ. Городъ Тюмень гораздо больше и красивѣе Верхотурья, притомъ онъ славится торговлею и предпріимчивостью своихъ купцовъ и вслѣдствіе того изобиліемъ предметовъ продовольствія. Говядина и рыба здѣсь неимовѣрно дешевы: мы покупали 60 карасей за копѣйку (т. е. за два гроша) и за такую-же цѣну, а иногда еще дешевле, пріобрѣтали фунтъ говядины;

Библиотека "Руниверс"

равно дешевы были хлѣбные и молочные продукты. Мы покупали также по весьма сходной цѣнѣ китайскія ткани и лосьи кожи, изъ которыхъ многіе шили себѣ весьма прочную одежду. Въ окрестности Тюменя, кромѣ русскихъ селъ, находится также много татарскихъ слободъ, такъ какъ вся Сибирь составляла нѣкогда татарское самостоятельное царство.

Между тѣмъ наступала зима, которую мы надѣялись прожить въ Тюмени. Тотъ отрядъ плѣнныхъ, который жилъ въ Кунгурѣ, отправленъ былъ прямымъ путемъ въ Тобольскъ, и вообще всѣ партіи конфедератовъ отовсюду разными трактами стали пересылать туда-же. Генералъ-губернаторъ тобольскій по своему усмотрѣнію распредѣлялъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они подходили; однимъ онъ прибавлялъ плату на содержаніе, другихъ опредѣлялъ въ солдаты и въ козаки. Наши рядовые всѣ были тогда сданы въ военную службу, которая въ Россіи очень тяжела и вознаграждается весьма скуднымъ жалованьемъ, и потому тѣ изъ нихъ, которые были въ нее зачислены, предавались глубокому отчаянію. Тобольскаго генералъ-губернатора звали Денисъ Ивановичъ Чичеринъ; это былъ человѣкъ великодушный, но очень гордый и притомъ самодуръ; украшенъ былъ тремя звѣздами, носилъ титулъ сибирскаго намѣстника, пользовался властью весьма обширною и имѣлъ почти неограниченныя полномочія. Онъ говорилъ немного по-польски; каждый день нѣсколько десятковъ поляковъ онъ призывалъ къ своему столу, ибо велъ жизнь открытую, и множество людей у него обѣдало ежедневно. Многіе среди насъ знали довольно сносно музыку и имѣли инструменты, купленные въ Казани; это очень понравилось генералъ-губернатору, и онъ призывалъ ихъ въ качествѣ оркестра на свои балы и вечера, такъ какъ лучшихъ музыкантовъ въ той странѣ не было; вообще генералъ-губернаторъ любилъ всякія увеселенія и могъ имъ предаваться, такъ какъ былъ очень богатъ; онъ былъ вдовъ, и все его семейство состояло изъ одной, еще малолѣтней, дочери.

Многіе изъ нашихъ шляхтичей, желая пріобрѣсти болѣе значенія, выдавали себя графами, хотя въ отечествѣ не только не пользовались знатностью, но даже не имѣли поземельной собственности; нѣкоторое время имъ удавалось пользоваться почетомъ и извлекать выгоды изъ своего самозванства. Другіе играли роль опытныхъ медиковъ, хотя на родинѣ занимались портняжествомъ или другимъ ремесломъ; долго и эти

Библиотека "Руниверс"

пользовались успѣхомъ и даже собрали практикою значительныя суммы, но обманъ ихъ потомъ обнаружился, и они понесли жестокое наказаніе. Многіе составили драматическую труппу и стали давать представленія по образцу діалоговъ, устраиваемыхъ въ іезуитскихъ школахъ. Генералъ-губернаторъ помогъ имъ пріобрѣсти нужные костюмы и посѣщалъ ихъ представленія вмѣстѣ съ дочерью; при этомъ онъ каждый разъ платилъ за билетъ по 150 рублей; притомъ всѣ знатныя лица и офицеры, бывшіе на этихъ спектакляхъ, должны были вносить соразмѣрную плату. Вообще плѣнные стали придумывать всевозможныя развлеченія, желая извлечь для себя пользу изъ права вельможи богатаго и щедраго. Нѣсколько человѣкъ поступили на службу въ число его придворныхъ гусаръ, другіе-же были зачислены насильно въ этотъ отрядъ.

Между тѣмъ мы проживали покойно въ Тюмени и встрѣтили здѣсь праздники Рождества Христова; вѣроятно мы-бы провели здѣсь всю зиму, если-бы легкомысленный поступокъ одного изъ насъ, капитана Мочидловскаго, не подалъ повода къ новому передвиженію. Неожиданно полученъ былъ приказъ о немедленной отправкѣ насъ въ Тобольскъ; въ полночь приказано было намъ собираться въ путь, который притомъ, не смотря на страшный морозъ и большіе снѣга, мы должны были совершить пѣшкомъ; мы едва имѣли время собраться, должны были за безцѣнокъ продать нашимъ хозяевамъ запасы, которые заготовили на зиму и, среди ночи, тронулись изъ Тюменя въ дорогу. Мы совершили пѣшкомъ путь въ 25 миль въ Тобольскъ и, прибывъ въ этотъ городъ, долго стояли на площади, ожидая распоряженій начальства. Здѣсь простояли мы на сильномъ морозѣ 4 часа, наконецъ, подъ вечеръ, насъ провели на дворъ губернаторскаго дворца; оттуда мы были позваны въ канцелярію, гдѣ стали записывать нашъ возрастъ и мѣрять нашъ ростъ; это предвѣщало намъ опредѣленіе въ военную службу. Когда составленіе списковъ было окончено, насъ вывели изъ канцеляріи и построили передъ гауптвахтою въ двѣ шеренги, затѣмъ вызвали изъ строя капитана Мочидловскаго и, помѣстивъ его передъ фронтомъ, стали его жестоко наказывать палками, двѣ связки которыхъ были доставлены для этой экзекуціи. Наказаніе продолжалось очень долго и, когда онъ не былъ уже въ силахъ устоять на ногахъ, тогда отрядили четырехъ гренадеръ, которые поддерживали его на ружьяхъ. Оставаясь

Библиотека "Руниверс"

въ ширенгахъ, мы принуждены были смотрѣть на эту казнь; она продолжалась до того времени, пока изъ дворца генералъ-губернатора не раздался окликъ: „полно“. Тогда бившіе прекратили наказаніе и потерпѣвшій отправленъ былъ на гауптвахту для отдыха. Проступокъ, совершенный Мочидловскимъ, былъ по истинѣ пустой, и по всей справедливости не заслуживалъ столь суровой кары; я не стану разсказывать о немъ, какъ вслѣдствіе его маловажности, такъ и для избѣжанія излишняго велерѣчія [1]).

Послѣ того всѣхъ насъ еще разъ повѣрили по списку и отвели на квартиры, за исключеніемъ трехъ человѣкъ, отличавшихся высокимъ ростомъ: Павла Скрелевскаго, Михаила Милевскаго и Войтеха Тенчинскаго, которыхъ назначили въ гренадерскую роту и отправили въ казармы вмѣстѣ съ солдатами. На слѣдующій день упомянутыхъ трехъ рекрутовъ отвели въ церковь и приказали имъ исполнить присягу на вѣрность въ военной службѣ; они отказались наотрѣзъ принять присягу и потому были посажены подъ арестъ и затѣмъ жестоко и позорно наказаны: ихъ вывели на площадь, раздѣли до нага и, привязавъ къ

---

[1]) Это умолчаніе Хоецкаго мы можемъ пополнить со словъ другого мемуариста, его современника и соузника. Въ числѣ плѣнныхъ конфедератовъ находилось нѣсколько французскихъ офицеровъ, поступившихъ на службу въ конфедератское войско, съ согласія своего правительства; между ними былъ полковникъ Белькуръ (Belcourt), составившій, послѣ возврата на родину, обстоятельныя записки о своемъ пребываніи въ Сибири; записки эти были изданы въ 1776 году въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: «Relation ou journal d'un officier français au service de la confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Siberie». Въ запискахъ Белькура, на стр. 67, мы находимъ слѣдующій разсказъ о дѣлѣ Мочидловскаго: «одинъ капитанъ польскій, сосланный въ Тюмень, былъ помѣщенъ на квартирѣ въ домѣ какой-то женщины, состоявшей въ негласной связи съ предсѣдателемъ одной изъ коллегій. Пребываніе капитана въ этомъ домѣ предсѣдатель счелъ для себя неудобнымъ и употребилъ мѣры для того, чтобы удалить его и склонить къ переходу на другую квартиру. Но такъ какъ капитанъ не внялъ внушеніямъ, то предсѣдатель прибѣгъ къ средству весьма дѣйствительному. Онъ написалъ генералъ-губернатору доносъ на капитана, обвинивъ его во всемъ, что ему вздумалось, и присоединилъ къ доносу подарокъ. Тотчасъ полученъ былъ приказъ о томъ, чтобы отправить всѣхъ плѣнныхъ въ Тобольскъ и, лишь только они прибыли въ этотъ городъ, капитанъ былъ наказанъ 200 ударовъ и затѣмъ, полумертвый, былъ уложенъ на сани и отправленъ въ г. Тару, лежащій въ 500 верстахъ дальше за Тобольскомъ.

Библиотека "Руниверс"

какому-то деревянному снаряду ремнями за шею, ноги и руки, долго били ихъ плетью до того, что по временамъ клочки ихъ тѣла отрывались; послѣ наказанія ихъ отвели на гауптвахту, гдѣ они находились въ теченіи сутокъ подъ арестомъ. Затѣмъ на слѣдующій день выстроены были два баталіона солдатъ, и барабанщикамъ приказано было принести нѣсколько связокъ палокъ и „батожья“; арестантовъ вывели, угрожая имъ вторичнымъ наказаніемъ, но при видѣ этихъ несчастныхъ, едва переводившихъ дыханіе, для всѣхъ стало очевиднымъ, что они не выдержатъ новой казни; потому, благодаря заступничеству нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ, они были освобождены отъ наказанія и отправлены въ лазаретъ на излеченіе, а послѣ выздоровленія ихъ зачислили въ военную службу. Капитанъ Мочидловскій былъ также освобожденъ изъ подъ ареста по причинѣ болѣзни, и затѣмъ всѣ мы, прибывшіе изъ Тюмени, вмѣстѣ съ 150 другихъ конфедератовъ, жившихъ въ Тобольскѣ, отправлены были въ городъ Тару, находящійся въ 50 миляхъ отъ Тобольска.

В. А.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Leopold Hauzer.—Monografja miasta Przemyśla. Przemyśl, 1883.

Леопольдъ Гаузеръ.—Монографія о городѣ Перемышлѣ. Перемышль, 1883 г.

Сочиненіе г. Гаузера, посвященное описанію одного изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, представляетъ книжку весьма интересную по содержанію и притомъ изданную весьма тщательно и изящно. Къ книгѣ приложены четыре рисунка, исполненные очень удовлетворительно, изображающіе: планъ и видъ города въ XVII столѣтіи, современный видъ Перемышля и копію изъ древней картины, хранящейся въ перемышльской ратушѣ и изображающей, согласно съ народнымъ преданіемъ, чудесное избавленіе города отъ нашествія войскъ семиградскаго князя Юрія Ракочи въ 1657 году.

По содержанію книга распредѣлена на два отдѣла: историческій и статистическій. Въ историческомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ главу, содержащую библіографическій перечень 14 статей и монографій, посвященныхъ описанію Перемышля, съ указаніемъ содержанія и краткимъ разборомъ важнѣйшихъ изъ нихъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе многочисленныхъ архивовъ свѣтскихъ и духовныхъ, заключающихъ въ себѣ матеріалы для исторіи Перемышля. Особенный интересъ представляетъ подробное описаніе магистратскаго перемышльскаго архива, понынѣ неизвѣстнаго въ исторіографіи, такъ какъ архивъ этотъ былъ собранъ, приведенъ въ порядокъ и описанъ только въ послѣднее время (1874—1877) по почину и на счетъ перемышльской городской рады (т. е. думы). Этотъ въ высокой степени цѣнный и обширный архивъ заключаетъ въ себѣ документы, относящіеся къ исторіи города, начиная съ половины XIV столѣтія (древнѣйшій документъ помѣченъ 1356 годомъ). Сообщая

Библиотека "Руниверс"

довольно подробное описаніе этого архива, г. Гаузеръ разсказываетъ при каждомъ отдѣлѣ его значеніе и сообщаетъ въ краткихъ, но весьма отчетливыхъ чертахъ сущность городскаго управленія при господствѣ магдебургскаго права, характеризируетъ дѣятельность и районъ власти городскихъ коллегій, цеховое устройство, управленіе городскими финансами и т. п.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію исторіи города Перемышля и передаетъ ее въ весьма живомъ и обстоятельномъ разсказѣ, основывалсь какъ на архивныхъ документахъ, важнѣйшіе изъ которыхъ приводитъ цѣликомъ, такъ и на ссылкахъ на историческихъ писателей. Въ этомъ отдѣлѣ труда г. Гаузера мы, впрочемъ, не можемъ не замѣтить нѣкоторой неравномѣрности въ отдѣлкѣ частей его. Такъ исторіи Перемышля за время съ 981—1341, т. е. за то время, когда городъ этотъ былъ столицею или однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ галицко-русскаго княжества, посвящено едва 5 страницъ; авторъ отказывается даже сообщить важнѣйшіе факты и хоть-бы бѣглый перечень исторіи Перемышля за это время и рекомендуетъ читателю искать ихъ въ книгѣ, составленной г. Анатоліемъ Левицкимъ. Полагаемъ, что это уклоненіе автора отъ изображенія исторіи избраннаго имъ города въ русскій періодъ его жизни, является пробѣломъ, достойнымъ сожалѣнія и нарушающимъ хорошее общее впечатлѣніе, производимое его почтеннымъ трудомъ.

Съ 1340 и особенно съ 1389 года, когда Перемышль получилъ отъ короля Владислава Ягайла жалованную грамоту на магдебургское право, авторъ разсказываетъ его исторію весьма подробно, сначала въ общемъ очеркѣ, потомъ въ подробной лѣтописи, въ которую онъ заноситъ по годамъ всѣ важнѣйшія событія, касавшіяся внѣшней и внутренней исторіи города. Очеркъ свой авторъ заключаетъ подробнымъ описаніемъ города и возстановленіемъ его плана въ XVII столѣтіи. Планъ и видъ города составлены г. Гаузеромъ на основаніи старинныхъ рисунковъ (Целлярiуса и двухъ хранящихся въ мѣстномъ магистратѣ) и дополнены весьма тщательно и удачно данными, заимствованными изъ архивныхъ источниковъ.

Статистическій отдѣлъ книги заключаетъ въ себѣ многочисленныя данныя относительно состоянія и движенія народонаселенія, очеркъ современнаго городскаго управленія и отчетъ о состояніи просвѣщенія и школъ, санитарной части, перечень товариществъ кредитныхъ, сельскохозяйственныхъ, благотворительныхъ и т. п., а также данныя о фабричной и ремесленной производительности Перемышля. Въ отдѣлѣ этомъ весьма видное мѣсто отведено управленію и учрежденіямъ духовнымъ, разсказана исторія отдѣльныхъ церквей и монастырей, исторія насажде-

Библиотека "Руниверс"

нія католичества въ Перемышлѣ, постепенный захватъ «схизматическихъ», какъ выражается авторъ по старой привычкѣ, церквей, введеніе уніи и вліяніе на церковныя дѣла реформъ Іосифа II; приложены при этомъ списки епископовъ: католическихъ, православныхъ и уніатскихъ, управлявшихъ перемышльскою епархіею.

Вообще книга г. Гаузера представляетъ сводъ весьма интересныхъ и многосторонникъ свѣдѣній о Перемышлѣ; свѣдѣнія эти изложены толково и интересно; просмотрѣвъ «монографію о Перемышлѣ», невольно является желаніе, чтобы появлялось побольше работъ подобнаго рода, несомнѣнно весьма полезныхъ для разъясненія фактовъ областной исторіи.

В. А.

Ол. Барвінський.—Исторія Руси. Часть IV. Львовъ 1882 г.—коштомъ и заходомъ товариства „Просвѣта", цѣна 16 крейцеровъ (12 коп.).

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ во Львовѣ основано было общество «Просвѣта», поставившее своею задачею распространеніе русской грамотности среди галицко-русскаго народа. Не смотря ни на скудныя средства, которыми располагали основатели общества, ни на внѣшнія препятствія, которыя встрѣчала ихъ дѣятельность, общество съ достойнымъ всякой похвалы усердіемъ и съ непоколебимою энергіею преслѣдовало свою задачу. Изъ послѣдняго отчета общества мы узнаемъ, что за время своего существованія «Просвѣта» издала 76 сочиненій, назначенныхъ для народнаго чтенія, въ количествѣ до 350,000 экземпляровъ, и сверхъ того 17 учебниковъ, приспособленныхъ къ курсу наукъ гимназіи (12,500 экземпляровъ). На сколько общество удовлетворяло дѣйствительной потребности народа и на сколько изданія его были составлены умѣло и понятно, можно судить уже потому, что, не смотря на крайне стѣсненное экономическое положеніе галицко-русскаго народа, изданія «Просвѣты» расходятся въ громадномъ количествѣ. За 14 лѣтъ книги, назначенныя для популярнаго чтенія, разошлись въ количествѣ 220,000 экземпляровъ, учебники въ количествѣ 8,000 экземпляровъ (въ Галиціи только двѣ русскія гимназіи). Успѣхъ этотъ объясняется съ одной стороны тѣмъ, что грамотность относительно довольно развита въ галицко-русскомъ народѣ и вслѣдствіе этого въ средѣ народа все болѣе и болѣе возрастаетъ потребность чтенія, съ другой—весьма умѣлымъ подборомъ сюжетовъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ самаго текста популярныхъ книгъ. Внѣшняя сторона дѣла обставлена также вполнѣ удов-

Библиотека "Руниверс"

летворительно: книжки издаются довольно изящно, на хорошей бумагѣ, шрифтъ выбранъ отчетливый, не мелкій и не густой и, что важнѣе всего, цѣна книжекъ весьма доступна: она, смотря по объему книжки, колеблется между 5 и 35 крейцерами (4—28 коп.) и никогда не превосходитъ этой цыфры; вообще-же средняя стоимость книжки равняется 14 крейцерамъ.

По содержанію изданія «Просвѣты» обнимаютъ всѣ области знанія, могущія заинтересовать селянина или принести пользу въ крестьянскомъ быту; мы встрѣчаемъ здѣсь: молитвенники, катехизисъ, житія святыхъ, сборники церковныхъ пѣсней, затѣмъ многочисленныя книжки, посвященныя естествознанію, гигіенѣ, сельскому хозяйству и экономическимъ вопросамъ, поскольку пониманіе ихъ необходимо въ сельской сферѣ (о сельскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, о дурномъ вліяніи на хозяйство лихвы и т. п.). Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя книжки содержанія беллетристическаго: повѣсти, разсказы, пѣсенники, сказки, стихотворенія и т. д.; наконецъ календари, справочныя книги, указатели счетоводства и т. д. Къ числу достоинствъ изданій «Просвѣты», конечно, слѣдуетъ отнести и тотъ языкъ, на которомъ онѣ написаны; составители стараются всѣми средствами избѣгать неудобопонятныхъ и заимствованныхъ словъ и выраженій и, по мѣрѣ возможности, приближаются къ народной разговорной рѣчи.

Въ числѣ другихъ изданій «Просвѣта» обратила вниманіе и на распространеніе среди народа знанія родной исторіи и съ 1879 года стала издавать отдѣльными выпусками «Исторію Руси»; изъ нихъ послѣдній (4-й) вышелъ въ свѣтъ въ исходѣ прошлаго года. Первый выпускъ, озаглавленный «Русскіе князья», заключаетъ въ себѣ исторію великаго княжества кіевскаго до появленія монголовъ; второй названъ: «Нападенія татаръ и литовцевъ на Русь» и содержитъ исторію Руси въ XIII столѣтіи; третій разсказываетъ исторію западной и особенно галицкой Руси въ XIV столѣтіи до соединенія Литвы и Польши при Ягайлѣ въ 1386 году. Наконецъ послѣдній выпускъ: «Русь подъ властью дома Ягеллоновъ до начала подготовки люблинской уніи» обнимаетъ время съ 1386 по 1510 годъ и заканчивается разсказомъ о дѣлѣ Михаила Глинскаго.

Всѣ выпуски отличаются ясностью изложенія; составители ихъ старались сосредоточить вниманіе читателей на главнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, не обременять ихъ памяти и вниманія излишними мелочными подробностями, но за то никогда не теряли изъ виду главной цѣли: возбудить и просвѣтить народное самопознаніе. Особенно, по нашему мнѣнію, талантливо составлены двѣ послѣднія книжки, редакцію

Библиотека "Руниверс"

которыхъ «Просвѣта» поручила г. Александру Барвинскому. Составитель употребилъ не мало усилій для того, чтобы приготовиться къ исполненію своей задачи: онъ внимательно изучилъ многочисленныя сочиненія галицкихъ, русскихъ, польскихъ и иностранныхъ писателей, относящіяся къ избранному имъ періоду исторіи Руси, зорко слѣдилъ за ходомъ русской исторической науки, воспользовался ея новѣйшими произведеніями, и, составивъ себѣ ясное и отчетливое понятіе о судьбѣ своего народа въ данный періодъ времени, изложилъ его весьма доступно, но вмѣстѣ съ тѣмъ удержалъ въ разсказѣ совершенно серьезный и объективный тонъ; г. Барвинскій не прибѣгаетъ ни къ поученіямъ, ни къ тенденціознымъ выходкамъ; онъ разсказываетъ просто и спокойно, но разсказываемые факты взываютъ къ народному сознанію громче всякихъ фразъ. Видно, что авторъ проникнутъ самъ глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, сознаніемъ правоты своего народнаго дѣла и потому не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ для тенденціознаго освѣщенія событій.

Въ послѣсловіи, которымъ заключается 4-й выпускъ «Исторіи Руси», г. Барвинскій характеризируетъ свою книжку слѣдующими словами: «предлагая землякамъ моимъ этотъ трудъ, я чувствую, что на долю мою выпало разсказать не одно грустное событіе изъ нашего прошедшаго, раскрыть не одну картину нашей злосчастной судьбы; но, не смотря на личное чувство, я старался исключительно руководиться лишь любовью къ истинѣ и безпристрастіемъ, помня, что книжка моя назначена для того, чтобы послужила для науки и пользы моему народу.... На сколько я съумѣлъ выполнить это условіе, пусть судятъ наши историки».

Мы не можемъ не заявить полнаго сочувствія той точкѣ зрѣнія, изъ которой исходитъ г. Барвинскій, и не признать, что, по нашему мнѣнію, онъ провелъ ее совершенно умѣло и добросовѣстно. Искренно желаемъ, чтобы дальнѣйшіе выпуски «Исторіи Руси» были написаны съ такою-же любовію къ своему народу и съ такою-же пользою для развитія его историческаго самопознанія. **В. А.**

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Составилъ редакторъ неоффиціальной части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ Ал. Андріевскій. Кіевъ, 1882 г.

Въ исходѣ прошлаго года г. Андріевскій издалъ 4-й выпускъ матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ архива кіевскаго губернскаго прав-

Библиотека "Руниверс"

ленія [1]). Слѣдуя плану изданія, принятому г. Андріевскимъ уже съ выходомъ 3-го выпуска, онъ въ каждой книгѣ группируетъ архивный матеріалъ, связанный общимъ содержаніемъ. Въ послѣднемъ выпускѣ помѣщены исключительно дѣла относящіяся къ порубежнымъ отношеніямъ Россіи и Польши во второй половинѣ XVIII столѣтія. Всѣ акты раздѣлены на три главы: въ первой помѣщено «дѣло о разграниченіи Россіи съ Польшею» 1782—1784 года; въ дѣлѣ этомъ мы находимъ какъ многочисленные донесенія, рапорты и отчеты коммисаровъ, устанавливавшихъ пограничную черту и водружавшихъ межевые столбы, такъ и самый актъ «описаніе границы Малыя Россіи съ Польшею», начиная отъ границъ новороссійской губерніи, у устья Тясьмина въ Днѣпръ, и до границъ губерніи бѣлорусской, у впаденія въ Днѣпръ рѣки Сожи, около города Лоева.

Во второй главѣ помѣщены дѣла пограничной судебной коммисіи (1783—1785 г.), въ составъ которой входили коммисары какъ польскіе, такъ и русскіе; коммисіи поручено было судить всѣ тяжбы о взаимныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, возникавшихъ между жителями обоихъ государствъ. Среди жалобъ, поступившихъ въ коммисію, важнѣйшее въ тѣ годы дѣло возникло вслѣдствіе буйства шляхтича Ваврженскаго, напавшаго на русскій пограничный форпостъ въ с. Мостищахъ съ толпою вооруженныхъ людей, убившаго одного изъ козаковъ пограничной стражи и ранившаго двухъ другихъ. Въ дѣлѣ этомъ польскіе коммисары Потоцкій и Трипольскій держатся своеобразной тактики: они стараются не допустить дѣла къ докладу и достигаютъ этого тѣмъ, что нарушаютъ правила приличія въ засѣданіяхъ коммиссіи; они, подъ предлогомъ болѣзни, не снимаютъ шапокъ въ присутствіи, пріѣзжаютъ на засѣданія на русскую территорію, окруженные военнымъ конвоемъ съ обнаженнымъ оружіемъ и т. п. Вызвавъ этими поступками замѣчанія со стороны русскихъ коммисаровъ, они обижаются, жалуются на оскорбленіе своей чести («упомянувъ *пунктъ чонора*», какъ доноситъ русскій коммисаръ, маіоръ Козачинскій) и уѣзжаютъ домой, прекращая такимъ образомъ засѣданія коммисіи.

Въ третьей главѣ помѣщено 12 дѣлъ такой-же смѣшанной пограничной коммиссіи, засѣдавшей въ 1732—1758 годахъ въ пограничномъ мѣстечкѣ Мотовиловкѣ; въ числѣ разсматривавшихся претензій, особенно интересно дѣло, возбужденное по жалобѣ кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго объ ограбленіи церковнаго и монастырскаго имущества

[1]) О первыхъ трехъ выпускахъ „Кіевская Старина“ сообщила отчетъ своевременно (см. 1882 г., январь, іюль и ноябрь).

Библиотека "Руниверс"

въ лебединскомъ монастырѣ по приказанію кн. Любомирскаго. На запросъ коммиссіи по этому дѣлу, Любомирскій отказывается дать объясненія, утверждая, что лебединскій монастырь находится въ его собственномъ имѣніи и подъ его патронатомъ и что въ духовномъ отношеніи онъ находится въ вѣдѣніи львовскаго (уніатскаго) митрополита; затѣмъ Любомирскій заявляетъ жалобу на митрополита кіевскаго за то, что онъ вмѣшивается въ дѣла, не входящія въ кругъ его юрисдикціи.

В. А.

Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Изданіе холмско-богородицкаго православнаго братства. Варшава. 1882 г.

Мы только что получили книжечку, названіе которой сейчасъ привели. Это не большая, въ 30 стр., въ 8 долю листа, брошюра, составленная однимъ изъ мірскихъ членовъ холмскаго братства и представляющая оттискъ изъ „Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника“ на 1882 г. Изъ присланнаго намъ отчета того-же братства за $18^{81}/_{82}$ г., второй годъ его существованія, узнаемъ, что названная нами брошюра издана въ числѣ 3,000 экземпляровъ и предназначена для безплатной раздачи *народу*, т. е. возсоединившимся въ 1875 г. изъ уніи въ православіе холмскимъ уніатамъ. Изъ того-же отчета узнаемъ, что изданіе этой брошюры, какъ и другой предположенной—объ иконѣ лѣснянской Божіей Матери, входитъ въ кругъ миссіонерскихъ дѣйствій братства за истекшій годъ, а это располагаетъ насъ, говоря о брошюрѣ, сказать и объ отчетѣ, какъ изданіяхъ одного и того-же братства, отчасти взаимно другъ друга пополняющихъ.

Брошюра, какъ показываетъ ея названіе и поясняетъ отчетъ братства, написана съ цѣлію распространить въ средѣ недавно обращенныхъ въ православіе жителей Холмщины точныя историческія свѣдѣнія о древней святынѣ Холма—чудотворной иконѣ Божіей Матери. Древность святыни Холма расположила автора сказать и о древности самаго города, а къ брошюрѣ приложить точное изображеніе иконы, видъ Холма въ XVII ст., видъ холмскаго каѳедральнаго собора, въ которомъ помѣщается икона Божіей Матери, и наконецъ видъ двухъ древнѣйшихъ, находящихся близъ Холма каменныхъ башенъ. Кромѣ доступности и обстоятельности изложенія предмета брошюры, изданіе вообще производитъ впечатлѣніе пріятное, печать и бумага весьма удовлетворительны. Намъ кажется, что всякій новообращенный житель Холмщины, прочитавъ эту

Библиотека "Руниверс"

книжечку, получить отчетливое и наглядное представленіе о холмской чудотворной иконѣ и о томъ, какъ она, составляя издревле достояніе православія, въ теченіи долгаго времени переходила отъ православныхъ къ уніатамъ, отъ этихъ къ католикамъ и обратно, пока окончательно вновь не стала достояніемъ церкви православной. Это одна изъ тѣхъ четырехъ древнѣйшихъ русскихъ иконъ (кромѣ нея, почаевская, чепстоховская и виленская остробрамская), которыя въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ составляли предметъ спора между двумя родственными, но раздѣляемыми исповѣданіемъ вѣры племенами, и изъ которыхъ двѣ послѣднія остаются доселѣ въ рукахъ католиковъ.

Къ брошюрѣ, написанной съ такою спеціальною цѣлію, нельзя, конечно, примѣнять строго научныхъ требованій. Она и не имѣетъ такихъ претензій; и тѣмъ не менѣе это не большое, популярное изслѣдованіе передаетъ вполнѣ не особенно обильныя историческія данныя, какія можно найти о Холмѣ и его древней святынѣ. Авторъ брошюры, относя существованіе Холма ко временамъ Владиміра св. и дальше, основательно отстраняетъ ходячее мнѣніе, относящее начало Холма ко времени князя Даніила Романовича Галицкаго и приписывающее построеніе его этому князю. Намъ непонятно только, отъ чего, разбирая разсказъ объ этомъ ипатьевской лѣтописи, авторъ не опредѣляетъ значенія слова *мѣсто* въ вопросѣ Даніила: «како именуется *мѣсто* сѣ?», съ которымъ князь обратился къ одному изъ туземцевъ при видѣ Холма. Слово *мѣсто* или *місто* въ смыслѣ города столь-же древнее въ нарѣчіи южно-русскомъ, какъ *miasto* въ томъ-же смыслѣ въ языкѣ польскомъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ смыслѣ оно употреблено въ передачѣ лѣтописцемъ вопроса князя.

Доказательствъ древности Холма приведено довольно и сгруппированы они удачно; но рядомъ съ свидѣтельствами никоновской лѣтописи, Длугоша и Кромера нѣсколько странно встрѣтить, безъ оговорки даже, ни на чемъ не основанное извѣстіе о найденныхъ будто на мѣстѣ древней Дорочи, нынѣшняго Угря, якорихъ, свидѣтельствующихъ яко-бы о судоходствѣ этой рѣки. Къ такимъ-же извѣстіямъ надо отнести «слова старожиловъ (холмскихъ), читавшихъ будто-бы древнія пергаменныя рукописи, находившіяся въ любомльскомъ (волынской губ.) монастырѣ св. Георгія, о томъ, что первая холмская церковь построена Владиміромъ святымъ». Зная лично этотъ источникъ, мы можемъ сказать, что ему столько-же можно довѣряться, какъ и приведеннымъ за тѣмъ, также безъ оговорки, словамъ холмскаго епископа Якова Суши о томъ, что «въ его время (въ половинѣ XVII ст.) холмскую церковь считали *семисотлѣтнею*». Слѣдующее за тѣмъ свидѣтельство того-же Суши о суще-

Библиотека "Руниверс"

ствовавшей будто-бы въ холмской его времени церкви греческой надписи, съ означеніемъ 1001 года, какъ года построенія, хотя и могло-бы быть допущено, но опирать на этомъ и послѣдующихъ разсказахъ Суши не ясно проводимую авторомъ брошюры мысль о томъ, что нынѣшняя холмская церковь есть именно та древняя, но только расширенная и перестроенная, не представляется никакой возможности; этого рѣшительно не допускаютъ кладка стѣнъ, кирпичъ и цементъ церкви, не имѣющія въ себѣ ничего древняго. Намъ кажется, что и въ книгахъ для народа надо быть точнымъ, а этого условія не соблюлъ авторъ разбираемой брошюры и далѣе, говоря о происхожденіи холмской иконы Божіей Матери. Онъ не только не отвергаетъ извѣстія Суши о томъ, будто эта икона писана евангелистомъ Лукою, но видимо самъ склоняется къ этому мнѣнію. «И дѣйствительно, говоритъ онъ, образъ этотъ, если сравнить его съ образомъ евангелиста Луки, описаніе котораго составлено церковнымъ историкомъ Никифоромъ, ничѣмъ не отличается отъ сего послѣдняго, какъ по сходству изображеній, такъ и по тѣнямъ красокъ и матеріалу». Способъ доказательства, не вызывающій, конечно, на серьезныя возраженія; достаточно сказать, что подобное сходство могло-бы быть произведено въ мастерской Сорокина и что и прочія древнѣйшія иконы, которыхъ очень много, приписываются также евангелисту Лукѣ. Тутъ ужъ не гипербола историческая, а просто метонимія...

Помимо отмѣченныхъ мѣстъ брошюры, обойти которыя мы не считали себя въ правѣ, въ виду почтенной ея задачи, не можемъ не пожалѣть о томъ, что авторъ, увлекшись какъ-бы временами глубокой древности, мало мѣста и времени оставилъ для послѣдующихъ столѣтій и сказавъ обстоятельно о судьбѣ святыни вплоть до нашего времени, мало или вовсе не сказалъ о послѣдующей судьбѣ Холма и холмской земли, и русской въ нихъ народности. Сжатый очеркъ исторіи Холмщины и Подлясья въ такой брошюрѣ былъ-бы весьма не лишнимъ даже въ задачахъ братства. Отстаивая въ этой мѣстности нашу святыню и наше древнее православіе, не слѣдуетъ упускать изъ виду и нашей народности: этому учили насъ такіе умные учители, какъ П. А. Милютинъ и кн. В. А. Черкасскій

Замѣтивъ въ заключеніе, что количество экземпляровъ брошюры менѣе, чѣмъ недостаточно въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, для кого она предназначается, переходимъ къ отчету о дѣятельности братства.

Дѣятельность эта, какъ заявляетъ отчетъ, была обращена на подавленіе *латино-польской* пропаганды, которая, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, ведется съ особенною настойчивостію и усиленною энергіею въ предѣлахъ не только сѣдлецкой, но и люблинской губерніи. Для до-

Библиотека "Руниверс"

стиженія этой цѣли, по словамъ отчета, совѣтомъ братства предпринятъ послѣдовательный рядъ мѣръ, каковы: исходатайствованіе принятія братства подъ Высочайшее Государя Императора покровительство, періодическое изданіе брошюръ для безмездной раздачи народу, учрежденіе при братствѣ церковно-археологическаго музея, ходатайство объ учрежденіи внѣшняго знака принадлежности къ братству, безмездная раздача церковныхъ облаченій, церковной утвари, иконъ, книгъ, брошюръ, медальоновъ и разныхъ священныхъ изображеній, выдача денежныхъ пособій православнымъ членамъ мѣстной епархіи и пріобрѣтеніе медальоновъ и крестиковъ и наконецъ распространеніе свѣдѣній о существованіи братства, съ цѣлію умноженія братскихъ суммъ. Холмское братство имѣетъ, конечно, членовъ почетныхъ, которые тутъ-же и перечислены, и дѣйствительныхъ, которые не поминаются, имѣетъ и свой совѣтъ, состоящій изъ 12 членовъ, вѣроятно, по числу 12 апостоловъ... Перечисленіемъ статей прихода и расхода и подведеніемъ итоговъ и заканчивается отчетъ. Капиталъ братства за первый годъ его существованія составлялъ 4,000 р., въ теченіе втораго отчетнаго года поступило 5,039 руб. 22 коп., пущено въ расходъ 1,345 р. 38 к., осталось всего 8,193 руб. 84 к. Для двухъ только лѣтъ для такого спеціальнаго учрежденія, въ маленькомъ притомъ городкѣ, гдѣ болѣе $^2/_3$ еврейскаго и польскаго населенія, сумма пріобрѣтенія весьма солидная.

Указанная отчетомъ задача, которую намѣтило братство, весьма почтенна. Кому не извѣстно, какъ неожиданно для всѣхъ послѣдовало возсоединеніе холмскихъ и подлясскихъ уніатовъ, и какъ многое надо поправлять въ этомъ дѣлѣ! «Послѣдовательный рядъ мѣръ братства», по видимому, также внушителенъ. Намъ кажется однако не совсѣмъ яснымъ значеніе въ частности нѣкоторыхъ мѣръ. Прежде всего мы не понимаемъ соотношенія между первою мѣрою, которую отчетъ считаетъ самою важною, и преслѣдуемою братствомъ задачею. Не имѣлъ-ли при этомъ совѣтъ братства другихъ побужденій? Въ Холмѣ есть другое учрежденіе, которое раньше исхлопотало себѣ Высочайшее покровительство, хотя, какъ извѣстно, это обстоятельство не измѣнило его внутренняго положенія. Мало отвѣчающимъ задачѣ братства намъ кажется ходатайство объ учрежденіи внѣшняго знака принадлежности къ братству; отдаленную связь съ нею имѣетъ весьма важное въ другихъ отношеніяхъ учрежденіе не открытаго доселѣ церковно-археологическаго музея; очень ограниченнымъ является изданіе брошюръ для народа,—доселѣ издана одна, предположена другая, дальнѣйшаго плана братства совсѣмъ не видимъ. Раздача церковныхъ облаченій и пр., полученныхъ въ даръ натурою, произведена на сумму 1746 р. 65, иконъ и священныхъ и историческихъ изображе-

Библиотека "Руниверс"

ній на бумагѣ на 659 р. 10 к., книгъ и брошюръ на 528 р., но въ числѣ вторыхъ мы нашли виды Москвы, а въ ряду послѣднихъ еженедѣльную газету «Русь» и «Солнышко» Радонежскаго. Отчетъ удостовѣряетъ, что двѣ брошюры обратили двухъ закоренѣлыхъ уніатовъ, хотя мы положительно знаемъ, что названныя брошюры были гораздо раньше въ Холмщинѣ и не обратили за долгое время ни одного уніата. Пособія выдавались въ 5 и 10 р., всего на сумму 139 р.; въ числѣ пособій значатся и гонорары книгоношамъ и за переписку братскихъ бумагъ, а въ числѣ вообще расходовъ братства обращеніе наличныхъ денегъ въ процентныя бумаги и оплата телеграммъ, посланныхъ въ Петербургъ по случаю принятія братства подъ высочайшее покровительство. Главная и болѣе видная дѣятельность братства состояла въ раздачѣ преосвященнымъ его предсѣдателемъ крестиковъ и иконъ во время объѣзда епархіи, но она и прежде производилась тѣмъ-же преосвященнымъ, хотя вѣроятно на личныя его средства. Вообще, сравнивая приходъ съ расходомъ, нельзя не видѣть, что братство налегало на пріумноженіе прихода и очень экономничало въ расходахъ, а сопоставляя провозглашенную имъ задачу съ израсходованными имъ суммами, можно подумать, будто совѣтъ братства надѣется, вопреки изреченію народной мудрости, «нагрѣть шиломъ море». **Холмскій Братчикъ.**

Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. Чернигов. 7 ч. 1873 г.

Въ журналѣ, посвященномъ малоразработанной исторіи южной Россіи, на ряду съ обзорами вновь выходящихъ въ этой области книгъ, не лишне было-бы дѣлать указанія и замѣтки на такія изданія прежнихъ годовъ, которыя въ свое время прошли не замѣченными, а между тѣмъ составляютъ такой цѣнный вкладъ въ нашу юную историческую науку, пользоваться которымъ имѣетъ надобность всякій, посвящающій ей свои силы. Къ числу такихъ изданій принадлежитъ то, заглавіе котораго сейчасъ выписано нами. Мы не намѣрены касаться содержанія этого многотомнаго изданія и значенія его для мѣстной исторіи, но хотимъ указать на его происхожденіе и составъ, съ цѣлію открыть не замѣченную въ немъ въ свое время нѣкоторую фальсификацію, требующую поправки.

Названное нами изданіе въ большей части своей есть капитальный трудъ извѣстнаго нашего ученаго и историка пр. Филарета, архіепископа черниговскаго, скончавшагося въ 1866 г. Извѣстно, что съ самаго почти пріѣзда своего въ Черниговъ, онъ горячо принялся за изученіе исторіи новой своей епархіи и плодомъ сего были изданныя еще въ 1861 г. брошюры: «Общій обзоръ епархіи черниговской» и «Каѳедральные черниговскіе монастыри: ильинскій, троицкій, елецкій и бо-

Библиотека "Руниверс"

рисоглѣбскій», съ приложеніемъ нѣсколькихъ неизданныхъ сочиненій св. Димитрія и многихъ грамотъ и плановъ древняго Чернигова.

Съ іюня 1861 г. началось изданіе Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и въ нихъ помѣщены имъ: Описаніе монастырей нѣжинскаго, глуховскаго, думницкаго, козелецкаго, крупецкаго, рыхловскаго, женскихъ и закрытыхъ монастырей, также описаны г. Черниговъ съ уѣздомъ, Остеръ съ уѣздомъ, Нѣжинъ, Глуховъ, Стародубъ, Мглинъ и Новозыбковъ съ уѣздами, а по смерти его описаніе уѣздовъ—въ 1868 г. борзенскаго, а въ 1872 г. новгородъ-сѣверскаго, сосницкаго, городнянскаго, конотопскаго, козелецкаго, суражскаго и кролевецкаго.

Всѣ эти статьи вошли въ названное нами изданіе 1873 г. Изданіе сдѣлано бывшимъ тогда епископомъ черниговскимъ Наоанаиломъ и представлено имъ въ св. синодъ, но въ немъ допущены разныя дополненія и урѣзки и при этомъ не указаны не только имя пр. Филарета, но имена и другихъ лицъ, статьи которыхъ вошли въ изданіе. Почему это такъ сдѣлано, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что въ слѣдъ за этимъ пр. Наоанаилъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа.

Составленное такимъ образомъ описаніе епархіи издано на грязной сѣрой бумагѣ, со множествомъ ошибокъ и опечатокъ, издано почти по числу церквей въ епархіи и хотя цѣна назначена дешевая, всего три рубля, но оно почти не было въ продажѣ.

Вотъ какія въ немъ сдѣланы перемѣны и добавки: во 2 томѣ явилось заглавіе «Черниговскій архіерейскій домъ», вм. «Ильинскій монастырь»; въ томъ-же томѣ, послѣ вышеприведенной статьи, на стр. 107—148 помѣщена статья Н. Докучаева: «Первые годы существованія черниговской семинаріи», помѣщенная въ «Чер. Епар. Вѣд.» 1870 г. и 1871 г., и ст. Л. Бѣлоусовича: «Построеніе новыхъ зданій для семинаріи», заимствованная изъ тѣхъ-же Вѣдомостей 1866 г. Въ 3 томѣ, на стр. 157—208 помѣщено описаніе нѣжинскаго благовѣщенскаго второкласснаго монастыря, называемый Назареть пресвятыя Богородицы, написанная Л. Бѣлоусовичемъ и помѣщенная первоначально въ «Черн. Епарх. Вѣд.» 1867 и 1868 гг. Въ 4 томѣ въ статьѣ о закрытыхъ монастыряхъ, въ концѣ книги напечатана на стр. 198—255 моя статья: «Антоніевскій любечскій монастырь», помѣщенная въ «Черн. Губ. Вѣд». за 1860 г., а раньше въ томъ-же томѣ помѣщено описаніе того-же любечскаго монастыря, составленное пр. Филаретомъ на основаніи моей статьи, уже двумя годами позже, при чемъ въ оглавленіи моей статьи напечатано: «2-й антоніевскій монастырь», какъ будто существовало два монастыря этого имени Къ 3 тому прибавленъ уставъ рыхловскаго монастыря относительно церковнаго богослуженія и правилъ общежитія, не бывшій въ описаніи пр. Филарета, между тѣмъ не изданныя сочиненія св. Димитрія и планъ древняго Чернигова, приложенные къ описанію черниговскихъ каѳедральныхъ монастырей, къ этому изданію не приложены.

10 лѣтъ прошло, какъ сочиненіе знаменитаго ученаго іерарха нашего издано въ такомъ недостойномъ его видѣ, и намъ кажется, что слѣдовало-бы возобновить это какъ-бы не бывшее изданіе, но при этомъ издать все описаніе по тексту пр. Филарета, что составило-бы тома два въ восьмую долю, статьи-же другихъ авторовъ, если-бы въ томъ была надобность, издать въ видѣ приложенія.

Графъ Милорадовичъ.

Черниговъ. 1 февр. 1883 года.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ВЕРТЕПЪ ВЪ ДУХОВЩИНѢ

*(уѣздномъ городѣ смоленской губерніи).**)

Духовщинскій вертепъ, видѣнный мною раза два-три въ дѣтствѣ, былъ очень большой ящикъ, раздѣленный на четыре отдѣленія, съ крышею сверху. Въ верхнемъ и слѣдующемъ за нимъ второмъ отдѣленіи вертепа стѣны были оклеены цвѣтною бумагою, полъ устланъ заячьей шкурою, а перегородка, въ видѣ рѣшетки, отдѣлявшей „сцену“ отъ зрителей, сколько помнится, была украшена вырѣзными „фестонами“ изъ цвѣтной же бумаги; такими же „фестонами“ были разукрашены и столбики съ карнизомъ. Въ глубинѣ верхняго отдѣленія стоялъ балдахинъ, разукрашенный золотою короною и такою же бахрамою; а подъ балдахиномъ—золотой тронъ; на немъ сидѣлъ Иродъ. Въ правомъ углу этого же верхняго отдѣленія стояли маленькія ясли; въ нихъ лежало изображеніе младенца Іисуса; съ одной стороны яслей сидѣла Божія Матерь, съ другой стоялъ Іосифъ. Во второмъ отдѣленіи, украшенномъ значительно бѣднѣе, чѣмъ первое, не было ничего. Третье отдѣленіе

---

*) «Малорусскій вертепъ», статья Г. П. Галагана, помѣщенная въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины», вызвала у пишущаго эти строки воспоминанія о видѣнномъ въ началѣ 60 годовъ вертепѣ и вертепномъ представленіи въ Духовщинѣ, уѣздномъ городѣ смоленской губерніи. Какъ читатель увидитъ, малорусскій вертепъ и его духовщинскій собратъ—если не родные, то несомнѣнно двоюродные братья.

Библиотека "Руниверс"

было скрыто отъ глазъ публики. Во время представленія въ немъ находились руки представляющаго, который приводилъ куклы въ движеніе. Въ четвертомъ отдѣленіи, въ небольшомъ, выдвижномъ ящикѣ, находились куклы. Сколько помнится, верхнее и второе отдѣленія закрывались занавѣсками изъ „матеріи“.

Какъ попалъ вертепъ въ Духовщину, откуда и кто устроилъ его, мнѣ не извѣстно. Знаю только то, что вертепъ существовалъ въ Духовщинѣ еще въ 30 годахъ и находился въ рукахъ мѣщанъ; что духовенство не имѣло никакого отношенія къ вертепу; что онъ, кажется, переходилъ изъ рукъ въ руки при посредствѣ купли и продажи, сначала,—вѣроятно въ ту пору, когда куклы были цѣлы,—за дорогую цѣну, такъ что для покупки его образовалась чуть не артель, а потомъ—за дешевую. Послѣдній владѣлецъ вертепа, пришедшаго въ ветхость въ половинѣ 60 годовъ, былъ бѣдный мѣщанинъ, молодой человѣкъ. Какъ-то случайно пришлось мнѣ попасть въ амбаръ, правильнѣе сказать, въ старый сарай послѣдняго владѣльца вертепа и посмотрѣть на брошенный въ уголъ, покрытый пылью и паутиною, оборванный и грязный, но когда-то красивый и привлекательный вертепъ. Невольно вспомнилъ я тѣ мгновенія, когда мнѣ хотя издали, въ толпѣ взрослыхъ, но все-таки пришлось увидѣть вертепное представленіе; я вспомнилъ ту радость, какую доставилъ мнѣ вертепъ, и разговорился съ владѣльцемъ вертепа. Помню, онъ разсказалъ мнѣ, что купилъ вертепъ уже подержаннымъ, что многихъ куколъ уже не было, что попробовалъ было собрать „парней“, чтобы „спѣться“, припомнивъ вертепныя пѣсни, и подготовить представленіе. „Но“, продолжалъ владѣлецъ вертепа, „дѣло не пошло на ладъ; охотники „ходить съ вертепомъ“ нашлись было, но никто изъ нихъ не зналъ вертепныхъ пѣсень и „приговорокъ“. Побился я, побился, кое-что разучилъ, хотя и самъ мало зналъ, и пошелъ было съ вертепомъ по городу, но крайне не удачно: сборъ былъ очень ничтожный. Я увидѣлъ, что овчинка не стоитъ выдѣлки, взялъ и бросилъ вертепъ въ „амбаръ“.—Вѣроятно, вертепъ и сгнилъ тамъ, а куклы разошлись по рукамъ,—благо, не много и было ихъ. Такъ печально окончилъ свою блестящую жизнь духовщинскій вертепъ! А было время, въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и даже въ началѣ 60 годовъ, духовщинскій вертепъ водилъ знакомство только съ важными барскими да купеческими домами,

Библиотека "Руниверс"

позволялъ любоваться собою дѣткамъ только богатыхъ людей, а если и подпускалъ къ себѣ дѣтей бѣдняковъ, то не иначе, какъ на почтительномъ разстояніи, да и то послѣ значительныхъ поклоновъ и ухаживаній. Бѣдному мальчику нужно было много часовъ побѣгать за вертепомъ, чтобы удостоиться чести приблизиться къ санкамъ, на которыхъ возили вертепъ; нужно было не мало покланяться, чтобы получить позволеніе взяться за веревку санокъ и везти ихъ; нужно было особое счастье, чтобы, войдя съ „вертепщиками“ въ домъ, быть допущеннымъ сначала къ задней сторонѣ вертепа, потомъ къ боковой, а потомъ (о, счастье!) и къ лицевой... Такимъ счастьемъ два-три раза воспользовался и пишущій эти строки. Яркимъ пятномъ выдѣляется воспоминаніе о вертепѣ изъ всѣхъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній, и кажется мнѣ, что мое воспоминаніе о вертепѣ очень подробно, обстоятельно и правдиво,— кажется мнѣ, что я описываю вертепное представленіе такимъ, каково оно было на самомъ дѣлѣ.

Собравшись въ домъ владѣльца вертепа, вертепщики, преимущественно взрослые „парни“, прежде всего „спѣвались“, потомъ обсуждали, въ какіе улицы и дома „поѣхать“; потомъ выносили вертепъ, ставили его на сани; двое-трое-четверо впрягались въ сани и „ѣхали“, а вертепщики шли за санями и около нихъ, образовывая какъ-бы конвой. Такая предосторожность была очень и очень необходима: на вертепъ и вертепщиковъ бывали нападенія. Если вертепщиковъ было много, то нападенія быстро отбивались, иногда при помощи рукъ, иногда при помощи кольевъ; если же нападающихъ было больше, то доставалось и вертепщикамъ, и вертепу; послѣ такихъ схватокъ бѣдный вертепъ очень часто возвращался обратно домой и долженъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ дней врачевать свои раны.

Странны и до нѣкоторой степени необъяснимы эти нападенія на вертепъ и его владѣльцевъ. Причины нападеній были, какъ мнѣ кажется, отчасти ревность, положительно таки ревность, отчасти отместка за какое нибудь старое злодѣяніе вертепщиковъ, отчасти та удаль, которую опредѣляютъ словами: „руки чешутся“, отчасти—дикость нравовъ. Въ Духовщинѣ и понынѣ два прихода: соборный и духовскій. Между прихожанами обѣихъ церквей съ давнихъ поръ идетъ вражда-невражда, а нѣкоторая непріязнь и

Библиотека "Руниверс"

соревнованіе. Сдѣлаютъ что нибудь для своей церкви „соборные“,—„духовскіе“ стараются сдѣлать что-нибудь лучшее; „духовскіе“ испросятъ позволеніе поставить икону и читать предъ нею въ опредѣленный день недѣли акафистъ,—„соборные“ дѣлаютъ то же; „духовскіе“ разукрасятъ храмъ живописью,—„соборные“ стараются сдѣлать лучше. Соревнованіе не ограничивалось церковью, проходило и въ будничную жизнь. „Соборные не составляли компаніи для торговли съ „духовскими“; „соборныя дѣвки“ рѣшительно отказывались выходить замужъ за „духовскихъ ребятъ“, считая ихъ болѣе грубыми и невѣжественными, чѣмъ „соборные“; въ свою очередь „духовскіе ребята“ не любили видѣть „соборныхъ“ ухаживающими за „своими дѣвками“; чуть представлялась возможность, и „духовскіе ребята“ подчивали кольями „соборныхъ“ и приговаривали: „идите и ухаживайте за своими дѣвками“; „соборные“, конечно, не оставались въ долгу и платили кольями. Такая вражда двухъ приходовъ проявлялась и при хожденіи съ вертепомъ. Сколько помнится, вертепъ принадлежалъ „духовскимъ“ ребятамъ. Конечно „соборные“ не могли перенести преобладанія „духовскихъ“ ребятъ и, пылая ревностію къ славѣ своего прихода, а также отчасти и завистью,—старались вредить вертепщикамъ и ни въ чемъ невиновному вертепу. Много пострадалъ прекрасный вертепъ во время схватокъ „соборныхъ“ ребятъ съ „духовскими“! И, кажется мнѣ, не столько время сокрушило стѣны, полки, обои, украшенія и куклы вертепа, сколько жестокія раны и увѣчья, полученныя во время схватокъ. Но не всегда схватки бывали. Случалось, что между приходами бывали и перемирія, даже продолжительный миръ. Въ такія времена вертепъ благополучно „переѣзжалъ“ съ улицы въ улицу и появлялся то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, конечно, съ разрѣшенія хозяина. Вотъ вертепъ въ комнатѣ, уставленъ на видное мѣсто. Зрители (хозяева съ дѣтьми и гостями, а также прибывшіе съ улицы) окружили вертепъ и ждутъ—не дождутся начала представленія. Настала наконецъ торжественная минута. Свѣчки у перилъ зажжены. Внутренность вертепа освѣтилась. Вниманіе напряжено. И вдругъ появляются два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ, крестъ-на-крестъ опоясанные, съ золотыми крыльями, съ тоненькими свѣчками въ рукахъ. Главный вертепщикъ говоритъ:

Библиотека "Руниверс"

„Ангелы съ небеси слетѣли,
„Слава въ вышнихъ“ запѣли“.

А хоръ подхватываетъ и поетъ:

„Слава въ вышнихъ! воспѣвайте,
Рожденнаго прославляйте“!

Во время этого припѣва, повторяемаго три раза, ангелы скрываются; мѣсто ихъ занимаютъ пастухи; они одѣты въ теплое платье съ заячьими шкурами на плечахъ; осмотрѣвшись по сторонамъ, пастухи идутъ въ тотъ уголъ, гдѣ около яслей находятся пресвятая Дѣва и Іосифъ, подходятъ къ яслямъ и кланяются. А хоръ поетъ:

„Пастухи съ яняткомъ
Предъ малымъ дитяткомъ
На колѣни выпадали,
Христа прославляли.
Даруй, Боже, лѣто тепло,
Лѣто тепло и счастливо,
Сего дома господину,
Хозяину—дворянину,
*Многая лѣта“!**).

Въ концѣ пѣнія этой пѣсни пастухи уходятъ. Являются три царя въ золотыхъ коронахъ, съ дарами въ рукахъ, и идутъ къ Ироду, который сидитъ на тронѣ, и поговоривъ съ нимъ, отходятъ къ яслямъ, кланяются и уходятъ въ другія двери. Иродъ въ это время произноситъ монологъ и, видя, что царей нѣтъ, зоветъ воина и приказываетъ идти и убивать дѣтей. Воинъ уходитъ и черезъ секунду возвращается съ Рахилью, которая держитъ на рукахъ

---

*) Замѣчательно сходно съ пѣсней «Малорусскаго вертепа»:

Передъ тимъ дитяткомъ
Пастухи зъ яняткомъ
На коліньця упадаютъ,
Христа Бога выхваляютъ.
Просимъ Тебе, Царю,
Небеській Шапарю,
Пошли, Боже, много літа
Сему господарю». («Кіев. Старина», окт. 1882 г.)

Библиотека "Руниверс"

дитя. Иродъ приказалъ убить ребенка. Рахиль плачетъ и такъ укоряетъ Ирода:

„Иродъ ты проклятый,
Будешь въ огонь взятый.
За мое дитя будешь въ огнѣ горѣть
И въ смолѣ кипѣть“.

Воинъ выгоняетъ Рахиль. Царь Иродъ въ смущеніи и начинаетъ говорить о томъ, что онъ боится смерти. А она, страшный скелетъ, съ косой въ рукѣ, тутъ какъ-тутъ и срѣзываетъ голову Ирода. А тутъ и черти вбѣгаютъ, играютъ головой Ирода, хохочутъ и убѣгаютъ. На смѣну ихъ является женщина, богато одѣтая, въ сопровожденіи воина, плачетъ надъ трупомъ Ирода и уноситъ его тѣло.—„Духовное“ представленіе окончилось. „Не желаете-ли, господа, свѣтскаго?“ спрашиваетъ глава вертепщиковъ. Конечно, отвѣтъ получается утвердительный. Дѣйствіе переносится во второе отдѣленіе. Прежде всего выѣзжаютъ два всадника; простые игрушечные бумажные всадники, на бумажныхъ-же коняхъ, разъѣзжаютъ нѣсколько секундъ, потомъ ударяютъ другъ друга копьями; одинъ изъ всадниковъ падаетъ. Въ это время хоръ поетъ:

„Александръ Македонскій,
Царю Породинскій (?),
Побивайте вы насъ, насъ, насъ!..“

Этотъ безсмысленный припѣвъ пѣли три раза. Быстрый припѣвъ: „насъ, насъ, насъ“ смѣнялся еще быстрѣйшими:

Во лузяхъ, во лузяхъ,
Во зеленыхъ во лузяхъ“...

и являлись цыганъ съ цыганкою и лихо отплясывали. На смѣну ихъ вбѣгалъ козелъ подъ пѣсню:

„Пошелъ козелъ въ огородъ,
Ай-люли, въ огородъ...
Поѣлъ козелъ капусту,
Ай-люли, капусту“...

и бѣгаетъ по сценѣ; его ловитъ баба; козелъ сбиваетъ ее съ ногъ; наконецъ баба одолѣваетъ-таки козла и ведетъ его за рога, чтобы продать. Сколько помнится, послѣ козла сцена стоитъ нѣкоторое

Библиотека "Руниверс"

время пустою. Вниманіе зрителей возбуждается. Видѣвшіе вертепъ шепчутъ: „жидъ“. Дѣйствительно, является характерная фигурка, прекрасно исполненная кукла, изображающая жидка, съ пейсиками, въ ермолкѣ, въ длинномъ черномъ лапсердакѣ, и съ ... бочечкомъ водки въ рукахъ. За жидкомъ идетъ полицейскій солдатъ и, незамѣтно подойдя къ еврею, спрашиваетъ, что онъ продаетъ.—„А, корчемную водку!... въ полицію!..“ кричитъ солдатъ. Еврей проситъ помилованія и предлагаетъ выпить водочки. Солдатъ поддается искушенію и пьетъ, пьетъ и тутъ-же валится съ ногъ. Еврей хохочетъ и начинаетъ издѣваться надъ солдатомъ, бьетъ его и щиплетъ. Солдатъ схватывается и въ свою очередь начинаетъ бить еврея. Онъ кричитъ „благимъ матомъ“. На крикъ прибѣгаетъ квартальный и хочетъ взять еврея въ полицію. Еврей упрашиваетъ и поетъ:

„Я жидочекъ бѣдный,
Худенькій, мизерный“...

Увидѣвъ, что просьбы не помогаютъ, еврей начинаетъ плясать, приговаривая:

„Передъ паномъ Ѳедорóмъ
Ходитъ жидъ ходорóмъ“...

И пляска не помогаетъ: еврея тащутъ-таки въ полицію. Лишь только исчезаетъ еврей, является послѣднее лицо—„Максимка, сорока пяти годочковъ, несмысленничекъ *)“, одѣтый въ оборванное платье съ кошелькомъ, на манеръ церковнаго, въ рукѣ и начинаетъ говорить разныя небылицы:

. . . . . ,
„Батька нашъ
Курей кралъ
Подъ печь ховалъ“...

Въ заключеніе Максимка проситъ денегъ. Первыми кладутъ въ кошелекъ дѣти, потомъ гости, наконецъ хозяинъ. Получивъ деньги, Максимка спрашиваетъ: „не позволятъ-ли, господа, выстрѣлить изъ пушки?“ Если получается дозволеніе, то выкачивается игрушечная пушка, однако заряженная; глава вертепщиковъ говоритъ многолѣтіе хозяину и его семьѣ; при возгласѣ: „многая лѣта!“ выстрѣлъ

*) «Максимка», сорока пяти годочковъ, «несмысленникъ» — это «Савочка нищій» «Малорусскаго вертепа».

Библиотека "Руниверс"

гремитъ; хоръ подхватываетъ: „многая лѣта!“ Вертепное представленіе окончилось. Съ грустью разставались дѣти съ вертепомъ, а кто знаетъ, можетъ быть вздыхали о немъ и взрослые; можетъ быть, что вздыхаютъ и теперь.

Интересное явленіе—духовщинскій вертепъ. Очевидно, онъ—запосное удовольствіе. Сколько мы знаемъ, въ другихъ городахъ смоленской губерніи о вертепахъ не слыхали, а слыхали,—то не видали. Пишущему эти строки пришлось учиться въ такомъ учебномъ заведеніи, въ которомъ были уроженцы со всѣхъ концовъ смоленской губерніи, и ни одинъ изъ нихъ не говорилъ о вертепѣ. Ходъ представленія, а также совпаденіе стиховъ, въ особенности, неправильность рѣчи — все это указываетъ, что духовщинскій вертепъ принесенъ изъ Малороссіи. Кажется, что такъ оно и было. Духовщинскіе купцы и мѣщане, преимущественно „дýховскіе“, въ прежнее время „вели торговлю“ съ полтавскою губерніею: покупали въ Ромнахъ воловъ и простой табакъ. Случалось, что духовщинскіе купцы подолгу живали въ Ромнахъ и другихъ городахъ полтавской губерніи. Несомнѣнно, что купцамъ приходилось видѣть вертепъ и прельститься имъ. Очень можетъ быть, что кто-нибудь и купилъ вертепъ съ куклами и привезъ въ Духовщину, въ „дýховщину“, т. е. „дýховскій“ приходъ. Тутъ онъ и пребывалъ въ теченіи долгаго времени. Послѣдніе только дни своей нѣкогда славной жизни пришлось провести вертепу въ „соборномъ“ приходѣ; „соборному“ же нѣкогда прихожанину пришлось написать и эту памятку о вертепѣ, бывшемъ нѣкогда яблокомъ раздора между двумя приходами. Но можетъ быть и другое объясненіе появленію вертепа въ Духовщинѣ. Смоленская губернія, какъ извѣстно, пограничная между великорусскими и бѣлорусскими губерніями. Одна часть виленской губерніи, примыкающая къ тверской, московской и калужской, населена великороссами, а другая, меньшая часть губерніи, примыкающая къ витебской, могилевской и черниговской—отчасти великоруссами, отчасти бѣлоруссами. Духовщина—граница великорусскаго и бѣлорусскаго племени. Въ этомъ городѣ встрѣтились два племени со своими взглядами, обычаями и повѣрьями, а также и съ удовольствіями. Судя по нѣкоторымъ личнымъ свѣдѣніямъ, мы можемъ утверждать, что въ Бѣлоруссіи вертепъ—дѣло обычное. Возможно, что и духовщинскій вертепъ бѣлорусскаго про-

Библиотека "Руниверс"

исхожденія. Торгуя съ Малороссіею, духовщинскіе купцы торговали и съ Ригою, сплавляя хлѣбъ по Касплѣ, а потомъ по Двинѣ. Идя по этому пути, „духовляне“ должны были останавливаться въ витебской губерніи и видѣть вертепъ. Если это объясненіе имѣетъ достовѣрность, то можно объяснить появленіе въ вертепѣ еврея, торгующаго корчемною водкою. Дѣйствительно, въ смоленскую губернію очень часто при откупахъ проникала „дешевка“ изъ витебской губерніи. Какъ-бы-то ни было, изъ Малороссіи, или изъ Бѣлоруссіи запелъ въ Духовщину вертепъ,—онъ былъ любимый гость въ Духовщинѣ.

Александръ Тарнавскій.

ОЧЕРКИ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ТИПОВЪ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Черты типа еврейскаго).

Украинское народное творчество по количеству и разнообразію его произведеній представляетъ огромный интересъ и обширное поле для изслѣдованія [1]). Сохраняя до настоящаго времени элементы древнѣйшаго склада міровоззрѣнія и слова, наша народная словесность имѣетъ въ себѣ много различныхъ теченій и наслоеній, вплоть до отпечатлѣнія въ ней явленій жизни самаго послѣдняго времени. Будучи почти совершенно изолированною отъ движеній и направленій письменнаго творчества классовъ интеллигентныхъ, отъ котораго нашему народу попадаютъ лишь ничтожныя крохи, область народныхъ произведеній самостоятельно разрабатываетъ свои пути, имѣя свои особые углы наблюденія, особые пріемы изображенія, съ которыми не мѣшало-бы познакомиться и людямъ пишущимъ (въ особенности желающимъ писать для народа).

При своей отзывчивости къ ближайшимъ переживаемымъ явленіямъ жизни и большой реальности ихъ изображенія, какъ это сказалось напримѣръ въ складываніи нашихъ историческихъ пѣсень,

[1]) Припомнивъ ту массу матеріаловъ украинской народной *словесности*, которую даютъ намъ колоссальные «Сборники» Чубинскаго, Головацкаго и др., нельзя не признать ее одной изъ богатѣйшихъ.

Библиотека "Руниверс"

украинская народная словесность отпечатлѣла въ себѣ, въ видѣ характерныхъ изображеній, также типы ближайшихъ національностей, съ которыми жизнь сводила украинскій народъ. Въ этихъ изображеніяхъ интересующійся изслѣдователь замѣчаетъ прежде всего отсутствіе крайней субъективности отношенія: онъ видитъ, наоборотъ, что эти изображенія дышутъ какимъ-то эпическимъ спокойствіемъ. Въ большинствѣ случаевъ характерной чертой изображенія является лишь извѣстный украинскій юморъ, не искажающій, однако-же, изображеніе типа до крайней фантастичности, а лишь, какъ это должно быть въ каждомъ художественномъ произведеніи, рельефнѣе подчеркивающій характерныя черты.

Среди этихъ изображеній иноплеменниковъ въ украинской народной словесности находимъ обширный отдѣлъ своеобразно-художественныхъ очерковъ типа еврейскаго. При разборѣ накопившихся разнообразныхъ этнографическихъ матеріаловъ, принадлежащихъ правобережной Украйнѣ, у меня нашлось нѣкоторое количество характернаго матеріала, относящагося къ только что упомянутой области, изображенію еврейскаго типа. Выбирая для настоящаго сообщенія то, что имѣетъ интересъ новизны, я надѣюсь, что предлагаемый матеріалъ будетъ, въ числѣ прочаго, не безъинтересной прибавкой къ этнографическому отдѣлу, который, какъ это видятъ съ великимъ удовольствіемъ этнографы-собиратели, „Кіевская Старина“ также не оставляетъ внѣ своего вниманія.

Надо однако пояснить, что подъ словомъ „изображеніе типа“ я разумѣю не одни лишь, болѣе или менѣе развитые въ подробностяхъ, цѣльные разсказы, пѣсни, но также и мелкія прибаутки, пословицы и пр., которыя, не обладая распространенной формой, какъ извѣстно, даютъ тѣмъ не менѣе, въ видѣ конкретныхъ образовъ, очень рельефныя изображенія.

Передачу своего матеріала я и начну прежде всего съ этихъ мелкихъ замѣтокъ.

Присказки:

„Звычайне, жидъ за жидомъ“.

„Любимося, якъ браты, рахуймося, якъ жиды“.

„Трусиця, якъ жидъ надъ грішми“.

„Величаеця, якъ жидівській патинокъ“.

„Пишаеця, якъ жидъ на родинахъ“.

Библиотека "Руниверс"

„Розумный, якъ Берківъ яломокъ".
„Цытьте жиды, нехай рабинъ бреше!"
„Жидъ ни сіе, ни оре, лишъ обманомъ живе".
„Такій жвавый, якъ жидъ молотити".
„Чесный, якъ жидівська потылиця".
„Якъ прийде біда, не йди до жида".
„Якъ у воді не безъ чорта, такъ у великого пана не безъ жида".
„Хоть-бы жидъ бувъ зъ неба, вірити ёму не треба".
„Жидівського духу не відхристишъ".
„Зъ ворога примиреного, зъ вовка годованого, зъ жида хрещеного добра не сподівайся".

Перепосъ имени:

„Жидомъ" называютъ полевой цвѣтокъ, имѣющій особый рѣзкій запахъ (если не ошибаюсь, по научной терминологіи, цвѣтокъ этотъ имѣетъ названіе *cimicifuga faetida*). Женщины подгородныхъ селъ на югѣ Волыни, идя въ городъ съ сельскими продуктами, кладутъ этотъ цвѣтокъ въ коробку или корзину, для лучшаго успѣха въ продажѣ и покупкѣ.

„Жидкамы" зовутъ, шутя, маленькихъ свѣтлыхъ мурашекъ, водящихся въ домахъ. „Де що не поставъ, якъ не закрывай,—уже повнісінько ціхъ жидківъ!" говорятъ бабы въ Кіевѣ.

Примѣты:

1) *На жидівськи кучки мусить бути дощь.*

Народъ вѣритъ, что въ этотъ осенній праздникъ евреи для того просятъ дождя у Бога, чтобъ ихъ „парши не напали". Иные объясняютъ тѣмъ, что имъ равно въ праздникъ дома сидѣть надо.

2) *Жиды волочатыця,—дощь буде.* Объясняется при этомъ, что молъ евреи „духомъ чуютъ" приближеніе дождя и спѣшатъ покончить ближайшія дѣла, требующія хожденія.

3) *Якъ молоди, йдучи одъ шлюбу улицею, перш усёго зострінуть жида, або жидівку, то будуть банати на діти.*

Библиотека "Руниверс"

Прыповѣстки:

1) Якъ наймавъ жидъ наймичку, та й каже: у мене, чуешъ, не багато роботы: замети хату,—та й сядь, выдой корова,—та й сядь, звари обідъ,—та й сядь, прижени корова,—та й сядь"... Итакъ далѣе .. перечисляется столько занятій, что управившись съ ними, наймичка на сидѣнье совсѣмъ уже не будетъ имѣть времени.

2) „Або тежъ якъ жидъ годився зъ наймичкою. „Ты въ мене голодна не будешъ сидіти: яйця варитимешъ,—юшка твоя, картоплю варитимешъ,—юшка твоя; а часомъ ще й грішъ дамъ, купишъ рака, юшку ззіси, а грішъ мені віддаси.

3) „Мовлявъ жидъ: на що мені рыба безъ хвістъ, нехай моя наймичка ззість!"

4) „Жидъ николи не дивиця на сонце, тільки, якъ треба, питае: а що тамъ ще рано?"

Комическіе разсказы.

I.

Якъ створивъ Богъ жидівъ, то вони перше й шанувались, а дальше розкорепились, та й розібрались; а тутъ и всякого иншого народку намножилося, отъ и думаютъ жиды, якъ-бы то имъ краще шахрувати, та й почали Богови дорікати: „не гаразд ты, Господи, сей світъ створивъ".—„Якъ не гаразд? питае Богъ: яка вамъ, проклятимъ, ще недогода?"—„А отъ яка, говорятъ жиды: хиба-жъ то до речи, створити та держати на небі таку річъ, що вона тамъ зовсімъ не потрібна й жадної корысті зъ неи нема?"—„Яка-жъ тамъ така річъ на небі—непотрібна?" питае Богъ.—А жиды й кажуть: „а зори? на що вони? аже-жъ сонце світить у день, місяць—у ночи, а зори зовсімъ даремне стремлять! краще-бъ ты, Господи, взявъ та тиі зори повернувъ у золоти гроши та й намъ давъ. Зроби, Господи, такъ!"—„Ну, та й набридли вы мені! каже Богъ, одно лізете, коли не зъ тымъ то зъ тымъ! Уже такій марудный народъ, що й на світъ-бы васъ не слідъ було пускати. Ну вже-жъ, нехай буде такъ: дамъ вамъ золотихъ грошей доволі,—тільки-жъ, якъ зори на небі, такъ я васъ самихъ розкидаю по всёму світу".

(Подольск. губ.)

Библиотека "Руниверс"

II.

Варіантъ того-же мотива.

Візъ мужикъ на ярмарокъ пана зъ жидомъ; тілько дорогою вісь поломилась, мусіли започувати середъ пляху. „Ну, що-жъ, ласкавый пане“, каже мужикъ: „я зъ того не виненъ, що така причина вийла, але вже теперъ кладітеся спати—де хочете!“ Допіро панъ положився на килимку підъ деревомъ, жидъ на возі, а мужикъ, фурманъ той, біля коней, на облозі (наглядати, щобъ часомъ копей не покрадено). Ну, нічого, літнёі поры ничъ тепла; а зоряно такъ, що не надивитись!—Лежать всенькі трое та й думаютъ коженъ свое. Панъ лежить, дивиться на небо та й медитуе: „отже й на небі не однаково,—одни зори менши, други більшя, знати-бъ то пляхетніши; а цікавый бымъ знати, за кого-жъ місяць промежъ зорями, чи то за круля, чи за ксёнза?“—Иванцё дивився, дивився на небо та й каже: „хороше, Господи, якъ хороше у небі святому! а все ліпше, що небо такъ высоко, а то люде й небо помежували-бъ: вельможни та дужи забрали-бъ більши кутки, а иншимъ-бы менши достались, а якъ кому, то й ничого-бъ не зосталось“... А жидъ позирнувъ у-гору, покрутивъ головою та й помысливъ: „гітъ!—а що-то якъ-бы въ мене стілько кербеливъ було, скілько зірокъ на небі? ай вей миръ! може-бъ и на процентъ не дававъ!“...

(Подольск. губ.)

III.

„Прийшовъ Мошко зъ лісу та такій переляканый! Трапився ёму чоловікъ, а Мошко ёму оповідае: ой, коли-бъ ты знавъ, Иванцю, що я бачивъ!

— Що-жъ ты тамъ таке бачивъ?

— Ажъ 60 вовкіфъ! каже жидъ.

— Що це тобі таке, Мошку? де-жъ-бы ты бачивъ стілько вовківъ? у насъ у лісі й зъ роду не було стілько!

— Ну, вже-жъ, пьятдесятъ не пьятдесятъ, а тридцять, то вже певно!

— Та ну-бо, Мошку, не бреши! важи вже по правді, бо не повірю.

— Ну вже коли не було зъ десять, то нехай я не буду Мошко!

— Отже й не будешъ, бо брешешъ,—не бачивъ ты стілько вовківъ!

Библиотека "Руниверс"

— Ну, слухай Иванцю, вже дай мені Богъ стілько жить, коли я не бачивъ трехъ вовківъ!

— Отъ бачъ, уже на трёхъ звелось! кажи вже по правді: може й ни одного вовка не було?

— Ой дежъ тамъ не було! Може ще що небудь страшніше за вовка: само сіре, хвістъ якъ шило, та попередо мною въ траву шурхъ!

— *Отожъ була мышъ.*

(Волынь).

Этотъ разсказъ имѣетъ много варіантовъ. Предметъ испугавшій храбраго еврея оказывается то мышью, то ящерицею, то тѣнью дерева; вставляются промежуточные эпизоды, въ родѣ того, что еврей въ то время, когда ему сдѣлалось жутко въ лѣсу, снимаетъ свою ермолку, надѣваетъ на палку и говоритъ при этомъ: „стало насъ двое, стало мені веселішъ!“ или: „теперъ насъ двое,—а що *два*, то все-жъ не *одинъ!*“ и т. дал.

IV.

Разсказъ какъ-бы въ передачѣ самаго еврея.

„Якъ ишли наши жидки на війна; якъ не одинъ, такъ два, якъ не день, такъ нічъ. Питаютьця люде; куды вы йдете?—„Білого царя воювати!“ И приказали, щобъ усі свои собака замыкали, бо буде військо йти! Всі своя собака позамыкали, тілько мельникъ свого куцого собачко не замкнувъ, бо воно въ млыні мука ило. А якъ ишло наше славне та хоробре військо черезъ гребля, а тутъ якъ выскочило те куце собачко, якъ стали наши жидки утікати, съ гребли чимъ-дужъ скакати! Хто не боявся, то той тропічки за гребля держався, а хто боявся, то въ річці зостався!“ (предпочтя броситься вплавь черезъ рѣчку, чѣмъ быть вблизи собачки)!

Волынь. **П. Ковалько.**

ДВА ТИПА И ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ МИНУВШЕЙ ЖИЗНИ ЮЖНО-РУССКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

Было то давно. Въ одной изъ южно-русскихъ, незаброшенныхъ обителей жили-были два соборные старца о. Руфъ и о. Іуда. Соборные старцы—это члены совѣта или правленія обители, какъ-бы

Библиотека "Руниверс"

представители мнѣнія и интересовъ братіи, не по выбору, правда, а по назначенію,—выборный порядокъ въ монастыряхъ, какъ и во всей церкви, давно отмѣненъ. Званіе соборнаго старца почетное, мѣсто это, говорятъ, покойное и прибыльное: соборному старцу больше кружки, больше жалованья, лишняя порція всего изъ трапезы, не обязательное хожденіе въ трапезу, не очередное служеніе и въ добавокъ лишняя келія и хлопецъ на послушаніе, точнѣе прислуга. Монастырское управленіе весьма сложная машина: соборные старцы—это по большей части начальники отдѣльныхъ частей. Какъ у военныхъ начальники артиллеріи, кавалеріи, ордонансъ-гауза, или цейхъ-гауза, такъ тутъ больничный, трапезный, гостинникъ, келарь, духовникъ, экклисіархъ и пр. и пр. Но какъ въ кабинетахъ европейскихъ бываютъ иногда министры безъ портфеля, такъ и тутъ встрѣчаются старцы безъ особаго назначенія, просто мужи совѣта. Такими были въ обители N о. Руфъ и о. Іуда. Злачны были ихъ мѣста, но до такихъ мѣстъ добирались не многіе. Надо было пройти много степеней по лѣстницѣ монастырскихъ чиновъ, претерпѣть много испытаній, чтобы добиться такой чести, спокойствія и довольства. И о. Руфъ и о. Іуда добились ихъ не скоро.

Родились они и очутились въ обители уже въ ту пору, когда южно-русскіе монастыри утратили давно свое историческое значеніе, когда миновала вѣковая борьба за вѣру и народность, державшая силы иноковъ въ непрерывномъ и крайнемъ напряженіи, требовавшая знанія, ума, ловкости, изворотливости, бодрости и труда и жизни безупречной. Отрекшіеся отъ міра принимали иногда горячее участіе въ дѣлахъ міра, иноки шли въ первыхъ рядахъ кипѣвшей народной брани и безстрашно слагали головы свои за вѣру и отчизну. Были между ними люди просвѣщенные, книжные, были и ангелы во плоти, какъ печатно о томъ заявлялъ славный митрополитъ Петръ Могила, указывая мѣста и лица. Но ангелы давно улетѣли изъ плоти и остались потомъ одни плоти. Настали времена мира и спокойствія, настала тихая, однообразная, ни къ чему не располагающая, ни на что не вызывающая, ничего не требующая жизнь,—жизнь не дающая простору личности монаха даже въ дѣлахъ общины, къ которой онъ принадлежалъ. Цѣлымъ рядомъ строгихъ мѣръ монастыри заключены отъ міра въ ихъ собственныхъ стѣнахъ, но къ удивленію міръ съ его страстьми и похотьми сталъ царить

Библиотека "Руниверс"

теперь въ нихъ болѣе, чѣмъ когда либо. Иноки порвали всякую другую съ нимъ связь и онъ, какъ-бы въ отместку за это, платилъ имъ лишь ѣдкою сатирою ихъ жизни и нравовъ.

Въ такую-то пору пріяли на себя яремъ иноческаго житія о. Руфъ и о. Іуда.

О. Руфъ большую половину жизни своей провелъ въ мірѣ и только въ юномъ возрастѣ года два учился пѣнію въ одномъ изъ монастырей. Былъ онъ пономаремъ, дьячкомъ и наконецъ дьякономъ. Овдовѣвъ и оставшись одинокимъ, онъ послѣ долгаго раздумья сказалъ наконецъ самъ себѣ:

„Піду въ монастырь вікá доживать. Чого мені тутъ сидіть? Жінку поховавъ, дітей выгудувавъ, роспорядивъ; нема до кого притулиця. Піду въ ченці".

Имѣвъ уже санъ діакона, онъ безъ особаго труда достигъ сана іеромонаха и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ послушанія въ разныхъ среднихъ чинахъ достигъ, наконецъ, званія соборнаго старца, обязанный этимъ главнымъ образомъ своему спокойному характеру. Карьера о. Іуды была нѣсколько иная. Онъ былъ изъ мѣщанскихъ дѣтей, сирота, и отданъ въ монастырь какою-то теткою еще въ малыхъ лѣтахъ. Долго учили его здѣсь грамотѣ и били преизрядно; потомъ онъ канонаршилъ, пока съ голосу не спалъ; былъ у разныхъ старцевъ на послушаніи и доставалось тутъ ему и въ гриву и въ хвостъ; облекшись въ иноческую одежду, зажигалъ свѣчи, ходилъ съ кошелькомъ, просфорничалъ, продавалъ иконы и книги, сидѣлъ у кропила и едва лѣтъ въ сорокъ посвященъ въ іеродіаконы, а потомъ не особенно скоро и въ іеромонахи. Но тутъ жизнь ему улыбнулась. Новый настоятель видимо къ нему благоволилъ за его аккуратность и распорядительность и предоставлялъ ему болѣе почетныя обязанности. Все таки санъ соборнаго старца достался ему весьма не скоро и, правду сказать, послѣ долгихъ искательствъ съ его стороны и угощеній болѣе вліятельной братіи и самаго о. архимандрита.

Во сколько жизнь убаюкивала о. Руфа, во столько она ожесточала и раздражала о. Іуду. Настоящее имя послѣдняго было *Анемподистъ*, но какъ оно было трудно для выговора, то кто-то изъ братіи, не долюбливавшій его, воспользовался однимъ невѣроятнымъ случаемъ и далъ ему кличку *Іуда*, которая потомъ усвоена была всѣми и употреблялась всегда, какъ только говорили объ

Библиотека "Руниверс"

о. Анемподистѣ заглазно. Происхожденіе этой клички добродушный о. Руфъ объяснялъ любопытствовавшимъ такъ:

„Разъ, бачите, ёго взяли за Іуду на умовеніе ногъ, а въ его халявы и панчохи довги були. Отъ якъ приступавъ до ёго владыка, а вінъ почавъ стягать чобітъ, а потимъ панчоху, та задравъ ногу такъ высоко, що похитнувся и перекинувся зъ стільцемъ... Владыка прогнівавсь, та одъ того часу не велівъ ёго вже за Іуду брать, а ёго и почали звать Іудою, а вінъ зувсімъ не Іуда, а Ампо... Аппос... А-не-мпо-дистъ. Якій-же вінъ Іуда?“

О. Руфъ, очевидно, и самъ уже давно раззнакомился съ настоящимъ именемъ своего сослужителя и только по своему добросердечію защищалъ его въ неблаговидной перемѣнѣ его имени. Однажды онъ говорилъ даже одному изъ своихъ гостей по поводу этого казуса такъ:

„Я попереду наветь не знавъ, що есть таке имя; тільки якъ святився ще на діакона, та бувъ у печеряхъ, то якійсь черпець стрівъ тогді мене, та й питае: а звідкиля вы? А я кажу? зъ Селища. А вінъ каже: а чи знаете въ Хилькахъ о. Івана? Знаю, кажу, ще й добре.—Отже, каже, кланяйтесь ёму одъ мене; скажить, що кланявся вамъ Іуда.—То же-жъ есть таке имя“.

Самъ о. Іуда узналъ наконецъ, какая кличка ему дана, и сначала сердился, а потомъ привыкъ, а привыкши, въ добрый часъ такъ говорилъ:

„Або-жъ то не святый? Такій-же апостолъ, якъ и другі, та ще й братъ Господень... не той, що Христа продавъ“.

О томъ, чтобы его когда либо брали за Іуду на умовеніе, онъ никогда не упоминалъ, и это просто надо считать выдумкою.

Почтенные одинаковымъ званіемъ, о. Руфъ и о. Іуда какъ-бы сблизились между собою и дѣлили иногда досужее время, угощая другъ друга своими не скудными уже запасами и хотя не всегда сходились во взглядахъ, но до столкновеній дѣло у нихъ не доходило, такъ какъ о. Руфъ примирялъ все своимъ благодушіемъ. О. Іуда рѣзко осуждалъ монастырскіе порядки и о своемъ прошломъ вспоминалъ съ весьма примѣтнымъ озлобленіемъ.

„Понаставляли теперъ начальниками якихсь блазнивъ. У иншого ще й на бороді не гуртъ-що, а вінъ уже начальникъ: той больничный, той трапезный, а той благочинный. Отъ нехай-бы вы-

Библиотека "Руниверс"

крепивъ такъ, якъ я!“ говорилъ не рѣдко о. Іуда, но о. Руфъ добродушно успокаивалъ его.

Въ одномъ они сходились вполнѣ, это во взглядѣ на пѣніе, какъ оно было теперь въ обители.

„Яки теперь півці?—начиналъ о. Руфъ, страстно любившій громкое пѣніе. Отъ якъ колись було, якъ я ще самъ співать тутъ вчився, якъ ще Мардарій бувъ... Було якъ потягне: *аминь*, неначе въ дзвінъ бовкне, а потимъ якъ поведе: *Блаженъ мужъ*—такъ товсто та сумно, що ажъ душа тримтить. Або якъ выйдемъ було на *эксапостиларій:* самъ, якъ груба, зниме підкапокъ, пара стовпомъ зъ ёго піде, одставить трохи едну погу и скаже намъ: хлопці! дивиця на губы, а самъ якъ гукне, ти якъ ревнуть, то ажъ стіны загримлять. А теперь що?—Ни у церкві, ни за церквою“.

О. Іуда въ свою очередь говорилъ:

„Якійсь народъ теперь миршавый ставъ. Нема вже такихъ поставнихъ, якъ колись були, и голосу въ ихъ Богъ-ма. Ось якъ у мене голосъ бувъ! Якъ я канархистрою бувъ, то було якъ ляснy: *Гласъ пятый. Монаховъ множество...*, то ажъ уши позатулюють, луна по церкві піде“...

И оба оставались довольны своими воспоминаніями.

Обезпеченные въ содержаніи, эти два собрата могли-бы жить теперь въ полномъ спокойствіи, если-бы не искушалъ каждаго свой бѣсъ. Извѣстно, что у всякаго христіанина есть особый ангелъ хранитель, а у каждаго монаха, кромѣ ангела хранителя, есть еще особый бѣсъ-искуситель. Такихъ бѣсовъ есть много, но пристаютъ къ монаху то тотъ, то другой, смотря по возрасту, темпераменту, наклонностямъ, даже обстоятельствамъ искушаемаго: бѣсъ сребролюбія, бѣсъ чревоугодія, бѣсъ гордости и зависти, бѣсъ буесловія. У одержимаго послѣднимъ бѣсомъ, по словамъ о. Руфа, „языкъ якъ калатало, все такъ: ла-ла-ла“... О. Руфъ и о. Іуда искренно вѣрили въ бѣсовскую силу. Когда молодой изъ *ученыхъ* о. Поліевктъ завелъ паровикъ для печатанія книгъ, о. Руфъ прямо, даже въ соборѣ говорилъ:

„Тамъ чортяка коло колеса стоить, та хвостикомъ крутить, та все підганяе, а вінъ каже: пара. Яка тамъ пара!“

О. Руфъ и о. Іуда вѣрили также въ вѣдьмъ и о. Руфъ божился даже, что когда былъ молодымъ, то однажды самъ поймалъ вѣдьму и хвостъ у ней будто ощупалъ.

Библиотека "Руниверс"

О. Руфъ и о. Іуда доподлинно знали, кого какой бѣсъ искушалъ, но сами о себѣ того не знали, да и нельзя каждому монаху того о себѣ знать,—то дѣло провидцевъ. А ихъ искушали—одного бѣсъ празднолюбія, другаго бѣсъ любоначалія. И вотъ какъ это открылось.

О. Руфъ всегда былъ плотный мущина и еще въ діаконствѣ пріобрѣлъ нѣкоторое *благоутробіе*. Тамъ въ большомъ приходѣ на частыхъ требахъ онъ получилъ привычку къ такому состоянію, котораго нельзя назвать пьянымъ, но при которомъ хмѣль не выходилъ изъ головы. О. Руфъ нерѣдко и жаловался на какой-то шумъ въ головѣ. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ обители, онъ совсѣмъ ожирѣлъ и осовѣлъ. Держалъ онъ и здѣсь свою сулейку и сперва цыбулею или чехонею закусывалъ, а потомъ постепенно возлюбилъ осетрину, балычекъ и икру. О. Іуда хотя тоже не гнушался яствія и питія, ни никакой хлѣбъ ему, какъ говорилъ онъ, „не панувавъ“, и какъ былъ, такъ и остался онъ сухопарымъ, или, какъ выражалася братія, „трошки хортуватымъ“.

Насталъ разъ одинъ изъ сумрачныхъ осеннихъ дней. Иноки только и различали по погодѣ, да по святцамъ дни, такъ однообразные и похожіе другъ на друга. Что-жъ? и сегодня, и завтра, и всегда пища одна и таже, и служба и жизнь все таже. Политикой тогда не занимались,—развѣ внутренней, монастырской, къ чтенію также не пріучены были. Такъ развѣ для очищенія совѣсти иной раскроетъ Патерикъ, либо заглянетъ въ Лугъ духовный Іоанна Моска или Лавсаикъ. Съ міромъ связей никакихъ: благочинный былъ строгъ и ворота рано запирались. Но и погода дѣйствовала на нашихъ собратовъ не одинаково: о. Руфа дурная погода окончательно усыпляла, о. Іуду напротивъ раздражала. Еще болѣе перваго усыпляло, втораго раздражало это безконечное однообразіе и какъ-бы безцѣльное существованіе. Вотъ такъ и въ этотъ день: проклепалъ въ полночь сторожъ, послышался стукъ въ било, раздался благовѣстъ... Стала братія въ церковь тянуться. Собрались, размѣстились, отпѣли полунощницу и утреню. О. Руфъ часто опускался въ форму, а на каѳизмахъ совсѣмъ засыпалъ, о. Іуду лишній разъ передернуло и богослуженіе показалось ему почему-то очень уже длиннымъ. „Чого той хамаркае? чого вони выгукують?“ говорилъ онъ не разъ про себя.

Библиотека "Руниверс"

Воротились отъ заутрени. Утомленный о. Руфъ сразу завалился досыпать, а о. Іуда немножко помечталъ еще на тему о томъ, что если-бъ онъ былъ благочиннымъ, „або“..., но на этомъ онъ и запнулся, и тоже прилегъ досыпать.

Оби были „служащими“, оба „на позднюю“, хотя въ разныхъ церквахъ. Прошелъ обѣдъ. Выпили и снова заснули. Сходили къ вечернѣ, а потомъ томленіе и тоска... Долго каждый изъ нихъ боролся съ мыслями, какъ-бы вечеръ укоротить.

О. Руфъ медленно, едва двигая ногами и руками, занимался въ этотъ вечеръ осмотромъ своихъ бутылей и фляшечекъ: передвигалъ и переставлялъ, развязывалъ и опять завязывалъ, пробовалъ, сцѣживалъ и процѣживалъ, иногда доливалъ. Изрѣдка слышно было: „це тричи перегнаный (спиртъ), а це тільки разъ, це звіробой, це полынь, що до грому рваный“.

Приведя въ порядокъ свой скарбъ, о. Руфъ, едва держась на ногахъ отъ собственной тяжести и часто присаживаясь, кое-какъ прочелъ „правило“ и молитвы на сонъ грядущимъ, а потомъ, „повечеравъ“, что осталось отъ обѣда, съ прибавкою домашней осетрины и, выпивъ еще разъ на „потуху“, погрузился въ продолжительную дремоту. Наконецъ очнувшись и увидѣвъ своего хлопца, который давно стоялъ у порога, чтобы приготовить своего отца ко сну, онъ хриплымъ голосомъ проговорилъ:

— А що, хлопче, чи не пора вже намъ и спать?

— Якъ ваша святая воля,—отвѣчалъ хлопецъ.

— Підведи-жъ мене, хлопче!

Хлопецъ съ большимъ усиліемъ подвелъ.

— Въ кімнату одведи!

Хлопецъ провелъ.

— Роздягни-жъ мене, хлопче!

Хлопецъ раздѣлъ.

— Роззуй мене, хлопче!—продолжалъ о. Руфъ все болѣе слабѣющимъ голосомъ.

Хлопецъ разулъ.

— Поклади мене, хлопче!

Хлопецъ улечься помогъ.

— Укрый мене, хлопче!

Хлопецъ кафтаномъ прикрылъ и концы подвернулъ.

Библиотека "Руниверс"

— Перехрести мене, хлопче!

Хлопецъ перекрестилъ.

— А заспу вже я самъ,—чуть слышно произнесъ утомленный о. Руфъ, и минуту спустя послышалось ровное сопѣнье какъ-бы органнаго мѣха.

Не такъ мирно отошелъ ко сну о. Іуда. Его, какъ мы знаемъ, мучилъ бѣсъ любоначалія; но онъ былъ скрытенъ, слагалъ мечты свои въ сердцѣ своемъ, за то можетъ бытъ и прозвали его Іудою. Только про себя онъ думалъ иногда: „эге, якъ-бы мені такій настоятель давно трапивсь, де вже-бъ я досі бувъ! Може досі начальникомъ, игуменомъ бувъ, свій манастыръ мавъ... Та що тамъ игуменомъ. Це вже для мене низько. Я вже соборный. Мені-бъ келаремъ, або эклесіархомъ буть, а далі“... Но тутъ онъ отгонялъ уже отъ себя помыслъ лукавый. Нѣкоторые изъ братіи, знавшіе немного по китайски, говорили ему при встрѣчѣ: „куды оце біжите, ваше высокопреподобіе“, или „якъ здоровьячко вашого высокопреподобія“? Это очень радовало о. Іуду; но онъ скрывалъ отъ всѣхъ и эту радость, и свое страстное желаніе, чтобы его иначе и не называли, какъ „ваше высокопреподобіе“. Только наединѣ въ келіи онъ отдавался вполнѣ своей страсти то въ тайныхъ помыслахъ, то въ произносимыхъ про себя словахъ, а бѣсъ любоначалія хвостикомъ подмахивалъ ее и она разгоралась день за днемъ и разгорѣлась до того, что о. Іуда рѣшился наконецъ обучить своего хлопца произносить въ подходящихъ случаяхъ его настоящій титулъ. Вотъ утромъ придетъ хлопецъ „грубу“ топить, стукнетъ въ дверь и начнетъ обычное: „за молитовъ св. отець нашихъ и о. Анемпо“..., а о. Іуда выкрикнетъ изъ келіи: „якого тамъ *дяка*? Его высокопреподобія. Чуешь?“ И хлопецъ поправится и точно произнесетъ подобающій титулъ. Иногда о. Руфъ читалъ ему на этотъ счетъ длинныя и рѣзкія нотаціи: „що то я тобі простый чернець? ты хиба не знаешь, що я соборный? Повиненъ казать: ваше высокопреподобіе, ёго высокопреподобіе, пема дома ёго высокопреподобія, пішли на двіръ ёго высокопреподобіе... Та не кажи мені: высо-ке-е... Ось я тобі дамъ высо-ке-е!“ Мало по малу и пріучилъ хлопца ко всѣмъ видоизмѣненіямъ своего титула, а въ этотъ вечеръ пожелалъ примѣнить это и къ домашнимъ молитвамъ.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ долгихъ сборовъ ко сну, не зная, чѣмъ наполнить время, о. Іуда, въ состояніи нѣкоторой досады, позвалъ наконецъ своего хлопца и приказалъ ему читать молитвы *на сонъ грядущимъ* съ надлежащими примѣненіями его титула. „Ты отъ якъ побачишь въ книжці *мя*, або *мені*, то не кажи *мя*, або *мені*..., то такъ тільки оти прости, а кажи заразъ: его высокопреподобіе, его высокопреподобію“... Хлопецъ началъ, но съ непривычки путался на каждомъ словѣ. „Боже милостивъ буди мені“...—„Его высокопреподобію“, скажетъ о. Іуда.—„Боже очисти мя“...—„Его высокопреподобіе...“ выкрикнетъ о. Іуда. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Пришла молитва Ангелу Хранителю. „Коими очима, началъ хлопецъ, воззриши на мя“... „На его высокопреподобіе“, сердито поправилъ о. Іуда. Хлопецъ поправился и продолжалъ: „или како приступиши къ его высокопреподобію, аки ко псу смердящему“... „Брешешь, брешешь, то до тебе“... закричалъ о. Іуда, вырвалъ книжку изъ рукъ хлопца и прогнавъ его вонъ, заперъ двери на ключъ.

И долго огонь горѣлъ въ его кельѣ, и долго обезпокоенный своею неумѣлостію хлопецъ заглядывалъ въ щелку, чтобы узнать, заснулъ-ли, или нѣтъ, его духовный руководитель, его высокопреподобіе, соборный старецъ, о. Анемподистъ, въ просторѣчіи о. Іуда.

Б. Целляріусъ.

ЛѢТОПИСНЫЯ ЗАМѢТКИ (1651—1749 г.).

Нашли мы еще въ сулимінскомъ архивѣ*) небольшую „кроничку“, обнимающую время отъ 1640 до 1762 г. Заключая въ себѣ повтореніе общеизвѣстныхъ фактовъ, сулиминская „кроничка“ приводитъ однакожъ и такіе, которыхъ мы въ печати, сколько помнится, или вовсе не встрѣчали, или встрѣчали не съ тѣми подробностями, какія нашли здѣсь. Отмѣчаемъ эти факты.

1651. У осень начались осѣдать слободы; въ началѣ: Лебединъ, Сумы, Ахтырка и Харьковъ (ср. лѣт. Самовидца, изд. 1868 г., стр. 29).

1660. Слободы, за поселеніемъ многаго народа, государь раздѣлилъ на пять полковъ и учреждены полковники.

---

*) «Кіевск. Стар.» 1882 г., ноябрь.

Библиотека "Руниверс"

1679. Заднѣпра на сію сторону Днѣпра согнано сыномъ Самойловича Семеномъ (Ср. Самовид., 147).

1689. Другой походъ подъ Перекопъ, гдѣ личманами Голицынъ Василь обманенъ (Ср. Самовид., 177).

1697. Голодній рокъ.

1711. Ханъ крымскій выходилъ зимою зъ ордами въ слободскіе полки и досталъ въ полку харьковскомъ мѣстечка Водолагу, Марефу и Волное.

1721. На работу ладозкаго канала высылано козаковъ зъ Малой Россіи 10,000, гдѣ въ томъ-же году змерло 3,000.

1727. Жиды безъ остатка вси зъ Россіи выгнаты.

1736. Полковникъ миргородскій Павелъ Апостолъ не дошедъ Козлева, въ Атанѣ (?) юня 5 пушкою раненъ, отчего тогожъ юня 14 и умеръ.

— Полковникъ переяславскій Томара тамъ-же въ Крыму, подъ рѣкою Алтою, порубанъ татарами.

1737. Днѣпръ отъ Кіева до Самари полонили вширъ на 5 шаговъ. Въ февралѣ, на масляной, ханъ крымскій зъ многими ордами перешедъ Днѣпръ чрезъ не прополопеное мѣсто, у Мишурина Рога, многіе въ полкахъ миргородскомъ и полтавскомъ въ людяхъ и скоту ихъ, до Решетиловки и Остапя, починивъ убитки, возвратился.

— Фоплессій зъ другою арміею ходилъ въ Крымъ. На Гайманѣ—долинѣ силную баталію имѣлъ и татаръ разбилъ, при чемъ бунчучной генералной Галецкій и другіе старшины побити, а полковникъ гадяцкой Гребянка безвѣстно задѣлся.

1739. Освобожденіе Малой Россіи отъ чинячихся зъ 1736 года несказанихъ бѣдствъ и разореній и отъ заборовъ ежегодно многихъ тисящей воловъ подъ арміи лошадей и всякихъ припасовъ.

1742. Генералъ князь Рѣпнинъ розграничилъ съ турками одъ Днѣпра по заливи Конскихъ водъ, до Міуса.

1743. Коммисія экономіи въ Малой Россіи учреждена.

1744. Несказаной падежъ товару (скота) моровимъ повѣтрямъ начался съ весни по Вкраинѣ.

1745. Падежъ скота продолжился. Для обереженя отъ того падежу вреда, собаки всѣ безъ остатка вибиты, по сенатскому указу, во всей Россіи, гдѣ падежъ былъ.

— Архимандритъ нѣжинскій Велецкій сложився (согласившись) съ женою, за границю въ Полщу бѣжали, у великой постъ.

Библиотека "Руниверс"

1747. Полковникъ кіевскій Михайло Танскій умре.

1748. Превеликій отъ саранчи, а по мѣстамъ и за неурожаемъ, начался голодъ дѣйствительно зъ лѣта, что лободу, гнилое дерево и протчое необычное въ пищу употребляли.

1749. Превеликой голодъ. **А. Л.**

ЕЩЕ О СТАРИННЫХЪ ТРАКТАХЪ ИЛИ ДОРОГАХЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“ на 1882 г., въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ“ описаны нѣкоторые старинные „шляхи“ южной Россіи. Въ сентябрьской книжкѣ есть къ этой замѣткѣ добавленіе, къ которому я присовокупляю теперь и свое.

Напримѣръ: 1) *Родоманъ* или *Ромоданъ* проходитъ черезъ весь глуховской уѣздъ, отъ г. Путивля, курской губерніи, до г. Новгородъ-Сѣверска, черниговской губерніи. Отъ Новгородъ-Сѣверска до м. Воронежа по Ромодану (можетъ быть съ небольшими отклоненіями) проложена почтовая дорога, идущая на г. Глуховъ. Между м. Воронежомъ и с. Землянкою почтовая дорога идетъ также по Ромодану, лишь частію оставляя *Старый шляхъ* въ сторонѣ, гдѣ онъ составляетъ объѣздку песковъ почтовой дороги. Отъ самаго села Землянки, съ восточной стороны озера Сливки, на 20-й верстѣ отъ г. Глухова, *Ромоданъ* поворачиваетъ на юго-востокъ и идетъ мимо (западнѣе) сс. Обложекъ и Щеберъ, х. Рети на х. Суписки, далѣе все лѣсами и полемъ до с. Волокитина, гдѣ на р. Клевени существуетъ перевозъ, за которымъ „шляхъ“ пересѣкаетъ границу черниговской губерніи и тянется до г. Путивля.

Вербъ, когда-то обремлявшихъ дорогу, давно нѣтъ, но шляхъ почти на всемъ своемъ протяженіи остался широкимъ. Теперь *Ромоданъ* служитъ скотопрогонной дорогой изъ южныхъ губерній: онъ отъ Путивля идетъ на Смѣлое и Ромны, изъ Путивля-же есть другія старинныя дороги на югъ, но я ихъ съ точностію не знаю и опредѣлить не могу. По *Ромодану* ходили чумаки и теперь онъ служитъ непризнанной, но настоящей транспортной дорогой между сѣверными уѣздами черниговской губерніи и харьковской губерніей и другими южными частями Россіи. Говорятъ, что этой дорогой

Библиотека "Руниверс"

шелъ Шереметьевъ на защиту Россіи противъ Карла XII шведскаго. Въ описаніи с. Черторигъ, архіепископъ черниговскій Филаретъ указываетъ мѣсто стоянки русскихъ войскъ, въ 4-хъ верстахъ отъ с. Черторигъ. Но надо полагать, что мѣсто стоянки вѣрнѣе указывается народомъ, ближе къ м. Воронежу, между с. Земляникою и воронежскими хуторами, въ урочищѣ „Шереметовщина", въ лѣсахъ.

Мнѣ разсказывалъ земляискій козакъ Вас. Голубъ, что лѣтъ 25 назадъ во время сѣнокоса, пасшался на Шереметовщинѣ лошадь ногами провалилась въ погребъ, гдѣ люди нашли бодянку сала, совершенно сгнившаго, и другіе съѣстные припасы, тоже сгнившіе. „Або одъ Шереметова остались, або одъ Гаркуши, чи Гаряина."

2) *Ярославскій шляхъ* идетъ отъ г. Глухова на юго-западъ чрезъ с. Слѣпородъ, мимо дер. Богданова, с. Дунайца, на х. Реть, близъ котораго пересѣкаетъ *Ромоданъ*, чрезъ села: Ярославецъ глух. уѣзда, построенный кн. Ярославомъ, и Мутинъ, кролевецкаго уѣзда, до г. Конотопа, гдѣ сходится съ *Ромоданомъ*, идущимъ отъ г. Конотопа на г. Ромны. На Ярославецкомъ шляху существовали „екатерининскія" версты, изъ которыхъ послѣднія исчезли около 20 лѣтъ назадъ. Кромѣ этихъ двухъ „шляховъ" до послѣдняго времени въ юго-восточной части уѣзда существовалъ „Злодійскій шляхъ", или Гаркушинъ. Нынѣ остатки этого шляха существуютъ между „злодійскими хуторами", близъ м. Воронежа, на границѣ трехъ уѣздовъ: глуховскаго, кролевецкаго и новгородъ-сѣверскаго. Часть „злодійскаго шляху", между м. Воронежомъ и с. Черторигами порѣзана при межеваніи и перепахана на поле. **П. Литвинова.**

ГОЛОСЪ ЗАПОРОЖСКАГО ДЕПУТАТА ВО ВСЕРОССІЙСКОМЪ СОБРАНІИ ДЕПУТАТОВЪ 1768 Г. *).

Этотъ слабый голосъ слышался, такъ сказать, наканунѣ смерти Запорожья и б. Гетманщины и послышался, конечно, лишь благодаря раздавшемуся съ высоты трона Екатерины общему призыву—

*) За сообщеніе этого интереснаго документа приносимъ нашу искреннюю признательность уважаемому П. А. Кипіцыну, которымъ онъ найденъ въ одномъ изъ архивовъ полтавской губерніи. Бумага и очень извѣстный намъ почеркъ указываютъ на принадлежность документа тому времени, которое означено въ помѣтѣ. Документъ написанъ на большомъ листѣ чисто и старательно.

Библиотека "Руниверс"

высказать свои нужды и желанія. Въ этомъ призывѣ многіе усмотрѣли тогда надежду на осуществленіе завѣтныхъ мечтаній, какія лелѣяла каждая особая группа въ слабо сплоченномъ государственномъ организмѣ, не замѣчая того направленія, какое издавна получилъ общій потокъ жизни, которымъ снесены и либеральныя тенденціи самаго „Наказа". Депутаты были собраны, ихъ мнѣнія выслушаны, а жизнь текла своимъ ранѣе образовавшимся русломъ. За знаменитымъ Наказомъ послѣдовала жалованная грамота дворянству, городовое положеніе, усиленіе крѣпостничества и распространеніе онаго на такія окраины и классы населенія, которыя дотолѣ не вѣдали о немъ.

Запорожью съ его desiderata-ми, какъ они изложены въ прилагаемомъ документѣ, пришлось испытать разочарованіе раньше другихъ государственныхъ группъ; тѣмъ не менѣе эти desiderata представляютъ для насъ особый интересъ, какъ по существу своему, такъ и потому еще, что они доселѣ оставались въ неизвѣстности, тогда какъ приведены въ извѣстность мнѣнія всѣхъ другихъ депутатовъ. Темное преданіе заключало ихъ въ лаконическую форму, такъ свойственную Запорожью. На вопросъ будто-бы Екатерины, какъ устроить Запорожье, сообразно съ его нуждами и желаніями, представитель запорожской корпораціи отвѣчалъ: *якъ було, такъ нехай и буде.* Помѣщаемое подлинное мнѣніе запорожскаго депутата какъ-бы подтверждаетъ это не ясное и оригинальное преданіе. Сущность мнѣнія депутата—тоже statu quo; онъ только старается подкрѣпить его, какъ можетъ, отстраняетъ высказанныя уже офиціально противъ него возраженія, не допускаетъ и мысли о возможности какихъ либо въ немъ измѣненій. По видимому, въ немъ только не развитость и та простота, которую депутатъ указываетъ въ недавней политикѣ Запорожья; политическій и общественный идеалъ его крайне не высокъ—это тотъ-же старошляхетскій строй, который представляла разрушавшаяся теперь Польша и надъ которымъ не могъ возвыситься самъ освободитель Малороссіи—Богданъ Хмельницкій; запорожецъ стоитъ будто только за свое, мало идущее къ нему, благородство и боится смѣшать себя съ „черносошными". Но прокликните глубже въ эту завитую форму и вы увидите тутъ нѣчто большее простоты, которую мы привыкли соединять съ именемъ Запорожья. Правда, старо-польскій обществен-

Библиотека "Руниверс"

ный строй теперь показалъ уже полную свою несостоятельность; но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ все-таки выше того рабовладѣльческаго строя, къ которому видимо направлялась теперь судьба Запорожья и гетманщины, и нельзя считать ни простотою, ни отсталостію запорожскаго депутата, если онъ стоитъ за этотъ старый строй. И въ этомъ, правда, строѣ есть свои „черносотные“ и депутатъ, признавая ихъ какъ-бы естественнымъ явленіемъ, стоитъ, повидимому, въ противорѣчіи съ основными принципами своей общины; но его основной пунктъ—общее всѣмъ земельное исконное право, и за него онъ стоитъ, какъ и за шляхетныя права своего войска: Запорожье, говоритъ онъ, отбившись отъ Короны Польской, обще съ Малороссіею, добровольно перешло съ своими собственными землями подъ всероссійскій престолъ, и права ихъ не только признаны россійскими монархами, но могли быть расширены, если-бы не помѣшала собственная ихъ „искренняя простота“. Впрочемъ, чувствуя какъ-бы, что срокъ давности правъ уплываетъ, депутатъ всю надежду сохраненія вожделѣннаго status quo возлагаетъ на справедливое милосердіе премудрой Матери Отечества...

Какъ извѣстно, надежда эта не осуществилась и спустя семь лѣтъ Запорожья не стало, а обширныя его земли, по выраженію народной пѣсни, разобрали „паны-енералы“.—Вотъ самый документъ.

Въ коммисію о сочиненіи прожекта новаго уложенія.

Сколько я всего вѣрноподданнаго ея императорскаго величество запорожскаго войска давно уже ожидалъ способнаго случая, чтобъ представить почтеннѣйшему собранію основаніе существеннаго состоянія, на которомъ утверждается издревле сіе войско, теперь же за необходимость уже почитаю изъяснить о томъ свое мнѣніе въ нижеслѣдующемъ представленіи.

Въ присланномъ отъ дирекціонной коммисіи въ болшое собраніе сообщеніи между протчимъ написано: „что-жъ до козацкихъ войскъ принадлежитъ, то основаны оныя на такъ называемыхъ древнихъ обыкновеніяхъ, а въ самомъ дѣлѣ на весьма перемѣнчивомъ, да и не въ томъ блаженство состоитъ, чтобъ всякой все то имѣлъ, что нравится прихотливому желанію“ и прочее.

Хотя-жъ таковое вышеписанное о войскахъ утвержденіе по самой справедливости и не принадлежитъ до войска запорожскаго,

Библиотека "Руниверс"

однако-жъ общее наименованіе войскъ наводитъ нѣкоторое сомнѣніе, дабы молчаніемъ моимъ въ сей немаловажной матеріи не подавать поводу къ послѣдованію въ томъ числѣ и запорожскому войску сего неприличнаго ему нарѣканія, а чрезъ то не остаться-бы мнѣ нарушителемъ возложенной отъ моей собратіи довѣренности, такъ я имѣю честь почтеннѣйшему собранію представить, что сіе войско запорожское хотя и на обыкновсніяхъ состоитъ, однако оные суть самые древніе, а потому ужъ и основателние. Сверхъ оныхъ утверждается на особливѣйшихъ правахъ и волностяхъ, не въ примѣръ протчихъ козацкихъ войскъ, ибо оно, отбившись отъ Короны польской, обще съ Малороссіею, добровольно подъ всероссійскій престолъ зъ своими собственными землями перешло и всегда въ шляхетствѣ, а не въ черносошныхъ пребывало, такъ какъ и прежде отправляемые отъ войска запорожскаго къ сеймамъ депутаты названіемъ благородства всегда и отъ всѣхъ отличались, на что въ войскѣ запорожскомъ и подлинные отъ королей польскихъ привилегіи имѣются, да и когда уже благоприсоединилось оно къ россійской державѣ, то и всепресвѣтлѣйшіе россійскіе государи на тѣхъ-же королевскихъ привилегіяхъ, цѣло, свято и ненарушимо оное войско содержать обѣщались и договорными статьями подтвердили. Хотя-же нынѣ при сочиненіи прожекта новаго уложенія запорожское войско къ третьему роду и причтено, однако на высоко-матернее нынѣ царствующей, Богомъ вѣнчанной императрицы, премудрой матери отечества справедливое милосердіе имѣетъ не сумнѣнную надежду, что въ такомъ впредь оставлено не будетъ. А особенно, когда войско запорожское приводитъ себѣ на память, что оно въ прежде бывшую турецкую баталію за ихъ вѣрные и усердные службы отъ блаженныя славы и вѣчно достойныя памяти покойной государыни императрицы Анны Іоанновны въ 1736 и 1737 годахъ, при окончаніи похода похвальными грамотами были обсыланы, по такимъ щастливѣйшимъ тогдашнимъ для войска запорожскаго обстоятельствамъ, за такія вѣрныя и принятыя съ великимъ монаршимъ удовольствіемъ въ вышепомянутыхъ годахъ службы, могло-бы оно получить все то, что-бы ни просило, толко-жъ по искренней своей простотѣ остались спокойными на одномъ томъ, что имѣли несумнѣнную надежду, на имѣющихся у нихъ государственныхъ россійскихъ грамотахъ и королевскихъ привилегіяхъ ут-

Библиотека "Руниверс"

верждаясь, прожить вѣчно на таковомъ и съ волностьми соединенномъ основаніи, почитая при томъ за щастіе, чтобъ не щадить живота своего, съ наслѣдниками своими, при древнемъ своемъ обыкновеніи, а не при теперешнемъ своемъ и прихотливомъ основаніи, до послѣдней капли крови служить россійскому престолу.

На послѣдокъ-же какъ принадлежащіе до козацкихъ войскъ законы уповательно не въ продолжительномъ времени имѣютъ быть сочинены, для сего при семъ случаѣ симъ моимъ примѣчаніемъ о вышеписанныхъ обстоятельствахъ большому собранію имѣю честь представить для наблюденія какъ своей должности, такъ обязательства въ совѣсти моей, дабы молчаніемъ моимъ при такомъ о козацкихъ войскахъ упомянутомъ обстоятельствѣ, не подать причины къ заключенію того-же самого мнѣнія и о запорожскомъ войскѣ, а чрезъ то по окончаніи о козацкихъ войскахъ положенія законовъ излишняго частной коммисіи не было-бы затрудненія. Въ протчемъ отдаю сіе всѣхъ достопочтенныхъ господъ депутатовъ общему собранію и частной коммисіи, куда оно принадлежитъ въ лучшее разсмотреніе.

На подлинномъ:

Депутатъ войска запорожского *Мойсей Скапа*.

Читано въ большомъ собраніи іюля 23 дня 1768 года.

НОВЫЯ ИЗВѢСТІЯ О СТАРЫХЪ ФИГУРНЫХЪ ИЗРАЗЦАХЪ.

Замѣтки „Кіевской Старины“ объ украинскихъ кафляхъ старинаго стиля вызвали въ моемъ воображеніи живое представленіе о такихъ-же своеобразныхъ изразцахъ, видѣнныхъ мною въ лѣта моей юности въ г. Чигиринѣ. Помню, нѣсколько душъ насъ „подорожнихъ“ какимъ-то образомъ попали на ночлегъ къ одному изъ чигиринскихъ священниковъ, и здѣсь-то моему наблюденію на цѣлый вечеръ представились изразцы комнатной печки съ необыкновенными изображеніями, которыя очень меня занимали. Рисунки были черные на бѣломъ полѣ, покрытые глянцемъ; изображали они разныя растенія и разныхъ животныхъ, а воспроизведеніе совершенно такого стиля, какъ образцы на обложкѣ книжекъ „Кіевской Старины“.

Библиотека "Руниверс"

Не ужели у насъ навсегда исчезли эти начатки столько интереснаго и своеобразнаго искусства?—Пріятно было узнать, („Кіев. Стар.“, февр. 1883 г.), что хотя у нашихъ закордонныхъ братьевъ это производство не умерло.

А. С.

А у насъ оно умерло и едва-ли можетъ воскреснуть, какъ все, что явилось и жило при иныхъ условіяхъ жизни. Наше дѣло собирать уцѣлѣвшіе остатки этого производства, а они уцѣлѣли еще кой-гдѣ, какъ показываетъ слѣдующее недавно полученное нами извѣстіе:

„Къ свѣдѣнію редакціи „Кіевской Старины“ считаю для себя пріятною обязанностію сообщить, что образцы древнихъ кафель (если вѣрить разсказамъ, имъ уже лѣтъ 200) съ рисунками на нихъ, похожими на тѣ, какіе есть уже на обложкѣ журнала, сохранились на печкѣ экономическаго дома въ с. Куриловкѣ, черниговской губерніи, нѣжинскаго уѣзда. Въ 1879 г. я лично видѣлъ ихъ, пріѣзжая въ Куриловку по дѣлу“.

Уважаемый А. А. Русовъ, сообщая это извѣстіе, даетъ подробные адресы лицъ, при посредствѣ которыхъ можно пріобрѣсть или самыя кафли, или фотографическіе снимки съ нихъ, мы-же, принося ему нашу искреннюю благодарность за такое интересное сообщеніе, можемъ, къ свѣдѣнію его и нашихъ читателей, прибавить, что нами приняты уже мѣры къ сохраненію для науки этой весьма цѣнной находки.—*Ред.*

СТИХОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИКЪ НАШЕСТВІЯ ШВЕДОВЪ НА УКРАЙНУ.

Въ пепелѣ забвенія всё часъ погребаетъ,
О чесомъ писаніе намъ не возвѣщаетъ.
Сего ради судихомъ въ память написати,

Библиотека "Руниверс"

Кто и когда сей образъ [1]) дерзнулъ обругати.
Недостоинъ имени добраго Мазепа—
Івашко отъ адскаго пришедъ заклепа,
Той оставилъ государя христіанска всероссійска,
Петра Великаго, той самъ короля Свѣйска
Приведе съ оружіемъ въ Россію Малу́ю,
Имѣя въ сердци своемъ коварній мисль злую.
О, кто исповѣсть тогда пролитіе крови,
Бѣды, страхъ, гоненія и ужасъ суровый!
Лютри церквы святыя въ турми превращаху,
Подножіе и дамы съ ікопъ сочиняху;
Съ ікопъ—увы!—помости дѣлаша подъ кони.
Тогда и та ікона пострада святая,
Юже въ дамы пречерта рука проклятая.
Ликуй убо днесь, стадо красное Христово,
Имѣя другихъ святыхъ начертанныхъ ново—
Патріарха съ Пророкомъ: тіи святіе раны
Предлагающе Богу, сохранятъ отъ брани;
Того врагамъ каменемъ пророкъ сотретъ главу,
Лествицею Іаковъ возведетъ насъ въ славу.—
Эпиграма!
Звѣри устыдѣшася въ ровѣ Даніила,
Исавля патріарха ярость уступила:—
Надъ звѣрей здѣсь лютѣйша и паче Исава
На образѣ семъ зрится эретиковъ справа!

Эти стихи, въ видѣ эпиграммы, написаны неизвѣстнымъ современникомъ нашествія шведовъ въ Малороссію къ образу Іакова Лѣствичника въ церкви с. Жуковъ, полтавской губерн., обращенному шведами въ шахматную доску для игры въ шашки (дамы). Образъ, какъ видно, переписанъ былъ вновь и къ патр. Іакову прибавленъ пророкъ Даніилъ. Стихи списаны моимъ покойнымъ отцомъ,

---

[1]) Іакова Лѣствичника.

Библиотека "Руниверс"

А. И. Ставровскимъ, б. профессоромъ кіевскаго университета, въ бытность его въ с. Жукахъ въ 1857 году. Въ той-же церкви села Жуковъ хранилась плаха-топоръ, на коей сложилъ голову предокъ нынѣшняго владѣльца Диканьки. Эти вещи потомъ взяты Кочубеемъ и въ 1857 г. онѣ были уже въ Диканькѣ.

К. А. Ставровскій.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“.

изданіе **Е. Лебедевой** (бывшее Львовой).

Журналъ выходитъ семнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ, въ хорошемъ переводѣ, произведенія иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими, имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами такъ, чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ препровожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ бы его съ дѣйствительно интересными, пользующимися успѣхомъ на Западѣ произведеніями изящной литературы.

Для лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются уже популярностью за границей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ 1883 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и въ томъ-же объемѣ, при благосклонномъ участіи лучшихъ нашихъ переводчиковъ-литераторовъ: В. Крестовскаго (псевдонимъ), П. И. Вейнберга, Лѣтнева, В. Ранцева, Хмѣлевой и другихъ.

Успѣхъ данныхъ въ этомъ году историческихъ романовъ («Императрица Елисавета» и «Великая Княгиня)» приводитъ насъ къ убѣжденію, что историческіе романы болѣе нравятся публикѣ, почему мы въ 1883 году постараемся давать побольше такихъ романовъ, не забывая, конечно, о всемъ новомъ, что появится въ иностранныхъ литературахъ. Кромѣ того, всѣ подписчики 1883 г. получатъ *въ премію* талантливое произведеніе извѣстнаго *Эмилія Габоріо «Знаменитыя Женщины»*, гдѣ, въ двухъ книгахъ, въ увлекательной формѣ, изложены біографіи всѣхъ извѣстныхъ, отъ самыхъ древнихъ временъ, французскихъ женщинъ, фаворитокъ, имѣвшихъ часто огромное вліяніе на судьбы этого народа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки:	Съ доставкой на домъ.	Съ пересылкой во всѣ города.
На 12 мѣс.	8 р. — к.	8 р. 50 к.	8 р.
« 6 «	4 « 25 «	4 « 50 «	5 «

Допускается разрочка по полугодично и по третямъ съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 р., во второмъ 3 рубля.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ“

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ **10**-ти до **12**-ти и болѣе листовъ.

Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.

3) Церковныя *слова*, *поученія*, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) *Разсказы*, *повѣсти*, *характеристики*, *очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*.

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

Библиотека "Руниверс"

13) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная лѣтопись:* ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: *въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ* (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

„НОВОРОСІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣс.	1 р. **30** к.	1 р. **50** к.	На 7 мѣс.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	**9** » **60** »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	**5** » — »	**6** » — »	»10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	»11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	**7** » — »	**8** » — »	»12 »	**12** » — »	**14** » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается.

Библиотека "Руниверс"

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 11 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно бѣлетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси— или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р. и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ. при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*научная хроника,* въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій.* Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

Библиотека "Руниверс"

ляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЪ“.

„ЛУЧЪ“ издается безъ предварительной цензуры; экономическіе вопросы русской жизни въ немъ поставлены на первый планъ. Передовыя руководящія статьи и корреспонденціи, изо всѣхъ мѣстностей имперіи, составляютъ его характерную особенность. Между подписчиками и редакціею существуетъ тѣсная нравственная связь. «ЛУЧЪ», въ отличіе отъ прочихъ иллюстрированныхъ журналовъ, представляющихъ одно собраніе картинокъ и повѣстушекъ, является настоящимъ журналомъ, со строго обдуманною программою и намѣченными цѣлями. *Либеральный и патріотическій журналъ «ЛУЧЪ» пріобрѣлъ сочувствіе русскихъ людей, борясь со зломъ, хищеніемъ и всякою неправдою.*

Не увеличивая подписную цѣну, редакція дастъ въ 1883 году, на улучшенной бумагѣ, за 6 руб. съ доставкою и пересылкою:

52 иллюстрированныхъ номера, два печатныхъ листа каждый.

12 большихъ книгъ—приложеній романовъ и повѣстей.

Шесть безплатныхъ сюрпризовъ: Большую олеографическую картину. Четыре пейзажа акварелью (красками). Альбомъ 20 видовъ Петербурга (фототипія) въ переплетѣ.

Желающіе подписаться на одинъ «ЛУЧЪ» безъ книгъ и сюрпризовъ, платятъ за годъ съ перес. ТРИ р.

Въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться передовая статья С. С. Окр—па,

Для будущаго года въ редакціи имѣются матеріалы: 1) „Черный годъ“, большой историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. С. С. Окрейна. 2) „Болѣзнь выдала“, романъ покойнаго И. И. Глушицкаго. 3) „Ящикъ Пандоры“, повѣсть Николаевой. Кромѣ того, въ первыхъ книгахъ будутъ помѣщены: „Исторія завоеванія Перу и Мексики“, Вильяма Прескота и интересный большой романъ „Золотая Свинья“, соч. Фортюнэ-дю-Буагобей.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) ул., д. № 15, въ редакціи журнала „ЛУЧЪ“.

Библиотека "Руниверс"

„КУБАНЬ“

газета общественная, литературная и политическая.

(второй годъ изданія).

Выходитъ отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ ЕКАТЕРИНОДАРѢ (Куб. обл.), въ конторѣ редакціи, на Красной улицѣ.

ЦѢНА съ пересылкою 7 руб. за годъ, 4 руб. за $^1/_2$ года и 2 руб. за $^1/_4$ года.

Редакторъ-издатель Н. Г. Мойсеенко.

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

ВАРШАВА. Въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

«Русскій Филологическій Вѣстникъ» выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (№№) отъ 10 до 15 листовъ каждая, [Двѣ книги (два №№) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому № журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ.*

Библиотека "Руниверс"

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Въ наступающемъ году «Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно листами большаго формата по слѣд. программѣ:

ВНУТРЕННІЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ статьи по текущихъ вопросамъ общественной и экомической жизни, извлеченія изъ выдающихся статей столичныхъ газетъ, обращающихъ на себя наибольшее вниманіе, хронику событій общественной, городской и сельской жизни, корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ юга Россіи.

ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ будетъ состоять изъ отчетовъ о дѣятельности земствъ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся земства, о наиболѣе выдающихся новѣйшихъ сочиненіяхъ по земскимъ вопросамъ.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ. Статьи по городскому хозяйству Одессы, а также и другихъ южныхъ городовъ. Дѣятельность городскихъ думъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Статьи оригинальныя и переводныя по земледѣлію, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, лѣсоразведенію, огородничеству и садоводству. Сельско-хозяйственныя техническія производства. Обзоры сельско-хозяйственныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и спеціальныхъ сочиненій. Свѣдѣнія объ урожаѣ.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные. Очерки провинціальной жизни. Художественная лѣтопись. Научная хроника.

ИСКУССТВО и ЛИТЕРАТУРА. Театральная хроника; новости драматической литературы; извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства; эпизоды изъ жизни знаменитыхъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ и о всѣхъ выдающихся сочиненіяхъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Отчеты о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ процессахъ; рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ и общихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; практика коммерческаго суда; статьи по юридическимъ вопросамъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ХРОНИКА. Статьи по желѣзнодорожному хозяйству, узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся желѣзныхъ дорогъ; случаи въ желѣзнодорожномъ мірѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ. Руководящія статьи, посвященныя обзору и оцѣнкѣ важнѣйшихъ событій въ иностранныхъ государствахъ. Телеграммы, письма и корреспонденціи.

ФИНАНСОВАЯ, ТОРГОВАЯ, АКЦІОНЕРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА. Телеграммы, хлѣбныя и торговыя сдѣлки, показанія рыночныхъ цѣнъ на шерсть, сахаръ и проч.; колоніальные рынки и новости биржеваго міра и проч. Справочный отдѣлъ и объявленія казенныя и частныя.

Библиотека "Руниверс"

Телеграммы изъ Россіи и заграницы печатаются ежедневно отъ спеціальныхъ корреспондентовъ, отъ Международнаго Телеграфнаго Агентства и отъ Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Для расширенія же спеціально литературнаго отдѣла, редакція будетъ выпускать время отъ времени полуторные номера, въ которыхъ найдутъ мѣсто повѣсти, разсказы и др. выдающіяся произведенія отечественной и иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ съ доставкой:	**Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ:**
на годъ 9 р., полгода 5 р., три мѣсяца 3 р., одинъ мѣсяцъ 1 руб.	**на годъ** 10 р., полгода 6 р., три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Денежные пакеты адресовать непосредственно въ контору «Одесскаго Листка», въ Одессѣ, на углу Греческой ул. и Краснаго пер., д. Доре, № 10.

Редакторъ-издатель *В. В. Навроцкій.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. сѣверо-западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и заграницею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей сѣверо-западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

«Виленскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ; въ эти же дни выходятъ прибавленія, въ которыхъ помѣщаются полученныя въ предшествовавшій день телеграммы и послѣднія свѣдѣнія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ,		Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города,	
На годъ	8 р.	На годъ	10 руб.
— полгода	4 » 50 к.	— полгода	5 »
— 3 мѣсяца	2 » 40 »	— 3 мѣсяца	3 »
За 1 мѣсяцъ	— » 80 »	За 1 мѣсяцъ	1 »

Библиотека "Руниверс"

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, кромѣ 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣнъ по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для печатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» принимаются: въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика *(уголъ Невскаго и Малой Морской, домъ № 11)*; въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцля *(Покровка, домъ Солодовникова)*; въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера *(Сенаторская, домъ № 22)*; въ Парижѣ, у Гаваса *(Agence Havas et Cie Paris, place de la Bourse, 8)*; въ Лондонѣ, у Даубе *(London, 130, Fleet, street, E. C.)*; въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнера *Gänsenmarkt, 58)*.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1883 году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число гравюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: *Пиннемакеру* въ Парижѣ, *Клоссу* въ Штуттартѣ, *Зубчаниновy* и *Рашевскому* въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. *Д. В. Аверкіева.*—Женщины Пугачевскаго возстанія. *А. В. Арсеньева.*—Выгорѣцкіе совратители. *Его-же.*—Генералъ Антоній Езеранскій. *Н. В. Берга.*—Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. *Его-же.*—Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта *А. Я. Бутковской.*—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія *Я. Н. Бутковскаго.*—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь А. А. Шаховской). *Е. М. Гаршина.*—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. *И. И. Дубасова.*—Меньшиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. *Г. В. Есипова.*—Борьба за существованіе мысли. *В. Р.*

Библиотека "Руниверс"

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Его-же.*—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *Н. И. Костомарова.*—Сербскіе гости въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. *Его-же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Лѣскова.*—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *Л. С. Мацѣевича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминанія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавронскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скептическое матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очерки изъ современной украинской литературы. *Н. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаній. *П. С. Усова* —Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни. *Его же.*—Воспоминанія и замѣтки. *Ѳ. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австраліи. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію **«Историческаго Вѣстника»**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божію. Разсказъ *В. Н. Майнова.*—Плавня. Разсказъ *С. В. Максимова.*—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Пасляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ѳ. М. Уманца.*—Суевѣрія человѣчества. *М. К. Цебриковой* и др.)- Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **«Историческому Вѣстнику»**, съ январьской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ **«Кромвель»**.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины **«Новаго Времени»**: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составится

Библиотека "Руниверс"

особый альбомъ. Въ «газетѣ» будетъ печататься новая повѣсть Н. С. Лѣскова: «Соколій перелетъ».

ПРЕМІИ: «Крестный календарь» 1884 г. на лучшей бумагѣ и олеографическая картина одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки **4** р., съ перес. **5** р.; на ½ г. **3** р.; на 1 мѣс. **75** к.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв, д. Гатцука.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

Съ 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращенъ въ **полуежедневное изданіе** и выходитъ аккуратно черезъ день, исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостью* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы вмѣстѣ съ тѣмъ всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 9-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 1883 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія ука-

Библиотека "Руниверс"

занія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣстн.» на годъ **8** руб., на полгода **4** руб. **50** коп., на три мѣсяца **2** руб. **50** коп., на мѣсяцъ **1** р. Годовая цѣна за границей **10** руб. Отдѣльные №№ по **10** коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Обществ. Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2-хъ до 4-хъ печ. листовъ въ №; въ годъ до 142 печ. лист. больш. формата)

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ офиціальной своей части, составляющей офиціальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофиціальной-же части даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на правосл. востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и имѣетъ слѣдующіе *постоянные отдѣлы* (кромѣ передовыхъ статей): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 3) обозрѣніе духовной журналистики; 4) библіографическое обозрѣніе; 5) лѣтопись церковную; 6) лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей; наконецъ 7) разныя извѣстія и замѣтки. Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и корреспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того «*Толкованія на ветхій завѣтъ*» съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1883 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ*», и вмѣстѣ съ тѣмъ начато будетъ печатаніе «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1883 г. выйдетъ *особою книжкою* четвертый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»—семь руб. съ перес., отдѣльно за «Церк. Вѣстн.»—пять руб., за «Христ.

Библиотека "Руниверс"

Чтеніе» съ «Толкованіями» — пять руб. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р съ перес.

Иногородные подписчики адресуются: «въ редакцію Церк. Вѣстн. и Христ. Чтенія, въ С.-Петербургѣ». Петербургскіе подписчики подписываются въ отдѣл. конторы ред. близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 3), или при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета общественная, политическая и литературная

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края», отъ «Международнаго» и «Сѣвернаго» телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія. IX. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». X. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Сторонніе сообщенія. XVIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе, чѣмъ въ ста губернскихъ и уѣздныхъ городахъ южной Россіи.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Библиотека "Руниверс"

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ на Московской ул., въ домѣ харьковскаго университета, № 7-й.

Съ іюля мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, шрифтомъ болѣе убористымъ, вслѣдствіе чего текстъ газеты увеличился на одну треть прежняго размѣра.

Редакторъ-издатель. А. А. Іозефовичъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„ВОЛЫНЬ“

Вступая въ пятый годъ своего существованія, съ будущаго 1883 года газета «Волынь» будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы. 2) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности волынской губерніи. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія во всѣхъ частяхъ свѣта. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Смѣсь, гдѣ будетъ помѣщаться шутки, курьезы, анекдоты и остроты изъ прошлаго и настоящаго времени. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ преимущественно въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій.

Кромѣ того по временамъ будутъ помѣщаться фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ домѣ женской гимназіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	3 р. 30 к.
На $^1/_2$ года	1 „ 80 „
На 3 мѣсяца	1 „ — „
На 1 мѣсяцъ	— 40 „

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики на доставленіе адреса и на замѣну такового новымъ въ случаѣ перемѣны мѣста жительства прилачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к., адресуя въ г. Житоміръ въ редакцію газеты «Волынь».

Редакторъ-издатель С. Блонскій.

Библиотека "Руниверс"

„ДѢЛО“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Издается въ Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, подъ редакціею В. Барвинскаго.

Съ 1-го января 1883 года выходитъ *три* раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Цѣна на годъ 12 рублей, полгода 6 р., а на три мѣсяца 3 руб.

При газетѣ, по прежнему, будетъ издаваться *«Библіотека повѣстей»*, выходящая два раза въ мѣсяцъ, 15 и послѣднихъ чиселъ, по 2 печатныхъ листа.

Цѣна «Дѣла» вмѣстѣ съ «Библіотекой повѣстей» на годъ 16 руб., полгода 8 руб., три мѣсяца 4 руб. Отдѣльно *«Библіотека повѣстей»* — на годъ 5 р., полгода 2 р. 50 коп., Приплачивающіе *два* рубля получаютъ 26 печат. листовъ неоконченной въ 1882 году повѣсти: «Трудъ и деньги».

Подписываться можно въ редакціи «Дѣла» (Львовъ, ул. академическая, № 8) и въ редакціи «Кіевской Старины» (Кіевъ, Соф. площ., д. Севастьяновой).

„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ“

(4-й годъ существованія).

Программа, сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), размѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ

на годъ . . . . . 6 руб.
на полгода . . . . . 3 р. 50 к.
одинъ мѣсяцъ . . . . . — 75 к.

Просятъ адресоваться: въ Новочеркаскъ въ редакцію «Донскаго Голоса».

Редакторъ издатель *Е. Д. Жилмановскій.*

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

„ЗАПИСКИ“

КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа „**Записокъ**“: протоколы общихъ собраній Отдѣленія, засѣданій Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣл. комиссій, правительственныя распоряженія, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности; обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ „Запискахъ“ будутъ печататься **статистическія свѣдѣнія** о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ, обязательно доставляемымъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ.

„Записки“ выходятъ по **два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.**

Подписная цѣна „Записокъ“ для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи **8 рублей въ годъ**, съ приложеніемъ „Трудовъ“ Кіевскаго Вспомогательнаго Комитета по Московской Выставкѣ 1882 г.—**10 р. 50 к.**

Подписка принимается въ Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (*Кіевъ, Верхне-Владимірская улица, домъ Тамары, вблизи опернаго театра*), а также: въ *С.-Петербургѣ*, въ центральной конторѣ объявленій (*Невскій пр., Мал. Морская, № 11.*); въ *Варшавѣ*: въ конторѣ *Райхманъ и Френдлеръ* (*Сенаторская, д. № 22.*) и въ *Гамбургѣ*, у *Адольфа Стейнеръ*.

Объявленія принимаются исключительно въ Бюро Отдѣленія на слѣдующихъ условіяхъ.

	За каждую строку или ея мѣсто	
	до 16 строкъ	болѣе 16 строкъ.
За одинъ разъ.	15 коп. . . .	10 коп.
За каждый разъ свыше одного .	7½ „ . . .	5 „

За разсылку при „Запискахъ“ печатныхъ объявленій, рекламъ и т. п., которыя будутъ доставлены въ Бюро, взимается, за одинъ разъ, съ каждаго листа по 6 руб.

Гг. подписчики и члены Отдѣленія, извѣщая Бюро о своихъ адрессахъ, благоволятъ обозначать точно: имя, отчество и фамилію, также то почтовое мѣсто (съ указаніемъ губерніи и уѣзда), чрезъ которое желаютъ получать „Записки“.

О несвоевременной высылкѣ „Записокъ“ просятъ заявлять по слѣдующему адрессу: **Т. И. Лоначевскому** (Кіевъ, зданіе Университета).

„СЛОВО“

Вступая въ XXIII годъ своего изданія, наша газета останется вѣрною своей программѣ: честно и бодро стоять до конца за права русскаго народа въ Австро-Венгріи и защищать правду, о сколько то сегодня намъ возможно.

Газета наша, какъ до теперь, такъ и въ 1883 году, будетъ выходить три раза въ недѣлю: по *Вторникамъ*, *Четвергамъ* и *Субботамъ*, за исключеніемъ праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней.

Подписная цѣна на „Слово“ остается прежняя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

безъ почтовой пересылки

На цѣлый годъ:	На полъ года:	На одинъ кварталъ:	На одинъ мѣс.
12 зр. — кр.	6 зр. — кр.	3 зр. — кр.	1 зр. — кр.

Библиотека "Руниверс"

Съ почтовою пересылкою въ Австро-Венгріи:

14 зр. — кр. 7 зр. — кр. 3 зр. 50 кр. 1 зр. 20 кр.

Съ почтовою пересылкою за границу:

17 зр. — кр. 8 зр. 50 кр. 4 зр. 50 кр. (14, 7 и 4 рублей).

Частныя лица въ Россіи могутъ газету выписывать во всѣхъ «конторахъ газетъ», въ головныхъ «экспедиціяхъ газетъ», а также прямо въ нашей конторѣ, адресуя: «Въ г. Львовъ, Галиція, въ контору газеты «Слово».

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб. 60 коп.	На годъ	12 руб. — коп.
» полгода . .	4 » 80 »	» полгода . .	6 » — »
» три мѣсяца .	2 » 40 »	» три мѣсяца .	3 » — »
» мѣсяцъ . . .	— » 80 »	» мѣсяцъ . . .	1 » — »

За границу (подъ бандеролью); за годъ—15 руб., полгода—7 руб. 50 коп., три мѣсяца—3 руб. 75 коп., на мѣсяцъ—1 руб. 25 коп.

Требованія, съ приложеніемъ денегъ, адресуются въ контору редакціи «Варшавскаго Дневника», въ Варшавѣ, Медовая, 18.

Редакторъ: Князь Н. Н. Голицынъ.

„УСТОИ.“

Литературный, научный и политическій журналъ „УСТОИ“ будетъ выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1) Беллетристика оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.

2) Научный отдѣлъ: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.

3) Критика: общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.

4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтопись событій, корреспонденціи, судебные отчеты.

5) Политическій отдѣлъ: обозрѣніе жизни иностранныхъ государствъ.

6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.

7) Театръ и музыка.

8) Смѣсь: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.

9) Объявленія.

Библиотека "Руниверс"

Въ журналѣ будутъ участвовать: Я. В. Абрамовъ (Одесскій), М. И. Альбовъ, Александровъ, К. Баранцевичъ, Максимъ Бѣлинскій, С. А. Венгеровъ, В. В., Алексѣй Никол. Всеволожскій, О. О. Воронцовъ, В. М. Гаршинъ, Н. Н. Ивановъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, С. Н. Кривенко, Н. В Максимовъ, Н М. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ (М. А. Протопоповъ), С. Я. Надсонъ, Н. Н. Наумовъ, В. Н. Орловъ, А. Н, Плещеевъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. Н. Семевскій, Л. З. Слонимскій, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А Тимирязевъ, Гл. И. Успенскій, О. А. Щербина, О. О. Эрисманъ, проф. Н. И. Якушкинъ, П. В. Якубовичъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ противъ Гостинаго двора № 46.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки—10 р., съ доставкою въ Петербургѣ.—11 р., съ пересылкою въ другіе города—12 р.; на полгода: безъ доставки—5 р. 50 к., съ доставкою въ Петербургѣ—6 р., съ пересылкою въ другіе города—7 р.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ не позже выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о нерожденіи адресовъ адресуются исключительно въ контору „УСТОЕВЪ.“

Новый журналъ съ 1-го января 1883 г.

„ИСКУССТВО.“

Еженедѣльный художественно-литературный органъ поэзіи, музыки, театра, живописи, скульптуры, декоративнаго искусства, хореографіи, архитектуры и пр.

Задача новаго журнала—служить выразителемъ художественно-артистической жизни Европы и Россіи.

Каждый № журнала будетъ заключать: 1) Руководящія статьи по всѣмъ отраслямъ искусствъ. 2) Статьи по теоріи искусства, по худож. археологіи, по эстетикѣ. 3) Критическіе обзоры петерб. и москов. театровъ и выставокъ 4) Театр.-музыкальн. корреспонденціи и извѣстія изъ всѣхъ провинціальн. городовъ Россіи. 5) Худож.-литературн. новости изъ заграницы. 6) Театрально-музыкальн. письма изъ Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Рима, Милана, Мадрида. 7. Хроника текущихъ событій по всѣмъ отд. искусства. 8) Худож. и литер. фельетонъ. 9) Біографіи, мемуары, воспоминанія артистовъ, музыкантовъ и художниковъ, какъ русск., такъ и европейск. Кромѣ того, „справочный отдѣлъ“ со всѣми необход. свѣдѣніями и указаніями для артистовъ, художниковъ и антрепренеровъ. Два раза въ мѣсяцъ (25 въ годъ) при журналѣ прилагаются портреты крупныхъ дѣятелей въ области искусства. Каждый нумеръ журнала отъ $1^1/_2$ до 2-хъ листовъ, въ форматѣ приб. „Вс. Иллюст.“

Подписка прин. въ конторѣ редакціи: уг. Ивановской и Николаевской, д. № 14, кв № 9.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ достави.	Съ доставкой.	Для иногород.	За границу.
Годъ. . .	8 руб.	9 р. 50 к.	10 р.	14 р.
Полгода. .	5 руб.	5 р. 75 к.	6 р.	8 р.
3 мѣсяца .	3 руб.	3 р. 50 к.	4 р.	5 р. 50 к.

Разсрочка платежа допускается черезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи. Иногородные подписываются исключительно въ конторѣ редакціи.

Въ предстоящемъ году журналъ „Искусство“ предполагаетъ дать слѣдующую галлерею большихъ портретовъ, исполненныхъ по заказу редакціи въ Парижѣ, по новому цинкографическому способу.

Шекспиръ (снимокъ съ неизвѣстнаго еще портрета въ Россіи), Дидеро, Тенисонъ, Словацкій, Хмѣльницкій, кн. Шаховской, Рашель, Гаррикъ, Маллибранъ, Паста, Мочаловъ, Асенкова, Щепкинъ, Шумскій, Берліозъ, Листъ, Даргомыжскій, Вагнеръ, Мусоргскій, Канова, Деларошъ, Маккартъ, Брюловъ, Ивановъ, Антокольскій.

Редакторы-издатели **Ѳ. Гриднинъ** и **В. Чуйко.**

При главной конторѣ журнала „Искусство“ принимается подписка на „Библіотеку европейскихъ писателей“ (2 годъ), изд. В. Чуйко, 10 вып. въ годъ. 6 руб. съ пересылкою.

„ВАЗА“

дамскій иллюстрированный литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

(СУЩЕСТВУЕТЪ 52 ГОДА).

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: **С.-ПЕТЕРБУРГЪ**, Ивановская, № 14.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ:

24 двойныхъ номера журнала, т. е. **24 номера литературныхъ** (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстія, новости, и т. п.) и **24 номера рукодѣльно-модныхъ** (самыя обстоятельныя описанія и объясненія кройки и отдѣлки костюмовъ, рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство). Новоизобрѣтенія по части модъ, медицины, косметиковъ и т. д. 1000 иллюстрацій въ текстѣ. 24 модныя раскрашенныя гравюры. Исполняются и печатаются заграницей по подлиннымъ парижскимъ образцамъ.

12 вырѣзныхъ выкроекъ—въ натуральную величину.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ (до 1000 формъ и узоровъ).

12 листовъ узоровъ: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ.

6 раскрашенныхъ узоровъ для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Карманный календарь на 1883 годъ, заключающій святцы и необходимыя свѣдѣнія.

Каждый подписчикъ 1883 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно:

I. Туфли съ окончательно вышитымъ узоромъ. Вышивка передовъ исполнена выпуклымъ бархатнымъ швомъ (цѣна въ отдѣльной продажѣ 4 руб.).

Библиотека "Руниверс"

II. Олеографическая картина (ландшафтъ) громадныхъ размѣровъ $1^1/_4$ аршина длины и $14^1/_4$ вершк. шир. Картина исполнена въ 20 красокъ, въ королевскомъ олеографическ. институтѣ въ Берлинѣ. (Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к.).

III. Шарфъ à Lavalière изъ тюля съ накладной вышивкой по концамъ. Новость, весьма изящной заграничной работы.

IV. Салфетка для сухарницы, узорчатаго тканья съ длинной бахрамой.

V. Корзинка рабочая } Обѣ вещи изъ тисненнаго papier-mâché со
VI. Башмачекъ для часовъ } вставками для вышивки.

Образцы премій можно видѣть въ Редакціи.

Раздача и разсылка премій начнется съ первыхъ чиселъ Января, по старшинству поступленія подписныхъ денегъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ пересылкой	Безъ пересылки.	
На годъ съ преміями	12 р.	11 р. — к.	На укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 копѣекъ.
„ „ безъ премій	7 р.	6 р. — к.	
На $^1/_2$ года съ преміями	9 р.	8 р. — к.	
„ „ безъ премій	4 р.	3 р. 40 к.	

„МОСКВА“

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Большое еженедѣльное иллюстрированное изданіе съ разными безплатными приложеніями и **пятнадцатью роскошными** художественными преміями, рисованными **цвѣтными тонами извѣстными русскими художниками** по заказу редакціи; эти большія картины, отпечатанныя, въ золотыхъ рамкахъ, на выписанной изъ заграницы веленевой бумагѣ, къ концу года составятъ богатый альбомъ, а вставленныя въ рамы могутъ служить украшеніемъ каждой гостинной.

Такихъ художественныхъ приложеній редакціей будетъ разослано въ теченіе 1883 года **болѣе пятнадцати**.

Вотъ краткій перечень картинъ, которыя уже пріобрѣтены редакціей для подписчиковъ на 1883 годъ.

Русалка, акварель Профессора *В. В. Пукирева*. Чукаки, рисунокъ тонами академика *А. К. Саврасова*. Сельская ярмарка, акварель академика *К. А. Трутовскаго*. „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко на голой вершинѣ сосна“, пейзажъ художника И. И. Левитанъ. „Мишку подняли“, акварель художника А. И. Левитанъ. Іоаннъ Грозный предъ Филиппомъ митрополитомъ, рисунокъ сепіей профессора *В. В. Пукирева*. „Черный конь“, рисунокъ къ поэмѣ: „Еще одинъ, поцѣлуй“ рисунокъ цвѣтными тонами, „Вальпургіева ночь“, фантастическій рисунокъ, „Странники“, акварель „Плачъ Ярославны“ истор. рисун., „Алеша Поповичъ“, Тяга, аквар., „Приволжская вольница“, аквар. и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ постоянными сотрудниками на 1883 годъ будутъ:

Профессора живописи *В. В. Пукиревъ*, *К. А. Трутовскій*, академики *А. К. Саврасовъ*, *С. И. Грибковъ* и художники Лебедевъ, Богатовъ, А. Левитанъ, Яновъ, Коровинъ, Протопоповъ, Симоновъ, Матвѣевъ, Клаптъ, Рябушкинъ, Святославскій, Чеховъ, Турылинъ, Россовъ и многіе другіе.

Библиотека "Руниверс"

Журналъ „Москва“ будетъ выходить въ 1883 году въ значительно увеличенной противъ прежняго программѣ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, всего, 50 №№ въ годъ, печатанныхъ на роскошной глазированной бумагѣ и кромѣ **пятнадцати художественныхъ премій**, въ теченіе года будетъ помѣщено множество виньетокъ, портретовъ выдающихся дѣятелей и болѣе 200 оригинальныхъ рисунковъ, исполненныхъ красками.

Вотъ тѣ сюжеты, которые уже пріобрѣтены редакціей:

Смотрины въ купеческомъ домѣ, Катя, бѣлолицая (поэма изъ народнаго быта), Оправданный, Типы темнаго царства (10 рисунковъ), Ванька Ключникъ, Не гуляль съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу, Домовой на купеческой свадьбѣ (15 рисунковъ), Сѣнокосъ, Лысая гора (нѣсколько фантастическихъ картинокъ), „Пьяная ночь“ (Некрасова), Охотничьи сцены, „Самъ имянинникъ“, Потокъ богатырь, Кабатчикъ (поэма 15 рисунковъ), Рыболовы, Маленькій порть, Вылазка, Въ ссудной кассѣ, Прекрасный полъ, Кладъ, Проповѣдь, У желѣзной дороги, Ванька отчаянный, Пименъ и Григорій Отрепьевъ, Съ яблоками, Въ ученьѣ, Весна, Русскіе богатыри (нѣсколько рисунковъ), Колдунъ Ѳома, На далекой окраинѣ и многіе другіе.

Кромѣ этого въ теченіе года предполагается дать нѣсколько роскошныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ *Д. В. Григоровича*, „Рыбаки“, *И. С. Тургенева* „Записки Охотника“, *Гончарова*, „Обрывъ“, *Гоголя*, Вчера на хуторѣ близъ Диканьки, *Графа А. Толстаго*, „Князь Серебранный“ и стихотвор. *Н. А. Некрасова* и друг.

Надъ исполненіемъ этихъ рисунковъ заняты художники журнала Москва.

Въ 1883 году будетъ особенно подробно описано и иллюстрировано красками предстоящее въ Москвѣ Коронованіе

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Всѣ годовые подписчики на 1883 годъ получаютъ главную годовую премію:

роскошную, художественно-исполненную и лакированную олеографію

БОЛЬШУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ КАРТИНУ ХУДОЖНИКА К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Русская свадьба въ XVI столѣтіи.

ПРОВОДЫ МОЛОДЫХЪ ВЪ ОПОЧИВАЛЬНЮ ВЪ ДОМѢ БОЯРИНА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Къ участію въ журналѣ приглашены лучшія литературныя силы.

Въ теченіи года журналъ „Москва“ составитъ два объемистыхъ тома, около 1200 столбцовъ убористаго текста, въ который войдутъ: 1) Иллюстрированные историческіе романы и повѣсти 2) Очерки и разсказы изъ русской жизни 3) Большіе переводные романы знаменитыхъ иностранныхъ писателей 4) Статьи по вопросамъ искусства 5) Иллюстрированныя поэмы и стихотворенія 6) Фельетонъ, хроника общественной жизни 7) Сцены и описанія рисунковъ 8) Юмористическіе наброски на злобы дня 9) Разнообразный отдѣлъ Смѣси: остроты, анекдоты, курьезы, замѣчательныя открытія и изобрѣтенія, полезные совѣты и т. п.

Въ портфелѣ редакціи уже находятся слѣдующія литературныя произведенія: „Поволжская вольница“, повѣсть, „Очень любила“, разсказъ, „Вася Блаженный“, повѣсть, „Цезарь Борджія“ переводъ, „Степной домикъ“ очеркъ, „Царица грезъ“ разсказъ, „Послѣдняя воля“ повѣсть и многіе другіе.

Съ 1-го января начнется печатаніе **большаго иллюстрированнаго историческаго романа изъ XIV вѣка: „НА РУБЕЖѢ ЯЗЫЧЕСТВА“.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки . 7 р. — к.	На годъ съ дост. и перес. 8 р. — к.
На полъ года . . . . . 4 р. — к.	На полъ года . . . . . 5 р. — к.
На 1 мѣс. безъ гл. прем. 1 р. — к.	На одинъ мѣсяцъ . . . 1 р. — к.

Для Гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ Москвѣ и другихъ городахъ) допускается разсрочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ

Библиотека "Руниверс"

Подписка принимается во всѣхъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Въ конторѣ редакціи при литографіи И. И. Кланга, уголъ Знаменки д. Звѣрева, въ отдѣленіи конторы редакціи: Петровка, д. Петровскаго монастыря, при типографіи А. В. Дитмаръ.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи на имя И. И. Кланга.

Самый дешевый, самый практичный и полный модный, рукодѣльный и семейный журналъ

ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ

Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ.

Отличается отъ всѣхъ другихъ русскихъ модныхъ журналовъ своей *практичностью:* 1) всякій модный плп рукодѣльный рисунокъ сопровождается не простымъ описаніемъ внѣшняго вида, но и объясненіемъ способовъ исполненія, а также разсчетомъ количества нужнаго матерьяла и цѣны. 2) Даетъ 4 раза въ годъ образцы модныхъ матерій, съ показаніемъ ширины и цѣнъ 3) Для достиженія ясности въ объясненіяхъ, даетъ подписчикамъ таблицу цвѣтовыхъ оттѣнковъ, содержащую болѣе 500 тѣней всѣхъ цвѣтовъ.

12 нумеровъ модныхъ и 12 нумеровъ рукодѣльныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ „ЖЕНСКОМУ ТРУДУ".

12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ.
12 раскрашенныхъ узоровъ рукодѣлій.
6 листовъ выкроекъ для снимапія рѣзцомъ. Монограммы.
12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.
4 листа образцовъ модныхъ матерій.
6 раскрашенныхъ картинъ русскихъ костюмовъ.
Ноты для фортепьяно модныхъ танцевъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Гардеробъ; искусство одѣваться къ лицу.—Тайны туалета и косметика.—Кухня и кладовая.—Домоводство.—Цвѣтоводство.—Музыка, театръ, пѣніе и танцы.—Свѣтская жизнь и законы приличія.—Дамскій спортъ.—Уходъ за дѣтьми.—Игры общественныя, карточныя, дѣтскія.—Пасьянсы.—Гаданья.—Условный языкъ.

Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, анекдоты, шарады, задачи, ребусы и т. п.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки.		Съ доставкой и пересылкой.	
въ годъ	4 р. — к.	въ годъ	5 р. — к.
„ полъ года . . .	2 р. 25 „	„ полъ года . . .	3 р. — „
„ четверть года .	1 р. 25 „	„ четверть года .	1 р. 75 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ. 9 Рождественская ул. д. 32.

Библиотека "Руниверс"

Иллюстрированный дѣтскій журналъ

РОДНИКЪ

2-й годъ изданія.

Журналъ **„Родникъ“** выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками и политипажами въ текстѣ. Годовое изданіе составитъ четыре тома, около 20 печатныхъ листовъ каждый.

Въ „РОДНИКѢ,“ между прочимъ участвуютъ слѣдующія лица: В. Ш. Авепаріусъ, К. С. Баранцевичъ, М. Н. Богдановъ (профессоръ), Е. М. Бемъ, П. В. Быковъ, Е. П. Водопозова, В. И. Водовозовъ, К. В. Ельницкій, Н. Н. Каразинъ, А. В. Круглovъ, А. П. Мунтъ, А. Л. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, Н. И. Позняковъ, Л. Х. Симонова, Н. В. Северинъ, М. В. Чистяковъ, М. К. Цебрикова, А. К. Шеллеръ (Михайловъ) и мн. др.

Въ журналѣ помѣщаются: стихотворенія, небольшія повѣсти и разсказы, очерки изъ народной жизни, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры, задачи, шарады, анекдоты и проч.

Выборъ статей приноровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ.

Приложеніе къ „Роднику:“ педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ 3 раза въ годъ, книжками въ 5 и болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

Условія подписки на 1883 годъ:

на годъ съ приложеніемъ съ дост. и перес. 6 руб., на годъ безъ приложенія съ дост. и перес. 5 р., на полгода безъ приложенія 3 р., за границу на годъ съ приложеніемъ 8 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала **„Родникъ,“** Спасская ул., д. № 1.

Редакторъ-Издательница **Е. Сысоева.**

„РУССКІЙ АРХИВЪ“

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Въ будущемъ году **«Русскій Архивъ»** будетъ издаваться, на прежнихъ основаніяхъ, шестью книжками въ годъ.

Желающіе получать **«Русскій Архивъ»** въ 1883 г. обращаются въ Москвѣ: близъ Тверской, по Ермолаевской Садовой, д. 175.

Библиотека "Руниверс"

Въ Петербургѣ: близъ Императорской Публичной Библіотеки, по Большой Садовой, въ книжный магазинъ И. И. Глазунова.

Цѣна Русскому Архиву 1883 года съ пересылкою и доставкою на домъ — девять рублей.

Выписывающіе Русскій Архивъ въ чужіе края платятъ 12 руб. Отвѣтственность за исправную доставку принимается только при подпискѣ въ указанныхъ мѣстахъ.

Вступая въ третье десятилѣтіе своего существованія, «Русскій Архивъ не имѣетъ надобности въ особыхъ заявленіяхъ и обѣщаніяхъ.

„РАЗСВѢТЪ“

ОРГАНЪ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Газета **„Разсвѣтъ“** будетъ издаваться и въ 1883 году, подъ тою-же редакціей, по прежней программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.
Съ доставкою и пересылкою въ Россіи	7 р.	6 р.	4 р.	2 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою за границею	10 »	8 »	6 »	4 » — »

Разсрочка уплаты подписныхъ денегъ допускается на слѣдующихъ условіяхъ: къ 1 января—3 р., къ 1 апрѣля—2 р., къ 1 іюля—2 р.

С требованіями на газету «РАЗСВѢТЪ» благоволятъ обращаться въ контору редакціи газеты «РАЗСВѢТЪ», С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 16.

Для городскихъ подписчиковъ контора открыта ежедневно, отъ 10—4 часовъ пополудни.

(ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

газета политическая, экономическая и литературная

будетъ выходить листами большаго формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Читателямъ извѣстно, что въ текущемъ году намъ разрѣшено открыть и мы открыли отдѣлъ „юридической хроники„, дающій возможность разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. Въ продолженіе года у насъ были помѣщаемы разборы приговоровъ, и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ прошломъ году, въ объявленіи о подпискѣ, мы упоминали о нашихъ отношеніяхъ къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей. Что мы не ошибаемся, сознавая важность для Россіи культурнаго, умственнаго и экономическаго общенія въ славянами—доказательствомъ, помимо самой дѣйствительности, служитъ и то, что нѣкоторые органы печати, чуть не глумившіеся надъ нами, стали, въ послѣднее время, также помѣщать статьи о славянскихъ дѣлахъ.

Относительно расширенія областнаго отдѣла мы полагаемъ, что исполнили наше обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Помимо небольшихъ корреспонденцій, которыя мы получаемъ изъ значительнаго числа южныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, мы дали въ текущемъ году много обширныхъ обработанныхъ статьямъ отдѣлахъ земскихъ въ Бессарабіи, Одесскомъ, Верхне-Днѣпровскомъ, Александрійскомъ, Тираспольскомъ, Елисаветградскомъ и другихъ уѣздахъ, о городскихъ дѣлахъ Таганрога, Николаева, Херсона, Винницы, Летичева, Ананьева и др. Мы не говорили уже о послѣдовавшемъ значительномъ расширеніи мѣстной хроники, на которую будетъ обращено особое вниманіе, какъ на выраженіе жизни города.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Не гонялись за сенсаціонными, большею частью невѣрными или скандальными происшествіями и слухами, возмущающими однако въ массѣ невольные разговоры о газетѣ и, слѣдовательно, пропагандирующими изданіе,—мы давали читателямъ и будемъ продолжать помѣщать повѣсти, разсказы, фельетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія. Въ текущемъ году въ нашей газетѣ помѣщено до *шестидесяти* отдѣльныхъ повѣстей и разсказовъ, оригинальныхъ и переводныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:		*съ пересылкой или доставкой:*	
За годъ (12 мѣсяцевъ) . . .	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ	8 „ — „
За 3 мѣсяца	3 „ 85 „	За 3 мѣсяца	4 „ 50 „
За 1 мѣсяцъ	1 „ 30 „	За 1 мѣсяцъ	1 „ 50 „

ЗАГРАНИЦУ къ стоимости экземпляра въ Россіи присоединяется на пересылку 50 копѣекъ въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для *различныхъ учрежденій* также допускается разсрочка на означенныхъ условіяхъ, и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впредь до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокѣ полученія коихъ должно быть упомянуто въ заявленіи).

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ „Одескаго Вѣстника“, по коего адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; *иногородные-же*—не иначе, какъ съ 1-го или 15-го числа каждаго мѣсяца. При *перемѣнѣ* адреса должно сообщать прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которыми высылается газета, и, кромѣ того, приложить 20 коп., которыя могутъ быть высланы почтовыми марками.

Редакторъ-издатель П. А. Зеленый.

Библиотека "Руниверс"

ЛИТЕРАТУРНО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МАЯКЪ"

будетъ издаваться по извѣстной уже читателямъ программѣ.

Продолжая улучшать изданіе съ художественной стороны (читатели обратили вѣроятно вниманіе на работы приглашеннаго нами художника г. Вербеля), въ будущемъ году мы расширимъ какъ отдѣлъ „юмористическій", такъ и „обозрѣніе общественной жизни",—расширимъ, конечно, на столько, на сколько не будутъ препятствовать внѣшнія обстоятельства и условія.

Не распространяясь болѣе, находимъ необходимымъ повторить сказанное нами въ минувшемъ году: Всякое правдивое обличительное слово, какихъ бы сферъ и сторонъ нашей жизни оно ни касалось, всякая острая шутка, всякая дѣльная сатира и карикатура перомъ и карандашемъ найдутъ радушный пріемъ на страницахъ „Маяка", задача котораго, какъ показываетъ и самое названіе, освѣщать все то, что привыкло и любитъ скрываться во мракѣ.

Срокъ выхода—еженедѣльный:

въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: *Для подписчиковъ „Одесскаго Вѣстника"*: безъ пересылки за годъ—4 р., за полгода—2 р. 50 коп., съ пересылкою за годъ—4 р. 50 коп., за полгода—3 р.

Для *постороннихъ*: безъ пересылки за годъ—5 р., за полгода—3 р.; съ пересылкою за годъ—6 р., за полгода—3 р. 50 к.

Статьи, рисунки, карикатуры, письма и проч. просятъ адресовать: въ редакцію „Маяка"

Редакторъ—Издатель **П. А. Зеленый.**

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться по прежде утвержденнымъ программамъ:

1) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ оффиціальный**: Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неоффиціальный**: мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

Библиотека "Руниверс"

2) Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общепоучительномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3) Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, не предметамъ общезанимательнымъ, по изложенію доступныя большинству читателей. При журналѣ **будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.**—Изъ твореній бл. Іеронима въ 1883 г. будутъ издаваться его **толкованія на ветхозавѣтныя книги;** изъ твореній бл. Августина—его твореніе **о градѣ Божіемъ.**

Такимъ образомъ изданія кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1) своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе, - „Епархіальныя Вѣдомости"), 2) *религіозно-нравственнаго*, общепоучительнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе") и 3) научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи").

„Епархіальныя Вѣдомости" выходятъ *два раза* въ мѣсяцъ, въ 4-ю д. л., *не менѣе двухъ листовъ*, „Воскресное Чтеніе"—*еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, *не менѣе одного листа въ недѣлю*, „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ.

Цѣна за г о д ъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей в м ѣ с т ѣ съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудами—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудами—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

А д р е с ъ: въ редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при кіевской духовной академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) И. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Иг. Л. Тузова—въ С.-Петербургѣ, 3) А. И. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при академіи: I (1837—38), II 1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48) XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64),

Библиотека "Руниверс"

XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1881 г.г. по 4 р. за экземпляръ съ перес.

Епарх. Вѣдомости за 1880 и 1881 г.г. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. за экземпл. съ перес.

«Труды Кіевской духовной Академіи» продаются *по уменьшенной цѣнѣ:* 1860—1866, 1868 годы по 2 р. 60 к.; за 1869—1873 годы по 4 р; за 1874—1878 г.г. по 5 руб. съ пересылкою, за 1879, 1880 1881 г.г. по 6 руб. съ пересылкою.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ «Трудовъ» и «Воскреснаго Чтенія» дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе «Воскресное Чтеніе» получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки «Трудовъ» 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

„МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА“

(ЕЖЕДНЕВНОЕ, БЕЗЦЕНЗУРНОЕ ИЗДАНІЕ).

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Газета поставила себѣ задачею служить исключительно русскимъ интересамъ и будетъ содержать въ себѣ:

1) Политическое обозрѣніе: Обзоръ иностранной и русской жизни. 2) Телеграммы внутреннія и иностранныя. 3) Внутреннее обозрѣніе: обзоръ столичной и провинціальной жизни. Случаи, происшествія, корреспонденціи. 4) Мѣстный дневникъ: случаи и происшествія московской жизни. 5) Театральная хроника. 6) Биржевыя и торговыя свѣдѣнія. 7) Судебная хроника: судебныя новости и отчеты. 8) Заграничная хроника: извѣстія о жизни иностранныхъ государствъ.— Корреспонденціи. 9) Мануфактурныя и торговыя свѣдѣнія. 10) Фабричная и промышленная дѣятельность. 11) Науки, искусства и художества. 12) Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, разборъ журналовъ и книгъ. 13) Почтовый ящикъ. 14) Московскій справочный календарь. 15) Рекламы и объявленія.

Въ будущемъ, второмъ году своего существованія, «Московская газета» будетъ издаваться по той-же программѣ (программѣ всѣхъ большихъ газетъ), подъ редакціею и при участіи какъ нынѣшнихъ, постоянныхъ, такъ и нѣсколькихъ новыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Помимо обстоятельной и полной картины общественной жизни древней русской столицы, «Московская газета» представляетъ о каждомъ болѣе или менѣе выдающемся событіи свое мнѣніе, въ руководящихъ статьяхъ, написанныхъ живымъ языкомъ, чуждымъ такъ называемой газетной рутины; кромѣ того, въ ней отведено видное мѣсто взглядамъ и мнѣніямъ другихъ органовъ печати какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ съ критической оцѣнкой этихъ мнѣній и взглядовъ; такимъ образомъ, подписчики «Московской газеты» могутъ составить себѣ самый широкій и безпристрастный взглядъ на всякое событіе.

Библиотека "Руниверс"

Подписка на газету и продажа ея отдѣльными №№ производятся въ конторѣ редакціи: Москва, Софійская набережная, д. Котельниковой, и въ отдѣленіяхъ конторы: на станціи конно-желѣзной дороги, у Иверскихъ воротъ; въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ университета; С. И. Леухина у Иверскихъ воротъ и Андронова, на Петровкѣ, д. Хомяковыхъ; Пѣснова и Земскаго на Никольской улицѣ; Васильева на Страстномъ бульварѣ; Вольфа на Кузнецкомъ мосту и въ Охотномъ ряду, въ газетной торговлѣ Девяткина.

Кромѣ того, подписка принимается также: въ С.-Петербургѣ, Литейная № 48 и въ Казани, въ книжномъ магазинѣ, «Восточная Лира».

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой:

За годъ	9	р.	— к.
„ полгода	5	„	— „
„ три мѣсяца	3	„	— „
„ одинъ мѣсяцъ	1	„	— „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

За годъ	8	р.	— к.
„ полгода	4	„	50 „
„ три мѣсяца	2	„	50 „
„ мѣсяцъ	—	„	90 „

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ главную контору редакціи: въ Москву, у Большаго Каменнаго моста, домъ Котельниковой.

Примѣчаніе. Столбцы нашей газеты постоянно будутъ открыты для гг. иногородныхъ корреспондентовъ, которые могутъ быть вполнѣ гарантированы, что ихъ имена будутъ сохранены въ полной тайнѣ.

Для личныхъ объясненій редакціи открыта отъ 2 до 3 часовъ дня, кромѣ праздниковъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

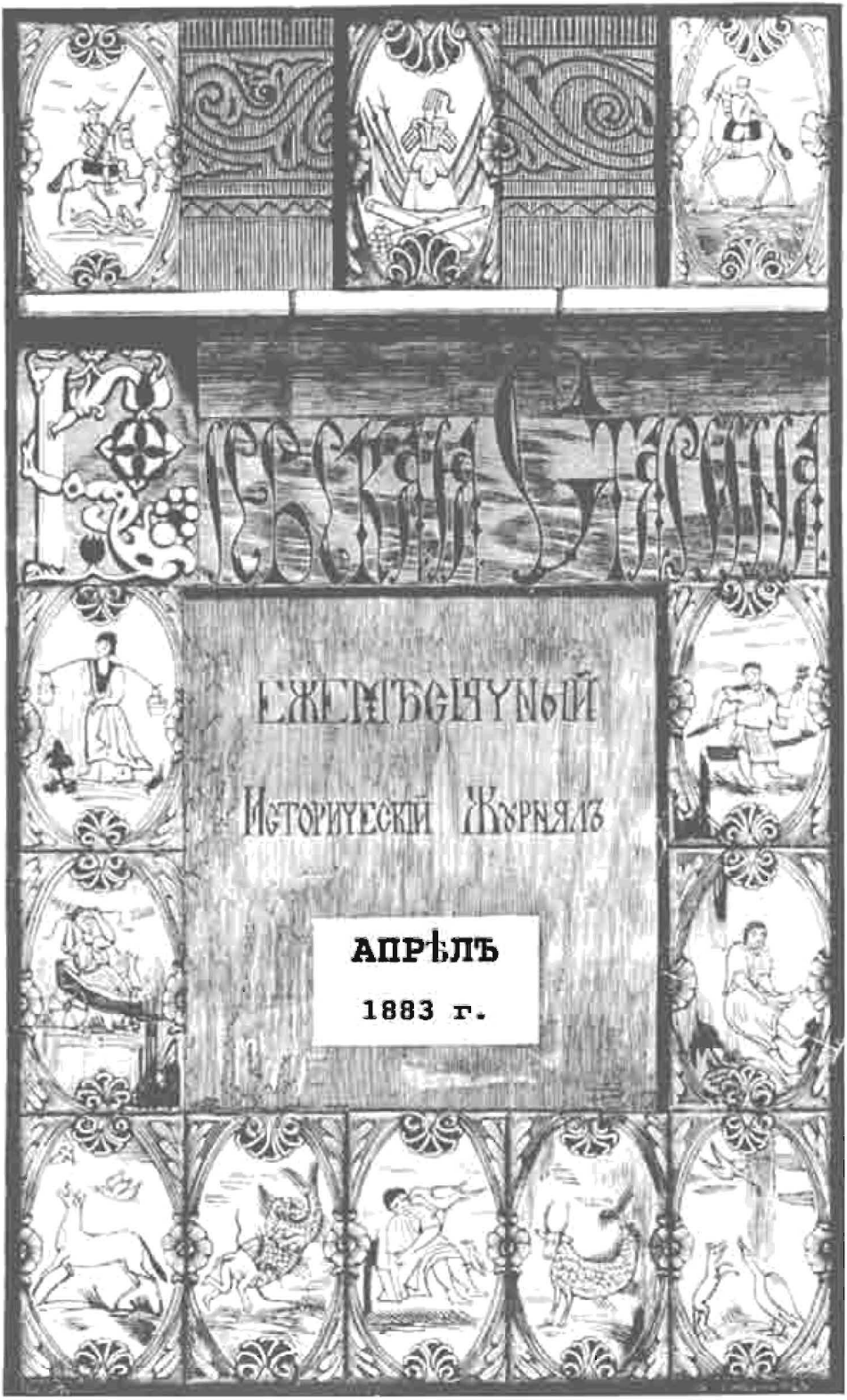
Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА", по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ" принимаютъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Ѳ., Галаганъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В., Дашкевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ѳ. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій Н. С., Левицкій О. Н., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Новицкій Н. Н., Петровъ Н. Н., Пономаревъ С. Н., Потебня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смокгій А. И., Терновскій Ф. А., Шимановъ А. Л., Хиленко А. Н., Чалый М. К. и другіе.

Библиотека "Руниверс"



Библиотека "Руниверс"

Отъ Редакціи.—Въ дальнѣйшихъ книжкахъ „Кіевской Старины“ сего года будутъ помѣщены заказываемые въ Дрезденѣ снимки съ рѣдкихъ старинныхъ портретовъ знаменитаго защитника православія князя Константина Острожскаго и ближайшихъ виновниковъ уніи: Ипатія Поцея, епископа владимірскаго, и Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1883 г.

I. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ. (*Окончаніе*). **Н. Лѣскова** 691
II. ШПИТАЛИ ВЪ МАЛОРОССІИ. **П. Ефименка**. 709
III. ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ. (*Окончаніе*). **Ѳ. Кондратовича**. 728
IV. ВОЛЫНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX СТОЛѢТІЯ. . 774
V. ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ. (Письма С. Т. Аксакова и др.). Сооб. **С. Пономаревъ**. 829
VI. ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА КЪ БР. ЗАЛЕСКОМУ (1853—1857 г.) (*Окончаніе*). Сообщилъ **М. Т—овъ**. 853
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Покажчикъ нової української літератури. Зібравъ М. Комаровъ. Кіевъ 1883 г.—б) Dr. Antoni I.—Niewiasty kresowe. Warszawa 1883. *В. А.*—в) Iuljan Zacharjewicz i Isydor Szaraniewicz.—Wycieczka do Załukwi, Halicza i na Kryłos. Lwów. 1882. *В. А.*—г) Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Выпускъ 1-й. Сост. проф. унив. св. Владим. В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ. 1883 г. 867
III. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Попытка основанія православной архіерейской каѳедры въ г. Немировѣ, въ XVIII столѣтіи. Архим. *Арсенія*. —б) «Отъ чего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ?» —Сооб. *А. Л.*— в) Кіевская пертурбація 1786 г.—г) Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси. *Н. Костомарова*.—д) Письмо Кошевого Осипа Гладкого къ А. А. Скальковскому. Сообщ. *Скальковскій*.—е) Отживающая или начальная форма «Вертепной драмы?» *О. Пч.*—ж) Подлясская злополучница. *N.*—з) Талавиря Сообщ. *И. Манжура* 883
ПРИЛОЖЕНІЯ: а) Указатель, б) Планъ задун. Сѣчи и в) Видъ Дунавца.
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1883 г. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журчала за 1882 г. высылается по той-же цѣнѣ.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

АПРѢЛЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го марта 1883 года.

Библиотека "Руниверс"

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).

(Окончаніе). *)

XXXV.

Теперь еще хочется упомянуть объ одномъ кіевскомъ событіи, которое прекрасно и трогательно само по себѣ и въ которомъ вырисовалась одна странная личность съ очень сложнымъ характеромъ. Я хочу сказать о священникѣ Евфиміѣ Ботвиновскомъ, котораго всѣ въ Кіевѣ знали просто подъ именемъ „попа Ефима", или даже „Юхвима".

Усопшій епископъ рижскій Филаретъ Филаретовъ, въ бытность его ректоромъ духовной академіи въ Кіевѣ, 28 декабря 1873 года писалъ мнѣ: „спрашиваете о Евфимѣ. Евфимъ, другъ нашъ, умре 19 сентября. Оставилъ семейство изъ шести душъ, трехъ женскихъ и трехъ мужескихъ. Но, видно, Евфимъ при слабостяхъ своихъ имѣлъ въ себѣ много добраго. При его погребеніи было большое стеченіе народа, провожавшаго его *съ большимъ плачемъ*. Дѣти остались на чужомъ дворѣ, безъ гроша и безъ куска хлѣба; но добрыми людьми они обезпечены теперь такъ, что едва-ли-бы и при отцѣ могли имѣть то, что устроила для нихъ попечительность людская".

Съ тѣхъ поръ, когда мнѣ довелось быть въ Кіевѣ, я никогда и ни отъ кого не могъ получить никакихъ извѣстій о дѣтяхъ отца Евфима; но, что всего страннѣе, и объ немъ самомъ память какъ будто совершенно исчезла, а если начнешь усиленно будить ее, то

*) См. март. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 493—527.

Библиотека "Руниверс"

услышишь развѣ только что-то о его „слабостяхъ“. Въ письмѣ своемъ пр. Филаретъ говоритъ: „не дивитеся сему—банковое направленіе все заѣло. Въ Кіевѣ ничѣмъ не интересуются, кромѣ *картъ* и *денегъ*“.

Не знаю, совершенно-ли это такъ, но думается, что довольно близко къ истинѣ.

Что-бы не вызывать недомолвками пустыхъ толкованій, лучше сказать, что „слабости“ о. Ефима составляли просто *кутежи*, которые тогда были въ большой модѣ въ Кіевѣ. Отецъ Евфимъ оказался большимъ консерваторомъ и переносилъ эту моду немножко дальше, чѣмъ было можно. Отецъ Евфимъ любилъ хорошее винцо, природу и охоту. Онъ былъ лучшій бильярдный игрокъ *послѣ Курдюмова* и отлично стрѣлялъ; при томъ онъ, по слабости своего характера, не могъ воздержаться отъ удовольствія поохотиться, когда попадалъ въ кругъ друзей изъ дворянъ. Тутъ о. Евфимъ переодѣвался въ егерскій костюмъ, хорошо приспособленный къ тому, что-бы спрятать его „гриву“, и „полювалъ“ по преимуществу съ гончими. Нрава Юхвимъ былъ веселаго, даже дѣтски шаловливаго и увлекающагося до крайностей, иногда непозволительныхъ; но это былъ такой человѣкъ, какихъ родится немного и которыхъ грѣшно и стыдно забывать въ одно десятилѣтіе.

Каковъ Юхвимъ былъ, какъ священникъ,—этого я разбирать не стану, да и думаю, что это извѣстно одному Богу, которому служилъ онъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Внѣшнимъ образомъ въ священнодѣйствіи Юхвимъ былъ мастеръ и знатокъ, но лѣповатъ, и потому служилъ рѣдко—больше содержалъ у себя для служенія какихъ-то „приблудныхъ батющокъ“, которые всегда проживали у него-же въ домѣ. Отецъ Юхвимъ прекрасно читалъ и иногда, читая великопостные каноны, неудержимо плакалъ, а потомъ самъ надъ собою шутилъ, говоря:

— Стілько я, ледачій піпъ, нагрішивъ, що Богъ вже змиловався надо мною и давъ мені слезы, що-бъ плакати дільъ моихъ горько. Не можу служить, не плачучи.

Разберите и разсудите хоть по этому, что это былъ за человѣкъ *по отношенію къ вѣрѣ?* По моему мнѣнію, онъ былъ человѣкъ богопочтительный, но его кипучая, художественная, артистическая натура, при умѣ живомъ, по крайне легкомъ и не серьез-

Библиотека "Руниверс"

номъ, постоянно увлекала его то туда, то сюда, такъ что онъ могъ бы и совершенно извертѣться, если-бы не было одного магнита, который направлялъ его блужданія къ опредѣленной точкѣ. Магнитомъ этимъ, дѣйствовавшимъ на Юхвима съ страшною, всеодолѣвающею *органическою* силою была его громадная, прирожденная *любовь къ добру* и *состраданіе*.

Когда я зазналъ отца Евѳима, онъ былъ очень юнымъ священникомъ маленькой деревянной церковки Іоанна Златоуста противъ плинѣшней старокіевской части. Приходъ у него былъ самый бѣднѣйшій, и отцу Евѳиму совершенно не чѣмъ-бы было питаться, если-бы семьѣ его Господь не послалъ „врана“.

Этотъ „питающій вранъ“ былъ *разучившійся грамоть* дьячекъ Константинъ, или Котинъ, длинный, худой, съ сломанымъ и согнутымъ на сторону носомъ, за что и прозывался „Ломоносовымъ“.

Онъ самъ о себѣ говаривалъ:

— Я вже часто не здужаю, бо ставъ старый; але що маю подіяти, якъ робити треба.

„Треба“ была—вотъ почему, что Ломоносовъ считалъ „на своемъ воспитаніи“ молодую, но быстро нараставшую семью своего молодаго и совершенно беззаботнаго священника.

Дьячекъ Котинъ служилъ при его отцѣ, Георгіѣ Ботвиновскомъ, зналъ Евѳима дитятею и студентомъ академіи, и теперь, видя его крайнюю безпечность обо всѣхъ домашнихъ нуждахъ, принялъ домъ священника „на свое воспитаніе“.

Трудъ Ломоносова состоялъ въ томъ, что все лѣтнее время, пока Кіевъ посѣщается „богомулами“, онъ вставалъ до зари, садился у церковной оградочки съ деревяннымъ ящичкомъ, съ прорѣзкою въ крышкѣ, и „стерегъ богомуловъ“.

Дѣло это очень заботное и требовало не малой сообразительности и остроты разума, а также смѣлости и такта, ибо, собственно говоря, Ломоносовъ „воспитывалъ семейство“ на счетъ другихъ приходовъ и преимущественно на счетъ духовенства церквей Десятинной, Андреевской и всѣхъ вкупѣ святынь Подола.

Константинъ отпиралъ церковь, зажигалъ лампадочку и садился у дверей на маленькой скамеечкѣ;—передъ собою онъ ставилъ мѣдную чашку съ водою и кропило, рядомъ ящичекъ или „карнавку“,

Библиотека "Руниверс"

а въ руки бралъ шерстяной пагленокъ, который вязалъ вѣчно и безъ окончанія.

— Бо духовному лицу треба бути въ трудѣхъ бденныхъ.

Какъ большинство обстоятельныхъ и сильно озабоченныхъ людей, Котинъ былъ порядочный резонеръ и уважалъ декорумъ и благопристойность.

„Богомулъ“ (въ собирательномъ смыслѣ) идетъ по Кіеву опредѣленнымъ путемъ, какъ сельдь у береговъ Шотландіи, такъ что прежде „напоклоняется усімъ святымъ печерскимъ, потімъ того до Варвары, а потімъ Макарію софійскому, а потімъ вже геть просто *мимо Ивана* до Андрея и Десятинного и на Подолъ“.

Маршрутъ этотъ освященъ вѣками и до такой степени традиціоненъ, что его никто и не думалъ-бы измѣнять. Церковь Іоанна Златоуста, или, въ просторѣчіи, кратко „*Иванъ*“, была все равно что пунктъ водораздѣла, откуда „богомулъ“ принимаетъ наклонное направленіе, „*мимо Ивана*“.

Къ „Ивану“ заходить было не принято, потому что Иванъ самъ по себѣ ничѣмъ не блестѣлъ, хотя и отворялъ радушно свои двери съ самыхъ спозаранокъ. Но нужда, изощряющая таланты, сдѣлала умъ Котина столь острымъ, что онъ изъ этого мимоходнаго положенія своего храма извлекалъ сугубую выгоду. Онъ сидѣлъ здѣсь на водораздѣлѣ теченія и „переловливалъ богомуловъ“, такъ что они не могли попадать къ святынямъ Десятинной и Подола, пока Котинъ ихъ „трохи не вытруситъ“. Дѣлалъ онъ это съ превеликою простотою, тактомъ и съ такою отвагою, которою даже самъ хвалился:

— Тиі богомулы, що у лавру до святыхъ поприходили,—говорилъ онъ,—тихъ я до себе затягти не можу, не про те, що мій храмъ такій малесенькій, а про те, що лавра на такімъ пути, що ії скрізь видно. Одъ нихъ вже нехай лаврикові торгуютъ. А що до подольскихъ, або до Десятинного, то сіи вже нехай собі пальци поссуть якъ я имъ дамъ що уторгувати и необібранихъ богомулівъ спущу имъ.

Онъ „обиралъ“ богомуловъ вотъ какимъ образомъ: имѣя подлѣ себя „карнавку“, Котинъ, чуть завидитъ или заслышитъ двигающихся тяжелыми ногами „богомуловъ“, начиналъ „трясти грошъ“ въ ящичкѣ, приговаривая:

Библиотека "Руниверс"

— Богомули! богомули! Куды це вы? Жертвуйте, жертвуйте до церковці Ивана Золотоустого!

И чуть мужики пріостанавливались, чтобы достать и положить по грошу, Котинъ вдругъ опутывалъ ихъ ласкою. То онъ спрашивалъ: „звіткиля се вы?“, то „якъ у васъ сей годъ житечко зародило?“, то предложитъ иному „ужить табáки“ изъ его тавлинки, а затѣмъ и прямо звалъ въ церковь.

— Идить-же, идить до храму святого... усходьте... я вамъ одну таку святыню покажу, що ніде ії не побачите.

Мужички просились:

— Мы, выбачайте, на Подолъ йдемо, та до князя Владиміра.

Но Котинъ уже не выпускалъ „богомула“.

— Ну, та що тамъ таке у святого Владиміра?—начиналъ онъ съ неодолимою смѣлостію ученаго критика.—Богъ зна, чи що тамъ есть, чи чого нема. Вінъ собі бунъ ничого, добрый князь; але, якъ усі чоловіки, мавъ жінку, да ще не единую. Заходьте до мене, я вамъ свячену штучку покажу, що святивъ той митрополитъ Евгеній, що підъ софійскимъ підъ поломъ лежитъ... Евгеній, то, бачите, бувъ еній (Котинъ почему-то не говорилъ *геній*).

А во время такого убѣдительнаго разговора онъ уже волокъ мужика или бабу, которая ему казалась вліятельнѣе прочихъ въ группѣ, за руку и вводилъ всѣхъ въ церковь и подводилъ ихъ къ столу, гдѣ опять была другая чаша съ водой, крестъ, кропило и блюдо, а самъ шелъ въ олтарь и выносилъ оттуда старенькій парчевый воздухъ и начиналъ всѣхъ обильно кропить водою и отирать этимъ перепачканнымъ воздухомъ, приговаривая:

— Боже благослови, Боже благослови!.. Умыхся еси, отерся еси; умыхся, отерся... То нашъ еній Евгеній сей воздухъ святивъ... цілуйте его, христіяне, собі на здоровье... души во спасеніе... во очищеніе очесъ... костей укріпленіе... И потомъ вдругъ приглашалъ прилечь отдохнуть на травкѣ около церкви, или-же идти „впростъ—до батюшки, до господы“, т. е. на дворъ къ отцу Евфиму, который былъ тутъ-же рядомъ.

Котину почти ежедневно удавалось заманить нѣсколькихъ „богомуловъ“ на батюшкинъ дворъ, гдѣ имъ давали огурцовъ, квасу и хлѣба и мѣсто подъ сараемъ, а они „жертвовали“ кто что можетъ.

Библиотека "Руниверс"

Выходило это такъ, что и „богомуламъ“ было безъобидно, и „дома“ хозяину выгодно. Каждый день былъ „свѣжій грошъ“, а на другое утро „богомулы шли опустошени“, и Котинъ ихъ самъ напутствовалъ:

— Идіть теперички, христіяне, куди собі хочете,—хоть и до святого Владиміра.

Перехожая пошлина съ нихъ у Ивана была уже взята.

Таковъ былъ простодушный, но усердный печальникъ о семьѣ безпечальнаго отца Евфима въ первое время; но потомъ, когда Евфима перевели на мѣсто усопшаго брата его Петра, въ троицкую церковь, его начали знать болѣе видные люди и стали доброхотствовать его семьѣ, о которой самъ Евфимъ всегда заботился мало.

— Нашъ батюшка, говорилъ Котинъ, завжди въ росході, бо ёго люде дуже люблять.

Это была и правда. Ни семейная радость, ни горе не обходилось безъ „Юхвима“. Ему давали „за руки“ спорныя деньги, его выбирали душеприказчикомъ, и онъ всѣ *чужія дѣла* исполнялъ превосходно. Но о своихъ не заботился нимало и довелъ это до того, что „самъ себя изницилъ“.

Вотъ событіе, которымъ онъ одно время удивилъ Кіевъ и далъ многимъ хорошій поводъ оклеветать его за добро самыми черными клеветами.

XXXVI.

Былъ въ Кіевѣ уѣздный казначей Осипъ Семеновичъ Т—ій, котораго привезъ съ собою изъ Житоміра предсѣдатель казенной палаты Ключаревъ. Мы этого чиновника знали мало, а отецъ Евфимъ *нисколько*. Вдругъ при одной новѣркѣ казначейства новымъ предсѣдателемъ Кобылинымъ оказался прочетъ въ казенныхъ суммахъ, кажется, около 20,000 рублей, а можетъ быть и нѣсколько меньше. Казначей былъ извѣстенъ своею честностію и аккуратностію. Какъ образовался этотъ прочетъ,—я думаю никто навѣрно не знаетъ, потому что дѣло было замято и потушено; но семьѣ казначея угрожала погибель. Объ этомъ много говорили и очень сожалѣли маленькихъ дѣтей казначея.

Библиотека "Руниверс"

Дошло это дѣло до Евѳима и ужасно его тронуло. Онъ задумался, потомъ вдругъ заплакалъ и воскликнулъ:

— Тутъ надо помочь!

— Какъ-же помочь? надо заплатить деньги.

— Да, конечно, надо заплатить.

— А кто ихъ заплатитъ?

— А вотъ попробуемъ.

Отецъ Евѳимъ велѣлъ „запречь игумена“ (такъ называлъ онъ своего карого коня, купленнаго у какого-то игумена) и поѣхалъ къ Кобылину съ просьбою подержать дѣло въ секретѣ два, три дня, пока онъ „попробуетъ“.

Предсѣдателю такое предложеніе, разумѣется, было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно, и онъ согласился ожидать, а Евѳимъ пошелъ гонять своего „игумена“. Объѣздилъ онъ всѣхъ друзей и пріятелей и у всѣхъ, у кого только могъ, просилъ пособить — „спасти семейство“. Собралъ онъ не мало, помнится, будто тысячъ около четырехъ, что-то далъ и Кобылинъ; но недоставало все-таки много. Не помню теперь, сколько именно, но много что-то недоставало, кажется, тысячъ двѣнадцать, или даже болѣе.

У насъ были совѣты и рѣшено было „собранное сберечь для семьи“, а казначея предоставить его участи. Но предобрѣйшему Евѳиму это не нравилось.

— Что тамъ за участь дѣтямъ безъ отца! проговорилъ онъ и на другой-же день *взнесъ всѣ деньги,* сколько ихъ слѣдовало.

Откуда-же онъ ихъ взялъ?

Онъ *разорилъ свое собственное семейство:* онъ заложилъ домъ свой и домъ тещи своей, вдовы протоіерея Лободовскаго, надавалъ векселей и сколотилъ сумму, что-бы выручить человѣка, котораго, опять повторяю, *онъ не зналъ,* а зналъ только о бѣдствіи, его постигшемъ...

Разсудительнымъ или безразсуднымъ кому покажется этотъ поступокъ, но во всякомъ случаѣ онъ столь великодушенъ, что о немъ стоитъ вспомнить, и если слова еп. Филарета справедливы, что дѣти Ботвиновскаго призрѣны, то поневолѣ приходится повторить съ псалмопѣвцемъ: „не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣба“.

Библиотека "Руниверс"

Другаго такого поступка, совершеннаго съ полнѣйшею простотою сверхъ силъ и по одному порыву великодушія, я не видалъ ни отъ кого, и когда при мнѣ говорятъ о пресловутой „поповской жадности“, я всегда вспоминаю, что самый, до безразсудности, безкорыстный человѣкъ, какого я видѣлъ,—это *былъ попъ*.

Поступокъ Евфима не только не былъ оцѣненъ, но даже былъ осмѣянъ и послужилъ поводомъ къ разнообразнымъ клеветамъ, имѣвшимъ дурное вліяніе на его расположеніе и положеніе.

Съ этихъ поръ онъ началъ снова захудѣвать, и все въ его дѣлахъ пошло въ разстройство: домъ его былъ проданъ, долгъ тещѣ его тяготилъ и мучилъ; онъ переѣхалъ къ своей, перенесенной на Новое Строеніе троицкой церкви и, вдобавокъ, овдовѣлъ, а во вдовствѣ такой человѣкъ, какъ Евфимъ, былъ совершенно не возможенъ.

Жена его была прекрасная и даже очень миленькая женщина, веселаго и добраго нрава, терпѣливая, прощающая и тоже беззаботная. Лучшей пары отцу Евфиму и на заказъ нельзя было подобрать, но когда въ дѣлахъ ихъ пошелъ упадокъ, и она стала прихварывать, ей стало скучно, что мужа никогда почти нѣтъ дома. Она умерла какъ-то особенно тихо и грустно, и это обстоятельство вызвало въ отцѣ Евфимѣ еще одинъ необыкновенный порывъ въ свойственномъ ему малоразсудительномъ, но весьма оригинальномъ родѣ. Мало удосуживаясь видѣть жену свою при ея жизни, онъ *не могъ* разстаться съ нею съ мертвою, и это побудило его рѣшиться на одинъ крайне рискованый поступокъ, еще разъ говорящій о его причудливой натурѣ.

XXXVII.

Троицкая церковь, къ которой перешелъ о. Евфимъ послѣ смерти своего брата, находилась на Старомъ Кіевѣ, противъ зданія присутственныхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ начинается скверъ отъ стороны софійскаго собора. Церковь эта была маленькая, деревянная и вдобавокъ ветхая, какъ и церковь Іоанна Златоуста, находившаяся по другую сторону присутственныхъ мѣстъ, и съ постройкою этихъ послѣднихъ ее рѣшено было перенести на Новое Строеніе, гдѣ, конечно, надо было строить церковь вновь, сохранивши названіе прежней. Отецъ Евфимъ самъ распоряжался постройкою церкви и осуществилъ при этомъ нѣкоторыя свои фантазіи. Такъ, наприм.,

Библиотека "Руниверс"

въ бытность его въ Петербургѣ, онъ мнѣ разсказывалъ, что устроилъ гдѣ-то въ боковой части олтаря маленькую „комору подъ землею“,—что-бы тамъ лѣтомъ, въ жары, хорошо было отдыхать.

Я не видѣлъ этой „коморы“ и не знаю, какъ она была устроена, но знаю несомнѣнно, что она есть, и что въ ней скрывается теперь ни для кого уже не проницаемая тайна.

— Гдѣ схоронена покойная Елена Семеновна? спросилъ я отца Евфима, разсказывавшаго мнѣ тяжесть своего вдоваго положенія.

— А у меня подъ церковью, отвѣчалъ онъ.

Я удивился.

— Какъ, говорю, подъ церковью? Какъ-же вы это могли выхлопотать? Кто вамъ разрѣшилъ?

— Ну вотъ, говоритъ,—„разрѣшилъ“! Что я за дуракъ, чтобы сталъ объ этомъ кого-нибудь спрашивать? Разумѣется, никто-бы мнѣ этого не разрѣшилъ. А я такъ, чтобы она, моя голубонька, со мною не разставалась,—я *самъ ее закопалъ подъ поломъ въ комору*, и хожу туда и плачу надъ нею.

Это мнѣ казалось невѣроятнымъ и я безъ стѣсненія сказалъ отцу Евфиму, что ему не вѣрю, но онъ забожился и разсказалъ исторію погребенія покойницы подъ церковью въ подробностяхъ и съ такою обстоятельностію, что основаніе къ недовѣрію исчезло.

По словамъ отца Евфима, какъ только Елена Семеновна скончалась, онъ и два преданные ему друга (а у него ихъ было много) разобрали въ нижней „коморѣ“ полъ и сейчасъ-же стали *своими руками* копать могилу. Къ отпѣванію покойной въ церкви—могила была готова. Приготовлялась-ли тоже, какъ слѣдовало, могила на кладбищѣ,—я не спросилъ. Затѣмъ покойную отпѣли въ большомъ собраніи духовенства и, кажется, въ предстояніи преосвящ. Филарета Филаретова, который тогда былъ еще архимандритомъ и ректоромъ кіевской академіи. По отпѣваніи и запечатлѣніи гроба *выносъ былъ отложенъ* до завтра, будто за неготовностью могильнаго склепа. Затѣмъ, когда отпѣвавшее духовенство удалилось, отецъ Евфимъ съ преданными ему двумя друзьями (которыхъ онъ называлъ) пришли ночью въ церковь и *похоронили покойницу въ могилу, выкопанной въ комору подъ олтаремъ*. Потомъ полъ

Библиотека "Руниверс"

опять заслали и слѣдъ погребенія исчезъ навсегда, „до радостнаго утра“ *).

Покойный еп. Филаретъ Филаретовъ, кажется, зналъ объ этомъ. По крайней мѣрѣ, когда я его спрашивалъ: *гдѣ* погребена Елена Семеновна? онъ, улыбаясь, махалъ рукою и отвѣчалъ: „Богъ его знаетъ, гдѣ онъ ее похоронилъ“.

XXXVIII.

Какъ-же относились къ такому священнику люди?

Моралисты и фарисеи его порицали, но простецы и „мытари“ любили „предобраго Евфима“ и, какъ писалъ мнѣ преосв. Филаретъ, „провожали его съ большимъ плачемъ“.

Не каждаго такъ проводятъ даже и изъ тѣхъ, кои „носили всѣ книги кожаны“ и соблюли всѣ посты и „субботы“.

И какъ было не плакать о такомъ простякѣ, который являлъ собою живое воплощеніе добра! Конечно, онъ не то, что пасторъ Оберлинъ; но онъ нашъ, простой русскій попъ, человѣкъ, можетъ, и безолаберный, и грѣшный, но всепрощающій и безкорыстнѣйшій. А много-ли такихъ на свѣтѣ?

А что думало о немъ начальство?

Кажется, не одинаково. От. Евфимъ служилъ при трехъ митрополитахъ. Выс.-преосв. Исидоръ Никольскій былъ мало въ Кіевѣ и едва-ли успѣлъ кого узнать. Преемникъ его Арсеній Москвинъ *не* благоволилъ къ Ботвиновскому, но покойный Филаретъ Амфитеатровъ, надо полагать, его любилъ. Разъ онъ призывалъ Евфима по какой-то жалобѣ или какому-то слуху, о существѣ коего впрочемъ на митрополичьемъ разбирательствѣ ничего обстоятельно не выяснилось.

О разбирательствѣ этомъ разсказывали слѣдующее: когда Филарету наговорили что-то о „необстоятельности“ Ботвиновскаго,

---

*) Собранныя нами теперь по поводу предложеннаго разсказа свѣдѣнія способны только подтвердить его достовѣрность: никто изъ тѣхъ, кого мы разспрашивали, не помнитъ, даже со словъ другихъ, факта провода на кладбище тѣла умершей жены о. Ефима, а помнятъ только фактъ совершеннаго надъ нею торжественнаго отпѣванія и предложенной затѣмъ поминальной трапезы.—Ред.

Библиотека "Руниверс"

митрополитъ о немъ разспросилъ и, должно быть, составилъ мнѣніе въ „смягчающемъ“ тонѣ. А самый судъ произвелъ такъ:

— Ты Батвиневской? спросилъ онъ обвиняемаго.

— Ботвиновскій, отвѣчалъ от. Евфимъ.

— Что-о-о?

— Я Ботвиновскій.

Владыка сердито стукнулъ по столу ладонью и крикнулъ:

— Врешь!.. Батвиневской!

Евфимъ молчалъ.

— Что-о-о? спросилъ владыка.—Чего молчишь?

Тотъ подумалъ—что ему отвѣчать? и благопокорно произнесъ:

— Я Батвиневской.

Митрополитъ успокоился и съ добраго лица его радостно исчезла непривычная тѣнь напускной строгости и онъ протянулъ своимъ беззвучнымъ баскомъ:

— То-то и есть... Батвиневской!.. Покорился!.. Ну, теперь иди къ своему мѣсту.

А „прогнавъ“ такимъ образомъ „Батвиневскаго“, онъ говорилъ намѣстнику лавры (тогда еще благочинному) отцу Варлааму.

— Добрый мужиченко этотъ Батвиневской,—очень добрый... И покорился... Только зачѣмъ онъ трубку изъ длиннаго чубука палитъ?

Инокъ отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ, а добрый владыка разворковался:

— Это его Крамаревъ обучилъ... Скажи ему, чтобы не курилъ изъ длиннаго чубука.

Очевидно, что шло что-то о куреніи. Отецъ Евфимъ и въ этомъ *покорился*,—курилъ папиросы.

Къ сему развѣ остается добавить, что Ботвиновскій былъ очень видный собою мужчина и, по мнѣнію знатоковъ, въ молодости превосходно танцовалъ мазурку, и... искусства этого никогда не утаивалъ.

Мнѣ думается, что такой непосредственный человѣкъ непремѣнно долженъ имѣть мѣсто среди кіевскихъ *антиковъ*, и даже можетъ быть воспоминаніе о немъ окажется самымъ симпатичнымъ для кіевлянъ, между коими вѣроятно еще не мало тѣхъ, что „шли плача за его гробомъ“.

Какъ-бы хорошо было, если-бы при этомъ кто нибудь вспомнилъ и поискалъ: гдѣ теперь дѣти этого достойнаго памяти добряка?

Библиотека "Руниверс"

XXXIX.

О *кіевскихъ богатыряхъ* я знаю мало. Видоизмѣняясь отъ облика Ильи и Чурилы до фигуры Остапа Бульбы, къ моему времени въ Кіевѣ они являлись въ лицахъ того-же приснопамятнаго Аскоченскаго, студента Кол--ва и торговаго человѣка (прикащика купца Козловскаго) Ивана Филипповича Касселя (чистаго, безпримѣснаго хохла, наказаннаго за какой-то первородный грѣхъ иноземною кличкою).

О силѣ Аскоченскаго говорили много, приводя примѣры, что будто ее иногда по неволѣ принимали въ соображеніе бывшій въ его время ректоромъ „русскій Златоустъ“ Иннокентій Борисовъ и инспекторъ Іеремія. Достовѣрнаго въ этомъ кажется то, что когда инспекторъ отобралъ разъ у студентовъ чубуки и снесъ ихъ къ Иннокентію, то Аскоченскій, съ его „непобѣдимою дерзостію“, явился къ Иннокентію „требовать *свою собственность*“. А когда Иннокентій назвалъ это нахальствомъ и приказалъ наглецу „выйдти вонъ“, то Аскоченскій взялъ „весь пукъ чубуковъ“ и сразу всѣ ихъ переломилъ на колѣнѣ.

Все остальное, что касается его легендарной силы, выражалось въ такомъ родѣ: онъ все „ломалъ“. Болѣе всего онъ ломалъ или, лучше сказать, гнулъ за столами металлическіе ножи, ложки, вилки, а иногда подсвѣчники. Дѣлалъ онъ это всегда сюрпризомъ для хозяевъ, но не всегда ихъ тѣмъ радовалъ.

О „непобѣдимыхъ его дерзостяхъ“ разсказывалось тоже много, но надо всѣмъ предоминировало сообщеніе о „стычкѣ его съ профессоромъ Серафимомъ“ на лекціи церковной исторіи.

Дѣло было такъ, что профессоръ послѣ безпристрастнаго изложенія фактовъ, пришелъ научнымъ путемъ къ достовѣрному выводу, который изложилъ въ слѣдующихъ словахъ:

— И такъ, мы ясно видѣли, что мать наша святая православная церковь въ Россіи, принявъ богоучрежденныя постановленія отъ апостоловъ, нынѣ управляется *самимъ Духомъ святымъ*.

— Въ генеральскомъ мундирѣ!—отозвался съ своей парты Аскоченскій.

Профессоръ смутился и, какъ-бы желая затушевать неумѣстное вмѣшательство студента, повторилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Самимъ Духомъ святымъ.

Но Аскоченскій снова не выдержалъ и еще громче произнесъ:

— Да, въ генеральскомъ мундирѣ!

— Что ты разумѣешь, несчастный?—спросилъ его Серафимъ.

— Не *что,* а *кто,* отвѣчалъ Аскоченскій, и пояснилъ, что онъ разумѣетъ военнаго оберъ-прокурора синода, Н. Ал. Протасова.

Серафимъ побѣжалъ жаловаться къ Иннокентію, но тотъ какъ-то спустилъ это мягко.

Послѣдній фактъ „непобѣдимой дерзости" Аскоченскаго былъ не въ его пользу. Это случилось тогда, когда въ одно время сошлись на службѣ въ Каменцѣ Аскоченскій, занимавшій тамъ мѣсто совѣстнаго судьи, и бывшій его начальникъ по воронежской семинаріи Елпидифоръ, на эту пору архіепископъ подольскій.

Пр. Елпидифоръ былъ изрядно нетерпѣливъ и вспыльчивъ, въ свою очередь онъ зналъ продерзостную натуру Аскоченскаго, когда тотъ учился въ воронежской семинаріи. Однажды Елпидифоръ служилъ обѣдню въ соборѣ, а Аскоченскій стоялъ въ олтарѣ (любимое дѣло ханжей нарушать церковное правило и стѣснять собою служащее духовенство).

Во время литургіи какой-то діаконъ или иподіаконъ что-то напуталъ, а вспыльчивый владыка сказалъ ему за это „дурака".

Тѣмъ дѣло и кончилось-бы, но послѣ обѣдни у преосвященнаго былъ пирогъ, и къ пирогу явился Аскоченскій, а во время одной паузы онъ ядовито предложилъ такой вопросъ:

— Владыко святый! что долженъ пѣть клиръ, когда архіерей возглашаетъ „дуракъ"?

— „Совѣстный судья", отвѣчалъ спокойно преосвященный.

— А я думалъ: „и духови твоему", отвѣчалъ „непобѣдимый въ дерзости", но вскорѣ потерялъ мѣсто совѣстнаго судьи и навсегда лишился службы.

Другой *богатырь* Кол—въ дѣйствительно обладалъ силою феноменальною и ночами ходилъ „переворачивать камни у Владиміра". Идеалъ его былъ „снять крѣпостныя вороты и отнести ихъ на себѣ на Лысую гору", которой тогда еще не угрожалъ переходъ въ собственность многополезнаго для Россіи рода бояръ Анненковыхъ. Тогда тамъ слетались простыя кіевскія вѣдьмы. Но воротъ Кол—въ не снялъ, а погибъ инымъ образомъ.

Библиотека "Руниверс"

Третій, самый веселый богатырь моего времени былъ Иванъ Филипповичъ Кассель, имѣющій даже двойную извѣстность въ русской арміи. Во первыхъ, торгуя военными вещами, онъ обмундировалъ чуть-ли не всѣхъ офицеровъ, переходившихъ въ Крымъ черезъ Кіевъ, а во вторыхъ онъ положилъ конецъ большой войнѣ, не значащейся ни въ какихъ хроникахъ, но тѣмъ не менѣе продолжительной и упорной.

Не знаю, съ какого именно повода въ Кіевѣ установилась вражда не вражда, а традиціонное преданіе о необходимости боевыхъ отношеній между студентами и вообще штатскою молодежью съ одной стороны и юнкерами съ другой. Особенно считалось необходимымъ „бить саперовъ“, т. е. юнкеровъ сапернаго училища. Шло это съ замѣчательнымъ постоянствомъ и заманчивостью, которая увлекала даже такихъ умныхъ и прекрасныхъ людей, какъ Андрей Ивановичъ Друкартъ, бывшій въ то время уже чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Фундуклеѣ.

Съ утра бывало сговариваются приходить въ трактиръ къ Кругу или къ Бурхарду, гдѣ поджидались саперные юнкера, и тамъ „ихъ бить“.

Ни за что, ни про что, а такъ просто „бить“.

Но иногда для этого выѣзжали на дубу, или пѣшкомъ отправлялись „за мостъ“ къ Рязанову или на Подолъ, къ Коткову и тамъ „бились“.

Порою съ обѣихъ сторонъ были жертвы, т. е. не убитые, но довольно сильно побитые, а война все упорствовала, не уставала и грозила быть такою-же хроническою, какъ война кавказская. Но случилось, что въ одной стычкѣ юнкеровъ (сдѣлавшихъ вылазку изъ урочища Кожемяки) съ статскою партіею (спускавшеюся отъ церкви св. Андрея) находился Кассель. Будучи призванъ къ участію въ битвѣ, Иванъ Филиппычъ одинъ положилъ на землю всѣхъ непріятелей, а потомъ за одно и всѣхъ своихъ союзниковъ. Въ пылу битвы онъ не могъ успокоиться, пока не увидалъ вокругъ себя *всѣхъ* „полегшими“. Это было такъ не по сердцу для обѣихъ воюющихъ сторонъ, что съ этимъ разомъ битвы прекратились.

Богатырей прославленныхъ силою болѣе ихъ уже не было. Эти, кажется, были послѣдніе.

Библиотека "Руниверс"

XXXX.

О *кладахъ* мнѣ только извѣстно въ смыслѣ литературномъ. Гдѣ-то и у кого-то въ Кіевѣ долженъ храниться одинъ не особенно богатый, но интересный кладъ,—это одно дѣйствительно мѣткое и остроумное сочиненіе В. И. Аскоченскаго, написанное въ формѣ рѣчи, произносимой кандидатомъ епископства при нареченіи его въ архіереи. Рѣчь новонарекаемаго епископа, сочиненная Аскоченскимъ, не только ни мало не похожа на тѣ рѣчи, какія обыкновенно при этихъ важныхъ случаяхъ произносятся, но она имъ діаметрально противуположна по направленію и духу, хотя сводится къ тѣмъ-же результатамъ. Въ заправдошныхъ рѣчахъ кандидаты обыкновенно говорятъ о своихъ слабостяхъ и недостоинствахъ,—вообще какъ-бы отнѣкиваются отъ епископства, боясь, что не пронесутъ обязанностей этого сана, какъ слѣдуетъ. Обыкновенно только къ концу, и то полагаясь на всемогущую благодать Божію и на воспособляющую силу молитвъ предсѣдящихъ святителей, они „пріемлятъ и ни что-же вопреки глаголятъ". Но рѣчь Аскоченскаго идетъ изъ иного настроенія: его кандидатъ епископства, человѣкъ смѣлаго ума и откровенной прямой натуры, напоминающей впрочемъ „Племянники г-на Рамо". Онъ смотритъ на жизнь весело и не видитъ никакой надобности возводить на себя самообвиненія въ тяжкихъ недостоинствахъ. Напротивъ, нарекаемый епископъ Аскоченскаго признается, что санъ епископскій ему издавна весьма нравился и очень, очень пріятенъ. Онъ разсказываетъ даже, какія мѣры и усилія онъ употребилъ для достиженія своей цѣли—быть епископомъ. Потомъ говоритъ и о своихъ „недостоинствахъ", но опять по своему: онъ не ограничивается общимъ поверхностнымъ упоминаніемъ, что у него есть „недостоинства", а откровенно припоминаетъ ихъ, какъ добрый христіанинъ добраго времени, стоящій на открытой, всенародной исповѣди. Кандидатъ доводитъ свою откровенность до того, что „недостоинства" его въ самомъ дѣлѣ какъ будто заставляютъ опасаться за его годность къ епископскому служенію и за него становится и жалко, и больно... Но вдругъ живая душа исповѣдника дѣлаетъ быстрый взмахъ надъ міромъ и зритъ оттуда съ высотъ, что и другіе, пріявшіе уже яремъ епископства, были не только не достойнѣе его, но даже и послѣ

Библиотека "Руниверс"

таковыми-же остались. А онъ клянется, что когда ему на епископствѣ станетъ жить хорошо, то онъ, какъ умный человѣкъ, ни за что не станетъ искать никакихъ пустяковъ, не имѣющихъ прямой цѣны для счастія, и „потому пріемлетъ и ни что-же вопреки глаголетъ".

Аскоченскій мнѣ самъ читалъ эту рѣчь, замѣчательную какъ въ литературномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, и читалъ онъ ее многимъ другимъ, пока объ этомъ не узналъ покойный митрополитъ московскій Иннокентій Вениаминовъ. Онъ *запретилъ* Аскоченскому читать эту рѣчь и давать ее списывать, и Викторъ Ипатьичъ, часто прибѣгая къ Иннокентію по дѣламъ своего изнемогавшаго изданія и другимъ личнымъ нуждамъ, далъ слово митрополиту запретъ этотъ исполнить. Въ „Дневникѣ" Аскоченскаго, который я по редакціонной обязанности *весь прочелъ*, прежде пріобрѣтенія его редакціею „Историческаго Вѣстника", *нѣтъ этой рѣчи*. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ „Дневникѣ" записано множество выходокъ гораздо менѣе удачныхъ и литературныхъ шалостей несравненно болѣе непристойныхъ и дерзкихъ, по отношенію къ предстоятелямъ церкви. Можетъ быть Аскоченскій вырвалъ эти листы, въ угоду митрополиту, который, по словамъ Виктора Ипатьича, „просто позволялъ ему *обыскивать свой бумажникъ*". Во всякомъ случаѣ этотъ литературный кіевскій кладъ*) очень ин-

*) Мы знаемъ другой кладъ, оставленный В. И. Аскоченскимъ въ Кіевѣ и находящійся, вѣроятно, и теперь у кого-либо изъ его кіевскихъ знакомыхъ. Это обширное его изслѣдованіе о тогдашнемъ состояніи русскихъ университетовъ, озаглавленное, сколько помнимъ, такъ: «Наши университеты». Въ свое время мы читали эту толстую, листовъ въ 70, рукопись, написанную, если не ошибаемся, въ 1854 или 1855 г. Въ ней онъ съ безпощадною рѣзкостію осуждаетъ весь строй университетскій и раскрываетъ недуги этихъ дорогихъ для всякаго учрежденій, оказываясь однако безсильнымъ предложить дѣйствительныя средства къ ихъ исцѣленію. Рукопись наполнена массою самыхъ неприглядныхъ фактовъ, обличавшихъ пустоту университетскихъ чтеній, грошовое либеральничество профессоровъ, распущенность студентовъ и пр. и пр. Рукопись шибко ходила по рукамъ и произвела въ ученомъ и административномъ мірѣ бурю, кончившуюся тѣмъ, что безшабашнаго автора, какъ не служащаго дворянина, посадили недѣли на двѣ на гауптвахту при кіевскомъ ордонансъ-гаузѣ.

Разсказывали въ ту пору, что когда Аскоченскій былъ «приличнымъ образомъ» доставленъ къ тогдашнему кіевскому генералъ-губернатору, кн. Васильчикову,

Библиотека "Руниверс"

тересенъ какъ для характеристики самаго Аскоченскаго, такъ и въ смыслѣ опредѣленія прозорливости тѣхъ, которые чаяли видѣть въ Викторѣ Ипатьевичѣ защитника падающаго авторитета своего сана, съ дозволеніемъ иногда „*обыскивать* ихъ бумажники".

XXXXI.

Затѣмъ еще „послѣднее сказаніе",—тоже касающееся кіевскихъ преданій и литературы.

Когда въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*" М. Н. Каткова былъ напечатанъ мой разсказъ „*Запечатлѣнный Ангелъ*", то въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, при снисходительныхъ похвалахъ моему маленькому литературному произведенію, было сказано, что „въ немъ передано событіе, случившееся при постройкѣ кіевскаго моста" (разумѣется, *стараго*). Въ разсказѣ идетъ дѣло объ иконѣ, которую чиновники „запечатлѣли" и отобрали въ монастырь, а старовѣры, которымъ та икона принадлежала, подмѣнили ее копіею во время служенія пасхальной заутрени. Для этого одинъ изъ старовѣровъ *прошелъ съ одного берега рѣки на другой при бурномъ ледоходѣ по цѣпямъ*.

Всѣмъ показалось, что мною въ этомъ разсказѣ описана кіевская мѣстность и „событіе случившееся тоже въ Кіевѣ". Такъ это и остается до сей поры.

Позволю себѣ нынѣ замѣтить, что первое совершенно справедливо, а второе нѣтъ. Мѣстность въ „Запечатлѣнномъ Ангелѣ", какъ и во многихъ иныхъ моихъ разсказахъ, дѣйствительно похожа на Кіевъ,—что объясняется моими привычками къ кіевскимъ картинамъ, но *такого происшествія*, какое передано въ разсказѣ, *въ Кіевѣ никогда не происходило*, т. е. никакой иконы старовѣръ не крадъ и по цѣпямъ черезъ Днѣпръ не переносилъ. А было дѣйствительно только слѣдующее: однажды, когда цѣпи были уже натянуты, одинъ калужскій каменьщикъ, по уполномочію отъ това-

---

послѣдній далъ Аскоченскому прочесть ту статью изъ Свода законовъ, которая грозила ему чѣмъ-то въ родѣ высылки «въ мѣста отдаленныя». Аскоченскій прочелъ и улыбнулся.— Васъ, стало, это забавляетъ?» — проговорилъ добродушный князь.— «Не думаю, отвѣчалъ Аскоченскій, что бы кого-нибудь забавляла возможность прогуляться въ Сибирь».— Ред.

Библиотека "Руниверс"

рищей, сходилъ во время пасхальной заутрени съ кіевскаго берега на черниговскій *по цѣпямъ*, но не за иконою, а *за водкою*, которая на той сторонѣ Днѣпра продавалась тогда много дешевле. Наливъ боченокъ водки, отважный ходокъ повѣсилъ его себѣ на шею и имѣя въ рукахъ шестъ, который служилъ ему балансомъ, благополучно возвратился на кіевскій берегъ съ своею корчемною ношею, которая и была здѣсь распита во славу св. Пасхи.

Отважный переходъ по цѣпямъ дѣйствительно послужилъ мнѣ *темою* для изображенія отчаянной русской удали, но цѣль дѣйствія и вообще вся исторія „Запечатлѣннаго Ангела“, конечно, иная, и она мною просто вымышлена.

Николай Лѣсковъ.

20 декабря 1882 г.
С.-Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

Шпитали въ Малороссіи*).

Въ древній періодъ русской исторіи дѣло общественнаго призрѣнія сосредоточивалось въ рукахъ церкви. При церквлхъ устраивались богадѣльни, убогіе дома, гостинницы для пріема странниковъ и другія учрежденія этого рода. Уже уставы о церковныхъ судахъ Владиміра Святаго, Ярослава Мудраго и Всеволода Мстиславича отдаютъ всѣ эти учрежденія и лицъ, пользовавшихся ими, подъ покровъ церкви. Въ уставахъ этихъ слѣпцы, хромцы и вообще калѣки, также вдовицы называются «людьми богадѣльными и церковными», подлежащими суду митрополита или епископа, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ; самыя больницы, странноприимницы и другія заведенія считаются подъ главнымъ завѣдываніемъ епископовъ или митрополита [1]).

Въ первый разъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о подобнаго рода учрежденіяхъ въ житіи преподобнаго Ѳеодосія, игумена кіево-печерскаго монастыря. Тамъ сказано, что этотъ игуменъ близъ монастыря «дворъ сотвори на пріятіе нищимъ» [2]). Само собою разумѣется, что число богадѣленъ, странноприимныхъ домовъ, какъ отдѣльныхъ учрежденій, въ древній періодъ было весьма ограниченное и при томъ этого рода учрежденія сосредоточивались лишь въ самыхъ значительныхъ городахъ. Но, кажется, съ древняго времени были у насъ и такого рода учрежденія общественнаго призрѣнія, которыя не нуждались въ самостоятель-

---

*) Читано 10 ноября 1882 г. въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

[1]) Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древн. русск. права. Спб. 1859 г., стр. 395, 397, 409.

[2]) Житіе препод. Ѳеодосія по списку XII вѣка, въ Чтен. моск. общ. ист. и древн. рос. 1858 г., кн. 3, стр. 30.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ помѣщеніяхъ. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ ученыхъ полагаютъ, что убогіе и дряхлые находили себѣ повсемѣстно пріютъ и пристанище въ церковныхъ притворахъ, подобно тому, какъ нѣкогда въ притворѣ храма Соломонова помѣщались убогіе и недужные [1]).

Высказанное предположеніе о замѣнѣ богадѣленъ церковными притворами подтверждается тѣмъ, что на глубокомъ сѣверѣ до XVII столѣтія сохранился обычай давать пріютъ нищимъ въ церковныхъ трапезахъ. При теперешнемъ устройствѣ церквей трудно понять, какимъ образомъ церковные притворы могли служить помѣщеніемъ для людей. Но этому легко повѣрить, если принять, что въ древности церкви устраивались такимъ образомъ, какъ онѣ нынѣ устраиваются на крайнемъ сѣверѣ. Въ архангельской губерніи въ старинныхъ городскихъ и сельскихъ церквяхъ притворъ, или по мѣстному трапеза, отдѣляется капитальной стѣной отъ средней части храма, въ которую ведетъ лишь небольшая дверь изъ трапезы, такъ что, если эта дверь закрыта, трапеза представляется обширной комнатой. Въ этой комнатѣ обыкновенно помѣщается печь, а вокругъ стѣнъ лавки, въ болѣе-же старыхъ церквяхъ сохранились деревянные или даже каменные столы; иконъ въ трапезѣ бываетъ не болѣе одной, двухъ.

При такомъ устройствѣ притворовъ, они могли служить и дѣйствительно служили, во 1-хъ, помѣщеніемъ для нищихъ, во 2-хъ, мѣстомъ, куда собирались прихожане во время храмовыхъ и другихъ праздниковъ для устройства общественныхъ пировъ (отсюда названіе трапезы) и, въ 3-хъ, мѣстомъ для сходокъ крестьянъ по общественнымъ дѣламъ. Въ подтвержденіе указаннаго назначенія притворовъ въ двинской области, приведемъ нѣсколько словъ изъ имѣющагося у насъ рукописнаго документа 1649 г.: «въ трапезахъ живутъ многіе нищіе всякіе люди, днемъ и ночью безпрестанно они всѣ съ женами и дѣтьми въ трапезѣ спятъ и въ трапезныхъ печахъ пекутъ и варятъ и мясную, и рыбную и всякое ядивное, и въ дверь изъ трапезъ и изъ церквей ходятъ на сторону мужескаго и женскаго полу и около церкви и трапезъ близко мочатся и кастятъ, и отъ того въ церквяхъ бываетъ

[1]) Литератур. вечеръ (Сборникъ). М. 1844 г., ст. «Справки о началѣ богадѣленъ и о бытѣ нищихъ въ Москвѣ до XVIII вѣка».

Библиотека "Руниверс"

великій смрадъ; а робята малые также въ церквяхъ и въ трапезахъ играютъ, а иные бьютца кулаки и бранятся матерно, и всякое неподобное браютъ; да въ трапезѣ-же приходятъ и продаютъ колачники колачи, и хлѣбники хлѣбъ, и пирожники пироги, и ягоды всякія и орѣхи, да по тѣмъ трапезамъ послѣ пѣнья, послѣ заутрени до обѣдни, до вечерни и послѣ вечерни многіе люди и робяти ночи просиживаютъ, и въ дверяхъ, въ притворныхъ церковныхъ всякія игры, шахардою и чрезъ кладули скачутъ, а иные бѣсовскіе сказки, небылицы сказываютъ; да тѣ-же посадскіе люди на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ волостные крестьяне приходятъ къ церкви во время пѣнія и послѣ пѣнія въ трапезахъ кричатъ и вопятъ о всякихъ земскихъ своихъ дѣлѣхъ»...[1]).

Подобно описанному, т. е. съ трапезами, церкви устраивались также въ новгородскихъ пятинахъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Тамъ даже въ XVI-мъ столѣтіи трапезы служили для жителей погоста мѣстомъ собраній не только по церковнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ[2]). Но служили-ли церковныя трапезы въ указанное время пріютомъ для нищихъ и для странниковъ въ новгородскихъ пятинахъ, этого изъ писцовыхъ книгъ не видно. Очень можетъ быть, что московское правительство отмѣнило тамъ этотъ обычай давать пріютъ нищимъ въ трапезахъ, какъ позднѣе оно уничтожило его въ Двинской области. Изъ указа 1649 г., отрывокъ изъ котораго мы привели выше, можно убѣдиться, что указанный обычай въ XVII столѣтіи сохранился лишь въ двинскомъ уѣздѣ и что центральная власть, узнавъ о существованіи такого поразившаго ее обыкновенія, послала нарочно пристава, чтобы тотъ прекратилъ этотъ обычай, какъ нарушавшій церковное благочиніе. Въ половинѣ XVII-го столѣтія центральной московской администраціей было издано много актовъ для возстановленія церковнаго благочинія въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ государства, но ни въ одномъ изъ нихъ не упоминается о томъ, чтобы въ трапезахъ жили нищіе и вообще чтобы въ нихъ происходили такіе-же безпорядки, какъ на далекомъ сѣверѣ[3]). Если-бы то-же самое

[1]) Указъ и память приставу Савкѣ Заягину, 1649 г.

[2]) Неволина. «О пятинахъ и погостахъ новгор. въ XVI вѣкѣ». Спб. 1853 г., стр. 105.

[3]) Акты археографич. экспедиціи, т. IV, стр. 145, 160, 241, 495.

Библиотека "Руниверс"

повторялось въ другихъ мѣстахъ, то администрація не преминула-бы обратить на это вниманіе духовенства.

Кромѣ церковныхъ трапезъ, пріютомъ для нищихъ, по крайней мѣрѣ въ новгородской области, служили иногда особыя избушки, или кельи при церквяхъ; новгородскія и двинскія писцовыя книги XVI и XVII столѣтій показываютъ, что на погостѣ, близь церкви, на церковной землѣ, помѣщались всегда дворы священника, діакона, причетника, просвирницы и *трапезника*, т. е. церковнаго сторожа, здѣсь-же обыкновенно ютились кельи нищихъ и вдовицъ и домишки бобылей, словомъ сказать, здѣсь помѣщались всѣ лица, находившіяся подъ покровомъ церкви и въ вѣдѣніи духовной власти. Всѣ перечисленные дворы и помѣщенія составляли всегда отдѣльную погосскую деревню. По всей вѣроятности, каждый нищій жилъ въ особой избушкѣ, такъ какъ число келій, въ которыхъ помѣщались они, иногда доходило до 20 [1]). Пропитывались нищіе на счетъ церкви, а иногда и на счетъ прихода. Въ писцовыхъ книгахъ всегда пишется число келій нищихъ и чѣмъ они существуютъ: „...да 6 келій, а въ нихъ живутъ нищіи, питаютца милостынею о церкви Божіи“ [2]) или: ...столько-то келій „а въ нихъ живутъ нищіе бѣлцы старцы и старицы, а питаютца милостынею о церкви Божіи и о приходѣ“ [3]).

Кромѣ того въ новгородской области нищіе помѣщались иногда въ монастыряхъ. Но такихъ монастырей было немного, какъ показываютъ тѣ-же писцовыя книги, и при томъ это были монастыри незначительные, построенные крестьянами, иногда прямо съ цѣлью дать пріютъ своимъ бѣднякамъ. Вотъ, напримѣръ, монастырь на р. Мологѣ, въ никольскомъ погостѣ. Онъ состоитъ изъ 2-хъ келій, въ которыхъ живутъ два старца, далѣе въ немъ помѣщаются дворы—попа, дьяка, пономаря, проскурницы да 4 кельи, а въ нихъ живутъ нищіе и питаютца о церкви Божіей [4]). Николаевскій чухченемскій монастырь, холмогорскаго уѣзда, былъ построенъ въ концѣ XV-го столѣтія міромъ нѣсколькихъ сосѣднихъ волостей, которые дали ему для содержанія нѣсколько дере-

[1]) Неволина. «О пятинахъ новгородскихъ», стр. 151, 153, 352 и т. д.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Тамъ-же, стр. 335, 345.

Библиотека "Руниверс"

вень земли, и это было сдѣлано, какъ позднѣе объясняли крестьяне, „для царскаго богомолія и душевнаго своего спасенія и на поминокъ родителей своихъ и для постриганія безвкладныхъ нищихъ, нуждныхъ людей, которые ходя по міру скитаютца“ [1]). Впослѣдствіи, съ усиленіемъ государственной централизаціи, подобные мелкіе монастыри были или закрыты, или поглощены большими монастырями (подъ именемъ приписныхъ), разумѣется, при содѣйствіи московскаго правительства.

Въ эпоху полнаго развитія московскаго государства, въ центрѣ этого государства, главнымъ мѣстомъ для пріюта нищихъ считались монастыри, за ними уже слѣдовали церкви. Судебникъ Іоанна Васильевича 1550 года прямо предписываетъ: „а на монастырѣхъ жити нищимъ, которые питаютца милостынею отъ церкви Божія“. Тамъ-же есть мѣсто, показывающее, что отъ церкви Божіей питались также бѣдныя вдовицы и что онѣ были подсудны святителю или его судьямъ (§ 91).

Въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Москвѣ, при царяхъ московскихъ существовали особыя богадѣльни, которыя состояли подъ покровомъ церкви, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и пользовались ругой отъ правительства. Богадѣльни частныхъ лицъ, какъ напримѣръ богадѣльня кн. Пожарскаго, составляли крайне рѣдкое и исключительное явленіе [2]). Московскія богадѣльни, въ которыхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ призрѣвалось до 412 нищихъ и старицъ на счетъ правительства, съ 1678 г. переданы по повелѣнію Ѳеодора Алексѣевича на попеченіе патріаршаго дома. Чтобы прокормить такую массу нищихъ, патріархъ потребовалъ вспоможенія отъ церквей всѣхъ епархій, по гривнѣ съ каждой и въ каждый годъ [3]). Въ XVIII столѣтіи мы находимъ указанія, что богадѣльни и вообще помѣщенія для нищихъ, кромѣ монастырей, устраивались также при архіерейскихъ домахъ; эти богадѣльни содержались какъ на счетъ архіерейской казны, такъ и на счетъ опредѣленныхъ сборовъ съ каждой церкви своей епархіи. Позднѣе (при Екатеринѣ II-й),

---

[1]) Арханг. Губ. Вѣд. 1870 г., № 87. Моя статья: «Матеріалы для исторіи поземельн. владѣнія въ арханг. губерніи».

[2]) Литератур. вечеръ, ст. «Справки о началѣ богадѣленъ въ Москвѣ».

[3]) Акты археограф. экспед., IV, стр. 314, 414.

Библиотека "Руниверс"

какъ извѣстно, дѣло общественнаго призрѣнія было изъято изъ рукъ церкви и передано особымъ приказамъ.

Указавъ въ общихъ чертахъ на судьбу общественнаго призрѣнія въ сѣверной и центральной Россіи, остановимся на судьбѣ южно-русскихъ богадѣленъ, усвоившихъ себѣ западное названіе *шпиталей* (латин. hospitale, польск. szpital). Мацѣевскій, авторъ исторіи славянскихъ законодательствъ, видитъ существенное различіе московскихъ богадѣленъ отъ польскихъ и другихъ славянскихъ въ томъ, что въ московскомъ государствѣ богадѣльнями завѣдывало и о нихъ заботилось почти исключительно духовенство, по крайней мѣрѣ въ XVII столѣтіи. Относительно западно-славянскихъ, въ томъ числѣ и южно-русскихъ, шпиталей онъ пишетъ: „настоящіе бѣдные и даже такіе, которые стыдились просить милостыню, далѣе калѣки, больные, а особливо старые воины, находили себѣ пріютъ въ шпиталяхъ. Шпитали имѣли свои собственные фундуши, составлявшіеся изъ имѣній земскихъ и городскихъ, также изъ записанныхъ на нихъ капиталовъ. Въ особенности чешскіе законы, также моравскіе и польскіе, брали ихъ подъ особенное покровительство. Свѣтскіе правители и духовенство наблюдали за ихъ цѣлостью; безъ ихъ вѣдома ничто изъ указанныхъ фундушей не могло быть отчуждено“ [1]). Вѣрность приведеннаго заключенія Мацѣевскаго подтверждается историческими фактами. Но все таки настоящее обобщеніе нужно признать одностороннимъ, такъ какъ авторъ забылъ сказать о широкомъ распространеніи шпиталей въ западной и южной Руси и о томъ живомъ участіи, какое въ судьбѣ ихъ принималъ народъ.

Разсматривая отдѣльные факты изъ исторіи западно и южно-русскихъ шпиталей, мы прежде всего замѣчаемъ, что на православные шпитали обращаютъ вниманіе польскіе короли. Такъ, король Сигизмундъ-Августъ, узнавъ въ 1565 году, что шпиталь находившійся въ королевскомъ городѣ Гроднѣ, при каменной церкви Пречистыя Богородицы, передъ замкомъ, не имѣетъ средствъ, изъ которыхъ могли-бы содержаться бѣдные и нищіе въ немъ живущіе, назначилъ на ихъ содержаніе по 10 копъ литовскихъ грошей. Эти деньги должны были ежегодно выдаваться городненскимъ городничимъ изъ сборовъ съ королевскихъ имѣ-

[1]) Historya prawod. słowiansk., wyd. dr., t. IV, 479.

Библиотека "Руниверс"

ній [1]). Въ 1601 году королевскимъ привилеемъ отдается мостовое троицкому виленскому шпиталю, который принималъ къ себѣ каждаго безъ различія состояній. Этотъ шпиталь и ранѣе имѣлъ наибольшій доходъ съ каменнаго моста, но терпѣлъ крайнюю нужду за неотдачей ему мостоваго [2]). Въ томъ-же году королевской грамотой обѣщано отдать городъ Трехтемировъ на шпиталь, въ которомъ находили пріютъ раненные и больные козаки [3]), частныя лица также устраивали шпитали въ своихъ имѣніяхъ. Наприм. брацлавскій кастелянъ Василій Загоровскій въ 1577 г. пожелалъ построить въ одномъ изъ своихъ имѣній шпиталь при существовавшей уже церкви, въ другомъ выстроить и церковь, и шпиталь [4]). Въ 1596 г. Елена Горностаевская, выкупивъ изъ подъ залога монастырь пересопницкій, который со всѣми имѣніями былъ пожалованъ королемъ Александромъ фамиліи князей Чарторыйскихъ, а затѣмъ былъ заложенъ однимъ изъ лицъ этой фамиліи, возстановила этотъ монастырь; для чего назначила монастырю село Пересопницу со всѣми доходами [5]). При возстановленіи монастыря, она обязала монаховъ, чтобы тѣ устроили при монастырѣ шпиталь для бѣдныхъ и больныхъ. Иногда жители той или другой мѣстности устраивали монастыри, имѣя въ виду филантропическія цѣли. Такъ очень древній монастырь св. Онуфрія подъ г. Львовымъ, находившійся въ завѣдываніи своихъ основателей, мѣщанъ львовскихъ, и подъ вѣдомствомъ кіевскаго митрополита, какъ видно изъ митрополичьей грамоты отъ 1590 года издревле (т. е. гораздо ранѣе этого года) служилъ дѣлу милосердія: тамъ львовскіе мѣщане питали своихъ престарѣлыхъ отцевъ и немощныхъ братій, принимали странниковъ духовныхъ и иноковъ [6]). Сами духовныя лица основывали шпитали или на личныя средства, или на счетъ духовныхъ имѣній. Въ 1588 г. епископъ владимірскій Ѳеодосій Лазовскій, съ согласія соборнаго духовенства, выдѣливъ изъ церковныхъ имѣній 1 мѣстечко и 11 селеній, назначилъ до-

---

[1]) Акты виленской коммис. Вильна. 1865 г., т. I, стр. 14.
[2]) Volumina legum, изд. 2-е подъ 1601 годомъ.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Архивъ юго-зап. Руси, ч. 1, т. 1-й, стр. 67, 490.
[5]) Тамъ-же.
[6]) Памятн. изд. кіевск. археогр. коммис., III, 47.

Библиотека "Руниверс"

ходы этихъ имѣній на благоустройство соборной церкви г. Владиміра и на учрежденіе при ней школы и богадѣльни. Собственно подъ шпиталь была обращена старая школа: „при той-же церкви, подъ замочкомъ епископскимъ, поступили и надали есмо домокъ, у которомъ теперъ дѣти учивано, на шпиталь, у которомъ хорыхъ и уломныхъ людей уставичне ховати маемъ". На содержаніе шпиталя предназначено 1 село. Для выполненія всего выбрано два справца изъ духовныхъ и два шафаря изъ мѣщанъ, а главными дозорцами пановъ подстаросту и войта [1]). Знаменитый поборникъ православія, митрополитъ Петръ Могила на собственныя средства устроилъ на Печерскѣ, возлѣ церкви св. Ѳеодосія, шпиталь и обезпечилъ дальнѣйшее его существованіе 1500 злотыхъ [2]). Но самое живое участіе въ устройствѣ шпиталей и больницъ принимали западно и южно-русскія братства, повсемѣстно распространявшіяся, въ особенности большія изъ нихъ, какими были кіевское, львовское, виленское, луцкое и др. Укажемъ на заботы нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ братствъ въ настоящемъ дѣлѣ. Львовское братство церкви Успенія Богородицы, принявъ въ 1591 году въ свое завѣдываніе монастырь св. Онуфрія, о которомъ сказано выше, и возобновивъ его, устроило при немъ гостинницу для странниковъ, больницу и богадѣльни мужескую и женскую для призрѣнія старыхъ людей, инокинь, старицъ, дѣвицъ, странниковъ и слугъ церковныхъ, и вообще для пристанища и покоя братскимъ нищимъ, престарѣлымъ, осиротѣвшимъ, вдовамъ и всякимъ сиротамъ [3]). Въ Кіевѣ на грунтѣ, подаренномъ Анной Гулевичевой, основано было братство милосердія, которое, какъ видно изъ королевскаго привилея 1629 г., заложило церковь и при ней устроило шпиталь для людей убогихъ, старыхъ и уломныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и, какъ сказано въ привилеѣ, „людей рыцерскихъ, на послугахъ нашихъ и Рѣчи Посполитой отъ непріятелей нашихъ въ разныхъ битвахъ покалѣченыхъ" [4]). Больше нежели о кіевскомъ братствѣ, мы можемъ сказать о дѣятельности луцкаго братства милосердія. Это братство возникло въ Луцкѣ въ 1617 году послѣ того, какъ ста-

[1]) Архивъ юго-зап. Рос., ч. I, т. I, стр. 237.
[2]) Памятн. изд. кіев. археогр. ком., т. II, стр. 149.
[3]) Тамъ-же, т. I, 44, 147, 160; II, 92; III, 47, 70.
[4]) Тамъ-же.

Библиотека "Руниверс"

ринная русская тамошняя богадѣльня сгорѣла до основанія и не могла быть возобновлена, такъ какъ не имѣла собственныхъ средствъ. Поэтому основалось братство для построенія вновь богадѣльни съ церковью и школой. По уставу братства, денежныя суммы его должны быть обращаемы, между прочимъ, „на милостыню людямъ въ разныхъ случаяхъ, а особенно находящихся въ братствѣ, и на призрѣніе убогихъ, и на содержаніе сиротъ, и на погребеніе странныхъ и убогихъ“ [1]). Разныя лица, принадлежавшія къ членамъ братства, жертвовали братству имѣнія или деньги на ту или другую благотворительную цѣль. Такъ кн. Николай Черторыйскій, опредѣливъ извѣстную сумму постоянныхъ доходовъ на разныя учрежденія, между прочимъ, назначилъ на вѣчныя времена въ кружку братскую нищенскую 50 злотыхъ польскихъ да на одѣяніе 10 душъ мужескаго и 10 женскаго пола богадѣльныхъ слѣпыхъ и хромыхъ, т. е. на сермяги, рубахи, исподнее платье, шапки, чепцы, башлыки и сапоги, по 150 злотыхъ [2]). Анна Мельницкая опредѣлила въ 1638 году для ежегодной выдачи 10 злотыхъ на шпиталь, 6 злотыхъ шпитальнымъ въ раздѣлъ, а 4 злотыхъ стороннимъ нищимъ [3]). Дворянинъ Александръ Мозени въ 1645 г. далъ средства братству на перенесеніе и устройство богадѣльни на новомъ мѣстѣ [4]). Небольшія церковныя братства и даже нѣкоторые ремесленные цехи заводили шпитали на свои средства. Напримѣръ въ г. Ковлѣ цехъ портныхъ между прочимъ ставилъ себѣ цѣлью, по мѣрѣ средствъ, устроить себѣ шпиталь, какъ это видно изъ королевскаго привилея, даннаго цеху въ 1618 году [5]).

Относительно внутренняго устройства шпиталей въ польско-литовскій періодъ мы знаемъ не много, и при томъ эти свѣдѣнія весьма отрывочны. Извѣстно, что въ шпиталяхъ помѣщались нищіе, бѣдняки и неизлѣчимо больные, иногда въ шпиталяхъ находили пріютъ бѣдные ученики братскихъ и другихъ школъ; иногда даже обѣдиѣвшіе и лишившіеся здоровья дворяне. Такъ въ богадѣльни луцкаго братства

---

[1]) Памятн. издан. кіевск. коммис., I, 44, 147, 160; II, 92; III, 47, 70.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Тамъ-же.
[5]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I, 321.

Библиотека "Руниверс"

въ 1624 году, между прочимъ, доживалъ свой вѣкъ Лука Крицкій, „дворянинъ хорошаго происхожденія, который получилъ увѣчье отъ враговъ св. креста въ разныхъ экспедиціяхъ и войнахъ и, потерявъ свое имущество, не имѣлъ ни откуда пособій". Вдовы иногда проживали при шпиталяхъ отдѣльно, своимъ домомъ. Въ большихъ шпиталяхъ нищимъ и больнымъ давалось полное содержаніе: одежда, обувь, пища, постели и т. д. Для завѣдыванія шпиталями назначались такъ называемые шпитальные старшіе; главное-же наблюденіе надъ шпиталями поручалось старшимъ братьямъ въ братствахъ, игуменамъ при монастыряхъ и священникамъ при церквяхъ, совмѣстно съ ктиторами или патронами церковными [1]). Самое подробное указаніе на счетъ устройства шпиталей заключается въ завѣщаніи брацлавскаго кастеляна Василія Загоровскаго, написанномъ въ 1577 году. Въ своей духовной Загоровскій обязываетъ своихъ душеприкащиковъ и наслѣдниковъ устроить два шпиталя: одинъ въ г. Владимірѣ при существовавшей церкви, другой, вмѣстѣ съ церковью, въ имѣніи Суходолѣ. Шпиталь въ Суходолѣ долженъ былъ заключать въ себѣ избу бѣлую, трехъ сажень, такихъ-же размѣровъ сѣни, а чрезъ сѣни, напротивъ, черную избу въ три-же сажени; сѣни предполагалось „въ бокъ на полторы сажня поперекъ переперыты", т. е. загородить, чтобы образовалось двѣ коморки, или чулана, одна для бѣлой, другая для черной избы; въ сѣнихъ кирпичный очагъ для варенья пищи; двери изъ сѣней однѣ на улицу, а другія въ бокъ, въ садъ, для выхода къ церкви. Во Владимірѣ при церкви св. Ильи домъ долженъ быть поставленъ такой-же, какъ и въ Суходолахъ, съ той разницей, что тамъ предлагалось пристроить къ шпиталю домикъ для дьякона въ одну стѣну и подъ одной крышей съ шпиталемъ. Какъ въ Владимірѣ, такъ и въ Суходолахъ шпиталь предназначался для 12 особъ „убогихъ, а здоровья неспособнаго". На содержанія шпиталя въ Владимірѣ должно было ежегодно отпускаться „муки ржаной 24 мацы, пшеничной 2 мацы, крупъ или пшена 1 маца, гороха 1 маца, маку четверть мацы, а деньгали на одежду и проч. убогимъ 12 копъ литовскихъ. Для содержанія убогихъ въ Суходолахъ назначено такое-же количество муки и другихъ припасовъ. На это

[1]) Памятн. кіев. ком., I, стр. 212, 213. Акты вилен. ком., т. 1-й, стр. 14.

Библиотека "Руниверс"

опредѣлена третья мѣрка съ мельницы суходольской да третья мѣрка дегтевской мельницы и мыто, гребельное (мостовое), которое Загоровскому дозволилъ собирать король Сигизмундъ-Августъ, отъ купеческаго воза по четыре пенязи. Кромѣ того предназначено дать изъ дворца на каждый шпиталь по двѣ коровы и отпускать въ годъ по три полти свинаго мяса въ каждый годъ. Исполнительница завѣщанія обязана была въ каждое воскресенье и въ большіе праздники устраивать въ шпиталяхъ торжественные обѣды, по силѣ возможности, для убогихъ, одну недѣлю въ Суходолахъ, а другую въ Владимірѣ; при этомъ убогіе должны были получать по полбарилка пива. Относительно ближайшаго наблюденія надъ богадѣльней опредѣлено: „при шпиталяхъ старшими абы цнотливые люди вставлены были, которые-бы того пилне догледали, жебы порадокъ пристойный, а не лотровство якое въ шпиталяхъ было". Относительно участія священниковъ и церковниковъ въ надзорѣ за шпиталями ничего не сказано, хотя нѣкоторой доли вліянія ихъ, конечно, нельзя отрицать[1]).

Вообще власть духовенства надъ шпиталями и надъ нищими въ южной Руси врядъ-ли была особенно сильна. Могло-ли мѣстное духовенство играть независимую роль, когда церкви и монастыри находились подъ патронатомъ помѣщиковъ, а иногда и прихожанъ, когда монастыри со всѣми ихъ селами жаловались королями частнымъ лицамъ, а тѣ могли отдавать ихъ въ залогъ. Власть духовенства надъ шпиталями и нищими не могла быть особенно значительна, если самихъ духовныхъ судили и часто стѣсняли старосты и владѣльцы. Даже въ кіевскомъ воеводствѣ, при воеводѣ Константинѣ Острожскомъ, паны старосты нарушали всякимъ способомъ права духовенства, такъ что этотъ воевода, по жалобѣ епископа луцкаго и острожскаго, принужденъ былъ напомнить имъ о предѣлахъ ихъ власти по отношенію къ духовенству и о правахъ духовенства по стариннымъ церковнымъ уставамъ: „протопопы, презвитери всѣ, архимандритове и игуменове, діакони, калугери, слуги церковные всѣ, проскурници, слѣпые, хромые, недугучіе и все убозство во всякихъ справахъ и въ роспустахъ вѣнчальныхъ, до тыхъ всѣхъ абысте ніякого дѣла не мѣли, ихъ не судили, не рядили,

[1]) Архивъ юго-зап. Руси, т. I, ч. I, стр. 67 и сл.

Библиотека "Руниверс"

и ничимъ ся не вступовали, бо то все суть справы епископомъ належачіе, а не вамъ свѣтскимъ“ [1]).

Изъ фактовъ, подобныхъ приведенному, мы заключаемъ, что въ польско-литовскій періодъ, хотя въ южной Руси шпитали всегда помѣщались при церквяхъ и монастыряхъ, но вліяніе на нихъ духовенства было болѣе ограниченно, чѣмъ наприм. въ московскомъ государствѣ, гдѣ власть приходскаго духовенства не встрѣчала себѣ такихъ сильныхъ соперниковъ, какъ южно и западно-русское дворянство. Это, однако-же, ни мало не мѣшало значительному развитію изслѣдуемыхъ учрежденій, такъ какъ въ судьбѣ ихъ принимало живое участіе само общество, т. е. не только дворянство, но и народъ.

Мы не можемъ ничего сообщить ни о числѣ собственно мелкихъ, приходскихъ шпиталей, въ болѣе древній періодъ, ни о способахъ ихъ содержанія, хотя думаемъ, что число ихъ было значительно, при развитіи и распространеніи церковныхъ братствъ въ тѣ времена. Но мы располагаемъ большимъ количествомъ свѣдѣній, хотя все-таки отрывочныхъ, о шпиталяхъ второй эпохи ихъ существованія, т. е. московскаго періода. Свѣдѣнія эти касаются тѣхъ шпиталей, которые распространены были на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

Въ переписныя книги прошлаго столѣтія вносились, въ числѣ прочихъ зданій, и шпитали, такъ что по нимъ мы можемъ составить себѣ понятіе о степени распространенности этихъ учрежденій въ указанное время. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся у меня подъ рукой, въ одномъ черниговскомъ полку въ 1732 г. находилось 118 шпиталей. По даннымъ, извлеченнымъ А. М. Лазаревскимъ изъ ревизскихъ книгъ 1740—1747 г., въ семи полкахъ лѣвобережной Украйны (о трехъ полкахъ свѣдѣній не найдено) оказалось 589 шпиталей; изъ того-же числа болѣе половины (306) въ черниговскомъ и нѣжинскомъ полкахъ. Впрочемъ, надобно предполагать, что большинство этихъ шпиталей было небольшихъ размѣровъ, такъ что въ нихъ помѣщалось среднимъ числомъ по 5 душъ [2]).

---

[1]) Архивъ юго-зап. Руси, ч. I, т. I, стр. 269.

[2]) Основа, 1862 г., май, ст. А. М. Лазаревскаго: «Статистич. свѣдѣнія объ украин. народн. школахъ и госпиталяхъ въ XVIII вѣкѣ».

Библиотека "Руниверс"

Кажется, всѣ шпитали, какъ и школы, считались состоящими при той или другой церкви; по крайней мѣрѣ въ ревизскихъ книгахъ въ каждомъ отдѣльномъ селеніи число шпиталей соотвѣтствуетъ числу церквей, иногда менѣе, но никогда не болѣе числа церквей. Помѣщались же шпитали иногда вдали отъ церквей, иногда на землѣ, не принадлежавшей церкви; напр. въ г. Нѣжинѣ общественный шпиталь находился на выѣздѣ изъ города, по московскому тракту [1]),—въ с. Сѣнномъ, богодуховскаго уѣзда, шпиталь былъ выстроенъ на землѣ, принадлежавшей священнику [2]).

Большинство шпиталей состояло, кажется, на попеченіи церковныхъ братствъ и цеховъ. Были, впрочемъ, шпитали, которые содержались отъ подаянія мірскаго, наприм. въ г. Нѣжинѣ [3]). Въ черниговской городской богадѣльнѣ, находившейся на кладбищѣ, бѣдные (7 душъ муж. пола и 6 женскаго) содержались на городскомъ подаяніи; выстроена-же была эта богадѣльня иждивеніемъ гражданъ, въ особенности на крупныя пожертвованія двухъ фамилій [4]). Были, наконецъ, и такіе шпитали, которые какъ строились, такъ и содержались на средства частныхъ лицъ [5]).

Для постройки и содержанія приходскихъ шпиталей отдѣльныя лица нерѣдко жертвовали какимъ-нибудь недвижимымъ имуществомъ. Наприм. въ 1725 г. въ с. Обложкахъ, глуховскаго уѣзда, товарищество козаковъ, владѣльцевъ одного лѣса, отдало на церковь свой лѣсъ хмызнякъ, для построенія и на поправленіе школы и шпиталя [6]); иногда имъ были жертвуемы мельницы [7]). Для поддержанія шпиталей устраивались даже шинки: въ д. Березномъ, черниговскаго полка, былъ старецкій шинкъ, построенный въ 1682 г. ктиторами церковными; это,

---

[1]) Топограф. описаніе черниг. намѣстнич., Шафонскаго, II, стр. 463.

[2]) Историко-статист. опис. харьк. епархіи, Филарета, III, 210.

[3]) Шафонскій, II, 463, 285.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Историко-стат. опис. черниг. епархіи Филарета, т. 5, стр. 344; т. 6, стр. 252; т. 7, стр. 37, 250, 281, 299, 321. Опис. харьк. епархіи, его же, II, 419.

[6]) Тамъ-же.

[7]) Тамъ-же.

Библиотека "Руниверс"

по замѣчанію архіепископа Филарета, нѣчто похожее на нынѣшніе танцы и театры въ пользу бѣдныхъ [1]).

Обитателями шпиталей, по крайней мѣрѣ, мелкихъ, сельскихъ, были главнымъ образомъ нищіе и увѣчные старики, преимущественно слѣпые; въ 1767 году въ с. Тополи, новозыбковскаго у., мы встрѣчаемъ въ шпиталѣ 5 слѣпцовъ съ поводаремъ [2]). Часто эти обитатели шпиталей составляли особое старечее братство или цехъ. Старечье братство складывалось изъ всѣхъ старцевъ, жившихъ въ шпиталяхъ одного города или селенія, оно имѣло во главѣ особаго старосту. Иногда, подобно братствамъ и цехамъ, старцы имѣли свой братскій домъ и свое погребальное сукно [3]). У старечихъ братствъ часто была своя кружка для сбора подаяній; ею распоряжалась вся община [4]). Иногда братство нищихъ располагало на столько средствами, что могло дѣлать небольшія пожертвованія въ мѣстную церковь. Въ разныхъ церквяхъ до сихъ поръ сохраняются евангеліе и разныя церковныя принадлежности, пожертвованые старостою и братіей шпиталя [5]), иногда шпитальные пользовались даже правомъ отчуждать имущество, принадлежавшее шпиталю: въ одномъ случаѣ четыре представителя товарищества убогихъ калѣкъ разныхъ шпиталей с. Носовки продали на сторону издавна завѣщанный на нищихъ млинъ, „не будучи въ состояніи его поддерживать“ (актъ XVII столѣтія) [6]).

Какъ извѣстно, приходскіе шпитали въ настоящее время представляютъ лишь достояніе исторіи. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ городахъ, до сихъ поръ сохранились или слѣды ихъ существованія, или живыя преданія о нихъ. Представляемъ здѣсь то, что намъ удалось узнать о шпиталяхъ въ городахъ черниговской губерніи: Острѣ, Борзнѣ и Конотопѣ.

---

[1]) Историко-стат. опис. черниг. епархіи Филарета, т. 5, стр. 344; т. 6, стр. 252; т. 7, стр. 37, 250, 281, 299, 321. Опис. харьк. епархіи, его-же, II, 419.

[2]) Опис. черниг. епархіи, т. 7, 250.

[3]) Топогр. опис. черниг. намѣстничества Шафонскаго, II, 386, 483.

[4]) Описаніе черниг. епархіи, 5, 344.

[5]) Описаніе черниг. епархіи, 7, 37, 415. Описаніе харьк. епархіи, II, 419.

[6]) Тамъ-же.

Библиотека "Руниверс"

Въ г. Острѣ былъ шпиталь до 1863 года; онъ помѣщался на городской землѣ, близъ кладбища, и принадлежалъ городу. Въ немъ жили нищіе, которые питались милостыней: выходили за подаяніемъ на базаръ; отъ того и кормились. Въ г. Борзнѣ изъ числа пяти шпиталей, находившихся при пяти приходскихъ церквяхъ, въ послѣдніе годы сохранился одинъ шпиталь, построенный на усадебномъ мѣстѣ, принадлежащемъ церкви Благовѣщенія. Это старый домъ, построенный лѣтъ сто тому назадъ, въ которомъ двѣ хаты черезъ сѣни; въ немъ прежде помѣщалось отъ 10 до 12 душъ нищихъ и безпріютныхъ стариковъ. Завѣдывалъ шпиталемъ старикъ, выбранный самими-же шпитальными. Харчь имъ подавали жители, а если никто не приносилъ, то сами ходили собирать кусочки. Если у кого изъ жителей былъ поминальный обѣдъ, то никогда не забывали шпитальныхъ старцевъ: „отошлемъ припасы въ шпиталь, пускай они тамъ себѣ состроютъ обѣдъ“—такъ говорили въ домѣ, гдѣ справлялся обѣдъ. Цеховыя братства также помогали. Во время цехового праздника, въ шпиталь обыкновенно посылалось ½ пуда печенаго хлѣба, ½ пуда баранины, пшена 5 фунт., соли 1 ф., восковая свѣча въ 5 коп., ¼ фун. ладану и кварта водки. Старцы, принявъ припасы, изготовляли себѣ обѣдъ, зажигали свѣчку и поминали предковъ цеховыхъ. Съ учрежденіемъ земства, шпиталь перешелъ въ завѣдываніе земской управы, изъ которой отпускаются деньги на одежду шпитальнымъ и кромѣ того на содержаніе каждаго по 1½ руб. въ мѣсяцъ. Этихъ средствъ, конечно, не хватаетъ; поэтому они также просятъ подаянія. Милостыню между шпитальными распредѣляетъ староста. Пищу готовитъ каждый себѣ отдѣльно; только во время поминокъ бываютъ общіе горшки. Дрова и солому сами покупаютъ, сами-же нанимаютъ прачку и мазальщицу (обмазывать избу), для чего ежемѣсячно складываются по 5—15 коп. Въ г. Конотопѣ шпиталь уничтожился лѣтъ 15 тому назадъ; онъ помѣщался возлѣ кладбища, на кладбищенской землѣ. Это была постройка также на двѣ половины; въ ней помѣщалось отъ 5 до 20 душъ мужескаго и женскаго пола увѣчныхъ и нищихъ. Надъ ними и изъ нихъ-же самыхъ былъ староста, богобоязливый и болѣе крѣпкій старикъ. Случалось, впрочемъ, что въ шпиталь попадали и бродяги, такъ что въ немъ приходилось находить покраденныя вещи, и тогда стали строго при-

Библиотека "Руниверс"

сматривать за шпитальными. Питались старцы милостыней, которую испрашивали болѣе здоровые изъ нихъ; послѣдніе садились на крыльцѣ и кричали. Въ праздники и по субботамъ зажиточные люди посылали въ шпиталь съѣстное. На Пасху и Рождество Христово цехи присылали пасхи, яйца, мясо. Ремесленная управа и волостное правленіе оказывали помощь: давали топливо, постное масло для освѣщенія, посылали мѣлъ, глину и женщинъ для бѣленья хаты.

Институтъ шпиталей началъ разлагаться въ Малороссіи еще въ концѣ прошлаго столѣтія, когда братства пришли въ упадокъ, прихожане лишились прежняго вліянія на дѣла церкви и когда вообще была парализирована самодѣятельность южно-русскаго общества. Но кромѣ этого, говорятъ, была и другая, болѣе близкая причина, подсѣкшая въ корнѣ наши шпитали. Намъ передавалъ г. Ѳ. Уманецъ, земскій дѣятель въ черниговской губ. и отчасти мѣстный изслѣдователь, что шпитали были отмѣнены по распоряженію правительства, вслѣдствіе какихъ-то злоупотребленій, открытыхъ въ нихъ, кажется, вслѣдствіе того, что въ шпитали иногда попадали подозрительныя личности. Дѣйствительно, такого и подобнаго рода злоупотребленія открывались въ шпиталяхъ издавна, и не у однихъ насъ. Въ московскомъ государствѣ въ богадѣльни вторгались подъ видомъ больныхъ и нищихъ люди здоровые, не желавшіе работать. Это обстоятельство вызвало слѣдующее постановленіе московскаго собора въ 1551 году: „Милосердіе христіанское устроило во многихъ мѣстахъ богадѣльни для недужныхъ и старыхъ, а злоупотребленіе ввело въ нихъ молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ. Посему и опредѣлено было: изгнать послѣднихъ и на мѣсто ихъ ввести первыхъ, поручивъ смотрѣніе за богадѣльнями добрымъ священникамъ, людямъ градскимъ и цѣловальникамъ, а къ недужнымъ приставить здравыхъ строевъ и бабъ стряпчихъ“ [1]). У насъ, на югѣ, въ прошломъ столѣтіи замѣчено было другого рода, но подходящее злоупотребленіе. Въ 1734 г. открыто было, что лица разныхъ состояній укрывались подъ разными предлогами отъ участія въ общихъ земскихъ повинностяхъ, въ особенности въ отбываніи постойной повинности, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ шпитальныхъ, имѣвшихъ свои

[1]) Исторія государ. рос. Карамзина, изд. Эйнерлинга, IX, 271.

Библиотека "Руниверс"

грунты: нѣкоторые старцы, у которыхъ были грунты, вписывались въ шпитали, чтобы избѣжать отбыванія повинностей. Поэтому велѣно было всѣхъ шпитальныхъ старцевъ, имѣвшихъ свои грунты и дворы, привлекать къ отбыванію повинностей, на равнѣ съ прочими лицами [1]). Очень легко могло быть, что въ болѣе позднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ шпитали попадали личности подозрительнаго свойства, какъ объ этомъ сообщали намъ въ г. Конотопѣ. Но, тогда какъ въ прежнее время принимали лишь мѣры къ устраненію недостатковъ въ такомъ благомъ учрежденіи, какъ шпитали и богадѣльни, въ болѣе позднее время у насъ прибѣгли къ болѣе радикальной мѣрѣ, уничтоживъ самые шпитали. Это было сдѣлано въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но въ которомъ именно году, намъ неизвѣстно.

Вотъ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи приведенныхъ выше фактовъ. Введеніе христіанства можно принять за исходный пунктъ въ исторіи нашей благотворительности; съ нимъ появляются и достовѣрныя попытки организовать дѣло благотворительности; нищіе, калѣки, вдовицы, согласно требованію апостольскихъ правилъ, отдаются подъ покровъ и въ завѣдываніе церкви. Сколько можно судить по немногимъ дошедшимъ до насъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, въ этотъ древній періодъ русской жизни, который примыкаетъ къ эпохѣ введенія христіанства и заканчивается развитіемъ Москвы, организація благотворительности была въ главныхъ чертахъ всюду одинакова: нищіе содержались преимущественно приходами, при церковныхъ притворахъ и въ особыхъ кельяхъ при церквяхъ, отчасти при монастыряхъ, которые иногда и предназначались для этого (наприм., нѣкоторые монастыри въ новгородской области и монастырь св. Онуфрія въ Львовѣ). Въ дѣлѣ благотворенія равное участіе принимали, какъ церковь, такъ и прихожане, такъ какъ въ то время было значительное единство между церковью и приходомъ, не нарушаемое вмѣшательствомъ посторонннихъ вліяній. Нарожденіе московскаго царства, съ его объединяющими стремленіями, должно быть сочтено за поворотный пунктъ въ исторіи благотворительности. Вмѣшательство власти въ дѣло благотворительности, сокращеніе общественной самодѣятельности въ этомъ отношеніи—вотъ тѣ признаки, все усиливаю-

[1]) Дневныя записки Якова Маркевича, I, 507.

Библиотека "Руниверс"

щіеся, которые характеризуютъ этотъ новый періодъ. Центральная власть опредѣляетъ (въ сборникѣ Іоанна Васильевича) мѣстомъ для жительства нищихъ монастыри, которые дѣлаются все крупнѣе и крупнѣе, между прочимъ, черезъ поглощеніе мелкихъ крестьянскихъ монастырей. Старое обыкновеніе содержать нищихъ въ приходахъ при церквяхъ постепенно уничтожается, удерживаясь долѣе на отдаленномъ сѣверѣ, но и тамъ оно, наконецъ, исчезаетъ подъ давленіемъ центральной власти. Параллельно съ этимъ явленіемъ замѣчаемъ возникновеніе обширныхъ богадѣленъ въ большихъ городахъ, преимущественно въ Москвѣ. Но и на нихъ обнаруживается сила централизованной власти и подчиненная роль церкви: одинъ царь даетъ средства богадѣльнямъ изъ приказа большаго дворца, другой отнимаетъ содержаніе и велитъ патріарху содержать ихъ на средства патріаршей казны, а послѣдній дѣлаетъ сборъ съ церквей всѣхъ епархій. Позднѣе свѣтская власть предписываетъ завести богадѣльни при архіерейскихъ домахъ, для чего облагаются сборомъ всѣ церкви епархіи, а еще позднѣе отбираетъ это дѣло отъ духовенства и передаетъ казеннымъ приказамъ общественнаго призрѣнія. При такой системѣ благотворительности для самодѣятельности прихода не было мѣста; нищенство-же, не находя дома организованной благотворительности, принуждено было бросать свои приходы и скитаться или сосредоточиваться въ большихъ центрахъ, гдѣ заводились богадѣльни.

По другому пути двинулось было развитіе благотворительности въ южной Руси. Здѣсь благотворительная роль монастырей слабѣетъ, а въ замѣнъ того усиливается значеніе церкви. Церковь-же на югѣ, какъ извѣстно, выработалась въ оригинальное и сложное учрежденіе, которое заключало въ себѣ, такъ сказать, три дирекціи: религіозную, образовательную и благотворительную (собственно церковь, школа и шпиталь), тѣсная, органическая связь ея съ приходомъ поддерживалась путемъ братствъ, церковныхъ и иныхъ, которые принимали сами дѣятельное участіе въ основаніи и поддержкѣ шпиталей. Такія учрежденія, какъ шпитали, помимо общественной благотворительности, находили себѣ поддержку и въ частной: многіе частные люди основывали шпитали на свои собственныя средства. Вообще духъ благотворительности въ южно-русскомъ народѣ проявлялся интенсивнѣе, чѣмъ гдѣ либо, съ одной стороны,

Библиотека "Руниверс"

вслѣдствіе подъема религіознаго чувства, постоянно обострявшагося борьбой за свободу вѣры, съ другой, вслѣдствіе такого соціальнаго строя того времени, который не подавлялъ, а напротивъ развивалъ личный починъ и общественную самодѣятельность. Но вотъ все ближе и ближе, тѣснѣе и тѣснѣе надвигается духъ всенивеллирующаго центра съ его механическимъ бюрократизмомъ, желающимъ всѣ жизненныя формы выкроить по одному, придуманному въ приказѣ или въ канцеляріи, шаблону. Подъ гнетомъ предписаній и запрещеній живой духъ творческой благотворительности замираетъ. Тамъ, гдѣ еще недавно дѣйствовала обхватывавшая весь край сѣть мелкихъ народно-благотворительныхъ учрежденій, водворилось запустѣніе: центръ замѣнилъ ихъ губернскими приказами общественнаго призрѣнія. Выигралъ или проигралъ край отъ этой замѣны?

П. Ефименко.

Библиотека "Руниверс"

ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ

(по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ).

(окончаніе) *).

II.

Прослѣдивши по возможности весь ходъ событій въ исторіи задунайской Сѣчи, обратимся теперь къ внутренней организаціи и жизни этой козацкой общины, на сколько это возможно возстановить по воспоминаніямъ Коломийца и другимъ слышаннымъ нами разсказамъ.

Задунайская Сѣчь, подобно своей приднѣпровской метрополіи, до самого конца своего существованія, сохранила тотъ строго-военный, полумонашескій характеръ, въ силу котораго женщины не могли входить въ составъ козацкой общины и вообще жить въ Сѣчи. Мы упоминали уже о томъ, что Кошевымъ даже не могъ быть вообще женатый человѣкъ, хотя-бы семья его и была очень далеко. Но такъ-же точно, какъ вокругъ приднѣпровской Сѣчи группировались поселки и слободы, населенныя семьями женатыхъ запорожцевъ,—при Сѣчи въ Дунавцѣ было нѣсколько слободъ, въ которыхъ жили семейные люди. Всѣ эти слободы, или, лучше сказать, ихъ жители были извѣстны подъ общимъ собирательнымъ именемъ *Райи*, которымъ у турокъ вообще обозначалось христіанское населеніе деревень, находившееся въ извѣстныхъ вассальныхъ отношеніяхъ къ спагіямъ, игравшимъ прежде въ оттоманской имперіи роль европейскаго феодальнаго дворянства. Понятно, что райя запорожская носила только это имя, безъ всякаго подчиненія кому-бы

*) См. февр. кн. «Кіевской Старины», за 1883 г., стр. 269—300.

Библиотека "Руниверс"

то ни было въ указанномъ нами смыслѣ и только съ подчиненіемъ исключительно административнымъ Кошевому Сѣчи. Райя занимала слободы: поселокъ возлѣ самой Сѣчи, возлѣ лимана Муругіля и озерца Круглика, заключавшій въ себѣ около 80—100 хатъ и носившій имя *Райи* по преимуществу; *Муругіль*, небольшой поселокъ, на лиманѣ того-же имени, дальше по направленію къ Бешъ-Тепе; *Карагарманъ*, или правильнѣе Кара-Орманъ (Черный лѣсъ), заключавшій въ себѣ хатъ около 40 внутри острова, образуемаго сулинскимъ и георгіевскимъ гирлами. Кромѣ того запорожскія поселенія и рыбачьи стоянки были въ *Катирлезѣ*, *Ивонѣ*, *Горювѣ*, *Вилковѣ*, *Летѣ* и проч. и вообще по рыболовнымъ заводамъ и плавнямъ. Сѣчь состояла также, какъ и приднѣпровская, изъ 38 куреней, титарви и паланки, т. е. куреня, въ которомъ жилъ Кошовый и помѣщалась войсковая канцелярія. Изъ 35 названій куреней, которыя въ состояніи былъ припомнить намъ Коломіецъ, мы видимъ, что почти всѣ они носили тѣ-же названія, какъ и курени днѣпровской Новой Сѣчи, за исключеніемъ *джирліівського* и *пластунівського*, которыхъ въ днѣпровской Сѣчи не было. Къ сожалѣнію, отсутствіе названій трехъ куреней не позволяетъ намъ провести это сравненіе до конца. Какъ въ названіяхъ куреней, такъ и во всемъ административномъ устройствѣ задунайской Сѣчи, составляющемъ по возможности копію днѣпровской, мы видимъ полное желаніе удержать въ возможной чистотѣ прежнюю сѣчевую традицію. Между прочимъ и Коломіецъ говоритъ, что число куреней никогда не превышало 40-ка (включая паланку и титарню) и что намѣреніе кого-то устроить на свой счетъ новый курень, который-бы назывался по имени основателя, было отклонено именно потому, что это шло-бы въ разрѣзъ съ исторической традиціей: „нехай, якъ тамъ було сорокъ, нехай и тутъ буде“! Составъ войсковой старшины былъ тотъ-же почти, что и на Днѣпрѣ: Кошовый, писарь, асаулъ—со включеніемъ еще „товмача“ или „драгомана“—переводчика. Эти лица избирались ежегодно 1-го октября „на Покрову“, которая была патрономъ и задунайской Сѣчи, и вмѣстѣ съ прислугою—„хлопцемъ“, „конюхомъ“ и проч. составляли населеніе паланки—особаго огороженнаго домика, составлявшаго центральный пунктъ Сѣчи. Курени избирали каждый своего куренного отамана, бывшаго какъ административнымъ представителемъ и начальникомъ своего куреня,

Библиотека "Руниверс"

такъ и хозяиномъ его въ смыслѣ чисто экономическомъ. Избраніе старшины и вообще празднованіе „Покрова“ сопровождалось такой-же торжественностью, какъ и въ приднѣпровской Сѣчи. Къ этому дню собирались на Сѣчь по возможности всѣ козаки, „де-бъ хто не бувъ“, такъ какъ на Сѣчи обыкновенно жили только старшина и только самое небольшое количество козаковъ, преимущественно старыхъ, не бывшихъ уже въ состояніи вести охотничью и рыбальскую жизнь, все-же остальное почти круглый годъ проводило на рыболовныхъ заводахъ, въ плавняхъ, на охотѣ и т. п. Послѣ обѣдни на площадку передъ паланкой выносили столъ, клали на немъ крестъ, евангеліе и хлѣбъ и всѣ войсковыя регаліи, или „військові причандали“, какъ называетъ ихъ Коломіецъ, хранившіяся обыкновенно въ церкви на престолѣ. Сѣчевыя регаліи составляли: *грамоты*, полученныя запорожцами „одъ німця и одъ турчина и одъ поляка (?), *бунчукъ*, *перначъ* и *топузъ*“, послѣдній—родъ ножа мѣднаго, „четверти три довжины, за поясомъ носили“,—вѣроятно какое-нибудь парадное оружіе, данное кѣмъ-нибудь изъ султановъ. Въ числѣ войсковыхъ регалій Коломіецъ упоминаетъ еще и о какихъ-то „головкахъ“, имѣвшихъ видъ человѣческихъ головъ, „тільки маленькихъ“, но что это были за головки, этого изъ его разсказа, не смотря на всѣ наши разспросы, невозможно было понять. Когда передъ паланкою все было готово, то „ото выйде Кошовый, поцілуе евангелію й хрестъ, а далі поцілуе хлібъ и каже: „спасибі вамъ, панове отаманы, и вамъ, панове воинство, за хлібъ, за сіль и за панство... Я теперъ вамъ не буду паномъ... выбирайте собі кого хочте!“... тоді козаки, якъ согласни, щобъ вінъ зновъ бувъ, то уговорюють, а якъ не хочуть, то часомъ и скажуть: „хочъ-бы й хотівъ, то не будешь, пора вже другому бути“! Десять, пъятьнадцять чоловіка кричать: „того!“, а зъ другои купы—„того!“ Инший и самъ не хоче, а другий хотівъ-бы, та збоку!... Оттакъ и стоить галасъ, поки вже кого не выберуть... Ну, а тамъ вже обідъ, гуляньня!“...

Таковъ былъ обыкновенный обрядъ избранія Кошеваго на „Покрову“, но, какъ мы упоминали уже, далеко не каждый Кошевый благополучно оканчивалъ даже и свой годичный срокъ. Констатированный нами общій упадокъ прежней политической организаціи дошелъ, какъ мы видѣли, до постоянныхъ смѣнъ Кошевыхъ, очень

Библиотека "Руниверс"

часто въ угоду только самой безшабашной части сѣчеваго товарищества, съ другой-же стороны—до немыслимаго прежде разширенія власти Кошевыхъ, какъ это было напримѣръ при Гладкомъ, который находилъ возможность вмѣшиваться даже въ выборы куренныхъ атамановъ. Оставляя въ сторонѣ все то, что могло быть явленіемъ случайнымъ и временнымъ, мы не можемъ не признать того, что въ извѣстной намъ исторіи задунайской Сѣчи замѣтно явное ослабленіе самыхъ принциповъ запорожскаго политическаго строя. Рядомъ съ этимъ въ еще большей степени замѣтенъ явный упадокъ и чисто военной организаціи. Въ военномъ отношеніи дунавецкая Сѣчь далеко не представляла собой того, чѣмъ была днѣпровская; „якъ утікали за Дунай", говоритъ цитированная нами выше народная пѣсня, „то усе забирали, и изъ церковъ иконы, тільки покидали золотую збрую та ворони кони"! Дѣйствительно, судя по разсказамъ Коломійца, мы видимъ въ задунайской Сѣчи полное отсутствіе артиллеріи и кавалеріи, отсутствіе постоянной аванпостной службы, которая у прежнихъ запорожцевъ замѣняла собой военное обученіе и маневры, замѣтно отсутствіе наконецъ или упадокъ вообще военнаго духа. Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, условій, на которыхъ приняло въ себѣ запорожцевъ турецкое правительство; очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ военной организаціи происходили именно вслѣдствіе этихъ условій, но въ очень значительной степени констатируемое нами явленіе должно было происходить и вслѣдствіе измѣненій самой жизненной обстановки, связанныхъ съ перемѣною мѣстности, и кромѣ того, разумѣется, и отъ условій чисто соціальныхъ и экономическихъ. На нашъ вопросъ о лошадяхъ, Коломіецъ отвѣчалъ намъ съ оттѣнкомъ даже нѣкоторой досады: „де тамъ у ихъ тиі кони!?... и штанівъ не було й сорочки!... воля, хочъ голый ходи!"... Далѣе мы приведемъ нѣсколько фактовъ, касающихся дѣйствительно болѣе, чѣмъ незатѣйливой обмундировки задунайскихъ сѣчевиковъ, приводившей въ недоумѣніе даже турокъ. Войсковаго знамени дунайскіе запорожцы тоже не имѣли, и оно замѣнялось у нихъ турецкимъ бунчукомъ, по всей вѣроятности вслѣдствіе несоотвѣтствія христіанскихъ эмблемъ прежняго запорожскаго знамени съ тогдашнимъ положеніемъ войска, считавшагося во всякомъ случаѣ турецкимъ. Впрочемъ каждый курень имѣлъ свой *байракъ* — родъ значка изъ

Библиотека "Руниверс"

краснаго сукна съ бѣлымъ полумѣсяцемъ и шестью звѣздами. Въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ козаковъ, передъ куренемъ выставлялся этотъ байракъ въ видѣ военной почести умершему. Въ случаяхъ походовъ военная организація задунайцевъ разумѣется нѣсколько подтягивалась и все принимало болѣе или менѣе настоящій военный характеръ. Высылаемыми изъ Сѣчи отрядами предводительствовали *наказные отаманы*, выбиравшіеся всегда самими отправлявшимися въ походъ козаками [1]). Само собою разумѣется, что при выборѣ наказнаго отамана имѣлась въ виду прежде всего военная опытность избираемаго, знаніе имъ дорогъ, мѣстностей и т. п., но независимо отъ этого обращалось также большое вниманіе и на его хозяйственныя способности и жизненную честность: „оцей козакъ, говорили запорожцы, старый, хорошій, не запивається,—нехай намъ буде за пана: вінъ и у таіні и у жалуваньні ни шматочка хліба не попустить". Впереди отряда обыкновенно шли „кухари или хорульники", т. е. хлѣбопеки; они должны были выбирать удобныя для стоянокъ мѣста и печь хлѣбъ для продовольствія войска. Все это дѣлалось, разумѣется, по мѣрѣ возможности и смотря по условіямъ похода; чаще всего разумѣется козакамъ въ походѣ приходилось довольствоваться сухарями, размоченными въ водѣ, саламахою съ саломъ, а не то и просто съ водою и т. п. Въ далекіе походы обыкновенно брали съ собой походную церковь и священника.

Въ отбываніи козаками военной повинности также замѣчаются очень характерныя черты упадка какъ военнаго духа, такъ и вообще соціальной организаціи. За Дунаемъ уже входитъ въ обычай *откупаться* отъ участія въ походѣ, ставя за себя наемнаго козака, и само собой разумѣется, что обычай этотъ устанавливается въ пользу людей болѣе состоятельныхъ и преданныхъ болѣе мирнымъ и выгоднымъ занятіямъ. До нѣкоторой степени это регулировалось правиломъ, по которому ставить за себя наймита могъ только козакъ уже бывавшій въ походѣ и такимъ образомъ пріобрѣвшій уже себѣ нѣкоторое право на отдыхъ. Но изъ словъ Коломійца мы видимъ, что правило это далеко не всегда соблюдалось и что въ крайнемъ

[1]) Названіе наказнаго пана или отамана давалось также и козакамъ, которыхъ Кошевый посылалъ куда-нибудь съ порученіемъ вмѣсто себя, давая имъ широкія полномочія дѣйствовать въ размѣрахъ своей собственной власти и компетенціи.

Библиотека "Руниверс"

случаѣ практиковалось и дезертирство: „а якъ було вже не выкрутишься, то—поздоровъ, Боже, ноги!—на човенъ да й у плавню... шукай тамъ, коли хочъ!“... Понятно, что это явленіе находится въ глубокой связи съ экономической организаціей и бытомъ запорожской общины, и поэтому мы будемъ имѣть еще случай вернуться къ нему, говоря объ этой сторонѣ жизни задунайской Сѣчи.

Военная дисциплина и вообще гражданскій порядокъ на Сѣчи поддерживались очень строго по принципу, но далеко не всегда успѣшно на практикѣ. Мелкія дѣла разрѣшались въ куреняхъ авторитетомъ отамана, болѣе-же серьезныя нарушенія сѣчевыхъ порядковъ восходили до Кошеваго, собранія отамановъ, а въ особенно важныхъ случаяхъ и всего товарищества. Обыкновеннымъ наказаніемъ въ сколько нибудь серьезныхъ случаяхъ были „бичи“,—средней толщины кизилевые прутья, въ важныхъ-же случаяхъ, въ родѣ убійствъ и т. п., и смертная казнь на висѣлицѣ. Этотъ послѣдній родъ наказанія подъ конецъ былъ, какъ кажется, изъятъ изъ сферы юрисдикціи Кошеваго и вообще самой Сѣчи, и особенно важные уголовные преступники были отправляемы для суда и наказанія къ пашѣ въ Браилу или Галацъ. Наказаніе бичами могло быть присуждаемо даже за такіе сравнительно маловажные проступки, какъ неснятіе шапки кѣмъ нибудь изъ молодыхъ при встрѣчѣ съ старикомъ, или при проходѣ мимо паланки. Изъ разсказовъ Коломійца о разныхъ случаяхъ примѣненія этого наказанія, мы видимъ, что оно имѣло иногда добродушно-родительскій характеръ (эпизодъ напр. въ его воспоминаніяхъ о Смыкѣ), иногда-же гораздо болѣе серьезный характеръ, какъ напр. въ томъ случаѣ, когда какой-то хлопець-молдаванчукъ завелъ слѣпаго старика въ болото и оставилъ его просидѣть тамъ цѣлую ночь; иногда-же, наконецъ, оно являлось просто предлогомъ для товарищества или, лучше сказать, для сѣчевыхъ гулякъ „голоколінчиківъ“, какъ называетъ ихъ Коломіецъ, показать свою власть и воспользоваться случаемъ, чтобы взыскать съ провинившагося штрафъ („выдерти *джереме*“) водкою или виномъ. Разсказъ Коломійца о козакѣ *Кінська-Шерсть* интересенъ, кромѣ того, еще въ томъ отношеніи, что козакъ этотъ обвинялся повидимому въ такомъ преступленіи, за которое никакая политически свободная община не считала-бы себя въ правѣ карать своего сочлена, и которое даже въ глазахъ куренныхъ отамановъ вовсе не

Библиотека "Руниверс"

казалось чѣмъ нибудь очень серьезнымъ. Этотъ козакъ оставилъ Сѣчь и приписался, вѣроятно, подъ покровительство австрійскаго консула; его поймали на Дунаѣ, привели въ Сѣчь и начали судить. Отаманы кажуть: „подаруймо ёму!“ а безштаньки збоку стоять та кричать: „бийте ёго, щобъ не робивъ того!“... „То якъ отиі голоколінчики схотіли“, такъ и вышло! прибавляетъ Коломіецъ. Въ этихъ послѣднихъ словахъ старика обращаютъ на себя вниманіе выраженія: „безштаньки“ и „голоколінчики“; они указываютъ, по видимому, на то, что обвинявшійся козакъ принадлежалъ къ числу запорожскихъ „дуківъ-сріблянниківъ“, т. е. людей болѣе состоятельныхъ, представлявшихъ собою нѣчто въ родѣ сѣчевой денежной аристократіи, пользовавшейся потому снисходительностью начальства, но за то, понятно, и не особенно долюбливаемой голотою-безштаньками, составлявшими, конечно, большинство. Отъ этого запорожскаго плебса доставалось не разъ и самимъ Кошевымъ, если они, подобно Олексѣ Рясному, ловились на такихъ крайне предосудительныхъ въ ихъ званіи поступкахъ, какъ люсѣщеніе молодицъ въ Райѣ, подъ часъ-же и тогда, когда Кошевой оказывался черезчуръ строгимъ и придирчивымъ и совершалъ, по-мнѣнію товарищества, явныя несправедливости. „Трёхъ, чи чотырёхъ оттакъ наказували, говоритъ Коломіецъ, бичами попобьють и *джереме* візьмуть“. Выше мы упоминали о примѣрахъ того, какъ, при извѣстной степени распущенности, это право товарищества карать своего Кошеваго достигало до рѣшительныхъ злоупотребленій и полной разнузданности толпы, которая рѣшительно не хотѣла терпѣть стѣсненій со стороны ею-же выбраннаго начальника, если онъ покушался водворить хоть какой нибудь порядокъ и прекратить разбойничество, грозившее, между прочимъ, и серьезнымъ вмѣшательствомъ со стороны турецкаго правительства. Дальше мы увидимъ случаи, показывающіе, до чего доводила въ концѣ концовъ вынужденная подобными нравами уступчивость со стороны Кошевыхъ.

Составъ Сѣчи пополнялся и поддерживался, какъ мы знаемъ, почти исключительно народомъ приходившимъ изъ Украйны. Въ этомъ отношеніи задунайская Сѣчь вполнѣ являлась преемницей своей приднѣпровской метрополіи, одною изъ историческихъ задачъ которой было давать пріютъ и возможность работать всѣмъ искавшимъ политической и личной свободы, бѣглецамъ отъ притѣсненій

Библиотека "Руниверс"

пановъ на Украйнѣ, отъ административнаго самоуправства въ гетманщинѣ и т. п. Въ соціальныхъ и политическихъ мотивахъ, которые-бы давали поводъ уходить за Дунай, разумѣется, не было недостатка и во все время существованія задунайской Сѣчи, если только не было ихъ еще больше, чѣмъ въ прежнія времена. Достаточно вспомнить, что это было время полнаго уничтоженія украинскаго козачества со всѣми его политическими и аграрными „вольностями“, формальнаго учрежденія крѣпостнаго права на лѣвомъ берегу Днѣпра и полнаго разцвѣта его въ правобережной Украйнѣ, время обезземеленія и отдачи помѣщикамъ цѣлой массы свободнаго до тѣхъ поръ населенія, время начала рекрутчины и военныхъ поселеній на Украйнѣ и наконецъ большихъ стѣсненій для всякаго безпаспортнаго люда, укрывавшагося въ степяхъ Новороссіи и Бессарабіи. Понятно, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ появлялось очень много людей, для которыхъ не было никакого другаго исхода, кромѣ дороги за Дунай, на Запорожье. Лучше насъ можетъ это разсказать одна изъ записанныхъ нами въ Добруджѣ историческихъ пѣсенъ, которую и приводимъ здѣсь.

Ходивъ, блудивъ молодый козакъ по річці по Дону,
Пригнавився, примотався и къ самому Дунаю:
Ой, вы, хлопци-перевозци, перевезіть мене на той бікъ Дунаю,
А я вамъ сімсотъ рублівъ заплатю,
А що мало—небагато, до тысячи доложу!
Оглянеться добрый молодець, ажъ немае—нітъ ничого:
„Що мені робити?—чи обнявши свою головоньку
Та йти у військо служити?“...

„Пішовъ-бы я до отця-до матки“, разсуждаетъ козакъ,—„отець-мати померли, пішовъ-бы я до роду, до плоду, а рідъ-племя не прийма, пішовъ бы я до жінки молодои, жинка молода та заміжъ пішла!“ Куда-же идти?

Ой у полі криниченька, тамъ дівчина воду брала,
Мені молодому шляхи розказала:
—„Ото-жъ тобі, ты добрый молодець,
А ни плакать, ни тужить—

Библиотека "Руниверс"

Ото-жъ тобі, та добрый молодець,
Ажъ три дороги лежать:
Одна на Дінъ, а другая у Крымъ,
А третяя на Запорожье!"

(Зап. отъ Маріи Михайлихи въ Тульчѣ).

И шли дѣйствительно на Запорожье, какъ это ни было трудно и связано съ цѣлой массой всевозможныхъ препятствій. Разсказывая біографію Коломийца, мы упоминали о томъ, что ему пришлось странствовать около 9 лѣтъ прежде, чѣмъ удалось попасть въ Сѣчь. Перейдя границу около Аккермана, онъ и его товарищи, въ качествѣ бѣглецовъ, не знавшихъ ни страны, въ которую они попали, ни мѣстнаго языка, и имѣвшихъ основаніе ежеминутно опасаться выдачи, очутились въ полной зависимости отъ перваго-же встрѣчнаго, который захотѣлъ воспользоваться ихъ положеніемъ. Такимъ дѣйствительно оказался какой-то турокъ, забравшій ихъ къ себѣ на багу (виноградникъ) и продержавшій ихъ у себя тамъ въ теченіи пяти лѣтъ, пока наконецъ держать долѣе не было никакой возможности, вслѣдствіе приближенія русскихъ войскъ. Затѣмъ они ушли въ Молдавію и тамъ бурлаковали въ теченіи 4-хъ лѣтъ, переходя отъ хозяина къ хозяину, пока наконецъ не подхватила ихъ провѣрка населенія, благодаря которой они увидали конецъ своимъ странствованіямъ. Конечно, исторія Коломийца фактъ можетъ быть и исключительный, но во всякомъ случаѣ она показываетъ, какъ не легка была дорога на Запорожье. Это обстоятельство, разумѣется, не могло не приниматься во вниманіе и запорожцами и вслѣдствіе этого, а также вѣроятно и вслѣдствіе того, что для возбужденія рѣшимости уйти за Дунай требовался все таки нѣкоторый стимулъ извнѣ, въ видѣ пропаганды козацкой свободной жизни на Сѣчи, задунайскіе запорожцы не предоставляли эмиграцію къ себѣ разнымъ случайностямъ, а старались правильно организовать ее, высылая отъ времени до времени, а иногда и ежегодно особыхъ эмиссаровъ—*„вожаївъ"*, задачею которыхъ было подбирать на Украйнѣ людей годныхъ въ козаки, уговаривать ихъ бѣжать на Сѣчь и затѣмъ проводить ихъ извѣстными и заранѣе устроенными запорожцами путями. Коломиецъ указываетъ намъ и имя одного изъ такихъ „вожаївъ"; то былъ *„Андрій Вертибало"*,

Библиотека "Руниверс"

сергѣевскій куренный; „той було, разсказываетъ Коломіецъ, що году ходивъ по Малороссіи и Украинѣ, чоловіка 15 було зберетъ такихъ, що може назватись козакъ, та й веде!“ О такихъ-же волжаяхъ и вообще объ организованной эмиграціи изъ Украйны говоритъ и слѣдующая, записанная нами въ Тульчѣ народная пѣсня, указывающая также и на тѣ препятствія, которыя нужно было обойти прежде, чѣмъ попасть въ Сѣчь, и на тѣ соціальныя условія, которыя заставляли уходить туда:

...Ой да Дунай річка та широка.
Та на перевозі усе глибока.
Да луги изъ лугами,
А береги ъ берегами...
Ой тамъ запорожци проізжали
И молодихъ бурлакъ провожали...
А теперъ не проходятъ
И бурлакъ не проводятъ—
За превражими панами!
Ой да наши паны усе поляки.
А пишутъ письма про бурлаки:
„Да коли-бъ намъ ихъ піймати.
Да кого-бъ намъ оддати
Да у ти нещастні салдати“!

(Зап. отъ Остапа Данчука).

Прибывшихъ въ Сѣчь принимали очень просто: „прійде чоловікъ у паланку, роспитають ёго, звідки й якъ...— „Будешъ козакувать?“ „Буду, пане!“—„А у якій курінь хочешъ?“—„Та самъ не знаю!“... А тутъ обізвется который куріннымъ: „нехай иде до мене!“—„Ну, козакуй-же, говорилъ Копновый новому товарищу, та якъ що коли й бувало, то більше не роби!.. отъ рыбаль собі, а на добичъ не ходи!“... Этимъ и оканчивалась вся церемонія пріема новаго козака въ Сѣчь. Относясь снисходительно къ тому, что „бувало“ прежде, и предостерегая вновь поступавшаго на счетъ хожденія „на добичъ“, старшина Сѣчи никогда не прочь была дать пріютъ и защиту каждому гонимому въ Россіи, хотя-бы даже и за преступленія. Особенно-же, понятно, покровительство оказывалось тѣмъ, кого преслѣдовали за преступленія, имѣвшія оттѣнокъ со-

Библиотека "Руниверс"

ціально-политическій. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ Коломийца объ одной изъ выходокъ бывшаго извѣстнымъ по своей эксцентричности Василя Смика: „Зъ Россіи, не знаю одъ якихъ-сь то господъ, втікло три чоловіки и багато щось грошей занесли... Отъ—що робить? У Галацъ, до німецького консула! А німецький консулъ послявъ свого капрала: „поідь у Тульчу, скажи паші, що отъ такъ и такъ... одъ господъ люде втекли и гроши занесли,—щобъ звелівъ Коповому, нехай тихъ людей оддасть, бо вони тамъ десь у ихъ!“... Паша написавъ Коповому, а той скликавъ курінныхъ и каже: „господа отаманы! отъ що паша пише... чи е такі люде тутъ у насъ?... треба мабуть мені самому іхати у Тульчу!“ А Смикъ стоить тутъ та каже: „скидай, каже одежу, нехай я поіду!“ одягся та й поіхавъ... Приіздить, а паша вже знавъ ёго,—якъ побачивъ, каже тому капралови: „ховайсь, каже, бо се такий чоловікъ, що вінъ и тебе й мене вбье оттутъ!“... Той сховавсь у другу кімнату, а Смикъ побачивъ, що вінъ тамъ, якъ увійшовъ, та якъ крикне: „а що, каже, багато вони коней попереганяли сюди, що вінъ сюди за зищика приіхавъ?“... та бухъ у стіну зъ пистоля! разъ, та у друге! Той злякавсь та швидче другими дверима на двіръ, та на лодку, черезъ Дунай!.. Такъ и пропало—більше вже й не присылали й не писали!“...

Описывая принятіе новыхъ козаковъ въ Сѣчь, Коломиецъ не упоминаетъ объ обычномъ у днѣпровскихъ запорожцевъ вопросѣ относительно вѣроисповѣданія. По всей вѣроятности это впрочемъ разумѣлось само-собой и должно было вытекать изъ предварительныхъ разспросовъ у явившагося. Но на это отсутствіе вопроса о религіи ничуть не слѣдуетъ смотрѣть какъ на признакъ того, что въ задунайской Сѣчи религія не играла особенно важной роли. Такой взглядъ былъ-бы чрезвычайно ошибочнымъ, такъ какъ, судя по разсказамъ Коломийца, глубокая резигіозность дунайскихъ сѣчевиковъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ и, между прочимъ, въ варіантахъ ихъ, записанныхъ нами въ Добруджѣ, мы встрѣчаемъ черты какъ будто-бы противорѣчащія только что высказанному нами взгляду. Одна изъ такихъ пѣсень юмористически указываетъ напр. на то, что запорожцы какъ будто имѣли очень смутное понятіе о такихъ даже предметахъ, какъ церковь или священникъ:

Библиотека "Руниверс"

Були у насъ хлопци—славни запорожци, [1])
Та не бачили зъ роду церкви,
Та побачили въ степу скирту сіна...
Одинъ каже: „що то, брате, въ степу стоить?“
А другий каже: „ото-жъ церква наша!“

Були у насъ хлопци—славни запорожци,
Та не бачили зъ роду попа,
Та побачили на степу цапа...
Одинъ каже: „що то, брате, ходить“?
А другий каже: „ото-жъ піпъ нашъ!“

Були у насъ хлопци—славни запорожци,
Та не бачили попаді зъ роду,
Та побачили чаплю на болоті—
Одинъ каже: „що то, брате, ходить?“
А другий каже: „ото-жъ, мабуть, попадя наша!“

(М. Михайлиха).

Другая пѣсня: „Ой у полі *шелемъ-белемъ* [2]) коливається“, представляющая собою слегка пріуроченный къ Добруджѣ варіантъ общеизвѣстной на Украйнѣ пѣсни, намекаетъ на нѣсколько критическое отношеніе козаковъ къ духовенству:

Ой нехай мене не ховають ни попы, ни дяки,
А нехай мене поховають задунайські козаки!
Бо ті попы, бо ті дяки за парами бьются,
А задунайські козаченьки хочь меду-вина напьются!

(Въ Тульчѣ отъ Тараса Корніенко).

Мы не станемъ, разумѣется, спорить относительно того, что содержаніе этихъ пѣсень могло имѣть свое основаніе въ правахъ и условіяхъ жизни задунайскаго козачества, можетъ быть по цѣлымъ годамъ дѣйствительно не видавшаго церкви и не всегда имѣвшаго возможность быть особенно разборчивымъ въ выборѣ своихъ духовныхъ пастырей, но во всякомъ случаѣ эти пѣсни

---

[1]) Пріпѣвъ мы для краткостя опускаемъ.

[2]) *Шелемъ-белемъ* (тур. букв. *сюда-туда*)—ковыль, stipa pennata s capillata.

Библиотека "Руниверс"

ничуть не могутъ характеризовать обпаго отношенія дунайскихъ запорожцевъ къ религіи. Напротивъ, сколько можно видѣть изъ воспоминаній Коломійца, сѣчевики отличались большой набожностью, выражавшеюся не только въ ихъ постоянной заботливости о своей сѣчевой церкви и въ обычаѣ удаляться подъ конецъ своей жизни въ монастырь, но и въ томъ извѣстномъ авторитетѣ, какимъ пользовались, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые сѣчевые священники, какъ видно не разъ рисковавшіе говорить своей паствѣ не совсѣмъ пріятную истину. Однимъ изъ такихъ фактовъ, упоминаемыхъ у Коломійца (кромѣ приведеннаго уже нами выхода запорожцевъ, по настоянію архимандрита Филарета) является разсказъ о столкновеніи бывшемъ между Кошевымъ Михайломъ Литвиномъ и сѣчевымъ священникомъ Лукьяномъ Кулішемъ. Этотъ послѣдній въ одной изъ своихъ проповѣдей, въ достаточно суровыхъ выраженіяхъ, поставилъ на видъ товариществу его разбойническій образъ жизни, постоянное хожденіе „на добичъ", сопровождающееся очень часто пролитіемъ даже христіанской крови и т. п., и призывалъ къ покаянію всѣхъ, не исключая и войсковой старшины, которую также обвинялъ, если не въ прямомъ, то въ косвенномъ участіи во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ. Кошовый приказалъ осаулу пригласить о. Лукьяна по окончаніи службы въ паланку, для того, разумѣется, чтобы сдѣлать ему приличное внушеніе. Но, вмѣсто этого, Кошевому Литвину пришлось самому выслушать отъ „паночца" еще болѣе суровое обличеніе: „церква у насъ уся у золоті, говорилъ о. Лукьянъ, а по вікна у крови християнській: ты цёго не бачишь, а я бачу!" —„То що-жъ робити?" спрашивалъ у него растерявшійся Литвинъ. —„А отъ що: отъ поки паномъ, пануй, ты чоловікъ добрый, а якъ не будешъ більше Кошовымъ, то йди у чепці, та Богови молись!" „Такъ вінъ и зробивъ, прибавляетъ Коломіецъ, побувъ кілько тамъ часу Кошовымъ, а якъ скинули ёго, пішовъ у Мирнопоянъ у чепці, та тамъ чепцемъ и вмеръ". Монастырь Roiana Mărului [1]), переименованный въ *Мирнопоянъ*, игралъ очень важную роль въ исторіи задунайской Сѣчи. Въ этотъ монастырь, находящійся недалеко отъ желѣзнодорожной станціи Kimpicu-Sărat въ Молдавіи, уходили окан-

[1]) Въ переводѣ «поляна яблонь». Объясненіемъ совсѣмъ искаженнаго названія «Мирнопоянъ» мы обязаны любезности г. проф. букарештской академіи, Точилеску.

Библиотека "Руниверс"

чивать свои дни очень многіе сѣчевики. Тамъ доживали свой вѣкъ, кромѣ Литвина, Кошевой Гордина; тамъ-же постригся и послѣдній сѣчевой священникъ, о. Іустинъ, бывшій съ козаками въ походѣ и тюрьмѣ послѣ выхода Гладкого... Мирнопоянъ сдѣлался любимою козацкою обителью, вѣроятно, въ силу традиціи, созданной еще примѣромъ „Василя (Безрукавого?), Мазепиного пце писаря", который, по словамъ Коломійца, построилъ церковь св. Параскевы въ Галацѣ и умеръ монахомъ въ этомъ монастырѣ. Не малое количество козаковъ уходило и въ монастыри на „святу Гору", т. е. на Аѳонъ: тамъ, между прочимъ, былъ, какъ мы знаемъ, и бывшій Кошевой *Морозъ*, вернувшійся потомъ въ Сѣчь и погибшій во время греческой войны.

Въ отношеніи духовенства задунайская Сѣчь сохраняла до конца самую полную независимость и всегда сама выбирала для себя священниковъ, иногда даже изъ своей-же среды, отсылая ихъ только для рукоположенія къ молдавскимъ архіереямъ: „сами козаки попівъ выбирали.... выберемо которого зъ козаківъ, разсказываетъ Коломіецъ, письменного чоловіка, то (преосвященный) й постриже". Это было тѣмъ легче, что въ числѣ молдавскихъ владыкъ бывали иногда и украинцы родомъ, какъ напримѣръ тотъ ясскій митрополитъ Гавріилъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ разсказѣ Коломіецъ. Вообще избирательное духовенство держалось долго въ этой мѣстности и держится даже и до сихъ поръ между украинскимъ населеніемъ Добруджи. Долгое время, а именно еще въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, право сельскихъ обществъ набирать себѣ священниковъ держалось и въ козацкихъ поселеніяхъ въ Бессарабіи, какъ мы можемъ видѣть это изъ замѣтки, напечатанной въ апрѣльской книгѣ „Кіев. Стар." (стр. 166).

Экономическая организація задунайской Сѣчи и вообще экономическая сторона жизни запорожцевъ за Дунаемъ въ основныхъ чертахъ представляются такими-же, какими они были на Днѣпрѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они заключаютъ въ себѣ и новыя явленія, задатки которыхъ были безъ сомнѣнія и въ жизни приднѣпровской Сѣчи, но не успѣли тамъ еще достаточно развиться. Къ числу такого рода явленій относятся, по нашему мнѣнію, попытки перехода

Библиотека "Руниверс"

къ земледѣльческому хозяйству, значительное развитіе частной собственности и предпринимательства, хожденіе на заработки, гораздо болѣе, чѣмъ въ приднѣпровской Сѣчи, развившееся распаденіе козаковъ на „дуківъ“ и „голоту“ и т. п. Большая часть этихъ явленій была занесена въ зачаточномъ видѣ еще изъ Россіи, нѣкоторыя-же развились въ силу чисто-мѣстныхъ условій; но во всякомъ случаѣ ни одно изъ нихъ не успѣло развиться до такой степени опредѣленности, чтобы можно было дѣлать какіе-нибудь рѣшительные выводы. Экономическая жизнь запорожцевъ за Дунаемъ остановилась именно въ такой моментъ, когда она должна была переформироваться на совершенно новыхъ началахъ.

Послѣ взятія Дунавца и перенесенія туда запорожской Сѣчи, турецкое правительство отвело для запорожцевъ и ихъ слободъ опредѣленную территорію, или, лучше сказать, признало за ними право на извѣстныя земли, ими-же самими отвоеванныя у некрасовцевъ. По указанію Коломийца, граница запорожскихъ земель шла отъ Каменнаго Лимана, между Махмудіе и Муругілемъ, на югъ къ Разину, а на юго-востокъ владѣнія запорожцевъ шли до самаго моря, включая въ себя, значитъ, и островъ Драновъ. Оставляя въ сторонѣ болота и плавни, все остальное пространство этой территоріи, годное для поселеній и земледѣлія, представляется въ видѣ почти равнобедренно-треугольной площади, имѣющей въ основаніи около 30 километровъ и въ высотѣ около 15—17 кил. По словамъ другихъ добружскихъ старожиловъ, граница запорожскихъ земель шла отъ Прислова на югъ къ Разину и слѣдовательно земли эти занимали гораздо большее пространство. Наконецъ, по утвержденіямъ Півтораченка, сына извѣстнаго запорожца Півтораки, граница эта начиналась еще дальше, а именно почти отъ Исакчи. „Тутъ молодый Півтораченко буивъ, говорилъ мнѣ очень горячо сочувствовавшій и содѣйствовавшій моимъ разысканіямъ Остапъ Данчукъ, то я ёму казавъ, що вы роспитуете за запорожцівъ... шкода, каже, що я того чоловіка не бачивъ, отъ мене-бъ вінъ роспитавъ!.. Я усе знаю за запорожські границі, мені батько розказувавъ и бумаги у насъ були, то якъ хата сгоріла, то й вони погоріли... А батько більшъ за Коломийца знавъ, бо Коломиецъ хочь и старый, а вінъ настоящій козакъ не бувъ, вінъ більше у Райі та по заводахъ, а мій батько зъ Січи й не выходивъ“... „То ото, каже, вінъ

Библиотека "Руниверс"

мені розказував за оті границі: отамъ, на тімъ боці Дунаю манастыръ есть, коло Сатанова (если не ошибаемся, николаевскій мужескій мон.)... тамъ мостъ бувъ наплавный—руськи войска переходили, то якъ разъ проти отого мосту, тутъ пониже Шакши, криниця була и містъ, то оттамъ коло тиеі криниці було 3 кілки ясеновихъ у землю убито, то ото й знакъ!... Отъ тихъ кількивъ граница йшла старымъ бабинськимъ шляхомъ—зъ Шакши на Бабу, черезъ Пошту на Аджиларъ, мимо Визиръ-Мотли ажъ до бабинського лиману; тамъ село есть Зимбіль (Zibyl—на картѣ), то его якъ разъ на двое тая граница перерізувала"... Если принять во вниманіе, что Добруджа начала заселяться болѣе или менѣе правильно только въ началѣ нынѣшняго столѣтія и только съ того времени началось въ ней земледѣльческое хозяйство, то очень возможно допустить предположеніе, что съ самаго начала граница запорожскихъ земель и въ самомъ дѣлѣ могла быть тамъ, гдѣ указываетъ ее Півтораченко. Затѣмъ первоначальная граница сама собою должна была постепенно отодвигаться къ востоку и наконецъ дойти до предѣла, указываемаго Коломійцемъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что запорожцамъ въ дѣйствительности такое большое количество земли вовсе не было особенно важно, а между тѣмъ разроставшееся населеніе Тульчи, Прислова, Бешъ-Тепе и т. д., состоявшее по большей части изъ украинскихъ-же переселенцевъ, должно было требовать для себя земли, отказывать въ которой запорожцамъ, почти не занимавшимся тогда земледѣліемъ и не имѣвшимъ сначала при себѣ особенно большой райи, не было никакихъ причинъ.

Мѣстность въ границахъ указываемыхъ Коломійцемъ представляетъ собою очень пологій скатъ по направленію отъ Бешъ-Тепе къ югу и юго-востоку, т. е. къ Разину и низменности Дунавца, составляющей часть дунайской Дельты. Будучи слегка холмистымъ и окруженнымъ почти со всѣхъ сторонъ горами, скатъ этотъ является мѣстами настоящей степью, мѣстами-же чрезвычайно удобенъ для пахатныхъ полей, будучи покрытъ сплошь не особенно толстымъ, но за то очень хорошимъ слоемъ чернозема. Проѣхавши почти всю эту мѣстность, мы могли своими глазами убѣдиться, до какой степени обладаніе ею было важно для запорожцевъ не только въ стратегическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи, въ осо-

Библиотека "Руниверс"

бенности принимая во вниманіе райю, чисто уже земледѣльческое населеніе, мало по малу собравшееся вокругъ Сѣчи. Въ настоящее время земля эта занята отчасти татарами, живущими въ Кара-ибелѣ, Бейбуджанѣ, Атманджи и пр., отчасти-же моканами и украинскимъ населеніемъ Верхняго и Нижняго Дунавцовъ, Муругіля, Махмудіе, Прислова, Пырлицы и пр. Запорожцамъ земля эта была отведена съ полнымъ освобожденіемъ отъ десятины не только съ земледѣльческихъ продуктовъ и скота, но и съ рыбной ловли въ ихъ предѣлахъ, т. е. по Дунавцу и лиманамъ и плавнямъ вокругъ Сѣчи. Въ Дунаѣ-же, Черномъ Морѣ и Разинѣ рыбная ловля подлежала оплатѣ пошлиной въ пользу турецкаго правительства на общихъ для всѣхъ основаніяхъ.

Въ предѣлахъ запорожской общины и состоявшей при ней райи пользованіе землей было совершенно свободно и размѣры его опредѣлялись только количествомъ рабочихъ силъ и потребностями семьи. Никакого раздѣла земель, ни постояннаго, ни временнаго не было и каждый, желавшій пользоваться землей, занималъ ее гдѣ хотѣлъ и въ какомъ хотѣлъ, или, лучше сказать, въ какомъ могъ количествѣ. „И турокъ, замѣчаетъ по этому поводу Коломіецъ, було ніколи не казавъ: „земля *моя*“, а усе каже „*наша*, нашого царя“. Эта полная слобода пользованія общею землей, безъ всякаго даже регулированія ее со стороны общины, зависѣла, разумѣется, больше всего отъ обилія земли, далеко превосходившаго потребности тогдашняго населенія, особенно того, которое занималось хлѣбопашествомъ. Этимъ-же обиліемъ земли объясняется и то, что значительная часть ея, а именно почти вся средина образуемой запорожскими землями треугольной площади, въ особенности съ южной ея стороны, отдавалась въ аренду моканамъ, т. е. трансильванскимъ румынамъ, держащимъ и по настоящее время въ этой мѣстности свои стада. Кромѣ моканъ, въ селахъ Кара-Баіръ на сѣверъ и Сармуси или Сарнасу на югъ жили болгары и молдаване, также занимавшіеся по большей части скотоводствомъ и снимавшіе для своихъ пастбищъ земли у запорожцевъ. Этою отдачею земель въ аренду завѣдывалъ самъ Кошевый, получавшій и арендную плату, взымавшуюся обыкновенно съ количества головъ скота или отъ плуга. Кромѣ арендной платы гуртовщики давали иногда и скотъ для мясного продовольствія Сѣчи; но это, какъ кажется, не было даже и предметомъ

Библиотека "Руниверс"

договора, а вѣроятно давалось просто въ видѣ любезности или взамѣнъ получаемой отъ запорожцевъ рыбы.

Украинское населеніе, составлявшее райю, и имѣвшіе хозяйство козаки скотоводствомъ не занимались, занимались-же исключительно хлѣбопашествомъ. Судя по тому, что Коломіецъ во всѣхъ запорожскихъ слободахъ (Райѣ) насчитываетъ не болѣе 200 хатъ, слѣдуетъ думать, что вообще земледѣльческій контингентъ Сѣчи съ ея слободами былъ не особенно великъ; но очень было важно то, что онъ постепенно увеличивался, и мы, кажется, имѣемъ полное основаніе думать, что, при болѣе благопріятно сложившихся политическихъ обстоятельствахъ, онъ долженъ былъ въ довольно близкомъ будущемъ церерости остальное неженатое населеніе Сѣчи, не занимавшееся земледѣліемъ. Изъ запорожцевъ, какъ мы сказали уже, хлѣбопашествомъ занимались только женатые и жившіе поэтому въ слободахъ, изъ настоящихъ-же сѣчевиковъ Коломіецъ указываетъ только на одного, *Гната Головача*, стеблівського козака, у котораго были „и воли, й коровы, й кони, й вівці, й усе... и баги були свои", и который „було усе оре та сіе, оре та сіе"... Но, принимая это во вниманіе, не слѣдуетъ забывать и того, что, чѣмъ дальше шла колонизація изъ Россіи, тѣмъ болѣе должно было прибывать въ Сѣчь народа уже вполнѣ земледѣльческаго и вотъ этотъ-то элементъ, по нашему мнѣнію, и могъ произвести тотъ экономическій поворотъ въ существованіи Сѣчи, который могъ сообщить всему ея существованію совершенно новое и несомнѣно болѣе прочное направленіе.

И такъ, какъ-бы ни было, мы видимъ все таки, что земледѣліе играло въ экономіи Сѣчи роль только второстепенную. Главнымъ-же занятіемъ запорожцевъ были по прежнему рыболовство и охота, производившіяся на очень широкихъ основаніяхъ и дававшія наиболѣе средствъ къ жизни всей козацкой общинѣ. Въ этомъ-же главномъ занятіи выражался больше всего и экономическій характеръ Сѣчи, какъ рабочей ассоціаціи или, лучше сказать, союза ассоціацій, представлявшихся отдѣльными куренями. Ежегоднаго распредѣленія мѣстъ для рыбной ловли между куренями, какъ это дѣлалось на Днѣпрѣ, въ задунайской Сѣчи не происходило, что зависѣло, по всей вѣроятности, какъ отъ обилія такихъ мѣстъ, такъ и отъ того, что рыбная ловля производилась главнымъ образомъ

Библиотека "Руниверс"

на взморьѣ, такъ называемыми кормаками или переметами, которые постоянно должны переставляться съ мѣста на мѣсто, смотря по образованію песчаныхъ отмелей и т. п. Почти всѣ курени имѣли свои общинные куренные рыболовные заводы, многіе курени имѣли свои общинные ерики и невода или „матулы“, доходы съ этихъ заводовъ составляли общинную собственность каждаго куреня. Нѣкоторые курени, болѣе многолюдные, имѣли по нѣсколько заводовъ, большая-же часть по два и по три. Работа на этихъ заводахъ отбывалась членами каждаго куреня по очереди, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, кто уходилъ на заработки, или былъ занятъ общественною службою въ качествѣ отамана, осаула и т. п. Такимъ образомъ эти куренные заводы были настоящими рабочими ассоціаціями и представляли собой то экономическое ядро, вокругъ котораго группировались козаки, входившіе въ составъ куреня, какъ не только общественной, но и экономической общинной единицы, жившей вполнѣ самостоятельной жизнью. Но такъ какъ военная организація Сѣчи не допускала въ составъ общины женщинъ и вообще семьи, а между тѣмъ Сѣчь за Дунаемъ начинала мало по малу, подъ вліяніемъ позднѣйшей эмиграціи, утрачивать свой прежній, исключительно боевой характеръ, вслѣдствіе чего вокругъ Сѣчи появились цѣлыя поселенія запорожскихъ семействъ, не входившихъ, въ силу прежней традиціи, въ составъ куренныхъ общинныхъ хозяйствъ, то поэтому и въ куреняхъ, рядомъ съ общинными рыболовными заводами, появляются и частные заводы, принадлежавшіе сначала по всей вѣроятности товариществамъ женатыхъ козаковъ, а потомъ и отдѣльнымъ лицамъ. Начало этого явленія было между прочимъ и въ приднѣпровскомъ Запорожьѣ, особенно въ послѣднее время его существованія, а оттуда оно занесено было и за Дунай, уже въ качествѣ обычая не возбуждавшаго ничьего удивленія и казавшагося вполнѣ естественнымъ, такъ какъ, возставая противъ этого въ силу принципа общинности, пришлось-бы возставать и противъ семьи, съ которою задунайская Сѣчь очевидно начала уже вполнѣ мириться. Ввести-же семью въ составъ общины, т. е. куреня, мѣшали запорожцамъ не только ихъ козацкія традиціи, но и условія ихъ жизни на устьяхъ Дуная, дѣлавшія обязательнымъ для нихъ военное ремесло, а слѣдовательно и военную организацію. Такимъ образомъ людямъ, имѣвшимъ семью или разсчитывавшимъ имѣть ее,

Библиотека "Руниверс"

не оставалось ничего больше, какъ устраивать свои частные заводы помимо куренныхъ, а разъ это вошло въ обычай, то понятно, что это уклоненіе отъ общинно-экономической жизни сдѣлалось мало по малу и обычнымъ средствомъ просто личнаго обогащенія. Нѣкоторые козаки дѣйствительно и составляли себѣ заводами относительно очень крупныя состоянія. Какъ объ одномъ изъ примѣровъ подобнаго обогащенія, Коломіецъ упоминаетъ, между прочимъ, о козакѣ *Хведорѣ Головатомъ*, который одинъ имѣлъ 24 кармашныхъ завода и возбудилъ этимъ такую зависть къ себѣ со стороны турокъ, что они, не смотря на дружбу Хведора съ брайловскимъ Мехметъ-пашой, хотѣли было, по иниціативѣ одного рыбопромышленника турка, заманить его хитростью и утопить въ отхожемъ мѣстѣ. Но если такое обогащеніе частныхъ лицъ вызывало на сторонѣ только зависть, то въ самой Сѣчи оно давало результаты несравненно болѣе тревожные. Однимъ изъ послѣдствій выдѣленія частныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ и въ особенности рыболовныхъ заводовъ, было, какъ мы уже сказали, появленіе въ Сѣчи людей болѣе состоятельныхъ, сѣчевыхъ „дуківъ-сріблянківъ“ и рядомъ съ ними—своего рода плебеевъ, если не пролетаріевъ, „голоколінчиківъ“, словомъ распаденіе товарищества на два неравныхъ и, конечно, враждебныхъ между собою общественныхъ класса. Само собой разумѣется, что указываемыя нами экономическія явленія далеко не успѣли еще развиться до такой степени, чтобы самостоятельно и непосредственно обусловливать собою появленіе пролетаріата, такъ какъ земли было довольно и ею могъ пользоваться рѣшительно всякій, равно какъ и работавшіе на частныхъ рыболовныхъ заводахъ были не наемными рабочими, а пайщиками, товарищами въ предпріятіи; но тѣмъ не менѣе обогащеніе отдѣльныхъ лицъ не могло не вносить въ житье товарищества извѣстной розни и экономической дисгармоніи, которая въ свою очередь не могла не отражаться на ходѣ всей общественной жизни Сѣчи. Занятые земледѣльческимъ хозяйствомъ и веденіемъ своихъ заводовъ члены товарищества, разумѣется, не такъ легко могли оставлять свои дѣла для того, чтобы отправляться наприм. въ походъ; это-же вело къ желанію замѣнить себя кѣмъ нибудь другимъ по найму и, разумѣется, удавалось, благодаря возможности, съ одной стороны, хорошо заплатить, а съ другой—легкимъ, хотя и рискованнымъ, способомъ получить извѣст-

Библиотека "Руниверс"

ную сумму денегъ въ свое личное распоряженіе. Такое-же уклоненіе болѣе состоятельныхъ козаковъ отъ общей повинности всего товарищества, извѣстное вниманіе, которымъ пользовались богатые со стороны войсковой старшины, наконецъ болѣе вліятельное положеніе ихъ въ Сѣчи—все это вмѣстѣ не могло не порождать весьма понятнаго антагонизма между этими болѣе состоятельными людьми, „дуками“, и тѣми, которыхъ Коломіецъ называетъ „голоколінчиками“ и которые, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, были, по всей вѣроятности, не столько жертвами обогащенія „дуківъ“, сколько совершенно самостоятельными искателями „легкого хліба“, благодаря именно этому ушедшими и изъ Россіи. Частные-же рыболовные заводы, принимавшіе, какъ мы говоримъ, рабочихъ въ качествѣ найщиковъ, а не по найму, могли только развѣ *косвенно* содѣйствовать накопленію въ Сѣчи болѣе бѣднаго люда, доставляя возможность частныхъ заработковъ помимо общиннаго труда. Такое значеніе частныхъ заводовъ могло имѣть тѣмъ болѣе мѣста, что количество ихъ было во всякомъ случаѣ достаточно велико. Ихъ было на Сѣчи если не больше, чѣмъ куренныхъ, то во всякомъ случаѣ врядъ-ли и меньше. Вообще-же количество всѣхъ запорожскихъ заводовъ было очень значительно. Къ сожалѣнію Коломіецъ не могъ опредѣлить намъ даже и приблизительно точно этого количества, но, судя по тому, что нѣкоторые курени имѣли, по его словамъ, даже до 30-ти заводовъ (и общественныхъ и частныхъ вмѣстѣ), мы можемъ видѣть только, что рыбальство велось Сѣчью въ очень обширныхъ размѣрахъ.

Въ болѣе скромныхъ, но все таки въ немалыхъ размѣрахъ, производилась и охота. Дунайская дельта въ то время отличалась баснословнымъ изобиліемъ всякаго рода дичи, начиная съ оленей, дикихъ кабановъ, козъ и т. п. и кончая несмѣтными табунами дикихъ гусей, утокъ, лебедей, пеликановъ и т. п. Еще и теперь, когда населеніе значительно увеличилось и когда послѣ знаменитаго наводненія, бывшаго въ 1857 г., пропало множество дикихъ животныхъ, мы, проѣзжая изъ Сулины въ Катирлезъ по берегу моря, имѣли единственный въ жизни случай видѣть тянувшіяся на версту и болѣе стада дикихъ утокъ и гусей; почти въ каждомъ шинкѣ въ Верхнемъ и Нижнемъ Дунавцахъ можно видѣть цѣлыя кучи шкурокъ ныркoвъ, лебедей, бабъ, лисьихъ и волчьихъ шкуръ

Библиотека "Руниверс"

и т. п. Въ воспоминаніи Коломійца мы не находимъ указаній на то, чтобы охота производилась запорожцами въ видѣ общественнаго предпріятія, но, по всей вѣроятности, хотя отчасти, она должна была производиться цѣлыми компаніями козаковъ, а можетъ быть и цѣлыми куренями, независимо отъ отдѣльныхъ лицъ, сдѣлавшихъ охоту своимъ спеціальнымъ занятіемъ. Кромѣ ружейной охоты, запорожцы ловили звѣрей капканами и т. п. и вообще посвящали этому занятію все время, неудобное для рыболовства, преимущественно-же во время зимы.

Продукты рыбной ловли и охоты были отправляемы для продажи обыкновенно въ Галацъ и Браилу на большихъ лодкахъ, такъ-же точно, какъ это дѣлается и теперь, съ той, разумѣется, разницей, что тогда продажа производилась прямо изъ первыхъ рукъ, безъ посредства разныхъ коммисіонеровъ и скупщиковъ, которые теперь почти совсѣмъ уже оттираютъ рыбалокъ отъ рынка. Выручаемыя за рыбу деньги въ куреняхъ составляли общинную собственность каждаго изъ куреней, не поступая въ общую кассу Сѣчи, въ частныхъ-же заводахъ дѣлились между участниками, такъ что рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ мы сказали, на этихъ заводахъ не было. Частные заводы представляли собой тоже своего рода ассоціаціи, въ которыхъ извѣстная часть валовой прибыли, т. е. улова (въ нáчалѣ $^1/_3$, а потомъ, такъ какъ и теперь, половина) шла въ пользу владѣльца завода, остальное-же дѣлилось поровну между пайщиками, участвовавшими въ ассоціаціи своимъ трудомъ. Такимъ образомъ пайщики раздѣляли съ хозяиномъ рискъ, но за то и всѣ выгоды предпріятія, что въ рыболовствѣ чрезвычайно важно, а особенно въ случаѣ хорошаго успѣха ловли. Эти отношенія между хозяевами рыболовныхъ заводовъ съ ихъ пайщиками-рабочими сохраняются между дунайскими рыбалками и до сихъ поръ, съ той только впрочемъ разницей, что теперь хозяинъ беретъ на себя хлопоты по снабженію рабочихъ пищею, одеждой и т. п. и разумѣется при помощи атамана, подбирающаго артель, находитъ гораздо болѣе способовъ ихъ обсчитывать и эксплоатировать въ свою пользу вообще.

Часть населенія Сѣчи, не находившая или почему нибудь не хотѣвшая находить себѣ занятіе на Сѣчи и ея заводахъ или Райѣ, выходила каждое лѣто на заработки: „на косовицю, на жнива,

Библиотека "Руниверс"

пацупой (кукурузу) бить, сапувать, підбивать“ и т. п. въ Турцію, въ Македонію, Сербію, Молдавію и т. д. Зарабатываемыя такимъ образомъ деньги запорожцы частью отдавали въ курени, но главнымъ образомъ употребляли для своихъ личныхъ надобностей: „одежу собі справляли, чоботы купували, зброю“ и т. п., не говоря уже о томъ, что прогуливалось. Это послѣднее обстоятельство, т. е. стремленіе къ удовлетворенію чисто личныхъ потребностей, постепенно расширяясь, было по всей вѣроятности главною причиною, толкавшею запорожцевъ искать себѣ работы внѣ Сѣчи. Эта-же причина въ значительной степени обусловливала и другую промышленность, которую приходится тоже помѣстить въ число отхожихъ промысловъ населенія Сѣчи, а именно хожденіе „на добичъ“, такъ или иначе, а все таки игравшее извѣстную роль въ экономическомъ быту запорожцевъ. Какъ ни запрещалось въ Сѣчи разбойничество, какъ ни каралось оно строго сѣчевою юстиціей, оно повидимому никогда не прекращалось въ ней, не смотря на то, что создавало для сѣчевой старшины цѣлую кучу непріятнѣйшихъ столкновеній съ турецкой администраціей. По всей вѣроятности всѣ эти грабежи и разбойничество были прямымъ послѣдствіемъ большой разнородности элементовъ, входившихъ въ составъ Сѣчи, между которыми было не мало людей ушедшихъ изъ Россіи по всевозможнымъ причинамъ уголовнаго характера, людей, для которыхъ сколько нибудь трудовая жизнь была невыносима. Мотивомъ-же, заставлявшимъ Сѣчь смотрѣть на такого сорта подвиги болѣе или менѣе снисходительно, кромѣ указывасмыхъ Коломійцемъ случаевъ прямаго небезкорыстія старшины, была конечно и прежняя запорожская традиція, признававшая хищническіе набѣги на турокъ или татаръ рыцарскими подвигами, скорѣе достойными всякой похвалы, чѣмъ порицанія. Само собою разумѣется, что тутъ уже не могло идти въ счетъ то, что турки были во время существованія задунайской Сѣчи не врагами, а союзниками запорожцевъ, и что разбойническіе набѣги производились главнымъ образомъ уже не на „невіру-бусурмана“, а на христіанское населеніе Македоніи, Сербіи, Молдавіи и т. п. Нужно, впрочемъ, сказать, что, зная нравы полудикихъ народовъ хоть-бы даже и тѣхъ, которые населяютъ и теперь Добруджу, невольно начинаешь относиться болѣе или менѣе безстрастно и къ похожденіямъ запорожцевъ, такъ какъ то, что они совершали, въ

Библиотека "Руниверс"

глазахъ тогдашняго общественнаго мнѣнія дѣйствительно не считалось вполнѣ преступленіемъ, а скорѣе разсматривалось какъ своего рода молодечество, болѣе или менѣе простительная шалость, преслѣдуемая только потерпѣвшими да начальствомъ, въ виду разныхъ политическихъ соображеній. Разбойничество или хожденіе „на добичъ“ производилось по большей части правильно организованными шайками или „затягами“, которые „затягались“ бывалыми уже и опытными козаками, знавшими, куда нужно идти и какъ нужно во время скрыться отъ преслѣдованія. Коломіецъ передаетъ намъ цѣлый рядъ разсказовъ о такого рода похожденіяхъ, при чемъ оказывается, что начальство СѢчи то изъ корыстныхъ видовъ, то по добротѣ и снисходительности очень часто старалось выгородить поймавшихся съ добычей запорожцевъ. Такъ было напр. съ знакомымъ уже намъ „затягомъ“, составленнымъ Чокаемъ, Макухою и прочими. Читатель помнитъ, что эти разбойники вели съ Кошевымъ Гординою правильные переговоры, при посредствѣ его кума Тихона изъ Райи, и были освобождены за уплату приличнаго количества золота въ пользу Кошеваго. Но изъ нѣкоторыхъ разсказовъ Коломійца мы видимъ, что были случаи показывающіе, что разбойничество доходило до размѣровъ, которые и въ то время не мо́гли уже считаться сколько нибудь извинительными и по поводу которыхъ „скільки ихъ вывішали отихъ розбійниківъ!“... Доходило до того, что имѣвшаго деньги человѣка, „якъ турки не вбъють, то свои вбъють!“... „Тутъ два козаки пішли, разсказываетъ Коломіецъ— одинъ *Гаврило Цицюбкъ*, а другий—*Лукьянъ Машамба́*,—знали вони пана одного, що у ёго червінці були“...; съ помощью панской дворни они добрались благополучно къ этимъ червонцамъ, подѣлились ими и отправились гулять въ Браилу. Но тамъ Машамба́ началъ уговаривать Гаврила отдать ему его долю, такъ какъ онъ собирался свататься. Гаврило отказался, тогда Машамба́ убилъ его и забралъ деньги себѣ. „Коли ураніці дивляться—плавае Гаврило по воді!.. А греки бачили, що вони пьянствували удвохъ зъ вечора, піймали того Машамбу й заперли... дали знать до Кошового у Січъ. А Кошовый, тоді Литвинъ бувъ, посыла наказного пана: „ідь, каже, у Браилу, що хочъ, те зъ ими и роби!“ Отъ вінъ поіхавъ наказный панъ, заразъ давай роспитувать того Машамбу, де вінъ гроши дівъ, а той каже, що закопавъ за кріпостьтю у землю. Тоді наказный

Библиотека "Руниверс"

забравъ того Машамбу, гроши выкопавъ, а ёго у Дунай, а упісля сказавъ, що втікъ... а самъ на Січъ поіхавъ зъ грішми! Здається, Губа Михайло тоді паказнымъ іздивъ, крилівський курінный!"...

Къ числу войсковыхъ доходовъ относился и доходъ съ сѣчеваго шинка. Оптовая продажа спиртныхъ напитковъ отдавалась на откупъ какому-то „галацькому жидови", державшему въ Сѣчи свою оптовую контору, изъ которой производилась только ведерная продажа. Розничная-же продажа въ сѣчевомъ шинкѣ была въ рукахъ самихъ козаковъ и велась по очереди каждымъ куренемъ, отряжавшимъ для этой цѣли по 4 человѣка въ теченіи того мѣсяца, когда очередь торговать въ шинкѣ была за этимъ куренемъ. Доходъ съ продажи питей былъ обще-сѣчевымъ и находился въ распоряженіи паланки. Эти порядки, описываемые нами со словъ Коломийца, порядки во всякомъ случаѣ довольно раціональные, далеко не похожи на то, что разсказываетъ объ этомъ въ своей книгѣ Чайковскій. По его описанію въ сѣчевомъ шинкѣ торговали не сами козаки, а всегда какой-нибудь жидъ, который безпощадно обиралъ козаковъ, но за то и самъ почти всегда былъ обираемъ, если даже не убиваемъ расходившимися запорожцами.

Наконецъ довольно важную статью въ хозяйствѣ Сѣчи составляла и субсидія, получавшаяся черезъ посредство брайловскаго паши отъ турецкаго правительства и состоявшая изъ денежнаго жалованья и изъ „таину", т. е. провіанта—отчасти натурою, отчасти деньгами. Понятно, что эта субсидія выдавалась только исключительно Сѣчи, райя-же не получала ничего, но за то и не обязана была выходить въ походъ. Размѣръ этой субсидіи намъ не удалось опредѣлить достаточно точно. Коломиецъ говоритъ, что Кошевый получалъ 3,000 левовъ (піастровъ) въ годъ, куренные-же отаманы получали, смотря по рѣшенію своего куреня, отъ 200 до 300 левовъ въ полугодіе—„одъ Покровы до Юрья и одъ Юрья до Покровы". На каждый курень отпускалось турецкимъ правительствомъ по 600 (?) окъ муки и по 600 левовъ деньгами въ каждое полугодіе. Эта цифра, относительно муки, кажется намъ очень сомнительной по своей крайней незначительности, особенно въ виду того, что козаки, какъ объ этомъ согласно говорятъ и Коломиецъ и Чайковскій, постоянно старались увеличивать передъ турецкимъ правительствомъ свое количество и получали всегда и жалованье и

Библиотека "Руниверс"

провіантъ въ разсчетѣ на тысячный составъ каждаго куреня, чего въ дѣйствительности никогда не бывало. Кромѣ муки, Сѣчь получала также натурою чечевицу, уксусъ и, кажется, деревянное масло. Порохъ и свинецъ выдавался также ежегодно турецкимъ правительствомъ, но оружіе и одежду козаки всегда должны были имѣть свою. Все это впрочемъ вещи, которыя будутъ рано или поздно опредѣлены въ точности, когда будутъ розысканы и напечатаны грамоты и договоры турецкихъ султановъ, врученные, какъ извѣстно, Гладкимъ имп. Николаю Павловичу.

Сводя имѣющіяся у насъ данныя относительно экономическаго устройства задунайской Сѣчи, мы видимъ, что сѣчевое хозяйство раздѣлялось на *обще-сѣчевое*, находившееся въ завѣдываніи паланки, и *куренное*, отдѣльное для каждаго куреня и совершенно независимое въ своей сферѣ отъ общаго хозяйства всей Сѣчи. Обще-сѣчевыми доходами были: доходы съ земель, съ продажи питей и жалованье, получаемое отъ турецкаго правительства. Изъ этихъ „войсковихъ паріевъ“ покрывались и расходы, имѣвшіе главнымъ образомъ общій характеръ, т. е. выдача жалованья всѣмъ должностнымъ лицамъ, ремонтъ общественныхъ построекъ, разъѣзды старшины, праздничныя угощенія на Покрову и проч. Затѣмъ все остальное составляло уже предметъ отдѣльныхъ куренныхъ хозяйствъ. Каждый курень распоряжался вполнѣ самостоятельно своей частью жалованья и ланна, доходами съ своихъ рыболовныхъ и охотничьихъ промысловъ, приношеніями своихъ членовъ, занимавшихся частными промыслами и т. п. [1]). Главнымъ распорядителемъ куреннаго хозяйства является атаманъ, который, какъ мы сказали выше, былъ не только административнымъ и военнымъ представителемъ своей общины, но и экономическимъ ея главою, такъ ска-

[1]) Какъ мы видимъ изъ этого, и въ экономическомъ своемъ устройствѣ задунайская Сѣчь сохранила, если даже не развила еще, традиціи Сѣчи днѣпровской. Въ этой послѣдней, какъ мы видимъ изъ словъ современнаго французскаго писателя Scherer'a, «Chacune (kurène) avoit son économie et son administration particulières. Tous ceux qui demeuroient dans la même kurène n'avoient qu'une bourse et qu'une table et ils alloient ensemble à la guerre». *Scherer. Annales de la petite Russie ou Histoire des Casaques Zaporogues.* P. 1788, T. I, p. 135.

Библиотека "Руниверс"

зать, хозяиномъ. Въ число его обязанностей, и притомъ главныхъ, входила забота объ экономическомъ благосостояніи куреня, о порядкѣ въ немъ, о содержаніи въ исправности построекъ, объ устройствѣ огорода и заготовленіи хозяйственныхъ запасовъ и т. п. Степенью его заботливости по части куреннаго хозяйства измѣрялось и его достоинство, какъ должностнаго лица, и опредѣлялось его право на вознагражденіе: „якъ добрый отаманъ, говоритъ Коломіецъ, що й городъ зробить, и капусты придбае, и за усімъ добре дивиться, то й 200 и 300 лев. давали... А окрімъ того й сами одъ себе давали... Побачить, що у куріні порядокъ, усе чисто, у городі городины повно, й дае“... Непосредственнымъ помощникомъ отамана по хозяйству былъ *кухарь*, тоже своего рода должностное лицо, состоявшее на жалованьѣ (100—120 лев. въ семестръ), для мелкихъ-же, особенно женскихъ работъ, въ родѣ мазанья хатъ, работъ въ огородѣ и т. п. нанимались женщины изъ Райи, получавшія плату или изъ паланки (за работы при постройкахъ), или отъ куреня, въ послѣднемъ случаѣ очень часто натурою—хлѣбомъ и т. п. Предметы хозяйства, не производившіеся дома, пріобрѣтались покупкою, также каждымъ куренемъ для себя, по своимъ средствамъ и потребностямъ. Покупали муку (главнымъ образомъ изъ Базарджика), уксусъ, деревянное масло, возили „кашказаки“, т. е. большіе глиняные сосуды съ „грецькимъ виномъ“ и оливою. Вино привозилось, главнымъ образомъ, изъ Одобешти—въ Румыніи... Судя по сообщаемымъ Коломійцемъ, существовавшимъ въ то время цѣнамъ на разнаго рода припасы и вообще предметы первой необходимости, куренныхъ доходовъ вѣроятно было вполнѣ достаточно для довольно сноснаго существованія, особенно при болѣе или менѣе большомъ хозяйствѣ, какимъ было куренное. Пшеничная мука продавалась по 7 левъ за 100 окъ, т. е. по нынѣшнему курсу около 7 коп. за пудъ, кукурузная мука по 3 пари за 4 ока, т. е. $1^1/_3$ сантима за 12 фунтовъ; пара воловъ вмѣстѣ съ возомъ стоила 70 левъ, корова 30—35 левъ, *юба*, т. е. нѣчто въ родѣ армяка или кобеняка—25 левъ, мѣховая куртка безъ рукавовъ—$2^1/_2$ лева и т. п. Правда, и трудъ тогда цѣнился не особенно дорого—за день косьбы платили 15 сант. (30 паръ), за день жатвы 30 сант., только тяжелыя крѣпостныя работы оплачивались цѣлымъ махмудіе, т. е. 50—60 сант. Впрочемъ, только немногіе изъ запорож-

Библиотека "Руниверс"

цевъ ходили на заработки, да, сравнительно съ цѣнами на хлѣбъ и мясо, и тогдашняя заработная плата была все таки выше теперешней.

Относительно бытовой стороны дунавецкой Сѣчи мы также имѣемъ въ воспоминаніяхъ Коломийца очень цѣнный матеріалъ, по которому мы можемъ составить себѣ довольно детальное этнографическое представленіе объ исчезнувшей козацкой общинѣ,—представленіе тѣмъ болѣе интересное, что этнографія днѣпровской Сѣчи извѣстна еще не особенно подробно. Сѣчь, какъ уже извѣстно читателю, была расположена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится селеніе Верхній Дунавецъ и на которомъ прежде, до появленія запорожцевъ, было некрасовское селеніе того-же имени. До перваго своего свиданія съ Коломийцемъ я не имѣлъ возможности побывать въ Дунавцѣ и потому, не смотря на самые усердные распросы относительно мѣстности и расположенія Сѣчи, мнѣ было чрезвычайно трудно составить себѣ о нихъ сколько-нибудь ясное представленіе. Къ сожалѣнію и во время втораго свиданія съ Коломийцемъ, уже въ Нижнемъ Дунавцѣ, мнѣ не удалось обойти мѣстность Сѣчи вмѣстѣ съ нимъ, какъ я разсчитывалъ, такъ какъ старецъ оказался уже лишеннымъ возможности передвигаться при помощи ногъ. Пришлось осмотрѣть Верхній Дунавецъ самому, въ сопровожденіи моего товарища по этому путешествію, г. Д—а, и священника Нижняго Дунавца, о. Стефана Крушталева, который былъ такъ любезенъ, что предложилъ намъ, въ качествѣ мѣстнаго жителя, свое сопутствіе. Выйдя изъ Нижняго Дунавца, довольно жалкой татарской деревушки, не болѣе 2—3-хъ лѣтъ только занятой руснаками, передѣлывающими ее теперь по своему, и поднявшись на небольшой пригорокъ, мы увидѣли передъ собою почти прямо на сѣверъ довольно высокую гору и немного правѣе отъ нея, вдоль довольно высокаго (саженей около 10) обрывистаго берега круто заворачивающей вправо рѣки Дунавца, самую деревню Верхній Дунавецъ—бывшую Сѣчь. Съ лѣвой стороны отъ насъ была широкая волнистая степь, съ видиѣвшимися вдали горами Бешъ-Тепé, а съ правой стороны тянулось необозримое болото—дунайская плавня, красиво прорѣзываемая змѣеобразными, очень прихотливыми изгибами Дунавца и уходящая, сколько видно глазу, вдаль, слегка только окаймленная едва виднѣющимися на горизонтѣ вербами, растущими по берегу Дуная... У входа въ деревню, у самаго загиба Дунавца,

Библиотека "Руниверс"

мы перешли черезъ остатки почти разрушившихся уже, но еще вполнѣ замѣтныхъ вала и рва, окружавшаго прежде Сѣчь, и потомъ, слегка повернувши вправо, прошли улицей, почти параллельной рѣкѣ, къ самой оконечности выдающагося въ болото небольшаго мыса, гдѣ на небольшой площадкѣ стоятъ два шинка, содержимые, какъ и слѣдовало ожидать, жидами. Отъ мыса идетъ довольно крутой спускъ къ рѣкѣ, черезъ которую въ этомъ мѣстѣ сдѣланъ мостикъ съ прорѣзомъ посрединѣ для пропуска судовъ и съ переброшенной черезъ этотъ прорѣзъ доской. Здѣсь была прежде запорожская пристань, да и теперь это мѣсто служитъ для того-же назначенія, о чемъ свидѣтельствовала небольшая группа лодокъ возлѣ берега и въ маленькой рѣченкѣ, текущей вдоль обрыва и скоро пропадающей въ плавнѣ. Въ шинкѣ, гдѣ, благодаря празднику, оказалось довольно много народа, какъ русиновъ, такъ и моканъ, мы, при помощи о. Стефана, старались разспросить, не знаетъ-ли кто-нибудь изъ теперешнихъ жителей чего-нибудь о расположеніи прежней Сѣчи, но всѣ наши разспросы, какъ и слѣдовало ожидать, оказались напрасными, и мы, кромѣ ссылокъ на Коломийца, ничего больше не услышали, что и совершенно естественно, такъ какъ мѣсто Сѣчи долгое время оставалось почти вовсе незаселеннымъ, затѣмъ послѣ крымской войны было отдано переселившимся изъ Крыма татарамъ, а большая часть теперешняго его населенія живетъ тамъ не болѣе 4—5 лѣтъ, т. е. со времени послѣдней войны, когда татары начали переселяться въ Турцію. Вслѣдствіе этого и Верхній Дунавецъ заключаетъ въ себѣ довольно много уцѣлѣвшихъ еще татарскихъ мазанокъ, хотя въ общемъ оно все таки представляетъ собой уже и по наружности малороссійское село, очень напоминающее села какого-нибудь черкасскаго или чигиринскаго уѣзда [1]). Выйдши изъ шинка, мы обошли по сѣверо-восточному краю села, прилегающему къ плавнѣ, но находящемуся все таки довольно высоко надъ нею, и, оставивши дорогу на Мурузиль, перерѣзывающую опять остатки вала, повернули лѣвѣе на гору, ко-

[1]) Мы воздерживаемся отъ болѣе подробнаго описанія этого и другихъ русинскихъ селъ въ Добруджѣ, такъ какъ это отвлекло-бы насъ отъ общаго содержанія настоящей статьи и потому что мы надѣемся сдѣлать это въ особой статьѣ о современномъ украинскомъ населеніи Добруджи и устьевъ Дуная.—К.

Библиотека "Руниверс"

торую мы видѣли передъ собою, вышедши изъ Нижняго Дунавца, и у подошвы которой лежитъ Верхній Дунавецъ. На самой верхушкѣ обрыва, недалеко отъ пристани, о. Стефанъ показалъ намъ едва замѣтные остатки какой-то старинной постройки, объясняя, что многіе изъ жителей считаютъ эти остатки каменнымъ фундаментомъ бывшей будто-бы на этомъ мѣстѣ запорожской церкви. Предположеніе это, по нашему мнѣнію, очень правдоподобно, хотя мы должны сказать, что эти остатки каменной постройки показались намъ имѣющими видъ болѣе древняго происхожденія и чрезвычайно похожими по матеріалу на развалины каменныхъ генуэзскихъ валовъ, находящихся возлѣ Сѣчи, около Круглика, а также на развалины генуэзскихъ построекъ, какія мы видѣли въ Добруджѣ (около Енисселе, возлѣ Словы и пр.). Идя отъ этого мѣста далѣе по направленію къ сѣверо-востоку, мы видѣли по лѣвой сторонѣ отъ себя довольно замѣтныя неровности почвы, происшедшія очевидно отъ бывшихъ когда-то построекъ, очень можетъ быть, что и запорожскихъ куреней. Съ горы мы увидѣли къ сѣверу озерцо Кругликъ, находящіеся возлѣ него остатки древняго генуэзскаго укрѣпленія, подымавшагося на близъ лежащую гору, вдали Муругіль, а правѣе опять-таки безконечную болотистую равнину, на краю которой мѣстами сверкалъ Дунай. Еще правѣе на сѣверо-востокъ виднѣлись черные лѣса Кара-Ормана, а совсѣмъ направо—едва-едва замѣтная полоска далекаго моря. Сзади, т. е. на юго-востокъ и югъ отъ горы, на которой мы находились, какъ на ладони былъ виднъ весь Дунавецъ, занимающій, какъ можетъ видѣть читатель изъ нашего описанія, довольно большой тупой уголъ, образуемый возвышенностью, вдающеюся въ плавню и омываемой съ южной стороны р. Дунавцомъ, а съ восточной ограждаемый плавней. Сѣверная-же и западная стороны этого пространства, занимаемаго селомъ, защищены земляннымъ валомъ со рвомъ, который замыкаетъ такимъ образомъ все мѣсто бывшей Сѣчи, образуя изъ него нѣчто въ родѣ крѣпости, имѣющей видъ трапеціи. Сѣверный валъ, идущій на пространствѣ приблизительно 2500—3000 шаговъ, и берегъ рѣки Дунавца, прилегающій къ селу съ южной стороны, составляютъ почти параллельныя стороны этой трапеціи, западный валъ, имѣющій всего 340 шаговъ въ длину, идетъ перпендикулярно къ нимъ, прямо съ с. на ю., а восточная сторона трапеціи, составляемая границей

Библиотека "Руниверс"

возвышенности и плавней, уклоняется довольно значительно на сѣверо-востокъ. Что касается описываемыхъ нами валовъ со рвомъ, то, какъ мы говорили уже, Коломіецъ считаетъ ихъ насыпанными руками некрасовцевъ, мы-же склонны думать, что эти валы должны быть болѣе древняго и, можетъ быть, тоже генуэзскаго происхожденія. Но во всякомъ случаѣ мы должны сказать, что эти валы какъ по матеріалу, такъ и по прочности постройки, значительно не похожи на валы возлѣ Круглика. Эти послѣдніе представляютъ собой почти совершенно правильный квадратъ, шаговъ около 300 длины и ширины, вертикальныя стороны котораго лежатъ по направленію съ сѣверо-востока. Черезъ дорогу отъ этихъ валовъ тянется небольшой валъ вверхъ на гору и заканчивается на ея верхушкѣ небольшой группой остатковъ грубой каменной кладки, а Остапъ Данчукъ сообщалъ намъ, что не такъ давно еще этотъ идущій черезъ дорогу валъ былъ въ непосредственномъ соединеніи съ квадратными валами. Всѣ эти валы сдѣланы изъ каменныхъ валуновъ и грубыхъ осколковъ, скрѣпленныхъ очень крѣпкимъ бѣлымъ цементомъ, содержащимъ въ себѣ известь, валы-же окружающіе мѣсто Сѣчи сдѣланы просто изъ земли и глины. Матеріалъ и способъ кладки развалинъ, принимаемыхъ за фундаментъ бывшей сѣчевой церкви, вполнѣ сходенъ съ матеріаломъ и кладкой валовъ возлѣ Круглика.

Само собой разумѣется, что возстановленіе плана бывшей Сѣчи при имѣющихся у насъ данныхъ можетъ быть только приблизительнымъ. Отъ сѣчевыхъ построекъ не осталось почти ни малѣйшаго слѣда, что и нисколько не удивительно, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что они были сдѣланы изъ чамура, т. е. изъ битой глины и земли съ навозомъ, травой и соломой, и что мѣсто Сѣчи, будучи долгое время совсѣмъ необитаемымъ, было занято потомъ татарскими поселками, на мѣстѣ которыхъ поднимается теперь уже новое село. Чайковскій, бывшій „na gruzach Siczy“ въ пятидесятыхъ годахъ, говоритъ, что въ то время уже „wszystkie slady budowy w ziemię pozapływali, oprocz jednej karczmy, która jeszcze nad zgliszczami sterczy i w której żyd wódką i winem dotąd szynkuje“..., а Остапъ Данчукъ, бывшій на Сѣчи нѣсколько раньше, разсказывалъ намъ, что онъ засталъ еще довольно явственные остатки куреней и другихъ построекъ: „мені

Библиотека "Руниверс"

Гала́бала Иванъ показувавъ... водивъ мене скрізь по тому місту, показувавъ, де який курінь стоявъ... якъ ити зъ Муругіля у Січъ, такъ и знать було, де куреви були, де отаманський домокъ бувъ и канцелярія ихня... у праву руку вони були якъ зъ Муругіля йти, такъ підъ гору... одъ отаманського дому ще й печи поостава-лися, а тамъ, де куріни були, то такъ тільки купки земли... смітья, рыбъячи кісточки... знать, що люде жили"... Теперь, какъ мы говоримъ, не осталось и этого, а старость не позволила Коломийцу показать намъ на мѣстѣ все имъ разсказанное. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, мы все таки можемъ сдѣлать попытку возстановить прежній планъ Сѣчи. Судя по разсказамъ Коломийца, у самаго входа въ Сѣчь съ пристани, направо, недалеко отъ обрыва, омываемаго внизу Дунавцемъ, стояла запорожская церковь. Прямо противъ входа или нѣсколько лѣвѣе былъ сѣчевой шинокъ, прямо противъ котораго начиналась длинная улица, состоявшая изъ двухъ рядовъ куреней и шедшая вдоль теченія Дунавца, который, какъ выражается Коломиецъ, „коліна робить, а улиця пряма була" и шла по направленію къ сѣверо-востоку, переходя затѣмъ въ муругільскую дорогу. Въ „*нижній пиріи*", т. е. въ восточномъ ряду куреней, болѣе близкомъ къ плавнѣ и рѣкѣ, крайнимъ отъ церкви былъ крылівський курінь, за нимъ слѣдовалъ батуринський и т. д., а на самомъ концѣ, на выѣздѣ уже къ Муругілю—платнирівський. На западной сторонѣ улицы, т. е. у „*вышній пиріи*", бывшей подъ горой, первымъ налѣво отъ шинка былъ калниболотський курінь, за нимъ была титарня, а потомъ паланка; за паланкою былъ джирліївський курінь, потомъ риклівський, а на самомъ концѣ, противъ платнирівського, былъ ведмедівський курінь, послѣдній въ этомъ ряду. Мы дѣлаемъ этотъ планъ, на основаніи подробнаго разсказа Коломийца еще во время нашего свиданія съ нимъ въ Катирлезѣ и двухъ сдѣланныхъ въ разное время вмѣстѣ съ нимъ плановъ. Впослѣдствіи, во время нашего послѣдняго свиданія съ нимъ, въ отвѣтъ на вопросъ, какой курень былъ первымъ съ правой стороны при входѣ въ Сѣчь изъ Нижняго Дунавца, Коломиецъ назвалъ калниболотський курінь, поясняя, что за нимъ слѣдовала титарня, затѣмъ паланка и т. д. Къ сожалѣнію, съ нами не было тогда прежде составленныхъ плановъ и поэтому это противорѣчіе не было замѣчено и осталось безъ разъясненія,

Библиотека "Руниверс"

но потомъ, сопоставивши всѣ данныя, я убѣдился, что послѣднее указаніе Коломійца было можетъ быть и вѣрно и произошло по всей вѣроятности оттого, что, не бывши въ теченіи очень многихъ уже лѣтъ въ В. Дунавцѣ, Коломіецъ имѣлъ въ виду, говоря это, не нынѣшнюю дорогу изъ несуществовавшаго прежде Нижняго Дунавца въ Верхній, а другую, современную ему, но существующую и теперь дорогу на Сарнаси и Караібелъ, которая перерѣзываетъ сѣверный валъ недалеко отъ угла его съ западнымъ и, идя по которой, дѣйствительно калниболотскій курень могъ оказываться первымъ съ правой стороны. Составленный нами планъ совпадаетъ также и съ указаніями Остапа Данчука, который говоритъ, что развалины паланки онъ видѣлъ подъ горой съ правой стороны, идя изъ Муругіля. Далѣе Коломіецъ говоритъ, что „куріни стояли причілками на улицю и на востокъ, а вікнами на полудень“; это, строго говоря, не вполнѣ вѣрно, такъ какъ улица шла не прямо съ юга на сѣверъ, а нѣсколько уклоняясь на сѣверо-востокъ, кромѣ того нужно замѣтить, что куренi имѣли по 2 причілка, а слѣдовательно только куренi верхней пирiи могли быть обращены восточными причільными окнами на улицу [1]).

По наружности Сѣчь вѣроятно мало чѣмъ отличалась отъ обыкновеннаго украинскаго села. Церковь была небольшая, деревянная, съ однимъ куполомъ, покрытая досками и даже не окрашенная. Внутреннее ея устройство, по словамъ Коломійца, было гораздо лучше: „дуже добра була—уся у золоті“. Это было неудивительно, такъ какъ мы знаемъ уже, что запорожцы, стараясь захватить во время войны добычу, никогда не забывали о своей церкви и привозили изъ своихъ походовъ, особенно изъ Молдавіи,

---

[1]) Считаю, впрочемъ, необходимымъ замѣтить, что, принимая во вниманіе заявленіе Коломійца о направленіи улицы «вздовжъ річки», я сначала очень расположенъ былъ думать, что церковь находилась у самаго въѣзда въ Сѣчь, по нынѣшней дорогѣ изъ Нижняго Дунавца въ Верхній, направо отъ дороги, у самаго загиба рѣки, и что улица, начинаясь оттуда, шла параллельно Дунавцу съ запада на востокъ. Но затѣмъ, припомнивши выраженіе Коломійца, что «Дунавець робить коліна, а улиця пряма була» и принявши въ соображеніе положеніе куреней фасадами на востокъ и окнами на югъ и проч., а также и то, что разстояніе отъ западнаго вала до пристани очень не велико, я долженъ былъ отказаться отъ этого мнѣнія и признать сообщаемый мною планъ за болѣе правдоподобный.—К.

Библиотека "Руниверс"

очень много разныхъ церковныхъ вещей, между прочимъ даже колокола. Для Кошеваго въ церкви особаго мѣста не было, обыкновенно-же онъ стоялъ всегда возлѣ праваго клироса. Паланка отличалась отъ прочихъ куреней тѣмъ, что была огорожена и заключала въ себѣ „хату зъ кімнатами“, т. е. домъ для Кошеваго и канцелярію. Во дворѣ паланки помѣщались разныя службы—амбары, конюшни, погребъ и т. п. Курени представляли собою какъ въ архитектурномъ, такъ и въ прочихъ отношеніяхъ обыкновенныя малороссійскія хаты, раздѣленныя сѣнями на двѣ половины и только довольно длинныя, такъ что въ каждой изъ половинъ было не менѣе трехъ оконъ въ рядъ. По величинѣ, впрочемъ, курени были далеко не одинаковы, сообразно количеству заключавшагося въ нихъ населенія. Самымъ большимъ и благоустроеннымъ куренемъ былъ, по словамъ Коломийца, платнірівський; „стеблиівський курінь хочъ и малый бувъ, а народу у ёму багато“. Крыши были изъ камыша, какъ и на теперешнихъ хатахъ въ Дунавцѣ, возлѣ куреней были амбары или „будки“, игравшія роль кладовыхъ, и небольшіе огороды и даже садки. Огородами и садками особенно отличалась нижняя пирія, болѣе близкая къ водѣ, а въ ней лучшимъ огородомъ и садомъ владѣлъ платнірівський курень, выходившій уже совсѣмъ въ поле. Внутренность куреней была также чрезвычайно проста: въ сѣняхъ помѣщалась печь для варки кушанья лѣтомъ,— по обѣ стороны сѣней хаты съ глинянымъ поломъ, съ широкими, какъ нары, лавами, на которыхъ можно было спать. Однимъ словомъ, „просто було, я-жъ вамъ кажу!“—только развѣшанныя по стѣнамъ ружья, ятаганы, сабли, пистолеты и прочія военныя и охотничьи принадлежности отличали козацкія жилища отъ обстановки любой украинской хаты. Населеніе куреней никогда не было особенно многочисленно: на зиму еще больше собиралось народа, лѣтомъ-же всѣ расходились по плавнямъ, рыболовнымъ заводамъ, въ Туреччину на заработки и т. п. Въ нѣкоторыхъ куреняхъ, говоритъ Коломиецъ, только и народу иногда бывало, что отаманъ да кухарь, да еще, можетъ быть, 3—4 старыхъ козака, неспособныхъ уже совсѣмъ къ работѣ и принужденныхъ кончать свои дни на завалинкѣ роднаго куреня, замѣнявшаго имъ и семью и все...

Въ отношеніи пищи, какъ мы говорили уже, курень составлялъ одну семью: „іли разомъ усі, говоритъ Коломиецъ, хто що

Библиотека "Руниверс"

принесе, хто що притягне, те й буде—*за братъ жили!..* рыбу було возили, й кабанівъ, и визигу, й кабаки (тыквы), й усе.—На, каже, кухарю! або нате, пане-отомане,—нехай козаки голодни не будуть!"—Пьять—шість столівъ постановлять було у хаті та й ідять!" Утромъ обыкновенно бывалъ ранній завтракъ, обѣдъ часовъ около 9-ти, потомъ полдничали, а вечеромъ ужинали. Скоромнаго въ постъ запорожцы не ѣли никогда, очень можетъ быть даже, что, подобно румынамъ и грекамъ, воздерживались даже и отъ рыбы, въ обыкновенные-же дни ихъ обычную пищу составлялъ борщъ съ саломъ или мясомъ, иногда съ соленою рыбою, галушки, мамалыга и т. п. Праздники отличались особою торжественностью и роскошью въ пищѣ: „на Покрову, говоритъ К—цъ, скотину різали—празникъ бувъ... вина й горілки скільки вгодно, и притомъ на військові гроші", такъ какъ, по случаю торжества, угощеніе производилось изъ паланки. По части впрочемъ питія запорожцы и за Дунаемъ не оставляли своихъ древнихъ обычаевъ и пили, если не такъ ужасно, какъ объ этомъ разсказываетъ Чайковскій, то во всякомъ случаѣ въ количествѣ вполнѣ достаточномъ для того, чтобъ о нихъ осталось воспоминаніе, выражаемое словами Игната Васильковскаго: „якъ-бы вони не такъ пили,—свого-бъ короля мали!"... „Корякомъ було горілку пьють, говорилъ Остапъ Данчукъ, а хліба немае!"...

Изъ всѣхъ бытовыхъ особенностей запорожцевъ вѣроятно раньше всего подвергся измѣненіямъ костюмъ, что зависѣло, вѣроятно, какъ отъ новыхъ климатическихъ условій, такъ и отъ того, что запорожцы никогда не отличались особой заботливостью объ этой части своей обстановки, а носили больше то, что попадалось подъ-руку. О традиціонныхъ козацкихъ одеждахъ, въ родѣ куптупа и т. п., мы въ Добруджѣ рѣшительно ничего не слыхали, не смотря на всѣ распросы. Хотя Игнатъ Васильковскій и увѣряетъ, что Гладкій, во время представленія своего государю, былъ одѣтъ въ „куртку зъ чотырма рукавами", но это вѣроятно говорится имъ по наслышкѣ о запорожскомъ костюмѣ еще въ Россіи. Коломисцъ-же прямо говоритъ, что за Дунаемъ запорожцы, все время имѣли уже костюмъ полу-турецкій, за исключеніемъ шапки и сапогъ и отчасти штановъ, которые сохранились у добруджскихъ руснаковъ и до сихъ поръ въ полной неприкосновенности. Кошевый, по его разсказу, носилъ сивую смушевую шапку съ верхомъ,

Библиотека "Руниверс"

выложеннымъ позументами, шелковый элекъ, т. е. турецкую куртку, замѣняющую собой жилетъ, капаранъ или антеревъ—верхнюю, тоже турецкую, куртку изъ тонкаго краснаго сукна; синіе шаровары изъ тонкаго сукна, подпоясанные персидскимъ поясомъ, и хорошіе сапоги съ голенищами. Костюмъ Ивана Півтораки, по описанію Остапа Данчука, отличался не меньшей изысканностью, но и не меньшими отступленіями отъ національнаго типа: „штаны на ёму шовкові, білого шовку, поясъ шовковый, капаранъ хороший шовковый—шапка чорна... и не пізнаешъ!“... такъ какъ дѣло идетъ о Півторакѣ въ парадномъ видѣ, а не въ обыкновенномъ рыбальскомъ лохмотьѣ. Обыкновенные козаки носили, по словамъ Коломийца, почти такой-же костюмъ, какой носятъ и теперь руснаки въ Добруджѣ: широкіе штаны въ голенища, суконный капаранъ изъ верблюжьяго или овечьяго сукна (въ послѣднемъ случаѣ, по большей части синій или черный), красный поясъ и сѣрую или черную барашковую шапку. Этотъ костюмъ дѣйствительно совершенно сходенъ съ нынѣшнимъ, съ той только разницей, что вмѣсто капарана, особенно въ будніе дни, нынѣшніе добруджскіе украинцы носятъ жилеты съ рукавами, по большей части синіе, спинка которыхъ и рукава почти всегда сдѣланы изъ фланели болѣе или менѣе яркаго цвѣта и непремѣнно клѣтчатой;—спереди этотъ жилетъ украшается еще большимъ количествомъ свѣтлыхъ металлическихъ пуговокъ, иногда ряда въ четыре. Лѣтомъ запорожцы носили чулки и красные восточные башмаки. Вообще-же, по словамъ Коломийца, запорожцы не особенно щеголяли своимъ костюмомъ, въ особенности-же дома. „...А на иншому, говоритъ онъ, то й штанівъ нема й сорочки, сами рубці висять... мовъ той цыганъ!“... Неудивительно поэтому, что пріѣзжавшіе на Сѣчь турецкіе сановники съ изумленіемъ спрашивали, почему козаки такъ оборваны, и ихъ приходилось увѣрять, что козаки эти только что прибыли изъ Россіи; неудивительно и то, что объ „сіромствѣ“ запорожцевъ остались въ Добруджѣ цѣлыя легенды, въ родѣ той, какую намъ пришлось слышать отъ Остапа Данчука на счетъ происхожденія ряда кургановъ, идущихъ отъ Сѣчи къ Бешъ-Тепé. Эти курганы, по его словамъ, „запорожци торбинками понасыпали“, для того, чтобы бѣгать зимою, не имѣя обуви: собираются они въ путь, а постолы на всѣхъ одни—вотъ они и посылаютъ одного въ постолахъ впередъ, чтобы онъ, добѣжавши до

Библиотека "Руниверс"

ближайшаго кургана, огонь разводилъ, а сами, когда увидятъ огонь, и бѣгутъ, прибѣгутъ къ огню и грѣютъ ноги, пока тотъ, что въ постолахъ, не добѣжитъ до слѣдующаго кургана и не разведетъ тамъ огня и т. д. Конечно, это шутка, но шутка характерная. Не менѣе характерны и тѣ шутки на счетъ запорожскихъ прическъ, которыя читатель можетъ найти въ воспоминаніяхъ Коломійца, шутки по поводу того, что старые козаки носили еще чубы (оселедці) на бритыхъ головахъ, тогда какъ молодые начали уже распускать свои чубы по выстриженной гладко головѣ, какъ это дѣлаютъ еще и теперь старики на Украйнѣ. Было, впрочемъ, и своего рода щегольство на Сѣчи, на которое тратилось не мало денегъ. Это традиціонное щегольство хорошимъ и дорогимъ оружіемъ: „було хочъ якій обідраний, а зброя дорога й хороша!.. люльки було запорожци обковували тими червінцями—тынфами... а самъ безъ чобітъ, пятками світить!!“... добавляетъ Коломіецъ, добродушно улыбаясь при воспоминаніи о козацкой безшабашности...

Въ высшей степени интересно было получить отъ Коломійца какія-нибудь свѣдѣнія объ интеллектуальной жизни Сѣчи. Принимая во вниманіе разнообразіе и большую или меньшую избранность элементовъ, входившихъ въ составъ Сѣчи, ея собственныя историческія традиціи и проч., слѣдовало ожидать, что населеніе ея во всякомъ случаѣ должно было быть гораздо выше обыкновеннаго уровня массы по своему развитію. Дѣйствительно и личность самого Коломійца и его разсказъ въ этомъ отношеніи подтверждаютъ вполнѣ такое предположеніе. Если мы припомнимъ большое сравнительно количество свѣдѣній Коломійца, его, такъ сказать, большую начитанность, если можно такъ выразиться о неграмотномъ человѣкѣ, слышавшемъ только чтеніе и разсказы другихъ, его знаніе народныхъ историческихъ пѣсень и умѣнье составить себѣ изъ нихъ извѣстную цѣпь историческихъ представленій, то, принимая во вниманіе, что Коломіецъ былъ на Сѣчи человѣкомъ во всякомъ случаѣ среднимъ, мы имѣемъ полное право составить себѣ довольно высокое мнѣніе о средѣ его воспитавшей, которой онъ исключительно обязанъ своимъ развитіемъ. Судя по словамъ Коломійца, историческія пѣсни и преданія пользовались въ Сѣчи очень большимъ уваженіемъ и, какъ мы можемъ видѣть на примѣрѣ его самого, не забывались тамъ, не смотря на полное отсут-

Библиотека "Руниверс"

ствіе кобзарей или „лірниківъ“, которые у насъ служатъ единственными, да и то уже исчезающими хранителями ихъ въ народѣ. Разсказчики про старину, въ родѣ упоминаемаго Коломійцемъ Ивана Глухого, пользовались большимъ вниманіемъ, „оповіданьия“ ихъ слушались съ напряженнымъ интересомъ и изъ этихъ то разсказовъ и пѣсень и складывались тѣ, болѣе или менѣе цѣльныя и даже до извѣстной степени правильныя историческія представленія, которымъ мы удивляемся въ Коломійцѣ. Но Сѣчь имѣла не только устную народную литературу: тамъ были и книги и, что всего интереснѣе и важнѣе, книги эти представляли собой не частную собственность какихъ-нибудь исключительно грамотныхъ людей, которые одни только ими и интересовались, а принадлежали всему товариству, составляя *сѣчевую библіотеку,* хранившуюся въ паланкѣ въ завѣдываніи писаря и находившуюся въ полномъ распоряженіи всѣхъ желавшихъ читать. Къ несчастію, теперь мы совершенно лишены возможности знать составъ этой сѣчевой библіотеки, такъ какъ Коломіецъ, разумѣется, не могъ дать намъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній, но, судя по его разсказу, слѣдуетъ думать, что въ этой библіотекѣ были книги, или, какъ выражается Коломіецъ, *„описи“* преимущественно духовнаго и историческаго содержанія, понятно, главнымъ образомъ удовлетворявшаго потребности сѣчевиковъ. До какой степени велика была эта потребность въ чтеніи, можно судить по тому вниманію, которое обнаруживали къ чтенію совершенно даже неграмотные люди и по той настойчивости, съ которою они, какъ разсказываетъ Коломіецъ, упрашивали „письменныхъ“ людей читать имъ, не жалѣя даже для этого довольно крупныхъ угощеній—„відеръ пъять вина було дадуть, абы читавъ“! Не ограничиваясь чтеніемъ въ Сѣчи, козаки брали съ собой книги даже на рыболовные заводы: „підуть було до писаря та й просять... „візьмить, візьмить, писарь було каже, тільки читайте!“—то брали й туды й тамъ читали“. Кромѣ того, не довольствуясь сѣчевой библіотекой, козаки обращались, какъ видно изъ разсказа Коломійца, за книгами и къ частнымъ лицамъ и притомъ на значительномъ разстояніи отъ Сѣчи, какъ напримѣръ къ *Баржію,* „чоловіку одъ породы малороссійськои“, жившему въ Браилѣ и т. п. Трудно разумѣется догадаться, что это была за „велика книга“, о которой говоритъ Коломіецъ, что въ ней было написано и „про Юрика, и

Библиотека "Руниверс"

про Чорный лісъ, и про Байракъ" и которую, по его словамъ, „по праздникамъ часто було читають... збіраються та й читають!"... Не была-ли эта книга, изъ которой очевидно и Коломиецъ почерпнулъ часть своихъ историческихъ свѣдѣній, какой-нибудь рукописной копіей „Исторіи руссовъ", которая, какъ извѣстно, ходила въ то время по Украинѣ въ большомъ количествѣ списковъ и, разумѣется, могла попасть и на Сѣчь? На это намекаютъ до извѣстной степени нѣкоторые факты изъ исторической части разсказовъ Коломийца, между прочимъ и производство козаковъ отъ козаръ и т. п... Какъ-бы то ни было, но во всякомъ случаѣ фактъ нахожденія книги подобнаго содержанія въ сѣчевой библіотекѣ и интереса, какой возбуждала эта книга у товарищества, есть фактъ для насъ въ высшей степени поучительный и характерный.

Извѣстный уровень умственнаго развитія, требовавшій для себя такихъ вещей, какъ чтеніе и историческіе разсказы, объусловливался и поддерживался на Сѣчи довольно большимъ количествомъ грамотныхъ людей. „На Січи мало було неграмотныхъ, а то усе більше письменни були", говоритъ Коломиецъ и объясняетъ это большимъ наплывомъ въ Сѣчь болѣе или менѣе интеллигентныхъ людей изъ Россіи. Въ видѣ примѣра онъ указываетъ на одного какого-то ремонтера и на другаго козака Александра Не рыдай мене-мати изъ донцовъ, братья котораго были въ Россіи полковниками. Но кромѣ этого Сѣчь и сама обнаруживала извѣстную заботливость о поддержкѣ и распространеніи у себя „письменства". Этимъ дѣломъ, говоритъ Коломиецъ, занимались войсковые священники и писаря, имѣвшіе у себя нѣчто въ родѣ маленькой школы, въ которой обучались дѣти изъ райи, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и пѣвчими въ сѣчевой церкви. Учились иногда даже и взрослые, какъ это видно изъ словъ Коломийца: „инші и тутъ навчалися!"... Какъ ни незначительны эти имѣющіяся у насъ данныя относительно интеллектуальной жизни задунайской Сѣчи, но они показываютъ намъ, что въ ней все таки существовали и начинали развиваться задатки своеобразной культуры, задатки, заключавшіе въ себѣ очень много жизненности, такъ какъ они развивались снизу вверхъ, въ силу внутреннихъ потребностей общества и при томъ на почвѣ историческихъ народныхъ традицій. Эти задатки представляли собой въ зачаточной формѣ такое-же здоровое и вполнѣ нормальное обще-

Библиотека "Руниверс"

ственное явленіе, какимъ была въ свое время культура кіевская, сама собою естественно выросшая на почвѣ народныхъ потребностей и давшая результаты, слѣды которыхъ далеко не изгладились и до сихъ поръ. Мы говоримъ это не для того, чтобы преувеличивать указываемые нами слабые въ сущности культурные задатки задунайской Сѣчи, но чтобы показать ихъ основной *характеръ*, не могущій не имѣть для насъ важнаго значенія, въ виду возможно болѣе вѣрной оцѣнки задунайской Сѣчи, какъ историческаго явленія, бывшаго во всякомъ случаѣ продолженіемъ ненормально прерванной жизни гораздо болѣе крупной и болѣе близкой намъ козацкой общины—приднѣпровскаго Запорожья. Къ этой оцѣнкѣ мы теперь и приступимъ.

Мы только что сказали, что задунайская Сѣчь была продолженіемъ жизни Сѣчи приднѣпровской; это нужно понимать, разумѣется, не только въ генетическомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ совокупности всѣхъ тѣхъ жизненныхъ задачъ, которыя обусловливали начало и существованіе этихъ козацкихъ общинъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что одной изъ историческихъ и до извѣстной степени сознательныхъ задачъ запорожскаго козачества была защита себя, своей родины и отчасти даже западной Европы отъ нашествія татаръ и турокъ. Но были ближайшія причины, которыя заставляли это выдѣлившееся изъ массы народа военное сословіе переселиться за предѣлы своего отечества и жить совершенно почти изолированной общиной, отказываясь даже отъ тѣхъ преимуществъ, какія имѣло вездѣ военное сословіе въ видѣ вознагражденія за свою общественную службу. Причины эти чрезвычайно важны, такъ какъ они показываютъ намъ истинный смыслъ козацкой военной организаціи и ея ближайшіе мотивы. Они заключаются, какъ извѣстно, въ томъ, что запорожцы, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ въ основной своей массѣ, не могли выносить общественныхъ условій, тяготѣвшихъ надъ ихъ родиной, и принуждены были уходить изъ нея для того, чтобы найти себѣ возможность жить на свободѣ. Не романтически-рыцарская погоня за славой въ борьбѣ съ невѣрными, ни даже хищническое исканіе добычи, всегда впрочемъ близко граничившее съ рыцарствомъ, заставляло людей бросать свою родину и уходить на Сѣчь, а крѣпостное право, гнетъ политическій и духовный, притѣсненія національныя и т. п. Эмиграція составив-

Библиотека "Руниверс"

шая и поддерживавшая собою Запорожье была такой-же эмиграціей, какими были всѣ подобныя переселенія въ Европѣ и изъ Европы, обусловливавшіяся причинами экономическими, политическими и религіозными. Удаляясь-же изъ своего отечества на границы татарскихъ степей, прежде всего для того, чтобы *жить*, чтобы, работая только на себя, добывать себѣ средства для ежедневнаго существованія, для того чтобы не терпѣть надъ собой и своей совѣстью ничьего господства, запорожцы, разумѣется, не могли не имѣть въ виду и своей защиты какъ сзади, такъ и впереди себя, какъ отъ польскихъ жолнѣровъ, такъ и отъ татарскихъ и турецкихъ ордъ. Вслѣдствіе этого и приднѣпровская Сѣчь вовсе не должна быть разсматриваема какъ исключительно или даже главнымъ образомъ военная ассоціація, такъ какъ она вовсе не была войскомъ въ строгомъ соціологическомъ смыслѣ этого слова, т. е. не представляла собой выдѣлившагося изъ народной массы военнаго сословія, занимавшагося, въ силу принципа раздѣленія труда, исключительно войной и жившаго на счетъ народа или государства, содержавшаго его для своей защиты. Она была *прежде всего* ассоціаціей экономической, рыболовно-охотничьей, жившей продуктами своихъ промысловъ на занимаемой ею территоріи, считавшей себя немыслимой *безъ* этой территоріи, какъ мы это знаемъ и изъ историческихъ народныхъ пѣсенъ и изъ историческихъ документовъ о препирательствахъ за „вольности“, т. е. за запорожскія земли съ русскимъ правительствомъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Военная-же организація Запорожья, вызванная сначала простою потребностью въ защитѣ, а затѣмъ обусловливавшаяся политическимъ давленіемъ со стороны Польши, а потомъ Россіи, было явленіемъ уже второстепеннымъ, зависѣвшимъ не столько отъ внутреннихъ соціальныхъ причинъ, сколько отъ мотивовъ внѣшнихъ, явленіемъ въ значительной степени вынужденнымъ, существовавшимъ въ видѣ компромисса для огражденія, пока было возможно, своей подъ конецъ уже призрачной свободы... Въ качествѣ такой цѣльной экономической общины, Запорожье несомнѣнно имѣло всѣ данныя для своего дальнѣйшаго развитія, для перехода къ болѣе сложному земледѣльческому хозяйству, для постепенной переформировки сообразно съ требованіями времени и культуры, для превращенія въ обыкновенную нормальную общественную группу, со всѣми шансами очень

Библиотека "Руниверс"

прогрессивнаго существованія. Тѣ явленія, которыя повидимому мѣшали этому, какъ напр. удаленіе изъ Сѣчи женщинъ, наклонность къ разнаго рода хищническимъ набѣгамъ и т. п., эти явленія еще при жизни Запорожья начинали уже замѣтно сглаживаться путемъ образованія вокругъ Сѣчи многочисленныхъ слободъ, населенныхъ семьями запорожцевъ и другихъ ушедшихъ изъ Украйны людей, путемъ все болѣе и болѣе начинавшаго развиваться земледѣльческаго хозяйства, занятіе которымъ въ большихъ размѣрахъ, какъ извѣстно, было даже поставлено въ вину запорожцамъ манифестомъ объ уничтоженіи Сѣчи (14 авг. 1775 г.), путемъ наконецъ все большаго и большаго развитія гражданственности. Однимъ словомъ, мы врядъ-ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что Запорожье могло имѣть свою историческую будущность, само собою разумѣется, не беря во вниманіе государственныхъ условій близь-лежащихъ странъ и даже своей метрополіи...

Въ одинаковой, если не въ большей еще степени, мы находимъ тѣ-же существенныя черты и въ только что разсмотрѣнной нами исторіи задунайской Сѣчи. Припоминая все нами сказанное, припоминая то, что запорожцы, уходя изъ Россіи, хотѣли „*земли* заслужити, абы у волности хочъ віку дожити“, что землю эту „дарували одъ Дністра ажъ до Богу“, но „дарували, дарували та й назадъ одібрали“, „козацькую землю на вражихъ панівъ роздали“, а самыхъ „козаченьківъ на Кубань ріку заслали“, козаченьки-же „тамъ не схотіли жити, посідали на лодочки та й за Дунай махнули“ и послѣ неудачной попытки найти себѣ землю у нѣмецкаго цесаря, нашли ее наконецъ у турецкаго султана, припоминая все это мы видимъ, что, кромѣ желанія „у волности хочъ віку дожити“, главнымъ и основнымъ желаніемъ и *цѣлью* уходившихъ запорожцевъ была прежде всего *земля*, т. е. именно то, что составляло предметъ исканій всѣхъ народныхъ эмиграцій на свѣтѣ и составляетъ предметъ тщетныхъ вожделѣній и стремленія къ переселеніямъ и нашего народа и по сей день. Мы видимъ, что, получивши или правильнѣе говоря, отвоевавши себѣ землю, запорожцы сейчасъ-же основались въ видѣ правильной рыболовной общины или союза общинъ и, давая у себя пріютъ всякому бѣжавшему отъ разныхъ притѣсненій люду, начали жить не какъ какая нибудь наемная нѣмецкая гелейта, или хищническое племя, а какъ совсѣмъ

Библиотека "Руниверс"

благоустроенное общество, развивавшее у себя и начало гражданскаго равенства, и болѣе или менѣе правильный экономическій бытъ, и даже извѣстную умственную культуру. Помимо пріюта всякому гонимому тогдашними общественными порядками „бурлацтву", всякимъ „забіглимъ душамъ" изъ Украйны, пріюта, давать который задунайская Сѣчь не только считала своей нравственной обязанностью, но и необходимымъ условіемъ своего существованія, помимо этого она группировала возлѣ себя цѣлыя слободы семейныхъ людей —райи, которую надѣляла землей и держала подъ своей военной защитой. Многіе изъ козаковъ были женаты и жили съ своими семьями въ райѣ, Сѣчь-же являлась только центральнымъ пунктомъ всего козачьяго населенія и мѣстопребываніемъ неженатыхъ людей— бурлацтва. Развитіе семейной жизни между козаками было по всей вѣроятности одною изъ главныхъ причинъ выдѣленія нѣкоторыхъ лицъ изъ общиннаго куреннаго хозяйства и появленія рядомъ съ нимъ цѣлой группы частныхъ хозяйствъ, но это выдѣленіе, какъ извѣстно, всегда почти связанное съ переходомъ къ болѣе усовершенствованнымъ формамъ хозяйства, и въ этомъ случаѣ было связано съ переходомъ отъ охотничьяго быта къ земледѣльческому и, во всякомъ случаѣ, далеко не успѣло еще сложиться въ какую нибудь настолько опредѣленную форму, чтобы мы могли видѣть въ немъ прочное и органическое уклоненіе отъ принципа даже общинности. До извѣстной степени такого рода уклоненіе мы замѣчаемъ впрочемъ въ фактѣ появленія частныхъ рыболовныхъ заводовъ рядомъ съ общественными; но не говоря уже о томъ, что эти частные заводы, какъ мы видѣли, имѣли все таки болѣе характеръ товариществъ, чѣмъ чисто личнаго предпринимательства, это явленіе принадлежитъ къ числу тѣхъ общихъ явленій, отъ которыхъ врядъ-ли было свободно хоть одно изъ извѣстныхъ намъ обществъ, не исключая даже и сохранившихъ свое общинное устройство кантоновъ Швейцаріи. Впрочемъ, какъ-бы то ни было, но всѣ эти перечисленныя нами явленія, т. е. развитіе семейнаго начала, начало перехода къ земледѣльческому хозяйству, даже выдѣленіе частныхъ хозяйствъ и промышленныхъ предпріятій — все это свидѣтельствуетъ только о томъ, что задунайская Сѣчь вовсе не представляла изъ себя какой нибудь отжившей и неспособной къ дальнѣйшему развитію общественной группы, но, напротивъ, очевидно развивалась

Библиотека "Руниверс"

и имѣла всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія въ будущемъ. Въ пользу этого говоритъ, по нашему мнѣнію, и замѣтный упадокъ въ задунайской Сѣчи военнаго духа, милитаризма и вообще военной организаціи. По окончаніи войнъ съ некрасовцами запорожцамъ не предстояло уже никакой надобности въ защитѣ отъ какихъ-бы то ни было враговъ, военный-же строй, поддерживавшійся только въ силу обязательствъ передъ турецкимъ правительствомъ, какъ мы говорили, началъ естественно слабѣть и даже очевидно становиться тягостью, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для очень многихъ уже изъ состава Сѣчи, уступивши мѣсто болѣе мирнымъ наклонностямъ. Однимъ словомъ, жизнь задунайской Сѣчи, особенно въ послѣднее время ея существованія, доходила уже до того интереснаго для насъ момента, когда, потерявши совершенно свой военный характеръ и благодаря традиціонному невмѣшательству турецкаго правительства во внутреннюю жизнь подвластныхъ ему народовъ, давшему возможность сохраниться общинному быту южныхъ славянъ и до сихъ поръ, задунайская Сѣчь имѣла шансы превратиться въ оригинальную, совершенно самобытно и свободно развившуюся украинскую колонію.

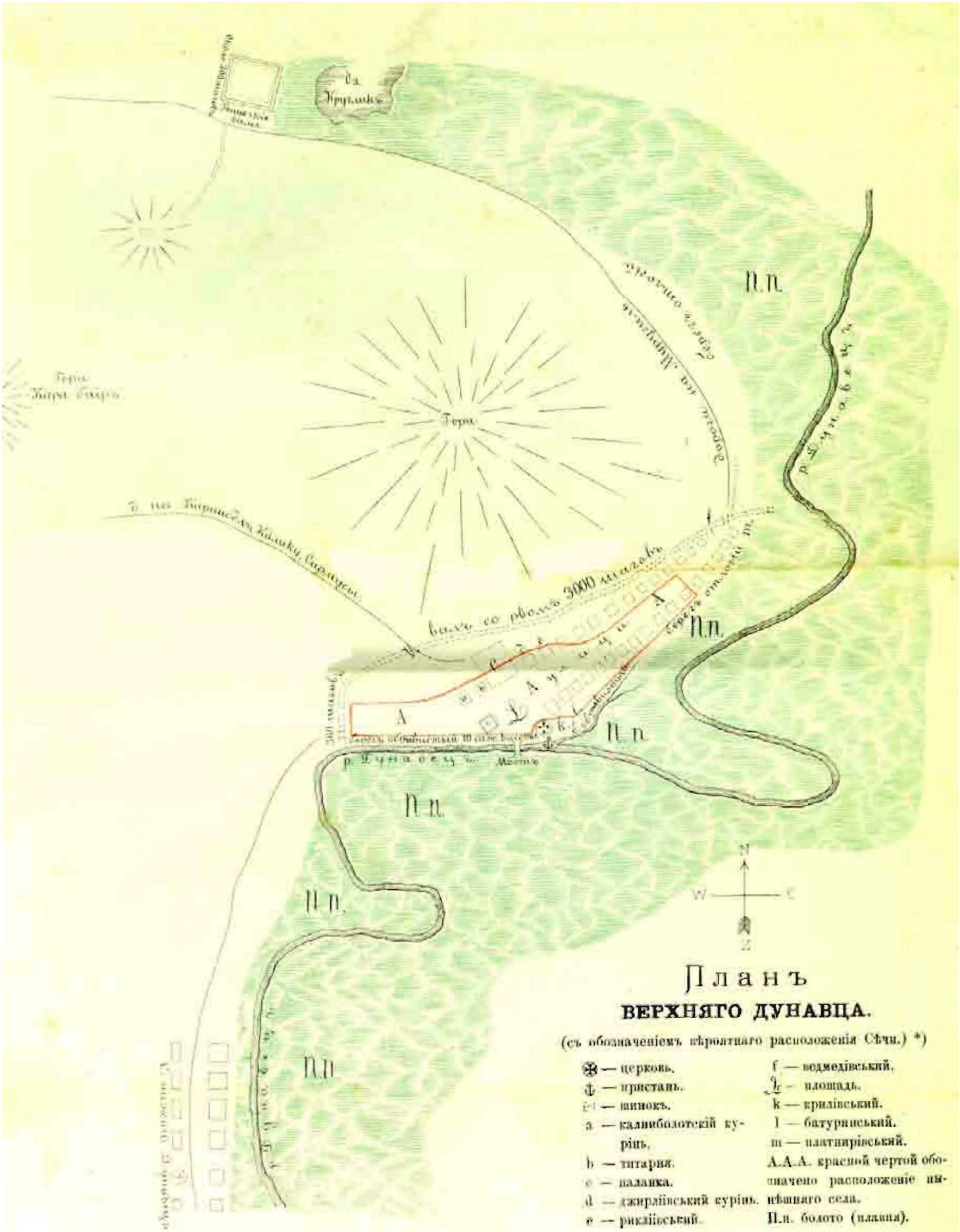
Но мы знаемъ, что въ условіяхъ существованія задунайской Сѣчи былъ одинъ факторъ, котораго было достаточно для того, чтобы нарушить весь ходъ ея естественнаго развитія,—это ея фальшивое положеніе въ политическомъ отношеніи. Мы видѣли, что, начиная отъ момента, когда Калнишевскій не позволилъ своимъ запорожцамъ „на башті стати“, чтобы сопротивляться разрушенію Сѣчи, и кончая переходомъ Гладкаго въ 1828 г., фальшь эта, выражавшаяся, по словамъ народной пѣсни, въ необходимости „на віру“ или „братъ на брата бити“, какъ красная ниточка проходитъ сквозь всю исторію задунайской Сѣчи... И по всей вѣроятности, въ теченіи всего времени существованія Сѣчи за Дунаемъ, врядъ-ли былъ хоть одинъ моментъ, когда-бы эта фальшь забывалась и не давала-бы себя чувствовать, не возбуждала-бы въ запорожцахъ желанія какъ нибудь отъ нея отдѣлаться. Мы видѣли признаки этого во время русско-турецкой войны 1809 г., во время сербскаго возстанія, во время возстанія Греціи за независимость, наконецъ передъ войною 1828 г. Каждое изъ этихъ событій несомнѣнно вызывало хоть у небольшой части товарищества, если не

Библиотека "Руниверс"

попытку, то, по крайней мѣрѣ, желаніе ухватиться даже за призрачную возможность выйти изъ этого своего фальшиваго положенія и основаться опять въ Россіи на тѣхъ-же свободныхъ началахъ, ради которыхъ они ушли оттуда и терпѣли это свое положеніе въ Турціи. Но мы знаемъ, чѣмъ могли кончаться и чѣмъ кончались эти попытки, понятно, логически невозможныя при тогдашнемъ строѣ русской государственной жизни. А, между тѣмъ, эти постоянныя колебанія между фальшью своего положенія и стремленіемъ къ свободѣ не могли не отразиться и на внутреннемъ состояніи общины, не могли не производить извѣстнаго рода деморализаціи, не могли не понижать уровня политическихъ и соціальныхъ идеаловъ и неизбѣжно вели къ тому внутреннему разложенію, признаки котораго были нами указаны выше. Очень можетъ быть, что все это естественно улеглось-бы и, ведя къ уничтоженію военнаго характера Сѣчи, даже посодѣйствовало-бы къ ея трансформаціи къ лучшему, но новая война и ударъ, нанесенный Гладкимъ, прекратили наконецъ сразу весь этотъ процессъ вмѣстѣ съ существованіемъ самой Сѣчи. Разъ-же общинная сѣчевая организація была разрушена, разрушилась и связь между тѣми достаточно еще многочисленными осколками Сѣчи, которые оставались еще за Дунаемъ, и, вмѣсто общественно-организованной украинской колоніи, мы находимъ теперь въ Добруджѣ только разрозненныя, ничѣмъ почти между собою не связанныя группы руспацкихъ семей... „Яки теперъ запорожци!?—говорилъ намъ со вздохомъ старый Остапъ Далчукъ; теперъ уже таки запорожци, що якъ не пустять у хату, то й за порогомъ постоимо... Оттаки теперъ запорожци!“...

Должно быть такая уже судьба нашего украинскаго народа. По сдѣлавшейся теперь общепринятою и вполнѣ вѣрной исторической теоріи, каждый народъ пользуется такимъ общественнымъ и политическимъ строемъ, какой онъ самъ создалъ себѣ всей своей исторической жизнью, своимъ культурнымъ развитіемъ и т. п. Но бываютъ случаи, когда народъ совершенно независимо отъ себя, подчиняясь force majeure разныхъ внѣшнихъ стимуловъ, попадаетъ въ совершенно чуждыя для него соціальныя и политическія условія... Исторія задунайской Сѣчи представляетъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ такихъ случаевъ и можетъ служить въ миніатюрѣ прекраснымъ примѣромъ того, какъ непрочно и гибельно бываетъ вся-

Библиотека "Руниверс"



План
ВЕРХНЯГО ДУНАВЦА.

(съ обозначеніемъ вѣроятнаго расположенія Сѣчи.) *)

✠ — церковь.	f — ведмедівський.
⚓ — пристань.	▱ — площадь.
⊓ — шинокъ.	k — крилівський.
a — калиболотєкій курінь.	l — батуринський.
	m — платнирівський.
b — питарня.	А.А.А. красной чертой обозначено расположеніе нѣшняго села.
c — паланка.	
d — джирліївський курінь.	
e — рикліївський.	П.п. болото (плавня).

*) Постройки прежней Сѣчи обозначены пунктиромъ. Шинокъ находится вѣроятно на старомъ мѣстѣ. Церкви теперь нѣтъ.

Между западнымъ валомъ и пристанью берегъ Дунавца обрывистый, саженей около 10 вышины, затѣмъ отъ пристани, обрывъ продолжается къ С. В, постепенно уменьшаясь и скоро переходя въ отлогій спускъ къ плавнѣ.

Библиотека "Руниверс"

с. Верхній Дунавець (на лѣвомъ б. Сѣв.)

Библиотека "Руниверс"

кое, вольное или невольное, уклоненіе всякаго общества отъ своего естественнаго пути въ ту среду, принципы существованія которой по тому или другому противоположны съ принципами существованія этого общества. Украинѣ не разъ въ теченіи ея исторической жизни приходилось испытывать такія уклоненія: связывала ее судьба съ феодально-аристократической и клерикальной Польшей... пробовала связать даже съ стихійно давившей или позволявшей давить славянство Турціей...

Но безстрастному историку, должно быть, ничего не остается болѣе, какъ стать на точку зрѣнія той вполнѣ глубокой и несомнѣнно вѣрной, хотя и совсѣмъ лѣтописной, философіи, которою заключилъ свои разсказы достойный нашей благодарной памяти Анапій Ивановичъ Коломіецъ, послѣдній дунайскій запорожецъ: „а усе знаете—отъ якъ бачите, якій уже вікъ на світі живу, усёго бачивъ, а усе я вамъ скажу: усе знаете, що далі, то неначе лучче стае... розбійства того меньше... людоідства того нема... А перше були!... А за насъ... то наше не пропаде... досі не пропало, то вже й не пропаде!... нашого насіння нихто не скоренить“...

Ѳ. Кондратовичъ.

Библиотека "Руниверс"

Волынская резолюція первой четверти XIX столѣтія.

*Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой**).*

Письмо третье.

Изъ Рима, октября дня, 1818 года.

Я въ Римѣ,—въ томъ городѣ, на которой съ изумленіемъ взирала вся вселенная; здѣсь и самые камни говорятъ, естьли кто умѣетъ ихъ спрашивать.

Я видѣлъ безсмертнаго Канову и благоговѣлъ предъ драгоцѣнными памятниками его искуства. Изъ разныхъ земель, разные люди, разными языками выражали удивленіе свое, смотря на произведенія рѣзца Праксителя нашего вѣка. А онъ предъ другими посѣтителями отдавалъ честь знатока несравненному моему благодѣтелю, русскому боярину. Оставя статуи и указывая на одинъ не совсѣмъ обдѣланный камень, Канова говорилъ: „знаете-ли, что это рѣдкость, достойная примѣчанія?“ Потомъ, удовлетворяя любопытство, продолжалъ: „сей кусокъ мрамора, въ теченіи послѣднихъ двадцати семи лѣтъ, былъ шесть разъ у меня подъ рѣзцомъ и шесть разъ оставлялъ я его въ покоѣ. Друзья графа Мирабо 1791 года просили сдѣлать бюстъ его; члены якобинскаго клуба 1794 года желали имѣть у себя подобный тому ликъ старшаго Робеспьера; марсельскіе патріоты хотѣли украсить залу собранія мраморнымъ изображеніемъ Колло-Дербоа, товарища и друга Робеспьерова; жители острова Гаити, въ честь Туссена-Лу-

---

*) См. февр. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г.

Библиотека "Руниверс"

вертюра, избавившаго ихъ отъ рабства, вздумали, чтобъ я изваялъ его статую; въ 1815 году французскій полковникъ Лабедоіеръ, съ друзьями своими, поручилъ мнѣ высѣчь изъ мрамора маршала Нея; наконецъ съ 1816 году писали ко мнѣ изъ волынской провинціи (что въ Красной Россіи) и съ крайнимъ убѣжденіемъ просили тамошніе дворяне сдѣлать истуканъ сенатора Сиверса. Чтожъ послѣдовало? Графа Мирабо за его бездѣльничество и измѣны возненавидѣлъ дворъ и народъ, а потомъ уморили ядомъ; Робеспьеръ, бичъ рода человѣческаго и одинъ изъ величайшихъ свѣта тирановъ, погибъ на эшафотѣ; Колло-Дербоа и кровопійца Ліонскій сосланъ въ Каенну и тамъ растерзанъ братьями своими — тиграми; Туссень-Лувертюръ за безвинно пролитую кровь въ Сентъ-Домингѣ удавленъ, по повелѣнію Наполеона, въ парижской темницѣ; Лабедоіеръ и Ней, оба клятвопреступники и измѣнники, разстрѣляны, а о сенаторѣ Сиверсѣ вотъ что я доложу вамъ: Волыняне прислали ко мнѣ портретъ его и хотѣли, чтобъ я изобразилъ Сиверса въ видѣ такого смертнаго, о которомъ говоритъ Горацій: Si totus illabitur orbis, impavidum fuerunt ruinae (ежели цѣлой свѣтъ разрушится, онъ безтрепетно стоять будетъ на его развалинахъ). Такова надпись на портретѣ. Не прошло трехъ недѣль, перемѣнили свои мысли и уже пожелали видѣть его во образѣ римскаго цензора Катона, съ тѣмъ, чтобы лѣвою рукою касался книги законовъ, а въ правой держалъ дубину геркулесову. Чрезъ мѣсяцъ опять требованіе - снять съ него римскую тогу, а нарядить въ старопольскій бунтушъ; чрезъ двѣ недѣли еще новое желаніе—поставить его лифляндскимъ рыцаремъ; наконецъ раздумались: просятъ оставить всѣ лишнія украшенія и изваять Сиверса въ подобіи Сенеки философа, который цѣлой вѣкъ кричалъ другимъ: убѣгайте знатности, любите бѣдность, презирайте богатство, а самъ обѣими руками хваталъ сокровища, пока палъ жертвою честолюбія. Но вотъ уже скоро два года, продолжалъ Канова, и никто изъ волынянъ о мраморной головѣ Сиверса не помышляетъ, и я не знаю, какую дать ей фигуру. Удивляюсь непостоянству характера людей, столь щедрыхъ на обѣщанія— награждать всякаго безсмертіемъ. Когда такимъ образомъ всѣ оные

Библиотека "Руниверс"

идеальные люди вырвались изъ подъ моего рѣзца, то сей отломокъ горы Паросской осужденъ мною на вѣчное необразованіе".

Канова пересталъ говорить. Нѣкоторые изъ почтеннѣйшихъ посѣтителей отозвались, что они господина сенатора Сиверса знаютъ лично, а между ими одинъ лифляндской дворянинъ, качая головою, возгласилъ: Боже мой! какія времена! и Сиверсу памятники ставятъ! Потомъ, обратясь къ Кановѣ, началъ говорить такъ: можетъ ли несравненное ваше искусство въ ваятельномъ художествѣ изобразить на мраморѣ черты души мрачной, недовѣрчивой, жестокой и часто вѣроломной? Какъ вы представите человѣка, у коего воображеніе исполнено всегда самыми страшными картинами бѣдствій человѣческихъ, а слухъ горестнѣйшимъ воплемъ отчаянія, у кого слова: оскорбленіе, притѣсненіе, наказаніе безпрестанно сверкаютъ въ разгозорахъ, у кого нѣтъ ласковаго пріема ни достоинствамъ, ни заслугѣ, ибо сердце съ самыхъ юныхъ дней ничему такому не подвержено, что возбуждаетъ въ немъ жалость или благотворительность? Можетъ-ли мраморный истуканъ вашъ имѣть на себѣ отпечатокъ такой головы, которая съ рѣдкимъ ожесточеніемъ, достигнувъ старости, отказала всѣмъ страстямъ, оставивъ при себѣ только ненависть къ человѣчеству и непомѣрное желаніе выдумывать образцы всякаго уничтоженія людей, которая смотритъ на все окружающее ее въ радужныя стекла и потому никогда не можетъ видѣть того, что есть на самомъ дѣлѣ, въ которой родятся всегда такія распоряженія, коими только одна рука случая управляетъ, у которой языкъ, щедро расточая клевету свою, употребляется на изъясненіе единственно такихъ выраженій, кои буде бы истина повелѣла раздѣть, то едва-бы одна справедливая идея отъ нихъ осталась? Удивляюсь, какія у волынянъ души, что могли приковать свою благодарность къ такому предмету. Пусть спросятъ у потомковъ рыцарей эстонскихъ: они скажутъ, кто сенаторъ Сиверсъ.—И я знаю его, отвѣчалъ не далеко насъ стоявшій, знатный литовскій помѣщикъ, графъ Осссолинскій:—случай заставилъ меня видѣть нѣкоторые черты домашней его жизни, съ такой точки зрѣнія, которая не весьма хорошее произвела во мнѣ впечатлѣніе, на

Библиотека "Руниверс"

счетъ безкорыстія господина сенатора-ревизора. 1816 года весною, проѣзжая изъ Литвы черезъ Кіевъ въ Галицію, я былъ остановленъ друзьями своими въ Житомірѣ. Волынянс, въ тогдашнемъ изступленіи ума, именовали Сиверса россійскимъ Катономъ: иди, кричали на меня со всѣхъ сторонъ, и пади предъ смертнымъ, нами боготворимымъ. Не пугайся наружности скромной и простой его жизни. Небо дало ему голову только для того, чтобы острой умъ ея и тонкая политика разорвали оковы нашего рабства; все прочее для насъ суета. Знатности не ищетъ, почестей не требуетъ, богатства не желаетъ: великій человѣкъ! На другой день пошелъ я къ нему рано чуть свѣтъ (такъ мнѣ совѣтовали). Приближаюсь къ одному дому, окруженному солдатами, и спрашиваю у нихъ:

— Что это значитъ?

— Берсжемъ сенатора Сиверса.

— Для чего?

— Такъ отъ него приказано.

— Сколько васъ?

— Отъ вечерней зари до полуночи ходитъ около дома двѣнадцать, да отъ полуночи до утренней зари тоже караулятъ домъ ежедневно двѣнадцать вооруженныхъ солдатъ.

— Всталъ-ли его превосходительство?

— Давно уже не спитъ,—и указали мнѣ дорогу въ сѣни.

Послѣ мнѣ разсказывали, что выпущенные сенаторомъ, а нашими разсѣянные слухи, якобы жизнь его находится въ опасности отъ русскихъ чиновниковъ, были причиною толико грознаго караула. Сенатскій курьеръ отворилъ мнѣ двери въ комнаты. Вхожу въ одинъ, въ другой, въ третій покой,—вездѣ пусто, даже простой скамейки нѣтъ; вездѣ, какъ въ древнемъ рыцарскомъ замкѣ, безмолвно; только вѣтеръ свиститъ въ щели разбитыхъ оконъ. Наконецъ слышу человѣческой голосъ. Иду въ гостинную, вижу въ дальней комнатѣ одного пожилаго мущину и одну съ нимъ молодую женщину, которые меня не примѣтили. Останавливаюсь; не смѣю ни впередъ, ни назадъ сдѣлать шагу—едва переважу въ себѣ духъ. Смотрю,—мущина прячетъ въ шкатулку что-то завернутое въ бумагу; слушаю, а онъ ворчитъ сквозь зубы:

Библиотека "Руниверс"

— Я забылъ, сколько бишь здѣсь денегъ, сказывалъ тебѣ Рингъ?

— Тридцать тысячъ рублей, новыми пятидесятирублевыми бумажками, на часть вашу по расчету доставшихся,—отвѣчала пригожая дѣвушка и, подпоя обшитую холстомъ паку, прибавила: здѣсь подарокъ для ея превосходительства, помнится, десять или двѣнадцать штукъ разной, но прекрасной матеріи; а вотъ жемчуги и брилліантовыя серьги, кои прислалъ Шодуаръ чрезъ Ринга для дочери вашей.

— А тебѣ что?—пробормоталъ старикъ.

— Я по милости вашей всѣмъ довольна.

Чрезъ нѣсколько дней узналъ я, что Рингъ есть радзивиловской таможни членъ, командированный въ Бердичевъ для продажи съ публичнаго торгу, подъ рукою сенатора Сиверса, безъ счету контрабандныхъ товаровъ, которые при конфискаціи ихъ были дорогія разныхъ сортовъ шелковыя матеріи, а при продажѣ силою волшебнаго аукціоннаго молотка превратились въ нанкинъ, въ ситцы и полу-ситцы и въ толстой стамедъ,—что дѣвушка есть молодая чухонка, по имени Анхенъ, безъ которой сенаторъ дышать не могъ и которую многіе изъ волынянъ цѣловали въ руки, заставляя женъ своихъ возить съ собою въ каретѣ на редуты и касино, и что Шодуаръ есть богатѣйшій купецъ въ Бердичевѣ, у котораго передъ тѣмъ таможенный чиновникъ Корсакъ, не далѣе 50 верстъ отъ Радзивилова, остановилъ брыки съ товарами и за то, что въ нихъ найдено контрабандовъ болѣе какъ на 200,000 рублей, взялъ съ Шодуара пять тысячъ червонцевъ и возвратилъ задержанное, а хотя сенаторъ Сиверсъ въ Радзивиловѣ удостовѣрился лично о сей поимкѣ, читая дѣла и показанія присяжныхъ свидѣтелей, но для чего оное уничтожилось и почему не возобновилось слѣдствіе о злоупотребленіяхъ Шодуара, Корсака и другихъ, а напротивъ того предано все вѣчному забвенію, о томъ молчатъ волынскія хроники. Я не радъ будучи жизни, что зашелъ въ такой лабиринтъ, возвратясь назадъ въ другую комнату, стукомъ дверей далъ знать о себѣ, и меня по-

Библиотека "Руниверс"

звали въ кабинетъ. Кабинетъ, въ которомъ все мыслящее должно стонать и стыдиться, комната ничѣмъ не обитая, полъ три года не метенъ, постель неубранная, черная, одѣяло изношенное, подушки замаранныя, столъ запачканой, на столѣ безпорядочная куча бумагъ, на верху ихъ лежало выщербленное фаянсовое блюдо, въ которое подъ разбитую тарелку экономическая скупость спрятала валявшіеся остатки жаркого, отъ давности покрытаго зеленою плесенью съ мохомъ. У кровати, въ головахъ, на липовой скамьѣ лежали двѣ шкатулки, а на нихъ кусковъ двадцать шелковой и бумажной матеріи. Бѣдная чухонка—однимъ одна во всемъ домѣ; изъ ея глазъ видно было, что она исправляетъ и мужскую и женскую службу. Увидѣвъ старика среди комнаты, мнѣ показалось, что я стою въ Діогеновой бочкѣ, а не въ жилищѣ особы, толико дѣйствующей на театрѣ честолюбія и политики.

— Вы помѣщикъ?—спросилъ меня Сиверсъ.

— Такъ, ваше превосходительство.

— Конечно, хотите принести жалобу на Комбурлея?

— Нѣтъ.

— То вѣрно на губернскихъ его чиновниковъ или мѣстную полицію? Пожалуйте.

И протянулъ ко мнѣ руки. Я поклонился, пожалъ у него правое колѣно и сказалъ:

— Не имѣю никакой причины къ жалобамъ; одна только слава о безкорыстіи и правосудіи вашемъ заставила меня предстать къ вамъ, чтобъ узрѣть свѣтлое лицо безсмертнаго мужа.

Я внутренно досадовалъ на себя за подлую лесть, но чтожъ было дѣлать? Всѣ почти волынскіе помѣщики, съ низверженіемъ Комбурлея давшіе безпредѣльную надъ собою власть Сиверсу, Гижицкому, Ильинскому, Стройновскому и другимъ демагогамъ, принуждены стали влачить ихъ узы и кадить смрадные пороки утѣснителей своихъ.

Сиверсъ улыбнулся, посадилъ меня и началъ ругать Комбурлея, Хрущова, Булгарія и Ланжерона. Слова: мошенники, воры, разбойники—безпрестанно вылетали изъ устъ его.

Библиотека "Руниверс"

Что шагъ, кричалъ онъ, то находилъ я преступленіе, что шагъ, то вопль народный оглушалъ меня. Я раззорилъ гнѣздо крамолы, разрушилъ силу утѣсненія, выгналъ Комбурлея изъ губерніи, удалилъ всѣхъ чиновниковъ, посадилъ на ихъ мѣста вашихъ единоземцевъ, сдѣлалъ начальникомъ Гижицкаго, возстановилъ свободу вашихъ правъ, искоренилъ мздоимство, преградилъ ввозъ контрабандовъ и собратьямъ вашимъ доставилъ найлучшую повсюду репутацію. Теперь блаженствуйте и наслаждайтесь плодами трудовъ моихъ.

Слушая сіи слова, всякъ, кому не удалось быть въ послѣдніе три года въ Житомірѣ, Бердичевѣ, Дубнѣ, Луцкѣ, Радзивиловѣ и въ другихъ мѣстахъ волынской губерніи, ни мало бы не подозрѣвалъ сенатора Сиверса въ томъ, что онъ говорилъ сущую неправду; но я,—продолжалъ Оссолинскій,—совершенно знаю, что Волынь теперь представляетъ страшныя противуположности: въ ней столько проповѣдниковъ свободы, что куда не поглядишь, вездѣ видать рабство, столько патріотовъ, что вовсе никакой нѣтъ любви къ отечеству, столько правителей, чиновниковъ и судей, что нѣтъ никакого правосудія, никакой управы, никакого порядка, столько филантропическихъ пожертвованій, что нищіе ходятъ толпами, столько во всѣхъ мѣстахъ контрабандовъ, что купцы сидятъ въ лавкахъ безъ всякой торговли, наконецъ столько ябедниковъ, что судебныя мѣста всѣ пустые, а селенія наполнены слѣдователями. Вотъ въ какомъ положеніи сенаторъ Сиверсъ оставилъ волынскую провинцію; водворивъ въ ней всякаго рода безпорядки, онъ выманулъ у обольщенной публики славу, что искоренилъ злоупотребленія. Нельзя равнодушно слушать, какъ кричатъ волынскіе обыватели, желая возвращенія 1812 и 1813 годовъ, кои для нихъ гораздо были счастливѣе, нежели нынѣшніе. Что думать о такомъ управленіи губерніею, подъ которымъ радуются общественнымъ несчастіямъ! Проѣзжая недавно черезъ Волынь, я имѣю подробное свѣдѣніе о всѣхъ тамошнихъ происшествіяхъ и заключаю мой разговоръ увѣреніемъ васъ, что престолъ волынской интриги противу Комбурлея утвержденъ только на жертвенникѣ личнаго мщенія, гдѣ льстецы, клеветники и доносчики день и

Библиотека "Руниверс"

ночь курили ѳиміамъ передъ сенаторомъ Сиверсомъ, а то для того, чтобъ корыстолюбіе и любостяжаніе могло легче пускать корни свои подъ самымъ жертвенникомъ. Вотъ что значитъ теперь на Волыни превозносимая Сиверсомъ свобода:—угнетать и необходимость терпѣть угнетеніе!

Оссолинскій умолкъ, а мой несравненный благодѣтель и начальникъ, дотолѣ наблюдавшій строгое молчаніе, пресѣкъ оное и сказалъ: „изо всего я заключаю, что зависть, какъ не грызетъ Комбурлеевъ истуканъ, а онъ бронзовый“.

Слушая съ великимъ вниманіемъ сіи разговоры, я такъ твердо напечатлѣлъ ихъ въ моей памяти, что, пришедши домой, внесъ отъ слова до слова въ книжку, въ число важныхъ статей о волынской революціи, и вмѣсто предисловія помѣстилъ ихъ въ началѣ сего третьяго моего письма, разсуждая о мірскихъ дѣлахъ такъ: что возбуждаетъ удивленіе и восторгъ въ однихъ, то для другихъ быть можетъ предметомъ смѣха и презрѣнія.

Обратимся къ волынскимъ происшествіямъ 1815 года. Я уже познакомилъ васъ, милостивая государыня, съ сенаторами Ильинскимъ, Стройновскимъ и Ворцелемъ, также съ генераломъ Гижицкимъ и со многими волынскими дворянами. Вы видѣли, какъ черная змѣя ожесточенной злобы грызла у нѣкоторыхъ изъ нихъ внутренность; вы замѣтили, какъ блѣдная зависть, косыми глазами ихъ день и ночь глядѣла, чтобъ высмотрѣть пятна въ Комбурлеѣ. Посмотрите теперь въ особенности на Гижицкаго, когда послѣдовало дозволеніе быть ему губернскимъ маршаломъ. Не вступая въ должность, онъ бѣжитъ на контракты въ Кіевъ. Уже входитъ въ залу контрактовую, гдѣ изъ разныхъ губерній было многочисленное собраніе дворянъ. Снѣдаемый честолюбіемъ бѣдняк воображалъ себѣ, что всѣ кинутся обнимать и цѣловать его, но толпа, при его входѣ, не только не раздвигается, но даже и не примѣчаетъ его. Нашъ мученикъ суетныхъ желаній трепещетъ отъ злости и утѣсняемый тяжестію долговъ влечется впередъ. И къ непзреченной радости своей находитъ собранныхъ въ одну кучу волынянъ, друзей своихъ: Гостынскаго, Домбровскаго, Павшу, Букаря, Стецкаго и всѣхъ почти повѣтовыхъ маршаловъ. Ильин-

Библиотека "Руниверс"

скій стоялъ среди ихъ въ золотѣ и брилліантахъ; все на немъ блистало, кромѣ души. Посмотрите, посмотрите, какъ онъ хватаетъ обѣими руками колѣна у богатаго шляхтича Сабинскаго, какъ онъ цалуетъ въ плечо другаго шляхтича—Креза Ярошинскаго и, увидѣвъ издали простой масти, но туза Завишу, какъ онъ кланяется ему въ поясъ. Вы скажете: какая подлость! сенаторъ, графъ, обвѣшанный орденами, осыпанный звѣздами, не обращающій никуда глазъ, кромѣ на небо, пресмыкается у ногъ шляхты. Не удивляйтесь! Они милліонщики, а ему надобно сорокъ тысячъ червонныхъ. Тутъ Гижицкій съ своими друзьями берутся помогать Ильинскому. Расходятся по залѣ, хлопочутъ, бѣгаютъ по всѣмъ угламъ и очаровательными словами превозносятъ подвиги Ильинскаго, а вмѣстѣ и свое намѣреніе освободить польскія провинціи отъ русскихъ чиновниковъ, напослѣдокъ читаютъ и всякому любопытному раздаютъ копіи записки, составленной Гостынскимъ и отправленной сенатору Стройновскому въ Петербургъ. Въ ней, кромѣ неимовѣрно дерзкаго нареканія на губернское и мѣстное начальство, было помѣщено и то, будто-бы Комбурлей, во время собранія дворянъ на выборы, держалъ ихъ нѣсколько недѣль въ Житомірѣ для того, чтобъ, забавляя спектаклями, могъ выручаемою за то суммою содержать музыку и пѣвчихъ. Все, что читаетъ въ Кіевѣ, читало сію клевету; все, что мыслитъ, судило объ ней; все, что чувствуетъ, приходило отъ нее въ негодованіе. Подольскіе, кіевскіе и другихъ губерній помѣщики громко хохотали и въ одинъ голосъ говорили: „мы знаемъ Комбурлея; онъ не Ильинскій, чтобъ босыхъ музыкантовъ и голыхъ актеровъ обувалъ и одѣвалъ на счетъ шляхты“. Самъ Гостынскій, Залескій и Букаръ смѣялись такой глупости, но смѣхъ ихъ уподоблялся страшному зіянію мильтоновыхъ ангеловъ потеряннаго рая. Итакъ, записка не имѣла дѣйствія и сочинитель ея осмѣянъ.

Теперь прошу васъ, милостивая государыня, вновь послушать, что говорилъ мнѣ о продолженіи волынской революціи тотъ изъ русскихъ чиновниковъ, съ которымъ я познакомилъ васъ въ первомъ письмѣ моемъ. Онъ началъ такъ: естьли-бы Комбурлей въ 1814 году былъ ангелъ во плоти, а не человѣкъ, то и тогда-

Библиотека "Руниверс"

бы нашлись въ губерніи люди, готовые роптать на него и жаловаться. Вообразите обстоятельства того времени. Наполеонъ палъ, Понятовскій погибъ, громъ брани умолкъ, штыкъ русскій вылѣчилъ Варшаву отъ консульсій, Александръ въ стѣнахъ Парижа, армія польская на пиру у Плутона. Какая-жъ волынянамъ оставалась надежда быть республиканцами? Къ тому-жъ представьте, что дворяне сыты и пьяны, жены кокетки и интриганки, дѣти воспитанники французскаго безбожія. Куда-жъ было имъ обращаться съ своими червонцами, съ своимъ безстыдствомъ? Явились на сцену Ильинскій, Стройновскій, Гижицкій, Гостынскій и начался переворотъ, служащій неложнымъ доказательствомъ безхарактерности тѣхъ, кои всегда плавали и плаваютъ по волѣ мнѣній и обстоятельствъ. Предлогомъ конфедераціи избрали природную ненависть къ русскимъ. Напрасно газеты по всей Европѣ возглашали, что съ возстановленіемъ Царства Польскаго два сососѣдственные народы соединятся неразрывнымъ узломъ братства. Сарматы думали, думаютъ и всегда думать будутъ, что мы русскіе желаемъ имъ зла. Но они ошибаются. Зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ, а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Другая причина закоренѣлой вражды есть духъ непокорности. Боже сохрани васъ сказать послѣднему лабею шляхтичу, что онъ не принадлежитъ къ свободной націи: онъ радъ перенести сто ударовъ плетью, съ тѣмъ только, чтобъ положили его на коврѣ, а не на голой землѣ, нежели слышать такую обиду. Слово „вольный народъ“ точно такъ берегутъ поляки, какъ пиціе свои раны. Назовите шляхтича—водовоза, кучера, ремесленника, камердинера и подобныхъ сему слугъ собственнымъ именемъ по его званію и не прибавьте прилагаемаго ими слова *панъ*, тотчасъ увидите страшную перемѣну въ его лицѣ. Мнѣ самому случилось однажды пастуха-шляхтича назвать просто по имени—Войцехъ. Онъ обидѣлся и съ жаромъ мнѣ отвѣчалъ: „вы знаете, что у древняго нашего царя Леха первый дворо совѣтникъ пасъ свиней; что-жъ за бѣда, что я пасу господскихъ воловъ, а я все таки панъ Войцехъ!“. Когда такъ отзываются пастухи, то что сказать объ экономахъ, рахмистрахъ, коммисарахъ,

Библиотека "Руниверс"

арендаторахъ, поссесорахъ, дѣдичахъ и магнатахъ? Естьли засѣдатель, исправникъ, городничій, совѣтникъ и самъ даже губернаторъ, разговаривая съ бывшимъ когда-то маршаломъ, не скажетъ: ясне-вельможный маршалу,—онъ сочтетъ за обиду,—естьли на конвертѣ письма не будетъ прописанъ весь титулъ его, прійметь это за большую еще обиду, а естьли не будетъ добавлено: пану добродзѣеви, тогда сдѣлается совершеннымъ врагомъ тому, кто къ нему пишетъ. За то и они чрезвычайно деликатны. Губернатора и вице-губернатора всегда величаютъ графами, къ совѣтнику не пишутъ титула на конвертѣ иначе, какъ полковнику войскъ россійскихъ, ассесора не назовутъ, какъ совѣтникомъ, а секретаря ротмистромъ кавалеріи; когда-жъ имѣютъ къ кому дѣло, то титулы у нихъ ростутъ, какъ грибы, и всякаго жалуютъ кавалеромъ. Для чего вы такъ дѣлаете?—многіе изъ русскихъ ихъ спрашивали. У всѣхъ одинъ отвѣтъ: лучше прибавить, нежели убавить,—разумѣется, когда это не стоитъ ни гроша. Грузомъ таковыхъ и симъ подобныхъ мечтательныхъ обидъ наполнивъ сердца свои, волыняне, когда въ другихъ царствахъ кровавая брань утихала, объявили войну губернскому и полицейскому начальству, а чтобъ имѣть на своей сторонѣ выгоду, открыли спектакль и начали играть комедію, подъ названіемъ „Ябеда“. Роли розданы, выучены, но не всѣми артистами вытвержены. Въ три года едва могли сыграть четыре дѣйствія, пятое отыгриваютъ въ столицѣ. Вамъ уже извѣстно, какъ въ первомъ дѣйствіи не акредитованные послы не бывалаго народа приносили верховному правительству несбыточныя жалобы и какъ проповѣдники отъ стороны ихъ разсказывали въ столицѣ о бѣдствіяхъ претерпѣваемыхъ волынянами отъ русскихъ чиновниковъ. Знаете вы уже и о первыхъ явленіяхъ втораго дѣйствія и о всемъ, что происходило до того времени, какъ получено на Волыни извѣстіе, что назначенъ особенный ревизоръ. Теперь услышите о дальнѣйшихъ сценахъ.

Протекли контракты кіевскіе 1815 года и всепоѣдающее время стерло злымъ зубомъ своимъ новый умыселъ волынскихъ мятежниковъ: не удалось ни Ильинскому, ни Гижицкому выманить ни у кого ни гроша. Но интрига горитъ и безъ денегъ, въ

Библиотека "Руниверс"

опасности потухнуть; чтожъ дѣлаютъ? Возвращается Гижицкій въ Житоміръ, вступаетъ въ должность, угощаетъ великолѣпными обѣдами Комбурлея и всѣхъ русскихъ чиновниковъ, между тѣмъ забываетъ священную свою обязанность и, поправъ законъ, употребляетъ во зло довѣренность къ нему дворянства. Договаривается съ повѣтовыми маршалами и даетъ имъ секретнѣйшія отношенія согласить помѣщиковъ, чтобъ по десяти копѣекъ, разумѣется серебромъ, съ души пожертвовали они на дѣло общественное, то есть на интригу противъ Камбурлея и на изгнаніе русскихъ чиновниковъ. Не явный-ли поджогъ къ возстанію дворянъ противу правительства, не сущій ли мятежъ? А чтобъ ослѣпить близорукія глаза наружною дѣятѣльностію, то на счетъ оной беззаконной складки приглашаются въ маршальскую канцелярію двадцать человѣкъ писцовъ,—ни одного русскаго, всѣ изъ шляхты,—заводится необычайная переписка съ повѣтовыми маршалами, градскими и земскими полиціями, а въ губернское правленіе и въ казенную палату посылаются безпрестанныя требованія. Напримѣръ: для чего учреждены такіе-то поборы? Сколько дворянскихъ имѣній въ опекѣ? Сколько недоимки сложено? Какіе и отъ кого изъ дворянъ поступили жалобы и что по онымъ сдѣлано? Для чего обывателямъ не заплачено по квитанціямъ за провіантъ денегъ? Сколько у кого взято, и прочее, и прочее. Самъ Гижицкій всякой день у генералъ-губернатора: то увѣряетъ его въ своей къ нему преданности, то требуетъ съ наглостію отрѣшить исправниковъ Фаеріуса, Царенка и Калашникова, болѣе прочихъ отличившихся, совѣтниковъ осыпаетъ поцѣлуями и, встрѣчаясь съ вице-губернаторомъ или прокуроромъ, хватаетъ ихъ за руки и не отпускаетъ, пока не дадутъ слова у него обѣдать. Между тѣмъ тощій Ильинскій сидитъ, запершись въ романовскомъ замкѣ, и мучится страхомъ, что начальство за платежъ банковаго долга, за неисправность суконной фабрики сегодня, завтра осеквеструетъ его имѣніе и мишурнаго царя сгонитъ съ его карточнаго престола. Вдругъ промчался слухъ, что ревизоромъ на Волынь назначенъ сенаторъ Сиверсъ. Поляки ахнули, русскіе чиновники вздохнули. Зло всегда сопровождается предчувствіями. Отъ Стройновскаго, отъ Ворцеля эстафетъ за эста-

Библиотека "Руниверс"

фетомъ изъ Петербурга, отъ Гижицкаго нарочный за нарочнымъ къ маршаламъ, отъ Ильинскаго козакъ за козакомъ къ Букарю, Гостынскому и къ другимъ ревностнымъ служителямъ крамолы волынской. Разъѣзжаютъ маршалы по повѣтамъ, приглашаютъ къ себѣ своихъ приближенныхъ, навѣдываются о общественномъ мнѣніи и, видя, что первыя безпокойства утихли, а не угасли, собираютъ къ себѣ отовсюду людей, отправляющихъ честное ремесло наемныхъ ораторовъ, кои не дорого брали за то, что и перо и языкъ продавали неправосудію, клеветѣ и всякому, кто хотѣлъ платить за употребленіе во зло дарованій. Сіи разсыпаются по домамъ извѣстныхъ помѣщиковъ, изрыгаютъ хулу на Комбурлея, украшаютъ ложь вымыслами и увѣряютъ, что Ильинскаго, Стройновскаго, Ворцеля, Гижицкаго и прочихъ ревностнѣйшихъ поборниковъ о благѣ Волыни Комбурлей передъ верховнымъ правительствомъ описалъ самыми черными красками, а дворянъ выставилъ за бунтовщиковъ. Разсказываютъ о готовности русскихъ чиновниковъ ко всякому роду мщенія и клянутся, что естьли не поспѣшатъ низложить Комбурлея, то вся губернія потерпитъ наказаніе, запретятъ на десять лѣтъ выборы, опредѣлятъ дожизненныхъ предсѣдателей и судей и отъ герольдіи, пришлются чиновники во всѣ мѣста земской полиціи. Но буде раздерутъ завѣсу безпечности, скрывающую несчастныя послѣдствія отъ глазъ ихъ, и станутъ Ильинскому, Гижицкому, Стройновскому и Ворцелю общими силами споспѣшествовать къ достиженію предположенной ими спасительной цѣли, то истребится тиранство, падетъ Комбурлей, исчезнутъ русскіе чиновники и вся полиція достанется въ наши руки. Тогда, говорили, вольный народъ, носившій двадцать три года оковы рабства, начнетъ дышать свободно. Не опасайтесь прежней силы магнатовъ нашихъ и не страшитесь, что, разорвавъ узы, погибнемъ отъ безвластія. Вамъ небезъизвѣстно, что хотя вольность когда начнетъ ходить одна, всегда падаетъ, но за то каждое паденіе научаетъ ее и каждый шагъ укрѣпляетъ ее. Пожертвуйте теперь малымъ, чтобъ стяжать великое. Комбурлей не тотъ, что былъ прежде. Дни его счастія и славы тогда еще прошли, какъ жалобы Ильинскаго и Гижицкаго милостиво

Библиотека "Руниверс"

приняты. Мы и для него все дѣлали, пока требовала того наша польза. Теперь нѣтъ въ немъ надобности. Пусть всѣ и вездѣ называютъ его честнымъ и правосуднымъ, уже помочь ему не могутъ. Самая добродѣтель, часто превозносимая похвалами, увядаетъ, какъ цвѣтъ, часто палимый солнечными лучами. Выбирайте одно изъ двухъ: или, оставшись другомъ Комбурлею, быть посмѣшищемъ въ обществѣ, или, сдѣлавшись врагомъ его, участвовать въ славѣ патріотизма. Не забывайте, что восходящее солнце болѣе имѣетъ поклонниковъ, нежели заходящее.

Таковымъ и тому подобнымъ наемнымъ стремленіемъ мятежныхъ слововыраженій не только умы развращенные въ своихъ понятіяхъ и сердца развращенныя въ своихъ чувствованіяхъ, но даже самыя твердыя души скромныхъ и спокойныхъ помѣщиковъ приводимы были въ судорожное движеніе. Такъ! вода, наполняющая сосудъ, вдругъ не выливается, а надобна лишняя капля. Надобно, чтобъ пріѣхалъ въ губернію сенаторъ Сиверсъ, который у волынянъ былъ въ одно время и наружнымъ идоломъ, и слѣпымъ орудіемъ, и свирѣпою игрушкою. И вотъ онъ уже не далеко, за сто двадцать пять верстъ отъ Житоміра, въ Овручѣ. Но что есть Овручь? Этотъ городъ и цѣлой повѣтъ овруцкій есть логовище дикой шляхты, вмѣстилище ябедниковъ и вертепъ разбойниковъ. Сюда пріѣзжаютъ не только изъ повѣтовъ волынской, но изъ минской, подольской и кіевской губерній покупать свидѣтелей. Десять, двадцать, тридцать достанете во всякое время. Они подъ присягою будутъ говорить, что видѣли собственными глазами, какъ вы зарѣзали такого-то и такого-то человѣка, какъ вы ограбили такую и такую-то церковь, какъ вы разбили лавку и какіе именно взяли въ ней товары. Берутъ за криво-присяжство недорого—по два рубля серебромъ на человѣка и кормъ хозяйскій. Симъ ремесломъ такъ прославился повѣтъ овруцкій, что естьли случится тамошняго феникса, добросовѣстнаго дворянина (что очень, очень рѣдко бываетъ) спросить, изъ котораго вы повѣта, онъ тотчасъ покраснѣетъ и запинаясь отвѣтствуетъ: вездѣ есть добрые люди—я.... изъ.. овруцкаго. Сей повѣтъ волынской губерніи былъ первый по пути, куда пріѣхалъ сенаторъ Сиверсъ.

Библиотека "Руниверс"

Знатнѣйшее дворянство, коего родоначальники всѣ почти извѣстны смоленской секретной слѣдственной коммисіи, собрались въ домѣ городничаго. Маршалъ Павша, лишившійся почти всего имѣнія за измѣну родныхъ братьевъ и собственное свое клятвопреступленіе, первый встрѣтилъ сенатора рѣчью, наполненною лестью и похвалою еще никому неизвѣстному правосудію ревизора и хулою произнесенною на Комбурлея и чиновниковъ. Сей самый маршалъ Павша чрезъ нѣсколько дней потомъ, услышавши о побѣгѣ Наполеона изъ острова Эльбы въ Парижъ, дѣлалъ нарочно для сего праздникъ и на ономъ, отзываясь передъ всею публикою презрительнымъ образомъ о властяхъ предержащихъ, пилъ здоровье французскаго императора, покровителя поляковъ. Исправникъ, по учиненіи слѣдствія, донесъ начальнику губерніи; сей комитету министровъ, и его, раба Божія, велѣно за карауломъ отправить въ столицу. Онъ, узнавши о семъ, бѣжалъ и скрывался неизвѣстно гдѣ до того времени, пока сенаторъ Сиверсъ не пріѣхалъ въ Бердичевъ. Услышавъ-же, что всѣ враги Комбурлея Сиверсомъ покровительствуются, прибѣгнулъ подъ его защиту и жилъ при глазахъ его болѣе мѣсяца; но когда приключилось сенатору бездѣйствіе, онъ паки ушелъ за границу, но, по выѣздѣ Комбурлея, возвратился и могуществомъ Сиверса избавленъ отъ дальнѣйшихъ законныхъ преслѣдованій. Гижицкій секретно командировалъ въ Овручь житомірскаго хорунжаго Гржибинскаго, какъ для встрѣчи сенатора, такъ болѣе и для того, чтобъ убѣдить его, дабы по пріѣздѣ въ Житоміръ пренебрегъ квартирою, отведенною ему начальствомъ, но остановился-бы въ дворянскомъ домѣ, гдѣ и самъ губернскій маршалъ жительствуетъ. На какой-бы, вы думали, это конецъ? Дабы удобнѣе было паушничать, а въ шляхту вселить мнѣніе, будто Гижицкій такъ силенъ, что самъ сенаторъ-ревизоръ изъ уваженія къ нему не могъ отказать его просьбѣ; сія бездѣлица прибавила дерзости всѣмъ его послѣдователямъ. Между тѣмъ сенаторъ, окруженный овруцкою сволочью, равнодушно обонялъ куренія польской лести и подъ видомъ, что уклоняется великолѣпныхъ пріемовъ, остановился въ жидовской корчмѣ. Онъ хотѣлъ показать свою дѣятельность на первомъ шагу: вечеръ провелъ въ бесѣдѣ съ овру-

Библиотека "Руниверс"

чанами, а ночь употребилъ на разныя развѣдыванія о полицмейстерѣ, исправникѣ и о русскихъ другихъ чиновникахъ; призывалъ къ себѣ по одиночкѣ жидовъ—то Лейзера, то Зелика, то Боруха—и секретно спрашивалъ каждаго, каковъ Комбурлей и Хрущовъ, какъ они живутъ, кто у нихъ изъ евреевъ фактора,—хороши-ль губернскіе чиновники, берутъ-ли взятки и процес. Не довольствуясь ихъ отвѣтами, сенаторъ самъ изволилъ принимать трудъ инкогнито въ ночи посѣщать жидовскія лачужки, гдѣ каждому хозяину безъ разбора дѣлалъ тѣже вопросы, какихъ удостоивалъ почтеннѣйшихъ изъ дворянъ. Пріобрѣвъ въ Овручѣ столь дорогой запасъ свѣдѣній, отправился г. сенаторъ въ Житомиръ, сопровождаемый крикомъ шляхты: „Вивать, нашъ избавитель и отецъ?“...

На другой день по выѣздѣ его грянули вѣсти, что всѣ русскіе чиновники, губернскіе и повѣтовые, немедленно будутъ лишены мѣстъ своихъ и преданы суду. Сыскались, однако, добросердечные овручане, которые по дружбѣ совѣтовали пріятелямъ своимъ изъ чиновниковъ, не дожидаясь отрѣшенія, просить отставки, угрожая въ противномъ случаѣ неизбѣжнымъ несчастіемъ, ибо де сенаторъ ревизоръ торжественно объявилъ имъ, что не оставитъ изъ русскихъ камня на камни. 6-го апрѣля, вечеромъ поздно, прибылъ г. сенаторъ Сиверсъ въ Житомиръ и заѣхалъ прямо къ Гижицкому. Изъ старой четвероместной, ничѣмъ не обремененной кареты, кромѣ его, вышли три чиновника и четвертая молодая чухонка, извѣстная подъ именемъ Анхенъ. Гижицкій отъ восхищенія въ безпамятствѣ. Не буду вамъ говорить о встрѣчѣ, о пріемѣ, о собраніи всего того, что носитъ мундиръ—это картина обыкновенная; но нѣкоторые въ ней оттѣнки должны обратить на себя глаза. Чиновниковъ губернскихъ всѣхъ не болѣе пятнадцати, а шляхты, подъ именемъ дворянъ, было не меньше ста. По наряду нагнали въ домъ юристовъ, палестрантовъ, подсудковъ, и вся сія смѣсь, въ разницу ничего не значущая, представлена въ совокупности за обывателей волынскихъ. Было въ числѣ ихъ много и такихъ, которые отъ роду не носили шпагъ, а потому и прицѣпили ихъ къ правому боку. Вице-губернаторъ Хрущовъ поднесъ рапортъ, объяснилъ сенатору, что и самъ

Библиотека "Руниверс"

начальникъ губерніи не замедлитъ сюда пріѣхать съ поздравленіемъ о благополучномъ его прибытіи. Сиверсъ крайне засуетился: то спрашиваетъ о его здоровьѣ, то приказываетъ полицеймейстеру бѣжать и доложить генералъ-губернатору, что онъ самъ тотчасъ къ нему ѣдетъ, то подзываетъ того и другаго изъ своихъ чиновниковъ и велитъ ѣхать и сказать Михайлѣ Иванычу поклоны отъ министра Трощинскаго, отъ Василія Степановича Попова и другихъ знатныхъ особъ; самъ между тѣмъ вперивши глаза свои въ русскихъ чиновниковъ, стоялъ неподвиженъ, а Гижицкій съ язвительною на устахъ улыбкою, бѣгая изъ комнаты въ комнату и встрѣчаясь съ своими приближенными, того толкнетъ въ бокъ, другаго ущипнетъ за руку, иному покажетъ языкъ, не зная самъ, что дѣлать отъ избытка сердечнаго восторга. Наконецъ является Комбурлей и невольно обращаются глаза цѣлой публики въ ту сторону, гдѣ старшій и по чину и по первенству пожалованія сенаторскимъ достоинствомъ сенаторъ, начальникъ губерніи, встрѣчается съ сенаторомъ-ревизоромъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, начинаетъ Сиверсъ хвалить порядокъ, усмотрѣнный имъ въ губерніи. Какая прекрасная дорога, въ какой безподобной исправности всѣ мосты, черезъ кои онъ переѣзжалъ! А почтъ не видалъ онъ лучше по всему пути отъ Петербурга. Комбурлей, чтобъ не дать распространяться похваламъ, отвѣтствовалъ съ сердечнымъ движеніемъ: „Это первые признаки тѣхъ безпорядковъ въ губерніи, на кои нѣкоторые изъ дворянъ жалуются“. Обратили рѣчь въ другую сторону. Долго говорили о Петербургѣ, о знакомыхъ, о приключеніяхъ въ дорогѣ, а о настоящемъ дѣлѣ ни слова. Затѣмъ доложили сенатору, что для него очищенъ особый домъ, а въ томъ, куда его завезли, живетъ губернскій маршалъ и бываютъ собранія дворянства, слѣдовательно, быть можетъ для него квартирою безпокойною.

— Да, да,—отвѣчалъ Сиверсъ, я посмотрю.

Но трудъ былъ напрасенъ.

Скоро уѣхалъ Комбурлей, разошлись и всѣ посѣтители, оставивъ пріѣзжаго гостя съ Гижицкимъ, который во все это вечернее время не узналъ ни одного изъ губернскихъ чиновниковъ.

Библиотека "Руниверс"

На другой день слухъ пронелъ по городу, что ночью собирали въ домѣ къ Гижицкому жидовъ, съ которыми сенаторъ разговаривалъ милостиво, спрашивалъ, не имѣютъ-ли обиды отъ губернскаго или мѣстнаго начальства, не пользуется ли чѣмъ нибудь отъ нихъ Комбурлей, Хрущовъ или другіе, и буде кто изъ общества ихъ имѣетъ къ кому либо изъ чиновниковъ какую либо претензію, смѣло и безбоязненно подавали-бы къ его превосходительству просьбы, не смотря на лица и не уважая никакой власти.

7-го числа сенаторъ заплатилъ визитъ за визитъ Комбурлею и у него обѣдалъ. Это дѣло обыкновенное; но необыкновенное то, что всякій его выходъ изъ дому и приходъ въ домъ имѣли на себѣ какой то очень древній отпечатокъ странности. Коль скоро бывало онъ, съ окружающею его пляхтою, выходитъ на улицу, тотчасъ снимаетъ съ себя шляпу и всѣ дѣлаютъ тоже. Потомъ не идетъ просто къ Комбурлею, но ведетъ процессію по цѣлому городу и по всѣмъ улицамъ, пока толпа народа, а особливо малыхъ жидіонковъ до того всегда увеличится, что полицейскіе служители принуждены идти впередъ и очищать дорогу. Такимъ же точно порядкомъ, въ сопровожденіи Комбурлея, всегда возвращался и домой. Я не знаю, чему народъ болѣе удивлялся: странному ли покрою военнаго его мундира съ шифомъ и эполетами, или честолюбію, которое водило за собою длинные ряды дворянъ и чиновниковъ въ мундирахъ съ непокрытыми головами.

Простите меня, продолжалъ мой собесѣдникъ, что я до сихъ поръ не увѣдомилъ васъ, кого изъ чиновниковъ привезъ на Волынь г. сенаторъ Сиверсъ съ собою. Первый изъ числа ихъ Вейдемееръ, честнаго и заслуженнаго отца благовоспитанный сынъ, статскій совѣтникъ, милый и ласковый, въ обращеніи ко всѣмъ привѣтливый, въ поступкахъ образецъ для молодыхъ людей, уменъ и добръ; но казалось, что сенаторъ менѣе всѣхъ показывалъ къ достоинствамъ его уваженія и менѣе всѣхъ имѣлъ къ нему довѣрія. Вторый—Фіялковскій, тонкій секретарь сената уголовнаго департамента; доброжелательный спазматикъ, чувствительный бѣлорусецъ, любитель золотыхъ и серебряныхъ меда-

Библиотека "Руниверс"

лей и дорогихъ антиковъ; говоритъ мало, а болѣе смотритъ въ глаза, пишетъ перомъ обоюду острымъ, умѣетъ приноравливаться ко всякимъ обстоятельствамъ, словоохотливъ съ сенаторомъ и за то до сихъ поръ при немъ держится. Третій—Михельсонъ, чиновникъ внутренняго министерства, любимый воспитанникъ супруги Сиверса, по стремительности характера часто вѣтренъ, въ слововыраженіяхъ скоръ; при исполненіи воли сенаторской слишкомъ горячъ, но къ несчастіямъ другихъ равнодушенъ, а къ оказанію помощи очень холоденъ; впрочемъ ко всему страстный охотникъ и по симъ то способностямъ Сиверсъ уважалъ его паче первыхъ двухъ. Четвертый—Кіяновъ, отставной подьячій; но что онъ, это загадка. Способностей никакихъ, а дерзости выше мѣры. Безъ воспоминанія, безъ характера, онъ у сенатора иногда ничего, а часто значилъ все. Самое пріятнѣйшее его упражненіе дѣлить по братски время съ бахусомъ, но успѣвастъ и шептать на ухо. Менѣе всѣхъ къ дѣламъ способенъ, но болѣе всѣхъ у сенатора въ довѣренности. Ни одинъ случай, доставляющій легкую возможность скоро разбогатѣть, не ушелъ его рукъ. Надобно конфисковать контрабанды, посылается Кіяновъ; надобно-ли оставить провозимые товары, употребляется къ тому Кіяновъ; надобно обревизовать въ губерніи лавки, даютъ Кіянову открытый листъ: онъ ѣздитъ по дорогамъ и безбоязненно грабитъ купцовъ. Два смертоубійства, въ такомъ разѣ имъ учиненные, одно въ мѣстечкѣ Купелѣ, а другое подъ Бердичевомъ, не только прошли безъ наказанія, но еще не угодно было г. сенатору велѣть учинить объ нихъ розысканія, а вмѣсто того доставили ему чинъ коллежскаго ассесора, владимірскій крестъ и послали въ Бердичевъ исправлять должность полицмейстера; хотя-жъ бѣдной сей городъ отъ него стонетъ и воетъ на небо, но губернское начальство не смѣетъ коснуться волоса его, потому что Кіяновъ ведетъ безпрестанную переписку съ Сиверсомъ. Я бы вамъ сказалъ истину, отъ чего сей баловень пользуется въ такой высокой степени необычайною къ нему привязанностію сенатора, да это большая тайна, а къ тому-жъ сама скромность удерживаетъ мой языкъ въ предѣлахъ молчанія. И въ старыхъ головахъ бываютъ молодыя

Библиотека "Руниверс"

души. Но открою вамъ другую причину достовѣрнѣйшую: Кіяновъ женатъ на крѣпостной дѣвкѣ Сикерса, который, въ воздаяніе вѣрной ея службы, никогда и ни въ чемъ не отказываетъ ея мужу.

8-го и 9-го чиселъ того-жъ апрѣля, при неотступномъ Гижицкаго сопровожденіи, сенаторъ, по долгу ревизора, осматривалъ губернскія присутственныя мѣста; ему было угодно ревизовать не только регистры всякого рода, журналы, опредѣленія и что вообще называется канцелярскій порядокъ, но и входить въ подробнѣйшее разсмотрѣніе самаго производства дѣлъ, особливо въ губернскомъ правленіи и въ казенной палатѣ, на которую одинъ непотребный ея членъ, о которомъ послѣ разскажу вамъ обстоятельнѣе, посылалъ черезъ сенатора Ильинскаго доносъ къ министру финансовъ; ревизоръ, нашедши въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ успѣшное и точное выполненіе по указамъ и предписаніямъ правительства, теченіе жъ дѣлъ во всѣхъ частяхъ совершенно соотвѣтствующимъ съ установленными на то правилами и малое количество не разрѣшенныхъ бумагъ, удивлялся до чрезвычайности тому, что всякій порознь совѣтникъ или членъ судебнаго мѣста, зная совершенно свою часть, подробно и скоро и съ невѣроятною удобностію на всѣ вопросы сенатора удовлетворительно отвѣтствовали. Отдавая полную справедливость трудамъ, усердію и ревности къ службѣ, всѣмъ вообще и каждому порознь, изъявлялъ отмѣнное удовольствіе свое чиновникамъ—съ начала въ мѣстахъ судебныхъ, а потомъ публично, въ присутствіи Гижицкаго и всего собравшагося къ нему дворянства, повторяя нѣсколько разъ, что ни въ одной губерніи, гдѣ ему случилось быть, не видалъ онъ такой исправности, порядка и успѣха въ дѣлахъ, какъ въ вельможской, и обратясь по званію ревизора къ Комбурлею, отъ имени правительства приносилъ ему, яко главному начальнику, особенную благодарность за то, что попеченіемъ своимъ о благѣ общемъ, довелъ до столь видимаго совершенства всѣ части ввѣреннаго ему управленія. Остолбенѣли враги Комбурлея, а Гижицкій, показывая видъ, будто никто не читаетъ, что происходитъ въ его сердцѣ, скрежеталъ зубами и смотрѣлъ вокругъ себя со взорами, исполненными злости.

Библиотека "Руниверс"

Тутъ я прервалъ рѣчь новаго моего почтеннаго знакомца и просилъ удовлетворить мое любопытство, разсказавъ, въ чемъ именно заключалась та отличная во всѣхъ частяхъ управленія губерніи исправность, которой ни враждующіе Комбурлею дворяне, ни въ послѣдствіи времени ожесточеный противу него Сиверсъ, сколько ни старались, не могли однако-жъ и самымъ злѣйшимъ ядомъ клеветы и ужасныхъ доносовъ отравить.

Охотно, естьли имѣете терпѣніе слушать,—былъ его отвѣтъ, и онъ продолжалъ такъ:

Начнемъ отъ управленія губерніи вообще. Всѣ имянныя высочайшія повелѣнія и сенатскіе указы приведены въ исполненіе, всѣ присутственныя мѣста наполнены опредѣленнымъ числомъ членовъ и безъ недостатка снабдѣны канцелярскими служителями,—вездѣ не рѣшенныхъ дѣлъ очень мало и причины, для чего они остались безъ окончанія, крайне уважительны. Судьба колодниковъ, относительно времени содержанія подъ стражею и прочихъ обстоятельствъ достойныхъ уваженія, облегчена соразмѣрно преступленіямъ каждаго. Тюрьмы устроены вездѣ такъ, что невредно для глазъ милосердія и снисхожденія войти въ оныя. Порядокъ въ содержаніи арестантовъ и въ пробормленіи ихъ основанъ на состраданіи къ человѣчеству. Сборы съ народа, взыскиваемые согласно узаконеніямъ, вступаютъ въ казну въ опредѣленные сроки и разсылаются въ свое время, въ тѣ мѣста, куда по ассигнаціямъ назначены. Въ казначействахъ губернскомъ и повѣтовыхъ свидѣтельствуется надлежащими чиновниками денежная наличная сумма со всею предписанною аккуратностію. Недоимки по губерніи къ пріѣзду сенатора осталась столь малая часть, что самые враги губернскаго начальства не могли не отдать справедливости ему за употребленные къ тому мѣры. Арендныя и старостинскія имѣнія находились въ положеніи имъ свойственномъ и доходъ съ нихъ въ казну поступалъ бездоимочно.—Теперь кинемъ взоръ на обстоятельства по управленію губерніи въ частяхъ.—Приказъ общественнаго призрѣнія найденъ въ совершенномъ порядкѣ: капиталы его въ цѣлости, а обращеніе ихъ, бывъ основано на правилахъ правительствомъ установленныхъ, ощутительную прино-

Библиотека "Руниверс"

сять пользу. Заведенія, отъ приказа зависящія, находились въ найлучшемъ состояніи и тогдашнее ихъ положеніе весьма достаточно было къ прочному оныхъ содержанію. Хотя же въ волынской губерніи, яко на особенныхъ правахъ состоящей, дворянскихъ опекъ и сиротскихъ судовъ не учреждено, по повелѣнію губернскаго начальства дѣлалось и дѣлается всевозможное призрѣніе вдовамъ и сиротамъ, какъ благородно рожденнымъ, такъ и другихъ состояній. Объ учебныхъ заведеніяхъ по губерніи, какъ публичныхъ, такъ и партикулярныхъ, доставлены г. санатору подробныя вѣдомости и не можно судить иначе, какъ что волынская губернія далеко превосходитъ другія успѣхами и учрежденіями по сему предмету. По части народнаго продовольствія г. сенаторъ получилъ за три года вѣдомости о посѣвѣ и урожаѣ хлѣба, къ тому же доставлены къ нему подробныя свѣдѣнія о сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, съ показаніемъ мѣстъ, количества хлѣба и числа душъ, наполняющихъ оные. Свѣденія о раздачѣ крестьянамъ хлѣба, о пополненіи онаго, о сохраненіи и о томъ, какъ свидѣтельствуется, съ изъясненіемъ, достаточно ли онаго на годовое продовольствіе жителей и какіе бываютъ отъ того избытки,—доказываютъ стараніе губернскаго и мѣстнаго начальства предупреждать малѣйшія нужды въ продовольствіи. О соли, изъ доставленныхъ увѣдомленій, видѣлъ г. сенаторъ, откуль она привозится, по какой цѣнѣ продается и достаточно ли ее къ удовлетворенію народной надобности. По части медицинской не только всѣ повѣты снабжены казенными лѣкарями, но кромѣ ихъ два и три раза больше находится тамъ вольнопрактикующихъ. Аптекъ же, запасенныхъ нужными медикаментами, въ одной волынской губерніи столько, что въ десяти другихъ едва подобное число сыскать можетъ. Повивальныхъ бабокъ достаточно, и никто вообще изъ жителей нисколько не нуждается въ пособіяхъ отъ врачебной управы зависящихъ. По операціи-же прививанія коровьей оспы неимовѣрные успѣхи, потому что благовременными отъ начальства мѣрами пріобрѣтено къ принятію оной расположеніе жителей. По части лѣсной—казенные лѣса въ губерніи растущіе раздѣлены на лѣсосѣки, а какой доходъ по-

Библиотека "Руниверс"

лучаетъ съ нихъ казна, изъяснено въ особенной о дѣлахъ по сей части вѣдомости, притомъ со списками чиновникамъ и служителямъ оной. По части мануфактуръ, внутренней торговли и публичныхъ зданій—благоразумнымъ учрежденіемъ отъ приказа общественнаго призрѣнія суконной фабрики Комбурлей доставилъ сему заведенію возможность получать въ годъ чистаго доходу болѣе семи тысячь рублей. О партикулярныхъ-же фабрикахъ и заводахъ, къ приращенію коихъ и избавленію отъ всякихъ притѣсненій начальство губернское всегда оказывало свою помощь, нашелъ г. сенаторъ въ дѣлахъ подробное свѣдѣніе: вручепъ ему списокъ всѣхъ купцовъ по губерніи, записанныхъ въ гильдіи, и иногороднимъ гостямъ, производящимъ торговлю, дана также вѣдомость, въ какихъ городахъ и въ которое время гдѣ бываютъ ярмонки и какія предпринимаются мѣры къ предохранепію торговли отъ стѣсненія. Не оставило начальство безъ увѣдомленія его о количествѣ самыхъ товаровъ, привезенныхъ и продаваемыхъ на тѣхъ ярмонкахъ, а о публичныхъ зданіяхъ, въ какомъ положеніи находятся и сколько на починку ихъ назначается и отколь суммы, представленъ обстоятельный реестръ. По части земскихъ повинностей—естьли бы я говорилъ рѣчь въ защищеніе губернскаго начальства, то съ пламенными взорами устремивъ глаза свои на портретъ Комбурлея, воззвалъ-бы къ нему патетическимъ голосомъ такъ: О, ты, несравненный мужъ, спасшій отъ враговъ волынскую провинцію безъ войска, войска продовольствовавшій безъ денегъ, деньги свои собственныя употреблявшій на закупку въ казну провіанта! Когда внѣшніе супостаты наши оторвали три повѣта отъ губерніи, а внутренніе простирали уже хищныя руки свои къ разграбленію въ Кіевѣ храмовъ Божіихъ и заносили ногу свою къ попранію святыни,—Ты, день и ночь дѣйствовавшій въ преподаніи способовъ къ ускоренію хода побѣдоносныхъ корпусовъ Тормасова и Чичагова, не жалѣвшій здоровья и самой жизни для блага своего отечества и не искавшій другой славы, кромѣ быть вѣрнымъ исполнителемъ священной воли обожаемаго тобою всемилостивѣйшаго Монарха, думалъ ли ты въ то время, какъ высылалъ многія тысячи подводъ для поднятія полковыхъ

Библиотека "Руниверс"

тяжестей, сухарей, муки и фуража, какъ выпрашивалъ для арміи пожертвованія, состоявшія въ волахъ, въ водкѣ и въ другихъ потребностяхъ, какъ доставлялъ всевозможное облегченіе дворянамъ, при поставкѣ, вмѣсто ребрутъ, кирасирскихъ, драгунскихъ, гусарскихъ и особо артиллерійскихъ лошадей, какъ дѣлалъ отеческое, можно сказать, снисхожденіе всѣмъ прибѣгавшимъ къ тебѣ съ просьбами во время многочисленныхъ рекрутскихъ наборовъ и при дачѣ козаковъ, и напослѣдокъ какъ, по нахожденію губерніи въ военномъ положеніи, старался умѣрить всѣ вообще важныя земскія повинности, дабы ни одно состояніе не терпѣло крайней тягости, —Ты воображалъ ли тогда, что, по счастливомъ окончаніи кровопролитныхъ браней, вмѣсто частыхъ наградъ, за ревность свою къ высочайшей службѣ, будешь пить давно уже кеветою для тебя приготовленную, горькую чашу бѣдствій и могъ ли представить въ умѣ своемъ, дабы злоба и зависть дошли даже до такой степени подлости, что тебѣ, получающему триста тысячъ рублей годоваго доходу, припишутъ желаніе корыствованія отъ дворянъ продажею имъ двухъ или трехъ лошадей изъ своей конюшни и за держаніе ихъ во время выборовъ для того, чтобы выручаемою отъ спектаклей суммою платить жалованье пѣвчимъ своимъ и музыкантамъ?

По семъ мой дорогой собесѣдникъ, отерши слезы, говорилъ: виноватъ, забылъ, что я не ораторъ; станемъ продолжать начатое. При доставленіи о всѣхъ земскихъ повинностяхъ полнаго свѣдѣнія г. сенатору, докладывано и то, что о злоупотребленіяхъ, вымогательствахъ или притѣсненіяхъ по сему предмету никогда никакой и ни отъ кого не было приносимо начальству жалобы. По части городскихъ доходовъ, расходовъ и повинностей представлены г. сенатору свѣдѣнія, сколько въ 1812, 1813 и 1814 годахъ поступило порозь по каждому городу ежегодно сборовъ, сколько изъ того, на что и по чьему распоряженію употреблено изъ оныхъ въ расходъ. Къ тому же присовокуплено и другое: какимъ образомъ въ семъ расходѣ и кому отдаются отчеты, сколько остатковъ и гдѣ оные хранятся. По части полицейской—во всѣхъ городахъ полицейскіе чиновники и служители въ надлежащемъ

Библиотека "Руниверс"

были комплектѣ, а пожарные инструменты, со всѣми принадлежностями къ онымъ, въ такомъ числѣ и исправности, что во всякое время достаточны къ утушенію пожаровъ. По симъ распоряженіямъ г. сенаторъ могъ быть увѣренъ, что губернское начальство неусыпное имѣетъ бдѣніе о безопасности городовъ, равно какъ и объ освѣщеніи оныхъ, ассигнуя на сіе особенную сумму; въ разсужденіи-же повѣтовой земской полиціи, то назначеніе по деревнямъ войтовъ было для земскихъ исправниковъ и засѣдателей по должности ихъ такимъ пособіемъ, котораго ничѣмъ другимъ замѣнить не можно; впротчемъ дороги раздѣлены на участки, мосты и перевозы во всякой исправности и о всемъ томъ г. сенаторъ получилъ подробнѣйшее свѣдѣніе. По части почтовой—въ губерніи станціи расположены по трактамъ самымъ выгоднѣйшимъ образомъ, а число на каждой изъ нихъ лошадей положено содержать сообразно мѣстоположенію и пространству разстоянія. Почтъсодержатели обязаны контрактами, за исполненіемъ коихъ, кромѣ исправниковъ и почтовыхъ чиновниковъ, поручено имѣть наблюденіе и производить ежемѣсячно освидѣтельствованіе лошадей повѣтовымъ маршаламъ, сверхъ законтрактованныхъ на станціяхъ лошадей, содержались и отъ земли, для разъѣздовъ фельдъ-егерей и курьеровъ; во что же въ каждомъ году содержаніе сихъ и почтовыхъ лошадей обходилось, какая плата, кому именно и за сколько лошадей производилась и въ какой исправности состояли почтовые дома, о томъ представлено сенатору полное и подробное свѣдѣніе.

Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ губернію сенаторъ Сиверсъ, который, разсмотрѣвъ доставленныя къ нему свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ при исполненіи повинностей, самъ видѣлъ, что главнѣйшія жалобы дворянъ состояли въ томъ, якобы при проходѣ войскъ, въ теченіи прошедшихъ трехъ лѣтъ, претерпѣвали они притѣсненія и угнетенія, о чемъ однако-жъ никто не жаловался ни управлявшему губерніею, ни губернскому правленію. Еще же г. сенаторъ Сиверсъ читалъ и разматривалъ тысячу двѣсти сорокъ семь отзывовъ дворянскихъ, данныхъ ими въ то время, какъ по дошедшимъ до государя императора жалобамъ велѣно каждому объявить о претензіяхъ своихъ. Въ чемъ-бы, вы думали, заклю-

Библиотека "Руниверс"

чались сіи отзывы?—Девять сотъ двадцать одинъ человѣкъ, владѣющихъ имѣніями дворянъ, сказали, что не имѣютъ никакихъ претензій, а напротивъ того свидѣтельствовали, что отъ Комбурлея получали защиту и справедливое удовлетвореніе; изъ остальныхъ-же 326 человѣкъ нѣкоторые объявили неудовольствіе въ томъ, что не получали удовлетворенія за учиненныя ими поставки и что при проходѣ войскъ имъ было тягостно,—другіе-же, что объявятъ претензіи свои повѣтовымъ маршаламъ. Гдѣ-жъ справедливость тѣхъ громкихъ жалобъ, кои сенаторъ Ильинскій осмѣлился безъ всякихъ доказательствъ поднести къ высочайшему усмотрѣнію? Гдѣ вымучиваніе вдвое поборовъ? Гдѣ страшныя разоренія? Развѣ ограбленная и утѣсненная губернія за низложеніе Комбурлея и Хрущова (какъ Сиверсъ самъ докладывалъ сенату) въ состояніи дарить Ильинскому болѣе шести сотъ тысячъ рублей и въ пользу казны жертвовать 2,641,044 рублей. Напрасно противу обѣды пишутъ строгіе законы, когда въ тоже время нравы наши дѣлаютъ ихъ ничѣмъ. Можно ли торговаться съ казною за перемѣну начальниковъ губерніи? Можно-ли платить сенатору Ильинскому за ремесло доносчика? Можно-ли безъ какихъ нибудь видовъ сенатору-ревизору принимать на себя въ томъ посредничество? Невольно припомнишь себѣ слова Тацита въ жизни Тиверія, гдѣ онъ говоритъ: „естьли желаютъ незапрещеннаго, боятся запрещенія; но когда оное сдѣлано и беззаконно нарушено, страхъ, стыдъ, ничто не удерживаетъ болѣе.“ Можно къ сему прибавить и то еще: когда сотовариществуетъ насиліе происканъ, то лучше оставить въ покоѣ пороки сильно вкоренившіеся, нежели выставлять невозможность истребленія оныхъ.

Возвратимся къ Гижицкому, коего мы оставили скрежещущимъ зубами, и къ сенатору Сиверсу, который найденнымъ порядкомъ во всѣхъ частяхъ управленія губерніи, дѣятельною способностію губернскихъ членовъ, скорымъ и исправнымъ теченіемъ въ присутственныхъ мѣстахъ дѣлъ, заботливостію начальства о судьбѣ колодниковъ и исправностію вообще градской и земской полиціи, столько былъ восхищенъ, что не находилъ словъ и выраженій, которыми-бы могъ, по его увѣренію, довольно похвалить чинов-

Библиотека "Руниверс"

никовъ и Комбурлею изъявить свою признательность. И въ самомъ дѣлѣ: что онъ чувствовалъ и наружно передъ всѣми показывалъ, то все излилъ въ представленіяхъ своихъ къ г. министру юстиціи отъ 16 и 21 апрѣля, давая черезъ Вейдемсера читать оные Комбурлею и повторяя всякой разъ сіи слова: „естьли я когда нибудь имѣть буду губернію, то дай Богъ, чтобъ она была въ такой исправности, какъ волынская". Недоброжелатели Комбурлея, видя въ г. сенаторѣ необыкновенную наклонность все хвалить, тотчасъ начали подозрѣвать, что чиновники подкупили его канцелярію и самъ-де г. ревизоръ, конечно, не безъ грѣха; но пріѣзжаетъ Ильинскій, нигдѣ не останавливаясь, приходитъ прямо къ Сиверсу, запираются въ кабинетѣ и остаются четыре часа въ ономъ самъ на самъ. Потомъ провожаемый уже Гижицкимъ Ильинскій съ торжественнымъ лицомъ возвращается въ свою карету и ни съ кѣмъ не видавшись, удаляется въ романовскій замокъ. А когда одинъ изъ нашихъ чиновниковъ спросилъ Вейдемсера, для чего Сиверсъ такъ щедро разсыпаетъ похвалы Комбурлею и его управленію губерніи, для чего Ильинскій секретничаетъ и для чего самъ Гижицкій такъ долго политикуетъ, онъ отвѣтствовалъ на всѣ сіи вопросы такъ: „Злодѣйство всегда сильнѣе дѣйствуетъ, когда одѣвается въ лицемѣріе." И съ сихъ поръ враги губернскаго начальства удвоили и учетверили къ нему свои ласкательства.

Между тѣмъ что день пиры, то у Комбурлея, то у Гижицкаго, гдѣ отборные дворяне и чиновники (первые съ наморщеннымъ челомъ, а послѣдніе съ лицемъ веселымъ) смотрѣли на взаимное пересиленіе въ учтивостяхъ, сенаторомъ сенатору оказываемыхъ, и слушали изъ устъ ревизора весьма лестныя одобренія всему тому, что сдѣлано или дѣлается. Въ одинъ день вздумалось и вице-губернатору Хрущову дать обѣдъ съ приглашеніемъ къ оному сенатора. Въ продолженіи стола хозяинъ для знаменитаго своего гостя сыскалъ и поставилъ передъ нимъ бутылку самаго лучшаго венгерскаго стараго вина. Сиверсъ выпилъ три рюмки, налилъ столько-же близъ его сидѣвшимъ Комбурлею и Гижицкому; всѣ три пили и хвалили вино, какъ чрезвычайную рѣдкость, давали пробовать знатокамъ, и тѣ того-же были мнѣнія. Вдругъ Сиверсу дѣлается

Библиотека "Руниверс"

дурно: глаза у него постолбенѣли, руки и ноги начало корчить, ротъ скривило, голову свернуло на сторону, словомъ—страшную изъ сенатора сдѣлало каррикатуру. Иной изъ предсѣдящихъ говорилъ, что то спазмы, тотъ кричитъ конвульсіи, а сей называетъ болѣзнь истерикою; но Михельсонъ и Фіялковскій, его письмоводители, то тому, то другому шепчутъ на ухо, что г. сенаторъ Сиверсъ, Богъ знаетъ съ которыхъ лѣтъ, имѣетъ, по просту сказать, падучую болѣзнь или черную немочь, которою одержимъ бываетъ, чаще въ то время, когда или разгнѣвается, или изволитъ выпить... нѣсколько рюмокъ крѣпкаго напитка. Представьте же, что черезъ нѣсколько потомъ мѣсяцей, когда сдѣлался Сиверсъ непримиримымъ врагомъ Комбурлея и Хрущова, то не только здѣсь и въ столицѣ, но по цѣлой Россіи разгласилъ, будто Комбурлей, согласясь съ Хрущовымъ, подмѣшали въ вино яду и хотѣли его отравить. Самъ Гижицкій какъ тогда, такъ и послѣ и даже теперь, разсказывая сенаторскій припадокъ, хотя въ душѣ величайшій недругъ Комбурлея и Хрущова, божится съ клятвою, что онъ съ Сиверсомъ пилъ разомъ то вино съ одной бутылки и что нѣтъ ничего не основательнѣе таковой выдуманной имъ клеветы. Какъ бы то ни было, хотя Сиверсъ того-же вечера былъ совершенно здоровъ, но никого не хотѣлъ принимать къ себѣ, на другой-же день, подъ видомъ крайней слабости, легъ въ постель и долго никому не показывался. Только Гижицкій зналъ тайну притворства, ибо, оставивъ своего мнимаго больнаго на одрѣ будто смертномъ, самъ уѣхалъ къ Ильинскому, а какъ приближался свѣтлый праздникъ, и всѣ его сподвижники убрались одинъ по другомъ изъ города, давъ слово пріѣхать на третій день праздника въ Романовъ, гдѣ 20-го числа апрѣля положено быть многочисленному съѣзду дворянства. Коль скоро выѣхалъ Гижицкій, то сенаторъ, оставшись безъ опекуна и безъ вожатаго, сталъ принимать у себя Комбурлея и Хрущова и иногда по вечерамъ, разговаривая съ полицмейстеромъ, шутилъ даже на счетъ поляковъ, отзываясь: „Я ихъ знаю мошенниковъ, они меня не обманутъ; только та бѣда, что я мягкосердеченъ, а къ нимъ-бы послать надобно Ѳедора Ѳедоровича Эртеля“. Фіялковскій и Михельсонъ каждый день у Комбурлея

Библиотека "Руниверс"

или Хрущова обѣдаютъ и ужинаютъ и всякому изъ чиновниковъ трубятъ въ уши: ахъ, какъ сенаторъ не любитъ поляковъ! ахъ, какъ онъ добръ ко всѣмъ русскимъ! И въ увѣреніе сего, то тому, то другому изъ подъ руки показываютъ посланныя въ столицу сенаторскія представленія. Сими и подобными дѣйствіями лукавства производятъ во всѣхъ чиновникахъ такое впечатлѣніе, что они, не зная, чѣмъ изъявить усердіе свое къ г. сенатору, предаются всякой печали о притворной болѣзни. То ходятъ вокругъ сенаторской квартиры и безпрестанно навѣдываются о здоровьѣ, то посылаютъ за его подаянія въ острогъ и въ больницы, то собираютъ нищихъ и милостынею хотятъ преклонить небо ко изцѣленію болящаго. Жены-же и дѣти ихъ съ непритворною скорбію, стоя въ церквахъ на колѣнахъ, искренно молятся Богу о его выздоровленіи. Сама добродѣтельнѣйшая супруга Комбурлея во все время болѣзни сенатора, собирая отвсюду, гдѣ у кого что можно найти изъ питательныхъ яствъ, приготовляла ихъ почти собственными руками и посылала ему въ пищу. А когда увидѣли сенатора въ тепломъ шлафрокѣ, въ колпакѣ и въ туфляхъ сидящаго на улицѣ близъ своей квартиры, то ничто не могло сравниться съ чувствованіемъ ихъ радости о выздоровленіи благодѣтельнаго защитника отъ клеветъ. Никто не смѣлъ сомнѣваться, чтобъ не прекрасное время заставляло его нѣсколько дней сряду по утру и вечеру, часовъ по четыре и болѣе, пользоваться такимъ образомъ весеннею погодою. И потому мимоходящіе, останавливаясь, смотрѣли на него съ удивленіемъ, а онъ на нихъ тоже, и не могли насытиться зрѣніемъ. Одинъ только опытъ открываетъ всякое тайное благо и всякое сокрытое зло. Между тѣмъ какъ плѣняющій своимъ добродушіемъ сенаторъ-ревизоръ, подъ видомъ болѣзни, сидитъ и, казалось, безъ всякаго дѣйствія остается въ губернскомъ городѣ, въ повѣтахъ собирались тучи, долженствовавшія разродиться доносами, клеветою и ябедою. Собирались и деньги, по десяти копѣекъ съ души, для вѣрнѣйшаго пущенныхъ стрѣлъ направленія къ своей цѣли. Собирались и дворяне-интриганты, чтобъ дѣйствовать,—дерзкіе, чтобъ клеветать, богатые, чтобъ слушать клевету, а простодушные, чтобъ раболѣпствовать и по-

Библиотека "Руниверс"

виноваться интригѣ. Планъ былъ, во первыхъ, заманутъ сенатора въ Романовъ, потомъ, не заѣзжая ни въ одинъ повѣтовый городъ, возить его по всѣмъ тѣмъ домамъ, куда заблаговременно должны были съѣхаться недовольные дворяне и ихъ друзья, и гдѣ припасено по нѣсколько стопъ гербовой бумаги, для употребленія которой въ пользу недовольныхъ наняты были нѣкто Бобровскій и Приховичъ, общіе обѣдники, получавшіе жалованье отъ Гижицкаго. Затѣмъ препроводить сенатора до Радзивилова, тамъ неотступно быть при немъ, пока къ пріему его превосходительства въ повѣтовыхъ городахъ все будетъ готово. По наступленіи времени, ѣхать Гижицкому и отборнымъ врагамъ Комбурлея, вмѣстѣ съ сенаторомъ, для обревизованія городовъ; послѣ того съѣхаться всѣмъ въ Кременцѣ, тамъ составивъ обвинительный противу Комбурлея и всѣхъ русскихъ чиновниковъ актъ, собраться всѣмъ маршаламъ и делегатамъ въ губернскій городъ и подписавъ его, отдать торжественно сенатору, который, по осмотрѣ въ Романовѣ фабрики, разомъ съ Ильинскимъ, въ началѣ іюля, долженствовалъ возвратиться въ Житомиръ. Естьли правосудіе не управляетъ предпріятіями человѣка, высочайшею довѣренностію облеченнаго, то все прочее служитъ жертвою сильнымъ страстямъ его, а ненаказанность усугубляетъ своевольства.

Наступилъ свѣтлый праздникъ—сенатору легче. На другой день еще легче. На третій день онъ совсѣмъ былъ здоровъ. Прощается съ Комбурлеемъ, Хрущовымъ и со всѣми чиновниками, увѣряетъ перваго въ отличномъ своемъ уваженіи къ его достоинствамъ, втораго въ дружбѣ, послѣднихъ въ добромъ къ нимъ расположеніи, а секретари его чистосердечные, откровенные, любезные—ну, такъ и лѣзутъ каждому въ душу. Но опыты всѣхъ временъ, а особливо нашего, доказываютъ истину, что чѣмъ щедрѣе кто расточаетъ обѣщанія, тѣмъ менѣе надобно вѣрить ихъ исполненію. Мы пренебрегли сіи правила и за то страдаемъ.

На четвертый день праздника, 22-го апрѣля, сольце при своемъ восходѣ не застало уже Сиверса въ Житомирѣ. Сопровождаемый благословеніями русскихъ душъ, онъ поѣхалъ по тракту, ведущему въ Радзивиловъ. Оставимъ его на нѣкоторое время

Библиотека "Руниверс"

а поговоримъ о томъ, что было поводомъ къ посылкѣ сенатора въ волынскую губернію.

Отвѣтъ находится въ его запискѣ, поданной въ общее сената собраніе, гдѣ онъ говоритъ, что причиною къ тому послужили: во первыхъ, жалобы дворянства на счетъ грабительства, произведеннаго волынскимъ мѣстнымъ начальствомъ, принесенныя Государю Императору сенаторомъ графомъ Ильинскимъ, увѣренія его жъ Ильинскаго, что Комбурлей, которому поручено сдѣлать о томъ слѣдствіе, намѣренъ сокрыть истину отъ его императорскаго величества, и донось другаго сенатора, графа Стройновскаго, что Комбурлей насильственнымъ образомъ исторгалъ отъ дворянъ свидѣтельства и потому мѣры его клонятся къ сокрытію злоупотребленій, во вторыхъ—отношенія фельдмаршала Барклая-де-Толли къ министрамъ полиціи и финансовъ, коими приглашалъ онъ ихъ принять неукоснительныя мѣры къ пресѣченію происходившихъ по таможенной части злоупотребленій, въ третьихъ—отзывъ министра финансовъ, что власть и мѣры, входящія въ составъ таможеннаго начальства, не достаточны къ пресѣченію зла, естьли мѣстное начальство и земская полиція не будутъ ему содѣйствовать Въ сихъ трехъ пунктахъ и заключается существенная надобность, по которой посланъ Сиверсъ ревизоромъ въ волынскую губернію. Пока дойдемъ до развязки дѣла, объяснимъ посылку сенатора полюбіемъ. Напримѣръ: къ богатому и знатному помѣщику, живущему по должности въ столицѣ, доходитъ черезъ нѣкоторыхъ его офиціалистовъ до свѣденія, что въ одной изъ отдаленныхъ его вотчинъ крестьяне разоряются и утѣсняются экономіею; контора посылаетъ изъ столицы приказъ главному той вотчины управителю разыскать по жалобамъ крестьянъ. Объявляется въ деревняхъ на міровой сходкѣ, чтобъ всякъ изъ жителей, имѣющій претензіи къ десятцкимъ ли, соцкимъ, бурмистрамъ или старостамъ, объявилъ оныя передъ главнымъ управителемъ; крестьяне, не имѣя повода къ жалобамъ на экономію, отзываются о служителяхъ наилучшимъ образомъ; офиціанты, враги главнаго управителя, видя неудачу, вкось клевещутъ, что онъ старается скрыть истину отъ владѣльца и что насильствен-

Библиотека "Руниверс"

ными мѣрами вынуждаетъ отъ крестьянъ въ пользу свою свидѣтельства. Наряжается отъ помѣщика ревизоръ съ повелѣніемъ осмотрѣть всю вотчину и войтить въ состояніе крестьянъ. Онъ отправляется медленно, а одинъ изъ офиціантовъ-доносчиковъ беретъ отпускъ, ѣдетъ прежде его въ вотчину, собираетъ своихъ родственниковъ и пріятелей, поселяетъ въ деревняхъ раздоръ и по личной злобѣ на управителя внушаетъ имъ, чтобъ приготовили сколько можно больше на экономическое управленіе жалобъ, не щадя и главнаго управителя. Друзья его помогаютъ волновать умы крестьянъ, во всѣхъ деревняхъ происходитъ большая суматоха, а между тѣмъ одинъ бурмистръ, ближайшій его родственникъ, коему обѣщано управительское мѣсто, нападаетъ на самого коммисара и чрезъ разсылаемыхъ отъ себя вѣстовщиковъ творя партіи, научаетъ недовольныхъ крестьянъ, какіе именно и на кого принести жалобы и доносы. Пріѣзжаетъ въ имѣніе ревизоръ. Смотритъ теченіе дѣлъ, входитъ во всѣ части управленія, видитъ повсюду чрезвычайный порядокъ: строенія господскія въ найлучшемъ видѣ, гумна и анбары, наполненные хлѣбомъ, заведенія, приносящія помѣщику прибыль, въ самомъ отличномъ состояніи, на крестьянахъ ни казенныхъ, ни владѣльческихъ недоимокъ нѣтъ, дороги и мосты прекрасные, лѣса сбережены и расчищены, пруды наполнены рыбою. Ревизоръ восхищается и, отдавая должную справедливость главному управителю и его сотрудникамъ, съ величайшею объ нихъ похвалою о найденной во всѣхъ частяхъ исправности доноситъ помѣщику и домовой его конторѣ. Естьли бы послѣ этого случилось такъ, что сей самый ревизоръ, соединясь неразрывною дружбою съ бурмистромъ, враждующимъ главному управителю, ввѣрилъ всего себя его попеченіямъ, то есть на все окружающее смотрѣлъ его глазами и слушалъ его ушами, а желая узнать на мѣстѣ, отъ кого и какъ притѣснены крестьяне, поѣхалъ бы съ тѣмъ бурмистромъ по селеніямъ, и не примѣчая, что во всемъ по теченію экономіи совершенный происходитъ порядокъ, что крестьяне нисколько не разорены, что имѣютъ у себя хлѣбъ, скотъ и всякую домашнюю рухлядь, ни чѣмъ другимъ не занялся, кромѣ, по указанію недовольнаго бур-

Библиотека "Руниверс"

мистра, началъ бы то у одного, то у другаго поселянина принимать просьбы на старостъ, на соцкихъ и на десяцкихъ и не требуя отъ просителей доказательствъ или свидѣтелей въ подтвержденіе справедливости жалобъ, а отъ обжалованныхъ не пріемля никакихъ оправданій, сталъ бы удалять ихъ отъ мѣстъ и предавать суду, какъ преступниковъ, не разсмотря же надлежащимъ порядкомъ объ ихъ дѣлъ, доносилъ бы владѣльцу по одностороннимъ извѣтамъ, что вопль народный оглушалъ его и что на всякомъ шагу находилъ преступленіе, а между тѣмъ сопутствующій ему подуститель бурмистръ, въ глазахъ ревизора, собиралъ съ народа деньги,—чтобъ сказали о такомъ ревизорѣ, о такомъ бурмистрѣ и о копѣешномъ только незаконномъ сборѣ?—Обратимся теперь къ нашему ревизору сенатору. Когда онъ нашелъ во всѣхъ частяхъ управленія губерніею порядокъ и отрапортовалъ объ ономъ правительству, когда видѣлъ со всѣхъ дѣлъ и даже изъ свѣденій, представленныхъ ему отъ губернскаго маршала, что со стороны чиновниковъ и начальниковъ губерніи не могло быть притѣсненія дворянству, когда онъ всѣхъ ихъ чистосердечно разхвалилъ, то для чего отъ Ильинскаго или Гижицкаго не потребовалъ доказательствъ на принесенныя ими жалобы, или, по крайней мѣрѣ, для чего не спросилъ и не взялъ отъ нихъ списка, кто именно изъ помѣщиковъ ограбленъ, разворенъ или чѣмъ обиженъ? Отвѣтъ готовъ: для того, что доказательства не было и нѣтъ. А всего болѣе, что денежная по 10 копѣекъ съ души складка не вся еще собрана и, куда по обѣщанію слѣдовало, не поступила. Одно только время откроетъ сіе важное обстоятельство. А мы посмотримъ, что дѣлается по выѣздѣ сенатора

Гижицкій, не дождавшись въ Романовѣ Сиверса, какъ предназначено было въ ихъ планѣ, прискакалъ оттоль верхомъ въ Житоміръ. Боже мой! какъ онъ смѣшался, когда, встрѣтясь съ Комбурлеемъ, узналъ о выѣздѣ сенатора. „Можно ли такъ безбожно обманывать и тайно отъ меня уѣзжать!—Не снесу, не стерплю, не попущу!“ были слова его.—Всѣмъ, кто смотрѣлъ на него, казалось, что въ то время адъ раскрылъ зѣвъ свой, чтобъ палить его жестокимъ огнемъ своимъ и терзать всѣми возможными

Библиотека "Руниверс"

муками. Но притворство и въ семъ случаѣ не стоило его. Отобѣдалъ у Комбурлея, съ дружескою улыбкою пожалъ у него руку, сѣлъ на перекладную телѣжку и пустился догонять сенатора. Тутъ въ послѣдній разъ видѣли мы въ маскѣ того, который поѣхалъ отсель человѣкомъ, а возвратился къ намъ звѣремъ. Естьли бы Гижицкій тремя или двумя часами поспѣшилъ пріѣхать въ Новоградъ-Волынскъ, Сиверсъ не ревизовалъ бы тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ, ибо недовольные начальствомъ дворяне того повѣта были всѣ въ Романовѣ, а безъ нихъ какая ревизія? Все найдено въ отличномъ порядкѣ, градская и земская полиція въ исправности и просьбъ никакихъ. Изумился сенаторъ, какъ это такъ сдѣлалось, что въ томъ повѣтѣ, гдѣ живетъ Ильинскій, ни одна душа ему не жалуется; но, увидѣвъ свою ошибку, въ другихъ за то четырехъ повѣтовыхъ городахъ, по тракту лежащихъ, какъ то: въ Острогѣ, Ровномъ, Дубнѣ и Кременцѣ не смѣлъ противу воли Гижицкаго приступить къ ревизіи. И для того пробѣжали сіи города *incognito*, а 24 и 25 апрѣля стали въ Радзивиловѣ, съ намѣреніемъ заняться преимущественно злоупотребленіями по таможнѣ.

Здѣсь позвольте мнѣ отступить нѣсколько отъ матеріи, нами продолжаемой, и въ откровенности изъяснить слѣдующую мысль мою. Когда всѣ части въ государствѣ, по естественному вещей порядку, съ начала составляются, потомъ возвышаются, процвѣтаютъ, а затѣмъ повреждаются, падаютъ и наконецъ изчезаютъ непремѣнно, для чего таможенная всегда въ совершенствѣ? Когда удары оружія, на большомъ пространствѣ пограничныхъ губерній, мѣшали посѣву земледѣльца и причиняли то, что хлѣбопашество сдѣлалось невозможнымъ, скотъ похищенъ, житницы опустошены, хижины сожжены, хозяева тысячами бѣжали въ иностранныя земли,—для чегожъ таможенные и пограничной стражи чиновники не только не похудѣли, но въ такое приведены состояніе, что обувь и платье стало имъ не въ пору? Когда въ тайномъ провозѣ товаровъ обвиняютъ исправниковъ, засѣдателей и всю полицію, для чего жъ награждаютъ главнаго начальника таможенной, а смотрителей и объѣзчиковъ не только не наказываютъ, но даже по-

Библиотека "Руниверс"

дозрѣній не оставляютъ? Не потому ли сіе происходитъ, что у всякаго преступающаго законъ есть страхъ, а у нихъ никакого? Или для того, что у каждаго изъ нихъ, сверхъ привычки даромъ ничего не пропускать чрезъ границу, есть непонятное самонадѣяніе, будто никакой ревизоръ не возможетъ и не захочетъ причинить имъ зла? Кажется, убѣдительнымъ примѣромъ въ семъ случаѣ самъ г. Сиверсъ послужитъ, который за контрабанды перевернулъ вверхъ дномъ цѣлую волынскую губернію, однако-жъ таможенныхъ и пограничную стражу не только оставилъ въ покоѣ, но выгналъ изъ Радзивилова слѣдственную коммиссію, крайне имъ докучившую; сверхъ того начальнику округа Булгарію, за усмотрѣнное только имъ отличное усердіе къ службѣ, исходатайствовалъ повышеніе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Правду сказалъ Лафонтень: «мы вѣчно будемъ то, чѣмъ быть намъ суждено. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно».

Теперь приступимъ опять къ нашему предмету.

Какъ скоро узнали въ Романовѣ, что сенаторъ выѣхалъ въ Радзивиловъ, а Гижицкій побѣжалъ догонять его, такъ и далъ сигналъ ко всеобщему по всѣмъ повѣтамъ на губернское и мѣстное начальство возстанію недовольнаго дворянства. Наступило время анархіи. Не дѣйствовали ни угрозы губернскаго правленія, ни предписанія начальника губерніи. Дворянство обратилось къ Гижицкому, Гижицкій къ Сиверсу, а Сиверсъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Наемные ораторы, по многимъ тайно подсылаемые шпіоны были вездѣ виною гнусныхъ сценъ, при которыхъ даже святая истина служила коварнымъ людямъ игралищемъ. Безвластіе въ губерніи казалось единственнымъ средствомъ для достиженія недовольной партіи къ ея цѣли. Путь къ тому надлежало проложить безпорядками.—Ударили тревогу, выступили впередъ маршалы, со спинами доносчиковъ, клеветниковъ и ябедниковъ: въ первомъ ряду стояли промотавшіе въ чужихъ краяхъ свое имѣніе и въ замѣну того привезшіе съ собою развратъ благовоспитанные помѣщики, во второмъ—разорившіеся отъ процессовъ владѣльцы, коихъ имѣніе пожрали юристы, адвокаты, депутаты и судьи, въ третьемъ—по уши въ долгахъ сидѣвшіе дворяне, которые, намѣ-

Библиотека "Руниверс"

реваясь отдать подъ разборъ свое имущество, искали благовидныхъ причинъ раззорить своихъ кредиторовъ, въ четвертомъ—заставные и арендные поссесоры, кои, безпрестаннымъ въ пользу свою работами измучивъ крестьянъ, хотѣли сложить вину съ себя на мѣстное начальство, будто они довели ихъ до такого состоянія, въ пятомъ—экс-президы, экс-маршалы, экс-подкоморіе, экс-хоронжіе, экс-депутаты, экс-судьи, получившіе по службѣ отъ начальства выговоры или понесшіе штрафы, либо имѣющіе личную къ кому-либо изъ русскихъ чиновниковъ претензію, въ шестомъ—кандидаты, дожидавшіеся мѣстъ городническихъ, исправничьихъ, засѣдательскихъ, частныхъ приставовъ и квартальныхъ, въ седьмомъ—всѣ великопомѣстные и малопомѣстные владѣльцы, кои за участіе въ прежде бывшихъ мятежахъ и войнахъ, или за свое клятвопреступленіе, терпѣли сами или родственники ихъ изгнаніе, съ потеряніемъ имѣнія, и кои, чтобъ польстить свое мщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ на прежнія поступки свои бросить оттѣнокъ, покрывающій самыя мрачныя черты ихъ характера, вздумали всю вину сложить съ себя на ключвойтовъ или на членовъ земской полиціи. Сенаторъ засталъ въ Радзивиловѣ слѣдственную комиссію, составленную изъ людей отличныхъ, командированныхъ туда министрами. Сіи чиновники, зная порядокъ и законное теченіе слѣдственныхъ дѣлъ, при всей своей готовности открыть истину, не могли даже въ теченіи восьми мѣсяцевъ, найти доступъ къ ней, потому что графъ Булгарій оказывался первою причиною всякихъ безпорядковъ и виновникомъ явныхъ злоупотребленій Но Булгарій, надѣясь на права свои, ускакалъ въ Вѣну, желая видѣть конгрессъ, а заступавшій его мѣсто не понравился г. сенатору, который, желая все дѣлать хоть непрочно, да скоро, на третій день по пріѣздѣ въ Радзивиловъ, подъ видомъ якобы найденнаго имъ въ дѣлахъ коммисіи безпорядка, представилъ 30 апрѣля съ нарочнымъ с.-петербургскому военному губернатору объ уничтоженіи оной. И въ самомъ дѣлѣ, на что ей быть очевидною свидѣтельницею тѣхъ сенаторскихъ распоряженій, подъ защитою которыхъ самыя важнѣйшія преступленія пограничной стражи вообще и начальника ея въ осо-

Библиотека "Руниверс"

бенности, ради непроницаемой какой-то запутанности обстоятельствъ, преданы вѣчному забвенію. Къ томужъ сенаторъ, посѣщая въ Радзивиловѣ таможню, не замѣтилъ никакого безпорядка и злоупотребленія, кромѣ, что въ пакгаузѣ множество контрабандныхъ товаровъ, оцѣненныхъ во сто тысячъ рублей, приходили въ большую порчь отъ лежанія. Для чегожъ, говорили сенатору, не продать ихъ съ публичнаго торгу, а во время продажи за чѣмъ быть членамъ слѣдственной коммиссіи? Надобно непремѣнно прогнать ихъ. Когдажъ по секрету спрашивалъ нѣкто у таможенныхъ служителей, какіе то были товары, что отъ полугодоваго лежанія начали портиться? Конечно, лимоны или апельсины?—„нѣтъ, говорили улыбаясь объѣзчики,—то шелковыя и бумажныя дорогія матеріи, да тонкое сукно и полотно", и прибавляли: «Наши господа долго, очень долго говорили, пока могли увѣрить Сиверса, что пакгаузъ не магазейнъ и не лавка, гдѣ такого сорта товары могутъ лежать по десяти лѣтъ безъ порчи», а сенаторъ и былъ такъ добръ, что, не дождавшись отъ министра финансовъ отвѣта, назначилъ заблаговременно никому другому, а только Ершгу, таможенному 2-му члену, быть при продажѣ съ публичнаго торгу оныхъ товаровъ. Да, продолжалъ разсказывающій мнѣ исторію о волынской революціи чиновникъ, цѣлой Бердичевъ—свидѣтель, какъ ловко сіи пли только имъ уже подобные товары продавались Ершгомъ въ квартирѣ самаго сенатора, при глазахъ его. Они всѣ святые люди, ничѣмъ не пользуются. Другое не менѣе важное дѣло сдѣлалъ г. сенаторъ 2-го мая, пославъ приближеннаго къ себѣ чиновника Кіянова, съ радзивиловскими факторами, ловить товары по чертѣ границы; а 4-го мая далъ ему знать Гижицкій, что въ повѣтахъ все готово къ принятію ревизора.

Тотчасъ собрались къ отъѣзду. Устроился парадъ: впереди нѣсколько молодыхъ дворянъ, сопутствующихъ обыкновенно Гижицкому въ жидовскихъ бричкахъ; за ними два или три маршала въ коляскахъ, потомъ секретари ихъ на перекладныхъ телѣжкахъ, далѣе многочисленная канцелярія губернскаго маршала, за нею въ огромной бричкѣ писцы, договоренные къ сочиненію и перепискѣ просьбъ, а на особой повозкѣ тюкъ съ гербовою бума-

Библиотека "Руниверс"

гой; вслѣдъ за ними сенаторскіе секретари, въ собственныхъ недавно купленныхъ бричкахъ, на рессорахъ, и такъ много наполненныхъ всякою всячиною, что едва сидѣть можно; наконецъ четвероместная карета сенатора-ревизора, въ которой, кромѣ ревизора, сидѣли Гижицкій, Вейдемееръ и чухонка Анхенъ. Любопытные примѣтили, что карета выѣзжала изъ Радзивилова гораздо грузнѣе, нежели туда въѣхала и что дѣвка Анхенъ отъ шкатулки ни на шагъ не отходила.—Приближаются къ городу Дубно. Приготовленный для встрѣчи народъ гонятъ десяцкіе впередъ палками. Жиды заняли замковые ворота и стояли съ балдахиномъ и десятью Мойсеевыми приказаніями, а вдоль по улицѣ мѣщане держали свои цеховые знаки. Сенаторъ скромный, не любящій церемоній и не терпящій никакихъ оказываемыхъ ему почестей, еще передъ городскими воротами вылѣзъ изъ кареты, и въ сопровожденіи многочисленной свиты своей, въ мундирѣ съ генеральскими эполетами и въ шарфѣ, изволилъ идти пѣшкомъ, потомъ милостиво выслушавъ подъ балдахиномъ сказанную въ похвалу себѣ жидовскую рѣчь, продолжалъ путь съ открытою головою до самой площади. Всѣ окружающіе его шли безъ шляпъ. Естьли бы при семъ случаѣ звонили въ колокола, то бы всякъ подумалъ, что идетъ по большой улицѣ похоронная процессія. Земской и градской полиціи члены съ трепетомъ шли впереди, за то повѣтовой судъ, магистраты и всѣ отъ выборовъ зависящіе чиновники терлись пола объ полу съ сенаторомъ.

— Ведите меня въ нижній земскій судъ, сказалъ онъ Гижицкому.

— Тамъ нечего дѣлать, отвѣчалъ сей, а дубенскій маршалъ подхватилъ:

— У насъ исправника нѣтъ, переведенъ въ другой повѣтъ, а засѣдатели съ нашей руки.

— Ну, такъ пойдемъ въ полицію. Кто у васъ полицемейстеръ?

— Отставной подполковникъ Корфъ, такой дерзкій старикъ, что никому не даетъ покою, не смотритъ ни на дворянина, ни на его ордена, однимъ только русскимъ генераламъ угождаетъ и за то любимъ Комбурлеемъ.

— Вотъ я жъ его! только приготовьте жалобъ побольше.

Библиотека "Руниверс"

Приходятъ въ полицію; сенаторъ вдругъ встрѣчаетъ Корфа сими словами:

— Гдѣ ты служилъ?

— Цѣлой вѣкъ въ военной службѣ, ваше превосходительство.

— Не тотъ ли ты Корфъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ командовалъ арнаутами?

— Тотъ самый.

— А... а... Такъ я знаю сего буяна.—У тебя дѣла запущены?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, только есть два не исполненныхъ по краткости времени.

— Инструментовъ пожарныхъ нѣтъ.

— Ежели угодно посмотрѣть, найдете всѣ, сколько быть должно.

— Десяцкіе не одѣты и не въ комплектѣ.

— Вотъ 25 человѣкъ, какъ положено, и всѣ по образцу въ новомъ одѣяніи.

— Что ты оправдываешься? на тебя цѣлой городъ кричитъ, что ты грабишь и разоряешь жителей.

— Напротивъ того, ваше превосходительство, на меня кричитъ одинъ только помѣщикъ, владѣлецъ здѣшній, что я запретилъ учрежденную имъ монополію на хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы, а жители всѣ мною довольны. Извольте спросить сами. Тутъ Гижицкій, Гостынскій и другіе дворяне отозвались въ одинъ голосъ:

— Какой грубіянъ! Какая дерзость!

А сенаторъ:

— Я вижу, что Комбурлей васъ избаловалъ. Завтра же тебя подъ судъ, стараго негодяя!

И хлопнулъ дверями, выходя изъ полиціи.

А Фіялковскій и Михельсонъ, секретари Сиверса, приступили къ Корфу съ совѣтами, чтобъ онъ просилъ о пощадѣ своей Гижицкаго или бы искалъ прощенія у сенатора чрезъ дворянъ.— Корфъ отвѣчалъ имъ лаконически:

— Я такимъ подлецомъ, какъ ..... не былъ и никогда не буду.

На другой день тридцать просьбъ и столько же доносовъ

Библиотека "Руниверс"

поступило на Корфа къ сенатору, изъ коихъ важнѣйшія были слѣдующія: что Корфъ играетъ въ карты съ графомъ Булгаріемъ и однажды, примѣтивъ нескромность его пальцовъ, поступилъ съ нимъ очень неделикатно, что когда одинъ жидъ, дѣлая для пожарныхъ лошадей упряжь, перепортилъ хомуты, то Корфъ, примѣряя ихъ къ его головѣ, сказалъ, видишь, какъ они узки, что на тебя не взойдутъ; слѣдовательно, онъ запрягалъ жида въ хомутъ; что чрезъ Дубно идутъ контрабанды, которые провожаются таможенными и, въ глазахъ Булгарія и Байкова, переправляются за рогатку контрольной таможни; слѣдовательно, Булгарій и Байковъ правы, а Корфъ виноватъ, зачѣмъ не видѣлъ и не заарестовалъ ихъ. Прочіе доносы были въ ближайшемъ родствѣ съ выпущенными на всѣхъ русскихъ чиновниковъ. Однакожъ сенаторъ еще столько былъ милосердъ, что отдалъ Корфа не подъ судъ, а подъ слѣдствіе, а чрезъ нѣсколько мѣсяцей, когда донесено, что Корфъ, по указу губернскаго правленія, объявилъ въ городѣ объ окончаніи ревизіи сенатора, то тогда уже отрѣшилъ его отъ мѣста и, по упомянутымъ жалобамъ, велѣлъ судить. Корфъ въ Житомірѣ умеръ, такъ сказать, съ голоду; жена тоже за нимъ пошла во гробъ, а мщеніе исполнено настояще по рыцарски.

Послѣ полиціи, ревизія прочихъ судебныхъ мѣстъ оставлена до утра. Между тѣмъ ночью сенаторъ, не выступая изъ своихъ правилъ, ходилъ по всѣмъ смраднымъ жидовскимъ закоулкамъ, собиралъ свѣденія о провозѣ контрабандовъ, о расположеніи жителей къ начальникамъ губерніи, о состояніи кагальныхъ, и слушалъ съ умиленіемъ, какъ нижній классъ евреевъ, извѣстный подъ именемъ цеховыхъ, лгалъ и клеветалъ на купцовъ, на сборщиковъ податей и на зажиточнѣйшихъ своихъ собратій изъ гражданъ. А Гижицкій съ своими поборниками цѣлую ночь упражнялся въ сортированіи просьбъ.

Какъ бы, вы думали, происходило ихъ приготовленіе?—Вы скажете, что всякій дворянинъ, имѣющій поводъ къ жалобамъ, изъяснивъ оные кратко и основательно, по пунктамъ, самъ или посредствомъ другаго, составитъ изъ того, какъ должно, просьбу, потомъ на гербовой бумагѣ перепишетъ и подпишетъ и съ пріобщеніемъ къ ней доказательствъ подастъ лично г. сенатору?

— Да.

Библиотека "Руниверс"

— Такъ, по вашему, сколько бы гдѣ поступило просьбъ къ сенатору, выключая пересылаемыхъ черезъ почту, столько долженствовало и просителей быть у него на лицо?

— Конечно.

— Хорошо, и по закону такъ слѣдовало; а естьли я вамъ разкажу совсѣмъ противное?

— Быть не можетъ.

— Божусь и увѣряю въ томъ моею честію. Вотъ какъ происходило.

Извѣстно изъ предыдущаго, что, кромѣ повѣтовыхъ маршаловъ, въ каждомъ уѣздѣ было по нѣсколько человѣкъ отборныхъ зачинщиковъ волынской революціи, дѣйствовавшихъ за одно съ Гижицкимъ, Ильинскимъ, Стройновскимъ и Ворцелемъ; напримѣръ въ житомирскомъ—Букарь и Охоцкій, въ новоградъ-волынскомъ—Ольшевскій и Вележинскій, въ острогскомъ—Кароль Яблоновскій и Прушинскій, въ ровенскомъ—Яловицкій и Стецкій, въ дубенскомъ—Ледуховскій и Яновскій, въ кременецкомъ—Држенецкій и Деніско, въ луцкомъ—Быстрый и Шиметъ, во владимірскомъ—Гостынскій и Ропикеръ, ковельскаго—Чернецкій и Весоловскій, заславскаго—Валѣвскій и Янишевскій, старокостантиновскаго—Ржеуская и Кохановскій, овруцкаго—Галецкій и Залыскіе. Извѣстно, что когда, по возвращеніи Ильинскаго и Гижицкаго изъ столицы, были въ Романовѣ и въ другихъ мѣстахъ мятежныя сборища, что когда получено увѣдомленіе о назначеніи сюда ревизора, то маршалы, и сами собою, и черезъ наемныхъ ораторовъ, то силою, то просьбами, то происками, кого могли, возбуждали къ участвованію въ ихъ конфедераціи. Наконецъ извѣстно о томъ, что едва Сиверсъ запесъ ногу свою въ Житомиръ, то вся губернія пришла въ судорожное движеніе. Чтожъ дѣлали всѣ сіи образцовые люди?—Отворили для пиршествъ собственные и друзей своихъ дома, учредили небывалыя празднества, приглашали на оныя богатыхъ и бѣдныхъ сосѣдей и среди забавъ толковали безпрестанно, что настоящее и будущее ихъ счастіе зависитъ отъ единомыслія, что не порознь, а совокупно должно дѣйствовать противу Комбурлея и противу губернскаго и мѣстнаго начальства, что сенаторъ Сиверсъ уже на ихъ сторонѣ, что онъ все то сдѣлаетъ, чего желать и просить будемъ. Потомъ говорили: вспомните, что мы терпѣли и терпимъ. И начали изчи-

Библиотека "Руниверс"

слять. Погонщики за рекрутъ не зачтены, рекруты изъ ревизіи не исключены, помѣщики за взятой хлѣбъ не удовлетворены, обывательскія тройки не спущены, разоренные повѣты отъ дачи лошадей не освобождены, засѣдатели, отъ короны опредѣленные, не удалены, маршалы наши не знаютъ ни о какихъ указахъ и распоряженіяхъ правительства и даже увольнены, мы не пользуемся ни подрядами, ни откупами, продовольствуемъ въ пути арестантовъ безъ платежа, отводимъ пастбища для войскъ въ самыхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ, разоряемся воинскими командами, а начальство не защищаетъ. Въ какомъ теперь состояніи наши поселяне? А что стоятъ рекруты? Что отдача лошадей? Что платежъ въ казну податей?—Неужели вы не имѣете причинъ къ жалобамъ? Противу сего нѣкоторые изъ благомыслящихъ отзывались такъ: чтожъ виноватъ Комбурлей или мѣстное начальство, естьли я или другой не прислалъ и не взялъ на погонщика квитанцію, если не представилъ требуемыхъ неоднократно списковъ рекрутамъ, естьли на удовлетвореніе за хлѣбъ денегъ изъ казны не отпущено, естьли о снятіи троекъ повелѣнія не послѣдовали, естьли брать лошадей и съ разоренныхъ повѣтовъ приказано, естьли засѣдатели отъ короны гораздо способнѣе къ должности, нежели служащіе по выборамъ, естьли не маршальское дѣло публиковать указы, естьли мы сами никогда не являемся къ торгамъ на подряды и откупы, а когда и пріѣзжаемъ, то безъ залоговъ, естьли на пустыхъ и голыхъ мѣстахъ пастбищъ для казенныхъ лошадей быть не можетъ, естьли военнымъ командамъ о нераззоренін насъ даемъ сами квитанціи и естьли сами же мы запускаемъ подати въ недоимку? А въ разсужденіи отдачи рекрутъ и лошадей виновато ли правительство, что насъ обираютъ и обманываютъ наши отдатчики, которые потомъ на наши же деньги купили себѣ недвижимыя имѣнія или отъ насъ же самихъ взяли деревни въ аренду? Но всѣ таковыя выраженія оставались безъ успѣха, ибо гдѣ дѣйствуютъ страсти, тамъ не слушаютъ голоса благоразумія. Послѣ споровъ и противурѣчій садились за столъ. Покалы съ венгерскимъ и самыхъ скромныхъ дѣлали дерзкими. Послѣ обѣда попойка удвоилась, разговоры возвышались, претен-

Библиотека "Руниверс"

зіи прибавлялись, ненависть къ начальству часъ отъ часу возрастала, партія недовольныхъ усиливалась, а хозяинъ дома или одинъ изъ друзей его, ставъ на возвышенномъ мѣстѣ, проситъ *о голосѣ*, то есть, чтобы позволили ему говорить. Пьянственный шумъ умолкаетъ, а онъ, показывая собранію заблаговременно составленныя и въ общую просьбу обращенные дворянскихъ жалобъ пункты, начинаетъ точно то читать, о чемъ я вамъ говорилъ прежде, только добавляетъ лица и Комбурлея вмѣшиваетъ во всякое дѣйствіе. Окончивъ чтеніе, возглашаетъ: кто любитъ отечество и благо своихъ земляковъ, тотъ да приступитъ сюда и подпишетъ на сей бумагѣ свое имя. Партія недовольныхъ бѣжитъ къ столу первая, потомъ однихъ ведутъ, а другихъ несутъ туда и никто не смѣетъ не приложить руки своей къ толико непринужденной, справедливой и безпристрастной просьбѣ. Подаютъ вновь покалы. Виватъ, Сиверсъ! Ильинскій! Гижицкій! виватъ, повѣтовые маршалы!—раздается по всему пространству дома. Напослѣдокъ вся сія комедія-опера оканчивается колѣнопреклоненіями одного передъ другимъ, признаніями въ совершенномъ невѣденіи, что они подписали, увѣреніями въ постоянной ненависти къ русскимъ чиновникамъ и всеобщимъ недоумѣніемъ, какой успѣхъ имѣть будетъ клевета. Хозяинъ, унося просьбу, оповѣщаетъ всѣхъ, что сей же часъ представляетъ пункты жалобъ ихъ повѣтовому маршалу, а собраніе отвѣчаетъ крикомъ, что истину общеподписанную готовы утвердить частными показаніями.

На другой день хозяинъ и его друзья, каждый особенно подхвативши себѣ писаря, по русски силлябизующаго, и взявъ нѣсколько дестей гербовой бумаги, отправляются по вчерашнимъ гостямъ, куда кому назначено, и пока еще не простылъ въ головахъ у нихъ жаръ, принуждаютъ сдержать данное слово и по обѣщанію дать частное показаніе. Полупьяный претендаторъ косвеннымъ языкомъ бормочетъ о Комбурлеѣ, о губернскомъ начальствѣ, о насиліяхъ полиціи, о вымогательствахъ, о грабежѣ отъ войскъ, о ключвойтахъ и Богъ знаетъ о чемъ. Безграмотный писарь чертитъ по словамъ его планъ просьбы къ Сиверсу, а ново-пріѣзжій наблюдаетъ, чтобы не вкралась туда жалоба на кого либо изъ

Библиотека "Руниверс"

польскихъ чиновниковъ. Симъ образомъ поспѣвшая просьба тамъ же подписуется, а послѣ пріобщается къ прочимъ таковымъ же, а когда ихъ соберется пятьдесятъ, сто и болѣе, тогда всѣ разомъ препровождаются къ повѣтовому маршалу, который, доставъ въ свои руки столь богатый скарбъ, хранитъ его, какъ зѣницу ока, до пріѣзда господина сенатора. Но на этомъ еще не конецъ. Даютъ сигналъ, что въ такой то день Сиверсъ выѣзжаетъ для ревизіи городовъ повѣтовыхъ. Отъ маршала летятъ по деревнямъ письма и повѣстки, чтобъ явились всѣ претендаторы туже минуту. Начинщики раздоровъ всѣ въ городъ, а изъ подписавшихъ просьбы иной забылъ, что послалъ жалобу, другой боится, третій не помнитъ, къ какой бумагѣ приложилъ свою руку, четвертый жалѣетъ издержекъ, пятый говоритъ, что и безъ него дѣло обойдется. Итакъ не пріѣхало и третьей части, за то другіе изъ любопытства или по надобности явились въ городъ безъ особаго приглашенія. Тутъ-то уже недовольные начальствомъ общими силами старались и сихъ преклонить на свою сторону. Для нихъ то Гижицкій приготовлялъ жалобы самъ, а наемная канцелярія переписывала. Какъ же теперь представлять жалующихся? Ихъ на лицо сто или еще меньше, а просьбъ триста или четыреста? Бѣглый въ махіавелевой наукѣ умъ нашелъ прекрасное къ тому средство, и вотъ какое: какъ скоро сенаторъ пріѣзжаетъ въ повѣтовый городъ, то тамошній маршалъ Гяжицкому, а Гижицкій сенатору доноситъ, что нѣсколько сотъ несчастныхъ обывателей съ жалобами на обиды и притѣсненія, отъ губернскаго начальства претерпѣваемыя, ожидаютъ отъ него справедливости, милосердія и покровительства. Потомъ Гижицкому вручаютъ списокъ, кто изъ дворянъ есть на лицо, а кого изъ подписавшихъ жалобы нѣту. На другой день рано собираются всѣ наличные къ повѣтовому маршалу. Гижицкій видитъ, что ихъ очень мало, уговариваетъ судій, подсудковъ, юристовъ, палестрантовъ, а гдѣ есть, то и студентовъ соединиться съ первыми. И такимъ образомъ умноживъ число, ведетъ ихъ въ препровожденіи маршала къ сенатору на дворъ, гдѣ между тѣмъ стоитъ собранная тѣмъ же манеромъ толпа жидовъ, мѣщанъ, женщинъ, дѣтей и разнаго званія людей,

Библиотека "Руниверс"

вводятся дворяне въ комнату сенатора, и тѣ, кои въ рубахъ держатъ просьбы, ставятся въ первые ряды. Выходитъ сенаторъ-ревизоръ. Гижицкій представляетъ ему повѣтоваго маршала, дворянство и толпу народа съ перваго взгляда многочисленную. Сиверсъ проговорилъ предъ ними длинную рѣчь о достоинствѣ власти и могуществѣ ревизора, о выборѣ въ тому въ ево особѣ учиненномъ, о высочайшемъ къ нему довѣріи, обыкновенно оканчиваетъ слово свое вопросомъ: не имѣете ли какихъ отъ кого либо обидъ и притѣсненій? Тутъ слышимы становятся со всѣхъ сторонъ голоса. Насъ угнетаютъ, притѣсняютъ, раззоряютъ, грабятъ и вымучиваютъ поборы въ-двое и въ-трое, а къ тому запрещаютъ жаловаться. Кто? что? какъ?—На сіи вопросы иной отвѣчалъ: губернское начальство, другой говоритъ: мѣстная полиція, исправники, городничіе, тотъ кричитъ: стрянчіе, засѣдатели отъ короны и ключвойты, а сей войска, провіантскіе смотрители и пріемщики.—Не забыли нѣкоторые о казначеяхъ, секретаряхъ и канцелярскихъ служителяхъ; всѣ же вообще объявили, что они не довольны начальникомъ губерніи. (Пройдите всю Россію, спросите у крестьянъ въ деревняхъ, довольны ли они своими приказчиками или старостами? Что они скажутъ? Принесутъ тысячи жалобъ—для чего? для того, что рады всякую недѣлю имѣть новаго управителя). Сенаторъ опять къ нимъ отзывается: „ахъ, какъ вы несчастны! отдайте просьбы свои губернскому маршалу, а мы разсмотримъ ихъ. Я донесу моему государю и правительству о вашихъ бѣдствіяхъ. Я знаю, все знаю, что вы терпите. Будьте покойны!“—Когда дворяне уходили, то впускали тѣмъ же порядкомъ жидовъ, мѣщанъ и всю на дворѣ стоявшую сволочь. Тѣже были вопросы, тѣ отвѣты, тѣ восклицанія, тѣ увѣренія и тѣмъ же путемъ достигали просьбы къ сенатору. Еще не конецъ исторіи. Гижицкій, чтобъ представить Сиверсу, сколь многочисленно жалующееся дворянство, послѣ ревизорской аудіенціи, одну часть изъ прежнихъ просителей командируетъ въ повѣтовый судъ, чтобъ тамъ стояли и ожидали бъ прибытія его съ сенаторомъ, другую такимъ же образомъ въ нижній земскій судъ, а третью въ казначейство. Итакъ куда сена-

Библиотека "Руниверс"

торъ не приходитъ, вездѣ встрѣчается съ жалобами. Лица тѣже, но дѣйствія новыя и явленія безпрестанно перемѣняются; слѣдовательно, судя по числу просьбъ, не трудно было увѣрить сенатора, что въ такомъ-то городѣ было дворянъ просителей триста, въ такомъ-то четыреста, тамъ двѣсти пятьдесятъ, а въ томъ двѣсти—вездѣ-же около трехъ тысячъ, а въ самомъ дѣлѣ не было ихъ во всѣхъ городахъ и пятисотъ. Вотъ какъ по всѣмъ повѣтамъ происходили наборы просителей, доступъ ихъ къ сенатору и пріемъ жалобъ. Надобно повѣтовымъ маршаламъ быть слѣпымъ, дабы не видѣть, что они во все время конфедераціи романовской были ничто иное, какъ гладіаторы, подстрекаемые недовольною партіею къ тому, чтобъ, во вреду своей чести, поддерживать вражду, обѣщавшую вѣрную пользу двумъ только человѣкамъ: Ильинскому и шурину его Гижицкому.

— Извините меня,—сказалъ мой историкъ:—я такъ заговорился, что позабылъ, гдѣ мы оставили сенатора.

— Въ Дубнѣ, отвѣчалъ я,—поднявшаго десницу свою на Корфа и готоваго разить всякое русское чиноначаліе.

— Правда, правда, и продолжалъ такъ:

Послѣ осмотра полиція, на другой день г. ревизоръ былъ страдательною причиною тѣхъ дѣйствій и явленій, которые по порядку выше сего мною описаны, то есть принималъ дворянство, мѣщанство и жидовъ, говорилъ къ нимъ рѣчь, слушалъ ихъ словесныя жалобы, письменныя поручилъ Гижицкому, показывалъ на словахъ и на лицѣ своемъ неудовольствіе къ Комбурлею, отзывался весьма худо на счетъ губернскаго начальства, членовъ градской и земской полиціи величалъ мошенниками, казначеевъ ворами, а ключвойтовъ разбойниками. Потомъ, расхваливъ въ повѣтовомъ судѣ и въ магистратѣ служащихъ по выбору членовъ, побранивъ нижній земскій судъ и стряпчаго за дѣла, по случаю бывшихъ военныхъ обстоятельствъ неконченныя, подтвердивъ казначею, чтобъ былъ въ своей должности еще исправнѣе, отдавъ подъ слѣдствіе Корфа и кагальныхъ, выѣхалъ въ Луцкъ, провожаемый далеко за городъ зрителями таковой небывалой никогда въ здѣшнемъ краю скороспѣшной ревизіи.

Библиотека "Руниверс"

Въ Луцкѣ тѣже сцены, тѣже дѣйствія, но съ нѣкоторою перемѣною въ явленіяхъ. Въ Дубнѣ не было исправника, для того обрушилось мщеніе на полицмейстера; а въ Луцкѣ не было городничаго, для того напали на нижній земскій судъ. Трудно было при такихъ обстоятельствахъ остановить стремленіе пристрастныхъ побужденій. Исправника луцкаго не возлюбили съ тѣхъ поръ въ повѣтѣ, какъ имъ стали довольны военные генералы, войска и гражданское начальство, слѣдовательно во время переворота нельзя было уже удержаться ему на своемъ мѣстѣ, а какъ средства къ удаленію всякаго отъ должности состояли въ томъ, чтобъ кто нибудь его обжаловалъ, то безъ дальняго труда нашли двадцать помѣщиковъ, подписавшихъ вообще и порознь просьбы съ жалобою на исправника, а на другой день, не спрашивая отъ просителей доказательствъ и оправданія отъ отвѣтчика, отрѣшеніе его было готово. Странно, что уже и бумага о томъ была сенаторомъ подписана, но не имѣла дѣйствія. Говорятъ, что на сторонѣ исправника была канцелярія. Итакъ строгость, наказывая въ жару гнѣва, всегда почти заблуждается, и милость ея не въ милость. Исправникъ подалъ послѣ въ отставку и увольненъ съ честію. Да и самые тѣ дворяне, кои его обжаловали, дали черезъ годъ свидѣтельство, что никакой обиды отъ него не чувствовали и никакой претензіи къ нему не имѣютъ. Впрочемъ въ Луцкѣ, какъ и въ Дубнѣ, по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ найденъ совершенной порядокъ, отдана благодарность и путь взятъ во Владиміръ.

Тутъ таже церемонія, таже процессія, но съ большими декораціями. Дворянству надобно было сбыть съ рукъ исправника Фаеріуса и городничаго Яковича; Фаеріуса за то, что онъ во времена браней съ Наполеономъ, ревностію къ службѣ и усерднымъ отправленіемъ своей должности столько отличался, что командующіе арміями: фельдмаршалъ князь Кутузовъ, князь Багратіонъ, графъ Тормасовъ и адмиралъ Чичаговъ, кромѣ прочихъ генераловъ, отдавали трудамъ его и дѣятельности величайшую похвалу, начальникъ-же губерніи, въ вознагражденіе таковыхъ заслугъ, исходатайствовалъ ему два ордена: Владимірской и Анненской, да

Библиотека "Руниверс"

пожалованіе чиномъ колежскаго ассесора. Къ тому-жъ еще говоритъ, что въ 1812 году, по случаю неоднократнаго впаденія его, Фаеріуса, съ передовыми козачьими командами въ предѣлы тогдашняго варшавскаго герцогства, отъ тамошняго правительства положена даже была за его голову плата. Преступленіе Янковича состояло въ томъ, что онъ съ молодыхъ лѣтъ знакомъ Комбурлею и что, по усердію къ своей обязанности, доносилъ начальнику о неблагопристойности и измѣнѣ нѣкоторыхъ владимірскихъ помѣщиковъ. При обревизованіи сенаторомъ нижняго земскаго суда, окружающая его вмѣстѣ съ Гижицкимъ толпа дворянства и письменно и словесно просили удалить Фаеріуса отъ должности, а естьли сего не послѣдуетъ, то они выѣдутъ жить за границу. Любопытно было видѣть, какъ обжалованный исправникъ, при глазахъ ревизора Сиверса, одинъ противу многихъ возставшихъ на него помѣщиковъ огрызался и доказалъ, что просьбы ихъ неосновательны, желанія пустыя, а жалобы ничего незначущія. Однако-жъ едва-ли-бы успѣлъ Фаеріусъ, естьли-бы не оправдывался и не объяснялся съ г. Сиверсомъ на нѣмецкомъ языкѣ, отъ котораго звуки, а особливо ланцманства такъ много подѣйствовали на сердце сенатора, что онъ, дабы, чрезъ отрѣшеніе отъ мѣста и отдачу Фаеріуса подъ судъ, не причинить ему несчастія, милостиво совѣтовалъ проситься въ отставку. Просьба подана; онъ увольненъ, и дворяне вострубили побѣду. Янковичъ сербинъ, по нѣмецки не знаетъ, а къ тому-же голъ и немощенъ, для того по одной безъдоказательной просьбѣ помѣщика, будто городничій опустошилъ его лѣсъ, отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Забавно слушать, что черезъ восемь мѣсяцей потомъ, когда проситель на Янковича, Пригоцкій, оказался по слѣдствію безъдоказательнымъ клеветникомъ, а городничій во всемъ правъ, то сенаторъ, предписавъ отдать перваго подъ судъ за ябеду, послѣдняго не допустилъ къ мѣсту, а еще забавнѣе, что отданный подъ судъ клеветникъ Пригоцкій, безъ судоваго оправданія, избранъ въ должность владимірскаго исправника и Гижицкимъ утвержденъ, а 65-ти-лѣтній Янковичъ, не имѣя куска хлѣба и прибѣжища, считается подъ судомъ, и выѣздъ ему изъ губерніи запрещенъ. Хорошо такъ искоренять

Библиотека "Руниверс"

злоупотребленія! Кромѣ сихъ двухъ жертвъ сенаторской политики, отрѣшены, изъ угожденія дворянству, засѣдатели отъ короны, а послѣ обыкновеннаго одобренія и похвалы за найденную во всѣхъ частяхъ по повѣту и городу Владиміру исправность, повезъ ревизора Гижицкій въ Ковель.

Здѣсь такимъ-же образомъ забравши приготовленный запасъ жалобъ, расхваливши всѣ присутственныя мѣста, разругавши жидовскихъ кагальныхъ, сенаторъ Сиверсъ принужденъ былъ показать безпристрастную справедливость надъ земскимъ исправникомъ Смирницкимъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что у него въ повѣтѣ дороги, мосты и гати неисправны, что недоимка запущена, что много важныхъ колодничьихъ дѣлъ слѣдствіемъ неконченныхъ? Совсѣмъ нѣтъ. Юристъ Весловскій, да еще какая-то помѣщица, подали сенатору на него жалобу о грубомъ обращеніи исправника съ дворянами. Весловскій представилъ въ доказательство письмо Смирницкаго, изобличающее самаго-же просителя въ клеветѣ, а помѣщица голословно представляла, что исправникъ въ 1813 году, внезапнымъ для войскъ требованіемъ изъ деревни ея подводъ и личнымъ затѣмъ въ оную своимъ прибытіемъ, перепугалъ ее до смерти. Дворянство не хотѣло имѣть у себя Смирницкаго. Повѣтовый маршалъ шепнулъ о томъ Гижицкому, Гижицкій представилъ столь важную причину сенатору. Жалобы изготовлены, подписаны и поданы. Чего-жъ долго дожидаться? Отрѣшить Смирницкаго отъ должности и предать суду. Отрѣшенъ и судится Но ни одинъ судъ не знаетъ, какъ взяться за это дѣло, а подсудимый бѣдникъ, страдая напрасно, не находитъ нигдѣ помощи, ибо рука Сиверса лежитъ на немъ. Помышляя о семъ, по неволѣ скажемъ такъ: снѣжный шаръ тѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ болѣе его катаютъ.

Между тѣмъ какъ удобопреклонностію сенатора къ слушанію пустыхъ жалобъ насыщалась недовольной партіи жадность къ перемѣнѣ исправниковъ и другихъ полицейскихъ чиновниковъ, въ губернскомъ правленіи состоялись два опредѣленія и по онымъ посланы указы: первое о томъ, что буде-бы не имущимъ крестьянамъ помѣщики не давали пропитанія (какъ то случилось въ

Библиотека "Руниверс"

одной сказанной тамъ деревнѣ, гдѣ поселяне пухли съ голоду), то велѣно земскому начальству брать господскій хлѣбъ и кормить голодныхъ крестьянъ, а второе—по поводу перехваченныхъ и къ начальству доставленныхъ маршальскихъ повѣстокъ о незаконномъ сборѣ съ души по десяти копѣекъ для Гижицкаго, чтобъ впредь повѣтовые маршалы посылали къ дворянамъ повѣстки свои не прямо отъ себя, но посредствомъ нижнихъ земскихъ судовъ, съ увѣдомленіемъ содержанія оныхъ, а въ случаѣ незаконности, судамъ предписано—не приводить ихъ въ исполненіе; а какъ причиною тому былъ Гижицкій, то о поступкѣ его, вышедшемъ изъ предѣловъ власти и его обязанности, представлено на благоуваженіе сенатора-ревизора. Но сенаторъ-ревизоръ нетолько не взялъ на себя труда розыскать объ ономъ и поступить съ преступникомъ по строгости законовъ, но, не взирая на установленные обряды правосудія, не могъ будто-бы, какъ говорятъ, по весьма важнѣйшимъ причинамъ не простить его; а чтобъ на вѣки уморить сіе дѣло, яко памятникъ дворянской признательности къ ревизору, то оправдалъ Гижицкаго предъ самимъ государемъ императоромъ, какъ свидѣтельствуетъ высочайшій на имя его данный указъ отъ 28 го ноября 1815-го года. Что-жъ худого заключали въ себѣ означенныя два опредѣленія губернскаго правленія? Однакожъ маршалы такъ разошлись, что готовы были вызывать на поединокъ совѣтниковъ подписавшихъ указы и вѣчными остались имъ за то мстителями. Они кричали со всей мочи по повѣтамъ и жаловались сенатору, что ихъ подъ надзоръ отдали земской полиціи, а опубликованіемъ помѣщика, у коего крестьяне умирали съ голоду, нанесено безчестіе всему дворянству. Ревизоръ Сиверсъ не разсудилъ за благо обратить ихъ на другія мысли, боясь, что Гижицкій противу него самаго воздвигнетъ страшную бурю; къ тому-же Сиверсъ крайне подружился съ Гижицкимъ, а быть другомъ его гораздо опаснѣе, нежели непримиримымъ врагомъ.

Изъ Ковля отправился г. сенаторъ обратно, чрезъ владимірскій, луцкій и дубенскій повѣты, въ городъ Ровно. Тутъ ожидалъ его графъ Ильинскій. Увидѣлись, обнялись, поцѣловались и заплакали отъ радости: одинъ, что его предпріятія и затѣи вѣн-

Библиотека "Руниверс"

чаются толикими успѣхами, а другой, что доставленный интригою случай быть волынскимъ ревизоромъ открылъ для честолюбія его ту дорогу, по которой на высоту славы восходятъ только одна истинная заслуга и отличныя дарованія. Но оба гг. сенаторы забыли, что сильные земли за всякую слезу подвластныхъ имъ, невинно пролитую, должны дать отчетъ Господу силъ и Богу отмщеній. Гижицкій и со всѣхъ обревизованныхъ повѣтовъ маршалы слѣдовали за ревизоромъ. Трепещите, градская и земская полиція, и вы, засѣдатели отъ короны, и ты, стряпчій! Конецъ вамъ приближается.

— Кто здѣсь исправникъ? спросилъ Сиверсъ.

— Царенко.

— Царенко? (тотъ самый, который посылалъ экзекуцію въ романовскій замокъ, который не исполнилъ воли его сіятельства графа Августа Ивановича Ильинскаго, который дерзнулъ клеветать на Валевскаго, на Яловицкихъ, на Ленкевичеву и на многихъ другихъ помѣщиковъ, высылавшихъ дѣтей и друзей своихъ за границу въ несчастное время прошедшей войны, будто они подозрительны и неискренно привязаны къ высочайшему престолу, который помѣщика Кашевскаго осмѣлился преслѣдовать за то, что онъ завелъ у себя фабрику для дѣланія убійственныхъ орудій и для запрещенной подчинки ружей, раздаваемыхъ секретно неизвѣстнымъ людямъ на извѣстное употребленіе, который прежде другихъ исправниковъ доносилъ Комбурлею о подозрительныхъ собраніяхъ и о всякихъ движеніяхъ въ его совѣтѣ?)—Подъ судъ его, непремѣнно подъ судъ.

— А городничій кто?

— Кутузовъ.

Услыша сіе имя, спросилъ опять сенаторъ:

— Каковъ онъ?

— Человѣкъ добрый; — но... княгиня, владѣлица города Ровно, не любитъ его (а особливо арендари ея не терпятъ такого градоначальника, который запрещаетъ имъ брать мыто, мостовое и разныя пошлины, взимаемыя по контракту отъ продажи печенаго хлѣба и всѣхъ прочихъ жизненныхъ припасовъ).

Библиотека "Руниверс"

— Есть-ли на его жалобы?
— Будутъ.
— Подъ судъ его.
— Стряпчій хорошъ ли?
— Великій интригантъ.
— Вонъ и его негодяя изъ повѣта.
Рече и быша!

На другой день, послѣ подачи на аудіенціи установленнымъ порядкомъ многочисленныхъ по заведенному обыкновенію просьбъ на губернское и мѣстное начальство, посыпались жалобы на городничаго, на исправника, на стряпчаго, на засѣдателей, на ключвойтовъ. Можетъ быть поступили-бы претензіи и на соцкихъ и на десятскихъ, но они помѣщичьи крестьяне, для того сама благопристойность запрещала жаловаться. Не взирая однако жъ на жалобы, г. сенаторъ, обревизовавъ присутственныя мѣста и видя во всѣхъ частяхъ исправность, долженъ былъ, хотя съ принужденнымъ удовольствіемъ, отдать справедливость и градской полиціи, и нижнему земскому суду, и стряпчему. Но выѣзжая изъ Ровного, исправника и стряпчаго отрѣшилъ отъ мѣстъ и отдалъ подъ судъ, а городничему позволилъ проситься въ отставку. Вотъ въ полномъ значеніи слова роскошь милосердія и человѣколюбія! Представьте себѣ, когда начали стряпчаго судить и потребовали доказательствъ отъ обжаловавшихъ его помѣщиковъ, то всѣ отъ просьбъ своихъ отреклись и дали стряпчему свидѣтельство, что онъ имъ никакой не причинилъ обиды, а главному суду удостовѣреніе, что и они съ своей стороны никакой къ нему претензіи не имѣютъ. Вотъ каковы волынскіе помѣщики! Исторія сего дѣла извѣстна сенату и министру юстиціи, который велѣлъ дать стряпчему мѣсто въ другомъ повѣтѣ. Царенко такимъ-же образомъ давно-бы оправдался, естьли-бъ не впутали его въ другія дѣла, а Кутузовъ хотя совершенно не виноватъ, однакожъ уволенъ затѣмъ, что не умѣлъ угодить помѣщицѣ города Ровно, княгинѣ Любомирской, ревностнѣйшей патріоткѣ, извѣстной еще до замужества по своимъ любовнымъ интригамъ съ ославленнымъ предводителемъ мятежныхъ польскихъ войскъ, генераломъ Костюшкою.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Ровного въ Острогъ, кромѣ Гижицкаго и маршаловъ съ знатнѣйшими изъ недовольной партіи дворянами, препровождалъ сенатора Сиверса самъ графъ Ильинскій, мнимый князь мнимаго острогскаго княжества. Тутъ хотѣли сыграть какую-то странную комедію, подъ предлогомъ, что не вездѣ по губерніи русскіе чиновники дурные люди, а есть и хорошіе. И для того, представъ предъ сенатора, многочисленное дворянство и по извѣстному уже церемоніалу, принявъ отъ него аудіенцію, а ему насказавъ столько жалобъ, сколько говорить имъ приказано, и подавъ столько просьбъ, сколько было изготовлено, пустились всѣ въ запуски рекомендовать полиціймейстера, исправника и стряпчаго. Хвалятъ и улыбаются. Сенаторъ слушаетъ и самъ усмѣхается. Ахъ, какъ вредно для глазъ смотрѣть на такія сцены послѣ того, какъ нагляднишься на лукавство, неправосудіе и неукротимую жестокость! Однако-жъ пойдемъ вслѣдъ за сенаторомъ. Онъ въ городническомъ правленіи. Удивляется порядку и скорому теченію дѣлъ, одобряетъ прочность пожарныхъ инструментовъ, хвалитъ чистоту улицъ, одѣяніе десятскихъ и исправность вѣсовъ и мѣръ. Отдавши благодарность словесно и на письмѣ начальнику города и его подчиненнымъ, вотъ онъ идетъ въ нижній земскій судъ. И тутъ все прекрасно, все исправно. Обращается въ казначейство и тамъ находитъ казну и книги въ совершенномъ порядкѣ. Куда-же онъ теперь поспѣшаетъ? Въ жидовскій кагалъ, и въ семъ старозаконномъ собраніи видитъ все на своемъ мѣстѣ. Тамъ кагальскія книги, тамъ счеты, а тамъ наличная казна. Повѣряетъ самъ приходъ съ расходомъ, вѣрно; читаетъ порознь статьи издержекъ, нѣтъ незаконныхъ; подзываетъ къ себѣ кагальныхъ и, въ знакъ благоволенія, гладитъ ихъ по бородѣ и даетъ отъ себя кагалу найлучшее свидѣтельство. Надобно замѣтить, что все сіе происходило безъ бытности настоящаго города Острога владѣльца, князя Кароля Яблоновскаго, крайне недовольнаго городничимъ, стряпчимъ и самимъ сосѣдомъ своимъ Ильинскимъ. Княжеская партія жидовъ, числомъ небольшая, но голая, дерзкая, во всему рѣшительная, хотя и приходила къ сенатору съ жалобами по наущенію управителя владѣльческаго, но его превосходительство, ненавидя-

Библиотека "Руниверс"

щій доносовъ и пустыхъ извѣтовъ, приказалъ прогнать вѣдниковъ. Что жъ потомъ дѣлаетъ упрямый князь?—Прибѣгаетъ въ Острогъ, одѣваетъ на свой счетъ оную дерзкую сволочь въ новые кафтаны, нанимаетъ двѣнадцать брикъ, везетъ ихъ къ сенатору въ Радзивиловъ, представляетъ ихъ, яко добычу мщенія градской полиціи и стряпчаго, клевещетъ обще съ ними на чиновниковъ; но сенаторъ пребываетъ непреклоненъ. Князь съ ничѣмъ возвращается назадъ, ищетъ по всему городу матеріаловъ къ жалобамъ, поитъ непотребныхъ сыновъ израилевыхъ и, наполнивъ ими пятнадцать брикъ, въ другой разъ везетъ ихъ къ огорченному и раздраженному па Комбурлея Сиверсу въ Бердичевъ. Ищетъ у него, то чрезъ Михельсона, то чрезъ любимца его Кіянова, то чрезъ дѣвку чухонку Анхенъ, словомъ атакуетъ со всѣхъ сторонъ и хотя съ потеряніемъ, говорятъ, двухъ или трехъ тысячъ червонныхъ, но возвращается, поставивъ на своемъ. Онъ испросилъ повелѣніе удалить отъ должностей полицмейстера, стряпчаго и одного засѣдателя, отрѣшить кагальныхъ, конхъ недавно сенаторъ гладилъ по бородѣ, по жалобамъ княжескихъ клевретовъ, отдать всѣхъ ихъ подъ судъ, къ произведенію-же надъ ними слѣдствія послалъ нѣкоего хоронжего Грибинскаго, о которомъ и его неслыханныхъ подвигахъ разскажу вамъ послѣ. Вотъ какъ иногда безсловѣчно играютъ судьбою людей!

Обратимся назадъ. Сенаторъ изъ Острога отправился въ Заславь и оттоль въ Кременецъ. Ни тутъ, ни тамъ ничего не сдѣлалъ достопамятнаго, кромѣ того, что все хвалилъ, всему удивлялся и принималъ жалобы на губернскія присутственныя мѣста и на коронныхъ чиновниковъ. Хотя по всѣмъ повѣтамъ было дѣлаемо ему чрезвычайное угощеніе, но въ Кременцѣ, гдѣ славная гимназія и три женскихъ пансіона, гдѣ много ученыхъ, а мало добрыхъ, гдѣ собираются пожилыя дамы и убиваютъ время, а молодыя учатся разврату, приняли сенатора отличнѣйшимъ образомъ. Но среди великолѣпнаго балу пріѣзжаетъ нарочный и доноситъ сенатору, что генералъ-адьютантъ Кутузовъ дожидается его въ Радзивиловѣ съ повелѣніями отъ императорскаго величества. И такъ г. сенаторъ-ревизоръ, выѣхавшій четвертаго числа мая, возвра-

Библиотека "Руниверс"

тился паки въ Радзивиловъ 23 того-же мѣсяца. Какая неимовѣрная дѣятельность! въ двѣнадцать дней проѣхать семь сотъ верстъ, обревизовать восемь повѣтовъ, принять болѣе двухъ тысячь никѣмъ не читанныхъ и никому непонятныхъ жалобъ, вездѣ видѣть порядокъ и исправность и нигдѣ ни малѣйшаго злоупотребленія, всѣхъ хвалить, а послѣ отрѣшать отъ должностей!! А какъ Кутузовъ, по увѣренію Сиверса, вручилъ ему разныя бумаги, относящіеся до радзивиловской слѣдственной коммисіи, до угнетеній и притѣсненій, чинимыхъ волынянамъ отъ губернскаго начальства, до злоупотребленій губернскихъ и таможныхъ чиновниковъ и до существовавшей въ Бердичевѣ складки отъ запрещенныхъ товаровъ, съ высочайшимъ повелѣніемъ произвести на мѣстѣ строжайшее изслѣдованіе, каковыя бумаги, говоритъ Сиверсъ, весьма сильно поколебали въ немъ тѣ впечатлѣнія на счетъ Комбурлея, которые онъ вывезъ съ собою изъ Петербурга, то матерія о сихъ пространныхъ предметахъ столь нова и столь занимательна, что на объясненіе ея надобно употребить гораздо болѣе времени, нежели сколько мы имѣемъ онаго свободнымъ.

Я благодарилъ любезнаго моего собесѣдника, который дѣйствительно устоялъ въ словѣ, ибо въ послѣдующіе затѣмъ три дни разсказалъ мнѣ окончательно не только объ интригахъ дворянства и всеобщемъ онаго непослушаніи къ начальству, но подробно далъ знать о дѣлахъ таможенныхъ, о дѣлахъ до ревизіи еврейской касающихся, о Булгаріи, о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ по части ввоза контрабандовъ, о вызовѣ Гижицкаго въ армію, о собраніи дворянъ въ Кременцѣ, потомъ въ Житомірѣ, о подписаніи ими акта противу начальства, о сопротивленіи маршаловъ законной власти, о путешествіяхъ г. сенатора Сиверса въ Романовъ, изъ Романова въ Житоміръ, изъ Житоміра въ Бердичевъ, о неотступномъ повсюду слѣдованіи за Сиверсомъ Ильинскаго и всей вообще партіи недовольныхъ, о началѣ, продолженіи и окончаніи слѣдствія, о бердичевской складкѣ, о ужасныхъ сценахъ при томъ бывшихъ, о новыхъ доносахъ на Комбурлея, Хрущова и на всѣхъ вообще губернскихъ чиновниковъ, объ отрѣшеніи ихъ, о выѣздѣ сенатора въ Петербургъ и о возвращеніи, о новыхъ ужасахъ, насильствахъ и несправедливостяхъ и о всеобщемъ торжествѣ волынянъ. Разговоры наши и мѣстныя удостовѣренія о справедливости мнѣ пересказаннаго такъ важны и такъ къ объясненію трудны, что я, дабы не утомить разомъ вашего вниманія, рѣшился помѣстить ихъ въ четвертомъ письмѣ, коимъ и заключу пространное мое описаніе о волынской революціи.

Имѣю честь быть и прочее.

Библиотека "Руниверс"

I.

Изъ писемъ къ М. А. Максимовичу.

(Письма С. Т. Аксакова).

«Шевнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ:
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ!»...
Жуковскій.

Бывшій профессоръ московскаго университета, профессоръ и первый ректоръ кіевскаго университета М. А. Максимовичъ оставилъ по себѣ рѣдкую добрую память. Отношенія къ нему многихъ лицъ, выдающихся представителей литературнаго и ученаго міра, были весьма дружественны и постоянны. Его любили и уважали не только товарищи и знакомые, но и цѣлыя ихъ семейства, отъ старшаго до самаго меньшаго грамотнаго члена. Ему помогали многіе не только добрымъ словомъ и ходатайствомъ, но весьма часто и „презрѣннымъ металломъ“ и не напоминали о долгѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Все это доказывается обширнымъ собраніемъ ихъ писемъ къ нему, уцѣлѣвшихъ доселѣ. Изъ этихъ писемъ мы и хотимъ сдѣлать здѣсь нѣкоторыя извлеченія. Весьма вѣрный и теплый очеркъ симпатичной личности Максимовича читатели могутъ найти въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 г., т. II, стр. 1055—1087, въ статьѣ П. А. Чаева, читанной въ публичномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности. Мы здѣсь хотимъ говорить о лицахъ, которые любили Максимовича и помогали ему бороться съ сильною нуждою, угнетавшею его до конца жизни. Много этихъ лицъ еще остается въ живыхъ; теперь мы будемъ говорить только о почившихъ.

Библиотека "Руниверс"

Личность С. Т. Аксакова, какъ *писателя*, извѣстна всякому читателю; но весьма немногіе знаютъ его, какъ *человѣка*. Пора намъ ближе присматриваться къ нашимъ славнымъ дѣятелямъ и узнавать въ нихъ не только степень таланта, но и мощь души,—не только силу слова, но и дѣло сердца. Большая часть современниковъ С. Т. Аксакова уже отошла, а въ настоящемъ поколѣніи немногіе знаютъ, что цѣлые десятки лѣтъ домъ его, равно и А. П. Елагиной, былъ яркимъ, грѣющимъ средоточіемъ, куда стекались всѣ даровитые дѣятели—отживающіе и начинающіе, вполнѣ обезпеченные счастливцы и труженики, сами пробивающіе себѣ дорогу. И всѣхъ одинаково радушно встрѣчалъ и покоилъ гостепріимный, сердечно-заботливый хозяинъ...

Но воспоминаніе объ Аксаковскихъ вечерахъ—весьма долгая пѣсня, которую не намъ заводить... Вмѣсто всякаго слова съ своей стороны, мы лучше приведемъ отрывки изъ его переписки съ Максимовичемъ, которые ясно откроютъ читателямъ высокосердечную личность *старика Аксакова*. Къ этимъ отрывкамъ присоединимъ нѣсколько историческихъ напоминаній.

Въ 1833—1834 годахъ Максимовичъ, по долгой болѣзни, сталъ хлопотать о своемъ переводѣ въ кіевскій университетъ; вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Гоголемъ, кн. Вяземскимъ, принялъ участіе въ переселеніи Максимовича и С. Т. Аксаковъ; вотъ записка его по этому поводу къ Максимовичу:

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ!

„Если вы не послали еще извѣстнаго письма въ Питеръ, то удержите его на нѣсколько времени. Я имѣю вамъ сообщить кое-что отъ Брадке. Надѣюсь, что пріѣдете щей хлебать, и по-раньше, чтобъ потолковать“. Вашъ душою С. Аксаковъ.

Многія записки Аксакова не имѣютъ на себѣ никакого обозначенія—ни года, ни мѣсяца, и мы размѣщаемъ ихъ только приблизительно. Вѣроятно къ этому-же времени относится слѣдующая записка:

„Пейкеръ весьма желаетъ познакомиться съ вами, почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ. И такъ я готовъ ѣхать съ вами, когда

Библиотека "Руниверс"

вамъ (угодно), только не сегодня. Всего лучше утромъ, часу въ 10-мъ. Обнимаю васъ". С. А.

(Пейкеръ Ив. Ив., бывшій потомъ главнымъ начальникомъ межеваго корпуса и усердный ревнитель раціональнаго сельскаго хозяйства, ум. въ 1844 г.).

Переводъ Максимовича состоялся наконецъ; ему надо было ѣхать, а онъ въ долгахъ по-уши; провѣдалъ объ этомъ Аксаковъ и пишетъ къ нему:

„Возлюбленнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Надеждинъ сказалъ мнѣ вчера, что вы затрудняетесь въ *нѣкоторыхъ обстоятельствахъ;* если вы ихъ не уладите, то я готовъ охотно служить вамъ". Вашъ С. А.

„Только подъ секретомъ".

Такіе-же „секреты" заводилъ Аксаковъ со многими,—и секреты конечно были крупные... Въ іюлѣ 1834 года Максимовичъ уѣхалъ въ Кіевъ; тамъ дѣятельность его профессорская по *новому* для него предмету и суета ректорская не давали ему возможности вести частую переписку съ своими многочисленными московскими друзьями. Изрѣдка отзывался онъ къ Сухово-Кобылинымъ (въ домѣ которыхъ нѣкогда давалъ уроки), къ Елагиной, къ Надеждину, къ Погодину, Моршкину, а предъ Аксаковымъ помалчивалъ и, какъ видно, довольно долго. Но мысль о своемъ обязательствѣ его тревожила, и онъ писалъ своему ближайшему пріятелю Погодину о помощи, сдѣланной Аксаковымъ, и поручилъ освѣдомиться объ отношеніи Аксакова. Погодинъ въ ноябрѣ 1835 года отвѣчалъ ему: „Сергѣй Тимофѣевичъ на тебя не сердится". Между тѣмъ воспитаніе сестры, поддержка отца, устройство памятника на могилѣ матери поглощали всѣ средства Максимовича, и онъ не собрался съ силами уплатить свой долгъ. Въ февралѣ 1838 г. Погодинъ уже тормошитъ его на проломъ: „съ мѣсяцъ тому назадъ мнѣ послышалось, что ты не заплатилъ еще денегъ Аксакову. Помилуй, что́ ты это?" И въ декабрѣ того-же года: „что ты дѣлаешь съ Аксаковымъ! Ахъ, братецъ!"...

Наконецъ въ августѣ (1835 г.) пишетъ самъ Аксаковъ.

„Не могу думать, чтобы любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ совершенно забылъ меня, своего искренняго пріятеля! Хочу думать, что онъ писалъ ко мнѣ, даже не одинъ разъ,—не получалъ отъ меня отвѣта, подосадовалъ на меня, рѣшился молчать, но не разлюбилъ лѣ-

Библиотека "Руниверс"

ниваго пріятеля. Впрочемъ я знаю, что вы поживаете хорошо, и что дѣла ваши идутъ прекрасно. Пейкеръ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ объ отзывахъ вашего попечителя. По старой дружбѣ, вы вѣрно хотите знать наше положеніе. Мы всѣ здоровы. Я сдѣланъ директоромъ и приступаю къ преобразованію моего училища въ институтъ. Костя мой выпущенъ кандидатомъ и тѣломъ становится богатырь. Онъ рѣшительно посвящаетъ себя ученой жизни и, можетъ быть, явится къ вамъ въ Кіевъ. Прилагаю у сего письмо къ Николаю Ивановичу [1]). Прошу васъ *содержать съ секретъ полученіе сего письма и ожиданіе его прибытія.* Онъ хозяинъ своихъ тайнъ, онъ объяснитъ вамъ все; я увѣренъ, что вы, какъ добрый его пріятель, примете въ немъ искреннее участіе".

„Простите, любезнѣйшій Михайла Александровичъ! Будьте здоровы и счастливы. Всѣ мои вамъ кланяются и желаютъ того-же".

Вашъ С. Аксаковъ.

„Хоть мнѣ совѣстно вамъ напоминать, но если васъ не затруднитъ, то я просилъ-бы о высылкѣ денегъ".

Конечно, Максимовичъ отозвался на это письмо, послалъ Аксакову свой „Кіевлянинъ" (и прежде постоянно посылалъ ему свои изданія) и, безъ сомнѣнія, просилъ объ отсрочкѣ, объ извиненіи, сохраненіи расположенія... Аксаковъ отвѣчалъ ему при одномъ изъ Погодинскихъ писемъ въ апрѣлѣ 1840 г.

„Давно уже хвораю, но не хочу пропустить случая написать нѣсколько строкъ. Будьте спокойны, любезнѣйшій Михайла Александровичъ, на счетъ извѣстнаго дѣла. Вѣдь я обвинялъ васъ только за молчаніе, котораго вначалѣ хранить было не надобно. Я ужасно пораженъ сейчасъ мною полученнымъ извѣстіемъ: сегодня въ 1-мъ часу утра кончилъ жизнь ударомъ Михаилъ Григ. Павловъ. Положеніе жены и 10 человѣкъ дѣтей ужасно; а онъ убрался славно"...

„Очень благодарю за „Кіевлянинъ" и за прежніе подарки".

---

[1]) Надеждину, который ѣздилъ за границу и на возвратномъ пути долженъ былъ ѣхать черезъ Кіевъ.—С. П.

Библиотека "Руниверс"

Какъ ни обширно у Максимовича собраніе писемъ къ нему, но значительная часть ихъ роздана была имъ разнымъ лицамъ, собиравшимъ для чего-то автографы; поэтому и писемъ Аксакова у него сохранилось немного. Приводимъ здѣсь ихъ всѣ, какія уцѣлѣли.

„Здравствуйте, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Хотя не своей рукой пишу къ вамъ, но съ прежней своей дружбой. Въ короткихъ словахъ скажу вамъ, что я ослѣпъ лѣвымъ глазомъ и плохо начинаю видѣть правымъ... Но дѣло не объ этомъ. Я прошу вашего вниманія, участія и содѣйствія къ общему нашему литературному предпріятію, исполненіе котораго вручено Вас. Ал. Панову, прекрасному и достойному уваженія молодому человѣку, мною и всѣми нашими очень любимому [1]). Онъ просилъ меня, чтобъ я познакомилъ его съ вами, что я съ удовольствіемъ исполняю“.

„Когда-же мы съ вами увидимся? Когда вспомнимъ доброе старое время? Что ваши глаза? Напишите или продиктуйте ко мнѣ нѣсколько строчекъ и вложите въ ваше отвѣтное письмо Панову. Прощайте! Обнимаю васъ по старинному“.

Душевно преданный С. Аксаковъ.

„Жена и всѣ мои вамъ очень кланяются. Ѣду въ Питеръ къ доктору Исупову“ (?).

1846 г., янв. 2. Радонежье, Подмосковная, близъ Троицы.

Осенью 1849 г. Максимовичъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ прожилъ до іюня 1850 г. И, безъ сомнѣнія, къ этой порѣ относятся двѣ записки Аксаковыхъ:

„24 апрѣля. Пишу лежа въ постели. Сыновья обѣдаютъ сегодня у дяди, а Гоголь будетъ у насъ въ среду; но если вамъ не скучно будетъ, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, отобѣдать со мной наединѣ—почти, то я очень буду радъ. Пріѣзжайте и сегодня и въ середу.

Вашъ душою С. Аксаковъ.

Что̀ съ вами дѣлается, любезнѣйшій Михайло Александровичъ? Я слышу, вы больны... Пріѣхала-бы сама навѣстить васъ, но не могу

[1]) Рѣчь идетъ о «Московскомъ Сборникѣ», задуманномъ Пановымъ, при содѣйствіи Аксаковыхъ, Языкова, Хомякова, Самарина, Попова и друг. Изданъ на счетъ Панова.

Библиотека "Руниверс"

отлучиться отъ Сергѣя Т.—Посылаю вамъ сушеной клубники отъ ревматизма; настойте ее, какъ чай, и кушайте съ сахаромъ; еще баночку варенья изъ клубники-же полевой. Прощайте, до свиданія! Ваша Ольга Аксакова.

Не знаю, какъ васъ, читатель, а меня, случайнаго переписчика этихъ простыхъ записокъ, строки эти чрезвычайно трогаютъ и умиляютъ... Писанныя на какихъ-то лоскуткахъ сѣрой бумаги, карандашомъ, торопливой рукой—они такъ и переносятъ меня въ грѣющую, сочувственную, животворящую среду. И какъ легко вѣрится, что въ такой средѣ и чужому было легко, какъ въ родной семьѣ, и больной скорѣе выздоравливалъ, и дѣло скорилось, и веселѣе глядѣлось на Божій свѣтъ... Благо и вспоминать о такихъ людяхъ... особенно теперь, когда не слышно о подобныхъ литературныхъ кружкахъ. Къ 1850 году относится слѣдующая записка Константина С. Аксакова:

„*31 августа, Кіевъ.* Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Мы въ *Кіевѣ!*.. Каково! Извѣщаемъ васъ объ этомъ, какъ обѣщали мы вамъ въ Москвѣ. Очень жалѣемъ, что васъ нѣтъ здѣсь. Вы-бы показали намъ Кіевъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Если-бъ мы поѣхали ранѣе, мы-бы поѣхали на Переяславль непремѣнно. Теперь погода становится уже такъ дурна, что мы спѣшимъ обратно въ Москву и пробудемъ здѣсь не болѣе недѣли“.

„Сестры вамъ кланяются и очень жалѣютъ, что васъ нѣтъ здѣсь. Что́ вы и Николай Васильевичъ [1]) не дали извѣстія о себѣ? Кіевъ всѣхъ насъ привелъ въ восхищеніе. Но Малороссія вздумала угостить насъ морозомъ и холодной погодой, что мѣшаетъ нашимъ обозрѣніямъ. Мы остановились въ гостинницѣ Лондонъ, близъ Печерска“.

„Прощайте, можетъ быть до скораго свиданія здѣсь или въ Москвѣ“.

Вамъ душевно преданный Константинъ Аксаковъ.

„Вяземскій здѣсь и также очень желаетъ васъ видѣть“.

---

[1]) Гоголь, выѣзжавшій лѣтомъ 1850 года изъ Москвы вмѣстѣ съ Максимовичемъ на родину.

Библиотека "Руниверс"

Кн. П. А. Вяземскій въ это время возвращался изъ Палестины, встрѣченный въ Одессѣ литературнымъ обѣдомъ, чрезвычайно его порадовавшимъ. Кіевъ проглядѣлъ его. Москва оказала ему блистательный пріемъ (См. „Москвитянинъ“ 1850 г., № 21, с. 33, Моск. Лѣтопись).

Возвращаемся къ письмамъ старика Аксакова.

5 іюля 1854 г.

„Давно уже получилъ я письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, писанное вами 13 и 19 мая, а черезъ недѣлю послѣ письма получилъ и двѣ первыя книги „Кіевлянина“. Благодарю васъ за все; крѣпко обнимаю и поздравляю отъ души съ милою жинкою. Я недавно узналъ объ этомъ пріятномъ и великомъ событіи въ вашей жизни и попенялъ вамъ, что вы не увѣдомили объ этомъ немедленно стариннаго вашего пріятеля. Я потому только не отвѣчалъ въ первые дни на ваше дружеское, теплое письмо, что вы не написали мнѣ своего адреса. На Михайлову гору почта вѣрно не ходитъ; но на посылкѣ вашей написано „Золотоноша“, и такъ вѣроятно можно туда адресовать вамъ письма, что я теперь и дѣлаю и что я могъ-бы сдѣлать назадъ тому двѣ недѣли, еслибъ все это время не былъ очень боленъ. Теперь поправляюсь немножко и спѣшу отвѣчать вамъ.

„Выраженіе „*соколъ въ мытахъ бываетъ*“ рѣшительно означаетъ то время, когда соколъ линяетъ, т. е. перемѣняетъ свои перья; этотъ процессъ сопровождается у птицъ всегда мытомъ, т. е. поносомъ.

„Очень радъ, что Ивану удалось побывать у васъ... Спасибо ему, онъ описалъ мнѣ подробно ваше житье-бытье“.

„Благодарю васъ за доброе слово о моей книгѣ: оно мнѣ очень дорого и пріятно [1]). Есть-ли у васъ второе изданіе „Объ уженьѣ рыбы“? Если нѣтъ, то я непремѣнно пришлю вамъ. Вы, вѣрно, получаете „Москвитянинъ“, а потому знаете все, что я напечаталъ. Но я написалъ довольно и многое желалъ-бы прочесть вамъ, потому что не все будетъ пропущено цензурой, да и не все можетъ быть напечатано“ [2]).

[1]) Это конечно «Записки ружейнаго охотника» оренбургской губерніи, вышедшія незадолго передъ тѣмъ новымъ изданіемъ.

[2]) Аксаковъ въ этомъ случаѣ самъ смотрѣлъ на себя сквозь очки тогдашней цензуры.

Библиотека "Руниверс"

„Вы вѣрно уже знаете, какъ я познакомился съ Паликопомъ и какъ мы полюбили другъ друга [1]). Я уже послалъ ему кое-что и обѣщалъ окончаніе; но хворость и знойное лѣто отнимаютъ у меня руки“.

„Безсмысленная цензура не пропускаетъ ничего, что̀ пишетъ Константинъ, даже патріотическихъ стиховъ, даже грамматики! Согласитесь, что это тяжело. Теперь лѣто, и мы съ нимъ наслаждаемся природой и удимъ рыбу; но къ зимѣ надо будетъ употребить всѣ усилія, чтобъ выйти изъ такого тяжелаго положенія. Голоса украинскихъ пѣсенъ по прежнему вьются и въ Абрамцевѣ, и число ихъ увеличивается“.

„Чаялъ и я также, что громы святой Руси возгремятъ во славу ей, за святое дѣло, во благо всемірное; но послѣднія событія, кажется, доказываютъ, что еще не пришло то время. Впрочемъ, можетъ быть, путемъ испытанія и всякихъ скорбей дойдемъ мы до великой цѣли. Во всякомъ случаѣ: быть грому великому!“

„Отъ всей души желаю, чтобъ вы съ милою жинкою перебрались съ Михайловой горы въ Москву; тогда-бы и мы увидали обоихъ васъ въ моемъ мирномъ Абрамцевѣ“.

„Крѣпко я постарѣлъ и похилѣлъ тѣломъ... Слава Богу, покуда сохраняю бодрость духа; но на долго-ли? Скверное дѣло—старость!“

„У насъ сегодня настоящее лѣто: 25 град. въ тѣни. Я люблю лѣтній зной. Въ немъ есть что-то роскошное и привольное“.

„Моя старуха и всѣ мои дочери очень вамъ кланяются, а также вашей милой супругѣ: вы вѣрно заочно познакомили ее съ нами. Константинъ васъ обнимаетъ. У насъ съ 25 марта совершенный лазаретъ. Старуха моя была очень больна, а я хвораю безпрестанно съ 22 августа прошлаго года. Нынѣшнимъ лѣтомъ еще не наслаждался. Авось теперь удастся запастись лѣтнимъ тепломъ на зиму. Прощайте, мой любезнѣйшій Мих. Алекс.! Не забывайте насъ, а мы васъ всегда помнимъ. Крѣпко обнимаю“.

Душою вашъ С. Аксаковъ.

---

[1]) Здѣсь вѣроятно разумѣется Кулишъ, занимавшійся тогда біографіей Гоголя; Аксаковъ дѣйствительно доставилъ ему не мало матеріаловъ въ то время.—С. П.

Библиотека "Руниверс"

Москва, 10 апрѣля 1856 г.

„Лучше поздно, чѣмъ никогда“—говоритъ французская пословица; но она не оправданіе мнѣ, мой любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Прошло слишкомъ мѣсяцъ, какъ я получилъ письмо ваше отъ 17 февраля... Не оправдываюсь также суетою московской жизни, отъ которой я поотвыкъ въ продолженіи безвыходной 4-хъ лѣтней жизни въ деревнѣ, суетой, которая удесятерилась въ сравненіи съ прежней. Едва я имѣю 3 или 4 часа свободныхъ утромъ, которые посвящаются исключительно литературному дѣлу... Но я не хочу оправдываться, а прошу васъ вѣрить моей искренней, неизмѣнной дружбѣ. Какъ обрадовали вы меня извѣстіемъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ вы пріѣдете въ Москву! Авось, Богъ дастъ, увидимся, потому что до моего Абрамцева всего 56 верстъ; да я и самъ въ концѣ лѣта, къ коронаціи намѣренъ пріѣхать со всей семьей недѣли на двѣ въ Москву, а въ исходѣ октября надѣюсь переѣхать въ Москву на всю зиму и даже до половины мая.

„Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ прискорбно, что до 17 февраля вы не имѣли моей „Хроники“, которую я немедленно выслалъ къ вамъ; но, увы! имѣлъ глупость сдѣлать это черезъ Кулиша, потому что на ту минуту не зналъ вашего адреса [1]). Ежели вы и до сихъ поръ не получили моей книги, то это приведетъ меня въ отчаяніе. Кулишъ явился ко мнѣ въ Москву совсѣмъ неожиданно и объявилъ мнѣ, что ожидалъ васъ въ Кіевѣ и потому книги вамъ не послалъ. Онъ однакоже написалъ немедленно, чтобъ книга была вамъ сейчасъ доставлена. Если вы ее получили и прочли, то прошу васъ написать мнѣ настоящую правду. Я требую этого отъ васъ во имя нашей 30-ти лѣтней пріязни. Замѣтьте все, что васъ непріятно остановитъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи; ради Бога, не бойтесь показаться взыскательнымъ и придирчивымъ: мнѣ это необходимо, потому что я приступаю къ исправленію книги для втораго изданія [2]).

[1]) Максимовичъ съ 1856 г. часто ѣзжалъ въ Кіевъ и прожилъ тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ.

[2]) Это желаніе С. Т. Аксакова замѣчательно, какъ въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, какъ много довѣрялъ онъ эстетическому вкусу Максимовича, такъ и въ томъ еще, что онъ вовсе не былъ отуманенъ громкими похвалами, раздавшимися почти одновременно со стороны авторитетныхъ цѣнителей, какъ гг. Анненковъ, Гилферовъ, Дудышкинъ, Плетневъ...—С. П.

Библиотека "Руниверс"

Я написалъ четвертый отрывокъ „Сем. Хроники“ и пишу пятый. Уступаю общему желанію узнать, какъ начнутъ свою жизнь молодые Багровы, хотя для меня это очень трудно и щекотливо.“

„Я тогда-же передалъ Погодину данное вами мнѣ порученіе; но у него идетъ какая-то темная исторія съ „Москвитяниномъ“: то онъ его уничтожаетъ, то передаетъ, то самъ выдаетъ“ [1]).

„Въ Русской Бесѣдѣ я не принималъ участія, но сыновья мои участвуютъ. Иванъ на дняхъ воротился и долженъ теперь заняться отчетами географическому обществу. Константинъ печатаетъ „Луповицкаго“ [2]). Кулишъ (онъ проситъ, чтобъ его болѣе не называли Кулѣшъ), слава Богу, отдохнулъ теперь; онъ получилъ право общей цензуры [3]) и печатаетъ теперь въ Петербургѣ „Записки о жизни Гоголя“, которыя немедленно выходятъ. Вѣроятно, онъ началъ уже печатать свои этнографическія „Записки о южной Руси“ и проживетъ въ Петербургѣ до іюня. Я очень полюбилъ этого энергическаго и преданнаго своему дѣлу человѣка“.

„Много любопытнаго и новаго происходило у насъ въ Москвѣ. Если вы читаете газеты, то вѣрно замѣтили праздники черноморскимъ морякамъ. Жаль, что вы не узнаете до пріѣзда въ Москву рѣчи Погодина на обѣдѣ Сакену и также рѣчей моего Константина. Много пріятныхъ надеждъ зашевелилось въ сердцахъ честныхъ людей; но я боюсь, что онѣ рановременны. Впрочемъ будемъ надѣяться. Государь нашъ добръ и разсудителенъ. Нельзя вдругъ освободиться отъ тины, которая полтораста лѣтъ постоянно наплывала.“

„Успѣхъ моей книги удивилъ меня. Вы знаете, что мое самолюбіе незлосчиво, и оно остается такимъ, не смотря на всѣ печатныя, письменныя и словесныя похвалы, которыя иногда доходятъ до нелѣпостей. Я всегда зналъ, что у меня есть дарованіе, и говаривалъ, что я потому не пишу, что некому меня заставить писать; и меня заставили писать полуслѣпота и деревня. Я прожилъ жизнь, сохранилъ

---

[1]) «Москвитянинъ» прекратился въ 1856 г.

[2]) Эта комедія лѣтъ пять не была дозволяема къ печати, но списки ея ходили въ провинціи уже въ 1852 г.; мнѣ самому случилось ее переписывать подъ строжайшимъ запретомъ—никому не показывать...

[3]) До той поры онъ печаталъ подъ псевдонимомъ «Николай М.».

Библиотека "Руниверс"

теплоту и живость воображенія, и вотъ отчего обыкновенный талантъ производитъ необыкновенное дѣйствіе".

Прощайте, до свиданія! Крѣпко васъ обнимаю.

Душою вашъ С. А.

На этомъ-же самомъ письмѣ, глазамъ не вѣря, читаешь слѣдующую приписку самаго Аксакова:

„Сегодня съ Хомякова полиція беретъ подписку—не ходить въ русскомъ платьѣ и бородѣ!!! Печальное событіе, глубоко оскорбляющее всѣхъ русскихъ людей, способныхъ уважать честь, честность, умъ и всѣ дары Божіи въ Хомяковѣ".

Аксаковъ могъ-бы прибавить: любовь къ Россіи, ко всему ея завѣтному и многія гражданскія доблести въ Хомяковѣ, которыя онъ въ сто разъ болѣе проявилъ, чѣмъ его запретители...

Въ 1857 г. Максимовичъ былъ вызываемъ въ Москву для завѣдыванія редакціей „Русской Бесѣды", и онъ извѣстилъ Аксакова о своемъ скоромъ пріѣздѣ. Вотъ отвѣтъ Аксакова:

1857 г., 3 мая.

„Извините меня, любезнѣйшій пустынникъ Михайловой горы, мой добрый, старый собесѣдникъ Михаилъ Александровичъ, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваше дружеское письмо. Московская хлопотня, да еще сватьба дочери [1]), совершенно вскружили мою голову, и я хотѣлъ отвѣчать вамъ уже изъ деревни; но вчера былъ у меня Осипъ Максимовичъ и прочелъ мнѣ по секрету ваше письмо [2]). Благодарю васъ за память о старомъ и за новую довѣренность. Кажется, это не трудно будетъ уладить. Въ свое время Бодянскій увѣдомитъ васъ обо всемъ подробно. Не нужно васъ увѣрять, какъ мы, старинные ваши пріятели, т. е. я и сватъ мой Антонъ, будемъ рады вашему переѣзду въ Москву. Авось, мы съ вами вмѣстѣ еще что-нибудь поработаемъ".

„Вы встрѣтили новую «Молву» [3]) точно съ такимъ-же чувствомъ въ вашемъ письмѣ, съ какимъ я встрѣтилъ ее печатно въ 1 №. Война

---

[1]) Маріи Серг. за Томашевскаго.

[2]) Ос. Мак. Бодянскій. Секретъ касался предполагаемаго переѣзда въ Москву.

[3]) «Молва» —газета, основанная въ 1857 г. К. С. Аксаковымъ подъ его-же редакціею; номинальнымъ редакторомъ былъ г. Шпилевскій. Она просуществовала только годъ. Говоря о «Молвѣ», Бодянскій писалъ Максимовичу: «это—конница при пѣхотѣ» («Рус. Бесѣдѣ»).—С. П.

Библиотека "Руниверс"

загорѣлась кровавая! Не за литературныя мнѣнія, а за убѣжденія душевныя: народныя и политическія. Покуда—дѣло идетъ хорошо; но когда мы съ Константиномъ переѣдемъ въ деревню, то оно неминуемо испортится. Разумѣется, Константинъ каждую недѣлю дня на два будетъ пріѣзжать въ Москву, но это все уже будетъ не то. Отвѣтственный редакторъ—неопытный юноша, и ему не справиться съ такой обузой.

„Я дописываю большую книгу. Кажется, я писалъ къ вамъ о моей работѣ. Это *должно* быть (хорошо, если *будетъ*) художественнымъ воспроизведеніемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, начиная съ третьяго до девятаго года моей жизни. Сначала—отрывочныя воспоминанія, а потомъ—цѣльный и подробный разсказъ. Кое-что я читалъ всѣмъ нашимъ друзьямъ и знакомымъ, и они увѣряютъ меня, что это лучше всего того, что я написалъ. Я самъ такъ думаю о *нѣкоторыхъ* мѣстахъ, но совсѣмъ не увѣренъ еще въ достоинствѣ цѣлаго сочиненія, и, совершенно увѣренъ, оно не можетъ возбудить такого общаго сочувствія, какое возбудила „Хроника и воспоминанія“. Жизнь человѣка въ дитяти не всѣмъ будетъ понятна, и подробности разсказа многимъ покажутся мелкими и ничтожными. Отрывокъ будетъ помѣщенъ въ 3-й книгѣ „Бесѣды“ [1]).

„Прощайте, любезнѣйшій другъ! Если вздумаете писать ко мнѣ, то адресуйте въ Сергіевскій посадъ. Да подкрѣпитъ Богъ ваше здоровье. Всѣ мои усердно кланяются вамъ и вашей женѣ и я также. Обнимаю васъ по старому“.

Душою вашъ С. Акс.

„Обнимите за меня Чижова. Я душевно скорблю объ его болѣзни“.

Это было послѣднее письмо С. Т. къ Максимовичу. Въ 1858 и отчасти въ 1859 г. Максимовичъ жилъ въ Москвѣ, а 30 апрѣля 1859 г. скончался С. Т. Аксаковъ...

---

[1]) Послѣдняя половина письма этого является новымъ доказательствомъ здраваго и вѣрнаго взгляда автора на свое сочиненіе («Дѣтскіе годы») и вмѣстѣ съ тѣмъ критическимъ предвидѣніемъ, которое оправдалось на опытѣ.

Библиотека "Руниверс"

„Самыя полныя, искреннія записки — говоритъ кн. Вяземскій — не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышутъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда проговаривающеюся рукою. Письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея".

Раздѣляя эти мысли, мы и предлагаемъ вниманію читателей былую „жизнь по горячимъ слѣдамъ ея".

II.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.

(Мерзлякова, Рашча, Одоевскаго, М. Г. Павлова, Чижова, стихи Максимовича).

«И много славныхъ тѣней встало!»...
Жуковскій.

Въ послѣдніе годы своей жизни Максимовичъ самъ собирался печатать нѣкоторыя извлеченія изъ писемъ къ нему, подъ общимъ заглавіемъ „Перекати-поле". Помнится, одна тетрадка была уже готова и отправлена въ какую-то редакцію, и тамъ пропала... Намъ случалось видѣть ее у Максимовича, и мы ясно помнимъ, что первыя свои извлеченія и воспоминанія онъ посвятилъ „наставникамъ, хранившимъ юность" [1]). Слѣдуя его завѣту, мы предлагаемъ нынѣ кажется все то, что было избрано имъ самимъ.

Въ началѣ 1826 г. Максимовичъ, служившій тогда еще въ Москвѣ, былъ назначенъ помощникомъ проф. Гофмана въ наблюденіи за ботаническимъ садомъ, а по смерти Гофмана (въ мартѣ) принялъ въ самостоятельное завѣдываніе садъ и гербаріи университетскіе; въ ботаническомъ саду онъ провелъ все время своей московской жизни. Туда къ нему очень часто обращались товарищи и добрые знакомые за цвѣтами и пр., и онъ не отказывалъ, особенно когда просительная записка привѣтливо обвивалась около его

---

[1]) Погодинъ писалъ къ Максимовичу въ 1871 г.: «Перекати-поле» я прочелъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Непосвященные, непонимающіе (чтобъ не сказать — дурни) забраковали его. Ге сердись.

Библиотека "Руниверс"

сердца. Въ бумагахъ Максимовича сохранилась одна подобная записка *Мерзлякова:*

„Къ юному, доброму русскому Линнею обращаюсь съ извѣстною просьбою и посылаю моего человѣка, которому поручено сокровища милостивой Флоры переселить въ мою колонію, то есть, въ Сокольники. Вы спрашивали, какихъ надобно цвѣточковъ? Отвѣтъ: какіе можно. Я не хозяинъ въ вашемъ добрѣ. Разумѣется женщины любятъ, что поцвѣтнѣе, что подушистѣе, покрасивѣе. Женѣ хочется поглядѣть и полюбоваться въ продолженіи вакаціи: и потому она просила у васъ напр. маргаритокъ, резеды и пр. и пр., что придумаете. Надѣюсь на ваше ко мнѣ благорасположеніе и пріязнь, безпокою васъ такой коммисіей и увѣренъ, что вы на меня не разсердитесь. Что дѣлать? Отъ женщинъ не отговоришься. За то обѣщаютъ онѣ вамъ прелестную невѣсту.

Съ истиннымъ почтеніемъ“... и проч.

Записка помѣчена „3 мая“, безъ означенія года, но несомнѣнно относится къ концу 20-хъ годовъ. Это единственный, извѣстный намъ образецъ дружеской записки Мерзлякова, о которомъ Жихаревъ говорилъ: „нѣтъ человѣка любезнѣе его, когда онъ на распашку“. Вспомнимъ при этомъ прекрасное выраженіе Мерзлякова: „десятокъ умныхъ головъ не стóитъ одной веселой и доброй души: всѣ умны *по своему*“.

По тому-же поводу обращается не разъ къ Максимовичу незаслуженно-забытый, добродушный Раичъ-Амфитеатровъ Егор. Сем. (родной братъ кіевск. митроп. Филарета), и притомъ въ стихахъ; вотъ образчикъ:

„Хотѣлось-бы васъ просить
Стихами или прозой—
Мой садъ обогатить
И тополемъ и розой,
Лилеей, сирингой;
Хотѣлось-бы въ садикъ мой
Переманить шевръ-фёли,—
А впрочемъ—то-ли, то-ли
Пришлете,—все равно!

Библиотека "Руниверс"

Раичъ былъ когда-то предсѣдателемъ одного изъ литературныхъ кружковъ московскихъ, въ которомъ членами были А. Н. Муравьевъ (паломникъ), Вл. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, Д. П. Зиновьевъ, Н. И. Рожалинъ, переводчикъ „Страданій Вертера", А. И. Писаревъ, остроумный водевилистъ, А. И. Кошелевъ, Н. В. Путята и кн. Вл. Ѳ. Одоевскій. Единственныя свѣдѣнія объ этомъ обществѣ, и то невѣрныя, сохранены К. А. Полевымъ въ его неоконченной книгѣ „Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго" (Спб. 1860 г.). Нѣсколько бѣглыхъ, разбросанныхъ воспоминаній можно найти въ нашей литературѣ о каждомъ изъ этихъ лицъ; но лучше всякихъ воспоминаній для насъ—ихъ собственныя письма, которыхъ хотѣлось-бы больше и больше видѣть въ печати. Мы очень рады, что можемъ привести здѣсь два письма кн. Вл. Ѳ. Одоевскаго къ Максимовичу, относящіяся къ 1833 году и имѣющія біографическое значеніе. Надо замѣтить, что князь писалъ письма очень рѣдко.

Сближеніе кн. Одоевскаго съ Максимовичемъ началось еще въ 1824 году. Первая книга, изданная Максимовичемъ „Зоологія", вызвала у кн. Одоевскаго весьма сочувственную рецензію (въ Сынѣ Отечества); мало того: князь позаботился отыскать самаго Максимовича, познакомился съ нимъ, ввелъ его въ кругъ литераторовъ и вседушевно радовался успѣхамъ его научнымъ и литературнымъ. Чуть только вышла у Максимовича „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ", князь немедленно послалъ ему слѣдующій привѣтъ:

Спб., 10 іюня 1833 г. (?)

„Поздравляю и благодарю васъ отъ сердца, любезнѣйшій Михаилъ Максимовичъ [1]); я отъ вашей книги Наума безъ ума отъ восхищенія и доказательствомъ тому можетъ служить то, что я пишу къ вамъ,— дѣло, на которое, какъ вы сами знаете, я рѣдко покушаюсь. Что будешь дѣлать? Время бѣжитъ такъ быстро, такъ быстро, работы на семъ свѣтѣ такъ много, такъ много, что если давать сердцу свободу слѣдовать своему влеченію, то не успѣешь оглянуться, какъ исчезнутъ силы для дѣятельности, а останется только одна охота ничѣмъ неудовлетворимая. И это письмо есть письмо полудѣловое: знаете-ли вы,

[1]) Sic! Князь или запамятовалъ отчество, или титулуетъ его прямо по фамиліи.

Библиотека "Руниверс"

что мы встрѣтились съ вами на дорогѣ литературной? Можетъ быть, вы слышали уже, что я теперь прилежно занимаюсь естественными науками и въ особенности химіею; я здѣсь весь прошедшій годъ бралъ уроки у академика Гесса (ужаснаго атомистика, но того-то мнѣ и надобно было), съ цѣлію написать „Народную Химію". Образчикъ моей работы „*Краткое понятіе о химіи, необходимое для свѣчныхъ мастеровъ*", можете прочесть во 2-й книжкѣ „Журнала общеполезныхъ свѣдѣній". Не можемъ-ли мы соединить наши труды? Увѣдомьте меня, какія части вашего изданія еще вами не обработаны, или—не сообщите-ли вы мнѣ, прежде напечатанія, уже готовые ваши труды? Сверхъ того, что я стану для васъ работать даромъ, т. е. *не* участвовать въ выгодахъ, я могу помочь вамъ и въ издержкахъ изданія; а если Богъ поможетъ мнѣ въ нѣкоторыхъ моихъ предпріятіяхъ, то мнѣ возможно будетъ взять на себя и всѣ издержки на печатаніе безъ возврата; это вамъ дастъ способъ пустить книгу дешевле, что мнѣ кажется необходимымъ. Подумайте о семъ и сообщите мнѣ ваше мнѣніе, безъ всякихъ обиняковъ и церемоній, ибо въ такомъ дѣлѣ, котораго цѣль единственно общая польза, всякія вѣжливости почти преступленіе. Вы меня знаете и потому можете вѣрить, что это не пустыя фразы, а дѣйствительно то, что я думаю и чувствую. Когда вы согласитесь на мое предложеніе и напишете мнѣ подробно, какъ вы думаете соединить наши работы, тогда я вамъ сообщу нѣкоторыя замѣчанія на 1-ю книжку вашего изданія. Она вообще прекрасна, вы совершенно попали на тонъ, необходимый въ семъ родѣ книгъ; но боюсь, будетъ-ли книга ваша совершенно понятна: по странному стеченію обстоятельствъ, вы пропустили именно то, что мнѣ казалось необходимымъ выяснить въ моей химіи для свѣчныхъ мастеровъ, а именно: увѣрить ихъ, что воздухъ есть дѣйствительно тѣло. А напротивъ мнѣ и въ голову не входило, что можно сдѣлать краткую географію столь занимательною для простолюдина, какъ ее сдѣлалъ г. Наумъ. Слава и честь ему! Это самое навело меня на мысль, что въ дѣлѣ такого рода соединеніе трудовъ можетъ быть полезно больше, нежели въ чемъ другомъ, ибо что не придетъ на мысль одному, то придетъ другому. За всѣмъ тѣмъ я повторяю, что появленіе вашей книжки произвело во мнѣ радость, какой я давно ужъ не испытывалъ при появленіи русскихъ книгъ; она хороша

Библиотека "Руниверс"

и сама по себѣ, и съ прекрасною цѣлію, и во время. Вы знаете, что теперь вошло въ моду и между самыми образованными людьми сомнѣваться въ благѣ просвѣщенія и не вѣрить уму человѣческому. Я-же не перестаю говорить этимъ господамъ: „Мм. гг., чтобы видѣть ясно, надобно освѣтить комнату, а безъ того вы не имѣете права даже сомнѣваться". Тѣ чудеса, которыя должно произвести просвѣщеніе русскихъ, подтвердятъ слова мои, и способствовать тому почитаю цѣлію всякаго человѣка, у котораго есть мозгъ въ головѣ и сердце въ груди. Сею мыслію я руководствуюсь во всѣхъ моихъ поступкахъ, и она-же заставила меня порадоваться отъ души вашему прекрасному труду. Я теперь пишу статью о вашемъ Наумѣ для Журнала Мин. Вн. Дѣлъ. Пришлите мнѣ нѣсколько экземпляровъ вашей книги, я спущу ихъ съ рукъ. Прилагаю при семъ для васъ экземпляръ моихъ „Сказокъ", который давно уже былъ вамъ назначенъ и который я забывалъ послать вамъ".

Васъ душевно любящій и уважающій кн. Вл. Одоевскій.

Другое письмо кн. Одоевскаго не имѣетъ на себѣ никакой помѣты; но оно несомнѣнно относится къ концу 1833 года, какъ видно изъ самаго содержанія письма и изъ того обстоятельства, что въ немъ идетъ рѣчь объ альманахѣ Максимовича („Денница"), который готовился онъ издать на 1834 годъ.

„Не имѣю времени, любезнѣйшій Михаилъ Максимовичъ, отвѣчать порядочно на ваше письмо, ибо дѣла у меня по уши. Отыщите у Кирѣевскаго мою статью „*Сцена изъ Петра Пустынника*" и пришлите мнѣ ее, ибо ее надобно переплавить; я вамъ обѣщаю ее отправить обратно на другой-же день; сегодня 23-е, слѣдов. чрезъ 10 дней она можетъ у васъ уже печататься. Чрезъ мѣсяцъ буду свободнѣе и буду подробно писать вамъ. Вашъ „Наумъ" будетъ взятъ для школъ канцелярскихъ служителей; это будетъ довольно большое количество экземпляровъ, въ семъ случаѣ какую вы цѣну ему назначите? Увѣдомьте меня".

Библиотека "Руниверс"

„Я печатаю — ужасъ—что! —съ Гоголемъ „Двейчатку", книгу, составленную изъ нашихъ двухъ новыхъ повѣстей [1]); сверхъ того: *„Дѣтскую книжку для воскресныхъ дней"*, почти всю составленную изъ моихъ оригинальныхъ піесъ и сверхъ того еще особенно дѣтскую фантастическую сказку „Городокъ въ табакеркѣ"; корректуры на меня рѣкой льются, а пуще всего къ концу года *служебныя дѣла* обыкновенно умножаются, и потому не имѣю минуты свободной. О Наумѣ буду писать къ вамъ, когда все это угомонится; я для него много приготовилъ, а еще болѣе пріискалъ. Прощайте! Вашъ кн. Од."

„Да напишите мнѣ вашъ адресъ".

Съ переѣздомъ Максимовича изъ Москвы въ Кіевъ, письма къ нему московскихъ друзей уже именно рѣкой полились. Въ главѣ ихъ мы поставимъ письмо любимаго его наставника Мих. Григ. Павлова.

Москва, 1834 г., ноября 13.

„Очень радъ вашему, хотя довольно позднему, отзыву, почтеннѣйшій Михайло Александровичъ! Пыланіе хоть куда! Васъ посѣщаетъ, видно, и тамъ вдохновеніе; не изъ Москвы-ли оно прилетаетъ? Думаю, что Кіевъ не могъ еще сдѣлаться для васъ тѣмъ, чѣмъ была Москва. Мы сами очень объ васъ жалѣемъ, но что-жъ дѣлать! Мое по крайней мѣрѣ побужденіе—не удерживать васъ—досель остается въ томъ-же видѣ Весь сѣверъ погруженъ въ атомизмъ; нельзя-ли хоть на югѣ распространить динамизмъ? Увѣренъ, что вы въ этомъ успѣете. Вотъ моя мысль, когда я вамъ совѣтовалъ ѣхать въ Кіевъ".

„Видите-ли: вышла еще „Физика" въ Петербургѣ, какого-то Щеглова, вѣрно—это потомокъ перваго. „Сѣверная Пчела" прожужжала, что эта „Физика" превосходитъ не только всѣ русскія, но и всѣ иностранныя. Я ея еще не читалъ, но видно по полёту; тамъ-же, въ

---

[1]) Вовсе не выходила. А «Дѣтская книжка» вышла въ 1833 г., на заглавіи сказано: *Издан. В. и О.* «Городынъ» вышелъ въ 1834 г. Если предполагается полное собраніе сочиненій кн. Одоевскаго, то надо будетъ обратить вниманіе и на его «Дѣтскую книжку», и на сцену изъ «Петра пустынника», которыя въ Денницѣ не появлялись, и на рецензію «Наума».

Библиотека "Руниверс"

„Сѣверной Пчелѣ“ сказано: Щегловъ и Перевощиковъ суть представители современной Физики. Теперь судите: какъ атомистика крѣпко еще держится. Жаль, что у насъ, гдѣ все ново и юно, поддерживается старая нелѣпость. Помогите мнѣ совершить побѣду надъ атомистами. Знаю, что вы уже воевали противъ нихъ, но боюсь, чтобъ дѣла ректорства не отвлекли васъ отъ сего полезнаго дѣла въ русскомъ просвѣщеніи“.

„Съ сею почтою отправляются къ вамъ 7 экземпляровъ моей „Физики“ и 2 „Земледѣльческой Химіи“. За первую съ пересылкою полагаю по 5 р. асс. за экземпляръ, за вторую—10 р. асс. Это та цѣна, за которую получаютъ эти книги изъ московскихъ книжныхъ лавокъ; слѣдовательно“...

„Пишите чаще, не лѣнитесь; переписка ваша съ нами должна служить вамъ вмѣсто освѣженія и успокоенія отъ дѣлъ ректорскихъ, отъ скуки непривычной жизни“.

„У насъ всё по старому; право, нѣтъ никакого движенія, ни взадъ, ни впередъ, хотя двигатели и хлопочутъ. За обѣдомъ у меня 8 ноября пито было здоровье и кіевскаго ректора; видите-ли, какъ мы васъ помнимъ; на что-жъ и вамъ забывать насъ? Повторяю: пишите чаще“.

Вамъ преданнѣйшій Мих. Павловъ.

„Убѣдите вашего Абламовича, что французы—дѣти въ теоріяхъ своихъ“.

Щегловыхъ было два: одинъ—Никол. Прокофьевичъ (1793—1831) былъ профессоромъ въ санктпет. университетѣ, издавалъ книги о физикѣ въ 1823, 24 и 29 годахъ и на его „Руководство къ физикѣ“ отчасти ополчился Максимовичъ, какъ на слѣдовавшее системѣ атомистической (рец. въ „Моск. Телегр.“ 1830, № 7, с. 339—354). Но въ 1834 г. вышли „Начальныя основанія физики“ другого Щеглова, Николая Тихоновича, бывшаго адъюнктомъ въ петерб. университетѣ; объ его сочиненіи Максимовичъ уже не имѣлъ времени отозваться, чтобы исполнить желаніе своего учителя. Мнѣніе Максимовича о „Физикѣ“ самаго Павлова было напечатано въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1833 г. (№№ 192 и 207); онъ-же разбиралъ и его „Земледѣльческую Химію“ („Моск. Телегр.“ 1825 г., №№ 21 и 24).

Библиотека "Руниверс"

Абламовичъ Игн. Карл. былъ профессоромъ физики въ кіевскомъ университетѣ, поступилъ туда изъ волынскаго лицея и не оставилъ никакихъ ученыхъ трудовъ. Въ генварѣ 1835 г. пытался было перейти на службу въ Кіевъ и Д. М. Перевощиковъ, какъ видно изъ письма его къ Максимовичу, но переводъ его почему-то не состоялся.

Слова Павлова о письмѣ Максимовича *„посланіе хоть куда!“* могутъ быть примѣнены ко многимъ его письмамъ. Многочисленные его корреспонденты и корреспондентки, безъ сомнѣнія, живо помнятъ то радостное чувство, съ какимъ они встрѣчали его письма, которыя мы не можемъ иначе характеризовать, какъ словами—*свѣтлыя и теплыя*. И потому весьма желательно было-бы, еслибы всѣ, имѣющіе у себя письма Максимовича, печатали хотя нѣкоторыя изъ нихъ. Та искренность и теплота, которыя дышутъ въ письмахъ его, дадутъ имъ несомнѣнную цѣнность и въ глазахъ сторонникъ читателей. Иногда въ своихъ письмахъ Максимовичъ помѣщалъ по нѣскольку строчекъ стиховъ, большею частію экспромптовъ, и они блестѣли животрепещущимъ вдохновеніемъ. Хорошо-бы собрать и ихъ, это была-бы прелестная антологія, не чуждая историко-литературнаго характера. Стихи его цѣнили самые знатные судьи въ дѣлѣ поэзіи. Въ письмахъ Хомякова къ Максимовичу мы нашли, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Благодарю за милые стихи, которые бережно спряталъ и хранить буду“.

Но что это за стихи—рѣшить навѣрно не можемъ. Въ бумагахъ Максимовича мы встрѣтили слѣдующій черновой набросокъ, который всего скорѣе можетъ быть отнесенъ къ словамъ Хомякова:

Господь тебя благословилъ
На пѣснопѣнье и на слово,
И мысль высокую внушилъ,
И сердце далъ къ добру готово.
И много истинъ ты вѣщалъ
Въ простыхъ рѣчахъ и въ пѣснопѣньи,
И русскій человѣкъ внималъ
Тебѣ въ сердечномъ умиленьи...
И вотъ великій часъ пришелъ,
Часъ лучшей жизни въ русскомъ мірѣ:

Библиотека "Руниверс"

Пускай же нынѣ твой глаголъ
Звучитъ на вдохновенной лирѣ!
Пусть утвердитъ и ладъ и строй
Въ немолчномъ шумѣ словопреній...

Стихотвореніе не кончено... Въ другомъ мѣстѣ мы нашли видимый варіантъ послѣдняго неоконченнаго куплета, также не конченнымъ:

Не ждивай себя съ толпой
Въ немолчномъ шумѣ словопреній,
Ты дашь имъ лучшій ладъ и строй..

Въ бумагахъ Хомякова, конечно, сохранился исправленный листокъ этого стихотворенія; пожелаемъ, чтобы онъ былъ отысканъ... Легко догадаться, что стихи эти относятся къ 1858 году, когда у насъ начались „словопренія“, по поводу крестьянскаго вопроса.

Иногда случалось Максимовичу произносить и живые экспромты, въ которыхъ если не было блестящей формы, за то сіяла мысль и теплилось чувство; таковъ напр. его застольный экспромтъ на обѣдѣ 25 марта 1858 г.

За „Русскую Бесѣду“ — сей бокалъ —
И „Сельское Благоустройство“:
Чтобъ русскій умъ просторъ позналъ,
И русскій міръ вкусилъ довольство!

Чего и хотѣть больше, послѣ „простора уму“ и всеобщаго довольства!

Всѣ подобныя блестки ума и чувства были-бы своего рода иллюстраціей въ будущей исторіи нашего развитія, и потому весьма желательно было собраніе во-едино всѣхъ подобныхъ поэтическихъ отголосковъ, производившихъ столько радости и ободренія въ дружескихъ кружкахъ. Намъ вѣрится, что подобное дружеское слово не мало вліяло на энергію главнѣйшихъ подвижниковъ въ великомъ дѣлѣ. Въ подтвержденіе своей мысли прибавимъ слѣдующее:

Максимовичъ когда-то собирался писать свои воспоминанія, но сборами дѣло и кончилось, какъ ни подстрекалъ его къ этому Погодинъ [1]). Узнавъ отъ кого-то о мысли Максимовича, вотъ что писалъ къ нему Ѳ. В. Чижовъ:

---

[1]) Чуть-ли не единственнымъ исключеніемъ являются «Письма о Кіевѣ» Максимовича, гдѣ онъ переписалъ почти всѣ письма къ нему Иннокентія и обставилъ ихъ интересными фактическими объясненіями. — С. П.

Библиотека "Руниверс"

„Душевно радъ слышать, что вы желаете писать ваши воспоминанія; въ настоящее время они дороги, какъ изображеніе уже невозвратнаго и непонятнаго настоящему поколѣнію времени. Все, начиная съ понятій и чувствъ до обыденной жизни, такъ перемѣнилось, что наше дѣтство стало истинною стариною, и чѣмъ оно подробнѣе и ярче изобразится, тѣмъ дороже будутъ такія воспоминанія для исторіи нашего развитія".

Ѳ. В. Чижова, какъ общественнаго дѣятеля, знаютъ хорошо многіе; но какъ писателя, какъ человѣка, едва-ли его знаютъ въ нашемъ читающемъ обществѣ, и потому приведемъ одно изъ его писемъ къ Максимовичу. Оно относится къ февралю 1850 г., когда Максимовичъ гостилъ въ Москвѣ, а Чижовъ въ Кіевѣ.

„Радъ душевно, почтеннѣйшій, многоуважаемый и душевно любимый мною Михаилъ Александровичъ, что наконецъ я пишу къ вамъ. Почему-бы, казалось, не писать раньше? Я думаю—по лѣни, первое; второе—потому, что не было положительнаго дѣла, а безъ дѣла писать—какъ-то не писалось. Съ радостію узналъ изъ письма вашего, что Москва вызвала васъ снова на литературную дѣятельность; вѣрьте слову человѣка, не имѣющаго нужды ни льстить, ни угождать, вѣрьте, что ваша дѣятельность для насъ нужна. День-ото-дня болѣе и болѣе теряемъ мы изъ немногаго числа тѣхъ писателей, которые еще по преданію сохранили художественность языка. Вы изъ нихъ на первомъ планѣ, и потому ваше молчаніе вредно. Мы можемъ писать дѣльно, умно, положимъ—занимательно; но не знаю—чѣмъ объяснить то, что мы совершенно какъ будто-бы потеряли художественное чувство и забыли, что идея, являясь на свѣтъ, требуетъ тѣла, проситъ художественнаго слова, какъ своего непремѣннаго выраженія, а безъ его цѣлости органической она сама дѣлается неполною. У васъ эта гармонія мысли со словомъ является сама собою. Радуюсь искренно вашей дѣятельности; разумѣется, я не отказался-бы способствовать ея обстановкѣ моими посильными трудами, и благодарю васъ за честь—участвовать въ вашемъ изданіи. Но есть препятствіе, вотъ оно: я обязанъ, во первыхъ, устнымъ приказаніемъ, во вторыхъ—подпискою: все, что ни напишу, представлять на цензуру въ собственную его величества канцелярію; это можетъ весьма много задержать мою статью; если-же

Библиотека "Руниверс"

напечатать безъ этой цензуры, то, по силѣ подписки, и я, и издатель мною предупрежденный, подвергнутся справедливому наказанію. Если я успѣю скоро написать, тогда я пришлю къ вамъ для переписки и отсылки при моемъ письмѣ къ генералу Дубельту. Отвѣтьте на это письмо поскорѣе, тогда быть можетъ я еще и успѣю написать о софійскомъ соборѣ и объ иконостасѣ въ церкви села Романовки, черниговской губерніи, мглинскаго уѣзда, написанномъ Боровиковскимъ".

„Жаль, что вы не написали раньше, а то я только сегодня возвратился изъ мглинскаго уѣзда, куда я ѣздилъ къ сильно больному графу Гудовичу; только что возвратился и уже собираюсь ѣхать въ Одессу для занятія шелководствомъ. Все это время я прожилъ въ братскомъ монастырѣ, гдѣ занимался чтеніемъ церковныхъ писателей, то есть всего относящагося къ иконописи. Сказать правду, я пріобрѣлъ немного; но не виню въ этомъ прочитанныхъ мною писателей, а возлагаю всю вину на мою глупую голову; самъ не понимаю, отчего она отказывается глубоко входить въ смыслъ прошедшаго, между тѣмъ какъ чувствуетъ присутствіе этого смысла. Иконописаніе одно изъ такихъ явленій церковной, а слѣдовательно и народной нашей жизни, которое передаетъ многое, указываетъ на то, какъ нашему племени Богъ судилъ принимать неискаженную чистоту священныхъ преданій, точно также, какъ нѣкогда избранному народу Божію далъ обѣтованіе провести во всей чистотѣ преданіе о своемъ существѣ и довести его до минуты воплощенія Своего въ Спасителѣ міра. Не знаю, связно-ли я пишу (только что возвратился съ дороги), но знаю, что мысль есть, только видно еще она не возросла до того, чтобъ явиться въ словѣ и явиться со всею ясностію и отчетливостію".

„Въ заключеніе всего скажу вамъ: простите, если не умѣю написать статьи для „Кіевлянина", и вѣрьте, что это не моя вина, а немножко ваша. Есть у меня большая статья—разборъ италіянскаго сочиненія о политической экономіи, написанный еще въ 1843 году, но и тотъ не отдавался еще въ назначенную мнѣ цензуру. Окончу желаніемъ успѣха вашему начинанію и дружескимъ пожатіемъ вашей руки. Если увидите общихъ нашихъ пріятелей, всѣмъ по низкому поклону, особенно Хомякову, Гоголю и почтеннѣйшей, благословенной семьѣ Аксаковыхъ". Душевно васъ уважающій Ѳ. Чижовъ.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ біографической черты, письмо это ясно указываетъ читателю на чрезвычайную многосторонность свѣдѣній и дѣятельности этого человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ на его полное уваженіе къ другому, выдающемуся лицу въ ученомъ и литературномъ мірѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, чего не дѣлалъ, чѣмъ не занимался этотъ человѣкъ! Онъ изучаетъ иконописаніе[1]), онъ занимается политической экономіею, онъ развиваетъ шелководство, онъ завѣдуетъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, и все это съ полнымъ знаніемъ дѣла и строжайшей добросовѣстностію.

Будемъ-же собирать и хранить воспоминанія о всѣхъ подобныхъ дѣятеляхъ, знакомство съ которыми, даже заочное, посмертное, согрѣваетъ сердце и подымаетъ душу къ неослабному веденію труда, какой кому Богъ послалъ.

Въ другой разъ мы приведемъ здѣсь письма Венелина, Хомякова, Самарина, Елагиной, Кирѣевскихъ...

С. Пономаревъ.

25 февраля 1883 г.

---

[1]) Не только въ Россіи, но и за границей.

Библиотека "Руниверс"

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Т—овъ.

(Окончаніе)*).

12.

8 ноября 1856 г.

Давно, очень давно я не пишу тебѣ, друже мой единый. Не было о чемъ писать, не было матеріала и ни малѣйшихъ событій въ нашемъ забытомъ захолустьи. Отвратительное бездѣйствіе и однообразіе! 15 сентября посѣтилъ насъ Бюрно, но такъ не на долго (на пять часовъ), что я потерялъ надежду увидѣться съ нимъ. Онъ однако-жъ вспомнилъ обо мнѣ передъ самымъ выѣздомъ своимъ. Принялъ меня, какъ давно и хорошо знакомый человѣкъ. Свиданіе наше длилось нѣсколько, и въ эти короткіе минуты я успѣлъ полюбить этого счастливаго человѣка. Я его называю потому счастливымъ, что такіе люди, какъ онъ, не требуютъ долгаго и пристальнаго взглядыванья въ свой характеръ. Такіе любимцы Бога однимъ движеніемъ, однимъ взглядомъ говорятъ вамъ: намъ можно все довѣрить. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ (такому сообщишь то), чего иному въ продолженіи жизни не скажешь.

Онъ не обѣщалъ мнѣ много, чѣмъ я особенно доволенъ; много обѣщать—значитъ ничего не сдѣлать. Онъ просилъ меня писать ему и присылать куски матеріи. Но я этого не дѣлаю, мнѣ кажется неделикатной подобная корреспонденція. И встрѣтились, и простились мы съ

*) См. март. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 611—622.

Библиотека "Руниверс"

нимъ, какъ старые и добрые пріятели. Надолго останется въ моемъ сердцѣ это кратко-длинное свиданіе, эта симпатическая благородная физіономія, издающая тихіе кроткіе звуки. Напиши ему отъ меня самое глубокое сердечное привѣтствіе.

О высочайшихъ помилованіяхъ, по случаю коронаціи, у насъ еще ничего неизвѣстно. Я не ласкаю себя ни малѣйшей надеждою. Чѣмъ и какъ я могу уничтожить предубѣжденія В. А. [1])? Есть у меня на это оправданіе, но я не смѣю привести его въ исполненіе. Необходимо, чтобы В. А. спросилъ у графа Орлова, на чей счетъ я воспитывался въ академіи и за что мнѣ запрещено рисовать? словомъ, чтобы графъ Орловъ пояснилъ мою темную конфирмацію. Но кто легко разстается съ своими предубѣжденіями? Писалъ я черезъ Михайлова тебѣ еще въ началѣ лѣта; не знаю, получилъ-ли ты мое письмо. Михайловъ не написалъ мнѣ еще и двухъ строчекъ и кажется, что и не напишетъ. Я не знаю, чтобы это значило? Не время-ли ему, или просто непростительная лѣнь, или что нибудь другое, не знаю. Во всякомъ случаѣ мнѣ это больно. Кажется, одинъ ты мой вѣрный, неизмѣнный корреспондентъ. Сердечно благодарю тебя, мой друже единый. Извини меня передъ Сигизмундомъ, что я не пишу ему. Причина натуральная, не знаю, куды писать. Если онъ еще въ Петербургѣ, то напиши ему мой искренній привѣтъ и покорнѣйшую просьбу уничтожить Варнака (я настоящій попрошайка), прислать мнѣ двѣ плитки сепіи, фирмы *Sepiadi Roma*, или фабрики Шанеля. Въ настоящее время у меня этой краски ни полграна. Хорошо еще, что и другихъ нѣтъ средствъ и главнѣйшаго — помѣщенія, а то-бы я умеръ съ досады. Недавно мнѣ пришла мысль представить въ лицахъ евангельскую притчу о блудномъ сынѣ, въ нравахъ и обычаяхъ современнаго русскаго сословія. Идея сама по себѣ глубоко поучительна, но какія душу раздирающія картины составилъ я въ моемъ воображеніи на эту истинно нравственную тему. Картины съ мельчайшими подробностями готовы (разумѣется въ воображеніи) и дай мнѣ теперь самыя бѣдныя средства, я окочелѣлъ-бы надъ работой. Я почти доволенъ, что не имѣю теперь средствъ начать работу. Мысль еще не созрѣла, легко могъ-бы надѣлать промаховъ; выношу,

[1]) Василія Алексѣевича Перовскаго. — Б. З.

Библиотека "Руниверс"

какъ мать младенца въ своей утробѣ, эту безконечно разнообразную тему, а весной, помолясь Богу, приступлю къ исполненію хотя-бы то въ собачей канурѣ.

Если Богъ поможетъ мнѣ осуществить мое предположеніе, то изъ этой темы составится порядочной толщины альбомъ и если-бы хоть когда нибудь мнѣ удалось издать въ литографіи, то я былъ-бы выше всякаго земнаго счастія. Но сохрани Боже неудачи, то я умру: идея слишкомъ тѣсно срослась съ моей душою.

Въ слѣдующемъ письмѣ я опишу тебѣ нѣсколько картинъ такъ, какъ онѣ теперь мнѣ представляются.

О чемъ-же мнѣ еще писать тебѣ, мой друже единый? Отвратительное однообразіе. Полгода уже прошло, какъ я писалъ тебѣ, и теперь писать не о чемъ. Если продлится еще годъ мое заточеніе, то я непремѣнно одурѣю, и изъ завѣтной моей мысли, изъ моего *Блуднаго сына* выйдетъ безъцвѣтный образъ разслабленнаго воображенія, и ничего больше. Грустная, безъотрадная перспектива! Для исполненія задуманнаго мною сюжета необходимы живые, а не воображаемые типы. А гдѣ я ихъ возьму въ этомъ вороньемъ гнѣздѣ? А безъ нихъ, безъ этихъ путеводителей, легко сбиться съ дороги и надѣлать самыхъ нелѣпыхъ промаховъ. Но довольно объ этомъ! Напиши ты мнѣ, какъ ты намѣренъ распорядиться своимъ будущимъ. Кого ты намѣренъ изъ себя сдѣлать—артиста или чиновника? И на томъ и на другомъ поприщѣ сердечно желаю тебѣ успѣха. Но мнѣ-бы искренно хотѣлось, чтобы ты избралъ поприще артиста. Не знаю твоихъ матеріальныхъ средствъ,—фундаментъ всѣхъ нашихъ предпріятій. Моральными средствами ты владѣешь, у тебя есть любовь къ искуству и этого достаточно; о способностяхъ не хлопочи: онѣ вѣрные спутники этого прекраснаго свѣтила. О, если-бы когда нибудь привелось мнѣ увидѣть тебя и увидѣть истиннымъ артистомъ (не истиннымъ ты не можешь быть)! Тогда радость моя была-бы безгранична. Устрой свое будущее, если можно, такъ, а не иначе; тогда, гдѣ-бы я ни былъ, пѣшкомъ прійду любоваться твоими произведеніями. Посовѣтуй, что мнѣ дѣлать съ лоскутьями шерстяной матеріи [1])? У меня ихъ накопилось кусковъ около десятка. Прошедшее лѣто благопріятствовало моей ману-

[1]) Съ рисунками.—Бр. З.

Библиотека "Руниверс"

фактурѣ. Въ Оренбургѣ, кромѣ Бюрно, я никого не имѣю; но я ни за что не рѣшуся безпокоить его такимъ матеріальнымъ предложеніемъ. На Михайла и Карла надежда плохая, а на лѣнивыхъ земляковъ моихъ и того хуже. Они непремѣнно требуютъ *пломбы:* простота и ничего больше. Гдѣ Аркадій и что онъ дѣлаетъ? Пиши ему и цѣлуй его за меня. Пиши Совѣ и его цѣлуй. Пиши Михайлу и его сначала поцѣлуй, а потомъ попеняй за непростительную лѣнь, если это лѣнь только; не забудь написать Сигизмунду и въ заключеніе пиши Бюрно и цѣлуй за меня этого благороднѣйшаго человѣка.

Отъ всего сердца цѣлую твою щастливѣйшую мать.

Не забывай меня, друже мой единый!

13.

БРОНИСЛАВУ.

1856 годъ.

Какое однако-жъ себялюбивое созданіе человѣкъ вообще, а я въ особенности! Ты съ такимъ чистымъ восторгомъ (иначе и быть не можетъ) пишешь мнѣ о своемъ возвращеніи на милую родину, а я... Прости мнѣ, мой единый друже! я чуть не заплакалъ; разумѣется, разстояніе не можетъ измѣнить тебя, моего истиннаго, испытаннаго друга, но безъ тебя все-таки я сирота круглый въ оренбургскомъ безлюдномъ краю. Къ кому я въ этой пустынѣ прильну полнымъ сердцемъ безъ тебя? Къ кому я такъ братски откровенно адресуюсь съ моими нуждами, и кто такъ искренно, какъ ты, возьметъ на себя тяжелый трудъ сбывать мою матерію? Никто! а для меня необходимъ такой другъ въ Оренбургѣ, особенно теперь, потому особенно, что я все-таки не теряю надежды, разумѣется, не раньше зимы, перемѣнить солдатскій бѣдный бытъ на что-нибудь лучшее; но это еще въ рукахъ слѣпой фортуны! Скажи ты мнѣ: на всегда-ли ты оставляешь этотъ безлюдный край или только на время? Если только на нѣкоторое время, то я подожду тебя, если-же на всегда (чего желаю тебѣ ото всего сердца), то я долженъ буду отправить матерію къ землякамъ моимъ, которые (чудаки между прочимъ) непремѣнно требуютъ моего штемпеля, на что я никогда не рѣшуся, на каждомъ кускѣ; а иначе въ ихъ глазахъ произведеніе никакой цѣны не имѣетъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ этого ты видишь, что земляки мои—порядочные вандалы.

Полученныя мною фотографіи не совсѣмъ удачны. Портретъ С. Сѣраковскаго хотя и блѣденъ, но его даже солдаты узнаютъ, которые видѣли его когда-то въ Уральскѣ. Благодарю его за этотъ милый подарокъ, а за письмо не благодарю, потому что его до сихъ поръ прочитать не могу—ужасно неразборчиво написано. Но все таки цѣлую его всею полнотою души. Попроси его, чтобы онъ мнѣ прислалъ свой адресъ изъ Екатеринослава и чтобы хоть немного умѣрилъ свой почеркъ. Ты вѣроятно заѣдешь въ Уфу.—поцѣлуй Сову и Людвика.

Бюрно у насъ еще не былъ и вѣроятно онъ будетъ здѣсь не раньше, какъ по окончаніи курса леченія въ Пятигорскѣ, а къ тому времени ты сдѣлалъ-бы доброе дѣло, если-бы написалъ ему обо мнѣ хоть нѣсколько словъ, или, еще лучше, еслибы письмо прислалъ мнѣ; тогда я смѣло могъ-бы явиться къ нему, а то я такъ одичалъ здѣсь, что едва-ли безо-всего осмѣлюсь явиться къ военному генералу; ты не повѣришь, какіе для меня теперь это страшилища, просто ужасъ! Не полѣпися, напиши, мой добрый Брониславе!...

Сдѣлаетъ-ли безъ тебя милую для меня фотографію? Ахъ, если-бы сдѣлалъ! Какъ-бы я ему благодаренъ былъ! Устрой это такъ, чтобы сдѣлалъ и непремѣнно (попроси) уважаемаго мною Карла. Я самъ теперь пишу ему и прошу его объ этомъ. Ираклій [1]), кажется, немного охладѣлъ къ фотографіи. А знаешь-ли, что у насъ вышла маленькая контра? А. [2]) имѣла неосторожность попрекнуть меня своими благодѣяніями, и я отряхнулъ прахъ отъ ногъ моихъ, и повторяю слова великаго флорентинскаго изгнанника:

Горекъ хлѣбъ подаянія
И жестки ступени чужого крыльца.

Происшествіе непріятное, но я теперь себя чувствую гораздо спокойнѣе и свободнѣе, нежели подъ покровительствомъ этихъ, въ сущности добрыхъ, людей.

---

[1]) Усковъ, комендантъ Ново-Петровскаго укрѣпленія.—Пр. Бр. З—аго.

[2]) Агата Ускова, о которой выше съ такой горячностью говорилъ Шевченко.—М. Т.

Библиотека "Руниверс"

Что мнѣ еще писать тебѣ? Ничего больше, какъ повторю мою просьбу на счетъ Бюрно, и гдѣ-бы ты ни былъ, пиши мнѣ, не забывай меня, теперь совершенно одинокого, а когда будешь дома, то поцѣлуй за меня родившую тебя моего искренняго, моего единаго друга.

Если застанетъ тебя это письмо въ Оренбургѣ, то возьми мою мизерію у Карла и передай Михайлу. Я весьма опрометчиво поступилъ съ моимъ Варнакомъ, и тѣмъ болѣе, что черновую рукопись уничтожилъ. И теперь не знаю, что мнѣ и дѣлать. Если онъ у тебя переписанъ, то пришли его мнѣ: тамъ нужно многое поправить. Слогъ вообще довольно шершавый. Во всякомъ случаѣ не посылай его Осипову. Я содержаніе помню и напишу его вновь. Будешъ писать Аркадію, цѣлуй его отъ меня.

14.

10 февраля 1857 г.

Письмо твое, мой искренный друже, отъ 18 сентября [1]) минувшаго года получилъ я 28 генваря текущаго года. Что значитъ эта черепашняя медленность, я не понимаю. Ираклій говоритъ, что ты адресовалъ его черезъ Астрахань, и что оно опоздало къ послѣднему почтовому переходу, и должно было черезъ Самару и Оренбургъ путешествовать въ наше кочевье. Такъ-ли, иначе-ли, все-же оно дошло до меня и я со слезами сердечной радости прочиталъ его.

Дружѐ мой единый! твоя радость, твое счастье такъ безпредѣльно полны, что мнѣ остается только пожелать тебѣ, твоей счастливой матери, отцу и всему близкому твоему сердцу, пожелать долгихъ и долгихъ и безмятежныхъ дней. Ты такъ искренно, такъ живо радостно описываешь свое свиданіе, что я какъ-бы присутствую при этой прекрасной сценѣ, какъ будто самъ цѣлую и слезами обливаю руки твоей такъ долго скорбящей, и теперь такъ полно счастливой матери. Ты боялся возмутить мое искренно любящее тебя сердце описаніемъ своей радости. Напрасно, твоя радость нераздѣльна съ моей радостью, нераздѣльна, какъ любящая душа съ такой-же любящей душою. Эта психологическая истина требуетъ матеріальныхъ доказательствъ.

---

[1]) Напечатано у г. Чалаго на стр. 83—84.

Библиотека "Руниверс"

Ты пишешь, что карооkіе и голубоокіе siestrzeńcy твои спрашиваютъ тебя, когда пріѣдетъ къ нимъ старый другъ твой, который любитъ добрыхъ и милыхъ дѣтей? Цѣлуй ихъ, мой единый друже, и скажи имъ, что сердце мое давно уже съ ними, и что самъ я пріѣду къ нимъ скоро и поцѣлую ихъ такъ, какъ ты ихъ теперь цѣлуешь. Фантазія! воображаемое счастіе! пока и этого довольно. Для душъ сочувствующихъ и любящихъ воздушные замки прочнѣе и прекраснѣе матеріальныхъ палатъ эгоиста. Эта психологическая истина непонятна людямъ положительнымъ. Жалкіе эти положительные люди; они не знаютъ совершеннѣйшаго, величайшаго счастія на землѣ, они, одурманенные себялюбіемъ, лишены этого безграничнаго счастія,—рабы лишенные свободы, и ничего больше.

Вмѣстѣ съ твоимъ радостнымъ письмомъ получилъ я письмо изъ академіи художествъ отъ жены нашего вице-президента графа Толстаго. Она пишетъ мнѣ, что сдѣлано все для моего искупленія, и что въ скоромъ времени она ожидаетъ счастливаго результата. Какъ ты думаешь, можно-ли на этомъ фундаментѣ строить воздушные замки? Ты скажешь: можно, а я уже ихъ и построилъ. И какіе прекрасные, какіе свѣтлые замки! Безъ бойницъ и амбразуръ, безъ золота и мрамора мои роскошные прекрасные замки! но имъ позавидовалъ-бы и самъ Несвижскій „Ranie Kochanki“ [1]) *), еслибъ онъ могъ теперь завидовать чему нибудь. Я вотъ что построилъ на этомъ прекрасномъ фундаментѣ.

Первое, или первая поэма, интродуксіо: разставанье съ пустыней, въ которой я столько лѣтъ терпѣлъ, разставанье съ Карломъ, Михайломъ и Бюрно, котораго я только разъ увидѣлъ и полюбилъ, потомъ науза до Москвы, потомъ Москва, оставшіеся друзья и школьные товарищи, потомъ, потомъ... вотъ какой финалъ. Вмѣсто петербургской желѣзной дороги я выбираю простую почтовую дорогу—смоленскую или виленскую и пріѣзжаю прямо въ Рачкѣвичи [2]). Здѣсь начинается вторая

---

[1]) Поговорка извѣстнаго князя Карла Радзивилла, служившая ему названіемъ.—Ир. Бр. З—аго.

*) Въ нашей копіи внизу написано и зачеркнуто слово: «моспанку», выраженіе фамиліарности и пренебреженія въ отношеніи къ низшимъ и даже животнымъ, напр. кормленой свиньѣ.—М. Т.

[2]) Имѣніе родителей Залескаго, минск. губ., слуцк. у.—Ир. Бр. З—аго.

Библиотека "Руниверс"

часть поэмы. Встрѣчаюся съ тобою, плачу и цѣлую руки твоей счастливой матери, цѣлую твоего счастливаго отца, сестеръ, кароокихъ и голубоокихъ *siostrzeńców* твоихъ и, въ объятіяхъ полнаго счастія, отдыхаю, повторяя стихъ великаго поэта: „Мало воздуха всей Аравіи наполнить мою свободную грудь“. Вмѣсто Аравіи я буду говорить Литвы. Отдохнувши отъ этой полной радости, я почти силою беру тебя изъ объятій твоей счастливой матери, и въ одно прекрасное утро мы съ тобою молимся передъ образомъ Божіей Матери Остробрамской. Вильно также дорого по воспоминаніямъ моему сердцу, какъ и твоему. Изъ литовской столицы по варшавскому шоссе мы летимъ прямо въ академію художествъ и дополняемъ наше и безъ того полное счастіе двумя годами студенческой затворнической жизни. А сколько радости въ этой затворнической жизни! Эта радость и это счастіе понятно только тому, кто любитъ божественное искусство такъ, какъ мы съ тобою его любимъ. Не правда-ли,—прекрасный, великолѣпный и не совсѣмъ воздушный замокъ? Фундаментъ почти ручается за его сбыточность и прочность.

Второй воздушный замокъ, или поэма на одну и туже тему: вступленіе тоже самое, сцена въ Москвѣ таже самая, но вмѣсто смоленской дороги выбрана петербургская желѣзная, и я въ Петербургѣ, въ скромной квартирѣ о двухъ комнатахъ, изучаю искусство гравированія *акватинта*, и ожидаю къ себѣ тебя, моего искренняго друга. Ты пріѣхалъ, живемъ мы съ тобою скромно, почти бѣдно, въ маленькихъ комнаткахъ, неутомимо работаемъ, учимся и наслаждаемся своимъ ученіемъ. Два года пролетаютъ незамѣтно надъ нами, и мы, ежели не полные, по крайней мѣрѣ, сознательные артисты, черезъ Вильно и Слуцкъ возвращаемся въ Рачкѣвичи, цѣлуемъ твою мать, отца, сестеръ и кароокихъ и голубоокихъ сыновцевъ твоихъ.

Вторая моя поэма немного прозаичная, но въ сущности полнѣе первой. Такъ или иначе, а ты долженъ быть въ академіи художествъ или будетъ прорѣха, не зашитая дыра въ твоей и въ моей жизни. Недостаточно видѣть, любоваться прекраснымъ, умнымъ, добрымъ человѣкомъ человѣка, необходимо нарисовать его на бумагѣ и любоваться имъ, какъ созданіемъ живаго Бога. Вотъ что нужно для полноты нашей радости, для полноты нашей жизни!

Библиотека "Руниверс"

Позычъ, выпроси 25 рублей на мѣсяцъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ. Какъ знаешь, сдѣлай, только сдѣлай; это для тебя и даже для меня необходимо: для меня потому, что я желаю видѣть и цѣловать моего друга совершеннаго, а для твоего совершенства необходима академія художествъ. Безъ разумнаго пониманія красоты человѣку не увидѣть Всемогущаго Бога въ мелкомъ листочкѣ малѣйшаго растенія. Ботаникѣ и зоологіи необходимъ восторгъ, а иначе ботаника и зоологія будетъ мертвый трупъ между людьми. А восторгъ этотъ пріобрѣтается только глубокимъ пониманіемъ красоты, безконечности, симметріи и гармоніи въ природѣ. О, какъ-бы мнѣ хотѣлось теперь поговорить съ тобою о Космосѣ и послушать, какъ ты читаешь пѣсни Вайделоты!

Пускай молятся твои карооkіе и голубоokіе siostrżeńcy: молитва ангеловъ внятнѣе Богу.

15 февраля.

Я остановился на высшемъ градусѣ моей сердечной фантазіи, остановился для того, чтобъ дождать слѣдующей почты и подкрѣпить мои предположенія яснымъ и положительнымъ документомъ. Почта пришла 14 февраля и не привезла мнѣ ничего такого, на чемъ-бы основываясь я могъ продолжать свои предположенія. Предвѣстіе, вѣра, надежда, и ничего больше.

Получилъ-ли ты мое письмо отъ октября, не помню, котораго дня, адресованное прямо въ Слуцкъ, а не въ Рачкѣвичи? Я писалъ тогда о свиданіи моемъ съ сердечнымъ старымъ Бюрно. Если не получилъ, то напиши мнѣ: я тебѣ другой разъ опишу это короткое и безконечно длинное свиданіе. А теперь, какъ и тогда, прошу тебя, мой сердечный друже, пиши ему, цѣлуй его сѣдую—молодую голову, цѣлуй его чистое живое сердце, цѣлуй его божественную христіанскую душу. Цѣлуй его, какъ артиста, какъ брата, какъ человѣка. Я ничего теперь не могу больше сказать. Сердце мое переполняется любовью и изнемогаетъ при воспоминаніи о немъ.

Цѣлуй Аркадія, жену его и дѣтей его. Цѣлуй Сигизмунда и желай ему самаго блестящаго успѣха на избранной имъ дорогѣ. Писалъ-бы тебѣ еще много и много, но, какъ я сказалъ, документа нѣтъ; а безъ него самая яркая фантазія ничего больше, какъ сальная свѣча

Библиотека "Руниверс"

въ казармахъ. Фантазія должна опираться на положительное. Сѣмена Джугары и двѣ штуки матеріи шерстяной пошлю тебѣ въ послѣдней половинѣ марта, а когда ты его получишь, Богъ знаетъ. Цѣлую твою счатливую мать, твоего отца, твоихъ сестеръ и твоихъ ангеловъ siostrzeńców. Не забывай меня, друже мой единый!

15.

8 мая, 1859 г. (1857 г.).

Мой единый друже, Брониславе! Ради нашей святой дружбы растолкуй ты мнѣ, что значитъ твое упорное молчаніе? [1]) или ты обѣнялся и прокисъ наконецъ въ деревнѣ, или ты заболѣлъ? Да хранитъ тебя Господь! или ты скрылся въ невѣдомое тридесятое государство, гдѣ о почтѣ и понятія не имѣютъ? или я не знаю, что и думать. До полученія послѣдняго письма твоего отъ 18 сентября минувшаго года, я писалъ къ тебѣ два раза, по адресу Балинскаго. Первый разъ въ ноябрѣ, а второй разъ въ генварѣ, вмѣстѣ съ Б., и ни на одинъ привѣтъ не получилъ отвѣта; что это значитъ, и ума не приложу. Письмо твое отъ 18 сентября получилъ я въ послѣднихъ числахъ марта, на которое отвѣчаю только теперь. Я все дожидалъ отъ тебя позднѣйшихъ извѣстій и, не дождавшись, рѣшился адресовать тебѣ третье посланіе въ твои милые задушевные Рачкѣвичи. Вмѣстѣ съ твоимъ послѣднимъ письмомъ, получилъ отъ тебя письмо и Ираклій, въ которомъ ты просилъ (его) о присылкѣ сѣмянъ Джугары, а меня просилъ прислать тебѣ для извѣстнаго употребленія два куска матеріи собственнаго рукодѣлія. Просьба твоя исполнена не совсѣмъ удовлетворительно; посылка отправлена поздно, сѣмена не получишь ты ко времени посѣва. Тебѣ не безъизвѣстно, что на время зимы денежная и вообще интересная корреспонденція у насъ прекращается. Вотъ причина запоздалости. Вмѣстѣ съ сѣменами послано тебѣ и мое рукодѣлье, три штуки. Двѣ для твоего собственнаго употребленія, т. е. для продажи по твоему усмотрѣнію, а третья съ надписью для графини Т., которой и прошу тебя немедля

[1]) У г. Чалаго напечатано письмо 3-—скаго отъ 3 марта 1857 г.

Библиотека "Руниверс"

переслать съ письмомъ или безъ письма, какъ знаешь, по нижеслѣдующему адресу:

Въ С.-Петербургъ, графинѣ Наталіи Ивановнѣ Толстой, въ академію художествъ,

а деньги, вырученныя за остальные два куска, отошли на имя Михайла Матвѣевича Лазаревскаго въ С.-Петербургъ, на Большой Морской улицѣ, въ домѣ графа Уварова. Сдѣлай такъ, какъ я тебя прошу, друже мой единый! На дняхъ мы дожидаемъ почты, и потому я не кончаю моего письма. Почта должна привезти мнѣ твое письмо и.... но я боюся выговорить... Ты замѣчаешь-ли перемѣну моего почерка? Добрый знакъ, друже мой единый, знакъ свободы! Но подождемъ, что скажетъ почта.

10 мая.

Сегодня пришла почта и принесла твое отъ 3 марта, такъ долго-долго ожиданное, дорогое письмо; но чего я дожидалъ съ судорожнымъ замираніемъ сердца, того не привезла, и причина простая, которую объяснилъ мнѣ М. Лазаревскій своимъ братскимъ письмомъ, полученнымъ съ этою-же почтою. Не въ генварѣ, какъ я тебѣ писалъ, а только къ 7 апрѣля представленъ я со многими другими; но чѣмъ разрѣшилось это представленіе, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ я не унываю, но ожиданіе, какъ и всякое ожиданіе, самое несносное чувство. Не говоря уже о разумномъ какомъ занятіи, я даже романа читать не могу. Несносное состояніе, и оно должно продлиться еще по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, если не больше.

Глубоко уважаю твои чувства, друже мой милый, въ отношеніи къ матери; но все таки не могу не пожалѣть, что ты рѣшительно отказался отъ моей милой академіи. Два года только, и ты артистъ, по крайней мѣрѣ для себя, если не для публики. Мелкіе города опасны, а столицы нечего бояться ни въ какомъ отношеніи; а какое неизъяснимое блаженство увидѣть волшебное искусство во всемъ его блескѣ, во всемъ его магическомъ очарованіи! Рай, заповѣданный только святымъ! Но если ты уже рѣшительно посвятилъ себя идилліи, то сдѣлай-же эту идиллію полною, совершенною. Женись, а иначе идиллія будетъ вала, суха и однообразна; а впрочемъ ты не Улиссъ, а я не Ментеръ.

Библиотека "Руниверс"

Отъ Сигизмонда я не получилъ до сихъ поръ ничего, а для „Блуднаго сына“ мѣшалъ бистру съ тушью и вышелъ тонъ почти сепіи. Готовыхъ уже у меня 8 штукъ. Первыхъ четырехъ сценъ еще не начиналъ за неимѣніемъ модели. Необходимъ русскій типическій купецъ, чего здѣсь не имѣется. Я отложилъ это до Москвы или до Петербурга. Разскажу тебѣ о „Блудномъ сынѣ“ подробно въ слѣдующемъ письмѣ, а теперь тороплюсь, завтра почта отходитъ.

Ты пишешь, друже мой единый, на счетъ матеріи; въ слѣдующей почтѣ пошлю тебѣ еще двѣ штуки, не знаю, какого содержанія, а для виленскаго альбома пришлю нѣсколько штукъ изъ нашего каратаускаго вояжа и изъ здѣшнихъ окрестностей, а что пришлю, о томъ напишу. Изъ посланныхъ тебѣ кусковъ одинъ можетъ быть покажется тебѣ непонятнымъ. Это преданіе о происхожденіи рисованія. Дочь хіоскаго горшечника нарисовала на дверяхъ хижины силуетъ своего возлюбленнаго, и это была первая рисовальщица.

Экспедиція по Вилію можетъ быть чрезвычайно интересна. Какъ-бы я желалъ поплавать по этой матери литовскихъ рѣкъ.

Цѣлую Бюрно, Аркадія, Сигизмунда, цѣлую твоего старика, твою добрую, любящую мать, сестеръ и твоихъ каро и голубоокихъ siostrzeńców.

13 мая.

Почта отправляется еще черезъ два дня, что и даетъ возможность мнѣ устроить для тебя посылку.

Посылаю тебѣ 17 штукъ для В. А. Выбери изъ нихъ, которые тебѣ покажутся лучшими и пригодѣйшими къ дѣлу, и самъ назначь имъ цѣну, какую найдешь приличною. Поторгуйся, мнѣ теперь болѣе, нежели когда, деньги необходимы. Кромѣ предстоящей дороги я похожъ теперь на турецкаго святого, а турецкіе святые, какъ тебѣ извѣстно, не разборчивы въ отношеніи костюма: они щеголяютъ иногда *au naturel*. Если-бы заплатили по 15 рублей, я былъ-бы болѣе нежели доволенъ, и эти деньги посвятилъ-бы на дорогу отъ Москвы до Рачкѣвичъ.

Еще посылаю тебѣ *счастливаго ловца* и *ловкаго продавца*. Этимъ молодцамъ тебѣ цѣна извѣстна. Устрой, друже мой, все это най-

Библиотека "Руниверс"

лучше и найскорѣе, и жди меня, твоего искренняго друга, въ свои теплыя объятія.

Форму и величину 17 штукамъ можно дать одну, это не повредитъ эффекту;—такую, напримѣръ, какъ 17 № *Когика*.

20 мая.

Сегодня только отходитъ почта и я прибавляю еще двѣ штуки. Я назвалъ ихъ молитвою по умершимъ. Это религіозное повѣрье киргизовъ. Они по ночамъ жгутъ бараній жиръ надъ покойниками, а днемъ наливаютъ воду въ ту самую плошку, гдѣ ночью жиръ горѣлъ, для того, чтобы птичка напилася и помолилась Богу за душу любимаго покойника. Не правда-ли, поэтическое повѣрье?

16.

Пишу тебѣ менѣе, нежели мало, но пишу изъ Астрахани, на пути въ Петербургъ, и слѣдовательно это миніатюрное письмо родитъ въ твоемъ благородномъ сердцѣ огромную, роскошную библіотеку. Въ одинъ день съ твоимъ письмомъ отъ 30 мая получилъ я офиціальное извѣстіе о моей свободѣ. Добрый Ираклій далъ мнѣ отъ себя пропускъ прямо въ Петербургъ, минуя Уральскъ и Оренбургъ, а слѣдовательно и 1000 верстъ лишняго и дорогого пути. Сердечно ему благодаренъ за эту экономію денегъ и времени, теперь для меня такъ драгоцѣннаго. 15 августа понесетъ меня пароходъ изъ Астрахани до Нижняго-Новгорода, а оттуда дилижансъ въ Москву, а изъ Москвы паровозъ въ Петербургъ. Весело, друже мой единый, невыразимо весело, когда наши волшебные воздушные замки начинаютъ быть осязательными. Я спѣшу теперь въ Петербургъ для того единственно, чтобы поцѣловать руки моей святой заступницы, графини Наталіи Ивановны Толстой. Послалъ-ли ты ей моего Киргизенка? или, лучше сказать, получилъ-ли ты самъ его, и его родныхъ братьевъ—счастливаго рыбака и смышленнаго продавца? Въ послѣднемъ своемъ письмѣ ты мнѣ ничего не пишешь о моихъ посылкахъ. Получилъ-ли ты ихъ? Если получилъ, то распорядись ими, какъ находишь лучше, и напиши мнѣ въ Петербургъ по адресу, тебѣ извѣстному. Я также, какъ и ты, вполнѣ и совершенно вѣрую,

Библиотека "Руниверс"

что мы съ тобою увидимся, но когда и гдѣ, не знаю; во всякомъ случаѣ не въ киргизской степи.

До свиданія, мой друже единый! Не забывай своего искренняго друга и теперь свободнаго художника.

Т. Шевченко.

Цѣлую твою святую мать, отца и все близкое твоему сердцу.

10 августа, 1857 г.

Астрахань.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Покажчикъ новоі українськоі літератури (1798—1883 р.). Зібравъ М. Комаровъ. Кіевъ 1883 г. (1—74 стр.). Ц. 50 к.

Всякій, занимавшійся вопросомъ объ украинской литературѣ, до сихъ поръ встрѣчался съ непреодолимыми препятствіями, по отсутствію полнаго указателя всего того, что написано на малорусскомъ языкѣ, а также и того, что появлялось по этому вопросу въ русской литературѣ. Единственными справочными книгами были: «Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ» В. Межова и «Исторія русской и всеобщей литературы, библіографическіе матеріалы» —его-же. Кто знакомъ хорошо съ этими трудами почтеннаго библіографа, тотъ знаетъ, насколько неудовлетворительны они при занятіяхъ указаннымъ выше вопросомъ, во 1-хъ, потому, что «Систематическій указатель» составленъ только о книгахъ, вышедшихъ съ 1825 года, а «Библіографія русской и всеобщей литературы» —съ 1855 г. по 1870 г., во 2-хъ потому, что въ обоихъ этихъ трудахъ встрѣчается очень много пропусковъ, особенно книгъ, издававшихся не въ столицахъ. Благодаря появленію въ свѣтъ разбираемой книги М. Комарова, теперь значительно облегчается положеніе занимающагося изученіемъ украинской литературы, такъ какъ авторъ «Покажчика», надо отдать ему полную справедливость, весьма усердно потрудился для собранія всего того, что было написано по украински, начиная съ «Энеиды» Котляревскаго (1798 г.) и кончая послѣдними произведеніями 1883 года, и при каждой книжкѣ помѣщая указанія критическихъ разборовъ, біографическихъ и библіографическихъ данныхъ, появлявшихся въ русской и галицкой періодической печати. Не можемъ впрочемъ не указать здѣсь-же на одинъ, по нашему мнѣнію, маленькій промахъ: зачѣмъ авторъ не закончилъ книгами, вышедшими въ 1882 году, а помѣстилъ и то, что появилось въ первые мѣсяцы

Библиотека "Руниверс"

настоящаго года? Вѣдь черезъ нѣсколько лѣтъ кто-либо, взявъ въ руки «Покажчикъ» и не зная, что онъ вышелъ изъ печати въ концѣ февраля 1883 г., будетъ введенъ въ сомнѣніе тѣмъ, что не найдетъ въ немъ книгъ, которыя отпечатаны еще будутъ въ остальные мѣсяцы этого года. Если уже хотѣлось автору довести литературную лѣтопись до послѣднихъ дней, то нужно было объ этомъ сообщить въ предисловіи къ книжкѣ. Конечно, мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, лишь какъ нѣкоторое неудобство для пользованія въ будущемъ.

Въ предисловіи къ «Покажчику», написанкомъ, кстати сказать, очень хорошимъ украинскимъ языкомъ, авторъ съ прискорбіемъ заявляетъ, что литература Галиціи не могла войти въ его трудъ, такъ какъ при тѣхъ слабыхъ литературныхъ связяхъ, которыя имѣются въ настоящее время съ нашими закордонными братьями, нѣтъ возможности собрать данныхъ о литературѣ въ Галиціи. Надо утѣшаться тѣмъ, что во Львовѣ готовится теперь подобный-же библіографическій указатель галицкой литературы и вѣроятно скоро появится въ свѣтъ. Что же касается писателей русской Украины, то авторъ собралъ все, что только ему было возможно узнать, включая и тѣ книги, которыя издавались за границей русскими украинцами. Тутъ мы опять сдѣлаемъ маленькое замѣчаніе. Въ «Покажчикѣ» помѣщены иногда авторы, у насъ на Руси невѣдомые, ничего въ Россіи не издававшіе,—чѣмъ-же г. Комаровъ докажетъ, что это русско-украинскіе писáтели? Придется вѣрить ему на слово; напр. *Банасико Ф.* (Дикий піп), *Білик И.* (Біографія Тургенева), *В. П.*— (Дворянка). и мн. др. Намъ кажется, что правильнѣе было-бы, не помѣщая всей галицкой литературы, ограничиться только книгами, изданными въ Россіи, да заграничными изданіями сочиненій хорошо извѣстныхъ украинскихъ писателей, какъ-то: Гулака-Артемовскаго, Квітки-Основьяненка, Кулиша, Шевченка и др.; всѣхъ-же остальныхъ, о которыхъ случайно могъ узнать составитель «Покажчика», предоставить указать галичанамъ, такъ какъ большинство такихъ изданій было у нихъ, тѣмъ болѣе, что въ замѣнъ этого мы имѣемъ право помѣстить у себя (правда—въ значительно меньшомъ количествѣ) изданія галичанъ, вышедшія въ Россіи, наприм. «Пѣсни Галицкой и Угорской Руси» Я. Головацкаго.

Что касается системы расположенія книгъ въ «Покажчикѣ», то составитель указываетъ какъ на лучшую въ данномъ случаѣ—алфавитный перечень. Съ своей стороны мы вполнѣ соглашаемся съ этимъ мнѣніемъ составителя, но замѣтимъ, что алфавитный указатель имѣетъ одно неудобство при отыскиваніи той или другой книги, а именно: если при книгѣ имя автора обозначено только начальными буквами, которыя

Библиотека "Руниверс"

конечно легко забываются, то приходится, зная даже заглавіе книги, пересмотрѣть весь «Покажчикъ», пока набредешь на нее; напр. нужно навести справку о книгѣ «Якъ розпізнати грунтъ»: если позабылъ, что она переведена *И. М. Р.* (а кто это будетъ помнить?), то никакъ не догадаешься, гдѣ ее искать. Равное затрудненіе встрѣчается и въ томъ случаѣ, когда книга не указываетъ автора. Въ „Покажчикѣ" она помѣщается по алфавиту, при чемъ составитель береть за основу такую случайную примѣту, какъ начальная буква заглавнаго листа, что конечно очень неудобно при отысканіи книги, если точно не помнишь заглавія ея. Напр. намъ нужно было навести справку о книгѣ, трактующей о «лікахъ свойенародныхъ",—случайно удалось ее найти скоро, раскрывъ страницу 43, гдѣ она помѣщается на букву *П*, такъ-какъ озаглавлена «Про ліки свойенародні» (замѣтимъ кстати, что книга эта въ дѣйствительности озаглавлена такъ: «ліки свойенародні, зъ домашнего обиходу і въ картинахъ життя», ц. 7 к.) Конечно, это мелкій недостатокъ, который почти равняется нулю, если принять во вниманіе неоспоримыя достоинства труда г. Комарова; но все-таки до извѣстной степени можно было-бы избѣжать его, приложивъ въ концѣ книги предметный указатель по главному сюжету книги, расположивъ его въ алфавитномъ порядкѣ и сдѣлавъ ссылку на номеръ.

Въ «Покажчикъ» вошли не только заглавія книгъ, но и критическія и біографическія статьи, собранныя съ примѣрной тщательностью, хотя не безъ пропусковъ, о которыхъ мы скажемъ впереди.

Найменѣе полный и удобный для справокъ отдѣлъ, приложенный въ концѣ «Покажчика» — «Найглавнійші спільні писаня про українську мову, літературу і про українське питання». Тутъ ужъ алфавитный порядокъ авторовъ или періодическихъ изданій, если авторъ не указанъ, совершенно ничему не помогаетъ; отдѣлъ этотъ слѣдовало-бы составить въ систематическомъ порядкѣ, раздѣливъ на нѣсколько существенныхъ рюбрикъ.

Дѣлая эти общія замѣчанія, мы имѣемъ въ виду только тѣ измѣненія, которыя, можетъ быть, г. Комаровъ найдетъ нужнымъ сдѣлать въ въ будущемъ изданіи своего труда, а совсѣмъ не желаніе упрекнуть его въ недостаткахъ, такъ-какъ отлично понимаемъ, сколько труда пришлось затратить составителю,—труда, за который, кромѣ самаго искренняго «спасибо», никто, мы думаемъ, много не скажетъ. И вотъ, имѣя въ виду лишь будущее исправленное изданіе «Покажчика», мы прилагаемъ теперь-же тѣ мелкія добавленія и поправки, которыя на первый разъ пришли намъ на память и оказались подъ руками, и приглашаемъ всѣхъ библіографовъ послѣдовать нашему примѣру и сообщить и свои

Библиотека "Руниверс"

замѣтки въ благодарность г. Комарову за цѣнный подарокъ, сдѣланный имъ любителямъ украинской литературы.

Просимъ прощенія въ томъ, что замѣтки наши будутъ носить отрывочный характеръ, такъ какъ онѣ явились при бѣгломъ обзорѣ различныхъ мѣстъ самаго «Покажчика».

1) Не указано: *Инфимовскій Ник.*, свщ., «Бесѣда въ 12 недѣлю по Пятидесятницѣ» (на малорус. яз.). Помѣщена въ «Домашней Бесѣдѣ» 1860 г. вып. 33-й.

2) *Стеценко.* «Доля, драма въ 5 діяхъ» печаталась не въ «Харьк. Губ. Вѣдом.», а въ газетѣ «Харьковъ» (прибавленіе къ Харьк. Губ. Вѣд.) 1863 г. №№ 39—43.

3) Не указана статья (по вопросу о малор. учебн. въ школѣ) *Хуторянина*: „Какія руководства удобнѣе употреблять при первоначальномъ обученіи крестьянскихъ дѣтей“ (Черниг. Лист. 1862 г. №№ ?—27; точно начала статьи указать не могу).

4) Не указанъ „Сонетъ“ *Кулиша*, напечатан. въ Черниг. Листкѣ 1862 г. № 27 (Кажется, нигдѣ больше не напечатано; начинается такъ: «Ще любо дивлятся на мене карі очі»).

5) *Гречулевичъ.* «Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ», издан. въ 1857 г. вторымъ изданіемъ, кажется, печатались въ Черн. Губ. Вѣд. въ томъ-же году; по крайней мѣрѣ, одна изъ проповѣдей на Новый годъ была помѣщена въ № 1 (см. «Украинск. Литер. лѣтоп. за 1857 г. въ Черн. Губ. Вѣд. 1857 г. № 47»).

6) «Наймычка», поэма *Шевченка* была первоначально напечатана въ «Зап. о Южн. Руси» т. 2-й, издан. Кулиша, безъ указанія автора, такъ какъ имени Шевченка тогда нельзя было помянать (1856 г.); о ней было сказано, что авторъ поэмы неизвѣстенъ и что сама поэма найдена въ альбомѣ какой-то барышни. Эту библіографич. справку, намъ кажется, слѣдовало-бы привести.

7) Статья въ Маякѣ 1840 г. т. I, ч. 2-ая, указанная въ числѣ рецензій на сочиненія *Квитки*, подписана *С. Б.* и разбираетъ «Листи до любезнихъ земляківъ».

8) Статья «О древности и самобытности южнорускаго языка» (стр. 65), помѣщенная въ Жур. Мин. Нар. Просв., перепечатана въ «Запискѣ. о Южн. Руси» Кулиша, т. 2-ой.

9) Не указана статья *Максимовича М.* «Мнѣніе о малороссійскомъ языкѣ и правописаніи онаго, помѣщенная въ «Русскомъ Зрителѣ» 1829 г. ч. VI, № 21 и 22.

10) Не указанъ привѣтъ *Максимовича* Шевченку на обѣдѣ 25 марта 1858 г. «Привѣтъ на малорус. яз.», помѣщенъ въ Основѣ 1861 г. № 6 въ статьѣ «Значеніе Шевченка для Украйны».

Библиотека "Руниверс"

11) Не указано стихотвореніе *Максимовича* на малорос. яз. «На смерть Шевченка», помѣщенное въ «Основѣ» 1861 г. № 6. Также не указано его-же стихотвореніе, помѣщенное тамъ-же «На пóхоронъ Т. Г. Шевченка підъ Каневомъ».

12) Не указана статья *Погодина* «О древнемъ русскомъ языкѣ», напеч. въ видѣ письма къ И. Срезневскому въ «Извѣст. 2-го Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ» т. V, вып. 2-ой и перепечатан. въ «Москвитянинѣ». 1856 г. № 2; въ ней отрицалось существованіе въ Кіевѣ малороссіянъ до татарскаго періода. Эта-то статья и вызвала переписку между Максимовичемъ и Погодинымъ, которая и указана въ «Покажчикѣ», хотя не вся, такъ напр.: не помѣщенъ еще одинъ отвѣтъ Погодина, напечатан. въ „Русской Бесѣдѣ" 1857 г. № 3 и перепечат. въ «Москвитянинѣ» 1857 г. № 13—16.

13) Не указана статья *А. Скавронскаго* «Кто наши обвинители» (такъ называемый украинскій вопросъ и его враги), напечат. въ «Современ. Словѣ» 1862 г. № 157.

14) Всѣ статьи по поводу концерта въ пользу родственниковъ Шевченка гораздо большее значеніе имѣютъ для характеристики Кулиша, а потому ихъ надо исключить изъ числа статей о Шевченкѣ (стр. 57), особенно же—помѣщенная въ „Сѣверн. Пчелѣ" 1861 г. въ №№ 116 и 171. Первая пропущена совсѣмъ въ „Покажчикѣ": *Мокрицкій П.* «Отвѣтъ на статью г-на Кулиша».

15) О „Ландышахъ Кіевской Украины" *Гр. Карпенка* помѣщенъ очень сочувственный отзывъ въ Галицкомъ журналѣ «Сборникъ» 1857 г. № 7, подъ заглавіемъ „Конвалія Кіевской Украины". Тутъ-же для образца перепечатаны нѣкоторыя стихотворенія въ №№ 7, 9, 10, 12 и 14.

16) Стихотвор. *Шевченка*: „Якъ би мені черевики", помѣщено въ «Народномъ Чтеніи» 1859 г. кн. 5-я.

17) Стихотв. *Шевченка:* «Балъ» («Огні горять, музика грає») въ переводѣ Курочкина; помѣщено въ „Народномъ чтеніи" 1860 г. кн. 6-ая (Переводъ больше похожъ на передѣлку).

18) «Первоцвіть» Кузьменка и Щоголева, съ предисловіемъ Кулиша, помѣщенный въ „Хатѣ", изд. Кулиша, вышелъ кажется и отдѣльной книжкой. Ц. 30 к. (по крайней мѣрѣ было объявленіе отъ типографіи Кулиша въ 1859 г., что она печатается).

19) Разсказъ *Марка-Вовчка*: «Два сини», въ переводѣ на русскій яз. Степ. Яковенка, помѣщенъ въ «Русскомъ Мірѣ» 1861 г. № 68.

20) О „хохлацькихъ співахъ" *Крутоярченка* помѣщена неодобрительная рецензія Кулиша въ „Парусѣ" 1859 г. № 2.

Библиотека "Руниверс"

21) Повѣсть *И. Нечуя-Левицкаго* „Причепа“ переведена на польскій языкъ подъ заглавіемъ: „Przybłęda, powieść ukraińska“ (см. извѣстіе объ этомъ въ галицкой „Правдѣ“ 1878 г. Т. 2-ой).

22) Изслѣдованіе *М. Тулова* „О малорусскомъ правописаніи“ первоначально напечатано было въ «Филологическихъ запискахъ» 1879 г. № 4 и 5.

23) Не указана статья *Воронина:* „Мѣстные вопросы“ (объ украинофильствѣ), помѣщенная въ „Вѣстникѣ юго-запад. Россіи“ 1863 г. Т. 3-й.

24) Не указана повѣсть *Стороженка* «Якъ Богъ дасть, то і въ вікно подасть». С.-ПБ. 1862 г. ц. 3 к.

25) *Марка-Вовчка* „Народні оповідання“ изданы не въ 1857 г., а въ 1858. Не указаны также изданія повѣстей его: «Викупъ» въ 1862 г. С.-ПБ. Ц. 5 к., «Сестра» С.-ПБ. 1862 г. Ц. 7 к.

26) *Забоцня* «Гордовита пара» издана еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 3 к.

27) *Мордовцева* «Салдатка» издана еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 5 к.

28) *Кузьменка* „Не такъ ждалося, да такъ склалося» издано еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 5 к.

29) *Гатцука* «Українська Абетка» издана не въ 1863 г., а въ 1861.

30) Не указана статья *С. Гогоцкаго* «На какомъ языкѣ слѣдуетъ обучать въ сельскихъ школахъ юго-западной Россіи», помѣщенная въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» 1863 г. № 33—35 и изданная отдѣльной брошюрой.

31) Не указанъ „Букварь южно-русскій“. 1861 року ц. 3 к. С.-ПБ. (можетъ быть впрочемъ, я его не нашелъ, хотя выписанное заглавіе вполнѣ точно).

32) Не могу точно указать, гдѣ напечатано «Слово про мою щиросты до людей убогихъ», дума *Степана Карпенка 1-го.* (Подписано: Кіевъ 1849 року; у меня имѣется эта дума вырванной изъ какого-то сборника).

33) Тоже въ какомъ-то сборникѣ помѣщены: а) «Голубка» — *Дмитрашка-Раіча* (подписано: Переясловъ 1850 р.); б) «На могильна» — его-же (подписано: Переясловъ 1850 р.); в) «Шпыгачка» — его-же; г) «Камінь» — его-же; д) «Чуже не свое» — *Романа Андріевича* (подписано: Переясловъ 1850 р.), и е) «Панъ Сюсюрченко, побрехенька въ лицедійствіі» — его-же (въ Показчикѣ указано, какъ напечатанное въ «Чайкѣ», альманахѣ изданія Пискунова).

34) Были еще и такіе писатели: а) *Надхинъ Григорій;* его малор. стих. «Землякамъ», помѣщ. въ «Русск. Инвал.» 1854 г. № 74; б) *Виненко*

Библиотека "Руниверс"

Иванъ, котораго «Дадимо прочухана» (малорус. стихотвор.) напечатано въ «Москов. Вѣд.» 1854 г. № 24.

35) Нѣсколько малорусскихъ думъ, сообщ. *А. Афанасьевымъ*, напечатаны были въ „Извѣст. Акад. Наукъ 1853 г.

37) Статья о *Котляревскомъ* помѣщена въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» № 10 въ 1849 г., а не въ 1846, какъ значится въ «Покажчикѣ». (Статья эта, какъ сказано въ концѣ ея, заимствована изъ «Кіевск. Губ. Вѣд.», но въ какомъ номерѣ помѣщена—не знаю).

37) Послѣдняя моя поправка на этотъ разъ будетъ лично касаться меня.—На стр. 24-й сказано, будто-бы въ «Кіевлянинѣ» 1878 г. № 143 и 144 была помѣщена моя статья о Квиткѣ. Смѣю увѣрить, что никогда ни одной строчки не помѣщалъ въ «Кіевлянинѣ»; въ указанныхъ-же выше номерахъ былъ помѣщенъ репортеромъ «Кіевлянина» отчетъ о засѣданіи Общества Нестора лѣтописца, въ которомъ мною прочитанъ былъ рефератъ о Квиткѣ въ день празднованія его юбилея.

Не въ осужденіе пусть приметъ уважаемый составитель „Покажчика“ наши поправки и дополненія; мы признаемъ, что пропусковъ въ подобномъ трудѣ никто избѣжать не можетъ, особенно, если приходится вести его въ провинціальномъ городѣ, гдѣ достанешь далеко не все нужное для справокъ. Единственная возможность пополнить пробѣлы библіографическаго указателя—сдѣлать извѣстными имѣющіяся у каждаго свѣдѣнія путемъ печати, что мы на первый разъ и сдѣлали, обѣщая и впредь, по мѣрѣ накопленія матеріала, предавать его тисненію. А пока что, скажемъ еще разъ большое «спасибо» М. Комарову, отъ лица всѣхъ занимающихся малорусской литературой, за составленный имъ «Покажчикъ»! **В. Науменко.**

D-r Antonij I.—Niewiasty kresowe. Warszawa. 1883.

Д-ръ Антоній I.—Женщины на окраинахъ. Варшава. 1883 г.

Новое сочиненіе доктора Антонія I., появившееся подъ этимъ заглавіемъ, содержитъ шесть біографическихъ очерковъ, обрисовывающихъ типы женщинъ шляхетской среды въ юго-западномъ краѣ; одинъ очеркъ относится къ концу XVI столѣтія, два къ первой и два ко второй половинѣ XVII ст. и одинъ къ концу XVIII ст. Первые три біографіи изображаютъ въ сущности одинъ и тотъ-же типъ женщины, выросшей и воспитанной среди безграничнаго своеволія шляхетской среды своего времени, не сдерживаемаго ни извнѣ—властью и закономъ, ни внутри—

Библиотека "Руниверс"

прочными нравственными принципами и сознаніемъ гражданскаго долга. Изъ очерковъ доктора Антонія мы видимъ, что болѣе энергическія женщины не только усваивали себѣ бытовыя черты своего общества, но старались и во внѣшнихъ ихъ формахъ и пріемахъ не уступать мущинамъ; онѣ ведутъ безконечныя тяжбы, усваиваютъ себѣ страсть къ кляузамъ, умѣютъ весьма ловко пользоваться юридическою казуистикою; онѣ вчинаютъ иски или отбиваются отъ нихъ вооруженною силою, предпринимаютъ заѣзды, выдерживаютъ осады, держатъ на жалованьи вооруженные отряды и во главѣ ихъ даютъ сраженія и т. п. Первая біографія посвящена Аннѣ Борзобогатой-Красненской, урожденной княжнѣ Сокольской;—эта энергическая женщина была невѣсткою извѣстнаго епископа луцкаго и острожскаго Іоны Борзобогатаго-Красненскаго; подчиняя своему вліянію и слабохарактернаго мужа и престарѣлаго тестя-владыку, Анна Борзобогатая руководила ихъ дѣятельностью и направляла ее на безпрестанныя тяжбы, самоуправства и заѣзды, въ которыхъ и сама нерѣдко принимала лично участіе; она управляла самопроизвольно имѣніями и казною луцкой епископіи, раздавала и отчуждала ихъ въ пользу какъ свою, такъ и своихъ родственниковъ и пріятелей и отказывалась исполнять всякія требованія властей и даже распоряженія короля. Весьма интересенъ между прочимъ эпизодъ столкновенія Борзобогатыхъ съ княземъ Курбскимъ; послѣдній предъявилъ судебное рѣшеніе, подтвержденное королевскимъ приказомъ о взысканіи съ Борзобогатыхъ довольно крупной суммы, но Анна отказала на отрѣзъ въ ея уплатѣ; два раза по повелѣнію короля подымалось поголовное ополченіе дворянъ волынскаго воеводства для того, чтобы заставить ее подчиниться приговору и оба раза оказалось безсильнымъ для достиженія этой цѣли. Анна Борзобогатая встрѣтила ополчившихся дворянъ во главѣ наемной милиціи и въ рѣшительной стычкѣ, въ которой она, одѣтая въ панцырь, командовала гайдуками и артиллеріею, нанесла имъ рѣшительное пораженіе и заставила ихъ разсѣяться.

Другая аналогическая личность — это Ѳеофила Хмѣлецкая, жена кіевскаго воеводы Стефана Хмѣлецкаго; мужъ ея, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ полководцевъ XVII столѣтія, прославившійся нѣсколькими блестящими побѣдами надъ татарами, происходилъ изъ дворянскаго, совершенно бѣднаго и безземельнаго семейства. Онъ родился на Волыни и сдѣлалъ первоначальную карьеру на частной службѣ въ надворныхъ милиціяхъ сначала у князя Януша Острожскаго, потомъ у кіевскаго воеводы Ѳомы Замойскаго, который впослѣдствіи, занявъ должность подканцлера, воспользовался своимъ вліяніемъ при дворѣ, чтобы доставить должность кіевскаго воеводы полковнику своей надворной милиціи Хмѣ-

Библиотека "Руниверс"

лецкому. Послѣ смерти мужа Ѳеофила Хмѣлецкая получила отъ короля на содержаніе въ пожизненное владѣніе тоборовское староство; она энергически стала вести процессы съ сосѣдями и еще болѣе энергически поддерживала эти процессы заѣздами. Д-ръ Антоній, по документальнымъ источникамъ, насчитываетъ 7 вооруженныхъ заѣздовъ, предпринятыхъ Хмѣлецкою въ теченіи 10 мѣсяцевъ; одинъ изъ нихъ, подъ личнымъ предводительствомъ воинственной вдовы, кончился совершеннымъ разореніемъ «подобнымъ татарскому» села Сабаровки, принадлежавшаго противникамъ ея дворянамъ Юшковскимъ.

Совершенно такой-же типъ представляетъ и третья изъ описанныхъ женщинъ Софія, вдова князя Романа Ружинскаго, бывшая во второмъ бракѣ женою виленскаго кастеляна, Іеронима Ходкевича. Огромное количество тяжбъ и процессовъ, заѣздовъ и насилій, наполнятъ всю ея біографію, пока наконецъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ она не рѣшилась окончить тревожную жизнь въ монастырѣ.

Со второй половины XVII столѣтія типъ шляхетской женщины въ юго-западномъ краѣ измѣняется; по крайней мѣрѣ два эскиза, начерченные весьма талантливо д-ромъ Антоніемъ, изображаютъ намъ лица совершенно другаго характера—болѣе пассивныя, не отличающіяся ни буйствомъ, ни своеволіемъ, и мужественно переносящія бѣдствія, которыя обрушиваются на нихъ вслѣдствіе неустройства края. Самый живой и интересный очеркъ, по нашему мнѣнію, представляетъ біографія Елены Немиричевой, жены Іосифа Немирича Олевскаго. Поселившись съ мужемъ въ его глухомъ полѣсскомъ помѣстьи, она изнывала отъ скуки и тоски и рѣшилась переѣхать на жительство въ свое родовое имѣніе на Волыни, но здѣсь она встрѣтила преслѣдованіе и продолжительный процессъ со стороны своего шурина Суходольскаго, который, наконецъ, напалъ на ея домъ, убилъ ея брата и самую Немиричеву изгналъ почти нагую изъ дому, причинивши ей разныя истязанія и побои; она должна была опять отправиться къ мужу въ Олевскъ. Но этимъ не окончились ея бѣдствія: семь лѣтъ спустя татарскій загонъ, опустошавшій Полѣсье, захватилъ ее въ плѣнъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ; послѣ продолжительныхъ невзгодъ татаре пригнали ее пѣшкомъ въ Крымъ, гдѣ она очутилась въ качествѣ невольницы въ домѣ одного изъ татарскихъ чиновниковъ въ Карасубазарѣ. Пока мужъ разыскивалъ ее и посылалъ агентовъ для ея выкупа, она получила неожиданно свободу: во время похода запорожскаго кошеваго Сѣрка въ Крымъ, козаки напали на Карасубазаръ и въ числѣ другихъ плѣнныхъ христіанъ увели съ собою и Немяричеву. Изъ Сѣчи она уже возвратилась къ мужу и дожила вѣку въ Олевскѣ.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдующій очеркъ представляетъ біографію женщины, принадлежавшей по рожденію къ числу околичной шляхты овруцкаго повѣта—это Анна Меленевская, вышедшая замужъ за товарища военной хоругви Яна Блоцкаго; она представляетъ типъ женщины, преданной до самопожертвованія семейнымъ обязанностямъ; она переноситъ изъ-за преданности мужу продолжительное гоненіе отъ родственниковъ своихъ и сосѣдей Меленевскихъ, неохотно принимавшихъ въ свою сельскую общину пришельцевъ, особенно католиковъ: затѣмъ, когда во время одного изъ военныхъ походовъ мужъ ея попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, она отправилась пѣшкомъ въ Царьградъ, отыскала его на одной изъ галеръ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ раздѣляла его судьбу и облегчала энергическимъ трудомъ его положеніе, пока наконецъ Блоцкій не получилъ свободы по ходатайству польскаго посланника.

Наконецъ вся серія заканчивается біографіею Анны Грабянко, дочери извѣстнаго мистика и массона, жившаго въ концѣ XVIII столѣтія. Это типъ женщины, получившей исключительное, весьма солидное, научное образованіе, но, благодаря мистическому вліянію отца и тепличному воспитанію, проведшей жизнь въ странной, повидимому безводной и безплодной тоскѣ. Конечно, личность изображенная въ послѣднемъ очеркѣ блѣдна въ сравненіи съ предыдущими энергическими типами и притомъ она поставлена жизнью въ слишкомъ исключительныя условія, для того, чтобы можно было въ ней признать типъ женщины того времени и той общественной среды, къ которой она принадлежала.

В. А.

Julian Zacharjewicz i Izydor Szaraniewicz.— Wycieczka do Załukwi, Halicza i na Krylos. Lwów. 1882.

Ю. Захарьевичъ и Ис. Шараневичъ. Экскурсія въ Залуковъ, Галичъ и Крылосъ. Львовъ. 1882 г.

Книга, вышедшая подъ этимъ заглавіемъ, содержитъ результаты экскурсій, предпринятыхъ авторами съ цѣлію возстановленія топографіи и открытія древностей стараго города Галича. Книга распадается на двѣ части: первая, составленная профес. Шараневичемъ, содержитъ обстоятельную исторію города Галича до половины XIII столѣтія и разсказъ о раскопкахъ предпринятыхъ въ мѣстности, занятой нѣкогда Галичемъ, съ цѣлію открытія древнихъ памятниковъ, принадлежавшихъ этому городу. Другая часть написана г. Захарьевичемъ, профессоромъ

Библиотека "Руниверс"

львовскаго политехническаго института; она посвящена историко-архитектурному изслѣдованію памятниковъ церковнаго зодчества, открытыхъ во время предпринятыхъ раскопокъ.

Въ теченіи уже трехъ лѣтъ проф. Шараневичъ занимается спеціальнымъ изслѣдованіемъ топографіи древняго Галича; съ этою цѣлію онъ предпринялъ нѣсколько поѣздокъ въ этотъ городъ, собралъ многочисленныя названія урочищъ, окружающихъ его, сопоставилъ ихъ съ данными, извлеченными изъ лѣтописи и весьма тщательно комментированными и на основаніи этихъ подготовительныхъ работъ, опубликованныхъ имъ еще въ 1880 году въ отдѣльной книжкѣ («Старорусскій княжій городъ Галичъ»), онъ приступилъ къ раскопкамъ въ намѣченныхъ по его соображеніямъ мѣстностяхъ; раскопки эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ. По мнѣнію г. Шараневича, нынѣшній Галичъ, основанный въ позднѣйшее время (въ XIV столѣтіи), построенъ не на томъ мѣстѣ, которое занималъ обширный древній Галичъ, разрушенный монголами и бывшій въ теченіи столѣтія столицею могущественныхъ князей—Ростиславичей и Романовичей; древній Галичъ занималъ обширное пространство, въ 5 верстъ длины и въ 3 версты ширины, между нынѣшнимъ Галичемъ и селами Залуквою и Крылосомъ; изслѣдуя это пространство, проф. Шараневичъ весьма удачно опредѣлилъ, руководясь лѣтописными текстами, мѣстоположеніе нѣкоторыхъ древнихъ церквей, и, произведши раскопки на намѣченныхъ мѣстахъ, дѣйствительно открылъ фундаменты церковныхъ зданій; по нынѣ обнаружены имъ основанія церквей: 1) св. Спаса, бывшей придворною замковою церковью въ XII столѣтіи, 2) церковь пресвятой Богородицы, служившей въ XIII столѣтіи какъ-бы цитаделью среди городскихъ укрѣпленій и извѣстной въ лѣтописи тѣмъ, что въ ней затворился въ 1220 году венгерскій королевичъ Коломанъ и послѣ продолжительной защиты, принужденъ былъ сдаться осадившему его Мстиславу Удалому и 3) неизвѣстной по лѣтописи церкви, построенной въ видѣ ротонды.

Желая провѣрить открытые имъ памятники въ отношеніи ихъ архитектуры и кладки, проф. Шараневичъ пригласилъ съ этою цѣлью въ качествѣ эксперта проф. Захарьевича, который занялся очень тщательнымъ изслѣдованіемъ архитектурныхъ особенностей остатковъ открытыхъ зданій. Г. Захарьевичъ, сличивъ ихъ съ извѣстными удѣлѣвшими памятниками того времени, относитъ ихъ безъ всякаго колебанія къ стилю византійскому и къ періоду времени XII—XIII столѣтія и такимъ образомъ вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе проф. Шараневича.

Вообще оба издателя занялись предпринятымъ ими изслѣдованіемъ съ большимъ знаніемъ дѣла и съ истиннымъ увлеченіемъ научными

Библиотека "Руниверс"

цѣлями своей работы и составили книгу, принесшую новый вкладъ для исторической топографіи древней княжеской Руси. Впрочемъ развѣдки и изслѣдованія древностей Галича далеко еще ими не исчерпаны и они обѣщаютъ еще нѣсколько экскурсій для дополненія начатаго ими труда.

В. А.

Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Выпускъ 1-й. Составили профессора университета св. Владиміра В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 70 к.

Изъ предисловія къ названному изданію узнаемъ, что все оно должно состоять изъ 3-хъ отдѣловъ: въ первый войдутъ «44 портрета различныхъ лицъ (?), находящихся въ коллекціи В. В. Тарновскаго», во второй — «описаніе и изображеніе старинныхъ предметовъ, домашней утвари, одежды и оружія», а въ третій — «могутъ войти факсимиле различныхъ мѣстныхъ документовъ XVII и XVIII вѣка и 1-й половины настоящаго столѣтія». Первый отдѣлъ распадается на пять выпусковъ; теперь вышелъ 1-й выпускъ перваго отдѣла, а если два другіе отдѣла будутъ имѣть также по пяти выпусковъ, то всѣхъ выпусковъ должно быть пятнадцать. Понятно отсюда, какъ великъ можетъ быть объемъ всего изданія, какъ много времени и силъ потребуетъ оно и какъ велика должна быть его стоимость, судя по цѣнѣ настоящаго выпуска.

Задуманный трудъ разсчитываетъ, повидимому, обнять всю минувшую жизнь южной Россіи и представить ее въ лицахъ и дѣйствіяхъ, памятникахъ вещественныхъ и письменныхъ. Предпріятіе не только почтенное и въ высшей степени важное, но до нѣкоторой степени грандіозное и, безъ преувеличенія, можно-бы притти отъ него въ восторгъ, если-бы были всѣ данныя для надежды на соотвѣтственное замыслу выполненіе. Полагаемъ, что болѣе или менѣе внимательное разсмотрѣніе настоящаго 1-го выпуска можетъ хотя отчасти открыть намъ, какъ много шансовъ для осуществленія такой надежды.

Предисловіе указываетъ какъ будто трехъ участниковъ предпріятія: инціатива дѣла принадлежитъ извѣстному собирателю памятниковъ южно-русской старины, землевладѣльцу черниговской губерніи В. В. Тарновскому, въ числѣ двухъ именъ составителей стоитъ почтенное имя извѣстнаго историка В. Б. Антоновича, издателемъ-же объявляетъ себя дебютирующій въ первый разъ въ области южно-русской исторіи и этнографіи, профессоръ анатоміи въ университетѣ св. Владиміра В. А. Бецъ. Какъ ни почтенны названныя лица, мы склонны думать, что однихъ ихъ

Библиотека "Руниверс"

силъ недостаточно для столь обширнаго и сложнаго труда; остается при томъ неизвѣстнымъ, будетъ-ли и все изданіе ведено названными лицами. Но обратимся къ самому изданію, начало котораго предъ нами.

Разсматриваемый выпускъ состоитъ изъ портретовъ девяти гетмановъ и одного сотника (Саввы Туптала) и десяти біографій этихъ лицъ, а также факсимиле нѣсколькихъ изъ нихъ. Біографіи идутъ въ такомъ порядкѣ: Сагайдачнаго, Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельницкаго, Туптала, Выговскаго, Тетери, Многогрѣшнаго, Брюховецкаго, Ханенка и Дорошенка. Портреты и факсимиле названы почему-то «таблицами», а всѣхъ таблицъ показано 20 и это потому, что Богданъ Хмельницкій представленъ въ 7-ми различныхъ изображеніяхъ, Сагайдачный, Дорошенко и Туптало въ 2-хъ. Такимъ образомъ въ изданіи надо различать текстъ и иллюстрацію къ нему, или часть научно-литературную и техническую или художественную, а кромѣ ихъ общій планъ работы и источники послѣдней его части. Что-же кому изъ трехъ названныхъ лицъ во всемъ этомъ принадлежитъ, какъ каждое изъ нихъ выполнило свою задачу и каково вообще все изданіе?—Въ предисловіи говорится, что г. Тарновскому принадлежитъ иниціатива изданія, а г. Антоновичу составленіе біографій; слѣд. все остальное принадлежитъ профессору Бецу. Но это такъ вообще, въ частностяхъ нѣсколько иначе. Во 1-хъ, судя потому, что говоритъ въ предисловіи г. Бецъ о горячей, до страсти доходящей любви г. Тарновскаго къ южно-русской старинѣ и огромныхъ затратахъ, сдѣланныхъ этимъ послѣднимъ на составленіе коллекціи ея памятниковъ, позволительно предполагать, что одною иниціативою въ этомъ дѣлѣ онъ не ограничился; во 2-хъ хотя въ заглавіи сказано, что выпускъ составили профессора Антоновичъ и Бецъ по коллекціи Тарновскаго, но изъ объясненій къ портретамъ видно, что далеко не всѣ приложенныя изображенія сняты съ портретовъ этой коллекціи, и въ 3-хъ хотя девять изъ десяти біографій, помѣщенныхъ въ изданіи, приписаны г. Антоновичу, но, кромѣ другихъ данныхъ, по самымъ біографіямъ можно догадываться, что и эти 9-ть не всѣ принадлежатъ перу даровитаго и многоученаго историка.

Переходя къ выполненію начала изданія, мы не войдемъ въ подробный разборъ историко-литературной его части, такъ какъ вошедшія въ изданіе біографіи имѣютъ спеціальное назначеніе служить пояснительнымъ текстомъ изданія, а разсматривая ихъ съ этой стороны, достаточно сказать, что написанныя съ очевиднымъ знаніемъ предмета, сжато, но довольно полно, и изложенныя въ общедоступной формѣ, онѣ вполнѣ почти достигаютъ своей цѣли, и хотя не всѣ онѣ принадлежатъ одному перу, но по нимъ прошла одна опытная и умѣлая рука. Не можемъ

Библиотека "Руниверс"

впрочемъ не замѣтить, что хотя лица, которыхъ біографіи предложены, слѣдуютъ въ порядкѣ времени одно за другимъ и всѣ они, за исключеніемъ одного, стояли во главѣ управленія Малороссіей, но самыя біографіи не связаны между собою въ такой степени, чтобы представляли собою очеркъ исторіи Малороссіи въ данную эпоху. Видно, что работа была заказная, что въ подборѣ сюжетовъ для части историко-литературной не участвовала мысль того, кому главнымъ образомъ принадлежитъ разработка оной, что прежде подбирались портреты, а къ нимъ пригонялись біографіи, а быть можетъ и самыя біографіи писались по мѣрѣ изготовленія портретовъ. Этимъ только и можно объяснить то между прочимъ, что въ разрядъ историческихъ дѣятелей первой, выдающейся категоріи введено лице, правда весьма почтенное, но не идущее съ ними въ рядъ по своему гораздо низшему положенію и не оставившее по себѣ въ исторіи слѣдовъ своей дѣятельности,—лице сотника макаровскаго Саввы Туптала, извѣстное въ исторіи болѣе по имени сына своего, св. Димитрія Ростовскаго. Прибавимъ также, что біографіи, помѣщенныя въ вышедшемъ 1-мъ выпускѣ изданія служатъ поясненіемъ жизни и дѣяній избранныхъ лицъ, но не ихъ портретовъ, т. е. археологическаго значенія этихъ послѣднихъ, и въ этомъ отношеніи, кромѣ не многихъ, весьма краткихъ и не вѣрныхъ указаній въ предисловіи, нѣтъ никакого другаго пояснительнаго текста.

Обратимся теперь къ технической или художественной части вышедшаго выпуска. Главное ея назначеніе—археологическое и въ этомъ отношеніи имѣютъ значеніе не одни точные образы историческихъ дѣятелей, но портреты, какъ предметъ искусства даннаго времени и мѣста, въ особенности костюмы и другія принадлежности изображеній. Выше мы замѣтили, что до необходимости археологическихъ объясненій въ изданіяхъ такого рода почтенный профессоръ-издатель не додумался. Имѣютъ-ли по крайней мѣрѣ сами по себѣ изданные портреты археологическое значеніе? Воспроизведены они, какъ говорится въ заглавіи настоящаго выпуска, по коллекціи В. В. Тарновскаго. Мы не имѣли случая видѣть эту коллекцію; научнаго описанія и оцѣнки ея предметовъ въ печати также нѣтъ. Остается въ этомъ случаѣ основаться на отзывахъ лицъ ее видѣвшихъ и ознакомившихся съ нею болѣе или менѣе обстоятельно. По обще распространенному о ней мнѣнію, раздѣляемому и людьми вполнѣ свѣдущими въ дѣлѣ исторіи и археологіи, въ этой коллекціи не много предметовъ, имѣющихъ историко-археологическое достоинство и всѣ признаки *автентичности;* въ составленіи оной не участвовала опытная рука, въ нее не внесены научные критическіе пріемы, даже обыкновенная строгая разборчивость и наблюдатель-

Библиотека "Руниверс"

ность,—коллекція образовалась подъ вліяніемъ страсти, охватившей человѣка со средствами, но не историка и не археолога. Это отнюдь не умаляетъ его чести и заслуги; но не было-бы ни чести, ни заслуги тому, кто сталъ-бы пользоваться ею въ цѣляхъ научныхъ безъ строгаго разбора и оцѣнки каждаго избираемаго изъ нея предмета. Такъ однако поступилъ издатель разсматриваемаго выпуска, судя по тому, что онъ говоритъ о коллекціи, происхожденіи и значеніи заимствованныхъ изъ нея для изданія портретовъ; есть на то и нѣкоторыя другія данныя. Пройдите напр. въ Кіевѣ по Крещатику и остановитесь у любаго изъ двухъ лотковъ, на которыхъ продаются всякаго рода портреты—карточки и изображенія,—вы найдете между ними въ форматѣ малыхъ и кабинетныхъ фотографическихъ карточекъ портреты гетмановъ, тождественные съ тѣми, которые заимствованы г. Бецомъ изъ коллекціи В. В. Тарновскаго. Спросите продавца, откуда онъ получаетъ эти карточки для продажи и получите въ отвѣтъ: отъ кіевскаго фотографа Пастернака. Извѣстно однако, что фотографъ Пастернакъ пустилъ въ продажу свои карточки—портреты раньше появленія снимковъ художника Васька и что первые были сняты съ оригиналовъ лѣтописи Велички, когда рукопись оной была еще въ Кіевѣ; вопросъ о томъ, кто съ кого или съ чего снималъ, остается открытымъ и невольно является предположеніе, не содержится-ли въ объясненіи издателя какой-либо недомолвки или неточности. На это предположеніе наводитъ насъ и то обстоятельство, что почтенный издатель считаетъ напримѣръ *автентичнымъ* портретъ гетмана Сагайдачнаго, находящійся въ актовой залѣ кіевской духовной академіи, и фототипный снимокъ съ котораго помѣщенъ у него на первомъ планѣ, автентичность-же эту доказываетъ ксилографическимъ изображеніемъ Сагайдачнаго, изданнымъ вмѣстѣ съ стихами на смерть его въ 1621 г. и находящимся въ императорской публичной библіотекѣ. Смутное-же понятіе объ автентичности вообще и въ частности этого портрета имѣетъ г. издатель. Не говоря о томъ, что между ксилографіею 1621 г. и ея подлинникомъ, или чертами Сагайдачнаго, срисованными съ неизвѣстнаго портрета, судя по техникѣ того времени и случайности изданія, трудно предполагать большое сходство,—живописный снимокъ съ ксилографіи, находящійся въ академической коллекціи, сдѣланъ лѣтъ 15—16 назадъ отнюдь не художникомъ и между снимкомъ и ксилографіею сходства весьма не много: на ксилографіи мы видимъ пожилаго и сановитаго человѣка, какимъ и былъ Сагайдачный, а на снимкѣ какой-то моложавый *Волько* въ шабасъ, безъ всякой мысли и выраженія. Между тѣмъ г. Бецъ, считая изданные имъ портреты антиками и объявляя оные своею собственностію, воспрещаетъ воспроизведеніе ихъ въ какую-бы то ни было величину фотографіей и иными способами. Напрасное, кажется, безпокойство...

Вообще, какъ мы раньше замѣтили, частнѣйшее содержаніе выпуска не отвѣчаетъ общему его заглавію, которое слѣпилось какъ-то

Библиотека "Руниверс"

неудачно и имѣло повидимому другіе разсчеты и побужденія: изъ 18-ти помѣщенныхъ въ немъ портретовъ 10-ти дѣятелей только половина заимствована изъ коллекціи В. В. Тарновскаго, остальные сняты съ другихъ оригиналовъ и гравюръ, добытыхъ изъ разныхъ источниковъ. Лучшая изъ гравюръ—Петра Дорошенка, антверпенское изданіе конца XVII в., рѣдкій экземпляръ которой принадлежитъ А. М. Лазаревскому. Нельзя не поблагодарить издателя за собраніе и изданіе до 7-ми различныхъ изображеній Хмельницкаго, между которыми есть рѣдкіе гравюрные портреты. По такимъ изображеніямъ, съ помощію сличенія, можно будетъ впослѣдствіи опредѣлить болѣе достовѣрныя черты лица этого замѣчательнаго дѣятеля и установить типъ, по которому можно-бы опредѣлять значеніе массы находящихся въ обращеніи портретовъ Хмельницкаго.

Намъ остается сказать о воспроизведеніи собранныхъ такимъ образомъ портретовъ, равно объ общемъ планѣ и качествахъ изданія. Портреты, вошедшіе въ составъ выпуска, какъ сказано въ предисловіи къ нему, воспроизведены фототипіей, но фирма и мѣсто фототипіи почему-то не указаны. Какъ ничто не бываетъ безъ причины, то должна быть и на это какая-нибудь причина. Извѣстно, что г. Бецъ занимается самъ фототипнымъ дѣланіемъ, преимущественно для цѣлей излагаемой имъ науки анатоміи. Воспроизведены-ли выпущенные теперь портреты въ его фототипіи и онъ умолчалъ объ этомъ изъ скромности, или-же они составляютъ заграничное издѣліе—остается неизвѣстнымъ; но сличая прежнія извѣстныя намъ издѣлія фототипіи г. Беца съ выпущенными портретами, мы можемъ сказать, что если они изготовлены имъ самимъ, то его фототипія сдѣлала громадный успѣхъ: такъ отчетлива и чиста работа портретовъ, хотя и нельзя сказать, чтобы она не оставляла желать ничего лучшаго.

Относительно общаго плана изданія и настоящаго выпуска скажемъ коротко, что онъ не разработанъ въ научномъ отношеніи и не сообразенъ съ источниками для главной технической его части. Это потому быть можетъ, что почтенный издатель преданъ другому дѣлу и его профессія совсѣмъ иная; но не спѣшите говорить: «Бѣда, коль пироги»... Не это намъ приходитъ на мысль, когда соображаемъ недостатки настоящаго 1-го выпуска и громадность предстоящаго труда дальнѣйшихъ выпусковъ, которыхъ можетъ быть до 15-ти и которыя могутъ представить гораздо большія трудности въ научномъ отношеніи. При видѣ теперешнихъ средствъ издателя и его какъ-бы одинокаго въ этомъ дѣлѣ положенія, намъ припоминаются слова, сказанныя кн. Хованскимъ иноку Сергію, когда тотъ вызывался одинъ «препрѣть» никоніанъ на соборѣ московскомъ 1681 года: «вижду тя, отче, кротка и блага, но не достанетъ тя на толикое дѣло»...

Цѣна выпуска, скажемъ въ заключеніе, непомѣрно высокая и едва ли сколько-нибудь соображена съ дѣйствительною его стоимостію.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПОПЫТКА ОСНОВАНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ ВЪ Г. НЕМИРОВѢ, ВЪ XVIII СТ.

Въ извѣстномъ сочиненіи протоіерея Андрея Іоаннова „Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ“ вскользь упоминается, что раскольники изъ окрестностей Елисаветграда отправили было въ Немировъ къ тамошнему архіерею Евсевію избранныхъ отъ себя для посвященія, но Евсевія тамъ уже не застали. Нѣкоторыя свѣдѣнія о личности Евсевія находятся въ книгѣ М. О. Кояловича „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ“. Предлагаемъ отъ себя то, что удалось намъ собрать объ этой темной личности и ея похожденіяхъ въ взволнованной уніатскимъ движеніемъ западной Украйнѣ, въ которыхъ, какъ намъ показалось, проглядываетъ мысль образованія православной архіерейской каѳедры въ отдаленной отъ центровъ тогдашняго православно-церковнаго управленія Подоліи.

Въ апрѣлѣ 1778 года прибылъ въ Могилевъ на Днѣстрѣ бывшій призрѣнскій митрополитъ Евсевій, укрывшись сюда изъ Молдавіи отъ политическихъ враговъ своихъ. Могилевъ, какъ извѣстно, до основанія Одессы бывшій важнымъ торговымъ пунктомъ по отпуску хлѣба за границу, еще съ половины XVII столѣтія имѣлъ греческую церковь для тамошнихъ греческихъ торговцевъ; при этой церкви проживалъ нѣкоторое время (1712—1719 г.) и Михаилъ, митрополитъ преславскій, встрѣчавшій Петра Великаго гдѣ-то въ Бессарабіи, послѣ прутскаго мира; онъ скрылся здѣсь, опасаясь за

Библиотека "Руниверс"

свою жизнь отъ турокъ, и скончался въ г. Нѣжинѣ 1720 г. [1]). Командиръ русскихъ войскъ, занимавшихъ Немировъ, генералъ Ржевскій, вытребовалъ Евсевія къ себѣ и донесъ объ немъ фельдмаршалу Румянцеву, а Румянцевъ переслалъ его въ Кіевъ и просилъ кіевскаго митрополита Гавріила Кременецкаго (1772—1783 г.) дать ему приличное помѣщеніе. Евсевій прибылъ въ Кіевъ 20 мая и помѣщенъ въ пустынно-николаевскомъ монастырѣ. Для донесенія объ немъ св. синоду, митрополитъ поручилъ члену дикастеріи, протопопу Бѣлявскому, хорошо разумѣвшему греческій языкъ, отобрать отъ него показаніе, „каковъ онъ есть“. Протопопъ доношеніемъ отъ 4-го іюля увѣдомилъ митрополита, что Евсевій просилъ доложить о себѣ слѣдующее:

„Рожденъ онъ въ Константинополѣ отъ знаменитѣйшей и первой по тому городу фамиліи, обучался еллинскому ученію и на собственномъ своемъ иждивеніи учителями греческими, Евгеніемъ іеродіакономъ, что нынѣ преосвященный Славенскій, философіи три года, содержа онаго три года въ домѣ своемъ, а три года у его-жъ преосвященнаго въобще съ прочими въ публичномъ преподаяніи грамматики и другихъ наукъ въ іеродіакона Іакова. Когда-же оказалась праздная епархія Ипекійская, гдѣ до того испрежде патріархи были [2]), то константинопольскій патріархъ Самуилъ и весь освященный соборъ его, безъ всякаго чьего либо прошенія и его высокопреосвященства желанія, призвавъ къ себѣ, уговорили его преосвященнаго склониться воли ихъ, что быть ему въ той епархіи митрополитомъ. Убѣгая-же онъ преосвященный такого высокаго сана и имѣвши тогда отъ роду только двадцать два года, а къ тому еще будучи и мірскимъ, отказывался тѣмъ и другими резонами. И какъ все то не подѣйствовало, то просилъ дать ему на размышленіе нѣсколько времени, что̀ получа и никому не объявляя своего на-

---

[1]) Это краткое свѣдѣніе о Михаилѣ сообщилъ намъ преосв. Никодимъ, архіепископъ ѳаворскій, нѣкогда просматривавшій обрывки греч. бумагъ въ Могилевѣ. Въ греч. церкви Могилева настали русскіе священники только съ 1814 г.

[2]) Значитъ, это происходило въ 1766 г. Къ сожалѣнію, пишущій не имѣетъ подъ руками брошюры Τὰ κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς Ἀχριδῶν καὶ πεκίου—1860, χωρς, гдѣ есть актъ отъ 11 сент. 1766 г. о низведеніи каѳедры печской на степень митрополіи и переводѣ ея въ Призрѣнъ. См. *Голубинскаго* «Краткій очеркъ исторіи церквей болгарской и сербской», стр. 487.

Библиотека "Руниверс"

мѣренія, чрезъ одинъ день выѣхалъ изъ Константинополя къ патріарху антіохійскому, коему и донесъ о всемъ, и жилъ у него нѣсколько, гдѣ нарочно пріѣхавшіе отъ реченнаго святѣйшаго патріарха константинопольскаго съ соборомъ за нимъ со многимъ прошеніемъ возвратиться и явиться къ его святѣйшеству"... вмѣстѣ съ патріархомъ антіохійскимъ, какимъ тогда былъ Филимонъ, проживавшій больше въ Валахіи, убѣдили его ѣхать въ Константинополь, гдѣ онъ и посвященъ въ митрополита Призрѣнскаго. „Которая епархія ажъ до его преосвященства прибытія имѣла долгу девятьдесять тысячъ рублей, то и неусыпно старался уплатить оный, для чего большею частію и жилъ въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ, нежели въ своей епархіи. Напослѣдокъ ѣздилъ и въ Черногорію, гдѣ отъ преосвященнаго митрополита Саввы и отъ христолюбцовъ принятъ честно и снабдѣнъ по силѣ и возможности ихъ подаяніемъ [1]). Собравъ-же онъ преосвященный отъ доброхотныхъ дателей и отъ родственниковъ и отъ знаемыхъ своихъ подаяніе, а притомъ и свое собственное имѣніе употребя, заплатилъ оный своей епархіи долгъ, однакъ не совсѣмъ, а осталось только одинадцать тысячъ. Для совершенной-же уплаты того долга онъ преосвященный прибылъ и паки въ Константинополь, и за явкою своею у святѣйшаго патріарха константинопольскаго извѣстился отъ его святѣйшества, что при Портѣ Оттоманской услышано бытіе его преосвященства въ Черногоріи. А какъ-де во оной тогда послѣдовало съ турками замѣшательство, то-де и возлагаютъ вину на его прео-

[1]) Посѣщеніе Черногоріи состоялось вѣроятно въ концѣ 1774 или началѣ 1775 года. Въ «Магазинѣ сербско-далматинскомъ» за 1862 годъ помѣщена грамота Евсевія такого содержанія:

«Евсевие Бжею млтію православни архіепископъ пецки и скендериски и прочаіа».

(Печать: въ срединѣ какіе-то знаки съ турецкими буквами, а около греческая надпись).

«Мѣрность наша пишетъ ва бгохранимому янорію протопопа Иліе Поповича милость, миръ и блгословение. и даемъ на знакъ, какога запротопопихъ, какоцое изнапрнетъ било и тако знаите, и да го дрьжите и почитуете... ануарніа 12. издадеся у Подгорпу 1775».

Въ 1778 году митрополитъ черногорскій Савва Петровичъ подтвердилъ протопопство Иліи, но потребовалъ «сингелію, коею имашъ отъ Евсевия исархіерп» выслать себѣ въ станевичскій монастырь.

Библиотека "Руниверс"

священство, яко-бы то учинено его преосвященствомъ, по каковымъ-де обстоятельствамъ и быть въ Константинополѣ и въ епархіи своей ему невозможно, и совѣтовалъ его святѣйшество [1]) его преосвященству куда-либо отлучиться до времени. Чего для, получа онъ преосвященный отъ его святѣйшества грамоты открытыя съ дозволеніемъ священнослуженія и рекомендаціею всѣмъ преосвященнымъ принять его преосвященство Евсевія честно и страннолюбно, отъѣхалъ въ городъ Триесты, гдѣ и жилъ до 1777 году, а въ томъ годѣ прибылъ въ Яссы, гдѣ преосвященному Гавріилу, митрополиту ясскому, отъ его святѣйшества грамоты о себѣ представилъ, по которымъ какъ принятъ, такъ и священнодѣйствіе въ Яссахъ отправлялъ чрезъ семь мѣсяцевъ. Когда-же по убіеніи господаря Гики [2]) прибылъ на его мѣсто другой господарь и дѣлалъ притѣсненія дому онаго Гики, который домъ въ родствѣ его преосвященству состоитъ, то его преосвященство великаго четверга прошедшей четыредесятницы [3]), имѣя священнослуженіе въ церкви святыя Параскевы, говорилъ во оной поученіе довольное въ небытности его, господаря, во оной церкви, касающееся къ дому умершаго Гики. Нѣкоторыя-же изъ явныхъ враговъ онаго Гики дому, желавшихъ тогда отъ его преосвященства Божественныя Тайны получить, не удостоились. За что хотя отъ онаго господаря и отъ другихъ тѣхъ неудостоенныхъ и не имѣлъ онъ преосвященный опасности, однакъ въ нынѣшнее время по приближенію турецкаго войска имъ не довѣрялся. И для того съ совѣта преосвященнаго митрополита ясскаго Гавріила выѣхалъ изъ Яссъ и жилъ въ Могилевѣ-Подольскомъ, на границѣ турецкой. А оттуда по требованію господина генерала Ржевскаго пріѣхалъ въ Немировъ, и оттоль присланъ въ Кіевъ по приказанію фельдмаршала Румянцева".

Отъ 4-го ноября 1779 года кіевскій митрополитъ донесъ святѣйшему синоду, что митрополиту Евсевію съ августа того-же года

---

[1]) Съ 25 декабря 1774 года на константинопольской каѳедрѣ сидѣлъ Софроній.

[2]) То есть Григорія Гики, который за несогласіе передать австрійцамъ уступленную турками Буковину, принадлежавшую Молдавіи, и искавіе защиты у Россіи, обманомъ захваченъ въ самыхъ Яссахъ и убитъ 12 октября 1777 года. Послѣ него былъ господаремъ Константинъ Мурузи.

[3]) Слѣдовательно 5-го апрѣля 1778 года.

Библиотека "Руниверс"

дозволено было жить въ кіево-кириловскомъ монастырѣ, но октября 12-го кіевскій оберъ-комендантъ Елчаниновъ сообщилъ, что оный преосвященный по случаю приключившейся ему болѣзни, дабы удобнѣе могъ пользоваться, проситъ о переводѣ его изъ кирилловскаго въ петропавловскій или греческій монастырь. И какъ игуменъ греческаго екатерининскаго монастыря еще отъ 8-го августа доношеніемъ просилъ не опредѣлять туда его преосвященства по прописаннымъ отъ него резонамъ, а въ петропавловскомъ монастырѣ приличныхъ келій нѣтъ, то и посланъ игумену петропавловскому указъ очистить игуменскія келіи для пребыванія оному преосвященному впредь до разсмотрѣнія. А 16-го октября кирилловскій архимандритъ Кириллъ донесъ, что преосвященный Евсевій 14 числа въ восьмомъ часу по полудни невѣдомо куда отлучился было, и на донесеніе о томъ оберъ-коменданту извѣщено, что Евсевій находится въ печерскомъ форштатѣ. Но 16-го преосвященный этотъ скрылся вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ игуменомъ сербской націи Оеофиломъ и экипажемъ, находившимся въ греческомъ екатерининскомъ монастырѣ.

Евсевію было только тридцать пять лѣтъ и вѣроятно очень соскучилось въ монастырскомъ уединеніи, безъ привычныхъ ему занятій; вѣроятно кто нибудь въ случайномъ разговорѣ надоумилъ его искать выхода изъ настоящаго положенія и даже способствовалъ тому. По крайней мѣрѣ Евсевій благополучно перебрался за границу съ повозкою и багажемъ своимъ.

Неизвѣстно, куда непосредственно изъ Кіева направился Евсевій, но тогдашняя граница польская была близко, всего въ тридцати верстахъ, и онъ скоро очутился внѣ предѣловъ Россіи. „Въ концѣ зимы 1780 года“, слѣдовательно въ генварѣ или февралѣ сего года, онъ былъ уже въ Варшавѣ, принятъ въ лучшемъ обществѣ, какъ человѣкъ ученый, и чрезъ какое-то „третье лицо“ (по выраженію документа) видѣлся съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ. Дѣйствительно-ли онъ думалъ, пользуясь смертію уніатскаго архіепископа львовскаго и подольскаго, занять его мѣсто хоть въ Каменцѣ-Подольскомъ, какъ носились слухи, за достовѣрное нельзя принять. Извѣстно только, что лѣтомъ 1780 года онъ явился въ Могилевъ-Подольскій съ какою-то грамотою короля, дозволявшею ему управлять православными въ тамошней сторонѣ.

Библиотека "Руниверс"

Король могъ словесно и письменно дозволить ему это, даже съ предпочтеніемъ его русскому подданному, переяславскому епископу, отъ коего зависѣли православные Подоліи. Впрочемъ „многокоролевье или безкоролевье“ въ Польшѣ было уже такъ ощутительно, что согласіе короля Станислава оказалось ненадежнымъ, положеніе же православныхъ въ томъ краѣ весьма способствовало Евсевію привлечь къ себѣ ихъ симпатіи. Послѣ усмиренія „Коліивщины“ и гайдамацкаго бунта въ Уманьщинѣ и Смилянщинѣ, уніаты взяли рѣшительный перевѣсъ и тамъ и во всей Брацлавщинѣ и всюду преслѣдовали православныхъ, не смотря на частное покровительство, оказываемое послѣднимъ со стороны крупныхъ помѣщиковъ, дававшихъ поселянамъ льготы въ видахъ привлеченія къ заселенію пустырей, а также и на присутствіе иногда русскаго войска. Любопытный найдетъ подробное и обстоятельное изложеніе тогдашняго состоянія православныхъ и движенія многихъ уніатовъ къ православію въ соч. *Конловича:* „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ“. Спб., 1873 г.

Евсевій пріобрѣлъ въ Могилевѣ домъ, служилъ въ греческой церкви и рукополагалъ ставленниковъ; но безпокоимый и тѣснимый уніатскимъ деканомъ, онъ въ октябрѣ 1780 г. переѣхалъ въ брацлавское воеводство, въ городъ Немировъ, который составлялъ частное владѣніе, и гдѣ было не мало грековъ, также сербовъ и волоховъ, которымъ покровительствовалъ владѣлецъ, графъ Викентій Потоцкій, въ видахъ развитія торговли и промышленности. Тутъ-то Евсевій учредилъ консисторію и разослалъ православнымъ священникамъ ордеръ, которымъ приказывалъ имъ явиться къ нему и представить обстоятельныя донесенія, какія обиды терпятъ православные отъ своихъ пановъ-коллиторовъ, поссесоровъ и поповъ уніатскихъ. Когда-же явились священники, то объявилъ имъ, „яко-бы-де онъ, митрополитъ, отъ его величества короля польскаго имѣетъ въ себе подкрѣпленіе о бытіи ему тамо и о защищеніи православныхъ отъ уніатовъ“. Протопопія немировская обнимала семь православныхъ приходовъ, но въ самомъ Немировѣ всѣ православныя церкви отняты уже были уніатами. Евсевій объѣзжалъ приходы и служилъ, напримѣръ, въ Фастовцахъ съ двумя священниками и своимъ архидіакономъ грекомъ. Кромѣ немировской протопопіи онъ служивалъ и рукополагалъ ставленниковъ и въ протопопіи брац-

Библиотека "Руниверс"

лавской. Немировскій владѣлецъ, графъ Викентій Потоцкій, покровительствовалъ Евсевію, приглашалъ его къ себѣ обѣдать и по просьбѣ немировскихъ греческихъ торговцевъ дозволилъ ему устроить въ Немировѣ, въ частномъ домѣ, православную церковь. 21 ноября Евсевій торжественно служилъ въ ней съ прибывшимъ духовенствомъ, а „по литургіи чечельницкій протопопъ Романовскій говорилъ наизустъ проповѣдь, въ которой приписывалъ похвалы митрополиту за подвиги, къ защищенію благочестія принятые, а владѣльцу дѣдичному за позволеніе воздвигнуть въ добрахъ его православную церковь. По проповѣди отправляли соборомъ государственное молебствіе и имѣли какъ служащіе, такъ и прочіе, случившіеся тамо православные священники, открытый въ квартирѣ онаго митрополита вмѣстѣ съ нимъ столъ". Такъ доносилъ Василій Саржинскій, намѣстникъ протопопіи немировской, переяславскому преосвященному Иларіону. Саржинскій имѣлъ приходъ въ г. Войтовцахъ, что верстахъ въ двадцати отъ Немирова, и пользовался особымъ довѣріемъ Евсевія.

Но это было едва-ли не послѣднее торжественное служеніе митрополита. Уніатскій оффиціалъ Любинскій не разъ и прежде являлся къ Евсевію и допытывался, по какому праву онъ вторгается въ уніатскую паству, жаловался и Потоцкому, но безуспѣшно. Евсевій то давалъ уклончивые отвѣты, то прямо заявлялъ, что не хочетъ никого знать, кромѣ короля и свят. синода; Потоцкій уклонялся отъ участія въ дѣлѣ, а жители Немирова внушали Любинскому опасенія за его жизнь. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать собственными средствами и, оставивши Немировъ въ покоѣ, заняться въ окрестностяхъ его. Онъ схватилъ одного священника, рукоположеннаго Евсевіемъ, и въ самый день торжества православныхъ въ Немировѣ „съ шестьюдесятью уніатскими попами и дьячками гвалтовно наѣхалъ въ село Войтовцы", приходъ намѣстника протопопіи немировской, „отбилъ приходскую его православную церковь, изъ собственнаго его намѣстника дому жену, дѣтей и домашнихъ разогналъ и все имѣніе заарестовалъ". Вѣсть обо всемъ этомъ дошла до Саржинскаго въ Немировѣ уже послѣ обѣда. Саржинскій жаловался митрополиту, а митрополитъ, сказавъ: „поѣдемъ туда всѣ и будемъ бить за то уніатовъ", велѣлъ ему ѣхать впередъ, а самъ вслѣдъ выѣхалъ въ своей каретѣ, имѣя при себѣ не-

Библиотека "Руниверс"

мировскихъ торговцевъ грековъ, вооруженныхъ саблями и пистолями, человѣкъ съ десять. „Но какъ только въѣхалъ онъ, намѣстникъ, въ свой дворъ, то вдругъ повозку и самого его окруживъ съ дручьямъ уніаты, хотѣли бить, однакъ едва по усилной просьбѣ самъ безъ повозки выпущенъ съ двора, и о таковомъ гвалтовномъ нападеніи собравшимся около двора на позорище тамошнимъ обывателямъ протестовался, съ прошеніемъ защищенія. Между тѣмъ и митрополитъ началъ приближаться къ церквѣ своимъ поѣздомъ, котораго увидѣвъ народъ бросился на колокольню звонить, а уніаты, вслѣдъ устремившись за онымъ, начали всѣхъ звонящихъ людей безъ уваги бить, отъ чего и народъ принужденъ былъ защищаться. Митрополитъ-же, смотря на то съ двора его намѣстника, велѣлъ народу, защищаясь, бить уніатовъ за гвалтовныя нападенія на ихъ православные церкви. Потомъ митрополитъ возвратился въ Немировъ съ намѣреніемъ выѣздить другого дни въ Варшаву для взнесенія о таковыхъ уніатскихъ на православныхъ посягательствахъ его величеству польскому королю жалобы“. Такъ доносилъ преосвященному переяславскому Саржинскій, а въ извлеченіи жалобы Любинскаго своему начальству говорится, что когда онъ для успокоенія мятежнаго противъ уніи настроенія народнаго отлучился въ Войтовцы, то узнавъ о томъ Евсевій, „ночью на 4 декабря [1]) устремился съ своими новообратившимися, вооруженными фузеями и турецкими ножами на домъ [2]) оффиціала, велѣлъ въ колокола звонить и, держа въ одной рукѣ карабинъ, другою благословлялъ и собравшемуся народу кричалъ: вы, вѣрующіе во Іисуса Христа, бейте сихъ погибельныхъ уніатовъ. Вдругъ бѣшеная толпа бросилась на оффиціала, на его причетъ и слугъ. Нѣкоторые отвели сего прелата въ сторону и били его нещадно. Его вопль, его униженное прошеніе утолили наконецъ ихъ лютость и спасли ему жизнь“... По свидѣтельству Любинскаго, народъ еще болѣе сталъ бросать унію и устремляться къ Евсевію.

---

[1]) По новому стилю, а по старому 23 ноября. Можетъ быть, несоотвѣтствіе числа съ показанныхъ у Саржинскаго произошло отъ случайной обмолвки или описки; впрочемъ см. *Коялович*а, «Исторія возсоединенія», стр. 177.

[2]) Т. е. на домъ, въ которомъ находился оффиціалъ, на его квартиру въ Войтовцахъ. Самъ оффиціалъ обыкновенно жилъ въ Корсунѣ.

Библиотека "Руниверс"

Узналъ объ этомъ извѣстный преслѣдователь гайдамаковъ, кіевскій кастелянъ (въ Каневѣ) Стемпковскій, и велѣлъ схватить Евсевія. Евсевій между тѣмъ и самъ выѣхалъ, должно быть въ ноябрѣ-же, въ Могилевъ на Днѣстрѣ, а отсюда мѣсяца чрезъ три въ Варшаву, по словамъ Саржинскаго—жаловаться на Любинскаго, по уніатскимъ извѣстіямъ—оправдываться. Изъ Варшавы ему не суждено было воротиться въ Подолію.

Въ Варшавѣ тогда не было еще православнаго храма и греческіе торговцы тамошніе съ своими церковными нуждами обращались то въ Калишъ (гдѣ выходцы изъ Венгріи устроили, съ позволенія польско-саксонскаго короля Августа, домашнюю церковь въ 1740 году), то въ яблочинскій монастырь, на предѣлахъ Польши и Литвы. Евсевій проживалъ у своихъ единовѣрцевъ, грековъ. Вліяніе богатыхъ торговцевъ можетъ быть и поддержало-бы домогательство Евсевія и доброжелательство къ нему короля, но тутъ встрѣтились другія препятствія, вѣроятно неожиданныя нашимъ архіереемъ. Переяславскій епископъ Иларіонъ жаловался въ святѣйшій синодъ на незаконное вмѣшательство Евсевія въ дѣла переяславской епархіи, а 11-го апрѣля 1781 года славенскій и херсонскій архіепископъ Никифоръ Оеотоки прислалъ въ синодъ донесеніе слисаветградскаго протоіерея Димитрія Смолодовича, въ которомъ говорилось: „слухомъ мнѣ извѣстно учинилось, что нѣкой волоскій архіерей, кой называетъ себе роднымъ братомъ волоского-жъ господаря, казненнаго турками, проживая нынѣ въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ, состоящемъ надъ рѣкою Днѣстромъ, нѣсколько человѣкъ произвелъ во священство. Раскольники стародубскихъ слободъ, прослыхавъ о таковомъ его дѣйствіи, просили его о поставленіи имъ епископа, и, будучи онъ разными образы уласканъ отъ раскольниковъ, обѣщался просьбу ихъ исполнить, а раскольники таковымъ его обнадеживаніемъ будучи обрадованы, прошедшаго февраля среднихъ чиселъ повезли къ нему для посвященія во епископа іеромонаха Іосифа изъ діаконовскаго раскольничаго скита, чему очевидніи у насъ суть свидѣтели. Но поелику оный архіерей въ мартѣ первыхъ чиселъ изъ Могилева отъѣхалъ въ Варшаву къ польскому королю съ жалобою на духовную унѣятскую власть, то раскольники, не заставъ его въ Могилевѣ, дожидаются съ кандидатомъ своимъ въ селѣ Борскомъ его прибытія“ (*Коялович*, „Исторія возсоединенія“, стр. 178).

Библиотека "Руниверс"

Вслѣдствіе переписки св. синода съ иностранною коллегіею, русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ предписаніе домогаться высылки Евсевія изъ Польши, и представленіе посла имѣло рѣшающее вліяніе на исходъ дѣла. Въ уніатской краткой выпискѣ о винахъ Евсевія, приложенной на русскомъ языкѣ къ дѣлу № 312, 1778 г., архива св. синода, не сказано ни слова о посягательствѣ его на права русскаго церковнаго правительства, а только о вторженіи въ унитскую епархію, о присвоеніи унитскихъ приходскихъ церквей, и что „въ Немировѣ освящалъ публично палки, приготовленныя къ біенію уніатовъ, а особливо оффиціала брацлавскаго, хотя по истинѣ обрядовъ таковаго освященія ни въ какомъ Требникѣ не находится". Какъ видно изъ сейчасъ прилагаемаго извѣстія, повелѣніе русскому послу о высылкѣ Евсевія изъ польскихъ предѣловъ состоялось еще до полученія св. синодомъ донесенія отъ архіепископа славенскаго, и значитъ на основаніи только жалобъ преосвященнаго Иларіона переяславскаго.

Именно, отъ 5 апрѣля 1781 года довѣренное лицо митрополита Смогоржевскаго, Левинскій, писалъ ему изъ Варшавы, между прочимъ, слѣдующее: «Względem Euzebiusza już y poseł tuteyszy Rossyjski odebrał z Petersburga rozkaz, który ja czytałem, by go wypędził z Ukrainy, a to in sequetam zaniesioney skargi do Synodu przez biskupa perejasławskiego, że mu pomieniony Euzebiusz innolabat in jura y uzurpował jurisdictionem nad niemitami ukraińskiemi. Diabeł na diabła trafił». (Относительно Евсевія уже и здѣшній русскій посолъ получилъ изъ Петербурга приказъ, который я самъ читалъ, чтобы выгнать его изъ Украйны, а это по жалобѣ въ синодъ епископа переяславскаго, что помянутый Евсевій вторгается въ его права и незаконно присваиваетъ себѣ юрисдикцію надъ украинскими дизунитами. Чортъ на чорта наскочилъ!).

Послѣднюю вѣсть о Евсевіѣ подалъ тотъ-же Левинскій въ донесеніи Смогоржевскому отъ 3-го мая: «O Euzebiuszu mam tu zapiewnienie, jż kordonem Cesarskim przejeżdżał y był widziany w Soczawie (въ австрійской Буковинѣ). Że perejasławski uskarżył go w swoim synodzie, to indubitatum, jest na to dowód w gabinecie pańskim, który czytałem». (О Евсевіѣ имѣю здѣсь достовѣрное извѣстіе, что проѣзжалъ по австрійской границѣ и что видѣли его

Библиотека "Руниверс"

въ Сочавѣ. Что переяславскій (епископъ) обжаловалъ его въ синодѣ, это не подлежитъ сомнѣнію; есть на то документъ въ королевскомъ кабинетѣ, который я читалъ).

10 марта 1883 года. Архимандритъ Арсеній.
Спб.

„ОТЪ ЧЕГО ДУХЪ ГЕРОЙСТВА ВЪ МАЛОРОССІИ ИСЧЕЗЪ?“

Этотъ интересный вопросъ и отвѣтъ на оный находимъ въ слѣдующемъ письмѣ (князя) А. А. Безбородко, 3 августа 1790 г., къ одному изъ его пріятелей [1]):

„Государь мой, Петръ Никифоровичъ“!—„Вручителемъ сего будетъ дѣтина [2]), о которой вы такъ много заботились, чтобъ оно и носомъ пороху не слышало. Я признаюсь, что чадолюбіе подобное не можетъ въ моей головѣ вмѣститься. Не былъ я отцомъ, но имѣлъ по крайней мѣрѣ отца, который при началѣ бывшей турецкой войны не только не противорѣчилъ моему намѣренію оставить суддейскій стулъ и ѣхать на войну, да еще меня похвалилъ за то. Не ожидалъ я никогда отъ васъ подобнаго малодушія. У меня есть одинъ братъ и наслѣдникъ всего моего имѣнія, въ знатномъ чинѣ, и на такой дорогѣ, что почти сидя дома или веселясь въ столицѣ, могъ получить многіе почести; но и ему, и мнѣ стыдно показалось сидѣть спокойно посредѣ войны; почему онъ поѣхалъ въ армію и теперь себя пресчастливымъ почитаетъ, что посланъ къ важному посту впередъ, поближе къ непріятелю, подъ команду графа Суворова-Рымникскаго. Въ одномъ письмѣ писали вы Осипу Степановичу [3]), что вы любите козацтво и жалѣете объ немъ. Знаете-ли вы, отчего оной духъ геройства въ Малороссіи ис-

---

[1]) Изъ Сулимпнскаго архива, гдѣ письмо сохранилось въ копіи, снятой вдовою нѣжинскаго полковника Петра Разумовскаго (ум. 1711 г.) Пелагеей Семеновною (ум. 1792 г.) для брата своего Акима Семен. Сулимы. Кто былъ Петръ Никифоровичъ, не знаемъ.

[2]) Т. е. дитя, такъ какъ здѣсь Безбородко беретъ малорусское слово *дитина*.

[3]) Судіенку.

Библиотека "Руниверс"

чезъ?—Отъ того, что уже отъ нѣкотораго времени мѣсто козатства заняло школярство; вмѣсто Палія Белоцерковскаго, Христы Сенчанскаго, Лавра Остапскаго и другихъ имъ подобныхъ, заняты стали фирчиками и штатиками, которые сперва позакидавъ выліоты [1]), а потомъ въ нѣмецкое перебрались платье и сдѣлались прямо такими, какъ покойный старый Степанъ Афендикъ [2]) говаривалъ: въ полѣ не жолнѣръ, и дома не господарь [3]). Не вѣдаю прямо, имѣетъ-ли дѣтина ваша склонность къ военной службѣ, но ежели онъ се имѣетъ, то неужели вы его не отпустите? Онъ къ ней въ кадетскомъ корпусѣ воспитанъ. Безъ вашего заказу давнобы онъ былъ маіоромъ и крестоносцемъ; ассесоромъ всегда успѣть быть можно, а честь воинскую не такъ легко получать. Да дай Богъ впредъ не такъ часто, ибо война право наскучила. Извините мою искренность и поставте ее на счетъ дружбы, которою я къ вамъ исполненъ. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, государь мой, вашимъ вѣрнымъ и покорнымъ слугою Г. А. Безбородко.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 3 дня, 1790 г.

Кромѣ мнѣнія Безбородка о причинахъ упадка стараго малорусскаго козачества, въ этомъ письмѣ находимъ интересное указаніе на двухъ старыхъ козаковъ, которыхъ Безбородко за ихъ геройство, приравниваетъ къ извѣстному Семену Палію. Ни козацкія лѣтописи, ни другіе мѣстные памятники, ни слова не говорятъ ни о Христѣ Сенчанскомъ, ни о Лаврѣ Остапскомъ; а между тѣмъ видно, что оба они и въ концѣ XVIII в. еще жили въ народной памяти на ряду съ Паліемъ. Догадываемся, что подъ Христою Сенчанскимъ (изъ м. Сенчи, лохвицк. уѣзда) слѣдуетъ разумѣть родоначальника теперешнихъ дворянъ роменскаго уѣзда, Криштофовичей, происходящихъ отъ сѣнчанскаго сотника Кирила Криштопенка

---

[1]) Рѣзрѣзные рукава малорусскихъ *жупановъ*.

[2]) Степанъ Семеновичъ Афендикъ, сынъ выходца изъ Молдавіи, сначала сотникъ борисполькій, а потомъ—наказный полковникъ переяславскій. См. о немъ «Русск. Арх.», 1880 г., I, 205.

[3]) Т. е. въ полѣ не воинъ и дома—не хозяинъ.

Библиотека "Руниверс"

(1723 г.), который должно быть былъ сыномъ того именно Христофора, котораго Безбородко называетъ Христою Сенчанскимъ. Подъ Лавромъ Остапскимъ (изъ м. Остапья, миргор. уѣзда) не слѣдуетъ-ли разумѣть Лаврентія Васильевича Базилевскаго? (См. „Русскій Архивъ", 1857 г., I, 96). Другихъ Лавровъ среди козацкой старшины XVII и нач. XVIII в., мы, сколько помнится, не встрѣчали.

А. Л.

КІЕВСКАЯ ПЕРТУРБАЦІЯ 1786 г.

1786 годъ памятенъ всей Малороссіи и особливо духовному ея центру по введенію штатовъ въ малороссійскихъ епархіяхъ и самомъ Кіевѣ. Штаты раньше введены были въ Великороссіи, къ Малороссіи ихъ долго примѣривали, пока не примѣрили окончательно. Въ майской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1822 г. былъ помѣщенъ самый указъ объ этой многозначительной реформѣ, съ указаніемъ, что изъ него выполнено и что осталось безъ исполненія.

Въ отношеніи къ Великороссіи, гдѣ узаконеніями Петра I-го духовенство раньше было замкнуто въ особую касту, введеніе штатовъ было простымъ переводомъ содержанія его съ натуральнаго довольствія на деньги, съ общества на государство, съ отобраніемъ въ казну монастырскихъ и вообще духовныхъ имѣній; относительно Малороссіи, гдѣ духовенство сохраняло еще отчасти свое прежнее положеніе, штаты означали окончательное подчиненіе его созданнымъ на сѣверѣ порядкамъ, уничтоженіе въ немъ выборнаго начала, измѣненіе внутреннихъ отношеній его членовъ, уничтоженіе связи его съ обществомъ и коренное измѣненіе его соціальнаго положенія.

Въ примѣненіи штатовъ къ духовенству и монастырямъ Малороссіи принималъ непосредственное участіе злой геній ея, великолѣпный князь Тавриды, Г. А. Потемкинъ, по запорожскому его титулу Григорій Нечоса. Въ доставшейся намъ части писемъ извѣстныхъ его сподручниковъ Попова и Гарновскаго есть на то не одно указаніе. Князь былъ тогда въ Крыму и проэкты штатовъ съ нимъ. Скакали фельдъегери, курьеры: императрица совѣтовалась съ своимъ любимцемъ объ этомъ, какъ и о томъ, кого изъ владыкъ нарядить въ бѣлые клобуки, заключая словами: «а впрочемъ, какъ ты, душечка, скажешь». Екатерина торопила его, и онъ самъ имѣлъ причины торопиться. Еще въ началѣ 1786 г. возвѣщено было затѣянное имъ грандіозное путешествіе повелительницы Сѣвера чрезъ Малороссію въ Новороссію. Потемкину хотѣлось, конечно, чтобы все на пути ея было уже реформировано и чтобы повсюду видны были слѣды его дѣяній. Покончивъ съ Запорожьемъ и гетманщиной, онъ и въ самомъ примѣненіи къ Малороссіи *штатовъ*

Библиотека "Руниверс"

рѣшился, по-видимому, стереть все, что такъ или иначе напоминало о ея прежней жизни, и въ своей безшабашной ломкѣ посягнулъ на вѣковое созданіе народной вѣры и благочестія, святыя обители, получившія уже значеніе историческихъ памятниковъ, каковыми были въ Кіевѣ св. лавра печерская, кіево-софійскій каѳедральный соборъ, монастырь братскій и при немъ знаменитое общенародное созданіе—кіевская академія, монастыри кіево-кирилловскій и кіево-межигорскій. Ихъ судьба была рѣшена и подписана. Какую пертурбацію произвело это, въ великой тайнѣ подготовлявшееся рѣшеніе и какимъ громовымъ ударомъ разразилось оно надъ Кіевомъ, показываетъ помѣщаемое ниже письмо митрополита кіевскаго, Самуила Миславскаго, къ гр. П. А. Румянцеву. Подлинникъ этого письма хранится въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, а копія въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора, но въ послѣдней при письмѣ находится примѣчаніе, писанное, по всей вѣроятности, митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ Болховитиновымъ. Трудно допустить, чтобы въ этомъ дѣлѣ руководила Потемкинымъ забота о государственной экономіи; примѣчаніе также не исчерпываетъ сокровенныхъ его мотивовъ. Помѣщаемъ прежде примѣчаніе, а потомъ самое письмо. Читая это послѣднее, больно становится за санъ митрополита, за его старость, уныніе и самую тяжкую скорбь. Что чувствовали кіевляне, можно судить по скорби достойнаго ихъ архипастыря.

I.

Примѣчаніе на письмо митр. Самуила къ гр. П. А. Румянцеву о неперемѣщеніи въ кіев. лавру академіи и митрополичьяго дома.

Въ 1786 г. при введеніи духовныхъ штатовъ въ малороссійскія епархіи положено и высочайше утверждено было—митрополиту кіевскому имѣть пребываніе въ кіево-печерской лаврѣ и быть архимандритомъ оныя, митрополичій домъ при софійскомъ соборѣ отдать подъ главное народное училище и подъ одну часть кіевской академіи, а другую часть академіи помѣстить въ лаврѣ; братскій училищный монастырь обратить въ главный госпиталь, а межигорскій—въ больницу для помѣщенія отставныхъ инвалидовъ или дряхлыхъ офицеровъ. Все сіе распоряженіе, мимо синода и преосвященнаго митрополита Самуила, дѣлалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій. Но по ходатайству генералъ-фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцева, въ томъ-же году перемѣнено сіе назначеніе: митрополиту дозволено имѣть пребываніе какъ въ лаврѣ, такъ и въ софійскомъ соборѣ, академіи оста-

Библиотека "Руниверс"

ваться въ братскомъ монастырѣ и госпиталь устроить въ межигорскомъ, а послѣ въ кирилловскомъ.

Императрица и князь Потемкинъ тайно не благорасположены были къ преосвященному митрополиту Самуилу, вѣроятно за дружескую переписку его съ наслѣдникомъ, цесаревичемъ и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Потемкинъ имѣлъ намѣреніе даже вытѣснить преосвященнаго Самуила и на его мѣсто перевести любимца своего, екатеринославскаго архіепископа Амвросія.

II.

Письмо митрополита Самуила къ гр. П. А. Румянцеву объ оставленіи кіевской академіи и митрополитанскаго дома на прежнихъ мѣстахъ, не переводя въ кіево-печерскую лавру [1]).

Милостивый государь и вѣчно почитаемый благодѣтель!

Всѣ выраженія, кои благоугодно было вашему сіятельству въ всепочтеннѣйшемъ вашемъ ко мнѣ письмѣ, отъ 9 іюня начертанномъ, совершенно увѣряютъ меня о непоколебимой вашей ко мнѣ милости и благоволеніи. Чувствую, искренно почитаемый и великодушный благотворитель! всю оныхъ цѣну и доколѣ будетъ во мнѣ дыханіе, благодарность мою свидѣтельствовать обязаннымъ себя нахожу.

Вѣрю, милостивый государь! что вамъ желательно было, чтобы наши обстоятельства оставлены были въ прежнемъ положеніи до всевожделѣннѣйшаго высочайшаго къ намъ пришествія, но Вышняго судьбамъ угодно было рѣшеніе оныхъ предъускорить. Да будетъ Его воля святая! Отъ меня никакова никогда мнѣнія не требовано, все сокрыто было. Духовная коммисія нимало въ семъ произшествіи, какъ я примѣчаю, не участвовала. Мнѣ только извѣстно было, что выдетъ непремѣнно новое положеніе о здѣшнихъ епархіяхъ, но обстоятельства онаго сокрыты были непроницаемою завѣсою.

Признаюсь чистосердечно, что при болѣзняхъ, непрерывно сопровождающихъ мою жизнь и нынѣ ежеминутно умножающихся, перемѣщеніе академіи и дома архіерейскаго до крайности меня

[1]) Митрополитъ *Самуилъ Мисловскій* вступилъ на кіевскую митрополичью каѳедру въ 1783 г., скончался 5 января 1793 г. и погребенъ въ софійскомъ соборѣ.

Библиотека "Руниверс"

озабочиваетъ и даже ввергаетъ меня въ неописанное уныніе, или, лучше сказать, приближаетъ меня ощутительнымъ образомъ къ послѣднему концу моея жизни. Возлагаю все упованіе мое на безпредѣльную благость Божію и всемогущество, но чувствую, что хотя духъ бодръ, однако плоть немощна. Не знаю, что предпріять. Рѣшился я послать всеподданнѣйшее прошеніе о прибавкѣ сроку для помѣщенія академіи и адресовалъ оное къ его сіятельству, графу Александрѣ Андреевичу господину Безбородкѣ; но вѣдая, сколь его сіятельство обремененъ дѣлами, о успѣхѣ и отмѣнѣ сомнѣваюсь, а срокъ въ семъ короткой предписанъ. Въ лаврѣ академію помѣстить почти не можно и дому архіерейскому тамъ быть совсѣмъ не удобно: нѣтъ покоевъ ни для классовъ, ни для учителей, ни для казеннымъ учениковъ; мѣсто тѣсное, безводное, бездровное; своекоштнымъ ученикамъ вовсе нѣгдѣ квартиры нанять. Умалчиваю о другихъ трудностяхъ и препятствіяхъ. Со всѣмъ тѣмъ долженъ я исполнить, что на меня возложено. Покои архимандричьи приказалъ внутри, сколько возможно, вычинить, а для академіи не могу сыскать средства. Нахожусь въ превеликомъ смущеніи духа и недоумѣніи, что предпріять; рѣшиться-ли по болѣзнямъ моимъ на избраніе уединенія, или ожидать того-же жребія, каковому подверженъ отецъ архимандритъ Зосима [1]). Его состояніе достойно всякаго сожалѣнія. Лишился зрѣнія вовсе, удаленъ отъ города, отъ пріятелей, отъ врачей и нѣтъ кому подать ему руку помощи, и ближніи его отдалече его сташа. Господи! не введи и меня во искушеніе. Но можетъ быть моя жизнь скоро прекратится. При другихъ болѣзняхъ причинилась мнѣ лихорадка: по пословицѣ „бѣда бѣды родитъ“; едва перомъ дѣйствовать могу. Но да будетъ воля Господня! Я не столько пекусь о моей жизни, сколько желаю, чтобы академія осталась на прежнемъ мѣстѣ и при соборѣ софійскомъ—архіерейскій домъ. Но, вообразивъ стеченіе обстоятельствъ, отчаяваюсь. Граждане подольскіе со слезами просятъ, чтобъ братскій монастырь остался; но я помочь имъ не въ силахъ. По моему мнѣнію найвыгоднѣйшее мѣсто для госпиталя въ межигорскомъ монастырѣ,

[1]) Архимандритъ *Зосима Валькевичъ* (1762—1786 г.) послѣдній настоятель кіево-печерской лавры, архимандричьяго чина и послѣдній изъ избираемыхъ въ сіе званіе вольными голосами, въ 1786 г. уволенъ на пребываніе въ голосѣевскую пустыню, гдѣ и скончался въ 1793 г.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ и лазарету быть удобно и садъ ботаническій завести можно, а для отставныхъ офицеровъ прилично занять кириловской монастырь, за штатомъ оставшійся. Такъ я мышлю.

Милостивый государь и благотворитель! подкрѣпите многомощнымъ вашимъ предстательствомъ во престолу величества сіе мое желаніе и намѣреніе. Я-бы и тѣмъ счастливъ былъ, естьли-бы повелѣно высочайше, хотя впредь до особливаго указа, оставить академію и домъ архіерейской на прежнемъ мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ отсрочить на два года. Все сіе открыть осмѣлился я для собственнаго вашего свѣдѣнія.

Всесильный Господь да укрѣпитъ дражайшее вашего сіятельства здравіе непоколебимо къ истинной радости и удовольствію того, кой съ нелицемѣрнымъ высокопочитаніемъ до конца жизни есмь.

Вашего сіятельства, милостиваго государя, всеусерднѣйшій богомолецъ и вѣрно покорнѣйшій слуга, Самуилъ митрополитъ кіевскій.

1786 г., іюня 24 дня.
Кіевъ.

СЛОВЕЧКО ПО ПОВОДУ ЗАМѢЧАНІЯ О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Въ статьѣ: „Удѣльный періодъ и его изученіе“, напечатанной во 2-мъ нумерѣ „Кіевской Старины“ текущаго года, авторъ вспомнивши мимоходомъ о моей статьѣ: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, помѣщенной лѣтъ тому болѣе двадцати назадъ въ журналѣ „Основа“, находитъ, что терминъ федеративный не совсѣмъ удаченъ для обозначенія тогдашняго политическаго строя Россіи. Подъ федераціею, говоритъ почтенный авторъ, обыкновенно разумѣютъ такой порядокъ вещей, при которомъ отдѣльныя единицы, составляющія федерацію, сознательно переуступаютъ часть своей власти въ пользу какого нибудь центральнаго правительственнаго учрежденія (конгресса или сейма). Ничего подобнаго не можемъ мы отыскать въ древней русской жизни. Тѣ условія федеративной связи (общность происхожденія, быта, языка, православной вѣры), на которыя ссылается Костомаровъ, относятся къ области этнографіи, между тѣмъ какъ федерація—принципъ преимущественно,

Библиотека "Руниверс"

если не исключительно политическій. Если ужь опредѣлять какимъ нибудь терминомъ начала древне-русской жизни, то мы предпочли-бы термины областность, областной" и пр.

Когда-то въ залѣ санктпетербургскаго университета защищалъ диссертацію одинъ господинъ, бывшій впослѣдствіи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ на каѳедрѣ русской исторіи. Онъ въ своей диссертаціи коснулся также мыслей о федеративномъ началѣ въ древней Руси и, упомянувши при этомъ обо мнѣ, замѣтилъ, что слово федеративный совсѣмъ не пригодно къ русской древней исторіи; мы де знаемъ федерацію только въ Нидерландахъ, въ Швейцаріи да въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. По окончаніи возраженій, дѣланныхъ официальными оппонентами, вступилъ въ диспутъ и я. Говорилъ я тогда этому господину тоже, что теперь выскажу снова по поводу статьи, напечатанной въ „Кіевской Старинѣ".

Въ древней Руси я не видѣлъ вполнѣ сложившейся федераціи и нигдѣ, сколько помнится, не назвалъ удѣльно-вѣчевую Русь федераціей въ смыслѣ политическаго тѣла, съ конгрессами или сеймами, въ родѣ Соединенныхъ Штатовъ; я говорилъ только о федеративномъ началѣ и если позволялъ себѣ видѣть въ древней Руси что-то въ родѣ федераціи, то развѣ федераціи въ зачаточномъ видѣ. У насъ въ древней Руси все было неопредѣленно: *земля бѣ невидима и неустроена, и тьма верху бездни,* въ которой зачинались, бродили и возростали сѣмена исторической жизни, и духъ творчества носился надъ этою бездною. Подъ федеративными началами я разумѣлъ тѣ признаки, изъ которыхъ непремѣнно должна была образоваться опредѣленная федерація, если-бы жизнь предоставлена была своему естественному саморазвитію, не подвергаясь случайнымъ переворотамъ, обратившимъ ее въ иную сторону. Произошло нѣчто такое, чего никто не могъ ожидать.. и еще менѣе предвидѣть—произошло монгольское завоеваніе; все перевернулось вверхъ дномъ, пошла русская жизнь совершенно по новому пути, сложился совсѣмъ иной строй и древнія федеративныя начала, вмѣсто того чтобы дозрѣть до сознательной федераціи, остались только въ воспоминаніяхъ объ отдаленной старинѣ. Впрочемъ какъ въ матеріальномъ мірѣ нѣтъ двухъ тождественныхъ особей, такъ и въ мірѣ отвлеченномъ нѣтъ двухъ представленій совершенно тождественныхъ. Я полагаю, что слово федерація нельзя понимать такъ узко,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ не смѣть его употребить относительно чего нибудь иного, кромѣ республиканскихъ союзовъ новѣйшей формаціи, которымъ мы привыкли давать это названіе. Оно въ наукѣ должно имѣть болѣе широкое приложеніе. Не всякая федерація непремѣнно должна быть во всемъ одинакова съ другою, какъ и общества человѣческія стоятъ между собою не въ одинаковой степени развитія. Едвали станутъ отрицать, что въ древней Греціи была федерація, хотя и недодѣланная. Но если мы сравнимъ ее съ нашею Русью удѣльно-вѣчеваго уклада, то, при чрезвычайно важныхъ и рѣзкихъ несходствахъ и различіяхъ, найдемъ черты очень подобныя въ той и другой. Въ Греціи связь частей была слаба и основывалась на такихъ признакахъ, которые присущи были нашей древней Руси: единство племени, хотя съ отличающимися другъ отъ друга колѣнами, единство языка, хотя съ тремя нарѣчіями, единство религіи, хотя съ мѣстными божествами и съ мѣстными въ честь этихъ божествъ обрядами. Что касается до институцій, которыя-бы сознательно учреждены были съ цѣлію сохранять и поддерживать связь частей, кромѣ олимпійскихъ и пиѳійскихъ игръ, да таинствъ—что относится собственно къ области религіи—мы знаемъ однихъ амфиктіоновъ, во всѣ времена безсильныхъ остановить внутреннія несогласія и войны, точь въ точь какъ были безсильны наши попытки съѣздовъ княжескихъ. Греція, при всей высотѣ своего интеллектуальнаго развитія, не доросла до прочной, крѣпкой федераціи: кто-же скажетъ, что въ ней не было федеративныхъ началъ? Съ другой стороны можно-ли ручаться за совершенную прочность и незыблемую крѣпость новѣйшихъ такихъ федерацій, на которыя указываютъ въ опроверженіе намъ, когда мы прилагаемъ этотъ терминъ къ русской исторіи удѣльно вѣчеваго уклада? Исторія Америки, не только южной, но и сѣверной, Соединенныхъ Штатовъ, достаточно даетъ отрицательный отвѣтъ. Что касается до замѣны словомъ *областной* слова *федеративный*, то термины *область, областность, областное* возможны въ самомъ централистичномъ государствѣ и совсѣмъ не идутъ туда, гдѣ мы хотимъ усматривать начала федераціи.

Николай Костомаровъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО КОШЕВОГО ОСИПА ГЛАДКОГО КЪ А. А. СКАЛЬКОВСКОМУ.

Милостивый государь,

Аполлонъ Александровичъ!

На почтеннѣйшее письмо ваше отъ 21 іюля имѣю честь съ удовольствіемъ отозваться: до поступленія моего Кошевымъ запорожскаго войска въ Турціи были *Кошевыми*, съ 1815 года, какъ мнѣ извѣстно: 1-й Иванъ Таранъ, 2-й Василій Смыкъ, 3-й Никифоръ Белюга, 4-й Семенъ Морозъ, 5-й Игнатъ Стеблівській, 6-й Михайло Губа, 7-й Андрей Стрѣльцовъ и 8-й Василій Чернега, и сей послѣдній и здалъ мнѣ правленіе Кошеваго.

„При переходѣ моемъ въ Россію 1828 года были при мнѣ: *эсаулом* Василій Туминевичь, *писаремъ* Степанъ Коханенко, а атаманы куревные: платнирівськаго Григорій Смирный (что нынѣ эсаулъ), пашківскаго Трофимъ Баланъ, чистяківськаго Василій Федоренко, каленівськаго Мойсей Католикъ (что нынѣ заурядъ эсаулъ), черелівськаго Антонъ Чернега, произведенный въ турецкую кампанію сотникомъ, дидьківськаго Василій Бурый, незамаівськаго Иванъ Чуприна, сергівськаго Иванъ Дубина, крилівськаго Иванъ Таранъ, щербинівськаго Павло Орелъ, полтавськаго Иванъ Оберемокъ, миньскаго Илья Бардашенко, величківськаго Стецанъ Чумакъ, иванівськаго Андрей Стрѣльцовъ, бывшіе Кошевыми: ведмедівськаго Петръ Зайка, пластунівськаго Григорій Чернега, выше-стеблівськаго Антонъ Бартовскій, куринівськаго Иванъ Калокай, донскаго Иванъ Кожуховъ, бруховецькаго Григорій Таранъ, титорівськаго Якимъ Середа, пшкурінськаго Никифоръ Чалый и корсунськаго Петро Рудый, а остальныхъ куриней отамановъ не припомню, списка-же имъ не велось. Войсковыхъ старшинъ не было, а полковники наряжались при сходкѣ всѣхъ отамановъ Кошевымъ; при надобности, для посылки на слѣдствіе или другіе дѣла, давался ему отъ Кошеваго приказъ и вмѣстѣ поручался вице-пирначь, и этимъ утверждался на время полковникомъ, возвратившись-же съ командировки таковый наряженный полковникъ отдаетъ Кошевому обратно приказъ и вице-пирначь, поступаетъ на свое мѣсто куреннаго отамана, и такимъ образомъ при всякой надобности назначался

Библиотека "Руниверс"

полковникъ изъ расторопныхъ отамановъ куреней, а постоянныхъ полковниковъ не было.

„У меня осталась печать запорожскаго войска, когда оно было подъ турецкимъ владѣніемъ, и я по желанію вашему снявъ съ ея на сургучѣ образецъ, при семъ вамъ посылаю [1]).

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вамъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугой.

Подлинное подписалъ: „Осипъ Гладкій".

23 августа 1841 года.
Посадъ Петровскій.

Письмо это въ копіи обязательно сообщено намъ маститымъ историкомъ Запорожья А. А. Скальковскимъ, по поводу законченной теперь печатаніемъ статьи г. Кондратовича: *Задунайская Сѣчь* по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ, и служитъ дополненіемъ и подтвержденіемъ такъ заботливо собранныхъ г. Кондратовичемъ свѣдѣній. Особенный интересъ представляетъ замѣчаніе Гладкого о званіи полковника въ Задунайской Сѣчи, которая была точнымъ сколкомъ Сѣчи Днѣпровской. Не въ этомъ-ли временномъ характерѣ полковничьяго званія заключается разгадка того не разъясненнаго факта, что извѣстный предводитель украинскаго возстанія 1768 года Максимъ Желѣзнякъ явился изъ Запорожья въ Украйну съ титуломъ полковника? Если онъ выступилъ въ защиту народа по полномочію или наказу Коша, то этотъ титулъ на время военной операціи принадлежалъ ему, такъ сказать, по праву; если-же онъ бросился въ отчаянную экспедицію лишь съ вѣдома и согласія Коша, въ чемъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, то и въ семъ случаѣ онъ не былъ ни лжецомъ, ни обманщикомъ, а носилъ почетный титулъ въ силу давняго запорожскаго обычая и строя.—*Ред.*

ОТЖИВАЮЩАЯ ИЛИ НАЧАЛЬНАЯ ФОРМА „ВЕРТЕПНОЙ ДРАМЫ"?

Къ вопросу о вертепныхъ представленіяхъ, разработываемому въ „Кіевской Старинѣ", могу сообщить небольшую справку. Два

[1]) Образчикъ напечатанъ мною въ III-й части «Исторіи Новой Сѣчи».—А. С.

Библиотека "Руниверс"

года назадъ мнѣ случилось видѣть своего рода вертепное театральное представленіе въ г. Луцкѣ, волынской губерніи. Это было на рождественскихъ праздникахъ. Въ домъ, гдѣ я находилась, пришелъ какой-то странствующій „мазуръ“ и предложилъ показать „представленіе“. Мазура впустили; онъ явился вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, небольшимъ мальчикомъ; войдя въ комнату, они стали располагаться съ ящикомъ, чрезвычайно похожимъ на тотъ, который изображенъ въ приложеніи къ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г. (при текстѣ вертепной драмы, сообщенной г-номъ Галаганомъ). Къ ящику принадлежалъ цѣлый мѣшокъ со многими куклами, которыя и явились дѣйствующими лицами драмы, въ то время какъ „мазуръ“ исполнялъ за нихъ пѣніе, монологи и діалоги. Дѣйствіе раздѣлено было на двѣ части, неравныя по объёму: первая часть, очень короткая, представляла эпизодъ религіозный, гдѣ изображалась Дѣва Марія и Іосифъ, подлѣ младенца Іисуса—цари, приходящіе ему поклониться и т. д.; вторая часть, несравненно большая, не имѣла никакого отношенія къ первой и представляла собою рядъ бытовыхъ сценъ комическаго характера. Здѣсь фигурировали представители разныхъ народностей: цыганъ, жидъ, мазуръ и русинъ, всѣ въ сопровожденіи также своихъ женъ. Среди дѣйствія являлась нѣсколько разъ смерть и похищала нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, несмотря на ихъ лестныя предложенія отступнаго (такъ цыганъ предлагалъ смерти лучшаго своего коня, еврей—тысячу злотыхъ, безъ уплаты процентовъ); но смерть оставалась неумолима, утаскивая свои жертвы и приводя въ нѣкоторый страхъ маленькихъ зрителей—дѣтей, съ необычайнымъ любопытствомъ слѣдившихъ за ходомъ дѣйствій кукольныхъ персонажей, одухотворяемыхъ ловкимъ мазуромъ. Искусство послѣдняго ярче всего обнаружилось при фигурированіи куклы, изображавшей тоже мазура: съ большой бравурностью былъ нѣсколько разъ повторяемъ танецъ мазура, съ припѣвомъ, начинавшимся такъ:

„Krakowiaczek jestem
W Krakowie się rodził,
Cztery liata nie miał,
Do panienek chodził“.

Все представленіе велось на польскомъ языкѣ. Мнѣ чрезвычайно показалось интереснымъ это незатѣйливое народное представленіе;

Библиотека "Руниверс"

захотѣлось, не смотря на чуждый языкъ, записать хотя часть интереснаго текста, совершенно для меня незнакомаго (кромѣ двухъ извѣстныхъ польскихъ-же колядокъ, исполненныхъ въ первой части представленія). Однако-же на мое предложеніе записать нѣкоторые номера, „*режиссеръ*“—мазуръ сказалъ, что теперь ему некогда: надо-молъ воспользоваться послѣднимъ святочнымъ вечеромъ, чтобы показать вертепъ еще въ нѣсколькихъ домахъ города, „а вотъ завтра утромъ“, успокоилъ меня мазуръ, „приду опять къ вамъ и тогда можно будетъ писать“. Но увы, поспѣшно исчезнувши, мазуръ больше не показывался: перспектива записыванія отъ него „польскаго“ (!) текста, должно быть, устрашила его, чему я, соображая хорошо извѣстныя мнѣ обстоятельства жизни въ юго-западномъ краѣ, признаться сказать, не особенно удивляюсь. Жалѣю только, что, благодаря этому обстоятельству, у меня въ памяти осталось лишь содержаніе вертепнаго представленія, да общій характеръ текста, совершенно простонародный.

О. Пч.

ПОДЛЯСКАЯ ЗЛОПОЛУЧНИЦА.

Въ январской книжкѣ „Кіевской Старины“ за нынѣшній годъ, въ отдѣлѣ *Извѣстій и Замѣтокъ*, напечатанъ варіантъ пѣсни о молодой дѣвицѣ, жестоко пострадавшей отъ своихъ соблазнителей. Напечатанный варіантъ служитъ дополненіемъ къ тѣмъ пѣснямъ о томъ-же событіи, которыя имѣются въ разныхъ печатныхъ сборникахъ и въ которыхъ постоянно мѣняются названія жестокихъ соблазнителей: чужеземецъ, запорожецъ, донскій козакъ, татаринъ. Любопытно, что эта-же пѣсня поется и на послѣдней окраинѣ русскаго населенія со стороны Польши, на Подлясьи, именно въ сѣдлецкой губерніи. Но у подляской злополучницы свой врагъ, совершенно отличный отъ бродячихъ или захожихъ враговъ другихъ южно-русскихъ злополучницъ, не чужеземецъ, не запорожецъ, не козакъ, не татаринъ, но „дворанинъ“, „дворакъ“. „Дворани“ или „двораки“ часто фигурируютъ въ подляскихъ пѣсняхъ и—всегда какъ враги народа, какъ люди праздные, пустые, гулящіе и жестокіе. Извѣстно, что подляское русское дворянство, охваченное съ

Библиотека "Руниверс"

двухъ сторонъ литвинами и ляхами, раньше другихъ своихъ собратій было нравственно подавлено и деморализовано, раньше всѣхъ приняло чуждый языкъ и обычаи, прежде всѣхъ согласилось на люблинскую унію, наиболѣе дѣятельно пропагандировало унію церковную. Народъ, нѣкогда твердо стоявшій за свою русскую народность и православную вѣру [1]), не могъ сохранить признательной памяти о такомъ дворянствѣ. Вотъ самая пѣсня, записанная въ числѣ многихъ другихъ, по просьбѣ нашей, въ 1867 году, въ бѣльскомъ уѣздѣ б. учителемъ греко-уніатскаго училища въ д. Полоскахъ, г. *Медвѣдемъ*.

Ой вже сонце низенько, вже вечóръ близенько.
Дівчино, серденько, присунься близенько!
На двóрі криниця, зимнáя водиця,—
Що дворанина, то все ледащиця!
Пье въ корчмі, гуляе, дівча намовляе.
Ходи, дівча, зъ нами, зъ нами двораками,
Буде тобі ліпше, якъ у твеі мамы.
У твосі мамы кошули латана,
А въ насъ двораченькóвъ шовкомъ вышивана.
Ой у твеі мамы дубовіи лычка [2]),
А въ насъ двораченькóвѣ жовті черевички.
Ой стала дівчина, стала й подумала,
Стала—подумала, сіла й поіхала.
Завезли дівчину подъ быструю воду:
Вернися, дівчино, до своёго роду!..
Въ воду не втоплюся, къ роду не вернуся,
Бо отъ свого роду стыду наберуся.
Ой везли дівчину лісами-борами,
Питали дівчину: що-жъ то буде зъ нами?
Ой стала дівчина, сосны полічила...
Вчепили дівчину до сосны плечима.
Выкресали огню зъ білого кременя,
Запалили сосну зъ верха до корéня.

---

[1]) См. въ «Холмскомъ греко-уніатскомъ Мѣсяцесловѣ» на 1871 годъ статью «Нѣсколько данныхъ о переходномъ состояніи Подлясья послѣ брестскаго собор 1595 года».

[2]) Лапти изъ коры молодаго дубняка.

Библиотека "Руниверс"

Сосна догорае, дівча промовляе:
„Хто въ бору ночуе, нехай тое чуе,
А хто дочку мае, нехай научае,
Нехай зъ двораками въ корчмі не гуляе".

N.

Варшава.

Т А Л А В И Р Я.

(ПАСТУШЕСКАЯ ПѢСНЯ).

Въ августовской книжкѣ „Кіевской Старины" помѣщена „пастушеская пѣсня-былина Курта". Мнѣ удалось записать варіантъ ея совсѣмъ подъ другимъ заголовкомъ и болѣе подходящій къ размѣру думъ. Записанъ онъ въ александровскомъ уѣздѣ, екатерин. г., кромѣ того я слышалъ его и въ харьк. губ., изюмск. у. Варіантъ фонъ-Носа, мнѣ кажется, тронутъ рукою грамотнаго человѣка и вотъ почему: въ стихѣ „и гадюку и казюку—усе бачишъ"—два равнозначущіе слова, потомъ--къ чему полудикій чабанъ упоминаетъ Брюховецкаго и кошевого Сірка? (въ моемъ варіантѣ Сірко—собака). Обращеніе къ вѣтру кажется черезчуръ многорѣчивымъ, и слово „стружки" не наше, его замѣняютъ „тріски". Вообще александровскій варіантъ по своему юмору и чисто реальнымъ представленіямъ—отдаетъ болѣе народнымъ непосредственнымъ творчествомъ и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Талавирі—вирі—вирі—вирі,
Та якъ пасъ я штирі [1])—бирі—
Сімсотъ ще й чотырі,
Та вона мені по глечику молока носила,
Та по коряку сыра.
Та якъ зійду на могилу,
Та прокину сірячину,
Та ляжу трохи спочину.
А чи спавъ, чи не спавъ,
Четвертого дня вранці вставъ!
А чи івъ, чи не івъ,
Трое хліба зівъ!
Та нема-жъ моей штырі-бирі—

[1]) Штыра—яловая стриженая овца.

Библиотека "Руниверс"

Сімсотъ ще й чотырі!
Якъ пішовъ я лугами та берегами—
Шукати своей штирі-бирі,—
Сімсотъ ще й чотырі.—
Ой я-жъ думавъ, що то біліють овечки,
Ажъ то мій хозяинъ та насівъ гречки.
Ой я-жъ думавъ, що то баранці, баранці,
Ажъ то мого хазяина кабанці, кабанці.
Ой я-жъ думавъ, що то вітеръ шумить,
Ажъ то мій хазяинъ на сивімъ коню біжить.
Та запахли мені горячіи книши...
Яжъ думавъ, що то гарячіи книши,
Ажъ то мій хазяинъ та запаривъ на мене бичи.
Якъ узявъ мене тими книшами годувати,
Якъ узявъ мене тими бичами потягати,
Бивъ, бивъ,
Десятого не добивъ,
Тай той коло мене положивъ!
Ой орлику, братіку,
Ты высоко літаешь,
Ты далеко видаешь,
Чи не бачивъ ты моеі штирі-бирі,
Сімсотъ ще й чотырі?
Ажъ тамъ твоі штири-бирі,
Сімсотъ ще й чотырі:
Та погнавъ вовчикъ сіренькій...
Та въ теі нема ноги,
Въ теі головы,
А въ теі хвоста,
Та цапъ напирае,
А Сірко підганяе,
А сучка Муштучка припиняе...
Найшовъ вівці,
Найшовъ вівці,
Найшовъ вівці!..

Ив. Манжура.

Библиотека "Руниверс"

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ V томѣ „Кіевской Старины“ *).

Аккерманъ, г., 736.
Аксаковъ С. Т., писат., 829—841.
Александръ I, императ. русскій, 140. 209.
Алексѣй Михайловичъ, царь москов., 713.
Амфитеатровъ Филаретъ, митропол. кіевск., 700.
Анатолій, архимандритъ, 180.
Антонтій I., д-ръ, польскій писатель, 873.
Антоновичъ В. Б., проф., 878.
Апостолъ Данило, миргород. полковн., впослѣдствіи гетманъ, 602.
Апраксинъ, графъ, 149.
Аронъ, господарь молдав., 182.
Арсеній, архимандр., 903.
Артемовскій С. С., артистъ императ. театровъ, 404.
Аскоченскій В. И., писат., редакт. «Дом. Бесѣды», 702, 705.
Ахметъ III, султ. турецк., 269.

—

Багалѣй Д. И., авторъ нѣсколькихъ истор. монографій, 301, 415, 417.
Багратіонъ, кн., русскій военачальникъ, 132, 820.
Байронъ, поэтъ англійск., 274.
Бантышъ-Каменскій, истор. малорус., 597.
Барвинскій Александръ, галицк. писат., 649.
Барклай-де-Толли, фельдмарш., 804.
Батори Сигизмундъ, кн., 182.
Батуринъ, мѣст. черн. губ., нѣкогда резиденція гетмановъ, 158, 599.
Бутурлинъ, графъ, русскій полковод., 213.
Безбородко, графъ, секр. Екатерины II, 238, 903—904.
Беклешовъ, моск. генер.-губерн., 124.
Белькуръ, франц. полковн., авторъ мемуаровъ о Сибири, 645.
Берестечко, м., 152, 428.
Бестужевъ-Рюминъ, истор., 309.
Бецъ В. А., проф., 878, 881.
Богунъ Оедоръ, козацкій полковн., 209.
Болховитиновъ Евгеній, уч., кіевск. митроп., 91.
Борзобогатый-Красненскій Іона, еписк. луцкій, 874.
Ботвиновскій Евфимій, священ. кіев., 691.
Брадке, попеч. кіев. учебн. округа, 267.
Брозинъ, сенат., 86.
Брюловъ, живописецъ, 166.
Брюховецкій, гетманъ малор., 879.
Булашовъ Г., авт. ст.: «Ирияей Фальковскій», 120.
Буцинскій П. И., авт. кн.: «О Богданѣ Хмельницкомъ», 183.
Быховецъ, лѣтоп., 178.

*) Цифры означаютъ стр. тома.

Библиотека "Руниверс"

Бѣлоусовъ, преподав. нѣжинской гимн., 626.
Бѣлявскій Евфимъ, значков. товарищъ, 532.

—

Валецкій, архимандр., 681.
Варшава, г., 125, 145.
Вениаминовъ Иннокентій, митрополитъ московскій, 706.
Видокъ Викентій, сербскій митр., 106.
Вильна, г., 127.
Вишневецкій, кн., канцлеръ польскій, 604.
Владиміръ Мономахъ, вел. кн. кіев., 1.
Волковскій, кн., губер., 126.
Воротынскіе, князья, 314.
Ворцель, сенат., 128, 130, 137, 223, 230.
Выговскій Иванъ, гетм., 879.
Вяземскій П. А., кн., писат., 835.

—

Галецкій, генер. бунчужный, 681.
Гамалій, эсаулъ генер., 599.
Гаркуша Семенъ, предвод. украинск. разбойн. банды, 528—554.
Гауеръ, баронъ, 220.
Гвагнини Александръ, писат. XVI в., 20.
Герцыкъ Григ. Павл., сторонникъ Мазепы, 595—610.
Гессе, академикъ, 844.
Гижицкій, вол. маршалъ, ген.-маіоръ, 125, 223, 231.
Гладкій-Осипъ, послѣдній Кошов. задун. Сѣчи, 28, 30, 39, 274, 279—290, 731, 762, 771; его письмо къ А. А. Скальковскому, 912—913.
Глазенапъ, губернат., 125, 142.
Глинка, композиторъ, 401.
Глинскій Михаилъ, кн., 178, 179.
Глоба, послѣдн. писарь запорожскій, 231.
Глуховъ, г., б. резиденція гетм., 145, 158, 531.
Гоголь Н. В., писат., 167, 174, 194, 406, 834.
Голицынъ Д. М., князь, 98, 107, 115.
Головатый Антонъ, запорож. старшина, 41, 207.
Голохвастовъ, сенат., 125.
Гонорій, импер. визант., 19.
Горголій, сенат., 84.
Гордина, Кошевой задунайск. Сѣчи, 298.
Горленко Дмитрій, прилуцкій полковн., 595, 599, 601, 610.
Городня, м., нынѣ у. г. черн. губ., 208—210.
Гофманъ, проф., 841.
Градовскій А. Дм., проф., 308.
Гревсъ, губерн., 124.
Грековичоръ Соломонъ-бенъ-Захарія, львовскій падикъ, 9.
Гречулевичъ, свящ., авт. «Проповѣдей на малорос. языкѣ», нынѣ пр. Виталій, еписк. мог., 870.
Гудовичъ, графъ, фельдмаршалъ, 226, 351.

—

Даніилъ Романовичъ, князь галицкій, 654.
Данчукъ Остапъ, житель Добруджи, 758, 760, 763, 772.
Державинъ, поэтъ, 126.
Днѣстръ, р., 38.
Довгополый, генеральн. судья, 601, 603.
Долгорукій, Григ. Ѳедор., русскій послан., 597.
Дорошенко Петръ, гетм., 424, 879, 892.
Дренякинъ, авт. книги: «Бѣлгородъ съ уѣздомъ», 179—180.
Дубельтъ, генер., шефъ жандармовъ, 228.

—

Евлевичъ Іосифъ, черниговск. войтъ, 487.
Екатерина II-я, импер., 183, 193, 231.
Елисавета, импер. русск., 95.
Еропкинъ, генер., 460.

—

Жегота Паули (Żegota Pauli), галицко-польскій этнографъ, 366.
Житоміръ, г., 121.
Жолкевскій, гетм. польскій, 183.

—

Забѣла В. П., помѣщикъ черниг., другъ Шевченка, 401.
Загоровскій Василій, брацлавск. кастел., 715.
Заклинскій Корнило, галиц. уч., 181.
Залескій Богданъ, поэтъ польск., 174.

Библиотека "Руниверс"

Залеский Брониславъ, письма къ нему Т. Г. Шевченка, 161—176, 611—622.
Замойский Янъ, канцлеръ польск., 183.
-- Ома, воевода кіевск., 421, 874.
Захарьевичъ, проф. львовскій, 876.
Зеленейский Василь, сотникъ, 599.
Зелепугъ, полковн., 222.
Зинакъ Иванъ, новгородъ-сѣверскій бургомистръ, 535.

—

Иванишевъ, проф. кіев. унив., 406.
Игнатовичъ Демьянъ, козацкій полковн., 209.
Ильинскій, графъ, сенат., 124, 142, 144.
Иловайскій Дм. И., истор., 218.
Ипсиланти, предвод. греческ. возст., 270.
Искра, полтав. полковн., 598.

—

Іосифъ II, импер. австрійскій, 193.

—

Кавелинъ, ученый, 308.
Казиміръ, король польскій, 141.
Калнаболотскій Самійло, кошевой задун. Сѣчи, 53, 59, 270.
Калнишевскій, послѣдн. кошевой приднѣпр. Сѣчи, 27, 29, 35, 231, 771.
Каменецкій Дан. Сем. (ум. въ 1880 г.), издат. малор. книгъ, 407.
Кандыба, полковн. корсунскій, 599.
Канова, знамен. итальянск. скульпторъ, 774.
Кантеміръ, кн., 83.
Карамзинъ, истор., 302.
Карлъ XII, король шведскій, 595.
Квитка, украин. писат., 873, 870.
Кельсіевъ, писат., 29.
Кисель Адамъ, воевода кіевскій, 427.
Ключаревъ, предсѣд. казен. кіев. палаты, 696.
Ковалько П., авт. замѣтки «Очерки національ. типовъ въ украинск. нар. словесности», 667—672.
Колоинецъ А. И., бывшій запорожецъ, 31—40, 53.
Комаровскій, графъ, 222.
Комбурлей, начальн. волынской губ., 126, 130, 131, 134, 136, 140, 142, 145, 219, 335, 364.
Конисскій Георгій, архіеп., 93.
Костомаровъ Н. И., истор., 26, 36, 183, 234, 315, 366, 492, 911.
Костюшка, военач. польскій, 125, 226, 825.
Котелька, слобода, 594.
Котляревскій Ив. П., украин. писат., 233, 867, 833.
Кошовикъ К., авт. статьи: «Семенъ Гаркуша», 554.
Краковъ, г., 127, 145, 154, 366.
Кременецкій Гавріилъ, митрополитъ кіев., 96, 884.
Кременецъ, г., 220.
Кривоносъ, полковн. козацкій, 427.
Кристопенко Кирило, сотникъ, 904.
Крыловъ И. А., писат., 171.
Кубаля, польскій писат., 420, 428.
Кубань, р., 41.
Кулишъ П. А., писат. украин., 219, 221—234, 366, 405, 836, 837, 870.
— Лукьянъ, священ. въ Задунайской Сѣчи, 274.
Кульневъ, секундъ-маіоръ, 194.
Курбскій, кн., 874.
Курутъ, прокуроръ, 222.
Кутузовъ, кн., фельдмар., 820.
Куявскій, катол. епископъ, 604.

—

Лазаревскій А. М., писат., 720, 892,
Лазовскій Осодосій, епископъ владимір., 715.
Ланжеронъ, гр., генер., 364.
Лебединъ, г. харьк. губ., 91.
Левенецъ, козацкій полковн., 599.
Левицкій, сотникъ, 550.
Лизогубъ Евфимъ, черниговск. полковн., 487.
Литвинъ Михайло, кошевой задунайск. Сѣчи, 740.
Лобановъ-Ростовскій, князь, русскій генер., 141.
Лобода, предв. украин. козаковъ, 182.
Лопушевскій, учит. нѣжинской гимн., 628.
Лучицкій И. В., проф. кіевск. универ., 409.
Львовъ, г., 715.

Библиотека "Руниверс"

Лѣсковъ Н. С., писат., 268, 708.
Лясота Эрихъ, мемуаристъ XVI в., 182.

—

Мазепа, гетм. малорос., 269, 490.
Макаровъ, полковн. русской службы, 355.
Максимиліанъ, эрцгерцогъ, 182.
Максимовичъ М. А., профес., ректоръ, ученый писатель, 420, 829, 870, 871.
— Иванъ, генерал. писарь, 595, 601, 610.
Мальта, островъ, 46.
Маркевичъ Н. А., малорусскій истор., 401.
Марко Вовчокъ (псевд.), украин. и русск. писат., 871.
Мезецкіе, князья, 314.
Мерзляковъ, поэтъ, 842.
Мечниковъ, сенат., 568, 571.
Миклашевскій, губерн., 124.
Милорадовичъ, гр., авт. рецензіи на кн. «Историко-стат. описс. черниг. епархіи», 658.
Мирабо, француз. вельможа временъ Людовика XVI, 774.
Мирославскій Самуилъ, митроп. кіев., 906.
Михаилъ, господарь волошскій, 182.
Михаловскій, авт. мемуаровъ на польск. яз., 427.
Михельсонъ, рус. генер., 52.
Могила Петръ, митроп. кіевскій, 716.
Мокіевскій, чигир. полковн., 599.
Морозъ, кошевой задунайской Сѣчи, 262.
Мосальскіе, князья, 314.
Москвинъ Арсеній, митр. кіев., 700.
Мотовиловка, м., 652.
Мошинская, собир. этногр. матер., 366.
Муравьевъ А. Н., писат., 843.

—

Наливайко, предвод. малор. козаковъ, 182.
Наполеонъ I, имп. франц., 129, 130, 136, 140, 357.
Науменко В., его рецен. на брошюру «Покажчикъ новоі україн. літер.», 867—873.
Паоананлъ, еписк. черниг., 658.
Незамаевскій Василь, кошевой задун. Сѣчи, 278.
Нестелей, козацкій полковн., 209.
Николай I, импер. русс., 209, 213, 286.
Николайчикъ Ѳ., авт. ст.: «Новыя свадебн. малор. пѣсни», 366—400.
Никольскій Исидоръ, митроп. кіев., 700.
Новицкій, литер., 366.
Новосельскіе, князья, 314.
Новосельскій, этногр., 366.
Новгородъ-Волынскъ, г., 807.
Нѣжинъ, г., 531.

—

Огинскій, сенат., 223, 334.
Одоевскіе, князья, 314.
Окольскій, авт. мемуаровъ, 428.
Оренбургъ, г., 125.
Орликъ, секрет. гетм. Мазепы, 595; гетм., 604, 605, 607, 609, 610.
Орловъ Гр. П., гофмаршалъ, 108.
Осиповъ Н. О., художникъ, 618.
Оссолинскій, графъ, 776.
Остеръ, г., 723.
Острожскій Константинъ, кн., воевода кіевск., 421, 719.
— Янушъ, сынъ его, 874.

—

Павелъ I, импер. русскій, 142, 454.
Перовскій В. А., оренбургскій губер., 172, 618.
Петръ Великій, импер. русскій, 95, 883.
Пештъ, г., 105. 112.
Плетневъ П. А., русскій писат., 225, 837.
Погодинъ, писатель, историкъ, публицистъ, 303, 831, 838, 871.
Полевой, русскій истор., 315.
Полетика Григ. И., совѣтн. русск. посольства въ Вѣнѣ, 108, 115, 116.
Понощатенко Авксентій, полков. судья, 210.
Пономаревъ С., библіогр., 408, 629.
Понятовскій, польскій военач., 136, 138, 604, 608.
— Станиславъ, кор. польск., 887.
Поповъ В. С., секретарь кн. Потемкина, 121.

Библиотека "Руниверс"

Потемкинъ Григ. Алекс., князь, временщикъ ц. Екатерины II, 461, 805.
Потоцкій, маршалъ кіевск., 138.
— Петръ, конфедер. маршалъ сандомірскій, 150, 634.
— коммисаръ польскій, 652.
Похлыстъ, значков. товарищъ, 548.
Прага, г., 125.
Прейсъ, проф., 225.
Пресбургъ, г., 105.
Протасовъ Н. А., оберъ-прокуроръ синода, 703.
Пугачевъ Емельянъ, самозванецъ, бунтовщикъ, 146.
Пушкарь Мартинъ, козац. полковн., 424.
Пулавскій, староста черешин., 633.
Пулюй, д-ръ, доцентъ вѣнскаго унив., 221.

—

Разинъ Стенька, донск. козакъ, стоявшій во главѣ народн. движенія, 65.
Ракочи Юрій, семиградс. князь, 147.
Ревутскій, гетманъ польскій, 160, 603.
Репнинъ, кн., кіевск. губерн. предвод. дворянства, 219.
Ржевскій, генер., 884.
Робеспьеръ, дѣятель великой француз. революціи, 774.
Родакъ, генеральн. эсаулъ, 209.
Розенбергъ, военн. губерн., 352.
Росохацкій, полковн. шведской службы, 602.
Рубанъ, авт. малорус. лѣтописи, 421.
Ружинскій Романъ, кн., 875.
Рудольфъ II, импер. германскій, 181.
Румянцевъ, гр., правит. Украйны, 806.
Руссовъ, прокуроръ, 343.

—

Савяцкій Д. В., инженеръ-архитекторъ, 209.
Сагайдачный, малорус. гетманъ, 214, 789.
Салтыковъ, кн., 337.
Самаринъ Андрей, генер.-губерн. казанскій, 633.
Самойленко, учитель нѣжинск. гимн., 628.
Самойловичъ Иванъ, магистръ, 95.
Самоквасовъ, проф., 304.
Самуилъ, патр. константинопол., 794.
Сангушки, князья, древн. фамилія, 345.
Сапѣга, староста бобруйскій, 607.
Святополкъ-Михаилъ, удѣльн. князь кіевскій, 1.
Селинъ, проф. кіев. универс., 406.
Семеновъ, русскій ученый, 180.
Сенека, философъ греческій, 775.
Сергѣевичъ, проф. с.-петербург. унив., 307, 308.
Сиверсъ, сенат., 144, 222, 364, 775, 798, 723, 728.
Сигизмундъ-Августъ, король польскій, 714.
Синанъ-паша, турецкій военач., 181.
Сипельниковъ Ив., губернат. екатерин. намѣстнич., 461.
Скальковскій А., истор., 42.
Скапа Мойсей, депутатъ запорож. въ екатерининск. коммисіи о составл. новаго уложенія, 683—687.
Скворцовъ, проф., 91.
Скоропадскій, гетманъ украин., 56.
Смоленскъ, г., 124.
Сова, поэтъ польск., 174, 612.
Соловьевъ, русскій истор., 301.
Сохацкій Павелъ, проф. московск. унив., 94.
Спасовичъ Вл. Д., юристъ, 161.
Срезневскій И. И., академикъ, проф., 421.
Ставровскій, проф., 121, 690.
Стемпковскій, кастел. кіев., 801.
Стройновскій, сенаторъ, 137, 223, 225, 364.
Суворовъ, фельдмаршалъ, 125, 183, 226, 352, 903.
Суша Яковъ, холмскій епископъ, 654.
Сѣраковскій Сигизмундъ, полковникъ генеральн. штаба, 615.
Сѣрко, кошевой запорожскій, 875.

—

Таганрогъ, г., 534.
Танскій Михайло, полковн. кіев., 682.
Тарнавскій Александръ, авт. замѣтки: «Вертепъ въ Духовщинѣ», 659—667.
Тарновскій, графъ, 344.
Тацитъ, истор. римскій, 799.
Текелій, русскій военач., 27, 43.
Томара, полковн. переяславльскій, 681.
Торнасовъ, начальн. русской арміи, 135, 820.
Точилеску, проф. букарештской акад., 740.

Библиотека "Руниверс"

Трипольскій, польск. коммисаръ, 652.
Трощинскій, русскій министръ, 790.
Туловъ М. А., быв. помощн. попеч. кіевск. учебн. округа, 872.
Туптало Савва, сотникъ, 879.
Турскій, полковн., 364.
Тучковъ, генер. русской службы, 278.

—

Уваровъ, гр., археологъ, 218.
Умань, г., 153.
Урсо, учит. нѣжин. гимн., 628.
Устимовичъ, полтав. губерн. предводитель дворянства, 219.

—

Фаеріусъ, исправникъ, 358.
Фалькенштейнъ, графъ, (Іосифъ II австр. имп.), 193.
Фальковскій Ириней, коадъюторъ кіевскій, 89—120.
Филаретовъ Филаретъ, епис. рижскій, 691.
Фундуклей, губерн. кіев., 704

—

Хмелецкій Стефанъ, воевода кіев., 874.
Хмельницкій Богданъ, малорос. гетманъ, 3, 15, 122, 183, 209, 410, 417, 889.
— Юрій, сынъ Богдана, также гетманъ, 184, 879.
Ходкевичъ Іеронимъ, виленск. кастел., 875.
Хоецкій Карлъ, плѣнный польскій конфедератъ; его записки о времени плѣна, 145—160.
Холодовичъ Матвѣй, бунчуковый товарищъ, 538.
Хомяковъ А. С., поэтъ-славянофилъ, 839, 848.
Хрущовъ, волын. вице-губерн., 222, 881, 800, 828.

—

Царенко, исправникъ, 358.
Цыхъ, проф. кіев. унив., 627.

—

Чаевъ Н. А., писат., 829.
Чайковскій Михаилъ (Садыкъ-паша), писат. польскій, 29, 270, 289.
Чалый М. К., авт. книги: «Жизнь и произвед. Т. Шевченка», 162, 407.
Чарнецкій, конфедератскій марш. краковскій, 150.
Черниговъ, г., 92.
Черторыйскій Николай, кн., 717.
Чичаговъ, адмир., 135, 820.
Чичеринъ, русскій ученый, 308.
— Д. И., тобольскій генер.-губернаторъ, 643.

—

Шамшевъ, генер., 542, 549, 552.
Шараневичъ Исидоръ, львовскій проф., 177, 218, 876.
Шафировъ, русскій послан. въ Константинополѣ, 595.
Шахъ, гетм. украин., 2.
Шевченко Т. Г., его письма къ Бр. Залескому, 161—176, 218—220, 229, 401—408.
Шекспиръ В., знамен. англійс. писат., 221, 223.
Шереметьевъ, губерн., 123, 125.
Шимановъ А. Л., авт. статьи: «Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія», 594.
Шлецеръ, ученый, 302.
Штернбергъ В. П., художн., 401, 403.

—

Щербатовъ, кн., авт. «Ист. Россіи», 303.
Щербацкій Тимофей, кіев. митрополитъ, 652.
Щоголевъ, поэтъ украин., 871.

—

Эссенъ, военный губерн., 126.

—

Юнгъ, редакт.-издат. первой газеты въ Кіевѣ, 504.

—

Яблоновскій Максимиліанъ, князь, 223.
Ярославъ Мудрый, вел. князь кіевск., 304.
Яссы, г., 48, 886.

—

Θеотокп Никифоръ, херсонскій архіеп., 891.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“.

изданіе **Е. Лебедевой** (бывшее Ѣьвовой).

Журналъ выходитъ семнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ, въ хорошемъ переводѣ, произведенія иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими, имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами такъ, чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ препровожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ бы его съ дѣйствительно интересными, пользующимися успѣхомъ на Западѣ произведеніями изящной литературы.

Для лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются уже популярностью за границей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ 1883 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и въ томъ-же объемѣ, при благосклонномъ участіи лучшихъ нашихъ переводчиковъ-литераторовъ: В. Крестовскаго (псевдонимъ), П. И. Вейнберга, Лѣтнева, В. Ранцева, Хмѣлевой и другихъ.

Успѣхъ данныхъ въ этомъ году историческихъ романовъ («Императрица Елисавета» и «Великая Княгиня)» приводитъ насъ къ убѣжденію, что историческіе романы болѣе нравятся публикѣ, почему мы въ 1883 году постараемся давать побольше такихъ романовъ, не забывая, конечно, о всемъ новомъ, что появится въ иностранныхъ литературахъ. Кромѣ того, всѣ подписчики 1883 г. получатъ *въ премію* талантливое произведеніе извѣстнаго *Эмиліи Габоріо «Знаменитыя Женщины»*, гдѣ, въ двухъ книгахъ, въ увлекательной формѣ, изложены біографіи всѣхъ извѣстныхъ, отъ самыхъ древнихъ временъ, французскихъ женщинъ, фаворитокъ, имѣвшихъ часто огромное вліяніе на судьбы этого народа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки:	Съ доставкой на домъ.	Съ пересылкой во всѣ города.
На 12 мѣс.	8 р. — к.	8 р. 50 к.	8 р.
« 6 «	4 « 25 «	4 « 50 «	5 «

Допускается разрочка по полугодично и по третямъ съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 р., во второмъ 3 рубля.

Библиотека "Руниверс"